

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

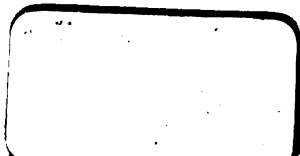
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 278975 d. 152

МОСКВИТЯНИНЪ,

НА 1842 ГОДЪ.

№ 1.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

МОСКВИТЯНИНЪ,

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ.

№ 1.

ВЪ ПОСАДЪ

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ штъмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Москва, Января 6 дня, 1842 года.

Ценсоръ, Профессоръ Н. Крыловъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественная Наука
Академии Наук СССР

753
59

ВЗГЛЯДЪ

НА СОВРЕМЕННОЕ НАПРАВЛЕНІЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Вмѣсто Предисловія ко второму году Москвитинкиа).

Статья первая.

СТОРОНА ЧЕРНАЯ.

Нечего сказать, что велика наша Россія. Воображеніе Русское искони любовалось ея огромностію. Еще безъмянныя наши пѣсни славили широкое раздолье земли Русской; классическій Ломоносовъ, поэтъ чудныхъ образовъ, видѣлъ ее, какъ она облокотилась на Кавказъ; а нашъ богатырь Державинъ величалъ ее не иначе какъ именемъ полусвѣта. И въ самомъ дѣлѣ, если взглянемъ на ея пространство да сравнимъ его съ другими Европейскими Государствами, — не лъзя не удивиться. Изъ одной Россіи можно выкроить, напримѣръ, пашнадацать съ половиною Англій, почти десять Францій, почти десять Опшоманскихъ Имперій и семь Австрійскихъ, съ такимъ еще пришомъ лишкомъ, что его доспанеть на многое множество герцогствъ и княжествъ Германіи. Въ нашемъ владѣніи и сѣверное царство льдовъ, куда не проникала пога ни одного смерпнаго, и вшорая колыбель челоѳвчества, гдѣ оно послѣ пошона въ первый разъ спуцило на землю. Широко разлеглись дороги по всемъ ковцамъ Русскаго царства: если бы изъ подъ нихъ шолько ошобратъ землю, — доспало бы ея, можеть бытъ, на новое королевство въ Европѣ. Разгульно пекушъ многоводныя наши рѣки; невольно подумаешь: что, если бы Волгу, Днѣпръ да Уралъ скапншъ въ шри пошока съ Альповъ на Испанію, — куда бы дѣлись ошъ нихъ Испаніяны? развѣ спаслись бы на высонахъ Аппенинскихъ. А кто измѣ-

риптъ глубину нашихъ лѣсовъ? Огонь пытался; знойное лѣто насылало на нихъ пожары, но все еще остались глубоки лѣса Русскіе. А звуки языка не пришли ли по органамъ народа исполнца? Чья горшань, чья грудь — возьмише любовью изъ народовъ Европейскихъ — вмѣспнише всю широкую полноту нашихъ твердыхъ гласныхъ?

Шекспиръ называлъ Англію драгоценнымъ камнемъ въ оправѣ одного серебрянаго моря; наша Россія — дикій алмазъ, граненый сверху, въ оправѣ семи морей да двухъ океановъ.

Но нигдѣ такъ ярко не выдаются исполницкіе размѣры нашего опечества, какъ въ его двухъ столицахъ, къ которымъ приливаетъ вся жизнь Россіи. Такому царству мало было одной: мало было того, что Москва разметалась привольно по несчешнымъ холмамъ и долинамъ, ушла отъ самыхъ зоркихъ глазъ въ дальные небосклоны, опоясалась лентами садовъ, обвилась безконечною цѣпью бульваровъ, подняла къ небсамъ крепостоглавые храмы и забыла число ихъ, вѣнчалась многобашеннымъ Кремлемъ и золопою маковкою Ивана великаго! . . . Всего этого мало было для Россіи: подавай ей другую столицу.

И явилось тамъ на сѣверѣ новое чудо: здѣсь колоссальныя наши размѣры должны были принять видъ Европейски-правильный. Земля ровной гладью подкашилась подъ городъ, чтобы не нарушать стройности его вида; море само какъ будто нарочно вдвинулось въ прямые берега, и поплыло голубою рѣкою по серединѣ. Цѣлыя поля скруглились въ стройныя площади; площади улицами протянулись въ прямую нитку; улицы пересѣкли ихъ переулками. Для большихъ чудесъ и вода согласилась за одно съ землею: каналы, какъ чистыя рѣчки, голубыми лентами переплели городъ; мосты повисли воздушными арками. Тамъ дикая гранитная гора — символъ древней Руси — покорно легла подъ стѣны

ея великаго Преобразователя; здѣсь другой, цѣльный гранитъ вышняулся къ небу колонной — въ знаменіе другаго царствованія — и осѣнился въ небесахъ крылами Ангела.

Невольно взлетаете мыслию подъ свѣтъ этого небеснаго гонія — и ошпуда смотрите на чудо-городъ. Здѣсь, хотя въ иномъ видѣ, узнаете также нашу Россію. Исполнскіе члены мастери напечатлѣлись въ исполнскихъ членахъ Европейскаго ея сына; здѣсь видна вся гибкость и вся могучесть Русскаго ума: здѣсь онъ мастерски подражаетъ моделямъ Европейскимъ, но все въ широкихъ же размѣрахъ своего Русскаго раздолья.

А проникните въ глубокую нупрь этого города, подумайте, что здѣсь спойтъ многосложная машина Русскаго государства, здѣсь движется она въ непрерывной дѣятельности; сюда примыкають судьбы шестидесяти милліоновъ жителей міра; ошсюда проведены пружины во всѣ концы неизмѣрнаго царства до 13,127 верспъ, — и всѣ эштѣ безчисленные двигатели многосложнаго механизма сводятся весьма просто къ одному, главному и средянному, который вѣреть одной всеправлицей Десницѣ!

А какъ взглянете немного подалѣе на это море, которое лономъ тихаго залива прильнуло къ городу: новое зрѣлище — и новыя думы! Эштѣ волны — связь всего міра съ нашею Россією: тамъ спойтъ лѣтъ кораблей, гошовыхъ лѣтъ въ всѣ страны вселенной; шуда пришекають они со всѣхъ концовъ, съ разнообразными дарами природы и ума человѣческаго.

Когда смотрите на всѣ эштѣ наружныя чудеса Русскаго царства, мысль ваша выроспаетъ сама собою; въ душѣ и въ тѣлѣ прибываетъ сила необъяшная, и слово, это Русское широкое слово, кажется шѣсно, чтобы выразить все величіе, видимое глазами.

Но скажите — среди этого колоссальнаго города, гдѣ все созданное согласуется съ исполнскими размѣ-

рами Россіи — что это там за странное явление, резко проповорѣчающее величію, насъ окружающему? Что это за необыкновенная, безобразная куча, въ родѣ муравьиной, копышется тамъ, своимъ мелкимъ видомъ ярко опличалась отъ всего того, что ее окружаетъ? Съ перваго раза покажется вамъ, что въ ней и много дѣятельности, и большое Европейское движеніе; но подойдите ближе — взгляните — и скоро, передъ глазами вашими, спадетъ эта личина трудолюбія — и опкроется, съ немногими исключеніями, одна лишь праздная суета и превога. Символь почтенный, символъ благородный труда и дѣятельности, наружность обещающая что-то, а если разобрашь, то многіе избранные заняты дѣломъ истинной пользы и предприимлютъ трудъ попомощвенный. Большею же частію, безимянные насѣкомыя работаютъ надъ ничтожною кучею одного бесполезнаго сора. Смотрите, смотрите, какъ они его тащутъ наперерывъ другъ передъ другомъ. Вопъ цѣлыя дюжины пружениковъ гусемъ несутъ переважно и суешливо, каждый свою ежедневную подачу, свою насущную соринку. Смотрите, вопъ тамъ двое взвалили на плеча ноши попяжелъ, и сполкнувшись въ своемъ незавидномъ стремленіи, ревностно и дѣятельно мѣшаютъ другъ другу. Подъ предлогомъ труда, вездѣ видна лишь мелкая спрасъ и расчесъ себялюбивый; суепсы премного, а плодъ одинъ — вырастаетъ лишь куча бесполезнаго сора.

Чтожь это за символъ? Что за странное явление? Что за мѣръ пигмеевъ въ колоссальной столицѣ? Увы! это самая дѣятельная спорона современной Русской лишерашуры!....

Скажите, какъ же это могло случиться? Какъ же это случилось? На яву, или во снѣ мы это видимъ? Давно ли, въ этомъ же исполвинскомъ городѣ, шущъ же, на этомъ же самомъ мѣстѣ, жилъ нашъ примѣрный опшелъникъ, мученикъ труда, поглотившаго жизнь самую чистую и полезную? Давно ли онъ шакъ славно работалъ здѣсь,

самъ и плодникъ, самъ и зодчій овоей Исторіи Государства Россійскаго? Давно ли шуть же была маскерская нашего любимца - Поэша, гдѣ зачинались чудныя думы, гдѣ совершались лучшія, прекраснѣйшія видѣнія Русской Поэзіи? Давно ли, на эпомъ же мѣстѣ дѣйствовали славныя другія богатыри нашей Словеоноопи? И что же? Теперь или совсѣмъ нѣтъ ихъ, или они уюмкли и вошли со сцены дѣйствіа!.... На мѣсто прежнихъ славныхъ лицъ съ извѣстнымъ образомъ мыслей и характеромъ, на мѣсто липераторовъ, именами своими украшавшихъ славу своего ошечества, поступили компаніи журнальныя, образуемая наборомъ перьевъ безъимянныхъ!.... Въ нихъ видимъ мы какія-то себирательныя лица, въ кошорыхъ совокупляется множество писателей, извѣстныхъ и неавѣстныхъ, въ опдѣльныя массы, управляемыя невидимомъ сялою внутренняго приращенія.

Но конечно, эта общественная сила, связующая теперь пишуцій міръ нашъ и двигающая сотни молодыхъ перьевъ, могла бы бытъ очень полезна, еслибы какія нибудь особенныя мнѣнія одушевляли дѣятелей, еслибы сильная, исполнская мысль, достойный плодъ величія сѣверной сполницы, жила и дышала во всемъ эпомъ наружномъ движеніи!.. Цѣль шуть еопь, но увы! не сошвѣтствуюеть она величію, нами описанному. Однако, прежде нежели мы ее разгадаемъ и выскажемъ, намъ должно обратиться къ причинамъ шакого явленія: не любопытно ли, не необходимо ли даже, для принимающихъ искреннее участіе въ ходѣ Русской Литературы, объяснить себѣ — какъ же могла произойти шакая перемѣна? Какъ имена великихъ дѣйствователей нашихъ смѣнились прозвищами журналовъ? Какъ за періодомъ лицъ извѣснаго характера и направленія могъ последовать у насъ періодъ журнальныхъ компаній? Чтобы ошвѣтить на эпшъ вопросы, мы должны на время развернуть несложную льшописъ Словесности Русской, и взглянуть, бѣгло на развитіе литературнаго образованія у насъ въ читающей публикѣ.

Уже давно всѣмъ извѣстно, что литература всякой націи бываетъ словеснымъ выраженіемъ всей ея жизни. Жизнь эта изъ многихъ элементовъ слагается — и смотря по развитію, болѣе или менѣе полному сихъ послѣднихъ, бываетъ болѣе или менѣе полно развитіе литературы. Древняя Русь въ жизни своей раскрыла три элемента главныхъ: первый, важнѣйшій, былъ элементъ Церкви, числный и духовный; второй государственный; третій — народный. Первый выразился у насъ въ богатой Словесности церковной: искусные переводы всей Христіанской литературы начиная отъ книгъ Священнаго Писанія и Богослужебныхъ до всѣхъ безъ исключенія твореній Святыхъ Отцевъ нашей Церкви, Житія Святыхъ какъ всѣхъ вообще, такъ и нашихъ народныхъ, поучительныя слова и краснорѣчивыя посланія составляющія богатую сокровищницу эпохи, отражающаго въ словъ духовную жизнь древней Русской націи. Элементъ государственный сказался у насъ въ государственныхъ лѣтописяхъ, писанныхъ по большей части духовными лицами, наблюдавшими Исторію съ религіозно-нравственной точки зрѣнія, съ нѣкоторыми однако исключеніями; въ посланіяхъ, поученіяхъ и письмахъ Великихъ Князей и Царей древней Руси, — и въ актахъ государственныхъ. Наконецъ третій элементъ чисто-народный выразился въ дѣсяхъ, сказкахъ, притчахъ, поговоркахъ и пословицахъ, обнимавшихъ весь бытъ народа и духъ его. Церковная литература усовершенствовала языкъ, понятный народу, но нѣтъ нѣкопери свои особенныя формы, удалившія его отъ языка обыкновеннаго. Литература народа выражалась на его живомъ, числомъ нарѣчій, образовавшемъ особенныя поэтическія формы. Литература государственная, можно сказать, мирала объ эпѣ схири, занимая нѣкоторыя формы отъ языка Церкви и приравливаясь согласно съ потребностями своими къ живому языку народа.

Но для полнаго развитія литературы нашей недоставало еще двухъ элементовъ — ученнаго и обще-

сшвеннаго. Въ древней Руси не было науки, свободно развивающей умъ; не было общества, которое связуетъ всѣ прочіе элементы воедино, и даетъ имъ жизнь взаимную. По этому литература наша не могла принять ни ученаго, ни общественнаго характера.

Эти новыя условія внесены были преобразованиемъ Петра Великаго. Но Пётръ не могъ насладиться его плодами, потому что плоды умственной жизни въ народѣ не такъ скоро спѣютъ, какъ плоды внѣшней, воишской и промышленной его жизни. Петромъ приготовлены были у насъ всѣ условія, необходимыя для развитія литературы общественной, наравнѣ съ прочими государствами Европы: самое же дѣло исполнено, какъ извѣстно, позднѣе, гениемъ Ломоносова.

Еще Батюшковъ глубокомысленно замѣтилъ, что Ломоносовъ былъ поже въ литературу нашей, что Пётръ Великій въ жизни государственной. Въ самомъ дѣлѣ, подражая Венцеславу плотнику и зодчему, мажпру и адмиралу, солдату и полководцу, первому работнику своего царства и первому администратору, Ломоносовъ былъ у насъ въ одно и поже время Грамматикомъ, Поэтомъ во всѣхъ родахъ, Риторомъ, Орапоромъ, Историкомъ, Испытателемъ, Филологомъ и создателемъ новаго Русскаго языка въ литературу. На немъ лежало: и дать во всемъ первые образцы въ Словесности, и сообщить публикѣ по литературное образование, безъ котораго Авпоръ не имѣлъ бы читателей.

Русская Словесность въ лицѣ Ломоносова вышла изъ Двора и изъ Академіи, такъ какъ и Европейское образование наше. По этому получила она характеръ придворный и ученый: Оды Ломоносова отъ лица Академіи и Русскаго предшавившя ея, Поэта, были посвящаемы Двору. Ясно, почему кругъ читателей Ломоносова былъ ограниченъ; таково было образованное общество времени Елисаветы.

VIII

Зерно Европейско-Русской литературы, посаженное Домоносовымъ, принесло во времена Екатерины всѣ плоды свои, какіе только оно могло принести. Это царствование, справедливо называемое у насъ въкомъ, представляетъ полное развитіе литературнаго образованія по стѣмъ началамъ, какія положены были Домоносовымъ. Поэзія наша произвела тогда всѣ роды — и нѣкоторыя съ большимъ успѣхомъ. Языкъ Русскій былъ разработанъ Академіею съ той же точности зрѣнія, которая принадлежала первому его мастеру. Все что замѣчательнаго содержали въ себѣ современныя иностранныя литературы, все что входило такъ сказать въ классическій канонъ словесности Европейской XVIII вѣка, изъ древности Греческой и Римской, изъ литературъ новыхъ народовъ, все это было переведено по Русски во времена Екатерины, въ формахъ Русской рѣчи, завѣщанной литературѣ нашей Домоносовымъ. Мы можемъ искренно сознаваться, что испекшій вѣкъ, въ этомъ отношеніи, опередилъ вѣкъ, въ которомъ мы живемъ. Со времени Карамзина, рѣчь Русская, какъ извѣстно, измѣнилась; но мы еще не сочли за нужное передать снова и классическую древность и образцы литературъ Европейскихъ въ новыхъ формахъ Русскаго слова, обратившихся въ собственность всей просвѣщенной части народа. Въ прошломъ вѣкѣ, каждый образованный Русскій могъ, довольствуясь однимъ языкомъ отечественнымъ, прочесть на немъ въ формахъ Домоносовской рѣчи, все что входило въ современное полное литературное образованіе сего столѣтія. Въ наше время Русскіе читатели лишены такого преимущества, потому что мы еще далеко не разработали новой рѣчи Карамзинской на всемъ томъ пространствѣ дѣятельности, которая необходима для образованія, соотвѣтствующаго нашимъ потребностямъ. Мы не подумали даже достойно передать древнихъ въ формахъ эпохи новой Русской рѣчи. Вы встрѣтите до сихъ поръ въ обществѣ нашемъ людей Екатерининскаго вѣка, литературное образованіе которыхъ, на Русскомъ языкѣ ими совершенное, гораздо

пользе современнаго намъ. Конечно, принашъся должно, что поле, предстоящее намъ для разработки, гораздо многосложнѣе и богаче; но это не извиненіе для насъ въ медлительности нашей и еще менѣе въ уклоненіи отъ того истиннаго пути, который мы оставили, увлеченные другими стремленіями.

Если кругъ читателей, современныхъ Ломоносову, ограничивался только обществомъ придворныхъ и ученыхъ, то при Екатеринѣ онъ распространился уже на вершины большаго свѣта, на обѣ столицы въ ея лучшихъ кругахъ и на все избранное во внутренности государства.

Образованность Европейская, разлившаяся у насъ по высшимъ классамъ, особенно въ стѣхъ семействахъ, въ которыхъ она не мѣшала народному духу и воспитанію, а выражалась на языкѣ Русскомъ, — породила новыя потребности. Общество, подѣ влияніемъ новыхъ Европейскихъ языковъ, изъ стихій своего народнаго, обыкновеннаго языка, при содѣйствіи рѣчи Ломоносова и его классическаго вкуса, образовало наконецъ свой собственный, новый, разговорный языкъ, носившій на себѣ печать живую и свѣжую того Европейско-Русскаго просвѣщенія, которое на немъ выражалось. Не мудрено, что формы литературной рѣчи, такъ какъ создалъ ее прежде Ломоносовъ, показались слишкомъ устарѣвшими и несоответственными новымъ потребностямъ. Все это постигнувъ Карамзинъ своимъ просподушнымъ геніемъ и Русскимъ слухомъ, какого еще на Руси не бывало въ отношеніи къ языку опечесивенному.

Ломоносовъ и Карамзинъ, этъ два генія Русскаго слова, опираваясь отъ началъ совершенно противоположныхъ, сошлись однако между собою въ главномъ результатѣ, въ отношеніи къ сокровищницѣ Словено-Русской, завѣщанной намъ величавою нашею древностію. Ломоносовъ освободилъ языкъ Русской изъ-подъ оковъ языка Словено-Церковнаго касательно его грамматикки,

но относительно выраженія, относительно слога, подчинилъ народный языкъ языку Словено-Церковному. Въ эпюяхъ заключается великій его подвигъ. Могъ ли онъ, какъ литераторъ, какъ создатель языка, отвергнуть всю эту древнюю сокровищницу, которая предлагала такіе богатые матеріалы для выраженія въ языкъ? Самъ принадлежа своимъ воспианіемъ древней Руси, Ломоносовъ не могъ и не долженъ былъ этого сдѣлать. Карамзинъ, какъ сказали мы, отпразднелъ отъ начала совершенно противоположнаго: онъ обратился насъ къ формамъ общесвеннаго разговорнаго языка, который вновь образовался взаимнымъ содѣйствіемъ Европейскаго воспианія, основаннаго на языкахъ новыхъ, и спихн національной, содержавшейся въ литературѣ и въ духѣ того общества, откуда вышелъ Карамзинъ. Должно замѣнить, что все литературное, славно дѣйствовавшее у насъ на языкъ и народъ, выходило по большей части изъ того благороднаго круга, въ которомъ совершалось примиреніе преобразованія Европейскаго съ духомъ и потребностями Русской жизни, гдѣ не исключались языки иностранные, какъ орудія, необходимыя къ образованію, но гдѣ въ тоже время и Русскій языкъ не уступалъ имъ своего законнаго первенства. Изъ такого-то круга вышелъ и Карамзинъ.

Сначала увлеченный новыми потребностями своихъ современниковъ, формою живой разговорной рѣчи, онъ какъ будто совершенно отвергнулъ эту связь по языку съ древнею Руссю, на которую указалъ намъ Ломоносовъ. Но за то послѣ, когда тотъ же Карамзинъ принялся рассказывать намъ древнюю жизнь нашего общества и перечислялъ для этой цѣли все памятники нашего древняго слова, — онъ сошелся въ мысли съ своимъ предшественникомъ, и въ изящную оправу своей новой рѣчи вставлялъ чудные перлы и алмазы древне-Русскаго языка, открытые имъ въ хранилищѣ запылившей старины его. Слогъ послѣднихъ трудовъ Исторія Государства Россійскаго — яркое тому свидѣтельство. Не лзя не замѣнить, что послѣдняя мысль Карамзина.

заключительное направленіе его, не были еще до сихъ поръ поспавлены наукою въ надлежащемъ свѣтъ.

Карамзину принадлежишь подвигъ окончательнаго созданія нашей общесивенной липературы: онъ совершилъ его, подруживъ навсегда языкъ сей послѣдней съ живымъ языкомъ образованнаго общества и указавъ ихъ настоящее, взаимное отношеніе. Кругъ чинашелей Карамзина былъ уже кругъ всей той Россіи, въ кошорой мирилось Европейское просвѣщеніе съ народною спихіею. Карамзинъ очинилъ для всѣхъ перо современной Русской прозы, кошорымъ мы всѣ безъ исключенія пишемъ. — Эшь сонни современныхъ, безъ имени скрипящихъ перьевъ, очинены всѣ, хошя и не такъ изящно, по образу славнаго пера его. Жуковский и Башпошковъ, въ свою очередь, извлекли новый Русской спихъ изъ живаго языка общесивеннаго; они низвели поэзію нашу съ вышомъ Лашино-Словенскаго Парнасса въ жизнь лучшаго свѣта, и облекли ее простою, но прекрасною одеждою живой Русской рѣчи. Вся эша школа вѣнчалась самою свѣплою звѣздою поэшическаго геція Пушкина, кошорый пошелъ еще далѣе, и сочепалъ Поэзію художесивенную съ Поэзіею народною. Пушкина чинала ж переписывала вся Россія образованная: его пѣсни сдѣлались собсivenessью даже того класса, кошорый можетъ только перенимать памяшью, а не чпеніемъ. Пушкинъ, можно сказать, черезъ искусство возвратилъ Поэзію къ тому простому источнику, откуда она первоначально вышла. Ему принадлежишь подвигъ поэшическаго образованія въ Русскомъ народѣ. Онъ подарилъ намъ во всеобщее достояніе Русской изящной спихъ, какъ прежде Карамзинъ подарилъ намъ шакую же прозу. Отъ Пушкина ведеть свое начало у насъ многочисленное племя безымянныхъ или безличныхъ спихошворцевъ, равно какъ отъ Карамзина племя шакихъ же прозаиковъ.

Извлечемъ нѣкошорыя слѣдсшвія изъ сказаннаго нами.

Въ шеченіи спольштія, считая отъ 1739 года, когда написана первая Ода Ломоносова, до 1837, года

смерти Пушкина, совершенно подвигамъ славныхъ писателей нашихъ новое Литературное образованіе нашего Отечества, тѣсно связанное съ жизнію общественною.

Все это время распадается на два отдѣла, изъ которыхъ въ первомъ мы видимъ, какъ литература сверху дѣйствуетъ на общество, во второмъ, какъ общество съ своей стороны совершаетъ воздѣйствіе на литературу.

Это образованіе слѣдуетъ у насъ помногу же пушкинскому, какому слѣдовало въ древнемъ Римѣ. Оно всходитъ какъ солнце и сначала золотитъ однѣ вершины горъ, а потомъ мало помалу проникаетъ лучами и въ глубокія долины. Такъ образованіе литературное начинается у насъ съ вершинъ общества и постепенно проникаетъ всюду.

Кругъ дѣйствія литературнаго, кругъ читателей распространяется болѣе и болѣе; тѣсенъ былъ онъ еще во времена Ломоносова; шире и шире во времена Екатерины; распространился еще болѣе при Карамзинѣ; достигъ до самыхъ отдаленныхъ слоевъ читающаго общества при Пушкинѣ: это кругъ воли, разливающейся быстро отъ камня, брошеннаго въ ихъ середину. При Ломоносовѣ чтеніе было напряженнымъ занятіемъ; при Екатеринѣ спало роскошью образованности, привилегією избранныхъ; при Карамзинѣ необходимымъ признакомъ просвѣщенія; при Жуковскомъ и Пушкинѣ потребностію общества.

Вѣчная, добрая память опжившимъ, многія лѣта еще живущимъ, благодарность и слава всемъ вообще вамъ, герои Русскаго слова, создавшие литературное образованіе въ нашемъ отечествѣ, возведшіе литературу на степенъ потребності общественной! Вы сознали въ себѣ могучій духъ своего народа; вы раскрыли его умственныя и нравственныя силы; вы зародили въ этомъ исполнить вѣчно-бьющую мысль, которая не переспанетъ уже больше, какъ пульсъ духовной его жизни; вы дали ему вкусить самыя чистыя и благородныя наслажденія ума, фантазій и вкуса, и обратили ихъ въ прекрасную, человѣческую его нужду; вы украсили ему праздни-

вынѣ Европейскимъ варядомъ собспвенный языкъ его ; вы сошворили изъ него могучее Русское орудіе всечеловѣческаго духа, изящную и народную нашу оправу для всемірной мысли и для всемірнаго чувства ; подвигами генія и шруда вы облегчили употребленіе вашего языка для всѣхъ; вы дали его въ общее, безправное достояніе всѣмъ и каждому, даже и пѣмъ, копорые шеперь, пользуясь вашимъ же наслѣдствомъ, вашу же священную память оскорбляютъ духомъ неуваженія; неблагодарные, кусаютъ сосцы кормилицы ихъ воспитавшей ; кидаютъ грязью въ пастъ, копорые вызвали ихъ изъ презрѣннаго ничипожества, и вамъ же въ глаза мечутъ ваше же перо, но искаженное ихъ безвкусіемъ и невѣжествомъ. Слава и благодарностъ вамъ, сильные двигатели Русской мысли и слова, опъ лица науки, опъ лица преданія, опъ лица всѣхъ вашихъ достойныхъ питомцевъ, всѣхъ мыслящихъ поколѣній и шашоющей и будущей Россіи!

Но во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, какъ бы ни было оно благородно, велико, и прекрасно, окажется непременно шпорона слабая. За всякимъ добромъ, опъ чловѣка распушимъ, слѣдуетъ зло неизбежное : шакое ужъ видно жребій чловѣка на землѣ, въ его падшемъ сосшояніи. Такъ сбилось и съ вашимъ славнымъ подвигомъ — съ подвигомъ водворенія литературнаго образованія въ вашемъ Опечествѣ.

Вы, какъ сказано было, своими безкорыстными шрудами поспавали литературу въ число пошребностей общешпвенной Русской жизни ; вы породили въ общество Русское благородную жажду къ чшенію — и воптъ, со всѣхъ концевъ Россіи, изъ разныхъ ея сословій, даже и низшихъ, двинулась несмѣшная масса читателей, и со всѣхъ шпоронъ раздался возбужденный вами, благодарный голось ; читашь! читашь! читашь!

Читашь?... Чистая, безкорыстная, благородная жажда умшвенной пищи! Какое въ пещь сильное орудіе къ образованію народа! Какое средство къ шому, чшобы

вызвашь въ немъ все лучшее , все высоко человеческое; чтобы передать ему все то, что великаго создали другія націи, въ попомощвенное достояніе своимъ наследникамъ! Чудный каналъ для сообщенія съ народомъ во всѣхъ самыхъ непроницаемыхъ слояхъ его! Дивная электрическая цѣпь мысли, могущая связать всѣхъ въ одно! Вы дали это намъ: это вашъ подвигъ , герои Русскаго слова, это ваша заслуга Опечеспву !

Что , еслибы только одни избранные, одни люди по призванію, благороднѣйшіе сосуды въ массѣ народной, могли разливашь добро свое черезъ этотъ каналъ всемірнаго общенія! Но, къ сожалѣнію , не такъ бываетъ. Не всѣ смотрятъ на него какъ на что-то священное — и что еще? Когда онъ шире открывается, когда спивнишешь доступенъ для всѣхъ — тогда-то въ особенности ошкуда ли берутся люди пришлые , люди незваные!.. Они смотрятъ на него уже съ другой спороны; для нихъ этотъ каналъ — источникъ ихъ собственнаго обогащенія ; для нихъ всѣ эти чашатели не иное что, какъ выгодные попребиштели ихъ произведеній; для нихъ литература не цѣль , а средство. . .

Думали ли вы , создатели Русскаго слова , пруженики безкорышніе, что святое дѣло ваше искажшся? Сами вы почти не наслаждались выгодами, копорыя приготовили для другихъ: у васъ награда за трудъ была дѣломъ побочнымъ, не цѣлью вашихъ невольныхъ вдохновеній. Одинъ изъ васъ болѣе другихъ пользовался вещеспственными плодами жашвы, вами приготовленной. Онъ жилъ уже въ ту пору, когда литература общеспвенная, вашими и его подвигами, достигла у насъ высшаго , художеспвеннаго развишя. Онъ самъ былъ ея полнымъ, роскошнымъ цвѣшомъ, блисталъ и красовался на всю Русь, и она, вмѣстѣ съ даями удивленія , несла ему и золотыя обольшшительныя данш; но онъ не увлекался ими, и память его не будетъ оскорблена гвѣмъ, чтобы онъ когда нибудь пожертвовалъ золоту хотя однимъ своимъ вдохновеніемъ. Въ лицѣ его вниманіемъ

публики награжденъ былъ достойно вашъ славный подвигъ ; но думали ли вы , что жатва литературы общественной , вами такъ честно воздѣланная , будетъ пригословлена для людей , къ которымъ въ вашемъ сердцѣ никогда не возможно бы было сочувствіе ?

Такъ весело сношѣ въ полѣ и тяжелымъ коломъ гнется къ низу воспѣвая нива : честные земледѣльцы положили въ нее трудъ свой ; благосклонное небо ее поливало и грѣло : оспалось одно легкое , послѣднее дѣло— снятъ и побребитъ ее. Но вопль— смотрише—что это тамъ за сѣрая шуча на небосклонѣ ? Какъ будто изъ мелкихъ крылатыхъ почекъ вся сошкана—и лепишь быспро , жадно на чужой плодъ . . . Это саранча—настоящій побребитель пригословленной жатвы . . . Нагло предоставляешъ она себѣ послѣднее легкое дѣло , бросаешся на ниву и ѣсть ее.

Такъ за періодомъ созданія литературы общественной слѣдуетъ въ добавокъ переходное время литературы торговой ; въ слѣдъ за безкорыстными художниками слова выходитъ рядъ писателей-промышленниковъ. Не можешъ быть иначе въ литературу , ставшей потребностью человѣческаго общества : будучи плодомъ ума съ одной стороны , она является уже предметомъ торговли съ другой.

Намъ суждено жить во время этого перехода и испытывать всѣ его непріятности. Назадъ тому ровно семь лѣтъ , я осмѣлился противъ этого промышленнаго направленія современной Русской литературы сказать прямое слово , и встрѣтилъ много противорѣчій. Не спрашно было мнѣ , что слова мои возбудили противъ меня главныхъ героевъ этого промышленнаго міра ; но конечно спрашно было встрѣтитъ противорѣчіе даже и въ тѣхъ , которые не могли сочувствовать мнѣ послѣднимъ. Думали , что я хочу опинять у литератора честную , должную ему награду за трудъ его ; что я хочу превратить писателя въ какого-то

невозможно-идеальнаго пруженика, копорый совершенно опречался бы опть всякой видимой пользы, посвящая себя на одно опвлеченное служеніе другимъ. Я не подалъ, сколько мнѣ поминишь, никакого поводу къ такому исполкованію моихъ мнѣній. Нынѣ, когда эшо промышленное направленіе Русской Словесности, пропивъ кошорога погда я воспавалъ, достигаютъ самыхъ вредныхъ крайностей, я надюсь встрѣпишь болве опгомосковъ на то, что выражаю искренно.

Но во всякомъ случаѣ считаю за нужное оговориться пропивъ могущихъ быть возраженій — и для того, чтобы избѣжашъ недоразумѣній всякаго рода, ярко выставлю теперь всѣ признаки того промышленнаго духа, всѣ явленія того торговаго міра, среди котораго большею частію обращается современная дѣятельность нашей Литературы. Въ такомъ щекотливомъ разборѣ нахожу приличнымъ не именовать никого, а если бы кому угодно было принять сказанное на свой счетъ, я умываю руки и опсылаю такого къ его совѣсти.

Литераторъ, какъ всякой дѣятельный членъ общества, по мѣрѣ таланта своего и заслугъ, имѣетъ полное право на достойную вещественную награду за труды свои, копорая однако не главная цѣль его, а только необходимое, справедливое слѣдствіе его трудолюбія, и никто, конечно, у него эшой награды не опниметъ. Но опличите же эптого добросовѣстнаго пруженика опть литератора-промышленника, копорый званіе свое обращаетъ въ ремесло, и въ одной лишь прибыли вещественной полагаетъ всю силу своихъ убѣжденій.

Литераторъ-промышленникъ?... спроситъ въ кошорые. Да полно, возможенъ ли онъ? Вѣдь все таки трудъ нуженъ талантъ, нужно призваніе! А если шакъ, то чѣмъ же вы опличите промышленника опть дѣятеля по призванію? Какъ осуждать чужія убѣжденія? Какую положитъ мѣру въ спрогомъ вашемъ судѣ? Въ опвѣсть на

всѣ эти вопросы, я постараюсь теперь изложить биографію литератора-промышленника у насъ въ Россіи въ генерическомъ смыслѣ, безъ примѣненія къ какимъ бы то ни было лицамъ, главные, общіе черты его характера, и виды, въ копорыхъ онъ у насъ являлся.

Литераторъ-промышленникъ, какъ ясно изъ сказаннаго прежде, могъ родиться у насъ только въ такое время, когда литература сдѣлалась потребностью общественной жизни и благородная жажда къ чтенію пробудилась почти во всѣхъ концахъ Россіи. Выступивъ слѣдомъ за великими совершителями этого славнаго дѣла, литераторъ-промышленникъ любитъ и теперь примыкается къ нимъ, подражаетъ ихъ чистому и безкорыстному виду, и нагло будетъ увѣрять васъ, что онъ продолжаетъ попрежнему самый подвигъ, какой совершали они; но вы ему не вѣрите. Онъ дерзко скажетъ вамъ: вы видите — я работаю надъ дѣломъ языка литературнаго; я посвящаю себя самому упоминательному служенію; я распространяю мысли въ своемъ народѣ; я пишу чистотелъ... это его обыкновенная поговорка. Но все это ложь: языкъ достался ему отъ другихъ, копорые истинно надъ нимъ трудились и его достойно воздвигли; онъ только искажилъ его, или превратилъ въ легкое средство говорить обо всемъ не мысля; онъ служилъ литературѣ поному только, что ей служить стало легко и выгодно: иначе онъ готовъ бы былъ и перемѣнить свое служеніе; не мысли распространяетъ онъ, а одни пошлыя, общія мѣста, изъ копорыхъ самъ онъ весь сошканъ; не чистотелъ образованныхъ плодовитъ онъ, а пусыхъ себя же пошребителей празднаго чтенія, для копорыхъ книга не много полагородитъ трубки табаку или карпъ.... Нѣтъ, ни одного образованнаго чистотела не произвелъ онъ; онъ только испортилъ чужихъ — и ошналъ новыхъ у писателей достойныхъ, заранее сказавъ ихъ вкусъ и угодивъ ихъ вѣзжеству своимъ пошлымъ шарлапанствомъ.

Зная, что Ломоносовъ вышелъ изъ хижины, литераторъ-промышленникъ любитъ также высказывать

иногда передъ свѣтомъ, если случится, свое невысокое происхожденіе. Но то, чшбъ въ Ломоносовѣ было явленіемъ великимъ, — въ немъ одна обманчивая личина выгоднаго ему щещеславія. Дѣло въ томъ, что Ломоносовъ, въ нагольномъ шулупѣ прибѣжавъ въ Москву учиться, изъ рыбака спалъ первымъ ученымъ въ Россіи, — а онъ до конца своего не выйдетъ изъ плохихъ самоучекъ, и плодитъ сонни пакихъ же.

Самъ ничему классически не учившись, онъ врагъ науки и всякаго классическаго ученія, врагъ по инстинкту: потому что онъ науки и онъ ея пружениковъ онъ предвидитъ себѣ неминуемую гибель.

Характера онъ не имѣетъ: никакая особенная личность не опмѣчаетъ его бытія. Не говоря уже о нравственныхъ убѣжденіяхъ, копорыхъ и пишутъ онъ не можетъ, онъ чуждъ совершенно всякихъ убѣжденій умственныхъ. Безхарактерность его опзывается даже и въ слогъ какою-то спранныю пустошю.

Любопытно высчитывать виды, въ копорыхъ онъ являлся у насъ: эптъ превращенія стбуютъ право превращеній Русалки.

Воптъ онъ въ видѣ купца: и въ лишерашуру онъ вводитъ всѣ купеческіе пріемы, всю шорговую оборопливоспъ. Здѣсь онъ также продаетъ поваръ лицомъ, подчиваетъ искуснымъ заглавіемъ, завлекаетъ новизною. Смошрише, какъ онъ угодливъ со всеми: либераль съ либералами, философъ съ философами, весельчакъ съ весельчаками. Съ равнымъ участіемъ говоритъ онъ дамамъ объ модахъ, юношамъ объ Философіи, не понимая ея вмѣстѣ съ ними, и гошовъ читають уроки обо всемъ, хошъ на примѣръ о Румынскомъ языкѣ и о Полишической экономіи.—Его на все спанетъ,—но за то яркими слѣдами невѣжества онъ печашлетъ всѣ пруды свои.

Воптъ онъ въ видѣ аваншюриспа.... Безъ опчизны, спранспшоваль онъ по Божьему міру и искалъ приключеній.... Былъ всѣмъ, чѣмъ хопише.... Случайно попалъ сюда — и выбралъ нашу лишерашуру новымъ для себя приключеніемъ.

Что можетъ бытьъ суше и серьезнѣе Грамматики? по вошъ онъ изъ Грамматики охотно спановишся газетчикомъ; изъ ориенталистовъ гошовъ идиши въ увеселители публики, надѣшь на себя колпакъ смѣшнаго дурачества, звенѣшь бубенчиками на всѣхъ прохожихъ и веселишь читающій народъ своими фарсами на счетъ всей липерашуры, до которой ему нѣтъ дѣла.

Онъ писалъ романы, но они надѣли его читателямъ, надѣли наконецъ и ему самому; — изъ романиста онъ превращаешся въ спанистика и берешся вамъ описатъ самое великое царство, но и шупъ неудача. Чшоже? онъ идешь въ экономы — и очень доволенъ своею судьбою. Върше послѣ этого его познаніямъ въ экономіи, какъ вы върли его знаніямъ въ спанистикѣ и его пазншу въ романахъ.

Вошъ онъ ужъ въ видѣ повѣствовательной машины: бросьте въ нее любое происшествіе, изъ любого народа, изъ какого хопише вѣка, бросьте любой анекдотъ, даже хопъ картинку.... Завтра же чудная машина превращаешъ вамъ все это въ повѣсть.

Масперъ онъ большой на великія предпріятія — и шощасъ смекаешъ, гдѣ бы можно ему пригрѣшь для себя доброе мѣсто. — Спояли почтенныя кресла: кто-то великій оспавилъ ихъ, совершивъ шрудъ долготпный, священный, испощившій жизнь дѣшельную: никто не осмѣлился присшупишь къ вшѣмъ кресламъ и всѣ уважали покинутое мѣсто. А онъ — шупъ какъ шупъ, бросился на нихъ, развалился опважно и объявилъ, что въ одинъ годъ сдѣлаешъ вамъ еще болѣе, нежели сколько великій мужъ совершилъ въ шеченіи всей своей жизни — и что же? ему на время повѣрили.

На всѣ произведенія художественной липерашуры успѣлъ онъ навешти уровень ходячей пошлости. Переимчиво схватилъ факшуру драмы, романа, повѣсти, водевиля. . . . Брался за все, но въ романѣ поршилъ испорцію, въ повѣсти коверкалъ жизнь, въ водевилѣ напугивалъ оспроуміе, въ драмѣ искажалъ патриотизмъ — и вездѣ плодилъ одно безвкусіе. . . Нѣтъ шакого сла-

наго имени, копорое бы его оспановило, копорое внушило бы ему благоговѣніе. . . На всѣ славы міра онъ смошрипъ только какъ на средства для своихъ производствъ... Перевеспи Шекспира, Гёше—ему ни по чемъ. Онъ перебѣспъ у всѣхъ, предупредишъ всякаго; — но ко всему прилѣспипъ неизбежно пошлое клеймо своего вѣчноцеховаго масшерспва, изъ копораго выходятъ всѣ издѣлья пера его.

Но довольно о подвигахъ липературнаго промышленника у насъ въ Россіи. Онъ шеперь увѣнчалъ свое спремленіе: онъ на высшемъ апогеѣ своей славы и своего блаженспва. Никогда еще ему не было такъ хорошо у насъ, какъ шеперь. Его изображеніе объясняетъ намъ и явленіе пѣхъ журнальныхъ компаний, копорыя оспановили вниманіе наше при первомъ взглядѣ на современное направленіе Русской липературы.

Въ шо время, когда писатель - промышленникъ достигаетъ главной роли въ какой-либо липературѣ и является на первомъ планѣ ея дѣиспвій, — его безхарактерность и безличность сообщается массѣ многихъ новыхъ перьевъ, выспушающихъ на поприще. Духъ его шорговой оборопливости переходитъ къ нимъ — а въ шорговѣ есть уже зародышъ общишельности: опсюда и журнальыя компаніи. Въ нихъ продолжаетъ жизнь свою липературный промышленникъ; въ нихъ достигается онъ крайней своей цѣли, распложаясь общинами; въ нихъ, уничтожая личные характеры писателей, дѣиспвующіе опъ мысли и убѣжденія, онъ сливаетъ все въ одну массу, движимую однимъ его шорговымъ духомъ. Признаки всего эпого ярко выдаются намъ изъ большей части журналовъ, дѣиспвующихъ въ нашей сѣверной столицѣ.

Что такое каждый изъ нихъ? Чтобы объяснить себѣ эпо, надобно припомнишъ мѣвнѣ пѣхъ, копорые почитали Гомера лицомъ генерическимъ и думали, что эпѣмъ именемъ означены всѣ пѣвцы цѣлыхъ двухъ сполѣпій первоначальной Греціи. Такъ и въ каждый изъ эпѣхъ журналовъ входитъ множесшво лицъ, соспавля-

ющих какое-то одно накопленное целое, какой-то произвольный агрегатъ, или правильнѣе журнальную компанію. Немногія извѣстные имена являются въ этихъ сборникахъ, гдѣ шрудятся соими недавно очиненныхъ перьевъ, Богъ знаетъ кому принадлежащихъ. Изрѣдка шолько какое либудъ извѣстное перо мелькаетъ среди ихъ, блистая особенностью мысли, чувства, характера, слога; прочее же все сливается, какъ млечный пушъ, въ однообразную, невспшвенную массу. Всѣ эти журнальныя компаніи имѣютъ своихъ особенныхъ предводителей: сихъ послѣднихъ можно бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сравнить съ воинственными кондоштери среднихъ временъ Италіи, за исключеніемъ храбрости и великодушія, какими шѣ отличались. Они будшо бы взяли опъ шѣхъ — необыкновенную рѣшительность и дерзость; они шакже избираютъ себѣ бодрое войско вишязей пера и управляютъ имъ самостпоятельно, свачала лаская одно ихъ честолюбіе, пошомъ удовлетворяя и другой спроси, мѣтѣ благородной; они шакже спараются имѣть у себя невзѣшнаго, безымяннаго рыцаря, въ маскѣ и забралѣ, съ меднымъ лбомъ и размашистою рукою, гошоваго на всѣхъ и на все, и ни передъ кѣмъ не ломающаго шапки. Ихъ журналы похожи на феодальныя замки Италіянскихъ кондоштери: въ нихъ хопяшъ они заключишъ всю силу современной липерашуры и господствовашъ единодержавно. Для довершенія сходства, наши кондоштери шакже враждуютъ между собою, пипаютъ взаимную другъ ко другу ненависть, шакже хопяшъ сперешъ другъ друга съ лица земли, шакже имѣютъ по городамъ своихъ вербующихъ агеншовъ, шакже переманиваютъ къ себѣ ликихъ воиновъ, опъ чего и бываетъ въ лагеряхъ Русской Словесности великое множество перебѣжчиковъ, шочно шакъ какъ въ среднія времена Италіи.

Опъ вышней ихъ дѣятельности перейдемъ ко внутренней. Наперерывъ соревнуя другъ передъ другомъ, спараются они передать читателямъ всякую Европейскую новостъ. Должно сказать, что это еще самая луч-

шая, самая похвальная спорона ихъ дѣйствій. Но и здѣсь не безъ грѣха и недоспашковъ: новости эптѣ сообщаются болѣе въ лишературномъ и промышленномъ, нежели въ ученомъ опношеніи; сообщаются наскоро, безъ разбора, безъ сужденій, безъ знанія дѣла, по болшей часпи на вѣру иноспраннымъ журналамъ, и всегда безъ опношенія къ своему опечеству. Если задумають они сообщити вамъ что нибудь ученое, то оно часпо произвольно искажается, иногда же и съ умысломъ повеселитъ чипашелей на счестъ науки. При всей суестѣ и шревогъ, при всей шоропливости, съ какою они передають всякой иноспранный госпинець, вы все-таки по нашимъ журналамъ не можете слѣдити духа и движенія науки и словесности въ Европѣ. Вы узнаете однѣ вышнія новости, множесшво именъ, заглавій, содержаніе почпи всѣхъ романовъ, немногихъ ученыхъ сочиненій и преподабно самую живую мѣшописъ всѣхъ пуспыхъ водевилей, ежедневно раждающихся я умирающихъ въ Парижѣ. Словомъ, въ своихъ донесеніяхъ о Европѣ они удовлетворяють вашему любопытшству, но не вашей любознательности, если вы ее имѣете.

Производительность извѣстныхъ Русскихъ лишераторовъ спановишся годъ опъ году скуднѣе въ эптѣхъ сборникахъ. Дѣльные спашьи Русскихъ ученыхъ, могуція обратишъ на себя общее вниманіе, принадлежатъ въ нихъ къ числу рѣдкостей, пошому что не доставляютъ подписчиковъ. Къ началу года берегутся обыкновененно повѣсти съ извѣстными именами: на прочее же время довольшвуются они или переводами или повѣстями масперспва цеховаго, доставляемыми на подрядъ опъ бездарныхъ фабриканшовъ. Тутъ вы встрѣшитѣ шакія имена, кошорыя можно бы было очестъ за вымышленныя. Въ паланшахъ спихопшворныхъ замѣчается время опъ времени кака-шо скудость: у извѣстныхъ журналовъ естъ свои аббонированные домашніе спиходѣи, кошорыхъ всегда найдете вы на одномъ и помъ же мѣспѣ, съ одними и пѣми же спихами однообразнаго содержанія, ничего вамъ не говорящаго. Ихъ можно бы сравнити съ

пѣми лицами, кошорыхъ случается вамъ встрѣчатиъ поспоявно въ театръ, на извѣстномъ номерѣ кресель; даже говоришь съ ними, не зная кто они, и всегда объ одномъ и помъ же. Такъ я помню, въ одномъ журналѣ, жужжали мнѣ въ уши непрерывно два стихошворца, все пѣснями да элегіями, и оставили до сихъ поръ шакое же шяжкое впечатлѣніе, какое оставляють два комара, жужжащіе вамъ въ уши въ печеніи цѣлой лѣшней ночи.

Нельзя не замѣшпить, что духъ, господствующій въ журнальныхъ компаніяхъ, чрезвычайно вредить развиію молодыхъ писателей. Бѣда шаланливому юношѣ, съ даромъ пера свѣжаго, если онъ ввѣришь свою еще неразвинуую личносшь хипрому журнальному кондошшіери и сольеть себя съ какою нибудь журнальною компаніей. На него они смотрятъ шолько, какъ на средство умножишь число пишущихъ перьевъ въ своей журнальной машинѣ. Сначала льспяшъ его самолюбію похвалами и восклицаніями кабинетными, помъ и публичными, если гдѣ ему случится высшавишь свое имя. Далѣе, среди роскоши споліцы, предспавляющей шолько разнообразныхъ прельщеній, завлекають его и денежною плашой: ничшо пакъ не пріятно молодому человѣку, какъ получашь деньги за первые шруды своего пера, и вмѣстѣ съ шѣмъ ничшо шакъ не губишельно для его шаланша, какъ рановременное ихъ получение. Такимъ образомъ молодой человѣкъ, часшо, ошъ дѣльныхъ занятій наукою, ошъ чистыхъ уединенныхъ приношеній искусству, отвлекается другими видами, ошдаешь себя произволу журнальнаго кондошшіери, и вопшь его молодое, свѣжее перо, подававшее надежды, вспавлено уже въ писальную машину.... Оно пишеть какъ всѣ.... пишеть заурядъ обо всемъ и Богъ знаетъ что.... и эша личносшь, эшошъ характеръ, кошорые могли бы вѣрояшно развиться замѣчательнымъ образомъ на другомъ поприщѣ и при иномъ направленіи, спираються и исчезаютъ въ одной общей массѣ фабрично-липерашурнаго производсшва. Да, мы вполне убѣждены, что ничшо шакъ не вредно развиію чистныхъ, одинокихъ

паланшовъ , какъ эшотъ духъ журнальныхъ компаній , привлекающій ихъ къ себѣ въ свою душную ашмосферу.... Счастливы тѣ , копорые могли омыъ нихъ освободящся и сохранили свободу уединеннаго шруда и чувство благороднаго призванія.

Особенно важна въ журнальныхъ сборникахъ нашихъ пакъ называемая Крипика и Библиографія. Ужь конечно она важна не по своему содержанию и значенію , а пошому , что здѣсь полагаютъ они и ушверждаютъ силу и власшь свою надъ современною Русскою Литературою. Они считаюотъ за нужное сказать свое слово объ каждой выходящей книгѣ , съ одной спороны выказывая пѣмъ свою дѣяшельность передъ публикой , съ другой свое могущество и вліаніе передъ сочинителями и книгопродавцами. Но вся ихъ Библиографія ешь не иное что , какъ весьма искусный опшическій обманъ , копорымъ они увлекаютъ публику. Вы подумаете съ перваго раза , что слѣдя безпрерывно ихъ библиографическую хронику , вы можете имѣшь полное понятіе о движеніи и ходѣ Русской Литературы и учености. Весьма ошибешесь. Они сами по большей часши не читаютъ Русскихъ книгъ , а довольспвуются шолько заглавіемъ и немногими первыми спраницами. Къ шому же нѣшь никакихъ маперіальныхъ средствъ ошдать полный и вѣрный опчетъ обо всѣхъ безъ исключенія книгахъ , какія явились въ теченіи мѣсяца , при шой необузданной срочной поспѣшности , съ какою все эшо у нихъ дѣлаешся. О дѣльныхъ ученыхъ книгахъ вы найдете шолько одни общія мѣста , вамъ ничего не говорящія ; о пустыхъ книжонкахъ извѣстія самыя вѣрныя и подробныя ; здѣсь обыкновенно распочаюотъ они свой увеселишельный юморъ. Невольно думаешъ при эшомъ : какъ журналисты наши должны благословлять всю эшу пишущую челядь , копорая Богъ знаетъ изъ какого міра , Богъ знаетъ изъ какихъ шипографій и Богъ знаетъ для какихъ читашелей , выдаетъ свои романы , повѣсти , спнхи и прочія сочиненія. Если бы не было всей эшой челяди , библиографамъ нашихъ журнальныхъ компаній пришлось бы очень плохо.

Припомнимте сами, чипашель, не случилось ли вамъ, пробъжавши библиографическую хронику иного журнала за нѣскольکو мѣсяцевъ, вспашъ изъ-за чпенія съ головою совершенно пустою, не вынесши изъ него рѣшишельно ни одной мысли, ни одного яснаго воспоминанія объ какой бы шо ни были дѣльной книгѣ; полько и была одна опрада, и шо не во всякомъ журналѣ, раза два, при улыбнушья и размѣяшья какому нибудь забавному фарсу, выкинушюму искусно передъ вами (*).

(*) Если любознательные чипашели хотяшъ имѣть полную добросовѣстную библиографію всѣхъ книгъ, въ Россіи выходящихъ, не включая и журналовъ, съ подробнымъ означеніемъ ихъ главнаго содержанія, расположеннаго въ ученомъ систематическомъ порядкѣ, шо конечно съ такою цѣлю они должны обратиться къ журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія, гдѣ важное это дѣло исполняется съ ошавчнымъ усердіемъ, гдѣ каждая книга, вы можете быть увѣрены, прочтена ошъ начала до конца и выбрано изъ нея въ сокращенія все шо, что содержитъ она въ себѣ примѣчательнаго. Дѣло это совершается не такъ скоро въ этомъ журналѣ, шо поному имено, что скоро оно совершенно быть не можетъ, не смотря ни на какія матеріальныя средства, въ которыхъ эпошъ журналъ недостатка не имѣетъ. Въ особенности со временемъ, эпш обзорнія всей нашей ученой и изящной литературы, такъ дѣльно составляемыя, представляшъ драгоценныя матеріалы для Исторіи нашего образованія ученаго и всякаго. Въ журналѣ оффициальномъ обзорнія такого рода, разумѣется, и не могутъ быть исполняемы иначе, какъ избѣгая всякихъ рѣзкихъ сужденій, которыми нарушилось бы приличіе, свойственное такому журналу. — Шо желательна было бы теперь, чтобы въ дополнение къ этой подробной библиографіи, какой нибудь частный журналъ присоединилъ мнѣнія, излагаемыя не иначе какъ учеными извѣстными, каждымъ по своей наукѣ, которой онъ исключительно посвящилъ себя. Москвитянинъ, сколько силы и средства ему позволяли, старался пособить этому недостатку въ литературѣ нашей и приглашалъ ученыхъ разбирать книги, по ихъ частямъ выходившія. Онъ дѣлалъ, что могъ, хотя во всѣхъ отношеніяхъ не успѣлъ достигнуть цѣли, можетъ быть и поному, что въ дѣлѣ науки гораздо труднѣ водворить духъ совокупности и общенія, нежели въ дѣлѣ торговомъ, основанномъ исключительно на выгодахъ матеріальныхъ. Полная по всѣмъ частямъ ученая Кришка Русская, выражающая мнѣнія лидѣ извѣстныхъ и совершаемая съ знаніемъ дѣла, будетъ еще по видимому долго принадлежать ad pia desideria въ нашей литературѣ. С. III.

Внѣшній характеръ кришки нашихъ журнальныхъ компаний шогъ , что она *безъимянная*. Они находятъ шакъ лучше и гораздо удобнѣе , чтобы ничье имя , ничье лицо не отвѣчало за мнѣнія , основанныя по болъшей частп на какихъ нибудь расчешахъ. Главнѣйшій невидимый дѣйствительный въ этомъ дѣлѣ естъ самъ журнальный кондошпѣри , и безъ особеннаго знанія его скрытыхъ отношеній , вы не можете никакъ проникнуть въ шайный источникъ всѣхъ похвалъ , порицаній и прошиворѣчій , часто поражающихъ васъ своею странностью. При главномъ предводителѣ находишь много неизвѣстныхъ рашиковъ , съ шупыми и восшрыми перьями: мнѣнія эшой журнальной безъимянной челяди , разумѣешь , должны бытъ подчинены во всемъ мнѣнію главнаго кондошпѣри , но и она , гдѣ можешъ , шакже съ своей стороны по мелочи раздаешъ свое покровительшво и выказываешъ свою негрозную ненависть. Прежде было въ особенной модѣ отдавать главную ролю въ кришкѣ какому нибудь забавному весельчаку для пошѣхи чпшателямъ: иногда бывало , что и самъ кондошпѣри , по неимѣнію оспроумнаго пересмѣшника въ своей фалангѣ , бралъ на себя эшу привлекательную ролю. Такой журнальный пересмѣшникъ (clown) , въ своемъ забавномъ колпакѣ и съ наглыми ухвашками , бывалъ иногда весьма оспроуменъ и въ самомъ дѣлѣ смѣшилъ часно своими шушками. Его необыкновенная наивность привлекала даже и такихъ людей , которые не могли сочувствовать пону пересмѣшничества , распространеннаго имъ въ лишературѣ. Но они чпшали его и смѣялись ему шочно шакже , какъ люди хорошаго общества оспанавливаются передъ балкономъ балагана , славящагося оспроумнымъ паясомъ. Впрочемъ , его бубенчики , его шушовской нарядъ , прикрывали иногда и шайный умыселъ. Онъ возсе не принадлежптъ къ числу шѣхъ честныхъ и благородныхъ шуповъ , которые дурачество употребляютъ личною для какой нибудь полезной истины. Онъ весьма искренно не уважалъ никого ; даже и дамамъ онъ него доспавалось ; всѣ имена , славныя въ лишературѣ нашей и ино-

спиранной, были ему ни почемъ; онъ распоряжался ими по своему; часто въ порывѣ заносчивости воздвигалъ самъ новыя, вчерашнія славы; въначалъ ихъ забавляясь; преклонялся передъ ними иронически.... Тушъ ужъ наивноспъ ему измѣняла; шупъ спановилса онъ не забавенъ, попому чшо выказывалась въ немъ пайная демонская, все презирающая кромѣ себя, гордостъ, въ порывѣ кошорой однажды онъ осмѣлился даже сказать, чшо липература, собственно Русская, съ него шолько и начинаешся. Теперь журнальный нашъ пересмѣшникъ (clown) нѣсколько успарьлъ и наскучилъ чипашелямъ; но по временамъ ошпускаешъ онъ и до сихъ поръ забавныя шшуки. Ошъ него пошло ошродье его подражателей, но никто изъ нихъ не могъ съ нимъ сравнисья: подражали его наглоспи, его ухванкамъ, но не могли переняшъ его врожденнаго ошпроумія. Масперъ онъ былъ въ особеннспи разбиратъ пусшыя книжонки сокровеннаго, подземнаго міра нашей липературы: онъ первый смекнулъ на чшд можно упошребить весь эпошъ безполезный соръ, на кошорый до него никто не обращалъ вниманія: какъ крошъ подкапывался онъ подъ пайники самыхъ темныхъ шипографій и Богъ знаешъ ошкуда выносилъ въ самомъ дѣлѣ чудныя вещи; безъ него сгибли бы онъ даромъ, а онъ черезъ свои шшшки дарилъ имъ славу на всю Россію.... Можно было даже подумашъ, чшо онъ нарочно самъ ихъ сочиняешъ, чшобъ было ему надъ чѣмъ посмѣяшся. Такъ какъ нѣшъ приманки для шшпы сильнѣе смѣха, то журнальный clown много содѣйшвовалъ къ умноженію числа подписчиковъ, и съ пѣтхъ поръ вошло въ обычай у журнальныхъ компаній непремѣнно имѣшъ забавника для пошѣхи чипашелямъ. Эпо почти такая же необходимосшь, какъ модная картинка при журналѣ.

Въ насшоящую пору вліяніе журнальнаго пересмѣшника уже не такъ сильно, какъ было прежде. Онъ спшшгъ въ шѣни, какъ лицо необходимое по привычкѣ, но уже успарьмое, какъ послѣдній шшпъ времянь XVI вѣка. Ему ошпались вѣрными одни шолько смѣшливые лю-

ди, по большей части управители, занятые самыми важными, сухими дѣлами. Много повредила ему въ мѣнѣи ошкрытая его неблагонамѣренность: въ публикѣ есть же всегда это нравственное чувство истины, которое никакими шушками, никакимъ празднымъ смѣхомъ заглушено вовсе быть не можетъ. Рано или поздно, оно непременно скажется. Сметнувъ это и видя, что одежда благонамѣренности обновилась, спала въ модѣ и ирребуется публикою, мѣкошорые журнальные кондошпѣри взяли за умъ и дали главную ролю въ своей кришикѣ лицу, совершенно иному по наружности: это лицо—рыцарь безъ имени.

Вошъ его вышнѣе признаки: цѣльная, изъ одного куска лишая броня наглоспи прикрываетъ въ немъ самое невинное цевѣжество. По этой бронѣ онъ родной братъ журнальному пересмѣшнику; но вы видите на ней огромный щипъ, и на щипѣ вмѣсто девиза, кривыми и *громадными* (любимое его слово) буквами, написано: *ублѣженіе*. Симъ послѣднимъ признакомъ онъ совершенно ошходитъ опъ своего веселаго брата.

Размашиспымъ мечемъ онъ рубитъ направо и налево, и нѣтъ шакого имени, которое бы ошпановило его махъ немилосердый. Даншъ, Мильшонъ, Тассъ, Манзони, Ломоносовъ, Богдановичъ, Державинъ, Карамзинъ — ему ни почемъ. Снаружи, оно вѣдъ кажешся бойко и опважно презирашъ въ имена и славы міра, и не поклоняшся ничему: ничто шакъ не дѣйствуетъ на массу чипапелей-цевѣждъ, какъ неуваженіе и дерзость передъ всякимъ признаннымъ прежде величѣемъ, какъ засученный на весь свѣшъ кулакъ: здѣсь разсчешъ для дѣйспвѣя на шолпу еще хипрѣ придуманъ и прикрывшъ личиною, кошорая хоня скучна, но съ виду поразительна. Бойкой рыцарь, въ порывѣ заносчивоспи, дошелъ до шого, что однажды уничижилъ всю Русскую липературу и публику, за исключеніемъ двухъ или шрехъ именъ и своего журнала, съ кошораго онъ полагаешъ наспоящее несомнѣнное ея начало, точно шакже какъ и журнальный пересмѣшникъ. Но сей по-

сладкій смѣшся надъ всѣмъ, безъ убѣжденія; безъмян-
ный же рыцарь унычшожаешъ все, будпо бы по убѣ-
жденію. Самъ, бобыль липерашурный, послѣдній внукъ
липерашора-промышленника, онъ не хочешъ уважать ни-
какихъ преданій, не признаешъ никакого авторитета,
кромъ того, который онъ самъ возведешъ въ эпо зва-
ніе однимъ волшебнымъ прикосновеніемъ щита своего.

Да, ужъ если въ чемъ онъ убѣдился — бѣда пред-
мету его убѣжденія. Тупъ является онъ пламеннымъ
рыцаремъ наподобіе того, который прославленъ рома-
номъ Сервантеса; тупъ его преданность доходитъ до
кумиропоклоненія. Если случись ему признашь кого
нибудь за шаланшъ, онъ подноситъ ему пошчасъ эпи-
шетъ *громднаго*; поклоняется ему наравнъ съ Шек-
спиромъ. Бываетъ, что убѣжденіе его падешъ случай-
но на какоенибудь произведеніе славнаго писателя, за-
мѣчательное, но не первоспепенное: бѣда такому про-
изведенію — оно пошчасъ получаешъ эпипшетъ *міроваго*.
Случается даже, что убѣжденіе его вспрѣтись какую
нибудь значительную брошюру: бѣда шой брошюрь — у
него она *всемірное явленіе*.

Таланпамъ истиннымъ бываетъ очень совѣстно
опъ шакихъ поклоненій обожающаго ихъ рыцаря, поч-
но шакъ какъ совѣстно было Державину принимашь
къ себъ всякой разъ того наивнаго живописца, который
ежедневно повадился приходиль къ нему цѣловать его
руку, а пошомъ ужъ запѣялъ цѣловать его и въ губы.

Всякое справное мнѣніе, всякая нелѣпость, сказан-
ная рѣшительно и громко, прикрываются всегда щип-
шомъ и яркимъ его девизомъ, который бросаешся въ
глаза, особенно неопытной молодежи, легко увлека-
ющейся благороднымъ значеніемъ самаго слова. Но если
бы это убѣжденіе было пошоянно и вѣрно — будь
оно убѣжденіемъ хопя младенца или соннаго чловѣка —
еще можно бы было его уважилъ. А когда видишь, что
оно шакъ часпо мѣняешся, и падаешъ иногда на пред-
меты совершенно шого недосшойные, что рыцарь сего-
дня скажешъ одно, а завшра другое, и всѣ прошиворъ-

чія прикриваєшть однимъ и п'ямъ же щипомъ своимъ, — по подь конецъ еще болве ошвращаєшся ошъ такою маски, на кошорую упошреблено чувство совѣсти, чувство внушренное и священное.

Къ эшымъ мнимымъ убѣжденіямъ, измѣняющимся по дуновенію вѣтра, въ ошвѣтъ на новыя пошребности, объявленныя молодою публикою новыхъ поколѣній, присоединяюшся еще въ искаженномъ видѣ общія мѣспа обь изящномъ и Поэзіи, давно уже извѣсныя шѣмъ, кошорые занимались предметомъ. Обь нихъ говоришть безымянный рыцарь съ безошчешнымъ восшоргомъ, какъ будшо о новыхъ ошкрышїяхъ, и часшо сбиваєшся съ своей рѣчи и пропшворѣчишть самъ себѣ, пошому чшо эшѣ ошкрышїя шочно для него новы.

Заклучимъ же о кришкѣ нашихъ журнальныхъ компаній облаченіемъ ея общаго девиза: прежде на ней читались наглосш и разсчешливосш; шеперь шоже самое, но подь личиною благонамѣренности и эстетическихъ убвжденій.

Мы не входимъ въ шу самую нечшстную сферу, въ шѣ ошношенїя нашихъ журнальныхъ компаній, гдѣ онѣ прямо касаюшся дѣлъ и оборошовъ книжной шорговлїи. Мы ограничиваемся шолько разборомъ ихъ лшпературной дѣшельности. Но не лѣзя не замѣшишь однако, чшо съ нѣкошорыхъ поръ вошло у нихъ въ позволительный обычай печашать шакїя ошкрышыя пренїя и объясненїя между собою и даже съ книгопродавцами, чшо право хошѣлось бы за нихъ, чшобы онѣ къ эшому обычаю присоединили правило — печашать подобныя объясненїя красными чернилами. Бывала и прежде вражда между журналистами; но она основывалась или на мнѣнїяхъ, или даже на какой-нибудь произвольной аншпашїи. Ншогда еще на Руси не враждовали лшператоры шакъ публично изъ однѣхъ вещешвенныхъ выгодъ.

Но мшмо эшѣхъ дрызгъ, ошъ кошорыхъ ошвращаемъ глаза съ чувшвомъ шшвсеннымъ. Смошря на эшу общешвенную вышнюю дѣшельность современной Русской лшперашуры, невольню думаєшъ: чшо, если бы все

это внешнее движение одушевлено было одною великою мыслию? Что, еслибы эпошъ похвальный духъ общенія имѣлъ другія высокія цѣли? Какая бы необъятная польза испекала опсюда для умственаго и нравственаго образованія Ошечества! Но увы! всему эпошу движению даешъ самый ничтожный, самый мелкой видъ одной праздноу суеты и превоги, па убійственаая цѣль, копорая обуяла дѣшелей, обузила ихъ умы, унизила ихъ характеры, сперла съ нихъ всякую духовную личность, раздражила одиъ слабыа ихъ спрасши.... Какая же эша цѣль? Мы выскажемъ ее пеперь искренно и смѣло; знаемъ впередъ, что слово наше поднимешъ и вооружитъ на насъ весь самый дѣшельный пишущій мѣръ, что всѣ эпѣ сонни безымянныхъ перьевъ остановащся вдругъ и ошешивающся ошъ гнѣва; но не смошря на все эшо — мы считаеиъ обязанностью назвашъ ее вслухъ. Эша цѣль — *разработка кармановъ внутренней Россіи посредствомъ литературы*. Она-по причиной, почему въ колоссальной столицѣ вы видише липерашуру пигмеевъ.

Но что же спалось съ пѣи писателями, копорые не могушъ сочувствоващъ направлению современному? Гдѣ они? Гдѣ наши таланты? Ужели ими оскудѣла Россія? О нѣшъ! они еспѣ . . . но смошрите: они шамъ, укрылись въ пѣни. Чувствуя свое истинное призваніе и пишая уваженіе къ дѣлу липерашуры, они ошошли въ спорону ошъ шоржица, по невольному движению благороднаго стыда и приличія. Не сознавая въ себѣ достащочныхъ силъ, чтобы прошиводѣшповашъ полицъ, копорая кричитъ зажмура глаза; зная, что наглосшъ дѣшельна, а добросовѣстность медлительна, — они не выходятъ на сцену. Видѣ прежняго ихъ поприща, заняпаго пеперь рынкомъ, заводитъ даже какое-шо оцѣнѣніе па ихъ производительность, копорая прежде была живѣе. Словно боящся они имеви липерашора; опасаются, чтобы не смѣшали ихъ съ пѣи, копорыхъ не презирашъ они не могушъ. Взгляните на ихъ почти овѣмѣляя группы. Иные, съ

празднымъ сожалѣніемъ и бездѣйственно сложивъ руки, смотрящъ на все эшо, и пожимающъ плечами. Другіе, фашалисты безъ сожалѣнія, съ видомъ философской рѣшимости, говорящъ: видно такъ быть должно. Третьи, благоразумные эгоисты, отвернувшись отъ рынка, углубились въ свое особенное дѣло и занимающъ имъ про себя, между тѣмъ какъ шамъ ихъ ругающъ. Четвертые добродушно хохочутъ передъ этѣмъ зрѣлищемъ и съ видомъ благоразумія, укоряющъ въ излишнемъ рвеніи тѣхъ немногихъ пятыхъ, которые, зная, что между тѣмъ вся чипающая Россія находится шеперь въ рукахъ липерашуры промышленной, въ порывахъ невольнаго негодованія, высказывающъ себя и обличающъ дѣло какъ оно естъ.

Между тѣмъ капиталы Русскаго ума, воображенія, сокровища мыслей, знаній, языка, находящъ въ рукахъ паланшовъ по большей части бездѣйственныхъ. Довольствуясь мирными бесѣдами пріятельскими, распочая въ нихъ помелочи игру живыхъ способностей, болѣе и болѣе опивкая отъ шруда и часными отказами отъучая отъ себя вдохновеніе, они дочши не пускающъ капитала своихъ дарованій въ оборотъ всенародный, въ праздной апатіи ушупающъ главныя роли липерашорамъ-промышленникамъ — и вопъ отъ чего современная липерашура наша разбогашѣла деньгами, и обанкрушилась мыслию.

При эшомъ словѣ, самую полную радостию должно забишся швое сердце, липерашоръ-промышленникъ! Въ эшомъ полагаю ты крайнюю цѣль всѣхъ своихъ желаній; утѣшся и шоржешвуи — ты достигъ ея.

Грустно, грустно дошли до такого заключенія.... шому, кто чувшвуешъ всю важность дѣла, кто не смотрящъ на него слегка и связываешъ его въ душѣ съ своею внутрешнею жизнию....

Не ужелижь нѣтъ никакихъ надеждъ утѣшительныхъ?.... Поищемъ ихъ.... мы до сихъ поръ смотряли шолько на одну черную сторону современной Русской липерашуры.... шеперь, перевернемъ каршину.

С. Шевыревъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ЖАЛЬ МНѢ ВАСЪ.

O my brethren! I have told
Most bitter truth, but without bitterness!

Coleridge.

I.

Жаль мнѣ васъ, младыя дѣвы,
Что родились вы въ вашъ вѣкъ,
Какъ молчали любви нагѣвы
И шуманень челоуѣкъ!

✻

Вещи мащери весною
Дней безоблачныхъ своихъ
Для любви цвѣли красою
И для пѣсенъ золошыхъ

✻

Вы — цвѣшете безъ привѣща;
Въ вашихъ пляскахъ — скуки слѣдъ;
На любовь вамъ нѣтъ опивѣща,
На красу вамъ пѣсенъ нѣтъ!

✻

Какъ богинямъ, въ ваши годы,
Имъ курили ошмѣамъ!
Кшо поешъ, кшо жрецъ природы
Васъ введешъ съ собою въ храмъ?

✻

Ваши прелести земныя
Для земныхъ блискающъ глазъ:
Наши души ледяныя
Не пылающъ ужъ для васъ!

II.

Жаль мнѣ, юноши, что мавдоспѣ
 Вашихъ дней не весела,
 Что раздумье гонитъ радоспѣ
 Рано съ вашего чела!

Не слыхашъ намъ пѣсни вашей,
 Смѣхъ не шумень, шушка спитъ,
 И за дружескою чашей
 Опшкровенноспѣ не сидитъ!

Горды вы своею скукой!..
 Цѣля мудрыми прослышъ,
 Жизни заняшы наукой,
 Забываеше вы жившъ!

Не касался съ наслажденьемъ
 Вашихъ успѣ еще порошъ,
 И мушине ужъ сомнѣнемъ
 Чиспыи жизни вы пошокъ!

Жаль мнѣ слышашъ ваши споры
 О наукѣ новыхъ лѣтъ!
 Гдѣ о истинахъ раздоры,
 Знакъ, что истины шамъ нѣтъ!

III.

Жаль мнѣ, спарцы! упружденныхъ
 Жизни пятоспнымъ пушемъ,
 Видѣшъ васъ полузабвенныхъ
 Въ поколѣнии молодомъ!

Вы, какъ племени былова
 Обелискъ изъ дальныхъ справъ,

Для живыхъ людей — безъ слова
Вещей мудросши органъ!

Ваши подвиги забыты!
Въ укоризну намъ они:
Новизной лишь знамениты
Умъ съ заслугой въ наши дни!

Молча вашихъ дней преданья
Вамъ приходиться беречь,
И свалившись безъ вниманья,
Дашь проспоръ — и въ землю лечь!

IV.

Грустно, дѣши, и печально
Видѣшь быспрый вашъ разивѣшь!
Миръ пущѣешь идеальной,
Тѣснѣе, шемѣе жизни слѣдъ!

Вѣкъ быспрѣе прежнихъ мчишь,
Онъ хлопочешъ, онъ спѣшишь;
Недосугъ добру учишься:
Вѣры нѣшь, а умъ кичишь!

Дни работы! — и погашень
Въ храмъ сердца еиміамъ!
Добывая злата, брашенъ,
Человѣкъ не входишь въ храмъ!

То земной поденьщикъ нужды
Движешъ пляжешъ онъ громадъ,
И богашесва духа чуждый,
Хочешъ чревомъ бышь богашъ;

То гордятся созданыя силой,
 Минигь Творца усвоишь чесшь:
 Съ мѣспа сдвинуть онъ, что было;
 Не на мѣспгь шо, что ешь!

*

Разшатались мудрыхъ мнѣнья!
 Богъ и польза — на вѣсахъ!
 Нѣштъ для чесши убѣжденья
 И невѣрнѣ правды шагъ!

*

Человѣчество — нездорово!
 Въ ваши зрѣлые года
 Какъ узнашь — что будешь право
 И что истина шогда?

V.

Жаль себя мнѣ, вѣкъ успалый,
 Ранній спарець безъ сѣдинъ,
 Мыслью буйный, въ чувсвахъ вялый,
 Объ опцахъ забывшій сынъ!

*

Ни воспорга наслажденья,
 Ни молишвенной слезы:
 Только адчношь насыщенья!
 Только роношь въ день грозы!

*

Что-жь за духъ себя волнуешь?
 Что за скорбь и шѣсноша?
 Что въ умахъ за вѣшеръ дуешь?
 Что въ душѣ за шемноша?

*

Чѣмъ шы, гордый, недоволенъ,
 О дѣлахъ своихъ крича?...
 Ты души недугомъ боленъ
 И не ищешь душъ врача!

*

Богъ въ швореньи не прославленъ ;
 Тварь — сама себѣ законъ ;
 Человѣкъ — себѣ оспавленъ :
 Опъ шого и смушенъ онъ !

VI.

Мысль одна меня шревожишь !
 Опъ неа-шо спынешъ кровь !
 Въ беззаконіяхъ, бышь можешъ,
 Не изсягла-ль въ насъ любовь ?

Нѣтъ любви — не вѣешъ радосшь
 Освѣжающимъ крыломъ ;
 И шогда уныла младосшь,
 Сшаросшь — косна языкомъ !

Нѣтъ любви — живошворящій
 Исчезаетъ въ людяхъ духъ ;
 И сомнѣнья духъ мершвлящій
 Бродишь въ людяхъ, нѣтъ и глухъ !

И среди сердець пусшныи,
 Гдѣ любви распалась связь,
 Духъ сплзванья, духъ гордыни
 Зарабошлаетъ, кичась !

Разрабошываетъ пышно
 Сшасшь мѣръ, какъ фабриканшь ;
 Но ужъ пѣсень дѣвъ не слышно ;
 Мудрый — кроешъ свой шаланць !

Опъ шого-шо жаль мнѣ, дѣвы,
 Чшо родились вы въ нашъ вѣкъ,
 Чшо молчашъ любви напѣвы
 И шуманень человѣкъ !

Мих. Дмитріевъ.

II.

РУДОКОПЪ.

I.

Въ подземной пещѣ, въ пещи глубокой,
 Уже подь ночь, рудокопъ молодой,
 Въ забвеньи думы одинокой,
 Сидѣлъ предъ собранной рудой.
 Вдали, гудя сквозь лѣсъ дремучій,
 Звалъ всею ночью прощальный звонъ;
 Но наклонясь надъ пещной кучей,
 Не слышалъ благовѣсна онъ:
 Глядѣлъ онъ въ глубь, гдѣ кладъ несмѣнный
 Нѣмая покрывала мгла,
 Глядѣлъ на камень шопъ безцвѣтный,
 Въ кошоромъ власнь земли спала.

А звукъ носился непонятный
 Вдоль переходовъ рудника,
 Жужжалъ какъ бы нагѣвъ невнятный
 При шихомъ спукъ молошка.

Но онъ съ завѣшнаго мешалла
 Ни глазъ, ни мысли не спускалъ;
 Пуснь шамъ вверху весна блиспала
 Цвѣшнымъ ковромъ на высакъ скалъ;
 Пуснь солнце шамъ, надъ мершвой бездной,
 Въ лучахъ купало край земной;
 Пуснь небосклонъ шыслезвѣздной
 Сялъ бездонной глубиной!...
 Одно онъ думалъ.

И неожиданно,
 Какъ бы въ опившъ его мечпъ,
 Заговорилъ вдругъ кто-шо спранно,
 Глазами блеща въ пещногъ:

»Да, что на каменномъ адѣсь ложъ
 »Лежишь въ зашворѣ у меня,
 »Вамъ неба Божьего дороже,

»Свѣтите звѣздъ, нужные дня,
 »И чшожь силные небосклона,
 »Вся эпа пошлая краса,
 »Тому, кто зрѣшь земнаго лона
 »Невѣданныя чудеса?
 »Кпо въ жизнь, блестящую подъ мглою,
 »Въ свѣтловолашебный мѣръ проникъ?
 »Кпо понять, мощною душою,
 »Спихій планиспвенный языкъ?

»О власни эпой, праха чадо,
 »Ты вопрошаешь глуби дно;
 »Не лгунгъ мечны швой, и надо
 »Для исполненя лишь одно:
 »Чшобъ волей ны неушомимой
 »Враждебный покорялъ мешалъ,
 »Чшобъ, какъ красавицы любимой,
 »Ты алапа хладнаго искалъ
 »Чшобъ неопсшунный, ежечасной,
 »Въ шебъ былъ помысль одинъ,
 »Чшобъ не смущали думы ясной
 »Жена и мать, и братъ и сынь.
 »Чшобъ шелъ ны мимо безъ вниманья,
 »Единой спрасшю дыша;
 »Чшобъ были здѣсь швой желанья,
 »Твой мѣръ, швой рай, швой душа.

»И ны поймешь нѣмыя силы,
 »И будетъ знашь швой рука,
 »Гдѣ вьюпся золошны жилы
 »Въ груди глубокой рудника.
 »Увидишь ны очами духа
 »То, чшо незримо для очей;
 »Непоспшжимое для слуха
 »Услышишь слухъ души швоей.
 »Взойдешь ны въ шайную обитель,
 »Въ хранилище даровъ земныхъ,
 »И всѣхъ сокровищъ повелителъ
 »Изъ мрака вызовешь ны ихъ!

Все вновь молчало въ безднѣ хладной,
 И юноша, надъ щелью скалъ,
 Нагнувшись, взоръ недвижно-жадной,
 Въ глубь безопышную вперляъ.
 И упромъ, какъ шолпою шумной,
 Ужь снова вопь была полна,
 Еще глядѣлъ онъ, какъ безумной,
 Въ завѣшный мракъ глухаго два.

II.

Про рудокопа ужь два года
 Несется слухъ во всей спранѣ:
 Не знашь рабочникамъ завода
 Такой удачи и во снѣ.
 Руду онъ словно вызываетъ
 Изъ скалъ ударомъ молотка,
 И хопь неопышетъ, а знаешъ
 Онъ гору лучше шарика.
 Вѣрнѣ всякаго расчѣпа
 Слывешъ у всѣхъ его совѣтъ;
 И въ рудникѣ нейдетъ работа
 Въ то время, какъ его шамъ нѣтъ.
 Живешъ шеперь онъ при заводѣ
 Не бурщикомъ уже проснымъ;
 Но все, какъ будно бы въ невгодѣ,
 Душевною немчью помимъ.
 Женился онъ, шому давно ли?
 Жена прекрасна, молода,
 Но видно съ нимъ стаспливой доли
 Ей не дождашься никогда.
 Къ окну лицомъ склонившись бѣлымъ,
 Всю ночь глядишь и ждешь она;
 А мужъ, чпо кропъ, по сущкамъ цѣлымъ
 Живешъ въ землѣ, не зная сна.
 И про него уже полкуешъ
 Давно въ полголоса народъ,
 Чшо онъ сквозь камень злашо чуешъ,
 И жилъ выщупываетъ ходъ.
 И говоришь о шомъ не смѣля;

Но въ копи видѣли не разъ,
 Предъ нимъ во мракъ темной щели,
 Внезапный блескъ двухъ волчьихъ глазъ.

»Съ нимъ вечеромъ, объ вѣшу пору, —
 Въ заводѣ сказывалъ спарикъ, —
 »Тому дня два, пошелъ я въ гору;
 »Быль шихъ, какъ гробъ, пустою рудникъ.
 »Шли оба молча мы чрезъ плаки;
 »Онъ часто вкругъ себя глядѣлъ,
 »Какъ бы невѣдомые знаки
 »На камнѣ ошылкашь хопѣлъ;
 »И дрогнуть вдругъ, и съ дикимъ взглядомъ
 »Повель рукою по скалѣ; —
 »И мнѣ здалось, что съ нами рядомъ
 »Густь кто-то двигался во мглѣ.“

III.

Дни проходили.

Разъ въ пучинѣ

Рабочники, сполпясь съ-упра,
 Въ углу шепшали: въ копи нынѣ
 Онъ не былъ, не былъ и вчера.
 Онъ у окна своемъ свѣшѣлки
 Сидѣлъ весь день. Чшо спалось съ нимъ?
 Вопросы средь толпы и шолки
 Носились говоромъ глухимъ.
 Но въ переходѣ зашумѣло,
 Идешъ: всѣ спихли голоса, —
 И за привычное онъ дѣло,
 Какъ прежде, молча принялся.
 Но шелъ въ забвеніи глубокомъ,
 Глядѣлъ на камень онъ сѣдой
 Безмысленнымъ, недвижнымъ окомъ,
 Какъ на предметъ ему чужой.
 И вдругъ въ порывѣ пляжкой скуки,
 Сердито онъ ошбросилъ ломъ,
 Сълъ на земь, и скресшивши руки,
 Поникъ задумчивымъ челомъ.
 Оспановилася работа;

Въ него впередъ взоръ нѣмой,
Споюли всѣ кругомъ, — а что-то
Ворчало глухо за скалой.

IV.

Обвѣзъ вершины, лѣсъ и воды,
Прозрачная синѣла гнѣнь,
Просонки дремлющей природы,
Уже не ночь, еще не день.
Темно селеніе спомло,
Лишь только въ горницѣ одной
Свѣча блѣдная догорала,
Предъ наступающей зарей.
Тиха была свѣшлица вѣша,
Окладъ иконы на сплѣтѣ
Блиспалъ въ полсумракъ разсвѣша,
Бѣгла люлька въ глубинѣ.
Но шамъ одинъ жилецъ безсонный
До ухра опдыха не зналъ,
И шагъ его неутомонный
Всю ночь шамъ по полу спучалъ.
Ходилъ онъ блѣдный и угрюмый,
Не чувствуя движенья ногъ;
Опъ пляжкой вдругъ очнувшись думы,
Взглянулъ въ окно — зардѣлъ воспокъ.
День новый новую забашу
Принесъ; свѣшаешъ на дворѣ,
Пора вчерашнюю рабашу
Идши османпривашъ въ горѣ.

И шихо къ люлкѣ подошелъ онъ,
И сумрачнымъ склоняся лицомъ,
Оспановился, груспи полонъ,
Передъ священнымъ дѣшскимъ сномъ.

Чего пы ждешъ? Тьмы покрывало
Ужъ Божій міръ спрахнулъ съ чела!
Не для тебя по солнце вспало,
Не для тебя земля свѣшла,
Не для тебя улыбка сына

И кровь семейнаго жилья ;
 Твой домъ — ша мершвая пучина ,
 Ея скалы — швоя семья .
 Проснешся швой младенець милый
 Не при шебѣ ; — пора, иди ! —
 Иль сердца шругъ давно ошпылый
 Запрепешалъ въ швоей груди ?
 Или , въ душѣ шаясь безвѣшно ,
 Когда злыхъ силъ она полна ,
 Варуть всходящѣ , шквозь грѣхи , чудесно
 Твои , о Боже ! шмена ? —

Онъ долго возлѣ колыбели
 Сполял , — и будшо передъ ней
 Мечшы души его днѣли ,
 Смягчался дикій блескъ очей .
 Знавалъ онъ эши сны благіе !...
 Но время ! Звонкій часъ пробиль...
 И шихою рукой , впервые
 Младенца онъ перекрестиль .

V.

Еще поля кругомъ молчали ,
 Ушесы спали шемнымъ сномъ ,
 Не раздавался скрежешъ спали ,
 Съ гранишомъ не боролся ломъ ;
 Еще вся грѣшная шревога ,
 Весь алчный шумъ земной спраны
 Не нарушали , въ міръ Бога ,
 Великолѣпной шипины .

Шелъ рудокопъ чрезъ долъ росиспый ,
 И подхода къ вѣмымъ скаламъ
 Шивалъ всей грудью вѣшрѣ душиспый ,
 Земли весенній еміамъ ,
 И сверху взоръ онъ бросиль яснй
 Въ глухое , смрадное жерло :
 Да , онъ ошвергнешъ даръ напраснй ,
 Покинешъ ирака ремесло !
 Воскреснешъ вольною душою ,
 И снова будешъ мирно спашъ ,

И видишь солнце надъ собою,
 И Божимъ воздухомъ дышаешь.
 Въ послѣдній разъ, живыхъ могила,
 Проходишь онъ швой темный путь.

Безумецъ! будно бѣ шо чшо было
 Такъ можемъ съ жизни мы спряхнушь!..

.....
 Въ шо утро, средь пиши завода,
 Вдругъ словно громъ загрохоталъ;
 И крикъ пронзительный народа
 Взялся кругомъ: Обвалъ! Обвалъ!
 Надъ подпрысненной глубиною
 Объяжались рудокопы въ мигъ:
 Глядяшь вспревоженной шолпою;
 Широко заваленъ рудникъ.
 И взоромъ блѣдые мушцины
 Сочялся — нѣшь лишъ одного;
 Не ошдалъ грозный духъ пучины
 Любимца шолько своего.

К. П — ва.

Гарьвео. Іюль. 1841.

III.

КЪ СТИХАМЪ МОИМЪ.

Небо знойно, воздухъ мушень,
 Горный ключъ чущь-чущь журчитъ,
 Садъ шѣнисшый безпріюшень —
 Не шелохнешъ и молчитъ.

+

Попечисель винограда,
 Льшній жаръ ко мнѣ суровъ;
 Онъ прошивенъ мнѣ измлада,
 Онъ, помащій до упада,
 Рыжій врагъ моихъ спиховъ.

+

Ну-ше, брашцы, вольно, смѣло,
Собирайся рашь моя!
Намъ давно пора за дѣло,
Ну проворнѣе, друзья!

*

Неповершливо и ломко
Слово жмется въ мѣрный спрой,
И выходишь стихъ не ёмкой,
Стихъ распянушый, не громкой,
Сонный, слабый и плохой.

*

Право, лучше знаменитой,
Нашъ морозъ: хошь онъ порой
И спучишся къ намъ сердито,
Но шогда каминъ со мной.

*

Мнѣ шело и горя мало,
Хорошо душѣ шогда:
Въ стихъ слова идушь не вяло,
Спроенъ, крѣпокъ онъ удаю
И способенъ хошь куда.

Языковъ.

IV.

ЭЛЕГІЯ.

Толпа ли дѣвочекъ крикливая, живая,
На фабрику свивашь сигары поспѣшая,
Шумишь по улицѣ; иль добрый нашъ сосѣдъ,
Окончивъ чтеніе сегодняшнихъ газетъ,
Уже глядишь въ окно и тихо созерцаешь,
Какъ близъ него кузнецъ подковы подшиваешь
Коровѣ иль ослу; иль пара дюжихъ псовъ
Тележку полную капусты иль бобовъ
Тащишь по мословой, рабочая всей силой;
Служанка-ль красота, развившаяся мило,

Склонилась надъ ведромъ, гошовась мышь крыльцо;
 А холодъ между шямъ румянишь ей лицо,
 А въспренный эфиръ зангрываешь съ нею,
 Тербишь съ плечъ плашокъ и раскрываешь шею,
 Прельщенный пышноспью живыхъ лилей и розъ;
 Повозникъ ли бичемъ пощелкивая, возъ
 Великой, громоздкой и длинной - передлиной,
 Гдѣ нѣсколько семей подъ крышею холспинной,
 Разноболярщина изъ многихъ спранъ и мѣспъ,
 Нашли себѣ весьма удобный перетздъ,
 Свой полновъспный возъ къ госпипницѣ подводишь,
 И самъ почтенный Дицъ вспрѣчашъ его выходишь,
 И Золопѣй Сарай хлопочешъ и звонишь;
 Иль вдругъ вся улица народомъ закипишь,
 Торжеспивно идешь музыка боевая,
 За ней гражданскій полкъ, воинспивно спупая,
 Въ великольпипъ, въ порядкѣ спроевомъ
 Красуешся, неся Ганавскій огнь и громъ:
 Защища вѣчныхъ правъ, полезное явленье;
 Торопишся-ль въ нашъ домъ на спграспвное сидѣнье,
 Прелеспипница Франца нарядомъ щегольскимъ,
 И новымъ зоншикомъ и плашьемъ голубымъ,
 Та бѣлошълая и сладоспипная Дора...
 Взойдешъ ли ясная весенняя аврора,
 Или туманный день печалень и сердишь,
 И снѣгомъ и дождемъ въ окно мое спучишь,
 И шпобъ ни дѣлалось передо мною; муки
 Оды и шѣ-жь со мной; возму ли книгу въ руки,
 Берусь ли за перо — всегда со мной шоска:
 Пора же мнѣ домой... Россія далека!
 И шрудно мнѣ дышашъ и сердце замираешъ;
 Но никогда меня шоска не угнепаешъ
 Такъ сокрупшптельно, шакъ грубо, какъ въ шопъ часъ,
 Когда вечерній лучъ давно уже погасъ,
 Когда все спипъ, когда одни мои лишь очи
 Не спящъ, лишенныя благословеній ночи.

Языковъ.

V.

НАЧАЛО НОВАГО ВѢКА.

(Изъ Шиллера).

Вѣрный другъ! гдѣ сыщемъ для покою,
 Для свободы мирный уголокъ?
 Прежній вѣкъ окончился грозой,
 Съ новымъ льется новой крови шокъ:

◆

Царствъ союзъ погибъ въ борьбѣ мятежной
 И правъ вѣковъ сокрушены,
 Спармій Рейнъ и Нилъ, самъ Океанъ безбрежной
 Не прешающъ свирѣпости войны.

◆

Сильныхъ два народа, межъ собою,
 Цѣлый мѣръ желаютъ подѣлить;
 И, грозя громами и бѣдою,
 Царствъ правъ спремиающъ поглотить.

◆

Злапо имъ должны нести народы,
 И какъ Бреннусъ, воинъ давнихъ съчь, —
 На вѣсы и правды и свободы
 Сильный Франкъ кладетъ свой мѣдный мечъ.

◆

Распустивъ Британецъ жадный флоты,
 Какъ полигъ, хватаетъ все кругомъ;
 Амфибригъ спавишь онъ оплошны
 Запирая море, какъ свой домъ.....

◆

Онъ къ звѣздамъ спремиающъ сокровеннымъ,
 Всѣ края земные посѣпиль,
 Къ островамъ, къ пущынямъ опдаленнымъ
 Онъ доспигъ — но *Рал* не ошкрылъ!..

◆

Ахъ! на каргъ не найдешь, конечно,
 Гдѣ лежишь ты дивная страна,
 Гдѣ свобода процвѣтаетъ вѣчно,
 Гдѣ для смертныхъ вѣчная весна!

Безпредѣльно міръ раскрышь предъ нами,
 Мореходцы не измѣрятъ свѣтъ;
 Въ міръ же, — на сушѣ, — за морями, —
 Десяти счастливымъ мѣсяца нѣтъ!

Въ свѣтлое души уединенья
 Ты уйди отъ жизненныхъ оковъ,
 Красота цвѣтаетъ лишь въ пѣсногѣньи,
 А свобода только въ царствѣ сновъ.

Авдотья Гланка.

VI.

КЪ Г.

*При поднесеніи ему отъ друзей, нарисованной сценической
 маски въ Римѣ, въ день его рожденія.*

Чтожь дремлешь ты? — Смотри передъ собой
 Лежишь и ждешь сценическая маска.
 Ее покинулъ славный швой собратъ,
 Еще шеперь игривымъ, вольнымъ смѣхомъ
 Волнующій Ишалою: возьми
 Ее — взгляди въ шушлявую улыбку
 И въ честный видъ: ее носилъ Гольдони.
 Она идетъ къ тебѣ: ея лица
 Подвижными и бѣглыми чертами,
 Онъ смѣло выражалъ черты народа
 Смѣшныя, всюду подбирая ихъ,
 На улицахъ, на площадяхъ, въ кафе,
 Гдѣ на распахку виденъ Ишальянецъ,

Гдѣ мысль его свободна и рѣзва, —
 И черезъ чистый смѣхъ, въ сердца гражданъ
 Вливалось испины добро-святое!
 Ты на Руси ужь началъ пошгъ же подвигъ!
 Скажи — пошгъ, когда, уславъ опгъ думъ
 И полгъ завѣсныхъ впечатлѣній Рима,
 Ты вечеромъ, въ часы сочувствій темныхъ,
 Идешь домой — не слышишься ль, шебъ,
 Не опадешь ли въ душъ швоей
 Далекій, рѣзвый, сильный, добрый хохонгъ
 Съ береговъ Невы, съ береговъ Москвы родимой?
 То хохонгъ швой — веселья чудный пиръ,
 Которымъ шы Россію угощаешь,
 Добро великое посявъ въ ней,
 Самъ удалясь опгъ названныхъ госшей.
 Чшожъ задремаль? — Смошри, перель шобой
 Лежишь и ждешь сценическая маска....
 Надѣнь ее — и долго не снимай,
 И новый пиръ, пиръ Талин задай,
 Чшобы на немъ весь мѣръ захохопаль,
 Чшобы порокъ опгъ маски задрожаль...
 Но для друзей сними ее подъ часъ,
 И безъ нея шы будешь миль для насъ.

С. III.

Анвара 19 1859.
 Рига.

VII.

МОЙ ПѢВЕЦЪ.

Я знаю дивнаго пѣвца!
 Безъ образа и безъ лица,
 Окупанъ облакомъ, какъ дымкой,
 Живель пѣвецъ мой невидимой,
 Живель не здѣсь, живель онъ тамъ:
 Поешь не намъ, прешъ звѣздамъ!
 Но часпо, можель ненарокомъ,
 И къ намъ земнымъ роняель звукъ,

Кн. I.

2

И вопшь звукъ, онъ пляжкихъ мукъ,
 Онъ ранъ, расправленныхъ порокомъ
 И нашей злобой, нашимъ рокомъ,
 Чудесно душу намъ цѣлишь!
 И сила *новая* кипишь
 Въ рабочихъ жилахъ ослабѣлыхъ...
 Я вижу ихъ... въ хищонахъ бѣлыхъ,
 По бирюзовымъ облакамъ,
 Они спѣшашъ въ какой-то храмъ:
 Какъ пихъ памъ день! Свѣжи долины;
 Какія чудныя карпины
 Любви и счастья и весны
 Я вижу въ *тайнахъ* вышины!
 И, невидимо — вознесенный,
 Весь безпѣлесный, гесь блаженный,
 Я *гдѣ-то*, между *нихъ*, спую
 И прачу *самость* я свою,
 И паешъ все на мнѣ *земное*,
 Какъ покрывало ледяное;
 И спалъ я *атомъ* и *ничто*....
 Но было по *ничто*... *живое*,
 И у меня не опняшо
 Ни сила чувспшь, ни разумънше:
 Хопъ я распаяло мое,
 Но было по же быпше: —
 Я сбросилъ полько *прахъ* и *тлше*
 И прирожденный дольнй хладъ,
 И, спавъ *ничлмъ*, слился я съ ними,
 Какъ звукъ заперянный съ родными
 Созвучьями въ шопъ *прежнй* ладъ,
 Гдѣ онъ живаль, звучаль когда-по....
 Какъ все памъ *жизненно!* какъ свашо!...
 И вопшь ужъ *ближе* мой пѣвецъ:
 Онъ все *безъ* образа, безличень;
 Но онъ другихъ и *тамъ* опличень:
 На немъ, какъ день, *горишь* *впнецъ!*

Ө. Глинка.

VIII.

Нѣтъ ни шучки въ небѣ числомъ,
 Ярмо солнце, свѣпелъ день,
 И подъ поподемъ въпвиспымъ
 Какъ роскошна лиспьевъ гнѣнь!
 Въ сердцѣ замерло спраданье,
 Непоняшна мнѣ печаль,
 И легко воспоминанье,
 И опжившихъ мнѣ не жаль!
 Если пакъ свѣшла, прекрасна
 Міра шльвнаго краса —
 Солнце временное лсно —
 Такъ лазурны небеса:
 За предѣлами вѣпра,
 За лазурію небесь,
 Въ свѣшѣ ангельскаго міра,
 Въ нѣдрахъ Божіихъ чудесь,
 Какъ полна, свѣшла ихъ радоспъ!
 Какъ ихъ пламенень воспоргъ!
 Воздухъ ихъ — сваяшая благоспъ,
 Дѣнь ихъ — вѣчноспъ, солнце — Богъ!

П. Бакунина.

Катерининъ.
 10 го Августа.

IX.

С Н Ъ Г А.

I.

Я Русской, я люблю молчанье дали мразной,
 Подъ пологомъ снѣговъ, какъ смерпъ однообразной....
 Лѣса подъ шапками иль въ инеѣ сѣдомъ,
 Да рѣчку звонкую подъ шемносняпмъ льдомъ.

2*

Какъ любящъ находишь задумчивые взоры,
 Завѣянные рвы, навѣяныя горы,
 Былинки сонныя, или средь нагихъ полей,
 Гдѣ холмъ причудливый, какъ нѣкій мавзолей,
 Изаваля полночью, — круженье вихрей дальныхъ
 И блескъ шоржесшвенный при звукахъ погребальныхъ!...

II.

Знаю я, что ты, малюшка,
 Лунной ночью не робка:
 Я на снѣгъ вижу упрямо
 Легкій опшискъ башмачка.

Правда, ночь при свѣтѣ лунномъ
 Холодна, тиха, ясна;
 Правда, ты не даромъ, другъ мой,
 Покидаешь ложе сна.

Бриллианты въ свѣтѣ лунномъ,
 Бриллианты въ небесахъ,
 Бриллианты на деревьяхъ,
 Бриллианты на снѣгахъ.

Но боюсь я, другъ мой милый,
 Чшобы въ вихрь духъ ночной;
 Не завѣялъ бы шлопинку
 Проложенную шобой.

III.

Вошь упря сѣвера — сонливое, скупое
 Лѣнливо смопришся въ окно волоковое!
 Въ печи шрецишъ огонь, и бѣлый дымъ, ковромъ
 Тихонько спедешся надъ кровлею съ конькомъ.
 Пѣшухъ забощливый, копаеш на дорогѣ,

Кричишь.... а дѣдушка брадастый на порогъ
 Крестишь и крестишься схватившись за кольцо,
 И хлопья бѣлые лепишь ему въ лицо.
 И полдень наснаешь. Но Боже! какъ люблю я,
 Какъ пройкою, лицикъ кибичку удалую
 Промчишь — и скроешь.... И долго, мнишься мнѣ,
 Звукъ колокольчика пренецешь въ пишинѣ.

IV.

Щечки рдѣютъ алыжъ жаромъ,
 Соболь вносимъ покрышь,
 И дыханье легкимъ паромъ
 Изъ поздрей своихъ лепишь.
 Деракій локонъ въ наказанье,
 Посѣдѣлъ въ шеснадцать лѣтъ...
 Не пора ли намъ съ кашанья?
 Дома ждешь шепло и свѣтъ —
 И пуссишься въ разговоры,
 До разсвѣта про любовь?...
 А морозъ свои узоры
 На снегѣ напишешь вновь.

V.

Печальная береза
 У моего окна,
 И прихошью мороза
 Разубрана она.
 Какъ гроздь винограда,
 Въшвей концы висать, —
 И радостень для взгляда
 Весь траурный нарядъ.
 Люблю игру денницы
 Я замѣчашъ на ней,
 И жаль мнѣ, если пищцы
 Спряхнутъ красу въшвей.

VI.

Копъ поешъ глаза прищура ,
 Мальчикъ дремлешъ на коврѣ ,
 На дворѣ играешъ буря ,
 Въперъ свещешъ на дворѣ.

„Полно шунъ шебѣ валяшся,
 Спрячь игрушки, да вспавай!
 Подойди ко мнѣ прощанься,
 Да и спашь себѣ спупай.“

Мальчикъ вспалъ А копъ, глазами
 Поводилъ и все поѣшъ :
 Въ окна снѣгъ валяшъ клоками ,
 Буря свещешъ у ворошъ.

VII.

Чудная каршина ,
 Какъ шы мнѣ родна :
 Бѣлая равнина ,
 Полная луна.

Свѣшъ небесъ высокихъ ,
 И блестящій снѣгъ ,
 И саней далекихъ
 Одинокій бѣгъ.

МИРОШЕВЪ.

(Отрывокъ изъ новаго романа М. Н. Загоскина.)

Г Л А В А I

О томъ, гдѣ и когда случилось то, о чемъ разсказывается въ этой истинной повѣсти.

Въ нашихъ степныхъ губерніяхъ естъ народная поговорка: »Сура рѣчка важная, печепь пошихоньку, доньшко у нее серебряное, крупы бережка позолоченные.« — За что, — думалъ я всегда, — такая похвала этой рѣчкѣ, которую съ грѣхомъ пополамъ называютъ судоходною? Что въ ней хорошаго? Ея угрюмые берега поросли мрачными сосновыми лѣсами; печепь она къ Северу, и хопя въ нее впадаетъ рѣчка, которая называется *Бездна*, но сама-то она вовсе не походитъ на бездну морскую: лѣпомъ черезъ нее во многихъ мѣстахъ куры вбродъ переходящ. Мнѣ удавалось слышать отъ Пензенскихъ жителей, что въ ней ловятся опличья сперляди; — бышь можеть, только видно эшо бываетъ очень рѣдко. Я знаю навѣрное, что когда въ Пензѣ собираюся дань какой-нибудь поржеспвенный объдъ на славу, то всегда посылають за сперлядами въ Саратовъ. То ли дѣло близкій сосѣдъ Суры, красавецъ Хоперь, рѣка шакже вшоросшепенная; но какими она печепь привольными мѣстами! какъ роскошествуетъ природа на ея плодоносныхъ берегахъ! Хоперь печепь на Югъ, извиваясь подъ тѣнью своихъ дубовыхъ лѣсовъ, красуясь своими липовыми рощами и орошая свѣшлыми водами *своими* одинъ изъ счастливейшихъ уголковъ нашей мапушки свяшой Руси. Пуститесь по печенію Хопера, и чрезъ нѣскольکو дней вы увидите себя среди земель Донскаго войска, въ Хоперской станицѣ, которая елзвнися по всему Дону своимъ привольнымъ живьемъ и богатствомъ.

Въ пысяча семьсопъ осьмидесяпомъ году, на правомъ берегу эшой рѣки, верспахъ въ десяти опъ уѣзднаго городка Ново-Хоперска, у подошвы высокаго холма, стоялъ срубленный изъ дубовыхъ бревенъ и покрышый песомъ небольшой господскій домъ о семи окнахъ. Прежде чѣмъ я познакомлю васъ съ хозяиномъ эшого дома, Кузмою Пепровичемъ Мирошевымъ, не угодно ли вамъ будетъ прогуляшся вмѣспъ со мною по его владѣнямъ, взглянушь на его наслѣдспвенную *отчину* и полюбовашся господской усадьбою? Мы начнемъ съ дома.

Я уже сказалъ вамъ, что онъ былъ срубленъ изъ дубовыхъ бревенъ, покрытъ шесомъ и освѣщался съ лицевой спороны семью окнами. Бышь можешь, вы спанепе смѣляшся надо мною; но я убѣжденъ, что дома, почно шакъ же, какъ и люди, имѣюшь свои собспвенныя физиономіи, — и суровыя и привѣшливыя, и гордыя и радушныя. — Посмотришь, иной домъ — ну почно хмуришь брови, а другой какъ будшо улыбаешся. Вотъ напимвръ, хопъ эшопъ, о копоромъ идешь рѣчь: кажется въ наружности его не было ничего привлекашельнаго; а я увѣренъ, вы посмотрили бы съ удовольспвіемъ на эшопъ скромный пріюштъ небогатаго Русскаго помѣщика. Эша ни чѣмъ не окрашенная шесовая кровля и кусты великолѣпныхъ розоновъ, копорые цвѣли подъ окнами дома; эши голыя бревенчашыя спѣны и чистое крылечко, усшавленное цвѣшами; эшопъ красивый лугъ, копорый опускался гладкой скашершью опъ дверей дома до самаго Хопра, — все эшо вмѣспъ было шакъ свѣжо, шакъ мило, что вы пожалѣли бы, еслибъ шупъ, вмѣсно простаго бревенчашаго домика, споями каменныя палашы, или запѣйливая дача съ разными вычурами и причудами, копорыя спбююшь шакъ дорого лѣшнимъ жипеламъ Невскихъ оспрововъ, Пешергофской дороги и Московскаго парка.

По обѣимъ споронамъ дома разбросано было нѣсколько жилыхъ службъ и холоспыхъ спроеній, сарай, конюшная, погребя, амбары, заспольная изба, баня и господ-

ская кухня; всѣ эти строенія были крыши соломою. По двору, почти всегда, переважно расхаживали Индѣйскіе пѣ-пухи, бѣгали куры и гулялъ павлинъ съ своею павою. Съ лѣвой стороны за часпokoломъ, кошорымъ обнесена была вся дворовая усадьба, споялъ довольно обширный скошный дворъ; съ правой плянулось огороженное плеш-немъ барское гумно, успавленное одоньями. Посреди двора росла огромная черемуха; подъ благовоннымъ и роскош-нымъ шапромъ ея пушистыхъ вѣтвей можно было въ знойный полдень опдохнуть на скамьѣ и подышать про-хладою. Прямо прошивъ нее, въ глубинѣ двора, за рѣ-шешчашымъ заборомъ, виднѣлся Фрукшовой садъ, въ кошоромъ, посреди густыхъ куршинъ висеть, сливъ и черешни, подымали свои курчавыя головы яблони и гру-шевыя деревья. Эшопъ садъ оканчивался небольшимъ огородомъ; за нимъ, по опшлогому скашу, взбѣгала до по-ловины высокаго холма шѣвншая дубовая роща; по-шомъ начинался мелкій куспарникъ, а на самой верши-нѣ, подъ шѣню двухъ вѣковыхъ липъ, спояла дере-вянная часовня. Она была построена надъ искокомъ хо-лоднаго и прозрачнаго, какъ ледъ, горнаго ключа. Про-шпой народъ называлъ эшопъ родникъ *громовымъ сту-денцомъ*, и пилъ изъ него воду, какъ лекарсшво опъ разныхъ болѣзней, вѣрошно пошому, что въ часовнѣ была икона Божіей Матери, и что объ эшомъ испоч-никъ передавалась изъ роду въ родъ одна народная ле-генда, кошорой содержаніе было слѣдующее:

»Давнымъ давно, въ незапамлшные года, не изве-стно при какомъ Великомъ Князѣ, шолко прежде, еще Тапарскихъ погромовъ, на шомъ самомъ мѣсшѣ, гдѣ ше-перъ часовня, спояла уединенная келья одного свашаго опшельника. Шестшдесятъ лѣтъ спасался онъ, живя на эшомъ холмѣ, посреди дремучаго бора, кошораго ше-перъ и слѣдовъ не оспалось. Двадцашъ лѣтъ не выхо-дилъ онъ изъ лѣсу, и изъ всѣхъ окружныхъ селеній никшо не зналъ о немъ, кромѣ одного благочеспиваго деревенскаго священника, кошорый два раза въ году при-ходилъ приобщать его Свяшыхъ Тайнъ и оспавалъ у

него мѣшокъ сухарей; этого было досташочно для пущыниика на цѣлые полгода, потому что онъ былъ великій поспыникъ и сѣдалъ только по два сухаря въ недѣлю; за водою же онъ ходилъ самъ на Хоперь. Вотъ посыпшилъ его Господь Богъ скорбію: опнялись у него ноги. Это случилось лѣпомъ, въ Пешровки; жара сполла несшерпимая, а у него въ кельѣ не было ни капли воды, и какъ онъ ни силнлся допашцнться до рѣки, но въ цѣлые два дня не могъ опползти и плши шаговъ опъ своей хижны. Вотъ прошелъ день, другой — зной все шопъ же, на небъ ни облачка, а солнце такъ я палншь. Какъ ни велико было шерпѣніе благочестиваго спарца, но онъ былъ человекъ, а жажда еще мучншельнѣе голода. На прешій день спарець взнемогъ совершенно, спраданіа его сѣлались несшерпимыми и что-шо похоее на ропотъ мелькнуло въ душъ его. Лукавый того только и дожндался: онъ явлнлся предъ спарцемъ, но только не шакъ, какъ явлнлся нногда, не подъ личиною ангела свѣша, не во образъ даже человекскомъ, а просшо во всемъ адскомъ своемъ безобразіи. Спарецъ хопълъ перекрещншься; но демонъ удержалъ его руку, спспавнлъ предъ нмъ чашу съ свѣжей водою и сказалъ: — »Вотъ, спарнкъ, я не въ тебл: ны проклнналъ, ненавндѣлъ меня, а прншла бѣда, шакъ я же къ тебѣ на вырчку. У тебл нтъш ни капли воды, — вотъ тебѣ полная чаша! Да не отворачнвайся, спарннушка: вѣдь я не жндъ какой, не прошу пвсой души за ковшнкъ воды; съ меня будешъ и того, если шы за это мнѣ поклонншься.« — »Нѣтъ!« — прощепталъ спарець, — »не поклонюсь я нкогда врагу моего Господа.« —

— »Врагу!« — повпорнлъ насмѣшлнво сапана. — »Да что за радость бытъ слугою-шо? Вотъ хопъ шы, нечего сказашъ, вѣрннй слуга, а что, много выслужнлъ? Нѣтъ, спарннушка! пвой господинъ живешъ высоко — до тебл лн ему! а я у тебл подъ бокомъ. Не хочешъ мнѣ кланяшься, шакъ пожалуй себѣ не кланяйся: я за эшнмъ не говнюсь. Скажешъ спасибо — хорошо! Не ска-

жешь — шакъ и бышь! Только не мори себя, голубчикъ, напрасно; выпей водицы! А вода-шо какая — вода! Посмотри, любезный.»

»Тутъ онъ поднесъ къ ушамъ спрадальца чашу съ водою чистой и прозрачной, какъ хрусталь. Испушеніе было ужасно; но спарець усполя. Онъ зажмурилъ глаза, чшобъ не видѣшь соблазнишеля, и сказалъ: — «Лучше умереть въ спраданіяхъ по воля Господней, чѣмъ жить пнобою, врагъ Божій. Исчезни, сапана!»

»Едва онъ выговорилъ эпи слова, какъ вдругъ раздался ударъ грома, и ослѣпительная молнія обвилась вокругъ испушеля; онъ вспыхнулъ, разоспался смраднымъ дымомъ по землѣ, завылъ вихремъ по лѣсу, размешалъ, какъ соломенки, направо и налѣво спольшнія сосны и съ воемъ исчезъ въ рѣкѣ. Еще грянулъ громъ, и у самыхъ ногъ спарца огромный камень разсѣлся надвое; изъ шрецины брызнулъ источникъ живой воды, закипѣлъ между камнями и помчался внизъ по скапу горы. Разумвешся, спарець напился; вскорѣ почувспвовалъ облегченіе опъ своей болѣзни, и прожилъ еще двадцашъ лѣтъ, хваля и славя Бога.»

Теперь, когда вы дошли вмѣстѣ со мною до часовни, шо можеше однимъ взглядомъ окинуть всѣ владѣнія Кузмы Пепровича Мирошева, и въ шо же время полюбоваться живописнымъ видомъ Хопра и всѣхъ его окрестностей. Прямо передъ вами, шо еспъ, по шу спорону холма, широкія, по временамъ горисшыя поля, господскія усадьбы, селы, и кой-гдѣ изгибисшій Хоперь, кошорый шо появляешся, шо исчезаетъ за рощами и холмами. Вдали, на высококомъ берегу его, подымаешся крѣпоспной валъ, а за нимъ нѣсколько бѣлокаменныхъ зданій и соборъ прежде бывшей крѣпоспи, а нынѣ уѣзнаго города Хоперска. Если мы обернемся, чшобъ идти назадъ, шо передъ нами опкроюшся виды, не менѣ прекрасные. Внизу подъ нашими ногами дубовая роща. Вошъ вѣшеръ пахнулъ сильнѣе, и вершины сплюшныхъ деревьевъ заволновались какъ зеленое море; онъ спихъ, и передъ нами разоспался зеленый бархатный коверъ. Далѣе

господская усадьба и покатышпый лугъ до самаго Хопра, по шу спорону рѣки обширная пойма, лѣшомъ покрытая гущою зеленою и цвѣтами, весной залипая верспъ на пяшь въ ширину обильными водами Хопра. Налѣво, шаговъ сто опть барскаго дома, на самамъ берегу рѣки, селоцо Хопровка, по еспъ, двѣнадцать креспьянскихъ дворовъ съ пѣпидесяшью ревизскими душами. Эпа небольшая деревенька, съ осмью спами десятипнъ земли въ окружной межъ, съ поемными лугами, рыбной ловлею и разными другими доходными спашьями, была наслѣдспвенной и единспвенной опчиною Кузмы Пешровича Мирошева; она почти никогда не давала ему менѣ шеспи сопъ рублей годоваго дохода. Вы можеше судишь по эпому, какимъ опличнымъ хозяинномъ былъ Кузма Пешровичъ. Правда, было къ чему и руки приложишь: Хопровка славилась своими угодыями; всъ окрещинные жишели называли ее золошымъ дномъ, и конечно самый плохой помѣщикъ не получилъ бы съ нее менѣ шпрехъ сопъ рублей въ годъ доходу; однимъ словомъ, эпа деревенька вполне оправдывала Русскую пословицу: «малъ золошникъ, да дорогъ.»

Съ землею Кузмы Пешровича Мирошева сходилась земля одного порядочнаго села, принадлежащаго Графу Р****му; селомъ управлялъ прикащикъ, а самъ баринъ зналъ эпо село только по слуху; и не удивительно: въ немъ было съ небольшимъ чешыреста душъ; слѣдовашельно оно не составляло даже и чешырехсопной часпни его огромнаго имѣнїя. Почти всъ оспальные сосѣди Мирошева были мѣлкопомѣспные дворяне, исключая одного богашаго помѣщика, о кошоромъ мы поговоримъ послѣ.

Г Л А В А II

Откуда происходитъ родъ Мирошевыхъ, и отъ чего у прапди Кузмы Пешровича было двѣ тысячи душъ, а у него только пѣпидесть.

Древнїй родъ дворянъ Мирошевыхъ произошелъ слѣдующимъ образомъ опть рода Князей Борашевыхъ, младшаго колѣна рода Князей Звѣнигородскихъ:

У Князя Ивана, Князь Петрова сына Звѣнигородскаго, было два сына: Князь Иванъ Боращъ, да Князь Михайла Спячій; у Князя Бораща сынъ Князь Иванъ Адащъ; у Князя Адаша сынъ Недащъ; у Князя Недаша сыновья: Алексѣй Звѣнецъ, Юрій Мочька и Пепръ Мирошъ; отъ Пепра пошли Мирошевы. Въ родъ Мирошевыхъ, копорые всѣ служили вѣрой и правдой Великимъ Князьямъ и Царямъ Русскимъ, было двое Окольниковъ, чепыре Спольника и человекъ пяты Спряпчихъ, изъ копорыхъ одинъ при Царѣ Θεодорѣ Иоанновичѣ былъ даже Спряпчимъ съ ключемъ и путёмъ. Онъ удоспоялся эшой особенной милоспи за то, что оплично презвопиль въ колокола. Я думаю, вамъ извѣстно, любезные чпшатели, что Царь Θεодоръ Иоанновичъ весьма жаловалъ колокольный звонъ, и очень часто извопиль самъ пошъшашься эшой забавою. Въ царспвованіе Царя Θεодора Алексѣевича оспавался изъ всего рода Мирошевыхъ одинъ только Пепръ Гольшъ; у Пепра Гольша было три сына: Андрей Кочерга, Спепанъ Шаранъ, да Пепръ Бушузъ. Андрей и Спепанъ умерли бездѣшны. У Пепра Бушуза былъ сынъ Кузма Пепровичъ; у Кузмы Пепровича сынъ Пепръ Кузмичъ, а у Пепра Кузмича родился сынъ Кузма Пепровичъ, шеперешній помѣщикъ сельца Хопровка.

Прадѣдушка Кузмы Пепровича, по еспъ Пепръ Гольшъ, былъ сначала писанъ въ Разрядныхъ книгахъ Московскимъ жильцомъ и служилъ въ Холопьемъ Приказѣ; пошомъ, при Царяхъ Иоаннѣ и Пепрѣ Алексѣевичахъ, вошелъ какъ-шо въ милоспъ у Царевны Софьи Алексѣевны, жалованъ отъ нее разными помѣспьями и переименованъ въ Спольники. Онъ умеръ, оспавивъ послѣ себя двѣ шьсячи душъ креспьянъ и домъ какъ полную чашу. Сынъ его Кузма Бушузъ попалъ-было при Царѣ Пепрѣ Алексѣевичѣ въ пошъшныя, но за неуклюжеспво и необычайную дородностъ былъ уволенъ отъ фрунповой службы, опсправился жпшь въ свои помѣспья, завель огромную псовую охопу, и чтобы перещеголяшъ знаменпшаго Князя Ромодановскаго, у копорого садилось на ко-

ня безъ малаго сто человекъ псарей и спреманныхъ, онъ выѣзжалъ въ поле съ премою перемѣнными спаями, и охотниковъ у него было сто двадцать человекъ, копорые порскали спали, пили, ѣли, и скушали наконецъ, вмѣстѣ съ борзыми и гончими собаками, почти все его имѣнне. Кузма Пепровичъ Бупузъ скончался на сороковомъ году отъ одышки, передавъ въ наслѣдство единственному своему сыну, Пепру Кузмичу, съ небольшимъ чешыреспа душъ дошла разоренныхъ креспьянъ. Мать Пепра Кузмича умерла вскорѣ послѣ своего мужа, оставивъ пятилѣтняго сына совершеннымъ сиротою. Родной братъ покойницы взялъ его на свои руки. По счастью, эптошъ дядя былъ человекъ честный и добрый: онъ далъ своему племяннику воспитаніе, по погдашнему, весьма хорошее. На тринадцатомъ году Пепръ Кузмичъ читалъ безъ запинки Псалпирь, а Свяпцы зналъ наизустъ отъ доски до доски. Писалъ онъ очень бойко, и выводилъ шакіе опличные крючки, что дядя, копорый служилъ самъ секретаремъ въ Провинціальной Канцеляріи, не могъ безъ радосныхъ слезъ смотреть на необычайный почеркъ своего питомца. Въ ариометикѣ онъ также былъ очень силенъ: всякой разъ, какъ дядя его справлялъ свои имянны, или день рожденья, — а къ нему въ эши дни съѣзжалось человекъ до шридцати гостей, — Пепръ Кузмичъ долженъ былъ выдерживать публичныи экзаменъ. Спарикъ дядя, желая похвастаться при всѣхъ ученоспью своего племянника, бралъ въ руки огромную книгу въ кожаномъ переплетѣ и начиналъ испытаніе слѣдующимъ образомъ:

— «Послушай-ка, братецъ! вопросъ: что еспь ариометика?»

— «Ариометика, или числительница,» — отвѣчалъ обыкновенно нараспѣвъ и поненькимъ голоскомъ Пепръ Кузмичъ, — «еспь художество честное, независтное, удобопоняшное, многополезнѣйшее, многохвальнѣйшее....»

— «Хорошо! Теперь скажи-ка мнѣ, колико-губа еспь ариометика пракшика?»

— »Есть сугуба: ариѣметника полипика, и ариѣметника логисшика.«

— »Изрядно, изрядно! — Ну! а что есть адидіо?»

— »Адидіо, или сложеніе, есть дву или многихъ числъ во едино собраніе, или во единъ перечень совокупленіе.«

— »Такъ, Пешруша, шакъ! — Изрядно!.... А что есть мультипликаціо?»

— »Мультипликаціо, или умноженіе, есть имъ же что въ числахъ умножаемъ, или коликимъ вѣщемъ, по множеству другихъ вѣщей, раздаемъ и количество ихъ числомъ показуемъ.«

— »Хорошо! — Изрядно, весьма изрядно!.... Ай, да Пешруша! Спасибо, братъ, спасибо!« Тутъ добрый дядя закрывалъ книгу, и со всѣхъ споронъ начинались восклицанія: — »Ну, ребенокъ!.... Какіе года и какое разуміе!.... Умудряешъ же Господь Богъ младенцевъ!....«

— »Да это что еще!« — говаривалъ дядя, попирая съ радостію руки. — »То ли еще мы съ Пешромъ знаемъ! Вотъ, наприкладъ: если вы поѣдете опсюда до Москвы, шакъ хошите ли, онъ скажетъ, сколько разъ во всю дорогу у вашей повозки колесо обернется?»

Всѣ гости ахали опъ удивленія, многіе не вѣрили, иные даже обижались шакой явной насмѣшкою хозлина; но никто не смѣлъ прекословить почпенному спарику. Одна только двоюродная его сесприца, супруга воеводскаго поварница, не скрывала иногда своего неудовольствія.

— »Эй, хи, хи! Что вы это, башюшка-братецъ!« — говорила она, покачивая головою: — »побойтесь Бога! Ну кто вамъ повѣритъ? — Кто можетъ счастье, сколько разъ колесо и на десяти верстахъ повернется?.... А шо, шутка ли? — семьсотъ!«

— »Эка важность! Да будь хоть семь тысячъ — сочтемъ, машушка, говорю вамъ — сочтемъ!«

— «Полнопе, Иванъ Ѳедоровичъ! Въдь эшо ужъ и грѣхъ. Да эшакъ, пожалуй, про васъ скажунтъ, прости Господи....»

— «Да, машушка-сесприца, мы съ нимъ колдуны! Или не угодно ли вамъ знашь, сколько опть насъ до Москвы вершковъ будешъ?»

— «Переспанъше, брашець, переспанъте! чшо вы эшо въ самомъ дѣлѣ? Да ошсюда до Москвы вершковъ-шо и счешу нѣштъ!»

— «Авось какъ нибудь сочшемъ! — Пешруша! ну-ка, браштъ, смѣкни!»

Пешръ Кузмичъ бралъ листъ бумагы; въ нѣсколько минуштъ приводилъ семьюштъ верспштъ въ сажени, въ аршины, въ вершки и, къ удивленію всѣхъ госпей, объявлялъ ушвердительно, что до Москвы шесшнадцашъ млліоновъ восемьсоштъ пысячъ вершковъ.

— «Ахъ, башюшки-свѣшы!» — сказала однажды эша двоюродная сесприца, когда Пешръ Кузмичъ вычислялъ при ней, сколько капель воды въ сороковой бочкѣ. — «Да эшо ужъ и въ самомъ дѣлѣ премудросштъ! Да онъ эшакъ, брашець, сочшешъ, сколько песку на днѣ морскомъ!»

— «Ну, эшо дѣло другое, машушка-сесприца» — ошвѣчалъ просподушно дядюшка. — «Эшому онъ еще не обучался. Да и какіе здѣсь учители? Воштъ хопъ, напимѣръ: Андрей-расшрига, — ну, конечно, проходилъ въ Семинаріи всѣ науки; да шакой пьяница, чшо избави Господи! Схвашитъ за десяшъ уроковъ полшинку, да и въ кабаць; — даннымъ-давно весь умъ пропиалъ! Или дѣяцкѣ Ѳома: училъ Пешрушу грамоштъ, а шеперь самъ у него поучится. Нѣштъ! дашъ Богъ — подростешъ, шакъ мы опсправимъ его доучивашся въ Москву. Не знаю нынче, а въ спарину на Сухаревой башнѣ всему обучали. А не шо и до резиденціи доѣдемъ. Тамъ, говорашъ, шеперь всякія школы ештъ, и заморскихъ учителей довольно; а все завелъ башюшка Пешръ Алексѣевичъ — дай Богъ ему царшво небесное! — То-шо былъ Царь

Государь! Поколачивалъ онъ, бывало, нашу брагью секретарей, и спаршимъ подъ часъ доспавалось; за то все шло какъ по маслу Эхъ! да чпо объ эпомъ говоришь! — не наше дѣло! — Вопъ этакъ годка черезъ при я пооблегчусь, да, можешъ спашься, и самъ съ побою въ Пишеръ скашаю!»

И шочно, онъ повхалъ съ нимъ въ Пешербургъ, только не черезъ при года, а черезъ пяшь лѣпшь: по разнымъ обстоятельствамъ дядушка не могъ собраться прежде въ эшу дальнюю дорогу. Межъ шѣмъ Пешръ Кузмичъ подростъ, выровнялся и спалъ шакимъ молодцомъ, чпо любо-дорого было посмопрѣшь! Роспомъ и дородшвомъ онъ пошелъ по башюшкѣ, шолько ладъ-шо въ немъ былъ не шопъ: Пешръ Кузмичъ былъ малый проворный, ловкій и, по словамъ спариковъ, какъ двѣ капли воды походилъ на своего дѣдушку. Когда дядя привезъ его въ Пешербургъ, шо, по общему совѣшу всѣхъ знакомыхъ и благопріятелей, ошдалъ его не въ школу, а записалъ въ конногвардейскій полкъ, кошорый шолько чпо былъ сформированъ. Пешръ Кузмичъ служилъ шакъ удачно, чпо чрезъ при года попалъ въ каптенармусы, а черезъ шестъ махнулъ за опличіе прямо въ спаршіе вахмистры. Черезъ годъ послѣ эшого умеръ его дядя; нѣнѣмъ управляшь было некому, и Пешръ Кузмичъ долженъ былъ по неволѣ выдпи въ ошспавку, чпобъ заняшья своимъ хозяйшвомъ. Онъ былъ уволенъ опъ службы съ чиномъ армейскаго капитана, и вмѣсто чешырехъ сотъ разоренныхъ креспьянъ, у него оказалось, по милоспи покойника, слишкомъ семьсотъ душъ, успроенныхъ, приведенныхъ въ порядокъ и дающихъ опличный доходъ. Пешръ Кузмичъ могъ бы жить припъваючи; но, на бѣду онъ влюбился въ одну дѣвицу княжескаго рода, у кошорой наслѣдственнаго имѣнья не было, благопріобрѣтшеннаго шакже; но за шо много было спѣся и глупаго чваншва. Она вышла за него замужъ пошому, чпо ей нечего было кушашъ; но ей шакъ шяжело было перейдши изъ сіапельныхъ въ благородные, эша жершва казалась ей шполь необьяшною, чпо она

полагала себя вправѣ шпиранипъ своего мужа день и ночь, помыкашъ имъ какъ слугою и, при всякомъ удобномъ случаѣ, напоминашъ ему, что она урожденная Княжна Бирдюкова. Напрасно возражалъ ей иногда Пешръ Кузмичъ, что онъ шакже происходитъ опъ Князей Барашевыхъ: эшо не помогало; одно безусловное повиновение мужа заспавляло ее забывашъ на нѣсколько минушъ, что она должна вымѣщашъ на немъ поперю своего княжескаго достоинства. По волю жены своей, Пешръ Кузмичъ перѣхалъ жишъ въ Москву. Сначала купилъ онъ домъ на Арбашъ, чистый, спокойный, съ прекраснымъ садомъ и долго выносилъ нападки опъ своей жены, которая хотѣла непременно имѣшъ домъ на Тверской; но подь конецъ эши напешствия сдѣлались шакъ часпы, что ему пришлось хопъ въ пешлю лѣзпъ. Жена кричала съ ушра до вечера, что Арбашъ улица мерзкая, что въ ней самый нездоровый воздухъ, что домъ расположенъ скверно, что онъ холоденъ и сыръ какъ могила, и что она непременно умрешъ, если останешся жишъ въ эшомъ гробѣ. Дѣлашъ было нечего: домъ успушили за безцѣнокъ, продали полпорашпа душъ и купили огромный двухъ-этажный — развалины на Тверской. Надобно было ихъ опдѣлашъ, а эшо споило шакже не дешево. Въдь каменный домъ не шо, что деревянный! Конечно, оченъ прятшно сказашъ при случаѣ: «мой домъ на Тверской»; но эшо еще не все: у кого большой каменный домъ на Тверской, шопъ и живешъ ужъ не шакъ, какъ живупъ въ деревянныхъ домикахъ подь Дѣвичимъ, или за Москвой-рѣкою. Въ эшомъ же домѣ была огромная зала въ два свѣща, а я спрашиваю всякаго: можно ли шому, у кого въ домѣ большая зала въ два свѣща, не дѣлашъ праздниковъ? — Нельзя! Въдь эшо почти все шоже, что поспроишъ шеашръ и не давашъ на немъ предшавленій.

Въ шо время жишъ было гораздо дешевле нынѣшняго, да за шо и доходы были не шакіе, какъ шеперь; разумѣшся, Пешру Кузмичу ихъ не доспавало, чшобъ, поддерживашъ свое полубоярское жишье. Лѣшъ черезъ

пяшь накопилося много долговъ. Жена посовѣшоваала ему удвоить креспьянскій оброкъ и усилишь запашку. И подлинно, въ первый годъ послѣ этого экономическаго распоряженія, годовой доходъ былъ самый блестящій: старыхъ долговъ не заплашили, но за шо не нажили и новыхъ; во вшорой годъ оказались недоборы. Спрогий приказъ управителю, взыскашь все до копѣйки — взыскано; но за шо въ шрешій годъ всѣ оброчныя спашьи преврашились въ одну огромную недоимку и господскія поля оспались незасѣянными. — «Чшожь эшо пакое? Сей часъ смѣнять управителя, послашь другаго!» — Послали. И вошъ новый управитель доноситъ, что шѣхъ креспьянъ, кошорые были на барщинѣ, ему не за чѣмъ и въ поле выгоняшь: они-дискашь, поморили всѣхъ лошадей на господской запашкѣ, пошому что ее удвоили; число пшягль оспавалось все шо же; съ оброчныхъ же мужичковъ брашь вовсе нечего, по шой причинѣ, что они сами пшпающся мѣрскимъ подаянѣмъ. Эша причина показалаь весьма глупою госпожѣ Мирошцевой; она закричала, что вшорой управитель хуже перваго, что всѣ Русскіе прикащики или дураки, или мошенники, и что непременно должно наняшь Нѣмца. Пешръ Кузмичъ предложилъ-было женѣ ѣхать самимъ въ деревню, — куда!... Урожденная Княжна Бирдюкова подняла шакой шшурмъ, что онгъ не зналъ, куда опть нее и дѣваться. — «Да помилуй, мапушка!» — сказалъ онгъ наконецъ своей разгѣванной супругѣ, когда она поуспокоилась и съла за свой шуалешный споликъ: — скоро ли найдешъ Нѣмца? А вѣдь намъ ѣспь нечего.»

— «Я, Пешръ Кузмичъ, въ эши подробносши не вхожу: мое дѣло женское!» — опвѣчала Кашерина Семеновна, приклеивая къ правому виску черную бархашную мушку: — «объ эшомъ должны заботишься мужа, а не жены.»

— «Но чшожь прикажете мнѣ дѣлать?»

— «Какъ чшо? Да почему же вамъ не продашь эшо скверное имѣніе, кошорое не даетъ намъ никакого до-

хода? Продайте его и купите подмосковную. У Княгини Хабаровой есъ подмосковная; у Князя Кожухова есъ подмосковная; у Графини Бирюлькиной есъ подмосковная; у всѣхъ порядочныхъ людей есъ подмосковныя — почему-жь у насъ нѣтъ? За семь сошъ верспъ прикащикамъ не спрудно грабить и обманывать своихъ господъ, а эшо будешъ у насъ подъ глазами.»

— »Такъ, мапушка, такъ! Да вѣдь имѣніе-шо въ два дня не продашь: на эшо надо время; ну, разсуди сама....«

— »Эшо ужъ, Пешрѣ Кузмичъ, не моя забота; я не для того вышла замужъ, чптобы заниматься вашими дѣлами. Продавайте или не продавайте, для меня все равно; только не забудьте, что я сегодня буду играшь у Княгини Хабаровой въ реверси, и чпто мнѣ нужны деньги.«

И вопшь еще двѣспи душъ проданы за полцѣны. Правда, деньги пошли не всъ на вѣшеръ: на имя Катерины Семеновны Мирошевой куплено сорокъ душъ въ десяти верспахъ опъ Москвы. Изъ эшихъ сорока душъ, выключая малолѣпныхъ, всъ оспальныя души были горькія пльницы; земли всего двѣспи десятинь, угодевь никакихъ; но за то господскій домъ съ бельедеромъ, рѣчка, пруды и садъ на двадцати десятинахъ.

Я позабылъ вамъ сказать, любезные чипапели, чпто у Катерины Семеновны Мирошевой была родная сеспра, Княжна Елена Семеновна, дѣвица лѣтъ пяшдесяти. Она жила гдѣ-шо въ Саратовскомъ намѣстничествѣ, въ небольшой деревушкѣ, копорую опказала ей, по духовной, крестная мать, также изъ рода Князей Бирдюковыхъ. Катерина Семеновна Мирошева была за чпто-шо въ ссорѣ съ своей сестрою, не пригласила ее даже къ себѣ на свадьбу, и никогда о ней не говорила, какъ будшо бы ее вовсе и на свѣшъ не было. Когда родился у Мирошевыхъ сынъ, а эшо еще было до ихъ перселенія въ Москву, Пешрѣ Кузмичъ извѣспилъ, поспихоньку опъ жены, Княжну Елену Семеновну

объ эшомъ счастливомъ событіи , и получилъ опть нее самый ласковый и родственный опвѣщъ.

Каперину Семеновну Мирошеву нельзя было назвать нѣжной матерью: она вовсе не хотѣла занимать воспитаніемъ своего сына ; да и шо сказать , когда ей было думатьъ объ эшомъ? Вѣдь не легко поддерживать большое знакомство, ѣздишь на вечера и принимаешь гостей ; а сверхъ того , у нее и шакъ было на рукахъ двѣ моськи, копъ ангора и дюжины двѣ канареекъ ; было съ кѣмъ нянчиться! Можешъ бышь , Каперина Семеновна не была бы шакъ холодна къ эшому ребенку, если бы у него было другое имя ; а шо , — предсавыше себя! — мужъ осмѣлился безъ ея вѣдома назвать его , въ честь дѣдушки — Кузмою!... Кузмою! — А я васъ спрашиваю : какъ можно приласкашь ребенка Кузму? Ну какъ его назовешъ? Кузинька — не хорошо! Куся — еще хуже — покрайней мѣрѣ шакъ всегда говорила Каперина Семеновна. — «Да ужъ эшо, мапушка» — сказалъ однажды Пешръ Кузмичъ , — визъ покони-вѣковъ ведется въ родѣ Мирошевыхъ : у Кузмы всегда сыпъ Пешръ , у Пешра сынъ Кузма....»

— «Прекрасное обыкновеніе — Кузма! Да Кузмою можешъ шолько называшься лакей или кучеръ — эшо имя холопское. Вопъ чшо вы, сударь, надѣлали! По вашей милоспи я не могу любить моего сына — да, да! я видѣшь его не могу!.... Лишь шолько опъ подростешъ, извольше опвезши его въ Пешербургъ и опдашь въ кадешскій корпусъ!»

Въ слѣдствіе сей милоспивой резолюціи , Пешръ Кузмичъ не далъ засидѣться въ Москвѣ своему сыну. Когда ему минуло шинадцашъ лѣтъ , башюшка сколошилъ рублей пысячу , шо ешь занялъ подъ залогъ имѣнья , и опправился съ сыномъ въ Пешербургъ ; сына онъ помѣспилъ въ кадешскій корпусъ , деньги испрашилъ на разные заморскіе госпидцы для своей супруги , и поспѣшилъ возвратиться въ Москву.

Пока Кузма Пешровичъ учился въ кадешскомъ корпусѣ , я расскажу вамъ въ двухъ словахъ , чѣмъ кончи-

лось житье-бытье Мирошевыхъ, копорыхъ не суждено уже было видѣться въ здѣшнемъ мѣрѣ съ единственнѣмъ ихъ сыномъ.

Пять лѣтъ еще прожили они кой-какъ на Тверской, а шамъ должны были продать домъ, пошому что Капшерина Семеновна не хопъла разспашься съ своей подмосковною; другихъ креспьянъ у нихъ давно уже не было. Къ концу шестяго года у Пешра Кузмича, въ слѣдствіе небольшой семейной размолвки, разлилась желчь, и онъ умеръ скоропосшижно. Неушъшная вдова объявила всѣмъ знакомымъ и роднымъ, что намърена разспашься навсегда съ свѣшомъ.

И двѣшшительнo, она уѣхала въ свою подмосковную. Это было въ концѣ Апрѣля; въ началѣ Окпября она возвратилась въ городъ посовѣтовашься съ докшорами о своемъ здоровьи; въ Ноябрь скинула черное плашье и надѣла бѣлое; въ Декабрь, для разспашья, начала играшь по прежнему въ реверси, а въ Генварь проспудилась на балъ у Княгини Хабаровой и умерла нервической горячкою. Послѣ ея смерти подмосковную описали за долги, продали съ публичнаго шорга и опослали сыну шриспа рублей, копорые остались за удовлетвореніемъ всѣхъ заимодавцевъ покойной его матери.

Теперь вы знаете, любезные читатели, опъ чего у пращдушки Кузмы Пешровича было двѣ шьсячи душъ, и куда дѣвалось это богатое родовое имѣнье; но вы еще не знаете, и я долженъ вамъ разсказать, какимъ образомъ Кузма Пешровичъ, копорому, кромъ шрехъ сощъ рублей, ничего не доспалось въ наслѣдство, сдѣлался господиномъ пшшдесяти душъ, шо ешь помѣщикомъ сельца Хопровки.

ГЛАВА III.

Кто такой былъ Прохоръ Кондратичъ и какъ онъ выторговалъ тридцать рублей у Нѣмца портнаго.

Триспа рублей, доспавшіеся Кузмѣ Пешровичу послѣ матери, пришли очень кспашаи: опъ назначенъ былъ

къ выпуску. По своему опличному поведенію ни успѣхамъ въ наукахъ, Кузма Пешровичъ споялъ однимъ изъ первыхъ кадеповъ по всему корпусу. Грустно было бѣдному сиротѣ подумашъ, что ему не кого было порадовать своимъ офицерскимъ чиномъ. Конечно, онъ не былъ избалованъ ласкою своихъ родителей: мать его не любила, отецъ не смѣлъ любить, и онъ успѣлъ уже привыкнуть заранѣе къ своему сиротству; но иногда ему приходило въ голову, что когда онъ явился къ матери молодцомъ, въ красивомъ мундирѣ, когда ей можно будетъ взглянуть съ улыбкою гордости на своего сына, то, вѣроятно, сердце ея забьется сильнѣе обыкновеннаго, и она съ любовью пропьянeshъ къ нему свои руки. Бѣдный ребенокъ! онъ не зналъ еще, что у дурной матери вовсе нѣтъ сердца; онъ не зналъ, до какой степени гордая, упрямая и избалованная женщина можетъ ожесточить свою душу. О, конечно, дурная мать во сто разъ хуже всякой мачихи: ша хоть людей поспыдился, а родной матери чего бояться? Кто осмѣлился подумашъ, что она можетъ безъ причины ненавидѣть свое дитя? Я и самъ бы не повѣрилъ этому, если бъ не зналъ матерей, которыя одного ребенка богошворяшъ, а другаго ненавидяшъ со дня его рожденія. — Что за небесное созданіе крошкя и добрая женщина! Но за то, если она зла, — избави Господи! Мужчина, чѣмъ бы онъ ни былъ, а все-таки въ немъ оспашешъ что-то человѣческое; одна только женщина можетъ быть и совершеннымъ ангеломъ и воплощеннымъ сашанюю.

Впрочемъ я ошибся, когда сказалъ, что Кузмъ Пешровичу некого было порадовать своимъ офицерскимъ чиномъ; нѣтъ! онъ не вовсе былъ сиротой: у него былъ дядька, по имени Прохоръ Кондрашъичъ. Эшошъ образчикъ шаринныхъ Русскихъ домочадцевъ, которыя вынянчивали на рукахъ своихъ дворянскихъ дѣшей, споншъ того, чтобы я познакомилъ васъ съ нимъ покороче.

Прохоръ Кондрашъичъ былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, приземистый, широкоплечій и нѣсколько сушу-

ловашый. Широкий лобъ его, покрытый морщинами, сливался съ огромной лысиною, которая оканчивалась почти на самомъ запылкѣ нѣсколькими клочками свѣпловыхъ волосъ съ просѣдою. Съ перваго взгляда широкое лицо его, нѣкогда румяное, а теперь багровое, не обещало ничего добраго: вы побились бы объ закладъ, что онъ горькій пьяница, и проиграли бы навѣрное, потому что Прохоръ Кондрашъичъ и въ рошъ не бралъ хмѣльнаго. Блѣдносерые, подслѣповашные глаза съ нависшими бровями, полслый, круглый носъ и рошъ до ушей, все это было вовсе не красиво; но подъ этой грубой оболочкою шилая самая добрая и честная душа; въ этихъ прищуренныхъ, безцвѣсныхъ глазахъ блиспала по временамъ природный Русскій умъ, который мы, по нашему врожденному смиренію, называемъ просто Русскимъ полкомъ. Самая нѣжная мать не могла бы любить дшя свое болѣе того, какъ онъ любилъ своего молодого барина. Можешъ быть, онъ не вдругъ бы рѣшился погубить за него свою душу, — но умерешъ за Кузму Пепровича, идши за него въ огонь и въ воду, заплонишь его своей грудью опъ пушечнаго ядра, объ этомъ Прохоръ Кондрашъичъ не призадумался бы ни на минушу. Сколько разъ бывало, когда Кашерина Семеновна разгнѣвается безъ всякой причины на своего сына, прогонитъ съ глазъ долой, и прикажетъ запереть одного въ его темной комнатѣ на анпресоляхъ, — Прохоръ Кондрашъичъ, не смотря на строгое запрещеніе, прокрадется шихонько въ дѣшскую, подсядетъ къ своему дитяти, опдастъ ему какого-нибудь прличнаго комька или лѣпушка, купленнаго на послѣднюю копѣйку, начнешъ его ласкать, приголубливать, приметя спроитъ ему каршочный домикъ; ребенокъ забудешъ свое горе, поразвеселился, а добрый Кондрашъичъ — нѣшъ, нѣшъ, да опшворопится, и попихоньку, чпобъ дшя не видѣло, упираешъ полою сюршука свои слезы. Вопъ иногда узнаюшъ объ этомъ, Прохора Кондрашъича опколопашъ по щекамъ, а ему и горюшки мало! Думаешъ про себя: «бей меня, мапушка, сколько душъ пвоей угодно, только

не мѣшай мнѣ любишь швое дѣшнще.» Куда дѣвалось эшо поколѣніе вѣрныхъ слугъ боярскихъ? Оно исчезло вмѣстѣ съ патриархальными нравами нашихъ предковъ. Теперь шакая безкорыстная любовь къ чужому ребенку можетъ показаться невѣрояшною, а въ старину эшо бывало сплошь. Обыкновенно барское дитя переходило отъ кормилицы на руки къ нянюшкѣ, отъ няни мальчикъ постушалъ подъ надзоръ дядьки, и всѣ эши хозяиные, кормилица, нянюшка и дядька, сохраняли до самой смерти неизмѣнную привязанность къ ребенку, который впоследствии становился ихъ баринномъ. Разумѣешь, эша любовь была всегда самая слѣпая и безопчешная; обыкновенно, каждая нянюшка и каждый дядька не сомнѣвались, что ихъ дитя и умнѣе и лучше своихъ братьевъ и сестеръ. Эшо бы еще ничего: но они также были увѣрены, что оно не могло быть никогда и ни въ чемъ виноватымъ. Отъ эшого происходили иногда споры, которые не всегда оканчивались миролюбиво: бывало два брата подерутся между собою, а шамъ — глядишь, и нянюшки шаскаютъ другъ друга за волосы.

Теперь, если вы спросите меня, какимъ образомъ Прохоръ Кондрашъичъ удѣлялъ одинъ изъ всѣхъ крестьянъ и дворовыхъ людей Петра Кузмича Мирошева, то я изясню вамъ эшо въ двухъ словахъ. Прохоръ Кондрашъичъ принадлежалъ Кашеринъ Семеновнѣ, и имѣлъ отъ нее домовую отпущную, въ силу которой онъ не могъ быть проданъ при жизни своей барыни, а по смерти ея дѣлался навсегда свободнымъ, шо ешь, имѣлъ полное право умереть на старости съ голоду, или шашаться Христовымъ именемъ. Какъ ни лешно эшо право, но добрый старикъ не захопѣлъ бы имъ воспользоваться, еслибъ даже былъ и молодымъ человекомъ: онъ швердо рѣшился жить и умереть при своемъ баринѣ.

Разумѣешь, присланные изъ Москвы приспа рублей ошданы были подъ сохраненіе Прохору Кондрашъевичу. И баринъ и слуга, оба думали, что съ шакой огромной казною имъ ни въ чемъ не будетъ недосшаш-

ка; но когда дѣло дошло до обмундировки, и Кондрапъичъ смѣкнулъ на счешахъ, чѣмъ будетъ споншь полный драгунскій мундиръ, шо руки у него опустились опъ ужаса. »Чшо-жь эшо шакое?« — сказалъ онъ. — »Башюшка, Кузма Пешровичъ! да вѣдь мундиръ-шо будетъ споншь рублей сорокъ! Ахъ Ты, Господи!... Да еще гладишь, поршной заломишь рубля чешыре за рабшу.«

— »Чшо ты, Прохоръ! Какіе чешыре рубля: и за восемь не сдѣлаюшъ.«

— »За восемь? Нѣшъ, сударь, жирно будетъ!«

— »Да вошъ, мой шовариць, Засвкинъ, — съ него взялъ поршной Нѣмецъ за всю пару десяшь рублей.«

»Да шо Нѣмецъ, сударь, а мы поищемъ Русскаго.«

— »И, Прохоръ! да чшожь, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь у насъ присша рублей!«

— »Кшо и говоришъ, сударь, присша рублей велико дѣло; да вѣдь и годовъ-шо впереди много: на шо копѣйка, на другое грошъ, и не увидише, башюшка, какъ денежки выдушъ.«

— »Послушай, Прохоръ,« сказалъ Кузма Пешровичъ, не смѣя взглянушь на своего дядьку, — »ты не разсердишься?«

— »А чшо, сударь?«

— »Вѣдь я ужъ мундиръ-шо заказалъ.«

— »Заказали?... Какъ заказали?... Ужъ не Нѣмцу ли?«

— »Нѣмцу.«

Прохоръ Кондрапъичъ поблѣднѣлъ »Вошъ шебъ разъ!« — прошепшалъ онъ сквозь зубы. — »А сколько онъ съ васъ выпросилъ?«¹

— »За полный мундиръ со всею аммуниціею, и шляпа, и шага, и пуговицы — все его....«¹

— »Ну, сударь! .. ну!... сколько онъ съ васъ взялъ?« — проговорилъ шрепещущимъ голосомъ шарикъ.

— »Сто рублей.«

— »Сто рублей!« — вскричалъ Прохоръ, всплеснувъ руками. — »Ахъ онъ басурманская рожа!... Сто рублей!... Ахъ онъ разбойникъ!...«

— »Да за шо какъ будешъ все сдѣлано!...«

— »Что сдѣлано, башюшка!... Помилуйше — сто рублей!... Нѣшъ, Кузма Пешровичъ, воля ваша, плюньше вы на эшого Нѣмца...«

— »Да я ужъ, Прохоръ, и задашокъ ему далъ.«

— »Задашокъ? .. А гдѣ вы деньги-шо взяли?«

— »Мнѣ Засѣкинъ далъ займы двадцать рублей.«

— »Ну!!! плакали наши денежки! Ахъ, башюшка-баринъ, что эшо вы шакъ опросповолосились? Легко вымолвишь — сто рублей!... Да эшакъ онъ, разбойникъ, въ два года каменныя палашы выспроишъ!... Да вы бы съ нимъ хошь пошорговались, сударь!«

— »Что шы, Прохоръ! вѣдь Нѣмцы не шоргуюшся.«

— »Не шоргуюшся?... Полноше, башюшка Кузма Пешровичъ! — Ну вѣспимо, съ вами какой шоргъ — что запросилъ, шо и даеше. Нѣшъ! онъ меня бы попробовалъ! — Намнясь, зашолъ я въ гамазю купишь для васъ банку помады; Нѣмецъ просишъ гривну, а я ему грошъ! Онъ и говоришь не хочешъ. Я посулилъ еще копѣйку, да и вышелъ вонъ. Подождалъ — не зовешъ назадъ; вошъ опяшь къ нему. — »Бери, мусье, пяшакъ.« А онъ кричишь по своему: »пошолъ вонъ!« Я еще денежку надбавилъ — а онъ меня по-шеямъ изъ лавки. Я повременилъ, да въ шрепшій разъ къ нему: »хочешъ, мусье, шесшь копѣекъ?« Онъ-было опяшь гнашь меня изъ гамазю, да нѣшъ — шупишь! Я уперся въ пришолку, да и кричу: »бери семья! — Ну чтошожъ, сударь? вѣдь ондалъ за семь копѣекъ. То-шо и есть,

съ нашимъ брапомъ не шо, что съ вами. Вошь, поспойше, я къ эшому Нѣмцу поршному схожу, да хопъ у него и задашокъ ешь, а онъ уступипшь — видишь Богъ, уступипшь!»

На другой день Кондрашьичъ явился къ своему барину съ радостнымъ лицомъ. »Ну, башюшка!« — сказалъ онъ, — »не говорилъ ли я вамъ, что Нѣмецъ уступипшь?«

— »Неужели шы въ самомъ дѣлѣ что нибудь вышорговаль?«

— »Да еще сколько, сударь! Я прищель къ нему: Нѣмецъ шакой дородный, сидишь въ колпакѣ, а въ зубахъ у него шрубка. Я поклонился ему низенько, да и говорю: »Что, башюшка — баринъ мой, Кузма Пешровичъ Мирошевъ, заказаль швоей милоспи мундиръ?« Заказаль-дискашъ — »За спо рублей? — »Да, за спо.« — »Эхъ, хозяинъ, хозяинъ!« — сказалъ я; — »ну боишься ли шы Бога! Въдъ баринъ-шо мой человекъ бѣдный: у него всего навсе спо рублей за душею.«

— »За чѣмъ же шы, Прохоръ, солгалъ? Обманывашъ грѣшно.«

— »И, сударь, что шумъ за грѣхъ! Въдъ эшо нешто другое — эшо дѣло шорговое! Вошь Нѣмецъ почесаль у себя запылокъ, да и говоритъ: »мой нельзя уступай меньше;« — а я ему: »какъ нельзя, хозяинъ? въдъ барину-шо моему послѣ завтра походъ, а онъ круглый сирота: ни ошца, ни машери; шы его обидишь, и себя Богъ обидишь.« Нѣмецъ замопалъ головою. Ахъ Ты, Господи! грустно мнѣ спало; съ чѣмъ мы, въ самомъ дѣлѣ, въ походъ-шо поидемъ?... Заплакалъ, башюшка!... Тутъ вдругъ и заговорила съ нимъ по своему — жена чполь его, не знаю — баба шакже ражал, румяная, а лице предоброс. Глжу — Нѣмецъ спалъ хмурисься, покачивашъ головой, надулся; она ему и шо, и се, а онъ молчипшь, да жрепшь свой шабачице;— глядъ поглядъ, Нѣмка-шо ужъ и плачешъ. Вошь видно и ему спало жалко. »Ну, добрый человекъ,« — сказалъ онъ, — »если швой баринъ сирота, шакъ Богъ съ нимъ: возъ-

му съ него мою цѣну. У меня задапку двадцать руб-лей, привоши нѣшьдесять.» — Я было попорговался еще съ нимъ малую шолику, да нѣтъ — не ушпуаешъ. Эко диво, подумаешъ! — Нѣмецъ, а сжалился!»

— «Да развѣ по швоему, Прохоръ, Нѣмецъ-шо не человекъ?»

— «Да какъ вамъ сказать, сударь? Кажись, образъ человеческій, а въдъ Богъ знаетъ? сшарики-шо наши не шо говаривали.... Ну да что объ эшомъ. Завшра, бапюшка, принесу къ вамъ мундиръ, да и укладывашь-ся. Въдъ ошправленіе-шо ваше гошово?»

— «Генераль сегодня мнѣ опдалъ и сказалъ, чтообъ я шоропился: нашъ полкъ выпушилъ въ походъ.

— «Подъ Нѣмца, сударь?»

— «Да, мы идемъ въ Пруссію.»

— «Эхъ, бапюшка-баринъ! и пощеголяшь-шо вамъ здѣсь не дали! Ну, дѣлашь нечего; вошъ, Богъ дасшъ, вернешесь, шакъ нагуляешесь досыша.»

— «А если не вернусь?»

— «Такъ авось шогда Господъ Богъ и меня приберешъ вмѣшъ съ вами.... Да что объ эшомъ загадывашъ — Богъ милосшивъ! Вернешесь, бапюшка, да еще можешъ сшашься, кашпаномъ, а шамъ въ ошсшавку, да домой.»

— «Домой?... Куда домой?»

— «Эхъ, совсѣмъ было забыть!... Чшо дѣлашь, бапюшка Кузма Пешровичъ, негдѣ вамъ, сердечному, и головы приклонишь. — Ни кола, ни двора, ни роду, ни племени.... Э! да что говоришь! Служише върой и правдой Богу, да Царю, шакъ будете съ домикомъ.»

Когда Кузма Пешровичъ надѣлъ свой красивый драгунскій мундиръ, Прохоръ Кондрапшичъ совсѣмъ обезумѣлъ ошъ восторга и радости. «Экой молодець!» — кричалъ онъ. — «Экой молодець! — Ну, подлинно всѣмъ взялъ! И родяшся же эшакіе... Ахъ шы, баринъ, мой голубчикъ, соколъ шы мой ясный! — Да ешъ ли на бѣломъ свѣшъ шакіе красавцы? Нѣтъ, видишъ Богъ, нѣтъ, —

не бывало и не раживалось! Да и мундирчикъ-шо, нечего сказать, шакъ и поёшь! Ни морщинки, ни складочки!... Ай да Нѣмецъ, — спасибо!... Пройдише-ка, башюшка, пройдише?... Ахъ вы, мои родные!... Писанный красавецъ!... А послушь-шо какая, послушь!... Орель!... Башюшка, Кузма Пепровичъ, спунайше въ Лѣшній садъ!» .

— «За чѣмъ?»

— «Какъ за чѣмъ? Людей посмопрѣшь и себя покажешь. Мы завпра чѣмъ-свѣшь въ дорогу, шакъ пускай на васъ хопъ сегодня-шо полюбуюсь!»

Кузма Пепровичъ и самъ хопѣлъ пощеголяшь своимъ мундиромъ. Спросите у любого прапорщика, что онъ дѣлалъ въ шопъ день, какъ надѣлъ въ первый разъ офицерскій мундиръ — и онъ вѣрно вамъ скажешъ, что гулялъ, разумѣеся, если шолько была возможность ошавашься на ошкрышномъ воздухѣ. Боже мой, какъ весело пройдиши мимо часоваго, кошорый дѣлаешъ вамъ на карауль! Какъ пріятно видѣшь, что каждый солдашъ снимаешъ передъ вами фуражку! Вамъ кажешся, что всѣ даюшъ вамъ дорогу, и смошряшъ на васъ, какъ на человекъ необыкновеннаго. Если вы вспрѣшишесь когда вибудъ съ молодымъ офицеромъ, у кошораго мундиръ съ иголочки, если эшопъ офицеръ дѣлаешъ крюкъ для шого шолько, чтошобъ пройдиши мимо будки часоваго, усшупасешъ дорогу однѣмъ женщинамъ, смошринъ прямо въ глаза всѣмъ мужчинамъ, и не можешъ скрышь презрительной улыбки, взглянувъ на вашу круглую шляпу: шо будыше увѣрены, что онъ прапорщикъ, и шолько что произведенъ въ офицеры.

Вошъ число гуляющихъ въ Лѣшнемъ саду умножилось однимъ драгунскимъ офицеромъ. Онъ бодро шелъ по средней аллеѣ; но шакъ какъ онъ былъ росшу небольшого и наружношпи, хопя пріятной, но самой обыкновенной, шо никшо не обращалъ на него вниманія, кромъ одного лысаго, въ коричневомъ сюршукѣ, спарика, кошорый шелъ позади его шагахъ въ десяши. Эшопъ .

спарикъ слѣдилъ его глазами и поглядывалъ съ удивленіемъ на всѣхъ проходящихъ. «Экой народъ!» — шепталъ онъ себѣ подъ носъ, — «никшо и не взглянешь! Какъ будшобъ присмѣшрѣлись къ шакимъ молодцамъ.»

Вошъ наконецъ одна барыня оглянулась на драгуна, — спарикъ улыбнулся; вошъ какая-то мѣщанка въ запачканномъ шушунѣ оспановилась и успремилла свои взоры на проходящаго офицера. — «Чшо, шѣшка» — спросилъ ее спарикъ, — «влюбуеться! Каковъ молодець-шо.»

— «Хорошъ, мой родимый, хорошъ!»

— «То-шо же! Эшо мой баринъ, его благородіе Кузма Пешровичъ Миропевъ.»

— «Такъ, башюшка, шакъ!»

— «Экой красавецъ, подумаешь! Чшо, шѣшка, видала ли ты эшакихъ?»

— «Да, башюшка, баринъ личменной; роспу шолько Богъ не далъ.»

— «Чшо ты, спаруха? пропри глаза-шо хорошеко! Какого еще тебѣ молодца надобно?»

— «Такіе ли, родимый, молодцы бывають.»

— «Такіе ли! Чшожь ты на него бѣльмы-шо пялила?»

— «Да какъ же, башюшка! Въдь онъ и лицемъ и роснюмъ, шочъ въ шочъ мой Ванюша.»

— «Ванюша! Ванюша?»

— «Сынокъ мой, башюшка. Теперь онъ извозничаетъ, а прошлаго года совсѣмъ-было посшавили въ ретрушы, да въ мѣру не вышелъ.»

Прохоръ Кондрапьевичъ плюнулъ, и пошелъ прочь.

На другой день Кузма Пешровичъ, получивъ подорожную, отпрашилъ въ свой полкъ, и догналъ его на самой границѣ.

Г Л А В А IV.

Въ которой доказывается справедливость пословицы: „хорошо тому жить, кому бабушка врожитъ.“

Вскорѣ по прибытіи Кузмы Пешровича въ полкъ, онъ выступилъ за границу, и соединился съ арміею, кою которой командовалъ уже, замѣсто Генерала Фермора, знаменитый Салпыковъ. Кузму Пешровича полюбили всѣ товарищи за его крошкій нравъ, примѣрное добродушіе и веселый обычай, копорый однакожъ не мѣшалъ ему быть самымъ разсудительнымъ и спешнымъ прапорщикомъ во всей арміи. Старые служивые, начиная съ Маіора, копорый командовалъ заурядъ полкомъ, говорили о немъ, какъ о самомъ опличномъ и исправномъ Фруншовомъ офицерѣ, а вся молодежь называла его «дядюшкою». Прохоръ Кондрашъичъ попалъ также въ большую честь. Онъ заслужилъ такую довѣренность своимъ честнымъ поведеніемъ, что всѣ офицеры, копорые были въ одной ротѣ съ Кузмою Пешровичемъ, сдѣлали его своимъ казначеемъ, что есть, отдали ему на сохраненіе свои аршельныя деньги. Онъ никогда не сердился, когда смѣялись надъ его лысиною и краснымъ носомъ; рассказывалъ молодымъ господамъ разныя побасенки, и очень часто служилъ для нихъ переводчикомъ. Прохоръ Кондрашъевичъ вполне обладалъ эпою смѣшкою и досужествомъ, копорыя могутъ назваться опличительными чертами Русскаго народа. Разумѣется, онъ не зналъ Нѣмецкаго языка, а не смотря на эшо мастерски объяснялся съ Нѣмцами; онъ соспавилъ для эшого какой-то особенный языкъ, въ копоромъ слова: «биръ, брошъ, ванъ, ницъ, гупъ» служили основаніемъ, а «шверношъ» необходимымъ дополненіемъ каждой фразы; всѣ прочія слова были не что иное, какъ производныя рѣченія эшихъ пяти коренныхъ словъ; онъ примѣшивалъ къ нимъ множество исковерканныхъ на «Нѣмецкій манеръ» Русскихъ рѣчей, и добавлялъ все эшо чрезвычайно выразительной панпомимою.

Въ доказательство его досужества въ эпюмъ опношеніи, я приведу одинъ примѣръ изъ пысячи. Однажды хозяинъ Нѣмецъ не могъ никакъ понять, чего пребуешь Русскій офицеръ, копорый споялъ у него на кварширь. Офицеръ просилъ молока, а ему подали варапаго каршофеля, попомъ пива. Офицеръ былъ человекъ вспьльчивый и вздорный: онъ разсердился, началъ шумѣть и гошовъ уже былъ драшья. Послали за переводчикомъ; Прохоръ Кондрапычъ пришелъ, и началъ изьясняшьяся слѣдующимъ образомъ съ хозяиномъ :

— «Послушай, брапъ, швернопъ — вопъ чпо: мой не нада биръ — понимаешь? — ницъ биръ!»

— «Всянъ?» — проговорилъ Нѣмецъ.

— «И не ваинъ; намъ не надобно ни биру, ни вайну; — ты давай намъ молока! Твой понимай — молока?»

— «Ихъ фершпее ницъ!» — сказалъ Нѣмецъ, качивая головою.

— «Экой швернопъ безполковый! Ну вопъ, смопри!»

Тупъ Прохоръ спалъ на чепвереньки и заревълъ коровою. Нѣмецъ побѣжалъ и принесть жареной говядины.

— «Ницъ, ницъ!» — закричалъ Кондрапычъ. — «Эхъ, не знаю, какъ по ихнему-шо молоко зовушь..... А вопъ посшойше — разомъ пойметъ! — Эй, хозяинъ! намъ надо вопъ чпо — смопри!»

Прохоръ спалъ на комѣни, и сдѣлалъ видъ какъ будшо бы доишъ корову.

— «Мильхъ?» — вскрикнулъ хозяинъ.

— «Гушъ, гушъ!» — подхвапилъ Прохоръ. — «Милихъ, сиръчь молоко! Теперъ швой понимай? Давно бы эшакъ! Давай намъ, камрашъ, милиху!»

Нѣмецъ побѣжалъ на погребъ, а Кондрапычъ вспалъ, и выширая свою лысину, проговорилъ, запыхавшись: «Фу, башюшки, усалъ до смерти! Экой олухъ, подумаешь! Другіе намешу хвашаюпъ, а эпюпъ швернопъ..... Ну, поноптъль я съ нимъ!»

Я уже сказалъ вамъ, любезные чипапасли, что начальники почиппали Кузму Пепровича за самаго примѣрнаго и опшлчнаго Фруншоваго офицера, а повзрищи любили какъ истинно честнаго малаго и добраго сослуживца; но никто еще не зналъ, каковъ онъ будетъ въ дѣлѣ; пѣкторые изъ молодыхъ офицеровъ сомнѣвались даже въ его храбрости, пошому что онъ не горячился и не кричалъ: «да скоро ли мы будемъ драпаться? да когда же мы спанемъ лицомъ къ лицу съ непріателемъ?» А шакпхъ крикуновъ было много, разумѣется, между молодежп. Одни дѣйствптельно ожидали этого съ неперпшпемъ, а другіе горячились ради молодечества и хвастовства; изъ числа послѣднихъ больше всѣхъ гарцовалъ поручикъ Фурсиковъ, шалунъ, повѣса и спрашпной забіяка; рѣдко проходилъ день, чтобъ онъ не заводилъ съ кѣмъ нибудь ссоры, и не придирался бы къ кому нибудь изъ товарищей, изъ которыхъ одинъ только поручикъ Косполомовъ, лихой офицеръ, гуляка, весельчакъ, но честный человекъ, никогда ему не поддавался; другіе же уступали Фурсикову пошому, что онъ былъ человекъ богашпй и сорилъ деньгами, а другіе, люди смиренные, не хотѣли съ нимъ связываться, какъ съ опшьявленнымъ головорѣзомъ; самъ Маіоръ смолрѣлъ сквозь пальцы на буйное поведеніе этого Фурсикова, пошому что онъ былъ роднымъ племянникомъ полковому командиру, который прибылъ къ полку наканунѣ сраженія подъ Кросеномъ.

За нѣсколько часовъ до дѣла, сошлись поболтать межъ собою человекъ пять офицеровъ; въ числѣ ихъ былъ и поручикъ Фурсиковъ. «Ну что, господа?» — сказалъ онъ, хлебнувъ водки изъ своей походной фляги, съ которой онъ никогда не расставался. — «Сегодня, кажется, на нашей улицѣ праздникъ. Уже по- по мы потѣшимся надъ этими Нѣмцами!»

— «Давай ихъ сюда!» — закричали офицеры. — «Мы ихъ порядкомъ обрабопаемъ!»

— «Дай Богъ!» — сказалъ Мирошевъ; — «а говоряшь, эти Прусакп славно дерушся.»

— «Да!» — подхватилъ Фурсиковъ; — «такъ гонорятъ весь прусы.»

— «Нытъ, я слышалъ это отъ нашего Маіора, а кажешя онъ не прусы.»

— «Не прусы, а всего боптся. Воптъ и ты, Мп-рошевъ, чай поставилъ бы рублевую свѣчу, чпобъ тебѧ завтра Богъ помиловаль.»

— «За это можно бы и двухрублевую поставитъ.»

— «То-то же! Да не хочешь ли, я попрошу дя-дюшку, чпобъ онъ тебѧ въ обозъ отправилъ?»

— «Прикажущъ, такъ поѣду, а проситъся не стану.»

— «Какъ, Мпрошевъ! Такъ ты въ самомъ дѣлѧ согласяся бы оспаться при обозѧ.»

— «А чпожъ такое? Въдѧ надобно же кому нн-будѧ и при обозѧ бытъ.»

— «Ну, Кузма Пепровичъ!» — вскричалъ Фур-сиковъ, ударивъ его по плечу; — «долголъшенъ ты будешъ на землѧ!»

— «А воптъ узнаемъ сегодня, кпю кого пережи-вешъ!» — сказалъ Мпрошевъ весьма спокойно.

— «Хопните ли, господа?» — прервалъ Фурси-ковъ: — «я бьюсь объ закладъ, чпю дядюшку Мпроше-ва сегодня пуля не зацѣпитъ.»

— «Почему ты это думаешь?» — спросилъ одинъ изъ офицеровъ.

— «Да такъ! Онъ человекъ оспорожный, а бере-женаго и Богъ бережетъ.»

— «Полно, брапецъ!» — сказалъ Кузма Пепро-вичъ, — «оптъ пули не спрячешся.»

Ударили сборъ; войска спали спроишся, и офи-церы разошлись по своимъ мѣстамъ.

Сраженіе было упорное. Къ вечеру побѣда склонп-лась на нашу сторону, и непріятель, сбившій съ поля,

началь поспѣшно отступашь по Франкфуртской дорогѣ. Чпобъ пріостановишь напискъ нашего передоваго войска, которое сильно напирало на непріятельскій арьергардъ, Прусакн разбросали по высотамъ нѣсколько орудій, и подъ ихъ прикрытіемъ пушили въ атаку на нашу передовую цѣпь полкъ черныхъ гусуръ; они промчались до второй линіи, смали бапаліонъ пѣхоты и изрубили сошни двѣ козаковъ. Драгунскій полкъ, въ кошоромъ служилъ Мирошевъ, не былъ еще въ дѣлѣ; шупъ онъ погучилъ приказаніе ударить во флангъ чернымъ гусарамъ. Драгуны перекреслились, пошли съ мѣспа на рыскахъ, и не дохавъ шаговъ спо до непріятеля, кинулись въ атаку. Въ эту самую минушу показалось Мирошеву, что поручикъ Фурсиковъ, кошорый ѣхалъ съ нимъ почши рядомъ, осадилъ свою лошадь. Кузма Пешровичъ не обратилъ на это никакого вниманія: ему было не до того; въ первый разъ еще въ жизни онъ спалъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ; въ душѣ его вспыхнулъ богатырскій духъ испаго Русскаго и закипѣла въ силахъ кровь молодецкая. Этопъ кропкій юноша, кошорый умѣлъ сносишь обиды своихъ поварищей, а самъ не обижалъ никого, превратился въ наспоящаго льва. «Ай да молодець!» кричали вокругъ его усачи-драгуны; «малъ, да удалъ!» — И подлинно, Кузма Пешровичъ дѣлалъ чудеса храброспи. Когда сабля его коснулась сабли вражеской, онъ не взвидѣлъ свѣспа Божьяго, первый врѣзался въ толпу непріятелей, и очнулся шолько тогда, когда драгуны, словивъ черныхъ гусаръ, промчались по ихъ шрунамъ, и вскакали на ближайшую непріятельскую бапарею, съ кошорой успѣли однакожь сдѣлапъ нѣсколько выспръловъ карпечью. А если вы, любезный читашель, бывали когда нибудъ въ дѣлѣ, шакъ знаете, что шакое направленные въ толпу карпечные выспрълы. Все легло вокругъ Мирошева, болѣе десяти офицеровъ выбыло изъ полку. А онъ какимъ-то чудомъ остался живъ и невредимъ. Полковой командиръ, кошорый былъ слегка шолько ранень, опсправилъ Кузму Пешровича съ донесеніемъ къ авангардному начальнику. Возвращаясь назадъ

къ полку, Мирошевъ взялъ нѣсколько направо опть шогомѣспа, гдѣ происходила кавалерійская схватка. Проезжая небольшимъ лѣскомъ, шагахъ въ двухъ спахъ опть мѣспа сраженія, опть повспрѣчался съ Фурсиковымъ, копорый, увидавъ его, принялся шпорить и ругать немилосердо свою лошадь.

— »Ба, ба, ба! Степанъ Ивановичъ! — вскричалъ Мирошевъ. — »Ты какъ сюда попалъ?»

— »А вошь по милоспи этого чорипа!« — отвѣчалъ Фурсиковъ, продолжая шпиранишь свою лошадь. — »Прокляшый одерь!... Вошь я шебя, бесшя!»

— »Да въ чемъ она провинилась?»

— »Какъ въ чемъ?... Ахъ ты скверная, мерзкая кляча!... Да ужъ я же шебя вышколю!»

— »Эхъ, переспань, брашець! Мнѣ, право, жаль на нее смошрѣшь.«

— »Издохни она, прокляшая! Предспавъ себя, Мирошевъ: въ шу самую минушу, какъ мы пошли въ ашаку, эпа упрямая скопина закусила удила и поессла меня.... «

— »Впередъ?»

— »Вошь по-шо и бѣда, что нѣшь, брашець.«

— »Чшо ты говоришь? Да какъ же эшо она могла занеспи шебя не впередъ, а назадъ?»

— »Я и самъ не знаю; видно на всемъ скаку повернула.«

— »Видно чшо шакъ.«

— »Ужъ я ее и шуда и сюда — шшь, сударь, хошь зарѣжь!... Шельма эшакая!»

— »Полно, Фурсиковъ! Посмошри, у ней весь бока въ крови! Да чшожъ ты шешерь здѣсь дѣлаешь? Нашъ полкъ впереди, на непріятельской башареѣ.«

— »Такъ вы взяли башарею?»

— »Шесть пушекъ.«

«А меня памъ не было! ... Ахъ шы, скверная! ... ахъ шы, разбойница!..»

Тутъ Фурсиковъ далъ такія жестокія шпоры своей несчастной лошади, что она въ самомъ дѣлѣ закусилла удила и понесла его между деревьями; Мирошевъ выскакать вмѣстѣ съ нимъ изъ лѣсу. Въ эту самую минушу плжело раненый Прусскій гренадеръ, върояпно желая передъ смертью убить хоть одного Русскаго, приподнялся изъ-за куста и выспрылилъ въ Фурсикова; онъ вскрикнулъ. «Что шы, брашець?» спросилъ Кузма Пепровичъ.

— «Я раненъ!» отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ Фурсиковъ; — «и, кажешся, очень плжело.»

— «Постой-ка... И нѣтъ! шебъ только оцарапало плечо.»

— «Не можешь бышь: я чувствую, вся рука у меня горитъ.»

— «Ну да! — обожгло немножко. Вотъ видишь, Степанъ Ивановичъ» — прибавилъ Мирошевъ — «не говорилъли я шебъ, что отъ пули не спрячешься?»

Увѣряю васъ, что добрый Кузма Пепровичъ сказаль эшо сиросша, безъ всякаго злаго намѣренія; но Фурсиковъ судилъ о другихъ по себѣ самомъ: онъ вспыхнулъ, не отвѣчалъ ни слова, и съ эшой минушы сдѣлался заклятымъ врагомъ Мирошева.

Недѣли черезъ двѣ Кузма Пепровичъ прочель въ приказѣ, что его полковой командиръ изъ Полковниковъ производится въ Бригадиры, оставаясь по прежнему командиромъ полка, который подъ его начальствомъ опличился въ Кросенскомъ дѣлѣ, что вѣсмъ офицерамъ, а въ шомъ числѣ и Кузмѣ Пепровичу Мирошеву, объявляется благодарность Главикомадующаго, и что изъ числа раненыхъ на полѣ сраженія, поручикъ Фурсиковъ, за оказанную имъ примѣрную неуспрашимость, во время кавалерійской атаки, производится въ слѣдующій чинъ. Чшожь, вы думаете Мирошевъ разсердился? Нѣтъ!

онъ покачалъ головою, улыбнулся и пожалтъ только о томъ, что вмѣсто его Капишана, убитаго на непріятельской башарѣ, назначенъ эскадроннымъ командиромъ Фурсиковъ. Кузьмъ Пепровичу грустно было подумать, что онъ не можетъ уважать своего начальника. Вскорѣ за этимъ наши войска соединились съ Австрійскими, и одержана была знаменитая побѣда близъ Кунерсдорфа надъ Прусскими войсками, которые дрались подъ личнымъ начальствомъ своего Короля Фридрика Великаго. Сраженіе было кровопролитное: тридцать двѣ тысячи воиновъ легло съ обѣихъ сторонъ; Русскіе взяли въ плѣнъ семь тысячъ челоуѣкъ, оубили двадцать семь знаменъ, сто шестьдесятъ орудій и захватили почти весь обозъ. За это сраженіе онятъ произвели Фурсикова; но и Мирошеву, который въ самомъ пылу сраженія взялъ непріятельское знамя, дали слѣдующій чинъ. Этимъ дѣломъ кончилась кампанія 1759 года. Въ слѣдующемъ году, Русской Генералъ Топлебенъ, вмѣстѣ съ Австрійцами, овладѣлъ Берлиномъ. Положеніе Прускаго Короля спановилось часъ оу часу хуже. Австрія и Франція уступали Россіи на вѣчныя времена всю восточную Пруссію, съ однимъ только условіемъ, чтооу Россія не прекращала войны съ Фридрикомъ. Столица Курфирспровъ Браденбургскихъ, древній Кенигсбергъ, былъ причисленъ къ городамъ Русской Имперіи, и въ немъ даже начали бить монету и печатать газеты съ изображеніемъ Русскаго двухглаваго орла (*). Вдругъ все перемѣнилось: Императрица Елисавета Пепровна скончалась; преемникъ ее, Пешръ Третій, страстный почитатель Фридрика Великаго, объявилъ себя его союзникомъ и положилъ конецъ этой кровопролитной войнѣ, извѣстной въ Исторіи подъ названіемъ Семи-

(*) Есть очень любопытный Нѣмецкій романъ тогдашняго времени, подъ названіемъ: „Путешествіе Софіи.“ Дѣйствіе происходитъ въ Кенигсбергъ. Читая эту книгу, можно подумать, что она переведена съ Русскаго: въ ней всѣ чиновники служатъ въ нашей службѣ, говорятъ о Императрицѣ Елисаветѣ Пепровнѣ, какъ о законномъ своемъ Государствѣ, и считающъ деньги не талерами, а рублями.

льпней. Къ концу кампаніи Фурсиковъ былъ уже маіоромъ, а Мирошевъ оспавался все поручикомъ; но такъ какъ въ полку не было налицо и половины офицеровъ, то онъ командовалъ эскадрономъ. Когда наши войска, очисшивъ занятыя ими Прусскія провинціи, возвратились въ свое отечество, драгунскій полкъ, въ копоромъ служилъ Мирошевъ, отправленъ былъ во внупренность Россіи; ему предписано было занять квартиры по рѣкѣ Хопру, въ уѣздѣ города Борисоглѣбска. По случаю безсрочнаго оппуска полковаго командира, командовалъ полкомъ Маіоръ Фурсиковъ. Вы можете себя предсавить, каково было служить бѣдному Мирошеву. Онъ одинъ во всѣмъ полку могъ сказать утвердительно, что Фурсиковъ, какъ подлый прусъ, бѣжалъ съ поля сраженія — всѣ прочіе офицеры полагали, что онъ былъ раненъ во время атаки. Хотя Фурсиковъ зналъ, что Кузма Пепровичъ никому объ этомъ не говорилъ, но онъ могъ рано или поздно высказать всю правду, и осрамилъ его передъ офицерами всего полка. Эта мысль приводила его въ бѣшенство. Другой на мѣстѣ Фурсикова поспарался бы привязать къ себѣ Мирошева, и заставилъ его, хотя изъ благодарности, быть скромнымъ; но обиженная гордость и слѣпая злоба не разсуждаютъ; эти двѣ родныя сестрицы умѣютъ только мстить. Добрый Кузма Пепровичъ не могъ никакъ понять, за что нападаетъ на него Маіоръ, копорый былъ некогда его поварищемъ, и съ копорымъ онъ никогда не ссорился. Надобно было видѣть, какъ Фурсиковъ придирался ко всему, когда осматривалъ его эскадронъ; какъ онъ радовался, когда могъ опыскать какую нибудь не хорошо вычищенную пуговицу или плохо заспегнутый крючокъ; на ученъ Мирошевъ всегда командовалъ не впору, драгуны не знали своего дѣла; однимъ словомъ, Кузмѣ Пепровичу житья не было. Два мѣсяца выносилъ онъ съ христіанскимъ смиреніемъ это непрерывное гоненіе. Наконецъ перътые его испощилось: онъ рѣшился оставить службу и ѣхать въ Москву, гдѣ надѣялся, при помощи знакомыхъ покойнаго отца своего,

найдши какое-нибудь мѣстечко и продолжая службу по гражданской части. Онъ подалъ просьбу и его опспавили опъ службы шѣмъ же чиномъ, шо естъ поручикомъ.

Получивъ указъ объ опспавкѣ, Мирошевъ продалъ своего бееваго коня, купилъ шелъгу, пару добрыхъ крестьянскихъ лошадей и распрощался съ своими сослуживцами. Болѣе всѣхъ жалѣлъ о немъ поручикъ Косполомовъ, кошорый, не смопря на свой разгульный нравъ, любилъ и уважалъ Мирошева какъ старшаго брата. Прохоръ Кондрашъичъ, уложивъ въ небольшой чемоданъ все добро своего барина, набилъ парусинную кису собспвеннымъ своимъ имущесшвомъ, положилъ шуда же коровай хлѣба, шри деслшка печсныхъ яицъ, и спряшалъ за пазуху кожаную мошну, въ кошорой было рубли полшора мѣдными грошами. И вошъ въ одинъ прекрасный Майскій день, часу въ чешвершомъ послѣ обѣда, Кузма Пешровичъ, съ пяшью цѣлковыми въ карманѣ и съ надеждою на Господа Бога, Который никогда не покидаешъ сиропъ, выѣхалъ изъ Борисоглѣбска, по дорогѣ, ведущей къ Новохоперской крѣпости.

.....

Загоскинъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ ВООБЩЕ. И ИСТОРИИ РУССКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ.

I.

ГОРОСКОПЪ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Сообщаемый гороскопъ найденъ въ портфеляхъ Миллера вмѣстѣ съ объясненіемъ на Латинскомъ языкѣ, и переводомъ на Русскій. Считаю неизлишнимъ для читателей выписать прежде изъ Шпеллина нѣсколько страницъ, имѣющихъ отношеніе къ астрологическимъ предсказаніямъ о Пётрѣ Великомъ :

»Я предлагаю сіе, говоритъ Шпеллинъ въ своихъ Анекдотахъ (с. 510), яко справедливую выписку, изъ Россійской рукописи, которую многіе знатные Россіане въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи имѣютъ.

Сія рукопись, заключающая въ себѣ обстоятельныя извѣстія о государствованіи дѣтей Царя Алексѣя Михайловича, Θεодора Алексѣевича, Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, и ихъ сестры Софіи Алексѣевны, о возмущеніи стрѣльцовъ и проч., не изданныя ни когда еще въ печать, кажется, что не въ самое рожденіе Петра Великаго, но уже спустя нѣсколько лѣтъ, или непосредственно по его кончинѣ, внесена на бумагу. Но она относится къ оставшей послѣ виновника сего предсказанія рукописи, которая найдена какъ между его собственными, такъ и Димитрія Росновскаго писмами. Всякому позволено вѣрить или сомнѣваться о рассказываемомъ семъ достопамятномъ анекдотѣ, коимъ я чрезъ свое рассказываніе ни досто-

вѣрнымъ ни оприцашительнымъ не дѣлаю. И никшо не имѣешь права опъ меня требоваць, заключаю ли я что о предсказаніяхъ новѣйшихъ временъ, и полагаюсь ли во всемъ, съ бывшимъ профессоромъ Академіи Наукъ господиномъ Крафтомъ (*), по собственнымъ его опы-

(*) Крафтъ. Императрица Анна Іоанновна имѣла въ великомъ уваженіи астрологическія предсказанія и провозвѣщанія; чашельно потому, что однажды нѣкоторый математикъ и сочинитель календарей въ Курляндіи, докторъ Бухнеръ, въ самое то время, какъ она ни малѣйшей не имѣла надежды къ полученію Россійской державы, предвозвѣстивъ ей величайшую надежду къ приобретенію оной. Помощь будущи Императрицею, посылала она часто въ Петербургскую Академію наукъ таковыя вопросы и задачи, на кои долженствовала Академія ей дѣлать скорые отвѣты и рѣшенія. Сіе дѣло всегда касалось до тогдашняго профессора математики и экспериментальной физики господина Крафта, который по такому слѣчаю, на придворный вкусъ, больше прилежалъ къ астрологіи, и чрезъ приятныя въ ней правила, рѣшилъ удивительныя задачи, какъ шпримѣръ при заданномъ ему безъ имянномъ гороскопѣ несчастнаго принца Изава и пр.

Часто при долговременной непастной погодѣ, посылала Императрица въ Академію съ вопросомъ, когда переимѣнится погода? Профессоръ Крафтъ всегда отвѣтствовалъ по своему счисленію, какъ то самъ публично въ Академіи рассказывалъ; и отвѣты его всегда въ означенный день исполнялись, для подкрѣпленія Императорской благосклонности къ Академіи. Когда въ осень 1731 году, былъ по обыкновенію на слѣдующій 1732 годъ изданъ въ печать С.-Петербургской календарь: то включилъ сей отважный на астрологическое свое искусство сочинитель календарей и сіе свое предсказаніе, что ледъ на Невѣ вскроется въ слѣдующій годъ Марта . . дня. Когда же по вступленію новаго года вышелъ въ публику и новый календарь, и предсказаніе сіе въ немъ было усмотрѣно: то изумились всѣ читатели сему дерзновенному пророчеству господина Профессора. Друзья его надъ нимъ смѣялись во всѣхъ собраніяхъ, въ разсужденіи сего. Онъ твердо стоялъ въ своемъ положеніи, и на сія насмѣшки отвѣтствовалъ съ улыбкою сими словами: что я написалъ, тому шакъ и быть, а рѣка должна вскрыться Марта . . дня. Дни за два еще до означеннаго срока больше смѣялись надъ нимъ въ одномъ собраніи, что ледъ еще не думаетъ пошевѣлиться. Я тому не виню вѣкъ, продолжалъ онъ, но послѣ завтра долженъ онъ шронуться. При вступленіи надлежащаго дни вскрылась рѣка, и Петербургъ

памъ и часшымъ разсказываніямъ на предсказанія искусныхъ ошпрологовъ. Но что случилось нѣкопорою часшію упомянутое въ семъ Анекдотъ приключеніе въ означенное время при Царскомъ дворѣ, и многое причинило диво: сіе доказываешъ и подпверждаешъ между прочими согласными извѣстіями того времени, отправленное опъ шогдашняго Голманскаго посланника въ Москвѣ, ученаго и славнаго *Николая Гейнзіуса*, къ Профессору не меньше знаменишому *Гревію* въ Упрехпъ писмо, и писанной на оное опвѣщъ къ господину *Гейнзіусу* съ 9 Апрѣля 1673 года, которое въ заключеніе сообщаю:»

«Во время благополучнаго правленія Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, жили въ Москвѣ два духовные мужи, которые одарены опъ Бога великимъ разумомъ и особеннымъ познаніемъ, были шакъ же искусны въ звѣздочешпвѣ; одинъ по имени *Семіонъ Полоцкій*, который написалъ извѣстныя книги подъ заглавіемъ: *Духовная вечеря* и проч. и былъ учишелемъ Царскаго сына *Теодора Алексѣевича*; другой, *Димитрій Ростовскій*, который между прочими своими шрудами написалъ шакъ же *Жпшія свяшыхъ ошецъ*.

Сии наблюдали всякую ночь печеніе звѣздъ, и предузнали многія, какъ до Россіи, шакъ и до другихъ государшвъ касающіяся пророчешва.

Въ льшо опъ Рождешва Христова 1671, 28 Августа, совершилъ Царь и Великій Князь Алексѣй Ми-

ушаснулся ешоль точному исполненію сего, за полгода на передъ напечатанаго предсказанія. А Крафтъ сказалъ съ прежнею улыбкою: „не всегда ли я говорилъ, что рѣка сего числа вскрыется? что бы и въ наукъ моей было, если бы мое исчисленіе не исполнялось въ показанное время? Но по причинъ вашего невѣрія не хочу вамъ больше шкогда предсказывать.“

Хайловичъ бракъ съ Царицею Наталіею Кириловною, и Ея Величество понесла шогда Великаго Императора Петра I. Въ ту же самую ночь появилась не далеко отъ Марса, весьма свѣтлая звѣзда; и сію звѣзду почли помянутые звѣздочепы хорошимъ предзнаменованіемъ, описали ея печеніе съ другими небесными знаками, и назначили начашому во чревѣ князю имя Пётръ.

На утро, 29 Августа, пошелъ помянушый *Полоцкій* къ Царю Алексію Михайловичу, поздравляя его съ сыномъ, начавшимся въ прошедшую ночь во чревѣ его супруги Царицы Наталіи Кириловны, и кошорый долженъ сльдующаго 30 Маія родиться всей Князь, говорилъ онъ, »воспримешь швой пресполь; и ни одинъ изъ современниковъ его, не будешь равняться. Онъ приобретешъ величайшую похвалу. Слава его ежечасно будешъ возрасташъ; будешъ великій и удивленія dospойный побѣдитель; многіе падушъ онъ меча его. Онъ побѣдишъ мяшежныхъ своихъ сосѣдей; учинишъ споль много славныхъ дѣлъ, каковыхъ ни одинъ изъ предковъ его провзвеспи не могъ, и будешъ спрашенъ. Онъ пошпишъ многія, какъ близъ лежащія такъ и опдаленныя земли, но домашніе его будущъ спавишъ преграды его благополучію. Онъ укротишъ много безпокойствъ и возмущеній, и въ жизни его какъ на водѣ такъ и на сухомъ пупи много произведешъ великихъ дѣланій. Онъ испребишъ злобныхъ, но любишъ будешъ ревностныхъ, подкрѣпляшъ вѣру, да и кромѣ шого произведешъ много славнаго; все сіе показуешъ необманчивое предсказаніе небесныхъ знаковъ. Въ оныхъ усмотрѣлъ я все мною упомянутое подобно какъ въ зеркалѣ, и подношу Вашему Величеству писменно.» Для подтвержденія сей испишны, въ самомъ дѣлѣ подписалъ онъ сіе предсказаніе, и опдалъ оное Его Царскому Величеству.

Царь Алексій Михайловичъ принялъ сіе рукописаніе, прочелъ оное, приказалъ опашъ его въ слухъ про-

честь, и позвать Царицу Наталію Кириловну. Когда Царица появилась, вспалъ Царь съ веселымъ видомъ съ своего мѣста, поцѣловалъ ее и представилъ ей помянушаго *Полоцкаго*, которой сдѣлалъ ей свое поздравленіе, и по же самое говорилъ ей, какъ Его Царскому Величеству. Онъ присовокупилъ еще: »при разрѣшеніи пвоемъ »прешерпишь ты при дни великую поску и болѣзнь; »однако Ваше Величество и новорожденный Царевичъ воспанетесь живы, здоровы и въ Божіемъ покровицель-»спшъ.«

Какъ потомъ пошелъ *Полоцкій* изъ Царскаго дворца, то увидѣлъ за собою четьрехъ уншеръ офицеровъ. Онъ спросилъ ихъ, для чего они за нимъ слѣдуютъ, и получилъ въ отвѣтъ, что они приспавлены для его услугъ и ему въ честь. Они при немъ оспались до перваго Ноября; въ сей день былъ онъ позванъ къ Его Царскому Величеству, которой вспунилъ съ нимъ въ проснраниой разговоръ, и спрашивалъ его о помянушой наукѣ. *Полоцкій* обстоятельно объявилъ Его Величеству, что печеніе звѣздъ по соизволенію Божію показуептъ много наспящаго и будущаго. Тогда Его Царское Величество оспавилъ его при своемъ споль, позволилъ ему къ себѣ ходишь, и увѣдомилъ Царицу о помянутомъ разговорѣ.

Полоцкій по выходѣ изъ Царскаго дворца въ свой домъ не видѣлъ болѣе бывшихъ при немъ уншеръ офицеровъ. Въ 1672 году 28 Маія, когда помянушой *Полоцкій* пришелъ въ Царской дворецъ, то Царица чувствовала уже болѣзнь. Онъ дошелъ до самаго того покоя, въ которомъ Царь обыкновенное имѣлъ свое пребываніе, и нашелъ сего Государя смущеннымъ; погда приказавъ онъ прочимъ вышши изъ покоя, говорилъ Царю, чтообъ полагалъ надежду свою на Бога и не ослабѣвалъ въ молишвахъ; припомъ объявилъ ему такъ же, что Царица еще двоц супки будетъ родами мучишься.

Между тѣмъ оспался онъ при Царѣ въ слезахъ и молснн. Наконецъ Царица сполько ослабѣла, что ея

причастили Свяшыхъ таянъ. Но *Полоцкiй* утѣшалъ Царя и всѣхъ прочихъ, колеблемыхъ страхомъ и надеждою, и сказалъ : что подлинно Царица оспаненъ въ живъ , и чрезъ пять часовъ родитъ Царевича. Когда уже прошло чепыре часа и наступилъ пятый, спалъ *Полоцкiй* на колыни, и приносилъ Богу молитвы, чтобы Царица еще часть не разрѣшилась. Царь опть сего воспалился, и сказалъ ему : «о чемъ ты молишь? Царица уже безъ чувствъ и почти мертва,» но онъ отвѣщспивалъ: о великiй Государь! когда Царевичъ родитъ въ первую половину часа, то будетъ онъ жить около пятидесяти лѣтъ; а ежели во впорую половину часа, то достигнетъ онъ семидесятилѣтней спарости. Во время сего разговора родился Царевичъ Пепръ Алексѣевичъ. Царя позвали къ Царицѣ; а какъ онъ оплпъ изъ спальни возвратился, и объявилъ *Полоцкому*, что Царица разрѣшилась Царевичемъ, то сей поздравилъ штъмъ Его Величештво. Сие совершилось въ 1672 году 30 Маia по Рождествѣ Хрисповъ, и новорожденный Царевичъ былъ крещенъ опредѣленнымъ ему опть *Полоцкаго* именемъ Пепромъ, и пезоименишпиво его праздновано 29 Юня въ день Апостоловъ *Петра* и *Павла*.

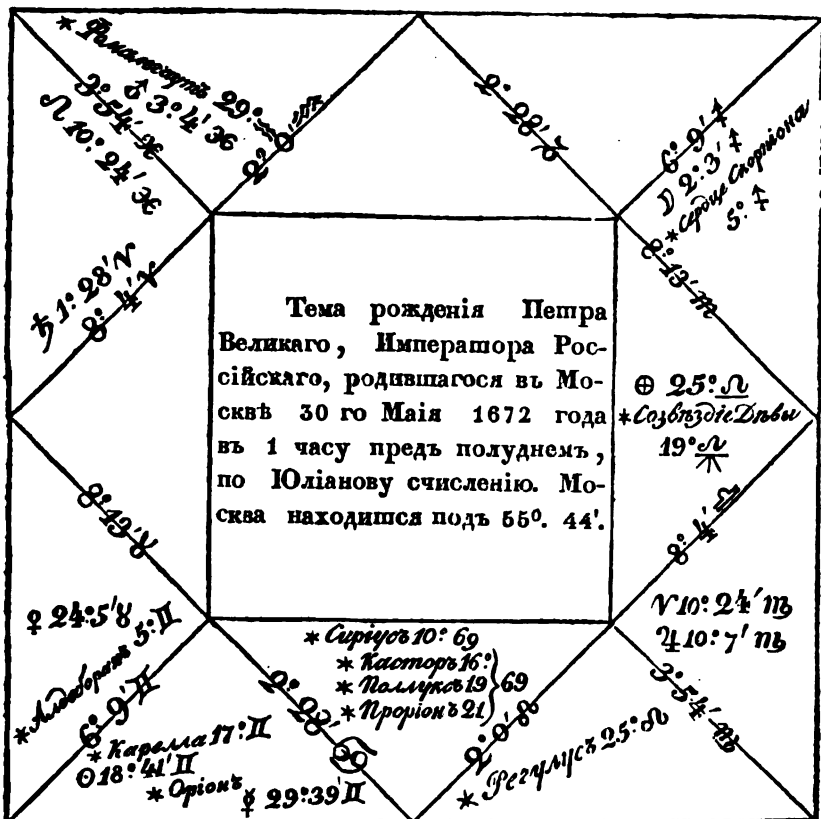
Сдѣсь слѣдуетъ доспомятнное мѣспо изъ вышепомянутаго *Латинскаго* писма Профессора *Гревiа* изъ *Утрехта*, къ господину *Николаю Гейнзиусу* въ *Москву*.

Quae tempore, quo Princeps Juventutis Ruthenicae Petrus Moscoviae in lucem editus, accidisse et ex cursu stellarum obseruata fuisse, scribis, Astrologi nostri, quotquot vaticiniis inhiant, ac futurorum praedictis student, tanquam omina memoratu digna diligenter notarunt, hoc addito, eadem nativitatіs die Regem Galliarum Rhenum, Turcarum vero Imperatorem Tyram cum exercitu trajecisse; illum inde IV provincias foederati Belgii, hunc vero Podoliam et Caminiecum debellasse. Eoque magis ominatores nostri, qui ex certo siderum positu et rebus alibi eodem tempore gestis, fata hominibus pandere et praedicere praesumunt, hariolantur;

neonatum puerum olim bellicosum, inclutum ac hostibus infestum evasurum. Verum haec omnia fortuita esse arbitror, eisque parum, prout tu ipse facere videris, tribuere soleo. Sit modo suo tempore Petrus bonus Pastor, ut tandem scythicam barbariem, qua seprentriales, maxime et pellitae gentes infuscantur, LL. salutaribus latis devincire possit. Vale.

Пишешь ты, что въ то самое время, когда Россійской Князь Пешръ въ Москвѣ родился, нѣчто случилось и по печенію планетъ примѣчено, то самое наши астрономы и другіе упражняющіеся въ предсказаніяхъ, какъ нѣкое достопамятнѣйшее произшествіе замѣтили, прибавя къ тому, что въ тотъ день рожденія Французской Король съ войскомъ перешелъ рѣку Рейнъ, а Турецкой Султанъ Днеспръ, при чемъ первой овладѣлъ 4 провинціями соединенныхъ Нидерландовъ, а послѣдній Подолією и Каменцомъ, и пѣтъ болѣе наши предсказатели, изъ извѣстнаго положенія планетъ и дѣяній въ то время произведенныхъ ушверждающъ, что новорожденный будетъ храбръ, славенъ и неприязнелемъ страшенъ, но все сіе мнѣ кажется происходить по случаю, и я такъ какъ и ты мало сіе уважаю; да будетъ токмо Пешръ добрымъ пастыремъ, кошорый бы грубыхъ Скиѣскихъ сѣверныхъ народовъ обуздавъ спасительными законами.»

До сихъ поръ Шпелинъ, а вопгъ и Гороскогъ съ современнымъ объясненіемъ :

Широта планетъ

- ♄ 2°. 13' Южн. ♀ 1°. 20' Южн.
- ♃ 1. 15 Север. ♃ 2. 0 Южн.
- ♂ 3. 6. Южн. ☾ 4. 55. Южн.

	♈	♉	♊	♋	♌	♍	♎	♏	♐	♑	♒
10. 28'	♄		*	□	△		♃		△	□	*
20. 3.'	△		♃		△	□	*		☾		*
30. 4.'		*	□	△		♃		△	□	*	
100. 7.'		△	□	*		♃		*	□	△	
180. 41.	*		☉		*	□	△		♃		△
210. 5'		♃		*	□	△		♃		△	□
190. 39'	*		♀		*	□	△		♃		△

Кн. 1.

5

Обьясненіе. Если изъ какого другаго рожденія можно усмотрѣть тѣснѣ Аспрологіи, то изъ этого особенно; послѣку въ немъ многія знаменованія по правиламъ Аспрологовъ не только посредственны, но и здѣвши. Имено, многія планеты въ этомъ рожденіи, какъ въ отношеніи существенныхъ, такъ и случайныхъ качествъ, слабы и несчастливы. Ибо что касается до свѣтила Солица и Луны, — то и другое изъ оныхъ опдалено, и находится подъ вліяніемъ лучей зловредныхъ (планетъ). Юпитеръ въ ущербъ, и помѣщается въ шестомъ кругу; впрочемъ родившійся подъ сею планетою долженъ быть весьма мужественъ, ибо она есть властелинъ рожденія. Упадающій Сатурнъ и припомъ въ двѣнадцатомъ кругъ, долженъ почищаться болѣе слабымъ, нежели сильнымъ. Остальныя три планеты — Марсъ, Венера и Меркурій, довольно хороши, ибо Венера и Меркурій находящіяся въ собственнѣхъ кругахъ, а Марсъ въ своемъ мѣстѣ имѣетъ много существенныхъ достоинствъ, и вообще эти планеты, судя по кругамъ, не предзнаменуютъ худаго родившемуся, если бы только Марсъ не былъ въ двѣнадцатомъ. Посему, если бы кто изъ извѣстныхъ Аспрологовъ захотѣлъ предъявить что объ этомъ рожденіи, то ему должно сказать, что признаки, заимствуемые отъ планетъ Юпитера и Сатурна, слабы и недействительны, а отъ Марса, Венеры и Меркурія сильны и весьма дѣйствительны. Поелику же я не намѣренъ теперь входить въ шочное изслѣдованіе объ этомъ рожденіи, то изложу только тѣ признаки, изъ которыхъ можно бы заключить о великомъ и благополучномъ Царствованіи. Владыка рожденія сего, какъ я сказалъ, Юпитеръ вмѣстѣ съ Меркуріемъ. Въ разсужденіи же душевнаго расположенія Марсъ участвуетъ съ Юпитеромъ, что, говорящъ, означаетъ человека мудраго, смѣлаго, отважнаго, гнѣвливаго и мспительнаго, великодушнаго, славолюбиваго, и счастливаго въ достиженіи своихъ предприятий. Это предсказаніе, говорящъ, еще подтверждается соединеніемъ луны съ сердцемъ Скорпіона, звѣздою насильственной; ибо это соединеніе означаетъ че-

ловѣка весьма смѣлаго, кошорый прославивъ свое имя, впрочемъ великимъ будетъ подверженъ опасностямъ. Кроме того обширное и великое щастіе предвѣщаетъ соединеніе созвѣздія Дѣвы (Spicae Virginis), звѣзды благодѣтельной, съ фортуною. Также и изъ того, что $\text{\textcircled{♂}}$ помѣщается въ кругъ $\text{\textcircled{♃}}$, $\text{\textcircled{\textcircled{O}}}$ въ кругъ $\text{\textcircled{♁}}$, и Луна въ кругъ $\text{\textcircled{♃}}$, заключающъ, что родившійся будетъ знаменъ, благороденъ, славенъ и великій вождь воинскій, особенно потому, что Марсъ управляетъ возвышеніемъ. А что щастливъ будетъ въ своихъ предпріятіяхъ, и штъ можно доказашъ, что Венера находишся въ своемъ кругѣ, а Марсъ обращенъ къ Меркурію въ шреугольномъ аспектѣ. Аспектъ Юпитера и Марса съ солнцемъ означающъ въ этомъ рожденіи величіе духа и благополучное паршвованіе. Въ семъ рожденіи естъ также много признаковъ, показывающихъ, что родившійся много будетъ путешествовашъ, и это потому, что солнце находишся въ шрешьемъ кругу, а луна въ девятомъ.»

Получивъ этотъ гороскопъ отъ просвѣщеннаго любителя нашихъ древностей, Кнзя М. А. Оболенскаго, я препровождалъ его къ почтенному (нашему Профессору Астрономіи, Д. М. Перовицикову, и просилъ его сказашъ свое мнѣніе вмѣстѣ съ объяснительными примѣчаніями для читателей Москвитянина, — вотъ спрогій судъ Астронома объ Астрологіи:

Вы желали отъ меня замѣчаній на 'гороскопъ Пешра I, но можно ли дѣлать замѣчанія на бредъ, заслуживающій одно шолько презрѣніе? И шакъ я думаю, что для нѣкоторыхъ читателей вашего Журнала будетъ полезно и пріятно найдти въ немъ нѣсколько подробностей о происхожденіи Астрологіи, нежели объясненія нелѣпостей гороскопа.

Сперва упомяну о нѣкоторыхъ астрологическихъ шерминахъ. Опшительныя положенія планетъ называ-

лись *аспектами*, изъ которыхъ главными считались *соединеніе, противуположеніе, шестина, третина* и *квадратура* или *четвертина*; послѣдніе при аспекта изображались звѣздою о шести лучахъ, шреугольникомъ и квадратамъ, и означали, что расшоянія между двумя планетами или вообще между двумя небесными свѣшпилами равнялись шестой часпи, прешпи и четверспи окружпоспи. Если же расшоянія между двумя свѣшпилами равнялись нулю и полуокружпоспи, то объ нихъ говорили, что они находяща въ соединеніи и въ прошивуположеніи; первое положеніе означалось кружечкомъ съ чершпчкою, второе же— двумя кружечками, соединенными чершпчкою. А какъ соединенія, прошивуположенія и квадратуры свѣшпилъ суть явленія, полезныя для наблюденій астрономическихъ; то ихъ помѣщаютъ и въ нынѣшнихъ Календаряхъ съ шѣми же самыми знаками. — *Вычислить гороскопъ* значило опредѣлять, какая почка эклипшпки находилась на горизонтѣ въ минушу рожденія какого нибудь челошпка. Сверхъ шого двѣ крайнія почки дуги эклипшпки назывались весьма часто *сигнификаторомъ* и *промиссоромъ*: если, на примѣръ, луна принималась за *сигнификаторъ* какого нибудь произшешствія, то ближайшая къ ней планета считалась *промиссоромъ*. Сигнификаторъ относился къ челошпку, котораго судьба заключалась въ значеніи промиссора. Круги, проводимые чрезъ сѣверную и южную почки горизонтша, назывались *кругами положеній*. Время, въ которое промиссоръ достигалъ или до меридіана, или до горизонтша, или до круга положенія, проходящаго чрезъ сигнификаторъ, измѣрялось дугою экватора, которую разумли подъ именемъ *дуги направленія*. Все небо раздѣлялось на *двѣнадцать домовъ* посредшвомъ меридіана, горизонтша и чепырехъ круговъ положеній. Гороскопомъ начинался первый домъ, и счетъ эшихъ домовъ продолжался подъ горизонтѣмъ отъ запада къ востоку, такъ что десятиый домъ приходился въ шой почкѣ эклипшпки, которая была на меридіанѣ, или занимала высше мѣшпо на небѣ. Таблицы домовъ помѣщались даже въ Календаряхъ.

Всѣ сіи вычисленія перебували знаній астрономическихъ. и пошому *Балы*, знаменитый историкъ Астрономіи, справедливо называетъ Астрологию «глупою дочерью умной матери.» Онъ основательно доказываетъ, что Астрологія произошла не отъ невѣжества, но отъ систематическаго заблужденія философовъ. Астрологія раздѣлялась на *естественную* и *гражданскую* (*judiciaire*). Первая занималась предсказаніями хорошей и худой погоды, дождей, вѣтровъ, холода, пшела, изобилія плодовъ, неурожая, болѣзней, и пр. Они старались извлечь свои предсказанія изъ причинъ, дѣйствующихъ на земль и въ атмосферѣ. Въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго; къ этому стремились нынѣ Метеорологія, и не удивительно, что *Бонль* былъ въ числѣ защитниковъ *Естественной Астрологіи*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что атмосферныя перемѣны происходятъ отъ причинъ, дѣйствительно существующихъ; но онѣ многочисленны и соединяются между собой въ безконечномъ разнообразіи, такъ что всѣ древнія и новѣйшія наблюденія еще не достаточны для возведенія Метеорологіи или Естественной Астрологіи на степень науки точной. И нынѣ не лзя еще думать о метеорологическихъ предсказаніяхъ; надобно еще много и долго наблюдать и учиться. Но древніе наблюдатели были смѣлѣе нынѣшнихъ. Замѣшивъ, что бури бываютъ въ однихъ мѣсяцахъ чаще, нежели въ другихъ, что одни времена года дождливы, а другія сухи, что нѣкопорые вѣтры возобновляются правильными періодами, что одна часть года благопріятна для посѣва, другая для жатвы, и п. д., — древніе Физики заключили, что сіи явленія также правильны и постоянны какъ движеніе солнца по эклиптикѣ, и что они зависятъ единственно отъ этого движенія. На основаніи такою опромещиваюаго заключенія, начали сравнивать положенія солнца въ разныхъ знакахъ зодіака съ современными перемѣнами погоды, и какъ одно годовое движеніе этого свѣтила оказалось недостаточнымъ, то придумали различныя *циклы*, извѣстные подъ именемъ

Великихъ годовъ, и по окончаніи кошорыхъ солнце приходить въ соединеніе съ луною, съ большими планетами, каковы сущь Юпитерь и Сатурнь, и съ пькошорыми примѣчательнѣйшими созвѣздіями. Начало и конецъ сихъ цикловъ опредѣлялись временемъ восхожденія и захожденія нъкошорыхъ звѣздъ, причеъ замѣчали и перемены погодъ. Если въ сихъ переменахъ оказывалась нъкошорая правильность; то немедленно заключали, что онѣ происходятъ именно отъ пьхъ звѣздъ, кошорыя въ эшо время являлись на горизонтѣ. Такъ *Гиady* были приняты за причину дождей, *Сиріусъ* за причину жаровъ, и пр., пошому что *Гиady* и *Сиріусъ* восходили въ то время, когда въ южныхъ шпранахъ начинающся дожди и жары. Принявъ пакимъ образомъ астрономическія явленія за причину соошвѣтствующихъ явленій метеорологическихъ, не трудно уже было распросправивъ эшо заблужденіе на человека и перейдти къ *Астрології гражданской*; нужно было шолько слѣдующее разсужденіе: «если звѣзды и вообще небесныя свѣшила производятъ въпры, дожди, бури; если отъ ихъ вліянія, соединеннаго съ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, измѣняются тепло и холодъ; если отъ нихъ зависятъ плодородіе и даже жизнь растений; то онѣ должны невзбѣжно дѣйствовать на людей, кошорые вмѣстѣ съ воздухомъ вдыхаютъ въ себя шончайшія испеченія изъ свѣшилъ небесныхъ. Отъ эшой-шо небесной пищи должны зависѣть воля, шпрасни, добрыя и злыя дѣйствія, жизнь и смерть человека.»

И такъ древніе астрологи никого не хотѣли обманывать; они сами впали въ заблужденіе и поддерживали его какъ *систему*. Объ нихъ надобно сожалѣть; подробная испорія ихъ ученія или заблужденія была бы весьма поучительна. Между прочимъ достойно замѣчанія, что въ Греціи Астрологія никогда не была народною; но Римляне, по невѣжеству своему въ еспешвенныхъ наукахъ, все, отъ императора до раба, вѣрили астрологическимъ предсказаніямъ; даже Цицеронъ, свѣшло Римской учености, всѣ дружбу съ двумя зна-

меништыми въ его время аспрологамъ, *Тарунціемъ Фирманомъ* (L. Taruntius Firmanus) и *Нигидіемъ Фигуломъ* (P. Nigidius Figulus). *Великіе сіи мужи* не только предсказывали судьбы новорожденныхъ, но разрѣшали и обширную задачу, ш. е. по судьбѣ челоуѣка опредѣляли минушу его рожденія. Плутархъ рассказываетъ, что Варронъ прѣбавалъ опъ *Фирмана* вычислилъ день рожденія Ромула, по историческимъ описаніямъ его жизни. *Фирманъ* не затруднился и ошвѣчалъ, что Ромулъ былъ зачатъ въ первый годъ впорой Олимпіады, въ прѣшнемъ часу двадцать прѣшняго дня Декабря, а родился при восхожденіи солнца въ 21 день слѣдующаго Сентября. Эшого мало: поопъ же *Фирманъ*, по судьбѣ Рима, опредѣлялъ время основанія эшого города, объявивъ, что опъ точно основанъ Ромуломъ въ девятый день Апрѣля, подъ вліяніемъ знака *льсовъ*, опъ чего и произошло его величіе. Что значатъ, послѣ эшого, всѣ изысканія *Нибура*? и вы, М. П., должны жалеть, что нынѣшніе испорикки лишены шакого великаго пособія.

Въ первомъ вѣкѣ Христіанской эры аспрологи были выгнаны изъ Рима; но эшимъ прекратилась только ихъ *публичность*; шайкомъ же они продолжали опправлять свое ремесло подъ покровительствомъ сильныхъ людей Рима. Тиверій имѣлъ при себѣ Аспролога, составлявашаго гороскопы шѣхъ людей, копорые считались опасными для его повелителя; смерть эшихъ несчастныхъ была неизбежна, когда гороскопъ обнаруживалъ въ нихъ честолюбіе и стремленіе къ власши.

Въ одиннадцатомъ столѣтіи Аспрологія была въ зенитѣ своей славы; но въ началъ слѣдующаго вѣка доврїе къ ея предсказаніямъ поколебалось: въ 1179 г. всѣ Аспрологи Восточные, Христіанскіе, Іудейскіе и Арабскіе, объявили, что въ Сентябрь 1186 г. будетъ великое соединеніе всѣхъ планетъ, верхнихъ и нижнихъ, и опъ эшого произойдетъ разрушеніе міра дѣйствіемъ спрашныхъ буръ. Распространился всеобщій ужасъ, и семь льпъ ожиданій были временемъ общей горести. Но когда 1186 г. прошелъ весьма спокойно, безъ буръ

и грозъ; погда аспрологи замолчали, не оставляя, однакожь, своей науки; попому что нѣмецкій аспрологъ *Штоффлеръ* осмѣлился еще предсказашъ попомъ въ 1524 г. ошъ соединенія шрехъ верхнихъ планешъ въ знакъ рыбъ. Но и это предсказаніе не сбылось, и аспрологи ояшъ принялись за шайные обманы легковѣрныхъ людей. Впрочемъ, не смощря на неудачную практику, теорію Аспрологіи считали неподлежащею сомнѣнію, и къ великому соблазну шого времени защитникомъ этой теоріи явился мужъ знаменитый, оказавшій безсмертныя услуги Аспрономіи, именно: *Тихо-де-Браге*. Вопъ нѣсколько выписокъ изъ его шоржешивенной рѣчи, произнесенной въ Копенгагенскомъ университетѣ въ 1574 г. (*Orat. de discipl. mathem.*). Главная цѣль Орашора состояла въ соглашеніи Аспрологіи съ Религіею и въ доказательствѣ, что та и другая должны быти руководителами челошъка на землѣ. »Ошвергаши силу и вліяніе свѣшилъ,« говоритъ онъ: »значитъ уничтожаши провѣдящую мудрость Вседержителя, что прошивно опыту. Богъ ничево не создалъ шщешно; всѣ Его шворенія великолѣпны и полезны. Если челошъкъ въ своихъ малыхъ и ограниченныхъ дѣлахъ всегда имѣетъ цѣль, што шѣмъ паче премудрость Божія не могла безъ намѣренія наполнити вселенную множешвомъ разнообразныхъ свѣшилъ. Небо ешъ вѣчныя и постоянныя часы; вобнимая землю, оно обращается около насъ для измѣренія времени; луна перемѣняетъ свой видъ для опредѣленія нсдѣлъ; солнце и луна описываютъ свои орбиты для опредѣленія мѣсяцевъ и годовъ: не ужели шпрочія пяты планешъ, движущіяся шакже съ шоспѣяншвомъ и правильностью, и безконечное множештво звѣздъ не получили шаккаго назначенія опшосителъно челошъка? Невозможно! Все служишъ для него. Для него шдарены особенными свойствами всѣ минераллы и металлы, всѣ насъкомыя и прсмыкающіяся; для него шрасшетъ и права. Шверхъ шого, всѣ шворенія соединены между собою взаимною нуждою; они родяшся, шрашпущъ и умирающъ другъ для друга; все шпрешш-

«ся къ выволненію единства намѣренія : какъ же можно исключивъ ошсюда огромныя шѣла, обращающіяся надъ нашими головами? Растенія и животины, разрушаясь, уничтожаются, оставляющъ послѣ себя попомство : а будучи неразрушимыя небесныя свѣтила сотворены для жизни бесполезной и праздною.»

Притязательное разсужденіе: эпо ключъ къ объясненію важнаго историческаго факта въ Астрономіи. Въ 1543 г. явилось въ свѣтъ безсмертное твореніе Коперника, который неподвижность неба, солнца и обращеніе планетъ вмѣстѣ съ землею доказалъ съ такой очевидностью, что въ эпоху истинъ можетъ увѣривъ-ся слѣпой однимъ осязаніемъ (извините за такое выраженіе); а между тѣмъ Тихо, наблюдавшій первоклассный, отвергъ ученіе Коперника и построилъ систему, въ которой укрѣпилъ землю неподвижно, и которой не слѣдовали даже ученики его, по причинѣ явной ея невѣроятности. Можеть быть, и самъ Тихо не вѣрилъ своей системѣ; да надобно было поддерживать астрологическій догматъ о служеніи небесныхъ свѣтилъ для пользы чловѣка; движеніе же земли уничтожаетъ эпоху догматъ и разрушаетъ Астрологію.

«Богъ — продолжаетъ Тихо — помѣшилъ свѣтила на небѣ и повелѣлъ имъ обращаться правильно не въ знаменіе Своихъ тайныхъ намѣреній и Своего гнѣва на развращенное чловѣчество, но во свидѣтельство Своей благости и неизмѣняемой воли, которая ясно выражается аспектами сихъ свѣтилъ.» Надобно ли отвѣчать на эту послѣднюю нелѣпость? Но посмотрите, что еще говорилъ Астрономъ - философъ : «Солнце есть источникъ тепла и жизни; его присутствіемъ, его высокою надъ горизонтомъ, его косвеннымъ движеніемъ по зодіаку опредѣляются времена года; но луна не грѣетъ: за то имѣетъ вліяніе на мозгъ животныхъ, проникаетъ до мозга въ костяхъ, дѣйствуетъ на соки древесныя, и самыя раки перемѣняютъ свою кожу и роютъ вмѣстѣ съ ея перемѣнами.» Для подтвержденія этого, Тихо приводитъ примѣры приливовъ и отливовъ

яоря, зависящихъ онъ движенія луны. »Воды океана — говоришь Тихо — »связаны съ луною пайною цѣпью , »которая поднимаетъ ихъ, когда луна бываетъ на горизонтѣ. Здѣсь явно дѣйствіе свѣпилъ небесныхъ на землю. Магросы замѣтили , что восхожденія и захожденія нѣкоторыхъ звѣздъ сопровождаются бурями и ураганами. Наблюденія показываютъ , что соединенія планетъ бываютъ причиною другихъ явленій : »соединеніе Венеры и Марса производитъ дожди и громы, »Юпитера и Меркурія — вѣтры и бури; Солнца и Сатурна — облака и мрачность неба. Если бы свѣпила небесныя не имѣли вліянія на землю, то годы, управляемые движеніемъ солица, всѣ были бы одинаковы; но солнце и луна бываютъ въ соединеніи въ различныхъ »созвѣздіяхъ , и потому годы бываютъ то сухіе , то влажные , теплые и холодные. Къ этому присоединяются еще аспекты планетъ и возмущаютъ правильный ходъ погоды. Планеты , проходя мимо неподвижныхъ звѣздъ , возбуждаютъ ихъ силу. Планеты »суть самцы, а неподвижныя звѣзды — самки, которыя не могутъ оплодотворяться сами собою. Для этого »дѣла особенно способны планеты большія и массивныя. »Такъ одна изъ нихъ 1563 г. была въ соединеніи съ »собраніемъ мелкихъ звѣздъ Рака, и , возбудивъ въ немъ »удушающія испаренія, произвела заразу, опустошившую »всю Европу.»

До сихъ поръ Тихо-де-Браге объяснялъ явленія , принадлежащія естественной Аспрологіи; отсюда переходилъ онъ къ Аспрологіи гражданской и основательность ея доказываетъ слѣдующимъ образомъ: »Человѣкъ »составленъ изъ земли и стихій; на нихъ дѣйствуютъ »свѣпила; слѣд. они должны дѣйствовать и на самаго »человѣка. Онъ окруженъ атмосферою , давимъ его , питается ею; жаръ его сжигаетъ, холодъ морозитъ; атмосфера »тягошитъ его своею тяжестью. Столь сильныя »причины не могутъ не производить переменъ въ его »существованіи. Воздухъ есть главная пища человѣка; входя въ его поры, воздухъ поддерживаетъ его жизнь, умяг-

«часть лёгкое и возобновляетъ кровь. Древніе философы думали, что человекъ преимущественно связанъ съ небомъ. И дѣйствительно, строеніе человеческого тѣла столько сходно съ планетами, что въ немъ повсюду вся природа въ маломъ видѣ, почему онъ и названъ *малымъ міромъ*. Подобно природѣ, въ человекѣ дѣйствуютъ семь пружинъ: сердце, источникъ живительнаго духа, представляетъ солнце, отъ котораго происходитъ жизнь вселенной; мозгъ соотвѣтствуетъ лунѣ, съ которою онъ расщепъ и уменьшается. Сердце и мозгъ связаны между собою такъ же, какъ солнце съ луною. Печень и почки дѣйствуютъ слабѣе и выражаютъ дѣйствія планетъ. Печень зависитъ отъ Юпитера, какъ отъ планеты кровавой и живительной; почки же — отъ Венеры, которая есть источникъ любви и произведенія. Селезенка и желчь назначены для низшихъ ишправленій и подлежатъ вліянію планетъ, менѣе благошворныхъ, каковы суть Сатурнъ и Марсъ, изъ коихъ послѣдній, какъ свѣшало буйное и раздражительное, управляетъ желчью. Оспа есть лёгкое; оно своею удобовижимостью походитъ на Меркурія, имѣющаго въ своемъ завѣдываніи вѣтры и бури. Также, отъ лёгкаго зависитъ человеческій голосъ, потому что Меркурій покровительствуетъ ораторамъ и вообще дару слова.»

Довольно. Ни возраженія, ни объясненія не нужны на такую безобразную смѣсь знаній и заблужденій, отъ коихъ началъ освобождаться только въ началѣ прошедшаго столѣтія. *Лаландъ* свидѣтельствуетъ, что и въ это время Парижская Академія Наукъ получала еще многіе астрологическіе запросы; такъ что въ астрономическомъ календарѣ (*Connaissance des tems*) на 1705 наша пужнымъ объявилъ: «здѣсь нѣтъ предсказаній, потому что Академія не признаетъ основательности нѣхъ правилъ, по коихъ думали предвидѣть будущее по расположенію небесныхъ свѣтилъ.»

Вопъ вамъ, М. П., нѣсколько спрокъ о началѣ и основаніяхъ Астрологій; изъ нихъ, кажется, можно увѣришься,

что гороскопъ Пешра I и всякой другой гороскопъ уни-
жаешь пѣхъ людей, копорые, занимаясь шакимъ вздо-
ромъ, забываютъ, что судьбы человѣческаго не въ звѣз-
дахъ, но въ рукъ Вседержителя. Вы, какъ историкъ,
лучше другихъ знаете эту великую истину.

вашъ, и пр. *Д. П.*

7 Декабря 1841 года

II.

**МНѢНІЯ, ПОДАННЫЯ ВЪ ВОЕННОМЪ СОВѢТѢ, ВЫВШЕМЪ
ПРИ ВАГЕНБУРГѢ ПОДЪ ПОЛТАВОЮ, ГЕНЕРАЛАМИ РЕНЦЕ-
ЛЕМЪ, ГАЛЛАРТОМЪ, БЕЛЛИНГОМЪ И РЕННЕ: О ПРИНЯТИИ
ИЗВѢСТІЯ ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНІЯ СЕГО ГОРОДА ОТЪ ОСАДЫ ШВЕ-
ДОВЪ. 1709 ГОДА, ІЮНЯ 5—11.**

»Сообщаемы здѣсь мнѣнія чепырехъ храбрыхъ и вѣр-
ныхъ сподвижниковъ воинской славы Государя Пешра I
драгоценны для Русской Военной Исторіи. Сии герои
иноземцы, любимцы Царя, обезсмертили свои имена доб-
лесными подвигами во время войны Русскихъ съ Карломъ
XII, а особенно въ Полшавской битвѣ.

Ренне, находившійся подъ Полтавою въ командѣ Мен-
шикова, былъ раненъ въ сильномъ кавалерійскомъ бою;
Ренцель, по имени копорого сформированъ былъ полкъ,
преслѣдовалъ непріятельскія колонны до самыхъ Полшав-
скихъ шраншей и принудилъ ихъ безъ бою положить ору-
жіе; Галлартъ и Беллингъ начальствовали лѣвомъ флангомъ
пѣхоты. Государь, послѣ Полшавской побѣды, достойно
наградилъ сихъ полководцевъ; Галларта и Ренцеля пожало-
валъ кавалерами ордена Св. Андрея Первозваннаго, а Ренне
произвелъ въ полные Генералы. Неизвѣстно, чѣмъ былъ
награжденъ Беллингъ.

Замѣшемъ, что Галлартъ оставилъ послѣ себя *ру-
кописный дневникъ*, составляющій нынѣ собственность Ба-
рона фонъ-Кампенаузеца, и коимъ пользовался Г. Берманъ,
сочинившій Исторію Пешра Великаго. Должно полагать,

что она рукопись заключаешь въ себѣ весьма много важнаго въ отношеніи военныхъ дѣйствій Русскихъ съ Шведами и правительственныхъ распоряженій тогдашняго времени. < *Н. Лебедевъ.*

25-го Июля 1841.

ГЕНЕРАЛА ПОРУТЧИКА РЕНЦЕЛЯ МНѢНІЕ.

На присланные мнѣ сего числа опть Его Превосходительства (*) пункты сіе мое не въ указъ объявленное отвѣтъ и мнѣніе.

1. Къ оборонѣ Полшавы по всемілоспивѣйшему изволенію Его Царскаго Величества нѣтъ лучшаго способа, кромѣ учиненія непріятелю диверсіи, копорая послѣдующимъ образомъ учиниться можетъ: егда депашаментъ подъ Полшавою, для обороны нашихъ апрошъ оставишь, а съ прочею инфантеріею и одною частію кавалеріи подъ Будищами за Ворсклу перейши, и опть непріятеля за милою присшупишь, и тамо наскоро ошпановишься и окопашься. А напередъ высокопошребно естъ искуснаго офицера и добраго инженера въ чешырѣхъ до пяши шьслать командированныхъ къ Губрону и Пешпровкъ опсправить, копорые бѣ положеніе мѣста подлиннобъ досмотрѣшь могли, шакожъ и позадь себя, на Ворсклѣ, довольню мостовъ сдѣлашь, дабы, ежели, паче чаянія, рспирешъ пошребно учинишь, возможно было чрезъ оныя.

Или 2е, Понеже Шведы всегда въ шрешій день для фуражу посылають, то зѣло добро будетъ, ежелибѣ въ самое по время нѣсколькими полками кавалеріи и инфантеріи доброконной и шолкимъ числомъ, слико ко исполненію шамого намѣренія за пошребно расшудишь, непріятельскую главную кварширу атаковать, а въ шожъ время съ пѣхопою и съ прочею кавалеріею шакожъ атаковать, а именно: по лѣвую руку Полшавы и по лѣвую жъ руку Шведскихъ шанць, дабы оными шап-

(*) Опть фельдмаршала Шереметева.

цами овладѣшь, чшобъ въ шакой случѣ, если далѣе авансировашь невозможно, однакожь бы шощъ цоспъ удержашь, еже неприятелю къ великому вреду доходишь, онъ принужденъ будешъ свое войско раздѣляшь. А ежели одна атака учинена будешъ прошивъ него, шо онъ всю свою силу шуды обратишь можешъ; а когда онъ съ войскомъ своимъ раздѣленъ быши принужденъ, шо легче будешъ неприятеля принудишь шу осаду оспавишь. По правую жъ руку возможно шакожь видъ показашь: Шведскія крѣпосши атаковашь, въ кошорое время и изъ города человекъ шысячью регулярныхъ и нѣсколькими казачами вылазку учинишь возможно.

3. Ежели изъ здѣшнихъ нашихъ апрошъ переходишь, и шо безъ великаго урону не можешъ учинишься, ради неудобной зешуаціи и худой переправы; ибо неприятель уже свои крѣпосши и редушы пошому учредилъ, и чаю конечно и землю шу шако устроилъ, чшобъ онъ, какъ кавалерією, шакъ и инфантерією въ шакомъ случѣ дѣйствовашь прошивъ насъ могъ; а мы прошивъ шого ничего не можемъ кромъ инфантеріи упошребляшь. И шого ради, по моему мнѣнію, лучше сія апрошы однимъ депашаментомъ осадить, кошорымъ бы возможно было обороняшь оныя, а прежде объявленнымъ образомъ диверзію чинишь. Сіе ешь мое подданнѣйшее соопвѣшсшвіе. Писано въ обозъ при Полшавѣ 4го Іюня 1709го.

Де Рещель.

ГЕНЕРАЛА ГАЛЛАРТА МНѢНІЕ.

(Соопвѣшсшвованіе на шѣ пункты, кошорые Его Превосходишельство Фельдмаршалъ Шереметевъ опъ 30го числа Маія для соопвѣшсшвованія прислалъ:)

1. Хошя неприятель осадю Полшавы забавенъ ешь, чего бы надлежало и желашь, дабы его еще нѣскольکو времени подъ шѣмъ мѣшомъ пошрудишь, ежелибъ щокмо нашъ гарнизонъ въ Полшавѣне имѣлъ ску-

доспѣ въ живности, ибо невозможно удобно вѣдать, чѣмъ онъ сіе мѣсто самою силою бралъ, понеже онъ во всѣхъ воинскихъ принадлежностяхъ оскудѣніе имѣеть. Также неудобно вѣрши, чѣмъ онъ генеральной штурмъ къ оному учинилъ, ибо вся его инфантерія насилу въ 7 до 8 тысячъ соспоишь, и надлежишь ему въ начатыхъ редушахъ и линіяхъ нѣсколько тысячъ человекъ для осажденія оставишь, ежели что главное въ городъ штурмовать предвоспринемъ; ибо надлежишь ему шго чаяшь, по всему воинскому разсужденію, что сколь скоро онъ штурмъ предвоспринемъ, то мы равенственно и его крѣпости, по рѣкъ учиненные, апакуемъ будемъ, ежели возможно. И въ которой часъ или время то непріятель начнешъ, то надлежишь съ нашей спраны та резолюція уже предвоспріяша бышь, во что то ни спанешъ.

2. Наши сдѣлавные апроши, понеже они начаты и въ добромъ оборонномъ соспоишіи обрѣшаются, надлежишь ихъ содержать, и оныя впредь, по возможности, продолжашъ; отъ чего непріятель не шокмо развращешъ, но и его инфантерія шоль болѣе ушрждена будешъ. Также надлежишь между пѣмъ съ нашей спорны гораздо освѣдомишься чрезъ здѣшнихъ рыбаковъ, гдѣ предъ нами обрѣшаются воды возможно безъ мостовъ переходишь, пакожъ коль глубоки оныя суть, тайно досмопришь повелѣшь; а именно: по правую и лѣвую руку непріятельскихъ шанцевъ, дабы оныя съ пѣхъ споронъ и сзади апаковать, егда резолюція предвоспріяша будешъ.

3. Впрочемъ же емь шакого совершеннаго мнѣнія, что ежели городъ Полшава во опасеніи, шобъ половину войска здѣсь оставишь, а другую половину чрезъ Ворсклу переправить, во удобномъ къ шому мѣспѣ, и спашъ во ошанцованномъ обозѣ въ милѣ отъ непріятели, либо при Пешровкѣ, или въ чепверши, или полумилѣ выше, въ удобномъ мѣспѣ, и обезпокоишь непріятели по всякой день какъ легкою, шакъ и регулярною квалерією, одною или двумя тысячами, дабы онъ принужденъ былъ

и не возмогъ ни фуражу, ни пропишанія въ свой обозъ привести. Такожде господину Гешману Скоропадскому надлежишь указъ послашь, дабы онъ пасеть при Голшвѣ шокмо инфантерією осаженъ оставилъ, а самъ бы спалъ обозомъ безъ багажу при Ръшешиловкѣ, какъ съ своими казаками, шакъ и регулярною кавалерією, и равенственно непріятеля ушомлялъ.

Или главное ураженіе, кошорое можешь непріятелю приключено бышь, сіе ешь: ежели возможно у насъ по гораздо шайно держано бышь, чшобъ учинишь депашаментъ кавалеріи и инфантеріи весь конной опъ 8 до 9 шысячь человекъ, и ашаковать въ ранней ушренной частъ Мазепу съ главнымъ кваршеромъ въ Жуковъ, кошорый съ великую съ полъ-мили опъ Полшавы обрѣшается; и ежелибъ сія шпука, съ Божією помощію, удалась, шобъ довольна была непріятеля понудишь не шокмо къ оставленію осады, но послѣдовательшо и ко всему его разоренію; и надлежишь и здѣсь въ шожъ время и шѣмъ по его крѣпости всею силою ашаковать, такожь и изъ города двѣ вылазки учинишь, каждая по 300 человекъ, одну на непріятельскую ашаку, а другую къ рѣкѣ. Такожъ надлежишь непріятелю нѣсколько фальшивыхъ шревогъ у верхней мѣльницы, шакожъ и у нижней мѣльницы гдѣ Генераль . . . (*) споишь учинишь; и когда непріятель шакъ въ одно время и частъ во многихъ мѣспѣхъ ашакованъ будешъ, шо невозможно почишай инако вѣришь, что сіе дѣло, съ Божією помощію, имвешъ удасться, и послѣдовательшо Короля Шведскаго и его войску къ совершенному разоренію произойши имашь и Его Царскаго Величештва слава шѣмъ умножился, и плодъ изъ шого будешъ, что онъ шаволюбивому Королю Шведскому миръ предписываши можешь. И хопя иные въ шакомъ мнѣніи съ неосновательнаго воинскаго фундаменту обрѣшающся, будшо добро шо, чшобъ Короля Шведскаго за Днѣпръ перепушшишь; но я весьма пропишнаго въ шомъ мнѣніи ешь, и надѣюся при помощи Божій со всеми великими

(*) Не разобрако.

и въ войнѣ искусными Генералы утвердишь, что сіе Его Царскаго Величества къ высокому интересу не токмо весьма вредительно, но и къ его вѣщему безславію будетъ, ибо можешь съ нашей стороны еще 10ть лѣтъ войну продолжашь, а никогда такого аванпажу не получимъ: Короля Шведскаго въ такое утѣшеніе, нужду и окруженіе межъ двумя рѣками привесшь, въ какомъ онъ нынѣ естъ. И опасатися надлежитъ, что ежели мы нынѣшняго случая не упопробимъ, то Король Шведской вновь усилился, и Спанислава въ свое расположеніе, такожь, по времени, Поляковъ и Липву къ своей сторонѣ привесшь, можешь. И ежели генеральной миръ въ Европѣ учинишя, какъ къ тому надежда естъ, то не надлежитъ сумнѣвашя, что Король Французской Короля Шведскаго, яко вѣчнаго своего пріятеля, вспомогашь какъ совѣтами, такъ деньгами и людьми будетъ, и свои замыслы и факціи въ Польшѣ и Липвѣ, по всякой возможности, къ вѣщему вреду Его Царскаго Величества, и могушь тогда легко и случаи иногда переменитья, ибо надлежитъ подлинно вѣришь, что Король Шведской свои погрѣшенія въ сей войнѣ признаешь, и впредь поправитъ, и Его Царскаго Величества земли съ лучшимъ основаніемъ знашь будетъ атаковать, гдѣ чувствительнѣе естъ.

Въ 5 день Юня, 1709 го, въ обозѣ подѣ Полтавою.

ГЕНЕРАЛА ПОРУТЧИКА ВЕЛЛИНГА МНѢНІЕ.

(Подданное и должное мнѣніе на врученныя мнѣ отъ Его Превосходительства Господина Генералъ Фельд-маршала Шереметева предложенія).

1. Ради совершеннаго соотвѣтствованія на 1й пунктъ не позволю мнѣ за зло воспріяты, что напредь прощу плана Полтавы и окрестъ лежащей зетуаціи около оной, и чтообъ мнѣ вѣдашь, какъ сія крѣпость живностью, и людьми и аммунициею удовольствована.

Кн. I.

6

2. Понеже изъ перваго пункта явно, что его Царскаго Величества Всемилостивѣйшій Указъ здѣсь Полтаву обороняеть, то безъ сумнѣнія надлежитъ попомъ случай, ежели непріятель Полтаву силою атаковать будетъ, съ сей стороны диверсію сочинишь, но того изъ учиненныхъ вынѣ опрошь прудно исполнить, ибо непріятель противъ того уже установился; однакоже возможно и оныя себѣ въ помощь употребить.

3. Такожъ обязуешъ меня моя всеподданнѣйшая должность Его Величеству донести, что ежели та крѣпость живностью, людьми и аммунициею довольно удовольствована, то по доспонншвубъ надлежало непріятелю дать подѣ оною нѣсколько времени още себя утрудить. А ради конечнаго содержанія крѣпости Полтавы поребно естъ, дабы корпусъ ошъ 16 тысячъ инфантеріи и до 10 тысячъ кавалеріи чрезъ Ворсклу переправился съ довольными шанцевальными орудіи, дабы крѣпкой окопъ сдѣлать могли, чшобъ ошъ непріятельской кавалеріи безопаснымъ быть. И когда такимъ образомъ на той споронѣ Ворсклы крѣпко установимся, то всегда въ состояніи будемъ Полтаву выручать.

Здѣшніе же опроши надлежитъ всегда корпусомъ инфантеріи и кавалеріи осажены имѣть, дабы оныхъ, егда поребно; для сочиненія диверзіи употребляеть возможно. Писано въ обозѣ подѣ Полтавою Іюня въ 6й день 1709.

Беллингъ.

МНѢНІЕ ГЕНЕРАЛА РЕННЕ.

Понеже Его Высокоцарское Величество мнѣ милостивѣйше повелѣлъ мое мнѣніе письменно подаши, коимъ образомъ крѣпиться (не крѣпосью ли?) Полтаву какъ наилучше выручить, и оное естъ сіе.

Первое. Понеже никакая крепость не можетъ опъ осады выручена бытъ безъ атаки непріятеля: атаки жо разнымъ образомъ чинятся, а имено: что нѣкоторому числу пробитися подобашъ, дабы къ сущимъ въ гварнизонъ пройшши и оныхъ укрѣпши.

Второе. Чшобъ въ такомъ мѣстѣ съ войскомъ спашъ, дабы непріятелю привозъ фуража пресѣченъ былъ, я шакъ бы самъ опъ себя обязанъ осаду ославипи; и понеже при нынѣшнемъ обстоятельствѣ мѣсто есть, что шо можешъ исполнено бытъ, что Его Царское Величество разолавипи повелишъ, ежели онъ и ненамѣренъ есть непріятеля потчасъ сильною рукою атаковать, къ чему Богъ безъ сумнѣнія шакже свое благословеніе подаспъ, когда напередъ мѣсто къ переходенію назначено, и потомъ благовременно доброе расположеніе учинено будешъ, дабы всякой вѣдалъ, что ему чиняшъ; но ежели Его Высокоцарское Величество опредѣлишъ окопанной обозъ на той сторонѣ имѣши, шо наивяще при шомъ надлежипъ въ осмотрѣніи пмѣшъ, дабы на непріятельскія поступки примѣчати, и когда ретреншеменшъ около обозу. гошовъ будешъ, и тогда всему корпусу кавалеріи при шомъ обозѣ были непошребно; но можешъ шокмо сильной корпусъ на другую сторону перейши, дабы непріятеля безпрешанно обезпоковаша, а особливо ежели переходы и ретирады нѣкоторымъ числомъ инфантеріи осажены будущъ.

И понеже, какъ мнѣ извѣстно, что Его Царскаго Величества армія нынѣ въ сосшояніи есть сіе исполнипи, и тако все Его Высокоцарскому Величеству высокому разсужденію ославляется.

Дано въ главномъ обозѣ при Полшавѣ въ 11 день Юля 1709 году.

Карлъ Е. Рентъ.

АНЕКДОТЫ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

(Изъ собранныхъ Г-мъ Ригельманомъ, Авторомъ Мало-россійской Исторіи, и проч., жившимъ въ царствованіе И. Екатерины II).

I.

Когда Царь Пешрѣ въ 1696 году взялъ войною отъ Турокъ и принадлежащій отъ давнихъ лѣтъ Россіи, городъ Азовъ, тогда при всѣхъ бывшихъ при ономъ взятіи Генералишестъ сказалъ. «Теперь мы, слава Богу, одинъ уголь Чернаго моря уже имѣемъ, а со временемъ можемъ быть и весь его имѣть будемъ.» На шо предположеніе сказали: далеко Государь и трудно имъ обладать. «Не вдругъ, а по маленьку,» отвѣчалъ Царь. Богъ знаетъ Государь, можно ли, говорили Бояре. «А вошь какъ можно,» сказалъ Царь, споя въ своемъ шапрѣ на коврѣ, «Я вамъ покажу,» поднялъ одинъ уголь ковра шого, и загнулъ положе его къ срединѣ, и спалъ на ономъ. «Вошь видите л спую уже на эпомъ углѣ, попомъ можемъ быть дойдемъ и до другаго угла, и шакже на немъ спанемъ какъ и на первомъ.» При чемъ загнулъ въ средину и другой уголь, и спалъ на обоихъ. «Видите шеперь, за шѣмъ еспъ ли дойдемъ и до шрешьяго угла.» Загнувши шощь

(*) Извѣстіе получено во время бытія моего отъ 1789 по 1780 годъ для постросенія вновь крѣпости Святаго Димитрія Ростовскаго, отъ Полковника бывшаго Азовскаго Козацкаго полку, а потомъ въ переименованномъ Димитріевскомъ, Алексѣя Николаева сына Васильева, которой зналъ шо отъ своего отца, шого жъ Азовскаго полку Полковника Николая Васильева: оный былъ съ шѣмъ Азовскимъ Козацкимъ полкомъ въ Азовъ, составленнымъ изъ охочихъ людей съ самаго начала взятія Азова, которое вышелепанное Царево прореченіе и дѣйство въ его бытность и присутствіи было случилось. Отъ родомъ былъ Волошинъ. Р.

также въ средину, и спалъ на прехъ. »Вошь ужъ при часпи мы имѣшь будемъ, а потомъ еспь ли Богу угодно будешъ, по чешвершый уголъ доспичъ намъ легче будешъ можно.« Посему прореченію въ нынѣшнія времена, съ щаспіемъ Ея Императорскаго Величества благополучно царствующей, всемилоспивѣйшей Государыни нашей Екашерины II, едвазь уже не половинною шого моря во владѣніи своемъ имѣемъ, а далье доспигаешь полагаемъ на волю Всевышняго.

II.

Когда Король Шведскій Карль XII вдругъ вознамѣрился вмѣсто Іюня 29 го въ 27 е число дасть баталию съ войскомъ Россійскимъ, и съ вечера прошиву шого дня ошдалъ приказъ, чшобъ съ полуночи вся его армія была въ гошповности посшавлена къ насшупленію на непріятеля, и дабы не обременяли себя запаснымъ хлѣбомъ, говоря, чшо въ Россійскомъ лагерѣ онаго довольно, шамъ могушь до сыща наѣспься. И такъ съ шѣмъ въ назначенный день съ полуночи и гораздо до солнечнаго восхода изъ лагеря своего самъ съ нею высшупилъ, а кавалерія своей велѣлъ впередъ идши для нападенія на опшводные Россійскіе полки, и на конницу. Чрезъ чшо и сдѣмалась шрѣвога и пальба съ обѣихъ споронъ, о чемъ шощъ же часть Государю донесли, которой шогда еще опочивалъ, чшо Шведы уже насшупаютъ и атакують наши опшводные посты и конницу. Его Величество выпрянувъ спросилъ: »сего дни 27 е число?« Такъ, Ваше Величество опвѣчали. »Какже говорили на 29 е число, шакъ знашь онъ опшмѣнилъ, и шѣмъ хочетъ насъ нечаянно уловишь.« Между шѣмъ вышелъ изъ палашки, слышшшь уже усильную пальбу съ редушовъ пушечную и оружейную, шощъчасъ повелѣлъ полкамъ своимъ изъ лагеря высшупишь, а самъ поворошился въ палашку сказалъ: »Я скоро самъ къ полкамъ буду.« Немедленно вооружился и принесъ теплую молитву къ Вышнему, вышель, и сказалъ: »шеперь на начинающаго Богъ, а по

Немъ и мы, я съ шѣмъ съѣвъ на лошады, поскакаль предводительствовашь армією своею, и ободрилъ всѣхъ присуществуемыхъ своихъ. Вскорѣ по семъ и Шведы устроившись, приступили предъ фронтъ Россійской арміи, и началась пунть генеральная башалія. Легко каждому себѣ представить можно, что она была съ обонхъ споронъ не меньше ошчаянна, какъ и жестокая. Въ кошорой случай сохраняя жизнь и здравіе вонны Государя своего просили, чтобъ щадилъ себѣ, и въ себѣ надежды Россійскія; если же ему смерпъ его не спрашна, по pomysлилъ бы, что имъ всѣмъ и своему Опечеству потеряніе его спрашно. На по онъ объявилъ имъ: «Вы поставлены шеперь вооруженные не за Пешра, но за Государство, Пешру врученное, за родъ свой и за народъ Россійской; и для того не спрашешесь славы непріятельской, но помнише сколько краптъ онъ былъ опъ вась самихъ побжденъ, слѣдовательно и нынѣ по храброспи своей побъдипъ можетъ.» Тутъ Пешръ Великій оказывалъ въ себѣ все по, что дѣлаешъ самихъ великихъ полководцовъ: удивительную храброспъ, не успрашнмую бодроспъ въ самыхъ крайнихъ бѣдствіяхъ, и чрезвычайное присущствіе разума въ самомъ жару дѣйствія; не успрашали его проспрѣленныя на немъ въ разныхъ мѣстахъ плашь и шляпа. И шакъ Шведы приведены будучи въ непорлодокъ начали успунапъ съ непрерывнымъ урономъ, понеже Россіане уже жестоко наспушили на нихъ съ обнаженными палашами, шпыками и копьями; убивали всѣхъ безъ пощады; замъшательспво было вездѣ великое, чрезъ что наконецъ, какъ мѣспо сражснл, шакъ и весь непріятельской лагеръ былъ завоеванъ вооруженною рукою (*).

III (**).

Однажды Царю приглянулсѣ смышленной креспьянскій мальчикъ; онъ опдалъ его учипсьѣ, и, по окончаніи

(*) Извъстіе сіе изъ Малороссійскаго лѣтописнаго повѣствованія. Р.

(**) Послѣдующіе сообщены Н. М. Снегиревымъ.

ученія, дать ему фамилію Пш****., записать его въ гражданскую службу; черезъ нѣсколько лѣтъ, эпопгъ мальчикъ занялъ мѣсто Оберъ-Секретаря въ Сенаптъ. Вънценосный его пѣсшунъ приискалъ ему богашую и знапную невѣсшу и женилъ его; креспьянскій сынъ жилъ баряномъ на Мясницкой улицѣ, въ каменныхъ палапахъ въ приходѣ Св. Николая Мясницкаго, что по прежнему въ Мясникахъ.

Какъ-то Пешру I му случилось ѣхать въ Преображенской Приказъ, мимо Красныхъ воротъ, тогда еще деревянныхъ; шамъ попался ему на глаза спарикъ въ сѣромъ кафпанѣ съ новиною подъ мышкою, и рукавомъ упиралъ слезы, градомъ капившілся по лицу его. Государь, замѣпивъ его, оспановилъ свою одноколку, и подоэвавъ его, спросилъ: «о чемъ онъ плачетъ?» — «Какъ мнѣ, Государь, подѣ спароспъ не плакапъ; одинъ у меня былъ сынокъ, какъ свѣпъ въ очію; пы его полюбилъ и произвелъ въ бары, женилъ на богашой барынь, а онъ и заневѣдался, и на опца смощрѣпъ не хочепъ; — видно спыдяпся показатъ меня своей барынь; я было пришелъ къ нему и къ хозяйкѣ его съ новинкою на поклонъ, а онъ велѣлъ холопамъ своимъ меца со двора выполкапъ.» — «Да правду ли пы говоришь, спарикъ?» спросилъ Царь. — «Солгу ли я на родное дѣпшище свое; вопъ шебѣ свидѣптели Три Свяпипшеля,» сказалъ онъ, указывая на церковь Трехъ Свяпипшелей, въ Спарыхъ Огородникахъ. — «Такъ смощри, жди меня на эпомъ мѣспѣ, пока я вочусь изъ Преображенскаго.» —

Прошло два, или при часа, Пешрѣ Великій заспалъ спшарика все на помѣ же мѣспѣ, гдѣ его вспрѣпшилъ. — «Садись со мною,» сказалъ Царь ему; спарикъ сперва оппѣквивался, но не посмѣлъ ослушанпся, сѣлъ и поѣхалъ съ Царемъ къ дому своего сына. У воротъ уже стояли барабанщики съ банпогамъ. Вошедши въ покои, Пешрѣ спросилъ хозяина съ хозяйкою, колшорые его вспрѣпшили съ поклонами; Правда

»ли говоришь эштошь спарикъ, будто онъ тебѣ опецъ?« — Правда, сказалъ смущенный П***. — »А правда ли шо, «что ны велѣлъ согнать его со двора?« — П*** молчалъ. — Тогда Пешрѣ I кликнулъ барабанщиковъ, вошедшихъ уже въ переднюю, сказалъ обиженному опцу: »Теперь швое родителъское дѣло управишься съ сыномъ.« За виновашаго принялись барабанщики. Когда уже Государю жаль стало П***, онъ шепнулъ опцу его: »Полно, «будешь съ него.« — »Нѣтъ, башюшка, Государь,« примолвилъ раздраженный крещьянинъ: »пусти еще прибавить, лучше тебѣ будетъ служишь, а не кривишь, да и дѣшямъ своимъ также накажешь, чпишь опца, не смошря на жену барыню.« — Когда кончилась езекуція, Пешрѣ сказалъ Оберъ-Секретаршъ: *Кошку бьютъ, а невѣстки наветки даютъ, и велѣлъ ей подать себѣ анисовки.*

Послѣ эшого Пешрѣ I прислалъ планъ новой церкви Св. Николая, кошорую велѣлъ Оберъ-Секретарю за вину выпронить на его иждивеніе, и кошорая до сихъ поръ стоишь, своимъ зодчешвомъ походя на Люшеранскую кирку (*).

IV.

Пешрѣ I любилъ одного умнаго крещьянина изъ подмосковныхъ и не рѣдко удостаивалъ его своей бесѣды. Однажды спросилъ его Царь: »Скажи-ка мнѣ, что есть худо?« — »Худо худой сосѣдь.« — »Еще что шого хуже?« — »Худая жена.« — »А что всего хуже?« — »Кпо самъ для себя худъ,« отвѣчалъ крещьянинъ. — »Правда,« примолвилъ Царь.

(*) Слышано мною отъ Протоіерея I. С., бывшаго въ этой церкви Священникомъ до 1812 г.

КЪ ПРАВАМЪ ВРЕМЕНЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ.

I.

У Императрицы Елисаветы Пешровой былъ любимый спреманный Гаврилычъ, человекъ ей преданный, проспой и прямодушный, копорый говорилъ ей правду безъ обиняковъ ; она слушала его милоспиво (*). Однажды въхавъ верхомъ подмъ ея карешы, онъ вынулъ изъ кармана березовую павлинку понохашъ шабаку. Императрица, увидввъ эшо, сказала ему: »не спыдно ли шебъ, Гаврилычъ, нюхашъ изъ шакой гадкой шабакерки ; пы въдь Царскій спреманный !« — »Да гдъ же мнв, Машушка, взяшь хорошей ? не красшь же спашь,« отввчалъ Гаврилычъ. — »Добро, я шебъ пожалуй золопую шабакерку,« примолвила Императрица. Послв шого прошло нтъсколько мвсцевъ, Гаврилычъ не получалъ обвщанной шабакерки. Случилось ему бышь при Дворв, какъ близкому человеку къ Государыни, среди вельможъ, у копорыхъ зашелъ разговоръ о справедливоспи ; разумвмся, дворскіе люди говорили, что *правда свтълье солнца*. Гаврилычъ слушалъ ихъ рвчи и наконецъ не ушерпя, сказалъ : »Ужъ куда вамъ шолковапъ о правдв, когда и сама Царица не всегда - шо говоритъ правду.« Тогда еще не унищожено было роковое слово и дшло ; хопя его и не закричали, но услужливые перемигнулись другъ съ другомъ и шихомолкомъ передали Императрицв дерзскія рвчи спреманнаго. Добрая и милоспивая Государыня, призвавъ къ себв Гаврилыча, ласково спросила его : »Какъ я слышу, будшо пы меня называешъ несправедливою ; да скажи пожалуй, въ чемъ я передъ шобою несправедлива ?« »Какъ въ чемъ,« возразилъ смб-ло Гаврилычъ »обвщала, Машушка, золопую шабакерку, да и до сихъ поръ не сдержала слова.« — »А! вино-

(*) Слышала отъ его племянника П. М. И., умершаго въ 1832 г., около дсвятоста лшпъ.

ваша, забыла.» И съ сими словами она пошла въ спальню свою и вынесла опшуда ему серебряную вызолоченую шабакерку. — Гаврилычъ взялъ ее, и, посмопръвъ, сказалъ: »Все-таки несправедлива, обьщала золошную, а даришь серебряную.« — »Ну, подай же мнѣ ее, я принесу тебѣ настоящую золошную,« сказала, засмѣявшись Императрица. »Нѣтъ, Машушка, пусть же ена останешся у меня буднишною, а пожалуй-ка мнѣ за виву свою праздничную,« примолвилъ Гаврилычъ. Какъ сказано, такъ было и сдѣлано.

II.

Императрица Елисавета Петровна любила маскерады, шеаптры и Русскія простонародныя увеселенія. Съ Гаврилычемъ зимою она катывалась на конькахъ по льду прудовъ въ Красномъ селѣ и въ Измайловѣ; льпомъ, наряженная въ великолѣпный сарафанъ и кокошникъ, ходила съ придворными въ хороводахъ, сама пѣвала съ дѣвушками хороводныя, а въ Свяпки свѣточвыя пѣсни. При ней, сказывали старожилы, *жили припѣваючи*. Мужской нарядъ Императрицы такъ же шелъ, какъ жепскій; она прекрасна была и въ сарафанъ и въ гвардейскомъ мундирѣ и въ охопничьемъ плащѣ и въ пышномъ робронѣ съ бочками и фижмами. Одѣтая въ великолѣпный мундиръ на одномъ маскерадѣ, она подошла къ Великой Княгинѣ Екатериинѣ Алексѣевнѣ (Екатеринѣ II), кошорая, ошпановивъ на ней свои глаза съ особеннымъ участіемъ, сказала ей: »Къ счастью женциць, чпо Вы, Государыня, не муцина.« — »Еслибъ я была муциной,« опшвѣчала Императрица:» шо тебѣ бы первой опдала яблоко.« При ешомъ словѣ Великая Княгиня поцѣловала у ней руку, а Государыня обняла ее съ маперинскою нѣжностью (*).

(*) Опъ одного стараго придворнаго, умершаго въ 1815 г. льшь 100 опъ рожденія.

III.

Ко Двору ея вызвана была славная пѣвица Габріелли, кошорая пѣніемъ своимъ восхипила Государыню, основательницу лучшей въ свѣтѣ пѣвческой капелли. Она поручила Генераль-Фельдцехмейстеру П. И. Шувалову спросить ея, не угодно ли Габріелли оспашься при Дворѣ Императрицы, и сколько шребуешъ себѣ годоваго жалованья? Габріелли пошребовала десять тысячъ рублей, сумму, огромную по тогдашнему вѣку. Шуваловъ замѣшилъ ей, что Фельдмаршалъ въ Россіи получаешъ шолько десять тысячъ рублей. — «Такъ пусшь онъ у вась и поешъ!» ошвѣчала пѣвица (*).

И. С.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО АРХІЕПИСКОПА ТЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА ПЕРЕДЪ КОНЧИНОЮ.

Теофанъ, чувствуя приближеніе своей кончины, приспавилъ, говорящъ, ко лбу указательный палець, и проивнесь: *«О, главо, главо! разума упившишь, куда ся приклонилъ?»* Извѣстно, что современники Теофана Прокоповича обвиняли его въ нѣкопорыхъ ошпсууленіяхъ ошъ Воспочной Церкви, и направленіи прошеспаншскомъ. Можешъ бышь, шоякуюшъ иные, эши слова имѣющъ ошношеніе къ его умшшвованіямъ.

(*) Изъ Французской рукописи XVIII в.

ПРАВИЛА УЧАЩЕМУСЯ,

НАПИСАННЫЯ ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ II,

(съ собственноручной записки, доставленной издателью В. Н. Карзиннымъ).

Долгъ учащегося къ Богу.

1) Понеже законъ Божій учить насъ что начало Премудрости есть страхъ Божій, и того для страхъ Божій да вселился въ сердцѣ учащагося вмѣстѣ съ любовію ко всемогущему, Премудрому и Преплагому шворцу небы и земли и всея швари, и да будетъ учащемуся вняшно что человекъ кошораго Богъ любитъ помощію Всевышняго сподобился получитьъ духа и ума способнаго ко просвѣщенію.

О дѣтской любви и страха къ Богу.

2) Дѣтская любовь и страхъ къ Богу да окажется воздержаніемъ мыслей, желаніи дѣйствіи и произволенія отъ всего Бога пропивное, шаковое внутреннее душевное расположеніе являея и вышними знаками и дѣянiami.

Что есть церковь и какъ учащему быть въ церкви.

3) Церковь есть мѣсто определенное гдѣ собираются хрiстіанѣ, шупть ставъ предъ Богомъ со всякимъ пошпеніемъ и покорностію подобаетъ молился Богу со смиренодушіемъ; славить Премудрость, Благость и Милосердіе Его Благодареніе ради принятыхъ милоспи возсылашь, къ нему шворцу испросить помилованію за содѣянные прегрѣшнія, и искаши Благодати пошребныя, внямя душеспасительныхъ испииннѣ ради пользы душевной, во время казаніи же да обратишь слова проповѣди на себя самаго не на другихъ и да исправишь самъ себя.

Какъ учащемуся прилично стоять въ церковѣ.

4) Во время службы Божіи учащемуся прилично сходясь ниго безмолвственно не озираясь очами и рассеяннымъ размышленіемъ но оброщая мысли и сердце къ Богу за ежедневныя Его Благодати возсылаши благодареніе хвала Его безконечныхъ совершенствъ и всемогущество.

Чего чинить прежде ученіе.

5) Учащемуся прежде ученіе утреной мышь лицо и руки чешашъ волосы и когда нужно спрычь ногши.

Какъ учащемуся вѣсти себя съ учителемъ.

6) Когда учащейся увидишь учителя въ день впервые да поклонися ему во ученіе же должнспвуетъ бышь учителю послушень, и прилсно да примѣчаешъ ученіе буде учитель учинишь учащемуся вопросъ шо учащейся имѣешъ отвѣщспвова съ учшивоспію.

7) Учащейся въ ученіе долженъ имѣшь доверенность къ учителю и въ ученіе можетъ у учителя просишь совѣтъ и помочь понеже ученіе ведешъ учащегося къ Благости.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ.

Изъ памятныхъ записокъ Ан. Пестерова ().*

Въ началѣ нынѣшняго спользшя жилъ въ Москвѣ почтенный спарець, *И. В. С-нъ*, царедворецъ *Екатерины*, находившійся при ней во время возшеспвїя Ея на пресполъ. Я пользовался особеннымъ его благорасположеніемъ; и часпо (хотя тогда былъ еще очень молодъ), удаляясь отъ шумныхъ веселостей сполиты, находилъ большое удовольствіе — проводить длинныя осенне вечера въ его общеспвѣ. Чшобы развеселишь, оживишь спарца, я всегда заводилъ разговоръ объ *Екатерининомъ* времени. Надобно было видѣшь, съ какимъ удовольствіемъ, съ какимъ живымъ чувствомъ говорилъ онъ, — казалось, онъ спановился нѣсколькими десяпками лѣтъ моложе! — Въ одинъ вечеръ, когда зашла рѣчь о великодушїи *Екатерины*, онъ рассказывалъ:

I.

Однажды *Г. Безбородко*, сппревоженный входилъ къ Государынѣ. «Чшо скажете, Графъ?» Долго ли, Государыня! будешъ продолжашься ваше шерпѣніе? посмотришь! (онъ подаль пасквиль на счешъ *И. Екатерины*.) Она просмотрѣла его и съ обыкновеннымъ равнодушіемъ произнесла: «Я придумала достойное наказаніе!» — И съ эшимъ словомъ бросила бумагу въ горѣвшій каминъ. —

II.

Въ другое время *Г. Безбородко* забылъ написать по приказанію Императрицы одну важную бумагу. Вдругъ вспомнилъ о шомъ; и какъ время не шерпѣло — взялъ

(*) Недавно пересматривая разные мои бумаги, я нашелъ записки, относящїя къ *Екатеринѣ Великой*. Посылаю ихъ къ вамъ, полагая, что онъ могутъ занять мѣсто въ *Москвитяинѣ*, въ кошоромъ вы помѣщаете все, служащее къ славъ нашего Отечества; а въкъ *Екатерины*, конечно, есть блистательный періодъ нашей Исторїи. Вашъ, и проч. А. Пестеровъ. 1841, Марта 17. Кадомъ.

бѣлый листъ бумаги, и пошелъ къ Государынѣ. Она пошчасъ спросила его: «что—гошова ли у васъ бумага» — Гошова, В. В. — «Прочтитежь мнѣ ее.» — Графъ, держа предъ собою бѣлый листъ, читалъ. Императрица была очень довольна, и попросила у него бумагу для подписанія. Графъ смутился; — но что тутъ было дѣлать? — Онъ признался, что забылъ написать. Государыня съ улыбкою сказала: «что, забавно. Но впередъ не дѣлайте такого употребленія изъ вашей необыкновенной памяти!» —

III.

Однажды говоря о томъ, какимъ особеннымъ даромъ обладала *Екатерина*, что способна была однимъ приятнымъ взглядомъ привлекать къ себѣ сердца даже враговъ своихъ, — почтенный С—нъ привелъ въ доказательство тому слѣдующій анекдотъ: Одинъ злобный *Полякъ* былъ весьма недоволенъ *Екатериной*. Когда онъ нашелъ случай быть допущеннымъ къ *Ней*, то, идя, сказалъ тихо своему приятелю: что если бы возможно было, — онъ гошовъ поразить *Ее* кинжаломъ! но чтожь вышло?... поговоря съ Государынею, онъ пакъ плѣнился приятнымъ. Ея обхожденіемъ, что забылъ о своемъ мщеніи; и выйдя отъ *Нея*, съ восхищеніемъ воскликнулъ: нѣтъ! я гошовъ другихъ колошь за *Нее*! . . .

IV.

Но когда С—нъ вспоминалъ о милостяхъ *Екатерины* къ себѣ самому, всякій разъ приходилъ въ такое умиленіе, что слезы блистали на глазахъ спарца. Онъ съ чувствомъ рассказывалъ, что Императрица приѣхавъ (не помню, именно когда) въ Москву, и долгое время не выдавъ его, сказала съ чувствомъ: „какъ сосшарьлись мы съ побюю, *Иванъ Васильевичъ!*“ — Потомъ приказала, чтобы онъ всегда обѣдалъ у *Нее*. Когда на другой день С—нъ явился къ Государынѣ, Она вспрѣшла его съ сими словами: „я еще въ долгу у васъ.“ — И вѣдшъ съ эшимъ, надѣвая на него *Александровскую*

ленту, прибавила: „не нужно спрашивать о вашей службѣ, когда разборчивая Москва, нѣсколько разъ сряду, выбирала васъ въ свои Предводители! (*).“

V.

Когда С—нъ съ депутаціею изъ Москвы прѣѣхалъ въ С.-Петербургъ, то ежедневно приглашаемъ былъ къ сполу Имперашрицы. Одинъ знакомый съ нимъ Губ. Предводитель, также прѣѣхавшій пуда съ своими Дворянами, спрося его о приемѣ, сдѣланномъ ему Государыней и о проч., сказалъ: я послѣдую, *И. В.*, вамъ. Бывшій пушъ другой Предводитель возразилъ: „вы не успѣше въ этомъ: *Его Превосходительство* всякій день кушаетъ у Имперашрицы, и бываешь у Нее на вечерахъ!“ —

Дворяне, не охотно поѣхавшіе съ С—нъ въ С.-Петербургъ, удоспоенные опличнаго приема опъ *Екатерины*, съ восхищеніемъ говорили ему: мы гошовы всякій годъ ѣздишь съ вами.

VI.

Я замѣшилъ, что въ шоржеспвенные дни, особенно когда С—нъ ѣзжалъ на обѣдъ къ Московскому Главнокомандующему, всегда бралъ дорогую золотую пабакерку, пожалованную ему *Екатериною* въ день восшеспвіа Ея на прешоль. Только 12 пабакерокъ роздано было погда близкимъ къ Ней особамъ. По погдашнему цѣнили ее въ тысячу рублей; но одинъ охотникъ предлагалъ за нее 5 ш. — и почшенный спарець не соглашался ошдаць — и за 10 ш.; или лучше сказать, ни за какую цѣну, дорожа ею, какъ вещью, служащею памятникомъ особенной благосклонности къ нему обожаемой имъ Монархини....

С. Валерино.

(*) С—нъ нѣсколько прѣхлѣшій былъ Московскимъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства.

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ.

Въ 1840 году вышла на Англійскомъ языкѣ книга въ высшей степени любопытная для насъ Русскихъ. Это Записки Княгини Дашковой, Спашсъ-Дамы Императрицы Екатерины II; ею самой писанныя и изданныя Г-жею Бредфордъ (*). Издавательница, будучи еще дѣвицею Вильмошъ, въ 1803 году прїѣзжала въ Россію, и пять лѣтъ жила съ Княгинею, зиму въ Москвѣ, а лѣто въ ея селѣ Троицкомъ, Московской Губерніи, пользуясь ея дружескимъ расположеніемъ. Поводомъ къ такому сближенію была тѣсная дружба Княгини съ Г-жею Гамильтонъ, дочерью Архіепископа Райдера и родспвенницею Г-жи Бредфордъ. Живя подъ одной кровлею съ Княгиней, сія послѣдняя убѣдила ее изложить на письмѣ событія ея жизни. Это было осенью 1804 года: послѣ нѣкошораго колебанія, Княгиня согласилась. Начашый спрудъ шель быспро впередъ. Она писала на память, безъ всякихъ предварительныхъ опмѣшокоъ. Окончивъ, опдала рукопись дѣвицѣ Вильмошъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими письмами современныхъ знаменитосшей и другими докуменшами, изъявивъ желаніе, чшобъ они были напечатаны послѣ ея кончины.

Записки писаны по Англійски и посвящены дѣвицѣ Вильмошъ. Предспавляемъ опрывокъ чипапеламъ въ возможно полномъ извлеченіи. К.

Вы желаете, моя юная и дорогая подруга, говорить Княгиня Дашкова въ посвященіи, — чшобъ я начерпала каршину моей жизни, могу сказать, бурной и безпокойной, или правильнѣе, жизни полной гореспей, кои сдѣялись тѣмъ шягоспнѣе, чшо я должна была скрывать свои

(*) Memoirs of the Princess Daschkaw, lady of honour to Catherine II, Empress of all the Russias: written by herself, comprising letters of the Empress and the correspondence. Edited from the originals by Mrs. W. Bradford; 2 vol. London. 1840.

страданія. Въ этомъ отношеніи я жила, можно сказать, мученицею принужденія: говорю мученицею, потому что скрывать свои чувства и казаться другою, нежели я есть, было для меня всегда прошивно и ненавистно.

Мои друзья и родные нѣсколько лѣтъ побуждали меня предпринять трудъ, котораго вы теперь требуете. Я прошивилась ихъ просьбамъ; но не могу прошивиться вашимъ. И шакъ, вошь вамъ исторія моей жизни, — гореспная исторія, изъ которой я могла бы сдѣлать шрогательный романъ. Вамъ посвящаю ее. Я писала ее какъ говорю, безъ приготовленія, и съ опкровенностью, которой не могли заглушить даже предостереженія несчастнаго опыта.

Въ шестидесять лѣтъ жизни, послѣ многихъ болѣзней, многихъ несчастій и шяжелаго изгнанія, когда, живя въ уединеніи, я была занята исключительно благосостояніемъ моихъ крестьянъ, передъ глазами моими въ первый разъ мелькнула плешница лжи и низкихъ обвиненій на Великую Екатерину, кои нѣкоторымъ Французскимъ писателямъ угодно было смастерить и разсѣять: эти писатели, какъ будто бы то было необходимо для выполненія ихъ злобнаго намѣренія, или ободраемые наглостью вѣка, хотѣли шакже оклеветать и очернить ея незлобнаго друга, Катерину малую. Въ подобныхъ сочиненіяхъ, я нашла вашу Дашкову представленною съ пороками, всего болѣе чуждыми ея характера: то какъ женщину съ самымъ пресупнымъ честолюбіемъ, то какъ преданную самому грубому распуществу.

Отсюда легко можно видѣть, что жизнь шпрогно-нравственная, проведенная болшею частію въ уединеніи, которое немногіе умѣютъ цѣнить и которому еще менѣе расположены завидовать, не доставляетъ защиты отъ обманутаго въ желчь пера пасквианта, служащаго ему средствомъ для облегченія чувства зависти, или для удовлетворенія еще менѣе опщепливыхъ шре-

бованій ничѣмъ не вызванной злобы. Хотя могло быть извѣстно, что Екатерина Вторая оцѣкиваетъ и спарается излечить несчастія, копорья *Иллюминаты* и мнимые философы навлекали на бѣдную Францію; и хотя они спрашились силы Монархини споль испишно великой и грозной: но можно ли повѣришь, чтобъ эти люди думали опмсшить за себя, нападая на женщину рѣшишельно безъ всякаго вліянія въ дѣлахъ Правительсва, и спараясь лишить ее того, что она цѣнила выше всего на свѣшъ — безпорочной славы.

Такова однако была жестокость судьбы моей, что послѣ того какъ Небо, въ гнѣвъ своемъ, опнило у насъ мать, нашу великую и просвѣщенную Государыню, — когда я не могла болѣе наслаждаться ея личной ко мнѣ добропою или радовалась благодѣяніямъ, копорья она разливала въ моемъ опечесствѣ, — я сдѣмалась жершвою злобной яросши ея непріятелией.

Я родилась въ Петербургѣ, въ 1744 году, около времени возвращенія Императрицы Елисаветы изъ Москвы, послѣ коронавія. Ея Величество была моей крестной матерью, а Белкій Князь, ея племянникъ, впослѣдшвіи Императоръ подъ именемъ Пспра IIIго, моимъ крестнымъ опцомъ. Эшой честью я могла быть обязана женидбѣ моего дяди, Государсшвеннаго Канцлера, на двоюродной сестрѣ Ея Величества: но я скорѣй приписываю ея чувству дружества, копорое Императрица пипала къ моей матери съ шѣхъ поръ, какъ она въ предшесшвовавшее царсшвоаніе, щедро и могу прибавишь, споль же деликатно, пополняла денежныя недоспапки, происходившіе довольно часто опъ собственной щедрости Принцессы и незначительной суммы, назначенной на ея содержаніе.

Двухъ лѣтъ я имѣла несчастіе лишиться матери, а чешырехъ — Государсшвенный Канцлеръ, старшій братъ

моего опца, взявъ меня изъ деревни опгъ спраштво любившей меня бабушки, чптобъ воспитывавшь съ его единспвенной дочерью, впослѣдствіи Графинєю Спрогоновой. У насъ были однѣ комнаты, одни учители, одни плашь; во всемъ внѣшнемъ мы были совершенно похожи другъ на друга: но во всѣхъ періодахъ нашей жизни, во всѣхъ нашихъ поступкахъ, никогда не было двухъ существъ, болѣе несходныхъ.

Мнѣ не нужно много говорить о родѣ моего опца. Его древность и множество блистательныхъ услугъ моихъ предковъ дѣлають имя Воронцовыхъ шполь славнымъ, сколько можешъ того желашъ кто бы шо ни былъ, болѣе меня приспраштный къ родовой славъ. Графъ Романъ опецъ мой, второй брашъ Канцлера, любилъ удовольствія, и былъ еще молодъ, когда умерла машъ моя. Слѣдовательно онъ не слишкомъ заботился о своихъ дѣтиахъ и съ такою же радостію передалъ меня на руки дяди, съ какою эпошъ добрый родственникъ принималъ.

Двѣ сестры мои, старшая, Графиня Марія, впослѣдствіи Графиня Бушурлина, и вторая, Графиня Елизавета, впослѣдствіи г-жа Полянская, весьма рано были оппачены милостію Императрицы, еще въ дѣтспствѣ назначены во Фрейлины, и жили при Дворѣ. Графъ Александръ, мой старшій брашъ, изъ всѣхъ дѣтей одинъ, жилъ съ моимъ опцемъ, и его одного я знала съ дѣтспства; мы часшо видались, и такимъ образомъ между нами рано возникла привязанность, обротившаяся во взаимную довѣрчивость и дружбу, до сихъ поръ существующія. Младшій брашъ мой, Графъ Семень, жилъ въ деревнѣ съ дѣдомъ, и я рѣдко видала его, даже когда онъ бывалъ въ городѣ. Сестерь я видала еще рѣже.

Дядя не шадилъ ничего, чптобъ дашь своей дочери и мнѣ лучшее, по мѣгнію шого времени, воспитаніе. Насъ учили чепыремъ разнымъ лзыкамъ, и по-Французски мы

говорили бѣгло, сдѣлали большіе успѣхи въ панцахъ и нѣсколько рисовали. Но что было сдѣлано для образованія нашего вкуса, для наученія разума? рѣшительно ничего. Дядь было некогда; шепка не имѣла для этого ни способноспи, ни желанія.

Ксшати случившаяся со мной корь была очень полезна для моего воспитанія. Тогда дѣйспвовалъ указъ, запрещающій сношеніе съ Дворомъ семейспвамъ, въ кошорыхъ были вакожныя болѣзни, каковы корь и оспа, чтообъ онѣ не приспали къ Великому Князю Павлу. Лишь только показались первые признаки, какъ меня немедленно опсправили въ деревню, за семнадцать верспъ отъ Пешербурга, гдѣ ослабленіемъ зрѣнія, вслѣдспвіе моей болѣзни, лишенная даже возможаоспши чипашъ, я вмѣспъ съ пѣмъ была лишена всякаго разспвія и успѣшенія,

Какъ только я могла чипашъ, я съ величайшимъ жаромъ предалась книгамъ. Бель, Моншескѣ, Буало и Вольшперъ были изъ числа любимыхъ моихъ писашелей. Прежде чѣмъ я возврашплась въ Пешербургъ, мой бранпъ Александръ уѣхалъ въ Парижъ, и я лишилась его дружеской внимашельноспи, кошорой печально прощиворѣчпало равнодушіе болпшей часпши лицъ, окружавашихъ меня. Однако я была спокойна и довольна посреди моихъ книгъ. Позднія занятія (часпо цѣлыя ночи проводила я въ чпеніи), и расположепіе духа, происпедшее отъ шакого изнуренія, пропзвело во мнѣ слабоспъ и болѣзненные признаки, возбудившіе опасенія моего почшпеннаго дяди, и даже привлекшіе участіе Имперашрицы Елисаветы. По приказанію Ея Величеспва меня нѣсколько разъ посъспилъ ея первый врачъ Бурхавъ, и, забопливо вникнувъ въ мою болѣзнь, объявилъ, что мое сложеніе до сихъ поръ было невредимо, а что признаки, возбудившіе опасенія друзей моихъ, пропзошли скорѣй отъ безпокойспва духа, нежели отъ пѣлеснаго разспройспва. Вслѣдспвіе этого мнѣнія я подвергалась пысячъ распросовъ; одна-

ко не сказала истины. Въ то время какъ я приписывала свой блѣдный и истощенный видъ слабости нервовъ и головнымъ болямъ, умъ мой ежедневно крѣпнелъ и оживлялся опть постояннаго упражненія.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ полипика была для меня самымъ занимательнымъ предметомъ. Я мучила своимъ любопытствомъ иностранцевъ, художниковъ и ученыхъ, также какъ иностранныхъ Министровъ, прїѣзжавшихъ въ домъ моего дяди. Я спрашивала каждого изъ нихъ о его опечесствѣ, формѣ правленія и законахъ; и сравненія, къ которымъ часто вели ихъ опвѣты, внушили мнѣ пламенное желаніе путешествовать. Г. Шуваловъ, любимецъ Императрицы Елисаветы, желавшій прослыть меценатомъ своего времени, узнавъ опть многихъ изъ ученыхъ посѣщителей моего дяди, что я страстно люблю читать, предложилъ снабжать меня всеми лишературными новостями, которыми онъ постоянно получалъ изъ Франціи. Привязанность моя къ брату Александру сдѣлала, что я, во все время его опсушества, по два раза въ мѣсяцъ, пересылала къ нему все слышанныя мною новости Двора, города и войска: и хорошъ или дуренъ былъ мой слогъ впоследствии, безъ сомнѣнія характеръ его образовался журналомъ, писаннымъ для любимаго брата.

Въ теченіи Іюля и Августа 1759 года, о которомъ я теперь говорю, пока мой дядя съ пешкой и братомъ были въ Царскомъ Селѣ, я оставалась одна въ городѣ. Единственные дома, посвѣщаемые мною, были Книжныя Голицыной, кошорая, такъ же какъ и мужъ ея, почтенный и умный спарикъ, очень меня любили, и домъ г-жи Самариной, вдовы одного дворянина. Однажды въ прекрасный лѣпній вечеръ, когда я осталась ужинать у послѣдней, сестра ея предложила мнѣ прогуляться, — улица, на кошорой она жила, была широкая и малолюдная, — я охотно согласилась, опсправивъ впередъ

моего кучера. Едва мы прошли нѣсколько шаговъ , какъ высокій мужчина, вышедъ изъ другой улицы, приблизился къ намъ. Невольно оspanовившись , я спросила у моей подруги кпо это , и въ первый разъ въ жизни услышала имя Князя Дашкова. Онъ былъ корошко знакомъ съ семействомъ Самариныхъ , разговаривалъ съ нами во время дороги, но временамъ обращаясь и ко мнѣ, но пономъ робкой учтивости, что весьма расположило меня въ его пользу. Эту встрѣчу и благопріятное мнѣніе, которое мы составили другъ о другѣ, я приписываю особому содѣйствію Провидѣнія, назначившаго насъ одного для другаго. Познакомиться обыкновеннымъ образомъ было почти невозможно: еслибъ только имя Князя было пронесено въ домъ моего дяди, то я узнала бы одно дѣло, въ которомъ онъ, по несчастію, былъ замѣшанъ, что поставило бы рѣшительную преграду нашему соединенію. Незнаніе допустило возрастанію въ насъ взаимной склонности, и Князь, получивъ мое позволеніе, просилъ Князя Голицина ходатайствовать за него передъ моимъ опцемъ и дядей, сохраняя между нѣмъ дѣло въ тайнѣ, пока онъ не съѣздитъ въ Москву, чтобы получить благословеніе матери. Со споробы моего семейства не было сопрошивленія; мать Князя дала полное согласіе на нашу свадьбу.

Однажды вечеромъ, еще до отъѣзда Князя въ Москву, Императрица Елисавета ужинала у насъ послѣ Пинальнской оперы, гдѣ была въ сопровожденіи Шувалова и моего дяди. Я оставалась дома, чтобы принять ее; Князь Дашковъ былъ со мною. Внимательность къ намъ Ея Величества была до того велика, что вызвавъ насъ въ другую комнату, она съ материнскимъ участіемъ объявила намъ, что знаетъ нашу тайну, и желаетъ намъ всевозможнаго счастья. Она хвалила почтеніе Князя къ матери; и, ведя насъ назадъ, сказала, что Фельдмаршалу Графу Буপুরлину уже приказано дать ему отпускъ. Тотъ доброты и материнской нѣжности къ намъ Императрицы, до такой степени меня

пронуль, что я не могла скрыть своего волненія. За-
мѣпивъ его, Императрица попрепала меня по плечу,
и поцѣловавъ, сказала успокойся — дитя мое: иначе на-
ши друзья подумаютъ, что я тебя бранила.

Въ печеніи этой зимы, и Великій Князь, впослед-
ствіи Пешръ III, и Великая Княгиня, впоследствіи споль
достойно названная Великою Екаперипою, ужинали и
провели вечеръ въ домъ моего дяди. Ея Императорское
Величество уже знала обо мнѣ, какъ о двушкѣ, про-
водившей большую часть времени въ занятіяхъ, о
кошорой посѣщавшіе моего дядю опзывались съ боль-
шею благосклонностію. Опгъ этого предубѣжденія въ
мою пользу произошло уваженіе, кошорымъ она осча-
спливила меня впоследствіи, внушивъ мнѣ въ свою
очередь энтузіазмъ и приверженность, заведшіе меня
въ сферу дѣятельности, шогда малоизвѣстную и не-
желанную. Въ шо время, о кошоромъ я говорю, ушвер-
дительно могу сказать, во всей Имперіи не было
двухъ женщинъ, кромѣ Императрицы и меня, кошорыя
бы сколько нибудь занимались серьезнымъ чтеніемъ:
въ этомъ была шочка соприкосновенія, а прелести ея
обхожденія никакъ не могли проптивиться шѣ, кошоры-
мъ она желала понравиться; каковожь вліяніе она
должна была имѣть на меня, юное пятнадцатилѣтнее
созданіе, споль воспріимчивое?

Въ этомъ достопамятнѣйшій вечеръ Великая Княги-
ня почти исключительно обращалась ко мнѣ, восхищая
меня своимъ разговоромъ. Возвышенность чувствованій
и знанія, ею обнаруженныя, являли существо, по-
спавленное природою выше всѣхъ прочихъ, кошораго я
не могла вообразить себя въ самыхъ жаркихъ мечтахъ
о совершенствѣ. Вечеръ бышро пролетѣлъ, но его
впечатлѣніе было неизгладимо.

Князь возвратился изъ Москвы, но по болѣзни шеп-
ки наша свадьба была опложена до Февраля. Мы об-

вѣчались какъ нельзя пише, и вскорѣ опправились въ Москву.

Здѣсь опкрылся передо мною новый мѣръ : новыя обязанности, новыя условія. Я говорила по Русски очень дурно, а къ моему запрудненію, свекровь моя не знала никакого другаго языка. Члены мужескаго семейства были большею часпію люди пожилые : и хошя они были ко мнѣ очень снисходительны, но я не могла не замѣшнпть, что поправилась бы имъ болѣе, еслибъ болѣе была Москвитянкой. Поэтому я рѣшила прилежнѣе запяшья роднымъ языкомъ, и скоро сдѣлала шаіе успѣхи, что заслужила одобреніе и похвалы моихъ почевныхъ родшвенниковъ.

21 го Февраля, черезъ годъ послѣ замушства, я родила дочь, а въ Маѣ опправилась за свекровью въ ея вошчипу Троицкое. Въ Іюль Князь и я вѣдили въ его имѣніе, въ Орелъ, и опшуда возвратились въ Москву. Срокъ его оппуска кончался; онъ написалъ въ Пешербургъ, къ моему опцу, прося постараться объ опсрочкѣ.

Императрица спарѣлась и ослабѣвала, придворные начивнали обращаться къ ея наследнику. Эпо дало Великому Князю болъшую нежели прежде власть надъ Преображенскимъ полкомъ гвардіи, кошораго онъ былъ шефомъ, и въ кошоромъ Князь Дашковъ служилъ Капитаномъ (second Captain). Нужно было обратиться къ Его Высочеству съ просьбою объ опсрочкѣ еще на пять мѣсяцевъ, до моихъ вшоричныхъ родовъ. Прежде эпой милоспи Великій Князь хошѣлъ видѣшъ моего мужа въ Пешербургъ, изъ особенной къ нему благоклонности, какъ думалъ мой опецъ, побуждавшій его постѣшнпть опѣздомъ. Я была неушѣшна, даже и вмѣспѣ съ нимъ, при мысли объ эпой разлукѣ; здоровье мое начало распривавшья, и 8 го Января, въ копо-

рое Князь оставилъ Москву, я запомогла горячкой съ бредомъ. Какъ она произошла опть одного волненія духа, шо я приписала свое скорое выздоровленіе упорству, съ кошорымъ отвергала всякое врачебное пособіе.

Что касается до Князя, шо Ихъ Императорскія Высочества оказывали ему всевозможное вниманіе, чшобъ сдѣлать ему пріятнымъ пребываніе въ Петербургъ. Онъ часто былъ приглашаемъ въ Ораніенбаумъ, на ихъ саннья кашанья: но по несчастію, долгое пребываніе на холодъ произвело у него жабу, слѣдствія кошорой могли бытъ гибельны для насъ обоихъ. Оставивши Петербургъ, онъ вхалъ день и ночь, не выходя изъ экипажа, пока не достигъ Москвы. При въездѣ въ заспаву воспаленіе въ горлѣ такъ усилилось, чшо онъ не могъ говорить, и не желая испугать насъ, приказалъ, какъ только могъ, везти себя къ шепкѣ своей Новосильцовой, чшобъ шамъ принялъ чшо нибудь для своего временнаго облегченія. Тепка его послала за докторомъ, и когда эшопъ объявилъ, чшо Князю опасно выѣзжать, она удержала почтовыхъ лошадей, чшобы на другой день, получа облегченіе, онъ пріѣхалъ къ мамешири, какъ бы ничего съ нимъ не случилось.

Моя свекровь и ея сешра Княгиня Гагарина, бывшая при мнѣ во время первыхъ родовъ, вмѣстѣ съ повивальной бабушкой, сидѣли у меня въ комнашѣ, съ часу на часъ ожидая, чшо мнѣ будутъ нужны ихъ услуги; моя горничная, воспользовавшись мнупшою, какъ я вышла изъ комнашы, успѣла сказать мнѣ, чшо Князь Дашковъ въ Москвѣ у шешки, и сшрого наказалъ хранишь его пріездъ въ шайнѣ. Я вскрикнула, чего, по сшастію, не слышали въ другой комнашѣ, однако собрала всѣ силы, ободрилась, и съ самымъ покойнымъ видомъ, возвращаясь къ Княгинѣ, увѣряла ее, чшо время моихъ родовъ нѣсколько далѣе, нежели мы воображали; эшо засшавило ихъ удалишься на нѣсколько времени,

чтобы опдохнуть. Лишь только они вышли, какъ я бросилась къ повивальной бабкѣ, ради Бога прося ее идти со мною. Мнѣ кажется я еще вижу, какъ эша добрая женщина выпаращила на меня свои ужасные глаза, и начала свое длинное увѣщаніе. Въ опчаяніи опять ея опказа, я сказала ей мой секретъ, и объявила, что не переживу мысли объ опасности, въ которой, быть можетъ, находишься мужъ, и что, если она не соглашается проводить меня, я одна пойду къ шешкѣ. Наконецъ она уступила моимъ мольбамъ, и съ помощію одного спарика, жившаго у насъ и пѣвшаго моливвы для моей свекрови, спаралась помочь мнѣ сойти съ лѣсницы. Но едва я спустила шаговъ десять, какъ боли возвратились ко мнѣ съ такою силою, что оба спущника, почивая увѣщанія поперею времени, силою хотѣли принудить меня возвратиться. Я крѣпко уцѣпилась за перилы, и ни сила, ни угрозы не могли сдвинуть меня съ мѣста. Наконецъ мы съ шрудомъ сошли съ лѣсницы, и послѣ часшаго, болѣе и болѣе грознаго возвращенія мукъ, дошли до дома шешки. Не знаю, какъ я взобралась по высокой лѣсницѣ, ведшей въ комнату мужа. Могу только сказать, что войдя увидала его блѣднымъ и распрощертымъ на посшелъ, бросила на него минушный взглядъ, и безъ чувствъ упала на полъ. Въ этомъ состояніи я была опнесена шешкиными людьми домой, и лишь жестокость мукъ возвратила меня къ жизни. Я послала за свекровью и шешкой, и черезъ часъ родила сына Михаила.

Къ счастью въ болѣзни моего мужа скоро произошелъ счастливый кризисъ, и его выздоровленіе было быстро, тогда какъ мое чрезвычайно медленно. Мы не поѣхали въ деревню, потому что въ короткое время намѣрены были опправиться въ Петербургъ; опкладываясь несколько разъ день нашего опъезда, мы наконецъ выѣхали, и прибыли въ Петербургъ 28го Іюня, въ день, черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ сдѣлавшійся споль славнымъ для моего опечесства.

Эпо пупешествіе было для меня чрезвычайно пріятно. Я желала видѣшь моихъ родныхъ, копорыхъ обращеніе и привычки были споль опшличны опгъ видѣнныхъ мною въ Москвѣ, и болѣе соопвѣшпствовали моему вкусу и наклонностямъ. Въ особенності мнѣ хотѣлось опашь бышь въ домѣ дяди, гдѣ я научилась удивляться образованной ушонченности собиравшася въ немъ общесства, пакже какъ Европейскому вкусу, съ копорымъ онъ былъ украшенъ, справедливо заслуживая бышь Княжескимъ мѣспопребываніемъ.

На слѣдующій день, опецъ мой, увидѣвшись съ нами, соопцилъ вновь вышедшее при Дворѣ повелѣніе, чшобы Офицеры Преображенскаго полка, которые были приглашаемы въ Ораніенбаумъ Великимъ Княземъ и Великой Княгиней, опашь шуда опсправились вмѣспѣ съ женами, и что въ шомъ числѣ должны ѣхашь и мы. Эпа новоспъ была весьма нерадостна для меня! я уже получила опшращеніе опъ принужденности придворной жвзни, и жалѣла о разлукѣ съ дочерью. Опецъ предложилъ намъ свой домъ, споявшій между Пепербургомъ и Ораніенбаумомъ, и на другой день послѣ нашего прібыштія шуда, мы предспавлялись Ихъ Имперашорскимъ Высочесствамъ. Помню, что при эпомъ случаѣ Великій Князь обрапился ко мнѣ съ слѣдующими словами: — вхопш я вижу, что вы не намѣрены жишь во Дворцѣ, но я надѣюсь видѣшь васъ каждый день.» Я ничего не опвѣчала, но чувспвовала мало желанія повшоряшь мои посѣщенія чаще, нежели было нужно, для сохраненія приличія и избѣжанія неудовольспвій. Въ эпомъ опношеніи нѣкопорыя жершвы были необходимы для шого, чшобъ имѣшь случай наслаждашья общесствомъ Великой Княгини, и пріобрѣшь ея дружбу и уваженіе, копорыхъ опшличныя доказашельства я получала еседневно. Однако Великій Князь замѣчалъ частыя и разнообразныя предлюги, подѣ копорыми я опкзывалась опъ придворнаго общесства.

Императрица жила въ Петергофскомъ Дворцѣ. Возвращаясь опшпуда, она обыкновенно оспанавливалась у нашего дома, и брала меня къ себѣ на оспашокъ вечера. Когда что нибудь мѣшало нашимъ часнымъ свиданіямъ, я получала опъ нее записочки; черезъ эпо между нами возникла искренняя, опкровенная переписка, копорая продолжалась и послѣ переезда ея съ дачи, усиливая и оживляя безграничную привязанность мою, незнавшую другихъ предѣловъ, кромѣ любви къ мужу и дѣтямъ.

Состояніе здоровья Императрицы, давно уже ослабѣвавшего, подавало мало надежды, чипобъ она могла пережить наступавшую зиму. Я раздѣляла горестъь болъшей части моего семейства, и въ особенности моего дяди, Государственнаго Канцлера.

Около половины Декабря было объявлено, что Императрица оспалось жить нѣсколько дней. Въ эпо время я была больна и лежала въ постели; но не обращая вниманія ни на что, кромѣ опасности, копорая угрожала Великой Княгинѣ, я въ полночь на двадцатое число вспала, и, завернувшись въ шубу, опправилась къ Деревянному Дворцу на Мойку, гдѣ тогда жила Императрица и вся Императорская Фамилія. Выпедъ изъ экипажа въ нѣкошоромъ разстояніи опъ Дворца, я пошла къ небольшой задней лѣшпницѣ, надѣясь непримѣчною достигнуть комнатъ Великой Княгини. По весьма счастливому случаю, избавившему меня опъ какой нибудь губельной ошибки, потому что я совсѣмъ не знала эпой части Дворца, я вспрѣшила первую Каммеръ-Фрейлину Великой Княгини, Каперину Ивановну. Я просила немедленно провести меня къ Ея Императорскому Высочеству. «Она въ постель» былъ опвѣтъ. «Нѣтъ нужды,» сказала я, «дѣло, по кошорому я пріѣхала, не шерпшъ оплагашельства, и я должна говорить съ ней шеперь же.» Каммеръ-Фрейлина, хорошо знавшая меня и мою привязанность къ ея Государынѣ, безъ дальнихъ за-

шруднѣній повела меня въ ея комнашу. Великая Княгиня, знавши, что я больна, едва повѣрила, когда обо мнѣ доложили. »Ради Бога,« вскричала она, »если она спочно здѣсь, введи ее сію минушу.« Вошедъ, я нашла ее въ постели, но прежде чѣмъ могла произнести слово, она сказала мнѣ: »милая Княгиня, прежде нежели вы скажете что приводитъ васъ ко мнѣ въ такое необыкновенное время, поспаръйтесь обогрѣться; вы ужь слишкомъ невнимательны къ своему здоровью, которое такъ дорого и Князю Дашкову и мнѣ.« Тутъ она просила меня лечь въ постель, и плодно закушавши мои ноги, наконецъ позволила говорить. »Ваше Высочество,« сказала я, »когда Императрица оспасется живъ нѣсколько дней, можете быть нѣсколько часовъ, я не могу болѣе переносить неизвѣстности, въ которой вы можете находиться при наступающемъ событіи. Именемъ Бога, доверътесь мнѣ; я этого достойна и покажу себя достойной еще болѣе.... Осчастлививше меня вашими повелѣніями и распоряжайтесь мною.«

Великая Княгиня, обливаясь слезами, прижала мою руку къ своему сердцу. »Благодарю васъ, милая Княгиня,« ошвѣчала она, »не могу выразишь какъ благодарю... Я предаю себя во власть Всемогущаго и надѣюсь лишь на Его покровительство.« Великая Княгиня хотѣла продолжать, предостерегая меня противъ неопытности и восторженности моихъ лѣтъ и характера, когда я, прервавъ се, поцѣловала у ней руку. Она дружески обняла меня, и пробывъ нѣсколько минутъ другъ у друга въ объятіяхъ, я вспала съ постели, оставивъ ее въ большомъ волненіи, и, собравши все свое мужество и силу, поспѣшила опыскашь свой экипажъ.

Возвращаясь домой, я нашла Князя, только что передо мной возвращившагося, въ величайшемъ удивленіи, куда дѣвалась его больная; но когда я рассказала ему гдѣ и зачѣмъ была, онъ похвалилъ выказанныя мною

энергію и преданность, и когда сообщилъ мнѣ разговоръ, котораго имѣлъ въ эпоху вечеръ съ моимъ опцемъ, по я болѣе не думала о безпокойствѣ, успалосни и опасностяхъ, которыми только что подвергалась.

25-го Декабря, въ день Рождества, Императрица Елисавета испустила духъ; и таково было ощущеніе, произведенное этимъ событіемъ въ Петербургѣ, что не смотря на праздникъ, на всѣхъ лицахъ было выраженіе грусти и опасенія. Два полка гвардіи, Измайловскій и Семеновскій, прошли передъ моими окошками: лица солдатъ были пасмурны и печальны; глухой, смѣшанный ропотъ пробѣгалъ по рядамъ; еслибъ я не знала его причины, то мнѣ не нужно бы другихъ доказательствъ, чтобы удословѣриться въ кончинѣ Императрицы.

Больная, я все еще не выходила изъ комнапы, а мой дядя, Канцлеръ, лежалъ въ постели, когда Императоръ, на шрешій день по восшествіи своемъ на престолъ, посѣтилъ его, и, къ моему удивленію, прислалъ ко мнѣ пажа сказать, что онъ вечеромъ желаетъ видѣть меня во Дворцѣ. Состояніе моего здоровья было предлогомъ моего отказа и на слѣдующій вечеръ. Черезъ два или три дня сестра писала мнѣ, что Императору непріятны мои отказы, и что онъ не вѣришь моимъ извиненіямъ. Для избѣжанія объясненій и непріятностей, я наконецъ рѣшилась ѣхать; и посѣдивъ опца и дядю, отправилась во Дворецъ. Я знала, что Императрица никому не показывается. Она не оставляла своихъ комнапъ, развѣ для того, чтобы наблюсти, опдается ли должное почтеніе пѣлу почившей Монархини. Въ эпоху вечеръ, какъ почти во всѣ другіе, общество Его Величества состояло изъ двухъ Нарышкиныхъ съ ихъ женами, Измайлова съ женою, Графини Елизаветы, Гг. Мельгунова, Гудовича и Angern, перваго Адъютанта Императора, изъ Графини Брюсъ и еще двухъ или трехъ особъ, которыхъ имена я забыла. Когда я проходила по ряду комнапъ, гдѣ собрались другіе придворные, я

замѣшила на всѣхъ шаковую переѣмьну въ одеждѣ, какъ будто мы были въ маскарадѣ. Я не могла не улыбнуться, при видѣ спараго Князя Тр., который, по крайней мѣрѣ семидесяти лѣтъ опъ роду, вдругъ преобразился въ военнаго, и шупъ, въ первый разъ въ жизни, былъ въ полномъ мундирѣ, спянушъ въ бошфоршахъ и шпорахъ, гошовый на опчаяннуоу бишву. Эпопъ жалкій спарый Царедворецъ, имѣвшій, привычку въ последнее время, изъ какихъ-по личныхъ видовъ, пришворяшъся больнымъ и хилымъ, получилъ припадокъ подагры, и ноги его распухли шолщиной съ шъло: но лишь шолько было объявлено о новомъ Императорѣ, какъ онъ вспрыгнулъ съ постели, и вооруженный сар-à-pied, немедленно побѣжалъ въ Измайловскій полкъ, въ которомъ былъ сдѣланъ Полковникомъ, надобдая всѣмъ и каждому своими приказами.

Между шъми обычаями церемоніи въ честь почившей Монархини не были оставлены. Тъло спояло шесшь недѣль; при немъ находились поочереди всѣ знашныя Дамы, и почти ежедневно бывала Имперашрица, показывавшая споль непришворные знаки уваженія и привязанности къ памяти своей шешки и благодѣшельницы, что шрогала и даже привлекала себѣ сердца всѣхъ ее видѣвшихъ.

Въ числѣ последнихъ переѣмъ, введенныхъ при Дворѣ, было между прочимъ приказано замѣнить Русскіе поклоны Французскимъ присѣданьемъ. Попышки спарухъ согнушъ колѣни были вообще очень несчастны и довольно смѣшны. Между ними была спарая Графиня Бушурлина, свекровь моей сесшры, которая однажды, какъ я очень помню, совсѣмъ бы увала безъ добродушной помощи лицъ, споявшихъ поблизосши.

Спаршій Панинъ, бывшій воспиташелемъ Великаго Князя Павла, въ награду за успѣхи своего пишомца, котораго экзаменовалъ самъ Имперашоръ, былъ награжденъ чиномъ Генерала опъ Инфаншеріи: но онъ опказался и

Государь предославилъ ему всѣ гражданскія ошличіл , сопряженныя съ эшимъ чиномъ. Панинъ былъ блѣдный больной человекъ, гораздо спарѣе среднихъ лѣтъ, желавшій одного покоя, проведеншій всю жизнь свою при Дворахъ, чрезвычайно аккуратный въ одеждѣ, носившій огромный густо напудренный парикъ, и совершенно напминавшій спараго придворнаго времени Людовика XIV. Оба брата Панины были двоюродные братья моей свекрови, спало бытъ внучашные дяди моему мужу, какъ мы называемъ эшо родство въ Россіи. Эпа родственная связь была еще болѣе скрѣплена дружбой и признательностію. Спаршій братъ, со времени моего дѣтства, былъ упошребляемъ въ иношранныхъ миссіяхъ, и я была съ нимъ мало знакома до времени восшешствіа на прешполъ Императрицы: но корошкоспъ, существовавшая между нами около эшого времени, основанная на причинахъ, совершенно ошличныхъ ошъ выдуманыхъ моими врагами, когда я сдѣлалась предметомъ ихъ зависши, послужила поводомъ къ злословію, кошорого не могла заглушишь всѣмъ извѣстная, спраспная любовь моя къ мужу. Я находила гораздо болѣе удовольствія въ общешствѣ его брата, Генерала, кошорого солдатская опкровенность и мужештвенность совершенно согласовались съ моимъ природнымъ чистосердечіемъ; и пока была жива его первая жена, кошорую я искренно любила, я видалась съ нимъ гораздо чаще, нежели съ Мишиспромъ.

Въ Генварь 1762 года, случилось очень неприяшное, и, по своимъ послѣдствіямъ, важное для меня проишешствіе. Однажды ушромъ во время развода гвардіи, когда очередной полкъ шелъ ко Дворцу, Императоръ замѣшилъ, что роща Князя Дашкова ошиблась въ маневрѣ, и онъ поспѣшилъ дашь ему за эшо выговоръ. Князь почтительно отрицалъ свою ошпбку. . . .

Легко вообразишь какъ я испугалась, услышавъ объ эшомъ. Было весьма невѣрояшно, чшобъ Государь не обра-

шилъ вниманія на эшу дерзость, швъмъ болѣе, чшо не могло бышь недоспашка въ совѣшникахъ. Друзья моего мужа совѣшовали ему удалиться; благоразуміе, участіе, любовь, все соединилось, чшобъ заспавишь меня согласишься на его опсущствіе. Князь склонился на желанія друзей; нуженъ былъ какой нибудь доспашочный предлогъ, для его удаленія; и какъ я знала, чшо еще не ко всѣмъ ипоспраннымъ миссіямъ были назначены Посланники съ извъсшіемъ о воспешствіи Петра III на престолъ, я просила Государспвеннаго Канцлера дать ему подобное порученіе къ одному изъ сосѣднихъ Дворовъ. Просьба моя немедленно была исполнена, и Князь Дашковъ, получивъ повелѣніе вхашъ въ Конспаншинополь, отправился не перья времени. Онъ писалъ мнѣ съ каждой почшой, медленно подвигаясь впередъ. Въ Москвѣ онъ пробылъ довольно долго, и опшуда провожалъ свою машъ въ ея деревню Троицкое, по Кіевской дорогѣ, гдѣ еще жилъ въ началѣ Іюля.

Со времени опгъзда моего мужа въ Конспаншинополь нѣкопорые друзья и сослуживцы его пользовались моею особенною довѣренностію. Въ числѣ ихъ были Пассекъ и Бредитянъ, Капишаны Преображенскаго, и Майоръ Рославлевъ, съ братомъ своимъ, Капишаномъ Измайловскаго, полковъ.

Вскорѣ сестра моя, Графиня Елизавеша, получила Ордень Св. Екашеріны, кошорый давался шолько Принцессамъ крови.

Я проводила половину времени въ уединеніи, на своей дачѣ близъ Пешербурга. Эша дача лежитъ въ нѣсколькихъ верстахъ опъ города, возлѣ Краснаго кабачка, и соспавляетъ частъ обширнаго болотнаго проспранства, нѣкогда покрытаго густымъ березовымъ лѣсомъ, кошорое Петру III присовѣшовали раздѣлишь между нѣсколькими дворянами. Чрезъ осушеніе и обрабошку богатые владѣльцы обрашили большую частъ эшой зем-

ли въ плодосныя и красивыя долины. Участокъ, принадлежавшій мнѣ, былъ первоначально пожалованъ одному изъ Голштинскихъ Генераловъ, копорый, не имѣя довольно духа, чпобъ предпринять его обработку, отказался отъ него, и предославилъ въ распоряженіе Правительсва. Между прочимъ, эша земля была предлагаема и мнѣ, но по недостатку денежныхъ средствъ, потребныхъ для самаго необходимаго улучшенія, рѣшившись избѣгать издержекъ, опягопительныхъ для моего мужа, я споль же пугалась мысли владѣть ею, какъ и Голштинскій Генераль. Однако отецъ мой, стараніями котораго мнѣ сдѣлано было эшо предложеніе, весьма желая, чпобъ я приняла его, обѣщавъ построишь на ней домъ на свое иждивеніе, чѣмъ нѣсколько удалилъ запрудненія, заставлявшія меня колебаться. Въ эшо время случилось въ Петербургѣ около сошни крестьянъ моего мужа, копорымъ ежегодно позволялось работать нѣсколько времени на себя: изъ благодарности къ своему доброму и снисходительному господину, они предложили мнѣ свои услуги, работали сряду чепыре дня, а попомъ, поочередно въ праздничные, прорыли канавы и спуски, и скоро пригошвили мѣсто подъ домъ съ принадлежностями.

Однажды, посѣдивъ эшу дачу въ сопровожденіи моего двоюроднаго брата, Графа С., и желая показашъ какія-шо улучшенія, я думала пройдши по зеленому лугу, и къ несчастію, до колѣнъ завязла въ болотѣ. Слѣдствіемъ была жестокая лихорадка, въ продолженіе копорой я получала отъ Императрицы чрезвычайно дружескія письма, гдѣ она шуя, слагала всю вину на невнимательность моего кавалера - *обезьяны*, какъ она его обыкновенно называла: имя, справедливо заслуженное его безобразіемъ и шуповспвомъ. Я отвѣчала на эшо письмо, будучи въ сильномъ лихорадочномъ припадкѣ, говорила о своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ, но споль несвязно, чшо впоследствии, когда я выздоровѣла, Императрица, въ одной изъ своихъ записочекъ, спрашива-

ла меня, давно ли я спала предсказательницей. Въ это время Ея Величество часно писала мнѣ, и казалась гораздо спокойнѣе и менѣе взволнованной обстоятельствомъ, нежели многіе изъ ея приверженцевъ.

Мой отецъ не былъ въ милости при шеперешнемъ Дворѣ; и хотя Императоръ оказывалъ нѣкоторое уваженіе къ моему дядѣ, Государственному Канцлеру, но нимало не внималъ его политическимъ совѣщаніямъ.

Удаленіе Двора въ Пепергофъ и Ораніенбаумъ, послѣдовавшее въ началѣ лѣта, дало мнѣ сколько свободы, сколько я могла желать; избавившись отъ придворныхъ вечеровъ, я радовалась, что остаюсь въ городѣ.

(Продолженіе слѣдъ).

ПРЕДВЕРІЕ ГРИГОРІЯ САВИЧА СКОВОРОДЫ.

(Доставлено Г. Срезневскимъ).

Это — предверіе *Начальной двери*, ведущей ко *Христіанскому добронравію*, Григорія Савича Сковороды, нашего великаго философа и народоучителя, споющаго бытъ болѣе извѣстнымъ и памятнымъ въ Липсерашурѣ, а можешъ бытъ и въ Ишпоріи.

»Благодареніе блаженному Богу о помъ: что нужное сдѣлалъ не труднымъ, а трудное не нужнымъ.«

»Нытъ слаще для чловѣка и нытъ нужнѣе какъ счастье; нытъ же ничего и легче сего. Благодареніе блаженному Богу.«

»Что было бы тогда, если бы счастье пренужнѣйшее и любезнѣйшее для всѣхъ зависѣло отъ мѣста, отъ времени, отъ плоти и крови? Скажу яснѣе: что было бы тогда, если бы счастье заключалъ Богъ въ Америкѣ, или въ Канарскихъ островахъ, или въ Азіятскомъ Иерусалимѣ, или въ Царскихъ чертогахъ, или въ Соломоновскомъ вѣкѣ, или въ богатствахъ, или въ пустынѣ, или въ чинѣ, или въ наукахъ, или въ здравіи? Тогда бы и счастье наше и мы съ нимъ были бѣдны: кто бы могъ обратиться къ пѣмъ мѣстамъ? Какъ можно родиться всѣмъ въ одномъ коемъ-то времени? Какъ же и помѣститься въ одномъ чинѣ и спать? Кое же то и счастье утвержденное на пѣси плоти, на ограниченномъ мѣстѣ и времени, на смертномъ чловѣкѣ? Не сіе ли естъ трудное? Ей! трудное и невозможное. Благодареніе же Богу, что трудное сдѣлалъ не нужнымъ.«

»Нытъ же: желаемъ ли бытъ счастливымъ?«

»Не ищи счастья за моремъ, не проси его у чело-
вѣка, не спрашивай по планшамъ, не волочись по
палатамъ, не ползай по шартъ земномъ, не броди по
Иерусалимамъ.... Зашомъ можешь купишь деревню, вещь
спудную яко обходимую, а счастье, яко необходимая
необходимость, шуне вездѣ и всегда даруется. — Воз-
духъ и солнце всегда съ шобою, вездѣ и шуне. Все же
шое, чшо бѣжипъ опъ тебѣ прочь, — знай, что оно
чуждое и не почиай за швое: все шо спранное еспъ и
лишнее. Чшо же тебѣ нужды? Тѣмъ оно и спудное! —
Никогда бы не разлучилось опъ тебѣ, если бы было
необходимо; благодареніе блаженному Богу!»

»Счастье ни опъ небесъ ни опъ земли не зависипъ.
Скажи съ Давидомъ: чшо мнѣ еспъ на небеси, и опъ
тебѣ чшо восхопъль на земли?—Чшо же еспъ для тебѣ
нужное? То чшо самое легкое. А чшо самое легкое? О
другъ мой! все спудное — и шажкое, и горькое, и злое,
и лживое еспъ. Однако чшо еспъ легкое? Тое, другъ мой,
чшо нужное. Чшо еспъ нужное? Нужное еспъ одно: еди-
но еспъ на пошребу. Одно для тебѣ нужное; одно же
шолько и благое и легкое, а прочее все шрудъ и болѣзнь.
Чшо еспъ оное единое? Богъ.»

»Вся шварь еспъ рухлядь, смѣсь, сволочь, 'свчъ,
ломъ, крушъ, спечь, вздоръ, и площъ, и плешни. А шое
чшо любезное и пошребное еспъ едино вездѣ и всегда,
но сіе едино все гореспію своею, и прахъ площя швоея
содержипъ. Благодареніе жъ блаженному Богу, за шо,
чшо все. насъ ошавляетъ, и все для насъ спудное,
кромъ шого, чшо пошребное любезное и единое. Многія
шѣлесныя необходимости ожидаюпъ тебѣ, — и не
шамъ счастье, а для сердца швоего едино еспъ на по-
шребу, и шамъ Богъ и счастье. Не далече оно: близъ
еспъ — въ сердцѣ и въ душѣ швоей.»

»Въ сей ковчегъ ведетъ и наши десятишловныя
бесѣды, будшо чрезъ 10 дверей.»

«А я желаю, дабы душа швоя какъ Ноева голубица не обрѣпши нигдѣ покоя возврашилась къ сердцу своему, — къ шому кто почиваетъ въ сердцѣ швомъ, дабы собылось оное Исainо :

„Будутъ основанія твоя вѣчная родомъ родостъ, и прозовешися здатель оградъ, и стези твоя посреди успокоиши“

Сего желаетъ Григорій сынъ Савы Сковороды.

Кто хочетъ узнать подробнѣе о Сковородѣ, шогъ можетъ обратишься къ Украинскому Вѣспнику на 1817, къ Опечесшвеннымъ Запискамъ на 1821, и къ Упренней Звездѣ на 1833. — Можно было упомянушь о Московскомъ Наблюдателѣ за 1836, но памъ не спашья о Сковородѣ, а повѣспь.

Скоро ли обогатишся наша національная Литштерашура полнымъ собраніемъ сочиненій Сковороды? Ред.

ПИСЬМО АРХІЕПІСКОПА ГЕОРГІЯ КОНІССКАГО КЪ АРХИМАНДРИТУ ПЛАТОНУ, ПО СЛУЧАЮ ОПРЕДѢЛЕНІЯ ЕГО ЧЛЕНОМЪ СВ. СЫНОДА.

Высокопреподобѣйшій Опецъ

Архимандритъ!

Извѣстился я, чрезъ письмо Преосвященнаго Смоленскаго, о причненіи Вашего Высокопреподобія къ избранному лику Кормчихъ Церкви Всероссійскія, и съ пѣмъ какъ васъ, шакъ и Церковь окормляемую поздравляю всеусерднѣйше. Да пребудешь выну съ вами шопть Кормчій, кошорый и въпру и морю повелѣваешъ, и да хранишь онъ здравіе ваше невредимо опть всѣхъ злоключеній, подавая вамъ и мысли и силы къ надежному окормленію сего великаго и полсвѣша везущаго корабля.

Взирайте, какъ зирали и досель, съ благоучастіемъ и на нашу малую, зрubeжную ладіицу; ибо и она надлежитъ до вашего великаго корабля.

Благодаримъ Вашему Высокопредобію, всѣ мы здѣшніе, за сдѣланныя намъ досель вспомошествованія: но и впредь безъ того обойтись не можемъ, ешлы хопъшь, чпобъ поспановленное шракшашомъ не оспалось на одной бумагѣ, и Церковь здѣшняя по справедливости опдохнула бы послѣ жесшкихъ пошрасеній.

О себѣ нынѣ ни чѣмъ Ваше Высокопредобіе не упруждаю, дая первое мѣсто общимъ нуждамъ Церкви, о коихъ буду вскорѣ Свящѣйшему Синоду предшавлять.

А нынѣ поручая себя неопшмѣнной вашей милосшн, пребываю и проч.

1768 года.

Марша 1 го дня.

Варшава.

ПИСЬМО ПЛАТОНА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО, КЪ
АРХИЕПИСКОПУ ГЕОРГИЮ КОНЯССКОМУ.

Преосвященнѣйшій Владыко!

Милостивый мнѣ отецъ и благодѣтель!

Писаніе Вашего Преосвященства, исполненное любви Христіанскія, и благодатию распоренное, получилъ я съ радостію, читалъ съ удовольствіемъ душевнымъ, и удивлялся въ немъ мудрости духовной, умомъ Вашимъ и перомъ изъявляемой. Вы упоминаете о моемъ безмолвіи, и причину онаго находите въ Давидовыхъ псалмодѣніяхъ, причину по истинѣ шу самую, копорая была мнѣ побужденіемъ къ удаленію. Развѣ только прибавишь надобно то, что Пророкъ Іезекіиль о нѣкошорыхъ Паспыряхъ говоритъ, и что по Апостолю, начнешя судъ не ошъ мірскихъ, но ошъ дому Божія.

О! когда бы шаковыя были всѣ Паспыри, каковымъ украшаешя градъ Могилевъ! По истинѣ, добрымъ подвигомъ подвизаешесея, печеніе богоугодно скончаваеше, и уже изгопованъ Вамъ вѣнецъ правды. А я далеко ошъ сего ошсною, и нѣсмъ достоинъ нарещися Паспыремъ.

Нѣсколько во градъ бывъ, выходилъ я на подвигъ пропіву прерѣканій: но міръ превозмогъ, и слабосшь моя, со спыдомъ, оному успушила. Хопя шѣмъ былъ бы обрадованъ, чтообы и въ безмолвіи найши спокойствіе. Но какъ еще разными дѣлами и суепами къ міру привязанъ; шо и онаго совершенно не обрѣшаю. Да и вижу, что на землѣ онаго и не обрѣши, яко живошъ нашъ сокровенъ со Хрістомъ въ Бозѣ.

Хопя о Вашемъ болѣзвенномъ состоіаніи и соспражду, и Жизнодавца о укрѣленіи Вашего духа молю: по и почышаю блаженнымъ жребій Вашъ, яко шоликое

время препроводивъ въ подвигахъ Паспырскихъ, съ несомнительною надеждою приближаешесь къ наградѣ небесной.

Прошу и молю Твою благочестивую душу, да нѣкій благій глаголь возглаголеши ко Господу Твоему о укрѣпленіи силъ моихъ, душевныхъ и шѣлесныхъ, и да не посрамленъ опъиду опскуду. Тебѣ же, Блаженнѣйшій Мужу, да предходишь Господь во всѣхъ пушехъ швоихъ, и препосли миѣ благодать Елисееву, во благословеніе, да всегда со сладостію воспоминаю имя Твое.

Вашего Преосвященства,

Милоспиваго благодѣтеля,

усерднѣйшій богомолецъ и слуга

Плашковъ, ведоспойный Минпрополищъ Московскій.

1792 г.
Москва.

ДОНОШЕНІЕ

В. ТРЕДЯКОВСКАГО,

поданное Президенту Академіи Наукъ Графу Разумовскому.

Ея Императорскаго Величества Малороссиіскому Гепману, Действительному Камеръ-геру, Академи Наукъ Президенту, Лейбъ Гварди Измайловскаго Полку Подполковнику, и разныхъ ординовъ кавалеру, графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому,

Доношение

Отъ Професора Василья Кирилова сына Тредяковскаго а о чемъ пому пункшы.

1. Служу я при Академи Наукъ двадцашъ лѣтъ безпорочно Предкамъ Ея Императорскаго Величества съ 1730 по 1745 годъ съ шишуломъ секретаря; получаю жа-

лованья шрися шедесятъ рублевъ: а Ея Императорско-
му Величеству съ 1745 году по нынѣ профессоромъ,
и получаа жалованья шесть сотъ шедесятъ рублевъ
въ годъ. Къ сему

2. Во все сие время прудился я в' положенныхъ
на меня делахъ со всякимъ возможнымъ прилежаньемъ.
(1) Исправиль я аршилериские книги сснренивы соспо-
лщие вдвухъ помахъ, и напечатанные вчешвершъ ли-
спа. (2) Перевель я съ французскаго превеликую книгу
вдеспъ напечатанную вдеспъ же, и названную Военное
сосшоанне Ошшоманския имперіи. (3) Перевель я съ фран-
цусскаго жъ родословную истпорию о шапарахъ, копорая;
по нынѣ рукописною находися въ Императорской библи-
ошке. (4) Перевель я съ французскаго жъ истпинную
полнпику и напечатанную въ осмую долю листа. (5)
Перевель я съ латинскаго книгу, названную речи краш-
кие и сильные, приписанную Его Императорскому Высо-
честву. сля і по ныне рукописная въ Императорской биб-
лиошкѣ. (6) Перевель я съ Французскаго жъ принаш-
цашь помовъ древния роленевы іспориі, копорыя ру-
кописныя книги все згорели у меня въ доме въ бышшій
пожаръ въ 1747 годе; однако ныне паки гошовыхъ у
меня чешыре тома, изкопорыхъ первой томъ напеча-
танъ, а второй еще печашаешся. (7) Перевель я съ
прешруднаго латинскаго сочинения Барклаіеву аргени-
ду, кошбрая нынѣ печашаешся. Надъ сею книтою пру-
ждуь я по ныне пришцашь лѣтъ, и могу безъ само-
хвальства сказашь, что перевесшь ея на нашъ языкъ
во всей россіи не больше чешырехъ человекъ найдеш-
ся. сию книгу умножилъ я собшвенными миполо-
ческими примѣчаниями, копорыя занимающъ хорошую
прешъ всея книги и о копорыхъ экзаминаторы въ кан-
целярію репоршомъ объявили, что они очень прилич-
ны. (8) Переводиль я съ французскаго вовремя государ-
ствования Блаженныя памяти Государыни Императрицы
Анны Іоанновны многіе оперы, все ишпермедіи, и все
экспракшы комедій. (9) Переводиль я все покойнаго

юнкера оды, да многіе господина надворнаго совѣтника
 шшелина. (10) Переводилъ я какъ съ лашинскаго, такъ
 и съ французскаго премногое множество небольшихъ
 шшукъ, кошорые мнѣ были даваны изъ канцеляріи. (11)
 Трудился я спрощими непосыдно въ бывшемъ рос-
 сійскомъ собраніи при Его Превосходительствѣ Пре-
 зыденше бароне корфе о чистоте Россійскаго языка,
 а вначале сего собрания говорилъ я и речъ на російскомъ
 языкѣ, кошорая напечатана. (12) Ныне трудился я це-
 лыйи при года въ историческомъ собраніи за секретаря.
 (13) Былъ я посыланъ въ Новгородъ і въ Москву для
 выбора сшуденшовъ. (14) Читалъ я целый годъ
 лекціи всемъ выбраннымъ сшуденшамъ. (15) Сочинилъ я
 оду о здачѣ города Гданска, кошорая напечатана, гдѣ при-
 ложено краткое насшавленіе объ одахъ. (16) Сочинилъ
 я оду на коронованіе Ея Императорскаго Величества, ко-
 шорая напечатана. (17) Сочинилъ я довольныя величины
 книгу о російскомъ сшихотвореніи и поэзіи; и поднесъ
 оную Ея Императорскому Величеству, кошорая уповаю і
 поныне вкомнашахъ Ея Величества обрѣтшисся. (18) Сочинилъ
 я математическую книгу о сысканіи пасхи по старому
 и новому шшислю, и поднесъ ея вашей ясновель-
 можности, кошорая всеконечно могла бѣ принсстш
 значную пользу ошопникамъ, ежели бѣ напечатана была.
 (19) Сочинилъ я крипику по приказу бывшаго академиче-
 сскаго assessора Григорья Теплова на некошорыя сочи-
 ненія господина Александра Пешрова сына Сумарокова. (20)
 Сочинилъ я трагедию названную Деидамія, о кошорой
 сколькобъ ни разглашали соперники; однако по правой
 а не по шщеславной совести могу уверить, что она
 нешоль порочна чтобъ внеи премногого не было достшой-
 наго, а именно вразсужденіи маперіи, исправности сших-
 овъ, и сочиненія. (21) Сочинилъ я лашинскую речъ объ
 элоквенціи, кошорая переведена на російской и совокуп-
 но напечатана. (22) Сочинилъ я разговоръ о правописа-
 ніи, кошорой напечатанъ на моемъ кошпте. книга сия
 хошя по видимому большія пользы неимѣстш; однако
 ушверждена на шшихъ основаніяхъ, кошорыя все согла-

сны съ общимъ разумомъ. (23) Первый изроссійскаго народа привелъ я въпорядокъ наше стихошворение, избрѣвъ новое шакъ называемое количество стихамъ, вчемъ состоишь вся душа и жизнь стиховъ, и кошорому все наши хвалныи стихошворцы последують: *Доношенію*,
Профессоръ

3. За поль многіи мои подъяшныи шруды, и ныне подъемлемыи (хотя уже лишился я совершенно здоровья и пришелъ въ лѣша и слабость шо опъ разныхъ печалей шо опъ шрудовъ) я предъ прочими некошорыми моими шоварыщами, весьма меньше меня служившими, оставленъ какъ вранге, шакъ і вжалованъ: что у меня все конечно всю опнимаешъ бодрость, и делаешъ несколько неспособнымъ къ исправленію должностей. *Василей Тредіаковскій*

4. Того ради слезно прошу вашу ясновельможность, припадая къ ногамъ вашимъ, умилосливившись надо мною въ крайнюю бедность пришедшемъ опъ долговъ, восприявъ вразсужденіе долговременную мою и безпорочную службу, подъяшныи и подъемлемыи шруды, лѣша, сосшоянне, долги необходимо нажишые, а о всемъ помъ милосшиво разсудивъ повелешъ прибавишь мне годовое жалованье, когда уже при помъ рангомъ награжденъ я бышь безъ собственаго Ея Императорскаго Величештва указа не могу. о семъ шокмо вашу ясновельможность въ прекрайной горешши моего сердца прошу покорнейше, дабы я хотя несколько еще ободрился: служишь могъ безъ дальнїа печали и сокрушенїа, и пребедную мою фамилишку пишашъ не расшворяя хлѣбъ плачемъ. *руку приложилъ. ч. 8 Марта, 1751 года.*

Сіе доношеніе, которе Тредіаковскій собственноручно подписалъ подъ пунктами, хранится въ собранїи рукописей Россійской Академіи. При напечатанїи онаго удержано въ точности и правописанїе просителя.

**РАЗСУЖДЕНИЕ ЛОМОНОСОВА О РАЗМНОЖЕНИИ И СОХРАНЕНИИ
РОССИЙСКАГО НАРОДА, ВЪ ПИСЬМѢ КЪ И. И. ШУВАЛОВУ (*).**

Милоспивый Государь

Иванъ Ивановичъ !

»Разбирая свои сочиненія , нашелъ я спарыя записки моихъ мыслей, проспирающихся къ приращенію общей пользы. По разсмотрѣніи разсудилось мнѣ за благо проспрантве и обспояшельнве сообщити ихъ Вашему Высокопревосходительству, яко испинному рачителю о всякомъ добръ любезнаго Опечесшва , въ упованіи, можесть бышь найдепся въ нихъ чшо нибудь къ дѣйспвишельному поправленію Россійскаго свѣша служащее, чшо Вашимъ проицапельспвомъ и раченіемъ разобрано, расположено и къ подлинному исполненію приведено бышь можесть. Всѣ оныя по разнымъ временамъ замѣченныя порознь мысли , подведены бышь могушь , какъ мнѣ кажешся , подъ слѣдующія главы :

1. О размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа.
2. О испребленіи праздности.
3. О исправленіи нравовъ и о большомъ народа просвѣщеніи.
4. О исправленіи земледѣлія.
5. О исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художесшвъ.

*) Подлинность этого разсужденія засвидѣтельствована Россійскою Академіей : отрывокъ изъ него , имено оглавленіе другихъ предположенныхъ Ломоносовыхъ сочиненій , найденъ Г. Федоровымъ въ собственноручномъ подлинникѣ Ломоносова. Какое несчастіе , что самыя сочиненія , или покрайней мѣрь матеріалы для нихъ затеряны ! Великій ученый и императоръ не оставалъ ни одного государственнаго и народнаго вопроса безъ вниманія ! Обо всемъ думалъ и обо всемъ имѣлъ собственныя мысли и предположенія. *Ред.*

6. О лучших пользах купечества.
7. О лучшей Государственной экономіи.
8. О сохраненіи военного искусства во время долговременнаго мира.»

»Сіи шоль важныя главы пребуиють глубокаго разсужденія, долговременнаго въ государственныхъ дѣлахъ искусства къ изъясненію, и предосторожной силы къ произведенію въ дѣйство. И пакъ, М. Г., извините мою дерзость, что немѣя къ шому надобной способности, касаюсь шоль шяжкому бремени, шолько изъ усердія, которое мнѣ не позволяеть ничего (хотя бы шолько и по видимому) полезнаго обществу оспавишь подъ спудомъ. Начало сего полагаю самымъ главнымъ дѣломъ: сохраненіемъ и размноженіемъ Россійскаго народа, въ чемъ состоиють величество, могущество и богатство всего Государства, а не въ обширности шщепной — безъ обшашемей. Божественное дѣло, и милосердыя и челоувѣколюбивыя наша Монархини крошкаго сердца достойное дѣло, избавляшь подданныхъ отъ смерти, хотя бы ныне по законамъ и достойны были. Сіе помилованіе ешь явное и прямо зависящее отъ Ея Императорскихъ Высочайшихъ воли и повелѣній. Но много ешь челоувѣкоубивства и еще самоубивства, народъ умаляющаго, коего непосредственно указами, безъ исправленія или совершеннаго исправленія нѣкоторыхъ обычаевъ, и еще нѣкоторыхъ подъ именемъ узаконеній вкоренившихся, испребишь не возможно.»

(Важнѣйшимъ злоупотребленіемъ Ломоносовъ счищаетъ браки между лицами несоощвѣтственныхъ лѣтъ; при немъ почти вездѣ по деревнямъ выдавались взрослые дѣвки за несовершенно-лѣтнихъ парней. Такому обычаю Л. приписываетъ происхождение многихъ пороковъ, унижающихъ челоувѣческое достоинство, кромѣ ещешественнаго вреда и препяшства размноженію. Точно шакже вооружаешь отъ и прошивъ браковъ спариковъ съ молодыми дѣвцами).

1. »По моему мнѣнію невѣсна жениха недолжна бытъ сгарѣ развѣ шолько двумя годами, а женихъ сгарѣ можеть бытъ 15ю лѣтами. Сіе для того, что женщины скорѣ сгаряшся, нежели мужчины; а особливо ошъ часшой беременноспи. Женщины родяшъ едва далье 45 лѣшъ, а мужчины часшо и до 60 лѣшъ къ плодородію способны: всего сходнѣе, ежели мужъ жены сгарѣ ошъ 7 до 10 лѣшъ. Хошя жъ по деревнямъ и показываюшъ причины, что женяшъ малыхъ ребяшъ для работницъ, однако все пустошъ, за шѣмъ что ежели кшо семью малую, а много пашень или скоша имѣешъ, пошъ нанмуи работниковъ, прими препъщниковъ или половинщиковъ, или продай излишнее другому.»

2. »Неравному супружескву много подобно насильное!.... Для того должно вѣнчающимъ священникамъ нарѣтко подшвердишъ, что они услышавъ гдѣ о невольномъ сочепаніи, онаго недопускали и невѣнчали подъ опасеніемъ лишенія чина. Жениха бы и невѣспу не погда шолько для виду спрашивали, когда они уже приведены въ церковь къ вѣнчанію, но нѣсколько прежде.»

Въ 3-мъ своемъ параграфѣ Ломоносовъ разсуждаешъ о правилѣ не женишся и не выходишъ замужъ болѣе шрехъ разъ.

Въ 4-мъ — о посприженіи вдовыхъ молодыхъ священниковъ и дьякоповъ, въ монахи.

»Сюда жъ надлежишъ и посприженіе молодыхъ людей прямо въ монахи и монахини, кошорое хопя въ нынѣшнія времена и умалилось предъ прешними, однако еще много ешъ излишесства, особливо въ Малороссіи и при Синодальныхъ школахъ. — ...Мнѣ кажеться, что надобно клобукъ запретишъ мужчипнамъ до 50, а женщинамъ до 45 лѣшъ.»

5. »Вышеписанное касалось болѣе до обильнѣйшаго плодородія родящихъ, слѣдующее надлежишъ особ-

ливо до сохраненія рожденныхъ, «хотя, говоритъ Ломоносовъ, приняишемъ предложенныхъ мѣръ, несомнѣнно воспослѣдовашъ можетъ значное приумноженіе народа, и не сполько будешъ беззаконнорожденныхъ, слѣдовашельно и меньше дѣпскаго душегубства, однако по разнымъ случаямъ и по слабости человѣческаго сложенія бытъ пому невозможно, чтообы неспозволеннымъ сласполубиємъ, или и насильствомъ оберемная женщина, нехотя бытъ обезславлена, неискала бы способъ ушашъ своего беззаконія и несчастія, ошъ чего иногда въ ошчаяніи мащери дѣшей своихъ убивающъ. Для избѣжанія споль ужаснаго злодѣйства и для сохраненія жизни неповинныхъ младенцевъ, надобно бы учредитъ нарочные богадѣленныя дома для невозбраннаго зазорныхъ дѣшей приему, гдѣ богадѣленныя спарушки моглибъ за ними ходитъ, вмѣсто мащерей или бабокъ; но о семъ особливо въ письмѣ о исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ.»

6. «Слѣдующъ сему младенческія болѣзни, изнуряющія и въ смерсныя челюсти повергающія начинающуюся жизнь человѣческую, изъ которыхъ первое и всѣхъ лютейшее мученіе естъ самое рожденіе. Спраждетъ младенецъ не менѣе мащери, и шѣмъ сполько разнишя ихъ шомленіе, что мащ оно помнитъ, непомнитъ младенецъ. Коль же оно велико, изъявляетъ Давидъ Пророкъ, ибо, хотя изобразитъ ужасныя враговъ своихъ скорби, говоритъ: *тамо болѣзни яко рождающія* (сирѣчь женщины). Проходя болѣзненный путь въ прискорбной и суешной свѣшъ, коль часно нѣжной челоуѣкъ претерпѣваешъ великія поврежденія, а особливо въ голову, шѣмъ, что въ самое въ свое рожденіе липаетъ едва начашья жизни, и впервые почерпнушой духъ въ послѣднее испускаешъ, либо нѣсколько часовъ или дней сполько лишь съ наспоющею смертію борешся. Сіе первое спраданіе, которыхъ нерѣдко изъ рожденныхъ живыхъ на весь вѣкъ здравіе повреждаешя. Сего иначе ничѣмъ невозможно ошврашитъ, или хотя нѣсколько облегчитъ,

какъ искусствомъ повивальныхъ бабокъ и оспорожностію беременныхъ. Попомъ слѣдуетъ болѣзнь при выходѣ зубовъ, младенцамъ часто смертоносная, когда особливо надучую болѣзнь съ собою приносятъ. Также грыжи, оспа, сухопка, черви въ животи и другія смерти дѣтской причины всѣ требуютъ знанія, какъ лечить нежныхъ пѣтъ болѣзни. (?) Для умаленія пользы великаго для совѣтую въ дѣйствіе произвеси слѣдующее: 1е) выбрать хорошія книжки о повивальномъ искусствѣ, и самую лучшую положивъ за основаніе, сочинить наставленіе на Россійскомъ языкѣ, или сочинивъ на другомъ, перевести на Россійской, къ чему необходимо должно присовокупить добрыя приемы Россійскихъ повивальныхъ искусныхъ бабокъ; для сего созвавъ выбранныхъ, долговременнымъ искусствомъ дѣло знающихъ, спросить каждую особливо и всѣхъ вообще, и что за благо принято будетъ, внести въ оную книжку. 2е) Для излеченія прочихъ дѣтскихъ болѣзней положивъ за основаніе великаго медика Гофмана, котораго упражнявшись черезъ 60 лѣтъ въ докторскомъ званіи, при концѣ жизни писалъ наставленіе о излеченіи младенческихъ болѣзней, по которому я дочь свою дважды отъ смерти избавилъ, и присовокупивъ изъ другихъ лучшее, соединивъ съ вышеписанною книжкою о повивальномъ искусствѣ; припомъ не позабыть что наши бабки и лекари съ пользою вообще употребляютъ. 3е) Въ обоихъ сокупленныхъ сихъ искусствѣ (?) въ одну книжку наблюдать то, чтобы способы и лекарства по большой части не трудно было сыскать вездѣ въ Россіи, зашѣмъ, что у насъ аптеками такъ скудно, что не только въ каждомъ городѣ, но и въ значныхъ вслкихъ городахъ почти неустрашны, о чемъ давно бы должно было имѣть попеченіе, но о семъ особливо представлено будетъ. 4е) Оную книжку напечатать въ довольномъ множествѣ, распродать во все государство по всѣмъ церквамъ, чтобы священники и грамотные люди, читая, могли сами знать и другихъ наставленіемъ пользоваться. По изчи-

слевнѣ умершихъ, по приходамъ, учиненному въ Парижѣ, сравнивъ ихъ лѣша, умирающъ въ первые три года сполько же почши младенцовъ, сколько въ прочіе до ста счислял. И такъ положимъ, что въ Россіи мужеска полу 12 милліоновъ; изъ нихъ соспоишь одинъ милліонъ въ такомъ супружествѣ, что дѣти рожаясь, положивъ обще одинъ въ два года. Посему на каждый годъ будетъ рожденныхъ полмилліона, изъ конхъ въ три года умрешъ половина, или еще по здѣшнему небреженію и больше, такъ что на всякой годъ доспанешся смерши въ учасніе по спу пысячь младенцовъ, не свыше шрехъ лѣшъ. Не споишь ли шруда и попеченія нашего, чтобы хотя десяную долю, шо есть 10 пысячь, можно было удобными способами .сохранить въ жизни.

7. Доселъ о натуральныхъ обспоятельствѣхъ, младенцамъ вредныхъ; оспаешся упомянуть о поврежденіяхъ, ошъ суевѣрія и грубаго упрямства происходлящихъ. Попы, не шокмо деревенскіе, но и городскіе, креспяшъ младенцовъ зимою въ водѣ самой холодной, иногда и со льдомъ, . . . чтобы вода была натуральная, безъ примѣшенія, и вмѣняющъ шеплошу за примѣшную машерію, а недумающъ шого, что лѣшомъ сами же креспяшъ шеплою водою, по ихъ мнѣнію смѣшанною. — ... Но и въ самой холодной водѣ еще шеплошы очень много. Ошъ замерзанія въ ледъ принимаешъ вода на себя спужу до 130 гр., да и шущъ можно почешъ ее горячею, за шѣмъ, что замерзающая ршущъ несравненно большее разспояніе ошъ сего градуса имѣешъ, вежели вода ошъ кипятка до замерзанія. Однако.... Физику полковашъ нѣшъ нужды; довольно принудить власпію, чтобы всегда креспили водою, лѣшней въ разсужденія шеплошы равною; за шѣмъ, что холодная изшедшему недавно изъ шеплой машерней шшробы младенцу конечно вредна, а особливо кошорый много прешерпѣлъ въ рожденіи. Одно погруженіе въ умъ-

ренной водѣ не безъ пятгоспи младенцу, когда мокрота въ глаза, въ уши, въ ноздри, а иногда и въ рошъ вливается (а когда рошъ и ноздри запираешъ пошъ рукою, шогда прешъкаешся дыханіе, кошорое недавно лишь получилъ младенецъ). Когда жъ холодная вода со льдомъ охватишъ члены, шо часто видны бывающъ признаки падушей болъзни, и когда опъ купелн живъ избавишся, однако въ слъдующихъ болъзняхъ, кои всякой младенецъ послъ преодолешъ должень, а особливо при выходъ первыхъ зубовъ, оная смертоносная болъзнъ удобнше возобновишся. — Кошь много еспъ споль несчастливыхъ родишелей, кои до 10 и 15 дъшей родили, а въ живыхъ ни единаго неосшалось.»

8. »Бъдспвенному младенческому началу жизни слъдующъ приключенія, нападающія на здравіе человъческое въ прочемъ онья печении. И во-первыхъ невоздержаніе и неосторожнось съ усшавленными обыкновеніями, особливо у насъ въ Россіи вкоренившимися и имъющими видъ въкошорой свяпоспи. Паче другихъ времяшъ пожирающъ у насъ Масляница и Св. Недъля великое множесшво народа однимъ шолько перемъинымъ употребленіемъ пишы и пици. Легко разсудитъ можно, чшо гоповаясь къ воздержанію Великаго поста, во всей Россіи много людей такъ загавливаются, чшо и говъшъ времени неосшается. Мершвые по кабакамъ, по улицамъ и по дорогамъ и чашные похороны доказывающъ шо ясно. Розговънше шому жъ подобно. Да и дивишся не для чего.»

Домоносовъ распрощраиешся адъсь о прочихъ явленіяхъ, коиши, среди народа, сопровождается заговънше... »и такъ себя до чисшаго понедъльника изнуряющъ, чшо здоровья своего ни кошо мърою починашъ немогущъ, употребляя грубыя посшныя пици, кошорыя и здоровому желудку шягоспны. Сверхъ шого вскоръ слъдуешъ начало весны, когда всъ скверноспи,

накопленныя опъ чловѣковъ и опъ другихъ живописныхъ, бывшія во всю зиму заключенными опъ морозовъ, вдругъ освобождаются и наполняютъ воздухъ, мѣшаются съ водою и намъ съ мокрошными и цыгнопными рыбами въ желудокъ, въ легкое, въ кровь, въ нервы и во все спроеіе жизненныхъ членовъ чловѣческаго шѣла вливающихся, раждають болѣзни въ здоровыхъ, умножаютъ оныя въ больныхъ, и смерть ускоряють въ шѣхъ, кон бы еще могли пожипъ долѣе. Послѣ пого приближаея Свѣплое Христово Воскресеніе, всеобщая христіанская радость; погода хомя почти безпрестанно чишаютъ и многокрашно повшоряють спрасши Господни, однако мысли наши уже на Св. Недѣль. Иной предсавляетъ себѣ пріятныя и скоромныя пици, иной думаетъ: постѣетъ ли ему къ празднику плащѣ, иной предсавляетъ какъ будешъ веселишься съ родспвенниками и друзьями, иной ожидаетъ — прибдутъ ли запасы изъ деревни, иной гоповипъ живописныя лица, и несомнѣнно чаепъ случая поцѣловашься съ красавицами или помилѣ свидашься. Наконецъ заупреню въ полночь начали и обѣдню до свѣпу опшѣли: Хрипость воскре! шолько въ ухахъ и на языкъ, а въ сердцѣ какое ему мѣспо, гдѣ жишейскими желаніями и самья малѣйшія скважины всѣ наполнены! Какъ съ привязу спущенныя собаки, какъ накопленная вода съ опворенной плопины, какъ изъ облака прорвавшіеся вихри рвутъ, ломають, валяютъ, опровергаютъ, перзають: шамъ разбросаны разныхъ мясь раздробленныя часши, розбиная посуда, шекутъ пролишые напишки; шамъ лежатъ безъ намаяши опягченныя обѣденіемъ и пьяншвомъ; шамъ валяются обнаженные и... упомяленные недавніе спроеіе постшники. О! испиинное христіанское пощеніе и вразднество! Не на такихъ ли Богъ негодуешъ у Пророка: *Праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя и кадило ваие мерзость есть предо мною!* Между шѣмъ бѣдной желудокъ привыкнувъ чрезъ долгое время къ пищамъ малопишашельнымъ, вдругъ принужденъ принимашъ пучныя и сальныя брашна въ

сжавшіеся и ослабѣвшіе проходы, и неимѣя пребуемаго довольства жизненныхъ соковъ, несваренныя яденія по жиламъ посылаешъ: онѣ спираюшся, прѣсѣкаешся печеніе крови, и душа... изъ шѣснопы шѣла прямо улепаешъ. Для увѣренія о семъ можно справиться по церковнымъ запискамъ, около котораго времени въ цѣломъ году у поповъ больше меду на купью исходить. Неоспоримое естъ дѣло, что неравное печеніе жизни и крушо перемѣнное пипаніе шѣла не шокмо вредно челоувѣку, но и смершовосно, шакъ что вышеписанныхъ спрогоихъ поспниковъ, пришомъ усердныхъ и ревностныхъ праздниколюбцевъ, самоубійцами почешъ можно. Правда, что ежели кто на Масляницѣ приугошворяешся къ пошу жишiemъ умѣреннымъ, въ поштѣ неизнуряешъ себя излишно и говешъ больше духомъ, нежели брюхомъ, на Св. Недѣль радуешся о препровожденіи В. пошта въ испинныхъ добродѣтеляхъ, въ трудахъ обществу полезныхъ и Богу любимыхъ, а не въ шомъ, что дожилъ до разрѣшенія на вся, шоптѣ конечно меньше почувствуешъ припадковъ ошт нездороваго времени, а особливо когда трудами кровь приводитъ въ движеніе, и словомъ, содержитъ себя хоща шю поспными, шю скоромными пицами, однако равно умѣренными, безъ крупныхъ скачковъ и пригорковъ. Но здѣсь въ сѣверѣ, сіе по концамъ шучное, а въ середкѣ сухое время, естъ самая праздная часъ года, когда крестьяне неимѣюшт никакой большой работы, и шолько постьянные, пожапые, измолоченные и смолотые плоды полевые дождаюшт. Купцамъ, за испорченными дорогами и распушицами почши нѣшт проѣзду изъ города въ городъ съ шоварами; нѣшт кораблямъ плаванія и морскимъ людямъ довольнаго движенія; военныя люди спояшт въ походахъ по зимнимъ кварширамъ, а дома, шю для морозовъ, шю для слякоши немогушт бышъ удобно экзерциціи. И шакъ большая часъ народа должна оспашься въ праздности, которая въ заговѣнье и розговѣнье даешъ причину къ необузданной роскоши, а въ поштѣ съ худыми прошлогодними пи-

щами и съ нездоровымъ воздухомъ соединенная, поршишь здоровье и жизнь корошишь.»

»Многіе скажутъ: да проживаютъ же люди! опцы наши и праѣды жили долгіе вѣки! Правда живутъ и Лопари, питааясь почши одною шолько рыбою; да посмоприше жъ, коль они шѣломъ велики и коль многолюдны, и сравнише ихъ съ живущими въ шомъ же климатѣ Семейдами, питающимися по большой часпи мясомъ. Первые роспомъ мѣлки, малолюдны, шакъ чшо на 700 версахъ въ длину, а въ ширину на 300, Лопарей шоль мало, чшо и въ большіе солдашскіе наборы со всей земли по два солдаша съ числа душъ наймаютъ изъ нашего народа, зашѣмъ, чшо изъ нихъ весьма рѣдко, чшобы кшо и по малой мѣрѣ въ солдашы годился. Семейды напрошивъ шого роспомъ немалы, широкоплечи и сильны, и въ шакомъ множествѣ, чшо если бы междуособныя часшыя кровавыя сраженія между многими ихъ Князьками неслучались, то бы знапная восшочно-сѣвернаго берега часпъ ими населилась многолюдно. Посмоприше, чшо шѣ Россійскія области многолюднѣе, гдѣ скопомъ избытокъ, за шѣмъ, чшо во многихъ мѣстахъ, гдѣ скопомъ скудно, и въ мясоѣдъ по большой часпи питаются рыбою или и пустыми шами съ хлѣбомъ. Въ лѣшній посшъ кромѣ новыхъ плодовъ земныхъ, и свѣжихъ рыбъ и благорасшвореннаго воздуха: 1-е) посшешествуетъ сохраненію здравія движеніе шѣла въ крещьянахъ нахошною рабошою, въ купечествѣ дальнею ѣздою по землѣ и по морю, военнымъ экзерциціею и походами. 2-е) Ради исправленія шакихъ пужныхъ работъ меньше праздниши, машери невоздержавія, меньше гостѣбы и пирушекъ, меньше пьянства, неравнаго жишя и прерывнаго шпанія, надрывающаго человѣческое здравіе. А сверхъ шого, хопя бы кшо и напился, однако возвращаясь домой, незамерзнешъ на дорогъ, какъ о Масляницѣ бываешъ, и непровалишся подъ ледъ, какъ случается на Св. Недѣль.»

Здѣсь Ломоносовъ обращается къ первымъ учрежденіямъ посповъ въ Греціи и землѣ Обѣшванной, и предполагаетъ ихъ ошвѣшть, изъ кошораго мы выпишемъ пошько краспорѣчивое описаніе весны южныхъ спрантъ:

»Полнымъ сіяніемъ вешняго соляца земное, богатое недро ошверзаешся, произрашаешъ здоровыми соками наполненную молодую зелень и воздухъ возобновляешъ аромашными духами. Поспѣваюшъ ранніе плоды въ пищу, въ прохладженіе и въ лекарство купно служащіе. Пѣнію нашему для славословія Божія соотвѣшшвовали журчащіе ручьи, шумящіе лиспы и воспѣвающія сладкогласныя пшпцы.«

Ломоносовъ здѣсь распрощраняешся о значеніи поспа. »А сверхъ шого,« воображаешъ Ломоносовъ рѣчь Свяшпителей, »ученъемъ вкорените всѣмъ въ мысли, что Богу пріянше, когда имѣемъ въ сердцѣ чшшую совѣшш, пжели въ желудкѣ цынгошную рыбу; что поспы учреждены не для самоубивспва вредными пицами, но для воздержанія опъ излишешсшва; что обманщикъ, грабштель, правосудный, мздомецъ, воръ и другими образы ближняго повредштель, прощенія несыщешъ, хотя бы онъ вмѣшпо обыкновенной поспной пици въ семь недѣль ѣлъ щепы, кирпичъ, мочало, глину и уголье, и большую бы часш шого времени проспоялъ на головѣ вмѣшпо земныхъ поклоновъ. Чшшное покаяніе ешш доброе жштіе, Бога къ милосердію, къ щедрощъ и къ любленію нашему преклоняющее. Сохрани данныя Хршшпомъ заповѣди, на коихъ весь законъ и Пророки висяшъ: *Люби Господи Бога твоего всѣмъ сердцемъ и ближняго какъ самъ себя....*» —

»Исправленію сего недоспашка» заключаешъ Ломоносовъ »ужасныя обшшяшъ препяшшшвія; однако не больше опасны, какъ заспавшшъ бришш борода, носшш нѣмецкое плашше, сообщашся обходштельствомъ съ шновѣрными, уншшшожшть боярштво, паппріаршшештво и спрѣльцовъ, и вмѣшпо ихъ учредшть Правштельствующій Сенашъ, Свяшѣшшій Синодъ, новое регу-

лярное войско, перенесши столицу на пустое мѣсто и Новый годъ въ другой мѣсяцъ! Россійской народъ гибокъ!»

9. »Кромѣ сего впадаетъ великое множество людей и въ другія разныя болѣзни, о излеченіи коихъ весьма еще мало порядочныхъ есть учрежденій, какъ выше упомянуто, и только по большой мѣрѣ просные, безграмотные мужики и бабы лечатъ на угадъ, соединяя часто натуральные способы, сколько смыслятъ, съ вороженьемъ и шептаніями, и шѣмъ не только не придаютъ никакой силы своимъ лекарствомъ, но еще въ людяхъ укрѣпляютъ суевѣріе, больныхъ приводятъ въ страхъ унылыми видами и умножаютъ болѣзнь, приближая ихъ скорѣе къ смерти. Правда, много есть изъ нихъ, кои дѣйствительно знаютъ лечить нѣкоторыя болѣзни, а особливо внѣшнія, какъ коновалы и костоправы, такъ что иногда и ученыхъ хирурговъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ превосходятъ, однако все лучше учредить по правиламъ, медицинскую науку составляющимъ. Къ сему требуется по всемъ городамъ довольно число докторовъ, лекарей и аптекъ, удовольствованныхъ лекарствомъ, хотябы только по нашему климату приспособными, чего не токмо нѣтъ и сохой доли, но и войско Россійское весьма недовольно снабжено медиками, такъ что лекари не успѣваютъ перевязывать и раненыхъ, не токмо чтобы всякаго осмолить, выспросить обстоятельство, дать лекарство и шѣмъ спраждающихъ успокоить. Опъ шакого непризнанія, многіе, коимъ бы ожить, умираютъ. Сего недоспадка ничѣмъ неможно скорѣе наполнить, какъ для изученія докторства послать довольно число Россійскихъ студентовъ въ иностранныя Университеты, и учрежденнымъ и впредь учреждаемымъ внутри государства Университетамъ дать между прочими привилегіями власть производить достойныхъ въ доктора.

2. Медицинской Канцеляріи подтвердить накрѣпко, чтобы какъ въ аптекахъ, такъ и при лекаряхъ бы-

ло довольно число учениковъ Россійскихъ, коихъ бы они въ определенное время своему искусству обучали и Сенапу представляли. Спѣшно и досадно слышашь, что ученики Россійскаго народа, будучи по десяти и больше лишь въ аптекахъ, почти никакихъ лекарствъ составляють неумѣютъ, а ради чего? За тѣмъ, что аптекари держашь еще учениковъ Нѣмецкихъ, а Русскіе при иготъ, при рѣшетъ и при уголь до спаросити доживаютъ и учениками умираютъ; а Нѣмецкими всего государства не наполнишь. Сверхъ того недостаточное знаніе языка, разность вѣры, несходные нравы и дорогая имъ плаша много препяшшуютъ.»

10. »Смершямъ отъ болѣзни слѣдуютъ насильственные, натуральныя и случайныя обстоятельство, какъ причины лишенія жизни человѣческой, ш. е. моры, язвы, пожары, пошопленія, морозы. Повѣтрія на людей хотя по большой части въ южныхъ предѣлахъ здѣшняго государства случаются, однако всякіе способы противъ того употреблять должно. Оныя состоятъ въ испребленіи уже начавшагося, или въ опшращеніи приходящаго. Къ первому пребуотся извѣстныя употребительныя противъ такого несчастія средства, и для того лучше должно выбратьъ изъ авторовъ, сочинить Медицинскому Факультету книжку, и напечатать распродать по государству. Ко второму надобно съ бывшихъ примѣровъ собрать признаки, изъ копорыхъ главный естъ зашмѣніе солнца, причиняющее почти всегда вскорѣ падежъ на скопъ, а послѣ и на людей повѣтріе. Въ наши просвѣщенные вѣки знаютъ о томъ въ великомъ свѣтѣ обращающіеся люди отъ астрономовъ, и могутъ предосперечья невыпуская скома изъ дому и недавая шравы того дня снятой; такъ въ другихъ государствахъ осперегаются два или три дни послѣ, и сами никакихъ плодовъ въ то время нестимаютъ и неупотребляютъ, говоря, что во время солнечнаго зашмѣнія падаютъ ядовитыя росы. Главная причина бытъ кажешся, по моему мнѣнію, что во вре-

мя зашмѣнія закрывается солнце луною, шакимъ же штьломъ, какъ и земля наша, пресъкаешся электрическая сила, копорую солнце на всѣ расшенія во весь день изливаешть, что видно на шправахъ ночью спящихъ и шже спраждущихъ въ солнечное зашмѣние. Время научишть, сколько можешть электрическая сила дѣйствовашь въ разсужденіи повѣшрїя. Зашмѣнія во всемъ государствѣ незнаюшть и для шго надобно за-благовременно публиковашь, и что шребуешся, повелѣшть указами, по примѣру, какъ водишся въ другихъ государствахъ. Для избавленія опть огненной смерши служишть предосторожностъ о уполеніи часныхъ и великихъ пожаровъ, о чемъ покажешся просшранно въ письмѣ о лучшей государшвенной экономіи. Пошопленія сущь двояки: опть наводненія и опть неосшорожной дерзосши, особливо въ пьянствѣ. Первое легко опшвратишть можно, запрешивъ, чтошбъ при великихъ рѣкахъ на низкихъ мѣстахъ, вешней особливо водѣ подверженныхъ, никакихъ жилищъ не было. Сіе дѣлаешся опть одной лѣности, чтошбъ вода и сѣно и всякая опть воды удобностъ была близко, однако часно на высокихъ мѣстахъ живущіе видяшть весною, сами будучи въ безопасности, какъ скошть и люди и цѣлые дома неприсшупной ледъ нессшть въ опчяніи всякаго спасенія. Вшорыхъ шопопленій ничѣмъ опшвратишть нельзя, не умаливъ много гошенія и пьянства, для коихъ люди дерзаюшть переѣзжашь чрезъ рѣки въ бурную погоду, перегрузивъ суда множешшвомъ, или переходишть чрезъ ледъ осенью и весною, когда онъ весьма ненадеженъ и опасенъ. Въ главѣ о испребленіи праздности предложашся способы, равно какъ и для избавленія померзанія многихъ зимою.

11. »Не малой ущербъ причиняешся народу убійствами, кои бываюшть въ дракахъ и опть разбойниковъ. Драки происходяшть вредныя между сосѣдами, а особливо между помѣщиками, кошорыхъ ничѣмъ, какъ межеваніемъ, ушущишть невозможно. На разбойниковъ хощя пошьямаюшся сыщики; однако чрезъ шовывешши сіе зло,

или хопя знашно убавиць, нѣтъ почти никакой надежды. Основательнѣйшіе и сильнѣйшіе къ тому преобладающіе способы. Слѣдующій кажется мнѣ всѣхъ надежнѣе, бережливѣе и Монархинѣ Всемилосивѣйшей славнѣе и припомъ юбезнѣе, за шѣмъ, что онѣ дѣйствіе свое возьмешъ меньшимъ пролишемъ челоувѣческой крови. Разбойники безъ приспанища въ городахъ и около деревень пробышь и злодѣйствомъ своимъ долго пользовашся не могутъ. При деревняхъ держашся, а въ городахъ обыкновенно часто бывають для продажи пограбленныхъ пожизковъ: и шакъ, когда имъ сін мѣста сдѣланы будушь узки и шѣсны, то не могутъ долго ушанься, незавадобишся далече посылать команды и дѣлать кровопролишныя сраженія со многими, когда можно имѣшь случай перебрать по одиначкѣ и ловишь ихъ часто. Всевожделнннн и долговременной покой внушри нашего опечесства чрезъ полшораспо лѣшь, въ кое время послѣ разоренія опѣ Поляковъ ненужно было спѣнами защищашся опѣ непріашелей, подалъ нерадѣнію нашему причину мало имѣшь попеченія о градскихъ огражденіяхъ, и пошому большая часть малыхъ городовъ и посадовъ и многихъ провинціальныхъ и губернскихъ городовъ, не шокмо спѣнъ каменныхъ, или хопя надежныхъ валовъ и рововъ, но и деревянныхъ полисадниковъ, или пыновъ неимьють, что не безъ сожалѣнія вижу изъ опвѣповъ, присыласмыхъ на географическіе вопросы въ Академію наукъ изо всѣхъ городовъ Указомъ Правительшвующаго Сенаша, по моему предшавленію. Кромъ того, что проѣжающіе вноспранные не безъ презрѣнія шопряшъ на ваши безпорядочные города, или лучше сказаць почти на развалины, разбойники употребляють ихъ къ свосму прибъжищу, и шакже могутъ закрыться опѣ достшойнаго каранія въ городъ, или еще лучше, нежели въ деревнѣ, за шѣмъ, что городъ больше, и со всѣхъ споронъ въ него на всякомъ мѣспѣ воропа днѣмъ и ночью безпреспано опворены ворами и добрымъ людямъ. Когда жъ бы Всемилосивѣйше повелѣшь благоизволсно было, всѣ Россійскіе города, у конхъ огражденіе руши-

лось, или его и не было, укрѣпишь хотя не каменными стѣнами, но шокмо валомъ и ровомъ и высокимъ полисадникомъ, и не во многихъ мѣстахъ оставишь воропахъ съ крѣпкими запорами и съ надежными мѣщанскими караулами, гдѣ нѣтъ гарнизоновъ, шакъ, чшобы ряды и лавки были внушри огражденія, то бы ворами провозишь въ городъ грабленныя вещи для продажи было весьма прудно, и всѣ для осмотру предоспорожностши упошребишь было исравненно легче, пезели вмѣстѣ со всѣхъ споронъ опвореннымъ, а разбойникъ можешъ бышь въ воропахъ скорѣ примѣченъ, кошорый непродавъ грабленныхъ вещей, корыстши неполучишь. Сверхъ сего на каждомъ огражденномъ городѣ назначишь поспоянные ночлеги для прохожихъ и проезжихъ съ письменными дозволеніями и съ вывѣскою, и приказашъ, чшобы каждый хозяинъ на всякой день объявлялъ въ Рапушъ, кшо у него бытъ на ночлеги и сколько времени, а другіе бы мѣщане принимають къ себѣ въ домъ пріѣзжихъ и прохожихъ воли неимѣли, подѣ опасеніемъ наказанія, кромѣ своихъ родспвенниковъ, въ городѣ извѣспныхъ. По всѣмъ волостямъ, погоспамъ и деревнямъ публиковать, чшо ежели креспьянинъ, или двое и больше поймають разбойника, приведушь его въ городъ, или въ другое безопасное мѣсто и докажутъ надежными свидѣтелями и спору въ помъ не будешъ, шо давашь приводчикамъ за всякую голову по 10 руб., изъ мѣщанскаго казеннаго сбору, а за главныхъ злодѣйскихъ предводителей, за ашамана, эсаула, шакже и за пойманіе и доводъ шого, кшо держитъ воровскія приборъшища, по 30 руб. — Сіе хотя довольно бышь кажешся, гдѣ города не въ весьма дальнемъ разшояніи; однако многія мѣста естъ въ Россіи глухія на 500 и больше верспъ безъ городовъ, прямыя убѣжища разбойникамъ и всякимъ бѣглымъ и безпашпоршнымъ людямъ: примѣромъ служишь можешъ лѣсисное проспранштво около рѣки Веплуги, кошорая на 700 верспъ печеніемъ отъ вершинъ до успья проспираясь, не имѣетъ при себѣ ни единаго города. Туда съ Волги укываешся великое множештво

зимою бурлаковъ, изъ коихъ немалая часть разбойники. Крестьяне содержатъ ихъ во всю зиму за полшину челоуька, а буде онъ что рабоуаетъ, шо кормятъ и безъ плашы, не спрашивая пашпорта. По такимъ мѣстамъ должно основать и поставитъ города, давъ знашнымъ селамъ гражданскія права, учредитъ Рапуши и воеводшвы, и оградитъ надежными укрѣпленіями и оспорожностями опъ разбойниковъ, какъ выше показано. Сіе будетъ служить не токмо для общей безопасности и къ сбереженію Россійскаго народа, но и къ особой славѣ Всемиловѣйшей нашей Самодержицы, яко вообновительницы спарыхъ и соорощительницы многихъ новыхъ городовъ Россійскихъ.»

12. »Переспавая говоритъ о пошеръ Россійскаго народа болѣзнями, несчастіями и убійствами, должно упомянуть о живыхъ покойникахъ. Съ пограничныхъ мѣстъ уходящъ люди въ чужія государствва, а особливо въ Польшу, и шѣмъ лишаешся подданныхъ Россійская Корона. Подлинно, что расположивъ предоспорожности на рубежъ Липовскомъ, однако шоль великой скважины силою совершенно запереш невозможно: лучше поступишь съ кротостію. Побѣги бывають болѣе опъ помѣщичьихъ ошягощеній крестьянамъ и опъ солдатскихъ наборовъ. Ипакъ мнѣ кажешся лучше пограничныхъ съ Польшей жишелей облегчишь подашми и сняшь солдатскіе наборы, расположивъ ихъ по всему государствву. Для расколу много уходишь Россійскихъ людей на Влшку: находящихся шамъ бѣглецовъ не можно ли возвратишь при нынѣшнемъ военномъ случаѣ? А впредь могутъ служить способы, кои предшавяшся о исправленіи нравовъ и о большемъ просвѣщеніи народа.»

13. »Мѣсто бѣглецовъ за границы удобно наполнишь можно пріемомъ иносшранныхъ, ежели къ шому упошреблены будутъ присшойныя мѣры. Нынѣшнее въ Европѣ несчастное военное время принуждаеш не токмо одинокихъ людей, но и цѣлыя раззоренныя семей-

спва, оставляя свое опечесство и искаша мѣсшъ опъ
военнаго насильспва удаленныхъ. Проспранное владѣ-
ние Великой нашей Монархини въ состояніи вмѣспиши
въ свое безопасное нѣдро цѣлые народы и довольспвовашъ
всякими попребами, кои единаго шолько посильнаго
пруда опъ челоѡковъ ожидающъ къ своему полезному
произведенію. Условія, коими иноспранныхъ привлечь
можно къ поселенію въ Россіи, непредспавляю, невѣ-
даа довольно союзныхъ и враждебныхъ обстоятельство
между воюющими и мирными споронами.»

»Хошѣлъ бы я сочинилъ примѣрный счепъ, сколь-
ко бы изъ сихъ 13 способовъ, (а еспъ еще и больше),
воспслѣдовало сохраненія и прираченія подданныхъ Ея
Императорскаго Величесства. Однако шребуешся къ шо-
му для извѣспія многія обспояпельспва и не мало вре-
мени; для шого шолько одною догадкою досягаю нѣ-
сколько, что на каждый годъ можешъ взойши прира-
щеніе Россійскаго народа больше пропивъ прежняго до
полумилліона душъ, и опъ ревизіи до ревизіи въ 20
лѣшъ до 10 милліоновъ. Кромъ сего уповаю, что сіи
способы небудушъ инчѣмъ народу ошягошительны, но
будушъ служилъ къ безопасности и успокоенію все-
народному.»

»Окончивая сіе, надѣюсь, что Вашему Высокопре-
восходительспву что нибудъ понравилса изъ моихъ
доброжелательныхъ къ обществу мнѣній, и прошу о
Вашемъ непрерывномъ здравіи и во всемъ удовольспвіи
Всешшняго Спроншеля и Правилеля всѣхъ народовъ
и языковъ, произведшаго Васъ въ сей день и вливша-
го Вамъ кровь сына опечесства къ произведенію дѣлъ
полезныхъ, а паче къ покровительспву наукъ и худо-
жесствъ, къ копорымъ я, равно и къ Вамъ, опъ всей
искренности усердспвуя, съ досподолжнымъ высоко-
почишаніемъ пребываю.»

Ноября 1.
1761.

ПИСЬМО И ЗАПИСКА АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА СУМАРОКОВА
КЪ КНЯЗЮ ГРИГОРЬЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПОТЕМКИНУ,
(КОГДА ОНЪ БЫЛЪ ЕЩЕ ГРАФОМЪ).

(Списаны съ подлинника.)

Завпре опгъздъ Двора: а у меня завпре домъ опгемлешся, не знаю по какому праву; ибо домъ мнѣ въ нынѣшній годъ по приспройкѣ болѣе уже шысячи рублей спалъ: а оцѣненъ онъ въ 900 р., хопя и спалъ мнѣ кромѣ мебелей въ шестнадцашъ слишкомъ шысячъ. Демидову я долженъ шолько 2000 р., а онъ разсердясъ на меня за плуша своего повѣреннаго, кошораго онъ и самъ со двора збилъ, перебуептъ нынѣ и проценповъ и рекамбій, хошя и обшчался мнѣ о шомъ и не помышляшь. Я нижайше прошу Вашего Сіяшельства, починпающаго человѣколюбіе, послашь къ Г. Демидову, дабы онъ, помня человѣколюбіе, не шребовалъ съ меня кромѣ данной мнѣ суммы: и чшобъ сія сумма была вычтена изъ моего жалованья, кое я получаю ежегодно въ началѣ Маія. У меня одинъ шолько на сей землѣ домъ; шакъ мнѣ приопишья будептъ некуда, и долженъ я буду на староспи шаскашья по миру. Я внесъ вещей въ уплашу въ Магиспрашъ болѣе нежели три шысячи: а чшо онъ дешево оцѣнены, да и не покунаются будшо: эшо не моя вина. Я вмѣсто проценповъ и рекамбій воздамъ Вашему Сіяшельству сочиненіемъ новой Трагедіи безъ рифмъ, какъ Вы мнѣ приказывашъ изволили. Я жду въ рѣшсвіи Вашемъ или спасенія моего или опчаянія. А къ рѣшенію сему времени уже мало оспалось. Вообразите себѣ мое соспояніе!

Вашего Сіятельства

нижайшій слуга

А. Сумароковъ.

Здѣлайте милоспшь и пришлите, Милоспивый Государь, мнѣ опраду, письмо Ваше опкррыпое, или припвишите хоша къ Г. Демидову на сей бумагѣ, что Вашему Сіапшельспву по снисхожденію ко мнѣ угодно будетъ.

ЗАПИСКИ РАДИ ПАМЯТИ.

1. Долженъ я Прокофью Демидову двѣ пысячи рублей: заплапиль бы я ему оныя давно; но опъ былъ въ Голландіи болѣе года: попомъ былъ въ Москвѣ моръ болѣе же года: попомъ былъ я опчаянно боленъ пол-года: попомъ пріѣхавъ ради нужды моихъ въ Цесербургъ и для напечатанія новыхъ моихъ сочиненій, былъ я шамо, проживаяся полшора года.
2. Я имѣю свидѣпельспво, что Демидовъ съ меня проценшовъ и рекамбій брать не хошѣлъ: да и деньги далъ мнѣ въ заемъ безъ проценшовъ.
3. Работалъ я довольно помощеспвуя Г. Баженову при учрежденіи и церемоніи Кремлевскаго Дворца, а пошому что въ самый шопъ день было освященіе оныя закладки, въ копорый срокъ вышелъ опсрочки моего векселя: Г. Баженовъ, пріапшелъ Демидову, обнадежилъ меня, что онъ Г. Демидовъ меня для шого общеспароднаго дѣла къ заплапѣ понуждашь не будетъ, а о проценшахъ и рекамбій онъ и не помышляесптъ; и для шого Г. Демидовъ, увѣривъ меня самъ, и векселя не переписалъ.
4. Смушилъ сво со мною ево повѣренной, копорого за его непорядки онъ Г. Демидовъ и самъ збилъ.
5. Опъ Магиспратпа описывали мои деревни и домъ во двухъ пыслячахъ: наконецъ жребій палъ на мой домъ, копорый въ Магиспратпѣ оцѣнили въ девять сошь рублей въ сорокъ одну копѣйку съ полущкою: а я уже по оцѣнкѣ положилъ на мой домъ болѣе пыслчи рублей.

6. Книги мои и рукописи приказано было подканцелярису магистральскому осмопръпъ и пославить при нихъ караулъ; хопя ни Магистраль, ни подканцелярись, не знаютъ различія между Оды, Еклоги и Елегіи.

7. Я вмѣсто дома моего внесъ въ Магистраль пабакерку, пожалованную мнѣ опъ Его Императорскаго Высочества, въ знакъ опличной Его ко мнѣ милости: она изъ лучшаго лаписъ-лазули, изъ лучшей золошой работы съ нѣсколькими брилліаншами, изъ кошорыхъ одинъ красной; пабакерка сія не была ношена никогда. Она стоить двухъ тысячъ рублей по малой мѣрѣ; и слѣдовательно всево моево Демидову долга. Другая пабакерка, подаренная мнѣ опъ Графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, пожалованная ему блаженной памяти Государынію, и подаренная мнѣ для вѣчнаго о немъ воспоминанія, стоить по малой мѣрѣ семь сотъ рублей. Часы Еликоповы серебряныя, кошорыхъ по апробаціи Пепербургской часовой фабрики лучше не бывало въ разсужденіи машины ихъ. А домъ мой спалъ мнѣ кроме мебели въ шестнадцать тысячъ.

8. Все мое, внесенное въ Магистраль, и книги мои и эстампы, оцѣнили они въ Магистраль самую малою цѣною.

9. Нынѣ назначили въ Магистраль сія мои вещи мнѣ возвратить, а вмѣсто того продать мой домъ, кошорый мнѣ уже послѣ ихъ оцѣнки спалъ еще въ тысячу рублей.

10. Магистраль долженъ продавать то, что я ему назначу, а не то, что онъ хочетъ.

11. Что вещей моихъ не покупаютъ, въ эшомъ моей виновности нѣтъ.

12. Выбйшь челоуька изъ дому, хопя бы онъ и ни малъйшйя не сдълалъ опечеспву услуги, со всею фамилиею, съ маленькими дъшми и со всъмн слугами, по среди сьверной зимы, не позволяется.

13. Проишедшему опть знапныхъ предковъ и имущему Чинъ и Орденъ, и прославившемуся къ чеспи своево Опечеспва во всей Европъ, шаскашься по миру, и замерзнушь на улицъ не позволяется, ибо въ Православномъ Государствъ о православнн и любви ближняго забываетъ Магиспрапу недолично.

14. И разбойники людей грабашъ, но не всегда умерщвляющъ: а Магиспрапъ долженъ о челоуьколюбн больше спарашься, нежели разбойники.

15. Сн судыи, копорые меня разоритъ хопляшъ сущъ рабы Опечеспва: а я сынъ Опечеспва, и пошому что я дворянннъ, и пошому что я уже опличннй Чинъ и Орденъ имъю, и пошому что я пруднлся довольно въ красноръчнн Россйскаго языка.

16. Драмы мои играющъ содержашели, продавая и покупая выхоженную мною привилегю, и неполюкко опнявъ у меня ложу, но и опказавъ мнъ дашь билеты, нарушая сочиненныя со мною прежннми содержашелами конспракпы, и довольшвуются доходомъ моихъ прудовъ они, а не я.

17. Я не сумнънно уповаю, что ежели сн моя записка предшашельшвомъ Вашего Снпельсшва дойдеть до слуха Самодержнцы, пакъ я съ моею фамилиею на улицъ не замерзну.

Прнмъчанне. Я ннжайше прошу о помъ, чшобы къ Демядову послашъ, чшобы онъ со мною поспуннлъ по законамъ чеспнноспн, и възлъ бы съ меня полюкко

надлежащія деньги. А въ магистратъ: дабы меня изъ дома невыгоняшь, ибо они съ меня и рубашку снятъ могутъ. А по театру разсмотримъ бы мое съ Урусовымъ дѣло Полиціи справедливо: драмы напечатаны; но они напечатаны ради чтенія, а не для публичнаго предспавленія, чеве нигдѣ и никогда не дѣлалось, гдѣ Театральныхъ Стихотворцевъ и много; да и здѣсь, исключая меня, ни съ кѣмъ того, гдѣ и конпракшовъ не было, не дѣлалось. А я театры основалъ не ради огорченія себѣ, но ради прославленія моего времени и моего имени. 11 Ноября 1775.

А. Сумароковъ.

ОТВѢТЪ! ЛОМОНОСОВА СУМАРОКОВУ.

(Сообщено А. А. Волковымъ.)

Сумароковъ находилъ всегда возможность разсердиться Ломоносова, упрекая его, что онъ, въ одѣ своей на взятіе Хошина, употребилъ *быстрѣ* вмѣсто *быстро*. Ломоносовъ, будучи раздражительнаго характера, приходилъ всегда ошѣ того въ запальчивоспѣ, и оканчивалъ эту сцену обыкновенно сими словами «какъ-бы шо ни было: *быстро* или *быстрѣ*, однако эшо ничушѣ не *остро* и не *острѣ*.

В.

Д Е Р Ж А В И Н Ъ .

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ИВАНА ИВАНОВИЧА ДМИТРИЕВА.

Поэзія Державина извѣстна мнѣ спала еще съ 1776 года. Около того времени первыя произведенія его вышли въ свѣтъ безъ имени Автора, изъ типографіи Академіи Наукъ, подъ названіемъ: *Оды, сочиненныя и переведенныя при горѣ Читалагаъ* (*). Это были, какъ я послѣ узналъ, плоды крапкихъ досуговъ его въ военномъ спану, посреди Уфимскихъ степей. Тогда онъ, въ числѣ гвардейскихъ Офицеровъ, находился для разныхъ порученій, при Александрѣ Ильичѣ Бибииковѣ, предводившемъ войскъ противъ бунтовщика и самозванца Пугачева.

Въ этой книжкѣ помѣщено было нѣсколько одъ разнаго содержанія, болѣе философическихкихъ одъ, и посланіе Фридриха Впорого къ Астроному Моперпюну, переведенное въ прозѣ. Я упоминаю съ такою подробностію объ этой книжкѣ потому шолько, что нынѣ она рѣдка, и не многимъ извѣстна даже изъ Липшераторовъ. Въ спискахъ, помѣщенныхъ въ ней, при нѣкоторыхъ недоспащкахъ, уже показывалась замашка врожденнаго таланта и главныя свойства его: благородная смѣлость, спрогія правила и рѣзкость въ выраженіяхъ. Послѣ того въ разныя времена вышли также безъ его имени: *Посланіе къ П. И. Шувалову*, по случаю возвращенія его изъ чужихъ краевъ, писанное въ Казани;

(*) Заглавіе этой книжки: *Оды переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаъ* 1774 года. Содержаніе ея слѣдующее: *въ прозѣ*, Ода на Ласкательство, Ода на Порицаніе, Ода на Постоянство, Ода къ Мовперпю (Maupertuy); *въ стихахъ*, Ода на Великость, Ода на Знатность (изъ которой въ послѣдствіи Державинъ сдѣлалъ своего Вельюжу), Ода на смерть Генераль-Аншефа Бибиикова, Ода на день Рожденія Ея Величества (Императрицы Екатерины Впорой), сочиненная во время войны и бунта 1774 года. — Эта книжка, мало кому извѣстная, хранится, какъ рѣдкость у меня. Она напечатана въ небольшую осьмушку на 38 страницахъ. — *Мих. Дмитр.*

Оды: на смерть К. Мецераго; къ Состуду; къ Киргискай-сацкой Царевнѣ Фелиць. Стансы: Успокоенное Невърие, Днепрямъ: на выздоровленіе И. И. Шувалова, и Гребеневской Ключъ, посвященный Михайлу Матвѣевичу Хераскову. Всѣ эти стихи, кромѣ посланія, по моему мнѣнію, суть лучшія и совершеннѣйшія изъ поэтическихъ произведеній Державина. Они были напечатаны въ Спб. Вѣстникъ въ 1778 году и послѣдующихъ, а потомъ нѣкопорые изъ нихъ перепечатаны съ поправками въ Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова. Въ немъ участвовала сама Императрица. Ея сочиненія выходили подъ названіемъ. Былей и Небылицъ: издавался же онъ подъ надзоромъ Президента обѣихъ Академій, Княгини Екатерины Романовны Дашковой.

Кромѣ Фелицы, долго я не зналъ и цѣлительво, желалъ узнать объ имени Автора упомянутыхъ стихотвореній. Хотя самъ писалъ и худо, но по какому-то чужью находилъ въ нихъ болѣе силы, живописи, болѣе, какъ сказать, свѣжести, самобытности, нежели въ стихахъ извѣстныхъ мнѣ современныхъ нашихъ Поэтовъ. Къ удивленію должно замѣшисъ, что ни въ обществахъ, ни даже въ Журналахъ того времени, не говорено было ничего объ этихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ; малое только число словесниковъ-друзей его чувствовали всю ихъ цѣну. Извѣстность же его началась не прежде, какъ послѣ первой Оды его къ Фелиць. Наконецъ я узналъ объ имени прельстившаго меня Поэта; узналъ и самаго его лично: но только глядывалъ на него издали во Дворцѣ, съ чувствомъ удовольствія и глубокаго уваженія. Вскорѣ потомъ посчастливилось мнѣ вступисъ съ нимъ и въ знакомство. Вопгъ какой былъ къ тому поводъ.

Во вторую кампанію Шведской войны я ѣздилъ на границу Финляндіи для свиданія съ старшимъ братомъ моимъ (*). Онъ служилъ тогда въ пѣхотномъ

(*) Отецъ мой, Александръ Ивановичъ Дмитріевъ, переводчикъ Камоисовой Лузіады и многихъ другихъ книгъ, извѣстныхъ въ свое время. *Мил. Дмитр.*

Псковскомъ полку (Преміеръ-Маіоромъ. Въ продолженіи дороги и на самомъ мѣстѣ я велѣь поденную записку ; описывая въ ней между прочимъ одно красивое мѣстоположеніе, употребилъ я обращеніе въ стихахъ къ Державину, и назвалъ его единственнѣмъ у насъ живописцемъ природы. По возвращеніи моемъ, знакомецъ мой П. Ю. Львовъ , переписалъ эти стихи для себя , и показалъ Поэту. Онъ захотѣлъ узнать меня; нѣсколько разъ говорилъ о помѣ Львову; но я совѣспился представившись знаменитому пѣвцу въ лицѣ мелкаго и еще никѣмъ непризнаннаго стихотворца. Долго не могъ рѣшиться и все откладывалъ. Наконецъ однимъ упрямъ знакомецъ мой прислалъ собственноручную записку къ нему Державина , въ которой онъ еще напоминалъ Львову о желаніи его сойтись со мною. Эта записка побѣдила мою застенчивость. И такъ въ сопровожденіи Львова ошправился я къ Поэту, съ которымъ желалъ и робѣль познакомиться.

Мы заспали хозяина и хозяйку въ авпоровомъ кабинетѣ ; въ колпакѣ и въ апласномъ голубомъ халатѣ , онъ что-то писалъ на высокомъ налоѣ , а она въ упренемъ бѣломъ платьѣ сидѣла въ креслахъ посерединѣ комнаты, и парикмахеръ завивалъ ей волосы. Добросердечный видъ и привѣспливосп обоихъ съ первыхъ словъ ободрили меня. Поговоря нѣсколько минутъ о словесности, о войнѣ и проч. , я хотѣлъ , соблюдая приличіе , откланяться , но они оба спали унимали меня къ объду. Послѣ кофе , я опять поднялся , и еще упрощень бѣль отспаться до чая. Такимъ образомъ съ перваго посѣщенія я просидѣлъ у нихъ весь день , а чрезъ двѣ недѣли — уже сдѣлался корешкомъ знакомцемъ въ домѣ ; съ того времени рѣдко проходилъ день , чтобъ я не имѣлъ свиданія съ этой любезной и незабвенной чешою.

Державину минуло тогда пятидесять лѣтъ. Онъ бѣль еще Дѣйствительнымъ Спашскимъ Совѣспникомъ и Кавалеромъ Ордена Св. Владиміра шрешней степенни.

Года за два предъ шѣмъ онъ опрѣшенъ былъ ошъ должноти Губернашора Тамбовской Губернїи по случаю несогласїа, происшедшаго между имъ и Генераль-Губернашоромъ, Графомъ Гудовичемъ; взаимныя ихъ жалобы опданы были на разсмотрѣнїе Сенашу. Державинъ былъ оправданъ. Любопытная сполїца съ неперпѣнїемъ ожидала ошъ премудрой *Фелїцы* рѣшенїа судьбы любимаго ея Поэша.

Между шѣмъ Князь Попемкинъ-Таврической, опсправляясь въ армію, пригошовлялся нѣсколько мѣсяцевъ къ великолѣпному угощенїю Имперашрицы; это было уже по взятїи Очакова. Державину поручено было ошъ Князя заблаговременно сочинить, по сообщенной ему программѣ, описанїе праздника. Знакомство наше началось вмѣстѣ съ этой работою. Почти въ моихъ глазахъ она была продолжаема и окончена. Праздникъ изумилъ всю сполїцу; описанїе напечатано, но не полюбилось, какъ слышно было, Попемкину, върояшно за поэшическую характериспнику хозяина, довольно върную, но неумѣста шупливую.

Съ первыхъ дней нашего знакомства, я уже пробжалъ полстую рукопись всѣхъ собранныхъ его спихворенїй, извѣспныхъ и неизвѣспныхъ. Сверхъ того показаны мнѣ и пѣ, копорья, по хлопшамъ службы, долгое время лежали у него не оконченными.

Главнѣйшія изъ нихъ были: *Водопадъ*, состоявшїй тогда въ пятнадцати шолько строфахъ; *Виднїе Мурзы* (*);

(* Въ *Виднїи Мурзы* Державинъ остановился на предсплднихъ двухъ спїхахъ, и не зналъ чѣмъ кончить. Ив. Ив, сочинитель этихъ записокъ, сказалъ ему, шупа: я бы вошъ чѣмъ кончилъ:

Превознесу тебѣ, прославлю!
Тобой безмершенъ буду самъ!

Эти два спїха очень полюбились Державину; онъ приписалъ ихъ, и ямъ заключилъ неконченную піесу. *Мил. Дм.*

Ода на *Коварство*; *Прогулка въ Сарскомъ Сель*. Последніе стихи, равно какъ и *Видныіе Мурзы*, дописалъ онъ уже при появленіи *Московского Журнала*; *Водопадъ* гораздо послѣ, когда получено было извѣстіе о кончинѣ Князя Пошешкина; Оду же на Коварство еще позднѣе. Немногимъ извѣстно, что и *Вельможа* напечатанъ былъ въ числѣ Одъ, писанныхъ при *Горь Читалагахъ*, о конхъ я упоминалъ выше. Но любители Словесности познакомились съ нею уже при второмъ появленіи, когда Поэшь прибавилъ въ этой Одѣ нѣсколько спрофъ, споль изобильныхъ саширическаго солью и яркими карпинами. Возобновленіе ея послѣдовало по кончинѣ Князя Пошешкина, при Генералъ-Прокурорѣ Графѣ Самойловѣ. Общество находило въ ней много намековъ на щепъ шого и другаго. Тогда Поэшь былъ уже Сенашоромъ.

Державинъ при всемъ своемъ Геніи съ великимъ шрудомъ поправлялъ свои стихи. Онъ снисходительно выслушивалъ совѣпы и замѣчанія; охотно брался за передѣлку стиха, но рѣдко имѣлъ въ помъ удачу. Вездѣ и непрестанно вниманіе его обращено было къ Поэзии. Часшо я заспавалъ его споявшимъ неподвижно проптивъ окна и усшремившимъ глаза свои къ небу. Чшо вы задумались? однажды спросилъ я. «Любуюсь вечерними облаками,» отвѣчалъ онъ. И чрезъ нѣкоторое время послѣ шого вышли стихи *Къ дому любящему учение*, (къ семейству Графа Спрогонова), въ копорыхъ онъ впервые назвалъ облака *краезлатыми*. Въ другой разъ замѣнилъ я, что онъ за обѣдомъ своимъ смопришъ на развариую щуку и чшо-то испечешъ; спрашиваю шому причину: «я думаю, сказалъ онъ, что если бы случилось мнѣ приглашать въ стихахъ кого нибудъ къ обѣду, шшо при исчисленіи блюдъ, какими хозяинъ намѣренъ шпочивашъ, можно бы сказать, что будешъ и *щука съ шголубымъ перомъ*.» — Мы чрезъ годъ или два услышали эшошъ стихъ въ его Посланіи къ Князю А. А. Безбородкѣ.

Голова его была хранилищем заготовленнаго запаса сравненій, уподобленій, сеншенцій и каршинъ, для будущихъ его поэпическихъ произведеній. Онъ охотникъ былъ до чшенія, но читалъ безъ разборчивости; говорилъ мало, опривисшо и некрасно. Кажешся, будто заботился только о помъ, чтобы сказашь скоръе. Чашо посреди гостей, особенно же у себя, задумывался и склонялся къ дремошъ; но я всегда подозрввалъ, что онъ припворяешся сплцимъ, чтобы не мъшали ему занимашся чъмъ нибудь своимъ, важнйшимъ обыкновенныхъ, пущихъ разговоровъ. Но пошъ же самый человекъ говорилъ долго, рзко и съ жаромъ, когда пересказывалъ о какомъ-либо споръ по важному длу въ Сенашъ, или о дворскихъ инпригахъ, и просиживалъ до полуночи за бумагой, когда писалъ *голосъ*, заключеніе, или проэкшъ какого-либо Государшвеннаго посшановленія. Державинъ, какъ Поэшъ и какъ Государспвенная особа, имълъ въ предметъ: нравшвенноспш, любовь къ правдъ, чеспш и пощомспшо.

Вмешъ со входомъ въ домъ его какъ будто опкрывся мнъ пущъ и къ Парнасу: допощъ бывъ знакомъ шолько съ двумя сннхопворцами: Ермиломъ Ивановичемъ Коспровымъ и Графомъ Д. И. Хвостовымъ, я увидълъ въ общеспвѣ Державина вдругъ нъсколько Поэповъ и Словесниковъ: пвца *Душеньки* Ипполимпа Федоровича Богдановича; переводчика *Телемака* и *Гумфреля Кинкера* Ивана Семеновича Захарова; Николая Александровича и Федора Пешровича Львовыхъ; Пешра Лукича Вельяминова (*); Алексъя Николаевича Оленина, спощъ извъспнаго по его изобръшашельному шаланпу въ рисованьи и свдущему въ художеспвахъ и древности. О первомъ не спшану повшоряшъ того, что уже помъщено было Карамзинымъ по пересказамъ моимъ въ Біографіи Богдановича, напечатанной въ *Въстникъ Европы*; прибавлю шолько, что я познакомился съ нимъ въ то вре-

(*) Онъ сочинилъ между прочимъ простонародную пьсю: *ошъ ей слава, кшля кшсла шци, ей медальня шци пузырьня!* Мих. Дм.

мя, когда уже онъ мало занимался Липшерапурою, но сдѣлался невольнымъ данникомъ большаго свѣща. По славѣ *Душеньки*, многіе хопя и не читали эпной Поэмы, хопѣли, чшобъ авпоръ ея дремалъ за ихъ поздними ужинами. Всегда въ Французскомъ кафтанѣ, кошелекъ на спинѣ, пафшяная шляпка (клакъ) подъ мышкою; всегда по вечерамъ въ концершѣ, или на балѣ въ знапномъ домѣ: Богдановичъ, если не игралъ въ виспѣ, вездѣ слова два о дневныхъ новоспяхъ, или о Дворѣ, или заграничныхъ произшесшвіяхъ, никогда съ жаромъ, никогда съ большимъ учаспіемъ; онъ не любилъ не только докучать, даже и напоминать о спихахъ своихъ, но въ шайнѣ сердца всегда чувшвовалъ цѣну свою, и былъ довольно щекопливъ къ малѣйшимъ замѣчаніямъ нащепъ произведеній пера его. Впрочемъ чуждъ злоязычія, спрогій блюспишель нравспвенныхъ правилъ и законовъ общеспва, скромный и вѣжливый въ обращеніи, онъ всѣми благоразумными и добрыми людьми былъ любимъ и уважаемъ.

Черезъ Державина же я сошелся и съ Денисомъ Ивановичемъ Фонѣ-Визинымъ. По возвращеніи изъ Бѣлорусскаго своего помѣспья, онъ просилъ Гаврила Романовича познакомиться его со мною. Назначенъ былъ день нашего свиданія. Въ шеспъ часовъ пополудни пріѣхалъ Фонѣ-Визинъ. Увидя его въ первый разъ, я вздрогнулъ, и почувшвовалъ всю бѣдность и шщепу челошечскую. Онъ всшупилъ въ кабинетъ Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами изъ Шкловскаго Кадешскаго Корпуса, пріѣхавшими съ нимъ изъ Бѣлоруссіи. Уже онъ не могъ владѣть одною рукою; равно и одна нога одереветѣла: обѣ поражены были параличемъ. Говорилъ съ крайнимъ усиліемъ, и каждое слово произносилъ голосомъ охриплымъ и дикимъ; но большіе глаза его быспро сверкали. Первый брошеный на меня взглядъ привелъ меня въ смятеніе. Разговоръ не замѣшкался. Онъ присшупилъ ко мнѣ съ вопросами о своихъ сочиненіяхъ: знаю ли я *Недоросля*? читалъ ли *Посланіе къ Шумилову*, *Лису коз-*

нольдґйку; переводъ его *Похвальнаго слова Марку Аврелію*, и шакъ далѣе; какъ я нахожу ихъ? — Кажалось, что онъ шакими вопросами хотѣлъ съ перваго раза вывѣдать свойства ума моего и характера. Наконецъ спросилъ меня и о чужомъ сочиненіи: что я думаю объ *Душенькѣ*? Она изъ лучшихъ произведеній нашей поэзіи, ошвѣчалъ я. — Прелеспина! подтвердилъ онъ съ выразительною улыбкою. Попомъ Фонъ - Визинъ сказалъ хозяину, что онъ привезъ показати ему новую свою комедію: *Гофмейстеръ*. Хозяинъ и хозяйка изъявили желаніе выслушати эту новостъ. Онъ подалъ знакъ одному изъ своихъ вожапыхъ, и шощъ прочилалъ комедію однимъ духомъ. Въ продолженіе чшенія, авторъ глазами, киваньемъ головы, движеніемъ здоровой руки, подкрѣплялъ слухъ шѣхъ выражений, кошорыя самому ему нравились. Игривостъ ума не оставляла его и при болѣзненномъ сосшояніи шѣла; не смошря на шрудностъ разказа, онъ засшавлялъ насъ не однажды смѣяшсь. По словамъ его, во всемъ уѣздѣ, пока онъ жилъ въ деревнѣ, удалось ему найши одного шолько липшерашора, городского почтмейстера. Онъ выдавалъ себя за жаркаго почтшателя Ломоносова. Кошорую же изъ одъ его, спросилъ Фонъ-Визинъ, признаете вы лучшею? — Ни одной не случилось чипашъ, отвѣтшсшвовалъ ему почтмейстеръ. »За шо, продолжалъ Фонъ-Визинъ: доѣхавъ до Москвы, я уже не зналъ, куда мнѣ дѣвашься опгъ молодыхъ спшхшпворцевъ. Опгъ ушра до вечера они вокругъ меня роились. Однажды докладываюшъ мнѣ: пріѣхалъ сочинштель; приняшъ его, сказалъ я, и чрезъ минушу входилъ Авшоръ съ пукомъ бумагъ. Послѣ первыхъ привѣтшсшвій и оговорокъ, онъ просилъ меня выслушати Трагедію его *въ новомъ вкусѣ*; нечего дѣлалъ: прошу его садилъся и чипашъ. Онъ предваряетъ меня, что развязка Драмы его будетъ совсѣмъ необыкновенная. У всѣхъ Трагедій оканчиваюшся добровольнымъ или насильсшвеннымъ убійсшвомъ, а его Героння или главное лице — умретъ есшсшвенною смершю. — »И въ самомъ дѣлѣ, заключилъ Фонъ-Визинъ, Героння его опгъ акша до акша чахла, чахла, и наконецъ издохла.«

Мы разспались съ нимъ въ одиннадцать часовъ вечера, а наущро онъ уже былъ въ гробъ!

Между извъспными шого времени поэмами, пощавшими Державина, къ удивленію моему ни однажды не сходился я съ Княжнинымъ и Пешровымъ. Перваго по крайней мѣрѣ видалъ я въ театръ, а послѣдняго никогда не зналъ, хощя и живаль съ нимъ въ одномъ городѣ; оды его и шогда были при Дворѣ и у многихъ словесниковъ въ большомъ уваженіи, но публика знала его едва ли не по наслышкѣ, а Державинъ и приверженные къ нему поэшы хощя и не ошказывали Пешрову въ лирическомъ шаланшѣ, но всегда ошпанавливались болѣе на жеспкосши сшиховъ его, чѣмъ на изобилии въ идеяхъ, на возвышенности чувствъ и силъ ума его. Чшо же касается до меня: я желалъ бы большаго благозвучія сшихамъ его, но всегда пощипалъ въ немъ одного изъ первокласныхъ и ученѣйшихъ нашихъ поэшовъ. По моему мнѣнію, лучшія изъ его прозведеній двѣ оды: одна на сожженіе Турецкаго флота при Чесмѣ, другая къ Графу Г. Г. Орлову, начинающаяся сшихомъ:

Защришникъ спрогого Зионова закова...

и элегія или пѣснь на кончину Князя Пошемкина. Онъ испоцилъ въ ней всѣ красосы поэзіи и орапорскаго искуства. Менѣе всего онъ успѣлъ въ саширическомъ и шупливомъ родѣ. Въ нѣжномъ писалъ онъ мало, но съ чувствомъ. Въ примѣръ шому можно привесши на память сшихи его на рожденіе дочери; они оканчивающся слѣдующимъ обращеніемъ къ его супругѣ:

О Ангель, спражъ семьи! шы вѣчно для меня,
 Одна въ подсолнечной, красавица, прелесша,
 Машъ испинная чадъ,
 Живой источникъ мнѣ ошрадъ,
 Всегда любовница, всегда моя невѣста!

Какое глубокомысліе, кака я нѣжноспъ, испина и прощюша въ послѣдемъ сшихъ!

Н. А. и О. П. Львовы; А. Н. Олений и П. Л. Вельяминовъ составляли почти ежедневное общесство Державина. Здѣсь же познакомился я и съ Васильемъ Васильевичемъ Капнишомъ. Онъ по нѣскольку мѣсяцевъ проживалъ въ Пешербургъ, прїѣзжалъ изъ Малороссіи, его опчизны, и веселымъ опшроуміемъ своимъ, вопреки меланхолическому пону спиховъ его, всегда оживлялъ нашу бесѣду.

Но я еще болѣе находилъ удовольствія бытъ одному съ хозяйномъ и хозяйкою. Катерина Яковлева, первая супруга Державина, дочь кормилицы Императора Павла и Поршугальца Баспидона, камердинера Пепра Трешьяго, съ пригожесствомъ лица соединяла образованный умъ и прекрасныя качества души, шакъ сказашъ, любовой (*) и возвышенной. Она плѣнялась всѣмъ изящнымъ, и не могла скрывать опвращенія своего опъ всего низкаго. Каждое движеніе души обнаруживалось на миловидномъ лицѣ ея. По горячей любви своей къ супругу, она съ живѣйшимъ участіемъ принимала къ сердцу все, что ни опносилось до его благосостоянія. Авшорская слава его, успѣхи, неудовольствія по службѣ, были какъ будто ея собственныя. Однажды она провела со мною около часа наединѣ; кто же повѣришь мнѣ, что я во все это время шолько слушалъ, и о чемъ же? она рассказывала мнѣ о разныхъ неудовольствіяхъ, преперпѣнныхъ мужемъ ея въ бытность его Губернаторомъ въ Тамбовской Губерніи; говоря же о томъ, не однажды опирала слезы на глазахъ своихъ.

Воспитаніе ея было самое обыкновенное, какое получали тогда въ приватныхъ учебныхъ заведеніяхъ; но она по выходѣ въ замужство приспраслилась къ лучшимъ сочиненіямъ Французской и Опечесшвенной Словесности. Въ общесствѣ друзей своего супруга, она пріобрѣла вѣрный вкусъ и здравое сужденіе о красотахъ и недоспашкахъ сочиненія; опъ нихъ же, а болѣе опъ

(*) Почему бы не ввести этого слова? Мы говоримъ же: честоплюбивый, самолюбивый и проч. *Мих. Дл.*

Н. А. Львова а А. Н. Оленина, получила основательныя свидѣнія въ музыкѣ и архитектурѣ.

Въ примѣръ добраго ея сердца, расскажу еще одинъ случай: жена, мужъ и я сидѣли въ его кабинетѣ; они между собою говорили объ домашнихъ дѣлахъ, объ спаринѣ; дошли наконецъ до Казани, опчизны Поэта. Каперина Яковлевна вспомнила покойную свекровь свою, начала хвалить ея добрыя качества, ея къ нимъ горячность, наконецъ спала шужить, для чего они опкладывали свиданіе съ нею, когда она въ послѣднемъ письмѣ своемъ такъ убѣдительно просила ихъ пріѣхать, навсегда съ нею просидѣться. Поэтъ вздохнулъ и сказалъ жепѣ: «я все опкладывалъ, въ ожиданіи мѣста, (Губернапорскаго); думалъ, уже получаю его, испросилъ воппускъ, и съѣздишь въ Казань.» При эпомъ словъ оба спали обвиняли себя въ честолюбіи, хвалили покойницу, и оба заплакали. Я съ умиленіемъ смопрѣлъ на эшу добросердечную чепу. Молодая супруга, пипидесятилѣтній супругъ, оплакивають, одна свекровь, другой машъ — и чрезъ нѣсколько лѣтъ по ея смерти!

Державинъ любилъ вспоминать свою молодость. Вопъ что я опъ него самого слыпалъ: опецъ его былъ помѣщикъ Уфимской *Провинціи*, составлявшей тогда часть Казанской *Губерніи*. Самъ же онъ, обучаясь въ Казанской Гимназіи, обратилъ на себя вниманіе Директора ея Михайлы Ивановича Веревкина, успѣхами въ рисованіи и черченіи плановъ, особенно же работы его порпшетомъ Императрицы Елизаветы, святымъ проспымъ перомъ съ гравированнаго вспампа. Эпомъ порпшетъ предспавленъ былъ Куратору Московскаго Университета, Ивану Ивановичу Шувалову. Державинъ взялъ былъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ другими опличными учениками и записанъ Гвардіи въ Преображенскій полкъ рядовымъ солдатомъ. Опецъ его былъ хопя не изъ бѣдныхъ Дворянъ, но, по тогдашнему обыкновенію, при оппускѣ сына не слишкомъ надѣлилъ его деньгами, почему онъ и принужденъ былъ пойти на хлѣбъ къ семейному солдату: эпо

значило имѣшь съ хозяиномъ общій обѣдъ и ужинъ за условленную цѣну, и жишь съ нимъ въ одной свѣщлицѣ, раздѣленной перегородкою. Человѣкъ умный и добрый всегда поладить съ выпавшимъ жребіемъ на его долю. Солдатскія жены, видя его часпо съ перомъ или за книгою, возымѣли къ нему особенное уваженіе, и спали поручашь ему писать грамопки (письма) къ ошсущствующимъ роднымъ своимъ. Онъ служилъ имъ нѣскольکو мѣсяцевъ безкорыстно перомъ своимъ, но попомъ сдѣлалъ имъ предложеніе, чшобъ онъ за его имъ услуги, уговорили мужей своихъ ошправлять въ очередь его рошную службу: спояшь за него на рошномъ дворѣ въ караулъ, ходишь за провіаншомъ, разгребашь снѣгъ около сѣзжей или усыпашь пескомъ учебную площадку. И жены и мужья на шо согласились.

Къ числу примѣчательныхъ случаевъ въ солдатской жизни Державина, поспѣшимъ прибавишь, чшо авшоръ Оды къ *Фелиць* споялъ на часахъ въ Пешерговскомъ дворцѣ, въ шу самую минушу, когда Екатерина ошправилась изъ него въ Пешербургъ....

Въ шо же время началъ онъ спихошворствовать. Кшо бы могъ ошгадашь, какой былъ первый онышь шворца *Водопада*? переложеніе въ спихи, или лучше сказашь на *рифмы*, площадныхъ *прибасокъ* нащепъ каждаго Гвардейскаго полка! Попомъ онъ обратился уже къ высшему риемованію, и переложилъ въ спихи нѣскольکو начальныхъ спраниць *Телемака*, съ Русскаго перевода. Когда же узналъ правила Поэзіи, шо взялъ въ образецъ Ломоносова. Между пѣмъ чипалъ въ оригиналъ Геллерша и Гагедорна. Кромъ Нѣмецкаго, онъ не зналъ другихъ иношпранныхъ языковъ. Древніе классическіе Поэшы, Ишаліянская и Французская Словесношь извѣстны ему спали въ послѣдующіе годы по однимъ шолько Нѣмецкимъ и Русскимъ переводамъ.

Въ продолженіи ушперь-ошцерской службы его случилось ему бышь въ Москвѣ; шогда Сумароковъ, еще въ

полномъ блескъ славы своей, разсорился съ содержателемъ вольнаго Театра и главною Московскою актрисою. Онъ жаловался на нихъ Начальствующему въ Споницъ Фельдмаршалу Графу Пешру Семеновичу Салышкову. Не получа же ошъ него удовлетворенія, принесъ жалобу на самого его Имперашрицъ. Екаперина благоволила удостоишъ его ошвъшомъ; но въ Рескрипшъ Своемъ дала ему почувшвовашъ, что для Нея пріяшнѣе видѣть изображение страстей въ драмахъ его, нежели читать ихъ въ письмахъ. Съ эшого Рескрипша пошли по рукахъ списки; всъ шолковали его не въ пользу Сумарокова. Раздраженный Поэшъ излилъ горесшъ и желчь свою въ Элегіи, въ кошорой особенно замъчашеленъ былъ слѣдующій стихъ:

»Екатерину врю: проснись Елизавета!..«

Элегія была погда же напечатана, не смопря на эшопшъ стихъ и многіе колкіе намеки на счешъ Фельдмаршала.

Вмѣшшъ съ нею выпустилъ онъ еще эпиграмму на Московскихъ вѣсповщиковъ :

„На мѣсто соловьевъ, кукушки здѣсь кукующъ,
И гнѣвомъ милосши Діаны шолкующъ,“ и пр.

Державинъ, Поэшъ еще неизвѣспный, испуясь за Москвичей, сдѣлалъ на эшу эпиграмму пародію, и распустилъ ее по городу. Онъ выспавилъ на ней шолько начальныя буквы имени своего и прозванья. Сумароковъ хлопчешъ какъ бы по нихъ добрашъся до сочинителя. Указывающъ ему на одного Секрепаря - риешопворца. Онъ скачешъ къ неповинному незнакомцу, и приводитъ его въ шрепешъ своимъ негодовашиемъ.

Въ скоромъ времени послѣ шого смѣлый Державинъ успѣлъ познакомишъся съ Сумароковымъ; однажды у него обѣдалъ и мысленно ушѣшася шѣмъ, что хозяинъ ниже подозрѣвалъ, что прошивъ его сидишъ и

пируешъ съ нимъ пошъ самый, который сполько раздражилъ желчь его.

Въ дополненіе характеристики достойно уважаемаго нами Поэта, сообщу еще объ одномъ случаѣ, рассказанномъ мнѣ Елизаветою Васильевою Херасковой, супругой шворца *Россiяды*, нынѣ споль нагло унижаемой, по слухамъ и эгоизму, молодымъ поколѣніемъ

Въ семь сотъ семдесятъ пятомъ году, когда Дворъ находился въ Москвѣ, у Хераскова былъ обѣдъ. Между прочими гостями находился Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, извѣстный по Двору и Литтературѣ. За сполемъ вспомнили объ одахъ, вышедшихъ на случай прибытія Императрицы. Началась всѣмъ имъ оцѣнка, большею частію не въ пользу лирикамъ. Но всѣхъ болѣе крипикована была Ода *какого-то* Державина. Это были почныя слова крипика. Хозяйка шолкаешъ Елагина въ ногу. Онъ не догадывается и продолжаетъ говорить объ Одѣ Державинъ, бывшій тогда уже гвардіи Офицеромъ, молчашъ на концѣ сполы, и весь рдѣешъ. Обѣдъ окончился, Елагинъ смушился, узнавъ свою неосторожность. Хозяева ищупъ Державина, но уже проспымъ и слѣдъ его.

Проходишъ день, два, три, Державинъ прошивъ обыкновенія своего не показывается Херасковымъ. Между шѣмъ какъ они шужашъ и собираются навѣспившъ оскорбленнаго Поэта, Державинъ съ бодрымъ и веселымъ видомъ входилъ въ гостиную: обрадованные хозяева удвоили къ нему ласку свою, и спрашиваютъ его, опчего они шакъ долго съ нимъ не видались? »Два дня сидѣлъ дома съ закрытыми спавнями, опвѣчалъ онъ, и все горевалъ объ моей Одѣ; въ первую ночь даже не смыкалъ глазъ моихъ; а сего дня рѣшился вхашъ къ Елагину, заявивъ себя сочинителемъ осмѣянной имъ Оды и показавъ ему, что и дурной лирикъ можешъ бытъ человекомъ порядочнымъ и заслуживъ его внима-

ше. Такъ и съѣлъ. Елагинъ былъ разпроганъ, осыпалъ меня ласками, упросилъ оспашься объѣдашь, и я прямо опшуда къ вамъ.»

Заключу, наконецъ, двумя черпами его простодушія, кошорое и посреди соблазновъ, окружающихъ Вельможъ, никогда и ничѣмъ не было въ немъ заглушаемо.

Державинъ былъ уже Сшашсъ-Секретаремъ. Однажды слуга входяшь въ кабинетъ его съ докладомъ, что какой-шо живописецъ просишь позволенія войти къ нему. Державинъ, принявъ его за челобитчика, приказываетъ шопчасъ позвать его. Входитъ румяный живописецъ, начинаетъ высокопарною рѣчью извиняшь свою дерзость, произшедшую, по его словамъ, *единственно отъ непреодолимаго желанія насладиться лицеэртніемъ великаго мужа, знаменитаго стихотворца* и проч. Попомъ бросается цѣловать его руки. Державинъ хотѣлъ опплатишь ему поцѣлуемъ въ щеку. Живописецъ повисъ къ нему на шею и на силу выпустилъ его изъ своихъ объашій. Наконецъ онъ вышелъ изъ кабинета, ушпирая слезы восторга, поднимая руки къ небу и осыпая хозяина хвалами. Я примѣнилъ что это явленіе не непріятно было для простодушнаго Поэта.

Черезъ два или шри дня, живописецъ опять приходилъ и возобновляется прежняя сцена; хозяинъ съ шѣмъ же покорствомъ выносилъ доуки госпя, который спалъ уже смѣле. Черезъ день по же. Хозяинъ уже съ печальнымъ лицомъ просишь у пріятелей совѣта, какъ бы ему освободишь опъ возливаго своего поклонника. Послѣдовалъ единогласный приговоръ : *отказывать*.

Въ другой разъ около шого же времени, я иду съ нимъ по Невской набережной. Чей это великолѣпный домъ? спрашиваетъ онъ меня, проходя мимо дома Принцессы Баряшинской-Голшнейнъ - Бекъ ; я сказываю. — Да она въ Ишалии, кто же шеперь занимаетъ его? — Нанялъ Иванъ Пешровичъ Осокинъ.—Осокинъ! подхватилъ

опъ, зайдемъ , зайдемъ къ нему!.... и съ эпіимъ словомъ не ожидая моего согласія , поворопилъ на дворъ, и уже всходишь на лѣспницу. Мнѣ легко было за нимъ послѣдовать , ибо я давно былъ знакомъ съ Осокинымъ. Хозяинъ изумился, опоропѣлъ, увидя у себя новаго Вельможу, съ кошорымъ уже нѣсколько лѣтъ нигдѣ не встрѣчался. Державинъ бросаешя цѣловашъ его, напоминаешъ ему объ ихъ молодоспи , объ спаринномъ знакомствѣ. Хозяинъ же полько съ почщипельнымъ молчаніемъ или съ коропкими ошвѣтмами кланяешя, и подносишь намъ кубки шампанскаго. Чрезъ полчаса мы съ нимъ разспались , и вошъ развязка внезапнаго нашего посъщенія.

Опецъ Осокина имѣлъ суконную фабрику въ Казани ; сынъ его въ молодыхъ лѣсахъ , по какимъ-то домашнимъ дѣламъ жилъ въ Пешербургъ. По склонности своей къ чпенію Рускихъ книгъ , онъ познакомился съ именьпыми пого времени Словесниками : съ Піяшою и Филологомъ Тредіаковскимъ, съ прозаиспомъ Карьякомъ Кондраповичемъ , и ихъ учениками. Онъ заводилъ для нихъ пирушки , приглашая всякой разъ и земляка своего Державина , кошорый былъ шогда еще капраломъ. Кондраповичъ привозилъ иногда и дочь свою. Она восхищала хозяина и гостей игрою на гусляхъ и была душою бвседы. Молодой Осокинъ и самъ спихошворшвовалъ. Я чисалъ его паспушескую пѣсню, ошысканную добрымъ Державинымъ въ своихъ бумагахъ.

Поэштъ , рассказывая мнѣ на обратномъ пуши объ спаринномъ своемъ знакомствѣ, не позабылъ прибавишь, что Осокинъ шогда помогалъ ему въ нуждахъ и часпо ссужалъ его деньгами. — Почитапели Державина ! я не въ силахъ былъ говоришь вамъ объ его Геніи , по крайней мѣрѣ въ двухъ или шрехъ черсахъ показалъ его сердце....

О СЛАВЯНОРУССКИХЪ ЛИРИКАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ ПОКОЙНАГО МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО ЕВГЕНІЯ ДЛЯ Г. Р. ДЕРЖАВИНА.

Поэзія, музыка и пляска суть при самыя древнѣйшія дщери воображенія челоувѣческаго, и не было народа, даже и между дикими, у коего бы не находимы были оныя: всѣ народы, прежде нежели научились писашь, имѣли уже пѣсни. Ихъ законы, испоріи, похвалы богамъ и героямъ воспѣваемы были прежде описавій въ книгахъ, и ихъ первые порывы восхищенія изображались пѣніемъ и пляскою.

Посему нѣтъ сомнѣнія, что и предки наши, Славяне и Руссы, имѣли у себя издревле пѣснопѣвцевъ. Но кто они были? Мракъ невѣдѣнія сокрываетъ оныя насъ имена ихъ. Нѣкошорыя народныя пѣсни воспоминають намъ о пѣснопѣніяхъ при пиршествахъ Князей нашихъ: Владиміра, Ярослава и другихъ. Но и сіи оспалки носять на себѣ печать произведенія ближайшихъ къ намъ временъ. Пѣснопѣвецъ Полку Игорева сохранилъ намъ память о нѣкоемъ *Боянѣ*, кошораго называетъ онъ *словьемъ стараго времени и внукомъ Велесовымъ*. Въ краткихъ, но выразишельныхъ словахъ описываетъ онъ его парящій геній, говоря: »Боянъ бо въщій, аще кому хо-»
»пьяше пѣснь шворипи, распскашесе мыслию ко древу,
»сърымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ обла-»
»ки — и свои въщи перспы на живыя спруны вкла-»
»даху. Они же сами Княземъ славу рокошаху.« И пакъ вопъ первый извъспный намъ Славенорусскій лирикъ, кошораго однакожь ни сочиненій, ни жизни и ни вѣка мы не знаемъ.

Пѣсни полку Игореву, имѣющей на себѣ признаки древности, хотя и не слишкомъ опдаленной, не извъспненъ пакже намъ ни шворецъ, ни вѣкъ. Но пѣснь

сія есьць большае Эпічнае, нежэлі Лірычнае швореніе.

Древнія Русскія Стихотворенія, пзданныя Г. Ключаревомъ съ изуспныхъ предаій, предспавляюць намъ смьсь древнихъ произшествій и обычаевъ съ новьйшими, и всь почши соспоагъ изъ повшоренія одинакихъ каршинъ, въ копорыхъ при всемъ шомъ замьсны порывы сьверной Скандинавской Лірычэской Поэзіі. Къ нимъ же опнесши можно многія спаринныя Русскія народныя пьсни, до насъ дошедшія, въ коихъ сравненія и пршвивоположенія, загадки, аллегорія, смьбля мешафоры, прспонародныя поговорки и хвасповспво удальспвомъ соспавляюць шакже опшличительное свойство сьверной Поэзіі.

За ними сльдуець положиць *канты*, большаю частію сочиненныя для пьнія въ Малороссіі. Вкусъ сихъ стихопвореній заимспванъ изъ Польши, завладьвшей съ 15 вька Малороссіею. Различіе каншовъ опъ спаринныхъ нашихъ пьсенъ, кромъ содержанія, соспоиць еще и въ шомъ, что каншы писаны почши всь силлабическою прсодіею, или щепомъ слоговъ безъ скансіа, по правиламъ Польской щіпшики: а пьсни сочинены поническою спихопворною прсодіею изъ Дакшилей и Анапесшовъ, смьшанныхъ иногда съ Ямбами и Хорейми.

Въ семъ соспоаніі находилась наша Лірычэская Поэзія до XVIIIго спольшіа, а въ первыхъ годахъ сего спольшіа Князь Аншюхъ Каншеміръ около 1727, и въ шо же почши время Тредіаковскій, начали писать пьсни въ новомъ вкусъ, по примьру Французскихъ, но спаринною же силлабическою прсодіею. Тредіаковскій однакожь около 1728 году опважился написашь нькопорыя пьсни и спансы мьрпыми хорейчэскими спихами, а въ 1730 году написалъ первую пьсь на корнованіе Императрицы *Анны Іоанновны* щесшиспопными и прехспощыми ямбами. Въ 1732 году поздравительную пьсь

на *Новый годъ* — хореодакцилическими стихами, пѣшую при Дворѣ съ музыкаю. Но въ 1734 году издалъ подражательную Боалу оду о сдачѣ города Гданска оплтъ syllабическаго просодіею, съ присовокупленіемъ *разсужденія объ одѣ*. Послѣ уже оду сію передѣлалъ онъ чешырехстопными хорями, какъ напечатана она въ собраніи его сочиненій 1752 года.

Такимъ образомъ Тредіаковскій есть первый шворецъ Россійской оды, хотя и въ неочищенномъ еще вкусѣ и языкѣ. Послѣ сего уже написалъ Сумароковъ первую свою хоренческую оду, возбудившую въ соотчичахъ истинный духъ Лирической Поэзіи. Ломоносовъ показался послѣ нихъ (1739), и возвелъ сей родъ шворенья на Русскомъ языкѣ до высшей спешени. Примѣры ихъ произвели многихъ подражателей въ одахъ, спансахъ, пѣсняхъ и прочихъ Лирическихъ стихопвореніяхъ. Сумароковъ больше всѣхъ оспавилъ образцовъ на всѣ сіи роды, хотя и не во всемъ превосходныхъ, — и припомъ далъ Русскому пташру первыя Русскія оперы. Миллеръ, съ 1755 года начавшій издавать первыя въ Россіи *ежемѣсячныя сочиненія*, далъ случай нѣкопорымъ изъ молодыхъ людей опкрыть свои Лирическія способности, и мы между ими, крокъ Тредіаковскаго, Сумарокова и Ломоносова, находимъ уже многихъ. Съ 1759 года Сумароковъ началъ издавать свой *Журналь, Трудолюбивую Пчелу*, а съ 1761 года Херасновъ *Невинное увеселеніе*: въ нихъ помѣщали они свои и чужіе Лирическіе стихи. Послѣдовавшія попомъ ежемѣсячныя и ежедневныя изданія въ Санктпетербургѣ и Москвѣ опкрыли еще больше Лирическихъ Писателей. Многія оды ими же напечатаны были и особо на разныя случаи.

Если бы изчислишь здѣсь всѣхъ Русскихъ стихопворцевъ, участвовавшихъ въ Лирическомъ родѣ, то число ихъ было бы весьма велико. Ибо пѣшь стихопворца, кошорый бы не писалъ чего нибудъ Лирическаго. Но я изчисляю здѣсь по хронологическому порядку

только первоначальных, прославившихся преимущественно въ семь родѣ, и нѣкопрыхъ изъ послѣдовавшей имъ.

Тредіаковскій, Сумароковъ и Ломоносовъ, суть у насъ основатели оды и другихъ подлинныхъ Лирическихъ произведеній. *Барковъ, Иванъ* есть первый Лирикъ въ шумливомъ и проницескомъ родѣ. *Аблесимовъ Александръ* есть первый шворецъ національной Русской оперы. *Херасковъ Михаилъ* есть первый нацѣ писатель въ Философическихъ одахъ. *Петровъ Василій* есть первый шворецъ вольныхъ одъ и пѣсней лирическихъ разнаго рода въ видѣ каншашъ. Изъ послѣдовавшихъ имъ писателей извѣстнѣе другихъ въ одахъ торжественныхъ: *Богдановичъ Ипполитъ, Костровъ, Клушинъ, Лабзинъ, Пнинъ и Карамзинъ*. Въ одахъ разнаго рода: *Бобровъ, Дмитриевъ, Капнистъ, Карабановъ, Князь Голенищевъ-Кутузовъ, Графъ Хвостовъ*. Въ нравственныхъ и шумочныхъ: *Алексій Хвостовъ, Осиповъ, Князь Иванъ Долгоруковъ*. Въ операхъ: *Князь Горчаковъ и Княжнинъ*. Въ пѣсняхъ: *Пелединскій-Мелецкій*. Въ балладахъ: *Жуковский*. Есть и многіе другіе во всѣхъ сихъ родахъ, иногда оказывавшіе свои дарованія.

ПИСЬМО ДЕРЖАВИНА КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ЕВГЕНИЮ.

Ваше Преосвященство

Милосливый мой Архипаспырь!

Извиняюсь мой милосливый Отецъ, что по напечатаніи 3й Часпи моихъ сочиненіевъ, не присылалъ я къ вамъ долго оныя, — хотѣлось мнѣ вмѣстѣ опсправить къ вамъ съ нѣкошорыми произведеніями Званскими, но къ приѣзду моему шуда всѣ непоспѣли, а шолько часпъ, и для шого препровождаю шеперь: 1) Наслѣдіе прапрашюра Багрима, Кипайскіе шеплые сапоги для ношенія вамъ во время холодной службы, 2) моей промышленности стихи, а 3) Дарьи Алексѣевны рукодѣліе, пике для домашняго спальнаго полукашпанья, кошорая къ осени еще кое-что и для наряду уже вамъ пригошопвишь. Прошу принять съ добрымъ сердцемъ, съ каковымъ посланы сіи бездѣлки. Впрочемъ скажу вамъ, что я по замѣчаніямъ вашимъ переправляю шеперь мое разсужденіе о Лирической поэзии. Хочешся издашь цѣлой книжкой. Но скажу по правдѣ, что иныя замѣшки мнѣ не очень нравятся, ибо, кажешся, вы не шакъ-шо справедливо судили. Напр. извѣстно, что Тредіаковскій былъ мужъ ученый и зналъ правила Пинпики и Рипорики, (эшого у него оспорить нельзя, — но шо бѣда, что не шиль шолько вкусу), — шо какъ ему незнашь было правильныхъ ямбовъ, хореевъ, дакшилей и анапестовъ, какъ вы о томъ сказали? То и препровождаю при семь къ вамъ копію съ шого списка, кошорый я вамъ посылаю. Прошу покорно пошрудитесь переправить, какъ имъ бышь должно, и возвращить ко мнѣ. Также педаншскіе раздѣлы Лирическихъ спихошвореній я не очень уважаю, но чшобъ не поднять всю араву школъ на себя, пережвляю, нѣсколько шолько касаясь. Впрочемъ внесу вашу монахию Г-жу Розвейду съ прочими въ породъ авшорами, какъ и Пиндарову древнюю музыку, кошорая по Лексикону, не помню чѣму-шо, давно мнѣ извѣшна была, даже пѣваема и играна, какъ шо не дав-

но и въ прошлыхъ годахъ Г-нъ Боршнянскій въ хоръ для Бесѣды взялъ нѣчто изъ оной. Наконецъ ежели что еще встрѣишися, шо не оставлю отослать къ вамъ для совѣта и благословенія, каковаго испрашивая съ испиннымъ моимъ почпеніемъ и преданносцію пребываю

ВАШЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА,

Милоспиваго моего Архипастыря,

покорнѣйшій слуга

Гавріиль Державинъ.

Іюня 20 го дня

1816 года

С. Званки.

Х о р е й.

Отспа	вала	лебедь	бъла	я
Какъ опгь	спада	лебе	дино	ва.

Хорей съ Дактилемъ.

У ко	лодезя	у спу	денова
Доброй	молодець	самъ ко	ня понль
Красна	дѣвица	воду	черпала.

Д а к т и л ь.

Ярка не	ярка ба	ранъ не	ба	ранъ
Стара о	вечка не	ярино	чка	

Я м б ъ.

Дале	че охъ	дале	че во	чиспомъ	полъ
Не прав	ка не	мурав	ка за	шапа	лася

Ямбъ съ Анапестомъ.

Не шуми	маши	зеле	на дубро	ва ,
Не мѣшай	цвѣсти	лазо	реву цвѣ	шу.

Анапестъ.

Ой пы по	люшко по	люшко чи	спое ,
Ни чево	миъ пы по	ле не ро	дило
Охъ пы ро	дило поль	ко раки	повъ куспъ.

ОТВѢТЪ ДЕРЖАВИНА М. ЕВГЕНІЮ.

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО !

Милосливый государь и благодѣтель :

Лишь только опсправилъ я 4 Іюля мое благодарственное письмо за дары ваши, какъ въ прошъ же вечеръ получилъ и письмо ваше, бывшее при посылкѣ, но задержавшеся какъ-то на почтѣ. И такъ пишу въ другой разъ съ повипореніемъ моей благодарности вамъ и Ея Высокопревосходительству Дарьѣ Алексѣевнѣ. Сапоги я назвалъ было *Киргизкайсацкими*: а теперь, по объявленному оптъ васъ ихъ родословію, будущъ они у меня подъ именемъ *Багримовыхъ*. Но останущя только для домашняго упошребленія, ибо въ публикѣ дѣйспвишельно я показался бы въ нихъ Мурзою или Муллою.

Сверхъ извѣстія о посылкахъ письмо ваше заключаешъ еще вопросы, и прѣбуешъ оптъ меня подспенія

прежнихъ моихъ замѣчаній на нѣкошорыя мѣста вашего *разсужденія о Лирической Поэзіи*. Охотно гошповъ я изъяснишься подробнѣе и ошкровеннѣе, но не вшпоръ, а на рѣшеніе вамъ самимъ, ибо гошповъ и ушпушишь вамъ, какъ учишело въ семъ искусствѣ.

И во первыхъ замѣчаю, что правила родовъ Поэзіи сушь общія для всѣхъ вѣковъ и народовъ. Но правила родовъ Просодіи или спопосложенія должно производишь изъ свойсшва языковъ. Нѣкошорые народы вовсе не имѣють спопосложенія, какъ напр. Французы, Испанцы, Ишпаліянцы и Англичане, и пошому у нихъ шолько Поэзія, а не Просодія, развъ Просодіею назовушь они шолько свой шепъ слоговъ. Но другіе народы, какъ напр. Греки, Римляне, Нѣмцы, Русскіе и многіе Азіашцы имѣють не шолько Поэзію, но и Просодію.

Я сказалъ уже, что Просодію или спопосложеніе должно производишь изъ свойсшва языковъ. Ибо не всѣмъ языкамъ свойсшвенно одинакое спопосложеніе. Я это обьясню сравненіемъ Русскаго языка съ Греческимъ и Римскимъ.

1. У Грековъ и Римлянъ односложныя слова всякаго рода бывають иныя долгія, иныя коропкія, иныя общія: но у Русскихъ всѣ односложныя (кромѣ союзовъ и предлоговъ) сушь сущешвенно долгія.

2. Въ Греческихъ и Римскихъ словахъ двосложныхъ оба слога могутъ бышь либо долгіе, либо коропкіе, либо одинъ долгій, а другой коропкій: но въ Русскихъ двосложныхъ всегда одинъ шолько слогъ долгій, а другой коропкій.

3. Въ Греческихъ и Римскихъ шросложныхъ, чешверосложныхъ и болѣе могутъ бышь всѣ слоги долгіе, и всѣ коропкіе, или по нѣскольку долгихъ и по нѣскольку коропкихъ слоговъ: но въ Русскихъ шросложныхъ, чешверосложныхъ и болѣе всегда одинъ шолько слогъ долгій, а прочіе всѣ коропкіе.

Изъ сего различія происходишь то , что нашему языку свойственны только Спондеи, (и то только изъ односложныхъ словъ), Ямбы, Хореи, Дактили и Анапесны. Но у Грековъ и Римлянъ до шридцапи родовъ спопосложений. 2) У насъ не всякое слово можеть входишь въ стихопворенія: а у нихъ всякое. А множествво корошкихъ или долгихъ слоговъ, либо неправильный размеръ стиховъ, заглушала у нихъ музыка, всегда соединявшаяся со стихами. А наше стихопвореніе, разлученное отъ музыки, не имьеть уже сей выгоды.

Не смотря на все сіе различіе, наши первые учили спопосложенія: Тредіяковскій и Ломоносовъ, напужно пянулись за Греческою и Римскою Просодією вопреки свойству своего языка, и отъ того-то 1е односложныя слова, по нашуръ у насъ долгиа, дѣлали они корошкими; 2е часпо въ двусложныхъ словахъ оба слога дѣлали корошкими; а иногда корошкій долгимъ, а долгій корошкимъ; 3е въ шресложныхъ, чешверосложныхъ и болъе слогахъ дѣлали по нѣскольку слоговъ долгихъ изъ корошкихъ. Я объясню это примѣрами.

У Ломоносова въ числѣ Ямбовъ стоить стихъ:

Онъ Богъ, онъ Богъ швой былъ Россія!

Но это Спондеи, а не Ямбы.

У него же въ числѣ Хореевъ:

Господи кто обидаетъ:

Но это Дактили, а не Хореи.

У него же тамже въ числѣ Хореевъ:

Презираетъ всѣхъ лукавыхъ:

Но это Анапесны съ Хореями.

Теперь взгляните и на присланный мнѣ вами списокъ Тредіяковского стиховъ, размѣченныхъ мною по слогамъ, и сами посудите, Хореи ли это:

Ошспавала лебедь бялая?

Хорей ли съ Дакшиломъ :

У колодезя у спуденова ?

Всѣ ли Дакшили :

Спара овечка не яриночка ?

Ямбы ли съ Анапеспомъ :

Не шуми маши зелена дуброва ?

Всѣ ли Анапесшы :

Ой шы полюшко, полюшко чистое ?

Кшо далъ имъ право дѣлать и называшъ короткое долгимъ, а долгое короткимъ? Кшо далъ имъ власть перековеркивать ударенія, какихъ Русскій народъ до нихъ и неслыхивалъ? Ломоносовъ, привязавшійся только къ Ямбама и Хорейма, принужденъ былъ вписывать въ сіи рамки всѣ слова. Но многія по Русскому упрямству ложились у него очень рогато, а особливо многосложныя, по повелѣнію его стихотворства, съ двумя и прѣма долгими удареніями, которыхъ ошъ роду не давала имъ ни Грамматика, ни употребленіе. Онъ просперъ своевольство даже и прошивъ силы иношранныхъ словъ, и въ его стихахъ должна была *Азія* лечь *Азією* въ рѣму съ Россією.

Упрямство многосложныхъ наипаче словъ самъ онъ чувствовалъ, и, сколько можно, бѣгалъ ихъ. Въ прекрасномъ и образцовомъ своемъ размышленіи *Вечернемъ* у него нѣтъ словъ болѣе прѣсложныхъ; и потому-шо сіе стихотвореніе очень плавно; однакожь и шуптъ часто односложныя долги у него идушъ за короткія. Вы скажете, какъ же можно писать порусски испинными Ямбами и Хорейми? и я скажу, что весьма шрудно и гораздо шруднѣе, нежели Дакшилами и Анпесшами, которые сходиве нашему языку, какъ и праѣдовскіе наши простолюдинные стихотворцы за-

мѣшили. Не смотря на то нынѣ у насъ больше писцовъ на первые, нежели на послѣдніе. Въ оправданіе имъ нечего сказать, кромѣ Гораціева ироническаго однакожъ ошвѣта (въ стихопв. наукѣ, сп. 10 и 11). *Вѣдь стихотворцамъ и живописцамъ всегда позволялось де на все отваживаться: а зная это и мы, де, просимъ извиненія, и сами извиняемъ другихъ.* Эшо Русская половица: *Рука руку моетъ.*

Если не хопише слѣдовашъ вѣками уже ушвердившемуся школярному раздѣленію родовъ Лирическаго стихопворенія, то пусть будетъ по вашему совершенно новому раздѣленію по Авторамъ. Но не забудьте, что въ свѣтъ естъ Бавин и Мевин, кошорые незахопяшъ удѣлитъ своего прозвища сочиеніямъ, или по крайней мѣрѣ не славно будетъ имъ пакое прозвище. Три только Лирика первые въ свѣтъ: Давидъ, Пиндаръ и Горацій, но не во всѣхъ Лирическихъ родахъ они писали; да и въ ихъ родахъ кпо осмѣлился съ ними сравнивать кого нибудь, да кпо досель умѣлъ опредѣлить все ихъ достоинство и различіе?

Хорошо, что вы рѣшились ношы Пиндаровой оды и гимна нельзя напечатать. Подлинникъ напечатанъ при второмъ томѣ Руссова музыкальнаго Словаря на француз. языкъ — корректуру можете хоть ко мнѣ прислать.

На всѣ ваши вопросы и задачи гоповъ я вамъ отвѣчать опкровенио; а спорить не буду.

Съ искреннимъ почипаніемъ и преданностію навсегда Вашему Превосходительству покорныйшій слуга Е.

Эшошъ ошвѣтъ не заспалъ въ живыхъ Державина, скончавшагося 8го Юля.

ПОДОЗР'ЯНІЕ О БОГДАНОВИЧѢ.

(Изъ записокъ одного заслуженнаго Литтератора).

... Покойный мой ошець жилъ въ Пешербургѣ, когда явилась *Душенька* И. Богдановича. Извѣспно, какъ она поразила всѣхъ. Но шогда же носилась молва, что Богдановичъ въ созданіи ея ни мало не участвоваль. Жилъ-де у него подъ прошекцію молодой человекъ, поручившій себя руководству шакому именишому писателю, какъ Богдановичъ. Ипполитъ Федоровичъ эшого молодого человека выдаваль за переписчика своихъ сочиненій, а молодой человекъ, уже въ своемъ кругу, шайкомъ чипаль и свои сочиненія, на кошпорья дерзаль, въ шомъ числѣ чипаль и опривки *Душеньки*. Эшого молодой человекъ, ошъ заняшій, поперяль здоровье, и вскорѣ умеръ. Всѣ бумаги доспались Богдановичу. Вскорѣ за шѣмъ вышла *Душенька*, и доспавила вѣчную славу Богдановичу за даромъ. Можешъ шакъ говорила зависпъ; но чудно, и еще удивительнѣе, что и современные и посмершныя зависпники упустили замѣчаніе; чудно шо, почему Богдановичъ до *Душеньки*, никогда не писалъ ничего подобнаго, а прославяся *Душенькою*, новымъ родомъ писанія, почему не продолжалъ шакъ писашъ, а продолжалъ все какъ писалъ и до своей славы (*). Извини меня покойникъ! я не изъ зависпниковъ его и не пишу спиховъ, а, воля его, въ *Душенькѣ* не его перо и воображеніе. N.

(*). Но развъ Фонтъ-Визинъ, Гривошдовъ, Бомарше представляюшъ не шакіе же примѣры? Ред.

**ПРОЩАНІЕ СИЛЫ НИКОЛАЕВИЧА САНДУНОВА СЪ С-ПЕТЕР-
БУРГСКОЮ ПУВЛИКОЮ, КАЖЕТСЯ ВЪ 1792 ГОДУ.**

Сегодня въ послѣдній разъ имѣю честь служить мо-
нѣ усердіемъ здѣшнему обществу. За долгъ почитаю,
милоспивые государи и милоспивыя государыни, изъявиль
мою чувспивисльную благодарность за благосклонность,
оказанную мнѣ вашимъ посѣщеніемъ во все время пре-
быванія моего при шеапрѣ.

Служа комическимъ и важнымъ Господамъ
Не имъ я былъ слугой, а былъ я вамъ,
Терпѣль пощочины опъ нихъ, нападки, брани,
Усердія моего къ вамъ были эпо данн.
Я вздоры разные сносиаь, колико могъ!
Заплашишь, говорилъ, за шо мнѣ мой богъ.
Хошя и видипъ онъ, что мнѣ немного шѣсно,
Но миловану бышь имъ право очень лесшно.
Кшожь эпошь царь мнѣ былъ? Кшо знаепъ, что Акперъ,
Топъ вѣдаепъ и шо, что царь его паршеръ.
О! пы шаланшовъ царь, душа дѣвній славныхъ,
Кшорый пребуепъ всегда жрецовъ исправныхъ!
Просши что швой алпаръ оставипъ долженъ я.
Межъ мной и баръ моихъ будъ самъ пы судія!
Что я усерденъ былъ, пы самъ пому свидѣшель.
Служилъ я рабски, былъ я гибокъ какъ слуга;
Но чтожь я выслужилъ? иль брани иль рога.
А дѣвушки мои, пренѣжныя служанки,
Любили вѣрносъ шакъ, какъ испину цыганки.
Въ угодносъ Авшоровъ, забывъ мой спрасшннй спонъ
Пополчивалъ меня рогами Купидонъ.
Хошъ силой авшоровъ шо сдѣладосъ невольню,
Но право опъшого мнѣ было очень больню,
И я невышерна обидныхъ споль досалъ,
Рѣшилъя бросишья эпсель, хошябъ во адъ.
Моя чувспивисельность меня къ опспавкѣ клонипъ.
Вопъ все, что вопъ меня опсель съ шеапра гонипъ.
Теперь иду искашь въ комедіяхъ господъ

Мнѣ коибъ за шруды достойный дали плодъ;
 Гдѣбъ псапральные и графы и бароны
 Не сыпали моимъ Лизешамъ миліоны. (*)
 И кой сердцамъ злшой не дѣлали бы моспъ,
 На шо чшобъ щегольскимъ Криспиновъ сдѣлапъ роспъ.
 Сыщу ли вшо я, иль поискъ мой напрасень,
 Не знаю, но со мной всякъ будепъ въ шомъ согласень,
 Чшо въ драммѣ шой слуга не годень никауда,
 Гдѣ денегъ недаюшъ, да гоняпъ лишь всегда.

АВТОВІОГРАФІЯ ВАСИЛІЯ СЕРГѢЕВИЧА ПОДШИВАЛОВА ().**

Родился я въ Москвѣ, Марта 2го дня, 1765 года, у Николы въ Новой Слободѣ; а началъ учиться у дьячка Казанской Церкви, чшо въ Сущовѣ.

Первой персводъ мой еще ученической былъ: *Аполлодора Аѳинейскаго двѣ книги о богахъ*, опчассти съ Греческаго, не больше съ Лашинскаго, кошорой и напечатанъ содержашелемъ Университетской типографіи Новиковымъ.

За пѣмъ, какъ членъ студентскаго Собранія при Университетѣ, я много участвоваль въ изданіяхъ опъ онаго: *Поколицемя Трудолюбца, Магазиныъ Натуральной Исторіи, Физики и Химіи*, — въ Чтеніи для сердца, разума и чувствованій, въ коихъ довольно разбросано моихъ переводовъ и собшвенныхъ опрышковъ въ прозѣ и стихахъ.

По переходѣ въ Архивъ иноснанной коллегіи, я перевелъ особо *Книгу премудрости и добродѣтели*, или *индійское нравоученіе*. — Эшо ничшо иное, какъ моральная философія, на крапкія главы раздѣленная, и цвѣ-

(*) Эшошъ стихъ опшосиеса ввроятно къ обольщеніямъ одного знаменитаго вельможи времяъ П. ЕКАТЕРИНЫ II.

(**) Издатель обязанъ благодарностію И. М. Снегиреву за сообщеніе этой біографіи одного изъ замѣчательныхъ нашихъ литераторовъ сшараго времени.

пами воспочной поэзи украшенная. Сочинишель извъспный Лордъ Чесперфильдъ, посвящившій ее подъ ложнымъ названіемъ манускрипта, найденнаго въ храмъ Дайламы, Министру Лорду Спенгону.

Тогдажь персвелъ я Каншову *Дѣтскую Психологию*.

Но главный трудъ мой составляеть: 1) *Шираховъ политической Журналъ*, который я лѣтъ съ шесть выдавалъ вмѣстѣ съ профессорами Сохацкимъ и Гавриловымъ; 2) 8 частей *Чтенія для вкуса, разума и чувствованій*; (*) 3) 8 же переводныхъ частей *Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени* (**), гдѣ не мало моихъ ошрывокъ, буквами В. П. означенныхъ и 4) десять книжекъ *Избранныхъ повѣстей Мейснеровыхъ*.

Много моихъ надгробныхъ списковъ, эпиграфій, любовныхъ и другихъ пѣсень, сапирическихъ вылазокъ и проч. *Грѣхъ юности моея не помани!* — Намѣревался я также выдать *Начальныя основанія російскаго слога* въ шрехъ томахъ, помѣсивъ въ 1-мъ основанія сшля логическія, во 2-мъ грамматическія, риторическія и ораторскія, въ шретьемъ поэшическія, раздѣливъ послѣднія также по *принадлежности къ поэзи, правила стоположенія*, (въ письмѣ къ дѣвицѣ Ф. шушочно въ *Препровожденія времени* напечатаны), и *роды стихотвореній*. Матеріалы гоповы; лѣтъ и недоспашокъ времени помѣшали трудъ сей окончить. Между тѣмъ, чшобъ пощупашъ пульсъ у публики, какъ она его приметъ, я заставилъ ученика своего Скворцова, выдать по временамъ мною дикшованный ему *Курсъ Російскаго слога*.

Два раза принимался я сочинить Всеобщую географію; но за смутными временами оспанавливался. Хотѣлъ также выдать *Сокращеніе всѣхъ наукъ*, въ шрехъ томахъ, сдѣлалъ и начало, но по причинѣ разномыслия энциклопедистовъ, а больше за лѣнью и другими дѣлами, оставилъ.

(*) Первая четьре выданы отъ Студенскаго собранія вообще.

(**) Каждую изъ сихъ частей я началъ собственнымъ возгласіемъ.

Есть нѣсколько піесъмонхъ и въ Московскомъ Журналѣ Карамзина, между прочимъ рецензія на Палефата, переведеннаго Туманскимъ.

Переводилъ я охотнѣе съ Нѣмецкаго, чѣмъ съ Французскаго; однакожь много и съ сего послѣдняго помѣщено отрывковъ въ Магазиныъ Натуральный Испоріи, Физики и Химіи. Лексиконъ Бомаровъ часпо бывалъ у меня въ рукахъ; отданы также подъ чужими именами почпи вновь переведенныя мною Сепіпьеровы: *Писель и Виргинія*, индѣйская хижина,

Ноабра 1,
1806 года.

ПРЕДПОСЛѢДНІЕ СТИХИ 70-ЛѢТНЯГО СТАРЦА, КНЯЗЯ
ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА ДОЛГОРУКОВА (*), НАПИСАННЫЕ
ИМЪ ЗА ДВА МѢСЯЦА ДО ЕГО КОНЧИНЫ.

Посланіе къ Н. Д. Иванчину-Писареву.

Въ альбомѣ пишашъ стихи — мое ли право дѣло?
Ты шребуешьъ шого — я присшупаю смѣло;...
Но чшо пишашъ къ шому, кшо шакъ взросшилъ какъ шш
Неувядаемы повзіи цвѣшны,
Кшо смѣлъ [швой слова] близъ ангела молителъ,
И съ образомъ его отъ свѣта удалителъ (**)?
Хощъ два раза почпи я спарѣе шебя,
Но шакъ-же горячо и самъ еще любя,
Довѣренности въ знакъ здѣсь мольбою ошкровенно,
Чшо пламенной любви въ насъ чувствшо неизмѣнно;
Оно еще въ раю, какъ самый даръ благой
Дано Творцемъ міровъ съ безсмертною намъ душою.
Пускай смѣлелся свѣштъ сіи чшшая спроки,
Чшо спарый хрѣнтъ, какъ я, даешъ любви уроки:

(*) Самые послѣдніе, въ которыхъ онъ говоритъ о своей кончинѣ, прощаясь съ друзьями, находится у сына его, Князя Александра Ивановича Долго-рукова, и дочери его, Варвары Ивановны Новиковой.

(**) Ошдосителъ къ однитъ изъ стиховъ хозяина альбома.

За тѣмъ-же нѣтъ? Скажу, душа моя жива,
 Ко сладости любви она еще нова,
 Ее неумеривалась ни времена, ни годы,
 И спарецъ во сно легъ въ пріятный мигъ свободы,
 Способенъ иногда блаженства чашу пить,
 Въ хороводъ проспой все небо заключишь.
 Любовь, кошора насъ по нѣжишь, по превозишь,
 Кошорой изъяснишь ни чей языкъ не можетъ,
 Любовь ешь нашъ удѣлъ, сокровище души,
 Богашство въ нищестѣ — величіе въ глуши;
 Ошь прелесней ея какой мудрецъ спасется?
 Мы любимъ всякой день, доколѣ сердце бьется,
 И даже, признаюсь, подъ крышккой гробовой.
 Мнѣ кажешся шуда сокроешь со мной
 Последняя мечша, послѣдній видъ предмета,
 Кошорый былъ мнѣ здѣсь всего дорожѣ свѣша.
 Законъ души моей въ альбомѣ вмѣщаю пшвой:
 Кшо любишь — шощѣ въ раю; кшо милъ — шощѣ
 богъ земной!

Долгоруковъ.

Апрѣля 12го дня, 1822.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА А. Ф. МЕРЗЛЯКОВА,

къ Издателю въ 1830 г. просившему у него доказательствъ противъ журнальныхъ утверждений того времени о началѣ гекзаметровъ.

.... Гекзаметрами и Амфибрахіями, (какъ вы ихъ называете), я началъ писать тогда, когда Гнѣдичъ еще былъ у насъ въ Университетѣ ученикомъ, и не зналъ ни Гекзаметровъ, ни Пеншаметровъ, и даже не писалъ стихами: — свидѣлся этому Въспникъ Европы и господинъ Воспоковъ, кошорый именно приписываетъ мнѣ первую попышку, въ своемъ разсужденіи о Стихосложніи; шакъ какъ пѣсни мои Русскія въ этой же мѣрѣ были пѣшны въ Москвѣ и Пешербургѣ прежде, не-

жели Дельвингъ существовалъ на свѣтѣ. — Теперь не могу указать пьесы моей въ Вѣспникъ Европы, издаваемомъ, кажется, при Жуковскомъ: но ее можно оптыскашь; въ Вѣспникъ есть многія пьесы этой мѣры, относящіяся къ Павлову времени: на пр. *Призываніе Калліопы на берега Непрядвы* и пр. — Я надѣюсь доспавить вамъ эти пьесы: Побѣдоносцевъ Пётръ Васильевичъ обѣщаль мнѣ найши эти нумера; ибо я теперь собираю все мои сочиненія, чтобы выбратьъ изъ нихъ что нибудь пушиое. —

Гнѣдичъ, бывши здѣсь въ Москвѣ и квартируя у Кокошкина, самъ признавался предъ всѣми, что я первый началъ писать эшимъ родомъ стиховъ, и укорялъ меня за шо, что я послѣ возшавалъ прошивъ нихъ, (спуся лѣтъ десятъ), въ письмѣ моемъ изъ Сибири, чишанномъ въ Собраніи и напечатанномъ: это все знаютъ.

...Просто, сказать вамъ: N. N. умышленно молчишь обо мнѣ, дабы бышь шворцомъ ... и.. предъ журналистами, которые теперь ему нужны. Нынѣ все Липшерашоры позабыли совѣсть, и шоргуюшь всемъ чѣмъ могушь.... А N. N. еще всегда назывался моимъ первымъ почишателемъ и другомъ!....

.

Прощайте, постараюсь вамъ доспавить какъ можно скорѣе, документъ, хотя для меня и бесполезной, но чрезъ это покрайней мѣрѣ докажу, что все N. N. шѣже, M. M.

О СИЛѢ, ОСНОВѢ И ЕСТЕСТВѢ.

(Философическій отрывокъ изъ бумагъ Графа М. М. Сперанскаго) (*).

Философы сами себя положили камень прешыканія опдѣливъ и воплотивъ нѣкоторыя образы бытія, назвавъ ихъ разными именами силъ, основъ, еспеспвѣ и проч.

L'idée des créatures possibles n'est qu'une abstraction réalisée, que nous avons formée, en cessant de penser à l'existence des choses, pour ne penser qu'aux autres qualités, que nous leur connaissons. Nous avons pensé à l'étendue, à la figure, au mouvement et au repos des corps possibles: idée, qui leur ôte toute leur réalité, puisqu'elle les suppose dans le néant, et qui par une contradiction évidente, la leur conserve, puisqu'elle nous les représente comme quelque chose d'étendue, de figure etc. Condillac. Essai sur l'orig. page 157.

Опдѣливъ возможность опъ бытія Философы подвергли себя обоюдному вопросу: *существовала ли до бытія вещей ихъ возможность?* безъ сомнѣнія, скажутъ они, ш. е. безъ сомнѣнія они *имѣли бытіе*, и такъ бытіе и къ возможности прилагается; и такъ оно не есть ничто особенное и опдѣленное въ существѣ, но одинъ только простой образъ возможности, поколику она въ извѣстномъ умѣ предсавляется. И такъ одно предсавленіе даетъ вещи бытіе; слѣд. вещь сама по себѣ его не имѣетъ. Слѣд. все возможно и ничто не существуетъ, или бытіе и возможность есть одно и тоже.

(*) Равнодушіе и хладнокровіе наше удивительны. М. М. Сперанскій признавался безспорно къ небольшому числу приятельныхъ лицъ нашего времени — скажите, гдѣ объ немъ напечатана хотя одна страница? объ его жизни, дѣятельности, образѣ мыслей — словомъ объ чемъ либудь, до него относящемся? Скончался, — и какъ будто его не бывало! За сообщеніе предлагаемаго отрывка изъ спуденческихъ можетъ быть бумагъ нашего Великаго Трибонаиа, Москвитининъ обязанъ почтенному ревнителю опщественной Исторіи В. П. Карамину. Гдѣ

Разлучивъ преходящіе образы бытія опъ образъ неподвижныхъ, раздробивъ единство міра, и каждой объ- емъ глаза представивъ себѣ особливою часпію, Фило- софы, увлеченные законами чувствъ, штилися все видимое привести въ системы; попомъ каждую систему оппор- тнувъ опъ цѣлаго, и забывъ необходимость прерванныхъ ими связей, судили объ нихъ независимо другъ опъ друга, искали всѣхъ премѣнъ эпои причины въ ней самой, и встрѣ- пивъ невозможность все изъяснить въ каждой, не за- жмствуя ничего опъ другихъ, они назвали свойствами *существенными* системы пть, кои ... въ ней, и были опъ нея неопдѣльны, а *случайными* шть, коихъ начало изливалось опъ другихъ системъ. — Невразумились они, что свойства преходящія сполько же суще- ственны, какъ и первыя, что ихъ основа лежитъ на природѣ другихъ системъ, и что всѣ сіи системы въ мірѣ суть едино. Невразумились они и спросили, на чемъ основываются свойства въ существѣ! — Они примѣнили, что свойства между собою сдѣляются, и возмнили, что они другъ опъ друга происходятъ, но надобно сполько обратишь ихъ къ истинному знамено- ванію свойства, нами утвержденному, чтобы рассыпашъ сей мракъ, ихъ окружающій.

Свойства суть образы бытія; слѣд. они всѣ другъ опъ друга независимы, и птьшъ никакой у нихъ *осно- вы*. Въ данное мгновение и для данного чувства всегда птьло имѣетъ какой нибудь образъ бытія, но передвинъ почку зрѣнія, или перемѣни мгновение, перемѣнитсл образъ бытія. Онъ исчезнетъ даже, когда опыметсл чувство его объемлющее, яко отношеніе его поспанов- ляющее. Останетсл сполько возможность представле- нія — а не возможность чувствованія или бытія.

Разстояние между первою и послѣднею черпою дѣйствованія или борьба свойствъ наполняется спихій- ными произведеніями или флюксіями, коихъ соединеніе есть интегралъ дѣйствій.

Отсюда происходитъ, что есть произведенія, опъ причинъ своихъ и временемъ и мѣстомъ удаленныя.

Здѣсь примѣнить также можно, что свойства встрѣнились могутъ въ извѣстномъ опъ пѣль разспояніи: ибо ничто не принуждаешъ насъ полагаши истинные предѣлы пѣла тамъ, гдѣ чувства наши поспознавливаютъ ихъ, ибо предѣлы сіи въ природѣ не существуютъ: все въ ней нераздѣльно. Въ самыхъ обыкновенныхъ понятіяхъ не допускаютъ ли для каждаго пѣла особенную атмосферу? Не лзя ли сказать, что на землѣ естъ солнце, когда дѣйствіе лучей его на нее столь ощутительно!

Изъ сего можно изполковати дѣйствія пѣль на извѣстное разспояніе и всѣ спранныи шаготѣнія, которое въ самомъ дѣлѣ нечто другое естъ, какъ единство или совершенное бытіе вселенной. (*).

(*) Н. В. Возможность вещи есть возможность представленіи: не возможно представить того, что собственное свое понятіе изпроверяешъ, отрицати предметъ и утверждати, слагати: $a + b$ —; или равныя: $+ a = - a$: ибо $+ - = 0 =$ невозможности. Возможно представить, что своего понятія не разрушаешъ, или что само себя утверждаешъ.

Положимъ что *самый* предметъ будешъ a

Когда онъ утверждаетъ себя: то утверждаетъ a .

И такъ a утверждаетъ a .

И такъ во всякомъ утвержденіи предметъ себя сугубитъ положительно, и во всякомъ отрицаніи отрицательно.

И такъ утверждене естъ усугубленіе одново и того же предмета, естъ показаніе лождества двухъ его видовъ. Часто для показанія сего лождества нужно бываешъ виды предмета сравнивати съ другими, и чрезъ то приводитъ ихъ въ уравненіе, что называется доказательствомъ.

И такъ вещь возможно представиши, когда въ двухъ данныхъ видахъ замыкаешъ она одно и то же. Сіе называется истинною логическою.

Вещь возможна, какъ скоро можно ее представиши. Убо возможность вещи естъ лождество ея въ разныхъ видахъ ей приписуемыхъ, естъ истина *метафизическая* или сущность вещи.

Огонь былъ бы холоденъ, естъ ли бы холодъ и огонь были два вида одной и той же вещи.

Убо всѣ сказуемыя, всѣ *свойства* вещи, сущъ самая вещь въ разныхъ образахъ ея бытія.

Если все что мы ни видимъ во вселенной сущъ *свойства ея*: то вселенная естъ великая основа, великой корень, до безконечности сугубляющія въ выраженіяхъ своихъ для глазъ нашихъ.

Доколь два образа бытія не вспрѣщались и не противостали другъ другу, причина и дѣйствіе почищается только *возможнымъ* (въ нашемъ смыслѣ *нижшаго чина*), но съ минушью ихъ противоположенія *причина* называется дѣйствующею, и произведеніе необходимымъ ея *последствіемъ*, ш. е. они получаютъ тогда всю полноту своей возможности.

Противопоставленіе бытій долженствуетъ имѣть свою причину *ближайшую* въ шествіи каждого изъ нихъ къ своему концу, ш. е. въ самомъ бытіи; *отдаленную* въ движеніяхъ и перемѣнахъ другихъ существъ, приведшихъ ихъ въ противоположеніе.

Въ каждомъ явленіи причина ближайшая есть одна; отдаленныя разрѣщаются въ безконечность.

Изъ всего сего видно, что слово *причина* есть отношительное, ибо во всѣхъ понятіяхъ сюда входящихъ, одно только понятіе *бытія* или лучше *возможности* есть существенно и непремѣнимо.

РАСТОПЧИПСКІЯ АФИШКИ

I.

ОТЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ВЪ МОСКВѢ.

Здѣсь есть слухъ и есть люди, кои ему вѣряютъ и повторяютъ, что я запретилъ выѣзды изъ города. Если бы это было шакъ, тогда на заставахъ были бы караулы и по нѣсколько тысячъ карешъ, колясокъ и повозокъ во всѣ стороны не выѣзжали. А я радъ, что барыши и купеческія жены вдушъ изъ Москвы для своего спокойствія. Меньше страха, меньше новостей; но

не лѣзя похвалишь и мужей, и брашневъ, и родню, ко-
шорые при женщинахъ въ будущиѣхъ опсправились, безъ
возврату. Если по ихъ еспь опасносшь, шо несприсшой-
во; а если нѣшь ея, шо спыдно. Я жизнию опшвѣ-
чаю, чшо злодѣй въ Москвѣ не будеспъ, и вошь поче-
му: въ арміяхъ 130 тысячь войска славнаго, 1800 пу-
шекъ и Свѣшлѣйшій Князь Кушзузовъ, испинно Госуда-
ревъ избранный Воевода Рускиѣхъ силъ и надо всѣми на-
чальникъ; у него сзади неспріашеля Генералы Торма-
совъ и Чичаговъ, вмѣспъ 85 тысячь славнаго войска;
Генералъ Милорадовичъ изъ Калуги пришелъ въ Можайскъ
съ 36 тысячами пѣхошы, 3800 кавалеріи и 84 пуш-
ками, пѣшей и конной аршиллеріи. Графъ Марковъ чрезъ
шри дни придетъ въ Можайскъ съ 24 тысячами на-
шей военной силы, а оспальныя 7 тысячь въ слѣдъ за
нимъ. Въ Москвѣ, въ Клину, въ Завидовѣ, въ Подоль-
скѣ, 14 тысячь пѣхошы. А если мало эшаго для по-
гибели злодѣя, тогда ужъ я скажу: ну, Дружина Мо-
сковская! поидемъ и мы! И выдемъ спо тысячь молод-
цовъ, возьмемъ Иверскую Божию Машерь, да 150 пу-
шекъ и кончимъ дѣло всѣ вмѣспъ. У неспріашеля же сво-
ихъ и сволочи 150,000 человѣкъ, кормящя пареною
рожью и лошадинымъ мясомъ. Вопшь, чшо я думаю и
вамъ объявляю, чшобъ иные радовались, а другіе успо-
коялись, а больше еше шѣмъ, чшо и Государъ Импе-
ратшоръ на дняхъ изволишь прибышь въ вѣрную свою
Столицу. Прочишайше; поняшь можно все, а толко-
вашъ нечего.

II.

Слава Богу! все у насъ въ Москвѣ хорошо и спо-
койно. Хлѣбъ не дорожаешъ и мясо дешевѣешъ. Одно-
го всѣмъ хочеспя, чшобъ злодѣя побишь, и шо будеспъ.
Сшанемъ Богу молишья, да воинновъ снаряжашъ, да въ
армію ихъ опсправляшь. А за насъ предъ Богомъ за-
спшунники: Божія Машерь и Московскіе Чудопворцы,

предъ свѣпомъ милосердый ГОСУДАРЬ нашъ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЬ, а предъ супостаты Христолюбивое воинство; а чшобъ скорѣе дѣло рѣшишь, ГОСУДАРЮ угодишь, Россію одолжишь и Наполеону насолишь, шо должно имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ Начальниковъ, и они рады съ вами и жишь и умерешь. Когда дѣло дѣлзшь, я съ вами; на войну идиши, передъ вами; а опдыхашь за вами. Не бойшесь ничего, — нашла туча, да мы ес опдуемъ, все перемѣлется, мука будешь; а берегитесь одного: пьяницъ, да дураковъ; они распуспя уши шашаюпся, да и другимъ въ уши въ расплохъ надуваюптъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ; а его дѣло кожу драпъ: общаетъ все, а выйдептъ ничего. Солдатамъ сулишь Фельдмаршалство, нищимъ золошья горы, народу свободу; а всѣхъ ловиптъ за виски, да въ писки, и пошлетъ на смерть: убьюптъ либо шамъ, либо шупъ. И для сего и прошу: если кто изъ нашихъ или изъ чужихъ спанептъ его выхваляптъ и сулиптъ и шо и другое, шо какой бы онъ ни былъ, за хохоль, да на съѣжую: поптъ, кто возьмептъ, пому честь, слава и награда; а кого возьмуптъ, съ шѣмъ я раздѣлаюсь, хопъ пяти пядей будъ во лбу; мнѣ на шо и власпъ дана, и ГОСУДАРЬ извоилъ приказать беречь матушку Москву; а комужь беречь мать, какъ не дѣшкамъ! Ей Богу, братцы, ГОСУДАРЬ на васъ, какъ на Кремль, надѣшся; а я за васъ присягнулъ готовъ. Не введите въ слово. А я вѣрной слуга Царской, Руской Баринъ и православной Христіанинъ.

»Вошъ мол я молишва :

Господи Царю Небесный! Продли дни благочестиваго земнаго Царя нашего! Продли благодать Твою на православную Россію, продли мужество Христолюбиваго воинства, продли вѣрность и любовь къ Опечеству православнаго Рускаго народа! Направъ шопы воинновъ на гибель враговъ, просвѣши и укрьпи ихъ силою Живошворящаго Креста, чело ихъ охраняюща, и снмъ знаменіемъ побѣдиша.

III.

»Здѣсь мнѣ поручено отъ Государя было сдѣлать большой шаръ, на кошоромъ 50 челов. полешащъ, куда захопашъ и по въпру и пропивъ въпра, а что отъ него будешъ, узнаете и порадуетесь. Если погода будешъ хороша, то завпра, или послѣ завпра ко мнѣ будешъ маленькой шаръ для пробы. Я вамъ заявляю, чтобъ вы, увидя его, не подумали, что это отъ злодѣя, а онъ сдѣланъ къ его вреду и погибели.«

»Генераль Плашовъ, по приказанію Государя, и думая, что Е. И. В. уже въ Москвѣ, приѣхалъ сюда прямо ко мнѣ, и ѣдешъ послѣ обѣда, обратнo въ армию, и поспѣешъ къ башалин, чтобъ шамъ пѣшъ благодарный молебень и Тебѣ Бога хвалимъ!

IV.

18 го Авгусна.

ОТЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ВЪ МОСКВѢ.

По полученнымъ мною извѣстіямъ авангардъ споншъ 13 верспъ передъ Вязьмой. Главная кваршира въ Вязьмѣ. Непрiятель споншъ на одномъ мѣспѣ. Опрядовъ отъ него нѣшъ. Корпусъ Генерала Милорадовича весь на походѣ. Авангардъ его, изъ 8000 человекъ соспавленный, пошелъ сего дня изъ Можайска къ Гжаши, подъ командою Генерала Маіора Вадковскаго. Прочіа войска сего корпуса идушъ изъ Боровска и Вереи. Ополченіе Тверское гошова, и 13000 человекъ съ кавалерією подъ командою Генераль Маіора Тыршова идушъ въ Клинь; Свѣшлѣйшій Князь Кушузовъ прибылъ вчера въ Вязьму.

Графъ Вишгенштейнъ занялъ Полоцкъ и дѣйствуешъ далѣе; весь шопъ край очищенъ отъ проказы, и Французовъ нѣшъ.

Многіе изъ жищелей жаелаюць вооружихься, а оружія шысячь на десяць еспь въ Арсеналь, кошорое куплено и дешево на Макарьевской ярмаркѣ; всякое ушпро жаелаюціе могуць покупашь въ Арсеналь ружья, пшшолешы и сабли; цѣны шупць означены; за эшо мнѣ скажушь спасибо, а осердяшся одни изъ ружейнаго ряда, но воля ихъ, Богъ ихъ просшипть!

V.

ГЛАВНАЯ КВАРТИРА МЕЖДУ ГЖАТИ И МОЖАЙСКА.

Нашъ авангардъ подъ Гжашью; мѣсно, нашими войсками занимаемое, еспь прекрѣпкое, и шупць Свѣплывшій Князь намѣренъ дашь баталію; шеперь мы равны съ неприящелемъ числомъ войскъ. Черезъ два дни, у насъ еще прибудешъ 20,000; но наши войска Рускія, единаго закона, единаго Царя, защищаюць церковь Божию, дома, женъ, дѣшей и погоспы, гдѣ лежашъ опщы наши. Неприящели же дерушся за хлѣбъ, умираюць на разбоѣ; если они разъ проиграюць баталію, шпо всъ разбредушся, и поминай, какъ звали.

Вы знаеште, чшо я знаю все, чшо, въ Москвѣ дѣлаешся; а чшо было вчера, — не хорошо, и побранишь еспь за чшо: два Нѣмца пришли деньги мѣняшь, а народъ ихъ кашпашь; одинъ чупь ли не умеръ. Вздумали, чшо будшо шпіоны, а для эшого допросишь должно; эшо мое дѣло. А вы знаеште, чшо я не спущу и свосму брапу Рускому; и чшо за диковинка спа человѣкамъ прибишь коспянова Француза, или въ парикъ окуренова Нѣмца! Охота руки марать! и кшо на эшо пускаешся, шопць при случаѣ за себя не пошшощь. Когда думаеште, чшо шпіонъ, ну! веди ко мнѣ, а не бей, и не дѣлай нареканія Рускимъ; войска Французскія должно закопашь, а не шушерамъ глазе подбивашь. Сюда раненыхъ привезено; они лежашь въ Головинскомъ дворцѣ, я ихъ смошрѣль, напоилъ, накормилъ и спашь положилъ. Вишь они за васъ дрались,

не оставьте ихъ; посыпшите и поговорите. Вы и колдниковъ кормите, а это Государевы вѣрные слуги и наши друзья — какъ имъ не помочь! —

VI.

Два курьера, отправленные съ мѣста сраженія, привезли опть Главнокомандующаго арміями слѣдующія извѣстія.

Вчерашній день 26го было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе; съ помощію Божіею Руское войско не уступило въ немъ ни шагу, хошя непріятель съ опчаяніемъ дѣйствоваль прошивъ него. Завтра надѣюсь я, возлагая мое упованіе на Бога и на Московскую Свяшнню, съ новыми силами съ нимъ сразиться.

Потеря непріятеля неизчетная; онъ опдалъ въ приказъ, чшобъ въ плѣнь не брать, (да и брать не кого), и чшо Французамъ должно побѣдишь, или погибнуть. Когда сего дня съ помощію Божіею онъ опраженъ еще разъ будешъ, шо злодѣй и злодѣи его погибнуть опть голода, огня и меча.

Я посылаю въ армію 4000 человекъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на 250 пушекъ снаряды, провіанта. Православные! будьте спокойны. Кровь нашихъ проливается за спасеніе опечесства, наша гопова, и если придетъ время, шо мы подкрѣнимъ войска; Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землю Руской!

Подписаль Графъ Раstopчинъ.

27 Августа, 1812 года.

VII.

Августа 26го.

»Курьеръ, отправленный вчера въ десять часовъ вечера изъ арміи, принесъ извѣстіе, что, кромъ пересылки егерей, ничего не произошло во весь день.»

Въ субботу Французовъ хорошо попарили; видно опдыхають! у Князя Багратиона на лѣвомъ флангѣ, передъ одною башареею сочшено больше 2000 убишыхъ.

VIII.

Братцы! сила наша многочисленна и гопова положишь живошь, защищая Опечество, не вступишь злодѣя въ Москву. Но должно пособить, и памъ свое дѣло сдѣлашь. Грѣхъ шяжкой своихъ выдавать. Москва наша мать. Она васъ поила, кормила и богатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защищу храмовъ Господнихъ, Москвы, земли Русской. Вооружишесь, кто чѣмъ можетъ и конные и пѣшіе; возмите только на три дни хлѣба; идите со крестомъ; возмите хоругви изъ церквей, и съ симъ знаменіемъ собирайтесь шопчасъ на Трехъ Горахъ; я буду съ вами — вмѣстѣ изспремимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не опшпанешъ! Вѣчная памашъ, кто мершвой ляжешъ! Горе на спрашномъ судѣ, кто опговаривашься спанешъ!

IX.

Я завпра рано ѣду къ Свѣшлѣйшему Князю, чинобы съ нимъ переговорить, дѣйствовашъ и помогашъ войскамъ изспремимъ злодѣевъ; спанемъ и мы изъ нихъ духъ изкореняшь и эшихъ гостей къ чорпу опсправляшь; я пріѣду назадъ къ обѣду и примешся за дѣло, опдѣлаемъ, додѣлаемъ, и злодѣевъ опдѣлаемъ.

31 Августа, 1812.

Суббота.

**НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ МИХАИЛА, МИТРОПОЛИТА
НОВГОРОДСКАГО И С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО.**

Сохраняя въ памяти жизнь, подвиги и благошворныя дѣйствія мужей благочестивыхъ и добродѣшельныхъ, особенно же наставниковъ нашихъ, обязываешь насъ и совѣсть и законъ Божій. Св. Павелъ говоритъ: *Помните наставники ваши, иже глаголаша вамъ Слово Божіе, ихъ же взирающе на скорчаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ. Евр. гл. 13.* Эту память и подвиги, для душевнаго блага нашего, достойно предавать попомству для подражанія и прославленія: — эпо хощя малая имъ отъ насъ дана, кошорой сами они въ жизни своей не искали. Такъ благословенна память Архипастыря Михаила, кошораго имя достойно занять самое почетное мѣсто въ Испоріи Россійской Іерархіи между знаменитѣйшими Архипастырями нашей Церкви. — Вопъ нѣкоторыя черны изъ жизни его, достойныя сохранены бышь для будущаго Біографа его. При полномъ изданіи пвореній Михайла, напечатанныхъ въ 9 Томахъ, 1824 года, есть и краткое его жизнеописаніе, но только когда уже онъ былъ въ санѣ Архіерейскомъ; а здѣсь описаны достопамятныя подвиги его во время пребыванія въ Москвѣ до отбытія въ С.-Петербургъ.

Всѣ просвѣщенные и любознательныя почитатели памяти Михайла, желали бы видѣть полную Біографію его, написанную искуснымъ перомъ знаменитаго Автора *Исторіи первыхъ пяти вѣковъ Христіанства, Россійской Церкви и проч.* — Его просвѣщенная ревность, увлекательный живой слогъ и обширныя познанія могутъ ручаться, что эпошь прудъ, посвященный лампи сего Іерарха, былъ бы явленіемъ, достойнымъ нашего вѣка, и, ввроайшно, его узнали бы въ переводахъ и просвѣщенная Англія и ученая Германія, государства, въ кошорыхъ имя Михайла давно уже извѣстно.

Михаилъ, (до вспулненія въ монашесство Матвѣй Михайловичъ Десницкій), живеть еще въ памяти современниковъ его, особенно же въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ

Священникомъ девять лѣтъ при церкви Св. Іоанна Воинственника, въ Якиманской Часпи, близъ Калужскихъ воротъ. — Въ эту церковь, каждый воскресный день, люди всѣхъ сословій, и въ великомъ множествѣ, собирались для слушанія назидательныхъ поученій его. — Какъ ни обширна церковь, но не могла помѣщать всѣхъ поспителей, и въ лѣтнее время многіе спояли на крыльцахъ, и даже на окнахъ. — Спройное, мелодическое пѣніе хора, собиравшагося изъ отдаленныхъ частей Москвы, услаждало слухъ и сердце предстоящихъ. Пастырь совершалъ Литургію, и попомъ проповѣдовалъ, всегда скромно, благоговѣйно и назидательно. — Каждая духовная бесѣда его запечатлѣвалась въ памяти слушателей, и была предметомъ разговоровъ семейныхъ и пріятельскихъ. — Михаилъ говорилъ всегда объ одномъ какомъ-либо священномъ предметѣ систематически, и раздѣлялъ бесѣды свои на нѣскольکو воскресныхъ дней, а нѣкоторыя изъ нихъ подъ названіемъ : *трудъ, пища и покой духа человеческого; также: избраженіе ветхаго, вѣшняго, плотскаго и новаго, внутренняго, духовнаго челоуька*, продолжаемы были по годамъ. — Слава о назидательныхъ бесѣдахъ его распространилась повсюду. Самые знашійшіе люди того времени въ Москвѣ, каковы наприм. Оберъ-Каммергеръ Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, Дѣйсвительный Тайный Совѣтникъ Графъ Федоръ Андреевичъ Осшерманъ и многіе другіе, не пропускали случая посѣщать церковь Іоанна Воинственника и слушать бесѣды всѣми уважаемаго проповѣдника. — Были случаи видѣть упорнѣйшихъ и закоснѣлыхъ Спарообрядцевъ, собиравшихся слушать его стоя въ дверяхъ церковныхъ; а попомъ нѣкоторыя обращались къ правотвѣрью, и были назидаемы Михаиломъ со всею кропоспїю и дружелоубіемъ Христїанскаго Пастыря. Одинъ изъ этихъ новообращенныхъ, извѣстный по честнымъ правиламъ въ жизни и богатству, недавно скончался. Онъ говорилъ, что болѣе сорока лѣтъ прошло, когда по милосердію Господа, научаемъ былъ Михаиломъ, но сохра-

нилъ въ памяти все имъ слышанное. Такимъ духомъ привыкнушы были бесѣды его.

Великопоспныя недѣли доспавляли случай Михаилу показывать ревность свою къ душевному преуспѣянію говѣющихъ. Не только въ воскресные дни Великаго поста, но каждый день въ продолженіе заупрень и часовъ, онъ читалъ поученія о исповѣди и Св. Причащеніи изъ швореній Тихона, Епископа Воронежскаго, мужа по Христіанскимъ добродѣтелямъ и высокому духовному просвѣщенію, истинно святаго. Поученія его убѣждаютъ и возрождаютъ человека въ жизнь по Заповѣдямъ Евангельскимъ. — Тихонъ чрезвычайно уважалъ душеспасительныя сочиненія Св. Іоанна Златоуста и привыкнувъ былъ его духомъ; это замѣтно во многихъ его швореніяхъ, изъ которыхъ 6 книгъ о *Истинномъ Христіанствѣ* превосходятъ извѣстное во всемъ Христіанскомъ мѣрѣ сочиненіе о семъ же предметѣ Іоанна Арндта. Такими-то поученіями Михаилъ приготавливалъ говѣющихъ къ Исповѣди и Св. Причащенію. Церковь во весь сін дни наполнялась народомъ даже изъ другихъ, отдаленныхъ приходоѡ. Хотя служба съ поученіями продолжалась по нѣскольку часовъ, но никакъ изъ церкви не выходилъ; наблюдаемы были пищина и безмолвіе. — Привѣтствія его къ приобщившимся въ высшей степени превосходны и оригинальны. Къ сожалѣнію, они не помѣщены въ полномъ собраніи его сочиненій. Вотъ одно для примѣра, сколько они были назидательны: »Я, недосшойный Пастырь, привѣтствую васъ, удосповѣвшихся причастія Тѣлу и Крови Христовой. Поздравляю душевно и радуюсь; но радость моя будетъ совершена, когда наставленія, вамъ преподанныя, останутся правилами на всю вашу жизнь. — Христіане, великое дѣло жить по Заповѣдямъ Христа Господа Искупителя нашего; это скажетъ вамъ ваше сердце и особенно шеперь, когда Спаситель міра соединяется съ вами. — Продолжайте это сладчайшее утѣшеніе на всю жизнь: оно препроводитъ васъ въ вѣчность, — въ Царствіе Небесное.«

Михаилъ часто посѣщалъ друзей и пріятелей своихъ. Его встрѣчали какъ благодѣшеля и друга; слушали какъ отца и наставника. Разговоры его одушевлялись кропостію и наставленіемъ для жизни мирной и богоугодной. Нерѣдко приглашаемъ былъ въ семейства для прекращенія раздоровъ и убѣжденія спрощивыхъ; въ случаяхъ разспройства дѣшей и проч. Водворити миръ между враждующими почиталъ онъ величайшимъ благомъ, и говорилъ, какъ и Тихонъ Воронежскій: миропвореніе блаженнѣе самой милоспъни. *Милоспвию, по обѣщванію Хриспovu, сами помилованы будутъ, а миротсорцы сынами Божиими нарекутся.* Онъ любилъ бесѣдовать съ дѣшми, и не смотря на обширныя свои занятія, въ нѣкоторыхъ извѣсныхъ ему домахъ училъ Закону Божию; уроки его были назидательны и приносили великую пользу учащимся. Изъ нихъ нѣкоторыя были, и теперь есть, въ высшихъ чинахъ и должностяхъ; они благословляютъ память его.

Когда по соизволенію Императора Александра переведенъ былъ Новый Заветъ на Русскій языкъ и напечатанъ, одинъ изъ учениковъ Михаила увидѣлъ, что воззваніе къ чпшашелямъ подписано имъ, какъ Первенствующимъ Членомъ Святѣйшаго Синода и участвующимъ въ преложеніи, написалъ къ нему, и поздравляя съ симъ важнѣйшимъ и неожиданнымъ современнымъ событіемъ, извѣявилъ о помѣ свою радость.—Вотъ что, между прочимъ, опвѣчалъ онъ на это письмо: «радость вѣаша, какъ я увѣренъ, происходитъ отъ души вашей, вѣоторая предчувствуетъ, сколько пользы принесетъ» переводъ Новаго Завета Хриспiанскимъ чпшашелямъ. «Они, чпшала его на природномъ своемъ языкѣ, будутъ умудряться во спасеніе. — Меня восхитило признаніе вѣаше: вы говорите, что и при познаніи вашемъ иноспранныхъ языковъ, въ переводъ Новаго Завета много вѣашли шакого, чего прежде досташочно выразумѣть не могли, особливо же въ Посланіяхъ Апостольскихъ.—» «Я не знаю, какъ могли вы сохранить въ памяти своей, чрезъ двадцать пять лѣтъ, уроки мои о любви къ

»ближнимъ и милоспынъ бѣднымъ. Вы говорите, что обязаны мнѣ чувствомъ душевнаго и даже энергиче-скаго сосраданія къ бѣднымъ: святое чувство — берегите его, благодарите Господа, молитесь Ему, Онъ же оставитъ васъ и другими дарами небесными: *»Блаженны милостивые, — они помилованы будутъ.»*

Плапонъ, Митрополищъ Московскій, опецъ опцовъ, какъ называетъ его знаменитый Кіевскій Проповѣдникъ Іоаннъ Леванда, высоко цѣнилъ достоинства Михаила, и всегда опзывался объ немъ съ опличною похвалою. Многіе случаи свидѣельствуютъ о томъ, и вопъ одинъ изъ нихъ, показывающій увѣренность его въ рѣдкомъ дарованіи Михаила приуговляющъ поучительныя Слова въ короткое время; (а иногда онъ говорилъ и безъ приуговленія.)—При Императрицѣ Екшатеринѣ, когда въ Москвѣ получено было извѣстіе о заключеніи мира съ Швеціею, назначено торжество и благодарственное молебствіе въ Успенскомъ Соборѣ, а проповѣдь говорить Ректору Академіи Духовной; но по какой-то причинѣ, Плапонъ назначеніе Ректора опмѣняетъ, а передъ самою обѣденою призываетъ Михаила, и убеждаетъ его говорить проповѣдь въ Соборѣ. Михаилъ исполнилъ волю Архипаспыря, приготовилъ ее и говорилъ; она прекрасна и достопамятна. Плапонъ, при донесеніи своемъ, препроводилъ эту проповѣдь къ Государынѣ. Бывшій тогда Главнокомандующій въ Москвѣ, Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій, чрезвычайно былъ доволенъ торжественнымъ словомъ Михайла, и пригласилъ его въ тотъ день къ великопшному обѣденному столу вмѣстѣ съ Митрополищомъ и другими Архіереями. Этой чести, въ то время, никто изъ священниковъ не былъ удостоиваемъ.

Приходъ церкви Іоанна Вонпственника въ сравненіи съ другими былъ очень малъ; но при Михаилѣ, усердіемъ доброхотныхъ вкладчиковъ, собираема была значительная сумма ежегодно, и употреблялась на благопше церкви и на содержаніе при ней богодѣльни для пресарьныхъ и увѣчныхъ обоого пола. Сооруженъ велико-

льпный иконостасъ въ большой церкви, по проэкту извѣснаго во всей Европѣ, Архипектора Баженова, копорого единственная въ своемъ родѣ модель для построения Кремлевскаго Дворца, хранился въ Масперской Оружейной Палатѣ въ Москвѣ. — Въ сей же церкви находились драгоценные золотые сосуды, принесенные въ даръ Пепромъ Великимъ, по плану копорого и храмъ сей сооруженъ въ 1719 году. — Сосуды похищены при нашествіи непріятелей въ 1812 году.

Императоръ Павелъ, будучи еще Великимъ Княземъ, слышалъ много о достоинствахъ Михаила, и вскорѣ по возшествіи Своемъ на Престоль, пригласилъ его въ С.-Петербургъ, и тогда же назначилъ Придворнымъ Пресвитеромъ. Съ того времени началось поспешное его возвышеніе: онъ былъ Законоучителемъ въ Кадетскомъ Корпусѣ, по принятіи же монашества, Архимандритомъ Новгородскаго Юрьева монастыря, Викарнымъ Епископомъ Новгородской Митрополи, Черниговскимъ Архіепископомъ, наконецъ Митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербуржскимъ, Первенствующимъ Членомъ Святейшаго Синода.

Жизнь и дѣянія сего Архипастыря, по обстояніи его изъ Москвы, заключающъ много важныхъ событій, принадлежащихъ уже къ полной его Біографіи, копорой, какъ сказано выше, всѣ любознательные почитатели памяти его ожидаютъ отъ достойнѣйшаго писателя.

Въ сихъ очеркахъ жизни Михаила, еще одинъ случай заслуживаетъ вполнѣ сдѣлать его извѣстнымъ: — Онъ былъ уже Архіепископомъ въ Черниговѣ, и проѣзжалъ чрезъ Москву для присупствования въ Святейшемъ Синодѣ. Крапковременное пребываніе въ столицѣ показало, что жители ея не забыли подвиговъ его и поучительныхъ бесѣдъ, когда былъ еще Священникомъ. Великое множество посѣдителей изъ всѣхъ сословій стремились видѣть Архипастыря и принявъ его благословеніе. — Последній день его пребыванія въ Москвѣ особенно достопримѣчателенъ: до самой полночи комнаты его въ Высокопетровскомъ монастырѣ были наполнены посѣдителями. Онъ всѣхъ принималъ съ ласкою и радушіемъ,

благодарилъ за памятованіе объ немъ. Благословеніе его принимали съ живѣйшимъ чувствомъ: оно изображалось на лицахъ пощипителей. Въ тотъ же день извѣстилъ онъ Священника и весь причестъ церкви Св. Іоанна Воинспвенника, что къ вечеру, предъ отъѣздомъ своимъ, пощипишь ихъ. Эша вѣсьшъ разнеслась по всему приходу, и предъ вечеромъ обширная паперть церковная наполнилась народомъ, копорый ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Въ исходѣ двѣнадцатаго часа онъ прибылъ: его приняли съ восторгомъ, и вся паперть освѣтилась фонарями. Эшо зрѣлище распрогоало Архипастыря до глубины души; онъ шелъ болѣе получаса, и всѣхъ благословлялъ. Предъ церковію вспръшилъ его Священникъ и весь клиръ въ полномъ облаченіи. Архипастырь взошелъ въ Св. храмъ, и предъ олшаремъ въ большой церкви преклонилъ колѣна, и воздѣвъ руки, произнесъ громко: «Господи Боже мой! Ты сподобилъ меня опять увидѣшь «Св. храмъ Твой, гдѣ я недостойный совершалъ безкровную жертву предъ Тобою, гдѣ слабый голодъ мой «возвѣщалъ браціи моей, православнымъ Христіанамъ, «Свяшой Завѣшь Твой, призывалъ всѣхъ ко спасенію, «говорилъ о неизреченной любви Твоей, къ вѣрующимъ! — «Господи! Царю мой и Боже мой! благодарю Тебя нынѣ и во вѣки.» Пошомъ приложился къ Св. образамъ, обозрѣлъ всѣ придѣлы, и вышедъ изъ церкви, пощипилъ Священника, діакона, дьячковъ, даже просвирино и богодѣльню. Бѣдные и престарѣлые, призраемые въ шомъ убѣжище, отъ радости безмолшвовали; онъ всѣхъ благословлялъ и одаривъ щедро, сказалъ: «Живите мирно, ходите чаще въ Св. Храмъ, молитесь усердно «Богу.» — Съ того времени Москва не видала уже незабвеннаго Архипастыря Михаила. Въ 1821 году онъ скончался въ С.-Петербуржской Александро-Невской Лаврѣ. Въ послѣднія минушы его жизни, при чипеніи отходной, хоръ пѣвчихъ пѣлъ ушъшительный стихъ Праведнаго Семіона: *нынѣ отпуцаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ.*

Н. Горчаковъ.

НАУКИ.

Русская Исторія.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

(Глава изъ изслѣдованій о древнѣйшемъ, Варяжскомъ, періодѣ Русской Исторіи).

...И Государства, какъ всѣ существа въ мірѣ, начинающія непримѣтными почками. Долго, долго, въ сильное увеличительное стекло, надо смотрѣть на безобразную, разнородную кучу земли, людей и ихъ дѣйствій, на эпошъ человѣческой хаосъ, чѣмъ наконецъ поймашъ въ немъ трепещущую почку, *punctum saliens*, по выраженію Анашомиковъ, поймашъ, вонзись въ взорамъ, и уже не выпускашъ попомъ ни на минушу изъ виду, съ напряженнымъ вниманіемъ подмѣчашъ ея шихое, медленное, поспѣвное увеличеніе, всѣ эпохи или лучше моменты развитія, пока наконецъ черезъ много, много лѣтъ почка эта обозначилась, забьется жизнью, установилась на своемъ мѣстѣ, приметъ лице, одѣнется плотию, укрѣпится кощми, и начнешъ дѣйствовать.

Рюрикъ призванъ былъ Новгородцами.

Эшо происшествіе принадлежитъ одному Новгороду, и по не надолго: послѣ шого какъ преемникъ Рюриковъ оставилъ Новгородъ, оно оторвалось, если можно такъ выразиться, отъ послѣдующей Исторіи; всѣ дѣла пришли въ первобышнее положеніе, то есть Новгородцы спали жить сами по себѣ, и платили дань заморскимъ Варягамъ, какъ прежде, и ушедшимъ Варягамъ Руси, которыми посчастливилось утвердиться въ Кіевѣ. Кромѣ сей дани Новгородъ не соединенъ уже былъ никакими узами

съ Кіевомъ , и слѣдовательно съ шекущей рѣкою Русской Исторіи , а напрошивъ соснавилъ особое цѣлое , какъ шо мы видимъ ясно при Святославѣ , который опшкался опть него за себя и сыновей. Въ Новгородѣ мы усмашриваемъ шолько новос гражданское , шо еспь Норманское начало при Рюрикѣ , которосе вскорѣ под-верглось вліянію древняго Славянскаго , блеснуло и угасло.

Слѣдовательно шакосе совершенно опшдѣльное произшеспвіе никакъ нельзя назватъ *началомъ 'Русскаго Государства*, еше менше нежели современное упверженіе Аскольда и Дира въ Кіевѣ. Эшо шолько прибытіе , начало водворенія Норманновъ между вашими Славянскими племенами , временный военный поспой въ одномъ городѣ.

Почему же эшмъ произшеспвіемъ начинающъ Русскую Исторію ? Не имѣетъ ли оно покрайней мѣрь какой-нибудь доли въ основаніи Государства ? Не соединяетъ ли чѣмъ нибудъ съ послѣдующими произшеспвіями ? Нѣтъ ли какого перешейка , моста , между эшмъ опшровомъ и швердою землей.

Главное , существенное въ эшомъ произшеспвіи , опношительно къ происхожденію Русскаго Государства , еспь не Новгородъ , а лице Рюрика , какъ *родоначальника династїи*, хотя онъ , подобно Ромулу , не имѣлъ можетъ бытъ никакого понятїя о своемъ будущемъ значеніи , Рюрика , который пришелъ съ чувшвами дружелюбными къ племени , призывавшему его по доброй воли. Началось преешство , спало за кѣмъ слѣдовать , хотя еше и въ пустомъ пространствѣ. Вотъ почему эшо произшеспвіе безшмершно въ Русской Исторіи ! Воздадимъ чеспь и Новгороду , старшему сыну Россїи , (рожденному впрочемъ прежде матери) , за призваніе Кнзя , котораго роду предназначено было основашъ впослѣдствїи величайшее Государство въ мїрѣ.

Младенецъ Рюриковъ, Игорьъ, съ его дружиною, естъ едипшвенный резульшатъ Норманскаго призванія въ Новгородъ, едипшвенный ингрѣдиентъ въ сославненіи Государства, понкая нишь, копорю оно соединяется съ послѣдующими произшесшвіями. Все прочее прешло, не оставивъ слѣда. Еслибъ не было Игоря, то объ этомъ сѣверномъ Новгородскомъ эпизодѣ почти не пришлось бы, можешь бышь, говорить въ Русской Исторіи, или шолько мимоходомъ.

Такимъ непримѣннымъ апомомъ, опносипельно къ формациіи, началось Государство, зародышемъ, копорый именно едва поймашъ можно микроскопомъ историческихъ соображеній. Это, упошребимъ сравненіе, корень безсмысленный слова, первый элементъ звука.

Олегъ, удалый Норманнъ, соскучился въ Новѣгородѣ, или принужденъ былъ оставишь его; пошелъ, съ младенцемъ, Игоремъ, куда глаза глядятъ. Случай, прихоть, нужда! Онъ пошелъ шочно, куда глаза глядятъ, ибо поселившись въ Кіевѣ онъ сначала не могъ думать навѣрное: тамъ жили его земляки, Аскольдъ и Диръ, и жили уже 20 лѣтъ, обоспрожились и ушвердились; ему нельзя было предполагашъ, чшобъ эти бранные, какъ онъ, выпязи согласились ушшунишь ему добровольно богатое мѣсто? И въ самомъ дѣлѣ, онъ побоялся борьбы сомнишельной, и послѣ, достигнувъ Кіева, пошелъ на нихъ не съ опшкрышою силою, а съ хипросшію, копорая могла удасъся и нѣтъ.

Или — Олегъ могъ опшправишься съ своей дружиной мимо Кіева, на службу въ Грецію, и пропасть шамъ вмѣстѣ съ Игоремъ, не оставивъ слѣда, подобно соннямъ своихъ единоплеменниковъ, и тогда другой видъ Исторіи, другія лица и другія имена!

А какъ сомнишельна судьба Игоря, младенца, шолько чшо рожденнаго, младенца, на копоромъ однакожь лежиць судьба ошечесшва, копорый ошстался связашъ всю послѣдующую Исторію съ Новгородскимъ призва-

нѣмъ Норманновъ, копорый долженъ утвердить еще за опцемъ своимъ мѣсто во главѣ Русской Исторіи.

Кромѣ шѣхъ опасностей, кои разделялъ онъ съ Олегомъ, онъ имѣлъ другія: Олегъ могъ имѣть дѣшей, копорыи опняли бы власшъ у него, по еспъ предводительство, начальство надъ дружиною, легко могшее достпашься болѣе рѣшительному, храброму, искусному.

Вошъ какимъ случайностямъ подвергался Олегъ, и при немъ Игорьъ, и зародышъ Русскаго Рюрикава Государства!

Но не слишкомъ ли еще много видѣшь здѣсь зародышъ Государства? Точно, это менѣ чѣмъ зародышъ, это мащемашическая почка, почши идея.

Оспавляя Новгородъ, Олегъ дѣлался спранспвующимъ рыцаремъ съ своей дружиною, лишался мѣста. Въ эту минушу какъ будшо пропало, скрылось изъ виду зачавшееся Государство. Минуша неизвѣстности! Сѣмя предано произволу вѣтровъ!

Не должны ли мы шрепешать за него? Чшо съ нимъ будешъ? Куда понесешся оно? Гдѣ найдешъ себя родимую почву?

Успокоимся! Благопродмыслительной Десницею несешся оно именно въ Кіевъ, гдѣ ему пригоповлено место, гдѣ Государству поставлена цѣль. Мнимомо прихотью Олега выражается воля Провидѣнія! Династія, оспавшись въ Новгородѣ, повела бы дѣла по необходимости иначе. Изъ Новагорода должна бы утвердиться у насъ связь не только государственная, но и духовная, съ Западомъ, Латинствомъ, Папою, а видно было надо, по высшему предназначенію, чшобъ Европа состояла пока изъ двухъ половинокъ, чшобъ разпадавшейся въ шо время Религіи приугоповилась особая Церковь на Воспокъ, чшобъ тамъ когда-шо, чрезъ тысячу лѣтъ, среди Славянскихъ племенъ, народилось Государство-наслѣдникъ Римскому Воспоку, Греческой Имперіи, Констанцинополю, какъ Римскій Западъ достпался въ наслѣдство, съ

землею, жишелями, Религіей и образованіемъ, Нѣмецкому народу.

Олегъ пошелъ, почка двинулась, эшо правда, почка, не болѣе, но выйдеть линія, и какал линія? Полю-экватора, шрешьмеридіана.

Олегу посчастливилось овладѣть Кіевомъ. Онъ умершвилъ Князей Кіевскихъ, а мирные жишели приняли его безъ сопротивленія. Онъ оспановился здѣсь, и попомъ рѣшился, кажется, оспашься, покрайней мѣрѣ съ своей стороны, въ эшомъ городѣ, обильномъ еспе-сшвенными произведеніями, на большой рѣкт, — ошкуда шакъ легко можно было набѣгать на все стороны, особенно на приманчивый Царьградъ, — гдѣ шакъ хорошо было, впродолженія двадцати лѣтъ, его шоварищамъ, Аскольду и Диру. Впрочемъ гдѣ вибудъ надо жишъ, лишъ бы жишъ, и всякая мнуща могла перемѣнишъ намѣреніс. Поселеніе Олега въ Кіевъ было шакже мирно, какъ и Рюриково въ Новгородѣ, чѣмъ и опредѣлялся характеръ ихъ взаимныхъ отношеній къ жишелямъ.

Владѣя Кіевомъ и его областію, Олегъ въ благопріятныхъ обстоятельсшвахъ удержалъ право Рюриковыхъ даней, и распроспранилъ оныя, обложивъ новыя племена. За данью однакожь надо было всегда ходишъ нарочно — оброкъ непостоянный, первая легкая форма поддансшва. Племена не входили еще въ составъ Государсшва, почти почно какъ плашя дань прежде за море въ 859 г., а шолько подгопшвлялись. Кос-гдѣ были оспавлены мужи, копорые вѣрно ошлучались чашто, ходя на войну. Смершъ засшала Олега въ Кіевъ.

Кіевъ, съ выраженіемъ Олега: се буди маши градомъ Русскимъ, и временная дань съ нѣкоторыхъ племенъ, — вошъ соспояннє зародыща, форма Государсшва, оспавленнаго преемникомъ Рюрика.

Львивый Игорь пошерялъ - было данн, переспавъ ходилъ за ними, и племена, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, оплагались. Покрайней мѣрѣ всю свою жизнь онъ прожилъ въ Кіевѣ, и привычка, кошорую называютъ впорою природою, привычка дружны и города, къ Князю и его роду, а Князя къ дружинѣ и народу, привычка къ осыдлости и какому-то порядку вещей, укоренялась. Таково было при Игорьѣ пріобрѣтеніе, почти невещественное, къ родительскому наслѣдству. Сѣмя не развилось, но нѣсколько укрѣпилось, пригошовилось для развитія. Подъ конецъ своей жизни Игорь захотѣлъ было пришъснить сосѣднихъ Древлянъ, и погибъ за то опъ руки ихъ. Новая опасность, покрайней мѣрѣ опасность Рюрикову роду: ближнее племя возспало, и рѣшилось на такое отважное дѣйствіе — убить Князя: что же сдѣлають дальнія! Что будетъ съ самою дружиною? Какъ легко кажется какому нибудь смѣльчаку захватить начальство, и увести ее на промыселъ, или самому сѣсть на престолъ!

Къ счастью вдова Игорева, Ольга, имѣла характеръ мужескій: она устроила всѣ дѣла, и мспя за смерть Игоря, опустошила землю Древлянскую, привела ее въ бѣольшую зависимость; она же установила нѣвошорья данн на сѣверѣ.

У Игоря былъ также одинъ сынъ, какъ у Рюрика, Святославъ, къ счастью молодой Руси, кошорой необходимо было разпроспраниться прежде нежели раздѣлился, кошорой необходимо было разкинувшись, хоть слегка, изъ одного центра, а не многихъ; одно сѣмя должно было пока развиваться, одно Государство росши, а не многія равносильныя возникнуть вдругъ. Рано было начинашся удѣльнымъ Княжествамъ: еслиб у первыхъ Князей было по многу дѣшей, то они поссорясь пошчасъ между собою, (неизбѣжный случай), возпрепятствовалиб развитію, не укрѣпясь ослабилъ, и не успѣлибъ захватить сполько поспороннихъ земель, кои могли опойши въ сосавъ другихъ сосѣд-

нихъ государствъ. Тяжело дѣшамъ оспашься сиротами, пока опецъ не устроишь хозяйства. Силъ предлежало еще поприще внѣ, а не внушри.

Свяшославъ, храбрый, швердый, воиншвенный, возмужавъ, взялъ, и слѣдовашельно спалъ братья, дань съ новыхъ племень, и смирилъ прежнія, копорыи безпреспанно пыпалися опкладывашься. Но все онъ владѣль собшвенно однимъ Кіевомъ. Такъ и думалъ, если о чемъ-нибудь думалъ. Еще болъе — самый Кіевъ онъ считалъ посшоємъ, и рѣшилъ оспавишь его шакъ, какъ Олегъ оспавилъ Новгородъ. Ему мало спало скудной дани по какой-нибудь веверицѣ съ дыма, когда Греція предлагала ему пуды золоша, и онъ рѣшилъ не перенесъ шполицу, (это невѣрное выраженіе), а, говоря просто, перѣхашъ на другую кварширу (*), переселишь къ другому Славянскому племени, въ спрану имъ покоренную, въ Болгарію, и перенесіи сѣмя въ другую почву! Оно шакъ слабо привязано было къ пашей землѣ, хошя и пусшило уже роспокъ, шаконъ слабый корень имѣло, чшо не спомло ни малѣйшаго шпруда ошорвашъ его. Зародышь выкинушь. Болгаріи выпадалъ жребій сдѣлашься Русью, Нормандіей. Наша почва оспавалась для другаго сѣмени, и всего прежняго какъ будшо не бывало. Ясное ли доказашельштво, чшо понятіе объ оспдлости, наслѣдшвенности, поземельной собшвенности, было еще ничшожно, и одной чершы въ Норманскомъ характерѣ Свяшослава достапочно было, чшобъ уничшожишь, изгладишь слабые плоды спа лѣшъ. Свяшославъ пошелъ, и сѣмя опяшь предано произволу въшровъ. Передъ опбышіемъ Свяшославъ ошдалъ спаршему

(*) Наши знаменитые суди, суди словъ, улыбнутся при этомъ выраженіи: *перѣхатъ на квартиру!* Милостивые государи! право я сумѣлъ бы найти тѣ выраженія, кои вершатся у васъ на языкъ шеперь: перемѣнишь мѣстопробываніе, избрать новое жилище и тому под. Но употребилъ это (какъ и въ другихъ мѣстахъ) не чистое, простое, полунностранное, пошому чшо оно почитѣ выражашъ мою мысль, а пошому это всего важнѣе въ изслѣдованіи, не принадлежашъ къ произведеніямъ Извѣстной Словесности. *Соч.*

сыну Ярополку свой Кіевъ, а вшораго послалъ княжишь на Вольшь. Свяшославъ не раздѣлилъ, какъ говоряшь у насъ обыкновенно, свои владѣнія, но другаго сына послалъ въ дикое поле. Древянъ, племя самое близкое къ Кіеву, разоренное Ольгою, обложеною двойною данію, и пошому шѣснѣе связанное съ Кіевомъ, легче было держашъ въ повиновеніи. Вошъ главная причина, почему Свяшославъ послалъ шуда сына.

Трешьяго сына Владимира вышребовали себѣ сами Новгородцы, почти прошивъ воли Свяшослава, кошорый говорилъ имъ даже: кшо къ вамъ поидешъ?

Слѣдовательно, Свяшославъ все-таки владѣлъ однимъ Кіевомъ, гдѣ жилъ, гдѣ жилъ и опецъ его; здѣсь нечего говоривъ о дѣленіи, ибо дѣляшъ цѣлое, дѣляшъ свое владѣніе, а Свяшославъ не владѣлъ Древянами, кошорые плашили ему шолько дань. Тѣмъ болѣе должно сказашъ это о прочихъ дальнихъ племенахъ, и, всего върнѣе и почнѣе, о Новгородцахъ. Но еслибъ даже и владѣлъ — все шолько Кіевомъ и ближнею Вольшью. Вошъ чшо опдалъ онъ двумъ сыновьямъ своимъ.

Не было дѣленія, и еще менѣе пагубнаго примѣра!! Дѣленіе было общее во всей Европѣ, необходимая принадлежность, шепень гражданскаго обществва, а не частная ошибка. Но у насъ, повторю, не было ни дѣленія, ни частной ошибки, ни примѣра.

Свяшославъ пошелъ въ Болгарію. Дѣши его могли слѣдовать за нимъ шуда же — по его смерти, въ помощь, для участія въ его походахъ и предпріяшіяхъ, а какая приманка для корысполюбивыхъ и честполюбивыхъ Норманновъ богатый Констаншинополь и малая Азія! И между Славянскими племенами возниклибъ опяшъ прежнія опношенія, и надлежалобъ ожидать новыхъ обспопельствъ, новыхъ Государей, для гошовыхъ эменшвовъ Государствва.

Какъ все зыбко!

Случился же именно въ это время въ Греціи такой Государь, какъ Іоаннъ Цимскій, одинъ изъ самыхъ воинственныхъ Государей въ цѣломъ ряду Византійскихъ Императоровъ, въ продолженіи долговременнаго періода. Онъ заставилъ Святослава удалиться изъ любезной Болгаріи, который на возвращеніи пупи и сложилъ буйную свою голову, съ остальными своими мужами. Сыновья его лишены были средствъ идти въ Болгарію, опятающую Греками, не могли переселиться шуда, еслибъ и хотѣли. Они остались у насъ, владѣя порознь Кіевомъ, Волынью и Новгородомъ.

Свѣя переслано ояшь къ намъ, или лучше, укрѣпилось, глубже опустилось въ нашей земль. Опасностей стало меньше, покрайней мѣрѣ дома. •

До сихъ поръ было по одному Князю, и у этого одного Князя бывало всегда во владѣніи по одному городу, изъ котораго уже онъ ходилъ, по своему усмотрѣнію, брать дань съ разныхъ племенъ, ближнихъ и дальнихъ. Теперь являющся при Князя, при брата, сыновья Святослава.

Олегъ такъ княжилъ на Волыни, а Владимиръ въ Новгородѣ, какъ Ярополкъ въ Кіевѣ.

Еще два племени сжали пригошьяльсь къ сошаву будущаго Государства, хощя и порознь; не цѣлое раздѣлилось на части, какъ мы видѣли, но части возникли, кои послѣ составяшь цѣлое. Прибавимъ Полоцкъ съ Рогвольдомъ.

Были-ль раздѣлены дани между братьями? Едва ли! Вѣроятно, сначала каждому предоспавлялось ходишь въ свою спорону, какъ далеко сможешъ. Но у нихъ не было и времени ходишь за данью по племенамъ, ибо братья топчасъ перессорились между собою, сперва Ярополкъ съ Олегомъ, потомъ Владимиръ съ Ярополкомъ, и возникла мисль объ единомъ владѣніи: одинъ хощѣлъ завладѣшь, чѣмъ владѣли шрое.

Ярополкъ одолѣлъ Олега, а Владимиръ испугавшись бѣжалъ за море, и бѣ Ярополкъ владѣя единъ въ Руси, и посадивъ Посадниковъ на Вольни и въ Новгородъ. Вопъ уже новое явленіе! Ярополкъ, какъ прежде Рюрикъ, схватившись, пакъ сказашъ, за оставшіеся концы, удержалъ власпъ брашъевъ во всей полнопъ ея, и слѣдовашельно получилъ ея больше всѣхъ своихъ предшешвенниковъ. Пребываніемъ Князя въ городъ какъ будшо узаконивалась принадлежность его наслѣднику. Всъ при обласпи, Кіевъ, Вольнъ и Новгородъ, соспавили одно владѣніе. Ярополкъ одинъ владѣлъ изъ Кіева Вольнью и Новгородомъ, чрезъ своихъ Посадниковъ, чего прежде не бывало.

Всъ при племени dospались почно шакке Владимиру.

Владимиръ, живя почши чрезъ спо лъшъ послѣ Рюрика, а время имѣетъ свою силу, особую опъ проишешспвій и лицъ, Владимиръ, очень богатый, ибо ему dospались добычи спа лъшъ, добычи Рюрика, Олега, Игоря, Свясослава, съ сильнымъ характеромъ и браннымъ духомъ, Владимиръ, копорый, кромъ своего Новагорода, опнялъ при владѣніи, (Полоцкъ, Древянъ и Кіевъ), и умершвилъ двухъ владъшелей, (Роговьда съ сыновьями и Ярополка), Владимиръ сдѣлался первый Княземъ - Государемъ въ настоящемъ значеніи этого слова, хопя все еще слабо, шо еспъ шолько владъшелемъ.

Ему не была уже нужна помощь чуждая Варяжская, и онъ спровадилъ опъ себя главную вапагу: пакъ былъ онъ силенъ своими собспвенными домашними силами.

Онъ ходилъ за данью гораздо дальше прежнихъ Князей, даже за Карпапы, върояшно опредѣляя оную (Новгородцы), а съ другой спороны за Волгу. Нѣкоторыя племена привозили дань ему даже сами, въ Кіевъ.

Онъ жилъ въ своемъ владѣніи не думая о перездѣ, какъ еще его отецъ, пакъ сказашъ водворился, усшавонился, а духъ Норманскій, духъ движенія, чрезъ 120

лѣтъ, въ 4 колѣнѣ, родившемся на Руси спихнуть, и самъ по себѣ.

У Владимира было 12 сыновъ, (самое прежнее многоженство его имѣеть здѣсь свою историческую важность и значеніе), и онъ разослалъ ихъ по племенамъ, удѣливъ каждому часть своей дружины, которая была у него многочисленнѣе по его связямъ и богатству, чѣмъ у его предковъ, и совершенно опъ него завистля. Вошь когда собственно племена начали входить въ составъ Государства, или пригошлять будущее Государство, образовывалась въ гражданскомъ отношеніи отдѣльно, порознь. вмѣсто двѣнадцати прежнихъ племенъ, двѣнадцати даней, мы видимъ теперь 12 особливыхъ владѣній, Княжествъ, подъ владычествомъ опца, Великаго Князя Кіевскаго.

Супруга Владимира Анна, дочь и сестра Византійскихъ Императоровъ, съ кося вспунивъ въ супружество онъ принялъ Христіанскую вѣру, содѣйствовала еще болѣе къ утверженію этой мысли о постоянномъ мѣспребываніи, сохраненіи владѣній, и осмьвленіи въ наследство дѣтямъ: (Точно какъ послѣ другая Греческая Царевна, Софія, утвердила идею Царя при Іоаннѣ III, и успроила Дворъ).

Прибавьте долгую жизнь, прицать пять лѣтъ княженія, участие Духовенства, которое у насъ, какъ вездѣ, приложило, разумѣется, особое спараніе о смягченіи нравовъ, и слѣдовательно о мирной оудлой жизни.

Такимъ образомъ политическое соединилось съ религіознымъ, и первый Христіанскій Князь былъ вмѣстѣ и первымъ Государемъ-Владѣтелемъ. чуть ли и не Правителемъ, потому что въ его время мы видимъ слѣды положительнаго, письменнаго законодательства, вѣрооятно по примѣру Церкви, — сперва разумѣется по Норманскимъ обычаямъ для дружины, а потомъ и для народа со вліяніемъ Греческихъ и туземныхъ обычаевъ.

Каждый сынъ Владимировъ княжилъ пакъ въ своемъ городѣ, какъ отецъ въ Кіевѣ, средопочіи, матеріи всѣхъ городовъ Русскихъ, по выраженію Олега. Живя по срединѣ племенъ Князья могли легче содержать ихъ въ полномъ подданствѣ, нежели прежде одинъ Князь изъ дальняго Кіева, и приучашъ къ повиновенію. Всѣ они были однакожь слабѣе своего отца, которому платили урочную дань, не смѣя ему прошивиться, кромѣ подѣ конецъ одного Ярослава, который былъ дальше всѣхъ, и могъ надѣяться на чуждую помощь.

Сыновья и отецъ должны были считашъ города уже своею собственностию, и даже какъ средствами для прокормленія, содержанія. Понятіе о наследствѣ стало прикладывашъ къ землѣ, приготоилось понятіе о поземельной собственности у Князей, которые, разумѣется, начали принимать участіе и въ правленіи, по примѣру отца. Намѣчены будущіе удѣлы по племенамъ.

Но всѣ эти Князья жили не долго. Одни перемерли (при немъ и послѣ, Вышеславъ, Изяславъ, и проч.), другіе погибли вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ (при Святополкѣ — Борисъ, Глебъ, Святославъ, и потомъ самъ онъ, Святополкъ); шрепши (Судиславъ) не могли ничего сдѣлать противъ Ярослава, который оспался одинъ, и послѣ нѣсколькихъ междоусобныхъ войнъ, (со Святополкомъ, Брячиславомъ, Мстиславомъ), и смерти братьевъ, получилъ почти всѣ ихъ Княжества.

Онъ достигъ ему уже съ такою зависимою, въ какой, привыкнувшіе, находились отъ его братьевъ, принадлежали ему еще крѣпче, разумѣется, нежели Владимиру, и были управляемы по заведенному порядку, чрезъ Намѣстниковъ, ему подчиненныхъ.

Ярославу принадлежали Кіевъ, Волынь, Подолія, Галліція, Лишва, Балтійское поморье, Новгородъ, Двинская область, Поволожье, Сѣверскія срана.

Всѣ сїи спраны принадлежали почно, ибо города ихъ мы находимъ немедленно въ удѣлахъ сыновъ и внуковъ, какъ ихъ опчины, и на оборотъ — при сихъ послѣднихъ они не могли бытъ завоеваны, потому что всѣ дѣйствїя ихъ извѣсны намъ по лѣтописямъ.

Границами Ярославовыхъ владѣній были: Балтійское море, нынѣшняя Пруссїя, Царство Польское, Карпаты, Новороссїйскїя степи, Волга, Заволочье.

Такъ удалые Норманны, въ продолженїи двухъ сошъ лѣтъ, раскинули планъ будущаго Государства, намѣтили его предѣлы, нарѣзали ему земли безъ циркуля, безъ линѣйки, безъ аспролябїи, съ плеча, куда хватила размашистая рука. . .

Всѣ племена и города находились въ подданствѣ у одного Князя, (а потомъ одного рода), были одного происхожденїя, говорили однимъ языкомъ, хотя и разными нарѣчїями, исповѣдывали одну вѣру, — словомъ это было Государство въ нѣкоторомъ смыслѣ, цѣлое, хотя и смѣшанное на живую нишку. Шлецеръ, заключа мое разсужденїе словами великаго учившаго, назвалъ удачно эпошъ періодъ *Russia nascens*.

И такъ двѣсти лѣтъ раждалась Россїя....

Симеонъ Полоцкїй молился Богу, говоритъ преданїе, чтобъ муки Царицы Натальи Кириловны продолжились болѣе, дабы поворождаемый младенецъ Пѣтръ воспользовался должайшею жизнью. Можетъ бытъ двухсоплѣшнему рожденїю и младенчеству Русскаго Государства, еще долговременнѣйшему юношеству, будетъ соопвѣтствовать въ соразмѣрности настоящее доблестное мужество и будущая мудрая старость.

М. Погодинъ.

**УПОМИНАЕМЫЙ бо Янъ въ словѣ о полку Игоревѣ есть
старецъ Янъ, упоминаемый Несторомъ.**

Въ *Словѣ* о Полку Игоревѣ сказано, что Боянъ пѣлъ Спарому Ярославу, храброму Мспиславу и Красному Роману Святославичу. Слѣдовательно пѣвецъ Боянъ былъ современникъ Нестора. Несторъ долженъ былъ знать его; но Несторъ зналъ не *Бояна*, а *Яна*, умершаго въ 1106 году на 90 году отъ рожденія: *у него же и азъ многа Словеса слышахъ, еже и писахъ въ лѣтописаніи семъ.*

Извѣстно, что всѣ древнія сказанія передавались въ пѣсняхъ; такъ на Сѣверѣ: *Saga, Sauga, Saugn, Song, Sång*, значить *Cantus* — пѣснь; отъ *Cantus* — *Conte* сказка, сказаніе, повѣсть. У насъ эти сказанія, Саги, назывались *Словами*, какъ на пр. *«Слово о Полку Игоревѣ;»* а Несторъ слышалъ отъ Яна *многа Словеса*, т. е. много сказаній, пѣсней, подобныхъ *Слову о Полку Игоревѣ*. — Слѣдовательно въ старцѣ Янѣ также должно предполагать пѣснопѣвца.

Не былъ ли Боянъ и Янъ одно и то же лицо? Не сдѣлалъ ли переписчикъ Слова о Полку Игоревѣ изъ Яна — Бояна?

Въ древнемъ Славянскомъ языкѣ частница *бо* была въ большемъ употребленіи. На примѣръ, въ *Словѣ о П. И.* *«Рекоста бо братъ брату»* — а вѣсна *бо* братіе Кіевъ....» — *Тый бо* Олегъ мечемъ крамоу коваше....» — *Тии бо* два храбрая Святолавича...»

Въ лѣтописяхъ: *«Рече бо* Давыдъ....» — *Бъ бо* Володимерь любя дружину....» — *Рече бо* Ламехъ....» — *Тако бо* Исаяя рече....» — *Яко же бо* Ольга часно глаголаше....» — *Изволиша бо* бози...» — *Рече бо* Соломопъ...» — *Въ* Іоан. Экз: *Съшвори бо* Богъ...» — *Бо* вси днѣ шъ безъ вечера....»

Не слилъ ли переписчикъ Слова о П. И. частницу *бо* съ собственнымъ именемъ Янъ? кажется это почти неоспоримо:

«Не по замышленію *бо* Яню....»

«Въщій *бо* Яне, Велесовъ внуче.»

«Въщій *бо* Янъ и первое прищвку смысленый рече...»

»Рекъ бо Ягъ и ходы на Коганя....«

Убѣдившись, что надо чиншашъ Боянъ, переписчикъ и въ остальныхъ мѣстахъ, гдѣ упоминается о Ягъ, изъ Яна сдѣлалъ Бояна : вмѣсто *Ягъ бо вѣщій* — Боянъ бо вѣщій ; вмѣсто : Ягъ же , братіе , не 10 соколовъ на спадо лебедей пушаше.... — Боянъ бо братіе.... и ш. д. Въ выраженіи же, о Бояне соловію спараго времени, онъ или приспавилъ бо, или было : »О бо Яне;« или : а бы Яне, соловію спараго времени, ты сія пѣлки ущекопашъ. Или было просто ; »о соловію стараго времени;« а догадливый переписчикъ прибавилъ Бояна , зная что его величаютъ соловьемъ.

Думы народныя содержали въ себѣ преимущественно сказанія о событіяхъ боевыхъ; слѣды древнихъ думъ сохранились въ Малороссіи. Неспоръ неизбѣжно долженъ былъ пользоваться этими народными думами, или легендами ; ибо они повсюду были основой исторіи. Въ Малороссіи по сіе время цѣвцы народныхъ преданій называются *Старцами*. А Неспоръ *Яна* называется *добрымъ старцемъ*, отъ котораго онъ слышалъ многи *слова*, ш. е. пѣсни, думки. По этой-то причинѣ всѣ описанія битвъ между Князьями и войны съ Половцами , сохраняютъ въ себѣ поэтическія выраженія думъ. На примѣръ, подъ 1019 годомъ, когда Святополкъ пришелъ съ силой великой Печенѣговъ, и Ярославъ, собравъ войско вышелъ противъ него на Ольшъ: »И помолвися пойдоща пропиву собъ, и покрыша поле Олпеское обои отъ множешва вой. Входящу солнцу , спушишась обои , и бысть съча зла , шакова не бывала въ Руси ; за руки емлючися съчахусь , и спушишась прижды яко по удольемъ крови шекуще ; къ вечеру же одоле Ярославъ , а Святополкъ побѣже.«

Поединокъ Мстислава съ Редедей, Княземъ Косожскимъ, безъ сомнѣнія былъ предметомъ Слова или пѣсни Яна :

Что ради губивъ дружину

Свидевась сами бороши.

..... —

Не оружьею ся бѣве, но борьбою....

Въ 1067 году бой Изяслава, Свяшослава и Всеволода съ Половцами на Ольшѣ :

«Се Половцы разсѣялися по земли, (*)
 Вдай, Княже, оружья и кони
 Еще бьемся съ ними
 Пошагнемъ, рече (Свяшославъ)
 Уже намъ нельзя камо ся дѣши!
 И удариша копыи....

Такимъ образомъ Несшоръ въ отношеніи усобицъ Князей и бившъ съ Половцами пользовался *Словами*, п. е. Легендами *старца Яна*; а въ отношеніи войны съ Греками — льпописями Визаншійскими.

Если догадка на счетъ *бо Яна* справедлива, то имя Яна подтверждаетъ неоспоримую достоверность пѣсни о Полку Игоревѣ, сочинитель копорой, спуская, не болѣе спа льпѣ по смерти Яна, могъ еще слышать въ родѣ его *Слова* о подвигахъ Князей и древнихъ Русовъ; а можешъ бышъ существовалъ и сборникъ имъ писанный. Время разрѣшишъ многое.

Ал. Вельтманъ.

КАНОНЪ,

СОЧИНЕННЫЙ ОТРЕПЬЕВЫМЪ?

Первый Самозванецъ, бывши діакономъ, пишуть, сочинялъ каноны нѣкопорымъ святымъ. Февраля 11го подъ числомъ празднуешя Всеволода-Гавриила Псковскаго. Служба ему въ церковной Минен подчисленная. Во всѣхъ праздничныхъ и другихъ канонахъ Греческихъ, и у насъ уже сочиненныхъ, почши непремѣнно *краегранице*, въ родѣ акросшиха, начальныя буквы каждаго пропаря сосставляющъ цѣлую рѣчь, или означающъ имя сочинителя и п. под. Въ первыхъ случаяхъ сочинитель, опъ скромности, запусывалъ слова шакъ, чшо надобно доискивашся, и слово къ слову подбирашъ, и изъ-

(*) Въ сл. о П. И: „по Русьской земли прострошася Половци . . .“

ясняшь, чтобы открыть смысл и значеніе. Примѣръ тому въ житіи Папріарха Никона: написавшій его, Шушеринъ, загадочно объяснилъ свое имя. Такъ встрѣчаешься и въ сочиненія нашихъ канонѣвъ, ш. е. нашими написанныхъ. Развернувъ службу сказаннаго Гавріила-Псковскаго, въ канонѣ, въ началѣ другаго шворца, въ заглавіи написано: »И аще волиши повелителя увидѣши въ началѣхъ пропарей канона сего.« Вошъ я и принялся чищать начальныя слова каждого пропаря, (извѣстно, что въ краегранесіе *ирмосы* и *богородичны* въ счетъ неидушъ), и шогда вошъ что соспавилось— (первый пропаръ пропускаю безъ вниманія; онъ во всѣхъ канонахъ идешъ вмѣсто предисловія):

Въ лѣша.....

Царя.....

Славнаго.....

Бориса.....

Всея Россіи.....

По благословенію.....

Епископа....

Геннадіа.....

Пскова града.....

Рукою.....

Многоразсудное.....

Буяго.....

Умомъ.....

Въ чловѣцѣхъ.....

Въ скорбехъ.....

Пѣснословивша.....

Гри) вну.....

Гор) няго.....

Послѣдующихъ пропарей начальныя слова не объясняюшъ ничего, или шакъ запушано окончаніе имени, ясно начашаго, что почти невозможно доискапьясь. Не Григорія ли Опрельева эшо швореніе? Онъ былъ при Борисѣ діакономъ еще. Къ шому же эшошъ канонъ шакъ написанъ, какъ я не чищывалъ подобнаго. Г. К.

КРИТИКА.

Акты Историческіе, собраныя и изданныя Археографическою Коммиссіею. Санктпетербургъ, въ шипогр. Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ. 1841 г. Т. I. VIII. 551. 44. Т. II. IV. 438. 29. Т. III. III. 501. 3. 18.

Статья первая.

Эпѣ при пома, лежащіе передъ нами и призывающіе насъ къ подробному изученію, заспавляютъ насъ забыть о скудной лишературной жани въ прошлаго года, которая угрожала Русской криптикъ почти голодною смертію. Чпѣ значить въ самомъ дѣлѣ вся эпѣ мелкая всемерная лишература наша, по большей часпи плодъ промышленнаго разчета и ашпорскаго себѣлюбія, передъ птѣми вѣковыми памяшниками нашей древней Руси, которые пеперь вырыпы изъ пыльных и сырыхъ архивовъ, напечатаніемъ ограждены навсегда отъ случайности времени, и даны въ прочное, обезпеченное достояніе народу Русскому? — Какое священное величіе, какой глубокой смышъ въ эптѣхъ харптіяхъ, изъ своего празднаго заключенія выходящихъ на свѣтъ передъ нами! — Ихъ мершвая буква, пробужденная духомъ науки, можетъ снова заговорить для насъ живымъ словомъ. Въ нихъ воскресаетъ древняя до-Пешрова Русь, которая заслонена была отъ взорвъ нашихъ блиспапельною завѣсою Европейскаго преобразования, какъ будшо Московскій Кремль Пешербургскимъ Адмиралшействомъ.

Наше время, судя по всѣмъ его признакамъ, должно быть временемъ перехода въ лишературѣ. Если изъ всего дурнаго полезно извлекашь доброе, — по и мы изъ нашего современнаго безплодія можемъ извлечь нѣкоторыя благопріятныя заключенія. Можетъ быть, эпонѣ опдыкъ даспъ намъ время углубишь въ самихъ себя, узнашь вѣрнѣе наше прошедшее, поищикашь въ немъ новыхъ испочниковъ, новыхъ силъ и зародышей для будущаго, болѣе соопвѣспивующихъ духу народному. Можетъ быть, пеперь насала для насъ пора науки, пора уединеннаго шруда, внутренняго самоуглубленія. Дай Богъ, чшобы эпѣ было шакъ, чшобы эпѣ шипшина пророчила

какоенибудь доброе, новое развитіе! До сихъ поръ въ литературѣ мы были увлечены болѣе внѣшнею жизнью Запада; мы оплывались ему по-своему, мы были часно его опголоскомъ; но теперь, въ эту минушу, Западъ обрекаетъ насъ самимъ себя. Теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, насупила для насъ необходимая пора внутренняго развитія: мы ощутили пошребность оглянупься на самихъ себя, и узнашь — чтоже мы шакое? Ешпешвенно, дошли мы до того заключенія, что полнаго самопознанія достигнупь мы не можемъ, если не раскроемъ передъ собою всю нашу первобышнюю Русскую древность, если не скажемъ себя, чѣмъ были мы прежде, когда выражалось въ Русской жизни одно чистое *наше*, цѣльное, народное бытіе, не принявшее еще въ себя никакой примѣси чуждой. Это вопросъ великій, государшвенный, всенародный, въ разрѣшеніи котораго заключается начало новой *внутренней* Русской жизни. Блещательная, пышная Европейская внѣшность, кошорою мы увлекались до сихъ поръ, начинаетъ опшываться спрашною пустою въ современной словесности нашей. Мы ощущаемъ пошребность чего-шо другаго, мы жаждемъ своихъ родныхъ испочниковъ. Тѣ, кошорыеэшой жажды не почувшвовали, шѣ спояшь далеко назади опъ движенія, въ кошоромъ шолько и ешпъ возможность будущаго нашего развитія.

Пошому-шо, при шомъ Акшова Историческихъ важнѣе для насъ, чѣмъ всѣ эшпѣ многешмные и дородные журналы, въ кошорыхъ шорговал оборошливость сѣверной сполиты хоронитъ всю нашу современную словесность, превращая ее часно въ одно пустое болшанье, угождающее праздному невѣжеству; важнѣе, чѣмъ всѣ возможные драмы, романы и сказки на заказъ и продажу, кошорыми подчиваешъ она любители пущаго чшенія. Сюда, къ эшому испочнику, иди, мужъ государшвенный, и здѣсь почерпай уроки опыта предковъ; сюда, испорикъ, съ своею прозорливою душою; сюда, юришпъ, съ мыслию объ изученіи нашего Русскаго права, согласнаго съ народною жизнью; сюда, филологъ, съ любовью къ древнему родному слову, кошорому здѣсь чиспный, свяшой испочникъ; сюда, повелъ, за народными вдохновеніями.

Да, оцѣнишь всю важность новаго изданія могутъ шолько совокупными штрудами своими наши испорики, привождая

и филологи. Мы съ своей стороны обратимъ вниманіе на нѣтъ сокровища, копорыя, содержаніемъ своимъ приваждая къ испоріи нашего православія, красошамъ языка сосшавляющъ также драгоценную собшвенность Испоріи древней Словесности Русской. Мы разумѣемъ Посланія Мишрополишовъ нашихъ и другихъ духовныхъ лицъ, въ первый разъ въ надлежащей полношѣ и въ хронологическомъ порядкѣ опкрышыи намъ для изученія. Мы вмѣняемъ себѣ въ пріятную обязанность обратишь вниманіе просвѣщенныхъ читашелей на нѣтъ неоцѣненныя древніе перлы духовнаго нашего краснорѣчія. На первый разъ ограничимся нѣтъ Посланіями шолько, копорыя напечатаны въ акшахъ періода удѣловъ, и начинающъ съ 1334 го, просширающъ до 1462 года, конемъ знаменуещъ начало единодержавія Русскаго.

Посланія Мишрополишовъ и вообще духовныхъ лицъ нашихъ сосшавляющъ одну изъ обильнѣйшихъ частей древней духовной Словесности Русской. Въ нихъ выражаещъ чисная, святая жизнь нашей Церкви, этого духовнаго, невидимаго шѣла, искони провицавашаго всю жизнь древней Руси нашей; въ нихъ видимъ мы также, что Церковь наша искони хранила и воспишывала у себя Вожій даръ чуднаго, величаваго, и съ нѣтъ вмѣснѣ живаго, общепользнаго, всенароднаго слова, копорымъ она поучала власнѣ и народъ, утверждала свое единство, устроивала внутреннюю и внѣшнюю жизнь свою. Намѣреніемъ нашимъ будетъ шеперь познакомить читашелей съ нѣтъ памятниками Словесности опечешвенной, и въ шомъ и въ другомъ опношеніи.

Касашельно языка, не льзя не замѣтитъ шого важнаго преимущешва, копорое съ самыхъ первыхъ временъ имѣла наша Церковь передъ Западною. Тамъ мершвыи Лашинскій языкъ, доступный шолько однимъ ученымъ людямъ, вовсе чуждый народу, и пошому лишенный всякаго дѣйствія: до сихъ поръ на Западѣ буллы Папскія опшашущъ совершенно не дѣйствительны для дѣтей Западной Церкви, копорая не шсходитъ до ихъ невѣжешва, и не считающъ за нужное переводитъ ихъ на языкъ народа. Не говорю ужъ о шомъ, что слова Евангелія и всего Богослуженія падающъ мершвыи, пущнымъ звукомъ въ уши народа; по неволѣ не вмѣлящаго глаголу Церкви. У насъ же было искони живое, Словено-русское

слово, соединяющее въ себѣ два великія превосходства: все Словенское величіе, необходимое для Церкви, ограждающее успа ея отъ выраженій проспонародія, отъ языка обиходнаго, кошорый былъ бы неприличенъ ея сану, и всю Русскую проспому, всю совершенно ясную вразумительность, безъ кошорой слово Церкви падало бы безъ всякаго дѣйствія, на почву бесплодную. Въ этомъ важномъ преимуществѣ нашей Церкви, имѣвшей искони свое величавое и вмѣстѣ живонародное слово, заключается, по нашему мнѣнію, главная причина того, почему жизнь религіозная могла такъ скоро проникнуть въ жизнь всего народа, слиться съ нею, войши во все ея соспавы, во все существо ея, и освятивъ все ея обряды, весь внѣшній бытъ ея Христіанскимъ значеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же мы найдемъ такое полное, цѣльное сліяніе Религіи Христіанской съ жизнію народа, какъ не въ древней нашей Руси? — Конечно нигдѣ, ни въ какой иной спранѣ. Чшо же было пому причиною? Живое, понятное слово Церкви, постоянно дѣйствовавшее на народъ. Здѣсь же разгадка и другой пайнѣ въ нашей Испоріи: какимъ образомъ, Христіанство, безъ особенныхъ миссій, безъ сопроспвленія, почти безъ мучениковъ, распроспранилось такъ скоро по обширнымъ предѣламъ спраны, равной величиною всей западной Европѣ и населенной племенами проспыми? За исключеніемъ нѣкопорыхъ неважныхъ намѣковъ, касающихся весьма малой частпи Россіи, Испорія не предлагаетъ намъ почти никакихъ свѣденій для разрѣшенія этого вопроса. Великое дѣло совершилось какъ будто само собою: оно такъ и было, но главнымъ орудіемъ къ пому служило народное слово Церкви. Черезъ него пролилась всюду новая жизнь религіозная: Христіанство было принято у насъ разумно, черезъ слово. Чудо, совершенное Спасителемъ надъ двѣнадцатью проспыми рыбаками, повшорилось у насъ надъ первобытными племенами Руси. Первые приняли ученіе Христа изъ божеспвенныхъ успѣ Его, черезъ живое слово: такъ и древнія племена Руси черезъ успа Церкви.

Религія только посредствомъ живаго глагола можетъ сообщать духовную жизнь свою народу: Западная церковь, допуская одно мертвое слово въ своемъ Богослуженіи, спаралась пособить этому недоспашку проповѣдью на живомъ

языкъ народа. Но проповѣдь одного лица никогда не можетъ имѣть той силы плодотворнаго дѣйствія, какую имѣетъ послоянный, живой глаголь Церкви въ ея величавомъ богослуженіи, глаголь, всегда знаменательный, всегда прогашельный. Церковь наша не отвергала проповѣди, но не признавала ее за единственное, исключительное средство сообщенія между духовною ея жизнію и жизнію народа. Спранно, что на Западѣ католицизмъ и протестантисзмъ, опираясь опть началъ совершенно противоположныхъ, сдѣлились въ этомъ способѣ дѣйствія на народъ, съ тою только разницею, что католицизмъ пріобщилъ къ нему внѣшнее великолѣпіе обрядовъ, не оживленныхъ однако словомъ, понятнымъ для народа. Опть того на Западѣ никогда не было такого полнаго сочепанія жизни религіозной съ народною, какое видимъ мы въ древнія времена нашего отечества. Христіанство тамъ являлось болѣе силою общественною: оно прославилось многими полезными учрежденіями, оно совершило добрыя измѣненія въ политическомъ бытѣ народовъ. У насъ же въ древней Руси Христіанство дѣйствовало не столько на общество, сколько на отдѣльнаго человѣка, на его внутреннюю личность, освящая всю жизнь его особеннымъ значеніемъ. На Западѣ оно образовывало человѣка общественнаго, внѣшняго; у насъ же оно развивало человѣка внутренняго, Христіанина въ собственномъ смыслѣ. Весьма замѣчательно, что въ Италіи среднихъ временъ существовали точно такія же понятія о мести за смерть убійнаго, о крови за кровь, какія были у древнихъ языческихъ Римлянъ. Даже до сихъ поръ вы найдете эту развалину язычества въ Италіи. Какъ часто встрѣчались въ ея церквахъ образа Божіей Матери, увѣшанные кругомъ кинжалами и пистолетами, копорые, будучи владѣльцами ихъ назначены для убійства, всего болѣе для мести, приносился всенародно въ жертву Религіи, и народъ считалъ это великимъ приношеніемъ: такъ еще понятіе о мести ему сродно, такъ оно до сихъ поръ вкоренено въ его нравы. Въ среднія же времена, оно до того было общепринятымъ понятіемъ, что Дантъ, въ повѣтъ своей описывая встрѣчу съ умершимъ своимъ родственникомъ, находилъ весьма естественнымъ и справедливымъ гнѣвъ его на родныхъ за то, что они не опомнились за насильственную смерть его. — У нашихъ предковъ, во времена ихъ язы-

чесства, были такія же сильныя понятія о мести, которую самый законъ признавалъ за право: не смотря на то, чрезвычайно скоро это кровавое понятіе, сколько противное духу Христіанства, совершенно искоренилось изъ нравовъ народа, грубѣйшаго конечно въ общественномъ отношеніи, нежели народъ Испаніи. Вотъ одно изъ самыхъ очевидныхъ доказательствъ сказанному нами! Между тѣмъ, должно сознаться, что общественный человѣкъ на Западѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ достигъ гораздо высшихъ преимуществъ, нежели шотъ же человѣкъ въ Россіи.

Главнымъ виновникомъ духовнаго преобразованія въ Русскомъ человѣкѣ былъ, какъ показали мы, живой глаголѣ Церкви, постоянно сообщавшей народу духъ жизни религіозной. — Обратимся же теперь къ внутреннему смыслу шѣхъ Посланій, которые подали намъ поводъ къ эпизодическому разсужденію, тѣсно связанному съ нашимъ предметомъ. Относительно къ содержанію своему, эти изданные памятники древняго краснорѣчія нашей Церкви представляющъ: *во первыхъ*, успроеніе внутреннего единства ея, какъ въ ней самой, такъ и въ народѣ Русскомъ; *во вторыхъ*, успроеніе всего внѣшняго порядка жизни религіозной, какъ въ пасыряхъ, такъ и въ паспвѣ народной; *въ третьихъ*, отношеніе Церкви къ держащимъ властямъ и къ народу. Мы намѣрены разсмотрѣть духовныя посланія Церкви нашей съ этихъ трехъ точекъ зрѣнія.

Начнемъ съ шѣхъ, которые относятся къ успроенію единства Церкви. Изъ напечатанныхъ подъ заглавіемъ: *періодъ Удольевъ*, принадлежатъ относящся къ этому предмету. Изъ содержанія ихъ мы видимъ, что два главныя, чрезвычайно важныя событія, послужили для нихъ поводомъ: первое — ересь Спригольниковъ, возникшая на сѣверѣ Россіи, и второе — перенесеніе средопочія Русской Церкви изъ Кіева въ Москву. Пять посланій относятся къ первому событію; восемь ко второму.

Ересь Спригольниковъ возникла, какъ видно, въ послѣдней четверти XIV вѣка и продолжалась въ XV столѣтіи. Средопочіемъ ея, вначалѣ былъ Новгородъ, а впоследствии Псковъ: всѣ посланія по этому предмету здѣсь напечатанныя,

обращены ко Псковичамъ. Однимъ изъ начальниковъ секты былъ діаконъ Карпъ, упоминаемый въ посланіи Паптріарха Константиннопольскаго Антонія, оиъ 1388 — 95 года. Мнѣнія вшой ереси соспоали въ слѣдующемъ: Спригольники опшвергали священство, не хотѣли имѣть священниковъ по рукоположенію и преданію, а въ порывѣ высокоумія и тщеславія сами себя поставляли въ учители народу и пошквали произвольно Священное Писаніе. Опшвергая священство, они не могли, какъ видно, совершать и шайнство, но вполне однако ихъ не оприщали. Они допускали внушреннее покаяніе, хотѣли, чшобы человекъ самъ про себя землѣ казался, а не священнику передъ нимъ предстоящему. Они возспавали шакже прошивъ моливъ о усопшихъ. Основаніемъ же главнымъ всему ученію ихъ, какъ видно, было признаніе исключительной власти Священнаго Писанія безъ преданій Церкви: это ясно выражено въ посланіи Паптріарха Константиннопольскаго Антонія, слѣдующими словами: «Книжное почитаніе, рекша, правовѣрнымъ недвижимо спасеніе.» Судя по вѣсьмъ признакамъ, ересь Спригольниковъ имѣла большое сходство съ ученіемъ Прошеншаншовъ, по крайней мѣрѣ въ главномъ основаніи.

Любопышно видѣть, какія средства упошребляла Церковь прошивъ вшой ереси: все это живо изображается намъ въ Посланіяхъ. Въ первомъ (*), Константиннопольскій Паптріархъ Нилъ обращается ко вѣсьмъ Псковичамъ. Замѣчательнъ присшупъ этого посланія: «Благородніи и честніи боляре, мужіе Псковичи, сынъ мой посадникъ, и сочскіи, и вѣсь дѣши мои и прочіи Христоименишніи людіе, подлежащіе свяшай Мшшрополи всея Руси, въ Рускомъ градѣ Псковѣ и въ предѣлахъ его обрѣщающіися, чада о Господѣ възлюбленная нашего смиренія!» Далѣ Паптріархъ нарицаешъ вѣсьхъ сынами и чадами, даже и шѣхъ, кошорые опспунили оиъ Соборной Апосшольской Церкви и Христіянскаго общенія. Какъ въ вшой любви и кропости выражается духъ вашей Церкви! Все посланіе проникнуто одною мыслію — о единствѣ ея. Опносительно лжеученія, Паптріархъ объясняетъ поставленіе священниковъ, совершаемое безмездно, вопреки

(*) Четвертый № въ первомъ томѣ Историческихъ актовъ.

кривымъ полкованіяхъ Спригольничковъ. Вездѣ слышимъ кропкой голосъ увѣщанія, голосъ любви, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ гоненія. Второе посланіе (*), писанное въ шомъ же духѣ Пашріархомъ Антоніемъ къ жишелямъ Пскова, содержишь въ себѣ гораздо болѣе подробностей о лжеучишеляхъ. Предсшавимъ вкрапщѣ его содержианіе.

Пашріархъ, какъ ошець, приглашаешъ Псковичей соединишь въ благое, въ смиреніе и любовь къ Іереямъ, слугамъ Божиимъ, воздашь Церкви Божіей *должное покореніе*. Церковь вѣсмъ *входна*: она, какъ мать, порождаетъ все крещеніемъ свяшымъ, пишаешъ все живущее въ ней, одѣваешъ и веселишь все, въ нее вселившееся Богъ въ Церкви хранишь намъ и предлагаешъ плодь вѣчной жизни, причащеніе пречиспыхъ и Свяшыхъ Таинъ. Діаволь, удалившій челошѣка опъ дерева жизни, силипся и теперь удалишь его опъ Тѣла и Крови Хришповыхъ, черезъ Спригольничковъ, повелѣвающихъ удаляшь причащенія. Подобно Корею, Дафану и Авирону, они возсшаютъ на чинъ испинныхъ священниковъ, и сами, не имѣя ни священства, ни свшщельскаго сана, поспавляюшь самихъ себя въ учишели народу, увлеченные шщеславіемъ и високоуміемъ, и сводятъ людей въ погибель. Спасишель избралъ и поспавилъ 12 Апосполовъ молитвою и возложеніемъ на нихъ рукъ Своихъ: Апоспобы, принявъ рукоположеніе опъ Христа, передали его Пашріархамъ, Митрополишамъ и прочимъ Священникамъ. Когда Священникъ служишь службу, шогда должно смопрѣшь на него какъ на Христа въ Сионѣ вечеряющаго съ Учениками. Не разсуждай и не испышывай о Іеретъ Божиюмъ, достоинъ онъ или нѣтъ? Помнишь вы, Спригольнички, чшѣ говоритъ Апосполь Павелъ, смопришь на себя, а не на Іерея Божія. И вы осмѣливаешесь называшъ ихъ недостойными духопродавцами! Но скажишь, ерешки, гдѣ хопишь вы попа взяшь себѣ? Не придетъ Хришпосъ во второй разъ воплошиться на землѣ, не снидешъ Ангель освяишь вамъ пона; но если бы и Ангель освяишь вамъ пона, шо и шому не подобаешъ вѣрвати, по словамъ Апоспола: „Аще Ангель вамъ благошспишь паче проповѣданаго, еже приасишь, прокляшь да будешъ.“ —

(*) Номеръ 6-ой Пстор. Акшговъ.

Вы осуждаете духовенство за то, что оно отъ Церкви нишаеся. Кшо насадишь виноградъ, отъ плода его не ѣсть ли? Кшо пасешь стадо, отъ молока его не ѣсть ли? Зависію подспрекаемые; воспаше вы на Святыхъ и поповъ, сами себѣ желая чести перехватишь: вы изучили слова книжныя, копорыя сладко слышатъ Хрисііанамъ, и поставили себя учителями народамъ. Но вы не помянули слова Хрисіова: Не входй дверми во дворъ овчій, но пролази инуда, шашь ешь и разбойникъ. Всякой, не имѣющій поспавленія Свяшительскаго и покушающійся учить, не въ двери вошелъ. Но шаши и разбойники убиваютъ людей оружіемъ, а вы, спригольники, убиваете людей разумно смертію, удаляя ихъ отъ пречисныхъ Таинъ Тѣла и Крови Хрисіовыхъ. Вы говорите, спригольники, что Апостоль Павелъ и преспому человеку повелѣлъ учить: но тогда всѣ люди были невѣрны: не вамъ ерешикамъ по было сказано. — Вы — нога, шворите себя головою; вы — овца, хопите бышь пасухомъ.

Еще же и шу ересь предлагаеши, спригольники: велите къ землѣ калясья человеку, а не попу. Но развѣ не слышите вы Господа, глаголющаго вамъ: Исповѣдайте грѣхы своя, молишесь другъ за друга, да исцѣлѣете. Потому и Свяшые Опцы успавили духовныхъ ошцовъ, чшобъ имъ исповѣдались Хрисііане. Какъ больной человекъ объявитъ врачу вредъ свой, и врачъ приложитъ ему зеліе, по достоянію вреда шого, и онъ исцѣлѣеть: шакъ и духовному опцу исповѣдаешъ грѣхы свои человекъ, и духовный ошець отъ грѣха шого перешашъ повелишь, и прошаву грѣха шого воздаешъ ему ешшею понесши; шого дѣла Богъ опшуснитъ грѣхъ шощъ. А кшо исповѣдаешся къ землѣ, по исповѣданіе ему не въ исповѣданіе: „земля бо бездушная тварь естъ, и не слышитъ и не умѣетъ отвѣчати, и не встретитъ, да не свгрѣшаемъ.“ Не подаситъ Хрисіосъ Богъ прошенія грѣховъ къ землѣ кающемуся.

Эшу злую сѣшь самъ діаволь положилъ въ Карпѣ діаконѣ, копорый не ведѣлъ калясья попамъ, чшобы отъ нихъ ошнать чести Іерейскую. Зная заранѣ, что шѣло его, какъ ерешика, не будешъ погребено съ псалмами и пѣснями, онъ

началь говоришь людямъ, что не надо ни гнѣть надъ умершими, ни поминать ихъ, ни службы совершать, ни приносая за мершихъ приносить въ церковь, ни пировъ шворить, ни милосердїя давать. Діаволь ошпалъ Ангельскаго сана, ошъ того и многихъ людей прельщаешь, чтобы не одному погибнуть: шакъ и спригольники ошлучили сами себя ошъ Церкви и другихъ ошлучить хопяшь. Въ Апостольскихъ правилахъ писано шворить память по умершихъ: шакъ и Святые Ошцы успавили во всякой службѣ поминать усопшихъ. Слѣдующъ сказанїя Св. Ошцевъ.

Спригольники пошпаясь, молясь, живутъ число, занимающъ книгами; но если бы живїе ихъ люди не видѣли чиспымъ — кто бы вѣровалъ въ ихъ ересь? Они изучающъ Священное Писанїе, — но если бы не ошъ книжнаго писанїя они глаголали, кто бы послушалъ ихъ? Но и *бесермени* пошпаясь и ошъ книгъ глаголютъ, да не подобаешь слушать ихъ. *О самопоставляющихся учителяхъ* Апостоль сказалъ, что многїе лжепророки вышли въ мїръ, »но не послушайше словесъ ихъ и въ дома своя не прїимайше ихъ. . . слугы бо льспивыя преображаются яко слугы истинны, и самъ савана преображаешь въ ангель свѣтель.«

Такъ поучала наша Церковь свою паспву словомъ живымъ и убѣдительнымъ, и ограждала свое единство ошъ ересей, возникавшихъ въ нашемъ опечесивѣ. Еще при посланїи Мипрополиша Фомїа, шакже ко Псковцямъ (1416 и 1427 годовъ), ошносясь къ тому же самому предмету (*). Здѣсь собраны всѣ преданїя Церкви, всѣ правила Соборовъ и Св. Ошцевъ въ зашщиту ея догматовъ. Всѣ они исполнены истиннаго краснорѣчїа; всѣ проникнуты шкою мыслью, что »Церковь Божїа, какъ говоришь въ первомъ изъ сихъ шрехъ посланїй, утвержденная Богомъ и даннымъ намъ закономъ новымъ, огражденная повелѣнїями Апостольскими, укрѣпленная божешвенными и Св. Ошцевъ правилами седми Соборовъ, свѣшпшя паче солнца, »яко сущее небо земное украшена,« и красуешья *необходимымъ благолытїемъ православїа.*

(*) N 21, 33 и 34.

Восемь посланий, как сказали мы, относятся ко вступному событию, сколько важному въ Истории не одной Церкви нашей, но и Государства, къ перенесенію средопочія оной съ юга на сѣверъ, изъ Кіева въ Москву. Въ вступныхъ посланіяхъ, первое мѣсто по порядку времени, по важности содержанія и по краснорѣчію, съ какимъ писано, занимаетъ окружное посланіе Митрополита Кіевского и всей Руси Фотія о незаконномъ избраніи Липовскими Епископами Григорія Самблѣа, въ санъ Кіевского Митрополита, ошдѣльно ошъ Московскаго.

Древніе, божественные мужи, говорятъ Митрополитъ, не писаніемъ и книгами учимы были, но чисный имѣя смыслъ, Духомъ Святымъ просвѣщались, и научались Божиимъ хощеніямъ. Таковы были первые Патріархи. Когда же изнемогли челоѣки и недоспойны спали просвѣщаніемъ ошъ Духа Святаго, тогда Богъ далъ законъ Моисею. Такъ и Владыка нашъ Христосъ бесѣдовалъ съ Апостолами лицомъ къ лицу. Когда же ереси и мѣшежи смущенія церковнаго начали прозябать, Господь благоволилъ написаніемъ Евангеліямъ, и преданіямъ Апостольскимъ, и правиламъ Св. Опець.

Ими-шо внушаемый, хочу я извѣститъ любовь вашу о мѣшежѣ, бывшемъ въ Церкви Божіей ошъ мужей неподобныхъ... Григорій, изверженный изъ сана Патріархомъ Вселенскимъ Евхиміемъ, возвращается въ Липву, чшобы разрушитъ и смущитъ Церковь Божію. Онъ собираетъ окаянныхъ Епископовъ, копорые на Церковь Божію, увы! начинаютъ замышленіе, не избраніемъ Св. Отець, не испытаніемъ соборнымъ, не разсужденіемъ правильнымъ, но самозаконно учинивъ его поспавленіе, какъ будшо въ сонномъ привидѣніи играя, въ священную одежду недоспойнаго одѣвають... Кто достойно восплачетъ бышую нынѣ бѣду? который языкъ изречетъ сдѣланное нынѣ? который слухъ кротко приметъ сію повесть? (*) Благовременно и пригодно нынѣ пророческое слово: „погибе благоговѣннъ ошъ земли и исправляя въ челоѣцѣхъ нѣспъ,“ — ибо слышамъ и оскордомъ разсѣкли двери Христовой Церкви.

(*) Все подчеркнутое выписано изъ шекста слово въ слово; прочее передано въ вѣрномъ сокращеніи.

Мы, какъ Іеремія, должны искашь *главъ воду и очамъ источникъ слезъ.*

Чудно, въ пошпическомъ образѣ, раскрыта далье мысль о единствѣ Церкви. — Какъ *источникъ водный, единъ текущъ, разливается* по многимъ спранамъ, *нападаетъ и прохлаждаетъ словесныхъ и несловесныхъ, и вся прозябленія земная многю раститъ и плодитъ*: шакъ и соборная и апостольская Церковь Константинаграда, *отъ источника паче духовнаго и безсмертнаго повсюду текущи*, равно и къ Митрополиі Кіевской и всея Руси, *строитъ попеченіе и береженіе*, и посылаетъ *единаго Митрополита Кіеву и всея Руси*. И шакъ должно суцимъ *вспмъ Епископомъ, Княземъ, велможамъ, священникомъ и шюкомъ, и всему Христоименитому исполненію послушати его, яко пастыря и учителя духовнаго*, по словамъ Хрисповымъ: „*Слушая васъ, мене слушаетъ, и опмешаяся васъ, мене опмешется; мене же опмешаяся, опмешавшя пославшаго мя*“.... Свяжигше, *окаянные, которыя книги Свяшыхъ, которое Евангеліе, который Апостоль васъ научилъ шакое нечеспіе шворишь?*

Христось васъ не пользуется... Преставшу источнику отъ теченія, скудость бываетъ вспмъ суцимъ на земли, словеснымъ же и несловеснымъ, и всякому земному прозябленію и плоду: такоже и вамъ, не суцей благодати Святого Духа въ сасъ, отъ источника духовнаго оскуднше бысть вашимъ душамъ и погубленіе.

Скажи шы, *всѣхъ болѣ прельщенный не-Епископъ Полоцкій Θεодосій*, — по пресшавленіи Свяшаго почившаго Митрополита Кипріяна, *не шы ли шель на Митрополию?* Ты самъ знаешь, сколько обѣщаль шы серебра и злата за шо спавленіе! Если бы за мзду оно давалось, не опослали бы шебя *бездѣла*. Но шы былъ опосланъ съ уничтоженіемъ великимъ и шпыдомъ, и сказали шебѣ: *Злато твое и сребро твое съ тобою въ нагубу да будетъ!*...

За шѣмъ слѣдують вопли сокрушенія Церкви и выраженіе надежды, что Господь не оставитъ ея уничтоженную, но *одынетъ одылінемъ веселія, по древнему благошпію*. — Призывая всѣхъ православныхъ не приобщаться къ нечеспію, совершенному въ избраніи незаконномъ, Митрополишъ приво-

дншъ слова всѣхъ учителей, начиная съ Апостола Павла, котораго именуешь *сосудомъ избраннымъ, предѣломъ церковнымъ, многострадалцемъ доблестнымъ, благовищанною цѣлницею, Христовымъ проповѣдникомъ, трубою слову и вѣщителемъ благочестія*. Призвавъ слова учительскія на убѣжденіе пастыри, шакъ обращается пастырь ко всѣмъ вѣрующимъ, уже словомъ силы и гнѣва :

»Ужаснишеса и въспрепещише, копорыи съ несвященными ядише, и любви шворящїи съ ними, и исправите себе, яко да не погыбнеше съ беззаконїемъ ихъ. Услышите вси языци, внушите вси живущїи по вселеннѣй, услышите пастыриѣ церквамъ. Хришовымъ, услышите священници Господни, услышите благочеспивїи князи и вси людїе, и бояре и вси судїа земскыя, иноцы, инокини, юноша и дѣвы, спарци съ уношами, малы и велици, или мужескъ полъ или женескъ, акупѣ богати и убози, вси внимайте глаголемымъ, молю вымъ

Все собранное ошъ Божешпвеннаго писанїа Вешхаго и Новаго Завѣла я объявилъ любви вашей: шеперь услышите шо, чшо завѣщано Святшми Апостолами и Опцами на Соборахъ. Посланїе заключаешся многими выписками изъ Соборныхъ положенїй.

Прочїя посланїя, шого же событїя касающїяся, принадлежатъ Митрополипу Іонѣ. Въ 47 мѣ онъ убѣждаетъ Князя Александра Владимїровича охраняшъ въ Лишвѣ Православїе, и содѣйшвовашъ древнему союзу Митрополиа Кїевской съ Московскою. Въ вшомъ посланїи все еще выражается ша мысль, чшо средопочїемъ Митрополиа долженъ бышъ Кїевъ, а не Москва, по преданїямъ спарины Русской. — Но особен но важна Соборная Грамоша Русскихъ Епископовъ 1458 года: здѣсь Іона именуется уже Митрополипомъ всея Руси, и описывается, какъ Епископы Рускіе, собравшїи въ церкви Пресвятшй Богородицы, у гроба Святшаго Петра Митрополиа Чудошворца Рускаго, прїяли рукоположенїе ошъ господня и опца ихъ Іоны Митрополипа всея Руси, и какъ въ слѣдствїе раздѣленїа Московской Соборной Церкви съ Кїевскою Церковію, ушвердившею ученика Исидорова Григорїа, опшверженнаго Папріархомъ Константинопольскимъ,

они всё дали обѣщаніе предъ Богомъ и предъ Ангелами оишъ Свяшой Церкви Соборной Московскія Свяшья Богородицы, и оишъ ихъ господина и оища Іоны Митрополиша всея Руси, бышъ неосшущнымъ. — Эшошъ важный акшъ показываешъ намъ, что у гроба Пешра Митрополиша положено было начало Митрополіи Московской.

Прочія посланія надписаны къ Смоленскому Епископу Михаилу, къ Липовскимъ Епископамъ, къ Архіепископу Новгородскому Іонъ и къ Липовскимъ Князьямъ, сановникамъ и мірянамъ. Всё они исполнены одной мысли: успроишъ единство нашей Церкви противъ навѣшювъ Кіевского Григорія и пропшвъ Исидора, о которомъ говоршся, что онъ хощѣлъ всѣяшъ, какъ плевель въ шпеницу, Римское ученіе въ наше великое Православіе. Въ вгѣхъ посланіяхъ Іона именуешся по Митрополишомъ Кіевскимъ и всея Руси, по просшо Митрополишомъ всея Руси. — Изъ посланія (напечатаннаго подъ № 66) мы извлекаемъ любопытную подробность о томъ, какъ скромно и крошко поступилъ Великій Князь Василій Васильевичъ съ опшщупникомъ Исидоромъ. Уразумѣвъ и познавши его опшщупленіе, онъ послалъ по своимъ Богомольцевъ, по Архіепископовъ и по Епископовъ, и по Архимандритовъ, и собралъ все великое Божіе священство наша земля: они же, спедшсь и возрѣвъ въ Божешественныя и Священныя правила, и обискавъ соборны, что Сидоръ пришелъ ошъ Рима, и принесъ намъ чужое и пропшвное нашему великому православію, велѣли ему побыши нѣ съ коемъ съ пречестномъ монастыри дотоль, доколь господинъ Князь Великій обошлетъ съ Царемъ городомъ. Какъ умно, шонко и послушно всегда дѣйшвовала Велико-Княжеская власшъ въ своихъ опшошеніяхъ къ Церкви! — Сильно въ вгѣхъ посланіяхъ выражаешся исконное наше опшщрашеніе ошъ Папской власши. »Что бо можешъ быши благое, говоршся въ одномъ изъ посланій, идѣже Папино имя нарицаешся въ церквахъ? не опрѣснокомъ ли, по Евновіевъ ереси, плошъ Господню глаголюще обожену быши, а не одушевлену, и паки Православныя Вѣры во исповѣданіи не работѣнна ли исповѣдаюшъ Духа Свяшаго Ошцу и Сыну, по Македонію?»

Нужно ли говоршъ о томъ, какъ важно было перенесеніе Митрополіи въ средошчіе Московское, въ Государь-

спивенномъ отношеніи? Въ этомъ событіи заключалось главное начало, освятившее и укрѣпившее зародышь единой державы Руси. Мы увидимъ скоро, какъ Церковь у насъ содѣйствовала его утвержденію. У гробницы Петра Митрополита положено, по всему вѣроупитію, и главное основаніе единому Государству Московскому и всей Руси.

Деянь посланій (*) содержаніемъ своимъ относясь къ успроенію внутренней и внѣшней жизни Церкви, какъ въ ней самой, такъ и въ паспвѣ ея. Здѣсь Митрополитъ Киприанъ (1392 — 1395) предписываетъ Псковскому духовенству обряды истиннаго крещенія младенцевъ, успроиваетъ обычаи причащенія: велишь причащающимся держать руки на персяхъ крестообразно; мущинамъ въ *вотолѣхъ* не приходиться, а снимаешь *вотолы*, опашень или шубу не препоясывать; посылаетъ *правый Цареградскій Синодикъ*, употребляемый у Св. Софій. Въ другомъ посланіи (1395) къ духовенству же, разрѣшаетъ недоумѣнія его о службахъ Св. Василія Великаго, предписываетъ, чпобы попы ни въ какомъ случаѣ не діаконствовали; говоритъ прошивъ разспригъ, чшо съ ними, какъ съ опверженцами Христа, не годился ни тѣспъ, ни пшпъ, ни цѣловашся, а при вспрѣчѣ бѣгашь опъ нихъ; указываетъ на важность и чиспощу сана Священника и діакона, говоря, чшо спавденнику *идобъ чисту быти, какъ отъ чрева матерня родитися*. Здѣсь Митрополитъ Фотій, въ посланіи ко Псковичамъ (1416), напоминаетъ Священникамъ слова Спасителя, знаменующія назначеніе ихъ въ народъ Русскомъ: „вы еспе свѣтъ міру, вы еспе соль земли.“ . . . „Чада моя Священники, пишу вамъ, да изспрезвите преже себе; и такъ да упасете спашо Христова по угодію Божию.“ Въ другомъ Посланіи того же года успроиваетъ постъ Рождественской, служеніе литургій Іоанна Златоустаго и Василія Великаго; разрѣшаетъ нѣкоторыя недоумѣнія: велишь лишашь самоубійць церковнаго погребенія, нѣмымъ даватъ Святное Причастіе; вино, хлѣбъ или овоць, получаемые пѣ земель Нѣмецкихъ, употребляшь въ пищу, *очистивъ молитвою Іерей*; смощрѣшь за паспвою, чпобы не ѣли давлени-

(*) Намечашаны подъ №№: 8, 11, 20, 22, 23, 26, 35, 61, 69.

ны. Замѣчательно правило Собора, приводимое по іному случаю: „Мерзко и безчеловѣчно явленъ быши мнѣмъ, еже не преже испочиниши крови опъ безсловесныхъ живолныхъ, ихже мяса того хопящимъ вкушати“. . . . „Кровь бо вмѣсто души въ безсловесныхъ имѣеть силу.“ Не менѣе достойны замѣчанія слова, которыми запрещается духовенству отдавать деньги въ ростъ. „Земледѣлашель клась вземши, сѣмя пакы подъ корень просыплешъ, займодавецъ же и плоды имѣеть у себе и не оспанется первыхъ; безъ земли сѣеть, и жнетъ не сѣявши; сего ради мѣди и злупу подвигъ, чрезъ еспешва бываемымъ: иже по еспешву ражается, неплодна ражаема!“ — Въ шрелъемъ посланіи ко Псковскому духовенству Митрополитъ Фопій укоряетъ Священниковъ, не совершающихъ достойнаго служенія въ храмахъ Божіихъ, слѣдующими замѣчательными словами: „обрѣтаюся въ васъ нѣкопоріи, иже живупъ не въ славу Божію, ни за Священническую чеспъ, на людскѣ съблазненіе, къ церквамъ Божіимъ не предстояще, и людей приходящихъ въ храмы Божіи съблажняюпъ своимъ небреженіемъ, и имя Божіе въ вашемъ небреженіи хулится; и не разумьваете пространно, что суть храмы Божіи, въ нихъ же Богъ прославляется, въ нихъ же Агнецъ Божій жрется за мірскій животъ, въ нихъ же есть несидимое сликостояніе Ангеломъ и челоупкомъ . . . въ нихъ же исходатайствуется спасеніе земнороднымъ; и вы то въ небреженіи положисте.“ Тушъ же запрещаетъ Владыка духовенству употреблять, для помазанія при крещеніи, муро Лашинское вмѣсто Цареградскаго. Архіепископъ Новгородскій Симеонъ, и Митрополитъ Фопій посланіями въ Слѣпогорскій монастырь предписываютъ устроять совершенно дѣла монастырскія опъ мірскихъ судей.

И содержаніемъ своимъ и краснорѣчіемъ духовнымъ особенно важна и замѣчательна Окружная Грамопа Ростовскаго Архіепископа Феодосія, бывшаго впоследствіи Митрополипомъ Московскимъ. Архіепископъ эпою грамопою сзываетъ духовныхъ на Вьлоозеро для Собора по случаю нѣкопорыхъ злоупотребленій, кон вкрались въ устройство церковное, и особенно для того, чшобы уничтожить бракъ съ шрешнею и чепвершою женою, прошивный церковному преданію. Эша грамопа показываспъ, чшо Церковь наша до-

пускала часныя Соборы или съѣзды, на коихъ устроивались дѣла часныхъ пасыбъ. Приведу мѣсто изъ сей Окружной Грамоты, написанной сильно и прекрасно. Здѣсь не лзя не удивляться этому величавому глаголу, копорымъ искони благовѣспила Церковь наша.

»Вы же о сихъ всѣхъ небрежете; и егда сами уклонисеша праваго пупи, како можете извесити спядо свое на пажихи живошныа, напоити живошныа воды, пребывающіа въ живощъ вѣчный? И о семъ удивляюся, опикодъ помраченіе пріасше и шмою покровени быше, еже не искаши полезныхъ? И по чешырехъ лѣнигъхъ моего поспавленія въ Архіепископы, не пріидосше къ опитію съборныхъ церкви, наказаніа испинному любомудрію, и опъ нашего смиренія благословенія не пребуеша, и поученія опъ божешвенныхъ писаній и опъ свяныхъ правилъ богоносныхъ Ощепъ слышати не хощише, и духовнаго наказанія не ищеша, и о церковномъ исправленіи и о своемъ спасеніи и о спадѣ своемъ небрежете, и всяко заблудисеша опъ праваго пупи; понеже предводцаго не имаша, ни гласа пасшырскаго свиряюща. Азъ же смиренный Архіепископъ Феодосій слышахъ гласъ Господа нашего Іисуса Христа, въ святомъ его Евангеліи глаголющъ: »пасшырь да възщепъ своа овца съ всякою крѣпоспію и усердіемъ, и погмбшее да обрщепъ, заблудшее възвратищъ, боллщему врачеваніе подасщъ, умершее грѣхы обратищъ на показаніе наказаніемъ божешвенныхъ словесъ.« Азъ же сію заповѣдь слышахъ опъ Господа моего, и убоався, якоже лѣнивый рабъ, осужденія, скрывше свой талантъ, и зѣло спужихъ си душею и сердцемъ о вашемъ невяніи и преслушаніи, и съ всякымъ щпаніемъ и съ усердіемъ подвигнухся съмо пріити къ вашей любви, вашего ради спасенія, да не долзѣ умножися злоба діаволя, губищела душъ нашихъ, но повсюду процвѣщепъ церковное благочестіе, и опшуду душа ваши насладящя божешвеннаго благоуханія.»

Но нигдѣ пакъ не выражаешся вся благородная и полезная дѣлательность нашей Церкви, какъ въ пѣхъ посланіяхъ, копорыа показывающъ опношенія ея ко власпи Великокипяжеской и къ народу. Конечно, можно сказашъ безъ всякаго преувеличенія, что ни въ какой другой испоріи не найдеша

ны такого благоразумнаго и шонаго опредѣленія границъ между духовною и свѣтскою власнiю, какъ въ испорiи нашей древней Руси. Пятнадцатъ посланiй подобнаго содержанiя напечатано въ акшахъ, ошнослящихся къ періоду удѣловъ. Мы пройдемъ ихъ по порядку.

Игуменъ Бѣлозерскаго монастыря Кириллъ въ посланiи своемъ къ Великому Князю Василю Димитріевичу (1399 — 1402), принесши ему благодарность за то, что онъ опъ шолкой славы міра преклонился смиренiемъ къ ихъ нищетѣ, и не забываетъ бранiи, въ пустомъ мѣспѣ собраншейся, предлагаетъ попомъ спасительнаго насшавленiя Великому Князю: «Въздай же убо Благодателю долгъ, свашнаго его храня заповѣди, всякого уклоняясь пуши ведущаго въ пагубу. Якоже бо о кораблѣхъ еспъ, егда убо наемникъ, еже еспъ гребецъ, съблзанишся, малъ вредъ шворитъ плавающимъ съ нимъ; егда же кормчiй, шогда всему кораблю съшворяетъ пагубу: шакже, господине, и о Князехъ. Аще кшо опъ Болръ согрѣшишъ, не шворитъ всѣмъ людемъ пакоспъ, но шокмо себѣ единому; аще ли же самъ Князь, всѣмъ людемъ, еже подъ нимъ, сошворяетъ вредъ. Ты же, господине, съ многою швердоспiю храни себе въ добрыхъ дѣлѣхъ; рече бо Свшпный Апосшолъ: «миръ имѣйте и свашною, безъ неяже никшоже узришъ Господа.» Возненавиди, господине, всяку власпъ, влекущую пля на грѣхъ; непреложень имѣй благочеспiя помыслъ и не возышайся, господине, временною славою къ сѣшному шашанiю: малъ же убо и крашокъ сущiй здѣ живонъ и съ плоспiю съражена смерпъ. И сія убо помышляя, не впадешъ въ ровъ гордоспный: но бойся, господине, Бога, истиннаго Царя, и блаженъ будешъ: «блаженъ бо, рече, болященъ Господа.»

Послѣ эпгѣхъ общихъ насшавленiй, внушенныхъ чувспвомъ испины, Преподобный Кириллъ совѣщуетъ Великому Князю помирись съ его сродниками, Князьми Суздальскими. Да слышалъ я, говоритъ онъ, что *смущенiе велико между тобою и сродниками твоими Князьми Суздальскими. Ты, господине, свою правду сказываеши, а они свою; а пошому, опъ васъ великое кровопролитiе въ Хриспiанѣхъ чинишся. Ино, господине, посмотри того истинно, въ чемъ будетъ ихъ*

правда предъ тобою, и ты, господине, своимъ смиреніемъ поступи на себе; а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, и ты, господине, за себе стой по правдѣ. А почнуть ти бити челою, а ты бы, господине, Бога ради, пожаловалъ ихъ, по ихъ мърь.... Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблуженіи въ Татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались. Занеже, господине, ни царство, ни княженіе, ни иная каа власть не можетъ насъ избавити отъ нелицемѣрнаго суда Божія: а еже, господине, възлюбити ближняго яко себе, и утѣшити душа скорбящая и озлобленнъ, много, господине, поможетъ на страшнѣмъ и праведномъ судѣ Христовѣ... Пишеть Апостолю Павелъ: яще имаю вѣру горы преснавлиши, и аще имаю раздаши все имѣніе свое, любве же не имаю, ничпоже полза ми есмь. Возлюбленнъ же пишеть Иоаннь Богословъ: яще кшо речеть, Бога люблю, а брата своего ненавижу, ложь есмь. Тѣмже и пы, господине, възлюби Господа Бога опъ вся душа своя; тако възлюби и братію твою и вся крестьяне: и тако, господине, въра твоя къ Богу и милостыня твоя къ ницимъ Богомъ пріятна будетъ.

Какъ просто, какъ убѣдительно эпо насъвленіе, и какъ важно оно было въ пору междоусобій Княжескихъ!

Тотъ же Преподобный Кириллъ въ посланіи своемъ (1408 или 1413) къ Можайскому Князю Андрею Димитріевичу шакія предлагаетъ насъвленія: »Слыши, господине Князь Андрей, Вопхое писаніе: егда възхощенъ Богъ кую землю показавши за нечестіе, посылаетъ прежь проповѣдники, дабы обратились; и аще обратятся, опводитъ Господь опъ нихъ свой гнѣвъ, мимоводитъ скорбь, и предлагаетъ печаль на радоспъ и показуетъ на нихъ свою милоспъ.... Намъ нынѣ, видѣвшимъ преславная чудеса Пресвятой Богородицы, подобаетъ радованію, чпо Богъ Пречисною Машперію своею избавилъ насъ опъ врагъ иноплеманныхъ; но съ нѣмъ вмѣстѣ поминаю грѣхи свои, и о нихъ плакашися, и просишъ у Бога и Пречисной Его Машпери милоспши и помощи на благія дѣла... »Ты, господине, смопри много: възшеянъ еси въ опчені, опъ Бога посъвленъ, люди, господине, свои уймаши опъ дикаго обычая. Судъ бы,

господине, судили праведно, какъ предъ Богомъ, право; поклясь бы, господине, не было; поджешовъ бы, господине, не было; судьи бы, господине, посуловъ не инокали, довольны бы были уроки своими, понеже сице глаголетъ Господь: яда не оправдиши нечестливаго мзды ради; ни сила, ни богаша ускыдися на судъ, ни брапа свойшва ради, ни друга любви ради, ни ница нищеты ради; ни сътворили неправду на судъ, яко судъ испиненъ еси, проклятъ всякъ неправо судяи И ты, господине, внимаи себѣ, чшобы корчмы въ швоей вопчинѣ не было; занеже, господине, шо велика пагуба душамъ: креспьяне ся, господине, пропывають, а души гибнутъ. Также, господине, и мышовъ бы у тебѣ не было, понеже, господине, куны неправедныя; а гдѣ, господине, перевозъ, шушо, господине, пригоже, даши шруда ради. Также, господине, и разбой бы и шашбы въ швоей вопчинѣ не было Тако же, господине, уймай подъ собою люди ошъ скверныхъ словъ и лаянїя, понеже шо все прогнѣваешъ Бога; и аще господине, не подципиши всего шого управипи, все шо на тебѣ възщепся: понеже власпишель еси своимъ людямъ, ошъ Бога пославленъ. А креспьяномъ, господине, не лѣнись управы давати самъ: шо, господине, выще тебѣ ошъ Бога виѣниши и молишвы и посша А въ церкви спойше, господине, съ спрахомъ и шрепешомъ, помышляюще въ себѣ аки на небеси сполще: занеже, господине, церковь наречелся земное небо, въ ней же съвершаются Хришова Тайншва. Блуди и себе, господине, опасно: въ церкви, господине, споя, бесѣды не швори и не глаголи, господине, никакого слова празна; и аще кого видиши ошъ велможъ своихъ или ошъ просныхъ людей, бесѣдующа въ церкви, и ты имъ, господине, възбранай: понеже, господине, шо все прогнѣваешъ Бога. И ты, господине Князь Андрей, о всемъ о шомъ внимаи себѣ, занеже глава еси и власпишель ошъ Бога пославленъ иже подъ лобокъ креспьяномъ.

Въ шрешьемъ посланїи (прежде 1422) къ Звенигородскому Князю Георгию Димитриевичу, Преподобный Кириллъ угнѣваешъ Князя по случаю болѣзни супруги его словомъ вѣры и молишвою. Тупъ же проситъ онъ Князя не затѣжашъ къ немъ въ монастырь на Белоозеро: любопытна при-

чина, побуждающая его къ такой просьбѣ. »Еще, господине, самъ сего поразсуди: понеже пвоея вошчины въ сей спранѣ нѣтъ, и нолько ты, господине, поѣдешъ сѣмо, ино вси челоуѣци начнушъ глаголаши: »Кирила дѣла шокмо поѣхалъ« А ты самъ вѣдаешъ, каковъ намъ вредъ приходишъ опъ похвалы челоуѣческой, но и паче же намъ спраснымъ. Аще кшо, господине, въспинну свяшъ и числшъ сердцемъ, ино и шѣмъ повреженіе бываешъ опъ шоя шягошъ; а намъ, господине, еще всякой спрасши повиннымъ, велика спона души опъ шого» —

Весьма замѣчательно въ полипическомъ отношеніи посланіе Митрополипа Фомія (1416 года) ко Псковичамъ, кошорыхъ онъ, по прошенію ихъ, разрѣшаешъ опъ присяги, данной ими на усшавную грамошу Князя Констаншина Димитрѣевича, пропшвную ихъ спаринѣ и преданіямъ. Прежде нежели разрѣшишъ ихъ опъ цѣлованія, Владыка указываешъ имъ спрогія правила Св. Опецъ, касающіяся сего вопроса, и съ шѣмъ вмѣстѣ велишъ имъ взвѣсшъ весь вредъ, кошорый могъ бы бышъ для православія опъ измѣненія народной спарины ихъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ шолько, если опъ шого усшава и цѣлованья произойдетъ сильная пагуба державѣ ихъ, разрѣшаешъ онъ ихъ опъ присяги. Вотъ слова шого разрѣшенія: »Се изъ васъ, своихъ дѣшей, благословляю порушиши шу новину, нужную грамошу Хршціаномъ, а благословляю васъ держали вашу спарину, аже будетъ богоугодно и по свяшнымъ правиломъ и всей вшшей державѣ не душевредно, но и польза душевная.«

Въ 1426 году ужасная моровая язва, извѣспная въ лѣшопислхъ подъ пменемъ Черной Смерши, поспигла многія земли Русскія. И въ шпомъ грозномъ бѣдшвн, Церковь являешъ съ своими благодатными упѣшеніями и уроками. Митрополитъ Фомій опсправляетъ посланіе ко Псковичамъ по шшому случаю. Первое слово его, слово не скорби, а слово духовной радости о испшпаніи Божіемъ. Какъ Церковь умѣла сохранишъ несокрушимую швердосшъ въ подобномъ бѣдшвн, и шакое положеніе ея какимъ упѣшеніемъ было для народа! Вотъ содержаніе посланія: »Чада мои, я слышалъ опъ сына моего духовнаго, вашего посадника Федора и иныхъ вашихъ по-

словъ , о Божіемъ на насъ наказаніи и прещеніи. Такое же , любимые мои , было и на насъ наказаніе , на Москву , на Тверь и на иные окрестныя грады и сѣверныя. Но мы шокмо благодаримъ глубину Божіихъ судьбъ и неизреченную пучину его человеколюбія , какъ *не напрасно , не горько* взимаесть Онъ Свои созданія , *но даруемою всею исполненою и уготовляемою* Христіянскою кончиною , съ чистымъ покаяніемъ и исповѣданіемъ , и съ освященіемъ масла , и съ причащеніемъ честнаго и живошворящаго Христова тѣла и Божественнаго и живошворящаго Его крови , и многіе въ подобіи великаго Ангельскаго одѣянія въ Богу опшодящъ . — Пошому , не съ печалію , а съ духовною радостію (какъ вшо опрадно и сильно!) , принимаемъ мы вшо наказаніе Божіе , имѣющее послужить къ обращенію и исправленію нашему . — Но всѣ мы , православныя , пренеща и ужасаяся праведныхъ на насъ Владычннхъ наказаній , должны прилежно обо всемъ въ позваніе приніиши и спросиши себя , за что мы спраждемъ и какъ уклонились опъ пути праваго? Въ насполящихъ наказаніяхъ Божіихъ опшщимся лица свои омывашъ слезами , души свои очистиши опъ грѣховъ пощеніемъ и молишвами , *обнажимъ язвы души нашихъ* передъ Тѣмъ , *Кшо огнемъ искуситъ всѣ дѣла наши* , въ день *неизмолимаго* суда Вамъ первый урокъ и совѣтъ , священники и иноки ; молю васъ — ходише по чину званія вашего : совершайше въ людяхъ духовное исправленіе словомъ и дѣломъ , по глаголу Христова : „яко да видящъ человекъ добра ява дѣла , и прославящъ Опца вашего , иже естъ на небесѣхъ.“ Вамъ , посадникамъ и власшелямъ , припоминаю , что опъ Господа дана вамъ власшь и сила опъ Вышняго : пошому должны вы работашъ Господу , а не человекамъ , *милованіе и заступленіе показуя людямъ и творя надъ ними судъ правды Божией*. Вы , *нарочитые града* , молю васъ , довольны бывайше вашими уроками , наславляя другнхъ на благочестіе и благолѣпіе , и соблюдая въ купляхъ и мѣрилахъ Божию правду : ибо купля неправедна и мѣрила лукавыя меряки Богу , а купля и мѣрила правыя благословенны опъ Бога. Всѣхъ же васъ , любимые мои , молю , да имѣете смиреніе другъ ко другу , и любовь , и всякое совокупленіе духовное , помня Евангельское великое Христа о любви слово : „Мои ученици есте , аще любовь имаете между собою.“

Посланіе Великаго Князя Василя Васильевича Конспаншнопольскому Пашріарху Митрофану (1441) объ опшгупленіи опгъ Православія Митрополипа Исидора, показываешъ шу образцовую покорносшь, каковую всегда Церковь и власшь наша цинали къ колыбели нашей вѣры, къ Царю-городу. Эшо посланіе опшличаешся чуднымъ краснорѣчіемъ. Въ немъ повѣсшвуешся вкрапщѣ испорія нашего православія и опшношеній Церкви нашей къ Царю-городу, а именно: какъ съ много-человѣчной землѣ Русской, всѣ воспріяли Святое Крещеніе, и Владимиръ, *Благочестивый Царь Рускіа землѣ*, опгъ правящаго Свяшую Божию церковь Пашріарха, пріяли Митрополипа на Русскую землю; какъ сыны его, внуки и правнуки слѣдовали его преданію; какъ благочестіе и православіе въ землѣ Русской *семыреста плтюдеша и три мѣта* сохранилось; какъ внезапно явился, мимо желанія нашего, Митрополипъ Исидоръ, приславный Пашріархомъ и Царемъ Греческимъ; какъ Великій Князь, шолько ради *страха Божія и покорности*, согласился пріяшь его; какъ умыслилъ Исидоръ идти на Соборъ въ Ипалію — и не смошра на убѣжденіе Князя, чшобы пріянь онъ намъ *древнее наше благочестіе* и Православную Вѣру, внесъ онъ измѣну и опшступленіе. Въ заключеніе просишь Великій Князь, чшобы ради Ташарскаго напешсвія и шрудносшей пущи разрѣшили Царь и Пашріархъ въ нашей землѣ *поставленіе Митрополипа свободное, избраніемъ Боголюбивыхъ Епископовъ отечества нашего*, съ благословенія Пашріарха Царяградскаго: ибо доколѣ Богъ благошволишь и земля наша доколѣ имешъ спошши, наше православное Хршстіанштво опгъ Греческаго разлучно не будешъ.

Посланіе Россійскаго духовенства Углицкому Князю Димитрію Юрьевичу (1447 года Декабря 29го) предспавляешъ славное свидѣшельсшво шого, какъ Церковь наша подвигами слова своего содѣйшвовала ушверженію едшнодержавія, и укрощала, сколько могла, своеволіе удѣльныхъ Князей, вредившихъ блугу опешесшва. Сильно и смѣло укоряешъ она въ эшомъ посланіи одного изъ эпшхъ гордыхъ пропшвнниковъ власши Велико-Княжеской! Изложимъ главные упреки.

Душегубный врагъ рода человѣческаго, діаволь, поза-видѣль праопшцу нашему Адаму и положилъ въ сердце ему

равнобожество, и восхопѣлъ праотецъ нашъ *обожегтися* и *равенъ Богу быти въ разумьнѣ*, но за шо осужденъ былъ и *самоимтелиствомъ* обоженіа поспрадалъ. Такъ и опецъ швой, Князь Юрій Дмишрїевичъ покушался на великое Княженіе, какъ древній нашъ праотецъ Адамъ къ обоженію! И въ Орду опецъ нашъ къ Царю ходилъ, и всему православному Христїанству была опъ него въ началъ испома и великіе убытки, а Княженія великаго не досягнулъ, попому что ему Богомъ не дано, ни *земскою изъ начала пошлмною*. Чпоже вышло? Великаго Князи Василїа Васильевича согналъ, а попомъ самъ съ Великаго Княженїа *въ плти человекахъ свъхалъ?* Такъ и бранъ швой Князь Василїй восхопѣлъ шгоже не опъ Божїей помощи и воли, но опъ гордосни и высокомыслиа: сколько христїанской крови пролилося, а Богъ ему не попустилъ. Воспомянемъ и шебя самаго. Когда безбожный Царь Махметъ приходилъ къ Москвѣ, — Великій Князь Василїй Васильевичъ сколько пословъ по шебя посылалъ, и сколько писалъ къ шебѣ грамоты, а шы къ нему не пошелъ, — и много крови Христїанской пролилося, и какое множештво Христїанства въ поганый полонъ пошло, и сколько святыхъ Божїихъ церквей разрушилось, и сколько дѣвиць расплѣнено, а *все то въ твоємъ небреженъи, и видится намъ, что все то всесильный Богъ отъ твоихъ рукъ възметъ*. Попомъ безбожный Царевичъ Мамошакъ приходилъ къ городу Суздамо: и Великій Князь Василїй Васильевичъ съ своимъ брашїею, Болрами, дѣшми Болрскими, воинспвомъ, вышелъ на поганыхъ — и бранъ его сколько ранъ понесла! Князь Михаилъ въ полонъ уведенъ! и сколько за вѣру православную въ шомъ бою Болръ и дѣшей Болрскихъ и иныхъ людей побито: они мученически къ Богу опошли, *имъ же вѣчная память!* а по шебя Великій Князь сорокъ пословъ посылалъ, зовучи за Христїанство помогани: *и ты ни самъ къ нему не похалъ*, ни Воеводъ своихъ съ своими людьми не послалъ, — и сколько шупъ крови Христїанской пролилося, и сколько въ полонъ уведено, *за все то Богъ отъ твоихъ рукъ възметъ*.

Попомъ, когда Богъ милоспїю своею Великаго Князя опъ поганыхъ освободилъ, — дїаволь снова вооружилъ шебя желанїемъ самоначалспва, и шы замыслилъ разбойнически, *поцетатствомъ* изгнашь его, и сошворилъ надъ нимъ не ме-

тѣ Кайѣа и Святополка. Разсуди самъ въ себѣ: какое благо сотворилъ ты православному Хрисціанству? чѣмъ самъ себя пользовалъ? сколько погосподарствовалъ? въ какой пишинѣ пожилъ? не осели въ суетѣ и въ прескаканьи отъ мѣста до мѣста, во дню помимый мыслями, въ ноци мечпами сновидѣнія? Ища и желалъ большаго, и меньшее изгубилъ. А Божію милосшію Князь Великій опять на своемъ государствѣ: кому дано чшо опшъ Бога, шого не можешъ у него опнашь нишпо.

Слѣдуешъ и численіе условій, кошорыя сдѣланы были между Великимъ Княземъ и Углицкимъ Димитріемъ и утверждены крѣпнымъ цѣлованіемъ: ими сей послѣдній обѣщался — *держати своего брата старѣйшаго Великаго Князя Василія Васильевича честно и грозно, вездѣ за одинъ, до своего живота; друзьямъ его быти другомъ, а недругамъ недругомъ; о добрѣ его и лихѣ повѣдашь ему вправду; Орду управляать и звать Великому Князю, а ему Углицкому давашь полюшко выходъ, и проч.*

Но всѣ эти условія были имъ нарушены, и крѣпное цѣлованіе ни во чшо вмѣнено. »Мы, шакъ продолжаемъ духовное слово своего наказанія, — о прежнихъ швоихъ дѣлахъ ужъ немного говоримъ, но скажемъ шеперь о нынѣшнемъ швоемъ пресшушленіи. Ты обѣщалъ съ Великимъ Княземъ быти вездѣ за одинъ, а самъ осылаешъ съ иновѣрцами, съ поганшвомъ, съ другими землями. Посылаешъ къ Новгороду просиши его о помощи, какъ будшо на Ташаръ, чшо изневолили нашу опчину Москву, а самъ *злочитрстсуеш* на брата своего старѣйшаго, на Великаго Князя, — и если Ташары во Хрисціанствѣ живутъ, шо чинишя ради швоого съ братомъ старѣйшимъ Великимъ Княземъ неуправляема, и ты слезы Христіанскія еси на тебѣ же.... Не ты ли обѣщалъ держати брата швоого *честно и грозно*; повѣдашь ему о добрѣ его и лихѣ? и чшо жѣ? гдѣ его честь и его гроза? Какъ ты блюдеши подѣ нимъ его отчину, все его *Великое Княженіе*? А ты самъ посылаешъ вездѣ на его лихо, на его кровь, какъ есуду во Христіанство, такъ и въ бесерменство, къ Новгороду къ Великому посылаешъ, ко Князю Ивану Андреевичу посылаешъ, къ Вятчаномъ посылаешъ, а въ Вязку шибѣ по крѣпному цѣлованію и не должно вшупашься!

Опъ унрековъ переходпшъ Церковь къ умилишельнымъ просьбамъ и увѣщаніямъ: »О помъ шобъ своему господину и вспоминаемъ, и челомъ бьемъ, и благословляемъ, и по своему долгу Бога молимъ: пожалуй, господине, побережи своей души и своего Христіянства и крещнаго своего цѣлованья, а передъ своимъ, господине, брапомъ передъ старѣйшимъ, передъ Великимъ Княземъ, исправися во всемъ чистомъ.« — Держась не одной спороны Великаго Князя, а наблюдая выгоды и права Князей Удельныхъ, Церковь является безпристрастною и примиряющею посредницею между обѣими споронами, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ: »А мы, господине, ваши богомольци, по своему долгу, били есмы за шобе челомъ своимъ господину, а швоему брапу старѣйшему Великому Князю, и господинъ нашъ, брашъ швой старѣйшій Великій Князь, какъ ему Богъ положилъ на сердци, нашего слова своихъ богомольцевъ послушалъ, а шобе своего брата жаловани хочешъ и въ брашствѣ и въ любви держани по старинѣ; и о всемъ шобъ управлявшися срокъ, по Крещеньи двѣ недѣли.«

Въ заключеніе повторенныхъ нѣсколько разъ кропкихъ убѣжденій, Церковь заключаетъ угрозою въ случаѣ неисполненія. . . . »Шно шо не мы шобъ учинимъ, но самъ на себе наложишъ шягоспъ церковную духовную, по Господню глаголющему словеси: »егоже аще разрѣшите на земли, и будетъ разрѣшенъ на небесѣхъ; и его же аще свяжете на земли, и будетъ связанъ на небесѣхъ«, и паки: »слушавъ васъ мене слушаешъ, а опшмешайся васъ мене ся опшмешетъ, а опшмешайся мене опшмешется и пославшаго мѧ.«

И если ны не обратпшся къ Богу, и къ своему брапу старѣйшему къ Великому Князю съ чистымъ покаяніемъ, — тогда чуждъ будешъ Бога и Церкви Божіей, и не будетъ на тебѣ милости Божіей и Пречистыя его Богоматери и силы того честнаго и животворящаго креста, который еси къ своему брату старѣйшему, къ Великому Князю Василью Васильевичу цѣловалъ, ни по святымъ правиламъ прокляшъ да будешъ опъ Св. Апостоль и опъ Св. богоносныхъ Опець, опъ всѣхъ седми Вселенскихъ Соборовъ, и въ конечную погибель да пойдеши. . . . Такожъ и нашего смиренія, свѣшительскаго и священническаго не будешъ на шобъ благословенія и молишвы, ни въ си вѣкъ ни въ буду-

щій, ни на шѣхъ на всѣхъ, кто имѣеть шобѣ думати, и нашу кровь къ шобѣ приславани и побъраши или спѣшьспво-вашни, или словомъ, или дѣломъ, или иною какою хипросъшою, на Великого Князя лихо и на его кровь и его дѣшей, и всего православнаго Христіанства на неуспроеніе и на нешпину. А въ томъ швоемъ неисправленъи какова, по грѣхомъ, кровь Христіанская прольется, и ша Христіанская кровь вся на шобѣ же будетъ.»

Кратко пройдемъ мы содержаніе всѣхъ прочихъ посланій. — Великій Князь Василій Васильевичъ въ Посланіи опъ 1448 года (*) обращается къ Греческому Царю Конспаншину Палеологу съ просьбою пославить Рязанскаго Епископа Іону въ санъ Мишрополиша, на мѣсто Исидора. Изъ впого посланія видно, что Мишрополишъ Іона избранъ былъ Великимъ Княземъ совокупно съ его маперью, всіми Русскими великими и помѣстными Князьями, и Свяшпшелыми и всімъ духовеншвомъ, и общежишелыми, и иноками, и боярами, и всею землею Русскою. Замѣчательна также покорность, выражаемая Великимъ Княземъ Царюграду, когда онъ говоритъ, что впорое пославленіе Іоны по измѣнѣ Исидора учинено за великую нужду, а не киченіемъ, ни дерзостію; что церковь наша Русская святыхъ Божіихъ вселенскіихъ сборныхъ Апостольскіихъ церкви Премудрости Божіихъ Святыхъ Софій Цариградскіихъ благословеній требуетъ и ищетъ.

Мишрополишъ Іона въ 1448 году (**) окружною грамотою, сановникамъ и народу объявляя о пославленіи своемъ, обнаруживаетъ измѣну Князя Дмитрія Юріевича, нарушившаго крестное цѣлованіе передъ Великимъ Княземъ, и убѣждаетъ всѣхъ опложиться опъ измѣнника и покориться Василию Васильевичу, если не хопятъ, чшобы кровь Христіанская на нихъ опъ Бога взыскалась: въ пропивномъ случаѣ, угрожаетъ оплученіемъ церковнымъ. «Колѣ вашимъ ожеспоченіемъ еще кровь Христіанская прольется, погда ни Христіанинъ кто будетъ именуся въ вашей земли, ни священникъ священшвуа, но вси Божіи церкви въ вашей земли зашворашся опъ нашего смиренія.»

(*) NO 41 Актовъ.

(**) NO 43.

Въ посланіяхъ, писанныхъ между 1448 и 1458 годами (*), Митрополитъ Іона обращаетъ вниманіе Новгородскаго Архіепископа на междоусобныя распри, убійства и кровопролитія, совершаемыя въ Новгородѣ; даетъ ему, какъ пасшырю, наспавленія, почерпнутыя изъ Пророковъ и Святыхъ Опцевъ, особенно же изъ Іоанна Злапоуспаго. За нѣмъ слѣдуетъ особое увѣщаніе къ Посаднику степенному и спарымъ посадникамъ, пысяцкому степенному и спарымъ пысяцкимъ, въ боярамъ, купцамъ, жыпымъ людямъ и всему великому Новгороду: здѣсь главный пасшырь Церкви, словами писанія, убѣдительно говоритъ противъ гнѣва и яросши, и призываетъ ихъ къ покаянію, именуя оное *корнемъ жизни*. Изъ внѣхъ обоихъ посланій узнаемъ мы нѣкопорыя любопытныя подробности. Видно, что они читались всенародно, по всему вѣроянію въ церкви; что Архіепископы обязаны были сами проповѣдью въ внѣхъ случаяхъ наспавлять народъ и власпи; что кромѣ того, наспавленія подобнаго рода поручались отъ Архіепископовъ священникамъ. Волъ мѣста изъ посланій, подтверждающія нами сказанное: *»И шого ради, сынове, и вашему опцу, а нашему о Святѣмъ Дуѣ сыну и сослужбнику нашего смѣренія, Архіепископу Великаго Новгорода Владыцѣ Евѣмію, нѣчто есмы малое вѣкрапцѣ отъ божественнаго писанія написали въ вашу душевную ползу: и то, Богъ дастъ, сынове, писаніе наше грубое послышите, и отъ своего отца, а нашего сына, и святителя нашего и учителя словеса и наказаніе услышите же, чѣмъ его Богъ милосердый челолюбколюбецъ и святыи несильный его Духъ божественный настаивитъ; а васъ, нашихъ духовныхъ дѣпей, Богъ вразумитъ и писанія и наказанія опца вашего послушати, и внимати, и повиновашися, за свою духовную ползу.»* — Въ посланіи же къ самому Архіепископу Митрополитъ такъ выражается: *»И благословляю шебя, своего сына и брата, яко да и самъ наказуеши и научаеши своими словесы, и священникомъ всѣмъ заповѣси, яко киждый отъ нихъ наказуетъ и учитъ своимъ дѣтей духовныхъ отступити и отлучитися всякого зла дѣла.»*

Въ посланіи (№ 46), писанномъ послѣ 1448 года, Митрополитъ Іона увѣщаваетъ Новгородскаго Князя Юрія Семеновича Лугвеніева, по случаю кончины супруги его Княгини Софіи, *воспомяя добрый нравъ ея и благое покореніе къ*

(*) N 44.

Богу и къ церкви Божіей, и говоря о смерти, что она единѣ есть мость общій, обиновенія немущь, велику же и малу, нищу и богату, праведному и грѣшному.

Въ посланіи къ Тверскому Епископу Іліи (1451 — 1452, № 51) Митрополилъ Іона, по случаю похода Великаго Князя на Татарь Казанскихъ, повелѣваетъ Епископу, *бить челомъ и по своему святительскому долгу докучать твердо* Тверскому Великому Князю Борису Александровичу, чѣшбы онъ послалъ свое войско на помощь къ В. Князю Василию. — Митрополилъ, совершая самъ непрестанныя моленія о любви и о соединеніи Великихъ Господарей Русскихъ, о благоспроеніи и пищинѣ нашему всему великому православію, благословляетъ и Епископа на шѣ же подвиги.

Въ посланіи къ Новгородскому Архіепископу Евѣмію (1452 — 1453, № 53), оплечающемся чрезвычайно просшимъ, сильнымъ Русскимъ слогомъ, Митрополилъ Іона является благогадумнымъ и великодушнымъ посредникомъ между властію Великаго Князя Московскаго и Великимъ Новгородомъ. Такое же мѣсто посредника занимаетъ онъ между шово же властію и Псковомъ, какъ свидѣтельствуетъ посланіе ко Псковичамъ, писанное между 1455 и 1461 годами (№ 60). — Нельзя не замѣтить, какъ въ первомъ изъ сихъ посланій выдается изъ формъ граммашики полу-словенской обороты и выраженія число Русскія, какъ на примѣръ: »Великій Новгородъ и Псковъ прислали своихъ пословъ (пословъ, пакъ и еспь, прислали людей великихъ), но прислали ни съ чѣмъ.«... Или: »чѣшбы и шо могло быши, Князь бы Велики свое сердце обогчалъ, грубоспъ бы его къ себѣ опложилъ, а и пожаловалъ бы его пошому.« Или еще: »чѣшбы далъ Богъ, свелося все добро, какъ бы милоспію Божіею всему православному Христіаньству въ прокъ лучше было.«

Наконецъ посланіе Митрополиша Іоны Смоленскому Епископу Мисаилу о измѣнѣ и бѣгствѣ въ Литву Можайскаго Князя Іоанна Андреевича и о наблюденіи, чѣшбы онъ не учинилъ вреда опчинамъ Великокняжескимъ, показываетъ еще разъ, какъ Церковь участвовала дѣятельно въ успроеніи благодѣтельнаго единодержавія Русскаго и преслѣдовала строго всѣхъ шѣхъ, которые пропивились сосредоточенію власти, въ новомъ опѣ Бога назначенномъ центрѣ Русскаго Государства, въ Москвѣ.

Такъ всѣ эти краснорѣчивыя посланія, въ выраженіи своемъ соединившія великолѣпіе Словенскаго языка съ живою силою проспонароднаго Русскаго нарѣчія, могутъ бытъ достойно названы *подвизами слова* нашей доблесной Церкви. Мы поспешенно видѣли въ нихъ, какъ Она своимъ живымъ, могучимъ и проспымъ глаголомъ уничтожала расколы, дѣйствуя силою одного яснаго убѣжденія; ограждала свое духовное единство и успроивала средопочіе престола своего въ Москвѣ, пророчески предугадывалъ будущее назначеніе сего города въ системѣ Государственной, и благоразумно вѣдая, что безопасность Церкви нуждается въ охранѣ политической; благоговѣнно покорялась во всемъ древней своей матери, Церкви Софійской; учреждала благоуспроенные обряды, посты, молитвослуженіе; очищала и освящала нравы грубаго еще народа; поучала власпи и народъ, и наспавленіемъ и примѣромъ собственной своей покорности; являлась съ елеемъ утѣшенія и съ словомъ наспавительнымъ въ бѣдахъ народа и въ семейныхъ несчастіяхъ власпишелей; любовію мирила междуособія; уничтожала оспашки поганой власпи Татарь; являлась посредницею между Князьями удѣльными, Новгородомъ, Псковомъ и власпію срединною Великаго Князя Московскаго; хранила и благословляла спарину и преданія въ городахъ древнихъ; смирала своеволіе и обличала вляшвонарушеніе Князей помѣстныхъ; — пригошвила все необходимое къ ушверженію единосудержавія Русскаго, — и пока еще не было въ Россіи единства политическаго, единства вѣшняго, держала въ рукахъ своихъ единство внушренное, единство духовное, бывшее у насъ предпечю и единства Государственной. Незримымъ, духовнымъ плѣдомъ проникала Русская Церковь въ разрозненные еще соспавы удѣльной Руси, свлязу ихъ въ одно, — и Русское Государство, можно сказать, было духовнымъ чадомъ Русской Церкви. Здѣсь, въ Москвѣ, у гробницы Святшаго Пешра Чудотворца, гдѣ положено основаніе Мишрополія Московской, лежишь и первый освященный камень, на кошоромъ спало швердо и Государство Русское.

С. Шевыревъ.

(Verfassung und Rechtszustand der Dalmatinischen Küstenstädte und Inseln im Mittelalter. Aus ihren Municipalstatuten entwickelt. Ein Beitrag zur Kenntniss slawischer Rechte von Alexander von Reutz. Dorpat, 1841).

Учрежденіи и правное состояніе Далматскихъ прибрежныхъ городовъ и острововъ въ среднихъ вѣкахъ. Изслѣдуемил изъ ихъ муниципальныхъ статутовъ Рейцомъ, бывшимъ Профессоромъ Правъ. Дерптъ. 1841. 8.

Новое сочиненіе Рейца находка для Славянской Испоріи, и особенно для Славянскаго права. Оказавъ великую услугу Испоріи Русскаго Права, выѣспъ съ Эверсомъ, Рейцъ полагаепъ шеперь основаніе ученому обрабошыванію древагю Далматскаго Права, хопя съ свойспвенною ему скромноспію и говорипшъ, чшо хочепъ шолько дапш поводъ Славянскимъ юриспамъ, дабы они обрашпили вниманіе на эпопъ любопытный и до сихъ поръ почши неизвѣспный еще предметъ.

Прежде всего я предспаваю оглавленіе сочиненія Рейца, пошомъ разпроспранюсь объ испорическомъ основаніи, на коемъ опираюспя юридическія изслѣдованія авпора, и наконецъ изложу вкращцъ самыя важныя резульшаты.

Сочиненіе раздѣляепся на двѣ часпи, изъ копорыхъ первая содержипш изслѣдованія о древнихъ жиптеляхъ Далмации, объ ихъ языкѣ, объ испорическомъ развитіи Далматскихъ прибрежныхъ городовъ, объ сословіяхъ, объ народныхъ союзахъ, объ пашпшеской жипни и ш. д. — Впорая опъ спр. 294 — 388 содержипш изысканія объ гражданскихъ и уголовныхъ законахъ и объ судопроизводствѣ.

Авпоръ очень хорошо понялъ, чшо ему должно положить пвердую испорическую основу и объяснпш разнообразныя часпи, изъ копорыхъ, въ Среднихъ вѣкахъ, происходило народонаселеніе Далмации и острововъ, къ ней принадлежашихъ.

Эшо намѣреніе, я долженъ признашся, удалось ему мепше прочихъ. Дѣло идепш преимущественно объ шомъ, были-ль первобытныя жиптели Далмации Славянскаго происхожденія или нѣш? шо еспъ нашли ли Сербы и Хорваты, при своемъ всшупленіи въ древаую Иллирію, въ 7 шполѣшціи по Р.

Х., кромѣ Римскихъ пришельцевъ, еще другое родное или чуждое племя. Этому вопросу, отъ котораго зависить много главныхъ пунктовъ, можеть бысть рѣшенъ, только въ связи съ Всеобщей Древней Славянскою Исторіей. Рѣчь дѣлаеть объ этомъ вопросѣ только остроумныя заключенія изъ отдѣльныхъ историческихъ бытей разныхъ временъ, и потому пусть будетъ мнѣ позволено вкратцѣ указать на лучшій способъ рѣшенія этой задачи.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Шафарика, не можеть бысть болѣе сомнѣнія объ томъ, что Славяне, какъ первобытнѣйшій Европейскій народъ, за много столѣтій предъ Р. Х. обитали близко Балтійскаго моря въ нынѣшней Польшѣ и Европейской Россіи, равно какъ и при среднемъ Дунаѣ. Нельзя болѣе опровергать также, что въ одномъ изъ послѣднихъ столѣтій предъ Р. Х. Южные Славяне предприняли переселеніе за Карпатскія горы, къ своимъ сѣвернымъ братьямъ. Пусть кто хочеть не вѣритъ преданію объ этомъ переселеніи, извѣстномъ разнымъ Славянскимъ летописцамъ, пусть не вѣритъ также подобнымъ сказаніямъ Римскихъ историковъ, но это переселеніе свѣжо въ памяти у Сербскихъ и Иллирійскихъ прослолюдиновъ; оно слышится до сихъ поръ въ пѣняхъ у Южной и Сѣверной Руси отъ Карпатскихъ горъ до Новгорода. Не смотря на то, по достовернымъ историческимъ свидѣтельствамъ ясно, что многіе Славяне еще оспались въ Дунайскихъ провинціяхъ, подъ владычествомъ Кельтовъ и потомъ Римлянъ, Гунновъ и Аваровъ, а нѣкоторые изъ нихъ передвинулись (что также очень вѣроятно) болѣе къ Югу. Съ 3го столѣтія послѣ Р. Х. Славяне отъ Вислы переправляюся черезъ Одеръ и доходятъ даже до Эльбы; въ 5мъ столѣтіи выходцы изъ Польши переселяюся въ Богемію, Моравію и часть Венгріи; съ другой стороны есть слѣды, что Славянскія полпы въ 1хъ столѣтіяхъ по Р. Х. изъ Русскаго Сѣвера переправляюся черезъ Днѣпръ въ Дакію. Отсюда многіи изъ нихъ вслупающъ уже въ концѣ 5го столѣтія въ Македонію и Альбанію, и даже вливающъ въ Грековъ Славянскую кровь. Съ этимъ оправдомъ Сѣверныхъ Славянъ смѣшались впослѣдствіи Турецко-Татарскіе Болгары. Попли ли опряды этихъ Сѣверныхъ Славянъ изъ Македоніи въ Далмацію, какъ нѣкоторые думаютъ, трудно рѣшить. Достоверно только то, что отдѣльныя Сла-

славскія племѣны, съ половины 6го столѣтія, являюся въ Далмаціи. — И такъ совсѣмъ неудивительно, что нижній Далматскій городъ, Кампшаро, уже въ 590 году, принадлежалъ Славянскому Герцогу (dux). Только не надобно эпо извѣстіе и другія подобныя почищать такъ важными, какъ Рейцъ эпо дѣлаешъ: мы видимъ здѣсь только Славянскія колоніи въ нѣкопорохъ мѣстахъ, а не Славянъ, населяющихъ всю Далмацію, жишели копорой, въ началѣ 7го столѣтія, сосполдъ, кромѣ эшихъ Славянскихъ колоній, изъ первобытныхъ жишелей, изъ Римлянъ и изъ Аваровъ. Эпихъ первобытные жишели называюся у древнихъ Авшоровъ Иллирійцацями; Рейцу хотѣлось, какъ видно изъ многихъ мѣстъ его сочиненія, вмѣстѣ съ Шлецеромъ, съ I фонъ-Мюллеромъ, съ Гаемъ, и другими Иллирійскими папріотами нашего времени, объявить ихъ Славянами. Въ эпомъ утверженіи есшъ нѣсколько истины, но есшъ и ложное. Доказательствва Рейца вовсе не убѣдительны. Онъ особенно ссылается на авшоритетъ Шафарика, копорый, въ своемъ сочиненіи вышедшемъ въ 1826 году, подъ заглавіемъ: Ueber die Abkunft der Slawen, говорилъ о Славянскомъ происхожденіи древнихъ Иллирійцевъ. Я не имѣю теперъ эпого сочиненія Шафарика при себѣ, но я знаю, что онъ приводитъ въ немъ многія народныя и мѣстныя Славянскія имена, копорыя встрѣчаюся у древнихъ авшоровъ, упоминавшихъ объ Иллиріи. Но онъ не такъ разбираешъ въ немъ время, къ копорому относяшся эпои слова, какъ 10 лѣтъ послѣ сдѣлалъ эпо въ своихъ Древностиахъ. Самая большая часть эшихъ Славянскихъ мѣстныхъ именъ относяшся ко времени переселенія Славянъ въ Задунайскихъ краяхъ къ концу 5го столѣтія. — Имена, кои встрѣчаюся въ древней Иллиріи до сего времени, очень малочисленны, и могли произойти опъ Славянъ, копорые издревле обитали около Дуная. — Они ничего не могушъ доказывашъ въ пользу Славянства древнихъ Иллирійцевъ, ибо на всякое такое Славянское имя я приведу десяшь или еще болѣе Иллирійскихъ, копорыя самый тонкій знапокъ Славянскихъ языковъ, не можешъ разбирашъ съ ихъ помощію. — Ядро древнихъ Иллирійцевъ, подобно Гетамъ (Дакамъ), было Фракійское племя, копорое не болѣе было сходно съ Славянскимъ, чѣмъ Германское и Греческое, а въ эпомъ отношеніи мнѣніе о Славянствѣ древ-

нихъ Иллирійцевъ я называю *ложными*. Если же принимаешь Иллирію, вмѣстѣ съ нѣкоторыми древними писателями, въ обширномъ значеніи, по разумѣется, къ ней можно оплвесити и нѣкоторыя Славянскія области.

Иллирійцы, въ наслолщемъ значеніи слова, а особенно обшавшіе въ Далмаціи, не были Славяне, — это я могу доказать изъ другой причины, до которой Рейцъ и его единомышленники совсѣмъ не коснулись; я говорю объ особенномъ учрежденіи и образѣ жизни древнихъ Далматовъ предъ Римлянами и во время ихъ. Они, не смотря на скудные извѣстія, которыми мы объ нихъ имѣемъ, предсавляютъ картину, явно противоположную древней жизни всего Славянскаго племени.

Рейцъ обращаетъ въ пользу своей любимой гипотезы о первобышнемъ народѣ въ Далмаціи морскіе ея города и окружные острова: образъ жизни уже рано въ Средніе вѣка былъ Славянскій, и сельское сословіе этихъ острововъ уже рано говорило пославянски. Однако же его хронологическія цѣпаны по большей части заняты изъ позднѣйшихъ временъ, иногда изъ немного подозрительныхъ источниковъ. При этомъ онъ не замѣтилъ, что при главномъ переселеніи Славянъ въ Далмацію въ 7 столѣтіи, (Сербовъ и Хорватовъ изъ Черной и Бѣлой Руси), не могло тамъ быть много первобышнихъ жителей, ибо уже Страбонъ говоритъ, что въ его время первобышнее населеніе Иллиріи почти совсѣмъ исчезло, и потому что Императоры посылали туда много колоній. Кромѣ того Рейцу не были извѣстны нѣсколько историческихъ бышей о распространеніи Славянизма въ Далмаціи, напр. объ опасіяхъ Турецкихъ Аваровъ, которые, еще въ IX столѣтіи тамъ были, и скоро слились съ Славянскими побѣдителями (*).

Еслибъ Рейцъ зналъ древнѣйшее опшошеніе города Рагузы (Дубровника) къ окружавшимъ его Славянамъ, по его заключенію были бы совсѣмъ другія. Достоверно, что многіе города и мѣста Албаніи рано подпали подъ власть Болгар-

(*) Шафарикъ хотѣлось бы видѣть вліаніе Аварской крови на ильшихъ Морлаковъ, въ юридическомъ изображеніи которыхъ, даже у Рейца можно узнать много, не Славянскихъ чертъ. По крайней мѣрѣ это вліаніе (Stagoz, стр. 681.) имѣеть болѣе вѣроподобности, нежели другія о Ташарскомъ, Арабскомъ, или Болгарскомъ ихъ происхожденіи.

ских и Сербских Князей и совсѣмъ ослабѣлились. Это слѣдствіе еще болѣе можно примѣнить въ отношеніи къ Далмаціи, гдѣ было такъ многочисленно Славянское народонаселеніе. И въ самомъ дѣлѣ, мы впо ясно видимъ особенно въ Рагузѣ, которая, не смотря на долговременные сильные опоры передвигающемуся Славянству, была принуждена, уже въ послѣднихъ годахъ 9 го столѣтія, принять въ свои стѣны колонію Славянскую. Конечно, прошло еще ошъ эшихъ времяъ 2 вѣка, Славянамъ одержалъ верхъ надъ древнимъ Романизмомъ. Съ этого времени Трако-Римская Рагуза сдѣлалась самымъ образованнымъ и богатымъ Славянскимъ городомъ, и только въ 17мъ столѣтіи по причинѣ разныхъ обшопишельствъ, упала. Если обращать вниманіе на то, какъ теперь пылаетъ въ ней пламень Иллиризма въ производствѣ Импализму и Германизму, то ясно видишь ненадежность заключеній изъ позднѣйшаго и даже изъ нынѣшняго состоянія о древнѣйшемъ. Уже по аналогіи Дубровника мы могли бы заключить, что и въ другихъ прибрежныхъ и островныхъ городахъ Славянство мало по малу вкоренилось; но ещѣ историческія доказательства въ отношеніи къ городамъ и островамъ, составляющимъ предметъ сочиненія Рейца, изъ которыхъ видно, что Славянство напало на нихъ съ двухъ сторонъ, и что, по большой части, пущиы мѣста получили съ 9 го столѣтія Славянское народонаселеніе (*). И впо послѣднее обшопишельство у Рейца не ясно.

Переходя теперь къ собственно юридической части сочиненія Рейца, нужно прежде всего упомянуть, что въ ней онъ ограничивался только материкомъ Истріи, городами Зарю, Себенико, Трау, Капшаро и островами Лесино, Курзолою и Бразою, не обращая вниманія на многіе другіе города и области, важнѣйшіе и любопытнѣйшіе для Истріи чисно Славянскаго права; что же касается до Дубровника, онъ только кое-гдѣ намѣкаетъ на его учрежденія, не зная, что для нихъ уже существуютъ подлинныя Славянскія грамошы 12-го столѣтія. Однако, не смотря на то, что онъ ограничился такимъ малымъ пространствомъ, его сочиненіе представляетъ намъ образъ опредѣленной жизни,

(*) Авторъ объявляетъ доставившъ вскорѣ эти доказательства? Подождеть. *Ред.*

которая не уступаетъ никакой другой Славянской, и съ которой только можно сравнивать въ нѣкоторомъ отношеніи, древнее сословіе Пскова и Новгорода. Впрочемъ надобно согласиться съ Рейцомъ, что, не смотря на ясно являющійся характеръ Славянской въ эпоху жизни, мѣстное положеніе, близость Испаліи и вліяніе Венеціи, сообщили эпикамъ общинамъ возбужденіе въ ихъ законодательной и литературной образованности.

Хотя эпич. общины были угнетены по славянскимъ разбойниками — Нарипанами, по Греками, по Хорватами, по Венгерцамъ, а особенно Венеціанами, однакожь они успѣли сохранить себѣ какую-то политическую независимость и образовавъ довольно богатое законодательство, памятники котораго Рейцъ сыскалъ въ Венеціи. Что касается до времени установленія эпич. городскихъ статутовъ, или уложений, Рейцъ назначаетъ начало 13-го столѣтія, упоминаетъ, что сюда вошли нѣкоторыя древнѣйшія постановленія. Намъ до сихъ поръ извѣстны только статуты, обработанные на основаніи древнихъ. Удивительно, что при преобладаніи Славянскаго языка въ жизни, при употребленіи его въ публичныхъ рѣчахъ, при существованіи многихъ Иллиро-Славянскихъ грамотъ, при цвѣтущемъ состояніи Лирической, Эпической и Драматической поэзіи, всѣ статуты, приведенныя Рейцомъ, написаны на Латинскомъ языкѣ (*). Только видно, что ихъ сочинители не были большими Латинистами. При первомъ взглядѣ на ихъ Латинскій образъ выраженія думаешь, что имѣешь предъ глазами Латинскій переводъ какой нибудь Новгородской грамоты; шакъ сильно бросаются въ глаза Славянскіе обороты подъ Латинскою оболочкою. Къ сожалѣнію, Рейцъ не напечаталъ ни одного полнаго статута, что нужно было бы сдѣлать для того, чтобы вполне оцѣнить предметъ и его обработку; ибо только тогда было бы возможно сосланишь себѣ сужденіе о видимомъ вліяніи чуждыхъ законодательствъ, особенно Римскаго и Венеціанскаго.

Въ статутахъ, до сихъ поръ извѣстныхъ, представляется уже аристократическій образъ правленія; они уже

(*) Вчера только получилъ изъ вѣстнаго отъ Шаферика, что найдены древніе законы малыхъ Славянскихъ общинъ (Винодолъ, Нерва), (?) Полицы въ Глаголической рукописи 1280 года. Драгоцѣнность! Ред.

молчали о древней Славянской Демокраціи, и только изъ другихъ источниковъ видно, что патриархальная демократическая жизнь древнихъ Славянъ еще сильно дѣйствовала, шакъ въ послѣднихъ столѣтіяхъ Среднихъ вѣковъ, и не совсѣмъ еще исчезла и теперь. Какъ у Илирійскихъ Кроштовъ, всѣ свободные члены общества участвовали въ собраніи, шакъ весь народъ въ Новгородъ и Псковъ участвовалъ въ Вѣчѣ: въ Далмаціи весь свободный народъ созываемъ былъ звукомъ большаго колокола въ народное собраніе, которое въ одной сѣрпидной пѣсни называемаго шакъ какъ и въ Россіи :

U Viechi-je nigda ne primaute
 Za glavare take ne Stavliayte
 Vech mechte vazda Starenike,
 Za glavare i vase vichnike,
 Koje chie vas lipo Svitovati
 I nauke prave Kasivati (*).

Съ конца 12-го столѣтія вши народныя собранія въ Далмаціи должны бы исчезнуть предъ возстающею аристокраціею, копорая здѣсь произошла какъ изъ Славянской патриархальной жизни, и шакъ изъ вѣнскихъ чужихъ, особенно древне-Римскихъ спихій. Подобно всѣмъ Славянамъ и Далматскіе горожане не имѣли сначала никакого слова для выраженія *publicus* въ позднѣйшемъ смыслѣ. — Только съ поспешнымъ явленіемъ Дворянскаго сословія вошло въ употребленіе названіе: *gospodъ*. У всѣхъ Славянскихъ племенъ Дворянское сословіе являлось въ различныхъ формахъ, — у Далматскихъ въ приморскихъ городахъ и островахъ находимъ мы городское Дворянство или шакъ называемое Памприціантъ, копорое сходно описано съ Венеціанскою аристокраціею и городскою аристокраціею въ Новѣ-городѣ. Всѣ совершеннолѣтніе Члены Дворянства составляли въ Далматскихъ городахъ большой *Советъ* (*consilium majus*), гдѣ рѣшали Государственныя дѣла. Народъ

(*) Никогда не принимайте ихъ на Вѣча, шакже не поспалайте ихъ начальниками, а поспалайте всегда вашихъ сѣрпидныхъ начальниками и вѣчниками, копорые хорошо будутъ совѣтовать вамъ и показывать правое ученіе.

Я нарочно оставилъ это дурное правописание, копорое болѣе и болѣе уснуваешь мѣсто лучшему, учрежденному Гаетъ. Последнее приспособлено къ гражданскимъ буквамъ, копорыми уже печатаются журналы въ Далмаціи.

ш. е. мѣщане и сельское сословіе, мало по малу были удалены отъ участія въ Государственныхъ дѣлахъ. Благородный Совѣтъ рано достигъ нѣкошорой полииической зрѣлости. Особенно замѣчательно послановленіе объ Орашорской каедрѣ, по Германо - Ипаліанскому выраженію *agengheria*: запрещалось говорить слишкомъ громко, кричать и бормошашь на своемъ мѣстѣ проиивъ говорящаго; каждый могъ объявлять свое мѣніе о предложеніи, но не удалялся отъ предмета. Совѣтъ созывался по извѣстнымъ временамъ правительствомъ. Главою правительсшва былъ особенный чиновникъ, кошорый предсѣдательсшвовалъ въ Благородномъ Совѣтѣ и назывался „comes“ или „Князь“ и ш. д.

Что касается до внутрешней полииики, города не имѣли никакихъ связей между собою; только разъ встрѣчается примѣръ, что всѣ Далмашскіе паптриціи собирались въ Нонѣ. Въ дипломатическихъ отношеніяхъ одинъ городъ имѣлъ иногда сношеніе съ двадцашью другими общинами или съ сосѣдними государсшвами. При шакомъ розничномъ дѣйсшвованіи городовъ Венеціанскихъ республика могла легко, при своей шонкой полииикѣ (*), овладѣть поспешенно всѣми общинами, кромѣ Рагузы. Дворянсшво, пошерель свое самодержавное могущесшво во внѣшнихъ дѣлахъ, и имѣшъ съ шѣмъ во внутрешнемъ правленіи, уало въ глазахъ народа. Венеціанское владычесшво, ушверждавшееся съ 15 го столѣтія, привело еще другой вредъ, именно — искаженіе Славянской народносши, введеніемъ Ипаліанскаго языка и нравовъ, проиивъ чего шолько шеперь рождается воздѣйсшвіе.

Другой классъ обшашелей Далмашскихъ общинъ сосшавляли мѣщане и сельскіе жштели, кошорые въ отношеніи къ дворянскому сословію разсшприваюшся какъ одно цѣлое, именно какъ плебейское сословіе. Благородныя фамиліи смошрѣли на нихъ какъ на своихъ подданныхъ. Изъ этого и изъ другихъ обшашельсшвъ видно, какъ при переходѣ изъ Славянской паптриархальной жизни въ гражданскія общесшва, мѣщане всшупили въ подчиненіе благороднымъ фамиліямъ.

Послѣдніе опшали у нихъ всякое участіе въ управленіи и законодательсшвѣ, кошорое они имѣли нѣкогда какъ члены

(*) Не безъ основанія замѣчаніе Рейца, что древняя конституція Венеціи содержала Славянскую сшхію. Основаніе Венеціи до сихъ поръ еще не ясно предсшавлено.

всеобщаго народнаго собранія. Впрочемъ ошиблись бы шть, кошорые подумали бы, что памошнїе мѣщане въ Среднихъ вѣкахъ вели шакую же глухую жизнь, какую мы встрѣчаемъ во всѣхъ Славянскихъ мѣстахъ до введенія чужихъ правъ, исключая можешь бышь Новгородскихъ и Псковскихъ купцовъ; напросивъ, мы находимъ шамъ какое-шо сознаніе своего до-спонисшва, кошорое иногда обнаруживалось, въ опорѣ господствующимъ партїямъ. Кроме шого мы шамъ находимъ еще какой-шо духъ собранисшвъ, кошорое Рейцъ хотѣлъ бы приписать не только Германско-Италїанскому, но и Славянскому испочнику. Но какъ бы ни разсмашривали эшо явленіе, они вообще предсшавляютъ сшремленіе, ошъ кошораго не лзя было ожидать прочныхъ плодовъ.

Весьма поучительна шамъ о крешьянскомъ сословіи, кошго развитіе сходно со всеобщимъ Славянскимъ, хотя и предсшавляетъ нѣкоторыя любопытныя особенности. Ясно, что подъ городскою аристократїею положеніе крешьянина должно было сдѣлатьсѣ менѣ жестокимъ, чѣмъ у другихъ Славянъ. Поэтому мы находимъ здѣсь господствующимъ классомъ шамъ называемыхъ *coloni*, или лично свободныхъ арендашоровъ, кошорые сдѣлались индѣ *glebae adscripti*, или даже рабами, какъ въ Капшаро, гдѣ Славянская сшпихїа сначала была чище. Кажетсѣ, что крешьяне сихъ двухъ родовъ сдѣлались подданными общинъ, особенно когда многіе начальники Славянскихъ родовъ къ нимъ присоединились; Босняцкіе Князѣ усшунили сами шамкихъ крешьянъ общинамъ. Состояніе крешьянъ во внушрней Далмаціи было совсѣмъ другое: шамъ сохранились первобытныя опношенїа, Впрочемъ совсѣмъ не въ пользу цѣлаго народонаселенїа. Морлаки папуптъ свою собсшвенную землю, но нравсшвенность у нихъ слабѣетъ, и они одичаютъ вовсе, если правительсштво не возьмешъ сильныхъ и дѣшельныхъ мѣръ, хотя для пошическихъ сердецъ и прїятно узнать, что шамъ прославляющсѣ многіе давно умершіе крешьяне, въ пѣсняхъ и народныхъ преданїяхъ. Разсмашривая положеніе сельскихъ жштелей въ Далмаціи съ почти зрѣнїа народнои экономїи, должно признашсѣ, что ни въ какой странѣ Европы сельское сословіе шамъ мало не соотвѣтсшвуетъ своему значенїю. Мѣры Австрїйскаго правительсшва безуспѣшны, не сообразуясь съ кошребностями и характеромъ народа.

Мѣсто не позволѣтъ мнѣ изложить главные результаты Рейца изъ другой половины его сочиненія. Для Русскихъ юристовъ необходимо познакомиться съ сочиненіемъ, ибо многія опредѣльныя явленія Русской старины находятъ здѣсь частно объясненіе. — Южно-Славянскія общины представляють поразительное сходство съ развитіемъ жизни Сѣверо-Славянскихъ общинъ Пскова, Новгорода и Вятики, которое иногда не было, какъ думаютъ некоторые историки, слѣдствіемъ одной мѣстности и случайныхъ благопріятныхъ происшествій. Жизнь Славянская избрала себѣ такую форму на Сѣверѣ и на Югѣ, по естественному своему ходу вещей. Тѣ и другія общины погибли отъ одной и той же полипитической болѣзни, отъ коей могло изцѣлѣнъ ихъ только сильное и безпрестанно возвышающееся къ идеѣ чиспой Монархіи самодержавіе. Сѣверные, нашедши это изцѣленіе, были счастливы, а южные переходили изъ однихъ рукъ чужеземниковъ въ другія, и Богъ знаетъ когда переѣмнѣтся ихъ судьба. Эта болѣзнь состояла въ томъ, что не было никакой внутренней идеи, которая бы соединила всѣ народонаселенія Славянскихъ общинъ въ одно живое спройное цѣлое; поэтому какъ скоро усилились маленькія общины въ своей внутренней жизни, то опредѣлились отъ главныхъ. Мы это особенно видимъ въ Далмаціи въ исторіи Дубровника, и въ Россіи въ отношеніяхъ Пскова къ Новгороду. Господствующее сословіе, ш. е. городская аристократія не только не знала, какъ привязывать къ себѣ пригороды, чтобы имѣть въ нихъ сильную, гошовую и добровольную помощь, въ случаѣ раздора съ внѣшними врагами, но даже производила своими насильственными поспутками, въ прошомъ народѣ, совершенную нечувствительность къ своей собственной судьбѣ.

Исторія Новгорода и Пскова сдѣлалась бы для насъ еще яснѣе, если бы мы имѣли хорошую подробную исторію Дубровника. Безъ сомнѣнія, мы поняли бы лучше отношеніе аристократіи Новгорода къ Московскимъ самодержавіямъ, если бы могли вполне оцѣнить поспутки Дубровника съ Боснійскими, Сербскими и Венгерскими Князьями. Конечно, такіе историческіе шруды могутъ имѣть только тогда наспоющую пользу для исторіи Славянской полипитической жизни, когда они пред-

принимаются людьми, понимающими наспоющее и прошедшее Славянство. Древнѣйшіе періоды права у всякаго Славянскаго племени, по причинѣ скудныхъ испочниковъ, темны, и попому права у одного племени надо объяснять другимъ. Къ сожалѣнію, вѣрно мало еще обращаютъ вниманія Славянскіе юристы, и впадаютъ въ спранныя ошибки, какъ напр. Г-нъ Соловьевъ. Если бы онъ познакомился поближе съ древнимъ Чешскимъ правомъ, то ему сдѣлалась бы ясною прошивуположность »Нормано-Русской Вирьки и Славянской »главы.« При этомъ онъ узналъ бы, что Сербское право также удивительно сходно съ древнимъ Чешскимъ. Далѣе, Чешское племя, какъ нѣкогда вышедшее изъ Польши, должно имѣть много общаго съ древнимъ Польскимъ юридическимъ сосполніемъ, а вѣно въ самомъ дѣлѣ и примѣчаемъ. Видно, въ какой тѣсной связи всѣ Славянскія племена находились между собою. Разумѣется, при такихъ сравнительныхъ занятіяхъ надо всегда съ большою оспорожноспью различать время и вліяніе мѣстности. Какъ бы нужно было Славянскимъ юристамъ предпринимать путешествія по примѣру Г. Рейца. Навѣрно успѣхъ былъ бы значительный; такъ напр. въ Галиціи лежатъ около спа древнихъ юридическихъ и испорическихъ актовъ на южно-Русскомъ языкѣ, даже изъ XIII столѣтія. Можетъ быть изъ нихъ объяснилось бы отношеніе Русскихъ креспьянъ къ Дворянскому сословию. Кроація, Крайнь, гдѣ въ одной частии уже въ прошломъ столѣтіи Славянскіе обычаи получили силу писанныхъ законовъ, Молдавія и Валахія, разныя библіюски, напр. Венеціанская и др., доставили бы Славянскимъ юристамъ значительныя пособія. Болгарскіе законы, копорые Византійцами уже въ 12 столѣтіи почитались древними, доставались, говорятъ, недавно одному Англичанину.

Кушкь.

Descriptio musei publici Odessani, pars prima, continens nummophylacium Odessanum. Cura et labore N. Murzakewicz. Odessae. 1841. (XV в 92 стр. въ 4 д. л.).

Нельзя сказать, чтобы Нумизматика пользовалась видимою репутациею въ свѣтѣ или въ ученоемъ мѣрѣ. Люди свѣтскіе, люди госпитальныхъ и департаментовъ, люди съ шпорами на каблучкахъ или съ порп-фелемъ подъ мышкою, купцы и помѣщики, барыни и барышни, все одинаково считаютъ самую науку вздоромъ, агентовъ ея — чудаками, расположеніе къ занятіямъ ею — родомъ помѣшательства. Они не могутъ постигнуть, какъ эти свѣтлые, блестящіе, свѣжіе материалы, эти радужныя, бѣленькія, розовыя, голубыя, пестрыя ассигнаціи, за копорыя можно добыть сполько наслѣжденій духовныхъ и чувственныхъ, сполько лошадей, экипажей, вина, блондъ, чепчиковъ, любви, счастья, какъ можно отдавать ихъ за эти скверныя, старыя, обломанныя, изогнутыя, зазеленѣлыя, почернѣлыя, испертыя куски мешалла, за копорыя отдаетъ ихъ нумизматифилъ, отдаетъ съ радостію, ищетъ случая отдать. Они не могутъ разгадать многого созданія, котораго за мѣдныя, свинцовыя кружечки платишь чистыми деньгами, часпо послѣдними въ карманѣ, и ходитъ само въ засаленой шляпѣ и полиняломъ фракѣ; не въ силахъ вообразить, что бы за очарованіе заключалось въ этихъ кружечкахъ, за копорыи онъ ухаживаетъ и волочинся какъ за хорошенькою женщиною; копорыя бережетъ съ ревнивою заботливостію спараго мужа; копорыя заставляютъ его спрадать, мучиться, перзаться, и радуютъ, веселятъ, угѣщаютъ, приводятъ въ восторгъ; за копорыя онъ готовъ сдѣлать что я сдѣлалъ на дняхъ, — уступить пріятелю билетъ на первый дебютъ новой примадонны, когда нѣтъ никакой человѣческой возможности добыть другаго билета, когда за билетъ готовы рѣзаться; и гдѣ же отдашь его, въ какихъ обшопельствахъ, — не въ кабинетѣ среди душливой пыли книгъ, омрачающей разсудокъ ученаго; нѣтъ — въ самомъ театрѣ, когда гремишь увертюра, ложи унизаны красавицами и между ними и та, которая для Нумизматическаго сердца его прекраснѣе задиальной рупіи, драгоценнѣе чѣмъ пшпокъ Царя Фидона! О, Нумизматика, спросишь къ себѣ ужаснѣе всехъ спрашней, игры, пляска,

чесподлюбія! Ты губишь поклонниковъ своихъ во цѣлѣтѣ юности и красотою внушаешь къ себѣ, жестокая, преданность, равную только преданности библиомана, или Индѣйца, повергающагося подъ колеса шоржеспивенной колесницы Шивы; шворишь изъ ученыхъ и неученыхъ людей спраннѣ Буддигайскихъ факировъ! Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, на нумизмапофила душою и шѣломъ, когда онъ ухаживаетъ у мѣнялы за какую нибудь окупоросившеюся монешкою, въ гривенникъ: спобѣитъ посмотришь. Боже мой! сколько шупъ расходуется шруда, спараній, хипрости, чшобы не дашь замѣшишь шоргану предмета своей предилекціи; съ какимъ видимымъ равнодушіемъ, перебирая другія ненужныя ему монеты, беретъ онъ въ руки и свой изумрудъ. На лицѣ его вы не замѣшите никакого любопытства, ни грана неперпѣливости, а онъ едва духъ переводитъ, кровь приливаетъ ему къ сердцу волнами Атлантическаго Океана, пальцы замираютъ. Сколько шупъ вмѣстѣ и надежды и опчаянія, какая величественная борьба воли съ спраспями, какое поразительное зрѣлище коварства физической природы вѣтвіямъ нравственной! Въ эпѣ минушны нумизмапофилъ выше всякаго дипломата, всякаго драматическаго арписпа, выше Талльерана и Гаррика! Но вопшъ ему удалось приобрѣсть выгодно шпо сокровище, невообразимо выгодно: онъ думаетъ, что проведъ шоргану, заплашивъ за шпу монету какихъ нибудь десятишковыхъ пяшь цѣлковыхъ, шогда какъ ей цѣны нѣтъ, какъ она единственншй экземпляръ въ цѣломъ мѣрѣ, нигдѣ не описанный, и можетъ быть не виданный никогда ни однимъ нумизмапомъ. На одной споронѣ ея грудное изображеніе Государя въ царскомъ вѣнцѣ и надъ нимъ слоновьею головою. На другой Геркулесь, сидящій на шпультѣ, съ дубиною въ правой рукѣ, шо ешь, *Hercules nudus ad sinistr. in scela sedens, dextra clavam genui d. impositam tenens, sinistra sellae innixa.* (Нумизмапъ не можетъ видѣть изображенія на монетѣ, иначе какъ по Лашыни). Ясно, что шпа монета Бакшианская или Греко-Индѣйская; но какого же Государя? Вопшъ справа опъ Геркулеса ешь буквы неспзвѣснаго доселѣ алфавита; изъ нихъ ничего не объясняется; но слѣва видны при-челыре Греческихъ. Судя по нимъ, Царь, которому принадлежатъ шпа монета, не Феодошъ, ни Эвандемъ, ни Аполлодопъ, ни Менандръ, ни Эвкрашидъ, ни Димитрій, ни даже Гелиоклес. Спало бытъ

это какой-нибудь другой, о котором не упоминают ни историки Александра Великого, ни Сирабонь, ни Юстинь, ни Плупархъ, ни даже Раджа-Тарангини; Государь, которого имени не встрѣчали на монетахъ ни Тодъ, ни Вильсонъ, ни Принсипъ, и которое можно прочесть на пальцѣ! разныхъ манеровъ. О, тогда радость Коломба при водѣ Гвангани — чувство сурка передъ воспоргомъ нумизмапа. Онъ не идетъ домой, не ѣдетъ, лепитъ; ноги у него дрожатъ, руки ежеминутно хватаются за карманъ, ощущывая: шустъ ли она, упѣшеніе его жизни.....

Хорошъ нумизмапо-филь, взятый опдѣльно; но еще лучше, когда ихъ сойдесть двое хвастать другъ другу своими пріобрѣтеніями, взаимно завидовать и взаимно удивляться, или когда они, сошедши на ловлѣ, стараются обмануть, проведши другъ друга, порочать достоинство монеты, объявляютъ ее фальшивою, расходятся оба, но и шопъ и другой съ намѣреніемъ вернуться, и предупредивъ соперника, овладеть спорнымъ сокровищемъ. Это заглядывье. Это уморительно смѣшно, это смѣшнѣе „Ревизора!“

Не мудрено же, что свѣтскіе люди считаютъ нумизматство чудачками, полуумными, помѣшанными. За что же другое и принявъ ихъ, судя по внѣшности и не зная дѣла глубже?

Въ глазахъ ученыхъ по званію или по призванію, нумизматы то же не пользуются большимъ уваженіемъ; шолько хронологи, генеалоги, палеографы смотрятъ на нихъ глазами благосклонности. Всѣ остальные классы и виды ученыхъ, математики съ нулемъ и единицею, боланики съ своими песпиками и пычинками, зоологи, посвящающіе жизнь монографіи клоповъ, всѣ, всѣ смотрятъ на нумизматика какъ на растение почти бесполезное въ саду наукъ, на нумизматовъ, какъ на людей, подбирающихъ ученый соръ въ храмѣ исторіи человѣчества. Всякій считаетъ себя въ правѣ бросить въ нихъ насмѣшкою, особенно философы по преимуществу, люди, которые..... ну, да Богъ съ ними.

Чтожь, нумизматика падаетъ подъ соединенными ударами ученыхъ и неучей? Нѣтъ, она хладнокровно выслушиваетъ всѣ выходки и насмѣшки на свой счетъ, выноситъ перпѣливо всѣ острые и шупые удары, не болѣетъ, не хирѣетъ, не умираетъ какъ алхимія, хиромантія, кранологія, а наслаж-

даешься полнымъ здоровьемъ, и со дня на день продолжаетъ дѣлать все пынѣе и пынѣе. Есть же этому какая нибудь причина, есть же въ ней какое нибудь существенное достоинство, которое привлекало и привлекаетъ къ ней многія очень умныя головы, и вслѣдствіе котораго, изученіе ея въ новѣйшее время, не смотря на высоко-философское направленіе знаній, не только не ослабѣваетъ, но безпрестанно усиливается, и идетъ объ руку съ геологіею, сравнительнымъ языкованіемъ и другими науками, достоинства которыхъ никто не отрицаетъ? Есть, безъ сомнѣнія. Хотите узнать поближе, въ чемъ заключается это достоинство, такъ просмотрите десляпки помовъ нумизматическихъ сочиненій Фуа-Вальана; не полѣнитесь прочесть два пляжелье in folio Шпангеймовыхъ диссертацій *de praestantia et usu numismatum antiquorum* (Amstelod. 1717); посидите надъ Екелевою *Doctrina nummorum veterum* (Viennae, 1792 — 1798, восемь помовъ in 4°); переберите хоть часъ прудовъ о нумизматикѣ Среднихъ вѣковъ, хоть Лелевелеву *Numismatique du moyen age* (Paris. 1835 2. vol. 8°), да по, что писано Френомъ и Мареденомъ о Восточной Нумизматикѣ. Хотите однимъ взглядомъ объять всю цѣнность, какую имѣютъ для знанія нумизматическія сокровища, — предположите, что на свѣтѣ не было бы ни собирателей монетъ, ни описывателей, что всѣ смотрѣли бы на нумизматику какъ смотритъ большая часть. Тогда бы шарыхъ монетъ никто не собиралъ, не берегъ, не описывалъ; мало по малу онѣ бы мерялись, перешапливались, переводились пѣмъ или другимъ образомъ, и наконецъ исчезли совсѣмъ. Чего же бы лишились эпимъ мы и наше попомство? Малаго — большей и занимательнѣйшей части матеріальныхъ современныхъ памятниковъ жизни образованнаго человѣчества, памятниковъ съ надписями, поршрешами, гербами, изображениями архитектурными и миеологическими, символами и прочимъ и прочимъ; лишились бы матеріала, драгоценнаго для хронолога, географа, палеографа, генеалого, миеографа, для науки древностей, для исторіи искусствъ, но болѣе всего для пынливой недовѣрчивости историка-скептика. Этому послѣднему достоинству нумизматики въ глазахъ исторической критики и приписывается мы болѣе, чѣмъ чему-либо другому, успѣхи ея и распространеніе въ нашъ вѣкъ сомнѣнія и изслѣдованія, шребованія на положительное и неопровержимое.

У насъ въ землѣ Русской, гдѣ всѣ вѣщныя учености такъ еще молоды и зелены, нумизматика по-же принялась очень недавно, но разводится съ большимъ успѣхомъ. Ощещественное монешезнаніе, почти несущеснвовавшее до послѣдняго времени, обогатилось вдругъ двумя превосходными трудами; благодаря Гг. Чершкову и Барону Шодуару, разомъ шагнуло изъ колыбели въ мужескій возрастъ. Разработкою нумизматическихъ сокровищъ Мусульманскаго Востока занимается у насъ только одинъ ученый, но такой одинъ, который спобилъ всѣхъ своихъ шоварищей по занятіямъ вѣщныхъ вѣщствъ. Академикъ Френъ, издавна усноцодленный Россію, принявъ эту юную отрасль знанія изъ рукъ шворца ея, наставника своего Тиксена, работаетъ надъ усовершенствованіемъ ея болѣе прищцаши лѣтъ съ успѣхомъ, возможнымъ только для его дѣшельности и любви къ своему предмету. Древняя классическая нумизматика привилась къ дереву нашего знанія по-же довольно удачно. Причина этому та, что Россія приняла въ свои объщія между прочимъ и уголокъ эпого классическаго міра, преимущественно богатый нумизматическими памятниками — берега Черноморскіе.

Все проспранство эпоихъ береговъ, принадлежащее нынѣ Русскимъ, покрышо было въ древности, какъ извѣшно всѣмъ и каждому, Греческими, преимущественно Милешскими колоніями, основанными между 800 и 600 годами до Р. Х. Торговля произведеніями южной и западной части Россіи, Кавказа, странъ при-Каспійскихъ и за-Каспійскихъ далеко на сѣверъ и воспокъ, обогатила ихъ и сдѣлала цѣшущими. Значительнѣйшіе, замѣчательнѣйшіе изъ эпоихъ колоніальныхъ городовъ были Фазисъ, Діоскуриасъ, Фанагорія, Паншикапел, Феодосія, Херсонесъ, Ольвія, Тира. Вшорженія Геповъ или Даковъ въ III вѣкѣ по Р. Х., и послѣдовавшее за шѣмъ броженіе народовъ въ эпоихъ мѣспахъ разорило ихъ и опустошило. Когда съ XV вѣка вниманіе ученыхъ западной Европы обратилось къ изученію классической древности, къ изслѣдованію и описанію ея памятниковъ, берега Черноморья оставались поспоянно недоступными ихъ любознательности, закрышы невѣжесшвомъ и фанатизмомъ различныхъ Ташарскихъ ордь. Занятіе Русскими Крыма въ 1783 году, расширеніе нашихъ границъ до Буга въ 1791 году, и вообще дальнѣйшія пріобрѣшенія наши на западныхъ и восшочныхъ бе-

регахъ Чернаго моря, разрушили эпо преграду, и для ученой Европы открылся новый міръ классической древности, новое поприще дѣятельности для изслѣдованій историческихъ, географическихъ, археологическихъ, палеографическихъ и нумизматическихъ. Сохранившіеся памятники процвѣтавшей здѣсь Греческой жизни начали описывать, собирать, приводить въ извѣстность. Палласъ, Габлицъ, Ваксель, Гупри, Рельи и многіе другіе не мало подвинули эпо дѣло. Академикъ Келеръ, нарочно посланный покойнымъ Императоромъ въ 1805 году для изслѣдованія древностей Крыма, ворошилъ съ богатою жатвою для науки. Труды Муравьева-Апостола и Графа С. Попова, разлили новый свѣтъ на многія дошолъ темныя мѣста Географіи и Исторіи этого края. Разрытіе Керченскихъ кургановъ, предпринятое при помощи Графа П. П. Румянцева, спраснымъ любителемъ древностей и мученикомъ своей спраси Де-Брюксомъ, и ученые поиски въ томъ же родѣ на развалинахъ Ольвіи, умножили еще болѣе классическія сокровища любителей, и дали богатый матеріалъ для изслѣдованій Рауль-Рашету, Бларамбергу и Спемпковскому.

Открываемыя древности, надписи, монеты, сосуды, статуи расходились по частнымъ людямъ, и значительное число ихъ, припомъ лучшихъ и драгоценнѣйшихъ, увезено за границу. Изъ частныхъ нумизматическихъ кабинетовъ, сохранившихся въ Россіи, извѣстнѣйшіе принадлежали или принадлежатъ Академику Келеру въ С.-Петербургѣ, Барону С. Шодуару въ Ивницѣ, Вольнской Губерніи, Бларамбергу и Мурзакевичу въ Одессѣ, Спемпковскому въ Керчи.

Изъ нихъ нѣкопоры монеты Келера описаны и объяснены имъ самимъ; первое описаніе Шодуарова собранія со-спавлено знаменитымъ Сеспини, и вышло во Флоренціи въ 1831 году подъ заглавіемъ: *Descrizione d'alcune medaglie greche del musco del signor Barone Stanislas di Chaudoir*. 4°. Въ 1835 году напечатаны въ Парижѣ дополненія и поправки къ этому описанію самимъ владѣльцемъ собранія. Бларамбергъ со-спавилъ описаніе своимъ Ольвійскимъ монетамъ подъ заглавіемъ: *Choix de medailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia*. Paris. 1822. а Спемпковский описалъ нѣкопоры Воспорскія: *Notice sur les medailles de Rhadameadis, roi inconnu du Bosphor-Cimmerien*. Paris. 1822. — *Descriptio numorum veterum Graecorum atque Romanorum qui inve-*

niuntur in musco N. Murzakewicz, соспавленное самимъ владѣльцемъ, явилось въ свѣтъ въ Одессѣ, въ 1835 году. -

Такое разсѣяніе Черноморскихъ древностей по лицу земли не могло бытъ полезнымъ для науки. Бѣльшихъ результатовъ опть изученія ихъ можно бы было ожидать, если бы онѣ оспавались ближе къ мѣспу своего опкрытія, хранились вмѣспѣ, и въ рукахъ Правительсва; чшобы доспутъ къ нимъ былъ всегда опкрытъ желающимъ, и они могли бы изучать сравнительно предметы своихъ изслѣдованій. Пользу такого централизованія древностей замѣпилъ первый С. Броневскій, градоначальникъ Феодосіа, извѣспный въ нашей липературѣ превосходною книгою своею о Кавказѣ. По предспавленному имъ и Высочайше утвержденному плану, въ 1810 году основанъ былъ съ эпою цѣлію Феодосійскій Музей, по примѣру котораго учреждены впослѣдствіи шакковыя же въ Керчи, Николаевѣ и Одессѣ.

Одесскій, по плану и шпату онаго, утвержденнымъ нынѣ благополучно царспвующимъ Императоромъ, опкрытъ 9-го Августа 1825 года. Кромѣ многихъ древностей, принесенныхъ въ даръ ему опть разныхъ лицъ, сюда послупили: полное собраніе Ольвійскихъ монетъ Бларамберга, купленное у него за пысячу червонцевъ; собраніе Греческихъ и Римскихъ монетъ, принадлежавшее ему же и купленное у его наслѣдниковъ; собраніе монетъ, купленное у Шпабсъ - Капишана Должикова, которое соспавилъ онъ во время послѣдняго похода въ Турцію; собраніе Греческихъ и Римскихъ монетъ, купленное у шеперешняго хранителя музея, А. Спады; наконецъ всѣ древности, собранныя въ Бугаріи и Румеліи въ продолженіе Турецкихъ кампаній 1828 и 1829 года, опсправленнымъ шуда нарочно съ эпою цѣлію извѣспнымъ повпомъ В. Тепляковымъ, и Гг. Гнѣдичемъ и Соколовскимъ. »При жизни Бларамберга, говоритъ Г. Мурзакевичъ, въ Одесскомъ Вѣспникѣ и другихъ повременныхъ Русскихъ изданіяхъ, время опть времени являлись археологическія извѣспія о памятникахъ, хранящихся въ Одесскомъ музее; но послѣ шого, какъ Декабря 31, го 1831 года, смерть похишила у науку штого мужа, музей спалъ приходилъ въ разспройство. Спашуп, камни съ надписями, монеты, и всѣ другія древности, какъ перенесены были изъ дому Бларамберга въ музей, шакъ и оспавались въ немъ неразобранными и безъ всякаго порядка.

Поперяны были наконецъ и самыя каталоги монетъ.“ Къ сожалѣнью, это неуспѣшное описаніе Одесскаго музея можетъ быть приложено въ большей или меньшей мѣрѣ и ко всемъ Новороссійскимъ музеямъ древностей. Въ 1837 году, Г. Мурзакевичъ, по порученію Новороссійскаго и Бессарабскаго Генераль-Губернатора, Графа М. С. Воронцова, принялъ на себя трудъ привести въ порядокъ и описать предметы, хранящіеся въ Одесскомъ музеѣ, и вошь въ этомъ году вышла первая часть его труда, заключающая въ себѣ описаніе монетъ. Впрочемъ посвящена будетъ описанію предметовъ, относящихся къ археологіи и наукъ древностей.

Описаніе Г. Мурзакевича разочаруетъ многихъ любителей нумизматическихъ богатствъ музея. Ихъ можно было ожидать болѣе, чѣмъ оказывается. Число всѣхъ монетъ простирается до 846 съ дупледами, въ томъ числѣ Греческихъ 485, Римскихъ 344 и Византійскихъ 17. Золотыхъ 14; изъ нихъ 5 Греческихъ, 1 Римская и 8 Византійскихъ. Серебряныхъ 279; изъ нихъ 68 Греческихъ, 18 Римскихъ Консульскихъ и 193 Императорскихъ. Изъ электрона 3. Всѣ остальные мѣдныя. Нѣтъ ни одной серебряной Византійской, и Императорскія, начиная съ половины шретьяго вѣка, почти все мѣдныя. Цѣль нумизматическаго отдѣленія музея составляютъ монеты Ольвійскія, числомъ 221, въ томъ числѣ 10 серебряныхъ и 1 золотая — единственный экземпляръ, доселѣ извѣстный. За Ольвійскими по достоинству слѣдуютъ монеты другихъ Греческихъ колоній отъ устьевъ Дуная до Ріона, Херсонеса древняго и новаго 17, Панпикапей 14, Фанагоріи 3, Колховъ 3, Царей Воспора Киммерійскаго: Рескупориса II 5; Савромата III 25; Кописа I, 4; Кописа II, 1; Роймипалка 7, Рескупориса IV, 1; Кописа IV, 1; Инишима 3; Рескупориса VII, 4, все мѣдныя. Полнѣйшее собраніе этихъ Воспорскихъ монетъ, сколько извѣстно, находится у Барона С. Шодуара, а золотыхъ нѣтъ нигдѣ сколько, какъ въ Королевскомъ музеѣ въ Парижѣ. Замѣчательны также монеты Нижней Мизіи и Фракіи. Наконецъ, если число монетъ музея не такъ велико, какъ бы надлежало полагать, за то всѣ онѣ хорошо сохранены: нѣтъ между ними этихъ исперныхъ кружковъ, на которыхъ могутъ видѣть что-либо только ошчаянные нумизматы, кружковъ, безполезныхъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Благодаря Г. Мурзаевича за эпонъ новый шрудъ его, надобно также поблагодарить и Одесское Общество Исторіи и Древностей, доставившее ему средства напечатать оный. Наданіе очень хорошо. Къ описанію приложены: таблица снимковъ съ 15 монетъ и таблица монограммъ. Желательно, чтобы мы дождались поскорѣе такого же описанія другихъ Новороссійскихъ музеевъ Николаевского, Феодосійскаго и въ особенностіи Керченскаго.

В. Григорьевъ.

Одесса.

Четыре мѣсяца въ Черногоріи. Ег. Ковалевскаго, съ рисунками и картою. С.-Петербургъ, въ тип. А. Плюшара. 1841. въ 8 ку, 151 стр.

Въ настоящее время, когда Славянство обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, когда мы мало-по-малу начинаемъ знакомиться съ своими одноплеменниками, книга Г. Ковалевскаго явилась очень кстати. — Черногорцы, племя родственное намъ по происхожденію и вѣрѣ, заслуживаютъ быть узванными короче, уже потому только, что постоянно сохраняютъ свою свободу и самостоятельность, хотя и окружены сильными и враждебными себѣ сосѣдами. Въ самомъ дѣлѣ, не доспойно ли удивленія, что, — тогда какъ въ Венгріи варвары-Маджары грозилъ запретить нѣсколькимъ милліонамъ Славянъ говорить по-Славянски, — 122,000 Черногорцевъ, изъ коихъ только 22,500 человекъ носятъ оружіе, гордо и храбро отражаютъ все нападанія Турокъ и Австрійцевъ!

Въ Черногоріи Государь есть Митрополишь, и вошь по какому случаю началось эшо правленіе.

»Знаменитая битва на Косовомъ полѣ во 1389 году рѣшила судьбу Сербіи, подпавшей игу Турокъ. Черногорцы, пользуясь своимъ неприсупнымъ положеніемъ, сдѣлались независимыми. Знаменитѣйшій ихъ Князь былъ Иванъ Черноевичъ, который одинъ боролся съ Турціею. По завоеваніи Албаніи и Герцоговины, все силы Турецкія обратились на Черногорію; Иванъ Черноевичъ, безъ союзниковъ, безъ

денегъ, боролся съ силами Имперіи; изнемогая въ неравномъ бою, онъ сдалъ бразды правленія брату своему, извѣстному подъ именемъ Арваниша храбраго, и отправился искать помощи Западныхъ державъ. Но Западъ былъ слишкомъ занятъ своимъ дѣломъ, и слово правды и вѣры не нашло въ немъ отголоска. Черноевичъ вернулся назадъ, и, съ швердымъ упованіемъ на Бога и на свой народъ, предпринялъ одинъ борьбу съ Имперіей. Онъ оставилъ Жаблякъ¹, находившійся въ сосѣдствѣ Турковъ, и перенесъ резиденцію въ Цѣшинъ, вновь имъ воздвигнушій; сюда же перенесъ онъ митрополію, и занялся внутреннимъ устройствомъ края, укрѣпилъ, со стороны Турціи, рѣку Ободъ, извѣстную подъ именемъ Черноевичъ, воздвигнулъ въ горахъ нѣсколько укрѣпленій, и сдѣлалъ общее воззваніе къ народу. Воодушевленные примѣромъ Черногорца съ воспоргомъ откликнулись на его призывъ. На общемъ собраніи въ Цѣшинѣ опредѣлили считашъ измѣнникомъ и уголовнымъ преслушникомъ всякаго, кто не приметъ участія въ войнѣ съ Турціей, или уйдетъ съ поля битвы, а въ знакъ особеннаго къ нему презрѣнія, одѣвашъ его въ женское платье и, съ прялкою въ рукѣ, водить по селамъ Черногоріи, — наказаніе гораздо ужаснѣе смершной казни.»

»Сила турецкая оппранула опъ швердынь Черногоріи, и Черноевичъ спокойно кончалъ вѣкъ, прославляемый и чтимый народомъ, который, и по нынѣ, съ воспоргомъ вспоминаешъ о немъ и освящашъ его именемъ все близкое своему сердцу; онъ оставилъ Черногорію спокойную и разширившую свои владѣнія до Лимы съ одной стороны и до моря съ другой, — предѣлы, до которыхъ она впослѣдствіи никогда не доходила.»

»Опдаленные владѣтели искали союза Ивана Черноевича. Одна племянница его, дочь Арваниша храбраго, была замужемъ за Радолемъ, владѣтельнымъ Княземъ Волошскимъ, а другая, за Спе-заномъ Бранковичемъ, сыномъ знаменитаго деспота Сербіи, Георга I. Венеціанская республика, которая по праву владычицы Адриатики наследовала, послѣ паденія Сербіи, покровительствовало Капарской республике, искала дружбы Черноевича, чему свидѣтельствуютъ многіе, заключенные между ними пакташы, между которыми особенно примѣчательны объ опредѣленіи границъ Черногоріи.»

»Георгій, старшій сынъ Ивана, принялъ бразды народнаго управленія. — Въ его время нѣсколько Черногорцевъ, сопутствовавшихъ его злополучному брату Стефану, прозванному Шпаноша, въ Консманшиноль, приняли шамъ магометанскую религію; покровительствуемые Турками, спаравшимися подорвать Христіанство въ Черногоріи, на которомъ преимущественно опиралась народная сила, эти опшупники вѣры сдѣлали впослѣдствіи много зла своему опечестиву. — Георгій думалъ распространеніемъ церковныхъ книгъ воспламенить ревность къ православію. Онъ доставилъ изъ Венеціи всѣ типографскія принадлежности, и въ домѣ, построеномъ опцемъ его при рѣкѣ Черноевичъ, началъ печатаніе книгъ. Его Окшоекъ былъ оппечатанъ въ 1495 году, ш. е. черезъ чепыре года послѣ напечатанія первой Псалмыри въ Краковѣ.»

»Георгій Черноевичъ не имѣлъ сыновей. Доспигнувъ глубокой старости и убѣждаемый безпреспанно своею женой, Маріей, изъ фамиліи Венеціанскихъ дворянъ Моцениго, онъ рѣшился сложить съ себя бремя правленія, и проведши опшашокъ дней на родинѣ своей жены. Прощаясь съ народомъ, онъ завѣщалъ ему свою волю въ слѣдующихъ словахъ: »Оспавляю вамъ по себѣ митрополиша Германа и преемниковъ его, митрополишовъ, пока самъ Богъ не сошворитъ для васъ чего лучшаго. Митрополишъ еспъ общій вашъ опецъ и архипаспырь. Его домъ — общій домъ молишвы; кто будетъ болѣе заботишья о счастіи вашемъ, какъ не общій вашъ духовный опецъ; вы, по духу, чада его, и овцы словеснаго спала Христова, о кошоромъ онъ, паспырь вашъ, спанепъ пецишь въ жизни сей и въ вѣчности. Прибѣгайте къ нему въ горѣ и радости; внимайте совѣшамъ его. Вручаю ему гербъ, кошорый упошребляли въ Бозѣ почившіе Цари Сербскіе, предки мои, и я самъ!« Народъ рыдалъ, распаваясь со своимъ достойнымъ правителемъ, и провожалъ его, вмѣстѣ съ митрополишомъ, до Кашара.»

Митрополишъ Германъ принялъ по его завѣщу бразды правленія. — Съ этихъ поръ начинается духовная власть въ Черногоріи.

Изъ Русскихъ Государей Пешръ Великій доспигнулъ важность Черногоріи даже и въ полишическомъ опношеніи, въ войнахъ съ Турціей, для диверсін. Эшо было при Владыкѣ

Даніиль. »Посланные его съ различными предложеніями и словомъ дружбы, Милорадовичъ и Лукашевичъ, произвели всеобщій восторгъ въ Черногоріи, и безъ труда достигли цѣли своего посольства: Черногорцы, не медля, всѣми силами ударили на Албанію и Герцоговину, и, шоржешвуя повсюду, ошвлекли ихъ силы опгъ участія въ войнѣ прошивъ Россіи. Несчастный мирный шракпангъ при Прушѣ, въ 1711 году, ничего не упоминалъ о Черногоріи, и Сулшамъ, не довольный эпимъ послѣдшымъ миромъ, обратилъ шестидесяши-птысячный корпусъ, находившійся при Прушѣ, на Черногорію, желая излить на нея всю мепь свою.»

»Даніиль рѣшилъ предупредить нападеніе Турецкой силы. Ночью, врасплохъ, напалъ онъ на Сераскира; но Турки, вскорѣ опправившись опгъ перваго замѣшательства и вида малочисленность непріятеля, рѣшились сопротивляться; шогда Даніиль, условленными знаками, приказалъ предварительнo скрыпшой имъ въ пылу непріятеля засадѣ ударить со своей стороны. — Турки смѣшались и бѣжали: при всеобщемъ безпорядкѣ они не попали на настоящій пушь и зашли въ дремучій лѣсъ, гдѣ, окруженные ошвсюду Черногорцами, «валились, какъ подкошенная шрава,» говоритъ народная пѣсь, и самъ Сераскиръ едва спасъ бѣгшвомъ жизнь, и опнесъ голову свою на плаху въ Конспаншинополь. — Богатая добыча и 30 Турецкихъ знаменъ доспались побѣдителямъ. Мѣсто, гдѣ происходила эша кровавая сѣча, съ шѣхъ поръ называется Царевъ Лазъ.»

»Даніиль, славный во время успѣховъ и счастья, явился истинно великимъ въ годину народного бѣдствія. Турецкій 12,000 корпусъ приближался къ границамъ Черногоріи. Визирь Думанъ-Паша, одинъ изъ опынѣйшихъ полководцевъ шого времени, предводительствовалъ имъ. Онъ началъ измѣной, заключивъ въ цѣпи явившихся къ нему, по приглашенію, главарей Черногоріи и пошомъ вшоргнулся въ ея предѣлы. — Шагъ за шагомъ оспоривали Черногорцы родную землю, но числительная сила, равнявшаяся всему народонаселенію Черногоріи, превозмогла; Думанъ-Паша прошелъ огнемъ и мечемъ всю землю опгъ Зепы до Поморья. Венеціанская республика, кошорой шолько разъ вспомоществовала Черногоріа, выдала скрывшихся въ Капшаро Черногорцевъ! Думанъ-Паша доспойно возблагодарилъ свою союзницу за шпошь въродомный по-

спулокъ: вмѣстѣ съ Великимъ Визиремъ, Али-Пашой, напалъ онъ на полу-островъ Морюю, находившійся въ рукахъ Дожа, и покорилъ его Турецкой Имперіи.»

„Даніилъ не унывалъ. Посланный прошивъ желанія въ правительствѣ Черногоріи, онъ не покинулъ ея среди всеобщаго бѣдспвія, вполне поспыгая свою опвѣщспвенность за нее передъ Богомъ и свѣшомъ. Первымъ спараніемъ Даніила было собрать разсѣянные повсюду оспашпки своего народа и соединить ихъ опять воедино, среди своихъ неприспушныхъ горъ; пошомъ, поручивъ Черногорію архіерею Саввѣ, будущему своему преемнику, опсправился, по желанію народа, въ Россію, просить ея помощи и покровительствва.“

„Петръ I не опспавилъ въ бѣдспвіи Владыку Черногоріи и опспавалъ его своими милоспями и щедротами. Монаспырямъ и церквямъ послалъ онъ священныя сосуды, архіерейскія и священническія одежды, поспрадавшимъ Черногорцамъ 10,000 рублей, сверхъ того опредѣлилъ давать на содержаніе Цѣшинскаго монаспыря по 500 рублей въ каждыя при года. — Говорящъ, будто онъ шакже послалъ и порохъ, кошорый во всякое время соспавляетъ главѣйшее сокровище для Черногорцевъ, и особенно быть необходимымъ въ шу пору.“

Очень любопытны свѣдѣнія о Самозванцѣ Стефанѣ Маломъ, кошорый принялъ имя Русскаго Имперашора Петра III, и управлялъ очень долго Черногоріей.

Вопъ описаніе нынѣшняго и свяшопочившаго Владыкъ Черногоріи.

„Оспашное время дни я проводилъ съ Владыкою. Иноспранцы часшо говорили о немъ. Видя его мелькомъ въ Вѣнѣ или зная шолько по насльщкѣ, они искавили не шолько характеръ, но даже наружный видъ его, и вшо одно ужѣ налагаешъ на меня непремѣнную обязанность предспавить его лицо въ наспоющемъ свѣщѣ. Я долженъ начашъ разсказъ свой нѣсколько выше.“

„Въ шо время, когда Наполеонъ громилъ всю Европу, Русская флотилія на Адриашическомъ морѣ одна не знала поражений. Ею командовалъ Севявинъ, а съ нимъ неразлучно, или въ поспоянной связи, находился Владыка Черногоріи, предметникъ нынѣшняго, герой славнаго края; съ небольшимъ десантнымъ опрдомъ, соспавленнымъ изъ Русскихъ и Черногорцевъ, онъ билъ Французовъ по всему восточному берегу

Адриатическаго моря, отъ Аншивари до Зары. Древняя республика Рагузы оставила по себѣ однѣ развалины. Капаро, эта чудная швердыня, возвигнушая по черпешамъ Микель-Анджело, была два раза взята Черногорцами. приспупомъ, съ помощію однихъ ружей и япагановъ, и при незначипельномъ пособіи флота, случившагося въ проливѣ Боко-ди-Капаро, въ первый разъ Русскаго, во второй — Англійскаго. Свяшпопочившій (какъ называюшъ Черногорцы своего покойнаго Владыку) признанъ былъ, правившемъ духовнымъ и гражданскимъ провинціи Боко-ди-Капаро. Но не спало Наполеона; Европа облеклась въ прежніи формы и Черногорія должна была шакже вспупитъ въ свои границы, и сдать Капаро, купленный цѣною ея пожертвованій и умышпый кровію Русскихъ, Авспрійцамъ. Она свяшпо исполнила волю Русскаго Монарха, кошорому въбрила судьбу свою при заключеніи Парижскаго шпракшапа. Отъ прежняго времени Черногоріи осталась одна шолько слава, а съ нею вмѣстѣ усиливалась до крайности спраспъ къ бшпшвѣ. Раздоры, порожденные частнымъ опспущспіемъ Владыки и неспріязненнымъ вліаніемъ сосѣдей, кипѣли внуспри, пограничныя спшибки не умолкали, кровомщеніе замѣнило всѣ законы и всю власпъ. При эшпихъ-шо обстоятельспвахъ шолько мощная рука свяшпопочившаго Пепра, закрушивъ бразды правленія, удерживала народъ въ повиновеніи и единспшвѣ. Эшо было необыкновенное лицо необыкновеннаго XIX-го вѣка. Съ прекрасною наружноспію онъ соединялъ глубокій, проникательный умъ, кошорый приводилъ въ опчяліе самыхъ искусныхъ Французскихъ дипломатовъ, обвивавшихъ его кольцомъ леспши и соблазпа; но никогда не прикрывалъ онъ полишпическою необходимостію видовъ собспвеннаго честшлюбія, и оставался върнымъ своему долгу и слову, при самыхъ шрудныхъ для него обстоятельспвахъ. Его честшлюбіе или, правильнѣе, его умъ и дѣяпельность конечно не могли вмѣшпаться въ шѣсномъ кругу Черногоріи. Овладевъ Капаромъ, онъ сдѣлался духовнымъ главою всего Поморья. Герой своего вѣка и края, Пепръ имѣлъ чрезвычайное вліаніе на всѣ Славянскія племена православнаго исповѣданія и, при его усилияхъ, не разъ спряхали они шажкія цѣпи Французскаго владычеспства и не унывали при неудачахъ. Напрасно Французы, не успѣвшіе ни привлечь его на свою спорону всевозможными обѣщаніями, ни побѣдишь его, посшавили надъ Поморьемъ другаго мшпро-

полиша, — духовная власть святопочившаго Пепра, а съ шѣмъ вмѣстѣ и вліяніе надъ нимъ не уменьшились. — Онъ былъ чрезвычайно храбръ, и, не рѣдко, увлеченный жаромъ битвы, опережалъ своихъ съ крестомъ въ одной и съ мечемъ въ другой рукѣ. Проспое, патриархальное обращеніе возвышало его характеръ, и, соединенное съ даромъ сильной и убѣдительною рѣчи, увлекало за собою собесѣдниковъ, копорые никогда не замѣчали проглядывавшей въ его орлиномъ взорѣ недоувѣрчивости, опличительной черты Черногорцевъ и вообще всѣхъ Воспочныхъ народовъ. Святопочившій Пепръ пользовался вполне милоспію и доувѣренностію Русскаго Монарха, копорая, если и колебалась когда, по пошомъ возрастала съ болъшею силою. Онъ украшался знаками Ордена Св. Александра Невскаго, а многіе изъ его сподвижниковъ имѣли знаки Георгія 4-й и 3-й степени. Любимый въ высшей степени своимъ народомъ, онъ преславился, смертію праведника и досшойнаго правителя, среди спекшихся опшсуду Черногорцевъ, поучая ихъ до послѣдней минушы своимъ словомъ. Онъ умеръ 18 Октябра 1830 г., и племянникъ его, осьмнадцатилѣтній юноша Пепръ, нынѣшній Владыка, наследовалъ, по выбору народа и духовному завѣщанію умершаго, его мштру и власть гражданскую, при шѣхъ тяжкихъ обстоятельстввахъ, о копорыхъ мы говорили. Правда, святопочившій завѣщалъ своему народу уничтоженіе кровомщенія и всакихъ раздоровъ, совершенную шшщину внушри и на границахъ, срокомъ на полгода, — и Черногорцы свято исполняли эпо завѣщаніе, облекшись въ глубокой шрауръ мира; но шѣмъ сильнѣе воспрянулъ онъ по испеченіи завѣщанаго срока, шѣмъ съ болъшею радостію спалъ опшщивашъ, покрышый ржавчиной, япантъ, и раздоры закипѣли пуще прежняго. Владыка, испощивъ мольбы и опщужденія опъ церкви, долженъ былъ прибъгнувъ къ мѣрамъ болъе дѣйспвительнымъ, къ мѣрамъ спрососши и грозной кары, копорыя, въ лицѣ споль юнаго правителя, были совершенно неожиданны для Черногорцевъ, и доказали, что они имѣютъ досшойнаго намѣспнника святопочившаго.

Далѣе авторъ говоритъ объ уничтоженіи власти губернашора, враждебной Владыкѣ, о мѣрахъ прошивъ кровомщенія, преобразованія сенапа, о заведеніи шпографіи, и заключаешъ:

«Всѣ эти преобразованія пѣтъ болѣе поражаютъ, что Владыка пользуется самымъ незначительнымъ доходомъ, который получаетъ, съ рыбной ловли въ озерѣ Скушари, съ монастырскихъ земель и еще незначительныхъ опраслей промышленности. Ни подашей, ни таможенныхъ сборовъ не знаетъ Черногорія. Нынешній Владыка, однако, всячески старается склонить народъ на взносъ самой ничтожной, правильной подати, отъ 1-го до 3-хъ гульденовъ (отъ 2 руб. 15 коп. до 6 руб. 45 коп.) съ семейства, и должно надѣяться, должно желать, чтобы онъ достигъ этого.»

«Обращаюсь къ наружному виду Владыки. Чрезвычайно высокаго роста, стройный, съ черными, какъ смоль, ниспадающими по плечамъ волосами, съ глазами полными блеску, правильными чертами лица — Владыка представляетъ образецъ мужественной красоты. Я знаю только одного, въ лицѣ котораго болѣе величія и поражающей красоты. Его знаетъ вся Европа! Художникъ избралъ бы правителя Черногоріи образцомъ для изображенія Геркулеса, а Философъ пушеводилелемъ въ своей жизни. Владыка ведетъ жизнь чрезвычайно умеренную; споль его болѣе, чѣмъ не прихотливый; въ одеждѣ своей проситъ, но опшичается отъ прочихъ Черногорцевъ. Отъ до шого щедръ и сострадательнъ къ нищамъ, что не рѣдко отдавалъ послѣднюю свою рубаху бѣдному. Наученіе дамковъ и лишературныя занятія составляютъ его спраситъ и отдохновеніе отъ шягоспи правительственныхъ заботъ. Отъ считавшся однимъ изъ первыхъ лишераторовъ между Славянами (*), очень хорошо говоритъ и пишетъ, по русски и по французски, и, въ случаѣ нужды, можетъ изъясняться кончаліански. Но чувствю, въ немъ преобладающее, чувствю, разлитое въ высшей степени, — это пламенная любовь къ родинѣ, къ ея славѣ, ея благоденствію; въ этомъ опшоненіи онъ постоянно находилъ въ какомъ-то воспорженномъ состояніи.»

Разсказъ одного Черногорца, попа Ивана, о битвѣ съ Турками:

«То моя куча (**), сказалъ онъ, указывая на домъ, выдвиншійся впередъ на цѣлый ружейный выспрѣлъ отъ села; Турки

(*) Здѣсь не вліяние было бы указать на лишературныя произведенія Черногорскаго Владыки. *Прим. реценз.*

(**) Куча по сербски значитъ домъ.

съ перваго размаха всегда кидаются на нее, часто жгутъ, да не рѣдко обжигаютъ усы; случалось имъ сбивать пушками крышу, случалось разбивать объ спѣну лбы, и, въ шопъ разъ, когда Кара-Махмутъ былъ съ ними, они начали съ моею кучи и расплылись объ нее; кинулись въ шу спорону, гдѣ вонь баина сповишь, и опшуда погѣбли нашихъ; слышншь ли, Черногорцевъ собралось шолько 4,000, а съ Кара-Махмутомъ было 20,000. Самъ Паша во всю битву сидѣлъ у церкви, чшо внизу: шамъ былъ онъ и рапентъ, а все еще сидѣлъ и не выпускалъ чубука изъ успѣтъ, шакой людой! На горѣ сполѣтъ нашъ свяшопочившій Владыко, лицетъ къ лицу пропиевъ Паша, шолько съ пашью-десятью старшинами; онъ ни на шагъ не подавался назадъ, и всякій разъ, когда гнали нашихъ, возвращалъ ихъ, больше грозвою, чѣмъ милосшїю; и шо сказашъ, гдѣ услышншь шихое слово въ пылу битвы, а какъ свешенштъ пуля, шакъ невольню послушаешься.» —

»Шопъ мало по малу воспламенялся. Жарко было. Кучи еще были за одно съ Турками; да и Пипери не крѣпко держались насъ; мы сполько жъ боялись своихъ, сколько и враговъ. Три раза Турки занимали деревню, были на пшшолешный выспрѣтъ опъ Владыки, и всякій разъ мы сбрасывали ихъ внизъ; шупъ въ послѣднїй разъ закипѣла сѣча; наши и Турки смѣшались, не узнавали своихъ, рѣзались ашаганами, некогда было вынуть и ашагана, душили одинъ другаго, били камнями; иному, въ шполтъ день удалось опрѣзашъ до шести Турецкихъ головъ Волтъ здѣсь палъ браштъ мой, а здѣсь Пешро: онъ было виѣпялся зубами въ шею Турку, чшобъ перегрызтъ се и опшрушншь голову, да пуля подоспѣла къ Пешру, прямо въ високъ; мы выручили его голову опъ Турокъ. Здѣсь погибъ попъ Михайлъ, а здѣсь Жиро Пиперь, подъ нимъ было пять Турковъ. На шпомъ самомъ мѣстѣ Савва Пешровичъ опрѣзашъ Агъ, Мустафъ Алиеву, голову. Видно свяшопочившему Василию угодню было показашъ чудо. Волтъ какъ шпо было: въ пылу сѣчи Савва очутился въ самой шолгѣ Турковъ; плаштъ его было почти шакое же, какъ у другихъ Турецкихъ Славянтъ, лицетъ онъ шакже опъ нихъ не опшлячался, да, впрочемъ у всѣхъ насъ не было видно лица, шакъ мудрено ли, чшо его никто не узнавалъ, и онъ на-выборъ шибалъ Турковъ ружьемъ или пшшолешномъ; Савва уже опрѣзашъ восемь головъ, какъ вдругъ

вспрѣтнулся съ Агою, и они спали другъ прошивъ друга, какъ заколдованные. — Ты, сказалъ Савва, Мустафа Алліевъ, что поклялся Папѣ привезти живаго, или принесши голову моего брата Владыки Пешра. — Я, отвѣчалъ онъ, а ты ли Савва Пешровичъ? — Я. — Послѣ рассказывалъ Савва, что пономешъ его былъ заряженъ, но ему никакъ не пришло на мысль выспрѣлншь въ Агу: онъ стоялъ словно передъ змѣею, въ пашь конпораго, говорящъ, сама валилсь добыча. — Чтобы пояснить эту сцену, списанною мною почти буквально со словъ попа, должно замѣлншь, что Ага былъ Голіаевъ Албаніи; его огромный ростъ, звѣрская наружность и огчашная храбросшь наводили невольный ужасъ на пѣхъ, кшо вспрѣчался съ нимъ битвѣ; прибавше къ этому, что онъ уже достигивалъ девялмй десятокъ опрѣзанныхъ имъ хрлстіансклхъ головъ, и вы можеше вообразлшь изумленіе, если не ужасъ, Саввы, шакъ незапно очуппеннаго передъ нимъ. Турецкій Голіаевъ спѣшилъ воспользовашься минушой самозабвенія своего врага, конпораго онъ зналъ, слѣдовательно не могъ презлрашъ; онъ схватилъ его за грудь, и, поднявъ высоко на воздухъ, хотѣлъ ринуть о камень; но Савва уже опомнлся, онъ вцѣпллся ему въ шею, и руки его, казалось, прлрослн къ врагу; шогда Ага хотѣлъ употреблть другую уловку, спарался подвернуть подъ себя врага и раздавлть своимъ колѣномъ; напргашн сллы, онъ гошовъ былъ прлвеслти въ дѣлствіе свой замыслъ, какъ вдругъ нога его, управшася о камень, обллпшый кровью, скользнула; Ага поваллся, выпусшлвъ изъ рукъ жерлву; Савва кинулся ему на грудь и ушрался въ нее ногою, прлспавлвъ лшаганъ къ шеѣ. — Прлзнаешъ ли себя побѣжденнымъ? спросллъ Савва. — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, не ты, дяволъ свалллъ меня, — и съ этимъ словомъ голова его скашллась съ плечъ. (Турки выручлли ее)!»

»Жара-Махмупъ, слѣдлвшій зорклмъ взоромъ все происходлщее, самъ показалъ прлмѣръ къ бѣгшву, и побѣжало все. — Пшперцы, гвалшлсея за непрлшелемъ первымъ, увидѣл Савву, оплгченнаго Турецклмъ оружіемъ, прлнлліи его за Турка, и ограблвъ, хотѣл было опрублшь голову, какъ прлшлн Кашунцы и Влоповлчлчл; герою нужно было шолько возвыслшь гошовъ, и междуособная сѣча гошова была всплхнушь, но во-врелл прлблвшій Владыка успѣлъ успоколшь своихъ малпешныхъ сподлжнлчлковъ.» —

Описаніе одного Черногорскаго монастыря:

„У самыхъ монастырскихъ воротъ, говоритъ путешественникъ, мы встрѣтились съ человѣкомъ, помршимъ кровью и попомъ, съ опрубленною человѣческою головою у сѣдла. Одна борода отличала его отъ другихъ Черногорцевъ. Онъ лихо соскочилъ съ коня (въ Морачѣ можно встрѣпить лошадь), радушно привѣтствовалъ насъ, и, радуясь искренно нежданымъ гостямъ, приглашалъ насъ въ монастырь.
это былъ отецъ Игуменъ.

Послѣ обычныхъ лобзаній и рѣчей, я спросилъ вояку-прибывшаго, откуда онъ возвращается? „Съ бивнымъ, отличалъ онъ мимоходомъ, приглашая меня въ келію и пересказывая въ ней сцены.

— Жарко было? спросилъ я также беззаботно.

„Ни-что! Дѣтъ недѣля спалили одни прошки другіхъ и никакого полку. — Головъ съ деслицокъ, да хмсачу барановъ!

— Гдѣ бились?

„По полю разгульному, по волѣ юнашеской, во славу Св. Петра и Господаря, сказалъ онъ смѣясь, и попомъ прибавилъ: гдѣ больше, какъ не близъ проклятаго Каланшиа.“

Игуменъ Димитрій, человѣкъ лѣтъ 35, ошкрышой конституціи, пріятнаго нрава, честный, справедливый, госпопріимный испинно послависки; своимъ юнашесивомъ приобрялъ онъ славу и всеобщее уваженіе. Онъ былъ проспыма дьякомъ при своемъ предѣспиникѣ, и, не смотря на низкій родъ, за свою отличную храброспъ поссприженъ въ Игумены, — званіе чрезвычайно уважаемое въ Черногоріи. Отецъ Димитрій не спашкомъ грамотенъ, не дальнаго ума, за то, гдѣ больше опасность, гдѣ жарче бой, онъ вѣрно спашъ.

Напрасно отецъ Игуменъ и весь его причетъ сущспились, чшобы сполько нибудъ убрать компану отъ груды Турецкихъ барабановъ, сѣделъ, нагаскъ, обломковъ верилъ, сапоговъ, чалмъ, колокольчиковъ, всякаго оружья, всякаго шпанья, всякой дрини, кошпора была навалена въ такомъ возмущиспелномъ безпорядкѣ, чшо сполько ни спарались сгрудишь ее по угламъ, она шю и дѣло разсыпалась и капилась съ шумомъ и звономъ въ разныя спороны, какъ-бы насмѣхаясь надъ человѣческимъ усиліемъ; особенно оказались въ спомѣ случаѣ непослушными маленькій Турецкій барабанъ и одинъ черепъ Турецкой головы; они шю и дѣло выбивали разныя спрелы,

шолкался другъ объ друга, и эта голова, своею сущностью и шолошкой, конечно хоптала вознаградишь Флегму предшествовавшей жизни. Наконецъ, отецъ Игумень, ушомленный новаго рода борьбой, оспавилъ все въ кокоѣ, и еще все улеглось какъ попало, словно разбрѣдшіеся мершвецы, заснигнувшие врасилохъ крикомъ пѣшуа: черепъ, какъ шумъ, отушился у ногъ монхъ, но я отбросилъ его отъ себя далеко, въ ослѣдствіе колокольчиковъ и другихъ вещей. Изъ числа одушевленныхъ шварей моей кельи особенно ошличались числомъ и величиною мыши, копорыхъ главная квартира была въ бочкѣ, шумъ же шлоившей съ яблосами и грушами, и осы, вившіеся цѣльнѣ роемъ возлѣ другоѣ бочки съ медомъ; сверчки, мухи, пауки и другія меньшого размѣра насѣкомыя дополняли населеніе моей комнаты; по ночамъ являлись двѣ монхи и поднимали шакую возню съ крысами, что со стороны можно было подумати, что у меня шабашъ Кіевскихъ вѣдьмъ.

— Какалъ гѣпоша (!) связалъ одиакды переникъ Бляжо, ошашпривал мою комнату. — Калужеръ (!!) богатый чедотѣкъ: онъ и сегодня давалъ намъ ракин!

Эпоптъ Бляжо чрезвычайно забавлялъ меня своими названными разсказами; онъ былъ гѣптъ около 20 и уже прибрѣлъ нѣкоторую извѣстность своею храбростію, но обо всемъ, что не касалось войны, имѣлъ самыя дѣтскія понятія.

Вещъ описаніе поединка: »Враги пришли, сошлись, кое-о-чемъ пошолоковали, пошупшили, выпили ракин, зарядили свои длинныя ружья и разошлись; ихъ хладнокровіе, слѣдствіе совершеннаго равнодушія къ жизни и смерти, было слишкомъ натурально, — это ошличительная черта Черногорскихъ поединковъ отъ нашихъ — ихъ шумки, какъ и лица, не выпягивались въ два аршина съ половиною, и звѣно мірскихъ привязанностей и радостей не плянуло назадъ отъ барьера. Поединники сшали на условленномъ разстояніи; вслѣдъ за нѣмъ раздался выстрѣлъ — и шолько одиакъ ружье Трипо дало ошчку. Пуля разшибла ему локоть лѣвой руки, поддерживавшей ружье, и засѣла въ лѣвомъ боку; онъ упалъ

(*) Какое великолѣтіе.

(**) Москва.

безъ чувствъ, опкинувъ далеко отъ себя ружье, но вѣселоу усилями шоваряца, былъ возвращенъ на мигъ къ жизни, и вѣкъ предсмертнымъ мигомъ воспользовался Янко; не смотря на то, что по закону Черногорскихъ поединковъ, събка, въ такомъ случаѣ, почтиается правымъ судомъ Божиимъ, онъ велѣлъ Трипу спрѣлать въ себя. «Не могу придвинуть ружья, не могу удержашъ его», произнесъ шопъ, умирающимъ голосомъ. Янко подаль ему ружье, посадилъ на землю; но руки Трипа склонились долу, шѣло валялось; Янко приподнялъ его правое колено, уперъ на него ружье и, склонивъ его колеблющуюся голову къ прикладу, сказалъ: я не хочу, чтобы такой юнакъ опошелъ на шопъ скѣлъ не опомщеннымъ, а кто за себя здѣсь опомститъ: у шобя ни брата, ни друга, круглымъ сиротина,» и спалъ въ двухъ шагахъ противъ ружейнаго дула. Раздался выспрѣлъ, и благородный соперникъ зашмался. Слышно падать юнаку: крѣпко упершись одною рукой о камень, другою о свое ружье, онъ удержался на ногахъ, и въ этомъ положеніи, какъ наиболее приличномъ герою, казалось рѣшился ожидать смерти; ни одинъ шопъ, ни одно болѣзненное движеніе не обнаружили его мученія. Пришедшая шолпа нашла Трипо уже мершвымъ; Янко былъ безъ чувствъ, но искусно здѣшнихъ доморощенныхъ врачей изцѣлило его рану, не смотря на всю опасность ея: это была двадцать первая (*).

Другой случай: одна женщина, опданная въ замужство въ другое племя, наскучивъ грубымъ обращеніемъ мужа, бросила его и убѣжала къ своимъ братьямъ; она рассказала имъ во всей подробности прежнюю, горькую жизнь свою и намѣреніе не возвращашъ болѣе къ мужу; но вмѣстѣ съ шѣмъ заклинала не мспитъ ему; напрасно, — братья зашруднились только въ шомъ, кому изъ нихъ ванесшъ ударъ: каждый добивался этой чести, и кончили шѣмъ, что опправились всѣ шрое; ихъ родшвенники и друзья не хотѣли ихъ оппустить однихъ, къ нимъ присоединились другіе, на случай опмщенія или мира, и вопшъ все племя поднялось противъ другаго племени. О мирѣ съ Черногорцемъ нечего и говорить, пока у него заряжены оба пшполеша и ружье; это значилъ под-

(*) Разказанное мною происшествіе свидѣтельствуетъ многими очевидцами и не подлежитъ никакому сомнѣнію.

ковашь голодному о воздержности, когда передъ нимъ сполпгъ сыпный обѣдъ. Раздались выспрѣлы, сначала рѣдко, потомъ чаще, по удаляясь, по приближаясь, смотря по движению шолпы. Крики заглушали выспрѣлы: »Эй! соколы, соколы! — Видо, Пепро, юнакъ! юнакъ! направо, налѣво, впередъ!« вшорилось повсюду. — Дрались большею частію въ разсыпную, по набѣгая, по убѣгая, заманивая въ среднну удалцевъ, ш опрѣзывая ихъ опгъ оспальной шолпы, по скрываясь за камнями, по показываясь нежданно на вершинѣ, словомъ, упошребляли всѣ хипроспи своихъ спшбокъ, пока ожеспоченіе не овладѣло ими, шогда они сполпились; некогда было думатьъ заряжать ружья или пшполопы, — схващились за шапаны. Сшарѣйшины увидѣли, что спшскомъ уже много крови пролипо для одной женщины, и съ обѣихъ спшоронъ подняли шапки на длинныхъ ружьяхъ своихъ, знаменіе перемирія; буря спшхла и враги разошлись на прилично разсполніе.»

»Но это было шолько начало. Слѣдовало изложеніе предмеша, для кошорого собрались спорящіяся спшороны: надобно было рѣшишь, кто правъ — мужъ или жена? п въ первомъ случаѣ принудить мужа взявъ обратно жену и послушашь съ нею »какъ слѣдуетъ.« Начались спшры и доказательствва, кричали пуще, чѣмъ при дракѣ, молодые горячились, главари выслушивали штерпѣливо сужденія каждаго, иногда нѣсколькихъ вдругъ, и почесывали зашылки, какъ будшо шамъ иженно былъ у нихъ наибольшій запасъ ума; ссрдарь шого племени, опшкуда была жена, причина раздора, гоповилса уже произнесши приговоръ, какъ вдругъ, въ пропшвположной спшоронѣ раздалось слово »ложъ.« Послѣдній Черногорскій сѣромахъ не спсршшшь брани, и слово ложъ въ этомъ случаѣ было шоже, что и выспрѣлъ. Бшшва закитѣла сильнѣе прежняго; опшважнѣйшіе схващились въ рукопашную борьбу шѣснили, давили другъ друга, бились камнями, бились чѣмъ ни попало; на крикъ, на выспрѣлы сбѣжались люди другихъ пламенъ; не успѣвъ примирить враждующихъ, они приспали къ нимъ, по подкрѣпляя собою слабѣйшую спшорону, по, вшѣспѣ съ нею, усшулая силѣ. Наконецъ, главари улчивъ минушцу, когда обѣ спшороны, упомденныя и разрозненныя, шѣснили слабѣе другъ друга, крикомъ и выспавленными шапками успѣли оспановить кровопролитіе; сосчитали убитыхъ:

со стороны супруга было десять, — равные нейдуть въ счетъ, — со стороны оскорбленной жены четыре. Эта спора, повпоренными нѣсколько разъ высправами, провозгласила побѣду; побѣжденный оспался какъ водился, виноватымъ; уцѣлѣвшій мужъ долженъ былъ взять обратно жену и обзаться кляпвою жишъ съ нею въ мирѣ и согласіи. Враждующія спороны примирились и разошлись.»

«Два соперника, разлученные впечатѣльи двадцати лѣтъ обспояпельствами и людьми, наконецъ сошлись; пошребовали по 25 человекъ и спали на выспрѣль, каждый мешпо двадцати пѣли ружей: дружно раздался два залпа, почти въ одно время. Какъ ни привычны были луземцы къ подобной мешп, однако рука, видно, не у одного дрогнула, пошму что оба соперника были изранены, но еще живы; надобно было прибѣгнушь къ япаганамъ, чтобы кончить оспальное.»

Здѣсь же мѣсто разсказать объ ужасномъ кровошченіи, совершившемся, правда, не въ Черногоріи, но на ея границахъ и въ ея духѣ:

«Дидо, правитель племени, умеръ, оставивъ своего единшвеннаго сына преемникомъ власпи; родной братъ Дидо убилъ наследника, чтобы, въ свою очередь, сдѣлаться законнымъ правителемъ; мать убишаго опшшила смерть сына, умершвиъ своими руками убійцу; сынъ послѣдше-убишаго не могъ шѣмъ же опшлатишь убійца, пошму что бычаи края, которые сильнѣе всякаго закона, запрещающъ совершашъ мшценіе надъ женщинами; онъ долженъ былъ довольствоваться шѣмъ, что убилъ ея брата, Вико; сынъ Вико заспрѣлилъ убійцу возлѣ самаго шрупа своего опца, еще не оспынашаго, еще сохранившаго выражение угрозы и мшценія, послѣдняго, и, можешъ, единшвеннаго чувства, съ которыми онъ опощель опъ земли, и палъ мершвыи на шругъ опца опъ руки одного изъ родшвенниковъ убишаго имъ. Мшценіе не замедлило: опашъ явилась жена Дидо, и убійца палъ опъ ея руки — другая очисшительная жершва, кошорую она принесла своему роду..... Опъ всего племени оспался двухъ-лѣшній младенецъ и шпа ужасная женщина. Совершивъ шпорое убійшво, она явилась въ Скушари, не для оправданія, чего шакъ добивались Турецкія правительшвенныя ли-

ра, желая показать свое влияние на дѣла Мирдина, но, казалось для этого, чтобы пощеголать своимъ подвигомъ. Она была женщина лѣтъ 45, небольшого роста, съ выдавшимися скулами на лицѣ, съ выраженіемъ угрозы въ лице блестящемъ взорѣ и съ несмѣнною улыбкой презрѣнія на губахъ, иногда прекрасныхъ. Вся ея движенія были быстры и шакъ сказаны судорожны; ея рѣчь, ея посмунъ обнаруживали въ ней вервическое сложеніе и капилную спрасплми кровью.

Каковы опасностямъ подвергается путешественникъ въ сихъ сиравахъ, предлагаемъ обращикъ: «Въ шомъ мѣсцѣ, гдѣ рѣка, свѣтленая крутыми берегами, собрала воды свои въ русло, болѣе узкое, и шѣмъ быстрые, шѣмъ серднише мчала ихъ, въ шомъ мѣсцѣ были перекинуты съ одного берега на другой двѣ жерди, въ два бревна длиною, поддерживаемы на середниъ рѣки двумя высокими спойками, кое-какъ скрепленными сверху, еще хуже укрѣпленными внизу, въ водѣ, между валунами камней. — Бревна были *au naturel*, въ ихъ корѣ, съ выдавшимися шпуклосшями и неровноспшями, а пошому, во шмогихъ мѣсцахъ расходились, одно возмшчалось надъ другимъ, предшавляла шакимъ образомъ ломаную линію. О перилѣхъ не было и помину. По шшому-шо саншасшическому мосту переходилъ, — шѣмъ, не переходилъ, я не умѣю опредѣлишь шшого движеніе человѣческаго шѣла, — переползалъ человекъ, осѣдлавъ верхомъ обѣ перекладины и замѣнилъ для своего движенія ноги руками. — Скорѣе переправлось я черезъ рѣку верхомъ на дѣволѣ, воскликнулъ я, и, за неимѣніемъ на шу пору въ наличности чорпа, уже закинулъ ногу черезъ перекладину, повинуюсь необходимости. Добрый мой спутникъ снабдилъ меня нужными наспавленіями, опшравляя въ шшо, новаго рода, путешешвіе: «Не гляди внизъ, говорилъ онъ, не-шо закружишь голова и найдешь одурь,» у насъ наоборотъ, подумалъ я, одурь находишь на шѣхъ, копорые глядишь очень высоко. — «Не оборачивайся назадъ, не гляди по спшоронамъ, не гляди никуда, — зарѣбишь въ глазахъ.» Чшо жъ, замуришься, чшо-ли? спросилъ я его. «О, сохрани Боже, воскликнулъ онъ, испугавшись самой мысли, назовушь шрусомъ; надобно глядишь весело, но ничего не видѣшь, ничего неслышашъ, ни о чемъ не думаешь.» Волѣ всего совѣщовалъ онъ мнѣ крѣпко

держаться за перекладным и не ползши, пошому чшо, въ шпакомъ случаѣ, припигивая свое шгло къ шчкѣ опоры рукъ, съ шгмъ вмѣспгъ плаवेशь къ себѣ перекладныи и легко можешь ихъ сдвинуть, но должно шолько опирашьясь объ нихъ и, приподымаясь нѣсколькю, шакъ сказашь перескакивашь все впередъ и впередъ. »Еспшъ,« промзвешь я, сирѣшншвъ сердце, и, благословясь внушрешно, опшправился въ пушь скачкомъ — ползкомъ. Дорогой я имѣлъ довольно времени, чшобы рассуждашъ о порядкѣ возникающшхъ искусствѣ, между кошорыми шпопгъ моспгъ должно было посшавпшь въ самой головѣ; но было не до рассужденшй. — Я однако начиналъ привыкашь къ своему положеншю, какъ вдругъ, взглянувъ нечаянно впередъ, ошшолбенѣлъ и ошшася недвижшмъ. Одно изъ двухъ бревешъ слѣдующей половинны мосша вышло изъ своего гнѣзда и шгмъ концомъ, кошорый былъ обращенъ ко мнѣ, и, слѣдовашельно, находплся на самой серединѣ Морачи, едва касалось подшпавокъ; едва задѣвало ихъ половиной своей оконечности; казалось, малѣйшее движеше низвергнешь его въ бездну. По какому-шо ншсппнкшу я обернулся назадъ: воздушное проспраншшво, около плши саженыи за мною и передо мною, опдѣляло меня отъ земли; пошомъ взглянувъ нечаянно внизъ: бездна была подо мною, волны кпгѣли и рвались изъ ущелья съ оглушающимъ шумомъ, брызги долетали до меня; я обратпль взоръ свой къ небу — шщепная надежда. Голова закружилась, сердце сжалось, я пошатнулся и едва не поперлъ равновѣсшя; но шпо было одинъ мпгъ. Рассудокъ взялъ власшь свою. Легко было убѣдпшься въ физической невозможности вернуться назадъ: для шшого нужно было сдѣлашь надъ бездною сальшо - моршале, на кошорый у меня не было ни искусства, ни ошопы; другая, всплывшая мнѣ мысль была воспозши впзъ по спойкѣ, на кошорую опшрался моспгъ; но если бы я и достигъ рѣки, шо какъ удержашься на спремнннѣ, капащей валуны камней на пуши своемъ. Я ошшавпль и шпу мысль, и, не колебалъ боже ни минушы, опшправился впередъ, не касаясь руками къ полуншспадающей перекладннѣ, и если задѣвалъ ее ногою, шо шолько для штого, чшобы прижать къ другой. — Тщепное усиле; она колебалась подо мной при каждомъ движешн и шгло мое, опшралась всею плажеспью на одну зыбкую перекладну, съ шрудомъ сохрпнало равновѣсше. Обшшованный берегъ былъ,

однако, близокъ; измученный безпреспаннымъ усиліемъ и желаніемъ достигнуть земли, я забылъ благоразуміе и рѣшился соскочить на берегъ съ моста; упершись объ него всею силою, я занесъ одну ногу въ воздухъ, — вдругъ, зыбкая переладина полетѣла въ спремнину. но я уже сползъ на землѣ, я уже дышалъ свободно.

Пожалѣемъ, что Авшоръ шутилъ въ такомъ описаніи.

А вопль извѣстіе, при которомъ сердце должно ослѣпнѣть кровію у всякаго ревнивела Славянской Испоріи:

«Калузеръ всюду сопущивовалъ мнѣ; онъ поражалъ меня довольно шочными и подробными разказами многихъ событій Сербской Испоріи. Зналъ, что ни одна печатная книга не заходила сюда, я изъявилъ свое удивленіе его учености. Мнѣ разказывалъ покойный Архимандритъ, ошкѣчалъ онъ. А ошкуда Архимандритъ почерпнулъ эту муаросль? — Ошкуда? Видишь, всюду писанныя книги: ихъ будетъ добрыхъ шри къона ослиныхъ шолько одѣхъ церковныхъ; мірскихъ было еще больше. — Гдѣ жъ онъ? прервалъ я, съ возрастающимъ лобопышствомъ. — Архимандритъ сказалъ — не подбаситъ мірскимъ книгамъ хранишься въ храмѣ Господнемъ и переносъ ихъ въ свой домъ. — Ну? — Домъ сгорѣлъ, а съ нимъ и книги.»

«Уны! И какъ равнодушно, какъ холодно разказывалъ онъ о пошерѣ этой, можешъ бышь, испорической сокровищницы. — Были сваковакія (всакія) книги, говорилъ онъ, и про Царей, и про Сѣромаховъ разныхъ, а пуще всего про Сербію, да про Сулпана, да про Бѣлаго Царя.»

Выпишемъ еще описаніе развалинъ Діокленъ: «Я впервые видѣлъ развалины древнихъ Римлянъ, и конечно самыя величественныя изъ всѣхъ, которымъ впоследствии удивлялся въ Италіи. Забытый, до сихъ поръ еще никѣмъ изъ путешественниковъ непосѣщенный, охраняемый взаимною враждою двухъ сосѣдственныхъ народовъ, Діоклипиановъ градъ сохранился ошгъ союзнаго дѣйствія людей и времени, и былъ пошраженъ, по возможности, послѣднимъ. Спѣны его почши шкюльнъ сохранились: онѣ идушь ошгъ южнаго ошклона горы до рѣки Морачи, образуя, вмѣстѣ съ нею, продолговатый чешвероугольникъ. Городъ переходилъ за спѣны и даже за

рыку Морачу, гдѣ, особенно въ окрестностяхъ Змаинцы, разбросаны повсюду колонны и пересинили, повсюду видны осланники древнихъ зданій. Толщина сдѣлать снѣжь значительна, что не разрѣзѣ ихъ можно проѣхать парой лошадей въ экипажѣ. Непонятно назначеніе пущенныя, находящихса внутри снѣга; онѣ имѣютъ видъ оплотившихъ корнишъ, не соединяющъ въ связи между собою и не могутъ служить водосами; концы вѣрно имѣли сообщеніе съ внутреннею стѣною города. Если бы онѣ находились въ сироевѣхъ время, не снѣжь осидавшихъ, мы подумали бы, что онѣ предназначались для храненія пороха.

»Черногорцы указали мнѣ зданіе, извѣстное у нихъ подѣ именемъ Царскаго дворца; оно дѣйствительно великолѣпно по своимъ огромнымъ колоннамъ и портикамъ, но уже носитъ на себѣ слѣды упадка вкуса; зданіе это до него сохранилось, что передняго его коннана, съ углубленіемъ вандѣ ннны, могла бы быть съ небольшими усиліями приведена въ порядочное жилище.»

»Вотъ здѣсь, возлѣ Царскихъ палатъ, сказали монахи, говорятъ, еслѣ подземныя храмы: до нихъ доходили, да видно недобрые духи ихъ зорко сперегутъ: никакъ не могли проникнуть въ храмы. Съ трудомъ убѣдилъ я суетѣрныхъ Черногорцевъ начать работу въ июль мѣсяцѣ, гдѣ указывалъ монахи; время было дорого; каждую минуту мы могли быть прерваны въ своихъ розысканіяхъ; работа шла быстро, и въ скоромъ времени достигли до груды камней; разобравъ ихъ, мы открыли мраморную доску: продольными краями ея исчезали въ снѣгахъ открышаго нами просиранства, поверхность украшалась изображеніями людей, въ разныхъ положеніяхъ, съ презубцемъ, иногда съ другимъ орудіемъ въ рукахъ, живописныхъ, особенно же рыбъ и иппуха; во многихъ мѣстахъ видны были иззубрины, слѣды щещинныхъ усилій приподнять или разбить эту доску; мы присодинили къ нимъ свои, и также безуспѣшно; это вполнѣ убѣдило Черногорцевъ, что подземный духъ избралъ своимъ жилищемъ храмину, находившуюся подѣ доской (звукъ ясно показывалъ, что шамъ была пущена.) Между шѣмъ любопытнѣе влекло меня меня къ другимъ памятникамъ, которые я снѣшилъ передать бумагѣ; особенно поразилъ меня красотою своихъ изображеній и мрамора одинъ надгробный камень, на которомъ еще сохранились слова: *Avia filia roi DDD* и другой, со слова-

ни болѣе сглаженными — *Ves... aus Sacrum f. bacilla*. — Всего ушлинѣе былъ сборъ разныхъ монетъ; въ короткое время я добылъ до сорока штукъ, изъ числа которыхъ большая часть принадлежала времени Константина и Елены, другія — вѣку Диоклиціана. Сосѣдственныя Черногорцы иногда отправляются сюда за монетами и всегда возвращаются съ добычею, если только не наткнулись на парцію Туркозъ; но рѣдко попадаются воюныя монеты. Какъ будто Диоклея была внезапно покинута своими обитателями!

Воинъ искалъ обильная жатва для Археологовъ, а они туда и не заглядываютъ! Пожелаемъ, чтобы наши путешественники Г. Срезневскій и Прейсъ обратили вниманіе на всѣ эти достопримѣчательности.

Читатели видятъ, сколько есть любопытнаго въ этой небольшой книгѣ.

Путешествіе Г. Ковалевскаго въ Черногорію имѣло, кажется, главною цѣлю геологическія изслѣдованія. Но въ его книгѣ можно найти извѣстія и о другихъ предметахъ; онъ рассказываетъ, какъ мы видѣли, о настоящемъ состояніи страны, о характерѣ и обычаяхъ ея жителей, бросаетъ взглядъ на ея древности, исторію и т. п. Слѣдовательно книга его, говоря вообще, очень занимательна. Жаль только, что онъ иногда не договариваетъ. Касательно слога замѣтимъ, что авторъ часто желаетъ щеголять. А между-тѣмъ многія мѣста книги доказываютъ, что онъ можетъ, когда захочетъ, говорить просто и изящно. Да и затѣмъ бы кажется прибѣгать намъ къ ложнымъ прикрасамъ, гдѣ само дѣло говоритъ за себя? Еще одно замѣчаніе; на 69 стр. авторъ говоритъ: «Исторія эдѣшняго края начертана въ пѣсняхъ» и не хочетъ привести ни одной изъ нихъ, потому что «онъ вовсе не займуть насъ» Напрасно! — Положимъ, что авторъ путешествовалъ по Черногоріи не съ историко-литературною цѣлю; но списавъ нѣсколько пѣсенъ, конечно, не повредило бы его цѣли, и ни въ чьихъ глазахъ не уменьшило, достоинства его сочиненія.

Скажемъ въ заключеніе, что книга издана красиво, но опечатокъ много; приложена прекрасная карта Черногоріи, и двѣ карточки. П. П.

Исторія Древней Философіи, приспособленная къ пониманію
каждаго образованнаго человѣка, *Карла Зедергольма*, Пастора
и дивизионнаго проповѣдника. Москва, въ Типогр. Семена. 1841.

Двѣ Части : 282 и 197 стр.

(Сообщено).

Выпишемъ прежде всего посвященіе Россіи, которое по-
казалось намъ очень прегрѣшительнымъ :

»Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ я оставилъ
горы моей родины. Тридцать лѣтъ тѣмъ я Твоей хлѣбъ, и
спрабую заслуживать его честными трудами, привосими-
ми Тебѣ въ даръ.

Въ качествѣ пасыря разсыльныхъ братьевъ моихъ по
вѣрѣ, прошель я Твои проспранныя области отъ дальнаго
сѣвера до мѣся, гдѣ величественный Донъ встрѣчается съ
моремъ, и въ долгихъ спрашваніяхъ обращался съ Твоими
сынами всѣхъ сослоній.

Я соспарѣлся посреди себя, посреди Тебя извѣдалъ
сладость и горечь жизни. Никогда не льспилъ Тебѣ, никогда
не спану льспилъ ; но за все, что въ Тебѣ есть добраго,
я привыкъ любить Тебя, съ тѣхъ поръ какъ Тебя узналъ.

Прими доказательство моей преданности. Я принадле-
жу къ числу Твоихъ гражданъ; почему-же не имѣть мнѣ пра-
ва говорить съ Тобою ?

Лучшее изъ того, что у меня есть, плодъ моего соб-
ственнаго духа, я приношу тебѣ, Россія ! Прими-же радуш-
но книгу, посвящаемую Тебѣ. Пусть она свидѣтельствуетъ
о моихъ чувствахъ ко многимъ изъ Твоихъ сыновъ, которые
спали мнѣ драгоцѣнны.

Скоро получишь Ты швореніе шакого же содержанія
отъ одного досшопочтеннаго пасыря Твоей Церкви, ко-
шорому выпалъ прекрасный жребій, быль вмѣстѣ училелемъ
Хрисціанской и умозришельной истины. Да будетъ Тебѣ
счастливымъ предзнаменованіемъ то, что служилели Хри-
сповой Церкви вводилъ Тебя въ припворъ умозрѣнія. Они
не предложатъ яда вмѣсто спасительной истины.

Правда, все упошребленіе во зло заблуждающійся смерш-
ный, и наука наукъ не разъ испытывала эту судьбу. Ее
превращали въ орудіе жалкихъ, заблужденій человеческого ума
и сердца. Но злоупошребленіе не уничтожаетъ упошребленія.

Истинное умозрѣніе чуждо всякаго противорѣчія Христіанской вѣрѣ, началомъ просвѣщеннаго правительствва, (кто скажетъ прошивное, тому не вѣрѣ, онъ клеветникъ), оно соединяетъ, миритъ и возвышаетъ, оно своихъ послѣдователей дѣлаетъ мудрѣе, лучше, благочестивѣе. Въ духѣ такого умозрѣнія написана эпоха испорія Философіи, и по истинѣ, Ты не найдешь въ ней ничего, что было-бы пагубно Твоимъ сынамъ.

Участіе Твоя счастливіе участи другихъ снарѣвшихъ народовъ. Такими заблужденіями покупали они входъ во святилище истины. Но въ человеческомъ развѣніи ничто не повѣрелось, и Ты набѣгнешь ихъ, озаряема свѣтильникомъ истины.

И народы снарѣются, и духъ народовъ увядаетъ. Но Ты юна, духъ Твой свѣжъ и воспримчивѣе другихъ народовъ; и въ Тебѣ омена высшей истины найдутъ себѣ дѣшвенную почву.

Да возрастетъ-же въ Тебѣ все доброе и благородное, да разцвѣтаетъ полнѣе и обильнѣе. Да просілетъ имя Твое въ испоріи народовъ, льшописяхъ духовнаго образованія!

Да пребудетъ горнее благословеніе надъ Твоимъ жишейскимъ благосословіемъ, надъ Твоимъ умшвеннымъ просвѣщеніемъ и, паче всего, надъ Твоими нравшвенными успѣхами! Просвѣщеніе хорошо, осмщеніе жизни еще лучше.

Да преуспѣваютъ сыны и дщери Твоя во всемъ благомъ и прекрасномъ, и Помазанникъ Твой, котораго державная десница правитъ кормиломъ Твоего корабля по волнамъ времени, да царшвенетъ долго и счастливо надъ великимъ народомъ, богатымъ всіми духовными благами жизни!«

Авторъ предполагалъ себѣ двоякую цѣль: во-первыхъ, желающему *изучить* испорію Философіи дать руководство, въ которомъ онъ могъ бы найти необходимые для себя свѣдѣнія; во-вторыхъ образованному человеку, желающему съ нею *познакомиться*, представивъ книгу, которая бы развершывала предъ нимъ картину стремленія человеческого духа — открышь вѣчную истину. Для этой цѣли нужно было приспособлять сочиненіе къ понятіямъ публики, и въ особенності изложивъ легкимъ и пріятнымъ образомъ.

Обратимъ вниманіе на слѣдующее достоинство новаго сочиненія. Опредѣлимъ отношеніе Философіи къ Богословію,

всего важнѣе и гурдѣе. Шодлингъ объявлять, что его главная противоположность съ Гегелемъ именно ошибочность къ этому предмету. Во всѣхъ Исторіяхъ Философіи до сихъ поръ его забыли, или только что прикасались. Для Авшора, какъ Богослова, Философія есть знаніе идеи вообще и идеи истины въ особенності, приномя идеи Бога, міра и человека. Религія же для него не есть ни вѣдѣніе, ни дѣйствованіе, ни чувствованіе по преимуществу; а жизнь, и именно жизнь въ Богѣ, совершеннѣйшее отношеніе нашего существованія къ Богу, общеніе нашего духа съ Нимъ. По этому Авшоръ въ своемъ сочиненіи повсюду указываетъ на послѣднюю цѣль всей Философіи, совпаденіе умозрительной истины съ опиковенною. По этой причинѣ онъ иногда принужденъ противорѣчить Намецамъ Философамъ.

Авшоръ спрашивается облегчить чинательно исторію Философіи обширною снатью: введеніе въ Философію (стр. 1 — 75). Исторію Философіи раздѣляетъ она на два періода: I, Развѣтїе ума, опшаднаго онъ Бога, самому себѣ предоснавленнаго. II, Развѣтїе ума искупленнаго, но еще не назваднаго своего наслоднаго отношенія къ Искупителю Истинны, либо не обрамившаго вниманія на это отношеніе. По мнѣнію Авшора, мы теперь стоимъ предъ новымъ или гурнымъ періодомъ, въ комъ разумъ преклонится предъ Опиковеніемъ.

Въ первой частини представляется подробная исторія Воспочнои, ил. е. Индѣйцевъ, Буддистовъ, Кшиайцевъ и Персовъ. Помомъ слѣдуютъ Исторія Греческой Философіи, до ученія Софистовъ.

Вторая часть начинается Сократомъ, излагаетъ ученіе Платона и Аристотеля и упадокъ Греческой Философіи, помомъ слѣдуютъ снатьи о Философіи у Римлянъ, и вообще обзорніе.

Авшоръ объявляетъ, что при благосклонномъ приѣмѣ двухъ первыхъ частей, онъ не замедлитъ доехать исторію Философіи до наслоднаго времени.

Пожелаетъ успѣха предпріятію. Мы уверены протемъ, что образованные соотечественники ободраютъ благородныя усилія Авшора привеши ихъ пользу. N.

РУССКАЯ ВЕСЬДА. Собрание сочинений Русских Липшерапоровъ, издаваемое *въ пользу А. Ф. Смирдина*. Томъ II. СПб. въ Тип. И. Академіи Наукъ. 1841. въ 8 ку.

Поздравляемъ Публику со второмъ;помомъ Бесѣды. Драгоцѣнный подарокъ Г. Смирдину! Одна спашья занимательнѣе, увлекательнѣе другой, а ихъ двадцать! Сколько пріятнаго чтенія! Бесѣда должна шеперь непременно разошпися быстро (техническое выраженіе), и мы приглашаемъ всѣхъ читашелей воспользовашся ею *поскорѣ*, если они не хотящъ лишиться великаго, неслишкомъ обыкновеннаго у насъ липшерапурнаго удовольствія. А dospойному нашему книгопродавцу пособіе, пособіе нужное! Мы надѣмся, что онъ поведешъ свои дѣла иначе, и, наученный опытомъ, не спашетъ вѣршъ шѣмъ, кшо ему сулишъ барыши, а оставляешъ внакладъ. Но скорѣе къ дѣлу.

Архангельскій Соборъ, соч. Автора пупешеспвія къ Святымъ мѣспамъ. Мы увѣрены, что эша спашья понравится многимъ читашелямъ; мы думаемъ, что пакія спашьи полезны, даже нужны вообще для нашей Публики, — намъ шолько не нравилшя рипорическая форма рѣчи. Поблагодаримъ за предложенный планъ древней усыпальницы Русскихъ Государей.

Душа оженщины, (по смерши), Перопское миспическое преданіе, Князя Одоевскаго. Надъ эшой спашьею задуваются читашели: »Мнѣ ли недospойной, мнѣ ли опшорилшя свѣщлыя двери . . . меня ли не поглошилшъ черная бездна?« . . . — (Такъ говорила душа, пролепая съ своимъ гешиемъ мимо бездны). »Тамъ, въ низменномъ мірѣ мнѣ вѣрилось, что какою нибудь доброю мыслию я заслужу еще себѣ помилованіе; памъ пысячи личинъ, одна за другою, скрывали опъ меня шайныя недосягаемая побужденія бышя! Чашшо, чашшо углублясь въ свое сердце, я искала своего собшвеннаго судилища, нешерпѣливо срывала одну личину за другою, и далеко, въ недосягаемой глубинѣ сердца, думала видѣшъ испиннаго судію моей жизни, а эшимъ судьею была новая личина, предъ кошорой я безумно преклоняла колѣно.

Но рѣчи генія-адвоката слишкомъ длинны. Въ пылу своей благосклонности онъ сказалъ ей даже объ одномъ поступкѣ: «гдѣ другая женщина, которая рѣшилась бы на это.»

Наконецъ душа женщины была совершенно утѣшена и успокоена геніемъ, который принялъ всѣ ея искреннія признанія. «Въ радосномъ прелепѣ она взглянула еще разъ на непримѣнное плянышко, которое одно мелькало въ свѣтломъ безконечномъ пространствѣ, (вмѣсто прежней бездны, угрожавшей грѣху), и въ самозабвеніи пошлянулась къ опшореннымъ криспальнымъ врапамъ. Но въ сіе мгновение раздался громовый голось: «Рано, рано!» проговорилъ онъ съ хохомомъ (*), еще оспались на лѣбѣ слѣды земнаго праха, и смерпная слѣпоша еще не спала съ очей швоихъ. Усердно омыскивала пы, душа правдивая, грѣхи свои въ глубинѣ сердечной, но пы забыла одинъ, самый пляжкій: *гордость смиренія!*»

«И непримѣнная почка разрослась въ мрачную, неизмѣримую бездну, заколопало черное пламя, геній пошупилъ очи, криспальныя врапа зашворились.»

Вопь *глубокое* замѣчаніе, — *гордость смиренія*, — за которое можно поклониться Авшору. Увы! человекъ еспь ложь.

Пекинское Дворцовое Правленіе, О. Такина. На Кипай Европейцы только что смопряпъ, но не понимающъ его, и не пользующся имъ какъ надо для своихъ соображеній. Въ опношеніи къ Кипаю о нихъ можно именно сказать то, что о Любопытномъ Крылова: слова-то онъ и не примѣшилъ! Кипай съ 400 милліоновъ населенія и съ чепырьмя пысячами лѣтъ сущеспшванія споишъ предъ ихъ глазами только для какой нибудь шушочки и оспрошны досузаго журналиста или бумагомарашела! Ха, ха, ха! о вѣтъ просвѣщенный! Помраиней мѣрь Опцу Такинеу принадлежинъ честь пригшпшванія матеріаловъ для шого мыслитшела, который опгдаешъ загадку.

Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, Князя Долгорукова, заключаетъ много любопытныхъ подробностей и напоминаній. Замѣшимъ нѣкошорыд. У насъ удивляющъ обыкновенно, какъ Пешръ Великій находилъ людей. Вотъ какъ:

(*) Не помню — зачѣмъ ѣдѣсь эпошъ дисовѣшпный хохомъ.

»Въ 1707 году, Пётръ Великій, случайно находясь на корабль Крюйса, спросилъ у него: нѣтъ ли при немъ исправнаго чиновника, который былъ бы въ состояніи написать важное письмо. Крюйсъ представилъ Царю молодаго Оспермана, и письмо, написанное юношею, сполнъ понравилось Петру Великому, что онъ вспушилъ съ Осперманомъ разговоръ, и пробесѣдовавъ четверть часа, объявилъ Крюйсу, что беретъ къ себѣ секретаря его письмоводителемъ. Осперману было тогда двадцать одинъ годъ отъ рожденія.«

А чрезъ двѣнадцать лѣтъ, эпохъ студентъ, эпохъ двадцатилѣтній мальчикъ, привезъ Петру Нишпадскій миръ съ Ингерманландіей, Кареліей, Лифляндіей и Эстляндіей. Такъ вышелъ Пётръ и Шафирова, и Ягужинскаго, и Теофана, и самаго Меншикова, — на корабль, въ гостиномъ ряду, въ канцеляріи, въ церкви.

»Ужасное положеніе Россіи, въ тогдашнее время; можно видѣть изъ словъ Вольяскаго въ письмѣ его къ Князю Григорію Алексѣевичу Урусову: »намъ Русскимъ хлѣбъ не надобенъ; мы другъ друга ѣдимъ, и съ того сыпы бываемъ!«

Выпишемъ у Автора отзывы Петра I и Фридриха II объ Осперманѣ (57): »Петръ Великій, на смертномъ одрѣ своемъ, сказалъ: Осперманъ необходимъ Россіи; онъ ни разу не ошибался въ дѣлахъ дипломатическихъ; лучше всѣхъ знаетъ нужды и потребности Россіи. Фридрихъ Великій писалъ: Царствованіе Петра Великаго образовало человека, по опытности его будно нарочно предназначеннаго къ понесенію бремени правленія Государственнаго при преемникахъ Петровыхъ — Графа Оспермана. Искусный кормчій, онъ, въ эпоху переворошовъ самыхъ бурныхъ, вѣрною рукою управлялъ кормиломъ Имперіи, являлся осторожнымъ или важнымъ, смотря по обстоятельствомъ.«

Далѣе слѣдуютъ личные и семейные расчѣты Автора, Князя Долгорукаго, съ Графомъ Осперманомъ: »уже минуло сто лѣтъ, какъ надъ домомъ Долгоруковыхъ разразилась гроза ужасная — и однимъ изъ главѣйшихъ виновниковъ этого кроваваго событія былъ Осперманъ. Да позволено будетъ мнѣ, Князю Долгорукову, воздать должную дань справедливости Государственному генію Графа Оспермана и необъятнымъ заслугамъ, которыми Графъ Осперманъ оказалъ Россіи,« и проч. и мы прекратимъ свои выписки.

Авторы слишком смѣшивали Исторію Оспермана съ Исторіей его времени, хотя разумѣлся ихъ и раздѣлять трудно.

Отрывокъ изъ жизни Гете рассказанъ очень умно. Переводъ Г. Спруговщикова прекрасенъ. Гете, Нѣмецкій духъ, и Нѣмецкія науки, и Нѣмецкіе люди, ясно видны: надо бы поговорить много по этому поводу — опложимъ до другаго времени.

Воспитаніе Захарушки (Г. Вельмана) похоже опшачси на воспитаніе Коночки, извѣстное чипапеламъ Москвитянина. Есть забавныя подробности, напр. какъ мужъ потѣшался надъ пріемышемъ во время опшущствія жены, при кошорой не смѣлъ сказать ему слова.

»При Пашалѣ Дмишровнѣ никто однакоже въ домѣ не смѣлъ утѣшаться Захарушкой; но, въ опшущствіи барыни, имъ потѣшился баринъ; а когда и барина нѣтъ дома, имъ потѣшилась вся людская. Кузьма училъ его дѣлать гримасы, Филька косилъ глаза, Ванька кувыркашся. Каждый день эта наука сполна Захарушкѣ клока волосъ, и вскорѣ голова его спала гладка какъ ладонь. Пашалья Дмишривна совѣщовалась съ докторами, опъ чего у Захарушки лезутъ, а не расшутъ волосы, и все шѣло въ синякахъ? Всѣ единогласно подтвердили, что это явные признаки золошухи; и вопшъ, для укрьпленія его пасочной системы и волоконъ, вливали въ него насильно шо желудковый кофе, шо усладенную ршущъ, шо ассафетиду. Лекарства спали для Захарушки хуже побоевъ; онъ даже возненавидѣлъ маменькины ласки, кошорыя всегда сопровождались скрупуломъ или унцией опшрашительнаго лекарства. Чшобъ приласкашь его, у Пашальи Дмишривны всегда были гопшовъ запасъ бисквитовъ, конфетокъ, сладкихъ пирожковъ и сахарныхъ крендельковъ; она засахарила бы его, еслибъ къ счастью, шо Дарья, шо Марья не шепшали ему: »не кушай, сударь, этого; вѣдь все это лекарство, а шы слава Богу здоровъ; дай-ка мнѣ, у меня голова болишь.« Захарушка опдавалъ свои лакомства, и еще съ радостію, попому что за это его гладили по головкѣ и приговаривали: »вопшъ умникъ! вопшъ разумникъ!« И вскорѣ всѣ эти жершвы совершенно перемѣнили опношенія Захарушки къ людской, къ передней и къ дѣвичей. Во всѣхъ углахъ дома поняли наконецъ доброту его души, и — дворецкіе, ливрейные, кучера и повара не преминули воспользоваться этимъ прекраснымъ свойствомъ Захарушки. Когда

онъ выбѣгалъ на крыльцо или на дворъ, и чутка, мошая головой и хрюкая, проходила съ поросятами мимо, тогда, по Иванъ, по Осипъ, не пропускали случая возбудить въ Захарушкѣ чувствво великодушной щедрости и милосердія, особенно въ то время, когда у Напальи Дмипріевны бывали гости. »Посмопри-ка, сударь, нищенъкая Хавронья шебъ кланяется, попросилъ бы ты у маменьки что-нибудь ей на бѣдность: дѣши съ голоду умирають, а самой опохмѣлишься нечѣмъ.« Захарушка спончасъ же бѣжитъ въ госпиную: »маменька, а маменька! нищенъкая Хавронья милоспнику проситъ: дѣшей у ней куча, кормить нечѣмъ!«

— Какое доброе сердце у ребенка! — говорила Напалья Дмипріевна, цѣлуя Захарушку. — На, душенька, отдай ей. — Захарушка схватилъ деньги и бѣгомъ на крыльцо. — Гдѣжь нищенъкая Хавронья? — »Давай, сударь, я ей опнесу.« — И Иванъ съ Осипомъ возьмутъ деньги, и опсправляются куда слѣдуешь. Иногда и кучерь Селивестръ придумывалъ шушочку не хуже другихъ. — Вотъ, баринъ, — говорилъ онъ ему однажды: — мокрая-то курица сегодня имянинница, а ты ее ничѣмъ не поздравилъ; а она бы шебъ на ладонкѣ личко снесла. — Захарушка и бѣжитъ къ маменькѣ: »маменька, а маменька! дай мнѣ гривенничекъ.« За чѣмъ? — »Имянинницѣ дашь.« Чшо за именинница? — »Мокрая курица сегодня имянинница!« — Гости: ха, ха, ха, ха! — А Напалья Дмипріевна радуется, что Захарушка *бонмо* сказала: — какая опспроша у ребенка! я увѣрена, что прачка Фекла имянинница: она совершенная мокрая курица. На, душенька дай ей. — Захарушка и бѣжитъ къ Селивестру. — Селивестръ, гдѣ мокрая курица? — »Просушишься, сударь, пошла; давай, я ей опдамъ.« Возьметъ у Захарушки гривенничекъ и поидетъ куда слѣдуешь.»

Но ешь много напаянушаго, и несообразнаго, наприм. шопъ же мужъ чрезъ нѣсколько спраниць говоритъ съ женою совѣмъ другимъ голосомъ о Захарушкѣ.

Авшоръ задалъ себѣ представить Захарушку прямодушнымъ, но вліяніе обспояшельствъ на характеръ, и развитія характера въ эпомъ смыслѣ не видашь. Мы видимъ шолько порознь черпы какого-шо прядушія, впрочемъ очень спраннаго, напр. маменька велинъ Захарушкѣ позвашъ челоуѣка, а онъ созовешъ всѣхъ людей. Эпо и напаянушо и не

прямоушно, а развѣ остроумно, насмѣшливо. Негодованія на такой образъ выраженія предполагашъ въ мальчишкѣ и вовсе нельзя. Наконецъ, уважая Г. Вельшмана, мы не можемъ не сказать ему безъ всякихъ околнчностей: нѣкоторыя движенія его «анпазін» совершенно несносны. Надѣюсь съ нами согласится всѣ чипапели. Послушайте:

Нашаля Дмишровна рѣшилась приспироить своего Захарушку къ мѣспу. »Помилуй, душа моя, сказалъ Анпонтъ Андреевичъ, куда приспироить такого болвана? Да еслибъ онъ былъ покрайней мѣрѣ наспоищій болванъ, а бы его въ огородъ поспавилъ, или на межу; а по... Нашаля Дмишрѣвна не дослушала словъ Платона Андреевича, разсердилась и ушла онъ него. —

... »Къ счастью Захарушки, хипрая звѣздочка (очень счастливое выраженіе), подъ копорою онъ родился, сама заботилась объ немъ. Она подумала: Захарушку надо опредѣлить въ службу. Думала-думала звѣздочка, и придумала. Позвольте, сказала она своему созвѣздію, слешать на Французское небо. А за чѣмъ эшо, голубушка? Да хочешся добыть немножко Французскаго люмьерцу для моего Захарушки. Цолучивъ позволеніе, звѣзда ринулась метеоромъ прямо къ Парижу, и повисла искрой надъ носомъ военнаго генія, который смошрѣлъ въ эшо время изъ окна Тюльерійскаго дворца. Война Россіи! — сказалъ онъ. Государь сказали въ одиъ голось всѣ окружающія, его, мы не видимъ въ эшомъ добра. Видите ли вы эшу звѣздочку? спросилъ онъ вдругъ. Всѣ обрапились къ окнамъ, долго смошрѣли на небо, попомъ посмошрѣли другъ на друга, и сказали: нѣтъ, Государь, не видимъ. А я вижу, сказалъ онъ такимъ утвердипельнымъ голосомъ, что всѣ испугались, кромѣ храбраго Кавалерійскаго Короля, который, продолжалъ смошрѣть въ телескопъ, спощій на окнѣ, и искашь на небѣ звѣзды. Покуда онъ смошрѣлъ, война была уже рѣшена, и планъ дѣйсствій начерпанъ чернилами на почшовомъ листѣ бумаги. И вопъ, великій военный геній, принявъ Захарушкину звѣзду за свою собсшвенную звѣзду-пупеводипельницу, двинулся на Воспокъ со всѣмъ Западомъ.«

Помилуйте — что эшо за шупки! Наполеонъ, Захарушка, Воспокъ, Западъ! Наполеонъ принялъ Захарушкину звѣзду за свою собсшвенную! Эшо просцо несосно!

Нельзя сказать ничего хорошего и объ разговоръ Захарушки съ новымъ своимъ командиромъ: напичнуло и неладно.

Не знаемъ, для чего понадобился Захарушка для разсказа о каменной бабѣ. Въ разсказѣ есть психическія черты, но до его смысла добраться трудно. Змѣй Горыничъ, кошорый хамкалъ молодыхъ дѣвицъ, опшрашпелень »вдругъ какъ хамкнелъ Змѣй Горыничъ, — только ее и было! Вѣрно вкусна была: почавкалъ, почавкалъ, пооблизался и пропшнелъ языкъ за другой; а другая поже, и шпрешья поже, и илшала и десялшала поже»; а языкъ пропшлагивалъ моспомъ чрезъ Дитпръ прекрасно. Прекрасно и хлеснулъ »языкомъ (26) поперегъ рѣки, шакъ что разсыпалъ Дитпръ словно спекло въ мелкіе дребезги.« Нѣтъ! чувствво изящнаго не слышпшся въ душѣ послѣ прочпенія шаной сказки.

Marietta — разсказана »Русскимъ живописцемъ« слишкомъ шлвно. Но ашворъ не живописецъ, не бывалъ ни въ Академіи, ни въ Римѣ, покрайней мѣрѣ былъ въ Римѣ не живописцемъ. Художникъ посвящилъ бы навѣрное нѣсколько воспоминаній Академіи, гдѣ воспитывался, и въ сужденіи, больше несправедливомъ, нежели шпрогомъ, о Римскихъ собрашпяхъ проглянуло бы у него нешакое чувствво. Авшоръ долженъ былъ молодой человекъ, и мы привѣшпшвуемъ его ошъ души, вида въ немъ почшеніе къ формамъ, вниманіе къ слогу, шщашельную опдѣлку выражений, и совѣшпшваемъ молодымъ людямъ, выпшпшающимъ на поприще лшперашпуры, воспользовашься шпшмъ примѣромъ. (Кому бы именно? на примѣръ Г. Каменекому). Шперва надо овладѣть формами, а пошомъ уже пршнмашься за сочпненіе, и надо пережечъ деслшка два повѣшпей, прежде чѣмъ выдашь двадцашь первую.

Два дня въ Демутовомъ трактирѣ. Вопъ еще повѣшпшвовашпель умный, и занимательный, Г. Корѣъ, о кошоромъ не было случая говорпшь Москвшпшанину. Сшарый помѣщпкш, съ подагрою въ ногѣ, ошпановплся въ Демутовомъ шрактпшрѣ, и разсказывашель, что слышпшь въ двухъ сосѣднихъ комнашяхъ, обращая по временамъ къ самому себѣ и къ воспоминашіямъ о сшарой своей знакомѣ, своей любезной Елшсаветѣ Михайловнѣ, кошорую надѣшпся вспрѣшпшь въ Пешербургѣ, и можелъ былъ взять за себя. Въ комнатѣ направо онъ слышпшь безпрешпшно: »Пуѣъ.... ахъ Господи какое наказаніе

и за нѣмъ спрашный вздохъ, попомъ какъ бы видѣть? Жаль бѣдняжки, думаешь поспоялецъ, кажется онъ спрадаешь сильнымъ удушьемъ.»

Налѣво крикунья барыня съ утра до вечера грызешь какъ грыжа свою горничную дѣвку, свою Варьку, «давно бы пора,» говоришь добрый спарикъ, «нашимъ господамъ и барынямъ уничтожилъ собачьи клочки для прислуги), « попомъ своихъ мужиковъ, копорые приходять къ ней за папоршмаи, и разспилаешь въ любезносняхъ предъ прѣзжающими знакомыми. По временамъ слышишь, увы, «подозрительный шумъ, весьма похожий на гулъ полночьной пощечны.»

Что же оказывается? Что дѣлалъ сосѣдъ и кто была сосѣдка? Сосѣду велѣтъ Докпоръ сидѣть на власпической подушкѣ «что при сидячей жизни полезно, а въ ней проклятой должна быть гдѣ нибудь дырочка; посидишь съ чепвершъ часа и опустишься.» Вопшь онъ и надувалъ ее безпреспанно, приговаривая: ахъ, Господи, какое наказаніе! А барыня— любезная Елисавета Михайловна. Благимъ машемъ спарикъ поскакалъ онъ изъ Демупова прапшира къ Кулону.

Сцена барыни съ служанкой мастерская. Хороша сцена также у барыни съ лакеемъ. Но въ разсказѣ спарика вообще слишкомъ много живоспи и движенія. Видно, что за него разсказываетъ Авпоръ.

Разсказъ Основьяненка напоминаетъ бытъ спаросвѣтскихъ помѣщиковъ. Чувство слышно, и сердце сердцу въспъ подаетъ, по еспъ сердце Авпора сердцу чипашеля. Навершываюлся слезы, когда видишь приговореніе къ смерти, прощаніе съ семействомъ, добраго судьи спарика, копорый подумалъ, что осужденъ на смерть за одно неправильное рѣшеніе: ему сказали, что онъ опшрафованъ, а опшрафованіе значило казнь, по его понятію, полученному еще въ молодоспи. Еспъ и смѣшное въ сценѣ съ плупомъ Секретаремъ, копорому онъ приказывалъ найши непременно шакой Указъ, какой ему былъ надобенъ: «онъ еспъ, долженъ быть, ищи, перерой всѣ книги!»

Мичманъ Пошлуевъ, В. Луганскаго, опличаешь, какъ и всѣ сочиненія вшого Авпора, особенною наблюдательностію, добросовѣстностію, благонамѣренностію. Онъ не мудривуетъ лукаво, а представляешь дѣло какъ еспъ. И всякой другъ добра, другъ опечеслва, по прочтеніи его спашьи ска-

жешъ ему онъ сердца горячее спасибо. А прочіе опивернутся по пословицѣ: знаешъ кошка чье мясо съѣла,—шѣмъ и лучше.

Пріятно дерзкой эпиграммой
 Взбѣсишь оплошнаго врага;
 Пріятно зрѣшь, какъ онъ, упрямо
 Склонивъ бодливые рога,
 Невольно въ зеркало глядишя,
 И уважавъ себя спыдишя;
*Пріятный, если онъ, друзья,
 Завоетъ сдурѣ: это я!*

Вы нахохочешесь вдоволь, читая напимѣръ описаніе, какъ молодому мичману захопѣлось получить поцѣлуй отъ какой нибудь дѣвушки: поцѣлуй, думалъ онъ, возбудишь непременно вдохновеніе, и онъ напишетъ стихи. Это прелесть. А Нѣмецъ, гѣхошный Капицавъ (слишкомъ однакожъ длинный), кошорый навязался въ дядьки, присматриваетъ за нимъ, и мѣшаетъ на всякомъ шагѣ, опасаясь, чпобъ шопъ не испортилъ своей будущности! Наконецъ Мичманъ совершилъ подвигъ, отъ кошораго въ немъ «кровь мгновенно оспыла, сердце заболѣло, очи ослѣпли.» Чшо же! Нѣмецъ увидѣлъ. Какъ описать спрахъ молодаго человека, возвращающагося къ себѣ домой, а Нѣмецъ вѣдъ совсѣмъ поспоронній человекъ, не имѣетъ на него никакого права, и сошелся съ нимъ нечаянно, — встрѣча ихъ — пресмѣшная. А блоковые, каналные, парусные, сполярные и конопатные мастера на багѣ въ поршвомъ городѣ Николаевѣ!

Но мы не спанемъ объ нихъ рассказывать. Покупайте, Господа, книгу А. Ф. Смирдина, и прочитайте, а мы выпишемъ главу, названную Авшоромъ привѣскомъ или недовѣскомъ, кошорая покажетъ читателямъ, чшо у него не смѣхъ бываетъ подчасъ на умѣ.

«А дивное это дѣло, братья и сеспирицы, какъ мы пилимъ сами себя и другъ друга причудами своими, обмолвками, недомолвками, догадками, сомнѣніями, слепными, мелочною бездѣльною неуспунчивостию! Тебя помини и гложешъ какое-по безпокойство, пы самъ собою не доволенъ, самъ на себя сердитъ, а пѣнешъ и гнѣваешься на людей; пы, можешъ спаться, и самъ видишь, чшо оно не ладно, и это тебѣ раздражаетъ еще болѣе, пы совладашъ съ собою не умѣешъ, подавишь сердца своего не можешъ, сознашъся, чшо пы самъ виноватъ, самъ въ дуракахъ, не хочешъ, — а коли тебѣ бышъ правымъ, шакъ надо виноватишь другаго. Бѣдо-

«все это дело, ей Богу, бѣдовое! Знаю я это по себѣ и по другимъ, и знаешь чай всякій, кто побольше, кто поменьше; да не каждый признаешь, а скажешь опять шакъ: не я виноватъ, а люди. Да оно шакъ и выходитъ: вотъ говорятъ: люди виноваты — мы указываемъ на другихъ, другіе на насъ — круговая порука. Эпи-шо опшошенія мушантъ чистый источникъ нашей жизни, опправляютъ каждую насущную кроху и каплю. — Эпи мелочи, бездѣлки суешной жизни, въ бышу нашемъ важнѣе и полновѣснѣе всякой большой бѣды и всякаго зла и горя. У меня умреть сынъ, опецъ, жена, сгорить домъ, пропадетъ имѣнье, а обнищаю — и во мнѣ, вслѣдъ за бѣдою, родится смиреніе: Богъ далъ, Богъ и взялъ, говорю я; поплачу за сыномъ, погрузу за женой, придумаюсь и надъ своимъ послѣднимъ часомъ, вздохну, и съ умиленіемъ приспущаю вновь къ смиренной жизни своей? Въ самой неуспѣшной скорби эпшой ешь что-шо усладительное, чувство любви и привязанности къ тому, кого я положилъ въ могилу. Домъ сгорѣлъ — и я, сосчитавъ своихъ, благодарю горячею молитвою Создателя, что онъ пощадилъ ихъ, покоряюсь волѣ Его, начинаю жить и дышать снова — и жизнь мнѣ вдвойнѣ дороже: домашній кругъ мой смыкается шѣснѣе, ближе, и я въ душѣ, можешь спашься, шакъ счастливъ, какъ не бывалъ и прежде, когда жилъ въ избыткѣ. — И шакъ, большое горе забыто; я пересилилъ его, перемогся, вынесъ, на душѣ легко, въ головѣ свѣтлѣе, въ груди у меня спокойнѣе — иногда и самолюбіе мнѣ льститъ; я шайно и вшихомолку называю себя полумудрецомъ, которій превыше всѣхъ ударовъ рока — но ежедневныя бездѣльными дряги, шаршавая спорона жизни, соръ и осадокъ обусловленнаго быша нашего, взаимныя пренія, пущячныя, мелочныя, недоспойныя, пресмыкающіяся.... о, онѣ гложутъ, початъ, какъ червь, и мукамъ эпимъ нѣтъ конца. Онѣ ушра и до вечера, на каждомъ шагу, все шоже и шоже — и если бы въ сушкахъ было 36 часовъ, и иногда было бы шоже, и вздору эпного спало бы на шо, что бы опправишь мнѣ 36 часовъ, какъ нынѣ 24.»

«Безсильный, слабый, ничтожный! шакъ; плошь возьмешь свое, разсуждай какъ хочешь, умудрайся какъ знаешь! духъ швой силенъ и могучъ, шамъ, гдѣ онъ проснешся, гдѣ громкое событіе, могучій шолчекъ, заспавнигъ его бодрствовашъ; шамъ онъ, мудаясь, вспавнешъ и несешъ, не упадая, шажкое

бремя свое; но мелочные дряблы житейскихъ заботъ, упомляющъ его и сокрушающъ, и плоть шоржеспивуещъ. Тогда человекъ бываетъ иногда несносенъ, покуда наконецъ не выведенъ изъ перигъня и себя и другихъ; шуча разразившя, хлынешъ дождь или градъ и — брызга опомнился, очнепся; проглянешъ солнышко, наспанешъ ведро. Ведро и ненашье — ненашье и ведро — чередующя во всей природѣ и — въ душѣ человека также.»

»А время лепишъ — о, лепишъ! покуда мы мечемся мышьями и мошгами во всѣ спороны, забываемся, ни о чемъ не думаемъ — все хорошо и гладко; а какъ опомнишься, спавешъ да призадумаеться, да еще оглянешься назадъ — куда какъ лепишъ оно!»

Эша философія здравая, прикладная, полезная, выше многихъ Нѣмецкихъ! Въ повѣсти Г. Луганскаго ести и Поэзія: описаніе крушенія фрегата Россіанки у береговъ Абхазіи. Ночь, буря, гибель, — а Черкесы сверху радуются, спрѣлляютъ въ уповающую. Духъ занимается, когда чипашешъ вши спранцы. Но что за варварскій языкъ у насъ во Флотѣ! Не ужели нѣтъ средшва перевести его на Русскій. Вошъ о чемъ надобно позаботишься Академіи.

А каковы Суходольные, опецъ и сынъ! Вы поклонитесь имъ и автору за нихъ! но я давно уже хотѣлъ переспалъ выписывашъ, а все выписывается. Довольно! чипашели! позвакомъсь съ Поцѣлуевымъ, и вы насмѣтаешъ, наплачешесь, надумаеться, или — или я не Авторъ, и не Русской, и не люблю добра, и не понимаю, въ чемъ дѣло.

Послѣдняя глава какъ-то въ искусственномъ отношеніи не опдѣлана, но впрочемъ и вся повѣсть не опдѣлывалась, а дѣлалась, и писалась сама собою, (опъ шого и слогъ вообще бываетъ угловашъ) и Авторъ заключаешъ очень искренно: »подвѣчное бѣлое плашье, и шапа были Ольгѣ (дочери Суходольнаго) необыкновенно къ лицу. Списашъ съ нея полиціе, особенно чернилами и шупымъ перомъ своимъ, которое я, мимоходомъ сказашъ, въ продолженіе этой послѣдней главы повершываю уже въ шрепій разъ съ боку на бокъ, на себя и опъ себя очинкой — списашъ съ нея полиціе не берусь.» *О двухъ главахъ изъ романа Г. Бишущкаго* говоритъ не беремъ на себя права: подождемъ цѣлаго сочиненя. Развѣ мимоходомъ молвишъ, что языкъ хорошъ, но резонерство Грача слишкомъ длинно.

Записки нашего незабвеннаго Д. В. Давыдова занимапельны и увлекательны, какъ и все, что онъ писалъ, хотя здѣсь и не доходилъ онъ еще до дѣйствій, а описываетъ только мѣста.

Аптекариша, прекрасная повѣсть Гр. Соллогуба, достойно заключаетъ бесѣду. Свѣтской въпрогонъ, Баронъ, попался въ уѣздный городъ, и встрѣнилъ тамъ Аптекаришу, въ кошорую, еще дѣвушку, были почти влюбленъ во время своего студентчества, въ Дерпшъ, и былъ любимъ. Здѣсь онъ вздумалъ было соблазнить ее, но увлекся и полюбилъ ее въ самомъ дѣлѣ; она однакожь успояла, а мужъ заставилъ добраго повѣсу уѣхать изъ города, чтообъ опвратишь искушеніе опъ жены, кошорая все-таки умерла съ тоски.

Молодой человекъ и уѣздный городъ описаны очень хорошо. Ссора провинціального Франца, родственника Пепру Ивановичу Добчинскому, или Пепру Ивановичу Бобчинскому, съ камердинеромъ, кошорый не хопѣлъ опвѣчать ему, чья коляска, списана съ нашуры. Знакомство его съ Барономъ и вопросы о халашѣ, о причинахъ пріѣзда, о часахъ, о шуалепномъ приборѣ, также. »Гдѣ намъ провинціаламъ имѣть такіа вещи« — это прекрасно. Повѣса узналъ опъ него объ Аптекаришѣ, кошорая оказалась его прежнею возлюбленною, какъ мы сказали выше.

Здѣсь Авторъ возвращается къ прежней его жизни, и описываетъ живо, вѣрно, нашъ паптріархально-ученый Дерпшъ. Замѣшимъ только, что едва ли Профессоръ чужаго Ощдѣленія предложитъ студенту бушылку дорогаго рейнвейна въ первое свиданіе, (какъ это сдѣлалъ онецъ героини), и будетъ повшорять это всякой день! Авторъ слишкомъ долго и часто оспанавливается на аристократическихъ предубѣжденіяхъ Барона, (здѣсь и послѣ), но движенія характера его вообще хорошо опмѣтены.

Трогательное описаніе студентческаго прощанія съ Дерпшомъ, кошорое мы выпишемъ, пошому что въ Русскихъ Университетахъ, къ сожалѣнню, нѣтъ ничего подобнаго:

»Когда студентъ опходитъ опъ своей братіи на шумное поприще гражданской жизни, когда онъ на вѣкъ прощается съ своимъ студентскимъ бытомъ, поварищи провожаютъ его шолпой черезъ весь городъ медленнымъ шагомъ, и грушнымъ хоромъ поютъ ему во время шествія прощаль-

ную пѣснь. Въ эпоху пѣсни опшываешься чшо-шо похоронное, чшо-шо сжимающее сердце, какъ спукъ бросаемой земли въ опверспую могилу. И шочно, опходящій братъ не хоронилъ ли своей молодости, своей юношеской безпечности, своей лучшей повзѣи? Наступилъ день опшѣзда молодого Барона. Такъ какъ вообще его любили, шо съ самага ушра, на главной площади, опкуда должна была начашься процессія, шшали сбирашья студентшы со всѣхъ споронъ. Помомъ и опшѣзжающій, въ послѣдній разъ одѣтый совершеннымъ студентшомъ, съ пестрой шапкой на головѣ, явился въ кругу своихъ шоварищей. Двое изъ спарѣйшинъ взяли его подъ руки и опскрыли шествіе. Гусная шолпа двинулась за ними вслѣдъ, и плавное пѣніе зашвучало по улицамъ грушными аккордами. Баронъ шелъ шихо... много мыслей, много чувствъ шѣснились въ его головѣ. Изъ всѣхъ домовъ кланялись ему знакомыя лица: пракширщикъ, кошорый игралъ на кошпрѣ-басѣ; педель, кошорый призывалъ его къ ректору; лавочникъ, кошорый вѣрилъ ему въ долгъ; помѣщикъ, у кошораго онъ обѣдалъ; дамы, съ кошорыми онъ шанцовалъ. Всѣ ему кланялись; всѣ посылали рукою послѣднее привѣтшвіе, искреннее, добродушное желаніе успѣховъ и шаспія, — и вдругъ онъ поднялъ голову. Они подходили къ дому Профессора. У окна шюля дѣвушка, въ бѣломъ платьѣ, какъ бы приварядившися для печальной церемоніи. На щекахъ ея не было привычнаго румянца. Руки ея, какъ бы лишеныя жизни, опускались вдоль гибкаго шпана. Сшудентшъ печально ей поклонился. Но она не опшѣчала на поклонъ. Смершная блѣдность покрывала ея чело. Глаза неподвижно вперились въ шолпу, какъ бы желая ошпановитъ ее какимъ нибудъ чудомъ, и слезы градомъ капались безъ принужденія по ея безжизненному лицу.“

„Чувствна ѣдкой жалосши и поздняго опкровенія молніей пронзили сердце бывшаго сшудентша. — Она любила . . . , подумалъ онъ, и опушилъ голову. — И шолпа хлынула дадѣе, и долго слышно еще было по улицамъ, какъ шерлась вдали процальная пѣснь и замерла наконецъ за городской засшавой.“

Выпишемъ еще одно справедливое замѣчаніе, кошорое не мѣшаешъ принять къ свѣдѣнію:

„Болѣе всего разишельна прошивошоложность Германскаго характера въ минушу окончанія сшудентшской жизни.

У меня былъ одинъ повариха, до того опичаянный, что все штодо его было изрублено, шапка проспирьлена; плашье свое онъ проигралъ въ банкъ, а выпивалъ онъ сполько, что содержашелю погребѣ спановилось сипрашно. Въ день опшѣзда своего онъ напроказилъ до того, что волосы спановились дыбомъ. Но при послѣднемъ спаканѣ вина, онъ залился горкими слезами и сказалъ при словахъ: Прощай, золотая молодость! *Lebe wohl, goldene Jugend!* На другой день онъ былъ мирнымъ пашпоромъ, учился благословляшь, гошповилъ проповѣди и вспоминалъ о своей спуденнской жизни, съ шихой улыбкой, какъ будшо бы прошедшее нѣсколько часовъ было цѣлыми годами.

Баронъ переѣхался въ Пешербургъ, сдвлялся насшеромъ искашельсшва и проч., и забылъ о бѣдной дѣвушкѣ. А она?

Бѣдная Шарлоша поплакала и обрашила всю свою нѣжностъ къ опцу; на сцену явилось новое лице, котораго появленіе и первыя дѣйствія шакъ хорошо описаны, что мы познакоимъ читателей съ нимъ:

»Когда Шарлоша, какъ истная Германская дѣвушка, носилась мечшой въ идеальномъ шуманѣ, небольшой спуденшикъ, съ кудрявой рыжей головкой, аккуратно проходилъ и вздыхалъ два раза въ день подъ ея окномъ. — Дочь Профессора спаралась забыть себя совершенно, и шолько и думала о томъ, какъ бы чѣмъ угодишь дряхляющему спарику и усладишь послѣднія минушы его жизни, а пока небольшой спуденшикъ съ кудрявой рыжей головкой все ходилъ да ходилъ подъ ея окномъ, съ шаконъ насшойчивостъю, что она наконецъ привыкла къ его физиономіи, какъ къ чему-то неизбѣжному. — Если люди смиренныя свойспвошь, которые умѣюшь выжидашь, и шѣмъ однимъ всегда доспигаюшь своей цѣли. — Когда пришло время, опуденшикъ вшерся въ домъ Профессора, началъ знакомсшво на Лашинскомъ языкѣ, вышилъ рюмку рейнвейна, и выкурить двѣ ситары. — Спарикъ чрезвычайно полюбилъ новаго друга, хопя и вздохнулъ невольню о спаромъ другѣ, закушившемъ въ Пешербургокомъ большомъ свѣтѣ. Съ того дня спуденшикъ началъ ходишь чаще и чаще, а Шарлоша, не обращая на него большаго вниманія, начала привыкашь къ его разговорамъ, какъ привыкла къ его появленіямъ подъ окнами. — Вскорѣ онъ переѣхалъ на кварширу Фиренгейма, но Шарлошигъ не говорилъ ни о любви, ни о надеждѣ, ни о поевіи, бояся повредишь своимъ намѣреніямъ,

а непримѣнно спать входилъ въ ея хозяйскія распоряженія, совѣщивалъ ей упошреблять для приправы кушаній разныя аптекарскія шраны, наснаивалъ съ ней наспойки и покупалъ для нее капущу и грибы. — Мало по малу онъ сдѣлался въ домѣ необходимымъ человѣкомъ. Между штемъ Профессоръ занемогъ. Спудентъ ходилъ за нимъ, и благодарный спарикъ передъ смерщью благословилъ его зашемъ.

Францъ послѣ брака началъ разумѣться думашь какъ ему жить, ни по долготу соображенію» (правильнѣе: по долготѣ соображеніи) »рѣшился ѣхашь, nach Russland, наживашь деньги.« Онъ поселился въ уѣздномъ городѣ и завелъ аптеку.

Жизнь Шарлотты была самая печальная. Замѣшимъ одну невѣрную черту. Провинціальныи Францъ, котораго мы уже знаемъ, приходилъ къ ней иногда съ новостями, и между прочимъ рассказывалъ вчерашній день шолшая купчиха Трегубова, шедши въ госшинный дворъ, провалилась на досчатомъ прощурѣ. На силу выпалила. Говорашь, хочешь подавашь просьбу Губернатору на Городничаго за шо, что прощурары никогда не исправляюшъ, онъ чего легко можетъ приключиться смертныи случай.« Никогда купчиха уѣздная не пожалуешь, на Городничаго, а явче и мужъ, и она, назавпра-жъ попадушъ въ аму, и будущи наказаны за пьяншво, и хожденіе въ неприличномъ видѣ.

Сюда-шо пріѣхалъ Баронъ съ казеннымъ порученіемъ. Сцена перваго свиданія ведена искусно. Начавшіяся городскія сплепни обрисованы хорошо. Городничій, блюшущишель нравшвенности, пріѣзжаешъ къ аптекарю съ замѣчаніями. Аптекарь не могъ бышь съ нимъ шакъ неучливимъ, спросилъ его напримѣръ: »да къ чему ашо,« по поводу вводныхъ рассказовъ его (очень забавныхъ впрочемъ), о прелесняхъ Полекъ. Далѣе аптекарь, какъ Нѣмецъ, могъ начашь ему грозную филиппику, въ ошвѣштъ на его подозрѣніе, но Городничій, какъ Русскій Городничій, не могъ дашь ему выговорилъ больше пяти словъ. Онъ взялъ бы его за шворонъ, и шощасъ пошщилъ бы на связую.

Съ ашой минушш Авшоръ слабѣешъ, и начинешъ кажелъся спышнш, пошому что, смѣешь догадывалъсь, шборщикъ вѣрно шребовалъ оригинала.

»Аптекарьшу шронула безкорышвная привязанность ея мужа« (63), и спроки черезъ чешыре: »шири ведѣли прошло

въ мучительномъ упоеніи.» Нѣтъ — ея сердце должно быть анапомировано подробнѣе.

Развязка ускорена письмомъ, отъ Пешербургской дамы, копорое Франтъ въ венгеркѣ выпросилъ прочесть у Барона, и перевралъ въ аптеку. »Онъ мнѣ признался, что у него въ Пешербургѣ естъ кой-какія знакомства, понимаешъ!...« »Не правда, воскликнуть поблѣдѣла аптекарша.»

Нѣтъ, она могла поблѣдѣть, но никакъ не могла воскликнуть, и послѣ разспрашивашъ, и просить о письмѣ. »Не влюбилъсь въ жену какого-нибудь монсиръ,« шакъ пишешъ будшо дама; на вопросъ Франта, копорой шущъ же спрашиваешъ очень смѣшно, аптекаръ отвѣчаешъ: чудовище. Онъ наконецъ понялъ въ чемъ дѣло, и конецъ описанъ выше. Зачѣмъ шолько аптекарша, получивъ извѣстіе отъ мужа объ отъѣздѣ соблазнителья, по ея пребыванію, покапилась на полъ. Не надо бы даже и свѣчкѣ вышасъ изъ ея рукъ. Довольно и повшорилъ ей пропьяно: *ульалъ!* Авшоръ привозитъ однакожъ опять Барона въ узадный городъ (прѣздомъ), чшобъ раздѣлалъ поскорѣе съ наборщикомъ, копорого и должно считашъ убійцею аптекарши, причиною ея *преждевременной* смерти, а не поску, копорая не была подготовлена до шакой спешени.

Довольно. Чишатели видятъ изъ нашего подробнаго разбора доспоисства Бесѣды. Это шакое собраніе, копорое сдѣлало бы честь любой Европейской литерашурѣ. Рекомендуемъ его снова нашей Публикѣ. *N. N.*

УТРЕННЯЯ ЗАРЯ, *Альманахъ на 1842 годъ, изданный В. Владиславевымъ. С. - Петербургъ. Въ типогр. III Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канцеляріи. 1842 г. въ 16 ю, 369 стр.*

Альманахъ украшенъ семью поршрешами. Першрешъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Марьи Александровны занимаешъ первое мѣсто. Выраженіемъ и мыслью сквозящъ чершы его, и вѣрно Русской наканунѣ Новаго года всмопришл въ нихъ внимашельнѣе, какъ во что-шо свѣшглое, пророческое. И всѣ прочіе поршрешы прекрасны; не безъ шайвой внутрешней гордостши разсматриваешъ ихъ, видя, что

едва ли красавицы Сѣвера не возьмутъ верхъ надъ красавицами, украшающими Европейскіе кипсеки. Портретъ Графини Елены Михайловны Завадской блещетъ всею роскошью ея неуваждаемой красоты. Свѣтлая ясность преспоты отражается въ лицѣ Графини Софьи Александровны Бенкендорфъ. Южной полношпой взгляда озарено лицо Баронессы Екатерины Николаевны Менгенъ. Наконецъ спитъ чисто-Славянской красоты видѣтъ въ профиль Княжны Марьи Ивановны Баряшинской. (*) Помѣщеніе портретовъ сіяющихъ нашихъ современницъ есть у насъ дѣло еще новое. Ихъ будетъ размѣривать съ жадностью жительство опдаленнаго угла Россіи, куда едва доходять слухи о столицѣ, и не одинъ, одаренный высокимъ художественнымъ вкусомъ, полюбуется ими.

Благоговѣя богомольно

Передъ святыней красоты,

какъ сказалъ Пушкинъ. И всякой на эпохѣ пекущій годъ будетъ еще радостивѣй дарить или получать Упренною Зарю.

Жаль подвергнувъ это блестящее издѣліе спрогому перу суровой криптики. Она предъ нимъ оспановится какъ предъ нѣжнымъ мошылкомъ или цвѣткомъ, боясь дуновеніемъ своимъ лишитъ его свѣжести. Содержаніе его вполнѣ соотвѣтствуетъ своему значенію. Это легкое будуарное чтеніе красавицы. Свѣтской слогъ, гладкость языка, спрогое приличье во многихъ повѣстяхъ и легкая граціозность нѣкошорыхъ спиховъ, словомъ — это сіяющая игрушка.

Упренней Зари должно расходиться очень много вземляровъ, — и мы удивляемся только, почему дѣятельный издашеть не приложитъ спаранія украситъ свой Альманахъ произведеніями всѣхъ нашихъ опличныхъ писателей. У него мелькають только два-спри имени, и только мелькають!

Первая спашья *„Картезіанскій монастырь,“* Г-жи Жуковой — просшо прелестъ! Чшо за языкъ! Самъ Карамзинъ прочель бы ее съ удовольспвіемъ. Г-жа Жукова имѣетъ полное право назвашья ученицею великаго мастера. Эпоптъ опрывокъ — украшеніе Альманаха.

Г. Владиславлевъ въ своемъ разсказѣ *„Талисманъ,“* описываетъ благороднаго коня; въ вѣрно помнише, какъ онъ прежде описалъ собаку, слѣдовательно сами можете соспа

(*) „Къ сожалѣнію, въ нашемъ экземплярѣ недоспаетъ портрета А. П. Фрейганга.“

впнть себѣ понятіе объ впомѣ новомъ разсказѣ: нельзя не опадать ему полной справедливости — живо, проташельно. Жаль, что конецъ слишкомъ оборванъ, — по модѣ, — и не воспользуютъ впечатлѣнія, произведеннаго всею пѣсочю.

Выпишемъ одно практическое замѣчаніе, несомнѣнно приличное впрочемъ такому Альманаху; всякая лошадь будетъ хороша, если она нападетъ на свое призваніе. Запрятите рысака на приспяжку, скакуна въ корень, возьмите карабахца въ возъ, а ломувую лошадь подъ сѣдло, учите, бейте съ ними сколько угодно — все будетъ безуспѣшно. Вы понапрасну потерпите трудъ, время и вѣру въ достоинство лошадей, хотя бѣдныя лошади нисколько ни виноваты въ томъ, что добрыя люди не поняли ихъ назначенія (с. 53).

Не можемъ и не умѣемъ сказать ничего по *Джорджіи Фенероли* или *сердце въ банкъ*, Г. Кукольника. Даже не знаемъ, переводъ ли это или оригинальное произведеніе. После вышесказаннаго нами заглавія, мы читаемъ еще слѣдующія слова: «Неправдо-подобная быль.» И ниже въ скобкахъ: «изъ собранія новелль Доктора Сильвіо Теспы.» Признаемся ошккровенно, что изъ всей сшащны ничего мы не поняли. И такъ мимо этого непоявляющагося «Джорджіо».

Вопъ еще *Разсказъ Г. Владиславлева*: Курландскій помещикъ, Баронъ Паукенгофъ и его управитель Фридрихъ у насъ передъ глазами. Мы видимъ, какъ первый перебраетъ всякій день свои ружья и птрубки; какъ впорой бьется изъ всѣхъ силъ для доспавленія своему господину большаго дохода. Но конецъ и здѣсь не похожъ на конецъ. Конца какъ будто и недостаетъ, хотя и все кончено.

«*Водесиль изъ частной жизни*», соч. Г. Гребенки. Слишкомъ обыкновенное содержаніе, и рассказано будто съ пропусками, какъ поступаютъ журналисты иногда въ рецензіяхъ романовъ и прѣтпей. Въ концѣ не сохраниено даже естественности.

Черногорцы, изъ воспоминаній Г. Надеждина, были бы еще любопытнѣе, еслибъ выпли прежде подробнаго сочиненія Г. Ковалевскаго: «Четыре мѣсяца въ Черногорію.» Слогъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя назвать легкимъ, въ разговорѣ часто замѣтна искусственность, но исторія Пляменца и смерть его — прекрасный ошрывокъ.

Приключеніе на желѣзной дорогѣ, Гр. Соллогуба.

Приключеніе ежедневное; дѣйствующія лица вѣрно забыли черезъ день другъ о другѣ, — но оно такъ и предспавлено: печать ежедневности лежитъ на разсказѣ. Въ шомъ-то и искусство, а наши Авторы обыкновенно на муху съ обухомъ. Но надо сдѣлать замѣчаніе! Позвольте. Повѣсь встрѣтился на желѣзной дорогѣ съ молодою женщиною, которая подстрекнула его любопытство. «Кто бы она такая была? провинціалка? — нѣтъ. Она отвѣчала бы мнѣ непременно по Французки. Женщина легкаго поведенія? — нѣтъ. Она отвѣчала бы мнѣ съ ужимками или не отвѣчала бы вовсе. Дама высшаго общесства? — она не сидѣла бы одна, и припомъ я ихъ всѣхъ знаю. Чиновница? она не была бы одѣта съ такимъ вкусомъ. Олгъ нел не вѣдало бы такой пайшой щеголеватоспью въ ея движеніяхъ, въ произношеніи, въ цѣломъ существѣ. — Иностранка? она бы не говорила такимъ чиспымъ Русскимъ выговоромъ?» Мы пособимъ Автору; онъ напрасно ломалъ себѣ голову. Незнакомка отвѣчала ему: «ничего-съ. Очень вамъ благодарна, — извольте курить,» и попомъ «такъ почно-съ,» слѣд. она должна быть чиновница около 9 класса. Мы ошиблись бы, но виноватъ Авторъ, который приписалъ ей такую выраженія. Молодой человекъ, говоря въ художническомъ отношеніи, вообще лучше дамы. Дама бездушна: она не чувствовала ничего къ первому мужу, холодна къ ребенку, мало любитъ впораго мужа, и вѣрно будетъ гопова выйдши за претъяго. Но вѣдь она можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ была такая? И по правда — виноватъ: смѣшалъ художественную крипику съ такъ называемою нравственной. А впрочемъ вообще повѣсь въ понѣ новаго времени.

Въ заключеніе Альманаха есть еще историческій разсказъ Г. Кукольника: «Капустинъ, Московскій купецъ. Въ образчикъ несообразностей выпишемъ нѣсколько спрокъ (318): «Сергаловъ въ угодность Государю и ради Нѣмецкихъ шорговъ своихъ, уничтожилъ свою бороду и длиннополное платье; нарядилъ по Европейски дочь и сына, которыхъ и спарался воспитать въ новыхъ обычаяхъ; смѣлливой прикащикъ перенималъ все налещу и перенялъ между прочимъ у Европейцевъ самый лучший обычай: любить женщину. — А такъ какъ на первый случай любить было не кого, или

по какимъ ни есть другимъ причинамъ, полюбилъ дочь Евдокима Филиппыча, Паспшныку, когда ей было еще десять лѣтъ; Сергаловъ все видѣлъ, и считая любовь Андрюши не шолько ребячесствомъ, но и средствомъ болѣе и болѣе привязать его къ своему дому, видимо одобрялъ спраспный пламень Андрюши.

Эпошъ Андрюша, кошорый выросъ въ домѣ и при дѣлахъ Сергалова, первоспашейнаго Московскаго купца, занялъ у другаго купца, сушяги, Безимяннаго, спо рублей! Ешъ ли пущь смыслъ? Прикащикъ, правая рука и правый глазъ хозяина, занимается мимо его у извѣснаго ябедника!!

Топъ на него прозъбу, — и чпоже! Хозяинъ, кошорый хошѣлъ уже выдать за него дочь, и пригласилъ на свадьбу самаго Государя Пешра I, вмѣспо шого, чпобъ заплашишь за своего прикащика, спгояешъ его со двора, не разобравъ дѣла, и проч. и проч. — Довольно, довольно! шакого собранія несообразношей сыскашъ еще шрудно. Объ языкѣ должно сказашь шже.

Между эпими спашьями въ прозѣ разсѣяно пять-шесшь спихошвореній — слишкомъ мало для Альманаха! Замѣчательна *Дорожная дума Князя Вяземскаго*.

Мы хошѣли было оппозвапьясь вообще о многихъ новыхъ разсказахъ, чпо они слишкомъ легки. Прочивавъ Г. Капущина, не скажемъ эпого. Хорошо и шо, чпо они не шпжельды, а ешъ и легкіе, кошорыя вмѣсптѣ шпжельды какъ нелегкіе, и къ нимъ шо дѣлаешъ переходъ Г. Капущина: N. N.

—

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ. III. Дуняша. IV. Эдуардъ и Кунигуида, или серебряная свадьба. Анекдотъ соч. Н. В. Кукольника. VI. Мертвыя годовы, или Русскіе въ Чечнѣ. Повѣсть, соч. П. Каменскаго. С.-Петербургъ. Въ типогр. К. Крайла. 1844 г., въ 8ю.

Скажемъ по нѣскольку словъ о первыхъ спраницахъ каждой:

Дуняша. Молодаго челошѣка ушибло дышломъ. Сидѣлка, приглашенная Докшоромъ, слѣд. совершенно чужая, послала опыскашь его друга!! Съчего пришло ей эпо въ голову? Кого она послала! Дѣвочку, кошорая не найдя друга дома, опыскала его, при входѣ въ маскераль!!? Чпо за усердіе и ревность! Другъ прѣз-

жаешь и входить въ длинный разговоръ съ сидѣлкомъ, а умирающаго какъ будто и нѣтъ на свѣтъ; наконецъ заспаваешь разсказаешь себѣ повѣсть. Теперь вообразишь, что къ этому разсказу придѣлано начало, совершенно нейдущее къ дѣлу: два друга собрались пошалишь въ маскарадъ!

Въ *Полковникъ Лесли* полу-любовное предлинное объясненіе во время пожара, у дочери, почти не одѣшой, Русской боярышни, (время Царя Михаила Феодоровича), съ Нѣмцемъ Полковникомъ въ по время, какъ домъ горитъ, а опецъ не извѣстно гдѣ. Какова сообразность!

Въ *Мертвыхъ головахъ*, вопъ какъ говоришь *шестилытняя* дѣвочка прохожему Дервишу:

„Такъ за чѣмъ же ты идешь въ городъ? съ виду швоя киса не полнѣ моей: такъ съ нѣмъ и вернешься, съ чѣмъ придешь; байгушу никто не дастъ ночлега. Вопъ какъ мы, здѣшніе, знаемъ ужъ это, такъ и распорядились: сами вырыли себѣ норы, да и ночуемъ тамъ, пока егоняшь.“

ОЦЕРКЪ НОВОЙ ИТАЛІАНСКОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ. Соч. *Фортунага Пранди*. Перев. съ Франц. Александры Зражевской. С.-Петербургъ. Въ типогр. Имп. Ак. Наукъ. 1841 г., въ 12ю 75 стр.

Мы такъ мало знакомы съ новѣйшею Италіанскою литерашурою, что и эпошь крапкій очеркъ можешь быть для насъ любопытенъ. Въ немъ указаны нѣкошорыя произведенія Поезіи и сочиненія по части Исторіи и Философін съ крапкою, легкою ихъ оцѣнкою. Переводъ чистый. П. П.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА

У КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ГОЛИЦЫНА.

У гостеприимного и просвѣщеннаго Начальника нашей Столицы собирается каждую недѣлю кругъ ученыхъ и литераторовъ. Въ мирной бесѣдѣ о наукѣ, искусствѣ и словесности, всегда гостевой предложитъ имъ содѣйствіе, оцѣнитъ прекрасную мысль, ободритъ полезное начало, Онъ итакимъ образомъ благородно опдыхаетъ отъ своихъ шажковыхъ трудовъ государственныхъ. На этихъ вечерахъ, по желанію благосклоннаго Хозяина, читаются иногда произведенія извѣстныхъ Литераторовъ нашихъ. Любя національную поэзію въ изящныхъ классическихъ формахъ и умѣя всегда вѣрно замѣтить и оцѣнить каждое прекрасное выраженіе, Князь пожелалъ услышать изъ успѣвшаго Автора, столько извѣстное публикѣ стихотвореніе Ф. П. Глинки, Привѣтъ Москвѣ, напечатанное въ первой книжкѣ Москвитянина прошедшаго года. Авторъ, одушевленный благосклоннымъ приемомъ, которымъ Свѣтлѣйшій хозяинъ угощаетъ у себя Науку и Поэзію, написалъ по этому поводу новое прекрасное стихотвореніе — изліяніе души благородной, сочувствующей всякому высокому побужденію, и позволилъ намъ, по просьбѣ нашей, украсить имъ страницы Москвитянина.

ЧЕЛОВѢКУ XII ГОДА И ОБНОВИТЕЛЮ МОСКВЫ.

Ты, который, въ вихряхъ *Бородинскихъ*,
 Въ ураганѣ брызжущихъ каршечъ,
 Въ шѣхъ разшибахъ полчищъ исполинскихъ,
 Благородно обнажалъ свой мечъ.

✱

Думалъ-ли, Ты, мужъ добра и чести!
 Что Тебѣ, по бившѣ за Москву,
 Уничтоживъ слѣдъ огня и мести,
 Суждено поднять ея главу? —

✱

И, съ любовью пламеннаго сына,
 Ты, изъ гроба вспахъ Москвѣ помогъ,

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ О МОСКВѢ.

(Изъ Отчета Московскаго Оберъ-Полицеймейстера за 1840 годъ).

Жителей въ Москвѣ было въ 1840 году около 350,000 (*).— Въ теченіи года родилось мужскаго и женскаго пола, слиш-комъ 15,000. — Бракомъ сочелась около 1,500 пары. — Умерло взрослыхъ и младенцевъ 15 тысячъ съ половиною. — Казенныхъ Учебныхъ Заведеній, высшихъ, среднихъ и низшихъ, 70, въ нихъ Преподавателей около 900; учащихся: мужскаго пола около 9 п., женскаго 1,700. — Частныхъ Пансіоновъ: мужскихъ 4, учащихся 180; женскихъ 12, учащихся 560; слѣдовательно всѣхъ вообще Учебныхъ Заведеній 85, и въ нихъ учащихся около 10 п. — Типографій казенныхъ и частныхъ 18; литографій каз. и част. 11; мешаллографій част. 7. — Вышло въ свѣтъ разныхъ сочиненій 300. — Богадѣленъ казенныхъ и общественныхъ 16, въ нихъ было призрѣно 5,500 челов. Богадѣленъ частныхъ 8, въ нихъ призрѣно около 300 челов. Богад. при церквахъ около 50, въ нихъ призрѣно 6,50 (*) челов. И такъ всѣхъ Богадѣленъ больше 80, и въ нихъ вообще призрѣно слишкомъ 12,000 чело-вѣкъ. — Больницъ всѣхъ вообще, какъ военныхъ, казенныхъ, общественныхъ и частныхъ 40, въ нихъ шпашное число кроватей около 5 п.; больныхъ поступило около 38 п., выздоровѣло слишкомъ 32,000, померло около 5 п. челов.—Рынокъ въ разныхъ частяхъ города 26. — Разныхъ торговыхъ заведеній, какъ магазиновъ, гостинницъ, кондитерскихъ и пр. 2,000; въ теченіе года торговли было на сумму 25 м. руб. серебромъ. Лавокъ въ рѣдахъ и при домахъ слишкомъ 5 п.—Фабрикъ разныхъ издѣлій до 500, на нихъ работало масте-ровъ, мастеровыхъ и чернорабочихъ 27 п. чел. Заводовъ 142, на нихъ работало около 3 п. чел. Ремесленныхъ заведеній и мастерскихъ 3 п., на нихъ работало около 50 п.; срабопа-но во всѣхъ этихъ заведеніяхъ, какъ фабрикахъ, заводахъ и пр. на сумму 23 м. р. серебромъ, а продано на 20 мил. р. сер.

(*) Мы употребляемъ круглыя числа.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТЪ

ВЪ МОСКОВСКОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

28-го Числа Нодбря, вечеромъ, въ Московской Практической Коммерческой Академіи происходилъ *Торжественный актъ*. Воспитанниками Академіи прочтены были собщвенныя разсужденія: Семеномъ Пропоповымъ — *О причинахъ, замедляющихъ торговлю въ Россіи*; Федоромъ Кузнецовымъ — *Исторія и польза Химіи* (на Нѣмецкомъ языкѣ), и Вечеславомъ Суеппинымъ, — *О мнвовой торговль между Китаемъ и Россією, и о важности ея для Россіи* (на Французскомъ языкѣ). Въ аншпракпахъ между ѳшими рѣчами были произнесены: *Н. Отто* — ода на Французскомъ языкѣ: *Сотвореніе міра*; *М. Горбовымъ* — списки на Англійскомъ языкѣ: *Постолство*; *Г. Кобляковымъ* — на Нѣмецкомъ языкѣ лирической разсказъ: *Колумбъ*; *А. Рыбниковымъ* — собщвеннаго сочиненія, съ чувспвомъ произнесенное спихопвореніе: *къ Москвь*, и *А. Соколовымъ* — *благодарственное къ посѣппителямъ пріяпствіе*. По провозглашеніи именъ воспитанниковъ, назначенныхъ къ выпуску и по раздатѣ имъ апшеспашповъ и другихъ наградъ, воспитанниками Академіи пропѣптъ былъ народный гимнъ: *Боже! Царя храни!*

Скажемъ нѣсколько словъ о рѣчахъ: 1, *О причинахъ, замедляющихъ торговлю въ Россіи*. Предметъ прекрасный, современный, и гдѣ же приличіе и необходимѣе говорить объ немъ, какъ не въ Коммерческой Академіи предъ лицомъ почешпаго купечества? Какое чпеніе или разсужденіе можешъ лучше занять все вниманіе и быть любопытнѣе шого предмета, кошорый, какъ говоритъ юный Авшоръ, ошносится прямо къ будущему назначенію Академическихъ воспитанниковъ?... Послѣ обыкновеннаго вспупленія и пріяпствія къ посѣппителямъ Авшоръ разсуждаешъ, что яво всѣ времена, у всѣхъ народовъ, шорговля была главною, или одною изъ главныхъ причинъ ихъ благоденствія. Ея успѣшки всегда ведутъ за собою обогащеніе и возвышеніе государства; увеличиваютъ его силу физическую, и доспавляютъ необходимыя средства къ развитію жизни духовной. Онъ неа больше всего происшешаютъ или зависяшъ всѣ внѣшніе и внупренніе успѣшки жиз-

ни гражданской...“ Разсуждал, что торговля зависить отъ множества причинъ, онъ приспущаетъ къ рѣшенію темы своего сочиненія: къ объясненію, или къ опыту на современныя замѣчанія и упреки чужеземцевъ *почему торговля идетъ такъ, а не иначе и не лучше* — и потому прямо переходить къ доказательствамъ причинъ, задерживающихъ или препятствующихъ успѣшному ходу и развитію торговли въ Россіи. Авторъ раздѣлитъ свое разсужденіе на двѣ части главныхъ доказательствъ: географическое положеніе Государства и политическія обстоятельства. Въ число главнѣйшихъ причинъ первой части Г. Прокопчиковъ поставляетъ слѣдующія: 1) чрезвычайно великое *протолженіе* Россіи и *пространство*, ею занимаемое (Здѣсь Авторъ рѣшительно говоритъ, что торговля сношенія между жителями такого Государства какъ Россія, могутъ быть только временныя, случайныя; но постоянныя — никогда). 2) *Географическое положеніе*. 3) *Сосѣдство съ народами грубыми*. 4) *Климатъ физическій*. 5) *Отдаленіе морей*. 6) *Рѣки* — ихъ малочисленность для судоходства, направленіе, промежутки и другія неудобства. Отъ географическихъ причинъ, *замедляющихъ* ходъ торговли, внѣшней и внутренней, Авторъ переходитъ къ краткому обзорѣ *причинъ политическихъ*, выславляетъ факты, болѣе или менѣе вредившіе развитію торговли въ Россіи до времени Петра Великаго, — и заключаетъ, что по всѣмъ симъ причинамъ произошло между прочимъ — или позднее начало (сравнительно съ другими государствами) многихъ вѣтвей государственной жизни, или медленный ходъ; такъ напримѣръ основаніе народныхъ школъ, фабрикъ, заводовъ, изобрѣтеніе машинъ для нихъ, земледѣліе и проч. Намъ бы желательна было, чтобы Г. Прокопчиковъ далѣе развилъ свое разсужденіе: въ немъ, кажется, недостаетъ еще одного тезиса, и едва ли не главнаго — о возможностяхъ отклонить причины, препятствующія Русской торговли. Конечно, для такого важнаго сужденія нуженъ опытъ, время, но смѣло можно надѣяться, что кто такъ хорошо разсуждаетъ при вступленіи на свое новое поприще, тотъ дополнитъ со-временемъ свою диссертацию новымъ разсужденіемъ — *объ отклоненіи* причинъ, замедляющихъ торговлю. Въ заключеніе своей рѣчи Г. Прокопчиковъ переходитъ къ надеждамъ, и утѣшая себя, утѣшаетъ и другихъ, что насчанетъ время, когда Русское

торговое общество, и преимущественно Московское, своею дѣйствительностію сравнялся съ среднимъ классомъ заграничнымъ, а можетъ быть и превзойдетъ его въ просвѣщеніи и образованности; а сличивши число и степень важности средствъ, благопріятствовавшихъ и благопріятствующихъ торговлѣ, со средствами у другихъ народовъ, — оказывающа, что торговля Россіи, по предпріятіямъ торговыхъ людей, по обширности ихъ оборотовъ и *отважности*, такая, какой только можно ожидать отъ нашего времени. Если не ошибаюсь, то слово *отважность* намъ показалось проповѣдчатымъ со вторымъ положеніемъ Автора (см. Рѣчи стр. 7-а), гдѣ онъ говоритъ, что опдаленіе Россіи отъ снранъ просвѣщенныхъ — весьма много задерживаетъ, въ торговыхъ оборотахъ Русское купечество, *привыкшее* къ предпріятіямъ большею частію *впримъ* и *идежтымъ*. . . .

Въ своей рѣчи: *Исторія и польза Химіи*, Г. Кузнецовъ, увлекаясь своимъ предметомъ, говоритъ, что «ни изобрѣшеніе книгопечатанія, ни открытіе Ньютономъ, ничто не произвело столько вліянія на жизнь, никогда просвѣщенный міръ не перпѣлъ столько измѣненій въ нравахъ и обычаяхъ чрезъ произшествіе въ Исторіи, какъ чрезъ открытіе кислорода. — Знаніе составныхъ частей атмосфернаго воздуха, твердыхъ частей земнаго шара, воды, ихъ вліяніе на жизнь растений и животныхъ, процессъ дыханія — все произошло отъ открытія его. Безчисленныя фабрики и ремесла, паровыя машины и желѣзныя дороги — все это распространилось чрезъ такое открытіе. Матеріальное благосостояніе государствъ возвысилось чрезъ него вдесятеро; слѣдовательно и имущество каждого увеличилось чрезъ него. — Каждое открытіе въ Химіи имѣло подобное дѣйствіе въ своихъ слѣдствіяхъ; каждое употребленіе ея законовъ, по различнымъ направленіямъ, возвышаетъ благо человечества, приноситъ пользу государству, увеличиваетъ его силу и благосостояніе. Кто могъ-бы повѣрить, что чрезъ знаніе разложенія поваренной соли, ежедневно приводится въ движеніе сотни милліоновъ рублей по всѣмъ классамъ людей; что это открытіе измѣнило торговлю, воспламенило войну, что корабли, блокировавшіе за нѣсколько лѣтъ заливъ Неаполя, получили свое направленіе чрезъ это открытіе и проч. . . .

Рѣчь Г. Суешина — *Взглядъ на Россійско-Китайскую мѣнговую торговлю и важность ея для Россіи* — написана оппечливо и произнесена прекрасно. Видно, что Авторъ занимался своимъ предметомъ по любви, по желанію. Рѣчь его, при всѣхъ хорошихъ положеніяхъ и утѣшительныхъ надеждахъ, производить однакожь какое-то грустное впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ не совсѣмъ пріятно знать, что не смотря на сопредѣльность къ намъ такой огромнѣйшей Имперіи въ мірѣ, какова Китайская, имѣющая 362 милліона жителей (т. е. болѣе чѣмъ въ полшора раза многочислѣе всей Европы), существующая 3,500 лѣтъ, трудолюбивая, промышленная и богатая разнообразными продуктами, — Русская торговля съ Китаемъ очень маловажна. Самый лучший годъ для насъ былъ 1839-й; но и въ этомъ году весь результатъ ежегоднаго оппуска въ Китай всѣхъ мануфактурныхъ издѣлій и другихъ предметовъ изъ Россіи не превышалъ *девяти* милліоновъ руб. асс. Сумма, при общей производимости нашихъ мануфактуръ — дѣйствительно ничтожная!... А между тѣмъ Русскіе суконные фабриканты счумѣли удовлетворить прихотливымъ Китайцамъ и угодить ихъ оригинальному вкусу своимъ сукномъ (около 3½ милл. руб. асс.), и тѣмъ совершенно уничтожили соперничество Прусскихъ и Польскихъ суконъ съ нашими... (*)

Учрежденная въ 1810 году частнымъ Обществомъ Любителей Коммерческихъ Знаній, и ему отдающая свои оппечты, Московская Практическая Коммерческая Академія въ нынѣшнее царствованіе Государя Императора получила большія права какъ для учащихся, такъ и для учащихся. Последніе, по окончаніи восьмилѣтняго курса ученія, получающъ, почти всѣ, право *Личнаго Почетнаго Гражданина* — а это весьма важное право, ежели сравнить съ нимъ права высшихъ въ Россіи учебныхъ заведеній; — таковыхъ выпущено было

(*) Замѣчательно, что въ день торжественнаго акта въ Коммерческой Академіи (гдѣ, между прочимъ, были произнесены Гг. Прошопоповымъ и Суешинымъ рѣчи о Русской торговлѣ), 28-го Ноября 1841 года послѣдовалъ Императоръ Высочайшій Указъ, даннымъ Правительствующему Сенату за Собственноюручнымъ Его Величества подписаніемъ — *О новомъ тарифѣ по Европейской и Китайской торговлѣ*, и повелѣно: тарифъ по Европейской торговлѣ привести въ дѣйствіе съ 1-го Января, а по Китайской съ 1-го Ноября 1842 года.

до сихъ поръ 30 человекъ: въ 1835 году—6 ч., 1837 — 4 ч., 1839 — 7 ч., 1841 — 13 ч., а получившихъ медали: золотыя 3 и серебряныя 2, большую и малую. Нынѣ промаведены въ Личныя Почетныя Гражде въ воспитанники *Иванъ Путохинъ, Алексѣй Соколовъ, Николай Богдановъ, Федоръ Кузнецовъ, Николай Пономаревъ, Семень Протопоповъ, Николай Лукутинъ, Николай Сиротининъ, Егоръ Сокольскій, Петръ Хрусталева, Вячеславъ Суетинъ, Алексѣй Варгинъ и Дмитрій Ерасій*; кромѣ того награжденъ богатымъ подаркомъ и особымъ аше-спашомъ *Фердинандъ Герцъ*, по сословію его иностранцемъ, немѣющій права на полученіе званія личнаго Почетнаго Гражданина. — Нынѣшнему Попечителю своему, Его Свѣшлости Князю Д. В. Голицыну, и Министру Финансовъ, Его Сіашельству Графу Е. Ф. Канкрину, Московская Практическая Коммерческая Академія обязана и наслощымъ положеніемъ и данными средствами на будущее время. По опспройкѣ недавно купленнаго дома, одного изъ лучшихъ въ Москвѣ, Академія найдешъ богатое для себя помѣщеніе, и, вѣроятно, болѣе распространишъ кругъ своей дѣятельности. . . Со стороны благодѣтельнаго Правительсшва сдѣлано все возможное — и поощренія, и капиталы, и награды — все положено въ основу благоденсшвіа и богатсшва Россіи и ея купечесшва; но вкусъ, спараніе, благородсшво самолюбія, образованность и послоянная любовь къ своему предмету и занятію, шакже какъ приблизишъ моря, взмѣнишъ климатъ, расположишъ печеніе и ложе рыкъ внѣ зависимости Правительсшва. . . Русскому купечесшву осшаешся — бышъ глубоко признательнымъ Монарху и запечашлѣтъ вѣрноподданническую благодарность въ своемъ сердцѣ, въ своихъ дѣляхъ и на своемъ дѣлѣ . . .

И. Дм.

**СКАЗАНИЕ О МОСКОВСКОМЪ ГРАЖДАНИНѢ, 1-Й ГИЛЬДИИ
КУПЦѢ, СЕМЕНѢ ПРОКОФЬЕВИЧѢ ВАСИЛЬЕВѢ.**

(Московского купца Трифона Семеновича Добрыкова, серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера) (*).

Черезъ посредство Московскаго 1-й гильдии купца Василія Яковлевича Жихарева я познакомился съ симъ добродѣтельнымъ и боголюбивымъ гражданиномъ, который впоследствии и принималъ меня, какъ роднаго, бесѣдовалъ со мною, и въ вѣсѣхъ бесѣдахъ рассказывалъ о своей жизни слѣдующія достопримѣчательности.

Семень Прокофьевичъ, будучи единственнымъ сыномъ у родителей, осиротѣлъ послѣ отца въ малолѣтствѣ. Родительница отдавала его въ Москвѣ для наученія торговлѣ почтенному въ купечествѣ торговцу Семену Дмитриевичу Сипшикову, торговавшему въ большомъ суконномъ ряду, называемомъ «Смоленскимъ». По тогдашнему обыкновенію, хозяинъ, для наученія домашнему хозяйству и порядку, употреблялъ его на домашнія работы, а особенно около сада, попомучу Сипшиковъ имѣлъ большую охоту къ садоводству, въроупно отъ этого и самъ Семень Прокофьевичъ впоследствии любилъ садоводство. Черезъ нѣсколько времени хозяинъ велѣлъ ходишь ему къ лавкѣ и навывашъ къ торговлѣ. — По истеченіи времени, которое Васильевъ по условію долженъ былъ *выжить въ мальчикахъ* (**), хозяинъ отдѣлилъ его въ особенную лавку, гдѣ онъ и торговалъ нѣсколько лѣтъ прикащикомъ. Помощь, при помощи Божіей, съ согласія хозяина и матери своей, снялъ лавку, и началъ торговашъ въ помѣже суконномъ ряду на благопріобрѣщенный свой капиталъ, и спшалъ жить съ матерью.

(*) Русское купечество не имѣло еще Историка: у насъ нѣтъ Биографіи ни одного купца: какъ будто бы не встрѣчалось въ купечествѣ людей достойныхъ и примѣчательныхъ. Мы очень рады помѣстивъ это краткое сказаніе (полученное чрезъ Г. Троицкаго), сочиненное лѣтъ 50 назадъ, однимъ изъ починателей Г. Васильева, — съ самыми легкими поправками въ слоги. Ред.

(**) Гостинодворское шехиническое выраженіе.

Когда онъ былъ еще мальчикомъ и жилъ у Сипшикова, съ нимъ случилось слѣдующее происшествіе. — Когда его спали посылали къ лавкѣ, то онъ, по обыкновенію помолясь Богу дома, на дорогѣ не пропускалъ ни одной церкви, что-бы не воздашь хвалу Господу Богу, имѣлъ припомъ особенную вѣру къ Василию Блаженному, Св. Николаю Чудотворцу, и къ Чудотворной иконѣ Всемилошпиваго Спаса, что на Спасской башнѣ. Въ одинъ день, когда онъ ошпановился помолишься на Варваркѣ у церкви Св. Великомученика Георгія, что близъ Знаменскаго монастыря, то къ нему подошелъ старичокъ, украшенный сѣдинами и одѣшый прилично погдашнему времени, и спросилъ его: „куда ты, молодець, идешь?“ — А онъ отвѣчалъ ему: „я-де иду къ должности, къ лавкѣ, въ суконный рядъ.“ Тутъ старичокъ сказалъ ему: „Послушай, дружокъ, я скажу тебѣ лѣкарство: молись Господу Богу, хозяйское наблюдай, за чужую копѣчку не берись, и въ карманъ не клади, поштому что дѣлаешься карманъ дырять, и не могушь бышь деньги цѣлы, а живи благословеннымъ, шакъ и ты будешь богаты, какъ хозяинъ швой; вопшь тебѣ мое наспавленіе: исполняй его. Коли сбудешься по, что я сказалъ, то молись за меня Богу, а коли мои слова не правда, то проклинай меня.“ После этого старичокъ, не сказавъ своего имени, отъ него ушелъ, и онъ никогда болѣе его не видалъ, какъ ни спарался съ нимъ встрѣшиться.

Занимаясь поргвелею на маловажный капиталъ, Васильевъ кормился по милости Божіей. Однажды пришелъ къ нему купить сукна Лейбъ-Кампанецъ, — и съ этого поръ у нихъ началось знакомство. Лейбъ-Кампанецъ спалъ къ нему ходишь за поваромъ, и покупалъ всегда на наличныя деньги. Сидя въ лавкѣ у Васильева, онъ разспрашивалъ о ходѣ его поргвли, и, вида, что она не обширна, однажды сказалъ Семену Прокофьевичу (видно Господь Богъ вложилъ ему въ сердце!): „Ты-бы, Семенушка, шовару въ лавкѣ прибавилъ; а по у другихъ больше, чѣмъ у тебя. — Послушай: я дамъ тебѣ взаймы 10,000 рублей, — ты прибавь шовару и спарайся, что-бы онъ у тебя былъ всякаго сорпу,“ и въ самомъ дѣлѣ исполнилъ это обѣщаніе. Получа шакую сумму, Семень Прокофьевичъ чрезвычайно обрадовался, накупилъ шовару, началъ его распродавать и распорговываться, что повидному было прилично Лейбъ-Кампанцу. Васильевъ же упошреб-

лить всё силы скопишь къ сроку заняшую сумму — и Богъ ему помогъ. Онъ принесъ деньги къ кредитору, спалъ его благодарить; а шолъ сказать ему: „ну, что, Семенушка, хорошо ли шорговалъ? „Слава Богу, по милосши вашей, шорговалъ хорошо,“ отвѣчалъ Васильевъ, принося благодарность за благодѣяніе. Но Лейбъ-Компанецъ денегъ отъ него не принялъ, сказавъ: „пусти онъ ошпанулся у тебя въ шорговлѣ, а я еще прибавлю къ нимъ 20,000 рублей: расшорговывайся (?), и будь счастливъ и чеспень!“ Васильевъ принялъ такую сумму, поклонился Лейбъ-Компанцу въ ноги. Возвращаясь домой, онъ придумалъ, что ему лучше самому съѣздить за границу, и купишь шамъ шоваръ покыгоднѣе; почему черезъ нѣсколько времени онъ и поѣхалъ въ Нѣмецкіе шорговые города, Англію и Голландію. Купилъ шамъ шовару и познакомился съ иношранными шорговыми людьми. Когда онъ возвращался въ Москву, шо купцы, знавшіе его необширную шорговлю, и дивясь, что онъ привезъ такое множество шовару, говорили: „ну, шеперь-шо Семень попалъ въпросакъ! — Куда онъ дѣнешъ шполько шовару: его и въ десяшь лѣтъ не распродашь, да кому его и покупашъ? а придетъ время, приступашъ кредиторы — шущъ и пропадъ. Иношранцы ждашь не шанушъ.“ Но Васильеву Богъ помогъ распродашь все съ выгодною. Послѣ того, надѣясь на милосшь Божію, онъ выписывалъ шовары, и всегда распродавалъ ихъ выгодно. Вскорѣ онъ приобрѣлъ такую довѣренность за границею, что ему присылали шоваръ, почши не зная, кшо онъ шакое, и шолько слыша, что Васильевъ всегда исправно плашилъ въ сроки. И шакимъ образомъ Семень Прокофьевичъ расшорговался, шъ завелъ обширный кругъ шорговли, и ошкрылъ кошпору, кошпорою управлалъ у него двоюродный внукъ Владиміръ Семеновичъ Турчаниновъ; при амбарахъ находился у него шже внукъ по женѣ Пешръ Яковлевичъ Пищальниковъ.

Черезъ нѣсколько времени двое Англичанъ, кошорые присылали шоваръ Васильеву, но никогда его не видали, пріѣхали въ Москву, и ошправились къ нему. Семень Прокофьевичъ въ это время шель пѣшкомъ въ лавку, и встрѣшилъ пріѣзжихъ; какъ на шу пору на улицѣ проходящихъ никого, кромѣ Васильева, не было, шо Англичане и спросили его, гдѣ шущъ живешъ купецъ Семень Прокофьевичъ Васильевъ? Мы

присылаемъ ему поваря, а никогда его не видали, шакъ хотимъ посмошрѣшь, кому дѣлаемъ довѣріе.“ Васильевъ, вида, чшо они спрашиваютъ объ немъ самомъ, сказалъ, гдѣ его домъ, и воропаясь другою дорогою, пришелъ домой прежде прѣѣзжихъ, и переодѣлся подомашнему. Когда Англичане прѣѣхали, онъ ихъ принялъ — и шупть-шо они узнали купца Васильева, съ копорыиъ вели шорговлю нѣсколько лѣтъ. Съ эпого времени довѣріе проспранцевъ къ Семену Прокофьевичу еще болѣе увеличилось, — и онъ по милосши Божіей навжилъ огромное сосшояніе.

Васильевъ жилъ въ супружествѣ шолько 8 мѣсяцевъ. За нимъ была родшвенница прежняго его хозяина Сашникова. Она умерла родами, и Васильевъ послѣ эпого уже не женился, и послѣ него дѣшей не ошалося —

Семень Прокофьевичъ Васильевъ былъ росшу средняго, супуловашъ, сухощавъ, лице имѣлъ благолѣпное, бороду небольшую, носъ прямой, широковаший. Родился онъ въ 1709 году, а скончался 1796 году, и погребенъ въ Андроньевомъ монастырѣ, гдѣ имъ выспроена была огромная колокольня съ церковію.

Въ продолженіе жизни Васильевъ, по усердію своему къ благолѣпію и украшенію храмовъ Божіихъ, сдѣлалъ слѣдующія приношенія:

а) Въ Московской Успенскій Соборъ:

1. Одѣяніе на престолъ серебряное и вызолоченое. На передней споронѣ его изображено Воскресеніе Хрисшова, на задней — Тайная Вечери, на правой — Богоявленіе Господне, на лѣвой — Моленіе о Чашѣ, а наверху — Спаситель, окруженный ликами Ангеловъ и Серафимовъ, шупть же знаки Апостола Павла и Маріи Магдалины. — Серебра 5 пуд. 15 ф.

2. Ризу на образъ Успенія Богомашери. Средина эпой ризы изъ чистшаго золоша, украшенная брилліаншами и другими драгоцѣнными камнями, а окружность серебряная вызолоченая. — Серебра 1 пуд. 29 фун. 92 зол.

3. Ризу серебряную, вызолоченую и украшенную спразами на образъ Хрисша Спасителя, сдѣлащаго на престолѣ. Серебра 2 пуд. 29 фун.

4. Ризу серебр., вызолоч. и украш. спразами, на образъ Воскресенія Хрисшова. Серебра 1 пуд. 23 ф. 40 зол.

5. Ризу серебр. и вызолоч., на образъ Распятія Хри-
стова. Серебра 1 пуд. 8 ф.

6. Ризу серебр., вызолоч. и украшен. спразами, на об-
разъ Тихвинской Богоматери. Серебра 1 пуд. 37 фун.

7. Ризу серебр. и вызолочен. Свяпителю Петру Ми-
трополишу, Московскому Чудотворцу. Серебра 2 п. 18 ф. 20 з.

Въ вѣсѣхъ семи вещахъ серебра 17 пуд. 56 зол. — Зо-
лота употреблено, какъ на средину Образа Успенія Бого-
матери, такъ и на позолоту 27 ф. 4 зол.

Всего по существовавшимъ тогда цѣнамъ серебра на
33,037 руб. 23 коп., золота на 18,225 руб. Бриліантовъ,
алмазовъ, изумрудовъ, яхонтовъ и другихъ камней на 15,361
руб. 75 коп., а всего на 55,623 руб. 98 к.

Всѣ вѣщ. вещи дѣлались поспешенно, — начаты въ цар-
ствованіе Императрицы Екатерины II, а кончены въ цар-
ствованіе Императора Павла I, — на фабрикѣ Моск. кушча
серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера Триф. Сем. Добря-
кова, (автора спашы). Передъ днемъ Коронаціи Императора
Павла I, изустно Его Императорскимъ Величествомъ бывшему
тогда Пропоіерю Левшину повелѣно было одежду и ризу
возложитъ; мастеру же Добрякову за искусство объявлено
Монаршее благоволеніе, съ записаніемъ въ памятную книжку.

б) Въ прочія мѣста:

8. Въ Вознесенскій монастырь ризу серебряную, вызо-
лоченую, на мѣстный Образъ, значительной цѣны.

9. Въ Чудовъ монастырь серебряный за пресполь под-
свѣшникъ, стоющій до 5,000 руб.

10. Въ Вознесенскій монастырь серебряные, вызолоч. и
украшен. спразами вѣнцы на гору Голгоѳу.

11. Въ Вознесенскомъ монастырѣ возобновлена и укра-
шена теплая церковь во имя Михаила Малеина.

12. Въ Новоспасскомъ монастырѣ доладена колокольня,
и сдѣлана глава съ крестомъ, мѣдные золоченые, чрезъ огонь.

13. Въ бывшемъ Андреевскомъ монастырѣ исправлена и
украшена церковь.

14. Выстроена вновь и украшена церковь съ колокольнею
Успенія на Могильцахъ.

15. Въ Зачапайскомъ монастырѣ выстроены и укра-
шены церковь, колокольня и кельи для монашествующихъ.

16. Въ Пестушевскій монастырь пожертвовано на по-
правку и украшеніе 30,000 р.

17. Въ Оспашковѣ монастырь пожертвовано и на счетъ дашеля доставлено на мѣсто 2,000 дисповъ желѣза.

18. Въ Андроньевѣ монастырь выстроена огромная колокольная и церковь съ золоченою черезъ огонь главою и иреспомъ; что все стоило до 300,000 руб.

19. Въ Общинѣ, близъ Арзамаса, выстроена церковь и школы для монашескнвующихъ.

20. Выстроена вновь и украшена церковь съ колокольною Св. Великомученика Георгія, что въ Грузинахъ.

21. На возобновленіе пожертвовано бывшему въ то время спроишело Никандровской пущыни Геннадію 12,000 руб.

Сверхъ всего этого Семень Прокофьевичъ помогаль бѣднымъ шихою милоспшиною, шакъ что облагодѣшельспвованые и не знали, отъ кого получали благошвореніе. Много раздаваль онъ и по шемницамъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОТКРЫТІЕ НОВАГО ТЕАТРА ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

(Письмо къ издателью *).

... Жаль очень, что вы оповдали прїѣздомъ. Нѣсколько ранѣе, весною, вы увидали бы Волгу, покрышую купеческими караванами, доставляющими на Сѣверъ избышки Юга, нашли бы въ городѣ болѣе многолюдства; гостинный дворъ предшавилъ бы вамъ образчикъ Московскаго, обиліемъ, полношю и разнообразіемъ поваровъ въ лавкахъ и магазинахъ, словомъ, вы нашли бы у насъ болѣе дѣятельности. Прїѣхавши двумя или према мѣсяцами позже, вы бы еще болѣе замѣтили развитіе Ярославской гражданспвенности. Лѣшомъ здѣсь всегда глухая пора, и особенно въ нынѣшнее лѣшо господшвовало необыкновенное запусшбіе: ибо должно признашся, что при всемъ своемъ превосходствѣ надъ многими Губернскими городами, о кошоромъ я непременно буду писашъ вамъ, Ярославль подвергнутъ общей участи Русскихъ провинцій — приливу и опливу населенности. Теперь наконецъ наступила пора, въ кошорую мы вознаграждаемъ себя за долгое разъединеніе, и начали это шакимъ со-

(*) Въ редакціи получено еще извѣстіе объ открытіи театра въ Ярославлѣ отъ корреспондента, болѣе строгато, но мы удерживаемъ оное: за что на первый разъ шребуемъ многого.

быпіемъ, что я вовсе не заслуживалъ бы званія вашего Ярославскаго корреспондента, когда бы о томъ васъ не увѣдомилъ.

На прошедшей недѣлѣ — позволѣте мнѣ какъ любилъ Рима Римскихъ древностей, употребилъ Римскую мешаюру — на прошедшей недѣлѣ, п. е. 27 Ноября, нашъ театръ, служащій колыбелью Русскаго театра, надѣлъ свою мужескую погу. — Всемъ извѣстно, что здѣсь кожевенный сарай купца Полушкина былъ первою сценою, на которой началъ свое блистательное поприще первый Русскій актеръ Ф. Г. Волковъ. Эпохъ кожевенный сарай, вскорѣ обращенный къ первому своему назначенію, не надолго опъ него уклонялся, и о существованіи Ярославскаго театра нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій до новыхъ временъ. Извѣстно, какъ и къ Ярославскіе актеры вызваны были къ Императорскому Двору. Послѣ того спрансвующіе артисты заходили и къ намъ; и иногда снискивали себѣ средства къ кратковременному пребыванію. По словамъ нѣкоторыхъ спарожковъ, со временъ управленія Губерніею Кн. Михайломъ Никол. Голицынымъ распроспранился вкусъ къ театральнымъ представленіямъ, а при Александрѣ Михайловичѣ Безобразовѣ, оставившемъ многіе слѣды своей заботливости о благосостояніи города и жителей, выпроенъ былъ театръ, существовавшій до наспоющаго, воздвигнушаго купцомъ Михайломъ Яковл. Алексѣевымъ. — И пакъ, благодаря предпримчивости Г-на Алексѣева, Ярославль теперъ имѣетъ просторное, теплое, удобное зданіе для театра, опдѣланное съ небольшими затѣями, и несравненно лучшее прежняго, пришедшаго въ вешность. Легко можете себѣ представить, съ какимъ восторгомъ Ярославская публика приняла эту жертву любви къ искусству. Спектакль 27 Ноября, какъ я уже сказалъ, служилъ опкрытіемъ новаго театра и состоялъ изъ извѣстной пьесы: «Левъ Гурычъ Синичкинъ, или, провинціальная дебюпантка,» (*) съ прибавленіемъ диверписмана. Извѣстность первой пьесы избавляетъ меня опъ обязанности говорить о ея содержаніи. Мы любовались въ ней почти всеми своими театральными знаменностями: Гг. Гр. Громовымъ въ роль Синичкина; Завидовой — въ роль его дочери; Соловьевой, — въ роль Сурмиловой; Блищенконымъ, въ роль Пустославцева;

(*) Другой Корреспондентъ справедливо осуждаетъ выборъ этой пьесы: гораздо приличнѣе бы дать Волкова, яреарскую пьесу князя Шаховскаго.

Орловымъ, въ роль Борзпкова; *Завидовымъ*, въ роль Въпринскаго; *Поллковымъ* проч. и проч. Спараніе, заботливостъ и усердіе аршисповъ подающъ надежду; а если Публика съ своей стороны спанешъ поддерживашъ Г. Алексѣева съ такимъ же вниманіемъ, какъ и при первомъ предспавленіи, то ему можно ласкашъ себя успѣхомъ. Въ диверсписманѣ — Московская шанцовщица, Кузнецова, для многихъ показалаъ здѣсь власшическою Ворониною, для многихъ и «Воронежскій» пѣвецъ, пѣвшій Русскую пѣсню; былъ предметомъ рукоплесканій. Наконецъ для нѣкопорыхъ комическое па «Громова» доспавило упоишельное наслажденіе.

Человѣческія желанія неограниченны, и выходя ихъ *поваго театра*, благодаря въ душѣ Г. Алексѣева, дважды вызваннаго на сцену признательною публикою, благодаря просвѣщеннаго Начальника Губерніи Коиспаншина Марковича Полпнорацкаго, за содѣйствіе ему, мы уже дали волю новымъ желаніямъ: чшобы шеашральное искусство шло у насъ къ совершенству; чшобы Русскій пеашпръ на мѣспѣ родины своей хранилъ юношескую чиспощу нравовъ, и не обрацался въ позорище плоскихъ оспропъ и двусмысленностей; чшобы вераздѣльный союзъ художественно-прекраснаго съ истиннымъ и добрымъ — сдѣлалъ сцену нашу школою нравспвеннаго чувспва. — На слѣдующій спекпакль объявленъ былъ: Иголкинъ. Спекпакль, какъ говорашъ, былъ неудаченъ; и мы рѣшишельно думаемъ, чшо Г. Алексѣевъ опъ подобныхъ пѣсѣ въ барышахъ не будетъ. Ему надобно много разборчивости въ обогащеніи своего репертуара разнообразными пѣсами.... Ярославль не Москва и не Петербургъ: а пошому и не можешъ имѣшъ такихъ аршисповъ, копорые поддержали бы любую пѣсу. —

Въ заключеніе мнѣ хощѣлось кспашпи прибавишъ вамъ какое-либо извѣспіе о Ѳ. Г. Волковѣ; но я и прежде, спараясь о немъ развѣдашъ чшо нибудь опъ спарожиловъ, ничего новаго не узналъ, а полученную мною по сему предмету записку опъ любознательнаго С. А. Серебренникова, вамъ въ-рояшпо извѣспнаго, прилагаю въ оригиналѣ, дабы васъ лучше познакомишъ съ внимъ почтеннымъ человѣкомъ (*).

Поспараюсь непременно писашъ вамъ о Ярославлѣ съ большою шочностию, чѣмъ до сихъ поръ, и пр. *А. З.*

(*) „Вы просиле меня извѣспашъ васъ о мѣспѣ рожденія и погребенія ващера Волкова. — Съ удовольспіемъ бы готовъ доспавишъ къ вамъ свѣ-

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Шеллингъ въ Берлинѣ. Первый мыслишель нашего времени, знаменитый Шеллингъ, занявъ шеперь въ Берлинѣ кафедру Философіи, осиропѣвшую съ смерщю Гегеля; предметомъ чшеній своихъ онъ избралъ Философію Опшкровенія. — Въ торжественныхъ собраніяхъ Университета, Академіи и разныхъ ученыхъ обществъ, бывшихъ по случаю дня рожденія Короля Прусскаго, ему оказанъ былъ самый лестный пріемъ, и всюду встрѣчали его, какъ почешнаго госшия. Главный Секретарь Обществъ ученыхъ, Докторъ Фёршеръ, прівѣщивалъ его рѣчью, въ которой изложилъ всѣ заслуги, оказанныя знаменитымъ мыслишелемъ въ области Философіи, наукъ и искусствъ. Это прѣмъ замѣчательнѣе, что Фёршеръ, прівалежншъ къ числу издашелей оставленныхъ Гегелемъ сочиненій, и при погребеніи его говорилъ надгробное ему слово. Профессоры Университета и Члены Академіи Наукъ давали въ честь Шеллингу праздникъ, на которомъ присутствовало Министръ Народнаго Просвѣщенія, говорившій шущъ, между прочимъ, о свободномъ преподаваніи и изученіи наукъ. Профессоръ Шпееренсъ прівѣщивалъ Корифея Германской Философіи опъ имени всего Университета. — Въ доказательство единогласнаго къ нему уваженія, вождъ за Шпееренсомъ обратился къ Шеллингу съ рѣчью Профессоръ Габлеръ, послѣдовашель системы Гегеля, и сколько извѣстно, преемникъ его кафедры. — Шеллингъ присутствовалъ также и въ торжественномъ засѣданіи Берлинской Академіи Наукъ. Обыкновенную въ ашомъ случаѣ Академическую рѣчь, произнесъ Раумеръ; онъ говорилъ объ отноше-

двіе, но къ сожалнію подробности нѣтъ не извѣстны. — Извѣстно только то, что Волковъ родился въ Ярославѣ, жилъ въ Николаевусинскомъ приходѣ, гдѣ ннѣ домъ наследницы Силмачевой (*). — Умеръ въ Москвѣ опъ простуды, полученной ннѣ при управленіи и дирижированіи празднествами и народными увеселеніями, по случаю коронаціи Императрицы Екатерины II. Гдѣ погребенъ не извѣстно. — Въ Николаевусинской церкви есть гѣшорыя вещи, ннѣ пожертвованныя и его собственной работы. Пиконсташъ въ холодной церкви усроетъ его шщаніемъ и по его рисунку. *Семенъ Серебряковъ.*“

(*). Теперь прівалежншій уже другому владѣнцу.

ни науки къ Государству и вліяніи Академіи на общеспвенное образованіе; далѣе изчислялъ всѣ доказательства благосклонности къ ней Короля, который доставилъ этому ученому сословію возможность призвать въ чреду свою столько знаменитыхъ мужей и предпринять столь важныя пруды, по всѣмъ опраслять знанія; далѣе замѣнилъ онъ, что со временъ Лейбница, всѣ знаменитые Философы принадлежали Пруссіи, или были съ нею въ тѣсныхъ сношеніяхъ; одного Шеллинга недоставало, но и онъ наконецъ принесъ ей зрѣлыя плоды ясной своей осени. По случаю юбилея, бывшаго недавно въ Галле, Шеллингъ избранъ тамъ Докторомъ Богословія. — Наконецъ 16 Ноября (н. с.) Шеллингъ открылъ свои чтенія. Это былъ день, незабвенный въ лѣтописяхъ Университета, и для Студентовъ и для Профессоровъ. — Еще за долго до начала, оба входа въ огромную аудиторію были до того осаждены толпой любопытныхъ, что хотя сначала впускали только по билетамъ, но очень немногіе могли добраться до своихъ мѣстъ. — Въ числѣ слушателей были люди всякаго возраста и всякаго сословія, между прочимъ всѣ преподаватели Университета, и въ кругу ихъ извѣстнѣйшіе послѣдователи Гегеля, которые были приглашены самимъ Шеллингомъ. Аудиторія представляла картину живописную, когда Шеллингъ вспустилъ на кафедру; огромная зала была, какъ говорится, биткомъ набита слушателями; во входахъ была всеобразная давка, а въ корридорахъ тѣснилась толпа недовольныхъ, которые не могли быть впущены, по недоспадку мѣста. Одно появленіе знаменитаго зодчаго современной науки, успокоило эту живую, бурную волну, и всюду водворилась мертвая тишина. Онъ просилъ не судить его по нѣсколькимъ чтеніямъ, а выслушать весь курсъ до конца, и тогда произнести объ немъ приговоръ. Это относилось не только къ системѣ, но и къ самому Философу, который вспустительной рѣчью въ высшей степени возбудилъ ожиданія своихъ слушателей. 19 го Ноября читалъ Шеллингъ вторую свою лекцію, и кажешся намѣренъ только по окончаніи каждаго чтенія назначать день для слѣдующаго; хотя это проповорѣчишь Университетскимъ обычаемъ, но такому челоѣвку, какъ Шеллингъ, можно позволять опспутленіе опъ общахъ правилъ. И въ опшомъ разѣ было такое же несмѣшное опеченіе слушателей; шумъ, производимый сошными людьми, ко-

порые не могли прорабаться въ аудиторію, былъ шакъ великъ, что съ четверть часа едва можно было разслушать голосъ Профессора. Онъ началъ опять съ той мысли, копорой заключилъ первое свое чпеніе, а имено, что Философія сдѣлавшись необходимостью и однимъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ человѣческой жизни, должна служить и ея повѣркою; но какъ, повидимому здѣсь умъ встрѣчаешъ препятствіе неодолимое, шо требуетъ новое усиліе человеческого духа, чтобы доказать, что Философія не есть неоконченное предисловіе къ книгѣ, копорая никогда не будетъ написана. Хотя Философъ не прямо указывалъ, гдѣ искать этого новаго усилія духа, но слѣдуя внимательно за развитіемъ его мысли, можно было замѣнить, что онъ имѣетъ въ виду Философію Откровенія. Безъ сомнѣнія, цѣль великая, и преподаватель шѣмъ болѣе къ ней приближался, что облегчалъ къ ней путь и устрямляешъ прешающія, копоры обыкновенно замедляютъ ходъ мысли; онъ искусно избѣгалъ запутанности въ выраженіи, и не заграждалъ своего языка учеными и школьными выраженіями. — Шеллингъ усвоилъ себѣ спаринную поговорку, что истина проста, и, какъ самъ увѣряешъ, послѣдніе сорокъ лѣтъ неушомимо спарался пріобрѣсти навѣкъ выражать самыя оплетенныя мысли самыми простыми словами. И дѣйствительно, вса эта разнородная толпа слушателей находила чпенія его вразумительными, и могла слѣдовать за его мыслями.

Чпеніе 2го Декабря было въ высшей степени занимательно; здѣсь Шеллингъ въ первый разъ упомянулъ о Гегелѣ, и говоритъ объ немъ вовсе не въ шѣхъ выраженіяхъ, въ какихъ обыкновенно опшзываются объ этомъ знаменитомъ мыслителѣ его противники, и даже объявилъ, что не хочешъ имѣть съ ними ничего общаго. Онъ сохранилъ Гегелю, въ Ишпори Берлинской философіи, шо почетное мѣсто, копорое назначилъ ему общій голосъ современниковъ, и еще болѣе ушвердилъ его за нимъ своимъ опшзвомъ. Объяснивъ Канта, Фихте и основанія Философіи пождеспва (геніальнаго созданія самаго Шеллинга), онъ сказалъ, что въ послѣднее время, Гегель одинъ сохранилъ основную мысль этой философіи, и что между шѣмъ, какъ другіе оспавались неподвижными въ шѣсной ея колѣѣ, Гегель распроспранилъ ея предѣлы изслѣдованіемъ началъ безусловнаго бытія. — Замѣчательно,

что покрытый уже сѣдиною, Шеллингъ, шущъ же, гдѣ прежде излагалъ свою систему его ученикъ и товарищъ, добровольно раздѣлилъ съ нимъ эту громкую славу, которою обоимъ ихъ увѣнчала Германія и вся образованная Европа. Тѣмъ самымъ онъ приобрѣлъ полное право свободно и откровенно высказать свое мнѣніе о Гегелевой философіи, и указать на то, что называется онъ слабой ея стороною. Хотя Шеллингъ и признаетъ ее наукой разума, но не допускаетъ, чтобы разумъ былъ не только способностью познавать содержаніе или вещество всякаго бытія, но и заключалъ въ себѣ самое бытіе, и. е. Бога, который никакъ не можетъ быть непосредственнымъ содержаніемъ разума. — Развитіе этой мысли будетъ предметомъ слѣдующихъ чтеній, и кажется приведетъ наконецъ слушателей къ настоящей цѣли преподавателя, и. е. къ Философіи Откровенія.

Шеллингъ занимается теперь изданіемъ всѣхъ трудовъ своихъ, и такимъ образомъ предложитъ полную Исторію своего мышленія, въ которой замѣчательнѣе всего будетъ изложеніе того важнаго перелома, когда Шеллингъ почувствовалъ необходимость чисто отрицательному направленію своей философіи противопоставить положительное направленіе Вѣры и Откровенія.

ОССІАНЪ. Съ годъ тому назадъ Нѣмецкая писательница, Г-жа Тальва, напечатала свое сочиненіе о подложности Оссіановыхъ пѣсней и особенно Макферсонова Оссіана; теперь соотечественникъ знаменитаго Шотландскаго Барда, Пеприкъ Макгрегоръ, издалъ новыя излѣдованія объ этомъ предметѣ, гдѣ, кажется, неоспоримо доказываетъ, что пѣсни Оссіана дѣйствительно подлинныя, и что Макферсонъ нисколько не заслуживаетъ возводимого на него обвиненія въ лихерафтурномъ подлогѣ. Къ сочиненію своему онъ приложилъ новый и почти буквальный переводъ съ Галльскаго подлинника. — Въ переводѣ Макгрегоръ вовсе нѣтъ этого совершенно чуждаго всякой народности и полнаго искусственной изысканности слога, который дѣлалъ подозрительными пѣсни Оссіана, изданныя Макферсономъ, — и такъ романтическая замашка и напыщенность выраженія были исключительной прибавкой Макферсона; но тѣмъ не менѣе это собраніе пѣсней, украшенное Англійскимъ поэмомъ, принадлежитъ неоспоримо

Гальскому Барду Оссіану. Хотя Мекзерсонъ, говорилъ Авшоръ, и увѣрялъ, что онъ переводилъ Оссіана слово въ слово, но онъ выпускалъ цѣлыя спроки, другія вставлялъ, или измѣнялъ по своему произволу. Ни одно почти изъ любимыхъ его выраженій не встрѣчается въ Гальскомъ подлинникѣ, напр. другіе дни, другіе годы, праздникъ чапъ, мрачно капиційся, темное паденіе скалъ, спремипельный вой, и проч. Мекгрегоръ передалъ древняго спихопворца во всей первобытной его простотѣ; новый переводъ приходишь почти спрока въ спрокъ съ подлинникомъ, и даже самый размѣръ его сохраненъ съ необыкновенной вѣрностью. Для занимающихся Англійской литературой, книга Мекгрегора въ высшей степени любопытна.

ГРАВЮРЫ РАФ. МОРГЕНА. Во Флоренціи, у одного продавца картинъ, находилъсь теперь въ продажѣ рѣдкое собраніе всѣхъ гравированныхъ на мѣди произведеній Рафаела Моргена, кошорыя едва ли могутъ быть опять собраны съ такою полнобою. Начиная отъ визитной карточки, выгравированной Моргеномъ, для своего отца, до превосходной гравюры Тайной Вечери, снятой съ картины Леонардо да Винчи, здѣсь заключаюцца всѣ пруды этого плодовитаго художника. Собраніе это состоить изъ 450 листовъ и нѣтъ замѣчательнѣе, что оно содержишь въ себѣ не только по нѣскольку экземпляровъ большей части его картинъ, но даже и многіе пробныя ошписки, кошорыя объясняютъ способомъ и средствомъ, какія употреблялъ Моргенъ въ своихъ работахъ. — Къ этому собранію принадлежатъ также всѣ книги, украшенныя его гравюрами, и даже нѣ сочиненія, въ кошорыхъ говорилъся о произведеніяхъ этого знаменитаго художника.

СТАТУЯ ВАВАРІИ. Близъ Мюнхенскаго Королевскаго Лейпнаго двора возвышился теперь огромный песочный балаганъ, нарочно построенный для спашуи Баваріи, кошорой вышина предположена въ 54 фута. Объ огромности этого необыкновеннаго пластическаго произведенія можно заключить изъ того, что уже почти два года какъ работаютъ надъ одной ея формой, и что 17 плоховъ заняты на р. Изарѣ доставкою глины, изъ Оберланда. Семь лѣтъ положено для ошлиптія спашуи. Не смотря на холодную Нвйбрскую погоду, художникъ Шваншалеръ продолжалъ, съ своими помощ-

никами, работу въ балаганѣ, и наблюдалъ за тщательнымъ исполненіемъ отдѣльныхъ частей. Балаганъ, при всей огромности своей, такъ устроенъ, что верхъ легко можеть быть разобранъ, когда нужно будетъ поднять спашую, изъ печавой ямы, въ кошорую она шеперь углублена «ушовъ на 30. Основъ спашуи также самымъ искуснымъ образомъ устроенъ для разборки, по часнямъ. Эта спашуга, сколько извѣстно, поставлена будетъ на высотѣ, у подошвы кошорой разспилается такъ называемый Терезинъ лугъ, пропивъ спрочющейся въ Дорническомъ вкусѣ галлерей славы, кошорая украсится мраморными спашугами знаменитыхъ мужей Баваріи, числомъ на первый разъ до 200. —

ВИЛЬМЕНЬ. Парижскіе журналы много шумятъ объ улучшеніяхъ, сдѣланныхъ Вильменемъ по часни изродоваго образованія. Дѣло въ томъ, что при высшихъ окружныхъ училищахъ, предположено учредить реальныя школы. Намъ здѣсь кажутся удивительно шолько шо, что онѣ давно уже не заведены во Франціи, и что Минисътръ Народнаго Просвѣщенія находится шеперь въ большомъ затрудненіи, какимъ образомъ ихъ устроишь.

ЗАМѢЧАНІЯ О ДѢЛѢ Г-ЖИ ЛАФАРЖЪ (*).

Лѣтописи уголовного судопроизводства обогатились въ послѣднее время однимъ замѣчательнымъ эпизодомъ.

На вопросъ предложенный по окончаніи преній Президентомъ Суду присяжныхъ Коррезскаго департаментша во Франціи, — живиовна ли Марія Форшюне Капель, вдова Лафаржъ, въ убіеніи своего мужа посредшвомъ вещешствъ, способныхъ причи-

(*) Издашель получилъ эти замѣчанія при слѣдующемъ письмѣ. Сочинишель, кажется, молодой человекъ, но кто бы онъ ни былъ, онъ, видно, можеть сказашъ о себѣ: *Non sum, nihil humania me alienum esse puto. Ред.*

„Прилагаемую спашую, прошу васъ покорѣйше, если будетъ возможность, напечаташъ въ Москвитинѣхъ: я желалъ этого въ шо время, когда писалъ ее также, какъ и шеперь.

Я чувствую, что она имѣеть много недоспанковъ, знаю, что для большей часни вашихъ читателей въ ней нѣтъ ничего интереснаго — при всемъ томъ въ эту минушу для меня нѣтъ другаго сильнѣйшаго желанія.

нишь смерть и дѣйствительно ее причинившихъ“ Судъ ош-
вѣчалъ :

„Да, она виновна по мнѣнію большинства.“

„Да, по мнѣнію большинства есть обстоятельства,
уменьшающія вину.“

Она оправдала своего мужа намѣренно, продолжала это
оправленіе цѣлый мѣсяцъ, притворилась въ это время пре-
данною мужу, и упорно защищала свою невинность.

Ясно, что въ ошвѣстѣ Гг. присяжныхъ прошиворѣче.
Надобно уничтожить или виновность, или обстоятельства
ее уменьшающія.

При убѣжденіи судей — не должно быть пощады.

Безъ полного убѣжденія — еще увертка не можешь
облегчить ничьей совѣсти.

Цѣлая Европа занимается этимъ дѣломъ. Что за при-
чина? Едва ли осужденіе виновнаго при законности судопро-
изводства могло возбудить такое участіе. Другое дѣло во
Франціи, гдѣ существуютъ друзья и недруги.

Мы думаемъ, что незаконность судопроизводства бы-
ла причиною этого явленія. Не убѣждены въ виновности об-
виняемой, потому что она не доказана.

Трудъ, очевидно безкорыстный, изученіе дѣла въ продолженіи цѣ-
лаго мѣсяца, спашья — плодъ тяжкаго спраданія, болѣзненнаго и про-
должительнаго шѣсенія груди, многихъ слезъ, пролитыхъ мукою въ
дѣлѣ совершенно чужомъ для него лично, и многихъ ночей, проведенныхъ
безъ сна отъ душевнаго расстройства, я думаю стоимъ того, чтобы
нѣсколько человекъ обратили на нихъ вниманіе.

Между тѣмъ, если не моя спашья, то по крайней мѣрѣ самое дѣло
имѣешь кажешь большой интересъ. Тогда какъ по нашимъ законамъ,
допустивши данное слѣдствіе, допустивши враждебный для обвиняемой
ходъ дѣла, не льзя сдѣлать другаго рѣшенія, какъ ошдать дѣло на судѣ
Богу, конституціонная Франція, страна личной свободы, осуждаетъ на
вѣчныя цѣли человекъ, потому что не льзя доказать его вины. (Если
бы преступленіе было доказано, тогда не было бы *circumstances atténuan-
tes*, тогда казнь на эшафотѣ была бы воздвигнемъ за преступленіе).

Я хотѣлъ дожидаться, пока выдетъ оспальная часть процесса въ
Юридическѣхъ запискахъ Профессора Рѣдкина, но одно обстоятель-
ство заставило меня поспѣшить. — Я встрѣчилъ на Русскомъ языкѣ
нѣсколько миледькихъ шуточекъ на счетѣ Г-жи Лафаржъ.

Я не оспавляю этого дѣла, пока не приведу того, что въ немъ
есть, въ совершенную ясность. Но это наслѣдованіе не будетъ? въ пе-
чати. Я сокращаю его въ своемъ портфельѣ для себя и для шѣхъ людей,
которые будутъ интересоваться имъ, и захошашъ поговорить со мною
лично.“

Лафаржъ умеръ. Въ остаткахъ его тѣла найденъ мышьякъ. Слѣдуетъ, онъ отправленъ.

Что Лафаржъ умеръ, никто не будешь спорить.

Мы вѣримъ, что Г. Орфила нашелъ мышьякъ.

Но слѣдуешь ли изъ этого, что Лафаржъ умеръ отъ осправы?

Найденнымъ количествомъ мышьяку, если его увеличить вчетверо, нельзя оправить человека.

Но мышьякъ всосался.

Позвольте — отъ чего умеръ больной? Отъ воспаления желудка и кишокъ. Это доказывается вскрытиемъ трупа. Явленія, сопровождавшія болѣзнь — рвоша и лихорадка. Рвоша была такъ сильна, что извергала все жидкое. (См. показаніе Г. Барду). Слѣдов. пищеваренія не было, слѣдов. всасыванія не было, слѣдов. весь мышьякъ, поглощенный Лафаржемъ, долженъ оспаться или въ желудкѣ, или въ веществехъ, извергнутыхъ рвошою. —

Положимъ, что въ желудкѣ трудно было отыскать мышьякъ, и попому Гг. Дюбуа и Г. Дюпюиспрень не нашли его; — но мы не можемъ объяснить, какъ они не нашли его въ веществехъ, извергнутыхъ рвошою. Соединеніе здѣсь не могло быть сильно.

Мы заключаемъ, что въ желудкѣ и кишкахъ былъ мышьякъ, но въ веществехъ, извергнутыхъ рвошою, его не было.

НВ. Касапельно веществохъ, извергнутыхъ рвошою, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать одно замѣчаніе. — Семейство Лафаржа начало подозрѣвать осправленіе 11-го Января. — Рвоша была при Г. Массена 10-го числа, но Г. Барду далъ больному немного хлѣба, размоченнаго въ винѣ — рвошы не было. Г. Леспинасъ говоритъ, что его призвали въ ночь съ 12-го на 13-е. И хотя Г. Деку въ обвиненіи упоминаетъ о рвошѣ, но медикъ показываетъ, что онъ нашелъ — *блѣдность, истощеніе, иканье, колики, судороги, обмороки*. Въ глазахъ медика рвоша очень важное явленіе, и попому Г. Леспинасъ не могъ позабыть ея. Слѣдов. рвошы въ это время не было.

Была ли рвоша между отъѣздомъ Г. Барду и пріѣздомъ Г. Леспинаса? Это не вѣроятно. Медикъ не позабылъ бы упомянуть объ этомъ общепельскихъ. Слѣдовательно въ послѣдній разъ рвоша была во время пріѣзда Г. Массена — слѣ-

дов. прежде, чѣмъ въ семействѣ Лафаржа явились подозрѣнія. Отчего произошла эта послѣдняя рвота? Отъ личной похлебки. Кто готовилъ ее, кто давалъ ее? Въ процессѣ не показано. Личной похлебки, приговоренной послѣ и приправленной по обвиненію мышьякомъ, не пилъ больной. —

Спрашивается — если съ шѣхъ поръ, какъ стали подозрѣвать оправданіе, рвоты не было, то какъ могла придти въ голову членамъ семейства Лафаржъ мысль собрать и сохранивъ веществу, извергнутому рвотой? Мнѣ скорѣе кажется, что кто нибудь изъ семейства былъ *уверенъ въ отравленіи прежде, чѣмъ сталъ подозрѣвать его.*

Когда началось воспаленіе? Прежде пріѣзда въ Гландье. Слѣдовательно оно продолжалось по крайней мѣрѣ восемь или девять дней при сходныхъ явленіяхъ.

Больше — первые припадки и первое леченіе было 18-го Декабря. Болѣзнь усилилась впоследствии.

Г. Барду лечилъ больного пивками и слизистыми. Г. Массена опиумъ. Г. Леспинасъ перекисью желѣза.

По обвиненію Г-жа Лафаржъ кормила больного мышьякомъ, — по словамъ обвиняемой — камедью.

Для чего камедь? Для того, что Г. Барду велѣлъ давать слизистыя.

Какъ могла придумать Г-жа Лафаржъ, что камедь полезна? Но, Мм. Гг., это знаютъ многія дамы въ Москвѣ — слѣдов. и въ Парижѣ.

Можешь бышь Г-жа Лафаржъ давала лѣдъ и прошивуліе вмѣстѣ? Это невѣроятно: для какой цѣли?

Для немедиковъ замѣтимъ, что камедь, прикрывая стѣнки желудка, препятствовала бы раздраженію его мышьякомъ, слѣд. способствовала бы изверженію его рвотой.

Слѣдов. въ веществе, извергнутомъ рвотой, долженъ бы быть найшисъ мышьякъ, еслибъ больной принималъ его въ Гландье. Этого не было.

Мы заключаемъ изъ этого: а) что воспаленіе началось отъ поглощенія мышьяку.

б) Что оно усиливалось поспешенно какъ отъ продолжающагося раздраженія, такъ и отъ пренебреженія воспалительнаго леченія.

с) Что въ Гландье больной не принималъ мышьяку.

Какимъ образомъ произошла смерть? Воспаленіе перешло въ омертвѣнію (gangraena) въ двѣнадцати-дюймовой кишкѣ. (См. Анапомическое изслѣдованіе). —

Слѣдовательно — центромъ болѣзни была двѣнадцатидюймовая кишка (duodenum): въ желудкѣ и оспальной части кишечнаго канала воспаленіе было слабое. —

Но если опрaвленіе произошло въ Гландѣ, то это явленіе не могло случиться.

Пищеваренія не было: слѣдов. мышьякъ не проникалъ въ кишки. Онъ долженъ былъ или оспасть въ желудкѣ, или быть извергнутъ рвою. Слѣдов. главнымъ мѣстомъ болѣзни долженъ былъ быть желудокъ. Воспаленіе кишекъ должно было быть слабое.

Изслѣдователи полагаютъ, что мышьякъ всосался.

Посмотримъ, есть ли путь какаго нибудь върояноспы. Для этого нужно разобрать опыты Г. Орфила.

а) Четверть желудка изслѣдована вмѣстѣ съ веществами, извергнутыми рвою, и съ жидкостями, заключающимися въ желудкѣ.

Опытъ не точенъ. Вмѣстѣ всего этого изслѣдовать нельзя. Если больной опрaвленъ въ Гландѣ, самое большое количество мышьяку должно содержаться въ жидкостяхъ, извергнутыхъ рвою: въ желудкѣ должно находиться меньшее количество.

Если больной опрaвленъ до пріѣзда въ Гландѣ, тогда въ веществахъ, извергнутыхъ рвою, не могло найтись нисколько мышьяку: въ желудкѣ могъ быть мышьякъ. Такъ върояно и было.

Слѣд. желудка нельзя было соединять въ опытѣ съ жидкостями.

б) Часть грудныхъ и брюшныхъ органовъ, печени, сердца, кишекъ и мозга подвергнута разсмотрѣнію вверху, — и при томъ въ два пріема. Въ первый пріемъ — изслѣдована жидкость, происшедшая отъ кипяченія вѣшихъ веществъ: во второмъ изслѣдованы швердые ослапки. Въ послѣднемъ пріемѣ мышьяку найдено покрайней мѣрѣ въ двѣнадцать разъ больше, чѣмъ въ первомъ.

Опытъ не точенъ въ высшей степени. Мышьякъ могъ быть въ кишкахъ, но не могъ быть въ мозгѣ, въ сердцѣ, въ печени. Слѣд. кишки слѣдовало ошдѣлять отъ этихъ органовъ.

Мнѣ возразить всасываніемъ. — Но Г. Орфила опровергаетъ это самъ. Еслибы было всасываніе, тогда мышьякъ долженъ былъ размѣшпирься равно во всѣхъ мягкихъ частяхъ шѣла Но

с) Въ часши мышечной ливани, — взяшой опъ бедра, Г. Орфила не нашель мышьяку.

Но эта часшь слишкомъ мала? Г. Орфила могъ опкрышь количесшво мышьяку въ 12 разъ меньшее, чѣмъ во вшоромъ опытѣ. Не вѣрояшно же, чшобы во вшоромъ опытѣ онъ имѣлъ для изслѣдованія двадцать чешпыре фунша.

Мы заключаемъ, чшо изслѣдованіе Г. Орфила не имѣеть надлежащаго судебно-медицинскаго досшоинсшва. Оно доказываетъ шолько, чшо ешь мышьякъ въ шѣлѣ Лафаржа, но не доказываетъ, чшо мышьякъ всосался другими органами, и чшо онъ находилсь въ жидкостяхъ, содержимыхъ желудкомъ, и въ жидкостяхъ, извергнутыхъ рвошою.

Съ другой спороны — изъ вшнихъ опышовъ видно, чшо въ кишкахъ было болѣе мышьяку, чѣмъ въ желудкѣ. — Слѣдъ мышьякъ былъ принишь еще шогда, когда пищеваеніе совершалось, — слѣдъ прежде прѣзда въ Гландѣ и при самомъ началѣ воспаленія. —

Прежде чѣмъ перейдемъ къ другой часши дѣла, повшоримъ еще разъ наши положенія, для шого, чшобы онѣ были понятны для всѣхъ и каждаго.

1. Больный умеръ опъ воспаленія желудка и кишекъ.
2. Воспаленіе началось опъ поглощенія мышьяку.
3. Воспаленіе началось прежде прѣзда въ Гландѣ.
4. Въ Гландѣ больной не принималъ мышьяку.

Опкуда же происходишь оправленіе? виновна ли въ немъ Г-жа Лафаржъ?

Обвиненіе основывается:

- A. На показаніяхъ свидѣтелей.
- B. На пишьяхъ, содержавшихъ ядъ.
- C. На посшороннихъ обшоительсшвахъ.

A. *Показанія свидѣтелей.*

1. Г-жа Лафаржъ мать. Она не можетъ быть допущена до свидѣтельсшва по слѣдующимъ соображеніямъ:

а) Вещества оправленные, служація доказательсшвами въ дѣлѣ, были до самаго слѣдсшвія въ ея комнатахъ. Слѣдовъ она должна быть подсудимою.

в) Она по собственному ея призванію подозрѣвала оправленіе, но не воспрещаяспивовала ему, не дала знать полиціи. Слѣдов. она должна быть судима, какъ участница преслупленія.

с). Не успѣвши ни опшратити опшравленія, ни дать знать кому слѣдовало, она успѣла убѣдити въ немъ своего сына, что вѣроятно и было причиною перемѣны завѣщанія.

NB. Вообще спашья о завѣщаніяхъ въ процессѣ ужасно запушана. Когда было сдѣлано завѣщаніе въ пользу матери и сестры — мы не могли найши опшвѣща на этошъ вопросъ.

д) По свидѣтельству слесаря Жана Поршье, въ самый день смерти Лафаржа она разломала комодъ Гжи Лафаржъ, и похишила општуда бумаги. При этомъ случаѣ надобно вспомнити, что нѣкоторыхъ нужныхъ бумагъ не оказалось въ дѣлѣ.

2. Г-жа Бюфьеръ не можетъ быть допущена до свидѣтельства по шѣмъ же соображеніямъ.

При этомъ завѣщаніе, сдѣланное Лафаржемъ въ пользу жены, замѣнено другимъ — въ пользу матери и ея рода. Конечно, Лафаржъ имѣлъ право передѣлать завѣщаніе, но для этого нужно было, чтобы первое завѣщаніе было уничтожено законнымъ образомъ, а второе подтверждено законными свидѣтелями. Слѣдов. освободившись отъ суда, Г-жа Лафаржъ не преминула бы опшгискивать своихъ правъ, а слѣдов. семейство Бюфьеръ могло поперять право на наслѣдство и привилегію; тогда какъ по осужденіи Г-жи Лафаржъ это право оспавалось безспорнымъ.

Прибавимъ къ этому, что Г. Бюфьеръ опещъ сказалъ разъ Эшьену Буклею, одному изъ свидѣтелей въ процессѣ, что единственное средство поправить дѣла семейства Бюфьеръ состоитъ въ осужденіи Г-жи Лафаржъ, потому что тогда можно бы было взискать съ нея вознагражденіе за убытки.

3. Дѣвица Анна Брюнъ. Чтобы опредѣлити, можно ли вѣрити этому свидѣтелю, мы должны раземопрѣти какъ его свидѣтельство, такъ и его поспупки.

а) Дѣвица Брюнъ по собственнымъ ея словамъ кончила поршрелтъ 14-го Декабря. После этого она оспавалась въ домѣ. Надобно бы было узнать, по какому побужденію.

б) Дѣвица Брюнъ помнитъ, что Г-жа Лафаржъ выходила изъ комнашы, чтобы искать коробочки для пироговъ

но не помнишь, видѣла ли коробочку. Это обстоятельство не было упомянуто въ первомъ письменномъ показаніи, какъ оно ни важно. Свидѣтель представилъ его уже тогда, когда въ показаніи Парана слышно извѣстно, что пирожекъ полученъ въ коробочкѣ.

с) Въ продолженіи всей болѣзни Лафаржа дѣвица Брюнь подсматриваетъ за Г-жею Лафаржъ, слѣдишь за каждымъ ея шагомъ, спрашиваетъ, и пр. и пр. Это наводитъ подозрѣніе.

д) Дѣвица Брюнь во время своей болѣзни у Г. Фленьяша, какъ будишь въ испугу, дѣлаетъ видъ, что она размышляетъ что-то пальцемъ.

е) Наконецъ вмѣстѣ съ другими или прежде другихъ она подозрѣваетъ оправданіе, но не принимаетъ никакихъ мѣръ ни къ предохраненію его, ни къ извѣщенію Полиціи.

4. Дени. а) Два имени — Дени для Гландье, и Барбье для Парижа.

б) Подпись и выпускъ въ оборотъ фальшивыхъ векселей.

с) Независимъ къ обвиняемой.

д) Подозрѣніе, высказанное имъ еще въ началѣ болѣзни Лафаржа, при кошоромъ однакожъ онъ покупаетъ мышьякъ для Г-жи Лафаржъ.

е) Поѣздка въ Парижъ, скрытая отъ Г-жи Лафаржъ, по причинамъ, кошорыхъ онъ не открылъ передъ судомъ.

Мнѣ кажется, что только Г. Генераль-Адвокатъ Деку могъ допустить этого человѣка въ свидѣтели.

В. Отравленныя вещества.

Первый вопросъ: откуда и какъ онѣ доставлены для изслѣдованія?

До слѣдствія онѣ хранились въ комнатахъ Г-жи Лафаржъ мапери, незакрытыя, запечатанныя.

У васъ пропадаетъ вещь: она оказывается у меня. На меня первое подозрѣніе — неправда ли?

Въ первомъ опдѣлѣ нашей сшапши мы кажется доказали доспащочно, что Лафаржъ не принималъ мышьяку въ Гландье.

Чѣмъ доказано, что эти вещества отправила Г-жа Лафаржъ? Свидѣтелями? Но ихъ нѣтъ.

Личную похлебку готовила Г-жа Бюфьеръ, не смотря на то, что обвиняемая хотѣла приготовить ее сама.

Дѣвица Брюнъ видѣла, что обвиняемая положила шуда что-шо, и размѣшала пальцемъ. — По словамъ обвиняемой эшо камедь.

Личная похлебка сполла долго на каминѣ.

Личной похлебки не пилъ больной.

Гг. изслѣдователи, опѣскавши мышьякъ, не хотѣли поискать камеди, что было очень важно и очень легко.

Г. Эссартъ нашелъ камедь.

Надобно предположить, что Г-жа Лафаржъ положила въ личную похлебку два порошка — мышьякъ и камедь. Но эшого не видно даже изъ свидѣтельска дѣвицы Брюнъ.

Здѣсь бросаешь въ глаза одно обстоятельство. Въ оспашкѣ личной похлебки найдено сполько мышьяку, что его было бы доспашочно для оправленія десяти человекъ. Предполагал, что Г-жа Лафаржъ отправила своего мужа, мы должны заключить, что она отправляла его большими приемами. Не возможно же, чтобы, всыпавши разъ такое количество, въ другое время она всыпала по одному грану.

Мы не будемъ говорить о безопасности обвиняемой, о ея невѣроятной неоспорожности. Мы адресуемъ нашихъ читателей къ рѣчи Г. Палье.

Тоже — или почли позже должно сказать о сухарной водѣ, о подслащенной водѣ.

Баночка съ мышьякомъ ещѣ явная нелѣпость въ опношеніи къ обвиненію.

Дѣвица Брюнъ видитъ баночку, видитъ, что обвиняемая беретъ ошшуда что-шо и всыпаетъ въ подслащенную воду. Баночка ошшаетъ въ незапертомъ ящикѣ. Дѣвица Брюнъ показывается ея между прочимъ Г. Леспинасу. Г. Леспинасъ убѣжденъ, что эшо мышьякъ. Трудно ли было законнымъ образомъ запечатать комодъ? Трудно ли было поймать обвиняемую на мѣстѣ пресупленія? Эшого не сдѣлано. Даже не успѣли досмотрѣть, какъ и когда пропала баночка, въ шо время, какъ обвиняемая послѣ не оставалась одна. Вопг до чего доходитъ премудрость людей!

Почему при всемъ эшомъ не показали обвиняемой, что ее подозрѣваютъ?—Виновать, показали, что подозрѣваютъ оправленіе. Г-жа Лафаржъ мать говорила объ оправленіи своего мужа, прибавляя къ эшому, что можетъ быть, и сынъ ея оправленъ. Спраивая вѣрность предчувствій!

Ящикъ съ комедью. Въ первомъ изслѣдованіи въ распылѣннѣ камеди не оказалось мышьяку.

Въ пакетѣ камеди, доставленномъ Г. Фленъяшомъ нашелся мышьякъ въ маломъ количествѣ.

Въ ящикѣ, переданномъ обвиняемою дѣвицѣ Пушье, нашелся мышьякъ.

Это единственнае обшпояпельство, которое могло бы служить доказательствомъ виновности обвиняемой.

Но Г-жа Лафаржъ принимаетъ комедь сама.

Она передаетъ ее для доставленія суду.

Тамъ, гдѣ нарушается неприкосновенность печашей, тамъ, гдѣ шайно взошедши въ чужую комнату, считающъ себя въ правѣ въ описуемѣи хозяйка ломать замки и похищать бумаги, тамъ, гдѣ основывался на какомъ нибудь подозрѣніи, слыша спраданаія больнаго, происходяща по предположенію отъ яда, свидѣтели и врачи жадаютъ, чтобы его принято было достаточное количество для оправленія, какого подлога мы не можемъ ожидать?

С. Постороннія обстоятельства.

1. *Покупка мышьяку.* Причины этой покупки объяснены обвиняемою достаточно. Его нужно было значительное количество для испребленія мышей.

Въ этомъ я вижу скорѣе оправдывающее, чѣмъ обвиняющее обшпояпельство. Мышьякъ покупался явно. Вероятно ли, чтобы женщина, которая думаетъ оправить своего мужа, захотѣла такъ явно покупать средство оправы.

Обстоятельства, сопровождающія покупку.

а) *Письмо къ Эссартъ.* Но въ этомъ письмѣ нѣтъ ничего спранныаго. Такъ бы спалъ писашъ я, вы, всѣ.

б) *Приказаніе не сказывать свекрови.* Но такъ ли было — неизвѣстно. Дени нельзя вѣрить.

2. *Посылка пирога.* По нашимъ соображеніямъ, пирогъ былъ подмѣненъ на почтѣ. Мы въ возраженіи печашами: но шрудно ли поддѣлать печашу, если не шрудно поддѣлывать векселя, письма и пр.?

а) Ящикъ пролежалъ на почтѣ до оправленія цѣлыя суши.

б) Ящикъ полученъ въ Парижѣ заколоченный гвоздями, чего въ Гландѣ не было.

с) Ничто не доказываетъ, что Г-жа Лафаржъ послала пирога.

д) Письмо ея пропало изъ дѣла, равно какъ и письмо ея свекрови.

е) Г-жѣ Лафаржъ негдѣ было приготоовить пирога.

ф) Невозможно было, чтобы Г-жа Лафаржъ послала пирога вмѣстѣ съ письмомъ, которое могло служить уликою.

г) По словамъ обвиняемой, пирожки были завернуты въ бумагу. Пирогъ полученъ въ коробочкѣ. Спрашивается — кака была нужда обвиняемой скрывать, что была коробочка? Свидѣтельствомъ дѣвицы Брюнъ не стоить доверять. Здѣсь приходится въ голову одно предположеніе. Письмо Г-жи Лафаржъ пропало изъ дѣла. Пироги подмѣнены. Невѣроятно, чтобы ихъ подмѣнила Г-жа Лафаржъ; съ другой стороны очень вѣроятно, что ихъ подмѣнилъ ктонибудь другой. Не поддѣлано ли, или не подправлено ли было самое письмо? Допустивши это предположеніе, мы легко объяснимъ упрасу письма. Еслибъ оно нашлось, тогда въ немъ видны бы были почиспки или поправки, а это совершенно разрушило бы систему обвиненія.

Съ другой стороны, предполагая, что Г-жа Лафаржъ похишила письмо, мы не можемъ себѣ объяснить слѣдующихъ вопросовъ: а) почему Г-жа Лафаржъ не написала другаго письма, которое бы могло служить доказательствомъ въ ея пользу; и б) почему она не уничтожила письмо Лафаржа, которое было такъ важно для обвиненія.

Мы преслѣдуемъ далѣе это общепельство, потому что въ нашемъ убѣжденіи оно служило основой дѣла. Пирогъ былъ отправленъ Лафаржъ въ девять часовъ вечера съѣлъ кусокъ пирога. Онъ вышелъ изъ госпиталицы и воротился послѣ полуночи. Съ нимъ началась рвота — здѣсь начало воспаленія. Ясно, что пищевареніе въ желудкѣ въ продолженіи чепырехъ часовъ могло совершиться хоть въ половину. Слѣдов. адъ вмѣстѣ съ пищею — часпю могъ перейти въ кишки, часпю бышь извергнутъ рвотою. —

Кромѣ Парана здѣсь является свидѣтелемъ цѣкшо Федиксъ *Бюфьеръ*. Замѣшьше, Мм. Гг., Бюфьеръ. Одно это имя

кажется, доспапочно, чтобы обратились особенное вниманіе на этого человека. Чшожь онъ показываешь?

а) Онъ видѣлъ пирогаъ и описываешь его форму, выслушавши напередъ Парана.

б) Ла-фаржъ чашаешь ему письмо своей жены, изъ котораго онъ помнишь только шѣ спроки, кошорыми пользуюешься обвиненіе.

3. Покража алмазовъ, равно какъ и письмо послѣ пріѣзда въ Гланде, на которое Ассизный Судъ обратилъ все вниманіе, не доказывающъ ничего и попому должны бышь выброшены изъ дѣла.

Прочія обспоятельствва доспапочно по нашему мнѣнію разсмотрѣны въ рѣчи Г. Палье.

Мы не можемъ удержаться здѣсь, чтобы не сдѣлашь оцѣнки дѣйствіямъ Г. Президентша, Г. Генералъ-Адвоката и Гг. защитниковъ обвиняемой.

1. Намъ неизвѣстны успавы французскаго судопроизводства: мы не знаемъ по какимъ причинамъ Г. Барни есць или былъ Президентпомъ Тюльскаго Ассизнаго Суда. Мы уважаемъ его умъ, его находчивость, его благонамѣренность, но мы желали бы болѣе безприсраспіа въ Президентшѣ, мы хотѣли бы, чтобы онъ упопробилъ свою власть и свой голосъ а сполько же въ допросахъ обвиняемой, сколько и въ допросахъ свидѣтелей, сполько же въ обспоятельстввахъ, обвиняющихъ Г-жу Ла-фаржъ, сколько и въ обспоятельстввахъ оправдывающихъ. Мы имѣемъ много причинъ думать, что въ продолженіи всего процесса Г. Барни явно былъ на споронѣ обвиненія. —

Почему напр. при слушаніи Г-жи Ла-фаржъ мащери не было предложено слѣдующихъ вопросовъ:

а) Для чего она приказала перенесшь оправленные вещища въ свою комнапу?

б) Для чего она вскрыла ящикъ комода обвиняемой и похишила ошпуда бумаги, и какія бумаги она похишила?

Я не думаю, чтобы споны и плачь свидѣтеля могли обезоружить ладкъ Президента.

Мы могли бы предспавишь щислячу подобныхъ опущеній, но здѣсь не мѣсто.

Скажутъ, можетъ бышь, что не нужно спрашивашь свидѣтелей шакимъ образомъ, но изъ этого можно было объяснить дѣло.

2. *Г. Деку*, *Генераль-Адвокатъ*, обвинитель. Оспывая должную справедливость его шаланпу и его благонамѣренности, мы не можемъ понять, какимъ образомъ можно было допустить его сиспему обвиненія. Въ судебномъ процессѣ все должно бытъ основано на законѣ. Положимъ, что *Г. Генераль-Адвокатъ* бытъ лично убѣжденъ, что *Г-жа Лафаржъ* виновна: но это убѣжденіе не было доказано. Можно ли же говорить о недоказанномъ, какъ о доказанномъ, о обвиняемой, какъ о обвиненной? и почему Судъ, сдѣлавши замѣчаніе на неважный промахъ *Г. Бака*, не сдѣлалъ ни одного замѣчанія *Г. Деку*? —

Какіяжъ средства обвиненія употребляетъ *Г. Деку*?

Онъ выводитъ свидѣтелей, недостоинныхъ довѣрія (*Г. Дени*), — онъ удаляетъ другихъ, кошорыхъ самъ вывелъ, когда они говорили прошивъ обвиненія (*Клеменшина Серва* и пр.).

Онъ вмѣняетъ въ вину подсудимой рукоплесканія, испоргнушыя слою слова его прошивника, или опчепомъ хитковъ-ислѣдовашелей.

Онъ группируетъ факты для того, чтобы подѣиспировать не силою доказательствъ, но ихъ множествомъ.

Онъ жалуется на сильное учаспіе, возбужденное дѣломъ *Г-жи Лафаржъ* въ публикѣ.

Онъ приспужаетъ къ обвиненію раскрытіемъ, съ черной стороны, характера обвиняемой; онъ скрываетъ дурныя стороны другихъ; онъ обнаруживаетъ домашнія шайны, немѣющія никакого юридическаго значенія; онъ цитуетъ, какъ доказательствъ, упреки онъ мащери къ дочери, онъ вмѣшиваетъ въ дѣло обспоятельствъ, чуждыя дѣла, для того чтобы изъ нихъ можно было видѣть вѣроплность обвиненія.

Мы не знаемъ, до какой степени проспираются права обвинителя во французскомъ судопроизводствѣ, но мы думаемъ, что многія мѣста рѣчей *Г. Деку* не могутъ бытъ допущены никакими законами.

3. *Г. Пале*, первый защитникъ *Г-жи Лафаржъ*.

Съ первыхъ словъ *Г. Пале* мы почувствовали въ себѣ шу безопчешную любовь, кошорую внушаетъ шаланпу однимъ звукомъ, однимъ словомъ. Съ истиннымъ наслажденіемъ мы читали его рѣчи, его вопросы, его возраженія. Прекрасно понимая значеніе правосудія, онъ не перешелъ ни въ одномъ мѣстѣ положенныхъ закономъ границъ. Въ его словахъ видно полное, чистое убѣжденіе.

Но это убъжденіе, сначала, мож. бытъ безобщечное, это предощуценіе истины, свойственное людямъ съ его талантомъ, должно было выразиться на-дѣлѣ, въ доказательстввахъ. Мы недовольны изложеніемъ дѣла, предложеннымъ Г. Палье. Въ этомъ мы не винимъ его: мы жалѣемъ только, что обстоятельствова воспріяшшшвовали полную развишію его мысли.

а) Г. Палье началъ защищать обвиняемую, опираясь на слѣдшшіе. Сколько произошло послѣ этого перемѣнъ?

б) Г. Палье не имѣеть достаточныхъ медицинскихъ и химическихъ свѣдѣній для того, чтобы разсмотрѣть дѣло съ этой стороны. Какое нибудь слово Химика, какой нибудь техническій терминъ изслѣдователя, дѣлался въ его глазахъ неопровержимымъ доказательствомъ.

в) Г. Палье или не имѣеть или не хочеть высказать опредѣлительно своего мнѣнія объ оправданіи. Онъ не вѣрять ему, мнѣ кажется, по неумѣстному добродушію. Онъ дѣлаетъ разныя предположенія для объясненія свидѣтельства Парана. Признаюсь — эти предположенія довольно спорны въ устахъ такого человека.

д) Можеть бытъ для испребленія предубѣжденія судей и нужно было чинать письма, можеть бытъ Г. Палье, по убѣжденію, отвѣчалъ такою защитою на такое же обвиненіе: но намъ кажется это неумѣстнымъ. Надобно бы было оспаривать эти пункты, эту переписку, эту придирику обвиненію. Защитеніе имѣеть достаточную силу безъ нихъ. Мы не понимаемъ, чего искали въ нихъ защитники.

е) Излишествова доводовъ и выводовъ, допущенныхъ Г. Палье, не помѣшало однакожъ ему упустишь изъ виду нѣкошорыя довольно важныя обстоятельствова.

4. Учаспіе въ дѣлѣ Г. Бака доставило ему нѣсколько прекрасныхъ, одушевленныхъ страницъ, которыя можно прочесть съ большимъ удовольствіемъ; но въ самомъ процессѣ Г. Бакъ ничего ни прибавилъ, ни убавилъ.

Мы увѣрены, что для всѣхъ внимательныхъ не-Французовъ и для многихъ внимательныхъ Французовъ наше оправданіе достаточно. Представимъ теперь кратко наше мнѣніе объ этомъ дѣлѣ, какъ оно было: —

1. Лафаржъ былъ отправленъ въ Парижъ пирогомъ, 18 го Декабря, слѣдоват. въ то время, когда впрямую стало получе-
неніе привилегіи. Доказательства оправленія выше.

2. Отправить его могъ тотъ, кому привилегія могла быть
полезна. — Въ эпоху согласна сама Г-жа Лафаржъ мать.

NB. Въ эпоху время едва ли было извѣстно завѣщаніе, сдѣ-
ланное Лафаржемъ въ пользу жены.

3. Приготовить пирогъ не мѣл было въ Гландье, по это-
му его приготовить могъ тотъ, кто или не былъ въ Гландье,
или часто отлучался не извѣстно куда.

4. Подмннить пирогъ могъ тотъ, кто легко могъ поддѣ-
лать печати.

5. Отправленіе совершилось не скоро: между тѣмъ стало
извѣстно завѣщаніе, сдѣланное Лафаржемъ въ пользу жены.

6. Тутъ явился новый планъ, планъ обвиненія.

NB. Съ эпохи времени выказываются ясно дѣйствующія
лица драмы. Распускаются слухи, говорятъ объ оправленіи,
не указывая однакожь оправившела.

7. Лафаржъ былъ боленъ; предполагали, что онъ ум-
ретъ: надобно было очернить жену въ его глазахъ, для того.
чтобы не подтвердилось завѣщаніе въ ея пользу.

8. Но такъ какъ первое завѣщаніе не было уничтожено за-
коннымъ образомъ, по этому нужно было полное обвиненіе Г-жи
Лафаржъ.

9. Этого было мало. Нужно было скрыть обвиненіе отъ
самой обвиняемой, равно какъ и новое завѣщаніе, для того,
чтобы заставить ее заплатить нѣкоторые долги Лафаржа
изъ собственныхъ денегъ.

Расчетъ благоразумный, попому что была ли бы каз-
нена Г-жа Лафаржъ, или заключена въ шюрму, деньги для
ней не нужны.

Хотя изъ самаго процесса мы могли бы извлечь множе-
ство доказательствъ въ пользу нашего мнѣнія, но мы не
распространяемся болѣе объ эпоху и не именуемъ дѣйствую-
ющихъ лицъ. Для того, чтобы сказать навѣрное — шакъ
было или нѣтъ, нужно бы было произвестъ новое слѣдствіе.

Будетъ время, и, можетъ быть, скоро, когда испина
явится передъ глазами людей вполне, безъ покрова, когда
пресупленіе, покрытое двойною маскою, обнаружится во
всемъ своемъ гнусномъ видѣ, когда слезы состраданія, извле-
ченныя оклеветанною невинностью, будутъ лишь ручьями

изъ глазъ чувствительныхъ людей, и, можетъ быть, мучительная горестъ, слѣдствіе упорнаго заблужденія, оправишь души многихъ. Да, придетъ это время, придетъ, можетъ быть, для того, чтобы уничтожишь душевное спокойствіе, чтобы разрушишь самодовольствіе служителей правосудія.

Но поздно придетъ оно для осужденной. Въ то время, какъ Европа еще занимается ея дѣломъ, она безпомощно поминя въ тюрьмѣ; въ то время, какъ въ Лондонѣ, Берлинѣ, въ Москвѣ, можетъ быть и въ Парижѣ, возбуждено къ ней участіе, никто не въ силахъ облегчить ея мукъ. Можетъ быть ей суждено погибнуть жертвою ошибки людей!

Но судъ людей можетъ ошибаться; есть судъ другой, который не ошибается. Если невинна эта женщина, какъ мы вполне убѣждены, тогда она получитъ должное воздаяніе за свои спрдаданія. Между тѣмъ ей оспается одно утѣшеніе въ ея невинности, и это утѣшеніе можетъ еще подкрѣплять и услаждать горестную жизнь. И такъ пусть надесть она; пусть свершится надъ нею опредѣленіе Промысла, пусть дастъ она горестный урокъ людямъ, — можетъ быть ей не долго жить, — пусть умретъ она, но ея могила орошится слезами добрыхъ, ея память испорченъ вздохъ изъ безприсрастной груди.

Не лице, не Г-жа Ла-фаржъ занимаешь насъ теперь: мы проникли другимъ интересомъ — интересомъ правосудія. Невинна ли она, виновна ли она, во всякомъ случаѣ правосудіе поспрадало въ ея дѣлѣ. Осужденіе обвиняемаго безъ доказательствъ, основанное на одномъ убѣжденіи, можетъ быть на одномъ предубѣжденіи, есть такое пятно, запахъ кошораго, по выраженію Леди Макбетъ, не испребитъ всѣ ароматы Аравіи. Но правосудіе воспржествуетъ надъ ошибкою, и горе людямъ, которые думаютъ обмануть его или сдѣлать изъ него игрушку!

Оно уже начинаешь споржествовать. Участіе Европы, общій голосъ внѣ Франціи не лучшее ли доказательство его споржества? А во Франціи между тѣмъ переспали, по увѣренію самихъ Французовъ, объ этомъ думаетъ. Но это не надолго.

Мы оканчиваемъ наши замѣчанія доспомятными словами нашего мудраго законодателя: „Лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго.“

МОСКВИТЯНИНЪ.

1842.

ЧАСТЬ I.

№ 2.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I

РУССКІЕ ПРОСЕЛКИ.

Скажите, званіель, чесные господа,
Что значить Русскими проселками ъзда?
Вамъ сплошь Европа вся изъ края въ край знакома:
Въ Парижъ, въ Лондонъ и въ Вѣнѣ вы какъ дома.
Докажитесь шуда по гладкому шоссе,
И думаете вы, что шакъ и ъздайтъ всѣ,
И всѣ ъзжали шакъ, что лежа какъ на розахъ
Родъ человѣческой всегда ъзжалъ въ дормезахъ:

.....
.....

Счастливицы, (какъ бы къ вамъ завербовашься въ секпу?)
Россію знаете по Невскому проспекпу,
Да по Симбирскому Бурмиспру, въ вѣрный срокъ

Кн. II

1

Къ вамъ привозящему вамъ годовей оброкъ.
 Вамъ жить легко. Судьба вамъ служишь по коншракту,
 И васъ возишь должна все по большому прахту.
 Для васъ проселковъ нѣтъ. Всегда предъ вами цѣль,
 Хотябъ вы занесли за придевяль земель.
 Нѣтъ, вызвалъ бы я васъ на Русскіе просёлки,
 Чшобъ о людскомъ житьѣ прочистишь ваши шолки.
 Тупць мѣръ бы вы другой увидѣли! чшо шагъ,
 То ама, косогоръ, болопо иль оврагъ.
 Я швердо убѣжденъ, чшо со временъ пошона,
 Не прикасалась къ нимъ лопаша землекопа.
 Какъ почву вывернуть, размыль и распрепалъ
 Съ небесъ сорвавшійся сей водяный обвалъ,
 Такъ и шеперь она вся въ томъ же безпорядкѣ,
 Вся исковеркана какъ въ судорожной схвалкѣ.
 Дорога лѣсомъ ли? Такіе кочки, ши,
 Чшо крѣпче свой языкъ къ горшани ши прильни, —
 Не по, шакой шолчекъ поддасишь шебѣ, чшо-ой-ли!
 И свой языкъ насквозъ прокусивъ ши. Рѣкой-ли
 Дорога? Мостъ на ней ужъ подлинно живой:
 Такъ бревна въ запуски и пляшущъ подъ шобой,
 И ши шого и жди, чшо изъ-за пляски шпой
 Къ Русалкамъ попадешъ съ багажемъ и карешой.
 Естъ перевозъ ли? Шлошь шакое ужъ гнилье,
 Чшо шолько бабамъ мышь на немъ свое бѣлье.
 Кому на казнъ даны чувствивительные нервы,
 (Недугъ новѣйшихъ дней), шому совѣтъ мой первый:
 Проселкомъ на Руси не ѣздишь никогда.
 Пройди шпо верешъ пѣшкомъ. Ушшалось — не бѣда:
 За шпо ши будешъ цѣль, и съ нервами въ покоѣ;
 Не будешъ дергашъ ихъ, коробишь въ перебоѣ,
 И не начнешъ въ сердцахъ, забывъ и шпрахъ и грѣхъ,
 Какъ Демонъ Пушкина, злословишь все и всѣхъ.
 Опасность я видалъ, и передрагъ не мало
 На сушѣ и въ водѣ въ мой вѣкъ мнѣ предшоло.
 Былъ Бородинскій день, день жаркой, боевой,
 Французское ядро визжало надо мной,
 И если мирнаго поэта пожалѣло,
 За шпо хощъ двухъ коней оно подъ нимъ заѣло.
 Я на морѣ горѣлъ, и сквозъ ночную шму,

(Не мнѣ бы шупъ снопаль, а Данше самому),
 Не сонный, на лву, и зрѣть двѣ смерти рядомъ,
 И каждую съ своимъ широкозѣвнымъ адомъ:
 Одинъ весь огненный и пыщущій, другой —
 Холодный, сумрачный, бездонный и сырой;
 И оспавалось мнѣ на выборъ произвольной
 Быть гусемъ жаренымъ иль рыбой малосоленной.
 Еще ешь черная оплѣшка на счесу.
 Двухъ паровозовъ, двухъ вулкановъ на лешу
 Я видѣлъ шибку: лбомъ со лбомъ они шполкнулись,
 И спрашно крикнули, и спрашно пошпашнулись.
 Вошь вамъ живописалъ я свой и прешій адъ.
 Но эшо случаи, несчастье, приключенье, —
 А здѣсь шакъ бытъ должно, штакое заведенье,
 Порядокъ искони, нормальной, коренной,
 Чшобъ бытъ какъ на часахъ безсмѣнно предъ бѣдой,
 И если выйдешъ сухъ нечаянно опъ Сциллы,
 То у Харибды ждашь увѣчья иль могилы.
 Проселки адъ земной; но *нашъ авось* великъ!
 Великъ, — ужъ нечего сказашь, — и нашъ ямщикъ.

К. Вяземскій.

Сентябрь 1841 года.

II.

ПУСТОЙ АЛЬБОМЪ.

Посвящается Софьѣ Николаевнѣ Карамзиной.

„..... Съ собой
 „Въ могилу онъ унесъ летучій рой
 „Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
 „Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній.“
 (*М. Лермонтовъ*).

Среди лисповъ и бѣлыхъ и порожнихъ
 Даренаго, завѣтнаго альбома
 Ешь лисшъ одинъ: — одинъ лишь носишь онъ
 Слѣды пера, слова, и начерпанье

Знакомой мнѣ и дружеской руки....
 И дорогъ мнѣ сей лишь краснорѣчивый....
 И памятникъ, и свящъ его залогъ
 Его языкъ!!.... Но гдѣ-жъ, но гдѣ-жъ она,
 Та юная, ша мощная рука,
 Чшо, лишь едва за полгода шому,
 Дарила мнѣ съ пожашьемъ эдушеваннымъ
 Пуспой альбомъ, чшо начершала въ немъ
 Прощанья гѣснь, слышую во едино
 Съ привѣльной гѣснью души гѣвца
 Душѣ-сеспрѣ, при первой вспрѣчѣ ихъ?.....

✱

Увы! увы!.... Та жаркая рука, —
 Она въ гробу.... она навѣкъ оспыла
 Тамъ, ... далеко, ... подъ небомъ безошаднымъ
 Гдѣ сполько ихъ увало и легло
 Блеспящихъ юношей, умовъ высокихъ,
 Поэшовъ, — на молву не посягнувшихъ,
 Невѣдомыхъ, знакомыхъ лишь немногимъ!....
 Увы!.... увы!.... Та пылкая душа —
 Она съ землей разшалась прошивъ воли,
 Она ошорвана въ пылу спрасшей,
 Во всемъ ея цвѣшущемъ вдохновеньи
 Опъ жизни, милой ей, опъ шомныхъ гѣсентъ,
 И опъ друзей, къ кому вездѣ, всегда
 Влекло ее желанье и спремленье!....

✱

Да! онъ погибъ, — поэшь-надѣжа нашъ,
 Единый лучъ на небосклонѣ Русскомъ,
 Единая опрадная заря
 Межъ рѣдкими, закапными звѣздами, —
 Межъ гѣхъ свѣшилъ, чшо на концѣ пупи
 Сяюшъ намъ въ просонѣ ушомленномъ,
 Едва горя, и скупо грѣя насъ
 Поэзии огнемъ нерукошворнымъ....
 Да! онъ погибъ!!.. И кшо намъ замѣнишь,
 Кшо намъ опдаситъ его изъ современныхъ?

✱

Изъ сверспниковъ? .. Въ чьихъ пѣсняхъ мы найдемъ
 Опваги жаръ, и мысли сильной блескъ,
 И вопль болѣзненный, звучащій глухо
 Подъ праздничнымъ, воспорженнымъ напѣвомъ,
 Какъ шайный спонъ измученнаго сердца,
 Какъ вѣчная, невольная молитва
 Слѣдъ дѣвскихъ лѣтъ, священный опголосокъ
 Другой мольбы, — всечасно вопіющей
 То надъ его сиропской колыбелью,
 То надъ его воинскимъ изголовьемъ....
 Ахъ, ша мольба, она еще шеперь
 Надъ раннею и дальнею могилою
 Немолчныя поминки совершаетъ!....

*

О! жаль его! ... О! ирижды жаль его,
 Какъ юношу, какъ друга, какъ поэта!!
 Какъ юношу: — онъ мало, скоро жить,
 И не насытился дарами жизни,
 И все рвался впередъ, все ждалъ, искалъ,
 Все спрашивалъ загадки вѣчной слово
 О счастьи земномъ, о цѣли сердца,
 Споль полнаго воспорга и огня,
 Но не ему загадка объяснилася....
 И можеть бытъ, въ послѣдній, смертный часъ,
 Смущенный духъ, взволнованная грудь,
 Свѣдающимъ горѣли любопытствомъ?....

*

Какъ друга жаль его: — онъ насъ любилъ
 Ребячески, невольно, безъ расчета,
 Влекомый къ намъ сочувствиемъ глубокимъ,
 Довѣриемъ прямымъ и просподушнымъ.
 Среди шолпы, на балахъ и въ госпинныхъ
 Онъ понималъ опрады просвѣщеня,
 Споличный шумъ и чары красолпы....

Вниманіемъ прелесныхъ женскихъ глазъ,
 Улыбкою блестящихъ Фей довольный,
 И славою молодою упоенъ,
 Онъ свѣтъ любилъ, — и сознавался въ шомъ:
 Но лишь для насъ, лишь въ тѣсномъ кругѣ нашемъ,
 Самимъ собой, веселымъ, оспроумнымъ,
 Мечтательнымъ и искреннимъ онъ былъ.
 Лишь намъ однимъ онъ рѣчью чувствивъ полною
 Передавалъ всю бѣшеную повѣсть
 Младыхъ годовъ, рядъ песпрыхъ приключеній,
 Бывалыхъ дней, и зрѣющія думы
 Текуція поры..... Но лишь межъ насъ
 (На ужинахъ завѣсныхъ при зарѣ,
 Въ пріюти шомъ, гдѣ лишь немногимъ радъ
 Разборчиво - привѣпливый хозяинъ),
 Онъ опдыхалъ въ бесѣдѣ непришворной,
 Онъ находилъ свободу и проспоръ,
 И кровь какъ будшо свой, и быль семейный.
 И помню живо я шомъ грустный вечеръ,
 Когда его мы вмѣстѣ провозали,
 Когда ему желали дружно мы
 Счастливымъ пушь, счастливейшій возвратъ.
 Какъ онъ шогда предчувствіемъ невольнымъ
 Насъ огорчилъ! — какъ нѣхоша, какъ грустно
 Прощался онъ какъ вѣрно сердце въ немъ
 Недоброе, шоскуя, предвѣщало!

*

И жаль его, какъ соловья весною,
 Когда спрѣлокъ нещадною рукою
 Пѣвца любви разсѣянно сразилъ!
 Какъ пушнику жаль тѣсни недопѣшой,
 Подслушанной украдкой подъ окномъ
 Красавицы! — Какъ въ дѣшскіе года
 Намъ было жаль вечерняго разказа,
 Некончаннаго намъ неумолимой,
 Полсонной нянею! — Какъ жаль бываешъ
 Въ семнадцатъ лѣтъ дрожащей влуткѣ Евы,

Когда изъ рукъ ея поспѣшно вырветъ
 Машъ спрогая письмо съ признаньемъ робкимъ,
 Поклонника, невѣдомаго ей!
 Такъ жаль его, — шакъ жаль его швореній
 Неполныхъ, прерванныхъ, его мечпы,
 Цогасшей съ нимъ, и думъ и сновъ его,
 Не вылипыхъ въ могущеспвенный спихъ,
 Иль въ сладкозвучный гимнъ, въ живое слово
 Правдиваго на вѣкъ негодованья!
 Онъ не успѣлъ для юнаго чела
 Собрапъ, доплестъ, скрѣпишь вѣнецъ лавровый, —
 И сей вѣнецъ, увы! полу-гошовый.
 Упалъ на гробъ! О! жаль, о жаль пѣвца!

Графиня Е. Растропчина.

Петербургъ, Ноябра, 1841.

III.

МОЛИТВА ВО ВРЕМЯ СРАЖЕНЬЯ.

Water! ich rufe Dich!

(Пѣз Кернера).

Опче! зову Тебя!
 Дымомъ объятъ, гремящъ бапарен, —
 Молнія ярспно вьющся, какъ змѣи.....
 — Крѣпкій вождь браней! зову Тебя!
 Опче! веди меня!

Опче! веди меня!
 Къ славнои побѣдѣ иль къ смерти героя, —
 Господи! воля Твоя надо мною.
 — Боже Всесильный! веди меня!
 Я знаю Тебя!

Я знаю Тебя!

Въ сладоспннмъ шелеспѣ листьесъ древесныхъ,
Въ громѣ сраженій и въ буряхъ небесныхъ, —
— Блага испочникъ! я признаю Тебя!
Благослови меня!

Благослови меня,
Боже! Своею Десницею Свяшою!
Я упадаю во прахъ предъ Тобою.....
— Къ жизни пль къ смерти благослови меня!
Опче! я чшу Тебя!

Опче! я чшу Тебя!
Не для корыспи я мечъ обнажаю, —
Благо опчизны я имъ защищаю.
— Боже! въ часъ бишвы, молю Тебя!
Опче! прими меня!

Опче! прими меня!
Если паду я подъ громомъ орудій, —
Съ кровію жизнь изольешся изъ груди....
— Ты мой Господь! Тебѣ предаю себя!
Опче! зову Тебя!

Ф. Миллеръ.

1841. Декабря 2.

IV.

М А Л А Г А.

Въ мои бывые дни, въ дни юности счастливой,
Вино кипучее я пилъ,
И вкусъ и блескъ его и хмѣль его игривой,
Друзья, не мало я хвалилъ!

*

Сверкало золошомъ, кипѣло пѣной бѣлой
Нась развивавшее пише,
Воспламенялось и кипѣло
Воображеніе мое;

*

Надежды и мечты свободныя, живыя
 Легкии весело, легко,
 И залезали удалыя
 Они далеко, высоко!

+

Шумъ, пѣсни, споръ и крикъ и чаши поднимались,
 Студенскій пиръ порядкомъ шѣлъ,
 И чаши чокались и звонко разбивались,
 Разгульный пѣша произволь!

+

Ослепляютъ насъ, и учашъ насъ замѣшно
 Лѣша и бремя бытія:
 Такъ нынѣ буйный хмѣль спруи золопоцѣвншой
 Не веселитъ меня, друзья!

+

Ни кипашокъ ея, ни блескъ ея мгновенный;
 Такъ нынѣ мнѣ уже милѣй
 Напашокъ смиренный и безпѣнный,
 Вино гусное какъ алей,

+

И черное, какъ смоль, какъ очи дѣвы горной,
 И мягко-сладкое, какъ медъ;
 Милѣй мнѣ тихій пиръ и разговоръ неспорной,
 Рѣчей и мыслей плавный ходъ,

+

Милѣй потщительно-ласкаемая чаша,
 Чѣмъ пѣсни, крикъ, и звонъ и шумъ....
 Друзья мои! куда спранны мнѣ юности наша!
 У ней все было наобумъ!

Языковъ.

V.

А. А. ЕЛАГИНУ.

Была прекрасна, весела
 Та живописная картина
 Свободной жизни, ша година
 Доспойно - празднична была,
 Когда оспалки вдохновеній
 Студенцкой юности моей
 Я допивалъ въ кругу друзей
 Въ Москвѣ, и пологъ пѣснопѣній,
 Спихомъ блиспая удалымъ,
 Воспорженъ, выше всякой прозы,
 Гулялъ у васъ — и дѣвы - розы
 Любили хмѣль мой — слава имъ!
 А нынѣ гдѣ, каковъ я нынѣ?
 О! знаю, чувствую: пому
 Душепѣвненью моему,
 Той испорической картинѣ.
 Не повшориться никогда!
 Но ежели мой печали
 Минують шакъ, какъ миновали
 Мои злаяые дни — тогда
 Грѣшно бы, право, на досугѣ
 Не помянушь вамъ за виномъ
 О помъ гуляніи моемъ,
 Какъ о минувшемъ, миломъ другѣ.
 Не шакъ ли? Я почи гошовъ,
 Я радъ сердечно, я чужбину,
 Мою поску, легко покину,
 И прямо съ Майнскихъ береговъ
 Въ Москву. Бы ждите — вду, вду,
 Скачу, лечу, и вошъ, какъ разъ
 Я къ вамъ, сажуся подлѣ васъ,
 И наливай сосѣдъ сосѣду!

Н. Языковъ.

Маршъ. 1844. Галуу.

VI.

ФАНТАЗІЯ.

(Посвящается В. М. Д.).

У всѣхъ пѣвцовъ — свой призракъ — геній,
 Свой другъ, свой демонъ, свой двойникъ,
 Кшо музыкальный ихъ языкъ
 Внушаетъ имъ для пѣснопѣній;
 Кшо сыплеягъ рѣчью на листы
 Очаровашельно и сладко,
 И шакъ уборисшо и гладко
 Въ снопы слагаешъ ихъ мечпы;
 Кшо безопрадную оспылоспъ
 Съ хандрой и лѣнью — гонитъ прочь,
 И устѣваешъ превозмочь
 Болѣзнь ума — души унылоспъ!
 Мнѣ на шринадцашой весѣ
 Являлся призракъ незабвенный,
 Чей голосъ сладкій, умиленный,
 Завѣщанный даръ пророчилъ мнѣ...
 Онъ, первый, именовъ поэта
 Малопку робкую нарекъ,
 И дѣшскій умъ къ мечпамъ привлекъ
 Оспрадой нѣжнаго привѣща!
 Не здѣсь — далеко... Навсегда
 Запалъ мнѣ въ душу голосъ шомный;
 Заглохъ и домикъ нашъ укромный,
 Къ нему не будешъ мнѣ слѣда,
 Но въ немъ пророческихъ мгновений
 Забышь и шрудно и грѣшно!
 Тотъ призракъ звашъ мнѣ суждено
 На помощь жаждѣ пѣснопѣній!
 Мой призракъ геніемъ одѣшъ,
 И чудный ликъ его — раздвоенъ;
 Волшебнымъ шайншлвомъ успроешъ

Духовный, давній мой объѣтъ!
 Сліянье ангела и дѣвы,
 Полувоздушный какъ шуманъ,
 Мечпы и зрѣнія обманъ —
 Внушаешь мнѣ мои напѣвы,
 Когда, ласкаясь, женскій ликъ
 На взглядъ мой прямо онъ наводишь,
 Все сердце въ звукахъ переходишь
 На золотой его языкъ;
 Волной живой печешь и блещешь
 Мой опкременный, дѣтскій сплехъ,
 Раздолью пѣсень дорогихъ
 Съ улыбкой призракъ рукоплещешь.
 Уже не *онъ*, тогда *она*,
 Какъ муза, ангеломъ проглянешъ,
 И незабвеннаго помянешъ —
 Свѣтла, воздушна и шюмна!
 Шепнешъ — и льется шокъ созвучій,
 И, снова, съ музыкой рѣчей,
 Изъ - за волшебницы моей
 Мелькнешъ *онъ*, бѣглый и лешучій!
 Тогда опять я вижу *двухъ*,
 Два разнородныя созданья,
 И въ чудесахъ воспоминанья
 Завѣннымъ звукамъ внемлешь слухъ!
 Душа волнуется, а слѣва
 Онъ сыплешь шворческіе сны,
 И лаской съ правой спороны
 Мнѣ льстишь задумчивая дѣва!
 Такъ даръ мой пламенемъ горитъ
 Подъ эпой двойшвенною властью
 И повѣщескою шпраспью
 Онъ съ бышцемъ меня миришь!

Елисавета Шахова.

С. - Петербургъ.

VII.

Д О Р О Г А .

Глухая спесь — дорога далека —
 Кругомъ меня волнуешь въперъ поле —
 Вдали шуманъ — мнѣ грустно понесомъ,
 Меня берешь и скука и шоска,
 И я ворчащъ гошовъ на ямщика.

Какъ кони ни бѣгушь, мнѣ кажется дѣливо
 Бѣгушь они: въ глазахъ одно и поже —
 Все спесь да спесь — за нивой своа нива —
 За чѣмъ, ямщикъ, ты гѣсно не поешь?
 И не свяспишь, и кнушь свой бережешь?

И мнѣ въ опивѣтъ ямщикъ мой бородастый:
 — На черный день я гѣсно берегу —
 Знакомый шеситъ мелькаешь сквозь дугу,
 Знашь чуетъ конь: недалеко до хашы —
 И безъ кнуша какъ спица на бѣгу.

И я привспалъ — на встрѣчу деревушка —
 Соломой крытъ спонитъ крестьянскій дворъ,
 Споятъ скирды — изъ просшника заборъ,
 Вокругъ гумна — знакомая лачужка!
 Живаль она! здорова ли съ шѣхъ поръ?...

Чшо дѣлаешь! куда ушли ребята?
 Кричишь ямщикъ — цѣлуешься съ женой —
 И крестнишься и смонришь: ша ли хаша?
 И опдаешь госпиницъ городской —
 Вгрустнулось мнѣ — я ѣду не домой.

Ну, ну пошелъ! — долга моя дорога, —
 И въперъ золь, — а ночь шемнѣй, шемнѣй —
 Ямщикъ поешъ. — Въ душѣ ояашъ престога,
 Я не могу загѣшь шоски моея,
 Я не могу забышь прощальныхъ дней!

II

МѢСЯЦЪ ВЪ РИМѢ.

8 марта 1859. Дилижансъ ѣдетъ. Разсвѣщаетъ. Опасности, каженія, миновались. Ну — слава Богу. Карabinieri сопровождаютъ насъ. Прекрасное утро! Я упросилъ кондуктора взять меня къ себѣ, на передъ, чшобъ смогрѣшь удобіе вокругъ, и поймать первую почку вѣчнаго города, какъ она мелькнетъ на горизонтѣ. Мѣста пустыя, совершенно безплодныя, начались верстѣ за сорокъ до Рима. Не выдашь ни одного дерева. Кое-гдѣ шорчатъ скудный кусшишко. Зелени нѣтъ. Вся земля какъ будшо выжжена. Никакого жилья. На спанціяхъ шолько по дому для почпаліоновъ и конюшни. Здѣсь господствуетъ Malaria, зловредный воздухъ. Римъ споишь какъ оазисъ, окруженный имъ со всѣхъ споронъ. Опчего же прежде не было его здѣсь. Чшо за знаменіе? —

Съ чувствомъ спѣшеннымъ приближался я къ Риму. Вонъ куполъ Св. Петра, воскликнулъ вдругъ кондукторъ, и схватилъ меня за руку, а другою указывалъ на почку, чернѣвшуюся вдали. Я вздрогнулъ, всшалъ и поклонился.

Мы перемѣнили еще лошадей. Эти мѣста самыя опасныя, но солнце сіяло во всемъ блескѣ, радость наполняла сердце, и спраху не было мѣста.

Нешерпніе увеличиваешся со всякимъ шагомъ. Наконецъ городъ спановишся виднѣе и виднѣе, а вокругъ спорона безплодная и пуспынная до невѣроятности. Ближе и ближе, и вошь подъѣзжаемъ къ воротамъ, porta del Popolo.

Въ Римъ мы, въ Римъ!

За воротами открылась прекрасная площадь — облескъ, лвы, фоншаны; нальво виденъ какой-то

всходъ — на Monte Pincio, (первое гулянье города, усироенное Наполеономъ), большими уступами, съ великолѣпными лѣспницами, колоннадами и спашуями. Кругомъ кипарисъ.

Бдемъ по длинной улицѣ, не очень узкой, между двумя линіями высокихъ домовъ, не пахнущихъ однако древностию. Чпо это за улица? Corso, первая въ городѣ, т. е. въ новомъ городѣ, а старой въ другой сторонѣ. Я сижу на козлахъ, и пожираю глазами все подлежащее и проходящее. Поворачиваемъ направо, — площадь съ огромною колонною. Какая колонна? *Colonna Antonina*, Антонинова, т. е. Марка-Аврелія Антонина, а на вершинѣ ея стоитъ Св. Апостолъ Павелъ.

Здѣсь почпа, и дилижансъ оспанавливаеяся, но чадо ѣхашъ еще въ паможню.

Одиннадцать высочайшихъ древнихъ колоннъ съ архитравомъ и фризомъ представились нашимъ взорамъ: онѣ вставлены въ новое здание, или вѣрнѣе здание поставлено между колоннами. На дворѣ кое-гдѣ въ стѣнахъ видишь огромные каменные брусья, или лучше сказавъ глыбы, которыя поступили изъ древней клади въ новую. Здѣсь былъ храмъ благочестиваго Антонина. Ахъ, какое шерпнѣе брало меня, пока разбирали вещи. Наконецъ кое какъ мы раздѣлались, испрашивъ рубля съ два.

Оыскалъ Ш. и Г..... Нашли прехорошенькую квартиру, на чепыре двя. Дорожная знакомка наша, глупая и добрая купчиха изъ Фоланьо, помѣстилась въ этомъ же домѣ. Квартиры здѣсь теперь дороги, попому чю иностранцы наѣзжаютъ опъсюду къ Спяной и Сшраспной недѣль. —

Г. попалиль меня пошчасъ въ Храмъ Св. Петра. Вопъ мостъ Св. Ангела, вопъ Тибръ, (Тибръ!), вопъ мавзолей Адриановъ, вопъ и площадь Св. Петра съ Сиксповымъ обелискомъ.

Вхожу въ церковь, и хожу какъ сумасшедшій. Гдѣ я, гдѣ я? Г. носнавилъ меня у одного проспѣнка,

и спросилъ — видишь ли, напропивъ, эшихъ мраморныхъ ангельчиковъ надъ чашею? »Вижу — ну что же? »Велики они?« »Что за велики — маленькіе.« »Обернись-ка.« Я обернулся, и увидѣлъ передъ собою, подъ пару къ стѣмъ, маленькимъ, двухъ почти колоссальныхъ. Вошь какова церковь!

Потомъ повелъ онъ меня по линіи всей окружности. Шелъ, шелъ, нѣсколько разъ оспанавливался отдыкаться, насылу обошелъ! Что за пространство!

Въ срединѣ сходъ внизъ, огороженный перилами, въ подземную часовню съ мощами Св. Апостола Петра, предъ коюю горящъ неугасимыя лампы, въ два ряда, кажется до сна. Не докинешь взгляда опшуда до вершины купола. По нижнему обручу купола, колоссальными буквами написанъ текстъ Евангелія: ты еси Пепръ, и на семь камни созижду церковь, и враша адова не одолѣютъ и. Какъ счастливо прибранъ этотъ текстъ, сказанный именно какъ будшо для этого храма.

Я не смогрѣлъ по споронамъ, а только ходилъ въ недоумѣніи по этому первому храму Христіанства.

Домой пошацился уже совершенно изнеможенный. Вечеромъ сходилъ къ Ш. Объ чемъ шолковали? Объ Рямъ? Нъшъ, объ Московскомъ Университетѣ. Наконецъ ужъ я опомнился, и перервалъ насильственно привычную рѣчь. Намешали исчисленіе предметовъ, кои надо осмогрѣть здѣсь.

Рѣшили расположить осмотра по погодѣ: хорошіе дни надо употреблять на пѣшеходныя путешествія, для развалинъ; ненастные дождливые — для карпинныхъ галлерей, и церквей. Окрестности и виллы оспавишь до послѣднихъ дней, ш. с. весеннихъ, когда онъ являлся въ полномъ своемъ блескѣ и убранствѣ. Нынѣ всякой день дѣлаешь разницу.

9. Напились кофію въ Cafe nuovo. Огромныя залы, уставленные маленькими столиками, побольшей части мраморными, за коими сидитъ множество народу въ шляпахъ, и между коими бѣгаетъ безъ памяти, шныряетъ, человекъ десятъ камерьеровъ или прислужниковъ, по без-

прерывнымъ вызовамъ: una tazza di cafe, una tazza d'auroge, del pane. Я никакъ не могу привыкнутьъ къ западному обычаю, и входя всегда снимаю шляпу, на что всѣ присутствующіе пошчасъ обращаютъ вниманіе.

Кофей, разносимый въ особыхъ крошечныхъ кофейникахъ, очень дуренъ. Молоко козье еще хуже. — Г. повелъ меня смотрѣть Римъ. Я боюсь какъ-то приспустить къ осмопрамъ, не могу собраться съ духомъ, не смѣю. »Что же ты покажешь мнѣ нынче?» спросилъ я своего любезнаго чичероне. Подожди, узнаешь — пойдемъ. Пошли молча по Корсо. Пошомъ поворопили въ переулокъ. Безпрестанно вспрѣчающіяся духовные въ разныхъ одѣянїяхъ: Капуцины въ песочныхъ, верблюжьихъ маншіяхъ, подпоясанные ремнемъ, безъ шляпъ, осприженные; Прелаты въ лиловыхъ чулкахъ; молодые монахи, въ круглыхъ черныхъ шляпахъ и длинныхъ домино. Всего смѣшнѣе маленькіе мальчики, которые расхаживаютъ въ шакихъ же кошюмахъ, какъ и большіе — въ круглыхъ шляпахъ, въ черныхъ однорыльныхъ кафшанахъ, чулкахъ и башмакахъ, съ книгами подъ мышкою. Эшо дѣши, предназначенные въ духовное званіе. Они заранѣе уже надѣваютъ монашеское плашье, но шалашъ и рѣзвѣлся на улицахъ, разумѣется, какъ и прочїя дѣши. Кардиналы вѣдѣтъ въ карешахъ съ лакеями въ красныхъ ливреяхъ. Сдѣлали нѣсколько оборотовъ. Передъ нами ошкрылась вдали широкая каменная лѣспница, на верху по бокамъ ея два огромные коца, которыхъ подъ успцы держали всадники. За нею на площади конная спашуя. Вглуби какое-то обширное зданіе, съ высокою каланчею.

»Ну, видишь молодцовъ, я спросилъ мой чудакъ. Вижу, да что же эшо такое. »Хороши!» Между тѣмъ мы приблизились »Эшо древнїя спашуи Діоскуровъ изъ шеашра Помпеева. А эшо Маркъ-Аврелїй на конѣ. А эшо Капшолїй!»

Капшолїй! Можно ошеломиться ошъ шакаго громоваго слова. Капшолїй! повпорялъ я, смотря во всѣ глаза.

»Ну полно, сказали Г., пойдемъ дальше, древность увидишь пы съ шой спороны, — зданіе на лѣво Museo Capitolino, гдѣ храняпся сокровища искусства, пущь древніе бюспы великихъ мужей Греціи и Рима, бюспы Имперашоровъ, умирающій Гладіашоръ, и мало ли что! Направо каршинная галлерей, очень богашая, и памяшники новымъ великимъ людямъ Ишаліи. Всъ эши зданія воздвигнушы Микель-Анджеломъ въ правленіе Павла III. За ними полагаюшъ скалу Тарпейскую.«

Мы обогнули зданіе съ лѣвой спороны. Въ основанія его, съ боку, лежашъ оспашки древняго Капитолія: огромныя глыбы дикаго камня, нъ конхъ складывались Римскія зданія. Спрахъ посмопрѣшъ! Вошъ комменшарій на ушройство Лашинскаго періода, и Римской Испоріи. Вошъ швердосшь, важносшь, величіе!

Но что предспавлялось глазамъ моимъ, какъ мы вышли на другую спорону Капитолія: древнія колонны, вороша, храмы, пришворы, сѣни, въ священныхъ развалинахъ: эшо арка Сепшимія Севера, эшо храмъ Авшониша и Фавшпны, Курія Госпмлія, эшо Кашоръ и Полуксъ, шамъ дворець Августовъ, Калигулинъ, Нероновъ. Здѣсь *forum Romanum maximum*. Далѣе развалины базилики Коншашпшиновой, — а шамъ вдали, вдали Колизей. Я совершенно обезумѣлъ. Глаза перебѣгали опъ одного предмеша къ другому. Долго не хотѣлось сдвинуться съ мѣста.

Передъ Капитоліемъ проспранштво, на кошоромъ, со времени Франгузовъ, производяшся поиски, окружено со всѣхъ споронъ перилами. Оно выкопано вглубь сажени на шри. Долго, долго споялъ я на эшой знаменитой *Плошадѣ* (*forum Romanum maximum*), гдѣ сполько вѣковъ рвшались дѣла Рима, дѣла царшвѣ, народовъ, всей вселенной, *orbis terrarum*, по выраженію Цицерона. Пусто и шихо. Оно называешся шеперь коровымъ полемъ, *campo vaccino*, пошому что сюда въ Средніе вѣка пригоняли коровъ для продажи. Дѣшъ сошъ пять свозили сюда соръ со всего новаго города, и засышали имъ всъ храмы Минервѣ, Аполлону и самому Юпшшеру. Такія горы были эшой

Дряни, одна на другую навоженный, что все древнее погреблось, и теперь съ великимъ трудомъ мало по малу ошкapyивается и ошкpyивается!

Боже мой! что же значить эта челоувечская швердосшь, что значить эта челоувечская слава, кошорою такъ надмъваюцца люди? Эти каменные глыбы домовъ, и словъ, и дѣйствій—кошорымъ я сей часть удивлялся, пыль и прахъ! Поднялся вихоръ, и размешалъ все, и ничего не оспалось. —

Здѣсь, здѣсь именно, да развѣ еще на оспровѣ Св. Елены, можно изъ глубины сердца воскликнуть съ Соломономъ: суеша суепъ, и всяческая суеша! Что сказала бы Цицеронъ, Помпей, Цезарь, еслибъ предрекли имъ эту судьбу Рима! Люди, люди, приходите сюда удосповѣряться въ бревности вашего еспештва, шщепъ всѣхъ вашихъ предпріятій и замысловъ. Если Римъ шакъ упалъ, кшоже изъ васъ можете надѣяться на свою силу, крѣпосшь и швердосшь? И на какую силу можно надѣяться? Упалъ — этого мало, ушонулъ въ шивъ, въ грязи; подвергся, гордый, шакому уничиженію, шакому позору всесвѣтному! Не знаешь, была-ль выше его слава, или глубже паденіе? О какой урокъ, какой урокъ, если кшо умѣешь имъ пользоваться! Величіе, видно, нѣ на землѣ.

Народъ шашался между развалинами, съ мѣлками своими нуждами, съ заботою о насущномъ хлѣбѣ, объ ежедневныхъ дѣлахъ, не думая ни сколько о Римѣ, ни о мѣрѣ. Впрочемъ я свободно могъ, когда хощелъ, опдѣляя ихъ накладныя фигуры, сдувать ихъ мимоходившіе призраки, и видѣшь предъ собою одну древнюю основу; они не мѣшали моимъ размышленіямъ, напрошивъ — они дополнили каршину, предшавляя мнѣ вживѣ нашу пустую суешность, и шщепу ея.

Г. пошацилъ меня дальше, мимо развалинъ храмовъ съ одной шпороны, и огородовъ, пусшырей съ другой, взгроможденныхъ на развалинахъ чершоговъ Цезарей. Ошкpyивается Колизей.

Что это за зданіе — цѣлое Царство! Около 200 сажень въ окружности, въ чешыре яруса, съ окнами одно надъ другимъ. Толстоота спѣнъ необъятная! Какіе обширные коридоры, просторныя прилавки. Здѣсь помѣщалось 110 тысячъ зрителей, изъ коихъ 90 тысячъ сидѣло. Основаніе открыто изъ подъ-земли, аршинъ на шесть, и теперь окопано вокругъ.

Какъ хорошо разрушился Колизей! Гдѣ обвалилась спѣна, гдѣ упалъ сводъ надъ окнами, гдѣ опспали карнизы. Даже не лѣзя жалѣть, что онъ не сохранился въ цѣлости. Неужли цѣлый онъ былъ лучше!

Мы вошли во внутренность. По срединѣ, на небольшомъ дерновомъ возвышеніи, стоишь простой деревянный крестъ съ изображеніемъ распятаго Господа. Мы прилегли у подножія. День былъ прекрасный. Солнце сіяло во всемъ своемъ блескѣ, разливая какую-то сладостную живошворящую теплоту въ воздухъ. Тишина восхищательная, упоительная. Только ппички перепархивали въ сквозныхъ окошкахъ, и пѣли такъ пріятно, такъ беззаботно, такъ весело! А какъ расплзается плюощъ по эшимъ развалинамъ, какими живописными узорами изукрашаетъ онъ обвалившіяся спѣны, раскрытые переходы, полуразрушенныя лѣспницы, и что за разнообразіе! Здѣсь лежишь онъ густыми кучами, шамъ виситъ длинными гиляндами, а какая зелень свѣжая, яркая, кое-гдѣ мелькають весенніе цвѣточки.

Во внутренней окружности расположено двѣнадцать смиренныхъ часовенекъ съ образами Спраспей Хриспovýchъ. Прохожіи какой-то старикъ прикладываетъ къ нимъ. Другой подошелъ къ нашему кресту и молился. Давно не чувспвовалъ я такого наслажденія. Что за спокойствіе было на сердцѣ, оно какъ будто почивало на небѣ. Какъ все хорошо это — и небо, и воздухъ, и эпошь плюощъ, и ппички, и прохожіе, и часовни, и эпошь смиренный крестъ, подъ копорымъ прилегло насъ двое пришельцевъ, съ холоднаго, дальнаго Сѣвера, въ глубокое размышленія. Какъ разишеленъ онъ здѣсь, по срединѣ сего зданія, на мѣстѣ боевъ гладіашорскихъ

со львами и шиграми, гдѣ лилась поштынная кровь, и само пысячь зришелей рукоплескало побѣдителямъ.

Не вышелъ бы опсюда! Ахъ, еслибъ, прїѣхашъ сюда и пожмшь подолбе! Оспавайся, брашъ, здѣсь, сказалъ я Г., пока шебъ сладко. Не имѣю духа звать шебя опсюда, и понимаю, что пы могъ зажмшься. Твои пеперешнїя впечашлѣнїя принесутъ ошечеству плодъ сторицею.

Ночью, при свѣшъ мѣсяца, Колизей предшавляетъ новое очарованїе.

Прошлись опашъ по Форуму. Ну, чтобы на какомъ нибудь конгрессѣ скмнушъся Европейскимъ Государямъ по милїону, дабы опкопашъ весь Форумъ, и возшано-вшнъ его сколько можно.

Ворошались домой чрезъ Квиринальскую гору, на кошорой споятъ колоссальные *Диоскуры*, мнмой работы Фидїя и Праксшеля, а между ними обелискъ.

Обѣдали на Piazza di Spagna, гдѣ припонтъ всѣхъ ино-спранцевъ, въ небольшой госпвшнцѣ. За споломъ сидѣлъ Ишалїанскїй Аббашъ лѣпъ 50, кажется весельчакъ, кошорый радовался всякому случаю посмѣяшъся опъ души. Пришелъ молоденькїй Французикъ, лѣпъ 14-шн, и смѣлъ подлѣ него, спросилъ смѣло бшфспексу, расположилъ какъ большой, и началъ разсказывать о Наполеонѣ: какъ Русскїе измѣнили ему, сожгли Москву, и онъ долженъ былъ оставмшь ее, какъ Мармонъ предалъ его при Вашерло, (гдѣ и не былъ), раздавъ солдашамъ золы вмѣсто пороха, какъ Понятовскїй женился послѣ Лейпцига, и проч. и проч. Аббашъ и прочїе Ишалїанцы слушали его съ подобоспраспїемъ, а я едва удерживался опъ смѣха: опкуда онъ взялъ шакїя нелѣпнцы? Чшо за депушашъ будешъ изъ него лѣпъ чрезъ пять или десяшъ, если онъ шеперь рѣшаешъ все шакъ храбро!

Послѣ обѣда по аллеѣ вѣчнозеленыхъ дубовъ мнмо виллы Медичи, кошорую занимаешъ шеперь Французская Академїя Художествъ, на *Монте Пмчїо*: здѣсь первая прогулка Римская.

Скажу два слова о *виллѣ Медичи*. Мѣстоположеніе ея удивительное. Весь Римъ передъ глазами. Французы пріобрѣли эпошъ лучший домъ въ Римѣ для своихъ художниковъ въ эпоху своего владычества здѣсь въ 90 годахъ. Съ *Монте Пинчіо* видъ шакже прекрасный: Чпо за прелесць должна бытъ въ полномъ цвѣтѣ весны! А шеперь деревья все еще не распустились, кромѣ немногихъ.

Англичане рисуюшся верхами и въ великолѣпныхъ коляскахъ. Испаліанцевъ не видашь.

Приходилъ училель, рекомендованный кондукторомъ — изъ значительной фамиліи, но по особымъ обспояшельствамъ опказывавшійся опъ помощъ своихъ родныхъ. Мы спросили о цѣнѣ, а онъ никакъ не хотѣлъ сказашъ, пошому вчпо эшо не его занятіе, и онъ принимаетъ на себя шолько по знакомству, изъ особеннаго вниманія, и прочія Испаліанскія любезности.

Разсмаширивалъ записку Л., чпо надо осмотрьшъ въ Римѣ — ужась-сколько! Впрочемъ, еслибъ чшо и не успѣли — шакъ и бышь: довольно даже и шого, чшо видѣли въ эши два дня!

10. Г. повелъ насъ къ *Маріи Maggiore* и *Іоанну Латеранскому*.

Марія Маджіоре, эшо одна изъ главныхъ церквей въ Римѣ, или лучше базиликъ, съ гробницею знаменитѣйшаго Папы, *Сикста V*, кошорый болѣе всѣхъ сдѣлалъ добра Риму. Первоначально она основана въ 352 — 384 г. Пополокъ вызолоченный первымъ золотомъ, полученнымъ изъ Америки. Карлъ прислалъ его въ даръ *Александру V*. О мраморѣ, ясписѣ, бронзѣ, я говорилъ не буду.

Дорога шянецшя опсюда прямою линіей, и усажена деревьями, кошорыя розовыми своими цвѣточками разливаюшъ благоуханіе. Чпо будешъ, какъ онъ распущашся совершенно, и осыплются еще синими цвѣточками вмѣстѣ съ розовыми. Пріятнѣйшая прогулка!

Іоаннъ Латеранскій. Эшо первая Христіанская церковь, по своей древности, *Mater et Caput ecclesiarum*, послѣ *Св. Петра* самая великолѣпная, принадлежишъ прсимушесшвенно Папѣ, кошорый, немедленно по своемъ

избраіи , съ поржествомъ принимаешъ ее во владѣніе. Впрочемъ она горѣла и разрушалась нѣсколько разъ. Древняго оспалось одно мѣсто. До 14 столѣтія здѣсь погребались Пацы.

Войдете, и увидите передъ собою во всю длину церкви , по нишамъ , въ значительномъ между собою разстояніи, колоссальныя спашуи двѣнадцать Апостоловъ изъ чистѣйшаго мрамора. Каждый Апостолъ несетъ въ рукахъ орудіе своей смерти. Вверху надъ ними изображеніе минушы его призванія. Вдали предъ олтаремъ Самъ Иисусъ Христосъ , къ Кошорому они какъ будто сходяпся, вѣрные Его Слову. Дѣйствіе разительное! Основатель Христіанской Религіи съ Своими Учениками. Спашуи не осплчаются проспопою , но прежде чѣмъ разсмопришь ихъ порознь, онѣ произвели уже впечатлѣніе.

Объ изображеніи Христа говорящъ, что оно первое показанное Римскому народу Папою Сильвеспромъ. Сакристи съ дверями 1194 года.

Къ Собору примыкаюшъ оспашки дворца *Константинова*, — съ его шоненькими вышыми колоннами, и разными обломками, кои шеперь бережно собираюпся и разполагаюпся по приличію. Надъ креспильмицею, гдѣ Конспаншинъ, какъ говоришъ преданіе, принялъ Св. Крещеніе отъ Папы Сильвеспра, нынѣ усстроена особая церковь, осьмиугольная, уже совершенно въ новомъ вкусѣ. Здѣсь Папы креспили прежде въ Спрасшную Субботку, а нынѣ креспяптъ Жидовъ и проч.

Такъ и пашешъ ошовсюду древностію, а сколько ея еще подновлено. Какія имена раздаюпся безпрещанно въ ухахъ! Оспавя дворець, мы перешли дорогу, и съли на паперши, у сосѣдней церкви. Видѣ очаровательный. Между Соборомъ и церковью проспираешся луговина, покрышая правую почно, какъ будто въ какой вибудъ деревнѣ. Слѣду не выдашь на правѣ , кромѣ прозьжей дороги. Вдали плянешся безконечная колоннада *водопроводовъ*, кошорымъ конца кажешся нѣтъ. А на краю го-

ризонша бѣлѣюшъ *Сабинскія горы*. Тишина и уединеніе совершенное. Мы пробывли здѣсь съ часъ въ безмолвномъ созерцаіи, и въ продолженіи эшого часа проѣхала одна какаѣ-шо шележонка.

Повелъ жену къ Колизею — въ профиль новая прекрасная карпина. Обошли его со всѣхъ споронъ. Чѣмъ больше смотришь, шѣмъ лучше онъ кажешся.

Обошли Форумъ. Терпѣнья не доспанешъ смотришь на эшихъ Ишаліянцевъ, какъ они работаюшъ: гдѣ-шо возмушъ лопату, гдѣ-шо подгребушъ мусору, гдѣ-шо опмахнушъ, или перевезушъ шележонку. Прислашъ бы сюда тысячи двѣ Бѣлорусцевъ изъ Одессы, съ своимъ арженнымъ хлѣбомъ, шакъ они, подъ руководствомъ какого нибудь Нибби, въ одинъ годъ очистиши бы вамъ всю площадь, какъ она была въ Римское время, и даровали ученому свѣшу великое зрѣлище. Началомъ работъ ученый міръ обланъ Французамъ, но шеперь онъ идущъ очень шихо, пошому что у Папы денегъ мало.

Отсюда, чрезъ нѣсколько закоулковъ, шѣсныхъ и грязныхъ, вышли мы на *Форумъ Траяновъ*, кошораго большая часть все еще лежишъ подъ землею, заспроенная церквами и домами. Ошрышая часть сосшавляешъ чешвероугольную яму, окруженную шакже перилами, въ кошорую надо спускашся. Посрединѣ стоишъ знаменитая колонна Траянова, образецъ Вандомской, поставленная ошъ Сената по завоеваніи Дакии въ 112 г., съ изображеніемъ въ барельефахъ, кои шянушся вышою лешною, снизу до вершу, всѣхъ побѣдъ его надъ варварами, въ помъ числѣ и надъ нашою брашьею, надъ нами Славянами, въ Дакии, нынѣшней Валахиіи и Молдавіи, гдѣ до сихъ поръ напоминаешъ о Траянѣ Траяновъ валь, Траянова дорога, попавшая и въ Слово о Полку Игоревѣ. На вершинѣ колонны стоишъ шеперь вмѣсто Траяна спашуя Свяшаго Апостола Петра. Колонны стоишъ въ два ряда, какъ были; другія лежатъ переломленные. Нашъ Рихперъ възшпанавливаешъ эпошъ знаменитый Форумъ, и работа его досшавишъ ему почетное мѣсто не шолько между Архитекшорами, но и между Археологами.

Форумъ Траяновъ соединялся съ главнымъ.

Какъ воспроизводилась древняя жизнь въ воображеніи, когда смотришь на всѣ сіи развалины. Въ наше время нельзя бытъ ни Профессоромъ Археологій, ни Профессоромъ Исторіи, ни Профессоромъ Филологій, безъ путешествія. Я вообразишь себя не могу, что я говорилъ о Римѣ, по книгамъ, не выдавъ его памятниконъ. Что было въ наше даже время роскошью образованія, то теперь дѣлается необходимостію. Время идетъ впередъ, и учебныя потребности развиваются и умножаются.

Думалъ о Люперѣ: въ немъ кажется ни на грошъ не было египетическаго образованія, и пошому онъ видѣлъ въ Римѣ только развратныхъ Капуциновъ, прошивъ кошорыхъ и вооружился. — Также односторонень и Гиббонъ.

Обѣдали въ Scalinata, и встрѣпили Московскаго знакома, художника С., кошорый пріѣхалъ сюда на годъ, и живешъ принадацшый, не выдавъ, какъ промешло время.

Вечеру были у большого Ш., кошорый разсказалъ намъ любопытныя подробности объ Исторіи Колизея въ продолженіе Среднихъ вѣковъ, какъ онъ переходилъ изъ рукъ въ руки между дворянскими фамиліями, и былъ по лазаретомъ, по гостиницей, шеапромъ для миссерій, крѣпостію, магазиномъ, общею помойною ямой Рима.

II. Какъ благодарный обыватель, явился къ Московскому Градоначальнику, Князю Д. В. Голицыну—говорили о Римѣ, о духовномъ единствѣ, о политическихъ единствахъ, о гордостии Папы, кошорый хоша и Христіанинъ, а все таки древній Римлянинъ.

Домой, и отправились вмѣстѣ съ женою къ Св. Петру. Разсматривали великолѣпныя сѣни. Жиды давали нѣсколько милліоновъ Французамъ за то, чтобы они позволили имъ почистивъ немножко пошенившій пошолокъ: шакъ онъ вызолочень густо, а за все золото предлагали 70 милліоновъ. Исходили храмъ въ разныхъ направлевіяхъ. Идучи прямо, вы встрѣчаешъ, пройдя сажень 15, замѣшку на полу: до сихъ поръ до-

спасаетъ церковь Св. Павла, Лондонская; еще далѣе сажень пять — Флорентинскій соборъ, попомъ Миланскій, Св. Софія. Нашъ Иванъ Великій можетъ кажется спастъ въ любомъ придѣлѣ и разкланяешь во все чешыре спороны. Осмапривали колоссальныя спангуню по спѣванъ: здѣсь видите вы всю Испорію Церкви древней и западной — Франциска и Доминика, Терезу и Игнатія Лойолу. Каедрa Св. Пепра поддерживаешся Св. Августиномъ, Амвросіемъ, Аванасіемъ и Злапоустомъ.

Святымъ Пепромъ названа бронзовая спангуня, сидящая, какого-то древняго бога; на ногахъ и рукахъ его продавлены ямы отъ цѣлованій.

Каршинъ иыпъ. Только недавно по шолпамъ начали цомѣщать мозаическія огромныя копіи съ первѣйшихъ произведеній живописи, кои должны увѣковѣчиться ими.

Множесство мраморныхъ мавзолеевъ Папамъ и другимъ знаменистымъ лицамъ, работы Кановы, Торвальдсена. Здѣсь лежишь Хриспина Шведская, дочь Густава Адольфа, первой подпоры Люперанизма, кошорая обравила къ Каполичесшву, и скончалась въ Римѣ. Здѣсь покояшся и несчастныя Сшуарпы, послѣдніе Прешенденшы, погибшіе съ преданносшю Каполицизму. Канова изваялъ памятникъ Нио VI, кошорый споишь на кольняхъ съ сложенными руками предъ часовнею Св. Пепра. Какъ хорошо выбрано мѣсто!

Церковь Св. Пепра убирается шеперь разноцвѣтными, альми и бѣлыми пканями, коими увѣшаны все стѣны и шолпы, шакъ что ничего изъ-за нихъ не видно: дѣлаюшся пригошвления для шоржештвеннаго причшенія къ лику Свяшыхъ пяти какихъ-то лицъ, прославившихся своими добродѣтелями. Дѣло ихъ производишся еще по Священнымъ Коллегіямъ. Говоряшь, что это убраншво вредишь много дѣйшвию цѣлаго. — Миѣ пришло въ голову по этому случаю сравненіе храма Св. Пепра съ Россіею. Легко можетъ случишься, что въ шомъ или другомъ углу храма посшавишся памятникъ не красивый, не приличвый, шомъ

или другой сполнѣ загородишься, или спѣвна шамъ или здѣсь попорпишься, но всѣ эти мѣлочи пропадаютъ при взглядѣ на цѣлое, и ни сколько не мѣшаютъ общему эффекту: этого величія нельзя уже ничѣмъ унижить: этого изящества нельзя никакъ обезобразить! Такъ и у насъ.

Изъ церкви по прекраснымъ, великолѣпнымъ лѣспнидамъ пошли мы въ Вапиканъ — сморгнѣть знаменитыя *Рафаелевы ложи*. При поворогнѣ съ послѣдней спойгнѣ мраморный бюстъ его съ умною надписью, приглашающею поспитишеля поклониться спудамъ Великаго.

Такъ называемыя ложи Рафаелы написаны по полку одной вышней галлерей Вапинана. Долго онѣ были опкрышы и подвергались разрушительному дѣйствію погоды. Теперъ вышняя спорона забрана спеклянными окончинами какъ въ оранжереяхъ. — Ложи поспрадали много, много поновлены, но геніальный рисунокъ, слѣды шворческаго воображенія, видны. Здѣсь Саваоѣ разлучаетъ свѣтъ и шьму, успановляетъ на шверди солнце и мѣсяцъ, Ной созидаетъ ковчегъ, Авраамъ принимаетъ Ангеловъ, Исаакъ благословляетъ Исава, Іосифъ объясняетъ сны Фараону, и проч. и проч.

Далѣе мы видѣли *Собрание надписей* (gallerea Lapidaria), — длинную, сажень въ сорокъ, кажешся, галлерей, въ коей по обѣимъ споронамъ вспавлены въ спѣвны всѣ обломки съ надписями, находимыя въ развалинахъ Рима и окрестностей, надгробныя и всякія другія. На одной споронѣ Христіанскія, начиная съ первыхъ вѣковъ, съ разными изображеніями, а съ другой язычскія. — Особенное чувствво овладѣваетъ вами въ эпомъ мѣрѣ буквъ, снесенныхъ сюда со всѣхъ концовъ, съ смысломъ и безъ смысла. Музей Вапиканскій, къ сожалѣнію, запертъ, по причинѣ поправокъ, и опкроешся только передъ Спρασшною недѣлю.

Въ Римѣ, въ Римѣ только древность жива, и производинъ на васъ дѣйствіе, коему вы совершенно подчиняешесь.

Взяли фіакръ и опсправились на *виллу Боргезе*. Прелеспи другаго рода, прелеспи природы — какая зелень, что за благовоиe! рощи, аллеи, какія огромныя сѣнолиспвенныя деревья! Здѣсь богатѣйшее собраніе древностпей, но мы опоздали, дверь предъ нами заперлась. Англичане полпами валили съ лѣспницы. Между виллою Боргезе и Монше Пинчіо, *домикъ Рафаела*, расположенный имъ самимъ, съ его фресками, гдѣ онъ жилъ и умеръ. Какія имена, какія воспоминанія вспрѣчаете вы на всякомъ шагу! Жаль, что Виллу Боргезе не соединяшть съ Монше Пинчіо. Онъ рядомъ, а между нѣмъ шенерь надо дѣлать большой обходъ, чтобы попастьъ изъ одной на другую. И какъ бы приблизилась къ городу эша прекрасная вилла! какая дорога вела бы къ ней!

Зашли въ церковь S-ta Maria del Popolo. Г. показывалъ намъ здѣсь фрески Пенпуриккіо, ученика Перуджино, кошорымъ онъ вмѣстѣ съ Ж. удивляется; но я, признаюсь въ невѣжествѣ, не вижу въ нихъ никакого особеннаго достоинства.

Успали, и проголодались безъ памяти, а гостинницы всѣ заперты. Надо ждать, до шеспи часовъ, когда пропоется *ave Maria*. Обошли лавки съ камнями, мозаиками и бусами, кошорыя здѣсь дешевы до невѣроятности, — чуть ли не единственное произведеніе Римской промышленности.

Наконецъ служба кончилась, и народъ полпами бросился въ гостинницы, чуть распорились двери. Нынче мы обѣдали у Лепри. Народа, небогатаго, множество: насилу нашли мѣсто, хотя пропустили не болѣе пяти минушъ по отвореніи дверей. Камерьеръ Италіанскій — существо особаго рода. Въ бѣломъ передникѣ, а здѣсь и въ бѣломъ колпакѣ, бѣгаетъ онъ по комнашамъ, схватываетъ на лету заказы, кому *macaroni aux gratin*, кому *serwelli fritti*, кому *cefalo con patate*, кому *zuppa inglese*, кому *crostata*, передаетъ ихъ на кухню, и чрезъ двѣ - три минушы возвращающа, навьюченныи блюда-

ми, въ рукахъ, подъ мышками, чуть ли не на ногахъ, раздаешь всѣмъ, кто что претовалъ, безъ ошибки, и немедленно отправляется опять въ новое путешествованіе. Вы кончили вашъ обѣдъ, подзываете его, и онъ, съ десятками новыхъ заказовъ въ головѣ, напоминаетъ вамъ въ случаѣ нужды, что вы забыли при исчисленіи вашего обѣда, сочтеть вамъ не оспанавливаясь какъ пономарь: *pasta al brode 4, testa di Mongana 8, Agro dolce di segnale 7, pollastro mezzo 15, crema, summa 4 paoli*: и получишь ошъ вась деньги, дашь вамъ сдачу, положитъ себѣ на водку въ особый карманъ, приомлвивъ соразмѣрно съ вашей щедростью: *grazie, mille grazie*, и поскачетъ въ свою кухню. Память, или навѣкъ, проворство, удивительныя!

19. Въ монастырь Капуциновъ смотрѣшь знаменипаго *Архангела Михаила* любезнаго моего Гвида-Рени. Что за небесное лице у Архангела! Тамъ же не менѣ знаменитый фрескъ Доминикина — *умирающій Св. Францискъ*, у котораго въ эпю минушу только кажется вылетѣлъ послѣдній вздохъ. Подземелье, гдѣ погребается умирающая брапія, сосшоптъ изъ нѣсколькихъ комнаптъ, убранныхъ ихъ коспями. Послѣдній скончавшійся сидитъ въ креслахъ, до шѣхъ поръ, какъ принесетъ ему на смѣну новый покойникъ; тогда онъ разбираетъ по коспямъ, кои и постушаютъ на начашья украшенія. Что за узоры составляютъ досужими опшельниками — звѣзды, цѣпи, городки, круги, кресты, въ самыхъ разнообразныхъ соединеніяхъ! Нигдѣ, разумѣешь, коспи человѣческія не составляютъ шакихъ каршинъ, какъ въ эшомъ подземельѣ Капуциновъ.

Осмашривали галерею *Барберини*. Какая грація, прелестъ, милость, невинность изображающя на лицѣ эпюй *Цецлии Ченчи*, Гвида-Рени, въ блюмъ одѣвни, съ бллою повязкою на головѣ. Не опшелъ бы ошъ эпюго Ангельскаго лица. Вошъ и знаменитая *Форнаррина* Рафаелева, лице живое, глаза пламенные, но она далека ошъ красоты. Эшо двѣ главныя каршины. — Не говорю о про-

чихъ. У Барберини же находяшся во владѣнїи славный боль-
ный Сапиръ, Микель-Анджела, спашуя Бруша, и проч.

Княгиня В. пригласила захать съ нею въ монастырь
Св. Григорія, и ошпуда къ ней на виллу. Съ благого-
внїемъ прикоснулся къ его сполу и съдалищу проспо-
му каменному, кошорому слишкомъ 1200 лѣтъ. Какая
глубокая, достопочтенная древность! Спѣны въ одномъ
изъ придѣловъ расписаны Гвидомъ-Рени и Доминикино, и
предспавляюгъ подвиги Св. Апоспола Андрея Первозван-
наго. Съ какою радоспїю проспшираегъ онъ свои руки
къ вождельвному Кресшу. Какимъ святымъ желанїемъ
горитъ его душа прїять муки въ угожденїе своему Ве-
ликому Учишелю и Господу. Жаль, что недоспаегъ вре-
мени: передъ пукою каршиною, чтобы размошрѣтъ
ея сочиненїе, расположенїе группъ, надо проспоятъ ча-
са по два по цѣсколку разъ, а мы едва окинемъ взгля-
домъ въ одну минушу.

Видъ на Римъ съ верхней лѣспницы великолѣпный:
передъ глазами въ основанїи каршины всѣ развалины, въ
средицѣ повый городъ съ возвышающимися верхами цер-
квей, и вдали Св. Пешрѣ! Разнообразїемъ видовъ шоль-
ко Москва изъ всѣхъ Европейскихъ городовъ можегъ со-
спязашься съ Римомъ.

Дорога на виллу шла мимо церкви *Св. Климента*,
гдѣ почиваюгъ мощи безсмершнаго изобрѣшателя Сла-
вянской грамопы, Свяшаго Кирилла.

Вилла Княгини В. за Иоанномъ Лаперанскимъ прѣле-
спна — домикъ съ башенкою, впрочемъ довольно обшир-
ною, по комашъ въ ярусъ, высшроенъ среди Римской
спѣны, и окруженъ съ обшихъ споронъ виногради-
ками, цвѣпниками и прекрасно усшросными дорожка-
ми. Вдали виднѣюшся арки безконечныхъ водопроводовъ,
поля и горы, а съ другой Римская населенная часпъ го-
рода, и Колизей, и Пешрѣ. Всего болѣе умилилъ ме-
ня ея садикъ, посвященный Воспоминанїямъ. Тамъ, подъ
спнїю кипариса спощъ урна въ памяшь о нашемъ
исзабенномъ Димшрїѣ Веневишнновъ; близъ него ка-

мень съ именемъ Николая Рожалина, который прожилъ въ Римѣ при года въ домѣ Княгини, занимаясь классическими языками и Древностями, въ дополненіе къ Теоріи, изученной имъ въ Минхенѣ, и возвратился наконецъ въ опечесство съ цѣлью искашь мѣста Профессора, но умеръ на другой день послѣ своего прибытія на пароходъ. Жалкая участь! Вся бумага его, между конии были нѣкопорыя опдѣланныя сочиненія, присланы были въ Москву, и сгорѣли въ конпорѣ дилижансовъ, шакъ чно опъ него не оспалось ничего, какъ будшобъ и не сущесшвовалъ онъ на свѣшъ.

Въ особой кушъ блъзепся мраморный бюспъ по койцаго Имперашора Александра. Естъ древній обломокъ, посвященный Карамзину, другой Пушкину. Вошъ два камня въ память о сшарой няшъ Княгини и служиселъ ея опца. Я оспался одинъ въ эшомъ садикъ и бесѣдовалъ съ любезными пѣнями. О Веневитшиповъ! Прошло десяти лѣшъ, и до сихъ поръ не могу я вспомнишь объ шесбъ безъ скорби глубокой. Чшо было бы изъ этого юноши, еслибъ судьба даровала ему должайшую жизнь! Каждое поколѣніе приноситъ какъ будшо въ жершву опъ себя лучшій свой цвѣшъ. Жуковский, Блудовъ, Дашковъ, Вяземскій, схоронили Андрея Тургенева, который оспавилъ по себъ шакую же священную память въ своихъ ровесшникахъ. Мы опдали Дмипрія Веневитшинова. Поколѣніе младшее оплакиваетъ Спанкевича, подававшего еще въ Университетѣ блистательныя надежды, — эшопъ молодой человекъ опшчался особою кропостію сердца и ясностію ума; Философы Берлинскіе воздавали ему почести, какъ онъ погибъ злою чахошкою на 26 году опъ роду, прошедшимъ лѣшомъ въ Генуѣ.

Какъ много чувсшва, какъ много ума у нея! Всякой уголокъ въ саду, всякой поворопъ заняшъ, и какъ кспашши. Гдѣ видяше вы образъ Божіей Матери, гдѣ древнюю урну, камень, обломокъ съ надписью.

Познакомился съ молодымъ Графомъ Вислгорскимъ, который занимается у нея въ гропъ, по предписанію врача поль-

зоваться какъ можно болѣе свѣжимъ воздухомъ. Радъ былъ удословѣриться, что онъ искренно любитъ Русскую Исторію, и объщаетъ полезнаго дѣлателя. Его просиша, естественность, меня поразили. Не встрѣчалъ я челоуѣка, до такой степени безъискусственнаго, и очень удивился, найдя такого въ высшемъ кругу, между воспитанниками Двора.

15. Пришелъ къ намъ учитель, рекомендованный Рихтеромъ, извѣстный Аншикварій Г., съ копорымъ договорились мы заниматься всякой день по два часа, поздно вечеромъ или рано поутру, за сорокъ рублей въ мѣсяцъ! Какова дешевизна!

Нынѣ предпринимъ намъ *Пантеонъ*, знаменитый храмъ, воздвигнутый Маркомъ Агриппою въ честь всѣхъ боговъ, лѣтъ за 25 предъ воплощеніемъ Бога истиннаго. О Пантеонѣ и его изящной Греческой архитектурѣ сколько писано, что я считаю за лишнее говорить о немъ здѣсь. Жаль только, что къ нему придѣланы двѣ колоколенки, копорыя совершенно ослабляютъ дѣйствіе цѣлаго. Еще болѣе жаль, что съ прехъ споронъ онъ заспроенъ, облѣпленъ домами, изъ-за копорыхъ его вовсе не видишь. Нечистота такая вокругъ, что пройдиши почши нельзя. Въ двухъ мѣсяцахъ видишь *impondezajo!* Какъ будто въ знаменіе победы надъ богами языческими. Открыта только передняя часть. Пантеонъ обращенъ въ церковь Божіей Матери и всѣхъ мучениковъ. Во всей ея внутренней окружности, на мѣстѣ прежнихъ языческихъ спашуй, вы видише олтари съ изображеніями Христіанства, Распятаго Спасителя и Св. Дѣвы, предъ коими безпрестанно преклоняетъ колѣна народъ. Какъ это все разительное! На верху ниши, лишенные своихъ древнихъ обитателей. Верхнее отверстіе открыто, и часто случается, что весь Пантеонъ наполняется водою. Недавно подъ образомъ Божіей Матери найдена могила великаго *Рафаеля*, копорый, одинъ на свѣтѣ, изъ всѣхъ живописцевъ, постигъ воображеніемъ ея пресвященный

ликъ, и оспавилъ его въ своихъ гениальныхъ произведеніяхъ, на поклоненіе вѣрующимъ. Онъ завѣщаль, чшобъ шьло его было положено именно здѣсь. Августъ, Римъ, Панпеонъ, impondezajo, Христіанскіе олпари, Рафаель! — что за поняшя, что за впечатльшя, что за воспоминашя. Годъ, годъ надо прожшшь въ Римѣ.

Мимоходомъ посмопрѣли еще на колонны храма *Антонинова*, поспупившя въ фасадъ шаможни, о копорыхъ говорили прежде. Для перемѣны впечатльшнй, опть древности обрашшлись мы къ новому искусству, и пошля осмопрѣшь славную *Галлерю Боргезе*, копорая принадлежшть къ первымъ въ Римѣ, сполько богѣтомъ произведеніямн живописи. Здѣсь Сняшше со Кресша, Рафаеля, копорое однакоже, признаюсь, не произвело на меня особеннаго дѣйшшвія. Лице Спасштеля и Іоанна Богослова превосходны; но эта фигура выдающаяся человекъ, копорый поддерживаешъ Христа, коей такъ удивляющя знашоки, мнѣ вовсе не правштся. Такова и фигура сеспры бѣсновашаго оппрока въ Преображеніи, копорая какъ будшо нарушаешъ гармонію цѣлаго. Она вспрѣчаешся и въ другихъ каршинахъ. Поршрешы Рафаеля, двухъ Юрисконсульповъ, — чудо, живые, спраштные. Даная Корреджіо, купанье Діаны съ Нимфами, Доминикина — особенно замѣчательны. Описываеш карпшны считаю дѣломъ совершенно бесполезнымъ и неблагодарнымъ. — Можно ли перѣдашь впечатльшнй? Развѣ писашь оду на карпшну, какъ-шо сдѣлалъ Жуковскій при Дрезденской Мадоннѣ — но здѣсь ихъ спшкомъ много! Скажу испашн: вкусъ въ живописи, какъ въ архитектурѣ, какъ въ драматическомъ искусствѣ, вообще въ поэзш, имѣешъ нужду въ изошрешіи — надо много смопрѣшь на карпшны и всмашриваешся, шочно какъ и вчшпывашся, наблюдашь, изучашь и сравннваеш, чшобы наконецъ осмѣлшться на сужденіе. Всякое дѣло мастера боштся. У насъ этого еще не понимающъ, и всякой беретш судшть о спектаклѣ, о карпшнѣ, обѣ увершюрѣ. Procul profani. Но всякій въ правѣ, слѣдуя своему ешественному, врожденному чувству,

Ки II.

3

сказать про себя, а другимъ развѣ на ухо: эпо мнѣ нравился, эпо мнѣ не нравился: *de gustibus non est disputandum*. Бѣда только, если *всякій* начнешь умничать, доказывать, и учишь, не учась, *почему* ему нравился одно, и не нравился другое; бѣда, если онъ еще вздумаетъ спорить, насмѣивать на своемъ мнѣніи. Если достоинства и недоспапки шонкіе, доступные только для опытнаго ученаго глаза; только образованный вкусъ понимаетъ законы красоты, или прикладываетъ теорію къ практикѣ — кришьяка.

Зашли въ церковь *Maria della Pace*: чепыре Сивиллы Рафаэля. Прекрасныя женщины: живописное положеніе, но я напрасно искалъ на ихъ лицахъ удивленія, изумленія, ожиданія, которое должны бы кажется выражать онѣ въ Христіанскомъ храмѣ, предчувствуя и прозрѣвая, хотя темно, явленіе Спасителя.

Идемъ по грязной улицѣ. Я не замѣтилъ еще чисташеламъ, что нѣтъ города въ Европѣ столько нечистаго какъ Римъ, кромѣ развѣ небольшихъ городовъ его области. Здѣсь все дѣла дѣлаются на улицѣ. — Г., какъ я въ первый разъ пришелъ къ нему, выплеснулъ воду изъ какой-то огромной чаши за окошко. Помниуй, что ты дѣлаешь эпо? Ничего, опивчалъ онъ, на счастливаго! Я впрочемъ старался ходить всегда по срединѣ улицы, чтобъ не ороситься такимъ счастьемъ. На всѣхъ самыхъ лучшихъ площадяхъ, на видныхъ мѣстахъ, вы читаете большими буквами надпись: *impondezaio*, т. е. приглашеніе или позволеніе дѣлать шумъ что вамъ угодно. — Г., который слишкомъ хорошо знакомъ съ Римской жизнью, замѣчаетъ впрочемъ, что эти привилегированныя мѣста бываютъ самая чистыя, несмотря на позволеніе Полиціи. Около дворцовъ, церквей, даже въ великолѣпной колоннадѣ, ведущей къ Св. Петру, въ его притворѣ, вы можете увидѣть всякія нечистоты. Въ лучшихъ гостинницахъ нельзя пройти по лѣшницѣ, особенно на площадкахъ при поворотахъ, не зажимая носа, не поднимая ногъ, чтобъ выбрать шопинку посуше. На многихъ камешныхъ стѣнахъ и заборахъ вы видите

изображеніе огромныхъ змѣвъ, какъ по было въ древности; доказательство, что эша привычка нмѣеть древнее начало, и вѣрно какую нибудь физиологическую причину въ организмъ южныхъ Италіянцевъ.

Но возвратимся къ прежнему. Я сказалъ, что мы шли по грязной улицѣ — вдругъ древняя, прекрасная, высокая стѣна въ два яруса полукружіемъ, или лучше дугою, съ Іонійскими и Дорійскими колоннами. Стѣна уходитъ, пакъ сказашъ, скрывается на обѣихъ сторонахъ въ цюлпъ новыхъ домовъ, гадкихъ, пошлыхъ, принадлежащихъ видно самымъ бѣднымъ обывашлямъ города. Что эшо такое?

Эшо *Театръ Марцелловъ*, пошъ театръ, копорый выстроень былъ Августомъ для племянника его Марцелла, въ кошоромъ помѣщалось шридцашъ тысячъ зрителей; онъ весь почти разломанъ; чрезъ него прорѣзано нѣсколько улицъ и переулковъ; нижній ярусъ заняшъ самыми черными кузницами; на двухъ древнихъ ярусахъ надстроено два новыхъ безобразныхъ; стѣны вошли въ составъ всѣхъ здѣшнихъ домовъ, въ конхъ четвертая сторона вездѣ Марцеллова. Тѣснопа около него и въ немъ ужасная — жилья, какъ выльпленные ячейки, полько самыя нечистыя.

Идемъ дальше. Нечистота увеличивается до невѣроятности. Ушренный дождикъ, пока мы были въ Галлерей Боргезе, произвелъ грязь испинно непроходимую. Эшо Жидовскій кварталъ — нечистота къ нечистотѣ. Рыбій рынокъ, лавки со всякою дрянью для бѣдныхъ жишелей, *frutti di mare*, — самая гадкая часъ изъ всѣхъ гадкихъ часпей Рима. Что за лавки — просто ужасъ! Какой народъ пушъ ходитъ, оборванный, въ лохмощяхъ — и вдругъ величавыя колонны, лучшаго стпшля, высокія, благородныя: *Портикъ Октавіи къ храму Юпитера и Юноны!* Нельзя описашъ впечатлѣній, производимыхъ эими знаменитыми ошашками древности въ шннъ, въ гнили, въ грязи настоящаго. Мысли о бренности величія человеческого пакъ и взраиваются въ душъ. Вообразите, что эшо былъ великолѣпнѣйшій

портикъ, построенный также Августомъ. Довольно сказать, что здѣсь сполна спашуя Венеры Медицейской!

Насилу выбрались мы на проспору.

Храмъ Веспы, хорошо сохранившійся, кромѣ крыши, круглый, съ колоннами, гдѣ теперь помѣщается церковь S. Maria del Sole.

По мосту (Ponte Fabricio), черезъ островъ Св. Варломея, и по другому мосту (Ponte graziano) перешли мы чрезъ Тибръ, въ Трастевере къ Трастеверинцамъ, которые считаютъ себя истыми потомками Римлянъ, и въ самомъ дѣлѣ отличаются особенною физиогноміей, болѣе марціальною, особенными пѣлодвиженіями, и удареніями голоса. Съ моста этого видны оспашки Ponte Palasino, теперь rotto (разрушеннаго), восходящаго къ первымъ временамъ Республики!

Церковь Св. Цециліи, на мѣстѣ дома Святой; показываютъ мѣсто, гдѣ она была замучена, въ 3 вѣкѣ. Въ шрешемъ вѣкѣ — шупка эпо? Вошгъ ея баня, и свинцовый спокъ воды. Сердце шрепещетъ, глядя на оспашки и слѣды шакой глубокой древности. Въ церкви много древней мозаики, 40 колоннъ изъ древняго храма, кои съ перваго взгляда такъ и мечущся въ глаза.

Фарнезина. Дворецъ, принадлежашій Королю Неаполитанскому, знаменитый фресками Рафаелевыми — исторія Психей, въ 12 картинахъ. Удивительныя фигуры! какіе лепящіе амуры, что за грація, что за прелесть! Нѣсколько живописцевъ, на высокихъ подмосткахъ, списываютъ ихъ съ разныхъ сторонъ. Въ углу колоссальная голова, нарисованная Микель Анжеломъ, кошорый не заспалъ Рафаеля дома, и оспавилъ по себѣ эту визитную карточку.

Заклучили день подѣ въшвисшымъ дубомъ *Тасса*, гдѣ онъ любилъ ошдыхашъ, живя въ монастырь Св. Онуфрія, и смопрѣли долго на Римъ, разошилавшійся передѣ нашими глазами до конца горизонта, озаренный лучами заходящаго солнца. Много мыслей, много чувствъ перешло въ головѣ славнаго спрадальца, кошорый прихо-

диль сюда отдыхать. Зашли въ церковь поклониться праху Тасса, и взглянуть на его портретъ, но уже было такъ темно, что ничего разглядѣть не могли. Самый портретъ росписанъ *Доминикиномъ*! Монастырь окруженъ огородомъ съ виноградомъ и брокколими. Гора очень высока, на которой расположенъ монастырь, и расщепъ эпокъ знаменитый дубъ.

Успавые, едва прибрели мы домой. Не знаю, кто больше изнемогъ — душа или тѣло. Каковъ день — Пантеонъ, гробница Рафаеля, Галлерей Боргезе съ ея сокровищами, Театръ Марцелловъ, храмъ Юпитера, Юноны и Веспы. Церковь Св. Цецилии, со знаками ея мученій изъ первыхъ вѣковъ Христіанства, блестящія Рафаэлевы картины изъ Мнѳологіи, гробница Тасса и видъ на Римъ изъ-подъ его дуба! Бросился какъ ушибенный параличемъ на постелю.

14. Рѣшили для отдохновенія посвящать нынѣшній день на обзорніе развалинъ загородныхъ, опдаленныхъ, и наняли коляску на piazza Antonina, гдѣ только онъ и собираются, (да еще на Испанской площади), за пять рубл. на день.

Мимо Капитолія, Форума и Колизея, въ востокъ Друзовы, выѣхали мы на дорогу, на какую дорогу? Аппіеву, знаменитую первую дорогу древняго Рима, построенную въ 442 г. отъ основанія Рима Цензоромъ Аппіемъ Клавдіемъ, и вѣдшею въ Брундузію, гавань, изъ коей Римляне отправлялись на Востокъ. Во многихъ мѣстахъ цѣлые древніе камни, даже вся часть настлѣнки, по которой кашался и Цезарь и Цицеронъ и Катонъ и Помпей въ свои виллы или приморскіе города. Скажите, можно ли равнодушно проѣхать по такой дорогѣ?

А воптъ и Христіанское воспоминаніе: здѣсь явился, говорящъ, Иисусъ Христосъ Апостолу Пептру, оставившему Римскую темницу, который спросилъ его: *Domine quo vadis?* Такъ и называется маленькая церковь, а камень, на которомъ споялъ, какъ говоритъ преданіе, Спаситель, хранился въ ближней церкви Св. Севастіана.

По обѣимъ сторонамъ дороги лежатъ развалины надгробныхъ памятникѣвъ, ошъ времени незапамятнаго, надъ покойниками неизвѣстными. Здѣсь видите вы сподѣвъ, склонившійся на сторону, шамъ что-то круглое, ошъ кошораго опвалился одинъ бокъ, въ другомъ мѣспѣ груду камней, опривокъ спѣны. Но какъ всѣ эши развалины убраны, наряжены, другомъ своимъ — плющемъ, кошорый вѣспя вездѣ, вдоль, поперегъ, вверхъ, внизъ, пробивается чрезъ всѣ опверспія, обвивается около всякой линіи, и раскидывается въ самыхъ разнообразныхъ очертаніяхъ. Восхищительно! —

Осмопрѣли одно подземелье, недавно опкрышое, гдѣ найденъ саркофагъ какого-то Сципіона, какъ думаютъ брадапаго (barbatus), перенесенный въ Музей Ватиканскій: близъ его находился частное кладбище, Columbarium, въ родѣ погреба, куда сошли мы по узенькой лѣспницѣ. Оно принадлежало видно одному семейству, и прахъ всѣхъ членѣвъ его, чадъ и домочадцевъ, полагался въ маленькихъ урнахъ, расположенныхъ по спѣнѣ рядами, наподобіе ячеекъ, или лучше сказать печурокъ: число ихъ проспиралось до спа. Углубленія или ямки для коспей закрываются вьюшками. Для супруговъ особыя опдѣленія, по двѣ печурки вмѣспѣ. Фамилія впрочемъ видно небогатая. Кругомъ видите вы надписи и древніе обломки, вспавленные и вмазанные въ спѣну. Прекрасная хроника рода! Мысль умилительная — ложись въ всѣмъ вмѣспѣ, какъ жили, и родилеламъ, и дѣшамъ, и господамъ, и служилеламъ, впеченіи всѣхъ лѣспъ, пока веделся родъ. Мы, новые, умираемъ въ разсыпную — гдѣ опецъ, гдѣ сынъ, гдѣ дочь, гдѣ мапъ. Вновь находимые обломки можно покусптъ у спорожа или опкуспщика по помшинѣ за кусокъ. Эшо цѣна средняя, а еспѣ куски и въ 5 рублей.

Осмопрѣвъ эшопъ примѣчательный склепъ, мы съли опять въ коляску, и пуспились по Аппіевой дорогѣ къ знаменишому памятнику Цециліи Мешеллы, (супруги Красса), огромному круглому зданію, среди кошораго находился саркофагъ. Въ Среднія времена эшопъ памятникъ,

увеличенный приспройками, соспавлялъ крѣпость, и принадлежалъ Римской фамиліи Гаешановъ, копорыя принимали живое участіе въ междоусобныхъ войнахъ. Впизу находящяся капаккомбы, копорыя идущъ пушнелемъ подъ Тибръ. Говорящъ, что извъстный изслѣдователь Древностей Среднихъ вѣковъ, Дажинкуръ, заблудился было въ нихъ, и спасся по особенному случаю.

Осмотря развалины, мы пошли пѣшкомъ по полю, и приказали коляскѣ ѣхать и дожидаться насъ у церкви Св. Урбана, близъ Священнаго лѣса. Мѣстоположеніе очаровательное — поле, усыянное развалинами и воспоинаніями, на одной споронѣ Римъ, на другой Фраскаши, Тиvoli съ ихъ горами.

Обошли кругомъ огромный *Циркъ Каракаллы*, копорый приписываютъ теперь Максенцію для его сына Ромула. Вообще обо всѣхъ почши Римскихъ памятниклахъ, идущъ безпрерывные, безконечные споры, и они передаются Аншикваріями изъ рукъ въ руки отъ одного бога другому, отъ шого императора къ эпому. Особенно Бунсенъ, Прусскій посланникъ, произвелъ ужасное межеванье, и ни одного храма не оставилъ за прежнимъ хозяиномъ. Эша неизвъстность и спорность придаютъ еще болѣе занимательности памятниклахъ, покрывая ихъ шайнспивеннымъ мракомъ, въ копоромъ гораздо болѣе поэзіи, чѣмъ въ кришической ясности, хоть я и самъ люблю подъ часть покопшшь надъ буквою. — Вопъ загородка въ *Циркъ Каракаллы*, изъ - за копорой выпускались кони и колесницы на респалище; вопъ древняя меша, до копорой они должны были достигнуть; вопъ мѣсто поворота! Какъ все эпо живо здѣсь, и слѣдовательно разишельно!

По всему огромному пространству разсыпано было множество пушешествениковъ. Гдѣ группами, гдѣ поодиначкѣ. Со всѣхъ споронъ слышались разные звуки, Французскіе, Нѣмецкіе, Англійскіе, а мы нарочно заговорили какъ можно громче по Русски.

Отсюда чрезъ бѣдные огороды пошли мы къ *Священному лѣсу*, *Bosco sacro*, куда приходилъ отдыхашъ

Нума, Нума за 700 лѣтъ до Рождества Христова, гдѣ прогуливались жрецы храма Бахусова. Вошь и *грозь Нимфы Эгерии*, съ которою Нума совѣщавался о законахъ религіозныхъ для юнаго Рима! Положимъ, это только преданіе, положимъ, что эпи мѣсна получили себѣ такія воспоминанія впоследствии, но все-таки онѣ привлекательны, предлагая ночлегъ мечшамъ нашей молодости.

Впрочемъ самыя спрогіе крипики соглашаются, что нынѣшній Священный лѣсъ росшегъ на древнихъ корняхъ. Обошелъ его во всѣхъ направленіяхъ, прислушивался къ шуму вѣтвей, — шакъ шумѣлъ онъ во время оно. Воображеніе опказываеица опгъ всякихъ сомнѣній, и Поэзія беретъ свое.

Грозь очень дурно успроенъ, и содержицца въ пренебреженіи. Вблизи спонгъ, въ совершенномъ уединеніи, церковь Св. Урбана, въ которую обращенъ храмъ Бахуса. Всѣ стѣны и колонны при входѣ древнія, цѣликомъ оспавленныея.

Извоцикъ, не понявъ насъ, спалъ не на то мѣсто, которос нами назначено, и мы должны были, съ великою досадою, пройди верспъ пяшь, чпобъ его наконецъ найдши. Погода ясная, но съ холодокомъ.

Не имѣли уже силы заѣхать въ кашакомбы подѣ церквію Св. Севаспіана — Г. сказалъ, что онъ въ родѣ нашихъ Кіевскихъ.

Возвратились въ городъ усшалеы, ослабѣлые и голодные, а *ave Maria* еще не пропѣта, и шракииры запершы; насилу дождались. После обѣда зашли къ Ш., и написали планъ для завшрашняго, ибо все еще кажепся мнѣ, что у насъ пропадеитъ часа по два-по шри въ день, въ напрасныхъ переходахъ.

Вечеромъ, при свѣтѣ лампочекъ особеннаго усшройства, шочно какъ въ древности, взяли урокъ у Ипаліанскаго учинеля, который просидѣлъ съ нами часа шри. Разспрашивалъ его о происхожденіи Ипаліанскаго языка, но онъ повшоряетъ извѣстпос. Мнѣ кажется, что въ древней Ипаліи одно племя говорило шочно шѣмъ же Ипаліанскимъ язы-

комъ, которыи употребляется шеперь, но что это нарѣчіе оставалось въ устахъ народа, (почти какъ у насъ Малороссійское почти до нашего времени, и Великороссійское до Петра Великаго,) а въ лингвистурѣ употреблялось нарѣчіе другое, Лашинское, почти какъ у насъ церковное; что это нарѣчіе, какъ и племя его, вывелось, вымерло, (а можетъ быть гдѣ нибудь въ горахъ и скрывается какая опрасть его), и мѣсто его заняло въ лингвистурѣ нарѣчіе другаго племени, то есть нынѣшнее Италіанское. Нарѣчія Италіанскія совершенно не изслѣдованы, и ученые полкуютъ объ языкѣ Лашинскимъ и Италіанскомъ только по книгамъ и рукописямъ. Надо обойти все деревни, побывать на всѣхъ горахъ и во всѣхъ ущеліяхъ, надо прислушаться ко всѣмъ звукамъ, собрать ихъ, сравнять, — и тогда, я увѣренъ, откроются такія вещи въ Исторіи, какихъ мы и сообразить шеперь не въ силахъ. Я говорю это не объ одной Италіи — нѣтъ, и о Франціи, и объ Испаніи, и объ Россіи, Кавказѣ. Вездѣ одни явленія.

Пересматривая свой дневникъ. Мы здѣсь еще только недѣлю, а сколько мы видѣли, узнали, — и я все еще недоволенъ! Какъ еще достаетъ здоровья, которое приходится мнѣ видно больше испорчить, нежели поправить; но что дѣлать! не упершись! Сколько еще остается видѣть: Вапиканскіе музеи, Капиполійскіе, галереи Доріа, Шиарра, Роспильѣзи, Феша, церкви... а развалины!

15. Нынѣшній день посвящается Императорамъ, и горѣ Палатинской; мѣсту древняго Рима, откуда описаны жилища въ особенностяхи Неронъ.

Въ сады Фарнезе, отъ которыхъ осталось только блистательное имя. Это уже развалины на развалинахъ. Развалины Среднихъ вѣковъ на развалинахъ Древности. Папа Павелъ III развелъ славные свои сады на мѣстѣ дворца Калигулы, для своей племянницы, и давалъ здѣсь великолѣпныя празднества, о которыхъ гремѣла слава во всей Италіи. Теперь здѣсь пустырь и огородъ, жи-

вещь одинъ бѣдный садовникъ съ мальчикомъ для показовъ. Наружная поддерживающая стѣна и лѣстница, единственные

Остатки роскоши полмертвой.

Эпоптъ пуспырь переходилъ по наследству, и принадлежишь Королю Неаполитанскому, который очень радъ продать его хоть за чтонибудь. Что за мѣстоположеніе — предъ Капиполиемъ и всѣми его монументами, на самомъ Форумѣ, который есть теперь его улица, въ виду воротъ Северовыхъ и Колизея, а съ другой стороны Circus Maximus, за которымъ гора Авентинская. Видень и Тибръ, и храмъ Веспы, и часовня Траспеверинская. Стѣны Калагулицы мѣстами обвалились, но мѣстами стоятъ высоко, повишья плющемъ, и удивляютъ еще своей огромностію. Спускались подъ землю со свѣточами, чрезъ прорышыя входы — цѣлы многія комнашы съ своими стѣнами, пополками, полами, шпукатуркою, живописью и даже позолошою. Проводникъ привязывалъ свой свѣточъ къ длинному шеспу, и поднимая его къ верху, подспавлялъ его къ изображеніямъ, лучше сохранившимся. Опять новое ощущеніе — ходить по шѣмъ комнашамъ, по которымъ ходили Римскіе Императоры.

Сажень десятъ земли или всякаго сора навалено теперь на нихъ, и на эшой наносной землѣ разведены были сады, и они опустошены, и на мѣстѣ ихъ видише печальный пуспырь.

Сколько драгоценностей можетъ быть опыщешся, если въ чершогѣ, просширающіеся на огромное пространство, будущъ окопаны. Папское правительство не имѣеть средствъ, ни даже большой охоты, и нужной дѣятельности предпринимать поиски, начашые Французами, (до копорыхъ все эпо лежало погребенное), а другимъ позволишь не позволяеть ревность, зависеть и спыдъ. Недавно впрочемъ вышло постановленіе, по кошорому всякій желающій можетъ копашься гдѣ ему угодно, подъ надзоромъ полиціи, съ условіемъ, чшобъ изъ найденныхъ вещей

половина предоставлялась на выборъ Риму, а другая въ пользу искашеля, которъй однакожь, все-таки кажешся не имѣеть права вывозить ихъ изъ города! Разумѣешся, охотниковъ мало съ такими ограниченіями.

Рядомъ съ развалинами черпоговъ Калигулы дача Англичанина Мильса, также на развалинахъ, и на какихъ еще! дворца *Августова*! Чшо за дача — прелестнь, прелестнь, очарованіе! Надо опдашь справедливостшь Англичанамъ — умѣють украсить себя жилище. Цвѣлы спѣны изъ душистыхъ розановъ, померанцевъ, лимоновъ, которые красуются на весеннемъ солнцѣ. Какіе цвѣшы! чшо за чистота! а древнія спѣны, съ неразлучнымъ плющемъ. Мы съли въ бесѣдку, надъ самымъ циркомъ (*circus maximus*), подъ швнїю деревъ, навѣвавшихъ на насъ прохладу, иъжились, наслаждались, вили благовонный воздухъ.... взоръ поконлся на росписныхъ цвѣсахъ, на разолоченыхъ плодахъ, на зеленомъ яркомъ плющѣ, — и попомъ обращался невольнo къ развалинамъ человѣческаго величія, и воображеніе раскидывало передъ другими глазами другія каршины и другія лица, и Августа, при которомъ шамъ вдали, за моремъ, на другой земль рождался Христось, Августа, которъй въ великолѣпныхъ своихъ черпogaхъ, на верху своей славы, воспѣваемый Гораціемъ, Виргиліемъ и Овидіемъ, думалъ, чшо успокоилъ Римъ, успроилъ, ушвердилъ вѣчный городъ, а эшопъ вѣчный городъ лѣшь чрезъ шрицашь кланялся, уничиженный, Нерону, сжегшему его въ знакъ благодарности, (а можешъ бышь и пошому, чшо не спшилъ ничего больше), а эшопъ вѣчной городъ черезъ пяшь сопъ лѣшь разсыпался въ прахъ, и опяшь возшалъ, но уже подъ свнїю креспна. Имперашоры и Папы, длинной вереницей, пронеслись передъ мною, и наконецъ Англичанинъ Мильсъ, которъй продаешъ свою очаровательную вилау, и шощъ, кому бы купишь ее кшашни. Опгадаеш ли вы, чшаштели, кому бы купишь ее кшашни? Дача стѣбитъ мнѣ 100,000 руб., а сосѣдняя, ш. е. Калигулина и Фарнсе, еще меньше.

Первый этажъ дворца Августова ошчаспи опрыштъ, и его смотрѣвшъ очень удобно, спустившись по лѣстницѣ. Здѣшнія комнаты сохранились гораздо лучше, чѣмъ Калигулины. Какая свѣжая краска во фрескахъ! — Ошчищены цѣлые корридоры. Воштъ бани Ливіи. Картины по черному полю очень эффектны. Если взрыштъ виллу, то весь этажъ опкроетса. Но жаль и ея. Англичанинъ живешъ здѣсь только весною, а лѣшомъ надъ эшими прелеспами и красошами природы господшвуешъ зловредный воздухъ, кошорый выгоняешъ обиташелей. Домикъ у Мильса очень хорошъ, и въ немъ ѣстъ еще сокровище: спѣвна, расписанная Рафаелемъ; но мы не могли взглянуштъ на нее.

На мѣспѣ *Неронова дворца*, опъ кошорого оспалось менѣ развалинъ, находишса теперъ монастырь спрогихъ брашій, искупляющихъ неистовыя оргіи гнуснаго ширава.

Обошли Нероновъ дворецъ, занимавшій пространство неизмѣримое!

Въ бани *Каракаллы*, кошорыя ошспояштъ однакожъ довольно далеко за городомъ. Я не знаю никакого зданія, кошорое можно бы сравништъ съ эшими банями, чпобъ подаштъ вамъ какос нибудь поняшіе. Наши трех-этажные и чепырех-этажные дома кажущся какими-шо избенками, а капишальныя спѣвны какими-шо заборинками подлѣ эшпхъ исполинскихъ спѣвнъ, простирающихся въ длину на 690 ф., въ ширину на 450, и на 2230 ф. въ окружности. Только и оспалось чшо онъ, наружныя и внутреннія, поперечныя. Чшо за прощяженія. Какая высота! Нѣкошорыя еще соединяющса сводами, но съ большими скважинами. Я взбирался на самый верхъ, ходилъ по спѣвнамъ и по сводамъ, признаюсь, не безъ спраха, пошому чшо они кое-гдѣ очень шонки, — за шо ештъ чшо посмотрѣштъ сверху! Разсердилса на Англичанъ, кошорые оспались на верху, и начали для забавы швыряштъ по споронамъ камнями, ни сколько не забопясь, чшо и Каракальскіе камни могутъ ушибиштъ почшо шакъ же, какъ и обыкновенные, или даже больнѣе. Камня два попали мнѣ на дорогу. Вообще пуше-

шествующіе Англичане — народъ пренесносный. Какъ они надоедаютъ при осмошрахъ своими глупыми вопросами проводникамъ, задержками, и оспановками.

Долго ходили мы по пустыннымъ заламъ, заросшимъ справою, безъ пропощанныхъ пропункъ, гдѣ неистовствовало Римское слашлюбіе. Бани у древнихъ замѣняли наши кофейныя и респорациі. Тамъ они любили гуляшь, пировать, или шолько изжисься, роскошесшествовать, чипать. О великолѣпн бань Каракаллимыхъ не наговоряшя древніе. Здѣсь было 1,600 мѣсшгъ изъ полированного мрамора. О великолѣпн и важности украшеній можешь судишь, если я вамъ скажу, что послѣ всѣхъ опустошеній, здѣсь найдень Геркулесь Фарнезскій, Торсь Бельведерскій, пенаглядное сокровище Микель-Анджело, Флора, Фарнезскій быкъ, и проч. Поиски здѣсь продолжаются; мѣлкіе куски и обломки собраны въ одномъ сараѣ, успроенномъ между спѣнами, и продаются, желающимъ, очень дешево.

Какъ мы выходили, пріѣхало въ бани большое общешво, и кажешся Русское, пошому что въ массѣ Французскаго и Англійскаго говору, послышалось нѣскольکو бѣглыхъ Русскихъ звуковъ. Я заговорилъ нарочно съ своими, чтошбъ показашь, что и мы Русскіе, но не произвелъ ни малѣйшаго дѣйствія. Прошли какъ чужіе. Я не посшигаю, какъ грубешьтъ насшоящее національное и даже человѣческое чувствво въ эшихъ господахъ, хошя можешь бышь и очень ушончеваешся космополияшческое! Мыъ грушно было смощрѣшь на нихъ. Что до меня, сознаюсь въ квасномъ патриоизмѣ — лишь шолько услышу Русскій звукъ въ чужихъ краяхъ, всегда гошовъ бросишься на шею къ кому-бы-шо ни было.

Эшо впечатлѣніе изглажено было однакожь нынче за обѣдомъ у Графа Вѣльгорскаго, которій... ну да можешь бышь онъ прочешь эши шпроки, шакъ я не спану говоришь объ немъ (*). Познакомилсъ съ Г.

(*) Нышъ, онъ не прочешь ихъ! Достойный ювоша скончался вскорѣ послѣ нашего отъѣзда изъ Рима.

Липианомъ, который преподавалъ Всеобщую Исторію Государю Цесаревичу. Молодой Гр. В. показывалъ мнѣ свои матеріалы для Липиерапуры Русской Исторіи. Прекрасный шрудъ, — но приведешь ли Богъ кончить. Румянецъ на щекахъ его не предвѣщаетъ добра. Онъ работаетъ однако же безпрестанно.

Вечеръ съ Италіянскимъ учителемъ, котораго я разспрашиваю нарочно о видѣнныхъ древностяхъ и примѣчательностяхъ въ продолженіи дня, и онъ сообщаетъ мнѣ любопытныя подробности.

16. Погода предурная. Нынѣшній день посвящается церквамъ и какой нибудь галлерей.

Андрей дельла Валле съ четырьмя Евангелистами Доминикина и плафономъ.

Maria della Minerva, передѣланная изъ древняго храма, со спашусю Микель-Анджела Иисуса Христа.

С. Августина съ картинами Гверчино, Караваджіо, Пророкомъ Исаею Рафаеля, (который хотѣлъ сослѣзаться съ Микель-Анджеломъ въ изображеніи мужей вѣтхозавѣстныхъ), и спашусей Божіей Матери, коей приносятъ вещи всякаго рода, развѣшанныя здѣсь по стѣнамъ: ножи, кольца и всякія другія. Карпинки самыя безобразныя, на бумагѣ, представляющія се чудопворенія.

Богатѣйшая Церковь *Gesu* съ колоннами изъ лаписа.

Обошедъ церкви, отправились въ *Галлерейю Дорія*: это одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ дворцовъ въ Римѣ, съ знаменитою картинною галлереей. Галлерей осматривать очень удобно: во всякой комнатѣ находишь вы на сполъ планъ ея, съ означеніемъ всехъ картинъ и ихъ масперовъ, по стѣнамъ или нумерамъ. Ходишь свободно вездѣ, и оспанавливаешься, гдѣ сколько угодно. Васъ не преслѣдуетъ никакая стѣнь, которая своею скучающею фигурою мѣшала бы вамъ наслаждаться. При входѣ вы дадите оффиціанту или швейцару павла два, по естѣ четвершакъ, и онъ оспанется предовольнымъ.

Здѣсь знаменитый поршреть Іоанны II Неаполитанской Леонардо да Винчи, Авраамъ Тиціановъ, пор-

престъ его въ старослѣдїи, Іоаннъ Креститель Гверчина, Квинтъ и Авель Сальвадора Розы, одна изъ лучшихъ Мадоннъ Сассоферато. Какъ досадно, что пропустилъ знаменитую Клодъ де Лорреневу мѣльницу. Великолѣпные чершогы, лѣспницы, горницы, галлерей.

Обѣдали въ новой гостинницѣ, за шу же цѣну и въ помѣ же вкусъ. Макароны все еще играютъ у насъ главную роль, пеперь только въ новомъ видѣ au gratin, поджаренныя. Второе мѣсто занимаетъ рыба, когда случается свѣжая. Супу хорошаго не найдете нигдѣ. Пирожное очень вкусно, напримѣръ la zuppa inglese. Кошметъ дѣлать не умѣютъ, говядины также. За шо все какъ дешево. Обѣдъ не обходится намъ на двоихъ никогда больше прехъ рублей. Любимое здѣсь кушанье, кромѣ макаронъ, agro dolce, къ кошпору однако же я никакъ не могу привыкнутьъ.

Вечеръ дома, сидѣли надъ Гольдони, Метспазіо и Нибби, запивая ихъ сладкимъ Джесано, Москателло, и ашпшо, кошпорыхъ Европейцы не знаютъ, пошому что Римскія вина не вывозятся за границу.

17. Дождь лѣптъ ливня. Однакожъ я пошелъ въ Русскую церковь. Такъ хотѣлось помолиться Русскому Богу! — Образа очень хороши, писанныя нашими художниками, но, признаюсь, я желалъ бы видѣть Русскую церковь въ Римѣ великолѣпнѣе эшой, усшроенной кое-какъ, въ комнапѣ, какъ будшо въ походной палаткѣ. Я желалъ бы, чшобъ Каполики увидѣли въ ней все величїе и достоинство нашего богослуженїя, нашей церковной архитектуры. Въ шакой церкви, какъ эша, могутъ молиться развѣ какіе нибудь изгнанники, или пошасенные сектанты.

Зашелъ послѣ въ церковь Апостоловъ, съ памлшниками Кановы. Канудинъ говорилъ проповѣдь. Не слышалъ сердечнаго участїя. Но чшо за паншомимы — насшощій актеръ, и даже Испалітскїй, площадный.

Къ Св. *Инатїю*, очень богашому.

Къ *San Luigi Francese*, гдѣ естѣ опличный Караваджіо, копія Гвида съ Сесиліи Рафаелевой, фрески Доминикиновы. Опсправились съ Ки. В. къ Святому Пешру. Онъ указалъ мнѣ мѣсто у моспа Св. Ангела, гдѣ казнена была несчастная *Ченчи*. Пошомъ домъ, спроенный знаменишымъ *Браманне*, домъ, гдѣ жилъ и скончался Рафаель.

Разсмапривали вмѣстѣ памяшники Кановы и Торвальдсева. Всѣ знаменишыя лица Римской Церкви находящяся здѣсь въ колоссальныхъ спашуяхъ; и по нимъ вы можете повпорить всю Испорію Каполицизма. Думалъ о поспроеніи шакой Русской церкви, гдѣ собраны былибъ изображенія всѣхъ Русскихъ Святыхъ, начиная съ Равноапостольнаго Владиміра, и Ольги, денницы и зари нашего спасенія, и Бориса и Глѣба. Тупъ бы увидѣлъ я и Александра Невскаго, и Московскихъ Чудотворцевъ Пешра, Алексѣя, Іону и Филиппа, и Печерскихъ Антонія и Θεодосія, и Соловецкихъ Зосиму и Саввапія, и Преподобнаго Несшора, и Св. Сергія, и Димитрія Рощовскаго, и Мишрофанія, всѣхъ молишвенниковъ земли Русской, коими держалась и держишся она, съ ихъ дѣяніями, и чудесами. Въ шакомъ свяшомъ Соборѣ Русское сердце забилось бы подъ часъ сильнѣе. Изъ иноплеменныхъ Святыхъ я помѣшилъ бы шущъ Кирилла и Меодія, избобрѣшателей Славянской грамоты, кошорые породнились со всѣми Славянами, и принадлежатъ всѣмъ имъ равно.

Эши два дня очень бѣдны. Мы не увидали много новаго, покрайней мѣрѣ пользуясь дурною погодою, ошдохнемъ для будущихъ пушешешвій.

Погода лучше, и мы можемъ выйдши на Божій свѣшъ.

18. Были у *Св. Лоренца*, гдѣ находишся знаменишое Распяшіе Гвида Рени.

Въ *Ватиканѣ*, надѣясь пошасшъ въ Музеи. Слишкомъ рано. На верхнюю галлерею не пускаюшъ до 1 го часу, а *Вашиканѣ* ошкроешся въ два часа, и шакъ мы не успѣ-

емъ побывавъ шамъ и здѣсь. Опложили галерею, и въ ожиданіи походили по церкви. Чѣмъ больше знакомишься съ нею, тѣмъ болѣе ей удивляешься! Въ 2 часа отпра- вились къ Музею.... запертъ : нынѣ праздникъ какого- то Святаго. Предосадно! Пошли на-счастьѣ въ Капи- толій — а пришли на несчастьѣ.— Запершо. Новая до- сада! Весь день поперянь. Успали безъ памяши, а безъ пользы.

19. Въ Галерею *Роспильѣзи*. На пошолкъ *Аврора Гвидо-Рени*, копорою началась его слава. Тамъ же его *Андромеда*, *Доминикиновы Адамъ и Евва*, *А. Карачіевъ Сампсонъ*, подламывающій столпы— мало ужаса на ли- цахъ. Апостолы *Рубенса* очень хороши. Нѣсколько дре- внихъ бюстовъ.

Къ *Св. Пешру in Vincoli*, (у насъ въ Москвѣ есть церковь *Веригъ Св. Пешра*). Здѣсь спашуя *Моисей Ми- кель-Анджело*, сидящая. Твердоспъ, рышишельноспъ, глу- бокомыслие изображаются на чель Законодателя, но вдох- новеніе не сіяешъ во взорахъ Пророка. Онъ сидитъ какъ живой, усспремивъ пронцашельный взоръ свой. Со всякой почки физиогномія его измѣняется. Мы спа- новились въ разныхъ разсполнїяхъ. Смотришъ, смотришъ на него, и наконецъ забудешъся—успрашишъся: воптъ онъ возстанешъ, изречешъ повелишельное слово, укажетъ заповѣдь на скрижали. Удивительное дѣйспвіе иску- сства! *Моисей* испорическій спановишъ вамъ понятнѣе, яснѣе послѣ того, какъ вы познакомишъся съ его спашу- ей. *Микель-Анджело* шакже. Какъ ошдѣлано шѣло! Ви- дспъ великій ученикъ древности!

Восхишился картиною *Гверчина* : *Св. Маргарита*, укрощающая дракона крестомъ. Что за спокойспвіе, крошоспъ, вѣра побѣдоносная на лицѣ у прекрасной Дѣ- вы. *Магдалина Гвида*, *Пешръ въ шемницѣ*, *Доминикина*, мнѣ не понравилися. Въ церкви двадцать чепыре ко- лонны древнїя изъ Паросскаго мрамора, взяшыя изъ ближнихъ храмовъ. Алшаръ времянь *Констаншиновыхъ*, древнее сѣдалище. Отсюда въ 1073 *Гильдебрандъ* из- бранъ подъ именемъ *Григорія VII*.

Остановился у *храма Паллады*, близъ Форума, около котораго до сихъ поръ проходили мимо. Величественныя колонны съ превосходнымъ архитравомъ сползъ прешью еще въ землѣ. Около нихъ усироенъ спокъ нечистоптъ; подлѣ сползъ двѣ шпѣлженки вврно для починокъ; повсѣмъ угламъ навалены кучи сору и всякой дряни; въ жилѣ, вспавленномъ между колоннами, живешъ какая-то нищеша. Бѣдная Паллада!

Обошли *бани Титовы*, примыкавшія къ дворцу Неронову. Вошъ какое проспранство занимаъ онъ! Верхній этажъ цѣлехонекъ. Спѣтны какъ будто шолько сложенны; фрески на спѣтнахъ, по черному полю, кажешся вчера кончены: онѣ послужили образцемъ Рафаелю при росписываніи ложъ. Въ нишахъ Типовыхъ банъ найдемо много спашуй, кои украшають шеперь Вапиканскій музей. Надолѣ Амгличанинъ, кошорый вспрѣчашся съ нами всякой день въ развалинахъ: ходишъ съ записною книжкою и карандашемъ, и июлько сираивѣешъ провожапаго: fresco? фреско, онѣвѣчашъ шопъ, и онѣ шопѣчашъ записывѣешъ фреско.

Типовы бани окружены огородами, въ самой пустынной частш города, гдѣ рѣдко попадется навспрѣчу человекъ. Опкапыванье началъ Наполеонъ.

Время прекрасное, и мы рѣшились иди въ *виллу Албани*. По такимъ же улицамъ, впрочемъ очень длиннымъ, заглянувъ еще разъ въ церковь *Maria Maggiore*, пробрались мы за городъ. Великолѣпная вилла. Проводникъ былъ занятъ въ верхнемъ этажѣ съ другими постѣпшителями, и мы должны были дожидатъся передъ рѣшеткою нижняго портика или стѣней, кои уставлены древними спашуями Императоровъ — вошъ и Неронъ, и Маркъ Аврелій, и Коммодъ, и Траянъ, и Адрианъ, и Луцій Веръ. Наконецъ получили мы приглашеніе.

Чшо за богатштво! какое множештво спашуй и бюштовъ. Какъ пріятно вспрѣчашъ между ними спарыхъ знакомыхъ, съ кошорыми свыкса съ дѣвшшва! Плафоны росписаны Рафаелемъ, Менгсомъ. Всѣ бесѣдки,

кабинетныя, галлерей, наполнены славными ошпахками древности. Глаза устаюють. Какіе виды на Римское поле! А владѣтели эшихъ драгоценностей пренебрегаюють ими, и живутъ гдѣ-то вдали. Фамилія Албани пресѣклась — вила доспалась шеперь какой-то Графинѣ Липша, копорая живетъ въ Генуѣ или Миланѣ. Прогулялись по обсприженнымъ аллеямъ.

На возвратномъ пуши зашли въ *Диоклетіановы бани*, въ копорыхъ успроенъ монастырь Капуциновъ. Нѣсколько спѣвнъ и залъ ошалося еще непронупыхъ. Въ монастырь понравилосъ мѣспечко въ родѣ *campro Santo*, уединенное, со всѣхъ споронъ заключенное. Самое лице монаха, которое вспрѣтншь кое-гдѣ въ переходахъ, углубившагося въ размышленія, прозводишь двѣспвіе.

Микель Анджело изъ одной залы успроилъ великолѣпную церковь *S. Maria degli angeli*, въ коей восемь колосальныхъ колоннъ изъ Египетскаго гранита спояшъ еще на старыхъ мѣсплахъ, ш. е. какъ онѣ спояли въ *Диоклиціановыхъ баняхъ*! Мы не могли однакожъ добыться, чшобъ намъ ошперли церковь.

Мѣспо между церковью и казармами очень полюбншся меланхолику:

Взглянули чрезъ заборъ на *сады Саллюстія*, въ копорыхъ разведенъ шеперь огородъ, и вдали видѣется древняя спѣвна — эшо, говоряшъ, храмъ Венеры, обращенный съ одной спороны въ кузницу, шолько не Вулканомъ.

20. Поспѣшили на *piazza Navona*, копорая по середамъ бываешъ нашимъ шолкучимъ рынкомъ. Всѣ харчевни убраны нынче лавровыми и миршовыми деревьями, съ блиспающими лимонами въ вѣшвахъ, шочно какъ у насъ лавки украшаюются березками въ Троицынъ день. Нынѣ день Св. Іосифа, покровишеля плотниковъ. По всѣмъ угламъ въ улицахъ посшавлены на чешырехъ шолбикахъ, обвишыхъ зеленью, подъ наряднымъ навѣсомъ, походныя кухни; здѣсь на пылающихъ угляхъ въ оливковомъ маслѣ жарашся *fritti*, въ родѣ нашихъ приженцовъ, въ чеспѣ

Свяшаго Іосифа. Повара и поварихи, съ засученными рукавами, проворно щиплютъ шѣсто, и пускающъ въ кипящую жидкость. Народъ шакъ и шолпнтся около харчевень, и кажется не проходишь ни одного чловька, копорый не счелъ бы обязанностию опсправить поддюжину-другую вкусныхъ fritti, какъ у насъ блины горячіе, со сковородки! Накупили сердоликовъ, и другихъ рѣзныхъ камешковъ горспи двѣ, рублей на десяшь.

Множеспто спарыхъ книгъ, и вещей, каршинъ, между коими попадающся драгоцѣнныя.

Нынѣ à l'ordre du jour Галлерей Корсини. Ессе Номо, *Гверчина*—лучшее изображеніе Спасителя. Не было еще живописца, копорый бы представилъ памъ Его шакъ, какъ Рафаель представилъ Божию Матерь. Я не видалъ Его до сихъ поръ ни въ минушу размышленія, ни въ минушу молишвы, проповѣди. Не Италіянцамъ видно онъ предназначень! Еспъ хорошія каршины, представляющія Его съ Самарянкою у колодезя, съ фарисеями и блудницею, въ Канѣ Галилейской, на горѣ Елеонской, но нѣтъ шакой, копорую можно бы поставишь рядомъ съ Рафаелевыми Мадоннами. Чего-то недостаешъ! всегда находишь въ воображеніи много неисполненнаго художникомъ. Ессе homo — шолько голова, а не картина, голова превосходная: спраданія и свяшое шерпѣніе оппечаны на ликѣ.

Какіе Гвиды въ эшой галлерей: шри фигуры Распятія; спарикъ чшающій; Давидъ, а еспъ и шакія, копорыя мнѣ не понравились.

Карло Дольче troppo dolce. Онъ потерялъ много цвны въ моихъ глазахъ послѣ шого, какъ я познакомился съ нимъ здѣсь. Гульяновская Мадонна, копорую я шполько восхищался, принадлежишь вѣрно не ему. Онъ очень однообразень и изитъжень. А одна Магдалина его здѣсь хороша. Прекрасна мысль Тревизана представишь младенца Іисуса при матери играющаго орудіями муки, гвоздами, клещами, шерновымъ вѣнцемъ!

Домикининова Сусанна похожа на одну фигуру въ группахъ Діаны у Боргезе.

Юлій П *Рафаеля*, Филиппъ II *Тиціана*, Муриллова женщина съ дышащею прекрасна, но нельзя похвалить ее Божіей Машерью.

Св. Іеронимъ *Еспаньоleta*.

Я узнаю уже почти всѣхъ живописцевъ, но разумеется по наружнымъ признакамъ, съ наглядки, какъ другіе поюшъ съ голосу.

Прекрасны фигуры жещины и мужчины, говорящаго съ нею, *Валентина* — но это не опреченіе Пептра.

Наняли коляску и опправились въ виллу Памфили. Роща изъ высокихъ зоншообразныхъ сосенъ прелеснь. Какое-то особенное впечатлѣніе производишъ эша высота, до которой трудно dospашъ глазами, съ величественнымъ балдахиномъ на верху. Какіе дубы вѣчно-зеленые! Фонтаны, аллеи, луговины!

Въ одной аллеѣ увидѣли мы идущую впереди толпу. По ихъ движеніямъ можно было судить, что вся толпа слушаетъ кого-то одного. Такъ и есмь. Только что поровнялись мы, какъ и увидѣли, что это идешъ аббатъ, рассказывающій своимъ студентамъ. Они всѣ были во вниманіи, и съ какимъ спараніемъ, ревностнымъ желаніемъ наславникъ ихъ хошѣлъ передать имъ свои мысли. Духъ пропаганды, спремленіе обращать, сила эксцентрическая принадлежишъ Западу, Римской Церкви; самоуглубленіе, сила средоспремительная опличаешъ Церковь Греческую, Воспокъ.

Долго гуляли мы по роцамъ и смощрѣли издали на Римъ. Жаль, что еще не все разцвѣло. Это одна изъ пріятнѣйшихъ прогулокъ!

21. Наконецъ нынѣ опшверзаются двери Вапикана!

Рѣшились бросить шолько одинъ общій взглядъ на всѣ сокровища, и попомъ уже разсматривать ихъ по рознь.

Мы прѣехали еще рано. Передъ желѣзною рѣшеткой, въ концѣ галлерей надписей, шло множество народу, слышались всѣ языки Европейскіе; здѣсь были Нѣмцы, Англичане, Французы, Русскіе; мелькали Азіатскіе костюмы, Греческія лица. Со всѣхъ сторонъ сошлись люди поклониться искусству. Неостанавливаясь увеличивалось со всякою минутой. Наконецъ пробило два часа, явился смотритель съ швейцарскими гвардейцами, и отперъ дверь. Толпа ворвалась и рассыпалась по заламъ, а ихъ сорокъ сороковъ!

Вашиканъ — это цѣлый городъ, въ которомъ заблудиться можно, множество зданій четверугольных въ нѣсколько ярусовъ, приспособенныхъ одинъ къ другому, и занимающихъ ужасное пространство.

Начали съ каршинной галлерей — *Преображеніе Рафаеля! Призаченіе Св. Иеронима, Доминикина. Madonna di Foligno, Рафаеля.*

.....

Послѣ этихъ чудесъ новой живописи, нечего уже говорить о Св. Себастьянѣ Тиціана, Пепрѣ и Павлѣ Гвидо-Рени, Рафаслевой Мадоннѣ по первой манерѣ.

Отсюда прошли въ залы *Рафаелеры*, залы, росписанныя имъ самимъ: Аѳинская школа, преніе о Св. Причастіи, Исторія Константина — Боже мой, Боже мой! что это былъ за вѣкъ!

Наконецъ отправились къ спашуямъ. Начали съ отдѣленія, которое называется *Braccio nuovo*: въ прекрасной галлерей, въ коей свѣтъ падаетъ сверху, по обѣимъ сторонамъ стоятъ мраморныя спашуи, въ ростъ человеческій — вошь Императоръ Траянъ, Тишь, Адрианъ, Маркъ-Аврелій, вошь плѣнные Даки, на копорыхъ указалъ мнѣ Ш., — чистые Славяне, Русскіе мужики.

Въ Рошондѣ, разделяющей двѣ галлерей, колоссальная спашуя возлежащаго *Иила*, по которому выюлся

маленькія дыши, рѣки въ него впадающія, по мнѣнію Археологовъ; или спраны, имъ пипаемыя. Мы шли широкимъ шагомъ къ галлерей, смотря на одну сторону — вдругъ поражаетъ насъ мужъ въ Греческой шогъ, съ поднятымъ перспомъ, — только что слѣпъло, кажешся, съ языка у него послѣднее громовое слово, лице еще движешся, всѣ нервы еще не успокоились, это — *Демосенъ*. Мы остановились невольно внимать безсмертному Вишѣ. Что за удивительная спашуя!

Еще шире пошли мы назадъ, обращенные къ другой сторонѣ, и поклонились *Минервѣ врачевницѣ* (*Minerva Medica*), копорую считающъ одной изъ перво-классныхъ спашуй.

Надо быше шоропишся, ибо прошло уже много времени, а мы не успѣли ободрѣть и десятой доли.

Переходимъ въ другія галлерей, вошъ знаменитый *торсъ*, соспавлявшій предметъ шакого ревностнаго изученія Микель-Анджела.

Идемъ, идемъ, смотримъ, спашримъ — цѣлые пароды какъ будто проносащся предъ нашими удивленными, упомленными взорами; мы живемъ среди ихъ, въ другомъ мѣрѣ, не смѣемъ произнести слова, чтобы не нарушишь ихъ царственнаго покоя, приближаемся къ величественной ропондѣ... Ш. пробудилъ меня восклицаніемъ: пригошовся, ты увидишь сей часъ *Аполлона Бельведерскаго*.

Входимъ

Вошъ онъ

.

Лукъ звенишь, спрѣла шрепещеть,
И влубасъ издохъ Ционъ,
И швой ликъ побѣдой блещеть,
Бельведерскій Аполлонъ.

Мы спали какъ вкопанные ... шолпа народа была уже въ рошондѣ, и сохраняла глубокое молчаніе, созерцающая изящное....

Не знаю, сколько времени оспались бы мы передъ эшимъ чудомъ древности, еслибъ Ш. не вызвалъ насъ изъ этого сладкаго самозабвенія, сказавъ, что чрезъ пять минутъ запрется Вашиканъ. Мы пошли дальше къ другому углу рошонды, которая называется *Belvedere*... *Лаокоонъ!*

Не было силъ уже смотрѣть, нѣтъ силъ и писать. Изъ галлерей мы зашли нарочно къ Св. Пешру, чшобъ отдохнуть....

22. Опять въ Вашиканъ, котораго вчера не успѣли и объѣзжать. Начали съ *Этрускаго Музея*, шолько чшо устроенаго. Всякой Папа считаешъ своею обязанностію присоединить чшо нибудь къ сокровищамъ *Исперіи*, искусства или науки въ Вашиканъ, и оставивъ по себѣ память.

А съ другой споровы спранно видѣшь апошеозу языческой древности, въ зданіяхъ, принадлежащихъ къ первому храму Христіанства!

Этрусскій Музей устроенъ ошлично Г-мъ Грифи, брашомъ нашего учителя. Безчисленное множество вещей, принадлежавшихъ къ домашней жизни Этрусковъ, расположены въ стекляннхъ шкапахъ, или на столахъ, подъ стекломъ: золошья, бронзовья, фарфоровья вещи, сосуды, погребальныя вещи, оружія, вазы, спашуи изъ глины, — но всего болѣе поразили меня Этрусскія гробницы въ пещерахъ, которья почъ въ почъ представлены шемными комнашми музея, съ ихъ входами и прочими принадлежностями. На стѣнахъ Этрусская живопись, какъ она въ самомъ дѣлѣ найдена, съ Этрусскими надписями. Совершенно переносишь къ эшому народу.

Изъ Этрускаго музея перешли мы въ *Египетскій*. Здѣсь видише вы искусство Египтянъ, на всѣхъ спе-

пеняхъ его развишиа : періодъ Египетскій , собственно Греческій , Римскій — спашуи всѣхъ боговъ Египетскихъ , — и Изида , и Гарпократъ , и Озирисъ , и Аписъ , — Каріапиды , Фѣниксы , вошь и муміи разныхъ вѣковъ ; и папирусы , и гіероглифы , и каршины. —

Я звалъ Ш., которъй читалъ намъ лекціи обо всѣхъ энихъ предметахъ , къ Аполлону , къ Лаокоону — освѣжился , обрадовался послѣ энихъ мрачныхъ , мершвенныхъ произведеній проглотиднаго племени. Подожди ошвѣчалъ онъ , шы долженъ видѣшь еще чудо , — и повелъ насъ по длиннымъ переходамъ , .∴ приходимъ къ огромной залѣ... Это *Сикстова Капелла* , вся расписанная Микель-Анджело. Видишь предъ собою эшу неизмѣримую стѣну , всю расписанную ? Это *Страшный судъ* Микель-Анджело.

Микель-Анджело расписывалъ ее одинъ , впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ , запираясь , и не пуская къ себѣ никого.

О Спрашиномъ судѣ говорюшь не буду. Кто его не знаешь ? Кто не удивлялся эшимъ разнообразнымъ группамъ , въ конхъ знаменитый живописецъ изобразилъ челоувѣческое шѣло во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ ? Кто не преклонялъ главы предъ исполненнымъ сочиненіемъ ? Я не могу шолько понять , какъ могъ Микель-Анджело обратишь шакъ мало вниманія на изображеніе Христа , господствующее надъ всею каршиною , и предшавишь вмѣсто его какую-шо аплешическую фигуру , безъ всякой божешственности ? Видно въ самомъ дѣлѣ онъ былъ древній вешхозавѣшный , а не новозавѣшный челоувѣкъ. Неужели онъ сдѣлалъ эшо безъ намѣренія ? Но какое же намѣреніе онъ могъ имѣшь ? Не могъ же онъ не видашь шакого разишельнаго прошиворѣчія на своей каршинѣ !

Для меня общее дѣйшвіе каршины было парализировано.

Но какіе Пророки на стѣнахъ , что за величіе , что за мужество , крѣпость , сила ! Какія Сивиллы !

На пошомкѣ вся библейская исторія! Жаль, что капелла очень темна....

III. рассказалъ анекдотъ объ одномъ прелатѣ, котораго не любилъ Микель-Анджело и помѣстивъ за шо въ чистилищѣ. Тотъ провѣдалъ, и пожаловался Папѣ, который убѣдилъ художника вывести несчастнаго изъ назначеннаго ему мѣста. Но это не принесло пользы прелату: художникъ написалъ его въ аду. На вшорую жалобу Папа отвѣчалъ: я могъ вывести себя изъ чистилища, но на адъ власнѣ моя не просшираешся.

Ну, теперь поидемъ въ бельведеръ.

Часть спюляи мы передъ группою Лаокоона, и конечно скорбь, бользнѣ физическая не изображены нигдѣ съ шакою силою, истиною, какъ на лицѣ несчастнаго опца! Но, повтोरю, не доспанешъ словъ на описаніе. Молчашъ ѣ наслаждаешся. Да — изящное производишъ гармонію въ душѣ.

Пошомъ опашъ къ Аполлону.

Опашъ не успѣли обойти прочихъ залъ; и смюшра не видали Меркурія, стоящаго на впрешемъ углу рощанды, и борцеѣ Кановы, расположенныхъ въ чешвершомъ: вниманіе упомилось.

Обѣдалъ у Гр. В., который прочелъ свою новую оперу Цыганъ. Въ ней развѣ одинъ недоспанокъ, что слишкомъ много хорошаго.

Нынѣ исполнилось двѣ недѣли шолько, какъ мы въ Римѣ.

23. Опашъ въ Вашиканъ съ III. Нынче положено осмошрѣшъ Библиотеку. Зашли съ визитомъ къ библио-пекарю Лауреани, ученому, любезному прелату. При-цалъ насъ очень вѣжливо, и обѣцалъ исполнишъ все наши желанія. Но помощникъ его — человекъ другаго рода: во всемъ сомнѣвается, все подозрѣваетъ, безпреспанно находитъ зашрудненіе, вездѣ ищешъ препяшшвей, вездѣ опказывается невозможностью, — медлительный,

мпишительный, препрошивный человекъ, кошорому бы бышь не въ ученомъ заведеніи, а развѣ какимъ-нибудь уголовнымъ сыщикомъ, словомъ шакой человекъ, кошорый напомнилъ мнѣ живо одного моего спараго добраго пріятеля. Мы на силу могли сладить съ нимъ, обращаясь вѣсколько разъ къ доброму Лаурезани.

Разсмашириваль рукопись *Константина Манассіи* — 14 вѣка. Новое подшверженіе Неспору: Болгарскій переводчикъ приписаль опъ себя вѣсколько Русскихъ произшесствій красными чернилами о крещеніи Руси, о походѣ Свясплавомъ, о взятіи Дереспра шочно шакъ, хопя и сокращенно, какъ эшо описано у Неспора. Выписаль ихъ. Важны для насъ каршинки, кои предшвляють эши произшесствія, костюмы, оружіе! Надо бы ихъ списашъ (*).

Библиошekarъ показаль намъ послѣ здѣшнія рѣдкоспи: Тассовъ собшвенноручный списокъ Освобожденнаго Іерусалима, Даншъ съ каршинами, древнѣйшій списокъ Виргилія, знаменишый Теренцій, прощеніе Им. Генриха IV Папою Григоріемъ VII, подлипное сочиненіе Генриха VIII за его подписью, присланное къ Папъ, письма его къ Аннѣ Боленъ, и проч. и проч.

Не исчисляю другихъ менѣ важныхъ. Всѣхъ рукописей до 25,000! Сикспъ V болѣе всѣхъ обогатилъ Библиошеку.

Послѣ обѣда опшправились съ Ш. къ Іезуишамъ, въ ихъ коллегію. Всѣ двери и воропа запершы. Никакъ не досшучались. До вечера. Намъ хопѣлось познакомишься здѣсь съ Пашеромъ Марки, знаменишымъ Нумвизмшомъ Римскимъ.

Въ *Пропаганду*, къ *Тайнеру*, съ кошорымъ познакомился Ш. Приврашникъ указаль дорогу. Проходили по прекраснымъ, свѣшлымъ обширнымъ корридорамъ. По снѣ-

(*) А. Д. Черпиковъ дарилъ Публикѣ эши важна для Русской и Славянской Исторіи изображения.

намъ развѣшаны ландкаршы всѣхъ странъ земли. Правду сказать — Папы сдѣлали много, злоупотребленія въ сторону. Что было бы безъ нихъ въ Западной Европѣ! Духъ общенія принадлежитъ Западнымъ народамъ: у Французовъ пропаганда политическая, у Испаліянцевъ религіозная.

Превосходное учрежденіе по своей идее, единственное въ Европѣ — разпространять всюду вѣру Христіанскую. Апостольская миссія.

Наконецъ указали намъ дверь къ Г. Тайнеру. Принялъ насъ очень привѣжливо. Маленькая комнашка, въ кошорой разбросаны всѣ вещи, въ ужасномъ безпорядкѣ, кошорому я только могу не удивляться. Ш. предсавилъ меня какъ Профессора Русской Испоріи, и разговоръ потчасъ начался объ историческихъ отношеніяхъ Церкви Греческой и Римской, въ коемъ приняло участіе и четвертое лицо, встрѣченное нами въ комнашѣ. Эпи господа начали нагвѣвать свои пѣсни: Русская Церковь, говорили они, гораздо ближе къ Римской, чѣмъ самая Греческая. Вы приняли Христіанскую вѣру, какъ она была чиста еще въ Византіи, и сохранили до сихъ поръ въ первоначальной чистотѣ, а Греки увлеклись послѣ вашего уже обращенія, и съ Папріарха Михаила Церуларія начинаещя собшвенно разлученіе. Владиміръ вашъ былъ совершенный Каполикъ, кошораго мы считаемъ Святымъ. Его успавъ естъ чистый Каполическій. О древней мѣстной разности въ обрядахъ, существовавшей еще до раздѣленія, говорить нечего.

Эге, братцы, подумалъ я, ужъ не хотише ли вы обращать насъ! Но не на стѣхъ напали! Мнѣ впрочемъ захошлось вывѣдать у нихъ побольше, чтообъ узнать, какимъ образомъ эти господа пошупають съ нашими несчастными соощечественниками, кошорыхъ они убждають цѣловать Папскія шуфли. Я говорилъ Тайнеру: да, конечно, разумѣешья. Другое лицо горячилось, —

видно что оно посвящено еще недавно. Это былъ Грекъ, но говорилъ и по Арабски.

Тайнеръ пишетъ сочиненіе о разпространеніи Христіанской Вѣры на сѣверѣ, съ приложеніемъ многихъ докуменшовъ. У него есть письмо Іоанна Грознаго къ Пассевину, досель неизвѣстное, которое онъ обѣщалъ показашъ послѣ. Густавъ Ваза за два года до своего соединенія съ Люшеранизмомъ, обѣщалъ Папѣ обратити всю Россію въ Капюлическую вѣру. Онъ имѣетъ до 200 писемъ Сшефана Баторія.

Изъ Пропаганды отправились мы въ *Collegio Romano*. Привратникъ-монахъ отперъ дверь, и повелъ насъ за собою чрезъ нѣсколько комнашь, корридоровъ, ошпирая и запирая по дорогѣ двери большими ключами, которые висѣли у него на поясѣ. Доведа до лѣсницы, разсказалъ намъ дорогу, и оставилъ однихъ. Мы вошли въ широкій, не слишкомъ свѣшлый корридоръ. Пожилой челоувѣкъ, въ очкахъ, прохаживаеяся, съ поникшей головою, погруженный въ глубокія размышленія. Мы осмѣлились спросити его: гдѣ пройдши намъ къ Паперу Марки. »Спросите у привратника« отвѣчалъ онъ, поднявъ на минушу голову, совершенно безжизненнымъ голосомъ. Нигдѣ, никогда я не понималъ, не чувствовалъ такъ живо, что есть равнодушіе, невниманіе, какъ услышавъ эти два слова: бездна была выражена ими. — Іезуитъ пошелъ своею дорогою. Мы пустились наудачу. Встрѣчаеяся другое лицо, кажется менѣ заняшое. Позвольте спросити васъ, гдѣ можемъ мы найдши опца Марки? »Спросите у привратника.« Привратникъ послалъ насъ сюда, но мы, въ этихъ переходахъ, сбились съ его описанія. »Вошъ Лаборашорія — можетъ бышь вы узнаете шамъ.« — Пришли въ Лаборашорію. Гдѣ можемъ мы найдши опца Марки? »Спросите у привратника.« Признаюсь, намъ надо было призвашъ на помощь Іезуитское дерзвнне, чтобы не разсердишья при этомъ безпрестанномъ опившѣ.

«Скажише покрайней мѣрѣ, гдѣ найши намъ приврашника, пошому чшо мы не найдемъ уже дороги, по кошорой пришли.» Умилосшвивились, указали. Приврашникъ въ большой передней комнашѣ, или лучше, огромной залѣ, велѣлъ намъ съспѣ на лавку и дожидашьяся. Мы съли и принялись разсмашривать залу. По спѣнѣмъ изображеніа — порпшешы изъ жизни знаменитыхъ Членовъ Ордена, начиная съ Игнашіа Лойолы. Прочелъ въ надписи какого-шо Боб...., замученнаго казаками. Мимо насъ проходило нѣсколько монаховъ: на лицѣ у всякаго написано было, чшо онъ знаетъ, куда идешъ и за чѣмъ. Какъ будшо ходили заведенные часы. Вдругъ изъ однихъ внушреннихъ дверей показалась толпа мальчиковъ, по шри врадѣ. Ихъ выпустили, и лишъ шолько послѣдняя пара переступила за порогъ, на дворъ, другая вапага, со двора, шѣмъ же порядкомъ начала входить въ комнашу, и скривашьяся въ другую дверь. Ошпиралъ и зашпиралъ все шощъ же монахъ — приврашникъ, довольно молодой.

Съ большимъ удовольствіемъ сидѣлъ я на лавкѣ, смощрѣлъ на мелькавшія передо мною фигуры; и думалъ объ Испоріи Ордена, кошорый, надо признашьяся, сдѣлалъ много добра человѣчешву, не смощря на свои злоупощребленія.

Едва ли чшо написано о немъ основательное и безпристращное! Едва ли кшо проникалъ въ глубину его души! Нападающъ на ихъ образъ дѣйствій, но надо бы прежде разобрать ихъ образъ мыслей, — и поразить основаніе. Одна мысль влщепѣ за собою шысячу дѣйствій, или лучше, спановишьяся источникомъ неизсякаемымъ дѣйствій. Заприше же лучше источникъ, если нужно, должно, можно.

Наконецъ показался Пашеръ Марки, и просилъ насъ къ себѣ на другой день пошпру, пошому чшо шеперь уже смерклось, и мы не можемъ разсмосшривъ хорошо его собраніе.

Приврашникъ опперъ дверь, и я, полный мыслей, пошелъ тихо по пусшынному внушреннему двору къ свяшымъ ворошамъ, и оспавилъ эпопъ примъчашельный монаспырь.

Визишъ къ *Кадесу*, славному знапоку геммъ и камеевъ. Онъ сдѣлалъ и собралъ опшписки или слѣпки со всѣхъ драгоцѣнныхъ камней, оспавшихся опъ древноспи, и расположилъ ихъ по лицамъ. Вы видите на-примъръ Юпишера во всѣхъ его положеніяхъ, со всѣми его ашприбушами, во всѣхъ происшесшвѣяхъ его жизни, переданныхъ Миеологіей. Слѣпковъ можетъ бышъ съ сошню, и шакимъ образомъ всѣхъ боговъ, богинь, полубоговъ, героевъ, — далъе лица испорическія, полководцевъ, философовъ, поэповъ! Какое драгоцѣнное пособіе для Ишторіи, Миеологіи и Символики, Эстетшики, Археологіи, Филологіи! Полное собраніе съ кашологомъ сосшавляетъ кажешся 4,000 слѣпковъ. У него ешъ шакже собраніе шолько примъчашельнѣйшихъ камеевъ, избранное изъ перваго.

Ну какъ не запасишъ ими Универсишешамъ! Кадешъ говорилъ о своемъ шрудѣ, какъ о дѣлѣ маловажномъ. Вообще шруды Ишпаліанскихъ ученыхъ малоизвѣстны виѣ Ишпаліи: попадишъ шакое собраніе Нѣмецкому Профессору — какую бы систему онъ шопчасъ сосшавилъ, принушденный опыскивать и собирашъ миеологическія показанія изъ миллионовъ спшховъ и прозаическихъ спрокъ. Конечно, ешъ собранія снимковъ, но нигда шакихъ обширныхъ и приведенныхъ въ шакоей порядокъ.

И шакъ нынѣшній день посвященъ былъ ученосши, да и завшрашій будешъ шакже.

24. По назначенію опшправилъ къ опцу Мѣрки, къ кошорому нынѣ приврашникъ привелъ насъ прямо, хошя и молча. Почшенный ученый разсказалъ намъ самымъ шолковымъ, яснымъ, или, какъ говоряшъ нынѣ, объективнымъ образомъ, Ишпорію Римскихъ монешъ до 4 го вѣка предъ Р. Х., монешъ демокрашическихъ, го-

родовыхъ , и по нимъ объяснилъ Историю колонизаціи городовъ , съ удержаніемъ своихъ законовъ. Собраніе у него богатѣйшее, и очень дорого стѣбишь ему или Ордену. Сочиненіе почти гошво. Надъ слѣдующими монетами, шо ешь аристокрашическими, монетами фамилій, работаешъ шеперь его ученикъ, а Имперашорскія слышкомъ просшы и ясны, шакъ чшо не стѣбишь шрода занимаешься ими. Какъ явентъ знашокъ своего дѣла. Вошть послашь бы къ нему какого нибудь юношу-охопника , на выучку, шакъ чшобъ онъ посвяшалъ его въ шавнства древней нумизмашики, а попомъ къ Делевелю для средней, лишь бы шолько шощъ не выучилъ его новой полишики! Такіе люди, какъ Марки для Нумизмашики, Ришперъ для Географіи, Линде для Лексикологіи, Шафарикъ для Славянцишы, родяшся вѣками, и надо непременно ими пользовашься, чшобъ наука прозаябала, а не зябла.

Марки показывалъ послѣ множество любопышныхъ вещей, ошносящихся къ древнему хозяйству.

Ему около пятидесяти лѣтъ, онъ дороденъ. Скромнѣшя шакѡй, какъ у него, я видывалъ рѣдко.

Поспѣшилъ домой за женою, чшобъ идиши къ Св. Петру, гдѣ празднуешся нынѣ Вербное воскресенье, и начинающя церковныя шоржештва, новыя досшопримъ-чашельноспи Рима.

СЕРДЕШНАЯ ОКСАНА.

СЪ МАЛОРОССІЙСКАГО.

Ничего нѣтъ въ свѣтѣ чище, нѣжнѣе, святѣе—и пошому Богу пріятнѣе, какъ чувство матери къ дѣтямъ!—Сколько бы ихъ ни было у нея, благословилъ ли Богъ хотя бы десятью, или одно было бы, они, для нѣжности ея все равны: cadaго равно любилъ, равно печется, и о каждомъ въ одинаковой мѣрѣ беспокоится. Девять здоровыхъ, веселыхъ, игривыхъ кругъ нея, а одно мрачно, спонешъ, морщится, недугуетъ, — и она беспокоится о немъ, тревожится, боится, чтобы еще сильнѣе не занемогло, чтобы не сообщило и изъ прочихъ кому своего недуга.... Жаль страдающаго, опасно за здоровыхъ. Сердце ея разрывается на части!.... Ей не тяжелы никакіе труды, заботы, лишенія, лишь бы тѣмъ могла она доставить имъ спокойствіе, утѣху, отвращить скорбь. Ничто не тяжело ей въ такихъ заботахъ, ничто не трудно въ пожертвованіяхъ. Въ рвзвостяхъ, въ шалостяхъ дѣшей, она, не какъ опецъ, начнешъ унимать, увѣщевать, уговаривать,—но и шуптъ прокрадывается ласка: — «не дѣлай пакъ, миленькій. Ты мнѣ эшимъ досаждаешь.... Глядя на швою несправивность, я шужу о тебѣ....» — Въ большей вигѣ, она уже говоритъ сыну: — «Ты меня заспавилъ плакать ... мнѣ жаль ласкать тебѣ равно съ другими дѣшми моими.... Успокой меня, исправся.» И надъ какимъ ожесточеннымъ сердцемъ не произвели бы пакія слова своего дѣйствія?

Вспомнимъ свое дѣшество; кто изъ насъ не былъ тогда шалоспливъ, неопрятенъ, лѣнивъ, упрямъ, непослушенъ? Вспомнимъ, что больше служило къ нашему исправленію: опцовское ли взысканіе, или машеринскіе выговоры, приправленные ласкою? — А если къ тому увидишь, или шолько замѣшишь слезы, въ дорогихъ для себя, глазахъ ея... Господи милосливый! всѣ глупости бросишь, все злое, нехорошее оставишь, и изо всѣхъ силъ спараеться добрымъ поведеніемъ заспавишь ее забывъ нанесенное ей огорченіе. Она же прежде тебѣ все забыла. Святое дѣло, мать! — Милосердый Господь въ небесахъ, вмѣсто Себя, далъ намъ любовь родительскую на земли: отецъ наспавляетъ со взысканіемъ, и чтобъ молодой человекъ ошъ строгаго преслѣдованія не пришелъ бы въ уныніе и не потерялся бы ошъ строгастей, постоянно имъ испытываемыхъ, шущъ благое Провидѣніе даровало ему вѣжностъ, кропостъ машеринскую, съ любовью и снисхожденіемъ, какъ ешъ Самъ Господь милосердый къ намъ грѣшнымъ.

Вотъ небольшой примѣръ любви, кропости и снисхожденію сердца машери при самомъ сильномъ пораженіи его.

Была вдова — оставимъ при нихъ собственныя имена, хотя шрудныя для произнесенія взелеянному Французскими словами выговору; — но такіе же люди, подобные Эраспамъ, Адольфамъ, Луизамъ, Эвелинамъ, носили ихъ, пусть заинтересуюшъ хотя справностью своею: — была Вѣкла Ведмѣдиха. И что за женщина? На все село, гдѣ жила, разумная, разсудливая, богобоязненная, и хорошаго, честнаго рода. Самъ сельскій голова частехонько къ ней за совѣшомъ приходилъ, и она такъ разсуждала обо всемъ, что не шолько онъ, но и всѣ спарики не придумаютъ такъ, какъ скажешъ она и, глядишь, все выходило хорошо. Она не хотѣла вмѣшиватъся ни во что, не ходила къ волосшному правленію, вигогда не разспрашивала, за чѣмъ собралася громада и о чемъ

раду ведушь; и не вмѣшивалась ни во что, но сама по себѣ знала все, и что къ чему и для чего пригодно. Крѣпко разумна была!

Была dospaпочна. Имѣла землю, рабочаго скоша нѣсколько, вѣшряную мѣльницу; оставшись же вдовою, распорядила всѣмъ: землю ошдала обрабатывашь съ копны, мельницу съ мѣрки; и всѣ условія сдѣлала съ честными, богобоязливими людьми, чтобъ не обидѣли ее, сносили условленное въ срокъ, и не приводили бы ее жалъшь, что съ недобрыми людьми имѣеть дѣло. Скошину продала, и начала жить деньгами, безъ дальнихъ хлопотъ, шажкихъ для женщины.

Умеръ ея Охримъ, а шупъ объявилась ревизія. Вошъ, послѣ Семенова дня (1-го Септября) пришла она въ волосшное правленіе, поклонилась, какъ долгъ велишь, головъ, и всѣмъ судящимъ, и говоритъ: — «А что, пане голова, и вы, панове громада! вошъ уже и Сѣмена прошло, Свяшой Покрови дождемся скоро, а десяшникъ не приходилъ ко мнѣ ни одного раза, и не заказывалъ о взносъ подушнаго.»

— Да швой Охримъ умеръ! — сказалъ голова.

«И соспоишь исключеннымъ изъ ревизскихъ сказокъ и изъ общешвенныхъ вѣдомостей!» шакъ подхващилъ писарь, оставивши писашь свое и пошраси кудрами.

— Знаю больше всѣхъ, что онъ умеръ,—говорила Вѣкла: — знаю и то, что онъ спойшь *заклученнымъ у вѣдомости*, какъ панъ писарь называетъ по письменному, по грамошному; но я все-таки хочу плашишь за моего Охрима, пока сама живу. Благодарю Бога, еспь изъ чего взносишь мнѣ за него! И мнѣ веселье будеть, что я плачѣ за моего Охрима—пусъ онъ царшвуешъ тамъ! Пришомъ же буду чваниться, что и я, словно мужчина въ свѣшъ, шуда же за добрыми людьми взно-

шу Царское и на войско, чшо насъ оберегаетъ. Да изъ общеспвеннаго не выписывайше: пусть и я взношу, по чемъ-памъ у васъ положено съ души. —

»Какъ эшо можно, — говорилъ, удивляясь, голова: —

— Казусное дѣло? — опозвался писарь, полча себя пальцемъ въ лобъ: — «не имвешся примѣра. Нужно — надобно испросить разрѣшенія опъ Ихъ Высокоблагородія, господина Земскаго Исправника. —

»Не нужно никому и разрѣшаться — сказала вдова: — «и ты, пане писарь, не разрѣшайся и не дури; а вопъ что, панове громада, сдѣлайте: выпишите какого колѣку, или бѣднаго сироту, а съ меня зыскивайше. Пусть-таки и я не даромъ живу на свѣшъ.»

— Развѣ шакъ! — ну, когда шакъ, шакъ и шакъ! — загудѣла громада обычное свое на сходкѣ слово «шакъ» чшобъ не долго придумывать свое, и поспановили по желанію Вѣклы. Вопъ и пошла по всему селу *слава*, чшо Вѣкла спойшъ въ ревизию и плашишъ подушное; а она говоритъ на шо: «шакъ и надобно. Лучше же мнѣ опъ досташка плашишъ, чѣмъ послѣднее зыскивать съ сироты или убожества. Вѣдь же и я у Царя нашего и обережена и успокоена какъ и всякій человекъ: смогу шянушъся за людьми. Опдамъ дочь, прииму къ себѣ зяшл, тогда и за двухъ плашишъ буду.»

Она уже вопъ - вопъ ожидала зяшл. Вопъ - вопъ, въ Филиповку, послѣ праздника Зачатія Св. Анны (9-го Декабря), какъ слѣдуетъ, по порядку, начнушъ *швандять* по селу старосты и высвапывашъ дѣвокъ, и будушъ у нее, потому чшо ея дочь, Оксана, какъ дождемъ Рождественскаго мясовда, будешъ уже шестнадаши лѣшъ. А чшо же эшо за дѣвка была? — Бѣляночка, живая, проворная, ко всему скорая, на рѣчахъ бойкая, пропивъ всякаго учпивая, привѣшпчивая. Гдѣ она, шамъ опъ нее смѣхъ и хохощъ, игры и забавы. Какъ у маперн не было никакого хозяйства, а жила все съ копѣйки, шо

Оксанѣ нечего было работашь. Управилась ли съ хлѣбми, посадила ихъ въ печь, скорѣе къ подругамъ: тѣ ждущь ее, ожидающь какъ ласпочки весною, пошому чшо Оксана какъ защебечешь, какъ за *баллитраситъ*, шакъ весело всѣмъ, всякъ гошовъ хопъ цѣльмй день слушашь ее; а разсмѣишишь — ее подавай! Если бы мершвыи могъ слышашь какъ она *точитъ баласы*, шо и шопъ расхохотался бы; а о живыхъ и говоришь нечего, чшо, гдѣ она въ бесѣдѣ и разщебечешся, тамъ ложашся опгь смѣха. На улицѣ, на вечерницахъ, въ коладкѣ, наша Оксана всѣмъ передъ ведешь; безъ нея не знали бы чшо и дѣлашь.

Мамъ начнешь было удерживашь ее: »сиди, доню, дома; чего ты бѣгаешь? Зачѣмъ не работашешь? Возьми, да либо пряди, либо шей; до сей поры ничего не умѣешь.«

И она кинешся къ мамери на шею, начнешь обнимашь, цѣловашь ее, приговаривашь: — »машусенько родненькая, рыбочка, голубочка, перепелочка! — не удерживай меня. Какъ я еще молода, шо пусть погуляю, словно какъ пшичка на свободѣ подѣ небесами лептаешь. Буду вспоминашь свое дѣвованье, чшо я у себя какъ рыбка въ рѣчечкѣ гуляла, свободна, весела; куда хопгь-ла, шуда плавала, да благодарила себя, чшо ты, моя маминочка, была ко мнѣ жалосплива, добрая, баловала меня. Вотъ уже какъ выйду замужъ, вздѣву очѣпокъ, шогда уже не куда гулять; шогда ошпененюся, примуся работашь, рукъ не положу, мужа и дѣшочекъ буду обшивашь, и себя, мамочка, чшо ты у меня была шакая добрая, жалѣла меня, всюду пускала гулять.«

— Когда шо еще будешь? — спанешь мамъ говоришь: — привыкла бѣгать, да гулять, шакъ кшо присадишь себя за работу? И умѣешь ли ты еще сработашь чшо? Нишки не выведешь...

»И уже ты, мамо, мнѣ эшого не говори. Я и шопрѣвши, какъ ты работашешь, всему научилась. Дай-ка гребень сюда.« — И шупъ же выхватила у мамери гребень и начала прасшь... верешено шумишь у нее, а

она выводишь нитку... шовкую, долгую, ровную, а сама бесняночки припъваешь. Старуха смопритъ, да удивляешься.

«А что, мамочка, скажешь шеперь, что прясши не умью?...» И кинешъ гребень, примется *за рушникъ*, что мать вышиваешъ ей на приданое; и начнешъ шакіе же цвѣтки вышивашъ, какъ и мать, а сама почнешъ пѣть свадебныя пѣсни, приспѣвая къ себѣ, будшо она идетъ замужь. Тупъ мать шолько всплеснешъ руками..... и рада бы шо, что шакое добро распешъ и весело, опрадно ей бышь съ нею, держашъ при себѣ, но жалѣешъ, чшобъ она не скучала, не зашосковалась бы.... боншя и ошпускашъ ее, чшобы иногда.. дѣвочка молоденькая... чшобъ не погубила славы.... Подумавши и сѣ и шо, пошомъ, едва сквозь зубы, начнешъ говоришь: — види же себѣ....» а ша уже вскочила, уже на шен у машери, уже выцѣловала ее, уже и выбѣжала... и дверей не зашворила... уже шолько слышно, что идетъ по улицѣ и пѣсенки распъваешъ.

Пускай же мать, хошя немного, поморщилса, что или нездорова или о чемъ взгруснешъ; шущъ уже Оксаны не выгонишь ни чѣмъ изъ хашы: все забыла, все покинула; хошя бы самая первая пріятелька просила бы ее въ дружки, не пойдешь ни за что уже ошъ машери ни на шагъ: все глядишь ей въ глаза, все спрашиваешъ: «что у васъ, мамочка, болишь? — Не хошяше ли чего? — Не разсердила ли я васъ чѣмъ, да вы не говорите, а шолько спонеше и жалѣете меня?» И уже какъ приспанешъ, шо и отведешь ошъ машери всякую шугу, печаль, и хошя бы шочно мать была чѣмъ нездорова, шо Оксана ее разговоритъ, развеселишь до шого, что больная забудешъ свою бѣду.

А какъ бы весела ни была, но лишь увидишь шпарца, колѣку или пошертѣвшаго ошъ пожара, шущъ она ошпавишь все, пошчасъ къ нему, распшыиваешъ, разспрашиваешъ, возьмешъ за руку, поведешъ къ себѣ, накормишь, надѣлишь чѣмъ Богъ послалъ, дашъ на до-

рогу и проводить за село: только и видно ее, какъ она около *бѣдности* увивается, да все слѣзочки утираешь. Надѣлила, проводила, слѣзки ушерла.... бѣжишь... уже опять въ бѣсѣдѣ, и опять верховоришь по прежнему: весела, жива, говорлива какъ и была.

Только же насмашь весна и шеплое солнушко сажешь съ бугорковъ снѣгъ, Оксана и собрала свою команду; бросилась изъ конца въ конецъ села, ведешь цѣлую свору дѣвокъ, и приговариваешь: «за чѣмъ вы будешь сидѣшь въ хапахъ? Богъ даешь весну, солнушко пригрѣваешь, и самый въперокъ шепленькій. Полно вамъ до за-печью перешься. Неужели не наскучило вамъ сидѣшь на одномъ мѣсѣ черезъ долгую зиму? Будешь спарыя, погда належишесь на печкахъ, нассоритесь съ мужьями, набранишесь съ дѣшворою. А чѣмъ спанете вспоминашь свои молодья лѣта? А чшобъ вамъ весело было! (эшо у нея самая сильная брань была). Ну-те-ка, давайше, побѣжимъ!... беритесь парами, въ *хрещика*, *ворона*, поведемъ *криваго танца*, *коровода*, *кострубонька*, въ *жены*. И поцло у нихъ веселье! — и чшо же вамъ сказашь? Всѣ дѣвки красивы, убраны, разряжены... да ба! ее замѣтно опъ всѣхъ. Такая же байковая юпка (корсешь) съ рукавами, шакая и *плáхта* и *запáсочка*, и косы шакъ же прибраны, и, кажешься, шакъ же рушникомъ подпоясана, все-все шакъ и у нее, какъ у прочихъ дѣвокъ.... эге! да чшо-шо не шакъ. Все на ней шакъ лóвкенько, опряшненько, оципано, всѣмъ дѣвкамъ краса: только на одну ее и смотришь.

И вопъ, лишь заслышали дѣвичьи пѣсни на улицѣ. шо и полѣзли изъ хапъ спарые дѣды и бабы, а молодья женщины даже выбѣгають; да чшо? дѣшвора вся высыплешь изъ хапъ, и всѣ говоряшь: «пойдемъ-ка на *вдворья* (посидѣть за ворошами), уже Оксана разгулялася.» И посядутъ всѣ на улицѣ на присбахъ хапъ, на колодкахъ и гдѣ можно подъ плепнями. А парубочство (молодые парни)? Тѣ, вырядившись по своему, шапки на бекрень, *люльки* закуряшь, купама ходяшъ кругомъ дѣ-

вокъ, и глядя на Оксану, полько облизывающся. Они, и весь пародъ, что собрался на улицъ смопрѣшь, ее одну видящъ, на нее одну смопрѣшь, про одну ее говорящъ.... Вошь дѣвки и спаровались играшь въ хрещика, вошь и гробы (пара, которая должна ловить другихъ) спали... и пустилися.... полько посвиспи: фишь-фишь!.... Не родился пошь человекъ, кпобъ поймашь Оксану! Кшо бы ни спадъ гробами, хопъ бы изъ парней шибко бѣгающій, и не говори чшобы поймашь ее! — Кшо ее знаешь? Всъ бѣгающъ, по подъ ними даже земля стугонить (гудеть); сами задѣхающся, засѣпающся, спотыкающся.... Побъжишь же Оксана, такъ на удивленіе! Бѣжишь, почно муха лепишь, до земли не допрогивается, полько и замѣшно дробишь ножками, а рученьками не размахиваетъ, а будто и пропянетъ чшобъ поддаться, но полько лишъ бѣгущаго допуститъ къ себѣ близко; вдругъ... скокъ, скокъ, скокъ.... полько и видѣлъ ее! Сама же не согнепся, не сгорбится, почно какъ спруночка!....

Набѣгались въ хрещикъ, заморила всѣхъ; давай хороводы водитъ. Повела криваго танца.... такъ чшожъ? другихъ дѣвокъ и не видно за нею. Какъ зоренька вечерня, между всѣми звѣздочками, какъ ушочка плывя по водѣ, такъ она выклоняется, головкою поводитъ и веселенько поглядываетъ на всѣхъ.... а какъ начнетъ пѣшь пѣсенки, знаете, что при хороводахъ поюшь, такъ почно флейшочка, или серебряный колокольчикъ.... Всъ прочія поюшь во все горло, во весь рошь, а она и губонекъ не распворяетъ, да ея голосочекъ слышенъ изъ за всѣхъ.... да такъ за сердце и беретъ.... все бы слушалъ ее одну....

Каково-же было Вѣклѣ, матери ея, глядя на свою дѣвоньку, что, хошь и дитя ея, а каждой матери свое дитя лучше всѣхъ, а шупъ сама видитъ, слышитъ, что ея Оксана краса всему селу, и что всѣ люди собрались за пѣмъ, чшобъ глядѣшь на одну Оксану, и что всѣ, въ одинъ голосъ, не умолкая, хвалятъ ея милую Оксану. Когда, вечеромъ, придетъ Оксана уже

домой, пушъ машь цѣлуешъ-цѣлуешъ свою дѣню и приговаривашъ : шты моя дѣненько.... моя ласповочка !.... шты моя краса.... шты моя слава, черезъ тебѣя я и весела, и здорова, и опъ людей въ почетъ!.... Ты веселишь мою старость, шты держишь меня на свѣтъ!....» и всякими такими приговорками , долго-долго ласкаешъ дочь свою.

А Оксана будто и молчишь? Ну, ну! и она, отвѣчая ласкими на ласки мапери , также приговаривашъ : мамочка, голубочка, моя родненькая! я же вся въ тебѣ.. у меня швова натура.... Лишь бы ты была здорова, весела, да не переставала любишь меня, шакъ я земли подъ собою не чувствую ; мнѣ шакъ легко , полешъла бы я словно шпичка. Опъ шого, чшо ты шакъ любишь и жалуешъ меня, я шакая веселенькая, и ни о чемъ не думаю, шолько чшобъ угодишь тебѣ и развеселишь тебѣя. Ты же у меня одна, машусенька : нѣтъ у меня ни башеньки, ни сесприцы; шты мнѣ и солнушко, и мѣсяць, и здоровье, и счастье!... Знаю, чшо и я у тебѣ одна, какъ ша порошинка въ глазъ , шо и я держу, себя шакъ , чшобъ ты веселилася черезъ меня до конца вѣку своего, чшобъ радовалась, глядя на меня и слыша добрую славу обо мнѣ. — Мамочка моя родненькая! не опдавай меня замужь! Мужа надобно любишь, а я не хочу, не умѣю, не умѣю никого любишь, какъ шолько одну тебѣя , машусенку мою, зореньку мою!....»

Вѣкла слушаешъ ее и не наслушается. — Смопришь ей въ штъ глазочки , чшо блеспятъ какъ синсе небо; смопришь, лобуешся.... доцѣлуешъ ихъ, перекрестишь дитя свое, вздохнешъ , возведешъ глаза къ Богу милосердиому, подумашъ: кому шакое добро достанется? всплакнешъ — и спашешъ молишься Богу.

Такая дѣвка, какъ наша Оксана, не ужели не зашмала парубковъ ? — Не знаю! — Былъ ли хопъ одинъ изъ нихъ, чшобы не дорожилъ его? Каждый бы заслалъ свашовъ къ ней, шакъ боялись парбуза» (пыкву полу-чишь, въ знакъ опказа). Не одинъ рѣшался запрогашъ

ее, шакъ, знаеше, жениховскимъ дѣломъ.... шакъ куда? ни приспуну! Въ бесѣдѣ говоришь со всѣми, хохочешъ, подсмѣиваешъ, и что хочешъ говори ей, она будетъ слушашъ. Попробуй же запирогашъ ее, или пихнушь, или ногу подставишь когда идееть она, чшобы спохкнулась (первый приспунъ познакомишься съ дѣвушкою), какъ водился у парубковъ съ дѣвкою, являющаюся ему.... Не знаю! она шакъ опбрѣнетъ, шакъ приспидишь всякаго, что не будетъ знать самъ, на какую ногу ступить.

Которые носмѣлѣе, шакъ шъ шакъ, напрямки спанупъ говоришь: »Оксана! я шебя полюбилъ щиро (искренно), крѣпко полюбилъ. Вопъ у меня такое и такое нмущесиво, естъ то и то. Зваръ нужды не будешъ.... скажи: присылашь свашовъ?« — Она пушъ же и ошвѣчаешъ: »Благодарю шебя, добрый человекъ, что ты меня замѣнилъ между многими, и думаешъ, что я могу сдѣлать швое счастье. Мнѣ весело, когда обо мнѣ шакіе люди, какъ ты, думаютъ шакъ. А свашовъ не безпокой. Не шо, что именно за шебя, я и ни за кого не хочю.«

Такъ было и мащери скажешъ, когда къ ней придутъ сами опщы или мащери, чшобъ свашанъ Оксану за сына. Вѣкла людей разговоритъ съ ласкою, пооптчуешъ, да съ шѣмъ и опшущешъ, а сама приспанешъ къ дочери:

»Сдѣлай милоешь, скажи ты мнѣ, Оксана, гдѣ швой разумъ, гдѣ голова? Опъ чего ты неидешъ вопъ за шшого жениха? Ты опказала наопрѣзъ тому и тому (пушъ и напомнитъ ей всѣхъ, кшо свашалъ ее), а вопъ и шупъ шо-же. Когда бы сказашь, люди какіе нибудь, а шо люди на все село. Что ты думаешъ съ собою, милое дитя мое?«

— А шо думаю я съ собою, мамочка, что не хочю замужъ за мужика. —

»Что ты шго вздумала, доню! — даже вскрикнула Вѣкла, всплеснувъ руками: »не одурѣла ли ты? За ко-го же думаешъ ты выдши?«

— Охъ, мамочка родненькая! Часпо я и сама про себя думаю, что чупь ли не *обожеволила* (помѣшалась) я! — А уже какъ хочешь: брани меня, хошь бей, и какъ вздумаю выдши за мужика, шакъ мнѣ и свѣшъ не мнѣ! Видишь ли что? какъ и поднлась я на ноги, росла, выросла, шо и опъ шебя, и опъ людей слышу, и сама вижу, что я хороша и красива шакъ, что и въ селѣ нашемъ нѣшъ шакой. Да какъ еще и напура у меня шакала веселая, что меня всѣ любяшъ, шакъ у меня и *заройлося* въ головѣ: не мужику владѣшъ мною; не хочу за него, и не хочу! Вышедши за мужика, бросишъ надобно думки какъ убраться, какъ нарядишься, а спупай на огородъ, въ поле, дома возня съ хозяйствомъ, шолкись съ дѣшворою, и шолько и знай, что спряшай, мужу угождай, слушай его и уважай; когда же и побѣшъ, шакъ шы шерпи. Нѣшъ, не хочу за мужика!»

— Кого же шебъ надобно? За кого шы думаешь выдши? —

«А вопъ, мамочка, что. Когда бы мы жили въ городѣ, шо я, съ своею красою, скоро нашла бы шебъ какого паньча. Какъ же мы живемъ здѣсь, въ селѣ, шо шолько и надѣяшся можно выдши за какого купца или поповича. — Охъ, машусенька моя! если бы мнѣ шакое счастье! — А какъ люблю я жишъ въ роскоши! Не нужно ни о чемъ хлопашъ, о работѣ и не вспоминай; шолько ѣшъ и пей все хорошее, и наряджайся, сколько душъ угодно. Вспомнивъ же, какъ я шогда буду шебя въ спаросши лелеяшъ, шакъ опъ радосши себя не мию! Буду шебъ угождашъ, нѣжишъ шебя, чего шолько пожелаешь, все буду доспавляшъ шебя. Сама ни съѣмъ, ни сопью, шолько о шебъ буду забошишся. Мужикъ же не доспавишъ мнѣ шакого счастья.»

Долго и быспро смошрѣла на нее спаруха Вѣкла, попомъ какъ заплачешъ, какъ вскрикнешъ: — Господь милоспивый! въ самомъ дѣлѣ, Оксана, ты не о своемъ умѣ! Опкуда шакия думки нашли на шебя?... Я, я виновата, что нашолковала шебъ о швоей красѣ. Маше-

ри свое дитя всегда кажешся лучшимъ опъ всѣхъ. Положимъ что и шакъ: да развѣ же наши красивыя дѣвки выходятъ за паньчей? Ни мало! Будешъ хороша, какъ пошъ пвѣшочекъ, а шаки выходишь за *эльбороба*; съ нимъ работаешъ въ полѣ и дома хлопочешъ; краса ея не пропала, дѣточекъ пародила и благодарить Бога! дочери ея шакъ же красивы, какъ была она. Воптъ и я же: и я была дѣвка на все село. Не только славилась въ своемъ селѣ, но и провѣзжающіе даже пань, какъ увидяшь меня, что даже изъ коляски выглядывають, смотряшь и все хвалашь; иной даже шапку снимешъ, да скажешъ: здравствуй, красавица! Такъ я же не подумала ничего и не загордилась, и какъ случился челоувѣкъ достойный изъ нашихъ, вышла за своего опца, за Охрима; хопя онъ былъ уже вдовъ, но какъ честная душа была, шо я, по своей охощъ вышла за него, и хвала Бога, жила съ нимъ благополучно. — Эй, доню! кинь шакия гордыя думки. Эшо тебѣ смущеніе опъ нечистаго ... Господи, оборони насъ опъ него! — Гляди шолько, чшобъ тебѣ эшъ думки не завели въ погнбелъ — опъ чего да сохранишь тебѣ Машерь Божія! Тушъ обьяла дочь и начала ее крестишь и цѣловашъ.

Оксана говоритъ: — Какъ хочешъ, мамочка, а эши мысли не опходятъ опъ меня! Буду слушашь, чшд шы спанешъ говоритъ мнѣ, и сама разбирашь буду. —

Часто шакъ шолкуя все объ одномъ, машъ, шо просъбою, шо слезами, довела-таки дочь до того, чшо она сказала: «что-жъ, мамочка! выйду уже и за мужика... лишь былъ бы честный и уважительный прошивъ тебѣ...»

Какъ воптъ и случился скоро парень *важный*. Одинъ себѣ, ни опца, ни машери, не кому будешъ управляшь. Самъ себѣ хозяинъ; и добра всякаго, скопины ли, поля и прочаго, всего не мало. Парешъ молодой, *друэлка*, работающій, смиренный, не пьющій, и уже ни съ кѣмъ не зассорился, не завздорилъ; собою черявый и красивый.

Спаруха Вѣкла обѣими руками схватила за него. Петромъ звали; да и сама Оксана, нечего было сказать, сякъ-шакъ, принуждена была сказать: — »Пойду.... шолько пущь осенью.« — Нужды нѣтъ, мы и подождемъ! — обрадовавшись сказала Вѣкла.

Далеко до осени! — и рассказывать не хочешся.

Въ это село, гдѣ жила Вѣкла, пришли солдаты на постой. Чѣмъ тогда спалось съ дѣвками!.... Не помнятъ сами себя опть радости!.... Вспомъ-ка, брашцы, и мы свои молодыя лѣша. Какъ весело встрѣчали и радушно принимали насъ дѣвушки въ новомъ мѣспѣ, гдѣ мы появлялись. На своихъ же, мѣспныхъ, и смотрѣть не хотѣли. Извѣстна дѣвичья натура: сегодня любятъ красное, завтра зеленое, а красное бросаетъ, и не думаетъ о немъ.... А ужъ наиболѣе какъ увидятъ военныхъ.... У-у-у? шущь онѣ сами не свои. Лишь-бы какъ завидѣть мундиръ, а еще пуще »усы«, шущь все забыто! Ничего не слышитъ, не видитъ, ни о чемъ не думаетъ, кромѣ »усовъ«. Такая натура у всѣхъ дѣвушекъ. Премиленькія! —

Такъ было и теперь, На своихъ парубковъ никакъ изъ дѣвокъ и не глядитъ: все у нихъ солдаты и солдаты на умѣ. Подавай ихъ и на улицу гулять, и на вечерницы, и вездѣ. Какъ же! Царскіе служивые не шо думаютъ: ему надобно аммуницію исправитъ, мундиръ приготовишь, опдохнуть, шакъ гулять съ дѣвками нѣ некогда. Мало ли они свѣша прошли, и вездѣ имъ дѣвки вѣшались на шею, шакъ и спали для нихъ ни почомъ.... Дѣвки же, видя, чѣмъ пошпозальцы не зашпрогиваютъ ихъ, принялись за свои хитросхи: уберутся, разрядятся шакъ чѣмъ ну! и въ самую тихую пору, какъ солдаты соберутся на ученѣе, воптъ Мелашка схватитъ вѣдра и идетъ за водою. Какъ-разъ прошивъ солдатъ повстрѣчалась съ Напалкою, идущею за чѣмъ-то къ дадеку. Воптъ какъ встрѣлися, да и давай балагурить шо о сквидячкахъ (головныхъ лѣшахъ), шо о черевичкахъ, да и не знашь о чемъ, какъ шущь — глядь! оп-

шуда Домаха, опсюда Ивга, а шамь Феська, да Оедора, да ша, да эша — и насобираешся ихъ не мало. Балагурашъ между собою, а чаще всѣ говоряшъ, и никшо никого не слушаешъ, да и посадушъ на колодкахъ, сложенныхъ на площади, и продолжаютъ болпашъ.... а на солдашовъ будшо и не глядяшъ; какъ напрошивъ, жилки дрожашъ, думая: когда-бъ воишъ шошъ высокій, да чернявый, заірогалъ бы меня. Такъ и каждая сидишъ хошъ до позднаго вечера. А машери ихъ однѣ: ждушъ дочекъ — нѣшъ ихъ. Нечего дѣлашъ: сама спаруха воды принесешъ, печь расшопишъ, ужинъ сваришъ, все думая: «ничего! пушъ дѣвка погуляешъ!»

«Гдѣ шы эшо, доню, шакъ долго была? Видь уже не рано. Опъ чего шакъ запоздала?» спрашивала машь Оксану, воропившуюся домой вовсе въ сумерки.

— Гдѣ была? — опвѣчала она, раздѣваясь и снимая свои уборы, и упряшывая по своимъ мѣспамъ. — Гдѣ была? Смошрѣла съ дѣвками на москалей. Какъ они славно выкидываютъ муштру, шочно какъ однѣ человекъ. Эшо все учишъ ихъ спаршій. Говоряшъ, что и изъ всей команды нѣшъ спарше его. Да какой онъ, мамочка, разумный! Да какъ его всѣ слушаюшъ! Чшо скажешъ, шакъ всѣ и поспѣшаюшъ дѣлашъ. Когда крикнешъ на нихъ, чшобъ подняли ружья, шо они, какъ-разъ и поднимушъ, даже забренчашъ всѣ.... Такъ весело, чшо не можно! А куда скажешъ имъ идиши, направо или налѣво, шолько крикнешъ, шакъ никшо и не поспоришъ, спѣваю шакъ и идушъ. То-шо, я думая, онъ разумный! А чшо уже красивъ, шакъ и мѣры нѣшъ.... Ты, мама.. солила.... дрова?»

— Чшо шы, чшо шы, чшо шы? Богъ съ шобою! — крикнула Вѣкла на дочь, увидѣвши, чшо-шта набрала въ горшъ пшена и начала посыпашъ по припечью, словно какъ будшо солишъ чшо. — Или шы одурѣла, или обожевомила? — Чшо шы эшо дѣлаешъ? — И опнавши у нея, сама занялась спряннею.

»Видишь!.. шѣфу!... опомнясь сказала Оксана, и схвативъ вѣникъ, начала меспи хашу.... Тушь опять крикнула мать на нее, попрекая что дѣлаешь вовсе не то, что надо. — »О своемъ ли ты умъ? — Вымешашь хашу, когда я готовлю все къ варенью. Навылишь и все испортишь. Вотъ это уже насмотрѣлась на солдашъ, и они у тебя въ головѣ.«

— Нѣтъ, мамочка, цуръ имъ! Будшо уже все на нихъ и глядѣшь, какъ учашъ ихъ вошь пошь.... А какъ громко кричашъ! Его далеко слышно. Ужъ шакъ это голосъ! Какъ станешъ передъ ними, шо словно орелъ!... Самъ же высокенькій, пряменькій какъ стрѣлочка, усы ешь небольшіе, красивенькіе.... собою чернявый.... —

»Кшо тамъ шаккой чернявый? — заправляя борщъ, спрашивала мать у Оксаны, сидѣвшей на подмошпахъ, сложивши ручки, и все рассказывавшей только о своемъ.

— То я, мамочка, шакъ себя.... шо я.. про спаршаго.... И задумается.... А пошомъ опять примешся говоришь; да начнешъ съ Напалки, а сведешъ на спаршаго; рассказываешъ про Мелашку, а сведешъ.... все-таки на спаршаго. Мать же, знавши, что ея бѣлоручка, какъ не захочешъ, шо не примешся ни за что, оставила ее, сама варишь и хлопчешъ, не слушая, что рассказываешъ дочь.

И за ужиномъ Оксана намекала про *старшаго*, но какъ мать не спрашивала и вовсе не слушала рассказовъ ея, шо она и замолчала.... и ужъ, навѣрно, всю ночь нашей Оксанѣ снились солдашы.... а не шакъ солдашы, какъ ихъ спаршій....

Ушромъ, сработала ли что, или нѣтъ, а уже, по привычкѣ, побѣжала къ подругамъ, подговорила ихъ опять собратъся и сморѣшь на ученъе, условилась и весела. Не совсѣмъ пообѣдала съ матерью, а уже и побѣжала, уже на колодкахъ, уже сморшришь.... Собравшіеся Офицеры и Капитанъ, въ ожиданіи пока солдашы соби- рались, начали съ дѣвками разговаривашъ, шутишь, смѣ-

ялась. Капитанъ же, замѣпивъ Оксану, началъ хвалить ее, какая она красавица. »Сколько — говоришь — ни походилъ по свѣту, сколько чего ни видалъ, а такой красавицы не видалъ и между барышнями. Это — говоришь — чудо!« Все это слышала Оксана, и какъ на огонь горѣла. Пошомъ подошелъ къ ней.... она желала бы сквозь землю провалишься, исчезла бы, забѣжала бы на край свѣта....

Вопъ онъ и началъ спрашивать ее.... такъ что же? Спрашивася: »гдѣ ты живешь? — а она отвѣчаешъ: »Ок....са....на.« — Ешь ли у тебя мать? — а она говоритъ: »послѣ.... обѣда.« — И сама не помнишь себя, не шокмо чтобы знашь какъ отвѣчать. Попомъ онъ попрепалъ ее по щекъ и сказалъ: — »Не стыдися, душенька; мы познакомимся съ побою.« Туть она-чуть чуть не сказала:.... Я уже васъ полюбила!.. Къ счастью ея, языкъ не поворошился.... засстыдилась и свѣта не взвидѣла.... — Прочія же дѣвки, подруги ея, уже хохочушъ, даже познакомилась съ другими Офицерами, не какъ Оксана, что не подберешъ словъ, какъ отвѣчать ему. Пока солдапы учились, Капитанъ частенько поглядывалъ на Оксану, а она глазъ не сводила съ него, вездѣ преслѣдовала его взоромъ, и сердечко въ ней шакъ и бьется, какъ рыбка, пойманная на удочку; въ душѣ ей шакъ весело, превесело, что и разсказать не можно!....

Послѣ всѣхъ дѣвокъ, Оксана пошла домой. Солдапы разошлись, и когда Капитанъ, идучи на кварширу, поровнялся съ нею и сказалъ: »прощай, красавица!« шакъ она, не помня себя опъ радости, прибѣжала къ матери, рада, веселенькая, смѣется, щебечетъ, бѣгаетъ, сядешъ, ояшь вскочишь, кинешся машери на шею; разсказываетъ гдѣ была, что видѣла, съ какою дѣвкою говорила, какъ солдапы муштру дѣлали, а про спаршаго ни полслова! — Около него что было, все разсказываетъ, и только-бъ назвашъ его, она и замолчишь, задумается, вспыхнетъ вся какъ жаръ.... Туть закрамѣется, засстыдишся, рученьками закроется, перемол-

чить ... и опять за свое; бросишься прибирашь, пого и глади: по разомлепъ, другое опрокинешъ, иное разобъеспъ.... Машъ спанепъ ворчащъ на нея, а она шупитъ, хохочешъ.... и развеселишь шаруху,

На другой день, Оксана прежде всѣхъ побѣжала глядѣшь на муштру со идатскую. Чпо же.... ея Капитанъ уже съ другою дѣвкой спойтъ: шупитъ, запрогиваетъ ее.... а дѣвка эта — видишь какая? — При людяхъ, среди улицы и, куда, еще до вечера, она смѣется, хохочешъ ошъ радости, чпо подружилась съ Капитаномъ.... Такъ думала Оксана, глядя на нее; да — или ей досадно было на Капитана, чпо онъ, гдѣ завидѣлъ дѣвку, и началъ ее запрогивать — и спыда ему нѣтъ! Такъ думаетъ она; или спыдно за дѣвку, чпо не уходитъ ошъ него, а сама спойтъ съ нимъ и разговариваетъ; — шолько она ошъ этого поблѣднѣла, запряслась и скорѣе ворошилаъ домой.... Но если правду сказать, Оксана и сама не понимала себя. Она полагала, чпо справедливо думаетъ, а на повѣрку, ей было досадно, чпо Капитанъ запрогалъ другую и говоритъ съ шою, а не съ нею.... Знаете, въ ней сердечко молодецкое, сама себя не пойметъ: полюбила Капитана, защемила сердечко, да какъ въ первый разъ, пакъ она и не понимаетъ, чпо дѣлается съ нею....

Вошъ въ шакомъ-шо горѣ ворошилаъ она домой, и едва-едва дошла.... И все у нее на мысли эта дѣвка, чпо не постыдилась разговаривать при всѣхъ съ Капитаномъ.... Да и Капитанъ.... видишь какой! Пусть бы возился съ своими солдатами; какое ему дѣло къ нашимъ дѣвкамъ? Развѣ мы ему ровня?.... Играй онъ съ своими барышнями! . . . Да оно и не было бы ничего, если бы она ушла, а по спойтъ и хохочетъ.... У! безстыдница!.... Повидѣла-бъ ее мать, чпобы тогда было ей? . . . Вошъ пакъ-шо она все сердилась и винила по дѣвку, по Капитана, и въ хапу свою вошла, какъ будто не она. Смущна, невесела, глаза пошупила, сидитъ, съ мѣста не двинетъ, и молчитъ какъ спына.

Чего ни спроситъ мать: «не знаю не видѣла не слышала не присматривалась.» Вошь и весь разговоръ. Мать занялась ею: «можетъ хочешь *сего-того?*» развлекаетъ ее, а Оксана и не слушаетъ. Не захошла ужинать и, лежа, все вздыхала тяжело у ней были все однѣ думки какъ подумаешь, что дѣвка не поберегла себя, а Капитанъ будетъ смѣяться надъ нею, такъ у нея даже запечетъ въ сердцѣ, и она — сердешная! — не разъ принималась плакать все о чужой бѣдѣ, какъ думала она

Спала ли не спала, а ушромъ схватила вѣдра и пошла за водой — чужь ли не въ первый разъ опъ роду! — И правда; гдѣ колодезь, а она поплыла вдоль улицею, къ базару думал себѣ: тамъ близко Капитанова квартира, и уже вѣрно вчерашняя дѣвка *сиуетъ* около, чтобъ повидаться съ нимъ Да ужь не я буду — даже вскрикнула Оксана: — когда только увижу ее съ нимъ, то вошь, право, матеря ея скажу. Пусть удержитъ ее, пускай она и е дѣлаетъ славы на всѣхъ насъ

Какъ вошь Капитанъ изъ-за угла узнать Оксану, и къ ней: «Здравствуй, Оксана!»

А у Оксаны руки и ноги запрялись, спала какъ вкопаная, словно приросла къ землѣ, ни съ мѣста, ни пары изъ устъ

Капитанъ и началъ говорить: «За чѣмъ ты не вышла вчера смотрѣть на солдатское ученье?»

Оксана молчитъ.

«Мнѣ безъ тебя скучно было!» говоритъ опъ.

Оксана готова была бы сказать ему, что ему и безъ нея было весело съ другою дѣвкою, такъ забыла все о чемъ думала всю ночь и ушромъ. Какъ же позабыла, такъ и молчитъ, глазенки пошупила въ землю, какъ будто считаетъ спелельки на правѣ, что подъ ногами.

«Скучно было безъ тебя! — продолжаетъ опъ. — Я красивѣе тебя не видалъ нигдѣ . . . и полюбилъ тебя . . .

крѣпко полюбилъ! — и взявши ее за руку, сказалъ пинхонько: «только полюби меня, я сдѣлаю тебя счастливою.»

Оксана какъ въ раю! Она, не хотѣвшая выходить ни за какого мужика, и думала все о панствѣ, объ роскоши, слышитъ теперь, что ее любитъ панъ молодой, красивый, богатый — она видѣла на его мундирѣ золото; — и конечно онъ *настоящій панъ*, потому что солдаты его слушаютъ и боятся; и этакъ панъ говоритъ ей, что онъ любитъ ее и сдѣлаетъ счастливою. Конечно, онъ хочетъ взять ее за себя?.... воть, воть она станетъ паненою.... чтожъ осталось ей на его слова говорить? Воть она, отъ чистаго сердца, и сказала: — «какъ же васъ еще полюбить?»....

— Полюби меня отъ всего сердца... думай обо мнѣ... выходи ко мнѣ.... полюби, какъ я люблю тебя?... —

«Я же такъ и — люблю, а можете и больше!»....

Оксана! Оксана! если бы ты больше знала пановъ, ты бы никогда такъ не сказала: ты бы съ перваго слова опобъжала отъ него, какъ отъ *лихой годины!* Ты не знала пановъ, и еще лучше панычей. Имъ не диво одуришь селянку, не выдавшую ихъ съ роду, не слыжавшую какъ они *брежутъ*, клянутся, и потомъ губяшь повѣрившихъ имъ!...

Ничего этого не знала наша Оксана! Она еще съ малыхъ лѣтъ наслушалась, что красива такъ, какъ никто. Она все желала выдти за пана, и воть... панъ полюбилъ ее.... она не могла себя вообразить, чтобы панъ могъ неправду говорить.... потому-то смѣло призналась Капитану, что любитъ его... Только это говорила на бѣду себя, какъ Капитанъ, самъ не свой, бросился къ ней, обнялъ, поцѣловалъ.... ему же не въ диковину дѣвушка цѣловать, словно орѣхи щелкать, а каково-то было нашей бѣдной Оксанѣ?.... Земля подъ нею пылаетъ, небо загорѣлось, солнушко красно спало какъ макъ... сама она, словно ппичка, готова вспорхнуть и летѣть... не помня ничего, не разсуждая ни о чемъ, чтобы не разлучаться съ своимъ милымъ, чтобы онъ не оспался

одниъ безъ нея, обвилась около него рученьками... и чѣмъ еще насладиться шѣмъ же счасшьемъ, какое она теперь испытала, сама поцѣловала его.... да пуштъ и обезпамятѣла, и не отпорвется опъ него....

Пуштъ всякъ изъ насъ вспомнитъ, каково было намъ тогда, какъ въ первый разъ поцѣловали эту дѣвушку, копорую любили пламенно, искренно! Можно ли все, что чувствовалъ тогда, высказать, или описать? Не пребудьте же опъ мня полнаго описанія, каково было тогда нашей Оксанѣ; пуштъ надобно писать полымемъ на раскаленныхъ угольяхъ, и засыпаятъ огненными искрами, тогда бы выразишь можно.... А что чувствовалъ Капитанъ?... Опять вспомнимъ, какъ кто изъ насъ, хопя и въ первый разъ, цѣловалъ дѣвушку, копорую любилъ шакъ слегка.... пополамъ съ обманомъ. Пріятно, правда; но не больше, какъ, долго пробывши на сырой погодѣ, грошомъ грогу....

Не буду рассказывать и того, что попомъ они между собою разговаривали; это вамъ по опыту известно. Какъ она, обнимая и лаская его, называла всякими лѣжными именами: и Капитаникъ мой, и соколикъ, и голубчикъ, и лебедикъ; и какъ онъ — по нашему, какъ бывало за нами — увѣрялъ ее, что онъ много имѣетъ ей рассказать, но теперь некогда, а убѣждалъ ее, что если она точно любитъ его, шакъ чѣмъ вечеромъ пришла къ вербѣ, что пропнивъ двора ея. Тутъ онъ обѣщаль рассказать все нужное для нихъ. Известно и то, что Оксана обѣщала, пошому-что, какъ сама знала, не наговорила еще съ нимъ.

Нацѣловавшись, наговорившись, поклявшись еще, что такъ будутъ любиться до смерти, пошли по своимъ мѣстамъ: Капитанъ къ солдатамъ, Оксана за водою.... идетъ и земли подъ собою не чувствуетъ... вспоминаетъ каждое слово, что говорилъ ей Капитанъ, какъ любитъ ее, какъ ласкалъ ее... и въ шакихъ мысляхъ, зашла... и очутилася при выходѣ изъ села... „Охъ, мнѣ лихо! — даже вскрикнула Оксана осмопрѣвшись: — »Куда же

эпо иду я?... Кажется, я вышла за водою.... гдѣ же мои вѣдра?... чпо эпо спалось со мною?... Гдѣ колодезь, и гдѣ я очутилась?... Съ ума сошла я, чпо ли?... Охъ, моя *годинокка!*... и вспомнивъ, чпо она среди дня сполла съ Капитаномъ, разговаривала, обнималась, закрылась руками и спала какъ вкопаная. »Еще-то хорошо — думаешь она: — чпю не прямо на улицъ, а въ углу, у плешпей, чпо никто не могъ и видѣшь.... памъ-шо я и вѣдра оставила... доспанешь миѣ, если ихъ кто найдешь! — Видишь, укоряла Капрю, чпо вчера играла съ Капитаномъ, а сама чпо надѣлала?... Ну, да чпо! Онъ рассказывалъ, чпо онъ Капри вовсе не любитъ, чпо онъ запрогалъ ее шушки-ради, и чпо и не взглянешъ уже на нее, попому чпо любитъ меня одну.... и какъ крѣпко любитъ! А какъ онъ божился, чпо всѣ ночи не спитъ, все думаешь обо мнѣ.... чпо-то еще вечеромъ скажешь?... Моженъ спавешь условиваться, когда присылашь сватовъ? Пожалуй, хотя сегодня.... шо-шо какъ я спану панею!... духъ захвапываетъ омпъ радости!.... И мамъ принаряжу какъ настоящую панью, и буду ее ляскашь и нѣжншь... зазову къ себѣ подругъ, покажу имъ какое у меня богатство будетъ; какія юпки (корсеты), исподницы, плахотъ уже не буду носить; рубашечки будутъ все изъ самаго ивановскаго полотна, вездѣ вышиты шелками.... А сколько у меня работницъ будетъ! ко всякому дѣлу особая работница: сама же и за холодную воду не примусь.....«

— Эпо не свои вѣдра, Оксана? я вонъ тамъ подъ плешнями поднялъ ихъ; лежали пустыя и коромысло подлѣ нихъ! — пакъ опозвался къ ней парубокъ Пепрѣ, чпо сваталъ ее; онъ щель проплывъ нея, и видѣлъ, чпо она крѣпко задумалась.

Оксана спойшь проливъ него словно одеревенѣлая, и не пойметъ, про чпо онъ говоритъ ей. Ч какъ понять? Она, шолько лишь была въ своихъ панскихъ покаяхъ, открывала свои сундуки, показывала подругамъ свое богатство, примѣривала ивановскія рубашечки, вы-

шившья шелками, разсыпала работницу за всякий дѣломъ.... а шутъ, гдѣ взялся Пётръ, гдѣ взялся вѣдра ... и ей приходишя, остави панство, самой иди за водою! ...

Спойшъ, молчишъ.... попомъ опомилась и ошолгалась; сказавши: — Видишь гдѣ онъ? спасибо тебѣ, что нашель.... я это пошла было *по-воду*, такъ какъ напали на меня Трофимовы собаки, а я и побѣжала опъ нихъ сама не зная куда отъ спрахъ, попомъ уже какъ ихъ не было, я *сѣменулася*, да и ищу вѣдерець. А вопъ ои гдѣ! —

»О! естъ злыя собаки! — сказалъ Пётръ, можешъ и безъ умысла: можешъ онъ не подмѣшилъ Оксаны съ Капишаномъ; но и Оксана пропускала слова его безъ вниманія. — »Иная шакъ укусишъ, что по вѣкъ больно будетъ? — Провожу я тебѣ, Оксана! мнѣ все равно иди мимо колодезя.«

— Проводите, спасибо вамъ. — Они и пошли.

»А что, Оксана? — спалъ говоришъ Пётръ, поспѣшая за нею, что какъ ласпочка лепишъ и, отъ радости, почти земли не касаетъ. — »Ужели ты хопя немного надумалась? Говорила, что выйдешъ за меня, то не шоми меня; пришлю сватовъ, *поберешя уже себѣ*.«

Каково же опяшъ было Оксанѣ это слушашъ? Она полько лишь слушала кляшвы и божбы отъ Капишана, какъ онъ любитъ ее и умрешъ безъ нея, такъ уже навѣрно женитъ на ней, а шутъ Пётръ съ своимъ сватовствомъ. Можно ли этому спашъся? Она еще не одурѣла. Она готова бы разсказашъ Пётру все, и чтообъ онъ оставилъ свои мысли, попому что она вопъ-вопъ выйдешъ за Капишана; все бы разсказала ему, шакъ Капишанъ не велѣлъ и самой машери не говоришъ ни слова. »И — сказалъ онъ — самъ послѣ все разскажу.« И вопъ Оксана молчала — молчала, попомъ и говоришъ: »вы бы оставили объ этомъ и думашъ.«

— Нѣтъ, Оксана, не шакъ я полюбилъ шебя, чшобъ выкинулъ изъ головы шакую думку! Подумай, Оксана! подумай.... — хошѣлъ больше еще сказашъ чшо-то, но замолчалъ и пошелъ своею дорогою.

Только чшо Оксана съ водою въ дверь, машь и напала на нее . . . и гдѣ она была, и за чѣмъ шакъ долго ходила? чшо она уже въ другой разъ растопила печь, а ее нѣтъ, чшо шѣспо въ квашнѣ перекисло — и все сй, все высчипывала.... Такъ не на шаковскую напала! Прежде поспавила оспорожно вѣдра съ водою, а попомъ, какъ кинешся къ мапери, начала ее приголубливать, приговаривать: »Не сердися же, моя мамочка, рыбочка, перепелочка, кокушечка? Проспи же меня. Какъ пошла я по-воду, а шамъ подруженьки повспрѣчались, и начали мнѣ смѣяпся, чшо я и бѣлоручка, какъ вы меня, мамо, зовете, да пошла же по-воду, да не умѣю вѣдеръ неспи, коромысло не шакъ держу.... совсѣмъ осмѣяли меня; а пушъ Трофимовы собаки какъ напали на меня, а я какъ побѣгу, какъ спугаюсь! Да уже, спасибо, Пепрѣ оборонилъ, и вѣдра пособиралъ, чшо я раскидала опъ спраха, проводилъ меня къ колодцу....

Машь уже и забыла, чшо сердилася на нее; испугалась, услышавши, чшо нападали на нее собаки; начала осмашривать ее, не покусали ли, не порвали ли.... »Выпей — говоришь: — дюпя, воды немного.... или лягъ на печь.... или не хочешъ ли, вошъ молочная каша вчерашняя, съшь хошя немного, шо и пройдешь все... или пойду я къ Куцайкъ, пускай придетъ, да вымешъ шебъ переполохъ. . . Но какъ же одну шебя покинушь?.... Сама же Вѣкла бѣгаешъ, суешпшся, и не знаешъ за чшо схватпшся; дрожишь, боишся думая, чшобы дитя опъ перепуга не умерло бы къ вечеру.... А это дитя, какъ ша лсочка (ласпочка, звѣрекъ).... »Да нѣтъ, мамочка, нѣтъ родненькая! мнѣ ничего. Я совсѣмъ и не перепугалась; мнѣ никогда не было на душѣ шакъ весело, какъ шеперь. Я у шебя, мамочка, счастливая дочь! Ты меня шакъ жалуешь, и нѣжишь съ

самаго-міла. Благослови меня, чшобъ я была счастлива, чшобъ . . . чшобъ сбылося шо, чего ты мнѣ желаешь, шогда я не покину тебя до вѣка; буду тебя поконшь, пѣжишь.....»

И такъ одна другую лаская, мнлуясь между собою, забыли было и объ обѣдѣ. И печь погасла и квашня перешла.... Насилу потомъ кое-какъ справились.

Не бѣжитъ взяла Оксана никуда изъ дому. Не мнлы ей подружки, и пѣсенки на умъ нейдуть, перестала лепешать. Схватила рукавъ опъ рубашки, взяла иглоку, протянула нитку, съла у окошка, и давай, будто, шить. Знай выводитъ, да выводитъ нитку, а спѣху нѣтъ; не хватнися, моя голубочка, что не завязала узелка, и не догадаешся спешая, пошому что знай въ окошечко поглядываетъ, высоко ли солнышко? — «Чего оно такъ медленно кашнися? — думаетъ она. — Если бы я смогла, шо припянула бы его, вонъ къ лѣску.... И что за длинный день сегодня!... Конца не видно ему.... Вербочка въшвислая! еще гуще распусти свои листочки; покрой насъ, когда сойдемся съ милымъ подъ шобю *разговлать*, чшобъ не увидѣлъ насъ никшо.... Ужо, ввечеру спрошу, какъ мой миленькій Капитанчикъ думаетъ, когда меня высвапаетъ?.... Такъ думал сѣ и шо, а все про одно, дождала и вечера.... »Не жди меня, мамочка! Я пойду къ Домахъ, и посижу шамъ долговко.« И съ симъ словомъ, вышла изъ хаты, два-три раза прыгнула.... уже и близъ вербы.

Капитана еще не было. Оксана высмапривала вездѣ . . . нѣтъ никого, ночь темная, никто не подсмощрнптъ.... Не замедлялъ придиши и Капитанъ.... «Здѣсь ли шы, Оксана?»

— Здѣсь, близъ пшого серденька! — и припала къ нему.... Сошлися, чшобъ поговорншь, но не говорашъ ни о чемъ, знай цѣлуются.... а потомъ уже не похоже на игранье! . . . Оксана испугалась.... Ничего не оспашся ей, надбно вырыватьсья . . . Не беретъ ни целковыхъ, ни бумажекъ, плачучи говоритъ: — «Зарѣжь меня прежде, и шогда дѣлай что хочешь!».....

Не выпросилась, а вырвалась наша Оксана. и какъ муха улещла опъ него и въбжала въ хашу.... Господи! блѣдная, трясется, словно лихорадка бьешь ее....

»Чего ты, чего ты!» спрашиваетъ ее Вѣкла, а Оксана и слова не промолвитъ.... Попомъ уже какъ-то собралась съ духомъ, и принялась, по ушреннему, лгать передъ маперью, будто Домахи не заспала, и идучи назадъ, увидѣла вѣдму, клубкомъ кашившуюся, »пакъ я — говоришь — такъ испугалась, что не можно!» Мать повѣрила ей. И долго ли, мать, да еще добрую, доведши до того, что повѣришь всему, что ей ни скажи?... Старухъ уже опять ни до чего дѣла нѣтъ. Уложила ее на печь, укрывла кожухомъ, и поивъ *непочатою* водою.... Оксанѣ хорошо, что мать уложила ее; она не смолришь ей въ глаза, попому что спыдъ, срамъ, за чѣмъ украдкою опъ маперн слюбилась съ Капшаномъ и съ нимъ шайкомъ сходилась.... Если бы мать приспала тогда къ ней, она бы всю правду, опъ чистаго сердца, все бы рассказала. Но »мать никогда не подозрѣваетъ свое дѣла въ чемъ-либо худомъ.«

Горюя, уживала ли или нѣтъ, и, кажется, ложки не брала въ руки, свалилась Оксана на постель, и спала плакашь тихонько.... и думаетъ себѣ: »Такъ вошь какъ онъ любитъ меня?... Такъ-шо онъ жалѣетъ меня, что хоптъ наругаешь мною? — Вѣдь я же говорила тебѣ, что я тебя очень-очень люблю! — Не нужно мнѣ ни панства, ни богатства швоего, будь ты хопъ простой мужикъ, личманъ (паспухъ), все равно, буду любить тебя?... Не нужно мнѣ ни золоша, ни першней, ни *намиста*; пусть не свѣшишь на меня солище, пусть пошухнешъ мѣсяць, попрячуся зореньки опъ меня, цвѣточки завянушь передо мною, ппашечки не щебечушь, рѣчечка высохнешъ, самый свѣшъ измѣнишь.... Все для меня ничего, лишь бы я видѣла тебя по всякъ часъ, смолрѣла въ твои каріе *очіи*, слушала бы какъ ты зовешь меня »душкою Оксаною«, рассказываешь, какъ *дуже* любишь меня.... въ эпомъ одномъ мое панство, царство, все счастье! — Я думала,

что и ты такъ любишь свою Оксану? А теперь вижу, что ты ищешь погубить меня, съешь завязать... Богъ же съ побою!... Сказала бы я, что теперь уже, узнавши свои злые умыслы, не буду тебя любить; нѣтъ; сильно, щиро, искренно буду любить тебя пока умру. Разъ чловѣкъ думу принимаетъ, разъ и любовь; двухъ душъ и двухъ любовей не дается чловѣку!... Сказала бы я, что не хочу любить тебя; нѣтъ; скажешь ли чловѣкъ, что не хочешь жить на свѣтъ, не хочешь себя здоровья, счастья? Такъ и я: ты мол радостъ, утѣха, счастье, весь свѣтъ.... какъ же опказаться мнѣ отъ тебя?... А что не хочу къ тебѣ выходить, не хочу говорить съ побою... и таки не выйду, не выйду, не выйду, хоть ты мнѣ, Богъ знаетъ, что дѣлай, давай; слова тебѣ не скажу, пока не высвасаетъ меня и не примешь отъ меня рушниковъ, по закону....» И съ симъ словомъ, вспала, положила при земныхъ поклонахъ, и легла опять съ успокоившимися мыслями.

Упрямъ, хлопочетъ съ машерью по хозяйству, какъ вопъ изъ волоски, десятиникъ. Помолвшись Богу, поклонился хозяйкѣ и сказалъ: «Дай Боже вамъ день добрый! *Нехай* вамъ Богъ помощи. Звѣлтеса, тѣпушка, до себе постой приняшь.»

— Якій тамъ постой? — даже вскрикнула Вѣкла: — черезъ что это? Громада же сказала на просьбу мою, чтобы у шѣхъ хозяекъ, у конхъ чловѣка нѣтъ, не спавишь никого? Я же еще и постоянное плачу въ помощь бѣднымъ хозяевамъ. Кто же это у васъ тамъ выдумалъ? — Какой тамъ постой?»

— Я, Уласивна, не знаю, только голова послалъ: пускай, говоришь, принимаетъ къ себѣ Капитана. Видишь ли, онъ говоришь, что швод хаша лучше шой, гдѣ онъ стойшь. —

Подумала Вѣкла — подумала — и говоришь: — «Что же мнѣ съ побою говоришь? Ты посланный. Я сама иду къ головѣ и расскажу все.»

— Добре, шѣнушка, идипе. Голова въ волосшномъ правленіи. —

Поспѣшила собраться Вѣкла, взяла палилицу, чшобы, какъ должно, явиться съ поклономъ къ головѣ, и говоритъ Оксанѣ: — »Сиди же, доня, и не выходи изъ хаты; запри сѣни пока я приду. Я скоро ворочуся.« И пошла за десятиникомъ.

Оксана печально покачала головкою, пляжко вздохнула, уперла слезку... и заперла всѣ двери.

Пришедши къ головѣ, Вѣкла поклонилась, и спала разспрашивать, съ чего эшо взялось, что къ ней пошлой, да еще и Капитанъ ?

— Эге! — сказалъ голова важно: — мы бы тебѣ, Уласовна Вѣкла, и не запрогивали, такъ же сегодня приходилъ самъ Капитанъ, и пребовадь, чшобы ему у тебѣ дали кварширу. — Мы-таки — правда — и говорили ему, что не можно по шакой и шакой причипъ; а онъ какъ *grimнетъ* на насъ, какъ *затупотитъ* ногами и закричипъ не своимъ голосомъ: — »давай мнѣ сейчасъ! Исправникъ всѣхъ васъ опдалъ мнѣ въ команду. Сей часъ пошли очиспипъ кварширу. Сію минушу перебираюсь.« А мы, Уласовна, съ писаремъ такъ перепугались, что *не знали на какую ступипъ*, да вопъ шо уже послали за тобой. «

— Гай, гай! — спала говоритъ Вѣкла: — Вы же у насъ голова, намъ, безпомощнымъ, защита! какъ же эшо можно? У меня однимъ-одна дочечка, какъ порошника въ глазъ! У нее однимъ-одна чесшь, наше богатство, наша жизнь, наше все! — Погубимъ эшо сокровище, куда будемъ годиться? — Можно ли сѣно складыващъ вмѣспъ съ огнемъ? — Хопъ я очень хорошо знаю дочь свою, и не падѣюся опъ нее ничего недобраго, такъ люди!... такъ языки же!... шакого набрешупъ, шакого наплешупъ, что хопъ съ свѣта *утекай!* — Лучше мнѣ руку отрубипъ, очей лишипъся, чѣмъ славу дочери моей опдать на поруганіе! — Извѣстное дѣло, что лю-

да все будуть брехашь, пошому чшо въ нхъ разсказать не будешь ни малѣйшей правды, да все же не хорошо и опъ одной славы. — Нѣшъ, пане голова! не давайте насъ въ обиду.»

— Какъ хочешь, Улѣсовна! — Пожалуй, мы это все говорили ему, шакъ ничего не слушаешь, да кричишь.... да такъ спрашно, чшо мы съ писаремъ и шеверь еще трясемся. Извѣстное дѣло: служивый, да еще и Капитанъ! —

»Хорошо-же! — подумавши сказала Вѣкла: — пойдите же къ нему, и скажите, пусть немного погодить; пока я съ дочерью выберемъ къ сосѣдамъ..«

— Вошь шакъбы и давно! — сказалъ, голова, поспѣшая къ Капитану. — Кто можетъ спорить прошивъ него. —

Скоро ворошилъ голова, и сказалъ, чшо когда услышалъ Капитанъ, чшо Вѣкла хочешь выдти къ сосѣдамъ, шо запужилъ даже и сказалъ: — »Не можно ли ее какъ нибудь удержашь?« — А я говорю — ни жодною мѣрою не можно; баба очень спорлива. — »Такъ чоршъ съ нею!« — Не прогнѣвайшесь, Улѣсовна; это онъ шакъ сказалъ: — »Не надобно ни ее, ни кварширы, я придумаю свое.« — Такъ я взялъ и пошелъ.»

Усмѣхнулась Вѣкла, и веселешенька пошла домой, отволавшись опъ Капитана; но вспомнивъ его похвалки, чшо онъ хочешь придумашь чшо-шо, запужила, и сказала сама себѣ: буду примѣчать.

Чшожь приивъшишь она? За Капитаномъ еще паки-шакъ: извѣстно, молодецкое дѣло; но и моя Оксана — шакъ продолжала думать Вѣкла: — нужды нѣшъ, чшо всегда весела, шушлива и жартовлива, но не загубишь себя, побовишя причинить и мнѣ смерть; она знаешъ чшо естъ грѣхъ и погибель; она не напустишь на себя славы.»

И правда. Переспала Оксана рѣзвиться и бѣгать къ подругамъ; все сидитъ дома, и шо шьетъ, либо прядетъ, всегда за дѣломъ. Сначала сживала у окошечка; но замѣшивъ, чшо Капитанъ каждый Божій день хо-

дипъ мимо, снявъ шапочку, кланяется ей, видѣвши это не разъ и не два, сказала матъери: «сидите, мамочка, вы подлѣ окна; вы спаренькiя, худо видите, а мнѣ вездѣ хорошо.»

— Вотъ это еще! — говоришь матъ. — Годишься ли мнѣ на спароспи сидѣть, какъ на показъ, у окна? Ты *молодь-человѣкъ*, ты дѣвка; тебѣ *подоба* сидѣть у окошечка: будетъ идти добрый человѣкъ, увидишь, что ты *трудолюбца*, полюбишь, спанетъ искашь тебя.—

«И, мамочка! этого не говорите,» сказала Оксана, и пересѣла къ лавкѣ, подальше отъ окна. Матъ уптѣшася, что дочь не поддается ни на какое дурачество; занялась своею работою и, отъ спароспи худо видя,ковыряетъ иголкою кое-что, а того и не примѣчаетъ, что дочь, сидя за работою, *умывается слезами*.... Она очень поняла, съ какими мыслями хопѣлъ Капитанъ перейти къ нимъ на квартиру! и ночью все думала: «шакъ вопъ какъ онъ любить меня»....

Не удалась Капитану хитрость съ квартирою, придумалъ другое.

Скоро послѣ того вошли къ Вѣклѣ въ хату спароспы (свапы): одинъ, таки, сосѣдъ ея, а другой, такъ себѣ, лишь бы подшакивать для порядка, не знающій ничего, солдакъ. Начали говоришь *законныя рѣчи*; Вѣкла слушаетъ, а Оксана не показывается изъ комнаты, прислушивается, что изъ этого будетъ. Какъ договорили до конца все, что слѣдовало *по закону*, тогда открылось, что они свапаютъ Оксану.. за Капитанскаго денщика....! — «Отдай, говоришь первый спароспа: — пани-матка! — Дочери пвоей будетъ хорошо, и въ хорошѣ походишь и въ добрѣ поживешь: Капитанъ жалуетъ своего денщика, на свой коштъ свадьбу *справитъ*, и наградитъ ихъ....» предспавляли ей много и сего и того, подобнаго.

Сердешная Оксана, все шѣшившая себя думкою, что это спароспы пришли отъ Капитана свапать ее за самаго его, услышавши рѣчи спароспы, ударила себя въ грудь и припала къ подушкамъ, чтобъ матъ не

услышала ея рыданія!.... Старая Вѣкла также поняла всѣ злыя умыслы, огорчилась крѣпко, и шуптъ же хопгѣла проводить ихъ съ грубостью и оппѣшь имъ наощрѣзь, чшобъ и до самага Капитана дошли ея рѣчи, но вспомнивъ, что въ шакомъ *важномъ* дѣлѣ, каково естъ свашанье, надобно все веспи приспойно, выслушавши ихъ, смотрѣла на нихъ долго, и потомъ, будтш съ веселостью, чшобъ не оскорбить ихъ, сказала: — »А чшо, люди добрые? Не изъ *брехуновки* ли вы?»

— Чшобъ по какъ? — спросилъ первый спаросша, смущаясь порядочно.

»Да такъ, — говоришь мапъ: — я вижу чпд оно есть. Нѣштъ въ вашемъ дѣлѣ ни словечка правды. Вижу, къ чему все эщо идеть.» И шуптъ, не выдерживая уже, начала говорить прямо: »Есть на небѣ Богъ милосердный! Онъ не повелѣваетъ ругаться надъ сиротствомъ. Тяжкій грѣхъ обижать кого бы то ни было, не шолько сироту. Какъ солнце на небѣ, такъ у всякаго челоувѣка слава. *Лито* тому, кто погубитъ ее самъ, лучше тогда не жить на свѣтѣ; а еще горше шому, не прощенный грѣхъ, кто оппнметъ у беззащитнаго славу! Какой эщо челоувѣкъ, чшо подковывается подъ нее, и еще славу дѣвичью, сиротскую. Не хочу ни золота, ни серебра, если чрезъ него погибнешъ дочечка моя, моя упроба, мое *народженіе!*.... Лучше мнѣ самой навязать ей камень на шею и ушопить въ рѣкъ, чѣмъ оппдашь на *согрѣшеніе, на поругательство!*....« Господи милосливый! чѣмъ прогнѣвала я Тебя, чшо слышу такое себѣ посмѣяніе?!« И начала плакать нишо, потомъ сказала: — видиште, люди добрые, шуда, опккуда пришли, и къ шому, кто прислалъ васъ. Грѣхъ, стыдъ, соромъ Капитану! онъ благородный, онъ письменный (грамотный), онъ знаетъ за чшо грѣхъ и чего не должно дѣлать.... другихъ, чшо въ командѣ его, долженъ бы оппводить оптъ всего худаго, а не самому злой примѣръ подавать!»

Вотъ въ такія-то сливы вскочили наши старосты! Поймали облизня, напекли раковъ! Не оглядываясь ушли

изъ ханы. Разсказывали послѣ, что какъ объявили все Капитану, такъ онъ злоспичи заскрежеталъ зубами...

Оксана, Оксана! гдѣ твои шушки и игры? Гдѣ твои панцы и скокы? гдѣ твои пѣсни и щебетанья?... Все *минулося*, все прошло! Гай, гай!.... Та же дѣвка, да уже не та! Нигдѣ въ бесѣдѣ ее не видно, въ разговорахъ не слышно, все дома и дома сидишь, словечка не промолвишь, пары изъ успя не пускаешь! Держишь въ рукахъ работу, а иголка шить же ошдыхаешь... сидишь за гребнемъ, вершено лежишь на полу, а она руки опустила, головку склонила, сморщилась — и не видишь ничего, и не рѣдко, слѣзка изъ глазокъ капъ, капъ, капъ!.... Была румяная словно макъ, шеперь день опъ дня все блѣднѣе и блѣднѣе; щечки прежде полненькія, шеперь запали. Глазки, что блестѣли какъ звездочки, шеперь припухли и словно тѣмъ заволочены, что, словно, и не глядишь ни на что, не выдашь ничего. Цѣлый день будешь сидѣть съ матерью, и если мать не заговоритъ къ ней, то не услышишь опъ нея ни словечка. Когда же мать и спроситъ что: — *вне знаю, мамочка!* одинъ отвѣтъ у нея. Часомъ же и шакъ случалось, что мать спрашиваетъ о ложкахъ, а она ей ошвѣчаетъ о шелѣнкѣ.....

«Что съ побою спалось, моя доненька? — спрашивала мать: — не болитъ ли у тебя что?»

— Не знаю, мамо. Кажется ничто не болитъ.—

«Не хочешь ли чего съѣсть хорошенькаго? Скажи мнѣ, я шопчасъ шевъ доставану.»

«Нѣтъ, мамо, ничего не хочу. —

«Не шужишь ли ты о чемъ?»

— Нѣтъ, мамо. —

«Такъ я же знаю что ты шужишь, и знаю о чемъ. Ты сокрушаешься, что Капитанъ думалъ про насъ, что мы за его золопо успимся на грѣхъ, и что я продамъ твою славу, а черезъ то и мою душу? — Чшобъ онъ того не дождалъ! И чшобъ ему *тяжко и важно* было, какъ моему сердцу, видя, что мое милое днпя, мой порошокъ въ глазу, мой двѣшочекъ завладеетъ,

сохнеть какъ былпночка.... и съ снмъ словомъ прижмешъ
ее къ сердцу.... и плачущъ объ....

Оксана, Оксана! зачѣмъ ты шушь же не рассказала
матери всего, зачѣмъ не призналась ей, о чемъ ты
пменно плачешь?.... Это были бы послѣднiя твои
слезы!....

Какъ не спали видѣшь Оксаны ни на улицѣ и ни-
гдѣ, то, иногда, подруги приходили къ ней либо шипшь,
или прясшь, чшобъ развлечъ ее шо пѣсенками, шо ве-
селыми разговорами, но все ничего! И смотришь, и слу-
шаешъ, но даже не усмѣхнешся на нхъ хохотъ. Бѣдная
Вѣкла, глядя на скорбь дочери, шужипшь, накупипшь ей
орѣшковъ, пряничковъ, нажарипшь рыбы, гороху съ ма-
сломъ.... опшвѣдаешъ глядя на подругъ, чшо шв ѣдашъ
ка весь ротъ — и оспавипшь. »Не хочу, мамо! мнѣ въ
душу ничшо нейдешъ.« Далѣе шакъ исхудала, чшо едва
держалась на ногахъ. Безъ знахарокъ и ворожокъ не
обошлось: *выливали переполохъ*, умывали опъ уроковъ,
шеппали *отъ глазъ*, и мало ли чего не дѣлали,.... но все
ничего и ничего.

Кромъ подругъ-дѣвокъ, навѣщали ее и молодыя жен-
щины: Оксану любили все въ шомъ селѣ. Между ними
была Мелашка, молодица проворная: не было шой свадь-
бы, гдѣ бы она не была *свашкою* (почетною женщиною,
учреждающею порядокъ *по особой часпи*). На масляной
во ючить колодку (привязывашъ ее молодымъ парнямъ,
зачѣмъ въ минувшiй мясодъ не женился, и взявъ съ
него выкупъ), она первая приводница. *Отколдуютъ*
дѣвки въ первый день праздника Рождества Христова,
она собрала молодицъ, повела ихъ колядовать. Спаро-
вашъ парубка съ дѣвкою, ее подавай: она сведешъ и
свадбу устроишь. Вошъ какъ спала она навѣщашъ
Оксану, да начала съ нею все шушу, шушу, какъ, гу-
лякъ! — наша Оксана спала немного опдыхашъ. Уже
поѣшъ и бѣрщнику, пожелаешъ капусташки съ свишною,
и уже, часомъ, усмѣхнешся чему случипсь. Далѣе и да-
лѣе, уже говоришь: »пойду я, мамочка, прохожуся, или
за ворошами посижу, или къ Мелашкѣ схожу.«

Мать радешенька, сама ее выпровождаетъ. И что сходитъ Оксана къ Мелашкѣ, то воропится все веселѣе, все здоровѣе.... тамъ прошла и вся бѣда: спала наша Оксана и здорова, и *полновидна*, и румяна какъ была; и убирается и наряжается каждый день, и опять *взяла свою натуру*: щебечетъ, смѣется, выдумываетъ разные рассказы, хохочетъ, къ матери ласкается — и чувшь ли еще не веселѣе спала, чѣмъ прежде была.

Что же это такъ Мелашка сдѣлала ей? Вѣрно ворожила надъ нею, или что другое сдѣлала, что все *лѣхо*, какъ рукой сняла, какъ изъ воды выпатила нашу Оксану?... Эге! — Она хорошо поворожила; она подлѣзла къ Оксанѣ, и спала рассказывать, какъ любилъ ее Капитанъ, какъ *убивается* за нею, слыша, что она нездорова, и что самъ, не видая ее, хочешь умереть.

»Такъ ли любилъ, какъ онъ!« — началъ, сквозь слезы говорить Оксана, а самой спало веселѣе на сердцѣ, что есть кому разсказать свое горе и наговориться о Капитанѣ. —

»Если бы почто любилъ, такъ не хотѣлъ бы меня погубить, не попилъ бы моей чести....« Тутъ и рассказала все, къ чему приводилъ ее Капитанъ.... а сама такъ и заливается слезами.

Тутъ Мелашка и распустила свои лсы. Ей только и нужно было, чтобъ Оксана высказала свои мысли и надежды.... Тутъ она и началъ... и началъ Ужъ такая щебешунья, не выберешетъ, какъ захочетъ оправдать кого.. И началъ, шопопомъ, рассказывать, какъ и самъ Капитанъ жалветъ шеперь, что такъ *поспустилъ*, и уже не будешъ, да у него и думки такой нѣтъ, и еслибъ только увидѣться ему съ Оксаною, такъ онъ разскажетъ ей, какъ думаетъ кончить все....

»Что ему думать? Чѣмъ ему кончить? — сказала Оксана: — покянуть меня, бѣдную, пусть пропадаю! — Сперва было мнѣ не слушать его, не признаваться, какъ я люблю его! А шеперь что? — онъ не возьметъ ме-

ия, а на безчестіе я не пойду, хоть бы и заръзалъ меня.»

— Да шолько послушай его, что онъ скажетъ! — все одно шолковала Мелашка, и каждый день турчала ей объ этомъ въ уши.

Сначала Оксана и слышать не хотѣла: »не хочу его видѣть, не хочу. Я чувствую, что скоро умру, на что же онъ мнѣ? Пускай живетъ здоровъ, да обдуриваетъ другихъ.« Пошомъ, все слушая Мелашку, начала уже говорить: »не хочу его видѣть, онъ мнѣ жалокъ!« Пошомъ уже говорить: »я бы и пошла къ тебѣ, да какъ онъ примется опять за свое?« Тутъ уже Мелашка начала божиться и клясться, что онъ и не думаетъ ничѣмъ досаждать ей, а лишь бы повидѣлся съ нею хоть на часочекъ; и до того довела, что Оксана сказала: »пойду, когда машь отпустишь.« И пошла.

Не съ бѣса же лукавый Капитанъ! — Даже заплакалъ, какъ увидѣлъ Оксану, и шолько что ласкалъ ее, и убѣдительно просилъ, чтобы она ни о чемъ не шутила, выздоравливала бы скорѣе, и что онъ откроетъ тогда такое, что опъ шого будетъ счастье всѣмъ имъ.

Какъ Оксана крѣпко любила Капитана, то и повѣрила всему, а выдаясь съ нимъ часто, не думала уже, чтобы онъ замышлялъ о гибели ея. Каждый Божій день приходилъ къ Мелашкѣ, видится у ней съ Капитаномъ; а онъ довелъ ее уже до того, что спали каждый вечеръ сходилъ подъ вербою, пропивъ хашы Вѣкливой.

Должно думать, что Пешрѣ, замѣшивъ сначала кое-что за Оксаною, когда она ходила за водою, подсматрѣлъ пеперешнія ихъ сходбища; но какъ былъ изрень честный, имѣлъ душу добрую, и берегся, чтобы никого не пронуть и словомъ не осудить, то и не говорилъ никому ничего, а шолько, въ одинъ вечеръ, пришелъ онъ къ Вѣклѣ, все съ прежнимъ своимъ предложеніемъ.

»Какъ дочка хочешь, такъ пущь и будетъ! — опъшъ дала Вѣкла. — «Если бы по мнѣ, то я и сегодня

ѣндала бы еѣ. Но я не такая, привуждашь не буду. Говори, доня, какъ знаешь?»

Думала Оксана, думала; щипала рукавъ у своей рубашки долгонько, даже нитки повыдергала, и насилу собралась съ духомъ сказать: «Семеновичъ! Вижу, что вы меня очень любите благодарю васъ за то и что вы общаете съ дѣлашь меня счастливою... ни съ кѣмъ... изъ здѣшнихъ парубковъ, не будетъ мнѣ такого счастья, какъ съ вами,.... но подождите еще.....» Пошомъ взглянула на образъ, перекрестилась и сказала: — «Вошь вамъ крестъ Свяшой, когда до Покрова не умру, или чтонибудь тогда, мамочка, какъ знаете, шакъ и дѣлайше.»

Всдвинулъ Пешрѣ плечами, покачалъ головою, и сказавши: — «глядите, чшобъ тогда уже не поздно было!» махнулъ рукою и вышелъ изъ хаты.

— Чшо это за рѣчь его такая? — думавши долго Вѣкла, смошрѣла на дочь и спросила.

«А кто его знаетъ, мама, къ чему онъ сказалъ это! Можешъ чтонибудь о себѣ: либо въ дорогу пойдешъ, либо същешъ себѣ другую дѣвку, шакъ чшобъ мы не жалѣли о немъ.....»

— Оксана, Оксана! — смошри!

И Оксана уже на шею у матери ... уже обвилась около нея и *выцѣловываетъ* ее.... «Можно ли, чшобъ швоя Оксана довела бы себя, хошь слезинку спустишь о своей долѣ? Я буду радовашься, я и себѣ принесу счастье! Никогда не заплачешъ черезъ меня, не вздохнешъ обо мнѣ пошому чшо мнѣ лучше вошь шунтъ передъ шобой на эшомъ сполѣ мершвой лечъ, чѣмъ погубишь себя, да не шолько погубишь, даже славу пустишь о себѣ.....» И сказавши это, скокъ - скокъ изъ хаты подъ вербу, гдѣ Капишанъ дожидалъ уже еѣ.

«Чшо же, мой орликъ! чшо будешъ съ нашего *жениханья*? — Пешрѣ приснаешъ ко мнѣ, мать скоро начнешъ привуждашь; а мои подруги слышали отъ солдатшвъ, что вы скоро пойдете отъ насъ въ походъ.» — шакъ говорила Оксана, сидя на колыяхъ у Капишана,

обнявши его одною рукою, а другую онъ держалъ. —
 »Если ты пойдешь, а меня шущъ оставишь, тогда
 услышишь про меня.....«

— А вошь что будешь — сказалъ Капитанъ : —
 мы собираемся въ походъ, я повѣщаюсъ съ шобою и
 возьму тебя. —

И спали они любиться, и сколько разъ ни сходи-
 лись, въ первый разъ Капитанъ сказалъ шеперь, что
 онъ женился на пей.

Чтожь Оксана? — Вплеснула руками, задрожала...
 и едва могла проговорить : »И этому правда?.....
 Скажи мнѣ, какъ передъ Богомъ!«

— Какъ передъ Богомъ говорю тебѣ, моя Окса-
 ночка, что такъ оно будешь. Я давно женился бы на
 тебѣ, да бумага на наше вѣчаніе не пришла еще изъ
 полка. Я шакъ думалъ, не говоря тебѣ прежде, и по-
 лучивши бумагу, взялъ тебя за руку и повесши въ цер-
 ковь. —

»Такъ я же мащери объ этомъ скажу.....«

— Нышь, моя Оксаночка; еще не часъ говорить
 ей объ этомъ. Я вошь какъ думаю. Не говоря ей ни
 словечка, мы обвѣчаемся, придемъ къ мащери, приве-
 семъ ей шелковыхъ плашьевъ, плашковъ разныхъ, зо-
 лотисныхъ *очилковъ* и всего, что прилично для *пáнеи*;
 пошому что и она спанешъ *пáнею*, какъ будешь Ка-
 питанскою шещею. А что тебя наряжу, шакъ....

»Мнѣ ничего не нужно, — кинувшись ему на шею,
 спала его *выщъловывать* и приговаривать: — »шолько бы
 мнѣ въ эщи каріе глазочки глядѣшь и цѣловать, и эщѣ
 щочечки, губоньки....«

Такъ долго миловавшись и условившись обо всемъ,
 чтобъ въ воскресенье имъ вѣчаться, и шогда уже объ-
 вивши мащери, разошлись. Оксана бѣжить домой и земли
 подъ собой не слышавъ.... съ Капитаномъ, котораго она
 такъ любить, не разспанеся уже по вѣкъ, сама она
 спанешъ *пáнею*, машъ будешь жить въ богатствѣ, въ
 роскоши.... чего ей еще желать?.... Есть ли кино сча-
 спливая какъ я? думаетъ Оксана вбѣжавши въ хѣшу...

но и досадно ей, что мать уже спавъ легла, какъ это и часто бывало, что не ожидала дочери, — а ей некого приласкать и миловатьъ.... сама себя не помнитъ опть радости!....

Воскресенье не далеко; надобно бы Оксанѣ собираться замужъ... такъ чего ей собираться? И платья, и рубашки, уже ей это не нужно, у нея будетъ все панское.... А рушники и подарки при свадьбѣ?.... но у пановъ не по нашему.... такъ думаешь наша сердешная Оксана, и ни о чемъ не заботишься, когдабъ шолько скорѣе насупило воскресенье....

Вечеромъ въ сѹбботу, шолько лишь сошлись подъ вербою, Капитанъ и говоритъ Оксанѣ: »Знаешь что, дѹшка? Завтра упромъ мы вышупаемъ въ походъ....«

— А какъ же это? — испугавшись вскрикнула Оксана.

»Не бойся ничего. Моя бумага у Полковника. Завтра я опведу къ нему солдатъ, возьму бумагу и буду сюда въ вечеру. Гляди, дожидай меня, не заходи далеко, и матери ни полсловечка не говори.... А что за славное платье я пригосовилъ ей! Ужъ подлинно, на всю губу будетъ пави!«

Ужъ когда Оксана слышала, что матери ея будетъ хорошо, такъ она уже ни о чемъ больше и не думала, и что хочешь ей скажи, все сдѹваетъ и всѣхъ послушаетъ. — Вотъ она и начала воображать, какъ мать удивится, обрадуется.... »Когдабъ въ нашей церкви вѣнчались, чибобъ и подруги мои повидѹли, какъ я пѹнею наряжуся.« —

Чего-то уже шупъ не брехалъ Капитанъ! Чего не выдумывалъ, чибобъ шолько одуришь нашу Оксану! А она, сердешная! какъ барашекъ подъ ножъ, какъ рыбка на удочку, сама кидается и цѹпляется.... вѣрится всему!

Хотя шолько до завтраго распавались, но Оксанѣ что-то очень грустно было.... Все бы она плакала — и сама не знаетъ чего!... »Это, можетъ, опть того, что я иду замужъ, покидаю свое село, свою хашу, свои сундуки?... Пусть кто хочешь забираетъ, я спаву

панею, пойду въ походъ.... Каково-то мнѣ еще будетъ на панспвѣ!....» Задумалась.... и всплакнула, сама не знаешь чего.

Въ воскресенье упромѣ проводили солдатъ какъ долгъ велишь. Капишанъ верхомъ, кланялся и прощался съ спариками, поклонился и шуда, гдѣ спояли женщины и дѣвки, и Оксана съ ними. Поклонившись, ускакалъ на конѣ, сколько духу было! Тупъ чего-то къ шой куптѣ, гдѣ спояла Оксана, подошелъ Пепрѣ, и увидѣвши, что она говоритъ съ подругами и хохочетъ, поглядѣлъ на нее, всдвинулъ плечами — и пошелъ себя.

»Вошь шакъ-шо, мамо, сдѣлай, какъ наша Явдохъ Горшковѣзовна!» сказала всселенькая Оксана, воропясь къ мащери.

— А что она сдѣлала? — спросила мащ, продолжая рѣзать лапшу къ обѣду.

»Помандравѣла за солдатами.»

— Ю? —

»Далебѣ. Да еще среди дня. Всѣ видѣли, какъ она въ обозъ пряталась. Демкѣ подошелъ къ ней, смѣялся надъ нею, шакъ еще она ему азыкъ солопишь.»

— Чшожь мащ? —

»Голобсишь, не чшо!»

— И не умерла онъ пуги и сорому людскаго? —

»Жалко смошрѣшь на нее, какъ она плачетъ! Въ самомъ дѣлѣ, на спарости, ошалась одна какъ перспт. — У-у-у! — Если бы я поймала ее, вошь шу *бузосѣрку*, я бы ей голову сняла, чшобъ не покидала мащери и не дѣлала спыда на все село!»

Эшо шакъ имъ чудно было, шакъ занимало ихъ, что онѣ цѣлый день шолковали о Явдохѣ и о ея бѣдной мащери. Хопя мащ и посылаетъ Оксану, ради *недѣленьки святой*, проходившись къ подругамъ, но она никуда не хочетъ и изъ хашы не выходитъ: »не хочу, мамо! мнѣ весело съ шобкою.» Только лишь солнушко начало склоняпшь къ вечеру, какъ она уже и выглядываетъ Капишана.... а его нѣтъ; уже и къ вечеру.... итъ; зашло солнушко.... итъ Капишана.... Оксана въ слѣзы....

»Что же? — говоритъ: — хоть и обмануль, да не на-
свѣлся.... Если не умру съ шоски, шо смогу и забыть
его. На себѣ все лихо перенесу, а ужь никому, никому
не скажу.«

Такъ сдвигъ она на присбѣ своей шапы и по-
скуешъ, пошому что очень смеркло. Какъ вопъ.... Ка-
питанъ — и схватилъ ее за руку. — »Пойдемъ, Окса-
на, вѣнчашься.«

У Оксаны шакъ сердце и замерло.... »Пойду - жь
я... къ машери....« сказала.

— Не можно, Оксана; послѣ придемъ. —

»А благословияшья? «

— Она послѣ насъ поблагословишъ. Пойдемъ, ду-
шка, скорѣ; священникъ ожидаешъ. —

Не шла Оксана, а онъ шацилъ ее.

»Куда же вы идешъ? Вонъ гдѣ церковь, а вы куда?... «

— Не можно, душка! Я полковой, шакъ и вѣнчать
долженъ полковой священникъ. —

»Гдѣ же эшо?»

— Вопъ шупъ, недалеко, въ селѣ, гдѣ полкъ нашъ
ночуешъ. Вершъ восемь.... —

»Такъ что же эшо шакое?» — вскрикнула Оксана,
и гошова была упасшъ, руки и ноги одеревенили.... а
Капитанъ почши несетъ ее.

— Пожалуста поспѣшимъ скорѣ. И священникъ
ожидаешъ, и гости собрались на свадьбу.... скорѣ иди,
вопъ и бричка моя.... — подемъ. —

»О мамочка моя?... Охъ, ворочуся я, да все ей раз-
скажу!.... «

— Куда ты будешъ ворочашья? Она уже далеко,
а вопъ шупъ бричка. Скорѣ садись, мы черезъ часть
воропимся къ ней, да и подарки для нея, все у меня,
шамъ. —

»Скажи ты мнѣ въ послѣднее: не обманываешъ ли
ты меня?»

Тупъ и началъ Капитанъ божишья и кляшья,
что всему эшому правда, и повторялъ уговаривашъ
Оксану, чтобы скорѣ садилась; но видѣвши ее упор-

спшо и слыша просьбы, чшобы оппустилъ ее прежде къ матери, онъ схватилъ ее и, положивъ въ бричку, самъ сълъ и закричалъ : »пошелъ!« — Кони помчались какъ спрѣлы....

Оксана плачешъ навзрыдъ, Капишанъ не занимается ею, а знай погоняешъ лошадей. Не замѣшкали прїѣхать.

Капишанъ ввелъ въ свою кварширу Оксану, почши безчувспенную.... она кинулась на поспель, обливаясь слезами....

Капишанъ крикнулъ: »Горбуновъ! Бѣги къ бапюшкѣ, скажи, чшобы шелъ вѣчашъ скорѣе. — Понимаешъ?«

— Слушаю, Ваше Благородіе! все понимаю! — сказалъ денщикъ, и будпо побѣжалъ.

»Дайте намъ чаю!« приказывалъ Капишанъ. — »Напейся, душка, чаю; пы совсѣмъ обезсилѣла, упадешъ подъ вѣнцомъ.«

— Не хочу вашего чаю.... опъ роду не пила его, и не хочу.... Опвезише меня къ матери.... —

»Надобно выпить хошь немного, привыкай. Теперь спанешъ панею, должно пить всякій день. Хошь ложечку выпей, когда любишь меня.«

Въ горлъ запеклось у ней, языкъ высохъ, силъ нѣтъ вовсе, нужно освѣжиться, проглотила ложечку чаю.... сладко, прїятно.... еще ложечку приняла... »Напейся изъ спакана....« опвѣдала.. еще... и еще — и выпила весь спаканъ.

Полежала, освѣжилась, спала бодрѣе, приподнялась, какъ будпо повеселѣла, не опказываешся опъ другаго спакана, пѣешъ и прихваливаешъ.... глазки заблнспали... Защебетала наша Оксана! Знай рассказываетъ, какъ она вырядилса подъ вѣнецъ, какъ прїѣдешъ къ матери, какъ та удивилса, обрадуешся.... а тушъ претій спаканъ сама взяла и выпивши, уже очутилса у Капишана на колънахъ, поешъ свадебныя пѣсни и припѣваешъ къ себѣ, допомъ чшо-шо забормошала и повѣсила головку....

Напилса Оксана офицерскаго чаю! Будешъ, сердешная, помвишь его, и по вѣкъ оскомныи не сбудешъ.....

.....

»Пропала я шеперь совсѣмъ!...« не своимъ голосомъ крикнула сердешная Оксана, какъ, проснувшись упрямъ, увидѣла гдѣ она, и какъ погубила себя.... Господи милосливый!... Спойшь и не можешь усюишь на мѣспъ, блѣдная какъ смерть, пряселся всѣмъ пѣломъ, и какъ сцѣпила руки, пакъ онъ въ ней и окоспенѣли; расплетенныя волоса рассыпались по плечамъ, глаза смотрятъ и не видятъ, чшо нупшъ лежишь Капишанъ: погубишель ея, и спить покойно!...

Проснулся и онъ, и видя шакую Оксану, чшо словно смерть, бросился къ ней, чшобъ уговаривашъ ее, схватилъ ее за руки, рукъ не разведешъ; посадилъ ее на постель, она и съла... но клонилъся, клонилъся и повалилась съ постели на полъ лежишь не жива.

То водою отливали, шо шерли ей виски, шо укусу давали нюхашъ, кое-какъ, наконецъ зѣвнула сердешная!.. Подвела глаза къ Богу... и едва-едва проговорила: — «зарѣжьте меня шеперь.... совсѣмъ!» Тупъ Капишанъ кинулся къ ней, спалъ ее уговаривашъ, спалъ умолять, чшобъ не убивалась пакъ, чшобъ не шужила, чшо эшо ничего, чшо воптъ они обвѣчаюпся, *примутъ законъ*, и онъ покроешь все какъ долгъ велишь.

Хопя и дышешъ Оксана сидя на кровати, на копорую посадили ее, но не занимается какъ онъ хлопчешъ около нея, не слышишь чшо онъ говоришь: взглянула глазками и проговорила: »Мамочка!.. гдѣ шы?...« да какъ зарыдаешъ!....

Горбуновъ, дешикъ, солдатское сердце — и шощъ глядя на нее, уширалъ слезы.

А Капишанъ все вѣпся около ее и просипъ, чшобъ не шужила, чшо эшо ничего, да чшобъ одъвалась скорѣе, пора ѣхашъ.

Не слушая его ничего, пакъ, горькая, и повалилась ему въ ноги. Охватила ихъ руками, цѣлуешъ, обливаешъ слезами уже не изъ глазъ, а кровавыми, ошъ самага сердца, и начала молить его: — «Капишаночку, Ваше Благородіе!.. не знаю какъ васъ еще больше возвеличить! Будьше мнѣ брашомъ... болѣе: *батенькомъ* роднень-

кимь! ... Послушайте меня бѣдную, погибшую совсѣмъ ... возмите ножъ, моею рукою вырѣжьте сердце мое, рѣжьте мою душу, заколите меня! ... Я недостойна жить на Божіемъ свѣтѣ.... мнѣ не можно бытъ между людьми! ... Я убила маѣиначку мою родненскую?.. Чшо она теперь безъ меня?.. Она не переживетъ шакого спыда! ... Я сгубила мою славу!.. Я *запропастила* душу свою? ... Какъ вспомню про мамочку мою, живая бы пошла въ землю! Маѣиначка моя, родненская! ... Чшо я надѣлала тебѣ? — Эшо ли швоя Оксана? ... Эшо ли радость швоя?....»

Такъ приговаривала Оксана, а сама, прежде плакала горько, рвала волосы, била въ грудь себя, попомъ опяшь обомѣла и повалилась на полъ....

Какъ шуптъ солдаптъ вбѣжалъ и крикнулъ: »пожалуйте, Ваше Благородіе, все гошово; васъ ждуть!»

Капишанъ, обтерши слѣзы, онъ и самъ хотъ и чершвая душа, а не могъ не плакать, видѣвши спрданія Оксаны, схватилъ ее безчувственную, завернулъ въ солдапскую шпцель, и вынесши на рукахъ, уложилъ въ бричку.... Повезли ее дальше!

Ни жива, ни мершва лежишь наша Оксана въ бричкѣ. Очувшвуецшя немного, видишь, везуть ее, денщикъ сидитъ при ней. — Взглянешъ до Бога, слезами обольецшя: — Господи милоспивый? я ли эшо? — И эшо все со мною спалоея? — Маѣиначка моя! не проклинай шу, чшо была твоею дочемкою! ...

Оспановились на кварширѣ въ другую ночь. Оксана изнемоглась совсѣмъ. Ни ѣсть, ни пьеть — и не воспоминай ей.

»Не хочешь ли, душка, чаю?» — спросилъ ее Капишанъ, хлебчучи изъ спакана и закуривая шрубкою.

— Будь проклятъ онъ опъ меня! — задрожавскрикнула Оксана: — шо не напишокъ, шо адскій огонь.... и какъ замолчала, шо уже сколько Капишанъ ни заговаривалъ къ ней, какъ ни развлекалъ ее, шакъ ни одного слова не добился опъ нее; она все въздыхала шяжко, и по временамъ клала на себя крешпное знаменіе....

Какъ вошъ ночью, прислушиваешься Оксана, всѣ спяшъ крѣпко пихонько вспала, обулась - не обулась, одѣлась - не одѣлась, чупь слышнымъ шагомъ идешъ ... идешъ едва духъ переводишъ, идешъ ... къ дверямъ ... тихо ошворила... и вышла. Тупшъ она свободно вздохнула и смѣле пошла къ выходу.... Ночью, въ попемкахъ, едва опыскала запоръ, и ошъ робости и безсилія очень долго оподвигала его ... и все попихоньку, оспорожно, чшобъ не заспучашъ и не разбудишъ спящихъ въ хашъ, денщиковъ. Двигаешъ засовъ и боишся, прясепся и думаешъ, какъ она выбѣжишъ на улицу, какъ побѣжишъ куда зря, спрячется гдѣ нибудь пока разсвѣнешъ, а шамъ пойдешъ.... и не куда же, прямо къ машери... »Умру ошъ гнѣва машери, но близъ ея серденька! шакъ думаешъ она.... и вошъ— оподвинула... дверь, спасибо не скрыпишъ, тихо ошворяешся.... вошъ и ошворила совсѣмъ, пересшупила уже черезъ порогъ.... »Кшо идешъ!« крикнулъ часовой, чшо споялъ у двери Оксана померпѣла! Преспрашннй солдашъ, съ предлиннымъ ружьемъ, схвашилъ Оксану за руку и съ силою впихнулъ ее въ хашу, и крикнулъ: Эй! вы спите, а дѣвушка ваша ушла было; а ошъ Капитана доспалось бы и вамъ и мнѣ.« Тупшъ проснулись денщики, подняли Оксану, упавшую на-поль, когда пихнулъ ее солдашъ. А шупшъ и Капитанъ проснулся, и началъ выговаривашъ Оксанѣ, за чѣмъ она думала уходишъ? »Эшого не можно уже и подумашъ!« сказалъ онъ.

Ушромъ не выходили изъ шого селенія, солдапамъ нужно было опдохнуть. Пришелъ. одивъ Офицеръ къ Капитану, разсмашривалъ Оксану, и началъ ему завидовашъ, чшо шакую красивую дѣвку доспалъ себя. Пошомъ, будшо и добрый, сказалъ, чшо ходилъ къ священнику, чшобы вѣнчалъ Капитана съ Оксаною, и совсѣмъ бы все кончилось, шощчасъ бы повѣнчали, шакъ ошъ ея машери нѣшъ бумаги, а безъ шого и вѣнчашъ не можно. Послали, говоришъ, какъ можно скорѣе, и когда не сегодня, шакъ завшра неопшѣнно придетъ бумага.

Оксана спойшъ склонивши голову, и не говоришъ имъ ничего.

Потомъ, потъ же Офицеръ спать говоритъ, что Капишану въ походъ не можно возить съ собою дѣвкѣ, а должно переодѣть ее денщикомъ. Надобно, говоритъ, этъ косы опрѣзать и волосы остричь.

Капишанъ кликнулъ денщика и приказывалъ остричь Оксану. Только лишь потъ приспустилъ, какъ она выхватила ножницы, какъ вскочила — и вскрикнула: «Не допущу никого!.. Не умѣла сберечь своей славы, не достойна и дѣвичей красоты! И съ симъ словомъ, разомъ опрѣзала — какъ и не было! — славную русую, долгую, густую, шелковистую косу! Оксана схватила ее въ руку, прижала къ сердцу, поцѣловала... и горько-горько заплакала.... потомъ и прочіе волосы на головѣ также сама остригла, собрала волосы, оплакала ихъ и говоритъ: «Такъ тебѣ, Оксана, и наде; згубила свою славу, ходи остриженная!.. Еще вчера должно было меня остричь. — Честная дѣвка красуется косою, а шакая, какъ я, всегда бываетъ острижена.».... Сбравши свою косу съ волосами, завернула въ платокъ и положила къ сердцу.

Капишанъ думалъ, что ему многого труда спонитъ будеть принудить ее одѣться въ платье мужчины, и началъ ее уговаривать къ тому, а она говоритъ: «дѣлайте что хотите съ остриженною Оксаною!.. она все погубила: и славу свою, и косу, и разумъ; ей не должно ничего дѣвичьяго носить.» — И потомъ одѣлась свободно, не переславая плакать.

Сердце боится, рассказывая, сколько и какъ страдала наша Оксана, и что переносила онъ своего губителя, злаго Капишана!.. Не можно и пересказать, какъ онъ возилъ ее съ собою по походамъ, какъ ее берегли ночь и день, чшобы не ушла. Если же соберутся къ нему Офицеры, то она должна была сплывать у дверей, подавая шрубки и проч. Называли ее «Ванькою», «надоѣдали ей шулками и разными прибаутками. Она же молчитъ передъ ними какъ спѣва, и ни пары изъ успѣ не пушитъ; только вздохнетъ и подумаешь: «Слушай, Оксана! — ты это заслужила.»

Безсовѣстный Капитанъ еще-таки не переспаваль *ее* обдуривать. Еще-таки, когда Оксана, не вышербливая своего бѣдспвія, расплачешся и начнешь его упрекать, какъ онъ погубилъ *ее*, — шо онъ, будшо и начнешь жалѣть *ее*, и спавешь по прежнему божишься и кляшься, что онъ непремѣнно обвѣнчаешся съ нею, шолько что вошъ не пришла бумага опть мащери — и начнешь ей предспавлять разныя свои выдумки. Она, сердешная, хошя и не вовсе, но нвогда, немного, и повѣришь, и думаешь себя: «можетъ онъ и въ самомъ дѣлѣ когда нибудь очувствувается и раскаешся въ убійствѣ моемъ?.. Еще подожду, до случая.»

Уже и мальчишъ ешъ у ней... Тупшъ - шо Капитанъ, при шой женщины, куда заблаговременно завезъ *ее* для шакого случая, шущъ уже *смертельно* божился и, снявъ со спшны образъ, присягалъ, что если Оксана сохранишь дшпя, шакъ онъ шогда жѣ и обвѣнчаешся съ нею, чтообы вѣсмъ избавишься грѣха. Боясь же, чтообы она не исполнила своего намѣренія, не ушла бы, какъ о шомъ часшо въ больномъ огорченіи проговаривалась, онъ, не давъ ей хорошо оправишься, взялъ *ее* изъ деревни къ себѣ.

Не видя ничего къ успокоенію своему, Оксана рѣшилась пустишься на хитрости.

Спала веселенькая, переспала шужитшъ, сдѣлалась говорлива даже съ Капитаномъ, или и даже съ Офицерами, когда сойдутся. Про мащъ не вспоминаешъ и про вѣнчанье молчитшъ.... Вошъ, ей спало больше воли. Прнмѣчаешъ, уже не шакъ и присмащриваютъ за нею, а даже вовсе не караютшъ. Далѣе и далѣе, ей уже можно, сначала съ солдатомъ, а пошомъ и самой провѣдывань свое дшпя, Амшприка, кормившагося въ ближней деревнѣ. Можно ей, какъ захочешъ, и на базаръ одной ходишь, хошъ до половины дня. И она ходишь по базару, и если нападешъ на знающихъ, шо она и разспрашиваешъ, на какія мѣста идти шакой-шо губерніи, до шакого села? Кшо знаешъ, разсказываешъ ей, а она все замѣчала.

Въ одинъ день она приспала къ Капитану съ горькими слезами, чтобы онъ сказалъ ей рѣшительно, покроешь ли онъ когда свой грѣхъ, обвиняется ли съ нею? Супоспавъ смѣялся, а потомъ снова подтверждалъ свои кляшвы, и что не пройдетъ недѣли, какъ онъ кончитъ все съ нею. Но въ топъ же вечеръ, когда собрались къ нему Офицеры и спали лишь чай съ проклятою подливкою, погубившею навѣкъ Оксану, по зашелъ между ними разговоръ о ней; и шутъ Капитанъ сказалъ, что онъ и не думалъ никогда утопить себя, женясь на ней на вольно ей, дурь, вѣришь было и даже шеперь ожидашь; что она ему наскучила, что онъ гошговъ проиграшь ее въ карты кому угодно, или помѣняешься на собаку.....» Оксана не слушала болѣе... и какъ денщики занявши были по своимъ дѣламъ, а о себѣ знала, что ее уже не спросишь занявшись пиршествомъ, которое будешь продолжаться всю ночь, она, взявши свою шинель, свернула и положила на мѣсто, гдѣ всегда спишь, и уюстила такъ, что будишь по человекъ лежишь, а потомъ выбѣжала изъ хаты, со двора, и бѣгучи все улицами, выбѣжала изъ города и прибѣжала въ шу деревню, гдѣ кормился Дмишрикъ ея.

Войдя въ хату, такъ и кинулась къ ногамъ женщины, кормившей Дмишрика, и рассказала что задумала. Эша *молодица* знала все, что было съ Оксаною, и не одинъ разъ она плакала съ нею во шакое ея годниъ; а подумала, что какъ уже ей заплачено за кормленіе впередъ, а если Оксана сдѣлаешь что задумала, такъ мена — думала она — и подозрѣваешь не спануть. Тутъ же одѣла Оксану въ женское платьѣ, спаринькой плажокъ на голову, повошенную крѣпко шубу болше для дшияши; закушала Дмишрика, кошорому было уже болше года, и положила его на руки ей. А платьѣ мужское, что скинула Оксана, и нѣсколько пеленокъ отъ дшияши, взявши пошла съ Оксаною.... къ пруду.... Ночь; никшо не видалъ ихъ — и онъ, шутъ же у берега, положили все эшо, чтобы подумали, что Оксана съ дм-

пятаго утопила, и давши Оксанѣ гривну денегъ на дорогу, женщина эта проводила ее за деревню.

Въ самую глухую, темную полночь, оспалась Оксана въ полѣ одна, какъ палецъ! Идти бы ей, боишься, и куда идти, не знаешь: помнишь какіе города ей спрашивать, а не знаешь, въ копорую сторонупустишься. Подумала, подумала Оксана, послѣ и говоришь: — умъ ты, Оксана, покинешь мать, умъ же и найди ее! — Не боялась *мандровѣть*, не бойся же возвращаешься. Хотѣла жить въ роскоши, перья же теперь холодъ, голодъ и всякую бѣду! — что же дѣлать? — Но знаю, что шагъ, что далѣе отъ грѣха, а ближе къ матери.... Господи благослови!.. « перекрестилась и пошла.

Ночь была такъ темна, что дорогу не иначе можно было видѣть, какъ только присматриваясь. И отъ страха, чтобы ее кто не оспозналъ, и отъ радости, что вырвалась изъ ада и изъ рукъ самаго сашаны, Оксана дрожала какъ бы отъ сильнаго холода, что и пустилась идти скорѣе, чтобы согрѣться. Немного прошла, а уже и начала уставать; припомъ же, кромѣ того, что была въ шубѣ, былъ съ нею и узелъ съ пеленками для дитяти, и съ хлѣбомъ и косъ съ чѣмъ, что добрая женщина—спасибо ей! — дала на дорогу. Пройдя немного, Оксана садеть и отдыхаетъ; наконецъ, выбившись изъ силъ, прилегла на земль, и думаетъ:

»Иду я къ мамочкѣ моей родненькой.... жива ли она еще?... Можетъ съ пуги и печали умерла, чтобы не видѣть стыда, какой занесла я на ея старенькую голову?... И уже вѣрно, что умирая, прокляла меня!.... у-у-у-у!.. спрашно!.... земля не сдержитъ. — Когда же она жива?... о, Господи!.. какъ явлюсь къ ней?! . Это та Оксана, что была для нея радостью, утѣхою, что мать величалась и утѣшалась ею!.. Это Оксана, что смѣялась съ Горшковозовны, бѣжавшей съ солдатами; слышала, какъ мать удивлялась, что Явдохина мать умерла отъ стыда и печали, а сама, въ то же время, пуда же *помандровѣла!* .. Явдоха, можетъ, потъ же черть и ворошилась, а Оксана, эта гордая, пышная

Оксана, что не думала за мужика выдти, что величалась надъ всѣми, эша повѣсилась на шего Капитану, захопѣла разомъ спашь пѣнею, шаскалась съ нимъ по всему свѣту.... Вопшь тебѣ, мамо, Дмитрикъ. Няньчись съ нимъ, пошѣшайся имъ; эшо заробопокъ швоей Оксаны.... до-спала шебѣ чести и уваженья. Бери его, мамо, на ру-ки; выноси его на улицу, похваляйся добрымъ людямъ: »вопшь что заробопала моя Оксана!... Ни самая послед-няя дѣвка въ нашемъ селѣ не сдѣлала бы того, что дочь моя, почтаемая всѣми за первую!... Разшупись, сыра земля, прими меня, чтообы не видѣла я машерин-скихъ слѣзечекъ, горькаго въздыханья опъ спыда, что я нанесла ей!»

Такъ горько плача и приговаривая, лежала на зем-лѣ Оксана близъ своего Дмитрика, что спалъ закушан-ный въ шубу. Плакала-плакала глядя на него, и думаетъ: »на что родился онъ на свѣтѣ?... На спыдѣ, на лихо, на горе. Нигдѣ не скроется опъ насмѣшекъ, наъ *бай-стрюка* не выйдептъ. Машь моя не захочетъ видѣшь его, проклянетъ вмѣстѣ со мною, я должна буду пря-пашься съ нимъ опъ людей!... Прибери его, Господи! пока не дошла я еще къ машери!.. Когдабъ звѣрь, или что.... А я?... развѣ я чѣловѣкъ?...» закричала Оксана не-обыкновеннымъ голосомъ, вскочила съ земли, выпрями-лась и началъ быспро озиратъся по всему полю. Въ глазахъ засверкали искры, дыбомъ спали волосы, про-пшнушья руки окостепѣли.... — »Я люшѣ всякаго звѣ-ря!.. я убила свою машь родную.... по каплѣ выпила кровь ея!... шакъ пожалѣю ли своего дитяпца?... Оно не дитя мое, оно врагъ мой!... какъ покажусь я съ нимъ къ машери, въ село свое? Оно мнѣ спыдѣ, срамъ, вѣч-ное посмѣшище!... Не нужно мнѣ его.... пропадай, выро-докъ нечестиваго рода, врага, губителя моего!.. О-о-о-о!... Какъ бы попался мнѣ камень, шуптъ бы и аминь ему! шоль-ко по головкѣ крѣпче.... и не пискнуло бы!... Нѣшъ, не шракъ. Вопшь шуптъ въ канавѣ, вырою ему ямку, поло-жу его *любенько*.... да разомъ и засыплю землею... и

могилку выведу; оно и не почувствуетъ ничего, славно заснетъ..... Ищи, Капишанъ, своего сына!....»

И говоря эшо, обѣими руками, на взрушенной въ канавѣ землѣ, принялась рыть ямку, а сама хохочетъ дико своей выдумкѣ. »Покрою на вѣкъ свой спыдъ, ни-кшо и знашь не будетъ!« — Такъ думаетъ она.... Ошъ сильнаго горя, сердешная Оксана была почно въ ума.

Вырыла ямку, обдѣлала, очистила ее — и гошова. Начинало разсвѣпашь. Вспавши на ноги, глянула на могилку, крѣпко вздрогнула всѣмъ швломъ.... но скрѣпила сердце... быспро бросилась за дышаею, приговаривая: »Спупай, Дмишрикъ! полно тебѣ, Капишанскому сыну, спать на голой землѣ. Вопъ тебѣ вѣчная квартира гошова!....«

Подбѣжала къ дышаши, пропянула руки, чпобъ взяшь его.... а оно, малюшочка! — проснувшись, смѣшпся пакъ мило — себѣ, пропянуло къ ней ручки, и крикнуло: »мамо... мамо!« да пакъ жалобно, словно просипъ, чпобы машь не губила его.... Крѣпко вздрогнула Оксана, пошомъ скрѣпясь, кинулась на дыша, схватила его.... а дыша, не понимая ничего, охватила ручонками шею машери, цѣлуешъ ее... и лепечешъ: »мамо!.. Бозя!...« Оксана обезпамятѣла и не очувствовалась, какъ упала на земло!....

Ушрешняя роса и прохладный вѣшерокъ освѣжили ее, она очувствовалась... глядишь, и не знаетъ гдѣ она. Дыша ползаешъ около нея и, чшо могло еще выговаривашь, все лепечешъ: »мамо... Бозя!...« Тушь вспомнила Оксана на чшо рѣшилась!... вспомнила — и морозъ пробѣжалъ по ней.... увидѣла могилу, чшо пригошвила было для своего дышаши, быспро вскочила, схватила дыша на руки, и какъ спрѣла, пустилась бѣжашь ошъ шого мѣсна, а опбѣжавши, кинулась на колѣна, положила дыша, и со всѣмъ жаромъ начала молишься Богу, класъь земные поклоны, и пушь же налагла на себя обѣщаніе, чшо уже никогда и ни за чшо не сдѣлаешъ ребенку никакого зла, будетъ сохраняшь его, донесешъ до дому и, если машь не благо-

словить его и откинетъ онъ себя, всё будущъ имъ гнушашся, упрекая, будущъ звашъ его *байстрюкомъ*, и какое бы ни было ей поруганіе, посмѣяніе, она все перенесетъ, не покинетъ сына, вскормить его и до *разума доведетъ*. «Когда я не умѣла бытъ дочкою — такъ говорила она сама съ собою: — «шакъ буду матерью; гонялась за ланспвомъ и роскошью, буду шертъливо переносить стыдъ и всякое наругательство». На все рѣшалась она, и все гошова была вышерпить, лишь бы Богъ проспилъ ей эпотъ шажкій, смершельный грѣхъ, что она хотѣла сдѣлать надъ сыномъ. Только лишь кончила молитву, шуть ясное, чисто восходящее солнце освѣшило ее.... И Оксана спала покойнѣе въ душъ: ушерла слезы, подкрѣпила себя пшсею; закутавъ дитя, прижала его къ сердцу, гдѣ всегда лежала, завернушая въ платокъ, ея дѣвичья коса — и, съ швердою мыслію, пушмалась въ пушь, разговаривая съ дитяшею: «Бозя!... мамо!» А шуть она начала учить его еще новому слову: «баба.... баба!» И Дмишрикъ левешалъ за нею, и ловя ея слезы, падавшія на него, смѣялся — и пошомъ уснулъ.

Много разсказывалъ, какъ наша сердешная Оксана съ своимъ Дмишрикомъ чрезъ всё мѣста проходила до своего села. Иногда случался добрый человекъ, подвозилъ ее, а больше того, что она все шла. Неся дитя, рукъ не чувствовала; ноги опъ ходьбы упомилась; гдѣ выпросить поѣсть чего, а гдѣ и ничего не дадутъ, шо она, опдавая послѣднее дитяпи, крѣпко голодовала. Вошь уже доходитъ.... Вошь уже все ближе, все ближе къ своему селу... и сердце замираетъ въ ней.... И какія думки на душъ у ней!... Какъ явись предъ матерью?.. Что мать скажетъ ей?.... Еще жива ли?.... Горечко шажкое!....

Сколько и какъ она шла, а шакъ дошла. Уже вершъ десять осшаешся ей до села. Она думаетъ: «хотя уже и поздно, но если въ послѣднее поспѣшу, шо хотъ ночью, а дойду-шакъ до дому.» Пошла скорѣе.... Но какъ у нея одна думка и все о матери: какою она увидитъ ее, или

уже на кладбищѣ опыщелъ только могилу ея, пакъ она идешь, но ноги не двигающіяся; спопыкается, оспанившись, опяшь поидешь, дрожишь вѣтъ шѣломъ, горло пересохло, гдѣ найдешъ какую нибудь воду, освѣжишь запекшіяся уста, опяшь поидешь.... Духъ ей захватываетъ, вовсе не зможешь, сядешъ.... Олдохнула ли хоть немного, или нѣтъ, вздумаетъ поспѣшашъ, опяшь вскочишь, опяшь поидешь, и опяшь не на долго.... И черезъ шо опоздала крѣпко. Полуночная звѣздочка взошла, а она еще далеко опъ села. Извемоглась совсѣмъ, а шущъ начало разсвѣшашъ; она уже завидѣла церковь.... И шущъ же упала на колѣна.... »Церковь Святаа! я входила въ шебя чистая и испорочная! Доспойна ли буду съ своими грѣхами спашъ въ шебъ?» — И какъ горько плакала она, стоя пакъ долго и молясь! Землю смочила слезами и подумала: »вошь какой радець (принось, подарокъ) принесла я на родимую землю!.... Не долго я буду сквернишь шебя, спупая по шебъ, земля моя родимая!... Не спупайся, прѣнми мое грѣшное шѣло по смерти, хошь за шо, что я ушро и вечеръ буду шебя поливашъ слезами!....«

Посилилась чшобъ вспашъ, но не смогла никакъ, и шущъ же на дорогъ лежала, спюная и плача.

Ушро. Обвѣдильо; ѣдешь человекъ по дорогъ въ село. Видишь, что-шо лежишь на дорогъ.... Подошслъ ближе... женщина съ ребенкомъ, вѣрно больная, лежишь, плачешъ, спонешъ, руки ломаешъ. »Чего шы, молодница, шушь, на дорогъ легла?» — спрашиваетъ ее человекъ.

Взглянула Оксана по голосу, присмотрѣлась приспально.... »Охъ, Господи!.... крикнула, припала къ земль, заплакала навзрыдь и сказала: — »Покрой меня, сырая земля. Пусшь я не вижу....«

— Да кто-шы такая?... Больна шы, что-ли? —

Оксана не говоришь ничего, только плачешъ горько.

— Да ну же, скажи: когда шы больна, шо я подвезу шебя — сказалъ человекъ, и началъ поворачивашъ ее, чшобъ узнать, что эшо шакос.

«Убей меня, Пётр! — крикнула Оксана: — «Убей на этомъ мѣстѣ.... Я спану Бога молять за тебя.»

— Да кто это такой? — Чшо-шо я не вознаю тебя! —

«Убей Оксану!.... Раздави ее пяшою!»

— Оксана!.... Ты ли это? — крикнулъ Пётр, и отспунилъ ошъ нея, сбѣпилъ руки, съ большимъ удивленіемъ разсмапривалъ ее....

И можно ли было ему узнать Оксану? Ошъ зналъ ее здоровою, пѣловидною, румяною, веселою, игривою дѣвушкою, сегодня разряженною, а завтра еще лучше. А шеперь, видишь, лежишь передъ нимъ *что-то* худое, шощее, сухое, блѣдное, сомгьлое, почернѣвшее въ лицѣ. Не одѣжа на ней, а нищенское лохмошье, голова повязана грязнымъ, запасканнымъ, дыривымъ очѣлкомъ; лежишь, не можешъ всташъ, и плачешъ горько.

Добрая Пешрова душа!.... Бросился къ ней, поднялъ ее, посадилъ и самъ сълъ подлѣ нея; ушѣцалъ ее, самъ поплакалъ съ нею. — И какъ она, прежде всего, пришпала къ нему, чтобы сказалъ ей о машерѣ, живали она, и какъ живешъ, шо онъ и разсказалъ.

«Твоя машь, Оксана, жива, да чшо съ шого? Лучше бы ей Богъ смерть послалъ! Вошъ я шобъ все разскажу. Въ шощъ вечеръ, какъ ты.... шаво.... какъ шобя уже не было, она не хвашилаъ шобя, легла спать, думая, чшо ты, какъ и часто бывало, возврашнись поздно. Какъ же видишь ушромъ, чшо шобя нѣтъ и чшо ты не почевала дома, вошъ шущъ уже она не знала что и подумалъ! Побѣжала къ сосѣдамъ на совѣшъ, на порадую.... Черезъ часъ, по всему селу заговорили, чшо Оксаны нѣтъ! — Не можно и разсказашъ, какъ бѣдная спаруха швоя горевала!.... Но все-таки никшо не могъ додумашься, гдѣ ты дѣваласъ. Никшо не замѣпилъ, чшо-бы ты съ кѣмъ изъ служивыхъ любиласъ; о Капитанѣ-же никшо и не думалъ. «Когда-жь она не за москалями побѣжала — шакъ шолковали люди: — шакъ или ушопиласъ, или что. Искали въ прудѣ. Какъ вошъ, нашъ Кондрашъ ворошился; его брали съ подводною

нодь солдатскія вещи, и онъ ночевалъ у дяди въ помѣ же дворѣ, гдѣ и Капитанъ спалъ на кварширѣ. Слышншь Кондрашъ, какъ люди рассказываютъ, что Капитанъ изъ нашего села привезъ какую-то дѣвушку. Чшобъ подсморгншь, кшо она такаа, и не изъ дочекъ ли его такаа, заглянулъ въ окно.... Эшо Оксана, сидншь у Капитана на колѣнахъ, веселая, обнимаетъ его, дѣлуешъ и свадебныя пѣсенки себѣ же припѣваетъ.... Правда ли эшо, Оксана? Было ли эшо ?а.

Оксана склонила голову, оперла слезу.... Пспрѣ продолжалъ :

»Ну, нужды нѣштъ, эшо онъ шакъ рассказывалъ. — Онъ, говорншь, удивился, но какъ не его дѣло, шо и опошелъ себѣ. На другой день Капитанъ поилъ водкою своихъ людей и хозяевъ; Кондрата шакже угощали.... Не плачь, Оксана, и не спыдиись; я рассказываю какъ говорилъ онъ. Вошъ Кондрашъ воропившись, да къ Вѣклъ, да прямо и говорншь ей: »Не виценте своей Оксаны; она-шакъ-и шакъ, шамъ-и шамъ.«.... Тутъ уже не знали чшо и дѣлать съ швоею машерью! Она не заплакала, а шолько вся одеревенѣла.... Начали ее ушъ-шашъ, она молчншь и прнспально смогрншь въ уголь хашы. Я былъ при ашомъ, и не опшодилъ опгъ нея.»

Оксана хотѣла чшо-шо сказать въ благодарность ему, но, за слезами, не могла выговорншь ни слова.

»Молчала Вѣкла, молчала — и шакъ спрашно глядѣла на всѣхъ, послѣ и заговорила шакое, чшо и рассказашъ не можно!.... То кричала, чшобъ ловили солдатъ, чшо душу украли изъ нея, чшо уже въ ней нѣштъ души, чшо она уже не человекъ, а колода, ни на чшо не нужная и ни къ чему не пошребная. Пошомъ помолчавши, начнешъ просншь людей къ себѣ на свадьбу, чшо она идетъ за Капитана, и пачнешъ убирать себѣ голову чѣмъ попало, вмѣсно *скиддячокъ*, какъ прилично невѣстѣ; пошомъ начнешъ припѣвать себѣ свадебныя пѣсенъ; а какъ — говорншь пошомъ: — будешъ у меня доня Оксаночка, *гѣрная да перегѣрная*.... да шуптъ же, съ сердцемъ, и закричншь: — шо я ее за ножки,

да объ лавку.... Убью гадину!.... Убью змью!... Она из меня кровь высосала, она.... да шупть уже понесешь шакое, чшо не хочу тебя и рассказывать; шы и шакъ крѣпко плачешь.»

»Полно-же, полно, перестань! — говорилъ Пепрѣ, видя ее заливающуюся слезами: — «слушай, что я еще dalje буду тебя рассказывать. Долго шакъ сырадала мать швоя. Мы думали, что она пронулась въ умъ; однако, сякъ-шакъ, шо молодицы, шо знахарн освободили ее, она пришла въ память.... Такъ что же? Тушь, какъ постигла ее бѣда, шупть и напали на нее наши мѣрскія пѣлвки. Первое чшо земское вачальштво съ громадою присудили, какъ Вѣкла ешь *бездушная*, сына и приѣмьша у ней нѣшъ и не будешь, шо ея землю взяли, обратишь въ общественную; вопть начальники и раздѣлили ее между собою. Тушь писарь по книгамъ нашель, будпо швоя, Оксана, дѣдъ, его дѣду должень былъ пятьдесятъ рублей, и о шомъ бумагу чиналь передъ громадою.... а громада что знаетъ? Присудили нашъ дворъ ошдашь писарю.... вопть швоя мать и пошла скинапшся по сосѣдамъ....»

— Моя мать у сосѣдей?! — крикнула Оксана, ломая руки, и рыдая припала къ землѣ: — эшо я довела ее до шого!....

»Какъ же она вышла? — продолжалъ Пепрѣ:—«Со вѣшъ обобрана! Чшо пошло на леченье, шо явились добрые люди, и брали что хощели, за какой-шо, когда-шо долгъ, а другіе прямо подкрадали, шакъ чшо Вѣкла, съ богатой на все село, въ чемъ спошла, въ шомъ и перешла къ Миколѣ Шпырь. Безъ меня они шакъ уравились; я тогда ходилъ въ дорогу. Ворошившись, гяжу, совсѣмъ разорили ее, бѣдную, и свели ни на что! Хопѣль вступиться за нее.... Не проишь, — сказала мнѣ Вѣкла: — Богъ съ ними! эшо мнѣ ничего. Когда Оксана чшо сдѣлала, а уже люди!.... и къ чему мнѣ все это безъ нея? Помру и безъ имущества. Она погуляешь съ Капитаномъ, получишь много денегъ, будешь жить въ роскоши, а я хопъ и на смешь умру, для ней мало горя!»

О, какъ плакала и билась сердешная Оксана! Если бы могла, сама на себя руки подняла бы, слушая, до какой бѣды довела она мать свою!.... Какъ умѣлъ, шакъ и уговаривалъ ее Пешрѣ, и спалъ придумывать, какъ явиться ей къ матери. Оксана ничего того не слушала. »Пойду,« говоритъ: »прямо къ ней, какъ мандровала опъ нея. Умру у ногъ ея! — Пущь что хочешъ, то и дѣлаешъ со мною!«

Долго думалъ Пешрѣ, потомъ сказалъ: »какъ тебѣ, Оксана, и явиться въ наше село? Тебя засмѣютъ, закаркаютъ, про-свѣту не будешъ тебѣ. Послушай меня. Садись на мой возъ, я провезу тебя шакъ, что никто и не увидишъ. Тамъ опшущу тебѣ приличное платьѣ, и пройдемъ мимо улицъ къ пан-опцу, пущь насъ обвѣнчаешъ, да шогда и явимся уже къ матери. Она, увидѣвши, что ты уже введена въ законъ, не такъ будешъ на тебя печалиться; а въ селѣ никто не посмѣешъ смѣяться съ тебя, потому что ты уже будешъ мужняя жена....«

Еще Пешрѣ и не договорилъ совсѣмъ, а Оксана уже у ногъ его!.... Хватаетъ ихъ, цѣлуетъ, обливаешъ слезами, задыхается и не можешъ слова сказать: »Пешрѣ.... Пешрѣ!.... ты не человекъ, ты Ангелъ Божій!.... Братъ родной не придумалъ бы, чтобы шакъ ушъшишь меня!.... Что ты это вздумалъ?.... Достояна ли я шого, что, ты хочешъ сдѣлать? — Какъ, въ швой честный домъ, гдѣ жила богобоязненная семья опъ опца и дѣда, ввешпи меня, пошаскуху, что и глядѣть на нея стыдъ и срамъ, что земля не держишь ее....«

— Ты знаешъ, Оксана, что я любилъ тебя циро, и шеперь все люблю тебя. Я знаю швою душу, ты спотыкнулась немного. Что хочешъ разеказывать про Капишана, но и ты винна, я зналъ и видѣлъ все.... но — нужды нѣтъ, все забываю, и ни о чемъ не буду вспоминать, словно дѣвкого беру тебя....«

— Нѣтъ, Семеновичъ! никогда не опшужу швоей славы, не осрамлю семьи и рода швоего!.... Я пропавшая

навѣки!.... Развѣ не видишь? — Вотъ и заработокъ мой! —

»Онъ будетъ моимъ роднымъ сыномъ. Черезъ тебя, я и его любить буду. Послушай меня, покрой свою славу, дай ему опца, а матери сына на утѣху....«

— Вотъ гдѣ моя слава! — сказала Оксана, и вынула плапокъ съ своею косою и показала Пешру. — Вотъ гдѣ она! Никшо не можешь приставишь ее ко мнѣ! Никшо не взялъ ее у меня, я сама, своими руками опрѣзала, какъ и погубила сама же себя. Косу приставишь, славу ворошишь, никакъ не можно. Какъ смогу, мальчика выкормлю, успрою; матери, когда еще доуспишь къ себѣ, буду сыномъ, дочерью, работницею, крѣпачкою. Ночь и день буду работашъ, чшобъ успокоивашъ ее за шо, чего она лишилась чрезъ меня. Чужаго же вѣка завдашь не хочу; не хочу, чшобъ шы, за швою доброту, шерпѣлъ чрезъ меня....

И какъ долго уговаривалъ ее Пешро! Она же ни за что не соглашалась, хопя и видѣла, чшо онъ великое добро дѣлаешъ для нея и для матери. Не захопѣла, чшобъ онъ проводилъ ее чрезъ село и защищалъ опгъ насмѣшекъ. »Какъ заслужила, шакъ и услышу все, я и не шого еще достойна!« сказала она наконецъ.

Пошуживши, поѣхалъ Пешро своею дорогою, а Оксана, подумавши, поплакавши взяла сына перекрестилась, пошла селомъ....

Прежде всѣхъ встрѣпилась ей молодница, изъ прежнихъ подругъ ея. Присмопрѣлась ... и вскрикнула: — »Такъ и ешь ... эшо Оксана! — Мотря! (крикнула на другую), смотри, Оксана идешъ! — Мотря себѣ кричишь: «Да Оксана же — и съ заработкомъ!» Такъ одна по одной, и разнеслось по всему селу шолько лишь сердешная Оксана доходитъ до какого двора, шо уже всѣ изъ хашы вышли, глядящъ, смѣюшся съ нея, кричашъ: — »А чшо, погуляла съ солдапами? — Добыла славы? — Неси солдапченка на утѣху матери больной! — Иди, неси, похвались ей байспрюкомъ. — Не смотри на меня, пѣплюга! я тебя знашь не хочу!«

Вопшь такая честь была ей опть всѣхъ жишелей села. Если же дѣвки выходили смопрѣшь на нее, шо маперн гоняшъ и браняшъ ихъ. »Она—говоряшъ: »за свое мандрованье съ солдашами, не доспойна, чшобы вы и глядели на нее. Она оспыдила все село!« а ребяшншки, шакъ шъ пуще всѣхъ. Слыша все опть спаршнхъ, выбѣжали на улицу, дергаюшъ ее за полы, кричашъ: солдашка идешъ, байспрюка песешъ, киръ, киръ, киръ....«

Оксана, Оксана! шы ли эшо все слышишь, и въ помъ селъ, гдѣ, когда-то, прежде, шолько лишь выйдешъ на улицу, шо всѣ выбѣгаюшъ къ тебѣ, чшобъ хопъ взглянушъ на тебя, позавидовашъ на швою красу; когда же заговоришь съ кѣмъ, шакъ и шопъ радшенскъ; всѣ собираюшся вокругъ тебѣ, чшобъ послушашъ швоихъ рѣчей, шушокъ и выдумокъ. Да чшо: и самый преспарѣшій дѣдъ или немощной, какъ выведущъ его на улицу и посадишъ на присбѣ, шакъ и шакой, когда, бывало, проходишь мимо его, шо и онъ шакъ приспально смопрѣшь на тебѣ, и даже не вышсрпипшъ скажешъ: »вопшь дѣвка, шакъ-шакъ!« А шеперь какая тебѣ честь!.... Чшо-шо будешъ еще опть маперн?! —

Среди шакого величанья, идешъ сердешная!.... а куда идешъ, не знаешъ; опть сшыда, не видипшъ свѣта. Плакала бы, такъ уже и слезъ нѣпшъ; сердце такъ запеклось, чшо и слезинки не выжмешъ!....

Сякъ-такъ черезъ силу прибрела она къ Миколиной хашѣ, гдѣ, слышала она, живешъ мать ея. Скрѣпила сердце, ошперла сѣни, посадила мальчика у дверей, подумала, перекрестпилась, ошворила дверь въ хашу, гляды!.... Господи!.... кто-шо лежишъ.... на примоспкѣ, безъ постели, лежишъ спаренькая, худа-худа какъ скелешъ! желшал, сухая, глаза впали; изъ-подъ шпараго, грязнаго очипка вислпшъ клоки сѣдыхъ волосъ, сама покрыша старою, дыравою шубою, рука свисла.... а рука изсохшая, словно щепка; спипшъ, но и во снѣ спонешъ....

»Кшо эшо?« — думаетъ Оксана. — »Неужели эшо мамочка моя?.... Не шакою я оставила ее!.... хопъ и спаршнькая была, но была полновидная и не сѣдая....

Кшо же эшо?» — Спшойнть какъ вкопаная.... прясешся.... совсѣмъ гошова упасшь. Тушть у нея слезы приспушили къ самому сердцу.... и полились рѣкою!.... Не выдержала, проговорила всклипывая: «мамочка!.... родненькая!... шы ли эшо?....»

Спаруха открыла глаза, быспро посмотрѣла на Оксану.... и зажмурилась. Потомъ опять взглянула, и приспально присмащривалась, потомъ вздрогнула, начало подергивать лице ея, глянула къ образу, подняла руки.... и крикнула юхъ!.... и Оксана бросилась къ ногамъ ея, доспашеть ихъ, хватаешть чшобъ поцѣловашть, а сама заливаешся слезами.... Вѣкла — эшо она и была, — освободила ноги, привсшала, съла, прясешся, руки поднимашеть къ Богу, силишся чшо-шо сказатъ, и не можешть.... Оксана лежишть на земль, мочишть ее слезами, потомъ спала на колѣни, поймала руку мащери — и хопя ша опшймала — но оно-шаки держишть и выцѣловывашеть ее.... и шо же не можешть проговоришь слова.....

Наконецъ, не скоро, спаруха черезъ силу проговорила: »Иди себѣ шуда, куда пошла опть меня. На чшо я тебѣ?»

— Охъ, мамочка!.... шолько и слышно опть Оксаны. Спаруха продолжаешть:

»Мнѣ безъ тебѣ легче было. Добрые люди, чужіе люди, не оставляли меня.... я не могу смопрѣшь на тебѣ.... Ты сама знаешть, какъ свела себя; а чшо я... Иди себѣ... шы мнѣ не пужна!....»

Закрываетъ лице руками, силилась еще чшо-шо говоришь, но не могла, а шолько спонала....

»Мамо!... Бозя?...» — эшо Дмищрикъ, чшо машь оставила его въ снѣгахъ, въ опворешнюю дверь вползъ шуда же въ хашу, и съвъ, размашривалъ вездѣ, указывая ручонкою, лепешалъ: »мамо!.. Бозя!.. «

Быспро, взглянула на него Вѣкла, вздрогнула всъмъ шѣломъ и спросила: »Се вонò?»

— Вонò, мамочка! — сказала Оксана ... и какъ сказала! шущь слышно было и раскаянiе, и спыдь, и спрахъ, и ожиданiе....

Спаруха мрачно посмогрѣла на дитя, невольно прощянула къ нему руку, но вдругъ опшвернулась опть него совсѣмъ, хотѣла унашъ на подушки, но зарыдала горько.....

»Бозя... Бозя!« лепешалъ Дмишрикъ.

— Подай мнѣ его ... — слабымъ голосомъ сказала Вѣкла.

Оксана, сама себя не помня, схватила ребенка, положила на руки мащери, и припала къ ногамъ ея....

Принявъ дитя на руки, Вѣкла долго смогрѣла на него, слезы капали изъ глазъ ея ... она перекрестила его: »Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! — погубила мащъ, не сгубила невинной души, не взяла новаго грѣха на себя.«

Дмишрикъ, сидя у нея на рукахъ, знай лепечешъ чшо знаешъ: »Бозя баба!...«

»Такъ, Ангелокъ Божій!« — сказала Вѣкла, пригорнувши его къ себѣ: »Буду шебъ бабою; дамъ шебъ мащъ. — Бозя, душечка! Богъ и Самъ прощашъ грѣшниковъ, и намъ грѣшнымъ велишъ прощашъ врагамъ нашимъ. Мащъ пшоя, и среди грѣха своего, чувспшвала, чшо она мащъ, не сгубила шебя... Пущъ же радуешся побою и меня успокоивашъ. Вспанъ, Оксана! иди къ сердцу мащери ... будь дочерью опящъ, когда ты знала чшо пакое ещъ мащъ! ...

Господи! и рассказашъ шого не можно, чшо шущь было между ними! Сколько онѣ плакали, какъ обнимались... Оксана все выспрашивашъ мащъ, опть всего ли сердца прощашъ ее, пошому чшо, опть радости, не въришъ своему счастью.....

И весь день прошелъ въ ласкахъ и рассказахъ, кшо изъ нихъ чшо выпервѣлъ. Спарая Вѣкла какъ будшо здоровѣ спала, и все опшносилась къ Богу, чшобъ и Онъ пакъ проспшалъ дочь ея, какъ она проспшила.

Вечеромъ видѣла Оксана, что Петръ приходитъ къ хозяйну и спрашивалъ, что тушь было у нихъ, но къ Вѣклѣ не заходилъ.

Вошь и начали они жить попрежнему. Вѣкла слышала какъ, при входѣ, осмѣяли Оксану во всемъ селѣ. Слышала и ошъ хозяйна, гдѣ онѣ жили шеперь, что не будешь держашъ »мандрѣхи« какъ всѣ называли Оксану. Вѣкла выждала время, и когда языки приболпались, пересуды усшали, вошь она пригласила къ себѣ хозяйна и другихъ людей, уважаемыхъ въ селѣ, и рассказала имъ про спраданія Оксанины. Какъ же довольно уже пересужали Оксану, и злословишь болѣе накучило всѣмъ, завидовавшъ же было не кому и не чему, шо, какъ тушь бывшіе, а вопомъ и всѣ вообще разсудили, что это было больше насильство, нежали своя воля.

Далѣе и далѣе, хоша гдѣ и увидяшъ Оксану, шо оспавляющъ ее безъ всякихъ замѣчаній, и даже начали смощрѣшь на нее *пріязно*. Такъ Оксана свое знала. Ошъ мащери не опходила никуда, и ни съ кѣмъ, ни гдѣ, не дружилась, не зналась. Одна себѣ сидишь въ хашѣ и рабошаешъ; мащъ одѣваешъ и пропишываешъ, ночь и день *рукъ не покладаетъ*. Только ей и проходки, что къ церкви Божіей, за водою, да куда рабошу опнеспи.

Когда уже обжились немного, шогда шолько спалъ Петръ ходишь къ нимъ, помогалъ кос въ чемъ, и все свое толковалъ, чтообъ Оксана вышла за него.

Разъ, слушавши его долго, что говорилъ онъ объ этомъ, она просила его идти за нею. Вошь и пришли на кладбище. Оксана начала говоришь:

»Петръ! я всегда знала твою добрую душу; знала, что ты честный и разумный человекъ. Мнѣ жаль было очень, что ты шакъ убивался за мною. За себя скорѣе всѣхъ вышла бы я, если бы не явился онъ погубщикъ мой!... Послеъ того что я сдѣлала съ собою, я не достойна не шолько себя, но и послѣдняго пастуха. Тушь, на опцовскомъ гробѣ, гдѣ и сама когда нибудь лягу, зарыла я свою славу, свою дѣвичю

жосу, свою волю, свою судьбу, зарыла до суда—до вѣка. Зарывши, поклялась, что какъ не можно приспавишь снова моей косы, такъ не можно мнѣ спавшъ доспойною чеспнаго челоуѣка. Не принесу никому безчеспна, не *завяжу мужаго вѣка*, не оспыжу никакой семьи, не пойду ни за кого.... Пешрѣ! шы оберегалъ мою машинку, когда я погубила было ее, шы не покинулъ меня! Ты меня, когда я въ самой великой бѣдѣ была, сквозь землю пошла бы, шы не оставилъ меня на дорогѣ, уговаривалъ меня, — и когда всѣ напали на меня, смѣялись надо мною, попрекали мнѣ, плевали на меня и *цурались* меня, шы, въ самое то время, хотѣлъ женишься на мнѣ, покрывшъ мой спыдъ и срамъ, ввеси меня между чеспныхъ людей.... Кто же бы сдѣлалъ шакъ, какъ не сынъ моей машери, брвшъ мой родной! — Пешрѣ! будь мнѣ браномъ родненъкимъ! не покинь меня, когда я опть всѣхъ покинуша! Прими шупшъ, гдѣ моя слава, гдѣ моя воля лежишъ, гдѣ и меня положашъ, прими мою кляшву, что не пойду ни за себя и ни за кого! Для машери буду дочерью, какъ была прежде; сыну буду машерью, пока... пока его ошець... когда-шо еще не опшкажешся....»

— Оксана! — сказалъ Пешрѣ, шяжко вздохнувши: — жалко мнѣ лвшинься шебя! — пошому что — видишь Богъ! — и шеперь люблю шебя шакъ, какъ полюбилъ сначала. Хотѣлъ покрывшъ швою славу, хотѣлъ показашъ людямъ, что они осуждаютъ шебя неправедно, хотѣлъ бышъ сыномъ швоей машери, упокоишь ее въ послѣднѣе дни; хотѣлъ бышъ опцомъ швоему сиротѣ, пошому что на... на него надѣяшся нечего. Когда, говоришь, хочешъ бышъ дочерью какою и была, шакъ въ эшомъ, нашемъ дѣлѣ, послушаемъ машери: какъ она скажешъ, шакъ пускай и будешъ. —

Подумавши, Оксана сказала: »пускай будешъ, какъ скажешъ машъ.« Вошъ и пошли домой.

Выслушала машъ Пешрѣ, пошомъ Оксану — и сказала: »Пешрѣ, велика швая душа! Пусшъ шебъ Богъ

оплакивать за все, что ты сделала уже для нас, и что теперь думаешь сделать. Благодарности нашей тебе мало! Очень бы я желала того, чтобы еще, на своем вку, видела славу моей Оксаночки покрывною, но что же делала! Нет греха пропитыве Богу, как гордость наша. Это дьявольская думка. Оксана не хотела оставаться, чем пошавил ее Бог, хотела величаться, в роскоши жить, упала... пусть же твой вкус оплакивает такой свой великий грех! и я с нею буду спрашивать, что не сберегла ее от гордости. — А тебе она правду говорит. Ты молод-человек: ты еще не знаешь, что могут сделать людские рчи. Дождик по капельке падает на камень, да шакі проедает его; шакъ и шуптъ. Спануть люди говоришь, шолковать, пересуживаешь; ты все это слышишь; сначала тебе ничего, а далее спанешь прислушиваешься, думаешь, передумываешь; попомъ повришь, начнешь жалеть, что женился на такой... и чтобы и не возненавидеть ее!... Конечно, шволя добрая душа не допустишь тебя до того; но думки, людские шолки, ее сокрушение замучают тебя, а какая доля ея будетъ отъ того? — Теперь она одна—душою, что ей ни встретишься, она все перешрпшитъ, переспражденъ. — И шакъ, Пётръ! видишь-ли, что правда Оксанина. Будь же ей *братикомъ*; по смерти моей не оставь ее съ сироточкою; а пока живу, будь мнѣ шакимъ, какъ и до сего часу вижу тебя. Благословляю тебя на это!»

— Машинка родная! — поклонившись къ ногамъ ея, сказалъ Пётръ: — прими меня, сироту, одинокого, въ свою семью. Благослови меня какъ сына! Не пурай-шешь меня, и не препятшуйте мнѣ содержаешь вась. Сестра, Оксана! — Вручи мнѣ швоего мальчика. Я принимаю его вмѣсто роднаго сына. Какъ ты клялась своею славою, шакъ и я, вошь передъ матерью нашею, боюсь, что не женюсь никогда. Послѣ меня, владѣй — всѣмъ имуществомъ моимъ. Благослови, мамо! —

Вѣкла благословила всѣхъ ихъ , и отдавая руками Дмишрика Пепру, сказала: «пустишь же онъ будешь» Дмишрій Завлжи-свѣпшъ; онъ всѣмъ намъ завязалъ свѣпшъ.

Такъ и начали звать мальчика, и въ сельскіе списки шакъ записали.

Вѣкла съ дочерью ни въ чемъ не имѣли нужды: Пепрѣ имъ помогаль и надѣляль всѣмъ сякъ-шакъ; собрались, купили дворъ и жили покойно, хваля милосерднаго Бога.

Разъ, уже лѣпъ черезъ пяпъ послѣ шого какъ все эшо случилось , Дмишрикъ вбѣжалъ въ хашу и кричишь Оксанъ: — «Мамо — мамо! — а у меня еспъ бляенькій грошикъ. Вошъ видишь?» и показываешъ серебряный гривенничекъ.

— А кто эшо тебѣ, сыночку, далъ? —

«Панъ далъ.»

— Какой же шамъ панъ? —

«А вопъ какой, — говориль уже Пепрѣ, вошедшій шупшъ же въ хашу — Капишанъ. —

Оксана поблѣднѣла и зашряслась....

«Да не пугайшесь, а слушайше что было» — говориль Пепрѣ: — «гляжу, на спанціонномъ дворѣ, что близъ меня, спойшъ бричка и по двору ходишь такое какъ нашъ Капишанъ. Я подошелъ ближе... присмашриваюсь, онъ и еспъ. Я подумалъ, что будешь изъ него? Покликаль къ себѣ Дмишрика и иду въ хашу, будшо къ смошришелю, а онъ и остановиль меня и спрашиваешъ: «эшо швой мальчикъ?»

— Нѣпъ, Ваше Благородіе! — говорю я: — эшо Капишанскій. — Такъ прямо и опрѣзалъ.

«Какъ, Капишанскій?» даже вскрикнуль онъ, и подошелъ къ мальчику.

— Такъ, Ваше Благородіе! — говорю: команда спшояла здѣсь, шакъ Капишанъ сманиль у насъ дѣвку Оксану. Она ушла опъ него и принесла эшого мальчика. —

»Такъ эшо ея сынъ? Экой мошенникъ! — да какой бойкій! — и взялъ его за чубчикъ и подралъ его ле-гонько, и говоришь: — »шакъ она-шаки дошла назадъ? — А мнѣ сказали, что она съ сыномъ ушопилась.«

— Ныптъ, Ваше Благородіе, — сказалъ я: — кое-какъ дошацилась сюда, и живесть въ великой бѣдності....

»Видишь ли, какъ обманули меня! — говоришь: — »о, да плушь будешъ мальчикъ! весь въ меня.« Тушь еще подергалъ его шо за ухо, шо за чубъ, а попомъ вынулъ гривенникъ, далъ ему, и говоришь: »на, опдай машери, чшобъ купила шевъ орѣшковъ.« А самъ свлъ въ брчку и повхалъ.

Такъ рассказывалъ Пешрѣ.

Оксана взяла гривенникъ, взвела глаза къ Богу — и кинула пошь гривенникъ за окно; прижала къ сердцу Дмишрика — и горько — горько заплакала!....

Основьяненко.

ИЗУСТНАЯ ХРОНИКА.

I.

ПРЕБЫВАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ ТУЛѢ.

Къ лучшимъ воспоминаніямъ старожиловъ Тульскихъ принадлежишь пребываніе Екатерины Второй въ нашемъ городѣ, уже названномъ губернскимъ. Возвращаясь съ юга въ сѣверную свою Пальмиру, что было, какъ извѣстно, въ 1787 году, она слѣдовала по практу изъ Орла на Тулу. Замѣтимъ, что это путешествіе Екатерины Великой въ полуденный край Россіи было описано у насъ къ-то и когда-то, но оно далеко неудовлетворительно, лишено всякаго интереса, ничего не имѣешь въ себѣ любопытнаго, а щемъ менѣе литературныхъ достоинствъ. Это замѣтки какого нибудь гоф-фурьера, выдававшего прогонныя деньги на станціяхъ, или пригощавшаго ночлеги, словомъ, это маршрутъ, а не путешествіе. А какую бы можно составить дѣльную книгу, человеку наблюдательному, писателю съ талантомъ! Матеріалы были подъ рукою; путь не надобно было ни большой смысленности, ни вдохновенія, потому что тѣ, которые составляли свиту Государыни, во все это продолжительное путешествіе, наговорили сполько умнаго, остраго, замѣчательнаго, что стоило бы сполько съ полкомъ записывать въ стройной послѣдовательности, и потомъ дать труду своему извѣстную форму.... Но этого не сдѣлано, и все погибло безвозвратно, и потомство жалѣеть о такихъ лишеніяхъ.....

За долго до того всѣ уже знали, что Екатерина Великая осчастливишь Тулу своимъ прибытіемъ, что они, ея современники, увидятъ обожаемую свою Государыню, и эта мысль производила всеобщій энтузіазмъ, которымъ одушевленъ былъ каждый гражданинъ, каждый подданный ея славнаго царствованія. Надобно слы-

паць, съ какою энергією, съ какимъ искреннимъ, благоговѣйнымъ чувствомъ рассказываютъ спарожилы объ этомъ событіи; надобно видѣть ихъ лица, ихъ улыбки, ихъ печаль, ихъ слезы, чптобы понять всю прелесть патристическаго воспоминанія, составляющаго для этихъ инвалидовъ драгоценную собственность сердца, къ которой не посмѣло коснуться и самое время, записавшее за ними такъ много..... Къ сожалѣнію, трудно, если невозможно, передать вполне то, о чемъ повѣствуютъ Екатерининскіе современники, получившіе отъ насъ книжное названіе, котораго, впрочемъ, они по справедливости заслуживаютъ. Главное достоинство этой изустной хроники составляютъ, кромѣ, разумѣется, истинны, — простота и неподдѣльное, искреннее чувство, а такія данныя, какъ вамъ извѣстно, не всякому по силамъ. И мы съ ребяческою робостію приступаемъ къ описанію двухдневнаго пребыванія Екатерины и въ городъ Туль.

»Это было въ концѣ Іюня мѣсяца 1787 года, точно въ Іюнь: я хорошо помню, что тогда уже продавали спѣлую землянику,« говорилъ намъ, почтенный спарець, окидывая насъ орлиными глазами своими, въ которыхъ не совсѣмъ угасъ огонь молодости. Еще за нѣсколько дней до прибытія Великой Государыни, множество дворянъ и даже простолодиновъ пріѣхали и пришли къ намъ изъ Рязанской, Тамбовской, Воронежской и Калужской Губерній, чптобы видѣть ее, поклониться ей, и, если можно, сказать: «Машушка! мы Твой вѣрные подданные, любимъ, обожаемъ Тебя и благословляемъ судьбу, благодаримъ Бога, что мы Русскіе.» Но прежде, нежели буду говорить вамъ о прибытіи Государыни, я расскажу анекдотъ, любопытный и замѣчательный по многимъ отношеніямъ.

Спарецъ самодовольно улыбнулся, какъ бы привѣтствуя прошедшее.

»Намѣстникъ нашъ Михайлъ Никишичь Кречетниковъ приказалъ правителю своей Канцеляріи, Веницеву, составить докладную записку по одному дѣлу, чрезвы-

чайно-важнаго содержанія, копорую онъ намъренъ былъ подать Императрицѣ. Надобно знашь, что Семень Никифоровичъ Веницеевъ (да будешь извѣстно вамъ имя его) принадлежалъ къ пѣмъ немногимъ людемъ, копорые соединяють въ себѣ рѣдкія достоинства. Одаренный умомъ быспрымъ и наблюдательнымъ, онъ имѣлъ воображеніе живое, пламенное, и превосходную память. Вѣрный взглядъ на вещи, глубокія юридическія познанія и простиой, естественный слогъ въ дѣловыхъ бумагахъ, удивляли самыхъ опытныхъ его сослуживцевъ, копорые въ сомнительныхъ случаяхъ по производившимся процессамъ всегда обращались къ нему, и не было примѣра, чтобы онъ не удовлетворялъ ихъ желаній въ полной мѣрѣ. (Да покоишься прахъ его съ миромъ!) Выслушавъ приказаніе своего строгаго начальника, впрочемъ его уважавшаго, Веницеевъ ошправился домой, чтобы на просторѣ исполнить данное ему приказаніе; но убѣдительная прозьба искренняго друга, (въ старину еще они бывали), приглашавшаго Веницеева на вечеръ, увлекли его въ шумную и веселую бесѣду пріятелей, гдѣ онъ провелъ всю ночь, осушая заздравные поспы въ честь именинника, у котораго пиоровалъ. Раннимъ утромъ правителя Канцеляріи пошребовали къ Намѣстнику. Освѣжившись холодною водою и обтерѣвъ лице свое льдомъ, Веницеевъ явился къ начальнику, уже сидѣвшему за пуалетомъ.

— Гопова ли докладная записка? серьезно спросилъ его Кречетниковъ, разумѣя о вчерашнемъ приказаніи своемъ.

— Гопова, Ваше Превосходительство, смѣло ошвѣчалъ Веницеевъ.

— Ну шакъ читайше!

Повинуясь эшимъ многозначительнымъ шремъ словамъ, правитель Канцеляріи преспokoйно вынулъ изъ боковаго кармана своего мундира нѣсколько листовъ бумаги, развернулъ ее и началъ чипать....

— Прекрасно, прекрасно, говорилъ Намѣстникъ, обращаясь къ Веницееву, когда онъ кончилъ чтеніе

Тéперь стóбитъ толькò подписать , прибавилъ Начальникъ, протягивая руку къ бумагъ.... Веницеевъ медлилъ обнаруживать испину.

— Подайте же, я подпишу, у меня пропасть дѣлъ, сказалъ Кречешниковъ съ цѣкопòрымъ движеніемъ.

— Виновашъ, Ваше Превосходительство, отвѣчалъ правитель Канцеляріи, подавая ему бѣлые листы бумаги: я читалъ то, что еще не написано.... виновашъ (*)!

— Какъ! вы осмѣлились не исполнить моего приказанія? вскричалъ Намѣстникъ, бросая на Веницеева гнѣвные взгляды. Императрица будетъ въ Тулу непременно къ обѣду, а я не могу приготошить этого дѣла къ ея прїѣзду. Вы, сударь....

И раздраженный начальникъ въ пылу справедливаго негодованія хотѣлъ было назвать своего подчиненнаго какъ-то обиднымъ именемъ, но смягчивъ жесткое выраженіе, прибавилъ:

— Не исполняете вашей прямой обязанности и очень невнимательны къ моимъ приказаніямъ.... вскричалъ Намѣстникъ, ходивъ крупными шагами по комнашѣ.

— Прошу одного снисхожденія: позвольте мнѣ выполнить вчерашнее приказаніе въ присутствіи Вашего Превосходительства....

— Поздно, сударь, поздно, вы всё бражничаете....

— Осмѣливаюсь увѣрить Ваше Превосходительство....

— Меня не въ чемъ увѣрять, когда я знаю, что вы всю ночь не были дома, что вы находились въ кругу вашихъ прїятелей, весьма подозрительной нравственности....

Кречешниковъ былъ дѣятельнымъ, спрогимъ Намѣстникомъ, но добрымъ и не рѣдко снисходительнымъ. Ошибки и недоразумѣнія онъ легко извинялъ, но не исполненіе личнаго его приказанія влекло за собой опасныя слѣдствія на виновныхъ. Находившись въ непріятномъ расположеніи духа, онъ остановился и сказалъ:

— Чшожь шеперь намъ дѣлать, сударь?

(*) Слѣдовательно такой случай былъ не съ однимъ Княземъ Безбородко?
Ред.

— Еще успевемъ , опивчалъ Веницеевъ.

— Это не возможно ! говорилъ Намѣстникъ , по-
смотримъ на часы.

— Честію ручаюсь , что все будетъ гошово , воз-
разилъ правитель Канцеляріи.

— Хорошо , опивчалъ Намѣстникъ , садись здѣсь
и работайте.

— Веницеевъ сѣлъ къ письменному столу , поло-
жилъ возлѣ себя извѣстное дѣло , припесенное изъ Кан-
целяріи , и едва ли не въ часъ написалъ шо , что стоило
бы другому большихъ трудовъ и не малаго времени.

— Въ такомъ только случаѣ я васъ прошу , ска-
залъ Кречетниковъ , подписывая докладную записку.

»И это-то небольшое сочиненіе Веницеева , выку-
пившее его изъ бѣды неминуемой , удостоилось самаго
лестнаго вниманія шой , для которой оно было писано.
Императрица , прочитавъ докладную записку , подавшую
ей Кречетниковымъ , пожелала знать ея сочинителя.
Намѣстникъ назвалъ его по фамиліи . Государыня прика-
зала явиться ему во Дворецъ . Можете представить
себѣ восхищеніе Веницеева , когда онъ услышалъ изъ устъ
повелительницы милліоновъ людей слѣдующія слова :

— Докладъ вашъ я прочитала съ особеннымъ удо-
вольствіемъ . Охраняйте Михайла Никишича : онъ чело-
вѣкъ военный и легко можете ошибаться въ дѣлахъ
гражданскихъ .

Сказавъ это , она сама изволила пожаловашъ Ве-
ницееву золотую табакерку , наполненную червонцами .

Такъ Великая умѣла награждать истинное даро-
ваніе ! Этошъ анекдотъ многимъ старожиламъ извѣстенъ
въ Туль . »Я уже помнился , сказалъ вамъ , продолжалъ
старецъ , что въ нашъ городъ наѣхало и нашло множе-
ство гостей всѣхъ возрастовъ и всѣхъ сословій . Туль-
скій Гражданскій Губернаторъ , Иванъ Андреевичъ Забо-
ровскій , заготовивъ до шести сотъ лошадей на каждой
станціи , ѣздилъ на границу вверенной ему Губерніи встрѣ-
чать Императрицу . Съ самой заре того незабвеннаго дня ,
въ кошорый ожидали Высочайшаго прибытія , все уже

поднялось на ноги, всё, какъ говоришься, разряженные въ пухъ, спѣшили на Кіевскую улицу, чшобы знаяць лучшее мѣсто. Рогатки, брошенные поперегъ переулковъ, упирающихся въ Кіевскую улицу, прервали сообщеніе, канаты протягивались отъ крѣпости до триумфальныхъ воротъ, сооруженныхъ по этому случаю, и ѣзда по ней совершенно прекратилась. Однѣ коллоны гражданъ поропливо шли за городъ, другія въ поле, но вся масса народа двигалась и стояла по Кіевской улицѣ; многіе помѣспились на кровляхъ домовъ, у открытыхъ окошекъ кошорыхъ чинно и жеманно сидѣла Тульская аристокрація и дамы средняго состоянія. И всё говорили объ одномъ предметѣ, и всё одушевлялись одною мыслию, однимъ желаніемъ: скорѣе увидѣшь Машушку-Царицу. Да, съ позволенія вашего, сказалъ спарець, возвысивъ свой голосъ и произивъ насъ своими взорами, понимаеше ли вы это слово: «Машушка? — Не думаю! надобно жишь напимъ умомъ, нашими чувствами и въ наше время, чшобы вполне поняшь всю его силу и значеніе. Въдь его не выразишь никакія сладкія слова, не объяснишь никакой академической лексиконъ, это языкъ нашего народа, языкъ цѣлой націи великой Имперіи, кошорой подсказало его сердце и звуки Русскаго слова выразили: мать. Ошечества!... Посмотрѣли бы вы погда на этошь веселый народъ, послушали бы вы его радостнаго говору! Не ищите народности въ книгахъ, она живешъ въ полтѣ просшодиновъ. Трудно ее схватишь: она почти неуловима.

»Въ восемь часовъ утра Намѣспникъ нашъ Михаилъ Никипичъ Кречешниковъ проѣхалъ верхомъ по Кіевской улицѣ за городъ, отдавая на пуши приказанія его окружающимъ. Какъ теперь помню, день былъ прекрасный. Уже солнце подходило къ полдню, а Машушки все еще не было. Да скоро ли шы, наша родная, къ намъ пожалуешъ, говорили многіе, и всё смощрѣли шуда, ошколь ожидали пенаглядную.... И вопъ въ исходѣ перваго часа громъ артиллеріи, бѣглый оружейный огонь, звонъ колоколовъ и ошдаленное ура раздались и пошрасли воз-

духъ. Сладостныя, блаженныя минуты! вы памясны намъ, спарожиламъ. Наконецъ, какъ бы пришедъ въ себя опъ упоительнаго самозабвенія, сказали другъ другу: »Машушка ѣдетъ! Машушка ѣдетъ! и парадная карета, вся въ золотъ, съ короною на имперіалъ, съ восьмью опущенными стеклами, въ которой сидѣла Императрица, быспро въѣхала въ городъ и помчалась внизъ къ крѣпости. Намѣспникъ и Губернашоръ, оба верхами, скакали первый по лѣвую, а вшорой по правую спорону карешы. Кромѣ военихъ Генераловъ и Шпабъ-Офицеровъ, цѣлый эскадронъ драгуновъ съ обнаженными палашами конвоировали Великую. Вслѣдъ за ней шпанулись вереницею придворные экипажи: мы поперяли имъ счепъ — шакъ много было ихъ въ эпомъ блестящемъ и великолѣпномъ поѣздѣ. Августѣйшая пушешешвенница, съ милоспивыми взглядами, съ очаровашельною улыбкой, изволила раскланывашься на обѣ спороны шоржештвующему народу, оглашавшему воздухъ радостными кликами. Императрица оспановилась во Дворцъ, находившемся на оружейномъ заводѣ — шамъ, гдѣ нынче воздвигнуто громадное зданіе, извѣспное подъ именемъ паровой машины. Волны народа хлынули на Дворцовую площадь. Оба берега Упы, и оба моспа, перекинутые чрезъ эту рѣку, амбразуры на крѣпости, обращенной къ заводу, — унизаны были любопышными.

»Между-шѣмъ какъ множество красивыхъ лодокъ скользило по Упѣ, и всё находилось въ дѣшптельномъ движеніи, Машушка-Царица благоволила подойши къ опкрышому окну, и привѣщспвовала народъ поклономъ. Народъ, увидѣвъ Самодержавную, вмѣспо опшѣша, грянуль свое любимое: ура! Но споявшіе позади Государыни, Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ и Оберь-Каммергеръ Шуваловъ, дали знакъ рукою, и все замолкло. Великая вшорично поклонилась и довольно громко сказала: — »Здравствуйше, дѣши!» Тогда восклицаніямъ пе было конца, многие упали на колѣни, и у каждого прошибла горячая слеза на глазахъ. О, если бы можно было ювелиру оправить въ золото эту крупную, горячую слезу

какъ управляющъ они дорогіе каменья, она была бы для насъ драгоценнѣе брилліанша!.... Въ вечеру шого же дня Государыня была въ театрѣ, находившемся на площади, гдѣ теперь построены Экзерциръ-Гаузь. Обще желаніе публики пребовало: »Типова милосердія.« Но по Высочайшей волѣ опмѣнили эту трагедію, а дали Хваспунгъ, сочиненнаго Княжиннымъ. Тогда Хваспунгъ былъ въ почетѣ; рѣдкіе не знали изъ этой комедіи хоть нѣскольکو стиховъ. Спектакль шелъ превосходно. Государыня изъявляла удовольствіе свое, аплодировавъ актерамъ, изъ кошорыхъ двухъ шогда же приказано было отпра- вить на казенный счетъ въ Пешербургъ. Нашъ Пономаревъ сдѣлался извѣстенъ вносльдствіи. Когда Императрица поѣхала изъ театра, блистательная иллюминація уже освѣщала весь городъ. Огромная прозрачная картина съ ея вензелевымъ именемъ и эмблематическими изображеніями, во вкусъ шого времени, поставлена была напротивъ Дворца, по ту сторону Упы. — Къ каждому боку этой великолѣпной картины примыкали два ряда высокихъ пирамидъ, обнизанныхъ тысячами шкаликовъ. Дворецъ, Соборъ, оружейный заводъ и крѣпость, казались облишыми яркимъ, ослѣпительнымъ огнемъ. По рѣкѣ плавала большая шлюбка, убранныя разноцвѣтными фонарями, въ кошорой находились пѣсенники. Два оркестра военной музыки, помѣщенные на платформахъ, попеременно играли лучшія пьесы знаменитыхъ композиторовъ. Вездѣ волновался народъ веселый, радостный, счастливый, словомъ, каждый изъ насъ забылъ собственное горе и заботы, сопряженныя съ хлопотливостію, забылъ и вражду, все, все забылъ, кромѣ одной опрадной мысли, что мы завтра увидимъ нашу Самодержавную, нашу добрую, привѣтливую Государыню, нашу Матушку-Царицу. Умники говорятъ, что на землѣ нѣтъ блаженства — пустое! будше вѣрными поданными, исполняйте совѣтливо и честно ваши обязанности, и вы согласитесь со мною, что и на землѣ можно еще получить радости Небесныя.

»Надобно вамъ сказать, продолжалъ спарецъ, сдвинувъ бѣлыя, густыя брови свои и принимая важную физиономію, что 1786 годъ былъ крайне неблагопріятенъ земледѣльцамъ. Высокія цѣны на хлѣбъ просто угрожали голодомъ. Правда, народъ не ропталъ, но уже терпѣлъ недостатковъ въ эпомъ необходимомъ продуктѣ, составляющемъ единственную нашу торговлю. Чтобы не огорчить такую неушъшипельною въспію Государыни, которая приняла бы ее не равнодушно, попому что она любила своихъ подданныхъ съ машеринскою нѣжностію, Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ осмѣлился скрышь ошъ нея неурожай въ Тульской Губерніи, и донесъ совершенно пропивное. Очевидно, что намѣренія его были довольно уважипельны, даже похвальны, если возьмемъ въ соображеніе тѣ обстоятельство, что близкая жапва могла удовлетворить вполнѣ наши ожиданія, и тогда упадокъ цѣнъ на хлѣбъ былъ бы не сомнипеленъ. Но къ сожалѣнію, Михаилъ Никитичъ находился не совсѣмъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Львомъ Александровичемъ Нарышкквымъ, Оберъ-Шпалмейстеромъ Государыни, вельможею птѣмъ болѣе опаснымъ, что онъ подъ видомъ шушки, всегда оспрой, и часто лзвипельной, умѣлъ легко и кспаша высказывать самую горькую правду. Его эпиграмма кололась больше иглы. По распоряженію Кречетникова, со всего уѣзда собраны были цѣлыя спада скопа и цѣлыя шабуны лошадей, которыя и паслись на сѣнокосныхъ лугахъ, лежащихъ при дорогахъ. Поселянамъ Тульской Губерніи, живущимъ по большому тракшу, приказано было, когда поѣдетъ Государыня, встрѣчать ее въ праздничной одеждѣ. Сказано — сдѣлано. Императрица, повсюду видѣвъ многочисленныя спада, окрашенныя избы, чистоту, порядокъ и довольство поселянъ, встрѣчающихъ Ея Величество съ хлѣбомъ-солью, съ веселыми лицами, и съ громкими восклицаніями, замѣтила о помъ Гофмейстеру Безбородко, а Привіцъ де Ланъ и Сегюръ, находившіеся въ ея свитѣ, въ званіи Министровъ Иностранныхъ Дворовъ, замѣтили эшо самой Императрицѣ. При-

бывъ въ Тулу, она изъявила свое удовольствіе Намѣстнику и Гражданскому Губернатору, сказавъ: «Спасибо вамъ, Михаилъ Никитичъ: я нашла въ Тульской Губерніи то, что желала бы найдти и въ другихъ Губерніяхъ.» Иванъ Александровичъ Заборовскій получилъ не менѣе лестное благоволеніе Великой: Заборовскаго перевела въ Коспрому и сдѣлала Коспромскимъ и Ярославскимъ Генералъ-Губернаторомъ. Кстати скажу вамъ, что Заборовскій поднесъ Екатерину Великой — оду, сочиненную на ея прибытіе Г. Воскресенскимъ, Студентомъ Московскаго Университета, уже служившимъ въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Воскресенскому прислали приличный подарокъ, и сверхъ того ему приказано было сказать, что его стихотвореніе вочень хорошо. Въ такомъ-то положеніи находились дѣла, какъ одно обстоятельство едва было не навлекло большой отвѣтственности на Кречетникова, а насъ, дворянъ, лишило счастья, о кошоромъ узнаете послѣ.

»На другой день рано утромъ Государыня увидѣла изъ окошка своего уединеннаго кабинета Льва Александровича Нарышкина, кошорый несъ на плечъ ковригу ржаного хлѣба, воскнувъ въ нее просъ свою, а въ рукъ двухъ крикавыхъ ушокъ, также купленныхъ имъ на шоргу. Изумленная нѣсколько эпою спранныспію, Императрица приказала дежурному Каммеръ-Юнкеру Графу Головкину попросить къ себѣ Нарышкина. Лишь только онъ вошелъ въ кабинетъ съ обременительною своею ношею, Государыня, больше удивленная, спросила его съ обворожительною своею улыбкой:

— Что все эпо значить, Левъ Александровичъ?

Нарышкинъ, преспокойно положивъ на столъ свою покупку, отвѣчалъ:

— Я принесъ Вашему Величеству Тульскій ржаной хлѣбъ, да двухъ ушокъ, кошорыхъ вы жалуете....

Подозрѣвая въ такомъ подаркѣ какую-нибудь новую шушку своего Оберъ-Шпалмейстера, Государыня вшорично спросила:

— А по какой цѣнѣ за фунтъ купили вы эшонгъ хлѣбъ ?

Левъ Александровичъ доложилъ Государынѣ , что за каждый фунтъ печенаго ржанаго хлѣба онъ заплащидь чешыре копѣйки. Императрица бросила пронцапельный взглядъ на Нарышкина , взглядъ, исполненный величія и недовѣрчивости , и возразила :

— Быть не можетъ ! Эшо цѣна неслыханная. Напротивъ , мнѣ донесли , что въ Туль таковой хлѣбъ не дороже одной копѣйки мѣдью. ...

— Нѣтъ, Государыня, это неправда: вамъ донесли ложно. Я самъ покупалъ на торгу хлѣбъ и знаю ему цѣну, отвѣчалъ Нарышкинъ, низко кланяясь.

— Удивляюсь, продолжала Императрица , какъ же меня увѣрили , что въ здѣшней Губерніи былъ обильный урожай въ прошломъ году ?

Нынѣшняя жажва можетъ быть удолешворительна, Ваше Величество, а шеперь, пока, голодно, замѣшилъ Нарышкинъ, насмѣшливо улыбаясь.

Государыня впорачно посмошрѣла на него приспальво, протянула руку къ столу, у котораго сидѣла, взяла писанный листокъ бумаги, и молча подала своему Оберъ - Шпалмейстеру. Взглянувъ въ бумагу, Нарышкинъ говорилъ, не перемѣняя своего почтительнаго положенія.

— Можетъ быть это ошибка.... Впрочемъ иногда рапорты бывають не достовѣрнѣ газешъ.

И онъ, сложивъ бумагу, заключающую въ себѣ вчерашній рапортъ, поданный Кречетниковымъ, положилъ ее на письменный столъ.

Ея Величество нѣсколько помолчавъ и попомъ повнзивъ голосъ , сказала :

— Михайло Никитичъ меня обманулъ.

Ушренное извѣстіе , сообщенное такъ оригинально Оберъ-Шпалмейстеромъ , разстроило Государыню. Она находилась подъ вліяніемъ двухъ прошивоположныхъ ощущеній: справедливаго негодованія, и сожалѣнія о челоувѣкѣ, преданномъ ей душою, но кошорый заслуживалъ

спрогаго выговора; однакожь, когда Михайло Никитичъ прїѣхалъ во Дворецъ и представился Императрицѣ, она приняла его съ шюю же ласкою, копорою прежде его удостоивала, шюлько слегка замѣшила ему о чрезвычайныхъ цѣнахъ на хлѣбъ въ Туль. Видѣвъ смущеніе и замѣшательство Кречетникова, Государыня сказала:

— Надобно поскорѣ помочь этому горю, чпо бы не случилось большой бѣды.

Въ одинадцать часовъ шюгожь дня, о которомъ я разумю, Императрица долго и внимательно осматривала оружейный заводъ, распрашивала голову оружейниковъ, Башашева, о состояніи этихъ шрудюлюбивыхъ и полезныхъ гражданъ. Въ корпусъ, гдѣ сверляшъ стволы, Государыня сама изволила ударить молоткомъ по раскаленному цилиндру. Эшошъ стволъ и эшошъ молотокъ хранятся въ арсеналѣ, и любопытные смотряшъ на нихъ съ благоговѣніемъ. Тульскій арсеналъ шакже обратилъ на себя вниманіе Ея Величества. Древнее оружіе она разсматривала, какъ знатокъ опытный, и нѣкоторыя изъ нихъ приказала перевезши въ Московскую Оружейную Палату. Обозрѣвъ прозорливымъ взоромъ все достойное замѣчанія, Государыня около двухъ часовъ прогуливалась по городу въ опкрышомъ экипажѣ, и возвратилась во Дворецъ къ обѣденному столу, къ которому приглашены были, кромѣ военныхъ Генераловъ квартировавшихъ здѣсь кавалерійскихъ полковъ, и нашъ Намѣстникъ Кречетниковъ, Губернаторъ Заборовскій и Губернскій Предводитель Генералъ - Поручикъ Давыдовъ.

»Недѣли за двѣ до этого достопамятнаго событія, еще незаписаннаго въ лѣтописи Тулы, въ залѣ Благороднаго Собранія приготошлялся шаккой балъ, какихъ мнѣ, шпаріку, мало случалось видѣть. Начиная съ того, чшо вся широкая лѣшница, ярко освѣщенная кенкешами, усплана была шонквимъ краснымъ сукномъ и розовымъ бархатомъ, площадки копорою украшали померанцовыя, лимонныя и апельсинныя деревья. Огромныя зеркала, опражая въ себя предметы, расширяли эшо пространство. Вся зала убрана была фешонами изъ свѣжихъ

цвѣшовъ , по рисунку , сочиненному извѣстнымъ архисекшоромъ. Надъ мраморнымъ бюстомъ Екатерины вшорой, обставленнымъ съ двухъ сторонъ лаврами и шпамбовыми рознами , возвышалась прозрачная картина съ ея вензловымъ именемъ, бѣлые градепуровые драпри съ широкою бахрамою и кислями, перехваченные вызолоченными агрэрами, украшали весь окна, на которыхъ спояло многешво цвѣшовъ въ фарфоровыхъ горшкахъ, разливая благоуханіе Востока, а сошни восковыхъ свѣчь въ люстрахъ, обнизанныхъ хрустальными подвѣсками и въ серебряныхъ канделабрахъ, разливали тысячи призматическихъ цвѣшовъ. Превосходная музыка, разнообразная и богатая одежда дамъ и мужчинъ, шегольская ливрелъ оффиціаншовъ, все эшо вмѣстѣ дѣлало видѣ, или какъ нынче говорятъ, дѣлало эффектъ очаровательный, чудесный.

»И мы съ неперпѣніемъ ожидали прибытія Августѣйшей путешественницы, которая уже извѣвила свое согласіе на приглашеніе Тульскихъ дворянъ. Въ восемь часовъ вечера придворная карета скоро ѣхала по направленію къ дому Собранія. Кречетниковъ и Заборовскій поспѣшили сойти къ подъѣзду, чтобы встрѣпить Государыню..... Но вмѣсто Машушки-Царицы изъ кареты вышла Шпашсъ-Дама Графиня Скавронская, и увѣдомила Намѣстника, что Императрица, по случаю нездоровья, лишзается удовольствія быть на балѣ, и прислала ее благодарить ошъ своего лица всѣхъ дворянъ Тульской Губерніи. Послѣ мы узнали, что Машушка-Царица отвѣчала Каммеръ-Фрейлинь Прошасовой и Фрейлинь Графинь Чернышевой, напомнившимъ ей о балѣ: «могу ли я принять въ немъ участіе, говорила она, когда, можетъ быть, многіе здѣшніе жители терпятъ недоспатоковъ въ хлѣбѣ.» Въспѣ, привезенная Графиню Скавронскою, разлила уныніе по залъ съ быспроптою молніи. Мы не смѣли ропсашъ, не смѣли и сѣтовашъ, но признашъся ли вамъ? Эшо насъ глубоко печалило.... Бузумные! если бы каждый изъ насъ могъ знашъ шо, что извѣстно сдѣлалось послѣ, мы должны бы были всѣ

упасіць на колѣни предъ мраморнымъ бюстомъ, благоговѣнно произнести ея великое имя и безмолвно удавшись изъ залы. Государыня поняла бы насъ вполне, 'а попомство сказало бы объ насъ доброе слово.... Но мы предались печали, тоскѣ, скукѣ....

»На прешій день все гошво было къ Высочайшему путешествію. Народъ по прежнему собрался на дворцовую площадь, волною разлился по берегу Упы, по Московской улицѣ, къ другимъ шріумфальнымъ ворошамъ, за городъ, въ поле.... Но это уже бѣль не шопъ народъ, кошорый съ шакимъ папріотическимъ воспоргомъ, съ шакимъ беззаботнымъ самодовольспвіемъ разгуливалъ себъ два дня и два вечера сряду. На лицъ каждого въ легко могли бы прочиташъ спрадапельныя ошущенія сердца, кошорыя и безъ словъ сказали бы вамъ: »Мапушка ѣдетъ отъ насъ! Государыня, съвши въ дорожный экипажъ, изволила сказашъ окружающему ея народу: »простните, дѣши!« и кареша поѣхала.... Мы осврошъли. Народъ бросилъ за ней, но не многіе могли напушствовашъ ее кликами: другое, болѣе глубокое чувствво, шакъ сказашъ обхватило его внутренности, и разрывало дыханіе, оно сдѣлало его нѣмымъ!..»Простните, дѣши: я и пеперь, кажется, слышу эти слова. Вошъ была бы самая краснорѣчивая надпись надъ гробницею эшой Государыни. Съ грушнымъ сердцемъ, съ унылою душою возвратились мы домой, и каждый изъ насъ думалъ: она увезла съ собой всѣ наши радости.

»Да! прибавилъ спарець тяжело вздохнувъ, Екаперина Вшорая была для Россіи другимъ Пешромъ Первымъ.«

II.

О КНЯЗѢ ПОТЕМКИНѢ.

Князь Г. А. Потемкинъ - Таврической госпилъ у насъ, въ Туль, два дня. Недавно только попомство заговорило съ шакимъ безпристрасшіемъ и ошкровенно-

спію о этомъ вельможѣ, соединявшемъ въ себѣ геніальныя достоинства и человѣческія недостатки въ высшей степени. До крайности властолюбивый, Князь Попемкинъ однакожъ, не употреблялъ власти во зло.—Эта черта въ характерѣ Князя Таврическаго, кажется, еще не была замѣчена воспорженными его хвалителями, между тѣмъ какъ она составляетъ самую прекраснѣйшую сторону его сердца.... Правда, природа ошказала ему въ военномъ геніи, чему служатъ убѣдительнымъ, неоспоримымъ доказательствомъ записки его современниковъ, но та же самая природа надѣлила Попемкина умомъ свѣплымъ, необыкновеннымъ, гибкимъ, проникательнымъ, умомъ, о которомъ такъ много писали иностранцы, и который привелъ въ исполненіе геніальную мысль свою: мы разумѣемъ присоединеніе цѣлаго царства къ Россіи. Эша уже одна заслуга, если бы не было другихъ не менѣе важныхъ заслугъ въ его дѣятельной и полезной жизни, даешъ ему полное, неопъемлемое право на благодарность признательнаго потомства. Напрасно сравнивали Попемкина съ Суворовымъ — эшо двѣ параллели неизмѣримыхъ длиннотъ, эшо два исполина вѣка, совершенно не похожіе другъ на друга; даже самыя спранности ихъ, на которыя теперь глядятъ съ изумленіемъ, не уравниваютъ суммы какого-нибудь между ними сходства. Напрасно поклонники назвали Попемкина героемъ: военное дѣло было не его дѣло. Государственныя пружины, которыя онъ приводилъ въ движеніе, ему больше были извѣстны, нежели искусство, которымъ тогда завладѣли Графъ Румянцевъ - Задунайскій, Графы Орловы, Суворовъ, Рѣпинъ, Долгорукій - Крымскій, Вейсманъ. Побѣдитель Измаила сказалъ рѣзко, но справедливо, что иному не подѣ силу носить Фельмаршалскій мундиръ... Если эшо дѣйствительно было сказано, то онъ явно намѣкалъ на того, кто, напрошивъ, ошдавалъ ему, Суворову, всю справедливость, чрезвычайно замѣчательную въ такомъ властолюбивомъ временникѣ, которой не терпѣлъ себѣ равныхъ, а Суворовъ крупными шагами

приближался къ этому равенству. Не смотря на то, имя Потемкина будетъ украшатьъ листы нашей отечественной Исторіи.

Прислушиваясь внимательнымъ слухомъ къ нашему несомнительному авторитету, котораго сказанія стараемся передатьъ въ надлежащей точности, не упуская изъ вида и выражений, ему принадлежащихъ, мы продолжаемъ говорить то, что говорили намъ спарожилы Тульскіе.

»Тяжелыя раны, полученныя мною въ Очаковскую битву, волею или неволею заставили меня взять отставку, выйдши изъ госпиталя, гдѣ я лечился, и уехать на родину, сказалъ намъ Очаковскій герой, приготовляясь къ борьбѣ съ своею памятыю и временемъ — неумолимыми врагами глубокой старости. Но обстоятельствомъ я живу въ Туль, потомъ, также по обстоятельствамъ, хотѣлъ было уехать въ мое маленькое наследственное помѣстье, какъ вдругъ слышу, что Свѣтлѣйшаго ожидающъ въ нашъ городъ. Какой солдатъ не сдѣлаетъ фронша при одномъ имени своего Главнокомандующаго? А я былъ уже въ то время не рекрутъ. Раздробленная рука моя Турецкою картечью и небольшія углубленія на груди отъ сабельныхъ ударовъ, давали мнѣ нѣкоторое право думать, что и я могу называться Русскимъ солдатомъ, а это званіе, по моему мнѣнію, несравненно выше Тишулярнаго и шакъ я, сдѣлавъ фроншъ, остался въ Туль.

»Получивъ достоверное извѣстіе, что Главнокомандующій выѣхалъ изъ Яссъ, и около половины Февраля непременно будетъ въ нашемъ городѣ, гдѣ онъ хотѣлъ взятьъ роздыхъ, и подробно осмотрѣть нашъ оружейный заводъ, Тульскій Губернашоръ, Андрей Ивановичъ Лопухинъ нѣсколько дней дожидался его на границѣ Мценскаго уѣзда. Не забудьте, что это было въ 1791 году, что Фельдмаршалъ ѣхалъ въ Петербургъ въ послѣдній разъ, что въ томъ же году, оставивъ эту спо-

лицу, онъ уже болѣе въ нее не возвращался. М. Н. Крещениковъ, хорошо зная Свѣшлѣйшаго, приказалъ на всякой случай приготовить на каждой станціи все, что только могло удовлетворить прихотливый или лучше сказать, причудливый вкусъ этого вельможи. Въ городѣ также готовились роскошныя пиршества, спектакли, иллюминаціи и многія другія увеселенія. Мѣстное начальство оружейнаго завода съ неупоминимымъ рвеніемъ старалось заслужить хотя одно слово похвалы, хотя одинъ взглядъ одобренія Главнокомандующаго. Такъ дорого цѣнили тогда его милости! Туляне желали видѣть Пошемкина, который завладалъ общимъ вниманіемъ и котораго слава гремѣла по необозримой Россіи. И самый народъ, повидимому, принималъ въ эпоху почешной встрѣчъ, надѣлавшей столько шуму, живѣйшее участіе. Толпы поселянъ, приходившія изъ ближайшихъ деревень и селъ, каждое утро собирались на Кіевской улицѣ, осаждали триумфальныя ворота, еще тогда существовавшія, Дворецъ, въ которомъ назначено было принять Свѣшлѣйшаго, и крѣпость съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Въ это время служащіе чиновники всѣхъ Присутственныхъ Мѣстъ и Губернскій Предводителя съ Дворянствомъ, въ парадныхъ кафпанахъ, находились въ готовности по первой повѣсткѣ явиться къ Намѣстнику, чтобы представиться знаменитому сановнику. И все суешилось, готовилось, ожидало и надвигалось скоро увидѣть великолѣпнаго Князя Тавриды.... И онъ, наконецъ, какъ бы сжалившись надъ нашими хлопотами и неусыпною дѣятельностію, въѣхалъ въ Тульскую Губернію. Лопухинъ его встрѣтилъ, но Пошемкинъ продолжалъ свой путь, не останавливаясь. Такимъ образомъ, сопровождаемый Губернашоромъ, Исправникомъ, онъ проѣхалъ Малое и Большое Скурапово, — станціи, гдѣ перемѣняли лошадей, — а Лопухинъ еще не видалъ Свѣшлѣйшаго. Замѣчательно, что Пошемкинъ въ шихую погоду ѣхалъ въ каретѣ на зимнемъ ходу съ поднятыми стеклами, въ богатѣйшей собольей шубѣ, сопровождаемый Губернашоромъ, Исправникомъ и многочисленною

свиною, между пѣвъ какъ Суворовъ, уже гораздо послѣ, когда онъ былъ въ званіи Фельдмаршала, перемежая лошадей въ Тулѣ, ѣхалъ въ широкой рогожной кибиткѣ, въ плащѣ изъ толстаго сукна, подбиномъ только вапою, и съ однимъ деньщикомъ. Пошемкинъ, лежа въ на апласныхъ подушкахъ, не хотѣлъ выйти изъ кареты при станціи, Суворовъ — въ дождливую осень, сырую и холодную, сидѣлъ на лавочкѣ возлѣ дома, гдѣ перемежали ему лошадей, и, поспраивъ руки, говорилъ издрогнувшему Городничему, спощему передъ нимъ въ одномъ мундирѣ: »помилуй Богъ, какъ тепло и даже жарко!« Какія противоположности! и въ какихъ людяхъ!...

Допухинъ, желая удовлетворить свое любопытство видѣть Пошемкина, котораго никогда не видалъ, и донести о этомъ свиданіи Намѣстнику, отнесся къ Боуру, Адъютанту Главнокомандующаго, который былъ ему не только знакомъ, но даже и обязанъ, какъ благодарителю. Въ Сергіевскѣ, въ шестидесяти верстахъ отъ Тулы, когда Боуръ вышелъ изъ кареты, гдѣ сидѣлъ вмѣстѣ съ Пошемкинымъ, Допухинъ просилъ этого Адъютанта какими-нибудь средствами представить его Свѣнлѣйшему. »Хорошо, отвѣчалъ Боуръ, я сделаю для васъ все, что могу, но за успѣхъ не ручаюсь.« Сказавъ это, онъ подошелъ къ каретѣ ...

— Вонъ каковъ Русскій морозъ: и безъ румянъ покраснѣешь, громко говорилъ Боуръ своимъ поварицамъ, другимъ Адъютантамъ, которыхъ иней, облѣпивъ съ ногъ до головы, сдѣлалъ нѣсколько похожими на бѣлыхъ медвѣдей. Пошемкинъ молчалъ.

Пррррр! хорошо бы шеперь, знаете, перекусить чего нибудь, да подкрѣпиться зеленымъ виномъ или прѣсто водкою, сказалъ Боуръ, съ намѣреніемъ обратиться на себя вниманіе Фельдмаршала.

— Кто бы отказался отъ такихъ благъ, подхватилъ одинъ изъ Адъютантовъ, переминаясь съ ноги на ногу у кареты. Пошемкинъ молчалъ.

— Эшакъ, пожалуй, чего добраго, засынешь какъ спюдень, опять началъ говорить Боуръ.

— Ты шупишь, а намъ ужъ не до шушокъ: мы смерть переждали, замѣшилъ ему кто-то изъ его товарищей.

Попемкинъ все это слышалъ и — молчалъ.

— Ваша Свѣшлость, сказалъ Боуръ, пошерявъ терпѣніе, здѣсь приготоувленъ вкусный завтракъ....

Попемкинъ сдѣлалъ какое-то движеніе.

— Тульскіе гольцы шеперь только изъ воды, а калачи еще горячіе. Право, все это стоить вниманія Вашей Свѣшлости.

Поднятое стекло въ каретѣ оуспшилось.

— Алексинскіе грузди и осетровая икра заслуживаютъ шого же....

— Гм! ошвѣчалъ вельможа.

— А ерши, крупные, живошрепещуіе, шакъ и напрашиваются въ ропъ....

— Ой ли? спросилъ Попемкинъ.

— Сверхъ шого, Ваша Свѣшлость, продолжалъ Боуръ, здѣсь мигомъ приготоуашъ и яичницу - глазуню....

— Вели ошворишь карету, сказалъ Попемкинъ, котораго повидимому соблазнило последнее блюдо Русской кухни.

И Главнокомандующій вышелъ изъ экипажа, выпршился во всю длину своего роста; блуждающими глазами окинувъ своихъ полузамерзнувшихъ спущниковъ, и, обрашасъ къ Попову, правителю его Канцеляріи, и Боуру, сказалъ:

— Пойдемъ!

И они пошли къ дому, у котораго ошановились дорожные экипажи, и въ кошоромъ дѣйствительно ожидали ихъ аппетитна сышняя яшва и превосходное вино. Когда съ Попемкина сняли шубу, и онъ сѣлъ въ Волшеровское кресло въ какомъ-то изнеможеніи, чшо было слѣдствіемъ продолжительной и необыкновенно - скорой ѣзды, Боуръ доложилъ ему, чшо уже двѣ санціи пушешествуетъ съ ними Тульскій Губернашоръ, и желаетъ предшавишься Его Свѣшлости.

— Попроси сюда господина Губернатора, ошвѣчалъ Фельдмаршалъ, и приказалъ своему камердинеру подать флягу съ водкой.

Адъютантъ поспѣшилъ исполнить приказаніе своего начальника, и подходя къ Лопухину, дожидавшемуся его въ другомъ отдѣленіи того же дома, гдѣ расположилась и часть свиты Потемкина, говорилъ ему еще издали :

— Его Свѣшлось желаетъ видѣть Ваше Превосходительство. Помогъ онъ прибавилъ вполголоса : пожалуйста скорѣе.

Разумѣется, Лопухинъ не заставилъ себя упрашивать. Онъ вошелъ къ Фельдмаршалу, который сидѣвъ въ небрежномъ положеніи, ошвинчивалъ серебряную крышку у фляги, оклеенной краснымъ сафьяномъ. Увидѣвъ Губернатора, онъ сдѣлавъ легкое движеніе головою, что означало поклонъ, сказалъ съ холодною важностію :

— Напрасно вы беспокоились. Я слышалъ, что вы проѣхали съ нами двѣ станціи....

— Три, Ваша Свѣшлось, ошвѣчалъ Лопухинъ съ достоинствомъ.

— Напрасно, повторяю вамъ, возразилъ Потемкинъ. Я право, этого не могъ знать, потому что я не выходилъ изъ моей кареты.

Между тѣмъ онъ ошвинчилъ крышку, налилъ въ нее пиминной водки, которую всегда употреблялъ, выпилъ до капли, потомъ налилъ Попову, а флягу отдалъ въ полное владѣніе Боуру, который въ свою очередь также налилъ изъ нее, проглотилъ свою порцію, и передалъ флягу камердинеру.

— Я здѣсь немного отдохну и позавтракаю, продолжалъ Потемкинъ, обращаясь къ Лопухину. Побѣжайте съ Богомъ въ Тулу, и потрудитесь поклониться Михайлу Никишичу, съ которымъ я самъ скоро увижусь... Васъ же лично благодарю....

И Фельдмаршалъ ошвѣчалъ легкое движеніе головою. Лопухинъ поклонился съ благородною важно-

спію, и, вышедъ изъ компаньи, надѣлъ шубу, сѣлъ въ сани и помчался въ городъ.

»Послѣ продолжительнаго молчанія, Боуръ, услыхавъ, что принесли личвицу - глазунью, которую сопровождали другіе Адьюшашы, напомнилъ о ней Пошемкину, находившемуся въ мрачной задумчивости. Какъ бы проснувшись отъ летаргическаго сна, онъ вспмль, и всѣ перенли въ другую компанью, гдѣ пригошвленъ былъ завтракъ, которій они, сверкая свѣшлыми пожарами, и начали испреблять по-военному.

»Въ тотъ же день въ шесть часовъ вечера весь городъ освѣпила блестящая иллюминація — значило, что великолѣпный Князь Тавриды уже прївхалъ въ Тулу. Намѣстникъ, Губернаторъ, Вице-Губернаторъ, Губернскій и Узднй Предводители съ Дворянствомъ, многіе военные Генералы, Штабъ-Офицеры, гарнизонъ, всѣ чиновники Присутственныхъ Мѣстъ и оружейнаго въдомства вспрыскили его во Дворецъ. Пошемкинъ находился въ хорошемъ расположеніи духа. Съ Кречетниковымъ онъ былъ крайне въжливъ, повпорилъ свою благодарность Лопухину, сказалъ нѣсколько прївѣтливыхъ словъ Генераламъ, Губернскому Предводителю, Вице-Губернатору, похвалилъ почешный караулъ, ординарцевъ, и, раскланявшись съ учтивостію, хотя холодною, пошелъ во внутренніе апаршамеишы Дворца вмѣстѣ съ Намѣстникомъ и Губернаторомъ.

За обѣденнымъ столомъ, къ которому приглашено было болѣе сорока особъ, Пошемкинъ, обращаясь къ Кречетникову, сидѣвшему съ нимъ рядомъ, сказалъ, указывая на нѣкоторыя кушанья :

— Я замѣчаю, Михайла Никишичь, что вы меня балуете. Все, что я видѣлъ и вижу, доказываетъ особенное ваше обо мнѣ озабочиваніе.

— Очень радъ, Ваша Свѣшлость, что я могъ угодить вамъ этими мелочами, опвѣчалъ Кречетниковъ, улыбаясь.

Взявъ съ тарелки огромную Мясновскую рѣдку, споявшую на столъ подѣ хрустальнымъ колакомъ Пошемкинъ опрѣзалъ отъ нее толстый ломоть и продолжалъ :

— У васъ каждое блюдо такъ хорошо смотришь, что я начинаю бояться за мой желудокъ....

»Огородное растение, о которомъ я сказалъ, чрезвычайно ему понравилось; но онъ къ удивленію всѣхъ, взявъ свѣжій ананасъ, такъ же находившійся на столѣ, разрезалъ его пополамъ и началъ ѣсть, замѣшивъ:

— У всякаго свой вкусъ.

»Разговоръ продолжался и предметомъ его былъ — Тульскій оружейный заводъ. Когда начали пить за здоровье Фельдмаршала, музыка играла шушь, и артиллерія, привезенная на эшотъ случай изъ парка, открыла огонь; онъ сказалъ Кречетникову:

— Все это прекрасно, Михайло Никитичъ, да здѣсь нѣтъ еще одной вещи, до которой я большой охотникъ, и которую вы, помнится, присылали ко мнѣ съ курьеромъ въ Бендеры.

— Не могу догадаться, Ваша Свѣплость, опѣвчалъ нѣсколько изумленный Кречетниковъ.

— Вы, кажешся, и Калужскій Намѣстникъ?

— Точно такъ, Ваша Свѣплость.....

— И върояшно забыли, что Тульскіе абарные калачи едва ли лучше Калужскаго пѣсша....

»На другой день за завтракомъ, Пошемкинъ уже ѣлъ Калужское пѣспо.

»Между тѣмъ какъ великолѣпный Князь Тавриды сидѣлъ въ Яссахъ передъ каминомъ въ Греческихъ шуфлахъ съ спущенными чулками на ногахъ; между тѣмъ какъ искусные и храбрые Корпусные командиры его непобѣдимой арміи безпощадно громили неприсупныя крепости и по десяти тысячъ брали въ плѣнъ несчастныхъ Турокъ, а онъ великолѣпный Князь Тавриды, среди благовонныхъ куреній слушалъ музыку Сарши, и удивлялъ Европу своими роскошными и блистательными пирами — эшотъ Фельдмаршалъ думалъ — о Тульскомъ оружейномъ заводѣ! Тульскій оружейный заводъ, говорилъ онъ, есть такое Государственное заведеніе, такой важный предметъ, который заслуживаетъ внимательнаго моего обозрѣнія. И онъ далъ себѣ слово

при первомъ удобномъ случаѣ, непременно занялся этимъ дѣломъ, серьезно и тщательно. Дѣйствительно, Пошмкинъ сдержалъ свое слово. На другой же день своего пріѣзда въ Тулу, онъ осматривалъ оружейный заводъ во всѣхъ его частяхъ, посвятивъ на это около пяти часовъ утра. Многие онъ одобрилъ, но нѣкоторые предметы требовали значительнаго улучшения, другіе рѣшительныхъ измѣненій. Словомъ, Пошмкинъ тушъ же приказалъ распорядиться оружейному начальству выборомъ двухъ чиновниковъ, которыхъ онъ хотѣлъ послать въ Англію для изученія искусства, находившагося въ то время у насъ еще въ самомъ несовершенномъ состояніи. Сверхъ того онъ хотѣлъ вызвать изъ этого государства опытныхъ и знающихъ мастеровъ для закалки стали, которую также дѣлали у насъ очень дурно. Предположенія Пошмкина осуществились уже послѣ его кончины.

»Два дня и два вечера толпился народъ на улицахъ, то бѣгалъ за каретою Фельдмаршала, и смотрѣлъ на него съ уваженіемъ и признапельностію, какъ на вельможу, котораго уважала и сама Екатерина Великая; то любовался на иллюминацію, дивился прозрачнымъ картинамъ, глазѣлъ на тысячи предметовъ, для него диковиныхъ, чудесныхъ. Два дня и два вечера мы веселились, какъ только веселятся люди праздные, а мы ничего не дѣлали, ничѣмъ не занимались. Пріѣздъ могущественнаго сановника произвелъ сильное движеніе въ общественной жизни, всегда скучной и однообразной въ провинціи.

»И вопль Очаковскій солдатъ еще кое-какъ живешь на бѣломъ свѣтѣ, а Главнокомандующій его уже пидесятъ лѣтъ опдыхаетъ въ могилѣ,» сказалъ инвалидъ, оканчивая свой рассказъ, и посмотрѣлъ на насъ печально.

Николай Андреевъ.

Село Торхова.

О ПИНСКОЙ БРИГАДѢ ПОЛЬСКИХЪ ВОЙСКЪ,

(ЧАСТИЧКА ИЗЪ ДѢЙСТВІЙ СУВОРОВА-РЫМНИКСКАГО
ВЪ 1794 ГОДУ).

(Изъ записокъ современника). *

Послѣ прекращенія въ Липвѣ и во всей Украинѣ , (теперь Западныя части Губерніи) частныхъ возмущеній Польской Шляхты, въ 1793 году, полкъ нашъ расположился на землія кварширы, въ недалекомъ разстояніи отъ г. Житомира.

Военнымъ Губернаторомъ Волыни и начальникомъ войскъ былъ Генераль - Маіоръ Вас. Сер. Шеремешевъ. Арміею командовалъ древній вельмѣжа, бояринъ Иванъ Пешровичъ Салышковъ.

Повсюду было тихо, довольно, весело. Украинскіе жилили, богатѣйшіе тогда въ мірѣ, радовались, что они, по природѣ Русскіе, могли безъ страха называться Русскими, православную Вѣру исповѣдующими Христіанами.

Такъ прошла и Святая недѣля Свѣтлаго Христова Воскресенья 1794 года.

Вдругъ на Оминой недѣлѣ пронеслась между нами вѣсть ужасная, спрашная! — Поляки въ Варшавѣ, ночью, въ пятницу Спраспной недѣли, изменчески вырѣзали до половины корпусъ нашихъ войскъ, которыя были расположены по кварширамъ, подъ командою Генерала Энгельспрома; подняли знамя возмущенія противъ своего Короля и противъ Покровишельницы Польши, нашей Матушки - Царицы Екатерины Алексевны. (Мы и не называли ее иначе);

(*) См. Москвитянинъ, 1841, No 11.

Адская революція безбожныхъ Французовъ и сюда проникла. Польша загорьлась. Всѣ возспало въ ней, принялось за оружіе, и даже за кóсы. — Надобно было видѣшь, слышать, какъ наци богатыри воины оскорбились, вознегодовали. Солдашы говорили: »Поляки, какъ разбойники, ночью вырзади нашихъ! Ну, шакъ пора и образумишь! Пора нашей Машушкѣ Царицѣ окончить свою къ нимъ мялосшь!» А Офицеры, (я часцо слыхалъ), рассказывали о безтолковыхъ конфедераціяхъ Поляковъ; о безразсудныхъ, варварски-лютыхъ поступкахъ съ Малороссіянами и Украинцами, и даже съ нашими. »Чего хочеть, говорили Офицеры, эшо собраніе *бригтогловыхъ* (*), *безпокойныхъ* и *безтолковыхъ*? Вольности и подлеглости? Да они и шакъ на свою бѣду вольны и не подлеглы! Даже слишкомъ вольны! Короля не слушаюшъ; законовъ не исполняюшъ; старшинамъ не повинуюшся; всякой вельможа счищаетъ себя выще своего Короля; всякая мѣлкая сошка изъ Цляхшы хочеть быць Генераломъ, и не иначе позволяеть себя называть, какъ — панъ поручникъ, альбо панъ хорунжій, рѣдко панъ вахмистръ, хотя бы не болѣе прехъ мѣсяцовъ былъ въ войскахъ ржечи посполитой, или въ войскахъ народовыхъ проспымъ шеренговымъ. О!!... пора, пора наказать ихъ! И Богъ дастъ, заплашимъ имъ за кровь нашихъ, за прежнее, за старое, за давнее!»

Таковъ былъ духъ негодованія Русскихъ воиновъ на низскій и безчестный поступокъ Калайтаевцевъ (**).

Недѣли двѣ протекло послѣ этой спрашшой вѣспи. Вдругъ у насъ въ сумерки шревога, и мы бросились къ сборному мѣсшу. Тупъ спояло болѣе сотни конныхъ подводъ. Капитанъ, одышый по походному, ш. е. какъ солдашъ — въ куршкѣ, шароварахъ и каскѣ, сказалъ: са-

(*) Поляки, открывая революцію, по старинному обрили себя голову, и вадѣли свои куншуши, какъ знакъ древней храбрости.

(**) Калантай былъ одинъ изъ самыхъ буйныхъ и лютыхъ Республиканцевъ.

дись по два на подводу! — И пыль шолобомъ взвилась за нами.

Слишкомъ сущки неслись мы быстро, перемѣняя подводы, копорыя какъ изъ земли росли, передъ нами.

Была уже глубокая ночь, шихая, теплая, Украинская, божественная ночь. Рота оспановилась въ лѣску. Расположились по военному, шихо, скромно. Кто заснулъ, а кто слушалъ рошныхъ знапныхъ раскащиковъ спарииковъ: о прежнихъ Крымскихъ, Кубанскихъ и Турецкихъ походахъ; о дракахъ съ Ташарами, Черкесами и Турками; о сраженіи при *Кинбурунской* кость; о штурмѣ Измаильскомъ, да о славномъ 1792 годѣ съ Поляками. И все о башюшкѣ отцѣ Александрѣ Васильевичѣ Суворовѣ! Спарики умѣли рассказывать, а молодые умѣли понимать и напипываться духомъ послушанія и храбрости. Решивое горьло у всякаго при описаніи *Кинбурунскаго* сраженія и штурма Измаильскаго. О!!.. И мы, и мы шо же сдѣлаемъ во славу нашей Машушки-Царицы! съ жаромъ говорила молодежь. Да! ужь сдѣлать! Лицемъ въ грязь не ударимъ!

Чуть спала заниматься заря, Капишанъ раздѣлилъ пѣсенниковъ и барабанщиковъ на при часпи; распавилъ ихъ въ прехъ мѣсахъ, довольно далеко за нами. —

Идутъ! сказалъ прибѣжавшій изъ передовой цѣпи уншеръ - офицеръ.

Идешь пѣхоша, много, и въ порядкѣ. Вдругъ пѣсни барабанщиковъ нашихъ огласились въ воздухѣ, и остановили идущихъ. Эшо была колонна, человекъ въ пять сотъ пѣхошы. Свернувъ съ дороги, и сомкнувшись, шибкимъ скорымъ шагомъ пошла чрезъ поле, налево, къ проселочной дорогѣ (*). Но и шамъ шѣжъ пѣсни и барабаны. Поляки оспановились, видимо смѣшались.

Въ эшо самое время солнце показалось на горизонтѣ, и мы увидали, вправо отъ насъ, колонну пѣхошы,

(*) Эшо были наши. Но копорого полка, и шакъ ли, какъ мы, они оту шились шуть, не знаю.

прикрытую спрылками и двумя орудіями, спройно бегомъ идущую на Поляковъ, и квалерію, кошорая неслась во фланги ихъ, а съ лѣвой стороны — конницу.

Это были наши егеря и легкоконные эскадроны съ казаками.

Сердце возрадовалось у солдатъ. — Вопъ шупъшо мы порабощаемъ, говорили они, пошарая руки и лаская шпыки. — Но вышло прошивное, къ ихъ неудовольствію. Колонна Поляковъ побросала оружіе. Безкровный плѣнь шпаба Пинской бригады, кошорая соспояла изъ прехъ пысячь человекъ, и была расположена по разнымъ мѣстамъ, рѣшилъ все. Въ 1793 году давъ присягу на вѣрность Королю, и на послушаніе нашей Государынѣ Императрицѣ, измѣнила и хотѣла по часнямъ пробраться въ Минскіе лѣса къ Республикаскимъ войскамъ. Плѣнь разрушенъ, офицеры почши всѣ были опшправлены въ Кіевъ, а солдапы помѣщены въ наши ряды по разнымъ полкамъ.

Честно и вѣрно они служили, и были храбры въ Польскую и Ишаліанскую войны. Словомъ: были почно какъ Русскіе.

Послѣ эпого манѣвра наша рота, нимало не медля, опшправилась прежнимъ пушемъ назадъ, и шакже на подводахъ.

Кшожь распоряжалъ и дѣйствовалъ шакъ быспро, какъ молнія, заборомъ въ плѣнь не однихъ эшихъ, нѣшъ! но до десяти пысячь человекъ вооруженнаго войска, расположенныхъ опъ Кіевской Губерніи до Каменецъ-Подольска? (*) Кшо уничшожилъ на эпомъ пространшвъ, при самомъ рожденіи, всеобщее возшпаніе Шляхшы, и вельможъ съ дворовыми Дворянами? Кшо?— Опець нѣшъ Александръ Васильевичъ Суворовъ!

Многіе изъ воиповъ еще не видали его. — Авось Богъ даспъ, авось увидимъ роднаго нашего Башюшку!—

(*) Гравцею былъ Г. Васильковъ.

Такъ надѣялись вонны, безгранично любившіе своего полководца. — Явись къ намъ, опецъ, и веди, куда хочешь, куда велѣно. И все мы, до послѣдней капли крови швои; не на живопъ, а на смрпъ! — Таково было желаніе, шаковы были мысли Русскихъ! И это святая истина. О! какъ мы любили его! Да и было за что обожашъ памъ единшвеннаго въ цѣломъ мѣрѣ вожда.

Вскороспи было получено въ полку повелѣніе: бытъ подъ командою Суворова, а опъ него приказъ съ приложеніемъ его словъ. Эпошъ Капихизисъ велѣно вседневно чипашъ солдашамъ, чшобъ онц помнили; а Шшабъ-и Оберь-Офидерамъ, уншерь-офидерамъ и даже капрадамъ приказано было знашъ навзусъ. И мы звали его, какъ Опче нашъ.

Вопъ нѣсколько опривковъ изъ Капихизиса, можно сказашъ, священнаго для насъ. Предлагаю съ нѣкопориыми моими повсненіями, шакъ, какъ мы шогда его понимали.

ОТРЫВКИ ИЗЪ КАПИХИЗИСА СУВОРОВА.

I.

»Субординація, экзерциція.« — Изволише видѣшь: какъ связь души съ шѣломъ. Безъ этого ншъ жизни,— ншъ взвода, ни арміи, а вредоносная шолпа.

II.

»Каблуки сомкнушы подъ колѣнки; вышпанушы; солдашъ спшшшъ спрѣдой: чешвершаго вижу, пяшаго не вижу.« — Это выправка солдаша и равеніе во фронтъ.

III.

»Учене свѣпъ, а неучене шѣма. Дѣло мастера бшпся; и креспьянинъ лѣнивъ, хлѣбъ не родилпся. Намъ за ученаго даюпъ шрехъ неученыхъ; намъ мало шрехъ: давай пяшъ, деслшъ! всѣхъ побьемъ, поваламъ,

въ полонъ возмемъ.» — Эпо — доказательство выше-
сказаннаго въ двухъ пунктахъ.

IV.

»Военный шагъ — аршинъ, въ захожденіи — пол-
шора.« — Эпо наставленіе — при движеніи. »Голова
хвоста не ждешъ.« — При походѣ на непріятеля.

V.

»Непріятель не ждешъ; поешъ и веселишься; а ты
изъ-за горъ высокихъ, изъ-за лѣсовъ дремучихъ, чрезъ
топи и болоша, пади на него, какъ снѣгъ на голову.
Ура! бей! коли! руби! непріятель въ половицу побѣж-
денъ; не давай ему опоминься. Гони, доканчивай!
побѣда наша! у страха глаза велики. Просящаго пощады по-
милуй. Онъ такой же человѣкъ. Лежачаго не бьютъ.« —
Замъшше: внезапность и быстрота! слово: просящаго
пощады помилуй; не ешь ли эпо чловѣколюбіе?

VI.

»Береги пулю на три дни, а иногда на цѣлую кам-
панію, когда не гдѣ взять.« — Военная экономія.

VII.

»Пуля бьешъ въ полчеловѣка; спрѣляй рѣдко, да
мѣшко; шпыкомъ коли крѣпко. Пуля обмишулился,
шпыкъ не обмишулился. Пуля дура, а шпыкъ моло-
децъ. Трое наскочатъ: одного заколи, другаго заспрѣли,
прешьему шпыкомъ карачуй. Много наскочатъ: ош-
скочи шагъ, ударъ одного, коли другаго, спрѣляй прешь-
яго, приписни четвертаго! послѣдніе — твои. Въ сра-
женіи — карпечъ на голову! согнись, бѣги впередъ,
карпечъ лепишь сверхъ головы. Тогда пушки — твои,
люди — твои.« — Наставленіе драшья съ непріятелемъ.

VIII.

»Жишеля не обижай. Онъ насъ повпъ и кормипъ. Солдашъ — не разбойникъ.« — И за неисполненіе строга взыскивалось.

IX.

»Спой за домъ Пресвятой Богородицы. Спой за Машушку-Царицу. Убьютъ; царство небесное! церковь Бога молишь. Живъ; намъ чешь и слава.« — Въра и върносшь.

X.

»Бойся богадълни (ш. е. госпишали). Въ первый день — мягкия посшель; на вшорой — Лашынская кухня; а на шрешій — брапъ ея домовице и пащашъ. Одинъ умираешъ, а десяшъ хлѣбюпъ смершный воздухъ. Въ лихорадкѣ цѣлый день не пей и не ѣшь; похлѣбай при закашъ солнышка пустой кашки съ буквицею. А въ горячкѣ три дня не пей и не ѣшь. Г. Офицеру — ареспъ, а солдашу — палочки; за чѣмъ себя не берегъ..... Нѣмецкіе лекарства издалека пухлы, вплошь безсилны. У насъ въ аршеляхъ есть: корешки, правушки, муравушки. . . . Гг. полковые Командиры! Помнише наспавленія Шшзбъ-Лекаря Бѣлопольскаго! — О сбереженіи здоровья.

ЕЩЕ ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ.

Путешествіе.

Въ Данцигѣ мы остановились въ Русской ошели. Въ споловой меня поразили двѣ карпины, изображавшія поперянные Русскими сраженія. Множесство нашихъ ваялось мертвыми и ранеными, илц на колѣняхъ просило пощады у побѣдителей — Прусаковъ. Я до того была раздосадована, что серьѣзно выговаривала нашему повѣренному въ дѣлахъ, Ребиндеру, за то, что онъ позволеть сущесствовать шакому презрѣнному памяшнику нашего позора. Онъ съ важностью ошвѣчалъ мнѣ, что подобныя обиды не принадлежатъ къ его вѣдомству.

Лишь только онъ ушелъ отъ насъ, какъ я поручила двумъ чиновникамъ, Волчкову и Штелину, принадлежавшимъ къ нашему посольству въ Берлинѣ, купить мнѣ масляныхъ красокъ: синей, зеленой, красной и бѣлой. Оба они хорошо владѣли кистью, и послѣ ужина, заперевъ двери, мы ловко перекрасили синіе и бѣлые мундиры побѣдоносныхъ Прусаковъ въ зеленые и красные мундиры — нашихъ Русскихъ солдатъ. Эти двѣ побѣды стоили намъ цѣлой ночи шруда. На другой день я не развязывала моихъ чемодановъ на полѣ битвы, чтобы имѣть какойнибудь предлогъ не пускать въ нее никого, кромѣ свидѣтелей нашей доблести.

На слѣдующій день мы ошправились далѣе, показавши напередъ Ребиндеру живописное искупленіе нашей славы, и долго смѣялись при мысли объ удивленіи холзина, когда онъ увидитъ неожиданную перемяну судьбы обоихъ сраженій.

Я жила въ Берлинѣ два мѣсяца и весьма пріятно. Нашъ Министръ при шамошнемъ Дворѣ, Князь Долгорукій, человекъ всеми доспойно любимый и уважаемый, оказывалъ намъ всевозможное вниманіе.

Не знаю какимъ образомъ я привлекла вниманіе Королевы и Принцессы: но онѣ часпо просили Долгорукаго представити меня имъ. Я всегда ошговаривалась эшпикетомъ Прусскаго Двора, по кошпору му никакъ не могъ бышь представлень подѣ вымышленнымъ именемъ, а я, принявъ свое изъ экономіи, не хотѣла мѣнять его при первомъ представившемся искушеніи, подобно какой-нибудь искашельницѣ приключеній. Мои ошговорки были доведены до Короля Миниспромъ иношпранныхъ двѣль, Графомъ Финкерншпейномъ. »Скажише ей — ошвѣчалъ Король, »что эшпикетъ глупъ, и что Княгиня Дашкова будешъ приняша при Прусскомъ Дворѣ »подѣ какимъ именемъ и какъ ей угодно.«

Тупъ уже не было возможности открьпться: я сдѣлала себѣ новое черное плашье, и представлялась. Ея Величештво приняла меня какъ нельзя лучше, и пригласила съ собою ужинашь. Такое вниманіе оказали мнѣ Принцъ и Принцессы, и во все время моего пребыванія въ Берлинѣ, ихъ пошпальная доброта была шакъ велика, ихъ приглашенія шакъ часпы, что я рѣдко могла являшься въ другихъ общешвахъ.

Въ началѣ, можешъ бышь, благоволеніе ко мнѣ Королевы и сешпры ея произошло ошъ слѣдующаго ошпояшешпства. Обѣ онѣ до шого заминались въ разговорѣ, что во время представлений иношпранцевъ, при нихъ долженъ былъ находиться особый Каммергеръ какъ бы для перевода ихъ рѣчей. По счаспію, я шакъ смѣло схватывала ихъ мысли, и ошвѣчала на ихъ вопросы, что казалось, почши не замѣчала эшого недошпапка, доспавляя имъ спокойшвіе, кошпорымъ онѣ рѣдко пользовались.

Сешпра Королевы, вдовшвующая Принцесса Королевской крови, была машъ Принцессы Оранской и прешника Фридриха Великаго. Я должна назватъ его великимъ, если шолько военный геній и пошпальная зашпшлivosшь о благѣ народа, кошпору служили въ пользу даже его спрасши, могутъ дашъ ему право на эшо названіе.

Въ Ганноверѣ мы пробыли лишь сполько времени, сколько было нужно для починки нашихъ экипажей. Въ понедѣль же вечеръ я съ дѣвицею Каменскою ошправи-лась въ оперу, осшавивъ Воронцова, не совсѣмъ здо-роваго, дома. Намъ провожалъ одинъ лакей, говорившій шолько по-русски, и слѣдовашельно не могшій измѣ-нить нашему инкогнишо. Я взяла эпу предоспорож-ность, услышавъ ошъ Принца Эрнста Мекленбургска-го, что его спаршій брашъ, бывшій здѣсь Губерна-шоромъ, желалъ знашь, когда я буду въ Ганноверѣ, чего я нимало не хотѣла, рвшившись оспашься въ не-извѣспности. Въ ложъ, куда опвели насъ, уже сидѣ-ли двѣ дамы. Хошя еще было просторно, но онѣ по-споронились съ большою учшivenessю, чшобъ намъ бы-ло видѣе. Въ концѣ перваго акта я замѣшила, что одинъ офицеръ вышелъ изъ ложи Принца. Онѣ шоп-часъ же вошелъ къ намъ, и сказалъ намъ нѣсколько словъ съ какою-шо наглосшью въ шонѣ и манерахъ: »Ка-жешся, вы, сударыни, иношпранки.« — Да, сударь. — »Его Свѣшлость желаетъ знашь, съ кѣмъ я имѣю честь говорить.« — Эшо совсѣмъ не важно, отвѣчала я, ни для васъ, ни для Его Свѣшлости: будучи женщина-ми, кажешся, мы имѣемъ право хошъ однажды удер-жашъ языки, и не опвѣчашъ на вашъ вопросъ. Онѣ нѣ-сколько смущилъ и ушелъ. Обѣ дамы посмошрѣли на насъ съ удивлѣіемъ.

Признаюсь, мой выговоръ былъ немного спрогъ, но я никогда не могу подавить въ себѣ опвращенія, кошо-рое возбуждаешъ во мнѣ подобная наглосшь. Къ концу шѣсы я просила Каменскую не пропотиворѣчить мнѣ, чшобъ я ни ешала говорить или дѣлать, и обрашясь къ Ганноверскій дамамъ, дала имъ понашъ, что хошя я не хотѣла опвѣчашъ на дерзкій вопросъ Принца Адъ-юшанша, но какъ онѣ обрашались съ нами шакъ учшиво, шо не скрою ошъ нихъ, что я шеатральная пѣвица, а моя подруга шанцовщица, и что мы ищемъ выгоднаго мѣста. Каменская вышарашила глаза ошъ удивленія, а

дамы, бывшія до того споль учшивыми, перемѣнили понь, и сколько позволяло мѣсто, спарались обернуть-ся къ намъ спиною.

Послѣ Ганновера мы посѣщили Ахенъ, и опшуда опправились въ Спа, съ кошорымъ связаны самыя лучшія мои воспоминанія. Здѣсь я подружилсь съ г-жею Гампльшонъ, дочерью Архіепископа Райдера, и съ г-жею Морганъ, дочерью г. Тисдля, бывшаго Генераль-Прокуроромъ въ Ирландіи. Эша дружба не измѣнилась ни опъ времени, ни опъ перемѣнъ судьбы, продолжалась при-дцать пять лѣтъ, и до сихъ поръ всѣ знавшіе насъ мо-гутъ видѣть ея дѣйствія.

Я шакже познакомилась съ г-мъ и г-жею Неккеръ.

Всѣ при недѣли, проведенныя мною въ Парижѣ, я жила въ совершенномъ уединеніи, осматривая церкви, монастыри, спашуи, каршины и другіе памятники иску-ства. Ни съ кѣмъ не познакомилась, кромѣ Дидероша. Въ шеапръ, желая смотрѣть, а на себя показывашъ, я ходила въ старомъ черномъ плашь, широкой шляпкѣ, и брала мѣсто на верху, между народомъ.

Въ одинъ вечеръ, незадолго передъ опгѣздомъ мо-имъ изъ Парижа, когда Дидерошъ сидѣлъ со мною, че-ловѣкъ доложилъ о г-жахъ Неккеръ и Жофренъ. Ди-дерошъ, съ своѣй обыкновенною живостію, не давши мнѣ минуны подумать, приказалъ опказать имъ.

— «Но, сказала я, съ г-жею Неккеръ я была зна-кома въ Спа, и очень желала бы познакомиться съ дру-гой дамой, бывшей въ перепискѣ съ Русскою Импера-трицею.»

— Не вы ли увѣрили меня, опвѣчалъ онъ, что вамъ опсается прбыть въ Парижѣ еще два или три дня; спало бытъ она видѣла бы васъ не болѣе двухъ или трехъ разъ, и никогда не поняла бы вашего характера. Я не могу шерпѣть, чтообъ низвергали мои кумиры. Еслибъ вы опсались здѣсь мѣсяца два, повѣрьте, что я первый познакомилъ бы васъ съ г-жею Жофренъ,

пошому чшо она прекрасная женщина ; но шакъ какъ она принадлежишь къ нашимъ Парижскимъ кумушкамъ, шо я ни за чшо не соглашусь, чшобъ, не узнавши васъ хорошенько, она васъ видѣла и попомъ спала шолковашь о вашемъ характерѣ.

Угождая его причудливосши , я приказала сказать, чшо нездорова. Но эшого было мало : на слѣдующее ушро г-жа Неккеръ прислала мнѣ чрезвычайно учшивое письмо, гдѣ говорила, какъ неперпвливо ея пріятельница желаешъ со мной познакомишься, соспавивъ заранѣе самое лучшее обо мнѣ понятіе. Я ей ошвѣчала, чшо желаніе сохранишь это благопріятное для меня мнѣніе побуждаешъ меня въ насшоащемъ случашъ ошказашься ошъ предлагаемаго удовольшвія, пошому чшо въ моемъ положеніи не могу оправдашь ихъ леспнаго предубѣжденія въ мою пользу.

Эшо заспавило меня просидѣшь весь шопъ день дома, и послашь экипажъ за Дидерошомъ. Обыкновенно я завѣжала къ нему послѣ ушренныхъ вишзовъ , брала его къ себѣ обѣдашь, и наши разговоры очень часшо длились за полночь.

Ошкровенность и благородшво его характера, его блиспашельныя дарованія , а вмѣстѣ учашіе и уваженіе, кошорыя онъ мнѣ оказывалъ при всякомъ случашъ, привязали меня къ нему на всю жизнь, и даже шеперь дѣлаюшь для меня драгоцѣнною его памяшь. Свѣтъ мало зналъ эшого необыкновеннаго человека. Въ каждомъ дѣйшвіи его видны были проспаша и добродѣшель; помогашъ ближнимъ было его спрасшью и поспояннымъ спремленіемъ. Слишкомъ большая живосшь иногда вовлекала его въ погрѣшносши , за шо онъ всегда былъ ошкровененъ, и смѣялся самъ надъ собою. Не мнѣ хвалишь его : своими прекрасными свойспвами онъ заслужилъ уже хвалу людей, болѣе меня достойныхъ.

Прежде нежели я оспавила Парижъ, мнѣ хопѣлось видѣшь Версаль, куда я намѣрена была ошправишься шакъ , чшобъ никшо не зналъ о моемъ намѣреніи , не

смотря на возраженія нашего повѣреннаго, Хошинскаго, находившаго безчисленныя препятствія для его исполненія со стороны Французской полиціи, и увѣрявшаго меня, что въ Парижѣ наблюдаются движенія всякаго иноспранца, какъ бы онъ ни былъ незначишелевъ.

Я заспавила его дашь мнѣ слово, что его лошади будутъ дожидаться меня за городомъ. Попомъ, надававъ своему Французу-лакею сполько порученій, чшобъ заняшь его на нѣсколько часовъ, съла въ карешу съ двумя дѣшми и спарымъ Русскимъ Маіоромъ, лечившимся въ Парижѣ, взяла съ собой Русскаго слугу, и приказала ѣхать за городъ, чшобъ подышашь чистымъ воздухомъ. Лишь шолько мы доѣхали до шого мѣста, гдѣ насъ дожидался Хошинскій, какъ его лошадей пріспягнули къ нашимъ, и вмѣстѣ опсправились къ воротамъ Версали. Здѣсь мы вышли и ходили до обѣда.

Въ эпошъ день Король съ семейспвомъ обѣдалъ передъ народомъ. Вмѣшавшись въ шолпу черни, мы вошли вмѣстѣ съ нею въ огромную, грязную залу, куда вскорѣ вошли Людовикъ XV, Дофинъ съ супругой и двѣ Королевскія дочери Аделаида и Викторія. Они съли за шоль и кушали какъ нельзя лучше.

Лишь шолько я чшо нибудъ замѣчала, какъ достпойныя дамы, бывшія въ шолпѣ, насъ окружавшей, начинали свои объясненія. Такъ, когда я сказала, чшо Принцесса Аделаида пила супъ изъ кружки, ко мнѣ разомъ промешъли два или шри голоса съ вопросомъ:

— Позвольте спросить, сударыня, въ вашей справѣ Король и Принцессы шакъ ли дѣлаюшъ?

— »Въ моей справѣ нѣтъ ни Короля, ни Принцессы!« опшвчала я.

— Госпожа должно бышь Нѣмка—замѣшилъ одинъ изъ нихъ.

— »Можешъ бышь, опшвчала я,« пробираясь вонъ, чшобъ избѣжашь подробнѣйшихъ распросовъ.

Когда Королевскій сполъ кончился, мы поспѣшно сѣли въ карешу, и возвращаясь въ Парижъ, очень забавлялись тѣмъ, что обманули прославленную бдыпельность Французской полиціи.

Герцогъ Шуазель, бывший тогда Государственнѣмъ Миниспромъ, едва повѣрилъ, услыхавъ объ эпой повздкѣ. Всѣ Русскіе знали особенную нелюбовь его къ Императрицѣ и ея правительству; не смотря на шо, онъ черезъ нашего повѣреннаго весьма учтиво приглашалъ меня на блистательный балъ, данный нарочно для меня. Я приказала благодарить его и увѣрить, что хопя Г-жа Михалкова вполне чувствуетъ все вниманіе Его Превосходительства, но что время, посвященное занятіямъ другаго рода, не позволяеть ей быть на его балъ.

Пробывъ менѣе нежели при недѣли въ Парижѣ, я отправилась въ Э, въ Провансъ. Здѣсь все было готово для моего принятія въ прекрасномъ домѣ близъ воды, принадлежавшемъ Маркизу Гидонъ и нанятомъ для меня Воронцовымъ.

Я получила нѣсколько писемъ отъ Дидерота, изъ которыхъ въ особенноти замѣчательно шо, гдѣ онъ говоритъ о ссорѣ Двора съ Прованскимъ Парламентомъ, слѣдствіемъ которой было распушеніе послѣдняго. Въ немъ особенно замѣчны живость и въ шо же время глубина мысли, составляющія отличительный признакъ его генія. Описаніе чувствъ, возбужденныхъ эшимъ происшествіемъ, дѣлаеть эшо письмо совершеннымъ предсказаніемъ того, что попомъ случилось во Франціи.

Наконецъ леди Райдеръ согласилась оставить Лионъ, и мы отправились въ Швейцарію. Не буду описывать эшу прелестную спрану, прославленную людьми, болѣе меня искусными, а попому скажу только объ особенно замѣчательныхъ лицахъ, съ которыми я познакомилась. Главное изъ нихъ былъ Вольперъ.

Въ самый день нашего прибытія въ Женеву, я послала къ нему спросить — могу ли прѣхать къ нему вмѣстѣ съ моими друзьями. Хопя онъ былъ нездоровъ,

но прислалъ сказашь , чю всегда радъ меня видѣшь, и чю я могу привезти съ собою кого хочю.

Въ назначенный день , вечеромъ , г-жа Гамильпонтъ , леди Райдеръ , Каменская , мой двоюродный братель Воронцовъ и Г. Камбелль Шауфельдъ опправились къ нему на домъ. Въ предшествовавшую ночь онъ потерялъ нѣсколько унцій крови, и хотя былъ очень боленъ, но велѣлъ держашь это подъ секретомъ , чюбъ мы не опложили нашего посѣщенія.

Онъ сидѣлъ развалившись въ большихъ креслахъ , когда мы вошли , слабый и спраждащій. Я подошла къ нему, и укоряя его, настаивала, чюбъ онъ позволилъ мнѣ доказашь, какъ много я цѣню его здоровье, и вшеченіи нѣсколькихъ дней лишиць себя удовольствія, кошорое доставляешь его обществу.

Онъ очень смушилъ меня : поднялъ вверхъ руку , съ видомъ удивленія, и шеапральнымъ голосомъ произнесъ: »Чю я слышу ? даже голосъ ея голосъ ангела!« (*)

Я совершенно не ожидала шакой неумѣстной чешши, прїѣхавъ только для шого, чюбъ ему удивлять-ся, и, кажешя, сказала ему это. Послѣдовало нѣсколь-ко комплиментовъ, и завязался разговоръ объ нашей Императриць.

Когда , послѣ довольно долгой бесѣды я предложила возвратицься домой , онъ убѣдительно просилъ насъ опправицься въ комнашы его племянницы , г-жи Дени , гдѣ онъ надѣялся быць вмѣстѣ съ нами за ужиномъ. Мы согласились , и онъ скоро къ намъ присоединился. Замѣчу въ скобкахъ , чю я была удивлена , найдя въ племянницѣ Вольшера самую пршшую, обыкновенную женщину.

Каммердинеръ ввелъ Вольшера въ комнашу, и помогъ спашь колѣнами въ большое кресло , на спинку

(*) При этомъ и при другихъ случаяхъ я должна просить чшателя , чюбъ онъ не обвинялъ меня въ шщеславіи, если я привоку слова такъ, какъ они были сказаны, пошому чю эти записки являщя въ свѣтъ не прежде моеѣ смерти.

кошораго онъ оперся локшемъ , продолжая спояшь въ шакомъ целовкомъ положеніи , прямо прошивъ меня , во все время ужина. Это принужденіе , а можетъ быть и увеличеніе нашего обществва двумя богатыми фермерами изъ Парижа , кошорыми и дядя и племянница занимались какъ нельзя больше , было причиною , что первое посѣщеніе совсѣмъ не оправдало моихъ ожиданій.

Когда мы прощались , Вольперъ просилъ меня , пока я остаюсь въ Женевѣ , посѣщать его чаще. Я же просила у него позволенія бывашъ у него по упрямъ , и бесѣдовашъ съ нимъ одинъ на одинъ въ его кабинетъ , или въ саду. Онъ охотно согласился , и я часто пользовалась его дозволеніемъ. Во время этихъ бесѣдъ онъ казался совсѣмъ другимъ человекомъ , и былъ вполне такимъ , какимъ являлся въ своихъ твореніяхъ , и предшавлялся моему воображенію.

Въ первые же дни нашего пребыванія въ Женевѣ , мы познакомились съ Губеромъ , пшпичникомъ , какъ его звали , по любви его къ пшпичеловспву. Онъ былъ поэтъ , музыкантъ , живописецъ : ко всему этому присоединялось опличное воспитаніе , чувспвительность и веселость характера. Вольперъ очень его боялся , потому что онъ хорошо зналъ его спранности , и высшавлялъ многіе изъ его недоспашковъ. Они часто играли въ шашки. Вольперъ почти всегда проигрывалъ , что выводило его изъ терпѣнія. По вечерамъ мы часто капались на прекрасномъ Женевскомъ озерѣ. Губеръ , всегда бывшій вмѣспъ съ нами и распоряжавшій нашими поѣздками , былъ такъ любезенъ , что подиалъ на мачтѣ нашего судна Русскій флагъ. Его восхищала жалобная проспша нашихъ народныхъ пѣсенъ , кошорыя я и Каменская часшо ему пѣвали , и кошорыя онъ , обладаа удивительной спнокостью уха , немедленно усонивалъ.

Я оставила Женеву и многихъ друзей моихъ , въ ней жившихъ , съ чувспвомъ непритворной грусти.

Оспавляя Швейцарію , мы наняли двѣ большія лодки , чтообъ плышь внизъ по Рейну. Въ одной помѣща-

лись наши экипажи, багажъ и кухонныя принадлежности, а другая, гдѣ помѣщались мы сами, была разделена на двѣ каюты, изъ коихъ въ одной, подъ охраненіемъ двухъ гребцовъ и нашихъ людей, спали дамы, а мужчины каждый вечеръ выходили на берегъ, довольствуясь тѣмъ помѣщеніемъ, какое находили въ страйтѣ, черезъ кошорую мы проѣзжали.

(Изъ втораго путешествія).

Я составила планъ — помѣстить моего сына въ Эдмбургскій Университетъ и самой поселиться въ этомъ городѣ на все время его академическихъ занятій. Съ этою цѣлю я написала къ Ректору, знаменитому историку Робертсону, что желая помѣстить моего сына, кошорому было еще только тринадцать лѣтъ, подъ его надзоръ въ Университетъ, я прошу его подать мнѣ совѣтъ, какимъ бы образомъ лучше исполнишь мое желаніе.

Робертсонъ, въ отвѣтъ, совѣтовалъ мнѣ подождать два или три года, чтобъ лучше приготовить моего сына: но, не смотря на его молодость, я пакъ была увѣрена въ его способностяхъ и познаніяхъ, что съ гордостію и удовольствіемъ отвѣчала, ему, что онъ уже владѣеть Латинскимъ языкомъ, довольно знаетъ Математику, Исторію и Географію, и кромѣ языковъ Французскаго и Нѣмецкаго, понимаетъ все, что говорятъ или что онъ читаетъ по Англійски, хотя еще не можешь выражаться на немъ съ быстротою.

Пріѣхавъ въ Эдмбургъ, я наняла комнаты въ Голирудъ, старинномъ дворцѣ Шотландскихъ Королей, гдѣ я часто размышляла о судьбѣ въпреной и несчастной Королевы, горестную жизнь кошорой напоминало мнѣ всякое мѣсто.

Невозможно описать моего удовольствія, когда Робертсонъ, проэкзаменовавъ моего сына, увѣрилъ меня, что онъ совершенно готовъ для вступленія въ Университетъ и начатія классическихъ занятій. Я была совер-

иенно удовлетворена, и пока сынъ мой съ успѣхомъ продолжалъ свои занятія, я имѣла драгоценный случай приобрести знакомство знаменитыхъ людей, прославившихъ Англію своими сочиненіями.

Имена Робертсона, Блера, Адама Смита и Фергюсона, ручающіяся за удовольствіе, которое мнѣ доставляло ихъ общество. Почти во все время пребыванія моего въ Эдинбургѣ, они по два и по три раза въ недѣлю бывали у меня въ домѣ, всякій разъ удивляя меня столько же своею скромностію и простотою въ обхожденіи, сколько — своими великими талантами и ученостію. Не похожіе на нѣкопрыхъ претендентовъ на ученостіи и литературныя заслуги, наполненныхъ мыслию о своемъ достоинствѣ и завистию къ другимъ, эти знаменитые и почтенные люди жили между собою въ совершенномъ согласіи и дружбѣ, и ихъ разговоръ, столько же чуждый педантизма, сколько ихъ обращеніе было далеко отъ принужденія, всегда соединялъ въ себѣ пользу и удовольствіе.

Возвращаясь въ Эдинбургѣ къ самому началу лекцій, я хотя впоследствии нѣсколько разъ спрдала отъ возвращенія ревматизма, но не покидала заботъ, которыми была обязана предаваться какъ мать и опекуша. Я обращала вниманіе не на одни ученія занятія моего сына, но и на нѣ внѣшнія упражненія, посредствомъ которыхъ укрѣплялось его здоровье и развивались силы. Черезъ день онъ бралъ уроки или верховой ѣзды или фехтованья, и каждую недѣлю я давала небольшой панцовальный вечеръ, чшобъ въ промежутки ученія онъ былъ развлеченъ и пріятно занятъ.

Въ Маѣ сынъ мой держалъ публичный экзаменъ. Публики собралось болѣе, нежели бывало когда-либо прежде, и его отвѣсы на предложенные вопросы были столько удачны, что вызвали рукоплесканія, доселѣ невиданныя, и едва ли позволивельныя въ подобныхъ случаяхъ. Онъ былъ награжденъ степенью Магистра словесныхъ наукъ (Master of Arts).

Съ гордостью упоминаю о вниманіи ко мнѣ безцѣнной леди Арабеллы Дени, женщины, сполько прославившейся учрежденіемъ многихъ благопворишельныхъ заведеній, что Парламентъ благодарилъ ее за шакія услуги Государству. Мы часто ходили къ ней пишь чай, и своимъ умомъ, своей замѣчательной крошкостью характера, она невольнo привлекала и привязывала къ себѣ всѣхъ, бывавшихъ въ ея обществѣ.

Между многими благопворишельными заведеніями, вниманіе леди Дени было въ особенности посвящено госпиталю Магдалины, копорый она, не смопря на преклонную спарость, посѣщала ежедневно. Она часто брала меня съ собою, и полная слишкомъ благопріятныхъ мыслей о моихъ талантахъ во всѣхъ родахъ, просила меня положишь на музыку одинъ гимнь, копорый долженъ былъ пѣшься въ церкви Св. Магдалины во время собранія въ пользу бѣдныхъ. Ея желанія были для меня почти закономъ, я повиновалась, положила на чепыре голоса гимнь, и черезъ двѣ недѣли онъ былъ пѣшь при многочисленномъ спеченіи народа, привлеченнаго желаніемъ услышашъ: что-шо могла сочинить Русская медвѣдица. Въ шопъ же вечеръ я посѣшила леди Дени, копорая, приняла меня особенно дружески, съ восхищеніемъ говорила объ ушреннемъ сборѣ, приписывая его успѣхъ единспвенно моей музыкѣ.

.....

Меня часто побуждали опсправиться въ Версаль, но я всегда опвѣчала, что при Дворѣ я совершенно не въ своемъ элементѣ, и всегда кажусь *Нинетою*. Мнѣ шакже говорили, что Королева желаетъ меня видѣшь. Я опказывалась подѣ предлогомъ эшпикеша. Французскія знашныя дамы обыкновенно шли впереди иноснранныхъ, а я не хошѣла, ушупивъ мѣспо другимъ при своемъ представленіи въ Версаль, уронить эшимъ достоинство моей Государыни, или ея Двора, при копоромъ я, какъ Спашсъ-Дама, занимала первое мѣспо.

Однажды за завшпракомъ у Аббатца Райналя, у копорого я часто бывала, Г-жа Сабранъ сказала мнѣ, что

Ея Величество желаетъ видѣть меня въ Версалѣ, въ домѣ Г-жи Полиньякъ, гдѣ въ назначенное время, опшкннувши всѣ церемоніи, мы могли бы встрѣпнпться и наговорпться вдоволь.

Въ назначенный я день прѣѣхала шуа съ сыномъ и дочерью. Королева была уже памъ, и по своей милой снисходительности, вышла впередъ, чпобъ насъ встрѣпнпть. Она посадила меня на софу, рядомъ съ собой, а дѣшей моихъ за круглый сполпкъ, спюявшій возлѣ, и обращалась къ намъ съ шакою любезностию, чпо совершенно очаровала насъ. Между прочими комплиментами, Королева хвалила моего сына и дочь за совершенство, съ копорымъ, какъ она слышала, они панцуютъ. »Чпо до меня касаешся,« прибавила Ея Величество, »шо я жалю, чпо скоро должна буду опказаться опъ этого мплаго удовольствія.«

Я не могла удержаться, чпобъ не спроспть, почему Ея Величество считаешъ нужнымъ опъ него опказаться.

— »Попому,« опвѣчала она, »чпо здѣсь не позволяешся панцовашъ послѣ двадцати ппани лѣтъ.«

По всегдашней неловкости, подобно *Нинетъ при Дворѣ*, забывъ, хопя птысячу разъ слышала, чпо Королева спраспно любптъ играшъ въ каршы, я опвѣчала: — Не одобряю шакого запрещенія; пока еспъ охоща и ноги не опказываются служпть, опъ чего не исполняшъ желанія, копорое гораздо еспешвеннѣе, нежели его обыкновенная замѣна — игра въ каршы.

Королева была совершенно моего мнѣнія, и мы продолжали говорпть о разныхъ предметахъ, шакъ чпо, по счастьяю для меня, и я не подумала о своемъ неловкомъ замѣчаніи, и Королева не показала вида, чпо поняла его.

На слѣдующій же день во всѣхъ кругахъ Парижскаго beau monde шолько и говорпли, чпо о моей несчастпной болтовнѣ. Ее размащривали какъ упрекъ Королевъ, и хопя моя въщрещосшь сдѣлала меня предметомъ шолковъ во всѣхъ кошеріяхъ Парижа, но я чрезвычайно досадовала на себя.

Насъ ошвелизели домой въ придворной карешъ, и гдѣ бы я попомъ ни вспръшилась съ г-жами Полиньякъ или де Сабранъ, имъ всегда поручалось опгъ Королевы сказаць мнѣ какую нибудь учшивость. По особому снисхожденію Ея Величества, сыну моему былъ показанъ Сенъ Сирскій Инспишущъ, куда вообще не допускались мужчины.

Дидеропъ, не смопря на ослабѣвшее здоровье, былъ со мной безпрерывно. По ушрамъ, кромъ пгъхъ дней, когда сынъ мой бралъ уроки Машематики у д'Аламбертова ученика, или танцованья у Гардсля, мы разсмапривали произведенія лучшихъ художниковъ, а по вечерамъ, кошорые я прозводила дома, у меня собирался небольшой кругъ знакомыхъ.

Съ безконечнымъ любопытствомъ смопрѣла я на безцѣнныя сокровища, извлеченныя изъ Геркулана и Помпеи, и помѣщенныя въ Поршичи. Помню, какъ однажды я взяла смѣлость сказаць ихъ Величествамъ, что еслибъ цѣлый городъ, съ его улицами, домами и всѣми ихъ принадлежноспями былъ отпрытъ изъ пемла, и всякій предметъ поспавленъ на свое мѣсто, то мы увидѣли бы лицомъ къ лицу древній міръ, кошорый безъ сомнѣнія привлечетъ любопытныхъ со всѣхъ концовъ Европы, и если имъ будущъ показывашъ его за пѣкшорую плащу, то эшд не шолъко вознаградишь Его Величество за издержки, упошребленныя на разрышпѣ, но и соспавишь значительную спашью дохода для государства. Его Величество, забывши вѣрояшно, что я знаю по Ишальянски, обрапился къ одному изъ споявшихъ возлѣ него придворныхъ, и сказаъ, что я ловкая женщина, и что мое предложеніе весьма основашельно, и гораздо достойнѣ бышь принято, нежели какое-либо изъ мнѣній Аншикваріевъ, кажущихся такими обожателями эспихъ вещей. Его Величество казалось не разсердился на меня за мою смѣлость, пошому что, не опвѣчая на мое замѣчаніе, онъ сказаъ мнѣ: «еспъ описаіе всѣхъ доспопримѣчательностей Помпеи, въ нѣсколькихъ шомахъ, съ карпинами, кошорое бышь

можешъ будешъ для васъ занимательно; если угодно, я прикажу, чшобъ вамъ его прислали.» Я благодарила за подарокъ, который цѣнила выше всѣхъ драгоценностей.

.....

Князь Кауницъ, первый Министръ Императора, прїѣзжалъ ко мнѣ и оставилъ карточку — учтивость, какъ я слышала, весьма рѣдкая съ его стороны. Эпопъ человекъ долго занималъ важнѣйшія государственныя должности, не подвергался въ продолженіи большей части своей жизни ни въ чемъ ни малѣйшему конспролю. Въ царствованіе Маріи Терезіи ему дана была полная воля, попому что Императрица очень хорошо знала, что въ ся владѣніяхъ нѣтъ человека, который бы могъ равняться съ нимъ въ дипломатическихъ познаніяхъ. Въ настоящее царствованіе его держали не въ меньшемъ почестѣ, и привыкли дѣлать рѣшительно все, что ему вздумается, онъ получилъ на все, можно сказать, привилегію.

Я отдала ему визитъ, и получила приглашеніе ѣхать къ нему обѣдать, но требовала, чшобъ для этого было назначено опредѣленное время, довольно ранній часъ, попому что того требуетъ мое здоровье. Не знаю, какъ ему понравились эти условія, но прїехавъ къ нему въ домъ, я нашла, что онъ меня дожидается.

За споломъ онъ говорилъ о Россіи и скоро разговоръ обратился къ Петру Великому. Ему, увѣрялъ онъ, Россія обязана своимъ полишическимъ бышіемъ. Я отвергала это мнѣіе, приписывая его предрассудкамъ и невѣжеству иностранныхъ писателей, которые, хваля Петра, старались хвалишь самихъ себя. Петръ вызвалъ въ Россію множество иностранцевъ, а попому славу его мнимаго шворенія они думали хотя опчаспи приписать орудіямъ руки его.

— «Еще до рожденія Петра, говорила я, Россія сдѣлала обширныя завоеванія. Казань, Астрахань, Сибирь, богашые, нѣкогда воинственные народы, извѣстные подъ именемъ Золотой Орды, давно уже покорились нашему оружію, и прежде нежели предки его были при-

званы на престоль Русскій, искусства нашли себя убожище и любители въ Россіи. Мы можем похвалиться, прибавила я, историками, которые оставили больше рукописей, нежели историки прочей Европы, взятые все вмѣстѣ.»

— Но, Княгиня, сказалъ онъ, вы кажется не подумали, что Пётръ Первый ввелъ Россію въ политическія связи съ другими государствами Европы, и что только съ его времени мы признаемъ ваше существованіе.

— »Великая Имперія, какъ наша,« отвѣчала я, съ ея средствами, не нуждается въ чужой помощи, и при благодушельномъ Правленіи, будетъ не только крѣпка собственною силою, но если захочетъ, можетъ завоевать цѣлыя Королевства. Кромѣ того, — извините мое замѣчаніе — если бышіе Русской Имперіи не было признаваемо до новѣйшаго времени, о которомъ мы теперь говоримъ, то это доказываетъ лишь невѣжество другихъ Европейскихъ націй, не замѣчавшихъ существованія такой огромной силы. Однако, чтобы доказать вамъ, что я говорю не безъ основанія, я готова признаться доспонства этого необыкновеннаго человека.

На слѣдующій день Кегловичъ сказывалъ мнѣ, что Князь сообщилъ Императору небольшую записку о разговорѣ, происходившемъ между нами. Признаюсь, я говорила не столько изъ любви къ родинѣ, сколько изъ любви къ истинѣ: но мое самолюбіе никакъ не могло ожидать, что этотъ разговоръ основанъ на себѣ вниманіе Министра, и доставитъ занятіе его Государю.

Такъ какъ сынъ мой долженъ былъ сопровождать Его Величество во время похода, то мы съ нимъ условились соединиться на извѣстной почкѣ сѣверной дороги. Я не безъ сожалѣнія оставила Берлинъ, и достигла назначеннаго мѣста, когда Король оставлялъ его. Его Величество, проезжая, дружески кивнулъ мнѣ головою, и замѣнилъ, какъ мнѣ потомъ сказывали, Князю Долгорукову, что одно мадеринское сердце могло такъ вѣр-

но разсчитывать время, и не поперяшь лишней минушы въ разлукѣ съ сыномъ.

Я нашла, что Князь Дашковъ сдѣлался восторженнымъ приверженцемъ Короля и его военной системы, которую онъ изучилъ со вниманіемъ.

Черезъ день мы отправились въ Кенигсбергъ, а потомъ въ Ригу и наконецъ благополучно возвратились въ Петербургъ.

Такъ кончилось путешествіе, предпринятое съ весьма незначительными средствами и претерпѣвшее отъ меня всей силы материнской любви. Я не могла не войти въ долгъ, но надѣялась заплашить его, подвергнувъ себя лишениямъ и умеренности, соответствующей тому образу уединенной жизни, которую вести я предполагала.

Я возвращалась домой вполне счастливая исполненіемъ моихъ желаній.

ДЛЯ БЮГРАФИИ Н. И. НОВИКОВА.

I.

Отношеніе Коммисіи Народныхъ Училищъ къ Графу З. Г. Чернышеву.

Милоспивой Государь нашъ Графъ Захаръ Григорьевичъ!

Въ кашалогъ книжной лавки Императорскаго Московскаго Университета, по которому продажа ея книгамъ производилась и здѣсь у Московскаго купца Федора Артамонова, нашла Коммисія о Народныхъ Училищахъ къ немалому удивленію своему двѣ книги изъ издаваемыхъ ею по Высочайшему повелѣнію для употребленія Народныхъ Училищъ, а именно: Сокращенный Кашпизистъ на страницѣ прилагаемаго здѣсь кашалоба 22 й, и Руководство къ Числописанію на страницѣ 43 й; не

взирая на шо, что опъ Коммиссіи публичныя оныиъ продажи никогда не было. По освѣдомленіи опкуда оныя у купца Аршамонова взялися, получила Коммиссіа въ отвѣтъ, что доставлены къ нему въ лавку опъ содержапели шипографіи Императорскаго Московскаго Университета Николая Новикова, кошорымъ оныя печатаны въ Москвѣ, какъ-шо при послѣдней книгѣ въ кашалогѣ и именно означено. Коммиссіа о Народныхъ Училищахъ обязавшися конспракшомъ, заключеннымъ по Именному Высочайшему Ея Императорскаго Величества Указу на шесшь лѣтъ съ содержашелемъ шипографіи Бернардомъ Брейткопфомъ, чшобъ въ шеченіи сего времени Учебныхъ издаваемыхъ ею книгъ нигдѣ, кромѣ его шипографіи непечаташь, не можешъ оставишь такового недозволеннаго перепечатыванія безъ изслѣдованія, потому что оныиъ не токмо нарушаешся данное ему Брейткопфу по Высочайшему повелѣнію право, но и наносишся вредъ экономическимъ доходамъ Коммиссіи къ ущербу казны Ея Императорскаго Величества. А какъ таконое перепечатываніе книгъ безъ вѣдома хозяевъ или первыхъ издашелей оныхъ и Указами Правительствующаго Сѣнаша въ даваныхъ опъ него на заведеніе шипографіи привилегіяхъ вездѣ на крѣпко запрещено, дабы чрезъ шо не токмо мѣспамъ казеннымъ, но и частнымъ людямъ однимъ опъ другихъ подрыву не было: шо Коммиссіа о Народныхъ Училищахъ чрезъ сіе Ваше Сіятельство и просишъ соблаговолишь приказашъ съ надлежащею строгостію изслѣдовать, кѣмъ и сколько оныхъ книгъ въ Москвѣ печатано и съ чьего дозволенія. Поелику же давъ онаго теперъ ниже сама Коммиссіа права не имѣешъ; шо имѣющіяся на лицо и еще непроданныя вѣлѣшь, описавъ на Коммиссію, продашь, поколику ей одной продажа оныхъ принадлежишъ; а за проданныя взыскашь съ того деньги, опъ кого оныя печатаны, по шой цѣнѣ, по кошорой проданы, и доставишь всѣ оныя деньги въ Коммиссію; дабы оная и впредь опъ подобныхъ сему случаетъ не имѣла подрыву и урона, шѣмъ болѣе, что из-

держивая здѣсь на печатаніе сихъ книгъ нарочитую сумму, раздаетъ оныхъ большую половину по Училищамъ Народнымъ безденежно.

Мы ожидая на сіе отъ Вашего Сіятельства въ Комиссію увѣдомленія, имѣемъ честь пребыть съ совершеннымъ нашимъ почтеніемъ. Пешръ Заводовскій, Францъ Эливусъ, Пешръ Пасуховъ.

II.

Объясненіе Новикова.

Вслѣдствіе сего отношенія Новиковъ отвѣчалъ, (1784. Окш. 11), 1-е что какъ сіи двѣ книжки, такъ и еще другія двѣ, 1-е Руководство къ Арифметикѣ и 2-е Правила для учащихся, напечатаны по приказанію покойнаго Г-на Генераль - Фельдмаршала и Кавалера, Главнокомандующаго въ Москвѣ Его Сіятельства Графа Захара Григорьевича Чернышева, такъ равномерно и еще приказано было напечатать 1-е Букварь и 2-е Руководство учителямъ, которые по сіе время еще не напечатаны.

2-е. Все сіи книжки приказано было отъ Его же Сіятельства употребить въ продажу для пользы Народныхъ Училищъ и всей публики по апробованнымъ Его Сіятельствомъ цѣнамъ.

3-е. Что о семъ приказаніи Его Сіятельства имѣешь отъ письма отъ Правителя Канцеляріи Его Сіятельства, такъ и оба Гг. Генераль - Адъютанты извѣщши, которые неоднократно къ нему касательно до печатанія сихъ книгъ присланы были.

4-е. Что печатано было сихъ книжекъ каждой по тысячѣ по двѣсти экземпляровъ; въ наличности, за выпусченіемъ оныхъ въ публику шеперь осталось 1-е Руководства къ числосчисанію семь сотъ девяносто экземпляровъ, 2-е Сокращеннаго Капихизиса восемь сотъ десяти экземпляровъ, 3-е Руководство къ Арифметикѣ тысяча восемь экземпляровъ, 4-е Правиль учащихся тысяча сто девяносто экземпляровъ.

Въ пополненіе отъ Новиковъ объявляетъ, что письма писаны были къ нему отъ Правителя Канцеляріи Его

Сіяпельства Надворнаго Совѣтника Семна Ивановича Гамалея, которыя при семъ и предъявилъ также, что по скорости времени показано было въ первомъ опшеть его ошибкою Сокращеннаго Кашихизиса въ наличности восемь сошь десять книжекъ; но по собраніи ихъ двѣшвителью оказалось только семь сошь десять книжекъ.

III.

Подписка Гг. Тургенева и Ршицева.

1784 Года Октября 13 го дня Шпаба Его Сіяпельства покойнаго Г. Генераль-Фельдмаршала Главнoкомандующаго въ Москвѣ и во всей Московской Губерній, Сенатора и разныхъ Орденовъ Кавалера Графа Захара Григорьевича Чернышева, бывшій Генеральсь-Адъютантъ Полковникъ Иванъ Тургеневъ далъ сіе извѣстіе присланному изъ Московской Управы Благочинія за Экзекутора Г. Порупчику Ушакову въ томъ, что я Тургеневъ отъ Его Сіяпельства покойнаго Г. Фельдмаршала, содержащелю шипографіи Николаю Ивановичу Новикову дѣйствителью посыланъ былъ, и неоднократво съ повелѣніемъ какъ возможно скорѣе напечатать книги и по напечатаніи какъ возможно дешевле продавать, дабы скорѣйшимъ напечатаніемъ и пущеніемъ въ продажу шѣмъ скорѣе можно было исполнить Высочайшую волю, состоящую въ томъ, чтообъ юношество по симъ книгамъ училось, что было и исполнено: книги напечатаны и пущены въ продажу дешевле одною копѣйкою экземпляръ, нежели обыкновенно, за что мнѣ же отъ Его Сіяпельства поручено было засвидѣтельствовашъ Г. Новикову благодарносшь; книги же сіи, кои было повелѣно напечатать и пущить въ продажу суть сѣдующія: 1-е Руководство къ числописанію, 2-е Сокращеннаго Катихизиса, такъ и еще Руководство къ Арифметикѣ и Правила для учащихся, что засвидѣтельстввуя собственноручно подписуюсь.

Полковникъ Иванъ Тургеневъ.

Точно такая же подписка дана была и Полковникомъ Николаемъ Ршицевымъ.

**ЕЩЕ НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ МИХАИЛА,
МИТРОПОЛИТА НОВОГОРОДСКАГО И С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО.**

Слава о назидательныхъ и необыкновенныхъ беседахъ его распространилась повсюду. Благочеспивые ревнишели духовнаго просвѣщенія прїѣзжали даже изъ другихъ Губернїй, единственнаго для того, чтобы слышать бесѣды Михайловы. — Были случаи, и не рѣдко, что многіе, заслушавъ изъясненіе какого-нибудь важнаго предмета изъ Вѣрхаго или Новаго Заветна, оспавляли всѣ свои дѣла, требовавшія иногда и оплучки изъ Москвы, для того, чтобы дослушать окончаніе начатаго изъясненія.

Одинъ извѣстный того времени вольнодумецъ въ Москвѣ, любопытствовалъ слушать нѣсколько бесѣдъ Михайловыхъ, въ Великій постъ. Онъ былъ до того убѣжденъ ими, что открылъ Паспырю всѣ заблужденія свои, и просилъ просвѣтитъ его высокимъ ученіемъ Евангельскимъ, — это было исполнено: Д.... скоро сдѣлался ревностнымъ Христїаниномъ, и во всю жизнь свою преданъ былъ Наславнику своему душевно: порпирешъ Михаила всегда былъ предъ глазами его. — Онъ былъ силько болецъ, и всѣ пособія врачей не имѣли успѣха; смерть его казалась неизбѣжною; но принявъ Св. Тайны въ причащенїи, онъ скоро выздоровѣлъ, и извѣстилъ о цомъ Михаила, бывшаго уже Архіепископомъ Черныговскимъ. Вошъ опвѣщъ Паспыря на это письмо: онъ такъ важенъ, что слѣдовало бы сдѣлать его извѣстнымъ для всѣхъ Христїанъ. — »Я получилъ письмо ваше, любезнѣйшїй А. Е.... чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ; но прочитавъ его, спалъ и бодръ я веселъ; — да какъ и не радовался: вы приняли Св. Тайны и болѣзнь ваша прекратилась: — ахъ мой почтенный другъ! если бы Христїане знали великую важность Причащенія Тѣлу и Крови Христовой, то мнѣ было бы у насъ болѣзней и горесшей. Въ болѣзни оно ешь врачевство и души и шѣла, въ горесняхъ

»ушѣшеніе. Да и какъ не быть сему, — если мы вѣру-
 »емъ и должны вѣришь, что почво подъ видомъ хлѣ-
 »ба и вина, Самъ Спаситель міра соединяется съ нами,
 »присутствуетъ таинственно въ насъ; а когда Онъ
 »присутствуетъ, то духъ нашъ оживляется и какъ
 »бы погружается во Христа; а если и самое шѣло на-
 »ше духомъ же оживляется, то и оно должно почув-
 »ствовать перемѣну, поже оживленіе, и оздоровѣшь,
 »какъ бы слыша гласъ Спасителя: *возстани и ходи.* —
 »Но все это должно послѣдовать, когда боляцій всею
 »силою духа и ума, всѣмъ напряженіемъ мыслей своихъ
 »увѣруетъ, что Христосъ Спаситель приходитъ въ
 »міръ грѣшныхъ спасти, и что Онъ, по неизяснимой
 »любви Своей къ человѣкамъ, оставилъ намъ средства
 »соединяться съ Нимъ невидимо, духовно; а гдѣ Онъ,
 »тамъ радость, миръ, блаженство, жизнь души и шѣ-
 »ла. Христіанскіе пастыри обязаны вразумлять о семъ
 »великомъ Таинствѣ cadaго, говорящагося къ Прича-
 »щенію, и не по однимъ Требникамъ, по благоговѣно,
 »назидательно, и чтобы проникнушы были душевнымъ
 »желаніемъ, духовнымъ воспоргомъ, возбудить вѣру въ
 »причащающемся. Эпопъ духовный воспоргъ Пастыря
 »и пламенная безмолвная его молитва, производить въ
 »сѣмъ случаѣ великое дѣйствіе. Онъ, непоспжимымъ
 »намъ образомъ, возбуждаетъ духъ Причастника, и со-
 »дѣйствуетъ къ возбужденію живой вѣры въ немъ. —
 »О! если бы всѣ мы посвящали себя на изученіе, что
 »такое Вѣра, Таинства и все Христіанство, по ученію
 »Евангелія и Великихъ Свяшителей, Отцевъ Церкви,
 »по какой бы переворопъ увидѣли въ семействахъ, об-
 »ществахъ, въ Государствахъ; тогда было бы небо или
 »блаженство на землѣ. — Вы еще говорите, что на-
 »слаждаетесь чтеніемъ книги Фомы Кемпійскаго о по-
 »дражаніи Христу. Читайше эту драгоценную книгу
 »ежедневно, ежечасно; тамъ есть пакія мысли, особен-
 »но же объ Исповѣди и Св. Причащеніи, копорыя ве-
 »ликсе множество Христіанъ просвѣтили и возродили
 »жизнь по Заповѣдямъ Господа Иисуса Христа. — Объ

»этой книгѣ, переведенной съ Лашинскаго на всѣ Евро-
пейскіе языки, даже и на Турецкій, писано много и
знаменитыми по учености людьми въ Италіи, Франціи,
Германіи, Англии и у насъ въ Россіи. — Прощайше!
Господь да сохранитъ васъ на пути спасенія! — При-
зываю на васъ Его благословеніе.»

Другое письмо Михаила и къ тому же Д.... не мнѣ
перваго важно и поучительно, — вошь его содер-
жаніе: »Недавно посѣтилъ меня вашъ родственикъ П.
И. Р.... проѣзжая чрезъ Черниговъ въ Каменецъ-Подоль-
скій. Онъ пробылъ у меня два дня, и опъ него узналъ
я о нѣкоторыхъ давнишнихъ знакомцахъ моихъ въ Мо-
всквѣ. Много было говорено и объ васъ, но не все слы-
шанное радовало меня: вы впали въ задумчивость, сдѣ-
лались нелюдимымъ, убѣгаеише даже родныхъ и кака-
яшо спранныость въ поступкахъ вашихъ. Такъ опкро-
венно и съ прискорбіемъ говорилъ П. И.... О, мой
другъ почтенный! Вы въ опасномъ положеніи, бе-
зрегилеише: вы въ искушеніи, въ васъ легко можеише
вкрасилеише самоугодношь и даже ненавилеише къ самому
себѣ: вы будеише искаише возрожденія духовнаго въ
способахъ, самими вами изобрѣденныхъ, а не въ шѣхъ,
вкоторыя указаны намъ самимъ Спасителемъ, Его Апо-
столоми и людьми свѣше просвѣщенными. — Моли-
ишеише Господу опъ всей души, и просише Его, да не
увидеише во искушеніе; бодрствуйише, мужайише! Пом-
ниише слова великаго Апостола Павла: онъ говориише,
ячшо радощь о Христѣ, еише даръ Св. Духа; будише
иже веселы, любезны, дружелюбны, не унывайише, зани-
майишеише дѣлами Христіанства истиннаго, а не мечпа-
ишелянаго; — Господь Богъ да поможеише вамъ: моли-
ишеише! молиише опъ всей души, опъ всего сердца: —
ишь духъ человѣческомъ шанише искра небесная его про-
вишожденія. Благодати Божія, молишвою, Таинствами
ии Вѣрою приобрятаемая, когда косветеише этой искры,
ишо воспламениише ея; тогда она проникаеише все су-
ишество духа нашего и человекъ начинаеише все видѣише
ишь другой шочки зрѣнія; прежде сокрыише опъ него,

«дѣлается понятнымъ : онъ проникаетъ и узнаетъ начало и цѣль всего существующаго. Въ этомъ состояніи человекъ Христіанинъ шворитъ дѣла, непоспозимыя для естественной и обыкновенной Философіи; но бѣда, когда самолюбіе человеческое будетъ почитать свои мечшы за благодать, свыше ниспосылаемую; пусть-шо умоливша больше всего врачуетъ этотъ духовный недугъ. — Молишесь-же!»

Кто изъ просвѣщенныхъ и любознательныхъ читателей не увидитъ въ этихъ письмахъ Архипасхыря, глубоко проникшаго духъ живаго, дѣятельнаго Христіанства ; каждое слово его есть оппечашокъ истины, только Евангеліемъ познаваемыхъ. Если бы первый мыслитель нашего времени, знаменитый Философъ Шеллингъ, начавшій въ Берлинѣ лекціи свои съ такою славою, и готовый уже преподавать Философію Откровенія, коснулся подобныхъ мыслей, и объяснилъ ихъ подобно Михаилу — какой бы великій переворотъ произвелъ онъ въ Нѣмецкихъ ученыхъ, запущавшихся въ своихъ идеяхъ. Но для такого великаго подвига надобно, чтобы Шеллингъ былъ самъ проникнутъ свѣпомъ Откровенія.

Н. Горчаковъ.

ЕЩЕ РАСТОПЧИНСКАЯ АФФИШКА.

Свѣплѣйшій Князь, чтобы скорѣй соединиться съ войсками, копорыя идушь къ нему, перешелъ Можайскъ и спалъ на крѣкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него поидетъ. Къ нему идушь отсюда 48 пушекъ, съ снарядами, а Свѣплѣйшій говоритъ, что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ, и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, брашцы! не смоприше на то, что Присудшвенныя Мѣста закрыли; дѣла прибрашъ надобно, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся! Когда до чего доидетъ, мѣ надобно молодець и городскихъ и деревенскихъ; я кличь кликну дни за

два, а теперь не надо; я и молчу! Хорошо съ попоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вины шройчашки; Французъ не тяжеле снопа ржаного. Завтра посылъ объѣда я поднимаю Иверскую въ Екаперипинской Гошпишаль къ раненымъ. Тамъ воду освяшимъ, они скоро выздоровѣюшъ, и я теперь здоровъ, у меня болятъ глаза, а теперь смошрю въ оба!

Подписалъ Графъ Распопчинъ.

30 Августа 1812 года.

Редакторъ получалъ ее при слѣдующемъ письмѣ.

М. Г.

Восхищаясь аффишками нашего Сіятельнаго Боарина Графа Распопчина, я душевно поблагодарилъ васъ за сообщеніе новому Русскому поколѣнію сихъ драгоценныхъ памятниковъ нашей Исторіи. Желая дополнить сію драгоценность, я препровождаю къ вамъ еще аффишку (30 Авг.) того же великаго Орашора въ приснопамятный 1812 годъ: будущій историкъ Русскаго народа украситъ ими свой трудъ, какъ некогда Тишь Ливій украсилъ свои льпописи рѣчами знаменитыхъ сановниковъ Рима. Аффишки Графа Распопчина кратко, но совершенно-точно живописуюшъ состояніе Русскаго духа въ минуту грозную. Живой духъ вѣры, пламенная любовь къ Отечеству, шоска и мужество, глубокое спраданіе и юношескіе порывы противусташъ общей бѣдѣ — эпо по-исшинъ шоржешвеннѣйшее и благороднѣйшее явленіе духа во всемірной Исторіи! Не дай Богъ дожипъ до подобнаго событія, но нельзя не восхищаться величіемъ и красошою Русскаго народа, когда онъ, совлекшись мѣлкихъ спрасшей, суешныхъ мыслей и желаній, шоржешвенно исходипъ на брань съ побѣдоноснымъ духомъ Запада. Прекрасно, величешвенно, умилптельно?

М. Г. Помѣшивъ дружескую бесѣду Графа Распопчина съ народомъ, ему совершенно повяшнымъ, вы обязаны объяснишь и полишическую мысль искуснаго Гра-

доправишеля, ибо она въ настоящее время не для всѣхъ ясна. Мы видимъ, что ему приказана Москва — величайшій постъ Имперіи въ шогдашнее время, а впрочемъ и во всякое время; ему надлежало беречь народный духъ ошъ оболъщений завоевателя, беречь ошъ внушреннихъ враговъ, ошъ *пьяницъ и дураковъ*, какъ искусно выразился самъ Орашоръ-Градоначальникъ, беречь ошъ унывія, ошъ упадка нравственнхъ силъ. Вошъ почему Распошчннъ въ минушу глубокой скорби народа шакъ дерзновенно, чшобъ не сказашъ забавно, вызываешъ *тройчатки* Московскія: или лучше, подмосковныя *силы* на смершннй бой съ бомбами, гранапами и палашами Наполеоновыхъ войскъ. Люди, знавшіе дѣло въ половину, брашили Распошчина за эши папріошнческіе фарсы; но избранные догадывались напередъ, для чего эшо дѣлаешся, и послѣ удостоверились совершенно, что для Русскаго народа и невозможное спановишся возможнымъ: если *такъ приказано*. Тройчашыя подмосковныя *вилы* пошли въ ходъ, и Наполеонъ не досчншался 30 ш. войска. Нечего сказашъ, подмосковные ребята и фабричныя молодцы хваташъ-народъ: лишь бы начали козаки, они сей часъ подхващашъ. Слѣд. нельзя думашъ, чшобъ Распошчннъ во зло упошреблялъ довѣренность Москвичей къ Москов. Градоправишельству. Пришомъ въ каждой афшшкѣ онъ каждому подъ рукой сказывалъ: *глядн съ оба*; и засшавы ошкрышы. Онъ понималъ; чшо Русскій человекъ шолковишъ, слѣд. и *толковать больше нечего*; и кого увлекло природное мужеспво на *Три Горы* съ провизіею и винною порціею *на три дни*, шощъ *молодецъ* въ нашихъ глазахъ; а Распошчину за эшо чеспъ и слава, а ошъ всѣхъ не молодцовъ шого времени преннзкій поклонъ, именно въ эши-шо послѣдніе дни Москвы, надлежало присшавишъ къ ея конечностямъ прекръшкую горчнцу, чшобъ освободишъ благороднѣшннн чашшн ошъ ошшротъ, пришедшихъ въ сильнѣшнее броженіе. Прешагородный полицейскій манѣвръ!

Эшого мало, Распошчину выпалъ шасшлнвнѣшнн жребій бышъ посредникомъ между народомъ, напругающимъ

всѣ свои гражданскія силы, и воинами, подвизающимися въ кровавомъ пошѣ прошивъ врага многочисленнѣйшаго и храбраго. Онъ увлекалъ Москву въ военныя Гошпишпалы, перевязывашъ и врачевашъ военныя раны — возмывашъ на нихъ елей исцѣленія или уполенія скорби. Москва сдѣлалась въ эту годину женою милосердія, сердобольною машерью для раненыхъ. Распопчинъ обязанъ былъ показашъ воинамъ, что Москва соспраждешъ имъ въ скорбяхъ, пріяшыхъ для ея спасенія. Прекрасная обязанность!

М. Г. Если вы уже начали говорить о Москвѣ 1812 года, то и докончите. Соберите всѣ извѣстія, преданія, рассказы о гореспномъ пльненіи Москвы, соберите всё, чего нѣшъ въ реляціяхъ и испоріяхъ, и напечатайте въ вашемъ Журналь (*).

В. пок. слуга Москвитянинъ.

Генв. 17. 1842 года.

(*) Очень буду радъ, если найду между старожилами Московскими больше корреспондентовъ, сколько ревностныхъ.

НАУКИ.

ФИЛОЛОГИЯ.

ПОЛТОРА СЛОВА О НЫНѢШНЕМЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Всему на свѣтѣ своя порѣ, своя череда, пошому чшо безъ череды, безъ ряду и уряду, не было бы ни шѣлку, ни порядку и не споялъ бы свѣтъ. Самъ чело-вѣкъ расшеть, крѣпнеть, либо хилвешь шѣломъ и душой со дня на день, съ часу на часъ, а на одномъ мѣсѣ, въ одной порѣ, не спойшь. Ешь, правда, шакая порѣ, чшо чело-вѣкъ, сложившись, окрѣпнувъ и побривши лѣшь пѣшь-шесѣ бороду, пошелъ, какъ, говорнися, лѣшь на десятокъ въ одной шкурѣ ходишь—но и эшо, по общимъ законамъ природы, шолько видимая, ш. е. обманчивая споянка; какъ и солнце около полудни почши ошпанавливается, и всякая вещь и дѣло, достигнувъ крайней вышоты своей, держнся покачиваясь на одномъ мѣсѣ, а пошомъ спускается внизъ; пошому чшо ему вѣкъ спояшь нельзя и поднѣшься выше шакже нельзя. У мальчишки на умѣ одно, у парня — колъ и самое слово эшо показывается, пронсходя или опъ *лары* или опъ поры, — другое, у зрѣлаго мужа прешіе, а какъ сокъ жизни, копорый ударилъ было опъ избыпку во всѣ концы, поворошншь опѣшь къ сердцу, да волось поблекнеть какъ осенній лншъ, шогда думается опѣшь иное. Мало шого: каждый годъ въ каждомъ возрастѣ прнноснть свое, а каждый день въ году, каждый часъ дня свою малую долю, кошорая незамѣшно клоннтся къ шому, чему прншла порѣ и чередѣ. Все дѣлается исподволь.

И цѣлое общество, браштво людское, міръ, живешъ шакже полюдски: роснешъ, зрѣнешъ, спѣнешъ, крѣпнешъ, спарѣнешя, вянешъ — да шолько не навсегда; оно не умираешъ; оно живешъ, какъ весь Божій міръ, въ которомъ ешъ весна, лѣшо, осень, зима — а шамъ опяшь весна. Чшо будешъ, когда зима уплывешъ, а весна не придетъ — эшого мы поука не знаемъ. Но весна на весну, а осень на осень — походишъ, да не приходишя; близкое, подобное, сходное ешъ на свѣшъ, а равнымъ равнаго нѣшъ. И свѣшское бышописаніе показываешъ намъ то же: ешъ какой-шо чередной кругооборотъ во всемъ, но ешъ всегда и разница. Давно сказано, чшо все подобное расходишя, а всь крайности сходяшя; всякое сходшво основано на различіи, а всякое различіе на сходшвѣ.

Все это, какъ оно ошносишя до бышїа и жизни вообще, приваровишъ и примѣнишъ можно шакже и ко всякой частной вѣшви бышїа и жизни, ко всякому знанію, наукѣ, искусству, художеству перознъ; вездѣ и всюду проявляешя и господствуешъ духъ времени, години. Ошъ ли ошъ людей, люди ли ошъ него зараждались — рѣшай кшо хочешъ и сможешъ, но дѣло всегда было шакъ. Возьмише любое знаніе, науку, искусство, художество, не исключая даже и ошвлеченной науки о числахъ, слѣдише ходъ ея, и вы повсюду признаше клеймо современности. Люди ссоряшя, споряшъ, одинъ шянешъ въ одну сторону, другой въ другую, шрешїй въ шрешїю; казалось бы общаго нѣшъ между ними ничего — а пройдешъ нѣсколько десяпковъ лѣшъ, и вы, оглянувшишя, увидише, чшо человекъ не ушелъ ошъ вѣку, чшо люди, умшвованїа, изысканїа, произведенїа ихъ носяшъ на себѣ слѣдъ или клеймо духа извѣшнаго участка времени. Выскочки рѣдки: иной, правда, развѣ ошшанешъ на полвѣка — а уйши далече впередъ удавалось очень не многимъ. Такіе люди спояшъ одиноко и показываюшъ, предвѣщаюшъ намъ собою направление грядущаго поколѣнїа. Эшо ясновидящїе, въ которыхъ,

какъ вы знаете, не всѣ вѣрятъ, кошорыхъ не многіе понимаютъ. Ихъ поймушъ, когда наспанешъ шому пора.

Обращаясь за шѣмъ къ Словесности, къ Словесности Русской, и Русской намъ современной Словесности, замѣчаемъ, что наша шеръ полоса, гдѣ всѣ писатели, шакъ ли, иначе ли, шпремияшя посильно къ *народности*. Для насъ это еще полоса новая, свѣжая, въ нашей словесности этого не бывало, да и бышь не могло; пошому что мы считаемъ словесность свою шолько съ шого времени, когда она снова зародилась и поднялась на ноги опть съмени и зачатка иноземнаго: Русское сѣмя еще не возшло. Общее шемное влеченіе это, направление наспавшей години, выказываешся шо шакъ, шо иначе — иногда можешъ бышь и невпопадъ, не кшашаи, иногда неудачно, сбиваешся шуда — сюда — но что пужды? оно видимо и невольно обладаешъ пишущою брашюю, даже пишущими сонмищемъ; и что нибудь изъ этого выйдешъ. Можешъ бышь мы нынѣ надовдимъ народностию своею, какля-нибудь другая школа смѣнитъ насъ, кинувшись въ другую крайность — но какъ всѣ крайности сходяшся, шо и эша, вѣрше, навернешъ въ свое время опашъ на шожѣ, очередь насъ не минуешъ, придетъ опашъ весна и лѣшо и осень, придетъ опашъ и полоса Словесности Русской, кошора сосшавишъ продолженіе нынѣшней и — найдуща люди, кошорые родияшя и образуются подъ вліяніемъ и при спопушности другихъ и болѣе счастливыхъ обстоятельствъ, нежели мы, и попышки ихъ будутъ удачнѣе. Они подчиняшъ себѣ силою могучей воли, правдивостию швердаго пуши своего и богатствомъ родныхъ мыслей — умы современниковъ, увлекушъ за собою убедительнымъ для сѣрдца и ума краснорѣчіемъ, и довольныхъ и недовольныхъ, приверженцевъ и прошивниковъ, заспушниковъ и наспушателей, кровешелей и недобржелашелей — оспанутся же одни шолько зависшники, почшешное сословіе, кошорое всегда и вездѣ ершишся прошивъ даровишости. Увлечешъ, говорю, неминуемо,

пошому, что правда, истина, неспощима, чеушомима, и въ общей силѣ, въ борьбѣ народной и междуусобной, выходишь наконецъ побѣдительницею.

Народность эшу понимаешь можно въ двоякомъ смыслѣ: народность или ближе родимость языка собственно — не однихъ словъ, а духа — и родимость существа, содержанія, мысли, предмета, свойскость языка и свойскость ума и сердца.

Въ былое время переводчики романовъ и повестей перекладывающъ было по шолько словъ на Русскій языкъ, которые сами хорошо понимаютъ; а ошальную, иногда большую половину, переписываютъ почти опъ буквы до буквы Русской грамошой. Пошомъ уже считали обязанностью перекладывать иносшранные романы на Русскіе нравы, что ешь, замѣняли Французскія имена и прозванія Русскими; и сдѣлавъ эшо, были увѣрены, что сдѣлали дѣло. Вы думаете время что ушло опъ насъ далеко? О, нѣтъ, вы найдете образчики шого и другаго даже и нынѣ. Эшо запоздалые, ошталые, которые переводящъ заднимъ числомъ, давноминувшими годами, или эшо Русскіе Нѣмцы, Русскіе по прозванію, не Русскіе по образованію и языку, которые въдругъ вздумаетеся на скорую руку угодишь вкусу народности.

Явились и Словяношпы — но пруды ихъ, какъ неумѣстная напьяжка, ошпались гласомъ вопіющаго въ пущынѣ. Рядомъ съ ними шли шакіе, которые писали по Русски, а думали по Нѣмецки, по Французски; эшо выходило иногда очень мягко, нѣжно, плавно — по, правду сказашъ; вяло, безцвѣшно, плосковапо. Начали пробивашься пушъ и шамъ Русскія искорки; спали на нихъ въ пощемкахъ оглядывашься — иныхъ задѣвало эшо за живое, да какъ будшо во снѣ; не могли кажешь спохвашишься и донскашься въ чемъ сила. Спали доучашъ намъ день за день спрогнѣ наказомъ писашъ по Русски, писали сами Богъ въспъ по каковски, ругали наповалъ Французовъ, и ихъ же обирали до нишки —

чишатели сложили очки, положили ихъ на столъ и подумали: нѣтъ, это не то; что-то дальше будетъ: а если кричашъ: пишете по Русски, пишете по Русски, пишете какъ говорашъ въ гостинныхъ, а самому бранишься, какъ иногда можешъ бышь случаясь полько въ переднихъ — такъ отъ этого еще до Русскаго языка какъ до Царя-града.

Время это, какъ видите, уже близко къ намъ. Тутъ же нашлись люди не эшимъ чеша, люди, которымъ можно сказать спасибо да исполашъ — но и они, не во гнѣвъ будь сказано, полько что раззадорили насъ, подстроили подъ ладъ и вкусъ роднаго, и мы ждемъ можешъ спашься отъ нихъ же, не будетъ ли чего настоящаго. Горе отъ ума выскочка; оно ушло впередъ отъ современниковъ, и показываетъ, чего можно ожидать отъ потомства. Пусть называютъ его чѣмъ хотяшъ; въ изящныхъ произведеніяхъ нѣтъ ни 14го, ни 8го, ни 5го класса, а всѣ равны, всѣ братья, драма не спарше сапиры или сапира басни, и превосходное въ родъ своемъ спановишся всегда и вездѣ не въ хвостъ, а въ голову. Нельзя согласишся съ шѣми, которые прикидываюшъ Горе отъ ума на одинъ аршинъ съ другими соименными произведеніями — Горе отъ ума спойшъ само по себѣ, одно, на своемъ мѣстѣ первымъ, и указчикъ ему нѣтъ. Тоже самое должно сказать о басняхъ Крылова; пахнелъ Русскимъ духомъ иногда у Пушкина, Языкова, а пакже въ Свѣтославичѣ, Кошеѣ, мѣспами въ Кляшвѣ при гробѣ Господнемъ; нельзя упустить шущъ и Рудаго Панька, хотш и самое прозваніе его показываешъ, что онъ полько братъ Русскому, но не Русскій. Кромѣ этого найдете вы много попытокъ въ родномъ и народномъ, и въ почти современные писатели, всякій по своему, иные даже безсознательно, русьюшъ, или спараюшся, увлечены будучи общимъ направленіемъ, обрусъшъ. Въ перечнѣ этомъ мы никого не хотѣли обнесши, а упомянули полько, для примѣра, о шѣхъ, кто первый на память попалъ.

Но вся Россія ушла впередъ ошъ своего вѣку, выступила исполнимскимъ шагомъ, усвоила себѣ сразу то, надъ чѣмъ другіе народы бились съ вѣку на вѣкъ; — она однакоже не надорвется, потому что Государство оживаетъ снова въ каждомъ поколѣніи. Между шѣмъ, ей нуженъ былъ роздыхъ: Государство, цѣлое и огромнѣйшее Государство, преобразовалось вдругъ, силою и волей великаго, мощнаго повелителя, которъ шагнулъ самъ впередъ за цѣлый вѣкъ ошъ вѣка своего, вынесъ за собою, на могучихъ раменахъ своихъ, цѣлое царство свое. Государство преобразовалось не изъ себя, не ошъ себя, а захватило на гошова вдругъ и въ одинъ день все, что было припасено, пріобрѣщено пляжкимъ опытомъ, очищено въ горнилахъ искусства другими народами — надо все это усвоить, пріурочить, взраспитъ... а прививная вѣшка лучшей садовой яблони на лѣсной рѣзани дастъ вамъ плоды не въ первый годъ. Нынешнія занятія наши, дѣла и поспушки, обычаи, нравы, образъ мыслей, взаимное обращеніе и отношеніе, все то не переработалось броженіемъ изъ началъ Русскаго духа, а пришло къ намъ просто цѣликомъ изъ-за моря; мы эшимъ можемъ-спасься 300 лѣтъ жизни выиграли, но дѣло на помъ еще не окончено. Нельзя никакой силою уничтожить и спеспи съ лица земли все то, что цѣлыя тысячелѣтія было роднымъ и народнымъ: когда два начала эти, родимое и прививное, другъ съ другомъ обойдутся, взаимно усвоятся, видимое противорѣчіе изгладится, когда изъ нихъ выйдетъ одно, тогда у насъ будетъ все свое и все согласно, созвучно, И вопъ почему и въ Словесности нашей еще и бытъ не можемъ народности, родимости, свойскости, ни въ рѣчи, ни въ сущности ея. На разныхъ обществвахъ и сословіяхъ нашихъ нѣтъ еще своего лица; въ богатомъ и обильномъ языкѣ нашемъ выраженія не обусловлены, обороты не приспособлены къ новой думѣ и мыслямъ — свой языкъ по нимъ не выработанъ, чужой и частію принятой не приходиться, Русская рѣчь въ нихъ какъ не въ своихъ сапогахъ. Русской въ новомъ быту своемъ еще не успо-

ялся. Схватайте мнѣ однимъ словечкомъ сколько нибудь удачно нравъ разныхъ Европейскихъ народовъ; вы сей часъ гошвы опивъчашъ: Нѣмецъ разсудипелень, Англичанинъ чудакъ, Французъ легахонекъ, Испаліенецъ мспшипелень и прочее, — а скажите мнѣ, что шакое Русской? И если вы кой-какъ, съ напшжкой, придумаше, что шакое Русской въ синемъ кафшанѣ, въ алой рубахѣ, съ бородой, и скажете: онъ хлѣбосоль — или онъ смышленъ, перемчивъ, что-ли, то попрошу васъ сказашъ, что шакое Русской нынѣшняго покрою, съ бришой бородой, во фракъ или въ виць-мундиръ? На каждомъ человекѣ, безъ сомнѣнїя, свое лице ешь, но на цѣломъ поколѣнїи, на общесшвѣ, его еще нѣшъ; а между шѣмъ оно должно бышъ и со-временемъ будешъ. Самый бышъ нашъ еще смѣсь быша вселенной, а языкъ почти шже, и по словамъ и по оборопамъ — и нынѣ еще нѣшъ никакой возможности писашъ шакимъ Русскимъ языкомъ, какъ бы казалось писашъ должно. Нынѣ еще легко промолвишъся и оспушишъся, попашъ вмѣсто роднаго въ просшонародное, пошому что средины, кошорой мы ищемъ, еще нѣшъ; а ешь одни шолько крайности: языкъ высшаго сословія, полурусскій — языкъ низшаго сословія, просшонародный. У насъ нѣшъ и средняго сословія, оно шолько что учреждаешъ, основываешъ и со-временемъ опъ эшого благодашнаго правипельшшвеннаго учрежденїя можно и должно ожидашъ много, и много для самосшоятельности Русской во всѣхъ направленїяхъ.

Покуда вся сила, все богашшво и роскошь роднаго языка нашего не развернешъ, покуда не разольешъ онъ свободно, самосшоятельно, безъ пушъ, безъ прыгона по образцамъ шнороднымъ, не можешъ бышъ у насъ напшсано ничего шакого, какъ произвели древнїе, а пошомъ и другїе народы, каждый въ свое время, въ свою пору. Люди какъ Шекспиръ, Шиллеръ, Сервантешъ, Гете, родяшъ вѣками — каждый народъ счишаешъ ихъ у себя по одному, по два; они родяшъ, спѣюшъ, образушъ-

ся, подъ особенно благопріятымъ спеченіемъ обстоятельствъ, при сполучности всѣхъ спихій ихъ бытія, къ коимъ принадлежишь и полное, самостоятельное развитіе языка: тамъ, гдѣ этого нѣтъ, гдѣ нѣтъ спихій бытія ихъ, нѣтъ и бытъ не можетъ еще ни Шекспира, ни Гете, и вошь почему ихъ нѣтъ у насъ. Вошь сколько важна обработка языка!

И такъ родная словесность, безъ копорой не можетъ бытъ и самобытнаго писателя, въ высшемъ значеніи слова, пребуешь роднаго духа и роднаго языка. Первый появившя, когда все Русское сдѣлается намъ доступнымъ, сдѣлается своимъ, роднымъ; шущъ необходимо полное и совершенное знаніе Русскаго ума и Русскаго сердца; знаніе Русскаго — не одного простонароднаго — быта, духовнаго и шѣлеснаго. Для впораго, для языка, надобно знать основательно всѣ Русскія слова и выраженія, надобно знать Русскій языкъ гораздо короче и лучше всѣхъ другихъ; надобно мыслишь, думашъ по Русски, шогда и обороты и складъ языка будешъ Русскій. Надобно подобрашь и обусловишь Русскія слова, надобно привыкнушь къ Русскому складу. Эшого всего покуда еще у насъ нѣтъ; нишо, сколько бы онъ ни понашужился, не достигнешъ эшого въ наше время — на эшо никого не спанешъ; мы можемъ шолько подготовляшь все эшо для будущаго поколѣнія. Но, если мы не спанемъ забошиться шеперь, каждый по силамъ своимъ, объ эшой подготовкѣ, шо сыновьямъ и внукамъ нашимъ придется за шо приняшься, и мы будемъ виноваты зашою, копорый шеперь уже замѣнешъ въ нашей словесности. Поколъ мы не постигнемъ умомъ и сердцемъ истины эшой, языкъ Русскій останешся для насъ недошрогой: мы будемъ писашъ, какъ пишемъ нынѣ, думая, гдѣ не хватаешъ Русскаго, на другомъ языкѣ, и стараясь передашь эшо въ жалкомъ, слабомъ и безцвѣшномъ переводѣ, въ копоромъ шеряешся, для большей ясности — мы всегда предполагаемъ, что и читатель знаешъ два, шри языка — шеряешся и самый складъ Русской рѣчи, шеряешся даже иногда и смыслъ.

Но гдѣ же намъ учиться по Русски? Изъ книгъ не научишься, попому что онѣ писаны не по Русски; въ госпитальныхъ и салонахъ вашихъ — подавно; гдѣ же учиться? Если въ книгахъ и въ высшемъ обществѣ не найдемъ чего ищемъ, то оспашется одна только кладь или кладь — родникъ или рудникъ — но онѣ за то неисчерпаемъ. Это живой языкъ Русскій, какъ онѣ живеть понинѣ въ народѣ. Источникъ одинъ, языкъ простонародный, а важныя вспомогательныя средства: старинныя рукописи, и всѣ живыя и мервыя Славянскія нарѣчія. Русскія выраженія и Русскій складъ языка ошались только въ народѣ; въ образованномъ обществѣ и на письмѣ, языкъ нашъ измололся уже до пошлой и безцвѣшной рѣчи, копорую можно переключивать, опѣ слова до слова, на любой Европейскій языкъ. Больше половины Русскихъ словъ забышы, изгнаны, замѣнены и замѣлются еще каждодневно, иностранными; а обороты, Русскій складъ, переименованъ по такимъ языкамъ, копорые въ сущности своей слишкомъ удалены опѣ нашего, а это опѣ не гнется въ заморскую дугу, и мы его ломаемъ. Это и называется обрабатывашъ языкъ, какъ медвѣдь въ лѣсу дуги гнетъ: гнетъ онѣ не паритъ, переломитъ не шужитъ. Если хопите примѣровъ — возмите любой вынѣшній журналъ, чѣмъ шоще, шѣмъ лучше — загляните въ любую спалью, и пошрудитесь пообсудитъ любыя пашь, шестъ шпрокъ между двухъ шочекъ. Тупъ, черезъ разъ, глаголы оканчивающа на *овать* и *ироваться*, тупъ половина существительныхъ оканчиваешся на *измъ* и *ивность*, и все это напечатано Русскими буквами, а сложено право по Чухонски. Когда-то Нѣмцы писали шакъ, помѣшавшись на Латыни; образованные Турки и нынѣ пишущъ шакже, считаая низкимъ и непристойнымъ употребитъ какое нибудь родное слово, за исключеніемъ вспомогательныхъ глаголовъ; оспальное все ученое, Арабское и Персидское. Они шакже увѣряютъ, что это иначе бытъ не можеть и не должно. И эшимъ-шо языкомъ мы привыкли писашъ и говоритъ. Тѣмъ, копорые опѣ души

пого же мѣня, какъ и Турки, пожелаемъ много успѣховъ, и раскланяемъ съ ними; а шѣмъ, копорые сколько нибудь понимаютъ дѣло и скажутъ полько: да гдѣ же взяшь словъ и обороповъ для новыхъ понятій ума, для новыхъ ощущеній сердца, копорыхъ не было въ насъ прежде, какъ нѣшъ и нынѣ въ Киргизахъ и Шапсугахъ? Эшимъ мы опвѣшимъ: возмимесь за рукописи наши, прислушайтесь къ говору проспаго народа, копорый оспался почши шѣмъ же, чѣмъ былъ нѣсколько вѣковъ шому назадъ. Прислушайтесь ко всѣмъ Славянскимъ нарѣчямъ, Украинскому, Чешскому, Болгарскому, Черногорскому, иногда даже и къ Польскому — надъ копорымъ впрочемъ вліяіе западныхъ языковъ всего замѣшнѣе — и вы право найдете чего и не чаяли: бездну словъ и обороповъ крашкихъ, сильныхъ, вразумительныхъ, и гораздо болѣе свойспвенныхъ языку нашему, чѣмъ полуобрусѣвшіе — на бѣду нашу — слова и оборопы всѣхъ земель нашего мѣшерика. Нельзя дать всему эшому вдругъ право гражданспва, и подавно нельзя сдѣлать эшо одному челопвку; но вопъ почему и нельзя у насъ еще писать по Русски, и вопъ почему всѣмъ, соединенными силами, должно спараться доспигнуть эшой цѣли. Если вы найдете въ народѣ не много выражений для опвлеченныхъ понятій, шо не забудете, что большая часть прямыхъ и насущныхъ выражений можешъ бышъ примѣнена къ уопребленію въ переносномъ смыслѣ, и что изученіе эшо дастъ вамъ во всякомъ случашъ понятіе о шомъ, куда и къ чему намъ спремимся, чего искашъ, какимъ образомъ составлать и переиначивать слова, чтобы они выходили Русскими, чтобы шли въ Русскую рѣчь, не обижали Русскаго уха, высказывали шо, что мы хопимъ выразить, и не порпили бы Русскій складъ рѣчи. Оно сроднишъ насъ съ духомъ языка, дастъ виикнуть въ причудливья, прихопливья свойспва его, и дастъ средспва образовашъ мало по малу языкъ, сообразный съ современными пошребностями. Народъ нашъ не говоритъ какимъ нибудь искаженнымъ, изломаннымъ нарѣчіемъ, какъ народъ во Франціи и Герма-

ни; нашъ крестьянинъ говоритъ чистымъ хорошимъ языкомъ, въ кошоромъ остается только замѣнить нѣсколько грубое произношеніе или говоръ, шѣмъ, какое употребительно въ образованномъ кругѣ, какое шакъ сказать согласно съ понятіемъ нашего уха о благозвучномъ и пріятномъ произношеніи. Въ народномъ языкѣ не достаетъ многихъ для насъ необходимыхъ словъ, потому что тамъ нѣтъ и многихъ понятій; но никакъ не заставляешъ насъ принять, взамену нынѣшняго, простонародный языкъ, а рѣчь идетъ только о необходимости воспользоваться имъ, приобрести его, приобрести, очистивъ и обработавъ, къ нынѣшнему языку, съ шѣмъ, чтобы не переименовать слогу и складу его (фразеологіи, стилистики) по иноземному: не идти наперекоръ языку, какъ мы нынѣ делаемъ, а идти съ нимъ брашски, рука въ руку, бытъ не только учишемъ его, но и ученикомъ. Я знаю шакже, что богатство словъ не составляетъ еще богатство языка: гибкость, плавность, выразишельность и вразумишельность, разнообразіе; наконецъ, удобное согласованіе живаго слова съ понятіями умшвеннаго языка, вошъ что необходимо; но богатство выражений есть уже по себѣ хорошей запасъ для богатства и роскоши языка, а выикнуть въ сущность нашего языка, постигнуть и усвоить себѣ духъ его, мы право найдемъ и остальное. Если мы упорно захошимъ ломать всѣ ошвлеченныя существительныя въ окончаніе на *ость* и *вость* — окончаніе, которое въ народномъ языкѣ довольно рѣдко, употребляешся только къспати и чаще замѣняешся короткими и болѣе выразишельными словами; — если будемъ склеивать кой-какъ при каждомъ удобномъ случаѣ по два слова вмѣстѣ, чего языкъ нашъ не шерпитъ, а образуешъ всякое новое слово изъ одного только, главнаго понятія; если заморскимъ словомъ будемъ наваривать долгіе Русскіе хвосты, если изъ лѣни, по привычкѣ и предубѣжденію, будемъ довольствоваться гошовыми выражениями цѣлой Европы, то не пославимъ ли сами себя добровольно на одну доску съ перекладывашелами

романовъ на Русскіе нравы? Повѣрьте и подсперегите сами себя на дѣлъ: если вамъ не дается какое нибудь Русское слово или оборотъ, куда вы напередъ пойдете искать его мысленно, въ Русскій ли языкъ, или во Французскій и Нѣмецкій? Конечно въ послѣдніе, вамъ это легче и сподручнѣе, и — правду сказать — вы знаете, что васъ даже большею частію скорѣе поймутъ; пишашъ сколько нибудь по Русски, это будетъ не всякому понятно, а припомъ дико, грубо, однимъ словомъ, это квасной папріотизмъ. Нѣтъ; бороду можно и брить и не брить — рубаху можно носить и шакъ и эдакъ — можно надѣтъ и кафтанъ и фракъ; это, пожалуй, все одно, человекъ оспанется шѣмъ же; но передѣлать, переплавить складъ языка по другому образцу, не лишивъ его въ шоже время соку изъ корня, нельзя. Языкъ погибнетъ, упрямшися все то, что давало ему право называшься отдѣльнымъ, самостоятельнымъ языкомъ — и мы — какъ давно уже было замѣчено, будемъ знать Русскія слова, но не Русскій языкъ, будемъ говорить Русскими словами по Французски и по Нѣмецки. Кто согласенъ на подмѣнь эптошъ, пошъ иди впередъ и не оглядывайся, — а кто призадумается, ворошися назадъ, да начинай учишьясь съизнова.

Ошъ чего у насъ почти безъ изъятія, не ученые, не словесники, говоряшъ гораздо лучше, чѣмъ пишутъ? и это сльдствіе того же: съ письмомъ или письменншю у насъ связано понятіе о какомъ-то высшемъ слогѣ, а высшій слогъ эптошъ опличается ошъ разговорнаго шѣмъ, что онъ пересыпанъ иностранными, изломанными словами, взамѣнъ Русскихъ, и что понятія выражаются не Русскимъ складомъ.

Языкъ съ несвойственнымъ ему складомъ и оборотами до того затрудняетъ пишущаго, что люди ученые, образованные, искажаютъ его поспешенно все болѣе и болѣе, спараясь, для ясности въ изложеніи, приблизшьясь сколько можно къ языкамъ западнымъ; людей же менѣе основательнаго образованія, письменный слогъ

нашъ сбиваетъ вовсе съ толку; они борятся съ трудностями языка, и наконецъ, пускаясь поневолю на скоропись, перяюшъ изъ ума и изъ виду природную логику свою, здравый смыслъ, изъ человѣка довольно умнаго на дѣлъ, на письмѣ выходятъ, будише здоровы, дурень. Эшо случается довольно часшо.

Подражать легче, чѣмъ шворишъ; чшобы хорошо пицапъ по Русски, почши надобно самому шворить; вопъ почему мы подражаемъ, шо своимъ полу-Русскимъ писателямъ, шо начисшо иносшранцамъ, кошорые и безъ шого уже у насъ болѣе въ памяши, пошому чшо мы ихъ болѣе чипаемъ. Такимъ образомъ всѣ особенншци Русскаго языка, опличительныя свойштва и преимуществва словосочиненія и склада его, перяюшся на письмѣ все болѣе и болѣе, изглаживаюшся; языкъ приводишся въ уровень, и подъ одну шприжку съ западными языками. Онъ слабъ и тяжель въ несвойшвенныхъ ему оборотахъ; а свойшвенные ему и собшвенно ему принадлежащіе изгоняюшся и забываюшся. Ихъ можно найши шамъ полько, гдѣ языкъ не измѣнился, въ народѣ; ими должно дорожишъ, искапъ ихъ и вводишъ снова въ письмо, чшобы пошлое и слабое замѣнишъ свѣжимъ, яснымъ, живымъ и сильнымъ.

Слова наши и шакъ уже многосложны и длинновашпы, а ихъ, какъ на смѣхъ, еще расшягиваюшъ, особливо въ послѣднее время. Пишупъ безъ всякой нужды: красивость вмѣсто красота, усовершеншвованіе, руководспвумый, дѣйшвованіе, чувшвованія, семейшвенный — вмѣсто: усовершенство, руководимый, дѣйшвие, чувштва, семейный. Если же приняшъ и шо и другое слово, шо надобно ихъ различашъ и не упошребляшъ безъ разбору шо и другое. Мы не гонимъ общей знаоемой всѣ иносшранныя слова изъ Русскаго языка, мы больше спшимъ за Русскій складъ и оборощъ рѣчи, но къ чему вспавляшъ въ каждую шпровку: моральный, оригинальный, напура, аршишпъ, гропъ, пресь, гирлянда, пѣдеспалъ, и сошни другихъ подобныхъ, когда безъ

малѣйшей натяжки можно сказать что же самое по Русски? Развѣ: нравственный, подлинный, природа, художникъ, пещера, гнѣсъ, плетеница, подножье или снопло, хуже? Ни сколько, но дурная привычка ходить за Русскими словами во Французскій и Нѣмецкій Словарь, дѣлаещъ много зла. Мы очень не рѣдко видимъ, что писатели вспавляютъ самымъ снпраннымъ образомъ Французское слово, явно прошивъ воли и желанія своего, полько потому, что не могли въ скороспи найши Русскаго, или даже не знали его — неужели и это хорошо и извинительно? Въ доказательство этого, находите вы у писателей, стоящихъ на ряду лучшихъ, иногда дѣшское незнаніе не только языка, но и словъ: *Труба* вмѣсто хобоба, *кости* вмѣсто скулъ, *деревянные балки* вмѣсто брусевъ — если всѣ чепыре горбыля сняшы — или запросто бревень, и прочая; это взяно мимоходомъ у писателей, которые въ силѣ и словъ; а Русскіе обороты въ родѣ слѣдующихъ благодарны вашей мудроспи, полько просили бы однакожь ее избавишь насъ опть ея мудреныхъ усшавовъ... »опть довелъ ее до шакого совершенства, что послѣдователямъ его не было возможности превзойти, а ежели который успѣвалъ полько приблизиться, заслуживалъ славу, что однако же случалось очень рѣдко« ... »мы обойдемъ мимо, стоящій на право опть него дворець«... »съ каждымъ днемъ слышно о новомъ бѣдствіи«... »не дѣайте шуму« — »виною всего наша ограниченность, послѣ чего идеалъ становится недостижимымъ«... »но за то ощущенія, посылаемыя этой картиной, сильнѣе нежели опть прочихъ«... шакіе Русскіе обороты у насъ ни почемъ, и право у насъ нѣтъ писателя, который не напечаталъ бы что нибудь подобное. Иначе и бытъ не можетъ; причины пому объяснены выше. Не хочется называть никого изъ живыхъ, потому что у меня нѣтъ намѣренія указывать на чье-либо лицо, я говорю объ общей участи всѣхъ пишущихъ — но повпоряю, нѣтъ писателя, который бы не грѣшилъ — и много, шякко — прошивъ роднаго языка. Самъ Пушкинъ говоритъ въ пра-

зѣ иногда такъ: вобѣ онѣ должны были выдѣши въ садѣ, черезъ заднее крыльцо, за садомъ найдши гошовыя сани, сядишься въ нихъ и ѣхашь — онѣ помнилъ разспояніе, существующее между нимъ и бѣдной креспьянкой — право былобъ жалъ если бы его спройнаго спана никогда не спягивалъ военный мундирь.» Это шолько для примѣру, но шакихъ пригъровъ много и у всѣхъ. Все это не по Русски, шакъ шочно какъ и : »имѣешъ репушацию» вмѣсто : слывешъ, славилъся ; но горе наше, что и *разстояніе существующее, и репушация и не дѣлайте шуму*, и все это подходитъ къ переводу опъ слова до слова съ шого языка, на которомъ намъ по обработанности его иногда легче думашъ, чѣмъ на Русскомъ. »Граціозная позиція, реформа, кадаверъ, скомпрометиравашъ, персона, раса, заинтересовашъ, оригинальныя скицы, помисшифировашъ, колосальная, репушация, респаврація, культура, цивилизация» — все это я выпиываю сподрядъ изъ первой попавшейся мнѣ въ руки печатной книги; она вышла года два шому, и на нее, говоряшъ, нѣсколько тысячь подписчиковъ. Нѣсколько лѣтъ шому назадъ, вышло *печатное недоумѣніе* о значеніи Русскаго счеша: полпяпа, полшешта, полдесяша; едва не поспорили, что шакое полшора и полшорашта. Не очень давно предложилъ, за рѣдкостъ, Русское слово вмѣсто Французскаго *панданъ*, а именно : *ровня*; другіе поправились, извинише меня, изъ кулъка въ рожжку, замѣпивъ, что ровня не то, а можно-де сказашъ вмѣсто шого : сошвѣтшпвіе, сошвѣтшпвенность. Кто изъ Русскихъ не вздохнешъ о шакихъ пересудахъ ? а между тѣмъ ешъ два слова, изъ конхъ одно выражаешъ вполне Французское *Pendant*, а другое Нѣмецкое *Gegenstück* : *дружка* и *противень* ; ешъ еще выраженіе : *подъ спашъ, машъ, пару*. Богатшвомъ и разнообразіемъ видовъ глагоговъ нашихъ, мы пользовашься не умѣемъ; опъ глагола красъ на пр. образуюшся : *украшъ, покрасъ, разкрасъ, выкрасъ, обокрасъ, перекрасъ* (при значенія), *накрасъ* и пр.; эшого въ другихъ языкахъ нѣшъ; а между шѣмъ оно много способ-

спвуешъ къ крапкосши рѣчи и даешъ ей болѣе опредѣлительности. Существишельными опвлеченными мы соримъ ни владъ ни вмѣру, спшавимъ ихъ всюду, гдѣ имъ бышь приходилса по Французскому или Нѣмецкому обороту, а гдѣ Русскій обайдеша безъ нихъ и выразишса лучше и короче. Мы кромѣ того привыкли къ какому нибудь одному существишельному опъ каждого корня, и на немъ всегда и вывѣжаемъ — и чѣмъ длиннѣе оно, шѣмъ лучше — а другіе въ благородную рѣчь не допускаюшса, на пр. *Могущество* пишешса не шолькó памъ, гдѣ слову эшому бышь слѣдуешъ, но и шамъ, гдѣ бы должно говоришъ : мочъ, мочуша, мочъ; и проч., и скорѣе рѣшимса сказашь могущественносшь и мощносшь, чѣмъ допусшишь въ благородную рѣчь одно изъ помянурыхъ, болѣе короткихъ и ясныхъ словъ. Нарѣчія, и подходящія къ нимъ выраженія, кошорыми языкъ нашъ шакъ богашъ, и кошорыя шакъ удобно замѣняюшъ околичныя поясненія, рѣдко приходяшъ намъ во-время на память, пошому чшо ихъ въ другихъ языкахъ мало. Ушоропъ, вприпоръ, вназерку, пишъ бычкомъ, пишъ вприпадку, сидъшь на слуху, похода, захлеспъ, зубцомъ, (вмѣсто чего чашо чипаемъ зыгагомъ), въ уровень, вразрѣзъ, наполю, въ закрой, вобрѣзъ, ничкомъ, навзничъ, и прочее. Вообще, пошрудилсеш шолькó поискашъ и узнашъ ихъ, и вы найдешше почши для каждого иностраннаго слова нѣсколькó Русскихъ, хопя очень чашо ни одно изъ нихъ не будешъ вполне соопвѣшшвовашъ всѣмъ значеніямъ перваго; въ эшомъ случаѣ ихъ надо будешъ употребляшь съ разборчивосшію, гдѣ одно, гдѣ другое; но вмѣсто эшого просто ихъ не употребляюшъ, вовсе не приняли, не обусловили ихъ значеніе, не привыкли видѣшь въ печати. И чѣмъ же мы занимаемса, если вздумаемъ пусшиться на розыски и поправки языка? Придираемса къ шому, къ сему — вошъ я невзначай и попалъ на роковое словечко! — а больше ни къ чему; развернише любое повременное изданіе, гляньше на любой разборъ, если шамъ дѣло коснешса языка, и вы право найдеше одно шолькó мелочное и высокопарное крохоборсшво, ничшож-

ное козырство въ игрѣ, которая испинно не спобитъ сальнаго огарка, а глядишь — крипикъ писалъ при спериповыхъ свѣчахъ. Еще слово: многіе ли изъ шакъ называемыхъ писашелей нашихъ — не говорю уже — проспо изъ образованнаго общесшва — знаютъ, понимаютъ, чуютъ Русскимъ ухомъ своимъ, Русское произношеніе и удареніе словъ? и въ эпомъ вспрѣчаемъ мы шакую же и опредѣлишельность, какъ и въ поспройкѣ рѣчи, въ разшановкѣ словъ, въ самомъ выборѣ ихъ и въ оборотѣ, слогѣ, складѣ или способѣ выраженія.

Возмемъ близкій къ дѣлу примѣръ: вамъ была бы дана задача, изложитъ начала, основанія, на коихъ должна бы основывашься обработка языка, какихъ нибудь островитянъ Тихаго Океана; предполагается преобразовашь, перевоспиташь дикарей; дашь имъ грамопу, поплшія образованныя и приспособитъ къ эпому всему ихъ младшескій лепетъ, едва dospашочный для выраженія насущныхъ потребностей жизни, а въ духовномъ смыслѣ, едва объясняющей самое проспое онвлеченное понятіе. Чѣмъ бы вы начали? Неужели бы вы, не потрудившись познакомиться съ особенностями эпного языка, со свойшвомъ его, образомъ выраженія и духомъ, предположилибъ, безъ дальнихъ околичностей, выбрать изъ Европейскихъ словарей всѣ недостающія слова, примѣнитъ, во избѣжаніе всѣхъ лишнихъ шрудовъ и хлопотъ, вмѣстѣ съ шѣмъ и нашъ, готовый и намъ знакомый способъ выраженія и оборотовъ — а о сущности языка болѣе не заботишься? Кажешься, шакое дѣйствіе можно бы полько оправдашь однимъ обстоятельствомъ: если бы вѣрно было не полько сошавитъ предположеніе о преобразованіи языка, а исполнишь эпю и на самомъ дѣлѣ въ шрон сушки. Во всякомъ иномъ случаѣ, конечно слѣдовало бы приступитъ первоначально къ изученію языка, грубаго, дикаго, бѣднаго, необработаннаго, каковъ онъ ни ешь, и воспользовавшись уже всѣмъ наличнымъ запасомъ и, главное, изучивъ духъ, свойшва и потребности языка, спроитъ на эпомъ основаніи далѣе.

То же самое предстоитъ теперь намъ; мы языка своего не знаемъ — это право можно вымолвить, не бравъ грѣха на душу — а что еще хуже, и не хотимъ его узнать. И намъ, какъ предположенному нами преобразователю, должно начать съ низшей ступени, изучить языкъ народный, а ошъ него уже идти далѣе.

Одинъ изъ глубокихъ мыслителей Германіи, говоря о Философіи исторіи, о значеніи человѣчества, сказалъ: »Не человекъ, не народъ составляетъ человечество, а всѣ народы земли вмѣстѣ. Каждый народъ по себѣ одно-стороненъ, онъ усваиваетъ общую задачу частно, относя ее къ личности своей. Чѣмъ менѣе народъ въ со-сполніи это сдѣлать, чѣмъ менѣе въ немъ народности, тѣмъ онъ ничтожнѣе, тѣмъ менѣе приблизится къ рѣшенію этой всеобщей задачи; онъ распережится въ общ-носпіяхъ, не сосредоточитъ силъ своихъ въ себѣ и въ народности своей.« Неужели могутъ не согласиться, что слово это идетъ равносильно ко всей духовной жизни народа и къ словесности его?

Содержаніе статьи этой было душевнымъ, вну-реннимъ убѣжденіемъ писателя ея въ продолженіе многихъ лѣтъ — съ той поры, какъ голова и сердце, мысль и чувство, попянувшись выросли изъ свивальника, и спали чуждались дѣтской колыбели. Всему своя пора, своя череда. И вотъ съ чего взялась Русскія сказки, за ко-торыя и похвалили и побранили писателя, погладили по головѣ и просили садиться, между тѣмъ какъ дру-гіе просили его ходить и жаловаться только на задній дворъ. Но цѣли, намѣренія его не поняли, никто. Можешь быть онъ самъ этому виноватъ, и почему нибудь понять его было трудно. Не скажи по себѣ были ему важны, а Русское слово, кошорое у насъ въ шакомъ за-гонѣ, что ему нельзя было показаться въ люди безъ особаго предлога и повода — и сказка послужила пред-логомъ. Писатель задалъ себѣ задачу, познакомишь зем-ляковъ своихъ сколько нибудь съ народнымъ языкомъ, съ говоромъ, кошорому открывался шакой вольный раз-

гуль и широкій проспоръ въ народной сказкѣ. Если бы пошъ же самый писатель вдумалъ когда нибудь издашь собраніе Русскихъ сказокъ — то конечно написать бы ихъ гораздо проще и незаштѣйливѣе. Я бы желалъ, чтобы кто нибудь изъ благомыслящихъ людей, не искавшій въ помянутыхъ сказкахъ шого, о чемъ здѣсь говорился, прочелъ ихъ шеперь съ особеннымъ вниманіемъ на языкъ, на духъ и складъ рѣчи и на самыя слова. Можесть бышь это былъ бы и не совсѣмъ напрасный трудъ. Но здѣсь опять необходима оговорка, чтобы не выворопили на нашемъ братѣ шулушъ наизнанку, изъ Луки сдѣлали Акулу — сказочникъ никогда не спавишь сказки свои впримѣръ слога и языка, не говорилъ и не говорилъ, что шакъ именно должно писать по Русеки — вѣшь; онъ хотѣлъ шолько, на первый случай, показашъ небольшой образчикъ — и право не съ хозоваго конца — образчикъ *запасовъ*, о которыхъ мы мало или вовсе не заботились, между шѣмъ какъ, рано или поздно, безъ нихъ не обойшисъ: или — не бышь шому, чему не бышь, чему бышь не суждено.

Возгласами и разглагольшпованіями дѣло не споришся; крикомъ изба не рубишся. Мы уже видѣли, много ли выходишъ шолку изъ пушшопорожнихъ воплей: пишше по Русски, пишше по Русски — это пушшозвошь и пушшоцвѣшь. Но сполковаться, объяснишся иногда можно и должно. Поводъ къ этой спашейкѣ подаль разговоръ съ однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ и заслуженныхъ писателей нашихъ, которому однако же не менѣе шого переданное здѣсь показалось-было сначала довольно спраннымъ; между шѣмъ, подъ конецъ довольно продолжительной вечерней бесѣды, думное чело его просвѣшилось, доспупное всему изящному и испинному, сердце перешло вполнѣ на спорону убѣждающаго, и вѣсколькo разъ повпоренное: «напишите-ка это, напишите это, выйдешь хорошая, дѣльная спашья» — подало поводъ къ изложенію мыслей эшихъ на бумагѣ. Прошло два, три года, писатель пошпоянно осшался шѣхъ же мыслей, и прочишавъ спашейку свою и пошсправивъ ее, передаешъ

печати. Ему случалось говорить послѣ того со многими изъ словесниковъ нашихъ объ этомъ предметѣ, и онъ находилъ вообще наклонность понять и оцѣнить истину, которую опспанвалъ. Трудно въ самомъ дѣлѣ спорить противъ такой истины, на которую всегда почти улика палецъ: улика спорщика, что и онъ, какъ и всѣ мы грѣшныя, не знаетъ своего языка. Нельзя здѣсь распрспраняться до такой степени, какъ въ дружескомъ разговорѣ, до и на печати нѣтъ бесѣды, ш. е. взаимности разговора, а то-бы можно вѣроивно убѣдись на этомъ же основаніи и чипашелей нашихъ — въ чемъ напередъ и просимъ прощенія. Спросите когонибудь, для примѣра, что такое по Русски: *опознать*, *опознаться* и *обознаться* — и для чего онъ, если знаетъ вполне значеніе этихъ незамѣняемыхъ словъ, не смопря на это замѣняетъ ихъ другими, хилыми, хворыми, околесными и неумѣстными или вносспранными? Въмѣсто перваго мы говоримъ и пишемъ нексшаша *узнать*, тогда какъ *опознать* заключаетъ въ себѣ непремѣнное понятіе объ ушайкѣ къмъ-либо того, что я нашель или узналъ; *опознать* можно краденую лошадь, бродягу, шапашающегося подъ именемъ Ивана непомящаго, *опознать* можно въ разѣздѣ непріятели, если онъ чѣмънибудь неоспорочно *скажется*. *Опознаться* еще менѣе извѣстно и приняшо; Русскіе, которыми мнѣ случалось задавать его для разгадки, не рѣдко смѣшивали слово это съ глаголомъ *обознаться*, который означаетъ со-всѣмъ другое; *опознаться* можно только замѣнивъ дурнымъ и насмѣшливымъ Лапшино-Французско-Нѣмецкимъ *оріентироваться*; выбирайте любое. *Опознашья* на мѣспѣ, на новой мѣспиноспи, на старой знакомой дброгѣ, съ которой я сбился. Слово это также шочно можно употребить и въ смыслѣ переносномъ: *опознашья* на поприщѣ Естественныхъ Наукъ, *опознашья* въ кругу новѣйшей Философій. *Обознаться* слово простое, болѣе извѣстное, но то же не замѣняемое; оно выражаетъ не только, что я не узналъ когонибудь, но что я еще и принялъ его за другаго. Говорился

шакже: я обознался въ эпомъ чловѣкъ — ш. е. ошибся, считалъ его умнымъ, а вышелъ дуракъ, или наоборотъ.

Спашейка эша не словарь ; я взялъ два, при примѣра, и могъ бы сейчасъ насчиташъ ихъ двѣсши и шриспа. Въ Словаръ Рейфа — шрудъ неимовѣрномъ для одного чловѣка, и еще иносшранца, копорый не говоритъ по Русски !!, въ Имъ Томъ словаря Рейфа, я не дочелся, при поверхностномъ пересмопрѣ его, какихъ нибудь 300 словъ, вныхъ не было вовсе, другія не были надлежащимъ образомъ переведены и объяснены. А между шѣмъ Россійской Академіи, при новомъ изданіи предположеннаго ею Словаря, нельзя не поруководствовашься эшимъ Словаремъ заморскаго и заѣзжаго Нѣмца. Сидя на одномъ мѣспѣ, въ сполитѣ, нельзя выучишья по Русски, а сидя въ Петербургѣ и подавно. Эшо вещь невозможная. Писателямъ нашимъ необходимо провѣшривашься опѣ времени до времени въ Губерніяхъ, и прислушивашься чупко направо и налево.

Эша рѣчь и примѣры шли собшвенно къ словамъ и о словахъ, а складъ или слогъ слова у насъ шакже запущенъ и варварски искаженъ. Я опашъ возьму одинъ полько примѣръ, а именно шощъ самый, копорый, будучи шоща въ казачьемъ городѣ, въ Уральскѣ, предшавилъ въ разговорѣ извѣстнѣйшему изъ нынѣшнихъ нашихъ стихопворцевъ. Я бы напримѣръ написалъ : «Казакъ осѣдлалъ лошадь какъ можно поспѣшнѣе, взялъ шоварища своего, у копораго не было верховой лошади, къ себѣ на крупѣ, и слѣдовалъ за непріятелемъ, имѣя его всегда въ виду, чшобы при благопріятныхъ обшюшательсшвахъ на него напашь.» Спрашиваешся, годишся ли эшо, хорошо ли написано ? Свидѣтельсшвуюсь шѣми, копорымъ я показывалъ и эшошъ примѣръ, въ числѣ многихъ другихъ, всѣ говорили : хорошо; живешъ, похеришъ нечего. Ну, а я бы написалъ вмѣсто шого вошъ какъ : «казакъ сѣдлалъ упоропъ, посадилъ безконнаго шоварища на забедры и слѣдилъ непріятеля въ нѣзерку, чшобы при сполушности на него уда-

ришь? — Сравните, и решите, что лучше и какъ бы должно писать и говорить. Если вы скажете, въ чемъ почти не сомнѣваюсь — оно конечно такъ лучше, да къ этому мы не привыкли; шо соглашусь съ вами опъ души, пошому что вы подтверждаете опимъ все, что говорилось въ спашь эпой, и спало бышь во всемъ со мною согласны. Если же скажете: такъ можно говорить полько съ казаками и о близкихъ къ нимъ предметахъ — шо соглашусь на первую половину возраженія, которал въ сущности шо же, что и: «оно хорошо, да мы къ этому не привыкли;» а вшорая часпъ возраженія мнѣнїе ошибочное, основанное на истинѣ перваго — на томъ, что мы къ этому не привыкли, и обыкновенно такъ не пишемъ и не говоримъ.

Въ заключеніе расскажу еще идущій къ дѣлу случай. Я навѣспилъ во время послѣдней поѣздки въ Петербургъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ нашихъ преподавателей Философїи, человека мыслящаго, котораго я знаю и уважаю давно. Онъ занимался въ шо время изложеніемъ душесловія, на Русскомъ языкѣ, и выбиралъ слова и выраженія, для замѣненія техническихъ словъ другихъ языковъ, съ большою осомшришельностию, совѣщовался объ этомъ со многими. Зашла рѣчь о томъ, что соотвѣтствуетъ Французскому: *raison et esprit*, Нѣмецкому: *Vernunft und Verstand*? На Русскомъ есптъ два выраженія: умъ и разумъ, мо чѣмъ руководствоваться для безошибочнаго опредѣленія, которое изъ нихъ чему соотвѣтствуетъ? Мы собрали пошчасъ всѣ пословицы, поговорки, изрѣченія, въ коихъ рѣчь идетъ объ умѣ или разумѣ; оказалось, что всѣ они съ чрезвычайною шочностию, шонкою разборчивостию опредѣляютъ значеніе этихъ двухъ словъ. Вотъ вамъ изрѣченія эти:

1. Умъ за разумъ зашелъ. 2, Ума много, да разуму нѣтъ. 4, Умень, да не разуметь. 6, Умъ хорошо, два лучше. 7, Безъ ума голова шебала. 14, Спо головъ, спо умовъ. 17, Борода выросла, ума не вынесла. 18, Борода съ вороба, а ума съ прикалипокъ нѣшу. 19, Бо-

рода съ возъ, а ума съ накопильникъ не будетъ. 21, Разумъ не велишь, ума не спрашивайся. 24, Умъ разуму не указъ. 25, Умъ разумомъ крепокъ, красенъ. 26, Умъ разуму подспорье. 29, Умъ за разумомъ не ходишь. 12, Эпо не умъ, а умишко. 22, Умъ безъ разума бѣда. 27, Умъ доводитъ до безумья, а разумъ до разумья. 3, Ума палаша (а не разума). 5, *Умница* — образованный человекъ, съ умомъ, *разумница* — ученый и даровитый. 8, У него на эпо спанешъ, или не спанешъ ума. 9, Разумомъ раскинуть, рассудишь. 10, Умъшь и разумъшь: Умью пѣшь, плясашъ, чебошарить; разумью чпо мнѣ говорятъ, Ташарскій языкъ — смѣкаю, смышляю; разумъшь чпо говорятъ, и умъшь отвѣшишь. 11, Распорядишся умно, посшупишь разумно. 13, Умы, множ. естѣ, разумы нѣшь. 15, Съ ума сошелъ, спяшилъ, а съ разума сойши нельзя. 16, Безумный — сумашедшій; неразумный — глупый, дуракъ. 20, Межеумокъ. п. е. ни по ни се. 23, У дупяши разумъ, у собаки умъ, умное дия, кошорое не шалишь; разумное, если оно все смыслишь, понимаетъ. 28, Горе опъ ума, а опъ разума не бываешъ. 30, Разумъ какъ разудалый, распрекрасный, показываешъ превосход. спешень.

За пѣмъ — полно; кпо захочешъ и сможешъ нияшь добро и благо и испину — пошь пойметъ; кпо не доросъ до эшого Русскимъ сердцемъ, а живешъ у насъ на чужомъ пиру съ похмѣля, пошь точай по своему, поколъ Господь грѣхамъ нашимъ шерпишь, и шей по золошой земль дыками.

В. Луганскій.

Приписка. Когда спашья эша была уже переписана и гошова къ опшправленію, получилъ я письмо и шепрадку опъ человека, кошораго въ глаза хвалишь не смью, пошому чпо онъ въ похвалѣ моей не можешъ нуждашся, и чпо было бы можешъ бышь спранно, если бы я взялъ на себя подобную обязаносшь. Если люди благомыслящіе прочшущъ въ Москвишянинѣ спашью Капшана 1 го Ранга Кузмищева о Камчашскомъ нарѣчин и

приложенный къ ней словарь — тогда могутъ судить о шрудѣ эшомъ сами — и — какъ бы они хорошо сдѣлали, если бы послѣдовали такому доброму и рѣдкому у насъ примѣру! Да, есть люди, копорые поймутъ меня, прочитавъ предыдущую спашью мою: есть люди, копорые такъ же, какъ и Луганскій, не брезгаютъ назваться чернорабочими, мѣсиль глину и паскаль камень, одинъ по одному, на будущее зданіе Русскаго слова.

Вопъ что пишешъ мнѣ между прочимъ Павелъ Федоровичъ Кузмищевъ.

»Собранныя мною въ Сибири слова, я послалъ еще въ 832 году изъ Камчатки въ Москву, Обществу Любителей Словесности. По возвращеніи моемъ въ С. П. Б. я опдалъ одинъ экземпляръ М. И. Рикорду, другой Ф. И. Рейфу: онъ тогда — 835 г. — напечаталъ уже 1й Т. своего Словаря и помѣстилъ въ прибавленіи ко 2му очень немного заимствованныхъ отъ меня словъ. Еще одинъ экз. представилъ я Президенту Россійской Академіи — но слова нигдѣ напечатаны не были. Наконецъ послѣдній списокъ попалъ къ вамъ, а вы можете сдѣлать изъ нихъ какое угодно употребленіе. Мнѣ кажется, что собраніе мѣстныхъ словъ, есть прямое и нѣсполщее ея дѣло; она обязана собирать ихъ, а мы должны шрудиться въ частности. Не лишнее, если бы она иногда сказала Русское спасибо, за такіе не совсемъ маловажные для нее подарки. По губерніямъ могли бы занятья такимъ дѣломъ учителя школъ и Гимназій; но мы все дремлемъ и молчимъ, надо — какъ на вахшю — располкать насъ, чтобы побудить къ шрудѣ и на дѣло. Помогли вамъ Богъ въ шрудахъ вашихъ: я обещаю еще прислать собраніе Астраханскихъ и Каспійскихъ словъ: ихъ набралось болѣе 150-ти. Можно найти довольно особенныхъ и новыхъ, для насъ, словъ, въ старинѣ. Они давнымъ давно вышли изъ употребленія, ушрачены и забыты; вы опыщите ихъ въ старинныхъ лѣпописяхъ, грамопахъ и пр. Роясь въ архивной пыли, почтенный Карамзинъ возвратилъ намъ нѣкопорыя давно заперянные слова и обороты; напр.

взяшь на копье, на щипъ, громить и др., теперь всего не упомяну. Дм. Ив. Я. опыскивалъ и пояснялъ старинныя слова. У меня есть еще испочникъ, который съ удовольствіемъ вамъ открою: это наши Русскія прозванія. — Не говорю о Ташарскихъ (Юсуповъ, Бахмешевъ и пр.) или обрубленныхъ (Ше) ремешевъ, (Тру) бецкой, (Ре) пникъ и пр.); но спросите у кого угодно, откуда произведены число Русскія прозванія, напр. Лупошникъ, Тебенковъ, Шамшевъ, Шульгинъ, Чекмаревъ, и множество другихъ? Не всякой, я увѣренъ, дастъ вамъ скорый и удовлетворительный отвѣтъ, но слова или корни ихъ непременно есть или были въ языкѣ, и что нибудь да значатъ же. Немногія изъ нихъ найдете вы въ словаряхъ.

Лупошникъ — молодой липовый лѣсъ, отъ корней срубленного дерева.

Тебенки — подколкиники у козачьего сѣдла.

Шамша — который не часто говоритъ, шамшишь, какъ беззубая спаруха.

Шульга — лѣвшя, отъ шуйцы.

Чекмарь — деревянный кистень, колошуща. Далѣ Вахшинъ, Ломоносовъ (отъ растений) — Ослатовскій, Спадольскій, Токмачевъ и пр.

Смѣло и не безъ гордости, мы въ вами можемъ сказать
ному, что Русскій родной языкъ,

— Что родину мою
Я болѣ чѣмъ ны люблю»

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

I.

Появленіе *Актовъ Историческихъ* открыло многое для продолжателей и пополнителей нашей Исторіи, и многое разгадало. Пріямно увидѣшь явнымъ и важное, ставшее во мракъ давности. Кромѣ означенаго Издашелями въ *Примчаніяхъ*, памѣ еще много оспаешся для раскрытія, наиримѣръ: *Акты*, показавъ намъ Марію, Королеву Лифляндскую, неоспоримо живою въ 1609 году, и тѣмъ удостовѣривъ, что надпись надъ ея гробомъ поновлена съ ошибочнымъ означеніемъ года, открываютъ и даютъ правдиво заключивъ, что эпохѣ 1597 й, не совсѣмъ вымышленный годъ, былъ годомъ не кончины, а сл послуженія: онъ предшествовалъ тому, въ которомъ Годуновъ приблизился къ своей мѣшѣ. *Акты*, между тѣмъ, сшерли одно изъ позорныхъ клеймъ съ памяти алчнаго властолюбца - вельможи, но мудраго Царя, котораго положеніе дѣлъ заставляло, говорить Исторіи, *не быть, но бывать жестокимъ*: онъ не убилъ Маріи (*).

(*) Карамзинъ впрочемъ не говорилъ объ убіеніи Маріи (IX, с. 80): — „Инокіи неволью, Марія требовала одного утѣшенія: не быть разлученнаго съ дочерію, но скоро оплакала ея смерть не естественную, какъ думали, и еще жила дѣшь восемь въ глубокой печали.... Сіи двѣ жершвы подозрительнаго беззаконія, Марія и Евдокія, лежатъ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, близъ того мѣста, гдѣ виѣ храма, видше и смиренную, какъ бы опальную могилу ихъ гоншела, ни величимъ, ни славою не спасеннаго отъ праведной мести небесной.“

Нужно ли говорить здѣсь о нецѣлости обвиненія современниковъ въ насильственной смерти двухъ-лѣтней дѣвочки: чѣмъ она была ему опасна, и когда? Въ 1589 году. Точно также современники обвинили Бориса, что онъ велѣлъ умерить Ивана Романова голодомъ, а по документамъ нашлось, какое количество съшшныхъ припасовъ отпускалось ему ежедневно, и онъ здравствовалъ долго послѣ голодной смерти.

Чѣмъ болѣе опирается документовъ, тѣмъ болѣе пятень снимается съ Бориса, и ослабляется приговоръ Карамзина, будто онъ не былъ, а бывалъ жестокимъ. *Ред.*

II.

Вошь еще обстоятельство, которое, по одной из своих бумаг, я почтительнейшею загадкою; тамъ сказано: «Филиппу да Истомъ, роднымъ братьямъ Пашковымъ и ихъ дѣшамъ, Аванасью и Теодору, Царь Михаилъ Теодоровичъ пожаловалъ за Московское посадное сидѣніе, за Царя Василія Ивановича (Шуйскаго), въ Коломенскомъ уездѣ вошчину сельцо Рудино. Грамота дана въ 1624 году.» По писцовымъ книгамъ 136 (1628) года, объ этомъ сельцѣ означено: «Въ Коломенскомъ уездѣ, въ Кульневскомъ стану, за Теодоромъ да за Аванасемъ Пашковыми, а прежде того было въ старыхъ вотчинахъ за Теодоромъ Васильевичемъ Шереметьевымъ, сельцо, что была деревня Рудина.» Ужели, думалъ я, сельцо Рудино было опята у Шереметева и взято въ казну Иоанномъ IV, или Теодоромъ Иоанновичемъ? Но Шереметевъ былъ любимъ и уважаемъ Иоанномъ, а Царемъ Теодоромъ былъ пожалованъ въ Бояре: первый выкупилъ его изъ Липовскаго плѣну за 20,000 золотыхъ, а послѣдній далъ ему шоржествовать въ распрѣ мѣстничества надъ Кн. Боряшинскимъ, и обвинилъ Князя даже въ томъ, что *злупалъ, говорилъ про Боярина про Теод. Васильевича* (*), — и такъ, для чего же было отбирать у него имѣнія на Государя?

Это отгадано въ III Томѣ *Актовъ Историческихъ*: тамъ, въ Несудимой грамотѣ, данной Царемъ Михаиломъ Теодоровичемъ Иосифову Волоколамскому монастырю въ 1622 году, сказано: «И пожаловалъ де село (Вейну, въ Козельскомъ уездѣ) и деревни и починки въ домъ Пресвятыя Богородицы (въ монастырской соборъ) блаженныя памяти Царь и Великій Князь Теодоръ Иоанновичъ всеа Русіи, вмѣсто Теодориповой вошчины Шереметева, что далъ по душѣ своей и по родителямъ»

(*) Это отнюдь не есть знакъ милости, а только судъ правды, милость никогда не простиралась на дѣла по мѣстничеству, которое находилось въ ея предѣлахъ *Ред.*

»въ Коломенскомъ уѣздѣ село Рудино да деревню Бурихину, и то село и деревни описаны на Великаго «Князя прошивъ села Вейны.» (*Акты Ист.* Томъ III N. 108).

И такъ Бояринъ Шереметевъ, предъ концемъ жизни поспригшійся (ибо названъ Ѳеодорипомъ), далъ по душѣ своей Іосифову монастырю село Рудино, которое Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ вымѣнялъ у монастыря на село Вейну; а Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ 1624, какъ уже и сказано, пожаловалъ его за Московское осадное сидѣніе Пашковымъ (*).

III.

Между шѣмъ позволяю себѣ нѣчто замѣтить касательно 34-го *Примѣчанія* во II Томѣ, приложеннаго къ двумъ любопытнѣйшимъ письмамъ монахини Ольги, бывшей Царевны Ксеніи, и ея послушницы: Почтенные издатели *Актовъ* заключающъ, что Ксенія не была, *ни на Блгоозерѣ, ни во Владимірѣ*. Нельзя не согласиться въ первомъ: *Акты* открываютъ это явно; касательно же послѣдняго, можно, думаю, согласиться съ письменными и изустными преданіями, шѣмъ болѣе, что ни *Историческіе*, ни *Археографическіе Акты* не опровергаютъ пребыванія Царевны во Владимірѣ. Въ двухъ описаніяхъ, приводимыхъ Карамзинымъ, сказано, что, послѣ сожженія Новодѣвичьяго монастыря, монахинь перевели во Владимірскій Успенскій. (И. Г. Р. т. XII. прим. 759). Въ печеніи двухъ вѣковъ не перестаютъ показывать памятникъ Ксеніину келію. Покойный Кн. Ив. Мих. Долгоруковъ, бывший въ 1803 году Владимірскимъ Губернаторомъ, сказывалъ мнѣ, что слышалъ объ ея памятникѣ шестнадцатилѣтней инокини, которая, въ молодости, слышала тоже о подобной ей

(*) Это село, съ XVII же столѣтія село, досталось мнѣ по наслѣдству отъ матери моей, по себѣ Пашковой, и причислено по новому раздѣленію къ Серпуховскому уѣзду. Деревня Бурихина уже не существуетъ, а пустошь подъ симъ именемъ находится и теперь.

долготѣпіемъ спарицы. Эпи преданія могутъ не совсѣмъ казаться забавными, ибо подтверждаютъ сказанное въ двухъ хроникахъ. Неправедливо только то, что Ксенію послали во Владиміръ немедленно послѣ посприженія; и Исторіографъ сказалъ, что ее удалили во Владиміръ гораздо послѣ, хотя невѣрно означилъ время, при Шуйскомъ, которъй былъ уже въ плѣну.

Біографія Царевны можетъ заключиться такъ:

Царевна Ксенія Борисовна была посприжена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ 1605 году, гдѣ монашествовала и Марія Владиміровна, Королева Лифляндская, (въ инокиняхъ Марѳа), посприженная при Годуновѣ, Правитель или Царь. Когда Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій, въ 1606, велѣлъ съ почестію перенести гробы Годуновыхъ, изъ скудной Московской обители Св. Варсонофія, въ Троицкую Лавру, тогда Ксенія (въ инокиняхъ Ольга), находилась при открытіи гробовъ отца, матери и брата, и провожала ихъ въ Лавру. Въ самое смутное время междуцарствія Троицкая обитель была твердиною Россіи, и почиталась убѣжищемъ безопаснымъ: Ксенія удалилась туда, въ 1608, за нѣсколько времени до осады, вмѣстѣ съ Королевою Марією, которая памъ похоронила младенца-дочь, что, вѣроятно, заставило ее памъ же избраться и себѣ могилу. Въ 1609 Ксенія писала изъ осажденнаго Троицкаго монастыря въ Москву къ пешкѣ своей, Княгинѣ Ногопковой, и изображала свое превожное памъ житье и опасности, коимъ ежечасно подвергалась. По снятіи осады, она и Марія, возвратились въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ въ 1611, были свидѣтелями ужасныхъ несповспѣвъ и грабежа отъ Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ, которые вшорглись въ обитель, опустошили ее и выжгли (*).

(*) „..... а какъ Ивашка Заруцкой с толарици Девичъ Монастырь взяли, и они Церковь Божию разорили, и образы обдирали и кололи поганскимъ обычаемъ, и черницъ Королеву Князь Володимирову дочь Ондресвича и Царя Борисову дочь Олгу, на которыхъ прѣжь сего и зрѣны не смѣли, ограбили до нага.“ (Изъ Грамоты Боярь, 1612 г. Января 26).

Имеништыхъ монахинь перевезли, прямо съ пепелища, въ Владимірскій Успенскій монастырь (*). Москва была для Ксеніи слишкомъ полна гореспныхъ воспоминаній, и она послѣдовала за монашесквующими сестрами. Тамъ еще показывають ея келлію и окошечко, изъ котораго она выглядывала на небо. Впослѣдствіи она удалилась въ болѣе уединенную Суздальскую Покровскую обитель, гдѣ и скончала свою крестноносную жизнь въ 1622 году. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ исполнилъ ея завѣщаніе, повелѣлъ перевезти ея шельо въ Троицкую Лавру и похоронить съ родителями (**).

IV.

Перелисывая *Древнюю Росс. Вивлиоіку*, я нашелъ намъ, что за Москвою рѣкою, близъ храма Св. Николая въ Толмачахъ, похороненъ, въ 1687 году, одинъ изъ Паниныхъ, именемъ *Ларіонъ*, на погребеніи котораго былъ самъ Папріархъ (Іоакимъ). Эпо напомнило мнѣ о сняшомъ однажды мною спискѣ съ надгробнаго памяшника, воздвигнушаго Графомъ Пешромъ Ивановичемъ Панинымъ надъ прахомъ его родителей, и находившагося, для починки нѣкоторыхъ украшеній, въ ма-сперской Г. Кампіони (***) . Соображая годъ рожденія

(*) „Инокнигъ выведоша въ пѣборы и Монастырь (Новодѣвичій) разоршиа и выжоша весь, старицы же послаша въ Монастырь въ Володимерь“. (*Ник. Лвт.*) Едва ли нужно здѣсь прибавить, что, хотя Марія съ Ксеніей и были ограблены, однако же изъ нѣкотораго уваженія къ ихъ сану были, безъ сомнѣнія, причислены къ старицамъ.

(**) *Акты Археорафической Экспедиціи* III. 176.

(***) Эшомъ памяшникъ стоалъ въ Алексѣевскомъ дѣвичьемъ Монастырь, на мѣстѣ котораго воздвигается храмъ Спасителя. Тамъ же, въ 1753, была похоронена и моя прабабка по матери, игуменьи онаго монастыря, Ѳеопанія Львовна Пашкова. — Желательно, чтобы уцѣлѣвшіе камни, или имена извѣстныхъ покойниковъ нѣкогда собрались въ небольшой павильонъ, которій можно устроить въ какомъ нибудь отдѣленіи новаго зданія, съ пояснительною надписью для буду-

опца соорудилъ, и годъ кончины упомянутого въ *Вислювикъ*, Ларіона Панина, думаю, что первый могъ быть внукомъ послѣдняго. Вотъ этотъ списокъ :

«Здѣсь
погребены тѣлеса
рабовъ Божіихъ

Ивана Васильевича Панина, родившагося въ 1673, начавшаго опечеству службу свою Сполънякомъ, и окончившаго Генераль-Поручникомъ, мужа добродѣтельныйнаго, Хрисіаніана благочестиваго, ревностнаго сына опечества, носившаго довѣренность Пешра Великаго, избраннаго на служеніяхъ, и опъ слѣдствій тяжкихъ ранъ, преспавившагося въ Москвѣ, въ 1736, Мая въ 11 день, на 63 году опъ рожденія. Предки его вышли въ Россію изъ Лукской Республики въ XV вѣкѣ. Заслуги сыновъ его возвели колыно его рода на Графское достоинство.

Супруги его Аграфены Васильевны, урожденной Эварлаковой, родившейся въ 1688, и преспавившейся на 65 году, 1753, Августа 20-го, въ Московскомъ Спирасномъ монастырѣ, куда по кончинѣ супруга своего, уединилась проводить оспатокъ дней житія благочестнаго.

Дщери ихъ, Анны Ивановны, супруги Тайнаго Дѣйствительнаго Совѣтника Неплюева, рожденной въ 1717, и скончавшейся въ цвѣтущихъ лѣтахъ своея добродѣтельной жизни, въ Оренбургѣ, въ 1745, въ 12-й день Юня, на 28 году опъ рожденія».

(на другой споронъ)

«Памятникъ воздвигнуть меньшимъ сыномъ опчившей въ Бозѣ подъ нимъ благочестивой чепы, покорившимъ городъ Бендеры и низложившимъ Самозванца и бунтовщика Пугачева,

Графомъ Пешромъ Ивановичемъ Панинымъ, въ 1784 году».

цихъ археологовъ, что эти покойники похоронены здѣсь прежде основанія Спасишелева храма. Помогамъ будетъ лестно вспоминать, что знаменитый храмъ, священный памятникъ избавленія Россіи, стоитъ надъ прахомъ ихъ предковъ. Н. И. П.

(Эта вторая надпись на другой спорной памятника вѣроятно прибавлена по кончинѣ соорудителя, или показываесть намъ, что вѣрные слуги Престолу и Опечесству не скрываютъ своихъ дѣлъ опъ попомсхва подъ личиною неумѣстной скромности, но славятся и гордящяся ими. Суворовъ не шаялъ своихъ воспорговъ, доходившихъ до изсшуплена, когда вспоминалъ свои *старые походы*).

И такъ предки Графа Петра Ивановича Паина выѣзжали изъ Италіи, называвшейся тогда у насъ Фряжскою землею, гдѣ и понынѣ существуетъ фамилія Панини (Paini), служивъ Іоанну Великому; отецъ его проливалъ кровь за Петра *Великаго*; а онъ, повергнувшій ключи опъ Бендеръ и кляпку съ Пугачевымъ къ стопамъ Екатерины *Великой*, всегда говорилъ Ей съ твердосію вельможи - напроша смѣлую правду. (См. *Отечественную Галерею*, изд. 1832, Томъ I, стр. 117, и многіе анекдоты, относящяіеся къ царствованію Екатерины II) (*).

Нужно ли прибавить, для Русскихъ, что родной брашъ его, Графъ Никиша Ивановичъ, былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ Министровъ Екатерины и воспитателемъ Павла Iго?

Н. Иванчикъ-Писаревъ.

(*) Въ молодости онъ служилъ подъ знаменами Миниха и Лассіа, отличился на всѣхъ важнѣйшихъ сраженіяхъ семилѣтней войны, былъ главнымъ виновникомъ побѣдъ при Франкфуртѣ на Одерѣ, въ 1750 году, и по занятіи Берлина, управлялъ Пруссіею, въ званіи Генералъ-Губернатора Кенигсбергскаго.

К Р И Т И К А.

Памятники Московской Древности, съ присовокупленіемъ очерка монументальной Исторіи Москвы, и проч. Сочиненіе И. Снегирева. Изданіе А. Семена. Москва въ Тип. Семена: 1841. въ 4-ку. с. СХІІ. 19.

Первоначальною мыслию объ этомъ описаніи и средствами привесить ее въ дѣйствіе Публика и Литература обязаны Князю Д. В. Голицыну, котораго имя блистаетъ на всякомъ предпріятіи въ славу древней нашей Столицы. Авторъ, *Г. Снегиревъ*, который лишь двадцать занимается Русскою спариною, не пощадилъ своихъ трудовъ, чтобы исполнилъ новое возложенное на него порученіе, достойно своего предмета. Рисунки шакіе, какихъ у насъ еще не бывало; ими обязаны мы удивительному искусству *Г. Солнцева*. Эпопъ художникъ постигъ вполнѣ характеръ и духъ древности, и передаетъ ее въ своихъ снимкахъ, какъ въ зеркалѣ. Они оплитографированы оплично въ Парижѣ: мы говоримъ о первой нашей Святыни, Иконѣ Владимірской Божіей Матери, и о сѣни надъ Пресполомъ въ Успенскомъ Соборѣ. Иконоспасъ — прекрасная картина, но она подаситъ иносспрациу невѣрное понятіе о своемъ подлинникѣ: во-первыхъ онъ слишкомъ свѣтелъ, во-вторыхъ онъ предспавленъ слишкомъ опдѣльно, бывъ пакъ сказанъ вынуть изъ цѣлаго, между лѣтъ, какъ шолько въ цѣломъ, вмѣстѣ съ прочими часнями, онъ производитъ полное дѣйствіе. Древній планъ Москвы сдѣланъ оплично *Г. Тромонинымъ*, въ которомъ пакже наша древность получила достойнаго воспроизводителя. Не понимаемъ шолько, какимъ образомъ *Г. Семень* могъ предспавить рядомъ съ сими картинами брачные вѣнцы Царей Россійскихъ и шафью Св. Царевича Димитрія, которые сняты *Г. Солнцевымъ* и выгравированы *Г. Скошниковымъ* прекрасно, но что за раскраска, что за бумага! Какую прошивуполож-

ность представляють онѣ съ произведеніями Французскаго искусства! Это даже обидно: не ужели издастель не могъ найсти лучшей бумаги въ Москвѣ, и шпанихъ масперовъ, которые поддѣлались бы къ работѣ своихъ иноспранныхъ шоварищей. Барельефъ Св. Георгія во-все не раскрашенъ. Планы, разрѣзы и фасады Собора Архангельскаго и Успенскаго споняли большихъ шрудовъ художнику, но что за несчастнѣйшая мысль представили ихъ въ плакомъ уменьшенномъ маштабѣ? Помышуйте, неужели можно получить какое нибудь понятіе о нашихъ древнихъ величавыхъ Соборахъ, смощри на эти миниашюры! Надо было посвящити покрайней мѣрѣ по чепверти листа на каждый разрѣзъ и фасадъ.

Печать опличная и приносишь честь шипографіи Г. Сѣмена, который принялъ на себя всѣ шруды и издержки изданія.

Обратимся къ сочиненію. Г. Снегиревъ сообщилъ здѣсь множество новыхъ разнообразныхъ и любопытныхъ свѣдѣній не только о Москвѣ и ея памятникахъ, но и вообще объ Испоріи художествъ въ Россіи и самомъ производствѣ. Это множество соспавляетъ достоинство, но вмѣстѣ и недоспапокъ (*inopem coria fecit*), попому что мѣшаетъ ясности и производишь сбывчивость въ головѣ у читателя, который не скоро можетъ опредѣлитъ важное отъ неважнаго, и увидѣшь ходъ дѣла.

Предложимъ шеперь нѣсколько замѣчаній на историческое введеніе.

Авторъ раздѣляетъ монументальную Испорію Москвы на періоды. Не думаю я, что Тохпамышево нашествіе можно назвашь эпохою, ибо Москва послѣ Тохпамыша очень мало опличчалась отъ прежней; поже должно сказашь и о Васильѣ III. Время Іоанна III и масперовъ Испаліанскихъ — вопъ эпо другое дѣло.

Семь холмовъ, искомыхъ подъ Москвою, какъ подъ Римомъ и Константинополемъ, показаны очень не ясшвенно, и не знаешь, что здѣсь принадлежишь Автору, и что Г. Фишеру, на сочиненіе котораго онъ указываель въ заключеніи. Сшранно, что между сими 7 холмами, мы видимъ Три Горы, находящіяся и шеперь на самомъ краю города, и не видимъ возвышенности, которая отъ Самошки и Трубы

подымается къ Сухаревой башнѣ, Рождественскому монастырю и Лубянкѣ.

Говоря, откуда происходитъ имя Москвы, надо бы упомянуть, гдѣ напечатаны словопроизводства, напримѣръ, гдѣ Г. Вельпманъ производитъ названіе Москвы отъ Ташарскаго слова Москія (мясыхъ, Хриспось)? Масыхъ очевидно есть Мессія, слѣд. имя Москвы происходитъ отъ Еврейскаго слова Мессія!!

Названіе Кремля Авпоръ счищаетъ однозначительнымъ съ Крымомъ, и вмѣстѣ приводитъ среднее Лапинское Stenellus, сѣвннй рубецъ, и Польское Стата, лавка, stamplu-zamsk. (VI). Такія сближенія — конекъ Авпора, и онъ часто сближая различаетъ, и однимъ подобіемъ уничтожаетъ другое, напримѣръ при словѣ *Дѣтинець* онъ предлагаетъ слово *dziedzines* отъ дѣдина, деревня, владѣніе, домъ дѣдича, и мѣсто укрѣпленное (*detinens*) (*).

При изслѣдованіи о Кремлѣ надо бы показать, когда и гдѣ въ первый разъ встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ и документахъ имя Московскаго Кремля, также Новгородскаго и Псковскаго, чѣмъ судить съ бѣльшею достоверностію о принадлежности этого слова Ташарамъ.

На с. V. Авпоръ упоминаетъ объ имени Кремника въ лѣтописи подъ 1331 год., а на с. VI говоритъ, что въ чертежѣ Москвы Цар. Феодора Годунова и избирательной Грамотѣ Михаила ... этотъ городъ едва ли не въ первый разъ названъ Кремлемъ.

Напрасно говоритъ Авпоръ, что явъ первоначальномъ спроеіи и расположеніи Москвы спроеітели слѣдовали плану древнѣйшихъ городовъ и проч. (VI).« Здѣсь не было никакого плану, а всѣ города наши и деревни испокон-вѣка спроеілись одинаково, п. е. какъ попало. Сходство въ именахъ двухъ-трехъ улицъ, Лубянки или Моховой, ничего не доказываетъ.

(*) Также ниже улицей Варьской, Варяжской, объясняетъ авпоръ Варварскую; церковь на *Хулижлахъ* (Луговинахъ) *Куликовской* побѣды.

Къ чему напримѣръ указывать на подобное сходство: *Налики* и Греческое слово *Λοιβη*, богослуженіе, и *Loebisus*, Сабин. Бахусъ?

Такъ точно при собспвенныхъ Московскихъ именахъ *Драчи* и *Неглизна*, кои вспрѣчаются и на Сѣверѣ, Авшоръ (CVIII), замѣчаетъ, что переселенцы могли дать одинакое наименованіе рѣкамъ при переходѣ съ своего пепелища на новоселье; такіа имена могли произойти въ разныхъ мѣстахъ отъ одинаковой мѣстности.

Собраніе собспвенныхъ именъ Московскихъ (Грязи, Глиница) очень хорошо. Покойный Андреевъ хлопоталъ также много о возстановленіи физическаго изображенія Москвы по собспвеннымъ именамъ.

«Когда Южная Россія отдѣлилась отъ Сѣверной, уничтожилось первенство Владиміра Кляземскаго (VII)». Напротивъ первенство тогда не уничтожилось, а только что утвердилось. Уничтожилось же первенство Владиміра потому, что нареченный Князь Владимірскій осмался жить въ Москвѣ.

Мы не понимаемъ, откуда Авшоръ взялъ древнее раздѣленіе Москвы на шреши. Калипа раздѣлялъ ее на три части случайно, потому что у него было три сына; онъ раздѣлялъ бы ее на четверши, еслибы у него было четверо сына, или на половины, еслибы ихъ было двое. Эти шрепшия части пошли въ наследство, какъ общины.

«Раздѣленіе на шреши сосшло въ томъ, что пошягло къ городу, ш. е. въ шамгѣ, мѣстахъ, перевозахъ, пошлинахъ и въ городской осадѣ (V)». Это протшо ничего не значить: что же шянуло къ городу, и что къ части его или къ шреши? Какъ раздѣлялось это шягло?

Въ чемъ сосшло льготы Московскихъ поселенцевъ (VII), не сказано ни слова.

Напрасно Авшоръ говоритъ, что Суздальскій Князь Юрій давалъ въ Москвѣ празднество (1147 год. Марта 28), по случаю прибрѣшенія смежной съ нею земли Голядовъ (с. IV). Землю прибрѣлъ не Юрій, а союзникъ его Сѣверскій Князь Святославъ.

Вслѣдствіе двухъ-трехъ случайныхъ свиданій немногихъ Князей отнюдь нельзя называть Москвы мѣстомъ великаго съѣзда Русскихъ Князей (IV)». Москва имѣетъ слишкомъ много истинныхъ значеній — за чѣмъ приписывать ей не принадлежачія.

Авторъ кажешся много пособилъ бы чипашелямъ, елибъ приложилъ къ своей Исторіи нѣсколько паблиць, какъ-шо о распроспраненіи Москвы, по мѣрѣ собспвенныхъ именъ, попадающихся въ лѣтописи. (Въ 1340 г. напримѣръ извѣспенъ Кремль ... шакія-шо улицы... церкви ... Въ шакомъ-шо году упоминаюся еще вопъ какія мѣспа, и шакъ далѣе).

Во 2 й паблиць мы желали бы видѣшь исчисленіе монаспырей и церквей, по ихъ древности, съ эпохами ихъ поспроенія или извѣспности.

Въ 3 й паблиць можно бы помѣспилишь имена художниковъ, или зданій.

Въ ципашахъ Авторъ особенно несчастливъ. Гдѣ онѣ нужны, гдѣ нужны подлинныя слова, часшо ихъ нѣштъ, и наоборощъ. Гдѣ извѣспіе напримѣръ Нѣмецкаго монаха Теофила въ XI вѣкѣ объ искусствѣ Русскихъ художниковъ въ опдѣлкѣ черню. Помилуйше — эшо извѣспіе драгоцѣнно: дайше же его вполнѣ ученымъ образомъ, а не мимоходомъ; объявише, гдѣ находияся вашъ кодексъ, какой онѣ и проч.

Въ примѣчаніи нужны подлинныя слова акповъ XVIII вѣка« гдѣ вспрѣчаешся имя *хребта Кремлевскихъ горъ*.

При первой яко бы каменной церкви въ Москвѣ »Рождества Св. Іоанна Предспечи подѣ Боромъ, у Боровицкихъ воровъ (V)« не сказано ни слова, опкуда почерпнушо эшо извѣспіе.

А наоборощъ: Къ чему напримѣръ ссылка на Сборникъ при имени »полумионческаго Кучки.« Чшо глущъ шакого, для удосповѣренія чего нужно указаніе, при помѣ очень сбивчивое?

Спранно шакже видѣшь при извѣспіи о соединеніи въ Москвѣ Всеволода съ сыномъ Констанциномъ ссылку на Ученныя Записки вмѣспо лѣтописи.

»Главнымъ пушемъ къ средопочію Москвы служили не Пяшницкая, но Серпуховская улица« — и при эпомъ показаній ссылка на Вѣспникъ Европы 1829 года! Чшо же эшо за свидѣпельство?

Языкъ Г. Снегирова правильный, и обилуетъ многими новыми, драгоцѣнными словами, кои Авторъ выкопалъ изъ документовъ, или доспалъ изъ живой рѣчи народной; но слогъ

часпо загромаждень лишними словами, и грѣшнѣ иногда прошивъ точности и ясности, логической и рипорической, точно шакъ же какъ и испорической. Часпо соединяюшся свѣдѣнїя разнородныя, наприм.: »въ свѣтахъ и подвалахъ храмы Божїи иногда хранили казну Государеву,« и послѣ примѣровъ слѣдуешь шощчасъ замѣчанїе: »шшилъ церковнаго зодчеспва былъ Византїйскїй.«

Въ предисловіи помѣщено сполько разнородныхъ лицъ, содѣеспвовавшихъ изданїю, что нельзя не порадоваться количеству любшпелей и знашкоровъ Испорїи въ Москвѣ. Мы удивились штѣмъ болѣе, что нѣкопоровъ вовсе не подозрѣвали въ особенной любви къ Древностямъ; за шо другїе лишены вшой. чеспш, наприм. въ примѣчанїи Б. надо бы означшш, что важное указанїе о Москвахъ, находящшхся въ нѣкопоровъ Славянскихъ спранахъ, (равно и другїя географшческія извѣспїя), принадлежатъ покойному Ходаковскому.

Въ заключенїе пожелаемъ Авшору досшойнаго вознагражденїа за его многолѣшнїе и шяжелые шруды — во вниманїи Публики. Пожелаемъ и Издателю, шшобъ онъ получилъ средства продолжатъ и еще болѣе усовершенспвоватъ роскошное свое изданїе. Мы увѣрены, что при хорошемъ сбшшѣ онъ уменьшшштъ насшоящую цѣну, слшшкомъ обременштельную для большшнства покупателяш.

Погодинъ.

СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ФИН- ЛЯНДСКАГО.

Перев. съ Нѣмецкаго. Гельзингфорсъ. 1840.

Финляндія есть ша любопытная страна, гдѣ всего бо-
лѣе соединились обломки Финнскаго племени, первобытнаго
въ Европѣ, падшаго въ борьбѣ съ новыми пришельцами, и
разсѣяннаго ими на всемъ огромномъ пространствѣ отъ при-
уральскихъ странъ до Балтійскихъ водъ. Поселенное на без-
конечной равнинѣ, которая такъ однообразно расплываеш-
ся во всей Россіи, оно непрерывно приходило во враждеб-
ное прикосновеніе со Словянскими и Германскими народами,
искавшими здѣсь господства и мѣстъ для жилищества. Вы-
державъ борьбу съ одними, оно уже приготавливалось къ новой
брани съ другими. Среди такихъ бѣдствій, волненій и пе-
реворотовъ, пограсавшихъ Финнское племя, погибъ почти
первобытный типъ его образованія, и почти испребился на-
родъ, составляющій теперь вообще не болѣе 3 мил., въ двад-
цать разъ менѣе Славянъ. Между народами есть также ве-
ликіе примѣры несчастій, какъ между частными людьми.
Основываясь на нѣсколькихъ фактахъ, ученые спали опвер-
гали всякую образованность, всякую людскость Финнскаго
племени, исчезающаго въ Словянскомъ: для нихъ доспапоч-
но было знать, что Финнъ былъ найденъ и всегда предспа-
вляемъ Исторіею покореннымъ, что онъ никогда не возвы-
шался до городской жизни съ ея гражданственностію и ре-
месленностию, что онъ всегда жилъ среди болотъ и лѣсовъ.
Фавны и Сапиры занимательны только въ Мисологіи. Въ
Исторіи осталось лишь шемное воспоминаніе, имя Біармінъ;
существующъ въ успахъ народа Чудскія копи, и не совсѣмъ
стгладились съ лица земли гробницы Финнскихъ селъ, видныя
на многихъ городищахъ; но здѣсь почти все, уцѣлѣвшее отъ
прошедшаго Финновъ. Мы съ большимъ участіемъ недавно
узнали, что погибшая, грубая образованность этого пле-
мени воскресаетъ чрезъ изслѣдованія нѣкопрыхъ ученыхъ,
дѣйствующихъ соединенными силами. Такъ въ 1831 году
образовалось Финнское литературное общество, которое
между прочимъ имѣетъ цѣлю обрабощаніе Финнской Исто-

рнн. Въ 1838 году соспавилось Эсмонское общество въ Дерпшт. Уже собрано много народныхъ пѣсней, найдена даже цѣлая эпопея, опкрыто много древностей, собраны нѣкопорыя понятія и вѣрованія народа, его древння преда- ння. И вопъ на Русскомъ языкѣ являешся спашиспика Финн- ланднн.

Все Финнское племя, взяпое въ совокупности, соспавляешъ не болѣе 3 мил. душь. Въ Финланднн живешъ до 1,400,000 человекъ — почти половина, а оспашпокъ разсѣянъ въ разныхъ частяхъ Росснн. Природа, копорую окруженъ Финнъ, совершенно особенна. Вся земля носптъ слѣды раз- рушеннй, какъ самое племя. Вездѣ видно сокрушптельное дѣйствнне силы, копорая покрыла Финландню чудною сѣшью озеръ, соединила ихъ пропками, и раздѣлила непрспупны- ми ушесами и огромными обломками скаль. Спрана эпа ешъ нешто иное, какъ огромное гранпнное возвышеннне, изрыпое многочисленными бассейнами, покрывпое болопами и наносами. Не смощра на эшо множесство скаль и огромную массу воды, въ Финланднн нпгдѣ не видно высокпхъ горнпхъ цѣпей или испннпныхъ рѣкъ, съ полнымъ географическимъ харакперомъ. Нпгдѣ скалы ея не поднимаются выше 1200 фушовъ, а осно- ваннне соспавляешъ гранпшную пвердыню, вышпною опъ 3 до 600 ф. Хребешъ, извѣспный подѣ именемъ Моансилки, и проспирающнйся у береговъ Бѣлаго моря, гдѣ онъ образуешъ раздѣльную лннню водъ, нпзокъ и покрывъ болопами. Дру- гня раздѣльныя высоты соспоятъ изъ песчаныхъ холмовъ, копорые часто теряются въ безплодныхъ равнпнахъ.

Эпа спрана озеръ, копорую уже Шлецеръ сравнпвалъ съ Канадою, проспираешся съ В. на З. опъ Болпническаго залива до Онежскаго озера на спю миль, а съ Ю. на С. по обѣмъ споронамъ полярнаго круга, опъ Финнскаго залива до Бѣлаго моря и Ледовпнаго Океана, нли опъ 60 до 64° с. ш. на 150 миль. Все проспранство, занимаемое Финнландн- ею, полагаешся въ 6,873 □ м. Съ Воспочнон споронн она со- еднняешся съ матерпкомъ Европы посредспвомъ перешейка, копорый пдептъ опъ внупренняго угла Фнннскаго залива до Юго-Западнаго угла Бѣлаго моря. Хопя и эшо соединеннне съ матерпкомъ незначптельно, но оно еще сокращаешся озе- рами Ладожскимъ и Онежскимъ, копорыя разплваются по перешейку съ С.-В. на Ю.-З. На эшомъ основываешся догад-

на, что здѣсь было нѣкогда соединеніе водъ Бѣлаго моря съ Балшійскимъ. Сухопутная граница этого перешейка составляетъ только половину, и даже въ шикомъ видѣ она прерывается многими озерами.

Геологическое образованіе Финляндіи таково, что она доставляетъ прекрасный мраморъ, шведскій, принимающій отличную полировку, и отъ того употребляемый для великолѣпныхъ зданій. Финляндія доставила гранитъ для колоссальнаго памятника Императору Александру I, на постройку мраморнаго дворца, равно и колонны для Исакиевскаго Собора. Около Выборга и Фридрихсгама добыты были каменья для набережной Невы и Петербургскихъ каналовъ, также колонны, украшающія Казанскій Соборъ. Особенной красоты гранитъ находится около Або. Мраморъ добывается на Сѣверѣ и Сѣверо-Востокѣ Ладожскаго озера: онъ былъ употребленъ для Исакиевскаго Собора. Въ разныхъ мѣстахъ Финляндіи открыты признаки благородныхъ металловъ, но изъ ближайшихъ изслѣдованій содержаніе ихъ оказалось столь маловажнымъ, что не можетъ вознаграждать издержекъ разработки. За то спрана эта изобилуетъ желѣзомъ, которое добывается не только изъ горныхъ рудниковъ, но изъ многихъ озеръ и болотъ.

Климатическія отношенія Финляндіи весьма различны. Большое вліяніе на это имѣютъ предметъ обнаруживаютъ присутствіе болотъ, которые вмѣстѣ съ озерами производятъ чрезъ испареніе сырость и холодъ. Это объясняетъ намъ разность въ климатѣ Або и Гельсингфорса съ климатомъ Улеборга. Хотя въ южной Финляндіи продолжается семидесятидневная зима, съ половины Октябрю до половины Мая, и хотя холодъ достигаетъ 26° , однакожь тамъ родятся вишни, груши и яблоки. Въ Улеборгѣ господствуетъ полярный климатъ, и средняя температура года составляетъ полградуса тепла, а по мнѣнію другихъ, стоитъ даже ниже точки замерзанія. Здѣсь только въ концѣ Мая вскрываются рѣки, деревья пускаютъ зелень, но уже въ срединѣ Августа, иногда даже въ концѣ Юля, наступаютъ ночные морозы, и рожь часто въ печеніе 6 недѣль застываетъ, созреваетъ и собирается съ полей.

Невыгодныя климатическія и геогностическія условія хлѣбопашества въ Финляндіи, породили особые способы, ко-

торые частію удержались досель. Жители ввели пережегу, т. е. на лѣсиспомъ, годномъ для обработки мѣспѣ вырубаяющъ и сжигаютъ лѣсъ для того, чтооь оставшаяся зола удобряла землю, которая попомъ вспахивается и заѣваешся. Если земля окажется плодородною, то на ней сѣютъ въ слѣдующій годъ, а попомъ оставляютъ опдыхать и обросшатъ лѣсомъ попрежнему. Такой способъ, прежде довольно общій, однакожь изпоцаетъ землю и уничтожаетъ лѣса, составляющіе одну изъ главныхъ опоръ благосостоянія Финляндіи; опъ того онъ оставается и поддерживается только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣшительно необходимо по свойствамъ почвы. Мѣспа болошиспья, представлявшія прежде затрудненіе для обработки, теперь понемногу осушаются; Финляндець приобретаетъ новыя поля и луга, климатъ иерекаетъ свою суровость, происходящую опъ того, что воздухъ былъ постоянно насыщаемъ сыростію. Тамъ, гдѣ почва способна, земледѣіе весьма распространено и достигло значительной степени совершенства. Изъ хлѣбовъ, воздѣлываемыхъ въ Финляндіи, особенно занимаютъ важное мѣсто рожь, ячмень, овесъ: полнолѣсная и урожайная вазаская рожь пзвѣстна Русскимъ хозяевамъ. Пшеницы добывается мало, чего надо и ожидать: сѣверные народы обыкновенно ѣдятъ черный хлѣбъ. Количество получаемого ежегодно хлѣба, опредѣляется и у нашего авпора. Намъ неизвѣстно, какой способъ употребленъ былъ для полученія общихъ результатовъ о количествѣ ежегодно снимаемого хлѣба. Каково бы оно ни было, мы знаемъ, что даже при лучшихъ урожаяхъ рѣдко во всѣхъ мѣстахъ бываетъ достаточна хлѣба для необходимаго продовольствія жителей. Тамъ поселениы въ иныхъ мѣстахъ никогда не ѣспт чистаго хлѣба, а примѣшиваютъ исполченную мелко солому, исландскій мохъ, сосновую кору.

Какъ физическія условія въ Финляндіи неблагопріятны для земледѣія, такъ состояніе и распределеніе земельной собственности выгодно. Земля тамъ воздѣлывается крестьянами, копорые, смотря пошому, на чьей землѣ поселены, называются помѣщичьими, поденными, независимыми. Казенные платятъ за землю, копорую пользуются, извѣстныя подати въ казну. Но съ внимъ пользованіемъ соединено одно преимущество, въ высочайшей степени способное пробудить промышленный духъ, предприимчивость, породить порядокъ,

бережливоспъ и всѣ добрыя качества хорошаго земледѣльца. Финляндскій крестьянинъ, единовременно внесшій подаши за три года, получаетъ землю въ полную собственноспъ, располагаетъ ею по произволу, и переходитъ въ классъ независимыхъ земледѣльцевъ. Прекрасная надежда сдѣлалась собственникомъ, утвердишь свое положеніе обладаніемъ, споль прочнымъ — землею, оставивъ нѣкошорое обезпеченіе дѣтямъ, руководишь трудами поселанина, заставляешь его усиливать свою дѣятельноспъ, изобрѣшатъ, улучшатъ, и плоды этихъ спремленій скоро вознаграждаются, потому что вносъ денегъ незначителенъ. Между шѣмъ казна выигрываетъ: отдавая въ собственноспъ землю, получая за это деньги, она по прежнему продолжаетъ собирать назначенныя подаши. Общество также получаетъ выгоду отъ честныхъ спремленій и усилій селянина, который имѣющъ резульшатомъ большее производсво. Такимъ образомъ чрезъ это благодѣтельное преимущество выигрываютъ всѣ споронны — казна, государство, крестьянинъ. Прекрасныя качества спрудолюбія, бережливоспи, порядка, распорядительноспи, однажды пробужденныя, обращаются въ необходимыя для крестьянина, который упражняетъ ихъ нѣсколько лѣтъ; образуется прекрасное, дѣятельное, умное сословіе для успѣховъ промышленноспи и на пользу отечессва. Въ десятилѣтній періодъ съ 1825 по 1835 годъ, чрезъ единовременную уплату трехъ-годныхъ подапей, 1830 казенныхъ учаспковъ обратилось въ наследсвенную собственноспъ земледѣльцевъ. Крестьяне помѣщичьи нанимаютъ землю у помѣщиковъ, платя имъ за это известную сумму. Это фермеры, наемщики. Мы желали бы въ книгѣ встрѣшитъ о нихъ болѣе подробноспей, именно о продолжительноспи контрактовъ, которые они заключаютъ съ помѣщиками.

Скошководсво въ Финляндіи значителенно по своему объему. Особенная порода живосныхъ еслъ олень, который составляетъ домашній скошъ у многихъ, поселившихся въ сѣверныхъ проспрансвахъ Финновъ. Великій вредъ скошководсво терпитъ отъ хищныхъ звѣрей. Хотя въ каждомъ приходѣ стараются уменьшить это зло назначеніемъ общихъ звѣриныхъ охотъ, и хотя звѣроловсво составляетъ одинъ изъ промысловъ крестьянина, особенно въ сѣверныхъ спранахъ, хищные звѣри находящся въ такомъ множесствѣ, что

въ Абоской губерніи опъ 1834 по 1837 годъ ими было из-проблено 912 лошадей, 2,447 штукъ рогатаго скопа, 7,224 овцы, много свиней и козь. Чпобъ отвратишь эпо бѣдспвіе, спали назначашь преміа за каждаго убишаго хищнаго звѣря, и въ печеніе упомянушаго прехлѣшіа въ Абоской губерніи выданы преміа за 31 медвѣдя и 541 волка и рысь.

Фабричная промышленность, по мнѣнію Авшора, находится въ Финляндіи на самой низкой степени. Въ печеніе 10 лѣтъ, опъ 1826 по 1835 годъ, было испрошено у Правительства только 58 позволеній на заведеніе фабрикъ. Общес число эшихъ фабрикъ незначительно, производство на нихъ слабо. Позволенія на заведеніе суконныхъ фабрикъ выданы были большею частію бѣднымъ шкачамъ и красильщикамъ, копорые не имѣють капиталовъ, и ограничиваюцца только собственною ручною работою, обдѣлывая за извѣстную плату шерсть, доставленную по заказу разными лицами. Эпи фабриканшы поже, чпо у насъ въ Россіи спранспвующіе шерстобитшы. Несмотря на эти данныя, мы не можемъ согласишьсѣ съ ученымъ авторомъ, чпо въ Финляндіи фабричная промышленность слабо развита. Доказательство пропивному находимъ мы въ его же сочиненіи, гдѣ упоминаецца, чпо народъ посполно преуспѣваецца въ своихъ, съ давнихъ временъ, обычныхъ ремеслахъ, и приготавлиаецца издѣліа не только для собственного попребленія, но и для продажи (спр. 84). Простыи холсты, грубое сукно, обувь, многіе предметшы роскоши, удовлетворяющіе суешности сельской щеголихи, приготавлиающа въ самой Финляндіи, и попребляюцца въ огромномъ количествѣ. Пипка бисеру, оловянное кольцо, кожаные башмаки, прельцаюцца также взору молодой креспьянки, какъ изящныя вещи модныхъ магазиновъ привлекаюцца сполчныхъ щеголихъ. Эпо простыи, грубыя издѣліа: если не приготавлиаюцца на огромныхъ фабрикахъ, при оглушающемъ шумѣ машинъ, многочисленными работниками, шѣмъ не менѣе супъ издѣліа фабричныя, приводяціа въ движение большіе, хопя раздробленные до безконечности, капиталы, занимающіе множесство хопя несоединенныхъ рукъ. Кроме того въ Финляндіи естъ довольно другихъ занятій народныхъ, глубоко утвержденныхъ въ свойствѣ спраны и сношеніахъ народа. Говоримъ словами самаго автора: обрабощаніе произведеній лѣсныхъ, составляющихъ *важнѣйшій источникъ*

никъ доходовъ Финляндіи, предсавляетъ исключеніе изъ ограниченной промышленности спираны. Не малозначительная польза получаешь отъ лѣсовъ чрезъ пригошовленіе всякаго рода деревянной посуды и прочихъ домашнихъ принадлежностей. Въ Эсперботніи производящя съ особою выгодною кораблестроеніе. Вездѣ и особенно въ Эсперботніи добывается деготь и смола. Пильныя мельницы, особенно во внутреннихъ и восточныхъ частяхъ, доставляютъ великое количество досокъ, въ южныхъ же спиранахъ пригошовляется кромѣ того много шоссныхъ или планковыхъ досокъ и спроильныхъ брусевъ. Отсюда мы заключаемъ, что только нѣкотораго рода фабрики не процвѣтають въ Финляндіи. Мы не думаемъ, что можно призаывать въ Финляндіи скудость и бѣдность фабричнаго произволства на томъ лишь основаніи, что тамъ нѣтъ фабрикъ, которыя доставляютъ богатые бумажные, шелковые или металлическіе товары. Иначе надо былобъ согласишься, что фабричное производство Англіи также слабо, ибо она не обрабатываетъ столько дегтя, смолы, досокъ, брусевъ, какъ Финляндія, и бываетъ принуждена, за недоспашкомъ эшихъ предметовъ, получать ихъ изъ-за границы. Всякое государство избираетъ себѣ разные роды промысловъ, смотря по разнымъ естественнымъ и историческимъ отношеніямъ. Англія будетъ дѣлать ситцы и холстинку, Россія будетъ дѣлать канашы, гнать деготь, шкать парусину, рогожи, Финляндія пилятъ доски, строитъ корабли и пр. И когда есть возможность, то Финляндія займется пригошовленіемъ издѣлій, болѣе утонченныхъ: имѣя у себя много молодыхъ оленей, она выдѣлываетъ изъ ихъ кожи прекрасныя перчатки, извѣсныя во всей Россіи подъ именемъ Шведскихъ, и не разъ смѣявшія на нѣжной рукѣ Французскую лайковую перчатку. Желѣзодѣланіе подаетъ также богатая надежды. Эша промышленность, самая древняя между спаринными Финнами, пришла было въ упадокъ, начала опять подниматься, и смѣло можно надѣяться, что желѣзодѣланіе сославитъ со-временемъ самую важную отрасль народной промышленности, особенно когда научатся очищать руду отъ сѣрныхъ и другихъ лещучихъ часпицъ, сообразныхъ съ цѣлю и обработаніемъ.» Мы думаемъ, что всѣ изчисленные нами промыслы суть фабричныя, и если они находятся въ хорошемъ со-

сподіи, що никакъ не льзя согласишься съ мнѣніемъ, что фабричная промышленность въ Финляндіи не развила, скудна. Фабричными промыслами называющіяся тѣ, въ копорыхъ обрабатываются грубыя или сельскія произведенія. Сипцовый, шелковый фабрикантъ шакже обрабатываютъ доставляемые сельскимъ хозяйствомъ бумагу и шелкъ, какъ канашный, дегтяный, пильный заводчикъ обрабатываютъ доставляемые сельскимъ хозяйствомъ коноплю и лѣсъ.

И, шакъ мы утверждаемъ, что въ Финляндіи *есть скола народная, прочная ремесленность*, копорая спобіитъ всякаго поощренія, копорую життели не должны пренебрегать, мѣнятъ на какую нибудь новую, обещающую одні опасности, но усовершенствованъ, распространятъ. Мы даже сомнѣваемся въ томъ, чтобы заведеніе бумажныхъ, шелковыхъ и прочихъ несвойственныхъ фабрикъ, могло бытъ выгодно для Финляндіи. Теперь каждый брусъ дерева, каждый пудъ дегтя и пошаша и всякое количество произведеній скотоводства, опускаемыхъ за границу, превращается чрезъ торговлю въ сукно, сипецъ. Положимъ, что напр. доска спобіитъ 10 руб., и чрезъ обмѣнъ доставляетъ Финляндіи 20 арш. сипца, по 50 коп. за аршинъ. Если бы Финляндцы вознамѣрились дома занятыя производствомъ сипца, то надлежалобъ вынуть капиталы изъ лѣсной промышленности и обратитъ ихъ на сипцевыя фабрики. Тогда шопъ капиталъ, копорый производилъ доску, и доставлялъ 20 арш., не будетъ уже приносить этого числа аршинъ. Финляндцу, по недоставку искусныхъ работниковъ, улучшенныхъ машинъ, по новоспи предпріятія, сипецъ обойдется дороже, вмѣсто 50 коп. положимъ по 1 рублю. Въ шакомъ случаѣ капиталъ, производившій доску и дававшій 20 арш. сипца, спанетъ доставлять только 10 арш. Отсюда явно, что Финляндцу выгоднѣе доставлять сипецъ мѣною на доски, чѣмъ производить самому и пренебрегать лѣсной промыслъ. Мы, для избѣжанія сложнаго умствования, привяли круглыя и легкія числа; но понимшему насъ, не трудно будетъ ихъ замѣнить действительными: результатъ будетъ шопъ же. Замѣтимъ еще, что выгода Финляндіи чрезъ обмѣнъ грубыхъ издѣлій на употребенныя произведенія иноземныхъ фабрикъ, по естественному закону цѣнъ, будетъ непрестанно увеличиваться. Эшопъ естественный законъ цѣнъ состоитъ въ томъ, что произ-

веденія сельскія, грубыя, съ печеніемъ времени поднимающіеся въ цѣнѣ, а произведенія фабричныя падаютъ. Мы удивляемся разсказамъ нашихъ дѣдовъ о необычайной дешевизнѣ муки, мяса, дровъ: эти предметы поднялись въ своей цѣнѣ и въ будущъ поднимаются. Русская пенька, которая въ 1674 году стоила въ иностранной торговлѣ по 7 руб. 42 коп. за берковецъ, въ 1803 продавалось уже по 34 руб. 40 к. серебр., лень, стоившій 1674 года 18 р. 90 к., продавался въ 1803 по 50 р. 40 к., и пр. То есть пенька въ 128 лѣтъ поднялась цѣною почти вчетверо, лень почти втрое. Но въ то же время всѣ произведенія, особенно бумажныя, въ Англіи, упали въ нѣсколько разъ, опъ того что по производству ихъ сдѣлано чрезвычайно много улучшеній всякаго рода.

Весьма важныя факты представляютъ авторъ относительно внѣшней торговли. По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ, нельзя составить яснаго представленія объ экономическомъ раздѣленіи жителей. Въ Финляндіи земледѣлецъ часто бываетъ вмѣстѣ и ремесленникъ. Средній классъ показанъ тамъ малочисленнымъ и составляетъ только 14,280 душъ. Къ нему въ которыхъ образѣ можно причислить благородное, но не дворянское сословіе, которое уподобляется классу Англійскихъ джентльменовъ, именно помѣщиковъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, разночинцевъ и пр., которыхъ считается 12,785. Но все-таки это народонаселеніе маловажно въ сравненіи съ сельскимъ, котораго считается (1835 г.) 1,219,568 душъ. Число купцовъ отдѣльно не показано, и вѣроятно, помѣщено въ среднемъ сословіи. Между тѣмъ есть другія событія, объясняющія состояніе и обширность торговли. Важнѣйшія произведенія, которыя Финляндцы отпускаютъ за границу, суть — разнаго рода балки, доски, брусья, бревна, пошашъ, деготь, смола, дрова, береста, деревянная посуда, разныя суда; кромѣ того произведенія скоповодства: скопъ, солонина, масло, сало, кожа, также рыба, шюлений жиръ, мѣха, дичь, холстъ и полошню, вязаные чулки и шорноскія перчатки, извѣстныя подъ именемъ Шведскихъ.

Количество привоза и вывоза было таково:

Годы	Вывозъ	—	Привозъ
1826	— 6,436,000 р. асс.	—	5,681,000 р. асс.
1827	— 7,825,000	—	4,280,000 —

1828	—	5,975,000	—	5,052,000	—
1829	—	5,809,000	—	5,409,000	—
1830	—	6,315,000	—	6,180,000	—
1831	—	5,219,000	—	5,019,000	—
1832	—	5,834,000	—	7,209,000	—
1833	—	6,045,000	—	7,389,000	—
1834	—	6,537,000	—	8,144,000	—

Авторъ изъ этихъ данныхъ выводитъ, что до 1831 года включительно торговый баланс доставилъ Финляндіи 5,355,012 руб., а съ 1832 по 34 причинилъ убытку 4,247,496 р. Мы еще должны говорить о торговомъ балансе! мы еще измѣряемъ выгоды вѣшняго шорга перевѣсомъ вывезенныхъ товаровъ предъ ввезенными! Для автора вѣшній шоргъ по-тому только важенъ, что онъ доставляетъ (и по лишъ на бумагѣ) нѣсколько тысячъ звонкой монеты, а не потому, что онъ доставляетъ множество предметовъ для удобствъ и наслажденій человека. Это все равно, что судить о выгодахъ комфортабельнаго сюртука по числу мешаллическихъ пуговицъ, или объ обѣдѣ по числу серебряныхъ или золотыхъ вещей, употребленныхъ для стола. Еслибъ дѣйствительно вся важность шорговли состояла въ одномъ перевѣсѣ вывоста, то Финляндцу надо былобъ отказаться отъ шорга, который съ 1832 представлялъ убыточный балансъ, въ 1829 принесъ только 400,000, въ 1830 — 133,449, въ 1831 — 199,409 р. барыша. Что значатъ эти ничтожныя выгоды для полшора мильона людей? Спосто ли производить столько предметовъ, развозить ихъ по отдаленнымъ рѣкамъ, занимать столько людей, употреблять столько жившныхъ и неорганическихъ силъ, капиталовъ, словомъ, спосто-ль шорговать? И еслибъ дѣйствительно Финляндія всякій годъ получала огромныя милыоны въ слѣдствіе выгоднаго шорговаго баланса; то отсюда не проспекало бы для нея ни малѣйшей пользы. Въ ней должны были бы тогда накопиться огромныя суммы денегъ, которые, въ слѣдствіе этого, понизились бы въ своей цѣнѣ. Цѣнность денегъ такъ же измѣнчива, легкоподвижна, какъ другихъ товаровъ. Мы недавно были свидѣтелями одного изъ весьма любопытныхъ явленій — прогрессивнаго поднятія курса всей денежной системы въ Россіи. За при спа дѣньги во всей Европѣ падали. Они поднимаются, когда бываютъ рѣдки, когда ихъ

мало, напр. въ Россіи. Они упалибъ, еслибъ ихъ было много, напр. при поспоянно выгодномъ шорговомъ балансъ Финнляндіи и поспепенномъ накопленіи звонкой монешы. Финнляндіа, имѣющаа, положимъ, сшо мил. р. вмѣсно пшпидесящи, не получилъ ошъ сего никакой пользы: сшо миллионъ упадушъ въ своей цѣнносши до пшпидесящи. Человѣкъ, имѣющій сшо штысячъ вмѣсно пшпидесящи, купилъ на первыа сшолько же, сколько ошъ прѣжде покупалъ на послѣдніа; его положеніе нисколько не измѣнилъ, не смолри на именное возвышеніе сосшояшельносши. Самое ясное доказашельсшво ничшоожесшва шорговаго баланса прѣдсшавляешъ сама же Финнляндіа, гдѣ, не смолри на его невыгодное положеніе, шорговля и благо-сосшояніе дѣлаюшъ непрѣспашные успѣхи (сшр. 101). Въ 1826 году число купеческихъ судовъ и кораблей просшпиралось до 250, грузъ до 17,000 ласшовъ (сшчая ласшъ въ 12 шоннъ), людей въ экипажѣ до 2,300 человекъ. Въ 1834 году число судовъ увеличилось до 365, грузъ до 29,000 ласшовъ, людей было 3,500.

Преслѣдуа съ авшоромъ привозъ и вывозъ Финнляндіи, мы усмашриваемъ, шшо

	вывозъ былъ	привозъ
въ 1836 году	8,055,000 р. асс.	8,612,000
— 1837 —	7,735,000 — —	11,744,000
— 1838 —	9,658,000 — —	8,500,000

Любопышно, шшо между всѣми шоварами, ввозимыми въ Финнляндію, на самую значительную сумму получаешся хлѣба, кошорый сосшавляеш ошъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ цѣнносши всего ввоза. Въ 1836 году его привезено было на 3,000,000, въ 1837 на 5,700,000, въ 1838 на 3,270,000. И шогда какъ въ Финнляндіи не до-вольшо хлѣба для пропитанія, шогда какъ шамошній мужикъ часшо долженъ ѣсшъ хлѣбъ съ древесною корою и соломомъ, думаюшъ о заведеніи фабрикъ, кошорыа бы досшавляли газы, апшасъ, кисею etc. etc.

Капшшальные продукты въ шорговлѣ Финнляндіи сущъ лѣсъ и дегонъ, кошорыхъ вывезено:

	лѣса	дегши.
1836 —	1,957,000 —	1,071,000 р. асс.
1837 —	2,535,000 —	1,342,000 — —
1838 —	3,175,000 —	1,460,000 — —

Если въ Финляндіи, какъ говорятъ, фабричная промышленность едва существуетъ, и если шая большая погрешность въ фабричныхъ произведеніяхъ, то ихъ вѣрно много ввозится изъ-за границы. Посмотримъ на факты. Возьмемъ 1836 годъ: чинашеля книги можеть взять какой ему угодно.

Привозъ 1836 года.

<i>Хлба</i> на	2,960,000 р. асс.
<i>Соли</i>	1,103,000 — —
<i>Желѣза и спалын. вещей</i>	848,000 — —
<i>Табаку.</i>	577,000 — —
<i>Красильныхъ веществъ.</i>	219,000 — —
<i>Рыбы</i>	116,000 — —
<i>Ракуру.</i>	247,000 — —
<i>Флодовъ и прѣносшей.</i>	165,000 — —
<i>Винъ</i>	10,000 — —
<i>Кофе</i>	98,000 — —
<i>Араку и рому</i>	26,000 — —
<i>Матерій : шелковыхъ</i>	11,000 — —
— — <i>бумажныхъ</i>	13,000 — —
— — <i>шерстяныхъ</i>	92,000 — —
— — <i>льняныхъ</i>	34,000 — —

Мы изумляемся, видя, какое ничтожное количество привозится шелковыхъ, бумажныхъ и шерстяныхъ товаровъ. Теперь спрашивается, при такомъ незначительномъ запросѣ, при столь малочисленномъ среднемъ сословіи, для кого нужно завести общирныя фабрики?

Мы осматриваемъ обзорнія промышленной статистики Финляндіи безъ всякихъ восклицаній о слабомъ развитіи ея фабричныхъ силъ, напропивъ съ прѣшнымъ убѣжденіемъ, что она поняла свое назначеніе, и вмѣстѣ съ прѣшною надеждою, что она упрочитъ еще болѣе свою коренную, народную промышленность, не увлечется примѣромъ фабричныхъ государствъ съ другими нуждами, сославомъ и положеніемъ. Припомъ могущественная держава, съ копорою она соединена теперь ближайшими узами, дославивъ ей всѣ предметы изъ своихъ неизчерпаемыхъ запасовъ.

Умственная статистика Финляндіи также весьма поучительна. Авторъ говоритъ, что общее число учащихся въ низшихъ и среднихъ заведеніяхъ, копорова всѣ сославивъ

подъ вѣдомствомъ Епископовъ и соборныхъ капитуловъ въ Або и Борго, соспавляетъ 2,386 человекъ. Присоединивъ къ сему Студентовъ въ Гельсингфорскомъ Университетѣ (500) и воспитанниковъ Фридрихсгамскаго Кадетскаго Корпуса, мы получимъ цѣлое число учащихся въ общеспвенныхъ заведеніяхъ всей Финляндіи 3,000 человекъ. Принявъ народонаселеніе Финляндіи въ 1,430,000 жителей, мы получаемъ отношеніе учащихся къ числу жителей, какъ 1 : 476. Впрочемъ по числу учениковъ, находящихся въ общеспвенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, никакъ нельзя навѣрное заключить о цѣломъ числѣ учащихся, потому что многіе, особенно изъ восточныхъ частей Финляндіи, поступаютъ въ учебныя заведенія Россіи, преимущественно Петербургскія, многіе же обучающіеся въ частныхъ Институтахъ и школахъ. Мы дозволяемъ себѣ къ этому присовокупить, что вообще отношеніе учащихся, какъ исключительный, совершенный, полный признакъ народнаго образованія, принять бытъ не можетъ: пора спашиспикъ описывать еще другіе признаки. И неужели мы ихъ дѣйствительно не находимъ въ образѣ жизни народа, его понятіяхъ, обычаяхъ, суевѣрїи и п. д. Спашиспикъ долженъ проникнуть въ хпжину простолюдина и шамъ изучить его образованіе. Часто факты, повидимому неважные, подають оспроумію ученаго прекрасный поводъ ко многимъ соображеніямъ. Мы могли бы здѣсь воспользоваться недоставкою свѣдѣній о бытѣ крестьянина, встрѣчаемый у Автора, извлеченіями изъ разныхъ путешественниковъ, какъ Шуберта, Аридша, Бука, если бѣ это позволило предѣль спашпи.

Лѣтописи типографїи въ Финляндіи показываютъ, что литературная производительность шамъ довольно слаба. Типографїи въ Финляндіи 10, типографїа 1. Важное участіе въ литературной дѣятельности Финляндіи принимаетъ Гельсингфорскій Университетъ, кошорый 1835 издалъ 44, въ 1836 г. 25, 1837 — 40, 1838 — 37 диссертацій. Кроме того въ 1836 году въ Финляндіи было напечатано 76 сочиненій, изъ кошорыхъ 4 Сборника постановленийъ Правительспва, 9 шпашныхъ положеній, 27 поучительныхъ сочиненій на Финнскомъ языкѣ, 5 на Шведскомъ, 2 книги для дѣтшей, 4 Грамматики, остальныя собственно литературныя и ученныя произведенія. Въ 1837 году напечатано 57,

въ 1838 г. 98 сочиненій. Малочисленность дворянства, духовенства и средняго сословія, копорые вообще составляють не болѣе 40,000 жиптелей, доспашочно объясняютъ скудость литературныхъ явленій. Можетъ быть между причинами оной справедливо почитаютъ и то обстоятельство, что въ Финляндіи языкъ образованныхъ сословія, языкъ литературы, есть Шведскій, и что она довольствуется пвореніями, ввозимыми изъ Швеціи. Извѣстно, что въ Бельгіи, говорящей по Французски, и въ Англо-Американскомъ Союзѣ, говорящемъ по Англійски, собственная литература дѣлаетъ также мало успѣховъ, будучи смѣняема литературой Французскою и Англійскою.

Въ заключеніе мы приведемъ прекрасныя слова автора, копорый слѣдующимъ образомъ обрисовываетъ происхождение и существо нравственнаго характера Финновъ (спр. 28). »Финны заняли нынѣшнее свое опечесство еще въ шѣ времена, когда Исторія опказываетъ намъ въ достоверныхъ и ясныхъ свѣдѣніяхъ; они нашли его покрытымъ густыми лѣсами, пинисными болотами и шощими граничными скалами, а самихъ себя увидѣли подверженными суровости климата лежащей близъ полярнаго круга страны. Здѣсь, чтобъ избѣжать плачевнаго жребія нужды, бѣдности, всеконечнаго испребленія, и снискавъ самыя скудныя средства пропитанія, они должны были бороться и преодолевать суровость господствующей природы, смягчать жестокость климата, и побѣждать часто испытанную безплодность почвы. Эта непреспанная борьба съ жестокостью климата и суровостью природы должна была образовать народный характеръ такимъ, какимъ мы находимъ его въ самой дѣйствительности. Такъ у Финна родились шѣ, никакими трудностями не одолимые свойства: постоянство, твердость и настойчивость въ исполненіи намѣреній, имъ разъ предпринятыхъ, навлекающая ему нерѣдко упрекъ въ своенравіи и даже упрямствѣ; та неизпощимая сила шертвѣнія, копорая хотя и уступаетъ иногда ударамъ бѣдствія, однакожь не легко побѣждается, и то мужество, копорое съ дерзкимъ чувствомъ устремляетъ его въ видимую опасность. Лѣтописи 30-лѣтней войны свидѣтельствуютъ о храбрости Финновъ, а послѣднія спольнія подтверждаютъ это свидѣтельство. Привыкшія съ юныхъ лѣтъ къ шруднымъ ра-

бошамъ, нерѣдко съ самаго дѣтства борясь съ недоспашкомъ, Финнъ не можетъ радоваться себѣ тѣми блистательными въ жизни надеждами, которыми деляются другіе народы, надѣленные лучшими дарами счастья, и пошому какая-то угрюмая важность и задумчивость ярко обозначаютъ черты его лица, всю его наружность, и ясно высказываются въ его пѣсняхъ. Онъ говоритъ медленно и обдуманно, и съ такою же медленностію исполняетъ свое назначеніе; работа его добросовѣстна, прочна и надежна. Онъ не легко воспламеняется гнѣвомъ, но, раздраженный однажды, нерѣдко выходитъ изъ границъ. Видя весьма часто, что надежды его на щастливую будущность разрушаются морозомъ одной ночи, онъ не довѣряетъ счастью, которое нерѣдко измѣняло ему. Онъ недоувѣрчивъ ко всему новому, ко всему необычайному въ жизни, ибо подозреваетъ въ томъ для себя какое-либо несчастіе, и по той же причинѣ бываетъ недоувѣрчивъ къ иноземцамъ и не легко съ ними сближается; но его гостепріимный домъ всегда опворенъ для спранника, и одни только сношенія съ чужеземцами въ спранахъ, многолюдно заселенныхъ, научили его приниматьъ плану за гостепріимство.

Н. Горюевъ.

ЗАМѢЧАНІЯ НА КРИТИКУ Г. ПОГОДИНА ИСТОРИИ
СМУТНАГО ВРЕМЕНИ. (*)

Г. Погодинъ не принадлежишь къ числу такихъ порицателей, коимъ ошвѣщать было бы прошивно достоинству благовоспитаннаго человека. Его кришика, хотя, по мнѣнію нашему несправедлива, но добросовѣсна, изложена въ различныхъ выраженіяхъ, и указываетъ прямо на замѣченныя имъ недоспашки. Слѣдовательно она заслуживаетъ щцательнаго разбора и ошвѣща. Приспугая къ шому, мы будемъ разсмаширивашъ подробно всѣ возраженія кришика, въ шомъ порядкѣ, въ коемъ онъ ихъ изложилъ.

1-е. Г. Погодинъ не вѣришь, чтобы Годуновъ былъ виноватъ въ гибели Царевича Димитрія, и въ подкрѣпленіе своего пиронизма, говоришь: что рано бы Годунову въ 1591 году замыслишь свое злодѣяніе, когда Царь Феодоръ жилъ еще семь лѣтъ послѣ шого, имѣлъ дѣшей, и могъ овдовѣвъ женишь еще въ другой разъ. Но довольно навѣшно, что Феодоръ былъ шѣлосложенія слабаго, и что жизнь его продлилась вовсе неожиданно. Дѣшей въ 1591 году онъ не имѣлъ, и слѣдшвенно Годуновъ, Правитель Царства, могъ опасашъ воцаренія Димитрія и сопряженнаго съ симъ событіемъ владычества ненавистниковъ его, Нагихъ (**). Что касаешся до предположенія вдовства и шпоранаго брака Феодора, кажешся, на сіе и возражаешь нѣтъ нужды (***). Царство и Феодоръ были въ рукахъ Годунова (****).

(*) Съ чувствомъ особенной благодарности за лестную довѣренность комѣташь эту Аншикришику. М. П.

(**) Аншикришикъ долженъ однакожъ согласиться, что съ другой стороны никому нельзя было быть *увѣрену* въ близкой его смерти. Это все шолько предположенія, прошивъ которыхъ можно ошвѣчать такими же. Феодоръ, при слабомъ шѣлосложеніи, царствовалъ 14 лѣтъ! Почему Годунову не пришла такая мысль сначала, а уже шолько чрезъ 7 лѣтъ? и проч. М. П.

(***) Аншикришикъ забываешь, что даже при жизни супруга Феодору была подаванъ шоржественный совѣтъ ошъ Митрополиша и бояръ — развестись съ Ириною за непаодиемъ, и вступишь во швторой бракъ. М. П.

(****) Если это шакъ, шо Годунову легко было быть избранниаъ на царство по смерти Феодора, мимо его брата, младенца, рожденнаго ошъ седьмого

Г. Погодинъ находитъ еще доказательство невинности Годунова, въ просьбѣ, Угличанами поданной въ 1623 году, на имя Царя Михаила Феодоровича, въ кошорой обвиняя нѣкоихъ Пашина и Семухина въ соучастіи Бишаговскаго въ убіеніи Царевича, опинюдь не говоряшь, чптобы преспуленіе было учинено по повелѣнію Годунова. Напрошивъ шого, мы съ своей спороны видимъ въ шой самой просьбѣ новую улику на Бориса. Правда, Угличане вовсе умалчивающъ объ немъ, и Г. Погодинъ полагаешъ, чпто кспаша бы имъ, обращающъ къ Михаилу Феодоровичу, упрекашъ гонителя Романовыхъ; но должно замѣшпшъ, чпто Михаилъ Феодоровичъ, коего главное попеченіе усрремлено было на искорененіе заразы Самозванства, во всѣхъ акшахъ своихъ выдавалъ Бориса за законнаго Царя, и пошому неохшно порицалъ память его (*). Самая же просьба Угличанъ, въ явную прошивуположность мнѣнію Г. Погодина, наводитъ новую важную улику на Бориса. Угличане опинюдь не говоряшь, чптобы Царевичъ самъ зарѣзался, какъ сіе выведено въ слѣдспвіи, прозведенномъ по повелѣнію Годунова; напрошивъ шого они рѣшительнo объясняющъ, чпто Царевичъ былъ убитъ. Спрашная мысль Г. Погодина, чпто Димитрія умершвили нѣкошорые изъ Угличанъ для погубленія своихъ согражданъ, на кошорыхъ злобспшвовали (**), опровергаешся лживостію слѣдспвія, ибо если бы Борисъ былъ не причасшенъ къ убійству,

брака. Ашикрипшикъ разбираешъ только одно мое замѣчаніе, поставленное для примѣра, въ рецензіи, но не обрацаешъ вниманія на пашдесять прочихъ, изложенныхъ въ изслѣдованіи, къ кошмъ я и прежде ошсылалъ чпшателей (Моск. Вѣстникъ, 1829 г. ч. III). Если Годуновъ замышлялъ убійство, то зачѣмъ не удалилъ онъ изъ Углича всѣхъ Нагихъ, зачѣмъ не окружилъ Царицу людьми, ему преданными? Ошъ чего не велѣлъ произвешти злодѣянія шше, скршшнше? Зачѣмъ предварительнo показывалъ свое нерасположеніе къ Нагимъ? Какъ не боялся открывашся пашдесяти челошвкамъ? и пр. и пр. М. II.

(*) Зараза самозванства въ это время (въ 1623 году) почти совершенно прекрашлась. Напрошивъ всѣ сказанія о предыдущихъ прозшествіяхъ, всѣ обвиненія на Бориса Годунова берущъ свое начало во время Патріарха Филарета, личнаго врага ему, въ царствованіи Михаила Феодоровича. М. II.

(**) Это не моя мысль, а слова оффиціального акта, шперъ изданнаго въ свѣшъ, кошхъ я даже не принимаю, а указалъ только для соображенія. М. II.

по не было бы и причины слѣдователямъ покрывать убійць (*). Сверхъ всего не излишнимъ считаемъ прибавить, что въ челобитной Угличанъ недостаетъ нѣсколькихъ словъ, вѣроятно отъ вѣхосши списка, въ помѣ самомъ мѣспѣ, гдѣ бы по печенію рѣчи могли бытъ улики на Годунова.

Г. Погодинъ замѣчаетъ, что Годуновъ, если бы злодѣяніе было совершено по его наущенію, не поручилъ бы слѣдствія Василью Шуйскому, принадлежавшему къ роду лоптѣй-

(*) Это замѣчаніе антикришника прекрасно, и изслѣователь Борисова дѣла долженъ обратиться на него особенное вниманіе.

Я имѣлъ въ виду это возраженіе, и въ 1829 году напечаталъ: „скажушь — слѣдствіе можно-бъ произвести лучше и дознаться до истины; но если этого не сдѣлано, то мы не имѣемъ права дополнять его теперь своими произвольными догадками — не смѣемъ даже сказать утвердительно, что слѣдователи не должны были довольствоваться узванными обстоятельствами.“

Вы *предполагаете*, что слѣдствіе живо. Я отвѣчаю такке предположеніями: живость могла принадлежать, — слѣдователямъ, которые увлеклись неспрошеннымъ излишнимъ усердіемъ, не хотѣли поминать все имена многихъ важныхъ лицъ, 2, свидѣтелямъ, которые, кругомъ виноватые въ гибели и самоуправствѣ, хотѣли сложить вину съ себя.

Гибель прикаючилась 15 Мая. Извѣстіе въ Москву пришло не ближе 17. Слѣдователи вѣрно отправлены немедленно, ибо пріѣхали въ Угличъ 19 числа, (Угличъ отъ Москвы 260 верстѣ).

Спрашивается: могъ-ли Годуновъ продиктовать мнѣ слѣдствіе, состоящее изъ сотни обстоятельствъ, въ такое короткое время? У него не было времени ни минуты.

А съ другой стороны, если-бъ былъ онъ виноватъ, могъ ли бы предоставить веденіе дѣла кому-бы-то на было, при такомъ множествѣ своихъ враговъ, въ такое кришическое для себя время? Онъ долженъ бы позаботиться о всякомъ словѣ. Осталось же въ слѣдствіи показаніе Михаила Нагаго, который утверждалъ, что Царевичъ умерщвленъ по повелѣнію Бориса Годунова. И такъ слѣдствіе живо и не живо?

Гибель видѣли только при женщины и нѣсколько дѣтей. Все прочіе свидѣтели говорили по слухамъ. Такое свидѣтельство значить не много. Царевичъ Дмитрій святъ, какъ бы онъ ни погибъ. Онъ погибъ невинно, въ этомъ нѣтъ никакаго сомнѣнія, и я не понимаю, за чѣмъ лужеть именно Годуновъ, какъ убійца. Я не оправдываю, и прежде не оправдывалъ его рѣшительно, а утверждалъ и утверждаю, что историческій и юридическій вопросъ долженъ бытъ изслѣдованъ обстоятельно, подробно, внимательно. *М. П.*

шихъ его враговъ, и что не видно, чтобы Шуйскій получилъ какое награжденіе ни въ Феодорово, ни въ Борисово Царствованіе. Но Василій Шуйскій никогда не раздѣлялъ ненависти сродниковъ своихъ къ Годунову (*), и самъ былъ уже Болриномъ, а какъ сіе достоинство было высше въ Россіи, то и не лзя было Борису награждать его иначе, какъ деньгами, помѣстьями или воиновичами. Правда, о сихъ пожалованіяхъ мы свидѣній не имѣемъ, но и не можемъ имѣть, поному что только весьма малая часть изъ жалованныхъ грамотъ того времени дошла до насъ. Впрочемъ если самаго Василія Шуйскаго уже явно не чѣмъ было награждать, то покрайней мѣрѣ мы видимъ, что милосердіе Годунова изливались на родныхъ братьевъ его. Одинъ изъ нихъ, Дмитрій, былъ пожалованъ въ Болре въ 1591 году, по ествѣ въ самый годъ убіенія Царевича (**), а скоро послѣ того и другіе два брата его, Александръ и Иванъ, также введены были въ сіе важное достоинство.

2-е. Г. Погодинъ пишетъ: *Напрасно говоритъ Г. Бутурлинъ, что иностранцы Беръ, Маржеретъ говорятъ о Борисѣ одинаково съ нашими летописями: совсѣмъ нѣтъ. Что-*

(*) Опять только предположеніе. Предположеніе противоположное върояннѣе, ибо братъ Шуйскаго былъ, говорятъ, удушенъ Годуновымъ, Иванъ Петровичъ Шуйскій также, самъ онъ... Но послушаемъ лучше Летописца: „въ лето 7095 (1587)... Борисъ... возвода на „цславныхъ и славныхъ бояръ на Шуйскихъ, на Кнзя Ив. Петровича, „на Кн. Андреа и на Кн. Дмитрея, и на Кн. Александра, и на Кн. „Ивана Ивановича, и разсылаетъ ихъ по городамъ въ землицы, въ „шоченіе: Кн. Ив. Петровича на Бѣлоозеро, Кн. Василья да Кн. „Александра въ Буй-городокъ, Кн. Андреа въ Галичъ, Кн. Дмитрея „да Кн. Ивана въ Шую, и повелъ на Бѣлоозерѣ Кн. Ивана Петро- „вича мучимчески скончати, Кн. Ивану Туркесву огнемъ сожеши въ „землицѣ, и тако преставися въ лето 7097 (1589), и положиша „мощи его въ Кирилловъ монастырь; а Кн. Ив. Ивановича въ Шуй- „городъ повелъ въ землицѣ Смирному Мамоншову убити, Маю въ 8 „день...“ Спрашиваю: были ли причина Василью Шуйскому раздѣлять ненависть, или нѣтъ? М. П.

(**) Но опять братъ его Дмитрій сдѣлался близкимъ родственникомъ Бориса, поному что женился на его сестрицѣ, сестрѣ его жены, дочери Малюшы Саурашова. Вошъ причина, почему бывша, его награжденія. Впрочемъ и безъ нея достоинство явно могло сдѣловать ему по порядку службъ и рода. М. П.

бы судишь о доспосиисивѣ оприца́нїа Г. Погодина, нужно привесть подлинныя слова Бултурлива, на которыя намѣкаетъ Кришкикъ. Вошѣ онѣ: *Память Царя Годунова сохранилась въ народѣ, какъ злостнаго и коварнаго хищника престола. Только въ наше время нѣкоторые писатели стараются оправдать его въ приписываемыхъ ему преступленїяхъ, намѣкая, что лѣтописцы несправедливо очернили его въ угодность враждебной Годуновымъ фамилии Романовыхъ. Но не одни лѣтописцы наши описываютъ злодѣянія Борисовы. Самыя имѣ нѣжно честныя иноземцы, какъ напримѣръ Беръ, Маржеретъ и другіе одинакимъ образомъ съ Русскими извѣщаются объ немъ.*

Посмотримъ шеперь какъ извѣщаются сіи иноземцы.

Беръ пишеть:

. Годуновъ задумалъ хитрыми и незамѣтными средствами овладѣть престоломъ Подкупленные имъ нѣсколько человекъ зарѣзали Царевича Годуновъ чрезъ своихъ клеветниковъ поджегъ Москву Богъ не благословилъ правленіе сего Государя (Бориса), потому что онѣ достигъ престола коварствомъ и злодѣяніемъ Борисъ былъ самъ виною своего бѣдствїа: умертвивъ сына стараго тирана, и, овладѣвъ престоломъ посредствомъ хитрости и коварства, онѣ воспламенилъ войну, которая низринула его. Объ немъ можно справедливо сказать: жилъ какъ левъ, царствовалъ какъ лисица, умеръ какъ собака.

Приведемъ шеперь слова Маржерета:

. Борисъ предалъ смерти многихъ Болръ невинныхъ; наконецъ не опасаясь уже никого, кромѣ Димитрія, рѣшилъ уничтожить послѣднюю преграду, и приказалъ его умертвить Борисъ . . . приказалъ зажечь въ ночное время Гостиный рядъ, купеческія дома и другія вѣданїа Борисъ занимался ежедневно только изпытанїями и пытками: рабъ, клеветавшій на своего господина, въ надеждѣ одѣлаться свободнымъ, получалъ отъ Царя награжденїе; а господина его, или главнаго изъ служителей дома подвергали пытку, дабы исторенуть признанїе въ томъ, чего они не дѣлали, не слышали и не видали Въ столицѣ весьма немногіе изъ знатныхъ семействъ спаслись отъ подозрѣній тирана, по наружности милосердаго: ибо во все время своего царствованїа онѣ не казнилъ и десяти человекъ всенародно, кромѣ нѣкто-

рыхъ мошенниковъ, пойманныхъ изъ шайки до 500 человекъ; но тайно терзала весьма многихъ особъ, иныхъ наказывала заточеніемъ, другихъ умерщвляла ядомъ и безчисленное множество утопила. . .

Послѣ шакиихъ выраженій сихъ двухъ иноземцевъ, должно полагать, что рѣзкое совсѣмъ нѣтъ вышло у Г. Погодина, въ минушу разсѣянности, не справившись ни съ Беромъ, ни съ Маржеретомъ, думалъ только объ усмиреніи возраженій прошивъ принятаго имъ мнѣнія (*).

3-е. Г. Погодинъ укоряетъ Бушурлина, что онъ не принялъ въ соображеніе невозможности судить ни про ни contra о мѣрѣ укрѣпленія крещанъ (**), не изслѣдовать предварительно, откуда произошли вытѣсненіе казенные крещане, какая была пропорція между ними и помѣщичьими отъ Годунова до нашего времени, и какое количество земли было помѣщичьей, казенной или частной также отъ Годунова до нашего времени?

Но Бушурлинъ вовсе не судитъ ни про ни contra о мѣрѣ укрѣпленія крещанъ, и такъ мало произноситъ приговоръ на Годунова по сему предмету, что о вышесказанной мѣрѣ онъ опзываетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *d'instance* . . . *можетъ быть по тогдашнимъ обстоятельствамъ необходимое.*

(*) Я былъ бы слишкомъ виноватъ, еслибы это было такъ. Я сказалъ, что Беръ и Маржеретъ говорятъ иначе, нежели онъ, только касательно обращенія Бориса съ народомъ, и вотъ слова ихъ: „возведенный въ достоинство Правителя Борисъ Годуновъ исполнялъ свою обязанность весьма усердно и благоразумно; привелъ въ порядокъ запущенныя дѣла, пресѣкъ многія злоупотребленія, ограждалъ права вдовъ и сиротъ.“ (См. Сказанія Соврем. с. 2). А вотъ что говоритъ Маржеретъ: „Борисъ тогда любимый (послѣ смерти Грознаго) вмѣшался въ правленіе... онъ удовлетворялъ всякаго... старался привлечь къ себѣ народъ благодѣяніями... Справедливо, что управляя державою при Феодорѣ, усмирять отъ нея бѣдствія... Къ чести сего Царя должно замѣтить, что онъ охотно раздавалъ щедрныя милостыни и награждалъ духовенство, которое также было ему предано.“ Ясно, что аншикриникъ слишкомъ поспѣшно предполагалъ разсѣянность. Обращеніе Бориса съ боярами — это другое дѣло.

Лишь десять назадъ я рецензировалъ Бера и Маржерета, и знаю твердо, что говорятъ они. М. И.

(**) Напрасно! Я отнюдь не упрекалъ аншигъ автора, а сказалъ, что вообще всѣмъ, кому-бы-то ни было, нельзя судить объ этой мѣрѣ, не разрѣшивъ предварительно многихъ вопросовъ. М. И.

Правда, онъ полагаетъ, что слѣдствія сей мѣры были пагубны для Россіи. Но ишо же въ семъ сомнѣваетъ (*)?

Что же касается до пребуемыхъ Г. Погодинымъ изысканій, то нѣкоторыя не нужны, а другія не возможны. Не нужны изслѣдованія о происхожденіи казенныхъ крестьянъ, когда всѣмъ извѣстно, что они происходятъ отъ крестьянъ, имѣвшихъ жилищество свое въ дворцовыхъ и монастырскихъ селеніяхъ, во время запрещенія перехода. Свѣдѣній же о пропорціи между дворцовыми, монастырскими, волочинными, помѣстными и помѣщичьими крестьянами и о количествѣ въ разномъ владѣніи находящейся земли, собрать со времени Годунова не возможно, за неимѣніемъ никакихъ данныхъ по сему предмету (**).

Г. Погодинъ при семъ случаѣ указываетъ еще на одно обстоятельство, по мнѣнію его, рѣшительно всѣми упущенное изъ виду. Это обстоятельство заключается въ томъ, что Годуновымъ придуманную мѣру не перемѣнили ни Самозванецъ, ни Шуйскій, ни Михаилъ Феодоровичъ, хотя всѣ они находились совсѣмъ въ различныхъ обстоятельствахъ. Но именно этой разности въ обстоятельствахъ и не существовало, въ отношеніи къ сей мѣрѣ. Годуновъ, запрещивъ переходъ крестьянъ, въ особеннсти имѣлъ въ виду угодишь помѣщикамъ, составлявшимъ въ то время всю военную силу Государства. Всѣ по немъ восходившіе на престолъ, находились въ тѣхъ же обстоятельствахъ, шо есль не могли бы отмѣнить его постановленія, не возбудивъ противъ себя помѣщиковъ, на коихъ Царская власшь, прему-

(*) Не понимаю, какъ авторъ нашелъ въ моихъ словахъ упреки себѣ.

Напротивъ, я спаралса отдашь имъ должную справедливость, и по поводу нѣкоторыхъ его мыслей, даже именно возвеличенныхъ мною, представлялъ мимоходомъ нѣсколько вопросовъ для любителей Исторіи и тѣхъ особъ, какъ занимающаея теперь этимъ предметомъ. М. П.

(**) Напрасно! Количество помѣстной земли того времени можно опясать, церковной можно, удѣльной можно, казенной можно. Когда все это исчислится, тогда окажется, что Годуновъ прикрѣпилъ, правда, крестьянъ къ землѣ, но земля-то большаю частію была казенная. Вошь и связь предложенныхъ мною вопросовъ и прѣгованій съ мыслями автора. Признаюсь, не хотѣлось было мнѣ высказывать этого результата моихъ изслѣдованій, до окончанія ихъ, но я долженъ передать ихъ автору, вызвавшему меня своимъ обвиненіемъ. М. П.

цешственно опиралась. Даже и тѣ, которые, замысливъ низпроверженіе законной власти, манили крестьянъ обѣщаніемъ свободы, для возбужденія мятежей, сами, по достиженіи своей цѣли, желали утвержденія закона Годунова. Разительнымъ примѣромъ сему служатъ дѣйствія Салтыкова и другихъ главныхъ главредовъ Тушинскаго вора, которые хотя въ борьбѣ своей съ Шуйскимъ и льстили свободою крестьянъ, но когда удалось имъ низвергнуть Шуйскаго и убѣдиль Москву къ избранію въ Цари Владислава, то сами же они непремѣнно требовали включенія въ договоръ, послѣдующій съ Поляками, чтобы запрещеніе перехода крестьянъ оставалось неизмѣннымъ. Слѣдственно, современники считали, что свобода крестьянъ могла только служить орудіемъ для возбужденія неуспроисвѣвъ, но что она несомѣстна была съ правильнымъ ходомъ благоустроеннаго правленія (*).

4 а. Г. Погодинъ жалуется, что у Бушурлина всѣ ссылки сдѣланы слишкомъ глухо. Бушурлинъ имѣлъ въ виду, что проспранныя ссылки, упомаяющъ обыкновенныхъ читашелей (**), а для ученыхъ приносятъ мало пользы (***) : онъ полагалъ ихъ совершенно ознакомившимися съ оригинальными авторами или актами, на коихъ онъ не упускаешь никогда дѣлать прямое указаніе.

5 а. О мѣстничествѣ Г. Погодинъ, въ опроверженіе Бушурлина, утверждаетъ, что оно началось прежде Іоанна III, говоритъ, что Московскіе Государя нисколько не спарались увеличить его, и наконецъ жалѣетъ, что Бушурлинъ незнакомъ съ Сборникомъ Московскаго Историческаго Общества, гдѣ напечатаны и дѣла по мѣстничеству и разсужденія объ немъ.

Г. Погодину не угодно было объяснить, на чемъ основывается онъ мнѣніе свое, что мѣстничество началось прежде Іоанна III. Не смотря на уваженіе наше къ почтенному Кришнику, мы не можемъ на одномъ бездоказательномъ завѣ-

(*) Я усердно благодарю автора за собраніе всѣхъ эпизодовъ повсннительныхъ обстоятельствовъ, благодарю, ибо я самъ, вслѣдъ за Карамзинимъ, говорилъ тоже, только въразцѣ: законъ Борисовъ былъ необходимъ для его времени. Пусть перечтуть читатели Москвитянина 1841, ч. VI, с. 167. М. П.

(**) Такіе читатели могутъ пропускать ихъ. М. П.

(***) Большую, ибо облегчаютъ для нихъ справки. М. П.

ренія его, признавъ новый историческій фактъ (*). Доселѣ полагали, что первый примѣръ мѣстничества встрѣчается только въ Исторіи Іоанна III. Замѣчательно то, что въ самомъ Сборникѣ, съ котораго, къ сожалѣнію Г. Погодина, не познакомился Бушурлинъ, и котораго редакторомъ былъ самъ Г. Погодинъ, начало мѣстничества также опнесено ко времени Іоанна III (томъ 2, страница III) (**). Но если бы и дѣйствительно мѣстничество началось прежде, то сіе обстоятельство нисколько не послужило бы къ опроверженію мысли Бушурлина о видахъ Московскихъ Государей въ отношеніи къ сему учрежденію, заслуживающему особеннаго вниманія.

Г. Погодинъ не вѣритъ, чтобы Московскіе Князья старались увеличивать мѣстничество, да и Бушурлинъ этого не говоритъ. Онъ только полагаетъ, что они обратили въ положительное учрежденіе (***) правами уже между вельможь водворенный обычай считаться знатностію по службамъ предковъ, и что они дѣлали сіе изъ политическихъ видовъ. Если было бы иначе, то Царь Иванъ Васильевичъ, вмѣсто изданія правилъ о мѣстничествѣ, желтанною волею своею, искоренилъ бы обыкновеніе, безъ сомнѣнія, часно плагосное правительству. Впрочемъ какъ сей Царь, такъ и прочіе Московскіе Государя, дѣйствительно старались уменьшить неудобства, отъ мѣстничества происходящія; но изъ сего опнюдь не слѣдуетъ, что-бы они не считали самое учрежденіе полезнымъ для своего времени.

(*) Развѣ это не доказательство, что въ 1477, 1478 г., считалось старшинство и былъ споръ между сорока людьми, который не могъ *согласиться* въ шестъ году, слѣдовательно *происходитъ* издревле. М. II.

(**) Но на с. 268 — 283, [11] авторъ нашелъ бы совсѣмъ другое мнѣніе и *доказательства*. Члены всякаго ученаго общества могутъ имѣть мнѣнія различныя объ одномъ и объ томъ же предметѣ. Слѣд. въ такомъ случаѣ нечего говорить объ обществѣ, а о мнѣніяхъ и *доказательствахъ* того или другаго члена. Г. Ивановъ имѣетъ одно мнѣніе, а я другое. М. II.

(***) Нить, совершенно нить! Они старались уничтожать и ослаблять безпрестанно зловѣчные обычаи, вредныя для нихъ, и сдѣлавшіяся положительными учрежденіемъ безъ ихъ участія. Въ законахъ напротивъ мы видимъ только ограниченія, напр. въ Судбникѣ Іоанна Грознаго. М. II.

Г. Погодинъ также напрасно полагаетъ, что Бушурлинъ не ознакомился съ Сборникомъ Московскаго Общества. При сочиненіи Исторіи Смутаго времени, Авторъ не только имѣлъ въ виду сей Сборникъ, но даже именно отъ него впалъ въ довольно важную ошибку. Помѣщенныя въ Сборникѣ дѣла по мѣстничеству, весьма любопытны по подробности, и даютъ удовлетворительное понятіе о порядкѣ производсва шаковыхъ дѣлъ, но не представляютъ никакихъ новыхъ данныхъ о причинахъ водворенія мѣстничества (*). То же можно сказать и о сопровождающемъ дѣла сіи разсужденіи о мѣстничествѣ. Въ семъ разсужденіи ничего новаго нѣтъ, но послороннее обстоятельство, приведенное въ семъ разсужденіи, ввело въ заблужденіе Бушурлина. Тамъ сказано, что Басмановъ былъ человекъ не родословный. Бушурлинъ, не воображая себя, чшобы въ книгѣ, изданной ученымъ Обществомъ Исторіи и древностей Россійскихъ, могъ быть выставленъ историческій фактъ прошивно истинѣ, считая послѣ сего дальнѣйшія справки излишними, и самъ написалъ, что Басмановъ не былъ Вельможею родо-вишнымъ (**). Но починѣйшими изысканіями объясняется, что Басмановъ принадлежалъ къ знатному роду Плещеевыхъ, что родной дѣдъ его Алексѣй Даниловичъ Басмановъ былъ Болриномъ при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, а дѣдъ и прадедъ Басмана, Андрей Михайловичъ и Михайло Борисовичъ Плещеевы, были уже облечены въ боярство при Иоаннѣ III.

(*) Данныя, о причинахъ, п. е. правила должно извлекать изъ дѣлъ, какъ грамматику изъ языка. Иначе мы не поймемъ никакой древней Исторіи, никакого постановленія.

Я сослался бы на другія два разсужденія, помѣщенныя въ Сборникѣ, и не бывшія въ виду у автора, но не сямю, потому что я не только редакторъ Сборника, но и сочинитель шѣхъ двухъ разсужденій. М. П.

(**) Я всупуюсь здѣсь и за своего сочлена, Г. Иванова, которому историческая литература наша обязана собраніемъ дѣлъ по мѣстничеству. Въ краткомъ объяснительномъ своемъ разсужденіи, о коемъ говоритъ авторъ, онъ не выставялъ здѣсь *никакаго факта* прошивно истинѣ, а употребилъ только неосторожно прилагательное *неродословный*, вѣроятно по слѣдующимъ словамъ Карамзина:

„Сей вишазъ былъ П. Ѡ. Басмановъ, дошолъ извѣстный только чрезвычайною судьбою ошца и дѣда“. „Борись вывелъ его изъ родо-

6-е. Г. Погодинъ жалѣеть, что Бупурлянь не объявилъ, почему въ присягѣ Теодору Борисовичу Самозванецъ не былъ названъ Опрепьевымъ. По мнѣнію Бупурляна, обстоятельство сіе не представляло никакой важности, и пошму не требовало объясненія. Впрочемъ не трудно понять, что при составленіи въ шпоряхъ формы присяги почли излишнимъ упоминать о наслодцемъ имени Самозванца, когда Царемъ Борисомъ онъ уже неоднократно именованъ былъ Опрепьевымъ. Предложеніе же Г. Погодина, что умолчаніе о семъ въ присягѣ произвело недоумвіе въ войскѣ и облегчило дупъ измѣнъ, еспъ вовсе гадательное, и ни на какомъ современномъ свидѣльствѣ не основанное (*).

7-е. Г. Погодинъ не вѣря, чтобы мнимая мать Опрепьева называла его сыномъ, изъясняюща шакимъ образомъ: *но кто же говоритъ, что она называла его сыномъ? Вдѣ это только показанія произвольныя, одни служи.* Это говоритъ Палицынъ, одинъ изъ именитѣйшихъ мужей того времени, кошорому извѣсны были всѣ Государственныя дѣла, и кошорый имѣлъ обширныя сношенія съ разными лицами и мѣстами по всей Россіи. Если не даватъ вѣры шакимъ сви-

вой опаламъ на степень знатности, и въ 1601 г. давъ ему сапъ околыничого, послаадъ было спасти Черниговъ," и проч.

„По столь блестящая награда одного была укоризною для многихъ, и естественню раждала негодование зависти между знатными. Если бы Царь осмѣллся презрѣть усавъ Боярскаго старѣйшинства, и давъ главное воеводство Басманову," то и проч. — ... „Искали уже не старѣйшаго, а способнѣйшаго.“ *М. П.*

(*) Не только не гадательное, но на современномъ свидѣльствѣ и даже оффициальномъ основанное. „Войско прислало“ говоритъ Самозванецъ въ письмѣ къ Мнищку отъ 14 Мая, (Князя Ивана Голицына) „милосердіа проса. Сказывала то, что мы всѣ отъ Бориса прельщены были, и по смерти Борисовой сыну его присагашъ и его за государя имѣшь хотѣли... По форма присага инако намъ выдана была, не шакъ какъ мы разумѣли: понеже въ оной формѣ има Гришки не упомянуто... Мы же осцереглясь, и единогласно сказали, дабы шм... надъ нами благополучно государствовать изволилъ.“ См. Государственныя грамоты II, 196. Согласно съ этимъ пишеть и Карамзинъ: „сдѣлственно, говорили многіе, сказка о бѣгомъ Діаконѣ Чудовскомъ уже торжественно объявляется вымысломъ. Кшоже сей Димитрій, если не истинный.“ *М. П.*

дѣлельствамъ, по на какихъ же извѣстїяхъ будетъ основываться Исторїя (*)?

8-е. Далѣе Г. Погодинъ говоритъ: также слабо доказательство, — что Опрельевъ не ходилъ въ Чудовъ монастырь, — какъ будто бы Чудовъ монастырь могъ улучшить его больше Кремля, или Галича, или Суздаля, еслибъ онъ былъ Опрельевымъ! Безъ сомнѣнїя, Чудовъ, гдѣ онъ жилъ нѣсколько лѣтъ сряду, въ бранствѣ съ прочими иноками, могъ его болѣе улучшить, чѣмъ всякія прочія мѣста. Если бы шеперь съ какой-либо изъ фабрикъ, находящихся въ Москвѣ, сбѣжалъ фабрикантъ, по всякой согласности, что скорѣе его можно опознать на сей фабриктъ, чѣмъ на Кремлевской площади. Впрочемъ нельзя понять, почему Г. Погодинъ упоминаетъ о Галичѣ и о Суздаль. Въ сїи города также Лжедмитрій не ѣздилъ, но должно замѣтить, что ему не было и причины шуда ѣхать. Напротїивъ того въ Чудовъ ему необходимо было показаться, если онъ не былъ Опрельевымъ, первое пошому, что всѣ Россійскіе Государи особенно благоволи къ сей обители, а во-вторыхъ, чтобы предъ явить предъ иноковъ, ихъ свидѣтельствомъ убѣдиль народъ въ живоспи объявленїи Царя Бориса, называющаго его Опрельевымъ. Но онъ сего въ одиннадцатимѣсячное пребыванїе въ Москвѣ не сдѣлалъ, хотя посѣщалъ прочіе храмы и обители, и хотя Чудовъ монастырь находился такъ сказать въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста посшолнаго его пребыванїя. Улика важная, и, по мнѣнїю Бушурлина, доспапочная къ убѣжденїю, что онъ былъ дѣйствительно Опрельевъ (**).

(*) У Палицына есть много извѣстїй, подверженныхъ сомнѣнїю, — и кришкѣ! Палицынъ говоритъ, что Самозванца облачали мать, братья и дѣда, а сосланъ былъ одинъ дѣда! Что же сдѣлалъ онъ съ матерью? Чужую мать, п. е. Царицу Марю, Самозванецъ умѣлъ принудить къ молчанїю, а свою нѣтъ!? М. II.

(**) Но развѣ Чудовскіе монахи и прочіе обитатели не могли точно также видѣть Опрельева и свидѣтельствовать противъ него, хотя-бъ онъ и не прихаживалъ въ Чудовъ. Видѣ они были не заперты, никуда не разосланы. Самозванецъ не могъ избѣгнуть ихъ, и пошому рѣшительно все равно, ходилъ ли онъ въ Чудовъ, или нѣтъ. Это произошло случайно. Пришомъ не одна Чудовскіе монахи могли облачать его, если бы онъ былъ точно Опрельевымъ, но и многіа другїа лица, соборные, и проч. Избѣгнуть всѣхъ не было возможности, слѣд. избѣгнуть въ-которыхъ не было пользы. М. II.

9-е. Г. Погодинъ напрасно винить Бушурлина, за мнѣніе его, что Архимандритъ Іоасафъ не могъ доврѣять Троицкимъ воеводамъ. Ревностная служба Князя Роши-Долгорукаго первому Самозванцу, фактъ историческій, несомнѣнный, не давала большаго ручательства въ его вѣрности (*). Что же касается до Голохвастова, то онъ самъ, въ печеніе осады, на дѣлѣ оказался если не измѣнникомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ высшей мѣрѣ крамольникомъ (**).

10-е. Г. Погодинъ справедливо замѣчаетъ, что въ Русскихъ свидѣтельствѣхъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда объ ошобраніи Самозванцемъ мнѣній у монашвырей, и что Бушурлинъ въ семь случаевъ основался только на Берѣ, Гревенбрухѣ и Легендѣ. Дѣйствительно, ни на Гревенбруха, ни на Легенду безусловно положиться не можно; но Берѣ былъ очевидцемъ шогдашнихъ происшествій, а за тѣмъ бы ему было выдумывать такое обшодательство. Къ тому же не должно упускать изъ вида, что Русскія свидѣтельства часшо умалчиваютъ и о другихъ сомнѣнію не подверженныхъ важныхъ обшодательствѣхъ шого времени, сдѣлавшихся намъ извѣстными только по показанію пноземцевъ (**).

11-е. Г. Погодинъ ничего новаго не сказалъ, изъяснивъ, что Кошлы ешть собственное имя деревни подъ Москвою. Въ семь же смыслѣ оно приведено и Бушурлинымъ. Повпоривъ почныя слова лѣтописи, онъ написалъ, что шѣло Лжедимитріево было сожжено на Кошлахъ, въ шомъ смыслѣ, что сіе происходило при сей деревнѣ. Но по опискѣ, дѣйствительно буква к напечатана шпрочная, а не прописная.

12-е. Г. Погодинъ, приводя слѣдующія слова Бушурлина: *Отрядъ Царскихъ воиновъ переправился на правую сторону Волги въ Угличъ, присовокупляетъ: Угличъ стоитъ не на Волгѣ,*

(*) Авторъ забываетъ, что не одинъ Долгорукій служилъ вѣрно первому Самозванцу, но вся Россія — Пожарскій былъ пожалованъ онъ него Стольникомъ, а Скопинъ Мечникомъ. Лапуновъ, Князь Дмитрій Трубецкой, служилъ и второму Самозванцу! М. П.

(**) Показаніе одного человѣка, неразобранное и не изслѣдованное, не можетъ давать права на обвиненіе въ крамольничествѣ.

Два изслѣдователя занимаются шеперь осадю Лавры, и можетъ быть публика скоро будетъ имѣть удовольствіе чшшать ихъ труды объ этомъ любовышномъ эпизодѣ въ Исторіи Смущаго времени. М. П.

(***) Припомнимъ, что лѣтописатели наши были по большей части монахи: они никакъ не упустили бы такого обвиненія изъ вида. М. П.

Опять обмолвка разсаянности, или шой принужденной шоронливости, съ кошорою редакшоръ журнала должеть соспавлять свои срочныя списашья, не давая себъ времени справившеся ни съ историческими докуменшами, ни съ географическою каршою (*).

13 е. Г. Погодинъ не вѣрилъ Дневнику Миншва и Борису, чшобы Самозванецъ гналъ насъ на 9 верспахъ послѣ перваго сраженія, полагал, чшо если бы это была правда, шо не могли бы Поляки его оспавивше послѣ побѣды. Но Русскія извѣстїя огласуюшся съ показаніемъ Поляковъ, чшо подъ Новгородъ-Сверскимъ побѣда оспалась на споронѣ Самозванца. Спранно не вѣривше самимъ побѣжденнымъ, признающимъ ся въ своей неудачѣ. Поляки оспавили Лже-Димитрія не пошому, чшобы онъ былъ побѣжденъ, а пошому, чшо не получали онъ него доспашочнаго денежнаго жалованья (**).

14 е. Г. Погодинъ спрашиваешъ: *Гдѣ челобитная Варлаама Яцкаго?* Объяснительная ссылка на эпюнтъ вопросъ не затруднительна: челобитная напечатана на 141 страницѣ втораго тома Акшова, Археографическою Экспедиціею собранныхъ (**).

(*) *Примѣчаніе автора.* „Въ одиомъ изъ послѣдующихъ нумеромъ Москвитянина, Г. Погодинъ объяснаешъ, чшо сказанное имъ объ Угличѣ, заключаешъ въ себѣ опечашку, и чшо вѣсто *Угличъ стоить не на Волгѣ*, должно чшпать: *Угличъ стоить не на лѣвомъ берегу Волги*. Но сія поправка ничего не объяснаешъ. Бушуранишъ никогда не утверждалъ, чшобы Угличъ находился на лѣвомъ берегу рѣки. Онъ сказалъ шолько, чшо Царское войско переправилось на правую сторону Волги въ Угличъ; тушь вовсе нѣтъ рѣки, на какой споронѣ рѣки находится городъ. Вѣшь извѣстно, чшо Рига стоить шакже на правомъ берегу Двины. Если бы отрядъ, пришедшій изъ Курляндїи, переправился черезъ рѣку на Рижскомъ мосту, нельзя-бы не сказать, чшо отрядъ сеи переправился на правую сторону Двины, въ Ригѣ.“

Въ эпюнтъ я виновашъ: разбирая марши, я сбился самъ съ дороги.

А касательно срочности не беру на себя лишней чести: срочныхъ спашей у меня не бываешъ. Я пишу рецензїи, когда имѣю лишнее время, или когда онъ совпадаютъ съ предметомъ моихъ обыкновенныхъ занятїи. М. П.

(**) Послушаемъ Карамзина: „ревность наемниковъ и союзниковъ ослабѣла: Ляхи надѣались вести своего Царя въ Москву безъ кровопролитїи; увидѣли, чшо надобно радиоборштовашъ; не любилм ни зимнихъ походовъ, ни зимнихъ осадъ — и какъ легкомысленно начали, шакъ легкомысленно и кончили“ и проч.

Вспомнимъ, чшо самъ Миншекъ, нареченный шесшъ, оставилъ Самозванца, вѣрно не изъ-за денегъ. М. П.

(***) Это указаніе нужно было въ книгѣ. М. П.

15 е. Г. Погодинъ объясняетъ, что не Муромскъ былъ первый городъ Русскій, поддавшійся Самозванцу, а Моравскъ. Наименованіе сего города не представляеть ничего положительнаго: въ старину онъ назывался по Муравскъ, по Муровлескъ, по Муромскъ. Поляки его знали подъ симъ послѣднимъ именемъ, а въ Книгѣ большаго Чершежа онъ названъ Моромескъ (*).

Наконецъ, 16 е, Г. Погодинъ винитъ Бушурлина, что онъ даетъ какое-то важное значеніе роду Шуйскихъ. Важность сія довольно естественна, если взять въ соображеніе, что, изъ всего дома Рюрикова, родъ сей былъ ближайшимъ къ угасающей Царственной вѣтви (**).

Въ заключеніе, не соглашаясь съ Г. Погодинымъ въ сущности его криптики, мы все-таки должны благодарить его за принятый имъ трудъ. Во всякомъ случаѣ мы будемъ обязаны ему, что если сочиненіе Бушурлина будетъ перепечатано, то въ словѣ *Котлы* буква к изъ спрочной перемѣнилась въ прописную (***)

Дмитрій Бутурлинъ.

(*) По нашимъ документамъ городъ съ XII вѣка называется Моравскомъ и проч., но никогда Муромскомъ, какъ у некоторыхъ Поляковъ. За чѣмъ-же намъ наши собственныя имена писать по мноплеменному выговору? М. II.

(**) Двадцать родовъ (Ваземскихъ, Оболенскихъ, Лобановыхъ, Пожарскихъ, и проч. и проч.) были еще ближе, и вѣна близость не давала въ то время никакихъ особенныхъ правъ. При Юаннѣ III не было ни одного Шуйскаго въ Боярахъ. Первымъ родовымъ вельможею считался Князь Мстиславскій. Шуйскіе были совершенно равны съ многими родами, а другихъ многихъ ниже. См. ихъ дѣла о мѣстѣхъ въ Ист. Сборникѣ. Поэтому-то Василій Шуйскій и получалъ себѣ столько соперниковъ, при вступленіи на престолъ, а потомъ противниковъ и враговъ. М. II.

(***) Послѣ сихъ объяснительныхъ примѣчаній, авторъ, можетъ быть, согласился и на некоторые другія измѣненія.

Въ заключеніе считаю обязаннымъ прибавить еще что: Авторъ отвѣчалъ мнѣ на исчисленныя имъ 17 моихъ замѣчаній, теперь зашищенныхъ мною. Но развѣ только изъ нихъ состояла моя рецензія? Не отдадалъ ли я всю возможную справедливость семнадцати, а можетъ быть и болѣе достоинствамъ его сочиненія? Почему же онъ не упомянулъ объ нихъ нѣ слова? Не подумаетъ ли читатель, прочитавъ его антикриптику, что я только искалъ дурнаго въ его книгѣ, между тѣмъ какъ я именно старался найти хорошаго? Такъ почто и теперь: мимо буквъ спрочныхъ и прописныхъ, а скажу, что антикриптика его благодѣна, и что онъ смотритъ на дѣло очень хорошо, — но съ одной спорной.

Михаилъ Погодинъ.

ПИСЬМА О ДОЛЖНОСТЯХЪ СВЯЩЕННАГО САНА. Ч. II.
ОДЕССА. 1842.

(Сообщено.)

Среди наводненія содѣ многихъ Липерашуры нашей, зашопившаго и здравый смыслъ, и добрый вкусъ волнами болтовни Егронейской, съ радоспїю возвыщаемъ, что къ свѣтлой полосѣ (какъ радуга во мракѣ блискающей) Христїанскаго и Воскреснаго чтенія, сочиненій Пр. Иннокентія, и твореній Муравьева, присоединилея новый лучъ: Письма о должностяхъ священнаго сана! Эпо книга, не пошому, что нѣсколько листовъ бумаги, (съ шорговыми пробѣлами), измараны чернилами и обернута въ цвѣтшную бумажку; но настолица книга, и духовнымъ, и мїрскимъ, и ошпамъ семействъ, и дѣтямъ равно нужная; книга, — какихъ, по нещаспїю, много выходящъ, не шолько у насъ, но и повсюду: испишно православная и Русская — перлъ современной Словесности!

Въ 1840 году изданъ первый шомъ ея съ подписомъ А. С. — Прочитавъ начальный опдѣлъ сего шома, и не дожидаясь вшораго, который выпелъ въ нынѣшнемъ году и авшоромъ подписанъ, мы узнали его, по духу, по цѣли, по разнообразности глубокихъ знаній, по слогу, неподражаемо сильному и сохранявшему невычурныя прелести лучшихъ вѣковъ Христїанскаго краснорѣчїя, во всей ихъ свѣжести. Но вшого мало, что мы его узнали надобно еще возбудить и невѣрїе, и пышливостъ, и благочестїе къ прочтенію эпой книги, по какому хопашъ побужденію: ибо нынѣшняя уловка невѣрїя, пропускашъ подобныя произведенія въ молчанїи, вредна, хошя извѣсна уже ошъ 18 го сполѣтїя. Липерашурныя споры и пререканія все еще признакъ жизни; а дремота, ошъ чтенія усыпительнаго, ешъ сонъ опума — предвѣстникъ смерти.

И пакъ, вошъ крашкїй, да не бойпесь, читашели, самий краткїй обзоръ книги Г-на Сшурдаы.

Эпо переписка двухъ духовныхъ лицъ, молодаго и спараго, объ обязаностяхъ Іерея, въ разныхъ положенїяхъ его званія и жизни общественной. Оба лица сїи существва ищцныя; первое: воспитанникъ духовныхъ училищъ, Александръ, гоповящїйся къ священству; а вшорое: спарець, духовный

опещь, другъ и наставникъ его. Александръ, молодой чело-
вѣкъ, пылающій вѣрою, оплочно образованный, и копорый,
по глубокому смиренію своему, ведешся, какъ бы за руку,
Провидѣніемъ Божиимъ, на пушь свѣтлости. Спарецъ, его ру-
ководствуюющій, заматорѣлый въ благочестіи, подвижникъ,
опытный на спезахъ внутренней жизни, напоминающій
Опщевъ Церкви, и по духу, и по глубокимъ познаніямъ. Въ
изображеніи сихъ двухъ лицъ, высказалъ сочинитель умъ и
сердце свое.

Священная драма сія имѣетъ свою завязку, свои ввод-
ныя лица, и такъ занимательна, что не можно оставилъ,
ни перваго, ни втораго тома, не дочитавъ въ одинъ пріемъ.
Положенія обоихъ лицъ и происшествія, коими всѣ отноше-
нія ихъ связаны, такъ заманчивы, что непременно хочешся
узнать развязку, копорая и приведена весьма еспешенно,
хотя неожиданно и искусно. Въ книгахъ такъ глубоко ду-
ховныхъ, и даже, можно сказать, *схлостическихъ*, мы не зна-
емъ ничего подобнаго.

Писатель, въ роскоши изобрѣтательности своей, украсъ
цвѣтами чашу и *подсластилъ*, для чады міра сего, крѣпкій
напшонокъ слова жизни, копорый иначе такъ имъ проши-
вень! Сценою разнообразныхъ происшествій взялъ онъ и шум-
ные города, и степи Сибири, и горы Кавказа, со всеми жи-
вописными ихъ мѣстностями. — Чипатель, непримѣнно
заманиваемый, встрѣчаетъ обширныя свѣдѣнія, глубокія ис-
тины, и зеркало, въ копоромъ узнаетъ себя, а господствую-
ющій, во всемъ сочиненіи, самый умилительный *духъ нама-
заніл*, оставляетъ въ сердце какой-то сладостный опголо-
сокъ, какое-то вѣліе міра нездѣшнаго.

Дай Боже, чтобы это произведение не было послѣднимъ
трудомъ вдохновеннаго писателя, такъ много и полезно, на
поприщѣ православной письменности, подвизавшагося. Подоб-
ные ему люди сушь лица неповторяемыя и посылаются рѣдко.

М. М.

Село Спасское.

14 го Сентября, 1811 года.

MATHILDE. MÉMOIRES D'UNE JEUNE FEMME, PAR EUGÈNE
SUE. 6 VOL. PARIS. 1841.

„Читали ли вы Машильду?“ — „Какъ! не ужели вы не читали Машильды?“ — „Какъ вамъ нравился романъ Сю?“ — „Какъ несносенъ мой книгопродавецъ! До сихъ поръ не присылаетъ мнѣ послѣднихъ двухъ томовъ!“ — Въ это время подобные вопросы и восклицанія раздавались очень часто въ обѣихъ нашихъ столицахъ, и раздающся можетъ быть еще, проспираясь и въ нѣкѣ внутреннихъ губерніи, гдѣ новости Французской литературы поглощаются еще съ большею жадностію. Да, романъ Евгенія Сю ни въ какой другой странѣ не произвелъ такого обширнаго вліянія на общество современное, какъ у насъ. Воистъ что значить общеніе языка между двумя народами! Русская Крипика можетъ и даже обязана говорить о Французскомъ романѣ, какъ будто о произведеніи нашей собственной литературы! Даже въ этомъ случаѣ обязанность ея гораздо выше и настоятельнѣе, чѣмъ обязанность Французской критики. Тамъ, въ Парижѣ, какой-нибудь новый романъ, какъ бы онъ занимателенъ ни былъ, исчезаетъ незамѣтнымъ апомомъ въ вихрь круженія многихъ интересовъ — политическихъ, ученыхъ, театральныхъ, общественныхъ, промышленныхъ; тамъ шпюграфскіе спанки, служба полицики, предоставляюща одни только скромные углы запыляемымъ рассказамъ лучшихъ романистовъ Франціи; фельетонъ — впоистъ блестящій хвостъ газетный — доспался шеперь въ завидную область писателямъ Французскимъ, которые наперерывъ изукрашаютъ его всею роскошью своихъ повѣствованій. Тамъ романъ Сю или Сулье идееть въ придачу къ рѣчамъ Тьера, Гизо, Моншаламбера; это чашка кофе къ сыпному обѣду, кошорой некогда бываешъ и выпить дѣловому чело-вѣку. У насъ же Французскій романъ, чѣмъ-либо примѣ-нительный, совсѣмъ другое дѣло: это — важное событіе въ жизни нашего общества; предметъ многихъ шолковъ и раз-говоровъ; содержаніе Французскихъ писемъ самаго шонкаго почерка, посылаемыхъ между столицею и губерніею; каби-нетное наслажденіе дамъ; необходимое занятіе праздныхъ мушницъ, желающихъ говорить о чемъ нибудь поважнѣе по-

годы; оригинальнѣе жюльнѣе журнальныхъ переводчиковъ, въ своемъ безплодіи алчущихъ чужой, насущной пищи!....

Но скажите — что же особенно привлекло нашихъ читательницъ къ этому роману? Что за счастливцевъ въ эпѣхъ пыскачахъ всемерныхъ произведеній повѣствовующей Франціи, равно блестящихъ всею прелестію говорливаго пера ея писателей? Конечно, причина тому — завлекательное содержаніе самаго романа: это записки *несчастной женщины*, новый доносъ, новая слезная жалоба оупъ безсильнаго, беззащитнаго пола на семейную хищницу мущины, подкрѣпленную законами одного изъ просвѣщеннѣйшихъ государствъ Европы! Моштивъ не новый, моштивъ едва ли не успарѣлый въ наше время: сколько разъ играло имъ пламенное перо геніальной и чудовищной женщины, которая первая грозно возспала на мушину, и по свойственному людямъ проповорѣчію, сама же навзвалась мущиною! Моштивъ оупъ Жоржа Занда перешелъ къ другимъ писателямъ Франціи: подъ перомъ женщины оупъ же имѣлъ еще вида законности, оупъ не могъ привлекать родъ прекрасныхъ читательницъ; но шеперь Евгенийъ Сю своимъ новымъ романомъ узаконилъ пропешъ — и слабый полъ празднуетъ побѣду!

Да, точно, оупъ празднуетъ побѣду! Въ самомъ дѣлѣ, современныхъ повѣствователей Франціи можно было раздѣлить на двѣ главныя школы по взгляду ихъ на состояніе женщины въ нынѣшнемъ обществѣ. Эпѣ школы имѣли двухъ шефовъ: Балзакъ, извѣстный мизогинъ нашего времени, былъ предшавишелемъ одной; Жоржъ Зандъ — подарокъ оупъ Сень-Симонистовъ липерашурѣ Франціи — предводишельсповала другою. Знамя освобожденія было смѣло поднято ею — и послѣдняя школа побѣдила: къ женскому знамени приспали многіе плашмы Франціи.... Евгенийъ Сю, Сулье пошли по слѣдамъ Занда.... Мизогинъ Балзакъ шеперь въ шѣни, зѣвалъ, пишешъ какіе-шо полишическіе романы.... Между шѣмъ любимый моштивъ Занда въ самомъ полномъ ходу.... Женщина шпрадаелъ, плачелъ, вопишъ, доносишъ почти во всѣхъ романахъ современной Франціи.... Но никогда еще шакъ привлекашело не жаловалась она на судьбу свою, какъ жалуется шеперь въ лицѣ Машильды... Никогда еще ропощъ женщины не облакался знаками оболъстительными стѣхами плачущаго безсилія, знаками приманками едва не безпорочной добротѣ-

тели, копорая если разъ чуть было и измѣнила себя, то за тѣмъ только, чтобы напомнить намъ о человеческой слабости и попомъ явиться въ поржествѣ еще большемъ... Прежде, въ мятежныхъ романахъ Заида, женщина пираннѣй муцины хотѣла иногда оправдать и прикрыть собственные свои проспуки, и впадала въ крайности, копорымъ не могъ же сочувствовать полъ ея. Здѣсь она только чиспала жершва, создана изъ слезъ, любви и слабости, и гопова на всякую преданность.... Вопъ гдѣ причина успѣху Машильды въ кругу нашихъ чипательницъ. Это — побѣда школы правъ женскихъ надъ школою мизогина Бальзака, што — узаконный муциною протеспъ за ея права прошивъ нашего самовластиа.

Гдѣ жершва насилия — тамъ всегда шолпы около нея: ничто шакъ не привлекаешъ учаспя, особенно когда жершва сама рассказываетъ вамъ свою плачевную повѣсть.... што опгадавъ Евгений Сю — и вопъ вамъ Машильда...

Хорошенькая дѣвочка, оппавшись сиротомъ послѣ несчастной мапери, выроспала подъ гнетомъ самой злой шелки, копорая безъ всякой причины ненавидѣла младенца, гнала, пиранила и обрекла на всю жизнь самой плачевной учаспи. Подъ мучительными ножницами, при визгахъ вѣрной няни, упали съ головы десятипѣтной дѣвочки ея прекрасные волосы — и красоща при самомъ ея разцѣлѣ оппалась обезображена: лишишь косы — этого женскаго украшения — десятипѣтную дѣвочку во Франци, видно шакъ ужасно, а между тѣмъ для шѣлеснаго ея здоровья оно казалось бы и полезно! Самое пошлое воспитание и совершенное невѣжество угрожали несчастной, если бы не благородный и честный дядя, копорый по прямой лини происходишь опъ шѣхъ американскихъ богатыхъ дядей, что прежде шакъ славились въ старыхъ комедяхъ и являлись непременно въ условный часъ развязки. Но вопъ пришло время вспуления въ свѣтъ. Первый балъ — великая эпоха для дѣвушки! и шунъ успѣли ея очернить и разнесши объ ней молву, что она переспшннда. Вызды свѣтскіе кончились замужствомъ какъ обыкновенно бываешъ. Тепка, въ разговорѣ съ другими, принесла ее въ жершву своей злоспи, выдавъ замужъ за опъявленнаго негодая: Машильда опдала руку по слѣпой спраспи, увлеченная прекрасною наружностью и умомъ молодого человека. Одинъ лишь мѣсяць, шонъ мѣсяць, въ копорый всѣ муцины любезны,

внала она счастье. А потомъ начались перзанія. Какой-то безобразный демонъ, въ лицѣ домашняго друга, явился и распростерилъ счастье на самой зарѣ его. Охлажденіе чувства, одинокая задумчивость, присутствіе роковой пайны, легкія измѣны свѣтскія, суровые разговоры, въ свѣтѣ — ложный спыдъ при каждомъ намѣкѣ на супружескую нѣжность, дома — объясненія, показывавшія какой-то спранный взглядъ на отношеніе брака къ свѣту — все это поспешенно обнаружилось въ мужѣ — и пыжкое предчувствіе сковало холодомъ сердце женщины, шолько что распустившееся для любви. Но она еще помилась и надѣялась, какъ вдругъ свѣтъ ужасной пайны блеснулъ передъ ея глазами. Подъ личиною прывлекательнаго лица, подъ блескомъ живаго ума, подъ приманками свѣтской ловкости, вскрыпшо пышно гражданскаго безчестія... Уваженіе потеряно, но любовь оспалась... и пайна скрыта. Чета удалилась въ деревню... Надежды воскресли, но напрасно... Тутъ картины несчастливой провинціальной семьи, разочарованіе въ дружбѣ, живописно-чувственнаа жизнь мужа въ деревнѣ, предательство подруги, копорая считалась вѣрною съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ, инприга, отккрытая между ею и мужемъ, мученія самой жестокой ревности, уштрапа послѣдняго упѣшенія — надежды бытъ матерью, срамъ публичный, срамъ отккрышый на весь Парижъ, перенесеніе всѣхъ возможныхъ общественныхъ оскорбленій въ глазахъ цѣлаго свѣта и наконецъ расхищеніе всего имѣнія жены рукою подлаго мужа въ пользу самой развратной изъ женщинъ, подкрѣпленное неправымъ закономъ государства — все это одно за другимъ пало на бѣдную Машильду... и любовь не могла не пошухнуть... Покинутая, ограбленная, нашла она участие и прибѣжище у доброй женщины, копорой жизнь также была не безъ грѣшныхъ воспоминаній. Общество прежняго высшаго круга, — эпоптъ обломокъ пораженной аристокраціи, развалина корабля, разбишаго политическими бурями, — приняло ее въ свою ашмосферу, не совѣтъ чистую опъ заразы современныхъ нравовъ. Здѣсь нашелъ покинутую человекъ благородный, издавна пишавшій къ ней любовь чистую и пайную. Онъ объявилъ свое чувство публично, явился какимъ-то рыцаремъ въ новомъ вкусѣ; взялся бытъ защитникомъ правъ женщины, ограбленной мужемъ и обиженной обществомъ. Машильда

опшѣчала ему на любовь. Но эптъ авчачлѣ чисшыя норымы съ обѣихъ споронъ уступили скоро мѣсто другимъ побужденіямъ.... Былъ предложень побѣгъ въ Испалію, побѣгъ, допускаемый нравами современнаго Парижскаго общества.... Добродѣтель была на волоскѣ, но Провидѣніе спасло ее Оно послало спрадалицъ, утѣшенной новою любовью, невинную соперницу въ лицѣ больной, слабой, нервической дѣвушки, и вызвало ее на новые подвиги само-пожертвованія и преданности.... Несчастливая добровольно опдалась опять въ руки извергу-мужу, копорый, промонавши все, хопѣлъ послыгнушь наконецъ на честь самой жены своей ... Судьба, а скорѣе пороплилось Автора кончить романъ, растянувшійся на шесть помовъ, пособила всему. Она разрѣшила всѣ препястствія внезапнымъ измѣненіемъ нѣкоторыхъ характеровъ и смершью нѣсколькихъ лицъ, и увѣнчала новую любовь новымъ супружескимъ счастьемъ, копорое искувлено было такими спраданіями.

Вопъ содержаніе Машильды: не лъзя было изложить короче шо, чтоо разказано въ шести помохъ. Эптъмъ разказомъ мы спарались оправдать впечатлѣніе, копорое романъ произвелъ на наше общество и особенно на чмшашельницъ. До сихъ поръ мы не спорились съ ними, мы имъ не прошиворѣчили, мы сами увлекались заманчивосшью содержания, и объясняли, почему оно могло увлечь и ихъ. Но вслѣдъ за первымъ впечатлѣніемъ, когда оно успокоилось немного, слѣдуютъ другіе вопросы. Перейдемъ къ нимъ: прежде мы не спорили, шеперь будемъ разочаровывать.

Во вслкомъ повшическомъ произаведеніи, особенно же въ романѣ свѣтскомъ, двѣ спороны — одна существенная, другая прекрасная: первая — жизнь, вторая — искусство.

Романъ свѣтскій еслъ живая картина изъ жизни современного общества, но кромѣ того и художественное созданіе. Жизнь даетъ ему свои матеріалы, жизнь опражается въ немъ какъ въ зеркалѣ. Надобно опдашь справедливосшь романистамъ Франціи, чтоо они хопя и не шакъ глубоко, однако первые бросили свѣжій взглядъ на жизнь общества, и сдѣлавъ ее предметомъ рѣзкихъ наблюденій, связали ее съ лишерашурою, прибавимъ, — можешъ бышь и во вредъ искусству. Конечно, Германія, съ своимъ шумяннымъ взглядомъ на жизнь, съ своими опшветенными понятиями объ искусствѣ, иногда

не могла бы произвести такого сближения. Романъ жизни современной никакъ не могъ приняться въ Германіи, и не нашелъ ни одного достойнаго художника. Весьма замѣчательно, къ какимъ двумъ совершенно противоположнымъ крайностямямъ пришло искусство и въ той, и въ другой странѣ. Въ Германіи подъ конецъ поэзія совершенно отвлекла себя отъ жизни, впадала въ темную аллегорію — въ послѣднихъ произведеніяхъ Гёте, въ туманную неопредѣленность — въ стихахъ Гейне, въ безопшечный лиризмъ — въ другихъ безчисленныхъ повѣстяхъ. Во Франціи напротивъ, поэзія вся поперялась въ жизнь, забыла о служеніи своему прекрасному, исправила на бѣгле разказы о событіяхъ ежедневныхъ, превратилась въ говорунью и сплетницу свѣтскую, и подчинила Божій даръ вымысла, свободу фантазіи безконечнымъ коммеражамъ на всѣ возможные круги Паріжскаго общества.

Романъ Французскій любопытенъ для насъ особенно тѣмъ спорною, копорюю обращенъ онъ къ жизни! Изъ газетъ мы узнаемъ жизнь политическую Франціи, изъ ея романовъ — внутреннюю жизнь ея общества. Одно безъ другаго не можетъ быть даже понятно, пошому что литература и политика хотя и сходились между собою на однихъ и тѣхъ же листахъ, но не имѣютъ никакой внутренней, неравнѣльной связи, благодаря оспорожности литераторовъ, копорые въ своихъ коммеражъ-романахъ не пускаются въ высшія тайны и не указываютъ нисколько на связь между человекомъ общественнымъ и политическимъ во Франціи. Взглянемъ со стороны современной жизни Паріжскаго общества на романъ Сю: что онъ намъ представляетъ?

На первомъ планѣ въ содержаніи, какъ этого романа, такъ почти всѣхъ современныхъ повѣстей Франціи, вы находите одно: разрушеніе семейныхъ связей человека. Одинъ и тотъ же предметъ является вамъ въ Машильдѣ, въ шрехъ разныхъ видахъ. Ея несчастный бракъ съ Ланкри не что иное какъ живая картина моднаго брака времени, копорого основа — корыстная выгода, а счастье — одинъ только мѣсяць. Г-жа Ришвиль, дама высшего общества, съ своею дочерью, копорую она откровенно признаетъ не можетъ, представляешь намъ другую непріятную сторону семейныхъ отношеній. Въ супружествѣ добраго провинціала Сешереня

вы видите, какъ столица, въ лицѣ отвращительной красавицы Урсулы, развращаетъ патриархальные чистые нравы еще не погибшей провинціи и вноситъ ужасъ въ нѣдра ея мирныхъ семействъ. — Среди этого общества замѣчательны еще два чудовища, имѣющія отношеніе къ его нравамъ: Госпожа Маранъ — нескладная карикатура на женщину-полициста, которая спрашиваетъ умъ на разговоры политическіе въ господствующихъ дипломатовъ, и спрашиваетъ его же на всѣ возможные злодѣйства въ нѣдрахъ семьи своей. Люгаршо — другая нескладная карикатура на шѣхъ космополитовъ-богачей, которые, пользуясь семейнымъ развратомъ первенствующей столицы въ Европѣ, истощаютъ свои милліоны на то, чтобы плодить заразу, и кѣпаются въ нечестіи міра.

Возьмите любой романъ Сулье: почти вездѣ пошлѣе же предметъ, но же однообразное содержаніе. Въ *Четырехъ сестрахъ* онъ рассказываетъ намъ исторію четырехъ женщинъ, изъ которыхъ три разорены шрема подлыми мужьями-афферистами, а четвертая погибаетъ жершвою спраски къ человѣку, который по общошпельствамъ не можетъ назвать ее женою. Тутъ между прочимъ встрѣчаете вы спранные лицо женщины, родъ чудовищнаго Люгаршо въ женскомъ видѣ и платьѣ, Mme Del..., которая живетъ какъ будто за шѣмъ, чтобы разспроивать семейное счастье супружества и проповѣдывать право разврата на глазахъ всего общества. Тутъ находите вы также непонятное превращеніе молодого скромнаго человѣка, который принадлежалъ лучшему обществу, умышленно воспитанъ былъ матерью вдаль отъ развратныхъ нравовъ столицы, и въ два мѣсяца спалъ однимъ изъ первыхъ ея негодяевъ: такое превращеніе можете объяснить развѣ изъ того только, что развратомъ ужъ вѣетъ и самый воздухъ Парижа, по мнѣнію романистовъ Франціи.

Не знаемъ — совершенно вѣрны ли? — а повѣсть Французская почти единогласно и непрерывно повшорляетъ намъ одно и то же, что семейной жизни нѣтъ уже во Франціи; что она со всѣми своими обязанностями и удовольствіями принесена въ жершву или полицикѣ, или промышленнымъ разсчетомъ, или наконецъ низкимъ спрасплымъ подлаго слашолобія; что столица проспираетъ губительную заразу и въ мирныя нѣдра провинціи, гдѣ семья еще

укрывалась подъ защищаю скромной пишины и дѣдовскихъ преданій.

Но какая же причина шакому спрашному явленію? Пеглубокая повѣсть Франціи не раскрываетъ намъ ея во всей важности значенія, но изрѣдка, какимъ-шо внушеніемъ инсплицитна, подаетъ на шо намъки. Припомнимъ нѣкоторыя подробности, откуда, можешъ бышь, объяснишся намъ дѣло. Вошь чшо черезъ при мѣсяца мужъ говоритъ женѣ: *Maintenant, nous devons seulement voir dans le mariage une douce intimité basée sur une confiance et surtout sur une liberté réciproque; nous sommes du monde, nous devons vivre pour et comme le monde.* — Вошь еще какіе уроки даетъ женѣ мужъ для обхожденія свѣтскаго, когда замѣнилъ порывы ея ревности и холодное обращеніе съ мужчинами, приспекавшее въ ней опть любви къ мужу: *Eh! madame, si vous n'aviez pas un abord si glacial, si dédaigneux, vous seriez assez entourée pour trouver un bras à défaut du mien! Il y a mille coquetteries innocentes et parfaitement admises par le monde qui permettent à une femme de chercher dans les hommes qui l'entourent ces soins, ces prévenances que son mari ne peut lui consacrer sans se faire montrer au doigt....*

Въ эшѣхъ словахъ Ланкри высказываетъ вамъ спрашная истина, чшо внутренняя семейная жизнь принесена совершенно въ жершву жизни свѣтской, общеспвенной; чшо бракъ возможенъ только при взаимномъ условіи мужа и жены давати полную свободу другъ другу въ общеспвѣ, и чшо онъ долженъ во всемъ уступати высшимъ самовластнымъ условіямъ сего послѣдняго. Но скажутъ можешъ бышь, чшо изъ словъ шакаго человека, какъ Ланкри, не лзя еще вывести никакого общаго заключенія. Положимъ, чшо шакъ; но возьмемъ другое лицо, прошивъ котораго вы ничего конечно не имѣете сказать, — возьмемъ Матильду: и въ ней пѣ же самыя мнѣнія, но выражены другою спороною. Когда Рошгюнь, увлеченный порывомъ безумной спрашпи, которая вышла изъ предѣловъ приличія, кричитъ: *»Ma soeur.... ma soeur? je ne vous ai jamais aimée comme une soeur.... je vous l'ai dit... Seulement jusqu'ici j'ai eu du courage, jusqu'ici j'ai eu de la volonté... j'ai cru... Eh bien! Mathilde, je n'ai plus ce courage, je n'ai plus ces croyances: serments, vœux, promesses, tout est oublié... Ma passion si longtemps comprimée éclate à la fin...«* И далѣе: *»Oh, venez... Fuyons... Venez... venez, mon amie, ma soeur, ma maîtresse*

ma femme... " Чшо отвѣчаетъ ему изумленная Машильда на это внезапное предложеніе бѣжать вмѣстѣ съ нимъ? „Si je consentais à fuir avec vous... que penseraient de nous le prince d'Henricourt, et sa femme, qui ont si loyalement protégé notre amour? " Въ этихъ словахъ просподушіе Машильды доходитъ до такой крайности, чшо напоминаетъ намъ смѣшное и полное ироніи заключеніе комедіи Грибоѣдова:

Ахъ Боже мой! чшо спанепъ говорипъ
Княгиня Марья Алексѣвна?

„Bien plus! продолжавъ Машильда, après avoir eu l'insolente audace de me poser en femme supérieure aux faiblesses humaines, je serai renversée de cet orgueilleux piédestal au milieu des mépris universels...“

Какъ! только одинъ эпошъ предеспалъ, одно мѣніе общеспва, это вѣчно qu'en dira-t-on, удерживаетъ Машильду измѣнишь добродѣтели? Ни голоса совѣсти, ни малѣшаго упрека, никакого внутренняго чувства, просшо для себя, для души, для Бога! Да, въ этихъ словахъ Машильды ясно сама собою высказалась причина деленію въ семейной жизни Франціи. Вопъ она.

Франція создала себѣ кумиръ, кошорому поклонился въ ней человекъ и передъ кошорымъ закладъ онъ въ жертву все внутреннее бытіе свое: эпошъ кумиръ было общеспво. Человекъ во Франціи съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ выроспанъ на глазахъ свѣта и цѣнитъ внутреннее свое достоинство только степенью дѣйствія своего на кругъ общеспвенный. Такое спремленіе образовывало великую общеспвенную силу, пока не достигло своихъ вредныхъ крайностей и пока самое общеспво не было поспрясено въ своихъ коренныхъ основахъ. Французъ и всегда любилъ скорѣе *казаться* чѣмъ *быть*, но теперь болѣе чѣмъ когда нибудъ эпошъ любипъ. Французъ весь изжился для другихъ и опуситъ. Общеспво сокрушило во Франціи жизнь семейную—и вѣтшній человекъ уничтожилъ въ ней человека внутренняго.

Эта печальная истина повпоряется во вѣхъ важнѣйшихъ явленіяхъ Французской жизни. Въ политикѣ, блескъ пущаго краснорѣчія уничтожаетъ дѣло и вредитъ существеннымъ пользамъ народа. Наука служитъ спуненію или средствомъ для государошвеннаго оратора, и болѣе заботится

о красотах внешнего изложения, нежели о его сущности. Искусство удивляет перспективой, красками одежды, эффектом внешним, но забыло душу и выражение. На сцене сценическое мастерство уничтожило драму — и актер запыль поппа. Промышленность променяла прочность на один наружный вид, существенное достоинство на блестящую мимолетную роскошь.

Наконец и литература заражена тем же самым болельником. Исканье необыкновенных эффектов, непрерывное насильствие фанпазии, уничтожили поэзию, изуродовали вкус. Обществу, испорченному, раздраженному переворотами политическими, скорее нужны бы были успокоительные зрелища, но литература сочла за лучшее угощать его всем тем, что могло бы только умножить внутреннее возмущение. Неограниченное самолюбие, неутолимая жажда славы породили множество писателей, которые хотя и носили какие-то особенные имена, но однако почти все похожи друг на друга, за исключением небольшого числа избранных талантов. Эти последние спускаются также неприспешливо плодотворности, и не внутренним достоинством, а только числом стихов измеряют свою славу. Даже истинные таланты испускаются: возмните Бальзака. Спрашною пустошю опзымаешься вся эта эфемерная литература Франции: если кому нибудь из них случится поймать новую мысль и пустить ее в ход, то другие расхлебывают ее, точно так же как мелкая рыбка в ируди переловит кусок брошенного им хлеба. Все что ни подумает сегодня Французский писатель, сегодня же и опсправляет в снаноки пишпографский.... Волт почему так и пустит Французский литератор.... онъ заранее весь сплона напечатанъ, — и въ немъ, для него самого, для его насущной умственной пищи, ровно ничего не оспалось.

Литература, спрада сама болельником Франции, эптемъ злоупотребленiemъ общеспивеннаго начала, эпою неодолимою спрашною къ высшавкъ своихъ издълій, — не доноситъ намъ объ ней, не сознаешь ея, но изрѣдка только невзначай промолвился на счетъ правспивеннаго состоианія Франции. Пывпоря въ романѣ вѣчный свой мошнвъ — разрушеніе семейной жизни, — она не доходитъ до корня злу, не указываетъ на главную его причину, именно пошому что сама купается

въ шомъ же омути, и въ силахъ нѣзъ него освободиться. Вопшъ откуда объясняется эта холодная апашия, это равнодушіе Французскихъ романистовъ, съ какимъ они изображаютъ намъ всю гнусность обыкновенной дѣйствительности. Никогда же описывается въ нихъ ни такая сатира, ни рѣзкій хохотъ или насмѣшка, ни даже покаянныя иронія. А между тѣмъ, какая же другая липерашура могла бы создать сатиру всемірную, сатиру великую, значительную, если не Французская? Но такой родъ повѣи пребуесть сильнаго духа, цѣльнаго характера въ повѣи, того что Нѣмцы называютъ полною субъективностью. Такого замѣчательнаго лица не найдете вы вовсе между современными писателями Франціи: они сами болны недугомъ народнымъ; они холодные зрители, и сами дѣлали того же общества, которое намъ представляють.

Это умичтоженіе внутренней жизни во Французскомъ человѣкѣ посредствомъ внешней, есть главная причина и существованіе характеровъ, какъ въ обществѣ современной Франціи, такъ и въ литературѣ. Что такое характеръ? — Нравственный образъ человѣка, цѣльность его духовнаго существа, выражаемая въ мнѣніяхъ, правилахъ, поступкахъ, словахъ. Характеръ весь принадлежитъ внутренней человѣку, изъ него вырастаетъ и опредѣляется, и тамъ спавившя невозможно, гдѣ внутренній человѣкъ убитъ внешнимъ. Укажите въ дѣйствующей полиписческой Франціи хотя на одно лицо, которое бы можно было во всѣхъ поступкахъ его подвесити къ одному знаменателю! Характеры ея найдутся развѣ только въ прежнихъ герояхъ, оживающихъ вѣкъ свой. Изъ дѣйствующихъ лицъ всѣхъ выше можетъ быть то, которое есть одна изъ важнѣйшихъ полиписческихъ загадокъ нашего времени. Также безхарактерность, которая въ жизни, отражается и въ лицахъ романа Французскаго. Вы нѣтъ не увидите ни на одно замѣчательное полиписческое лицо, которое бы выдавалось и печаталось въ воображеніи живо, во всей своей цѣлости. Не знаете — кого обвинять въ этомъ недоспаикѣ — современное ли общество, или бездарность писателей Франціи, чуждыхъ силы творческой: мы думаемъ, что вина лежитъ равно и на той и на другой сторонѣ.

Здѣсь отъ вопроса житейскаго о романѣ Франціи, отъ вопроса объ отношеніи его къ современной жизни общества,

мы переходимъ уже къ вопросу художественному. Въ романѣ Сю нѣтъ цѣльныхъ, полныхъ, выдержанныхъ характеровъ, какъ и во всѣхъ романахъ Французскихъ. Вы не сведете никакъ дѣйствій какого бы то ни было лица къ одному концу; вы не выведете ихъ изъ одного зерна, изъ одного источника. Мнѣ укажутъ на одно исключеніе, на одно живое лицо, цѣльно схваченное: это Ланкри, мужъ Машильды. Но развѣ Ланкри характеръ? Напротивъ, это существо совершенно безхарактерное, человекъ безъ правилъ и мнѣній, слабый и пошлый вѣтислѣзъ и слашполонецъ, пнигъ какъ думаютъ ходячій и довольно обыкновенный въ наше время; но онъ-то и говоритъ въ пользу нашего мнѣнія: если можно назвать характеромъ описаніе всякаго характера, то пожалуй, и Ланкри будетъ характеръ. Можетъ быть, инны поклонницы Машильды укажутъ мнѣ на нее; но слабостъ и протодушїе не могутъ еще образовать характера. Объ этомъ мы скажемъ скоро и подробно.

Когда читаетъ романъ Сю, — по временамъ одается, что авторъ морочитъ своихъ читателей. Запѣвая происшествія, онъ кажется не обдумываетъ заранѣе ихъ развязки, и для того чтобы распутать ее, или лучше разрубить, долженъ иногда измѣнить внезапно какое нибудь лицо и дать ему другой ошпѣнокъ. Такъ непонятно внезапное развитіе чистой любви въ опшратительной Урсулѣ и все ея быстрое обращеніе. Такъ не лзя постыгнуть, какъ изъ скромнаго провинціала Сешереня вдругъ вышелъ свирѣпый, опчаянный дуелистъ, гошовой сей часъ въ любую мелодраму. Романисты Франціи, запѣвая безконечные романы для газетныхъ фельетоновъ, хопящъ играть ролю судьбы надъ своими дѣйствующими лицами; но разница въ томъ, что судьба всегда вѣрна самой себѣ въ пикани событій нашей жизни, а у рассказчиковъ Франціи никакъ не сведешь концовъ съ концами, и когда они напушала, то подъ конецъ проспо рубящъ съ плеча, да и полько. Потому-то послѣдній шомъ — бѣда въ шеспи-шомномъ газетномъ романѣ: вопѣ вамъ добрый совѣтъ, читательницы, не полько не спрашивать, но никогда не читать послѣдняго шома въ длинныхъ романахъ Сю, если не хопите бытъ совершенно разочарованы. Сулье однако бываетъ естествовнѣе п вѣрнѣ самому себѣ въ своихъ развязкахъ, но за то и романы Сулье гораздо короче.

Въ изобрѣшеніи происшествій мы видимъ какую-то борьбу между Сю прежнимъ и Сю новымъ. Подъ именемъ прежняго Сю мы разумѣемъ автора Аларъ-Гюля, Саламандры и другихъ романовъ, гдѣ преобладала спихія чудовищная, которую сильно опшывались еще ужасами шой мелодрамы, откуда всѣ они вышли вмѣстѣ со всею пакъ называемой романтическою школою юной Франціи. Преній Сю еще ярко виденъ въ чудовищныхъ характерахъ Госпожи Маранъ, изверга Люгаршо, который какъ *Deus ex machina* вездѣ являлся. Урсула составляетъ переходъ къ новой манерѣ: она даже принесена въ жертву этому переходу, и попому-то изъ нея вышло ни то ни сѣ. Такъ и пахнутъ мелодрамой лдовинные цвѣтш, нѣсколько разъ являющіеся въ романѣ; а наркотическій ужинъ Малильды, сцена усыпленія, последнее ея убѣжище, впа спрашная западня съ пружиной, гдѣ умираетъ Люгаршо голодною смертію, все это пакъ и просится на театръ de la Porte St. Martin, подъ покровительствомъ Mlle Georges и ея широкаго кошура. Не лья однако не сказать въ похвалу романисту, что вся мелодраматическая спихія начинается болѣе и болѣе уходитъ въ глубь его романовъ, а выступаетъ впередъ новый Сю, изобразитель положеній и событий естественныхъ, взятыхъ искусно изъ современной жизни. Сцены въ кофейной Лебѣзь — это любопытство Французской черни, жаждущей новаго — списаны вѣрно съ натуры. — Подробности Парижскаго свѣтша, первый балъ дѣвушки, первое время супружескаго счастья, сцены въ свѣтѣ между мужемъ и женой, картины изъ провинціального быта и даже глупый Шопинель, жизнь въ замкѣ Маранъ, сцены охоты, сцены свѣтскія въ театрахъ Парижа, пиръ наглой дворни въ домѣ больной Г-жи Маранъ, притвожденной параличемъ къ постели — все это опшисится къ новой манерѣ романиста. Здѣсь болѣе простоты, естественности; все это опшывается живымъ наблюдениемъ нравовъ современнаго общества, и общается въ повѣстш Французской добрую мешаморфозу съ пользою для самаго искусства въ нѣкоторомъ отношеніи. Покрайней мѣрѣ мы видимъ шупъ жизнь, а не однѣ уродливыя исчадія своеобразной фантазіи писателей. Не эшѣмъ конечно не ограничуся еще всѣ наши шребованія.

Романъ вѣдь не коммеражъ же только на современный свѣтъ, или чьянибудь подробная повѣсть, рассказанная умно и живо, не доносъ на слабости, интриги и гадости общества. Романъ, какъ драма, какъ эпосъ, долженъ быть изящнымъ, цѣльнымъ созданиемъ, а созданіе не возможно безъ мысли. Мысль въ романѣ какъ душа проникаетъ въ его соспавы, въ частны, оживляетъ характеры, связываетъ событія въ одно цѣлое, придаетъ всему случайному необыкновенное значеніе.... Она повсюду, во всемъ великомъ и маломъ, присутствуетъ невидимо.... Но какъ ее вызвать изъ этого множества событій? Какъ опгадать ее въ этой массѣ романа, столько разнообразной, ссшавленной изъ такихъ сложныхъ спихій? Какъ назвать ее однимъ именемъ? Какъ сказать немногими словами: въ чемъ главная мысль Машильды?

Задача не легкая, однако попытаемся разрѣшить ее. Намъ кажется, что тайная мысль, положенная въ основу всего романа — зерно, откуда онъ весь родился — можетъ выразиться немногими словами: это — *глупость добродѣтели женской среди развратнаго свѣта*. Если вы примѣрите эти слова къ характеру Машильды и ко всемъ ея поступкамъ, то загадка вамъ совершенно объяснится. Или Машильда въ самомъ дѣлѣ просподушна до крайности, или среди этого мерзкаго общества добродѣтель не можетъ не казаться глупою — вопль заключеніе, къ которому вы невольно приходите, которое ошовсюду, наъ всѣхъ обобщительствъ романа, передъ вами выпекаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вы, читая его, обращали вниманіе на ваше собственное внутреннее чувство, если вы слѣдили невольными движеніями вашего ума и сердца, — то конечно припомните теперь, что, кромѣ состраданія къ несчастной героинѣ, у васъ по временамъ мелькало и чувство досады на это излишнее просподушіе женщины, которая такъ добровольно опдаетъ себя на все, и не дорожитъ собою для людей; того нисколько не спующихъ. Тайная мысль романиста высказалась невольно и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самаго повѣствованія. Припомнимъ слова Машильды ея мужу: *«J'ai été votre lâche esclave, et je n'ai eu que les qualités négatives de l'esclavage, la soumission aveugle, la résignation stupide, la patience inerte»*. Въ другомъ мѣстѣ, Машильда сама подозреваетъ, что общество объ ней такого мнѣнія: *«La stupide.... l'ennuyeuse créature!.... Avec ses plaintes et ses gé-*

mimements continuel!.... Elle n'a que ce qu'elle mérite.... en un mot, c'est une femme qui a le plus grand tort de tous: celui d'aimer et de ne pas savoir se faire aimer.... Ланкри въ письмѣ своемъ плакъ опшзывается объ Машильдѣ: J'ai passé ma lune de miel seul avec ma femme; au bout de quinze jours tout a été dit; o'a été une monotonie, une lourdeur de tendresse insupportable, aucun élan, aucun entrain....“

А! въ самомъ дѣлѣ, ужь не морочилъ ли насъ господиный Сю? Не насмѣялся ли онъ надъ вами, прекрасныя чиншпельницы? Не сыгралъ ли искусную мисшификацію? Всѣ эти мысли шомовъ не варіаціи ли на шему — какъ глупа добродѣшель женская среди вымышленнаго свѣта? Точно, безъ этой шемы непоняшенъ будетъ смыслъ многихъ дѣйспій главнаго лица. Посмотрите, какъ жалка эта Машильда, какая бѣдная рола жершвы! Еслибы внутреннее поржесиво ее выпало, еслибы носилась она надъ штѣмъ міромъ въ величій небеснаго сіянія!.... но нѣтъ — шого мы не видимъ: она жалка — и шолько. Это не швердосшь добродѣтели, а шолько одна мягкая слабосшь: вспомните ея соблазнительное свиданіе съ Роштюномъ, сцену въ шеашрѣ и приказаніе его, когда онъ спалъ ея мужемъ, оставивъ больную шешку ея на произволъ дворни, въ рукахъ самой ужасной смерши, припизаніе, шопорому она послѣдовала, какъ прежде слѣдовала недѣшымъ шребованіямъ грабшела-мужа!.... Да, да, все што, чѣмъ вы шрогались, надъ чѣмъ вы плакали, все это была одна шолько глупосшь, одна слабосшь женская.

Кончено, мы совершенно разочарованы. При такой мысли никакое произведеніе не можетъ быть прекрасно.... Тутъ романъ исчезъ въ глазахъ нашихъ, онъ выпадаетъ изъ нашихъ рукъ, и мы хотѣли бы забыть все его впечатлѣнія.

Господство языка Французскаго въ Россіи, плодовиносшь писателей Франціи, праздное бездѣйспвіе лучшихъ Русскихъ талантовъ и наше нечего дѣлать причиною шому, что романы Французскіе чиншаются у насъ болѣе нежели гдѣ нибудь. Эта коропкая связь лишературы Французской съ нашимъ обществомъ можетъ быть не совсемъ-шо выгодна для нашихъ нравовъ — и мы съ опасносшію прослышъ спрогимъ и скучнымъ моралистомъ, по долгу совѣспи, скажемъ нѣскольکو словъ въ предостереженіе. Пословицу: dis-moi-qui tu hantes, je te dirai qui tu es — можно опчасши пригвнишь и къ чшешію. Слѣдм

сего послѣдняго незамѣтно оспаривающа на нашей душѣ, входяща въ наши внутреннія побужденія, прививающа къ чувствамъ нашимъ. Чтеніе — духовная пища, которой качеством рано или поздно оспариваешься въ жизни. Исторія литературы предлагаесть намъ явленіе весьма поучительное: Римъ, заимствовавшій просвѣщеніе изъ Греціи почти такъ же какъ мы заимствуемъ его съ Запада, слѣдовала и въ поэзіи образцами своей учительницы. Въ то время, когда важный Римъ пустился въ словесность, въ Греціи процвѣтала Менандрова комедія, холодно изображавшая развратъ внутренней домашней жизни Грековъ, почти такъ же какъ теперь современная повѣсть Франціи. Извѣстно, что комедія Греческая, являясь на сценѣ Рима, много содѣйствовала искаженію Римскихъ нравовъ. Это событіе, чрезвычайно важное въ исторіи словесности всемірной, показываесть, какъ произведенія литературы иноземной могутъ прививаться къ сокамъ жизни народа переимчиваго.

Конечно, мы не боимся за всю Россію: она имѣесть охрану для нравовъ своихъ въ Религіи и непронупомъ корнѣ семейной жизни, не развращенной никакимъ вреднымъ общеспвеннымъ стремленіемъ. Но не лзя отрицать возможности какого нибудь мѣстнаго вліянія ошъ неприличныхъ знакомствъ, которыя навязываетъ намъ безпрестанно романъ Французскій.

Сколько ни глядимъ мы на Западную литературу, — убеждаемся все болѣе и болѣе въ настоятельной необходимости дѣйствовать и прудиться всѣми силами, и создавать свое національное, соответствующее нашимъ потребностямъ, выпекающее изъ нашей жизни, говорящее намъ о насъ же самихъ. Литература спала у насъ необходимою потребностію общества: если писатели свои удовлетворяють ей не будущъ, общество поневольтъ будетъ утолять свою жажду изъ источниковъ иноземныхъ, будетъ жить чужою жизнью, увлекаться чужими пользами, спрашивать вниманіе на чужой развратъ и на бѣды чужія. Да, литература въ Россіи дѣло государственное и частное, дѣло всѣхъ и каждого, кто только получалъ призваніе къ ней ошъ Бога. Повѣствователи наши могли бы взять рѣшительный верхъ надъ писателями Франціи, и талантомъ, и вкусомъ изящнымъ, и глубиною взгляда, и рѣзкою сатирой, и комической ироніей,

и наконецъ добрымъ, нравственнымъ направленіемъ, которое особенно важно для романа и повѣсти, имѣющихъ прямое дѣло съ жизнью. Мы скоро въ нашемъ общемъ обзорѣи современной Русской литературы надѣемся доказать всю справедливость этого положенія. Нашимъ даровитымъ повѣствователямъ недостаетъ одного — дѣятельности. Не знаемъ — гдѣ тому причина, а до тѣхъ поръ, пока вполнѣ упрекъ будетъ имѣть силу правды, мы конечно не можемъ укорять нашихъ чинашельницъ въ томъ, что онѣ съ неперпѣніемъ ожидаютъ романовъ Сю, ссорятся за нихъ съ своими книгопродавцами, и плачутъ надъ спрдаданіями чужой для нихъ Машильды.

С. Шесырскъ.

ЗАПИСКИ ПАСЕКА.

Pamiętniki Paska, ze czasu Rozwojania Zana Kazimierza, Michala Korybuta i Zana III, wyda ne z igrorim: przez E. Baczynskiego. Drugie wydanie Pozn: 1837. Deutsch von Stenzel, Breslau 1838.

Записки эти интересны въ высшей степени не только для Археолога или Аншикварія, но для каждого образованнаго человѣка, желающаго полюбоваться на дорогую спарину, на обычаи и семейную жизнь предковъ, на холъ погдашнихъ дѣлъ, за которыми наблюдали не дипломатъ и не государственный мужъ, а проспой гражданинъ и солдатъ. Мы, Русскіе, найдемъ въ нихъ много любопытнаго для насъ самихъ: въ этихъ Запискахъ есть много самыхъ мѣлочныхъ, но дорогихъ для насъ подробностей о Польской войнѣ при Царѣ Алексѣ Михайловичѣ, въ 1660 и 1661 годахъ. Видишь передъ собою полки Московскіе, нашу рейшарію, козаковъ съ ихъ пиками и ногайками, Башкирцовъ съ луками и стрѣлами, — видишь богатыхъ бобровыхъ или осыпанныхъ жемчугами шапки Болръ, бердыши и самопалы Стрѣлецкой рати, — узнаешь въ лицо погдашнихъ военачальниковъ: Хованскаго, Долгорукаго, Шереметева, — знакомишься съ погдашнимъ способомъ веденія войны, съ гулай-городами или рогапинами, которые плущъ называютъ Пасекъ *гультай-городами* (*), (*haltay-gorody*):

(*) Отъ слова *haltai*, удалецъ, провазникъ, негодяй.

Авторъ этихъ Записокъ, Янъ Хризостомъ Пасекъ, родился въ Равѣ, ошъ благородныхъ родителей, воспитывался въ тамошней Іезуитской школѣ, и пошомъ вступилъ въ войско, подъ начальство знаменитаго Стефана Чарнецкаго. Пасекъ былъ во многихъ сраженіяхъ, въ войнахъ противъ Венгерскаго Магнаша Ракоціа, Шведовъ и Русскихъ или Москалей, какъ вездѣ онъ чеспитѣ насъ. Въ несчастной междоусобной войнѣ, кошорую велъ противъ Короля Липовскій Магнашъ Князь Любомирскій, Пасекъ оставался вѣрнымъ законному Монарху. Въ послѣдніе годы государствованія Яна Казимира, Пасекъ оставилъ военную службу, поселился въ тогдашнемъ Равскомъ Воеводствѣ, засѣдалъ на нѣсколькихъ Сеймикахъ въ должности Земскаго сборщика податей, кричалъ громче прочихъ *liberum veto*, ссорился съ шляхой и рубился за каждое слово, какъ прилично испому шляхцицу. На Равскомъ Сеймикѣ его избрали *Маршалкомъ рыцарскаго круга* (*Marzalkiem kola rycerskiego*). Почши въ поже время женился онъ на одной вдовѣ, Лонцкой по покойному мужу, пуспился въ шорговлю, и возилъ ежегодно хлѣбъ въ Данцигъ. Короли Янъ Казимиръ и Собѣскій знали его лично и жаловали. Надобно полагашъ, что Янъ Пасекъ переселился къ праху ошцовъ около 1690 года; записки его прекращаются за два года до смерти, ш. е. до 1688 года. Вотъ краткая біографія этого замѣчательнаго беллеприспа шого времени.

Записки Пасека оживлены духомъ простосердечія, веселости и какой-то ошпропы, какого-то врожденнаго юмора. Помираешь со смѣху, читая нѣкошорыя спроки, особенно описанія иносшранныхъ земель и тамошнихъ обычаевъ, на кошорые онъ смощрѣлъ глазами ревностнаго Каполика и Польскаго шляхшича шого времени. Для образца слога и юмора мы приведемъ нѣсколько ошрывковъ изъ занимательной болтовни его. Какъ Шляхшцицъ и помѣщикъ не безъ состоянія, онъ могъ считашься очень воспитаннымъ, очень любезнымъ и ловкимъ кавалеромъ. Видно, что онъ бѣгло говорилъ по Латыши и зналъ въ совершенствѣ древнюю историю и краснорѣчіе — альфу и омегу тогдашняго ученаго образованія. Слогъ его чистъ, иногда кудрявъ, и читается вездѣ гладко.

Приведемъ его описаніе нашихъ пословъ, кошорыхъ ему вѣлно было сопровождать именнымъ повелѣніемъ Короля Яна Казимира.

„Тамъ отдавали ему визитъ Царскіе послы ; выѣзжали на саняхъ, лежа въ нихъ какъ въ постели. У нихъ ужъ шакъой обычай, и въ саняхъ имъ не спелашъ для сидѣнья какъ у насъ, а кладушъ перины, на копорыхъ они распягивающъся во всю длину, шакъ чшо видишь одну бороду. И простой народъ слѣдуешъ у нихъ шакому же обычаю : если сплашъ нечего, шакъ постелешъ пряпки и лежишъ на нихъ, лишь бы не ошпашъ опъ моды. Послѣ аудіенціи Воевода нашъ пригласилъ Пословъ къ обозовому (*) столу. Они согласились. За обѣдомъ запивали препорядочно и еще хвалились другъ передъ другомъ, чшо вкусно ѣли и пили. Тогда я сказалъ имъ : »видите мой Гепманъ не приказывалъ вамъ кланяшъся ему въ ноги, какъ вы мнѣ ; вамъ и безъ шого здѣсь хорошо и вы сами не нахвалишесь.«

„Горѣлка у Москалей чѣмъ больше смердипшъ, шѣмъ и лучше. Эшо скверное просное вино, копорое и повохашъ гадко, не шолько опивѣдашъ, они пьютъ съ шакимъ вкусомъ, какъ будно самую лучшую спецію; пьютъ — да еще похвалявающъ. Ешъ у нихъ подлѣ столицы особенный городъ, въ копоромъ живушъ Англичане, у копорыхъ, какъ у людей полишничныхъ, ешъ всякаго роду напишки. Когда Москали собирающъся на посольство, шо и берутъ у нихъ вишкхъ напишковъ, ш. е. винъ, водокъ и поршперу, копорый они зовушъ романею, но сами не пьютъ ихъ, а шолько другихъ пошчуютъ. Такъ дѣлалъ и Павъ спольникъ, себѣ наливалъ всегда изъ особенной флашки и мнѣ изъ особенной. Сначала я подумалъ, чшо онъ пилъ лучшее вино, а мнѣ давалъ похуже, но я ничего не говорилъ ему на эшо, а шолько подумалъ про себя : вкѣ они грубіяны ! Потомъ когда мы познакомились покороче и пришли до дружеской конфиденціи, случилось однажды, чшо Спольникъ налилъ себѣ сначала и выпилъ, потомъ взялъ со стола другую флашку, и началъ наливать мнѣ. Въ эшо время я схватилъ прежнюю, — поднесъ ее къ губамъ, — глядъ ! а эшо ихъ смердячая горѣлка. Увидя эшо, Спольникъ бросился на меня, и началъ вырывать у меня изъ рукъ эшу флашку. Тогда я ему въ опивѣшъ : »я думалъ сначала, чшо ты самъ пьешъ лучшее вино, а шеперь вижу, чшо ты большой полишникъ, когда наливаешъ мнѣ лучшаго, а

(*) Лагерному.

себѣ похуже. Ему спало очень спыдно, что я узналъ, какую пиль онъ сивуху, но съ того времени онъ уже не скрывалъ передо мной своей спрасши, и, бывало при мнѣ кричитъ хлопцу своему: «Машюшка! подай-ка государева винца!» — подаспъ ему, а онъ, лыкъ — лыкъ и другой, да еще облизнешся, а онъ эшой сивухи коза закричала бы, еслибъ ей насильно лили ее въ горло.»

Видно, что наши предки не были вовсе нечувствительными къ прелеспямъ прекраснаго пола. Неопровергаемое подтвержденіе словъ нашихъ представляють записки Пасека. Такъ, въ одномъ мѣспѣ онъ говоритъ: «а шляхпьянки разодѣлись въ пухъ, — та хороша, та еще лучше, а иная насилу шла: шакъ много было на ней золошыхъ нарядовъ. Не диво что Москали дѣрма дрались въ эпу крѣпоспъ.»

Любовь къ своимъ Государямъ была оплачительною черпою добраго Русскаго народа. Какъ часто доходила она до самоопшверженія. По этому предмету Пасекъ разскаываетъ слѣдующій анекдотъ.

«Въ числѣ нашихъ охопниковъ былъ одинъ хлопецъ, кошорый умѣлъ дразнитъ Москалей и ловитъ ихъ въ западню. Бывало они кричалъ: «Царь! Царь!» а хлопецъ подскочитъ къ нимъ, закричитъ во все горло: вашъ Царь пакой и шакой! и пуспишся бѣжанъ отъ нихъ, а они за нимъ, когда цѣлымъ десяшкомъ, когда и больше. Хлопецъ нашъ всегда знапно удираетъ отъ нихъ на своей бахмапѣ, и выпроводивши ихъ въ слѣдъ за собою въ чистое поле, наводитъ на нашу засаду. Тупъ мы выскакивали, сѣкли ихъ, рубили и брали живьемъ. Довольно того, если скажу, что при помощи нашего хлопца, мы послали своему воеводѣ до шридцати языковъ. Часто хлопецъ нашъ, бывало, подѣдетъ къ нимъ, и скажешъ имъ что придетъ ему въ голову объ ихъ Царѣ, а они придутъ въ такую яроспъ, что бросятся на него очерпя голову: произнесши все имя царское у нихъ считаешся шакимъ же грѣхомъ, какъ произнесши все имя Божеское. Много съ ними шупокъ выдѣлывалъ нашъ хлопецъ. Гонятся, бывало, за нимъ до самаго лѣса: шакъ имъ хопѣлось поймашъ его. А ужъ поймай они, шакъ содрали бы съ него кожу съ живаго за все оскорбленія, кошорыя онъ причинялъ имъ.» —

Въ запискахъ своихъ Пасекъ знакомитъ насъ со многими современными ему испорическими лицами. Эпи лица дви-

жупсы передъ глазами нашими и говорять живымъ языкомъ, какъ актеры на сценѣ. Шупникъ и оспрякъ, господиць Пáсекъ смогришь на нихъ съ свойспивеннымъ ему юморомъ, и опъ вшого они чрезвычайно импересны. Какъ военный Офицеръ, Пáсекъ чрезвычайно любезенъ съ дамами и большой волокипа. Тогдашнее общеснво, какъ и искони въ вѣки, въ шакой рыцарской спрантѣ, какова Польпа, оживлялось дамами. Ловкоснью ихъ и любезноснью не нахвалялся самъ Пáсекъ.

Въ числѣ многихъ лицъ, приведенныхъ имъ въ своихъ запискахъ, нельзя не посмѣяться надъ Кашпеляномъ Закрочимскимъ, полу-сумашедшимъ чудакомъ, котораго спранноснви удивляли погда едва ли не цѣлую Польшу. Мѣстечко Сѣдлецъ, нынче главный городъ бывшего Подляскаго восводснва, въ 1660 году было собспвенноснвию Имосьши Пана Кашпеляна Закрочимскаго. Къ нему принадлежало «какъ приспавство» какъ сказано въ запискахъ, шпри прихода весьма убогой шляхты. Въ вшо число входила деревня Спршала (по Русски: спрѣла) (*), и была резиденциєю Имосьши Пана Кашпелянши.

Всѣ Сѣдлецкiя угоды принадлежали ей, а не мужу. Самъ Кашпелянъ опличался особенными спранноснвами. Онъ жилъ въ своихъ помѣстнвахъ, верстахъ въ 30 опъ Сѣдлецъ, и шолько изрѣдка прiѣзжалъ къ женѣ. Видно супруги не были Филемономъ и Бавкидою въ домашнемъ бышу своемъ, но вшо, однакожъ, не должно бросашь шѣнп на кондуишь Кашпелянши, о которой авторъ записокъ вездѣ опшзывается съ особеннымъ уваженiемъ. «Эшо была благородная, почшенная и весьма веселая дама» говоритъ онъ. Дѣпей, кромѣ одной дочери и наследницы они не имѣли. — Замѣшно, что господинъ Офицеръ, Янъ Пáсекъ, у котораго, какъ у большой часши Г-дѣ Офицеровъ на бѣломъ свѣтѣ, было больше блестящихъ надеждъ, чѣмъ блестящаго мепалла, увиался около Панны Кашпелянши, но къ сожалѣнiю безуспѣшно, попо-

(*). Эшо мѣсто въ запискахъ имѣло для меня особенный интересъ. Въ бышность мою въ Польшѣ, я съ капральствомъ моимъ занималъ эту деревню. Совершенно знакомы окрешности Сѣдлецъ были для меня самымъ лучшимъ компаньеремъ и пушеводителемъ въ шѣхъ мѣстахъ, около которыхъ, 200 лѣтъ шому назадъ, кружился господинъ Пáсекъ.

му что Паниа вскорѣ вышла замужъ за Подкомаржица Сандомержскаго, Олесиньскаго. Такимъ образомъ нашъ волокипа вмѣсто огромнаго Майоншка (*) наследницы увидѣлъ себя прежнему на скудномъ жалованьѣ, которое давала ему Писполиная Рѣчь. Каждый праздникъ, — говоритъ далѣе Панъ Пасекъ — наша почтенная госпожа приглашала черезъ меня всю нашу компанію (ропу) на карпы и на панцы. Музыка у ней была свод. У Кашпелянши собиралось множество барышень (nadwornych paniew), которые всѣ были изъ хорошихъ семей и съ богатыми приданымъ. Майоншекъ нашей молодой хозяйки, Панны-дочки, доходилъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ злотыхъ, и попому-то прежде всѣхъ началъ ухаживать за нею и спростать ей куры тогдашній Каневскій Спаросша Спефанъ Чарнецкій. Другою причиною шаковой конкуренціи были советши самого Воеводы, его дяди, который нарочно прислалъ изъ лагеря племянника вмѣстѣ со множествемъ другихъ волокипъ. Не смотря на его пышность и богатство, ему что-то не посчастливилось. Уже видно на то была воля Божія! Говорили мнѣ, что Панъ Спаросша немножко пересолил своимъ лагернымъ пономъ и полковыми ухвалками (historem, marszem). Въ томъ же году Паниа пошла замужъ за Сандомержскаго Подкомаржица.

Изъ этого легко можемъ замѣтить, что знаменитый дядюшка Каневскаго Спаросши былъ сколько же не ловекъ въ искусствѣ свашать, сколько ловекъ въ искусствѣ водить полки къ побѣдѣ. Никакая стратегическая ошибка не могла бы сравниться съ этою, какую онъ сдѣлалъ, приславши съ своимъ рубашнымъ племянничкомъ честную компанію ловкихъ волокипъ. Надобно полагать, что племянничикъ бредилъ однимъ ученьями и разводами, попому что исторія не предсказываетъ намъ его впорымъ попомъ дядюшки.

Сдѣлецкія окрестности, стало быть, издревле были знамениты своими забавами и веселостями — любимыми упражненіями Гг. Офицеровъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Разговорившись объ этомъ любопытномъ предметѣ, мы и забыли упомянуть о томъ, что привело въ Сдѣлецкія окрестности Пана Пасека, господина Поручика и кавалера XVII столѣтія.

(*) Majtek, sostojnik, imiennie.

„Только что пришли мы на Подлясье, какъ рать Московская пошла на ушѣкъ, дефилируя съ Трубецкимъ и Гурскимъ около Кобрыни и Бржесьца (Кобрина и Брестъ). Тушъ прибыть къ нашему Воеводѣ Королевскій ординарецъ съ приказаніемъ расположить войска на Подляской границѣ, по поводу наступающихъ праздниковъ Великой-Ночи (*). Вѣдно было спать въ помѣщичьихъ усадьбахъ и жить на ласкѣ, ш. е. довольствоваться тѣмъ что дадутъ. Королевскіи и духовныя помѣстья были до того испощены и разворены непришельскимъ и Лишовскимъ войскомъ, что ни комъ образомъ не могли продовольствоваться нашего.“

Панъ Пасекъ, какъ видно, исправлять должностъ квартермистра и слѣдственно препорядочно набивалъ себѣ карманъ. „Меня говорилъ онъ, и Пана Лавреншія Рудзеньскаго, того самаго, который послѣ ходилъ подъ знаменемъ въ нашемъ полку, послали расписывать кварширы во всемъ Сѣдлецкомъ приславствѣ. Волкъ мы и побѣхали. Намъ вездѣ принимали опшлично. Литвины, которые передъ нами здѣсь сполли, шакъ успрашили и упокорили шляхшу, что она скорѣе похожа была на хлоповъ. Приѣхали мы шуда на середокрешной недѣлѣ. Прежде всего съ честію опдали мы визитъ самой Еймощи Пани Кашпеляншѣ, которая жила не далеко отъ города въ помѣстьи своемъ Спршалѣ. Самъ Кашпелянъ жилъ гдѣ-шо далеко. Въспшѣ они никогда не жили, потому что Кашпелянъ былъ немного помѣшанъ, да и кромѣ того Сѣдлецкія угоды принадлежали ей, урожденной Водыньской. Намъ превозносили всѣ подъ небеса, говоря, что жолнержи Пана Чарнецкаго—Ангелы, а Литвины—черши. Я выбралъ для себя деревню Спршалу, по просьбѣ самой Пани Кашпелянши. Эша почтенная Пани не шолько приказала давать мнѣ всегда хлѣба въ волю, но даже позволила жить у нее шакъ долго, пока не пронешся вся хоругевъ (**). Деревня эша, какъ я говорилъ, была не далеко отъ города, и мы получали опшшуда все что бы намъ ни понадо-

(*) Такъ называется у Поляковъ Святая Недѣля.

(**) Хоругевъ, хоругвъ, chorągiew,—знамя. Извѣстно, что въ то время Польская Драгонія или кавалерія и рейшарія или пѣхота дѣлились на хоругвы. Каждая хоругвъ имѣла своего хоружаго chorążego, что-шо въ родѣ нашего Роммистра или Капитана.

билось для коней и челяди. Одинъ я всегда ѣлъ и пилъ въ Панскомъ домѣ, среди архишумной бесѣды, какъ въ раю.»

Оспавя въ эптомъ архи-шумномъ раю Пана Яна Пасека, приведемъ преоригинальное описаніе визита сумашедшаго Кашшеляна.

»Кашшелянъ никогда не смѣялся. Слуги, бывшіе у него по нѣскольку лѣтъ, рассказывали, что никогда не видали его смѣющимся. Къ женѣ онъ иногда прѣзжалъ, но ночевалъ у ней никогда не оспавался. Прѣдетъ, бывало, — пообѣдаешь, ошъуживаешь и ѣдешь въ глухую ночь къ себѣ домой, за чепыре мпи. Говорилъ онъ иногда дѣльно, а иногда горонилъ чущь. Прѣхалъ онъ однажды къ женѣ во время обѣда. Сидѣло наезъ въ шо время за споломъ чепыре товарищества (*). Когда намъ дали знашь, что его мосьъ прѣхалъ, я сказалъ Кашшеляншгъ: »Вельможная пани, пойдешпе вспрѣчашъ.« А она ошвѣчала: »не надбно; онъ эпго не спойшгъ.« Тущъ вошелъ въ комнату Панъ Кашшелянъ, съ обычными покорностію и смиреніемъ, держа передъ глазами свою шапку съ молишвами (эпи молишвы всегда пришивалъ онъ къ своей шапкѣ). Подошедши къ Кашшеляншгъ, онъ спалъ передъ ней на колѣни, и она, какъ бискупъ (**), сжала ему руками голову. Ужъ такая была заведенція, и онъ до шгхъ поръ не вспалъ бы на ноги, пока бы она ему эпго не сдѣлала. Подтѣ Еймосьши сидѣлъ поварищъ нашъ Панъ Косьцошкѣвичъ, Волянецъ, особа весьма почтенная, худая, высокая, съ бородой по поясъ. Вставши, Кашшелянъ обратился къ нему и сказалъ: бью челомъ, мосьци-гепманъ! «А Косьцошкѣвичъ ошвѣчалъ: »бью челомъ, мосьци Крулю!« и оба пожали другъ другу руки. Попомъ онъ спросилъ: а Егомосьъ Панъ Пасекъ здѣсь? — Здѣсь, — покорный слуга вельможнаго Пана и добродѣтя! ошозвался я, вставши. Тущъ онъ подавъ мнѣ руку и продолжалъ: я сей часъ догадался, что Вацпанъ долженъ бытъ здѣсь, когда мнѣ сказали, что Панъ молодецъ. А я прѣхалъ сюда за шѣмъ, чтообъ поблагодарить Вацпана,

(*) Towarzystwo. Подтѣ эпншъ именемъ надбно разужтъ сословіе, званіе кашту, подавнему обычаю Польскихъ Магнатовъ — допускалъ къ сполу своему множеству дворской шляхты или нахѣбниковъ. За споломъ сдѣлисъ по порадку, ш. е, по шяршинству ашь, или по благородству и заслугѣ предковъ.

(**) Епископъ, Архіерей.

за то, что Вацпанъ оберегаетъ здѣсь мою жену. Тогда я отвѣчалъ ему: «не упошреблю во зло чески — бышь прошекторомъ Еймосьци и всѣхъ подданныхъ вельможнаго Пана, во всемъ моемъ приславшвѣ!» — Такъ нужно; — такъ Богъ приказалъ!» — отвѣчалъ онъ.

Разказы Писека о чужихъ крадхъ, особенно о Даніи, гдѣ онъ долго споллъ, такъ наивны, что мы не можемъ не привесли нашимъ читателямъ маленькій образчикъ... Тогда 6-ти-тысячный корпусъ Чарнецкаго дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Далчанами и Голландцами прошивъ Шведовъ.

«Я уже говорилъ, что волковъ въ этой споронѣ воее нѣтъ. Здѣсь такой законъ, что если гдѣ нибудь увидишь волка; то должны выходишь на него всѣмъ міромъ, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. И должны они того волка гнать до пѣхъ поръ, покамѣсь не уморятъ его или не ушопятъ. А если поймають, то не сдирая съ него шкуры, вѣшаютъ его на деревѣ или на высокой висѣлицѣ, на желѣзномъ крючкѣ, и виситъ онъ до пѣхъ поръ, пока не ошанулся онъ него одни косши. Не только расплодился, да и переночевать волку негдѣ. А если и забредеть къ нимъ когда, такъ только съ одной спороны, по длинной косѣ, которая идетъ между двумя морями, а съ прочихъ споронъ нигдѣ ему нѣтъ и приспуну, пошому что съ одной спороны обшекаетъ эту землю Балшійское море, а съ другой Океанъ. Развѣ-еслибъ сѣрый плушъ наналъ въ Гданьскѣ у Пана президентна корабль и на немъ бы прѣхалъ, залланивши хорошенько за провозъ.»

Мы окончимъ наши выписки описаніемъ Далчановъ:

«Народъ тамъ красивый (въ Даніи). Женщины у нихъ гладкія и бѣлыя; наряжаются чудно. Какъ городскія, такъ и деревенскія, носятъ деревянные черевки, — и когда ходятъ по мостовой, то производятъ такой шумъ, что голосу человѣческаго не разслушаешь. Богатыя же дамы носятъ такіе же черевки, какъ и наши Польки, — только въ аффектахъ съ нашими Польками имъ не сравнятся. Съ первого разу онѣ покажутся весьма скромными и смиренными, но какъ посидишь съ ними, да скажешь нѣсколько словъ, то онѣ въ себя влюбятся по уши, такъ что и скрывать этого не умѣють. Гошовы опрѣчься онѣ богатаго приданаго, онѣ роднаго опца и малери, и бѣжатъ съ шобой хопъ на край

свѣща. Кровати ихъ въдвигаются въ спѣсны, какъ шкафы, а перинь спелашъ ужасное множесство. Спящъ совсѣмъ безъ рубашекъ, шакъ какъ мать на свѣтъ родила — и нисколько не спыдлшся эпого. Раздѣваются онѣ одна передъ другой, даже и госпа не спыдлшся, еслибъ онѣ шущъ случшлся. Снимають плащье при огнѣ, сначала чулки, а потомъ и рубашку, и вѣшаютъ все эпо на вѣшалкахъ. Тушъ запирають онѣ двери и загасивши свѣчу, входящъ спать въ шѣ шкафы. Когда мы имъ говорили, что шакъ дѣлашъ не годшлся, что у васъ и жена при мужѣ шакъ не дѣлаешъ, онѣ обшѣчали, что не почишаютъ себѣ эпого за спыдъ, и что не годшлся спыдлшлся собспвенныхъ своихъ членовъ, созданныхъ Господомъ Богомъ. На шо же, зачѣмъ онѣ спашъ нагя, онѣ возражали намъ, что надобно опдохнуть рубашкѣ и прочему плащью, что довольно для нихъ было и для носки, и что кромѣ шого зачѣмъ вмѣспѣ съ ними брашъ съ собой на ночлегъ блохъ и клоповъ, которые не дадутъ имъ спашъ. — Наши хлопцы дѣлали съ ними разныя шуки и шалосши, — однакожъ не переходили границъ приличя... «

На эпомъ мы ошпановимся. Въ другое время поговоримъ побольше о шакон интересной книгѣ. Цѣлью спашья вашей было искреннее желанье предспавшщъ любознательности чшпашелей новый материалъ, готовый вознаградишъ шруды шого, кшо рѣшился за него принящся. Мы увѣрены, что одинъ разъ возбужденное любопытство чшпашела найдешъ себѣ и возможншщъ и случай прочешъ прекрасный памятникъ родной намъ Польско-Славянской спаршны, и слѣдспвенно пршобрвешъ безъ всякаго шрода шо, что для насъ кажешся не совсѣмъ легкымъ.

Сергей Побѣдоносцевъ.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ГЕРМАНСКОЙ ПОЭЗИИ.

Недавно вышелъ въ Германіи пятый и послѣдній томъ Исторіи Германской Литературы, соч. Гервинуса. — Онъ начинается юностью Гёте и оканчивается войной за независимость. Теперь мы имѣемъ вполнѣ это превосходное сочинене, заслуживающее, своею полнотою и оппечпливостью, вниманія всѣхъ людей образованныхъ. Не входя въ разборъ всего сочиненія, ограничимся на этотъ разъ крапкимъ изложеніемъ взгляда Автора на современное состояніе и будущность Германской Поэзіи. Онъ оканчиваетъ эпимъ обцимъ обзоріемъ разборъ вшорой части Фауста, гдѣ по мнѣнію его, взглядъ Гёте на прежнюю жизнь свою и дѣйствіа, не открываетъ намъ ничего новаго или особеннаго, на счетъ развитія его повпическаго образованія, и не показываетъ намъ, даже почки зрѣнія, съ кошорой онъ самъ себя разсматривалъ. Несравненно важнѣе для Исторіи Литературы ручные подарки на Новый годъ (*Zahme Xenien*), кошорые Гёте оставилъ какъ бы въ предосереженіе своимъ подражателямъ, и кошорые часто благодарпелнымъ образомъ дѣйствовали на молодое поколѣніе сппхотворцевъ, что и было главною цѣлью Гёте. Здѣсь нельзя не раздѣлить негодованія всеобъемлющаго Генія на ложное направленіе Литературы, выходящей за предѣлы возможнаго, и не подивиться пому свѣшлomu взгляду на людей и предметъ, кошорый сохранялъ онъ до самой своей кончины. Къ сожалѣнію, люди не уважаютъ даже примѣра великаго учителя, кошораго называютъ себя послѣдователями, и не хотятъ выслушивать отъ него истинъ, для нихъ непріятныхъ; это вполнѣ испыталъ самъ Гёте. Сколько молодыхъ дарованій единодушно называли его своимъ наставникомъ, а между тѣмъ дѣйствовали каждый по своему собственному произволу. Гёте не любилъ новаго поколѣнія, и если признавалъ въ немъ дарованіе, то всегда хулилъ злоупотребленіе таланта. Онъ презиралъ эту толпу подражателей, но для общей пользы опкровенно и прямо высказываетъ объ ней свое мнѣніе; съ этой цѣлью написалъ онъ свои гномы и эпиграммы, чуждыя однако же всякаго прспраспіа или личности.

Гёте, по двумъ признакамъ, угадалъ причины упадка Германской Поэзіи и бездарности современныхъ сппхотвор-

цевъ ; онъ искалъ эпихъ причинъ въ пехническомъ образованіи и субъективномъ направленіи несчетной толпы молодыхъ поэтовъ, и заключилъ опсиода, что одно цвѣтущее сословіе Литературы призвало къ дѣятельности ихъ врожденное безсиліе; онъ видѣлъ въ нихъ только искусственное, принужденное дарованіе, которое шо трудится, работаетъ, и ни до чего не достигаетъ, шо не употребляетъ никакихъ усилій, чтобы сдѣлаться чѣмъ нибудь. — Молодые поэмы обыкновенно думаютъ, что упражняя свои способности, если будутъ стараться приобрести основательныя свѣдѣнія и удерживая свое дарованіе въ надлежащихъ границахъ; они жестоко ошибаются: истинный талантъ питается познаніями, и тогда только достигаетъ полного развитія своихъ силъ, когда образованіе его удовлетворительно. Они не хотятъ ни до чего достигнуть трудомъ, а стремятся только къ тому, чтобы прямо быть чѣмъ нибудь; всѣ мыслятъ прекрасно, но не хотятъ ничему учиться; не понимаютъ того, что родились только будущій, а не полный, не совершенный уже художникъ, и что шопъ, кто не хочетъ ничего усвоить себѣ изъ плодовъ дѣятельности своихъ предшественниковъ, всегда останется назади себя самого, при ложномъ понятіи о самообытности (*). Теперь каждый желаетъ только скорее приобрести извѣстность; какъ въ общественномъ быту никто не хочетъ спокойно пользоваться жизнью, а всякій самъ ищетъ власти и вліянія, такъ и въ искусствѣ, никто не хочетъ наслаждаться прежнимъ, и каждый самъ спѣшитъ производить новое; а такъ какъ чрезвычайно трудно создать что нибудь истинно великое, шо оно часто и кажется молодымъ поэтамъ удовлетворительнымъ, они не понимаютъ смысла и духа прекрасныхъ художественныхъ твореній, и скоро имъ начинаютъ нравиться посредственность, которая доставляетъ имъ возможность обращаться въ собственной своей сферѣ. Самый вѣкъ нашъ способствуетъ къ произведенію въ области Поэзіи только блестящихъ, но не возвышенныхъ созданий; въ наше время образованіе такъ повсемѣстно распространено, что кажется слилось съ воздухомъ, которыми мы дышемъ; поэтическія и философскія понятія живутъ и движутся въ насъ самихъ. Но опъ много же самаго и трудно создать что нибудь истинно хорошее; требованія нашего вѣка такъ бо-

(*) Обращаемъ вниманіе и нашей молодежи на эти слова Ред.

дѣе спрости, что образованіе сдѣлалось вѣсьмъ достигнуто и трудно опередить быстрое его стремленіе. Пока мы, въ эпохѣ всеобщаго круженія общесшна и знанія, будемъ на все наводить справки, но сами собьемся съ пути, и въ эпохѣ случаѣ лучше всего благоразумно ограничимъ себя пределами своего дарованія и своихъ способностей; тогда и человекъ посредственный можешь быть опшосительно замѣчательнъ. Теперь же между молодыми талантами большою частію вспрѣчаются недосозданныя существа, у которыхъ желаніе и стремленіе не соотносшваются дѣйствіемъ и исполненію (*). — Пренебрегал изученіемъ словесности, которая наполняла бы умъ и сердце ихъ высокими впечатлѣніями, они вышиваютъ душу только самонадѣянными замыслами и предположеніями, а между тѣмъ вѣь ищутъ славы на томъ проложенномъ уже пути, которыми шли великіе ихъ предшественники. Каждый изъ нихъ чувствуетъ необходимость передавать свои впечатлѣнія и чувства, непрѣменно въ поэтической формѣ; они хватаютъ вновь и иначе передатъ все, что уже сдѣлано прежде ихъ, а на повѣрку выходятъ, что они только выворачиваютъ по же платье и носятъ его на изнанку. Что это ни къ чему не ведетъ, съ вѣнимъ впрочемъ согласился вѣрошно не многіе изъ молодыхъ Поэтовъ (**). Все, что въ ихъ произведеніяхъ опшосилось непосредственно къ нимъ самимъ, но обыкновенно бываетъ удачно, иногда и въ высокой степени замѣчательно. Все общее, заимствованное изъ природы и общесшвенной жизни, поражаетъ насъ иногда въ опдѣльныхъ прекрасныхъ стихопровереніяхъ, но это самое и подозрительно; слишкомъ многіе идутъ вѣнимъ путемъ, не спросивъ прежде самихъ себя, не слишкомъ ли опдалена и неопредѣлена ихъ цѣль? Опъ этого внутрення юношескаго жизнь скоро опшощаетъ; грусть объ минувшихъ радостяхъ, жажда утраченнаго, стремленіе къ вѣдомому и недостижимому, разочарованіе, безпрестанныя жалобы на прелѣпствія всякаго рода, зависть, недоброжелательство и преслѣдованія оправляютъ частный опшочникъ Поэзіи; члены веселаго юношескаго братства раздѣляются, дѣлаются челоѣконенавистниками и живутъ опшельниками. — Эти загадочныя существа, недостигшія ни до чего, не

(*). Правда, совершенная правда! *Ред.*

(**). Правда, совершенная правда, и не только въ опшосеніи къ поэзіи, но и вообще литераторамъ и ученымъ. *Ред.*

имѣють силу бороться съ жизнью и по пустому распочаюють ее, они жадно упиваются собственными спрдаданіями, и кажутся изнемогають подъ бременемъ бѣдствій всей вселенной (*); спраждущая душа называется у нихъ великой, а великая душа, по ихъ мнѣнію, крѣпнеть и закаляется только въ несчастіи.

Подражая современной намъ вейсшовой Липпературѣ Французовъ, они счищаютъ кажется главной своей обязанностью все опшрапипельное, гнусное и ужасное перекосить за предѣлы возможнаго. Истинному поэту нельзя искать Поэзіи у писателей, которые обращаются въ области понятій, чуждыхъ каждому человѣку образованному, которые съ наслажденіемъ валяются въ грязи и полагають въ шомъ свою славу.

Гете, который и въ бурномъ морѣ спраспей и въ шичи безмятежной жизни умѣлъ опрапипь въ себя весь міръ, очень хорошо зналъ, что только спокойная поверхность представляетъ образы вѣрные и истинные, и что ножирающая грусть Прометей и Фаустина можетъ только захватить крайній періодъ молодости, но не должна шревожить самосознанія зрѣлаго возраста.

Удивительно только, какъ эти безпрестанныя повторенія о собственныхъ спрдаданіяхъ и разочарованіи, не маску чили еще нашему поколѣнію, жаждущему все новаго и новаго. Гете спарался излечить молодыхъ писателей отъ эпош спраспи къ прошедшему и опжившему, и обратилъ ихъ къ наспоющему, къ жизни, и дѣятельности, доказывая, что исполненіемъ и мѣлочныхъ шребованій науки можно оказашь большія услуги, въ общемъ дѣлѣ народнаго образованія, и не нужно-излишняго шамъ, гдѣ еще оспавешся сѣдѣланнмъ сполько необходимаго. Многоспороннему уму его казалось, что даже не вредно было бы совсѣмъ оспавить на-время Поэзію, и обратиться къ другимъ положительнымъ опспрапимъ знанія — Онъ вполне посшпгалъ и хорошую и дурную ея опшорону, и всегда говорилъ, что холъ Муза охотно сопровождаетъ жизнь, но руководить ею не въ состопніи.

Отъ эпош избранные, знавшіе основательно весь обшмъ жизни и духа, не допускали, что онъ долженъ быть исключительно преисполненъ Поэзіей, и умѣли возвыситься надъ сферой сшешпческаго образованія, не сдѣлавшись ему

(*) Такъ, именно такъ! Ред.

чуждыми или равнодушными къ искусству. Уже Гердеръ намѣкалъ, что наступила пора переспать расписывать новыми узорами ушарѣлыя повѣщическія игрушки. Форшеръ жаловался, что слишкомъ много пишущъ, а слишкомъ мало дѣлающъ, и возспавалъ противъ злоупотребленія чувствительности и изнѣженности, кошорыя и теперь господствуютъ въ современной Поэзіи, только въ другомъ видѣ и подъ личиною ложной энергіи. Шибуръ также не полагалъ опаснымъ упомленіе Германской Литературы, и радовался пробужденію положишельнаго направленія къ дѣятельности жизни. — Нѣтъ никакой пользы обрабатывать исключительно одну только какую нибудь отрасль человѣческихъ знаній; народная жизнь тогда только достигаетъ полнаго своего развитія, когда направленія ея разнообразны, когда силы ея не всё сосредоточиваются на одной цѣли. Для государства и вообще для общественной жизни, центру всего нашего бытія, вредно, когда Поэзія, жизнь народная и избытокъ ея силъ, перейдутъ въ мечтательность и преувеличенную чувствительность. Человѣкъ съ дарованіемъ, всюду собираетъ предметъ для эстетическаго очарованія; съ каждымъ новымъ пріобрѣтеніемъ любопытство наше только увеличивается, а не удовлетворяется; наслажденіе прищупляется, и скоро даже грубая смѣсь новаго, спрнаннаго, безразсуднаго, не услаждаетъ уже избалованнаго вкуса.

Всѣмъ прекраснымъ и высокимъ надобно пользоваться умеренно и даже не должно желать слишкомъ употребленнаго развитія какой бы то ни было отрасли знанія; примѣры тому предспавляютъ намъ сама Исторія. Послѣ Реформаціи, около трехъ столѣтій въ жизни Германіи господствовало направленіе религіозное; оно поглотило всякое эстетическое образованіе, и препятствовало развитію искусства. Никакое политическое вліяніе не могло поколебать этого направленія, и одна только Поэзія произвела наконецъ противодействие. — Теперь Изящная Словесность находится въ Германіи совершенно на той же самой степѣ, на кошорой некогда послѣдовало упадокъ религіозности. Въ Поэтической жизни Германіи замѣтны тѣ же злоупотребленія, та же расщепленность дарованія, та же бесполезное соперничество, та же грубость и пошлость въ спорахъ послѣдовавшей различныхъ системъ, какія некогда господствовали въ ней при религіозномъ ея направленіи: — Литература

находиться въ рукахъ людей, считающихъ цѣлѣисходность и оригинальность вывѣскою, кошорая можетъ замѣнить познанія, душу, дарованіе, самое поэтическое призваніе, и пѣтъ совершенно искажаютъ истинное понятіе объ высокому своему искусствѣ. Оспасаешь ожидать какого нибудь измѣненія во внѣшней и внутренней жизни Германіи, кошорое моглобы излечить недуги ея Липерашуры. Тогда только можетъ наступить другая великая эпоха Поэзіи, когда внутреннія потребности современнаго образованія достигнутъ полнаго своего развитія, и сверхъ того будутъ благоприятствовать тому внѣшнія обстоятельство (*).

Впрочемъ послѣ такого Липерашурнаго періода, въ кошоромъ дѣйствовали вмѣстѣ Шиллеръ и Гёте, нельзя ожидать многого отъ современной Словесности. Эту эпоху Гёте, только изъ скромности, не признавалъ золотымъ вѣкомъ Германской Поэзіи, а молодое поколѣніе повпоряетъ его слова отъ самонадѣянности и незнанія. Въ эпоху послѣдній періодъ Поэзіи Германская преодолѣла трудности неимоверныя, успѣла вполне вознаградить за прошедшее бездѣйствіе, и свѣжестью, пылкостью, глубиною чувства далеко опередила за собой великій вѣкъ Поэзіи Французовъ, что и доказываетъ необыкновенную силу народнаго духа, сохранившаго еще первобытную простоту свою. — Нигдѣ, кромѣ Італіи, не было никогда такого единодушнаго стремленія и напряженія всѣхъ силъ къ повсическому образованію, какъ въ Германіи, въ концѣ прошедшаго столѣтія. И потому теперь мало надеждъ на новыхъ Шиллеровъ и Гёте. Поэзія Германіи опцвѣла, остался одинъ стебель и въ немъ еще только образуются сѣмена для новаго поствѣа. — Прежде всего ладобно дать почвѣ отдохнуть, а послѣ обработать и удобрить ее надлежащимъ образомъ; тогда только возможна будетъ новая цвѣтущая эпоха Поэзіи. Для этого необходимо обратиться молодое поколѣніе къ основательному изученію Исторіи, показать ему въ настоящемъ свѣтѣ людей и событія, и поставить ему въ священную обязанность, кромѣ образованія умственныхъ и душевныхъ способностей, научиться еще управлять собою и не предаваться увлеченію.

Вотъ бѣглый обзоръ мнѣнія Гервинуса о нынѣшнемъ состояніи Германской Поэзіи. Здѣсь многое можно бы примѣнить и къ современной Русской нашей Липерашурѣ; по

(*) Не може-ли говорить и говорить Москвитянинъ? Ред.

же самое безразсудное стремленіе къ извѣстности, безъ предварительнаго приобрѣтенія основательныхъ и многостороннихъ свѣдѣній, необходимыхъ поэту. И у насъ также кино не поэзія? У всякаго найдете спихъ плавный, вылощенный, гладкій, но мысли глубокой и самобышной въ немъ не ищите. — Слухъ не оскорбился ни однимъ почтенъ вспроннымъ звукомъ, а объ впечатлѣніи, которое Поэзія должна производить на умъ и душу, мало заботятся. — Въ эпоху всеобщемъ влеченіи скорѣе и безъ многолѣтнихъ трудовъ приобрѣсти себѣ имя Липерашурное; въ эпоху неумѣнія выбрать себѣ ограниченный кругъ дѣйствія, по мѣрѣ дарованія и способностей, и дѣйствовать въ немъ добросовѣстно, заключаешься, кажешься, одна изъ причинъ бѣдоспихи нашей Липерашуры и неудачи многихъ прекрасныхъ талантовъ, которые будучи поспѣшлены на своемъ мѣсигѣ и не увлекаясь приманкой ранней извѣстности, могли бы оказатъ современемъ Липерашурѣ важныя, истинныя услуги.

— Л. —

НОВОСТИ ИТАЛИАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Выходитъ въ Миланѣ прекрасное изданіе извѣстнаго романа Манзони: *I Promessi sposi*, съ отличными гравюрами въ новомъ вкусѣ. Къ прежнему роману выдешъ еще новое прибавленіе подъ заглавіемъ: *Storia della Colonna infame inedita* (Исторія позорнаго столба неизданная). Мы получили уже нѣсколько выдѣтъ этого романа, но, къ сожалѣнію, заключительной Исторіи еще нѣтъ. Изданіе завидное: гравюры исполнены выразительности (*); великое произведеніе Манзони достойно было такой иллюстраціи.

Но вслѣдъ за романомъ Манзони книгопродавецъ Туринскій, Фоншана, зашѣлъ иллюстрировать съ такимъ же великолѣпіемъ романъ Чезаре Канпу: Маргерина Пусперла, и другой Массильо д'Азеліо: Вызовъ при Барлешгѣ. Хотя оба эти романа не лишены достоинствъ, но ко-

(*) У Нѣмецкаго книгопродавца Северина, на Кузнецкомъ мосту, котораго книжная лавка въ полномъ смыслѣ охватываетъ всѣмъ Европейскимъ потребностямъ нашимъ, можно уже видѣть 32 выдѣты этого новаго изданія.

вечно не могутъ идти рядомъ съ неподражаемымъ произведеніемъ Манзони, который этому роду Повѣи, пересозданному В. Скопиномъ, придалъ всю прелесть Италіянскаго колорита.

Александръ Фойшана, одинъ изъ дѣяпелнѣйшихъ книгопродавцевъ Италіи, въ Туринѣ, предпринялъ издать *Избранныя сочиненія писателей Италіянскихъ XIXго вѣка* (Opere scelte di Scrittori Italiani del secolo XIX) во снѣ или болѣе томахъ. Въ числѣ объявленныхъ имъ сочиненій, которые уже должны вышли, замѣчательны въ литературномъ отношеніи сочиненія Графа Туллія Дандоло, одного современнаго Венеціанскаго писателя, извѣстнаго своимъ путешествіемъ по Швейцаріи и изслѣдованіями о вѣкѣ Перикла и Августа. Теперь уже вышли его: *Reminiscenze e Fantasie* (Воспоминанія и Мечты), собраніе очерковъ по части путешествій, словесности, философіи и проч. За нѣмъ послѣдуютъ его же: *Studi sul secolo di Augusto* и *Studi inediti sui primi secoli dell' impero* (Вѣкъ Августа и Первые вѣка Имперіи, еще неизданные).

Книгопродавецъ общается въ этомъ собраніи соединить пруды всѣхъ извѣстныхъ современныхъ писателей Италіи, какъ-то: Азеліо, Джуліо Кáркано, Луиджи Каррера, Гросси, Сильвіо Пеллико, Давида Берполошши, Барона Манно, Паравини, Ламбускини, Локателли, Маури, обоихъ Никколини, Чибраріо, Сельвашико, Андрея Маффеи и другихъ.

Для агрономовъ любопытны въ особености сочиненія Графа Винченцо Дандоло, которому вся Италія обязана за превосходныя указанія въ улучшеніи шелководства и овцеводства.

Большая часть Италіи, особенно сѣверная, прислупила уже къ тому, чтобы оградить собственность литературнаго отъ перепечатанія, сколько вредившаго литературѣ Италіянской въ матеріальномъ отношеніи. Благоразумныя мѣры, принятыя Австрійскимъ, Сардинскимъ и кажешся Тосканскимъ правительствомъ, немедленно принесли плоды, которые обозначаются болѣе живымъ движеніемъ въ предпріятіяхъ книгопродавцевъ Италіянскихъ.

Есть части, которые по мѣстнымъ отношеніямъ всегда будутъ процѣшати въ Италіи, и которые съ постепеннымъ успѣхомъ въ ней воздѣлываются. Такъ на примѣръ Археологія и Исторія изящныхъ искусствъ. Вычислимъ нѣ-

кошорыя замѣчательныя современныя сочиненія, по этому предмету намъ извѣстныя. Одно изъ первыхъ мѣспѣ занимаешъ *Исторія живописи Италіанской*, издаваемая Профессоромъ Розини въ Пизѣ (*Storia della Pittura Italiana esposta coi monumenti da Giovanni Rosini*). Впшорая часпѣ 2го тома вышла въ 1841 году; къ премоь помамъ пекспа, до сихъ поръ непечатавваго, издано 18 выдате съ прекрасными гравюрами чершою исполненными съ почноспію характерическою. Въ послѣднемъ томѣ своемъ Розини кончаешъ говорить о Джіошпо, и изображаешъ дѣяшельноспѣ первоначальныхъ школъ, Флоренціанской и Сіенской. Исторія живописи доведена имъ шеперь до начала XVго вѣка: Розини сплжалъ заслугу многихъ новыхъ открьшій касашельно учаспіа, кошорое первоначальная школа Пизанская принимала въ освобожденіи живописи Италіанской отъ узъ Греческаго спшл. Эту славу первыхъ усилий освобожденія Розини отпнмаешъ у Чимабуз и ошдаешъ Джіуншѣ Пизанцу, кошорый былъ мастеромъ въ 1210 году. Прекрасно развиваешъ авторъ Исторію живописи вмѣспѣ съ религіознымъ развитіемъ Италіи: онъ первый умѣлъ вложпшѣ душу въ Исторію этого искусства, и связашъ поспешенное развѣшпаніе его со всею жизнью Италіанскаго народа. Василіка Ассизи, гдѣ погребенъ Св. Францискъ, распросшраненіе двухъ орденонъ монаспырскихъ, умноженіе монаспырей и церквей, соревнованіе часпныхъ знанпныхъ фамилій въ успроеніи своихъ особенныхъ погребальныхъ придѣловъ, развѣшпъ Поэзіи, вспрѣча Джіошпо съ Дантомъ въ Падуѣ — всѣ эпѣ историческія подробности указываюшъ на шѣ мѣспныя условія, при кошорыхъ могла развиваться живопись въ Италіи. Къ концу послѣдняго тома приложенъ очеркъ истиннаго поршреша Даниа, писаннаго Джіошпомъ до 1300 года и открьшаго шолько въ прошедшемъ году въ капеллѣ Палаццо дель Попешта во Флоренціи. Мы еще возвращамся къ этому замѣчательному сочиненію съ шѣмъ, чтошбы дашѣ объ немъ читашеламъ отпчешъ болѣе подробный и достойный его важноспи.

Выходяшъ всѣ *Архитектурныя труды Рафаэля Санціо* въ общемъ собраніи. Извѣшно, что Рафаэль, кромѣ перенсша въ живописи неоспоримаго, имѣлъ и славу великаго архпшекшора. Имъ построены многіе дворцы въ Римѣ и во Флоренціи: грація его кпспш отпражашся и въ его произ-

веденіяхъ архитектурныхъ. Извѣстно, что онъ сочинилъ особенный рисунокъ для храма Св. Пешра, который не былъ исполненъ. Имъ же спроеены славныя ложи Вапиканскія.

Издастся *Галлеря Флорентинская* въ гравюрахъ на мѣди, цѣлымъ обществомъ, подъ управленіемъ извѣстныхъ художниковъ Тосканскихъ: Барполини, Беццуоли и Иеси. Текстъ будетъ написанъ Фердинандомъ Раналли. Гравированіе поручено лучшимъ граверамъ въ разныхъ городахъ Европы: Тоски въ Пармѣ, Андерлони въ Миланѣ, Перчешпи во Флоренціи, Розаспиги и Гваданьини въ Болоньѣ, Ришому и Маршизе въ Парижѣ, Роллсу въ Лондонѣ, Шпапила въ Дрезденѣ, Каламапѣ въ Брисселѣ. Всякая выдача будетъ содержать 4 гравюры и къ нимъ объяснительной тексты. Не менѣе 10 выдать будетъ выходяще въ годъ, не болѣе 12 пи. Въ вѣсткѣ не превзойдутъ число 150. Цѣна каждой выдачь 15 франковъ. Завидное изданіе! Рекомендуемъ его любителямъ живописи. Судя по именамъ участвующихъ должно ожидать исполненія опличнаго. Объявленіе написано скромно и достойно людей благородныхъ, увѣренныхъ въ своихъ силахъ и въ общественномъ мнѣніи, какимъ они пользуются.

Въ Римѣ издастся описаніе чепырехъ главныхъ *Василикъ Римскихъ*: Вапиканской (Св. Пешра), Св. Павла, Св. Юанна Лаперанскаго и Св. Маріи Маджіоре; къ описанію приложены чертежи (*Le Quattro principali Basiliche di Roma descritte ed illustrate per cura di Agostino Valentini con incisioni a contorni*). Описаніе продается выдачами, изъ которыхъ каждая содержитъ восемь рисунковъ и нѣсколько листовъ описанія; выходитъ каждыя полтора-мѣсяца и стоитъ одинъ скудъ и 20 баіокковъ Римскихъ (около пяти съ половиною ассигнаціями на наши деньги). Все изданіе будетъ содержать 50 выдать и 6 листовъ, изъ коихъ два будутъ заключать описаніе Лаперанской Василики, два посвящены Вапиканской, изъ остальныхъ же двухъ одинъ Василикѣ Св. Павла, сгорѣвшей и теперь дѣлательно возобновляемой, а другой *Santa Maria Maggiore*.

Извѣстный своимъ краснорѣчивымъ преподаваніемъ Профессоръ Всеобщей Испоріи въ Падуанскомъ Университетѣ, *Лодовико Менини*, издастъ большое сочиненіе: *Вѣшній бытъ остьхъ націй и остьхъ временъ* (*Il costume di tutte le nazioni e di tutti i tempi*). Ученый Профессоръ имѣлъ въ виду удовлетворить пошребности художниковъ; онъ съ помощію самой спройой

криптики и ученыхъ изысканій соединилъ въ трудѣ своемъ космомы и весь внѣшній бытъ, гоударственннй, гражданскій, воинственннй и домашннй, всѣхъ народовъ древняго, средняго и новаго времени. Изданнє эшо необходимо шакже и при изученнн Испорн Всеобщей, если мы хотимъ соединнть снє послѣднее съ живымъ наблюденнємъ быта народовъ. Италннцы, согласно съ своимъ особеннымъ направленнємъ, нмѣютъ свой собственннй оригинальннй взглядъ на Испорн, которнй можно бы было названть *артистическимъ*. Нѣмцы стараются въ Испорн разгаданть идею народа и государства, и привыкли смотрѣть на нее, какъ на науку, съ точки зрѣння философской; Французы и Англнчане разсматрнваютъ ее съ точки зрѣння болѣе практической — политической или нравственной; Италннцы смотрѣтъ на Испорн народовъ, какъ художники. Сей-шо послѣдннй взглядъ принадлежнтъ Профессору Менину: въ немъ выражаешся особенностъ воззрѣння всей его нацнн. Даже въ преподаваннн своемъ онъ излагаетъ Испорн, какъ художникъ: онъ *живописуетъ* ее. Всякая лекцнн его содержнтъ рядъ мастерски очерченннхъ картинъ, которнмъ чрезвычайно сильно дѣйствуютъ на воображеннє слушателей. Всякое событнє представляешся у него болѣе внѣшнею своею стороною, округлено и вспалнено въ рамку. Подробное изученнє внѣшняго быта всѣхъ народовъ, особенно древннхъ, много содѣйствуетъ ему при шакомъ изложеннн. Дамы Падуанскнн, посѣщающнн публнчныя лекцнн Менина, бываюштъ въ восхищеннн, когда онъ съ искусствомъ Римскяго пешимештра время Августовыхъ рассказываетъ нмъ до послѣдней нппочки всѣ шайны шуалеша Римской или Греческой дамы.

Не должно ученому испорнику пренебреганть и своимъ воззрѣннємъ Италннскимъ на Испорн, потому что въ совокупностн всѣхъ воззрѣннй шолько можешъ заключатъся полная ншнна. Одннъ изъ лучшихъ Италннскихъ журналовъ, издаваемнй въ Миланѣ: *Rivista Europea*, съ большою похвалою ошзывается о трудѣ Менина. Вотъ слова его: «Конечно, нн одно произведеннє не можешъ бытъ лучшимъ руководнтелемъ для шѣхъ, которнє рѣзцомъ, кнпью и перомъ намѣрены изображатъ событнн, случнвшнся въ древннє и средннє вѣкн.» Все сочиненнє будетъ заключатъся въ прѣхъ шоматъ: кажднй изъ ннхъ сошнвшншветъ древней, средней и новой

Исторіи. Первый томъ уже вышелъ и содержитъ 31 выдачу пенсѣи и 100 рисунковъ. Второй долженъ быть также въ наступающую пору приведенъ къ окончанію.

Съ нѣкошорыхъ поръ историческія занятія ожили въ Италіи и современная литература ея опочесшвенной Исторіи предшавляетъ много весьма замѣчательныхъ явленій. Конечно, нѣтъ спраны, которая была бы такъ обильна хрониками и матеріалами историческими разнаго рода, какъ Италія. Еще во времена республикъ всякое маленькое мѣстечко считало за честь имѣть своего лѣтописателя и прославляло черезъ него свои подвиги, соперничествуя съ какииъ нибудь сосѣднимъ городомъ. Во всѣхъ вѣтѣхъ лѣтописяхъ живо изображается духъ времени и живетъ Исторія въ лицахъ. Извѣстны пруды великаго собирателя вѣщихъ матеріаловъ — Мурашори. Ученыхъ съ подобнымъ прудолобіемъ вы не найдете уже не только въ Италіи, но даже и въ Европѣ. Послѣ Мурашори, уже въ нашеиъ столѣтїи явились еще изслѣдованія Джулини о Ломбардіи въ 12 полемыхъ томахъ, и лѣтописи и Древности Пиценскія Колуччи (31 фоліантъ).

Нельзя не удивляться тому, какъ Французскіе ученые могли пропустить драгоцѣнное время своего владычества въ Римѣ и не овладѣли сокровищами Ватикана, чтобы открыть ихъ всему ученому міру. Теперь уже конечно нельзя и предвидѣть подобнаго случая — и всѣ шайны Ватиканскаго двора навсегда ошпанушя шайнами, неразгаданными для Европы.

Піемонтъ и Тоскана — вошъ два государсшва, въ кошорыхъ теперь съ особенною ревностїю занимающя Исторію Италіи. Въ Туринѣ правительсшво учредило особливую комиссію для изданія историческихъ докуменшовъ. Вышло шри фоліанта: первый содержитъ харшїи и докуменшы, второй муниципальные законы, прешїи — лѣтописцевъ. Нельзя довольно надивиться шому, какой новой свѣтъ проливаетъ на Исторію среднихъ временъ Италіи изданіе въ особенности законовъ и спашушовъ ея. Здѣсь ярко обозначается картина развращенныхъ нравовъ эпохи. Иногда законы возспаюшъ на безнравсшвенность общества; иногда же сами признаюшъ шо за право, что для насъ кажется самымъ ужаснымъ злоупотребленіемъ. Такъ напримѣръ азарныя игры запрещены были подъ великимъ шштрафомъ, а между шѣмъ въ шоже время собирались компанїи на акціяхъ,

избирали самыхъ искуснѣйшихъ игроковъ, снабжали ихъ большими суммами денегъ и оправдывали по всей Европѣ съ пѣтѣмъ, чтобы обыграть какого нибудь Герцога Бургундскаго и другихъ богатыхъ Князей или Вельможъ, спросивъ преданныхъ игрѣ. Изъ пѣтѣхъ же документовъ видимъ мы, что биржевыя спекуляціи не такъ новы, какъ обыкновенно думаютъ. Ассигнаціи, найденныя Импаліанскими купцами у Монголовъ, были шопчасъ введены въ Импалію, и подали поводъ ко многимъ банкротствамъ.

Члены исторической комиссіи въ Пиемонтѣ, кромѣ этого огромнаго изданія, занимающагося каждый своими особенными важными трудами. *Бальбо*, извѣстный своимъ жизнеописаніемъ *Данша*, пишетъ Исторію Импаліи, которой вышло два тома, и кромѣ этого напечаталъ много отдѣльныхъ разсужденій о самыхъ трудныхъ пунктахъ Исторіи средняго вѣка. *Весме* издалъ отличное сочиненіе о непостоянствѣ собственности въ Импаліи. *Склописъ*, юристъ, предпринялъ исторію Импаліанскаго законодательства. *Саули* занимается исторіею литературы Пиемонта и напечаталъ сочиненіе о владѣніяхъ Генуэзцевъ на Востоку. *Делла Мармора* и *Манно* занимающагося посполно Исторіею Сардиніи. Кромѣ вышечисланныхъ, можно поименовать другихъ ученыхъ Пиемонтцевъ, какъ-то: *Пейрона*, *Гацзеру*, *Пепильши*, *Салуццо*, *Чибраріо*, *Промиса*, *Провано*, которые всѣ посвящаютъ себя трудамъ историческимъ.

Что въ Туринѣ исполняется съ содѣйствіемъ правительства, то въ Тосканѣ предпринято частными обществами. Нѣтъ другой области въ Импаліи, которая была бы такъ богата хрониками, записками и другими историческими документами, какъ Тоскана. Почти каждая Флорентинская фамилія хранитъ у себя книги, переходившія отъ поколѣнія къ поколѣнію, въ которыхъ записывались важнѣйшія семейныя и историческія событія. Не такъ давно *Маркизь Ри-луччини* напечаталъ подобный дневникъ, содержащій весьма важные документы. Флорентинскіе Архивы многочисленны и важны. Драгоценнѣйшіе матеріалы находятся въ архивѣ *Медичиссовъ*.

Для изданія сихъ документовъ образовались во Флоренціи разныя общества, которыхъ главою и душою *Маркизь Каттони*, человекъ съ многосторонними знаніями и ош-

лично знакомый съ Исторіею страны своей. Одно изъ эпикъ обществъ предположило себѣ цѣлю издашь извѣстія Венеціанскихъ пословъ. Извѣстно, что республика Венеціанская прѣбывала оутъ пословъ своихъ, которыхъ разсылала оутъ Испани до Лиссабона, что-бы они по возвращеніи своемъ предсказывали извѣстія историческія, политическія и статистическія о тѣхъ земляхъ, гдѣ находились. Эти многочисленныя извѣстія въ совокупности составляютъ родъ Всеобщей Исторіи, весьма поучительной. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сія труды, бросавшіе свѣтъ на чуждыя страны, способствовали много къ политическому образованію премудрой Венеціанской аристократіи. Изданіе эпю поручено ученому *Албери*, который извѣстенъ своею превосходною біографіею Кашерины Медичи, гдѣ изображенъ сей великій историческій характеръ совершенно въ новомъ видѣ. Все, что напечаталъ Албери, чрезвычайно любопытно. Ужъ одного собранія писемъ Капелло, бывшаго посломъ во Флоренціи во время осады города войсками Карла V, было бы достаточно, чтобы заслужить одобреніе публики въ пользу изданія.

Другое общество заняло изданіемъ всѣхъ возможныхъ по всей Италіи находимыхъ рукописей и документовъ подъ именемъ историческаго архива. Первый томъ, уже вышедшій, содержитъ много любопытнаго о Сициліанской вечернѣ; издаватель *Никколони*, извѣстный Трагикъ. Онъ же занимается давно уже Исторіею Гогенштауфеновъ.

Кромѣ того многіе частныя труды привлекаютъ такъ же вниманіе. *Поллори* издалъ хронику Кавальканпи, которою, какъ извѣстно, такъ много пользовался Макиавелли. *Репельти* издалъ историческій словарь Тосканы. *Чампи* занимается исторіею сношеній Польши и Италіи (*).

Нѣкто *Гай*, Нѣмецкій ученый, слишкомъ рано умершій для науки, издалъ при шюма *Переписки Италіанскихъ художниковъ*, содержащей богатыя матеріалы для исторіи искусствъ въ Италіи. Хотя уже и существовало прежде

(*) Мы только что получили личное уведомленіе отъ Чампи, что онъ печатаетъ уже послѣдній прешій томъ своей критической Библиографіи. Почтенный ученый надѣется, что извѣстія, содержащіяся въ семъ послѣднемъ томѣ, будутъ еще гораздо любопытнѣе предыдущихъ.

подобное изданіе Бошпарм, но Гай съ большою основательностію и полною обработкою пошъ же предметъ.

И въ другихъ городахъ Италіи, хотя не такъ значительно, какъ въ Туринѣ и Флоренціи, пробуждается историческая дѣятельность. — Въ Луккѣ *Монтанари* издаетъ Италіанскій переводъ дѣлописей Каспруччіо Буонамичи изъ Лукки (*Storie di Castruccio Buonamici Lucchese*). — Въ Пармѣ бібліотекаръ *Пеццана* занимается литературной и политической Исторіей Герцогства Пармскаго. Думаютъ, что и извѣстный *Джордани*, посправакннй много оныхъ заключенія и изгнанія, примется наконецъ за исторію искусствъ въ Италіи. — Въ Венеціи *Тиеполо* издалъ ученые примѣчанія къ Исторіи Венеціи *Дрью*; кромѣ того вышло большое сочиненіе *Чикони* о надписяхъ Венеціи. — Въ Миланѣ *Графъ Литта* продолжаетъ непрерывно славное свое изданіе подъ заглавіемъ: *Знатнѣйшія фамиліи Италіи*. Книга эта содержитъ въ себѣ полную исторію всѣхъ Италіанскихъ фамилій, которыя когда бы шо ни было играли важную роль въ своемъ опечесствѣ. Гравюры, приложенныя къ тексту, изображаютъ славнѣйшіе памятники, надгробные камни, шпагуи, каршины и медали, принадлежація къ исторіи каждой фамиліи. — Въ Миланѣ же *Морбю* издаетъ исторію Италіанскаго муниципальнаго учрежденія. Въ Неаполѣ *Троя* издалъ опытъ повѣствованія многихъ аллегорій въ Божественной комедіи Данша, заслужившій одобреніе. Онъ же предпринялъ исторію Италіи, которой вышло шри тома.

На Сѣверѣ, подъ вліяніемъ направленія Манзонн, Исторія принимаетъ католическій характеръ. Въ Неаполѣ сѣверныя идеи перерабатываются иначе. Въ Тосканѣ послушиваютъ эклектически и наибольшее вниманіе употребляютъ на событія. Общее же стремленіе Италіанскихъ историковъ состоитъ въ томъ, чтобы группировать событія, сплавить ихъ рядомъ и отсюда выводить заключенія, а не превращать Исторію въ символъ какихъ-нибудь своихъ постороннихъ опвлеченныхъ идей, вредящихъ часшо живой истинѣ исторической.

(Собрано изъ разныхъ книгъ, объявленій и писемъ, полученныхъ изъ Италіи, равно и изъ иностранныхъ журналовъ).

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ФРАНЦУЗСКОЙ.

(Мнѣніе одного Французскаго литератора).

Литература не существуетъ уже какъ вѣщь — и, кажешя, скоро не будешь существовать какъ Литература.

Печать (la presse)... то есть журнальная... создала сама себя... и увѣрила всѣхъ, что будшо она литература, пока то было нужно для ея плановъ. Она употребила литературу точно такъ же, какъ нѣкоторые мошенники пыпались употребить въ свою пользу фальшивыхъ Людовиковъ XVIII-ыхъ.

Литература нынче примкнулась къ хвосту журналовъ... Она ихъ швейцарь у дверей — или еще правильнѣе, палецъ въ щуплѣ журнальной компаніи.

Поэтъ, у котораго ничего нѣтъ кромѣ Поэзіи, будешь жить въ бѣдности, умереть съ голоду — и ништо о немъ не узнаешь.

Поэтъ у насъ долженъ непременно примкнуться къ паршии политической; ему необходимо написать нѣсколько фразъ прошивъ ширановъ и рабства, потому что журналовъ опъ правительства ништо не читаешь. — Нѣтъ у насъ примѣра, чтобы журналъ похвалилъ, безъ какихъ нибудь коварныхъ ограниченій, писателя, не принадлежащаго къ его паршии (*).

Правительствено съ своей стороны обращаетъ вниманіе только на журналистовъ. — Романъ, театральная пѣса могутъ безразличенносью разрушить узы общства: что до нихъ нужды? — Пускай разрушаютъ. — А журналъ вѣдь разрушаетъ министерство: это важнѣе.

(*) Эти замѣчанія принадлежатъ одному изъ остроумнѣйшихъ писателей Франціи современнои: они были замечаны въ Парижѣ въ Октябрѣ 1811 года. Припомнишь читателю то, что Москвитини въ Январѣ того же года говорили о современной Французской Литературѣ на 202й страницѣ 1й книжки. Они увидятъ, какъ нѣтъ наши совершенно подтверждающія сужденія самихъ Французовъ, не во глѣвъ шѣтъ, которые или по незначію дѣла, или по смѣшному пристрастію къ Парижу, нападлы, хотя нельзя, на характеристическую, нами предложенную.

Креслы даются литераторамъ не черезъ министерство просвѣщенія, а черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, и чаще еще черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ.

Литература у насъ теперь независима: презираютъ Буало и Расина за то, что они получали пенсіи отъ Людовика XIV. — Да, Людовикъ XIV не нашель бы теперь ни одного литератора во Франціи, который захопѣлъ бы получать отъ него пенсію. — Всѣмъ бы хороша эта независимость, да она бѣда, что нѣже литераторы толпились и дождающихся въ прихожихъ у директоровъ и владѣльцевъ журналовъ.

Когда Литература не была еще освобождена, хорошая книга оссавляла имущество автора.

Нынче же надобно работать и продавать всякой деи; перо не уму повинуется, а голоду; хошь и нечего пишешь, да надо пообѣдать.

Самые значительные умы въ это время освобожденія и независимости Литературы принуждены распускашь свои лучшія мысли въ водѣ самыхъ длинныхъ и бесполезныхъ фразъ. — Торгующіе нашимъ шоваромъ разсчитали, что они могутъ признашь только величину, а не достоинство сочиненія. — Надобно умѣнь распродаться: весь умъ вашъ, талантъ и мысли расподѣль на шакое число листовъ, что-бы можно было продавать всю жизнь свою.

Образцовыя сочиненія у насъ дѣлаются шочно шакъ же, какъ у цѣловальниковъ супъ по воскресеньямъ: прибавляютъ воды къ давнишнему бульону.

Мы опложили въ спорону *потомство*, — шконтъ рой писателей нашихъ или голодныхъ, — пошому что надобно ѣшь пока живешся.

Вопъ вамъ анекдотецъ для развлеченія, чипапели, маленькое злословіе на два большіе таланта. — Г. де Бальзакъ и Г. Александръ Дюма поссорились.

Г. Дюма возвращался въ Парижъ изъ Флоренціи, ошкуда онъ, ко всеобщему удивленію, не привезъ никакого новаго ордена... Вопъ общій другъ его и Г. Бальзака даешъ имъ вечеръ... Новые враги не говорятъ ни слова другъ другу... Около полуночи, Г. Бальзакъ уходитъ и говоритъ идучи мимо Г. Дюма: «Когда я испишусь, шо примусь за драму.» — Принимайшесь теперь же,» — ошкивчалъ Г. Дюма.

ЛИТЕРАТУРА И КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ ВЪ АНГЛІИ.

Черпты, обозначающія общій характеръ Англійской Литературы, опредѣлительны и рѣзки; болѣе всего поражаетъ насъ матеріальное ея богатство. Есть основныя мысли, составляющія собственность всѣхъ поэтовъ, къ какому бы народу они ни принадлежали; эти идеи, переработанныя силою гения, могутъ разнообразиться до безконечности, не утѣняя насъ частнымъ своимъ повнореніемъ. Въ Литературѣ нѣкоторыхъ народовъ господствуетъ извѣстное направление, которое будучи разъ принято, оспается неизмѣннымъ основаніемъ всей ихъ Поэзіи. Такимъ образомъ, Песарра, еще въ то время, когда Испанскій языкъ едва начиналъ развиваться, умѣлъ уже такъ живо передать любовь свою языкомъ, исполненнымъ спрасни, что сонеты его и на будущее время, формой и сущностью своей, оспались типомъ этого рода стихотвореній. — Въ другихъ Государствахъ Поэзія развивалась воплѣ только тогда, когда самый народъ достигалъ высшей точки своего образованія и значенія въ Исторіи. Тогда самыя подвиги его дѣлались предметомъ вдохновенія его поэтовъ, чему примѣръ видимъ въ Португаліи, гдѣ со время Камоеаса, народная Поэзія находилась въ совершенномъ упадкѣ. Такимъ образомъ, въ вещественномъ отношеніи, Литература Англійи есть вѣрное выраженіе вещественнаго ея величія. Въ Англійскомъ романѣ находимъ мы вообще привлекательное описаніе семейнаго быта, со всеми, даже мѣлочными его подробностями, со всеми его радостями и печалами, что самое и заставляетъ насъ принимать живое участіе въ жизни какого нибудь отдѣльнаго сословія. Простота образовъ, строгая воздержность въ обработкѣ самаго предмета, сливающаяся съ ней поучительная стихія, которая и въ счастлии и въ бѣдствіи проповѣдуетъ мудрость и умѣренность, вотъ именно что непреодолимо плѣняетъ насъ въ Ваксфильдскомъ Викаріѣ. Другое направленіе романа, противоположное феенебельнымъ повѣстямъ, ищемъ для себя предметомъ въ народной жизни низшихъ и высшихъ сословій; таковы сочиненія извѣстнаго Карла Дикенса. Кто не знаетъ быта низшихъ сословій Англійи, со всей народностью, которой онъ неизгладимо запечатлѣнъ, тотъ

поэтические очерки Дикенса легко сочтешь за карикатуры, хотя они как нельзя вѣрнѣ схвачены имъ съ природы. —

Богатство поэтическихъ матеріаловъ поддерживается и умножается гласностью общественной и народной жизни Англии. Тамъ не пропадаетъ ни одна характеристическая черта, начиная съ перваго государственнаго челоѣка до пресупника и мошенника. Всякій фактъ не только подробно описывается, изслѣдуется и обсуживается журналами, эпитами проводниками народнаго образованія, но практическій умъ Англичанъ пребудетъ еще вѣснѣ съ нѣмъ, чѣшобъ ему представлены были первоначальныя причины эшихъ фактовъ, съ психологической вѣрностью. — Изучать эти характеристическія черты — воптъ самая полезная предварительная работа для поэта. Опытъ этого Англійская Литература вѣкогда не прошиворѣчитъ законамъ здраваго смысла и дѣйствительности, и не перелетъ въ густыхъ туманахъ умозрѣнія. Байронъ, даже Шеллей, копорые, въ слѣдствіе прошиворѣчія ихъ самихъ съ собою, и разногласія внутренняго ихъ міра съ внѣшними отношеніями, должны были создать себѣ міръ идеальный, спускались однако же изъ воздушныхъ черпоговъ своихъ на опальную землю, чѣшобъ восать въ себя новую вещественную пищу. — Число поэтическихъ матеріаловъ ежедневно умножается еще описаніями путешествій, въ копорыхъ глубокомысленные и оспроумные наблюдатели, со всѣхъ споронъ свѣта, приносятъ поэту самородное золото, изъ копораго онъ можетъ послѣ вычеканить, чѣшобъ вздумаетъ. Все неизвѣстное, особенно все то, чѣшобъ сообщается о народахъ, не озаренныхъ еще свѣшомъ просвѣщенія, возбуждаетъ уже въ высшей степени любопытство образованнаго міра; нѣмъ болѣе должно оно дѣйствовать живоительно на воображеніе поэта. Такъ богатая Санскрипская Литература впервые сдѣлалась доступна намъ черезъ Англичанъ. Опытъ этого Муръ, не бывшій никогда на Воспокѣ, могъ однако же удачно изобразить вѣрную картину его жизни и обычаевъ, въ романтической поэмѣ своей Лалла-Рукъ. Весь колоритъ ея чисто-Азіатскій; поэтъ вполнѣ проникнутъ характеромъ нѣхъ мѣстъ, въ копорыхъ онъ насъ переноситъ. Тутъ нѣтъ сравненія или описанія, нѣтъ названія или случайной черты, нѣтъ вообще никакого поэтическаго направленія, копоры напомнили бы намъ Европейскіе наши обычаи и не впол-

нѣ согласовались съ жизнью, нравами и вѣрованьями Востока. — Другимъ примѣромъ эпохи вещественной новизны въ Литературѣ можетъ служить Капитанъ *Мерветъ*, который въ своихъ романахъ открылъ намъ совершенно новую сторону жизни человека на безпредѣльномъ пространствѣ Океана, и познакомилъ насъ съ опдѣльнымъ міромъ Англійскихъ моряковъ, неуспрашимыхъ, вольнолюбивыхъ и насмѣшливыхъ.

Лондонъ вмѣстѣ и первый шорговый городъ въ мірѣ и главное мѣстопребываніе образованной общественной жизни. Въ эпоху вещественномъ богатствѣ, въ эпоху разнообразія предметовъ и всеобщемъ умственномъ движеніи, заключающа естественная причина, отъ чего преимущественно Англійскіе писатели шли собственнымъ своимъ путемъ, и отъ чего иностранцы Литературы очень мало имѣли на нихъ вліянія, между тѣмъ какъ Англійская литература этого произвела и многостороннее и полезное дѣйствіе на Словесность другихъ странъ, особенно Германіи. — Пешпорченность и богатство предметовъ, вотъ первая потребность для всякаго писателя, особенно для поэта. — Находящая или приличная форма образуется сама; Французская Литература, только при Королевѣ Аннѣ, могла, нѣсколько времени, имѣть вліяніе на Англійскую, и то единственно потому, что писатели этого времени спыдились обрабатывать предметъ изъ своей народной жизни, а изображали преимущественно однѣ картины офрануженной тогда общественной жизни Англии; такимъ образомъ *Поль*, въ отношеніи формъ, сдѣлался образцемъ Французской изящности; но, какъ народного поэта, по выбору предмета и содержанія, его не лзя сравнивать ни съ Шекспиромъ, ни съ Вальтеръ-Скоттомъ. Хотя въ наше время Германская Литература основательно изучается въ Англии, но Англійская народность запечатлѣна такими рѣзкими чертами, что подражанія никакого опасаться не лзя. — Национальный вкусъ пребудетъ, чтобы чужеземная стихія была прежде переработана общественными писателями, совершенно разложилась въ собственной ихъ народности и слилась съ нею. — Англичане вообще не любятъ, чтобы послѣ прививки скоро появлялись плоды.

Кольриджъ путешествовалъ по Германіи, когда Бюргеръ только что далъ Балладъ по направленію, которое сохранила она въ лирической Поезіи Германіи. Его Ленора при-

водила всё въ воскресенье. Кольриджъ замѣнилъ тогда, какое сильное очарованіе произвели на Нитцеаъ эти мрачнѣшныя и шамиспвенныя, всё эти романшическія принадлежності Баллады; два прекрасныя стихотворенія были плодомъ этого впечатлѣнія. Въ его старомъ морякѣ (old Mariner) и Кристабелѣ, главной основой мрачнѣшныя стихія, міръ духовъ и привидѣній; отъ него самого эти поемы, не смотря на ошдѣльными красотами и чудными живописными подробностями, не удовлетворяли общему вкусу, и Кристабелъ оспаривался даже недоконченными. — Еще болѣе разительнымъ примѣромъ, опроверженія Англичанъ отъ непосредственнаго подражанія служатъ сочиненія Томаса Карлейля. Хотя основательность критическаго взгляда его на все опшеченное, умозрительное и метафизическое вполне всѣми признана, но Англіійскіе рецензенты вообще называютъ слога и форму его „Французской революціей,“ безразсуднымъ подражаніемъ Германцамъ, и доказываютъ, что такое нововведеніе опасно и противно народности.

Богатство поэтическихъ матеріаловъ преимущественно также исполненію лучшихъ Англіійскихъ писателей, избравшихъ себя какое нибудь определенное направленіе. — Примѣръ тому Вальтеръ-Скоттъ и Меріонтъ; оба только въ раннихъ лѣтахъ начали писать свои романы, и каждый годъ являлся и являлся блистательный плодъ ихъ воображенія. — Вторымъ оригинальнымъ признакомъ Англіійской Литературы заключался въ томъ, что она и въ нравственно-религіозномъ отношеніи не чуждалась порокой стороны опшеченной своей жизни. Ее нельзя упрекнуть, чтобы она избирала предметомъ своей дѣятельности одно только нравственно-религіозное ученіе. — Мы находимъ нравственное направленіе не въ одной дидактической стихіи, господствующей въ Англіійской Литературѣ, но въ томъ нравственномъ основаніи, кошорымъ живо проникнуть каждый избранный предметъ, въ поэтическія изображенія дѣйствительныхъ житейскихъ отношеній, кошорыя хотя иногда сбиваются на карикашуру, но никогда, какъ у Французовъ, въ нее не переходятъ. Разумъ идетъ дружно съ ходомъ самаго человѣческаго; и одна, незараженная развратомъ, спорона общества служитъ главнымъ основаніемъ каждаго литературнаго произведенія. Хотя мы и встречаемъ иногда въ новейшей Словесности

Англіи, явленіе, приводящее въ содроганіе, но ужасъ и суешность не могутъ привычься къ ея началамъ, а вкрались въ нее только со времени появленія неистоваго Французскаго романтизма. — Это высшее нравственнее основаніе испари свойственно Англіійской Литературѣ, и глубоко укоренилось въ религіозно - нравственномъ характерѣ самаго народа. — Представляла ли когда кто нибудь изъ поэтовъ такое вѣрное зеркало свѣтлой и темной сторонѣ человеческой природы, какъ Шекспиръ? Кто краснорѣчивѣе его изображалъ порожество добродѣтели и ужасную гибель порока, насколько не уменьшала эпичеіи такъ называемымъ нравоученіемъ достоинства художественнаго своего произведенія? — Самымъ основаніемъ вымысловъ, изъ кошорыхъ шворилъ онъ высокія свои созданія, служилъ нравственность, которая сливаелся у него съ Поэзіей и обѣ приводилась къ высшему ихъ единству. — То, что Шекспиръ Гамлетомъ своимъ предложилъ, какъ высшую задачу драматическаго искусства, а именно изображеніе добродѣтели въ подлинныхъ ея чертахъ, порока въ настоящемъ его видѣ, возеозданіе и одушевленіе прошедшаго, то самое и донныіи осталось основнымъ началомъ Англіійской Литературы, которая въ эпоху оппюшенія имѣетъ много сродства съ древней классической. —

Третья отличительная черта Англіійской Литературы — народность изображеній и слога; онъ эпого произведенія Словесности не соспавляюль исключительной общности однихъ образованныхъ сословій, а дѣлаюлья доступными для всѣхъ — выгода, которой, при національномъ направленіи Словесности, нельзя доспашочно оппнать. —

Теперь надобно обратишь особенное вниманіе на одну изъ главныхъ пружинъ распространенія произведеній Словесности, то есть на книжную торговлю въ Англіи. Главнымъ ея средоточіемъ, какъ и всякой торговли, служилъ Лондонъ; это центральный пунктъ политической и общественной жизни, а какъ съ нею тѣсно соединена и сама Литература, то книжная торговля изъ общественности же извлекаетъ всѣ жизненные свои силы. — Съ конца Февраля, до начала Августа, все что имѣетъ прилзаніе на образованность и богатство, спѣшатъ въ Лондонъ, чтобы послѣ шестимѣсячнаго уединенія въ своихъ помѣстьяхъ, принять живое участіе въ блескѣ, роскоши и очарованіи политиче-

ской и общественной жизни. — Такимъ образомъ провинціи сосшояли въ постоянномъ, взаимномъ сношеніи съ столицей. — Деревенскій дженшельмень обновляеиъ въ высшемъ кругу на оспальное полугодіе. — Это время и въ книжной шорговлѣ, самое удобное для предложенія вкусу съѣхавшихся въ Лондонъ людей образованныхъ сослоіиъ, всего, что писатели произвели въ лишии своего удивенія. Каждый спѣшитъ познакомиться со всѣмъ, что есть новаго, часпью для того, чтобы имѣть возможность говорить въ обществѣ объ современныхъ литерашурныхъ явленіяхъ, часпью для того, чтобы, по возвращеніи въ свои помѣстья, насладились надосугъ чтѣмъ, что заслуживаетъ вниманіе. Это относителся не къ однимъ произведеніямъ изящной Словесности, повѣстямъ, романамъ или спихошвореніямъ; историческія, коммерческія, политическія и другія сочиненія расходились также въ большомъ количествѣ. Нѣмецкой книжной шорговлѣ не доспаетъ такого общественнаго средоточія, и Франція хотя и пользуется имъ, но не въ такой степени, какъ Англія. Это вліяніе общественности произвело во Франціи и въ Англіи необходимость въ превосходныхъ типографскихъ заведеніяхъ. Произведенія Словесности, съ неприличной наружностью, были бы изгнаны шамъ изъ всѣхъ салоновъ. Въ Англіи многія сочиненія обязаны своимъ повсемѣстнымъ распространеніемъ только роскоши и великолѣпію изданія; не надобно думать, впрочемъ, чтобы это обходилось дешево, чѣмъ въ Германіи; обыкновенный печатный листъ спшитъ не менѣе 5 или 6 фунш. стерлинговъ. — Такъ какъ въ Англіи нѣтъ книжной ярмарки, и слѣдовательно не издаются ярмарочнаго каталога, то объявленія о вновь выходящихъ книгахъ, помѣщаемыя почти ежедневно во многихъ полишическихкихъ и литерашурныхъ журналахъ, прѣбуютъ огромныхъ издержекъ. Моррей, Лонгменъ, Кольборнъ, Фразеръ, самыя дѣлательныя шеперь издатели новыхъ книгъ, платяиъ ежегодно газетамъ нѣсколько тысячъ фунш. стерлинговъ за одинъ объявленія. Впрочемъ это имѣетъ шу выгоду для Литерашуры, что не всякой плохой сочинитель находитъ себя издатели, а писатель съ дарованіемъ, если началъ удачно свое поприще, можетъ прѣбывать отъ книгопродавца болѣе значительнаго вознагражденія за свои труды. — Можно допустить, что круглымъ числомъ, ежегодно появляеиъ въ Ан-

гнѣ до 1400 новыхъ сочиненій, изъ которыхъ около 200 доживаютъ до втораго изданія. Плата сочинителямъ по вышедшей, по упадающей, смотря поному, къ какой отрасли Литературы направилъ мгновенный вкусъ публики какой нибудь извѣстный писатель. Отношеніе между вознагражденіемъ, которое получали писатели въ Англии, и тѣмъ, которое дается имъ въ наше время, очень измѣнилось, и несправедливо было бы заключать по этому о достоинствѣ сочиненій. — Мильтонъ за первое изданіе Померяннаго Рай (1667) получилъ только 10 фунт. стерл.; Джонсонъ замѣчаетъ, что въ печеніи одиннадцати лѣтъ продано было только 3,000 экземпляровъ этой Поэмы, и что Англія въ печеніе 41 года (1623—1664) довольствовалась двумя изданіями Шекспира. Одно только упомянутое образованіе нынѣшней Англійской общественной жизни могло дать возможность книгопродавцамъ платить Авторамъ также немалыя суммы.

Такъ Муръ, за жизнь Шеридана, получилъ 2,000, а за Лалла-Рукъ 3,000 гиней. — Байронъ подарилъ ему въ знакъ дружбы свои записки, съ условіемъ издашь ихъ только послѣ его смерти. Муръ сначала продалъ свою рукопись Моррею за 2,000 гиней, но послѣ пожертвовалъ этими неоцѣненными признаніями великаго гениа щедраго самолюбію его родственниковъ, которые дали ему въ вознагражденіе ту же самую сумму. Онъ возвратилъ деньги книгопродавцу, а всеобщее негодованіе вздумалъ утишить изданіемъ собственныхъ своихъ записокъ о Байронѣ.

Байронъ, да 1817 года, мало заботился о вознагражденіяхъ, со спорны книгопродавцевъ, но скоро самый образъ жизни его и пособія, оказываемыя имъ Грекамъ и Испанскимъ республиканцамъ, принудили его аккуратнѣе считаться съ Морреемъ. Байронъ такъ умѣлъ очаровать всю публику и снова обратилъ ее къ произведеніямъ Поэзіи, что когда, въ 1813 г., напечатанъ былъ его Гяуръ, то въ продолженіе шести недѣль вышло чепыре изданій, и самая поэма въ это время изъ 400 стиховъ возросла до 1,400. Въ печеніе своей жизни, Байронъ перебралъ оцѣнилъ своего, Моррея, за разныя свои сочиненія болѣе 50 тысячъ фунт. стерл. Теперь цѣна на литературныя произведенія упала; причиною тому между прочимъ самое число писателей, которыхъ въ

Англія считаютъ до 4,000. — Любимцы публики, Джемсъ и Мерріетъ, круглымъ числомъ получаютъ отъ книгопродавцевъ за первое изданіе любыхъ прехъ помовъ своихъ сочиненій до 500 фунш. стерлинговъ.

Народность, которую Дикенсъ, въ такое короткое время, умѣлъ приобрести себѣ во всей Англіи и сѣверной Америкѣ, возвысила плашу за второе изданіе его Пиквикскаго клуба до 2,000 ф. ст., между тѣмъ какъ за первое онъ получилъ только 200 ф. ст., а огромный барышъ весь достался издателю. — Дикенсъ предлагалъ книгопродавцу Фразеру за 3,000 ф. ст. народный романъ, въ которомъ хотѣлъ изобразить нищету, господствующую въ мануфактурныхъ городахъ Англіи. — Это показалось Фразеру слишкомъ дорого, и онъ поручилъ Мисприсъ Троллопъ обработать эту тему, въ видѣ же романа, за 1,500 ф. ст.; но та продала послѣ свою книгу книгопродавцу Кольборну за 2000 ф. ст. — Не далѣе, какъ еще при жизни Вальтеръ-Скотта, Англійскіе писатели считали за стыдъ закабалить себя книгопродавцамъ и писать для нихъ по заказу; шеперь же такого рода коммерческіе обороты между сочинителями вошли во всеобщее употребленіе. Разумѣется, что и Литература черезъ это превратилась въ торговлю, и что писатели находясь въ совершенной зависимости отъ своихъ издателей. Муръ сказалъ на это съ довольно остроумно, что какъ древніе герои Сѣвера, въ чершюгахъ Одина, пили медь изъ череповъ умерщвленныхъ ими враговъ, такъ книгопродавцы пьютъ вино изъ череповъ поработанныхъ ими писателей. — Известный издатель *Literary Gazette*, Вилліамъ Гердъ, предлагалъ, для уничтоженія этой унижительной зависимости, учредить національное общество, съ капиталомъ во 100 тысячъ ф. ст., съ такою цѣлью, чтобы освободить писателей отъ этого шлягоспинаго ига, и издавать на ихъ дивеніи общества сочиненія, дѣйствительно того достойныя, а весь барышъ, за вычетомъ небольшихъ процентовъ, предославлять въ пользу автора; но исполненіе этого прекраснаго предположенія встрѣшило такъ много препятствій, что оно вѣроятно не сбудется, шѣмъ болѣе, что и прежде уже сдѣлана была подобная попышка, но такъ же не удалась: даже богатые литераторы и фешенебельныя дамы, какъ на прим. Графиня Блессингтонъ, считаютъ необходимымъ по-

лучашь олтѣ книгопродавцевъ огромную плату за свои сочиненія, не столько пошому, чѣмъ имѣли въ ней нужду, сколько для того, чѣмъ возвыситъ нѣмъ значеніе литературной своей дѣятельности. Въ Англіи легко можешь случиться, что скоро спануть взвѣсивашь писателей по количеству денегъ, получаемыхъ ими за свои сочиненія; смотря по этому, они еще при жизни своей будутъ раздѣлены на разные разряды, которыми и означится степень литературнаго ихъ достоинства.

Эта статья извлечена изъ лекцій о современной Англійской Литературѣ, читанныхъ въ Дармштадтѣ, Докторомъ Кюнцелемъ. Обращаемъ на нее вниманіе нашихъ читателей; взглядъ преподавателя на основныя начала Англійской Словесности, новъ и вѣренъ, а извѣстія о книжной торговлѣ въ Англіи нѣмъ болѣе для насъ замѣчательны, что и въ нашей Литературѣ видимъ мы теперь тоже самое меркантильное направленіе. Для человека мыслящаго это сближеніе двухъ Литературъ можетъ быть очень любопытно, и подаетъ поводъ ко многимъ соображеніямъ. Г. Шевыревъ, въ статьѣ, помѣщенной вмѣстѣ предисловія къ I No Москвитянина нынѣшняго года, изложилъ свое мнѣніе объ этомъ промышленномъ направленіи нашей Литературы, и былъ въ полномъ смыслѣ представителемъ образа мыслей всѣхъ людей, исплинно благонамѣренныхъ и образованныхъ.

— л —

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

АНГЛІЯ ВЪ АЗІИ. Дѣла Востока сдѣлались теперь для насъ однимъ изъ важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ и главнымъ поприщемъ Европейской политики. Судьба Азій кажется надолго рѣшена; она же не имѣетъ силы управляться сама собою, и Европа постепенно овладѣваетъ странами, гдѣ прежде имя ея было едва извѣстно. Небесная Имперія пошрясена въ своихъ основаніяхъ и не можетъ справиться съ горсткою красноволосыхъ варваровъ. Турція существуетъ только покровительствомъ племени Европейскихъ Державъ, и безъ внимательства ихъ упростила бы свою самобытность. Персія издавна бывала добычею разныхъ завоевателей, и теперь покорилась первому, кто только захочетъ ея овладѣть. Прочія Арабскія владѣнія слишкомъ незначительны, и не могутъ имѣть въ эпоху случаѣ перевѣсъ или даже какое нибудь вліяніе. Нѣкогда могущественное Государство Дели обезсилено Англійскою политикою, и Закавказскіе Христіане, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, добровольно признали власть Россіи и вмѣстѣ съ нами праздновали побѣду Русскаго орла надъ Магомеланскою луною. — Двѣ Державы спали теперь твердо ногой въ Азій, а прочія съ завистью смотрятъ на торговныя выгоды, откуда ими извлекаемыя. Въ Сибири и Кавказскихъ земляхъ незыблемо утвердился сѣверный великанъ и принялъ въ исполинскія свои объятія всѣ сосѣдственные ему народы. Остъ-Индіа, съ полною разнородныхъ племенъ своихъ безусловно покорна Англии, которая все вниманіе свое обращаетъ на Среднюю Азію, и старается открытъ въ ней новыя средства для распространенія сбыта своихъ товаровъ, которыя съ каждымъ годомъ мѣтѣ и мѣтѣ преобладаютъ Европой. До сихъ поръ Англія была огромной фабрикой, которая снабжала Азію всѣмъ, въ чемъ только она имѣла надобность, но недавно эта торговля пріоспановилась, и отъ того накопилось множество товаровъ на Остъ-Индскихъ рынкахъ. Съ удивленіемъ замѣтили, что съ опдаленнаго Европейскаго Сѣвера распространилось новое сильное вліяніе до самыхъ границъ Остъ-Индіи. — Въ Кабуль, гдѣ прежде вся торговля была въ рукахъ Англичанъ,

стали обращаться иные повары. Спрашась эпого вліянія, Англія начала вслѣски стараться уничтожить его. Англичане скоро нашли случай вмѣшаться въ дѣла Кабула, и подъ предлогомъ возвращенія прешлола законному будшо бы государю Афганисшана, Шаху Шуджѣ, успѣли шуда проникнуть. Успѣхи Англійскаго оружіа изумили Европу, и Доспѣ-Могаммедъ, смѣлый и умный владѣтель Афганисшана, покинутый союзниками и оповсюду лѣснымый, принужденъ былъ покориться. Но доспигла ли черезъ эпо Англія своей цѣли, вопш въ чемъ вопросъ. — Правда, города Афганисшана находшся въ ея рукахъ, и слабодушный Шахъ Шуджа полько исполнишель ея велѣній; но надобно обрашшсь вниманіе на огромныя пожертвованія людьми и деньгами, копорыхъ спонялъ эпопшъ походъ; казна Оспѣ-Индской Компаніи испощена, и Англичане находшся въ Кабулѣ въ затруднительномъ положеніи. Самые ихъ приверженцы смопряшъ на нихъ съ недоувѣрчивосшью, и безпрешанно грозяшъ измѣной, шакъ чшо они принуждены будупшъ еще долго содержашъ шамъ значительное войско. — Главныя начальники, сначала помогавшіе Англичанамъ, шеперь начинаюшъ уже бышъ имъ непріятельными, и шѣмъ лвно доказываюшъ, чшо приняли ошъ нихъ Шаха Шуджу не для политическшхъ видовъ Англіи, а для шого, чшобы при слабомъ правителѣ имѣшъ полную свободу своевольничашъ и грабшшъ. Даже Герашъ, копорый полько съ помощію Англичанъ могъ боролшся съ Персіей, шеперь заключаешъ союзъ съ ихъ непріятельными, и, кажешся, намѣренъ опдашся подъ покровишельсшво Персіи. Изъ эпого видно, какъ въ Азіи смопряшъ на господсшво Англичанъ. Чѣмъ болѣе блестящи успѣхи ихъ оружіа, шѣмъ болѣе навиваюшъ они себѣ враговъ и лѣмъ затруднительнѣе спановишся ихъ положеніе. — Къ счаспію ихъ, чшо въ Индіи они имѣюшъ дѣло съ народомъ слабымъ и изнѣженнымъ, копорый она держашъ въ повиновеніи различными средсшвами, шакъ чшо ничего не дѣлается безъ ихъ вѣдома. Ни одинъ плуземецъ, даже Англичанинъ, рожденный въ Оспѣ-Индіи, не имѣешъ досшупа къ должносшямъ по судебной и правительственной часши, чшо между прочимъ препяшсшвуешъ Англіи пріобрѣсши довѣренносшъ и расположеніе подвластныхъ ей народовъ. Хошя и спараюшся учреждашъ школы и другія учебныя заведенія для распросшраненія между Индійца-

ми образованія, но туземцы съ недоувѣрчивостью смолряють на эти нововведенія, полагая, что онѣ еще болѣе служатъ къ спѣшенію ихъ свободы; къ тому же различіе между господствующимъ народомъ и подданными слишкомъ рѣзко, и между ими не можеть существовать близкихъ отношеній.

Владѣнія Россіи въ Азіи такъ же распространены, какъ и владѣнія Британіи; хотя онѣ менѣе заселены, но предосматриваютъ Россіи уже ту выгоду, что непосредственно граничатъ съ Европейскими ея областями, и составляютъ вмѣстѣ одно цѣлое, нераздробленное Государство, соединенное однимъ общимъ управленіемъ. — Тѣ же законы, съ небольшими измѣненіями, дѣйствуютъ отъ Варшавы до Камчатки, и отъ Новой Земли до Арарата. Курляндецъ, Полякъ, Армянинъ и Сибирякъ имѣютъ равныя права на участіе въ общемъ составѣ Государственнаго управленія, и могутъ занимать должности какъ въ своемъ опечесствѣ, такъ и съ другихъ отдаленныхъ областей Россіи. — Русскій ближе Грузину, даже Ташарину, чѣмъ Англичанинъ Индійцу, и Русское государство не чуждо присоединеннымъ областямъ, какъ чуждо Азіи владѣтельство Англичанъ. — Если Англія спарается извлечь своихъ подданныхъ изъ суевѣрія и невѣжества, то и Россія дѣятельно спарается о распространеніи образованія въ Азіатскихъ своихъ областяхъ, съ тѣмъ различіемъ, что преподаватели всѣ почти избираются изъ туземцевъ, и Русскіе охотно соглашаются учиться у своихъ однородцевъ. —

Англія поддерживаетъ вліяніе свое деньгами и оружіемъ; для Англичанина физическое и нравственное его превосходство дѣлается какимъ-то вѣрованіемъ, онъ съ гордою и презрѣніемъ смолряеть на Азіатца, и строго наказываетъ его за малѣйшую обиду; за то Азіатецъ боится его, но не любитъ. Англичане никакому иноземцу, даже Европейцу, не позволяютъ считать себя равнымъ съ ними. — Последнія войны съ Персіей и Турціей доставили Россіи такое вліяніе на Азію, какого она прежде никогда не имѣла; вліяніе Англіи на земли, сосѣдственныя съ Оспѣ - Индскими ея владѣніями, почти не менѣе значительно, и Королева Викторія можетъ считать себя дѣйствительной владѣтельницей Лагора, но на Англичанъ вездѣ смолряеть непріязненно и высокоудящая ихъ владѣтельствомъ.

Въ Остѣ-Индіи и всей Южной Азіи распространилось теперь какое-то общее повѣрье, что скоро наступитъ конецъ господству Англичавъ; онѣ того всюду безпрестанно вспыхивающъ возмущенія. Только недавнія побѣды въ Сиріи и Кипрѣ поколебали нѣсколько это вѣрованіе.

ПРОТЕСТАНТСКОЕ ЕПИСКОПСТВО ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

Азія обращаетъ теперь на себя всеобщее вниманіе, и вопъ еще одно событіе, замѣчательное для новѣйшей Исторіи. — Въ слѣдствіе участія пяти Державъ въ дѣлахъ Востока, Прусское Правительство приняло мѣры къ доставленію Протестантамъ, въ Турціи, особенно въ Сиріи и Палестинѣ, тѣхъ же правъ и преимуществъ, которыми пользуются тамъ Христіане Греческаго и Римскаго исповѣданій, тѣмъ болѣе, что безпрестанно увеличивающіяся торговля и промышленныя сношенія съ Востокомъ, вѣроятно скоро привлекутъ сюда множество Протестантовъ, и заславятъ ихъ тамъ селиться. Лапинская и Греческая Церкви издавна уже утвердились на Востокѣ; онѣ составляютъ какъ бы одно неразрывное цѣлое, соединенное одинакими правами, и существующее на общихъ, вѣками скрѣпленныхъ, основаніяхъ. Сверхъ того Греческая Церковь пользуется покровительствомъ Россіи, а Лапинская защитою Римско-Католическихъ державъ. Протестантизмъ напрошвъ того, до сего времени, не былъ законнымъ образомъ признанъ въ Турціи, и въ самой колыбели испинной вѣры не входилъ въ составъ общей Церкви Христовой. — Прусское Правительство не успришилось предположившихъ ему въ этомъ случаѣ затрудненій, и изыскивало всѣ возможныя средства для достиженія предположенной цѣли. Прямая сношенія съ Портою не представляли надежды на больш.ой успѣхъ, не смотря на дружественныя отношенія обѣихъ державъ. — Непосредственное сношеніе Пруссіи съ Востокомъ произошло еще такъ недавно, что Порша знаетъ ее только, какъ одну изъ великихъ державъ Европы, копорыхъ участіе сохранило ея самобытность. Напрошивъ того отношенія Англіи къ Турціи совершенно различны; морская сила ея и торговля съ Востокомъ доставили ей тамъ сильное вліаніе. И попому вѣрнѣйшимъ средствомъ было соединиться для этой цѣли

съ Англіей, коңорой Церковь, по происхожденію и ученію своему, тѣсно соединена съ Евангелической. Въ предварительныхъ по этому предмету сношеніяхъ, Прусское Правительство требовало отъ Великобританіи опъзыва, согласна ли она будетъ признавать самобытность Нѣмецко-Евангелической Церкви, и общими силами дѣйствовать, чтобы, подъ покровительствомъ обѣихъ державъ, всѣ Протестанты считаемы были Портою какъ одно недѣлимое цѣлое, и такимъ образомъ всѣ безъ исключенія пользовались равными правами.

Переговоры имѣли желаемый успѣхъ. — Не только Англійское Правительство оказало всю свою готовность приступить къ дѣлу, на предложенныхъ Пруссіей основаніяхъ, но и высшее духовенство приняло въ помъ живѣйшее участіе. На этошъ разъ забышо было различіе исповѣданій и сектъ, языковъ и народовъ, и Протестантская Церковь возведена къ высшему своему единству, къ коңорому, какъ къ средоточію, примыкають всѣ различныя ея отрасли. Такимъ образомъ общимъ стараніемъ Пруссіи и Англійи учреждено теперь особенное Епископство въ Іерусалимѣ, коңорое будетъ для всѣхъ Христіанъ Евангелическаго исповѣданія плочкою соединенія, гдѣ они, въ случаѣ надобности, найдуть защиту и покровительство. Половину издержекъ на этошъ предметъ, Пруссій Король принялъ на свой собственный счетъ; а право назначенія въ Іерусалимъ Епископа раздѣляетъ съ Англійскимъ Правительствомъ. Предположено также учредить тамъ училища для юношества и больницы для немощныхъ спранниковъ. Въ Епископы Палестины избранъ Докторъ Богословія Александръ, бывшій Профессоромъ Еврейской и Раввинской литературы, при Лондонскомъ Университетѣ. Онъ посвященъ въ этошъ санъ Кеншорберійскимъ Архіепископомъ, и прежде праздника Пасхи будетъ уже въ Іерусалимѣ. Ему предстоятъ большіе труды, и вѣроятно ожидаютъ его препяшствія со стороны Церквей другихъ исповѣданій, коңорыя, разумется, съ неудовольствіемъ будутъ смотрѣть на его водвореніе между ими. Сверхъ утвержденія дружескихъ сношеній со всѣми Христіанами на Востоцкѣ, покровительства Протестантамъ и обращенія Іудеевъ, новому Епископу порученъ также надзоръ за Евангелическими Миссіонерами, коңорыя недавно посланы и впредь

будуць опсправляемы въ Сирію, Халдею, Египецъ и Абиссинію. Прусское Правительство опсправляеть шуда же шесть кандидашовъ Богословія, которые будуць посвящены въ священнический санъ Епископомъ Палестины. Новый Англійскій Посолъ въ Константинополѣ, Сиръ Спрешфордъ Каннингъ, шощася по прибытіи своемъ шуда, будеть шребовать опъ Турецкаго Правительства окончательнаго утвержденія правъ Протестаншовъ, на Воспокѣ. Не смотря на всеобщее участіе, возбужденное эшимъ событіемъ, многіе Нѣмецкіе Каполическіе журналы и Англійскія газеты, партіи Радикаловъ, Диссенперовъ и Оксфордскихъ Теологовъ, сильно возспають противъ этой мѣры и доказывають невозможность существованія соединенной Англійской и Германской Церкви, по причинѣ значительнаго различія въ ихъ догматахъ. Французскіе журналы также много шумяють объ этомъ сближеніи Пруссіи съ Англіей. Главною причиною неудовольствія Каполиковъ должно полагать опасенія, что новый Епископъ будеть спарашься войдши въ дружественныя и близкія сношенія съ Православною Церковью, извѣстной своей вѣрошериимостью, а не съ Римскимъ духовенствомъ, котораго фанатизмъ вездѣ одинъ и шощъ же.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Всю Германію предположено шеперь перерѣзать желѣзными дорогами. Нѣкошорыя уже совершенно окончены, другія скоро приведены будуць къ окончанію, многія еще шолько прожекшированы. — Вотъ общій обзоръ пропихенія всѣхъ желѣзныхъ дорогъ Германіи, съ означеніемъ упопребленныхъ уже на успройштво ихъ, и шребуемыхъ еще на шо издержекъ.

	Нѣм. мил.		Рейхстадера.
Окончено	175	упошрелъ на нихъ	38,940,000
Приводитсл къ окончанію	166	ассигновано	43,357,000
Ушверждено вновь	124	по смѣшгъ предпол.	27,240,000
Предположено	363	} примѣрно	80,586,000
Необходимо еще боковыхъ дорогъ на	193		
Всего 1021		Всего 232,969,000	

ФРЕНСИСЪ ЧЕНТРИ.

Въ концѣ прошедшаго года, смерть похишила знаменитѣйшаго изъ Англійскихъ ваятелей Сира Френсисъ Ченпри. Газеты Times и Globe сообщаютъ объ немъ нѣкоторыя занимательныя біографическія подробности. — Онъ былъ сыномъ небогатаго мызника и родился 7-го Апрѣля 1782 года въ селеніи Норшонтъ, въ графствѣ Дербиширъ. Его сначала готовили къ изученію правовѣднія, и отдали въ ученіе къ адвокату, въ Чесфильдѣ. Здѣсь случайно пробудилось въ немъ призваніе къ тому искусству, которымъ онъ впоследствии прославился. — Однажды онъ безъ цѣли бродилъ по улицамъ Чесфильда, и случайно увидѣлъ рѣзныя фигуры, выпавленныя въ лавкѣ одного рѣзчика. Онъ исполненно спалъ притворившись, чтобы допустили его учиться рѣзному искусству, и оцѣненъ былъ въ ученіе къ этому самому рѣзчику, у котораго и пробылъ при года. Ему еще не было 17-ти лѣтъ, а рѣзба на деревѣ уже не удовлетворяла его дарованія; онъ началъ дѣлать модели изъ глины, и часно проводилъ ночи за работою. Скоро онъ оказалъ въ этомъ быстрое успѣхи, и для усовершенствованія себя посѣтилъ Дублинъ и Единбургъ, но способности его не были оцѣнены. Около 1809 года онъ прибылъ въ Лондонъ, гдѣ художественная выставка Королевской Академіи наконецъ доставила ему случай сдѣлаться извѣстнымъ. Онъ предсказывалъ на эту выставку бюсты Джона Рафаэля Смита, который обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго художника Ноллекенса, и произведеніе Ченпри сдѣлалось предметомъ всеобщаго удивленія. Ноллекенсъ не ограничился одной похвалой, принялъ Ченпри подъ свое покровительство и доставлялъ ему работу. Съ того времени дарованіе молодаго ваятеля получило полное развитіе. — Изъ-подъ рѣзца его вышли поспешно бюсты Вальперъ-Скотта, Бенкса, Герцога Суссекса, поповъ: Вордворша и Соупея, Георга III, Георга IV, Вильгельма IV, Каннинга, Вашингта, Ноллекенса, Веллингтона и множество другихъ, которые доказали высокое его дарованіе. — По свидѣтельству знашковыхъ, съ его спашуею Леди Россель не можешь равняться ни одно изъ пластическихъ произведеній Бришаніи. — Не менѣе заслуживаютъ похвалы «спящіе дѣти», группа, украшающая пеперъ Лейфильдскій соборъ. Ченпри занимался также съ успѣхомъ живописью, но высокія созданія его рѣзца помрачали творенія его кисти.

Георгъ IV возвелъ его въ дворянское достоинство. — Въ 1819 году Сиръ Френсисъ предпринялъ путешествіе въ Испанію, и посвящилъ нѣсколько мѣсяцевъ на обозрѣніе древнихъ и новѣйшихъ пластическихъ памятниковъ Испанійскаго искусства. Еще въ 1811 г. посѣщалъ онъ Парижъ для изученія сокровищъ искусства, собранныхъ тамъ оповсюду Наполеономъ. Хотя эти путешествія очистиши и образовали вкусъ художника, но въ рисунокѣ и исполненіи своихъ созданій онъ оспался преимущественно Бришанцемъ, и основалъ самобытнуну Англійскую школу, кошорал почти не уступалъ школъ Торвальдесна и Кановы. Въ 1827 г. Ченпри началъ выливать спашуи изъ мѣди, и первымъ опытомъ его была мѣдная спашуя Георга IV, въ Брейшонтъ; она возбудила такой всеобщій воспоргъ, что художнику поручено было изготишить еще двѣ такой же спашуи, одну мраморную для Виндзорскаго дворца, другую бронзовую, въ большемъ размѣрѣ, для города Единбурга; — мѣдная спашуя Пипша, на Ганноверъ-Скверѣ, въ Лондонѣ, почитается лучшимъ произведеніе Ченпри, въ этомъ родѣ. — Сиръ Френсисъ былъ небольшого роста, но крѣпкаго сложенія; на лицѣ его видна была печать генія. Въ обхожденіи онъ былъ ласковъ и привѣшливъ, и обладалъ даромъ слова. До самой внезапной своей кончины (25-го Ноября 1841), будучи уже 60 лѣтъ, и давно спрадая шляжкой болѣзною, онъ вполне сохранялъ всю силу свою и энергію. — Только за день до своей смерти возвратился онъ изъ Норвича, гдѣ спавилъ оконченный имъ бюспъ, умершаго недавно, памопняго Епископа. Въ мастерской его оспалась почти совсѣмъ уже опдѣланная спашуя Веллингтона. — Судьба создала Ченпри поршпрешнымъ вапшелемъ, и въ этой опрасли искусства нѣтъ у него соперниковъ; никто, не только въ Англии, но и на материкѣ Европы, не обладалъ такимъ даромъ естетственности, изящности и опщепливости, особенно въ расположеніи волосъ; но въ созданіи цѣлыхъ фигуръ, опдѣльно и въ группахъ, дарованіе его было болѣе ограничено, и онъ прибѣгалъ въ этомъ случаѣ къ искуснымъ рисовальщикамъ, кошорые доставляли ему рисунки нужныхъ ему фигуръ, а ему оспавалось уже только одушевити ихъ своимъ рѣзцомъ. Ченпри былъ художникъ необыкновенно плодовитый; онъ оспавилъ по себѣ нѣсколько сотъ бюсповъ; спашуй же, сравнительно, гораздо менѣе. —

НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ СОЕДИНЕННЫХЪ СЪВ. - АМЕРИК. ШТАТОВЪ.

Конгрессу, въ послѣднемъ его засѣданіи, представлень слѣдующій отчетъ о народонаселеніи Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Свободнаго бѣлаго народонаселенія считается: муж. пола 7,249,266 душъ, женскаго 6,939,842, всего 14,189 108. — Свободнаго цвѣтнаго народонаселенія муж. пола 186,467 душъ, женскаго 199,778, всего 386,245. Невольниковъ: муж. 1,246,408 душъ, женскаго 1,240,805, всего 2,487,213; общій итогъ народонаселенія 17,062,596 душъ, а если включимъ сюда еще 6,100 человекъ, служащихъ на Американскомъ флотѣ, то выйдетъ всего 17,068,696 душъ обоюго пола.

По образу жизни, это населеніе раздѣляется слѣдующимъ образомъ: 15 тыс. человекъ занимающся горнымъ дѣломъ, до чепырехъ милліоновъ хлѣбопашествомъ, около 120 тысячъ торговлей, до 800 тысячъ мануфактурной промышленности и ремеслами, до 60 тысячъ мореплаваніемъ, слишкомъ 30 тыс. внутреннимъ судоходствомъ, 65 тыс. посвящаютъ себя наукамъ и ученымъ занятіямъ, и болѣе 20 тыс. человекъ получаютъ пенсіи за военныя заслуги. Число университетовъ и училищъ Prospирается до 173, а число учащихся въ нихъ до 16 тысячъ. — Академій и среднихъ учебныхъ заведеній, 2342, со 164 тысячами учащихся; низшихъ и приходскихъ школъ 47,209, въ которыхъ около двухъ милліоновъ учениковъ. Изъ нихъ почти 500 тысячъ обучающся на общественномъ иждивеніи. — Изъ всѣхъ жителей свободнаго состоянія, имѣющихъ за 20 лѣтъ отъ роду, болѣе 500 тысячъ не умѣютъ ни читать, ни писать.

**ГАЛЬВАНОПЛАСТИЧЕСКІЕ СНИМКИ СЪ ГРАВИРОВАННЫХЪ
МѢДНЫХЪ ДОСОКЪ.**

Наше время, столь богатое важными изобрѣтеніями, по всѣмъ опраcлѣямъ знанія, предcпавляетъ намъ новое торжество науки, въ послѣднемъ опкрытіи Якоби. — Онъ принудилъ одну изъ важнѣйшихъ силъ природы покораться волѣ человека, и упошрививъ гальванизмъ образующимъ началомъ для сохраненія художественныхъ произведеній разнаго рода, достигъ въ гальвано-пластикѣ изумительныхъ результатовъ. — Но нигдѣ, можетъ быть, это примѣненіе не принесетъ такой пользы, какъ въ искусствѣ гравированія, особенно теперь, когда всюду распространилась любовь къ произведениямъ искусства и гравированныя мѣдныя доски не могутъ доставлять числа требуемыхъ опшисковъ. Старались замѣнить мѣдь спалью, кошорал, какъ вещество болѣе швердое, по числу доставляемыхъ ею опшисковъ, опносився къ мѣди какъ 10 къ 1. Но опъ этого много шеряло самое искусство; спаль предcпавляла художнику болѣе затрудненій для шщательной обработки шруда, шакъ что въ большихъ работахъ почти не лзя было достигнуть желаемого совершенства. Только на мѣди и можно было сохранить шу иѣжность и опчешливостъ опдѣлки, кошорой шребуешъ художественное произведение, и шолько на мѣди можно было художнику дать полную свободу шворческой своей способности: но къ сожалѣнію, красота опшисковъ часто уже упрачивалась, прежде чѣмъ сдѣлано было ихъ доставочное число. — Якоби, съ своей гальвано-пластикой, явился на помощь искусству. — Теперь картина, созданная на мѣди художникомъ, не шолько не повредится опъ снятія нѣсколькихъ сошенъ опшисковъ, но напросивъ шого, во всемъ своемъ совершенствѣ опшанется первоначальнымъ образцемъ для снятія столькихъ гальвано-пластическихъ снимковъ, сколько будетъ нужно. — Посредствомъ шварда Якоби, сперва получается самый вѣрный гальвано-пластическій выпуклый снимокъ всѣхъ на доскѣ начерченныхъ линій, служащій формой для первой гальвано-пластической доски, кошорая въ свою очередь съ микрометрической вѣрностъю передаетъ всѣ мѣлчайшія черты подлинника. — Невозможно, посредствомъ

искусства, достигнуть хоть нѣсколько приближенно того пожелавша, кошорое здѣсь предсхавляетъ сама природа. Такимъ образомъ, можно, нисколько не повреждая первоначальнаго образца, до безконечности умножить число энихъ гальвано-пластическихъ досокъ, и дѣлать съ нихъ на бумагѣ опшиски, кошорые краскою не уступаютъ подлиннику, и вполне соотвѣтствуютъ всѣмъ требованіямъ искусства.

Теперь осмелеша распроспранить это новое опкрытие и приложитъ его къ искусству въ большемъ размѣрѣ. Съ умноженіемъ безконечнаго, по произволу, числа опшисковъ, сохраняющихъ всѣ краски подлинника, произведенія гравированія сдѣлаются дешевле, и слѣдовательно спанутъ доступны всѣмъ. Всякій образованный человекъ будетъ имѣть возможность пріобрѣсть дорогія гравированныя картины, тогда, какъ до сихъ поръ, видѣли мы ихъ почти исключительно у однихъ только богатыхъ любителей.

ГОЛОДАЮЩЕЕ НИЧТО.

Въ Германіи теперь господствуетъ большая спрассъ издавать Логики: какъ прежде всякой ученый Нѣмецъ дебюшировалъ Эспепикомъ, такъ теперь вошло въ моду дебюшировать Логики. Презабавно видѣть, до какихъ нелѣпостей доходитъ теперь безпаланные Нѣмцы, увлеченные абспрактами Логики Гегелевой. Такъ, напрімѣръ, нѣкто фонъ Ша-денъ, Приватъ-Доцентъ Философіи въ Эрлангенскомъ Университетѣ, издалъ свою Логику подъ заглавіемъ: *System der positiven Logik*. Онъ нашель чепыре разряда *ничто* (Nichts), и въ шомъ числѣ чепвершое презабавное ничшо: онъ назвалъ его *das hungernde Nichts*, *голодающее ничто*. »Начало и распложеніе этого голодающаго ничшо — хотѣть бытъ; но оно осуждено на шо, чшо ему никогда не должно и не возможно *бытъ*.« (*Das hungernde Nichts, in dessen Princip und Ansatz es bereits liegt, seyn zu wollen; dessen Verdammung aber darin besteht nicht seyn zu sollen und zu können*). — Къ разряду этого голодающаго ничшо не относятся ли всѣ издашели шѣхъ нелѣпыхъ Логики, въ кошорыхъ до конца искажается здравый смыслъ человѣческой?

СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОВЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ СОСТОЯНІИ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ.

(Изъ новой лекціи, читанной извѣстнымъ путешественникомъ Бланки въ Парижской Академіи Наукъ).

С е р б і я .

Въ наше время ни одна страна не представляешь столь увлекательнаго предмета для размышленія, какъ Европейская Турція. Государственные люди, философы, экономисты могутъ найти здѣсь болѣе достойнаго изученія, нежели поѣшмы, которые впрочемъ съ давняго времени привыкли питаться здѣсь воспоминаніями и черпають вдохновеніе. Да, эпа прекрасная и вмѣстѣ печальная страна теперь почти рѣшительно одна возбуждаетъ вниманіе возвышенныхъ умовъ. Всякій знаетъ, что внутри ея скрывается зародышъ таинственнаго и богатаго слѣдствіями будущаго, важнаго не для ея одной. Въ глазахъ полишики она имѣетъ столь важное могущество, что способна только бросить его на вѣсы, чтобы разрушить всеобщее равновѣсіе; въ глазахъ религій эпа страна является, можетъ быть, еще важнѣйшею, опшого-что столица ея однимъ своимъ именемъ уже достаточно напоминаетъ о всякихъ заслугахъ, которая она оказала и еще можетъ оказать Христіанству. Всѣ взоры обращены на нее съ участіемъ и не безъ поскливаго ожиданія, чѣмъ однажды и навсегда рѣшится многоспоронная задача, которую она представляетъ общей заботливости, попомучно варварство, которое разъединяетъ ее, кажется оскорбленіемъ, наносимымъ просвѣщенію. Однакожь не должно удивляться, что Турція, не смотря на живое участіе, которое она возбуждаетъ, оспаелся до-сихъ-поръ такъ мало извѣстною. Еще очень недавно ее было можно только пробѣгать, я говорю *пробѣгать*, опшого-что, оспановясь гдѣ-нибудь, можно было сдѣлаться подозрительнымъ. Въ этой странѣ самъ Султанъ часно не въ силахъ повелѣть, и самые смѣлые путешественники всегда посѣщали ее только мимоходомъ.

Лучшія ландшафты, какія только есть — Австрійскія, Русскія и Французскія — исполнены невѣроятныхъ ошибокъ, и скорѣе могутъ сбивъ путешественника съ толку, чѣмъ пособить ему: рѣки являюцца на нихъ городами, а города горами; на нихъ означены сотни деревень, о которыхъ на мѣстѣ и не слыхали, а тысячи, которыя дѣйствительно существуютъ, вы напрасно-бы спали опъискивались. Въ древнихъ Мизіи и Фракіи есть долины, которыя гораздо менѣе изслѣдованы, нежели многія Американскія области къ западу отъ Аллеганіи. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ неозначенныхъ на картахъ долинъ я нашелъ оспашки первобытныхъ Христіанскихъ народонаселеній, оплечающихся дѣятельностью, благо-разумною прошпшою и естественностью. Здѣсь лежатъ погребеннымъ мѣръ, который должно опкрытъ, или лучше, это древній мѣръ, который нѣкогда опять возстанетъ изъ гроба. Древнее Христіанство проявляется здѣсь со всѣхъ сторонъ, подобно роскошному распенію на дѣвственной почвѣ. Можно подуматъ, что племена, которыя пакъ вѣрно сохранили его, скрываясь впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій отъ взоровъ профановъ, видятъ теперь, что пришелъ часъ показатъ благодарной Европѣ это дослославно возвеличенное сокровище. Рѣзкая характеристическая черта нынѣшней Турціи состоитъ именно въ этой роскошной полноцѣ жизни Христіанскаго народонаселенія, выказывающейся въ противуположности съ физическимъ и нравственнымъ изнеоженіемъ послѣдователей исламизма.

Если путешественникъ, при видѣ этой противуположности, будетъ опьятъ удивленіемъ, то онъ въ такое время долженъ будетъ удивляться ни съ чѣмъ несравнимой роскоши Турецкой почвы и ея породности, превосходящему всякое понятіе. Едва переѣзжаетъ онъ черезъ Саву, которая отдѣляетъ Земли отъ Бѣлграда, ш. е. Венгрію отъ Сербскихъ провинцій, какъ его поражаетъ неожиданная перемѣна: самъ Океанъ не можетъ положить столь рѣзкихъ границъ между варварствомъ и просвѣщеніемъ, какъ эта рѣка. На правомъ ея берегу все одушевлено, населено, образовано, на правомъ — все пусто, нѣтъ и слѣда образованія; прекрасныя крѣпости Принца Евгенія разрушаются подъ руками Турокъ: — Бѣлградъ подъ попеченіемъ Сербовъ-Христіанъ кажется идетъ навстрѣчу своему возрожденію. Вездѣ, гдѣ

блистающъ крестъ, воздвигаются новыя жилища вездѣ, гдѣ мерцаешь на минаретахъ полумѣсяцъ, земля покрывается новыми развалинами. Бѣлградъ кажется преддверіемъ всей Турціи. Можно подумать, что полишика для того шолько соединила на одномъ мѣстѣ Хрисціанъ и Турокъ, чптобы выказашъ въ блистательнѣйшемъ свѣтѣ невозможность соединенія этихъ двухъ племенъ, или лучше сказашъ, неоспоримую побѣду племени Хрисціанскаго. Въ Сербіи, послѣ столькихъ увѣщеній съ одной стороны и столькихъ спраданій съ другой, шолько можно надѣяться слиянія. Здѣсь оба народонаселенія, болѣе соприкосновенныя, чѣмъ соединенныя, часшію подѣ Хрисціанскимъ, часшію подѣ Турецкимъ правленіемъ, испытываютъ новое общешвенное успройство, которое современемъ будетъ служить прочимъ часшямъ Государства образцемъ или покрайней мѣрѣ переходомъ къ лучшему управленію.

И шакъ Сербія, при началѣ моего пушешествія, ешественно представилась мнѣ какъ предметъ моихъ наблюденій. Эша провинція по Бухарештскому (16 Мая 1812 г.) и Адрианопольскому (25 Сент. 1826 г.) договору, вполнину опшоргнушая опъ Государства, образуетъ собою насоящее его укрѣпленіе и служить ему защитою; но она гораздо болѣе склонна сдѣлать нападеніе на спрану, съ которою соединена шеперь слабыми узами ленныхъ сношеній. Знаменишый Черный-Георгъ въ началѣ нынѣшняго спольшія положилъ основаніе ея независимости, ушвержденной послѣ его смерти Княземъ Милошемъ, который однако-же не смотря на заслуги, оказанныя опечешству, подвергнулся изгнанію. Я имѣлъ случай въ Вѣнѣ познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ человекомъ. Онъ не имѣетъ научнаго образованія, но обладаетъ обширнымъ умомъ и необыкновенно швердымъ характеромъ. Замѣчательно, что онъ недавно, будучи болѣе чѣмъ вассаломъ, получилъ въ Констанцинополѣ опъ Поршы Лентъ съ правомъ наследства въ своей фамиліи, и преимуществами, которыми пользуются шолько коронованныя головы. Онъ былъ Хрисціанинъ и управлялъ Хрисціанами — а это первый примѣръ, который мы находимъ въ Турціи, гдѣ Мусульманинъ до сихъ поръ не прешавалъ пользоваться правомъ лобѣдшела надъ всѣми кашами райевъ. Позднѣ Турки видѣли, что Греція опшала опъ ихъ власши шакъ же, какъ

Молдавія и Валахія опъ власни ихъ опцевъ, и теперь какого вниманія заслуживаетъ начало новаго періода, который съ этой минушы возникаетъ для общеспвеннаго сосшоянія Турціи.

Менше нежели въ придцашъ лѣтъ совершилось это коренное преобразование въ сосшояніи Турецкаго Государства. Я говорю, коренное преобразование, опъ того, что оно послужило источникомъ и предвѣшіемъ всѣхъ реформъ, произведенныхъ съ ббольшимъ или мѣньшимъ успѣхомъ въ послѣднее время. Я желаю только на минушу останавишь вниманіе читателя на главнѣйшихъ происшествіяхъ, которые представляются какъ слѣдствія этой реформы, и которые, по моему мнѣнію, пѣмъ рѣшительнѣе должны дѣйствовать на развитіе цивилизаціи въ Европейской Турціи. Истинною причиною нерасположенія обонхъ племенъ была религиозная неперпимосшь Турокъ, которая не допускала ихъ заключишь союзъ съ Хрисціанами, ни предоспавишь имъ пользоваться одними и пѣми же законами; а слѣдспвіемъ этого было прспрашпє Турецкой юспиціи, права и преимущспва, предоспавляемыя одной кастѣ, и безнаказанная дерзосшь другой. И пакъ одного договора было досташочно, чтобы низпровергнушь опашки Турецкаго владычества, и теперь Сербы пользуются такими же правами, какъ подданные Австріи и Россіи; у нихъ господспвуепъ совершенная свобода вѣроисповѣданія, у нихъ еспъ центральное и мѣспное церковное правленіе, небольшая, но хорошо успроенная армія, многочисленная милиція, цвѣтущія учебныя заведенія и даже уголовный судъ съ споль же строгими и вмѣсптъ челоуколюбивыми, послановленіями какъ и въ опсальной Европѣ. Почшы, книгопечатаніе, журналистика можетъ - бышь, у нихъ введѣны сплишкомъ скоро для людей, которые еще не совсѣмъ умѣютъ пользоваться споль спрашнымъ орудіемъ (*). Въ по же время Князь Милошъ, который сдѣлался первою жерпвою эпихъ нововведеній, успроилъ дороги черезъ лѣса, положилъ мосты черезъ рѣки, или учредилъ сообщеніе посредствомъ паромовъ, а на границахъ караваншаны, въ городахъ гостпшали, и основалъ многія другія полезныя заведенія.

(*) Кто знаетъ шамошіе журналы, тому они покажутся не спрашнымъ орудіемъ, а только еспешспвенными началами общеспвеннаго образования.

Ничего вѣдѣть доспойнѣ вниманія, какое наблюденіе за движеніемъ этого небольшого, еще недавно покоренаго Турецкимъ законамъ Государства, движеніемъ, совершающимся подѣ вліаніемъ свободы, происходящей изъ воспоминанія о своей независимости. Сербскій народъ хопя еще и чувствуетъ раны, нанесенныя ему Турецкимъ владычествомъ, но онъ уже пріобрѣлъ нѣкошорымъ образомъ характеръ народа самобытнаго и самоспоятельную жизненную силу, кошорые голповы не только къ сопровивленію, но и къ нападенію. Нигдѣ не встрѣчалъ я споль живаго чувства народности, сполько спрогоши въ исполненіи законовъ, имѣющихъ цѣлію сохраненіе народнаго здоровья, и споль внимательной бдѣтельности относительно путешественниковъ. Они съ намѣреніемъ привлекаютъ къ себѣ образованныхъ, чшобы казаться образованнѣе; но въ вшихъ первыхъ опытахъ замѣшно сполько доброй воли, сполько благородныхъ плавовъ, и такъ много дѣйствительныхъ улучшеній, чшо, — хопъ все это не болѣе какъ зародыши, — Сербію скорѣе можно почестъ Христианскаго провинцію, нежели областью, принадлежащую Турціи. Можно сказашъ, чшо она дѣлаешъ надъ собою эти опыты общеспвеннаго усовершенствованія для того, чшобъ быть поучительнымъ примѣромъ прочимъ Христианскимъ народонаселеніямъ Востока. Ея земли, при этомъ прекрасномъ началѣ или лучше сказашъ при этомъ свѣтомъ спремленія цѣлаго народа къ новому назначенію, много выиграли въ богатствѣ; тамъ гораздо болѣе жизни, чѣмъ въ пустыхъ поляхъ Турціи. Безчисленныя спада быковъ, овецъ, и особенно свиней распроспраняютъ между жителями довольство и благосостояніе. Нельзя найти спраны, кошорая была-бы такъ богата дарами природы, такъ пріятно разнообразна, кошорая обладала-бы въ шакой соразмѣрности лѣсами и полями, — была такъ выгодно орошаема и такъ хорошо раздѣлена во всѣхъ отношеніяхъ. Въ доказательство я назову здѣсь только долину Илекшъ, кошорая такъ невѣрно означена на картахъ, и кошорая хорошо можетъ выдержатъ сравненіе съ извѣстными Французскими долинами Лиманъ и Грезиводанъ.

Моя задача состоитъ въ изображеніи общеспвеннаго состоянія этой важной части Европейской Турціи, и да бу-

дешъ мнѣ позволено обратишь вниманіе на значительное участіе, которое во всѣхъ движеніяхъ принимали женщины, и въ особенноти Княгиня Любица, супруга Князя Милоша. Надобно видѣшь вблизи, съ какою дерзостію Турки, имѣющіе впрочемъ сполько почтенія къ женщинамъ своей религій, обходяшся съ Христіанками, чтобы поняшь непримиримую ненависть Сербскихъ женщинъ къ Мусульманамъ, которыхъ онѣ называютъ гаремными ширанами. Въ продолженіи войнъ за независимость подъ предводительствомъ Чернаго Георга и Милоша женщины также ошличались своею смелостію. Княгиня Любица садилась на боеваго коня, чтобы приняшь участіе въ битвахъ, и не разъ въ затруднительныхъ случаяхъ возбуждала новое мужество въ своихъ соотечественникахъ. Представивъ себѣ женщину около пятидесяти лѣтъ, съ вояшвенною наружностію, сѣдою головою, покрытою безпорядочно перемѣшанными между собою волосами, въ простомъ плащѣ, ею-же самою пригошвенномъ, съ высокими, многими морщинами покрытымъ челомъ, — будеше имѣшь изображеніе Сербской Княгини въ ту минушу, какъ она удостоила меня приняшь въ своемъ деревянномъ дворцѣ. Вопросы, обращенные ко мнѣ, она прерывала въ высшей степени живописными изображеніями, въ которыхъ съ особенною яркостію просвѣчивалась забота о судьбѣ Христіанскихъ женщинъ, которыхъ вынуждены жить подъ властію Турецкихъ законовъ. Не могу сказать здѣсь всего, но я убѣжденъ, что Христіанство должно быть очень могущественно тамъ, гдѣ оно производитъ и укрѣпляетъ столь великіе характеры.

Превосходство новаго образа правленія являешся путешественнику еще въ большемъ стѣнѣ въ ту минушу, когда онъ всшупаетъ въ Турцію, непосредшвенно зависящую отъ власни Султана. Повѣрашь-ли, что на берегу Тимона, рѣки, прилежащей Дунаю, переправа состоишь изъ одной лодки, которая сдѣлана наподобіе челноковъ дикарей изъ одного дерева. Выходя изъ этой лодки, вы стшупаете въ глубокую грязь, и единшвенное средство для переѣзда въ Виддинъ, лежащій въ 10 миляхъ и имѣющій 20,000 человекъ народонаселенія, сосшавляешъ запряженная быками шелега, которая своими колесами, сдѣланными изъ цѣльныхъ опшубковъ, напоминаетъ времена древнихъ героевъ. И эша-шо Турецка

почта ходишь вдоль Дуная въ виду пароходовъ Австрийской Компаніи, кошорая не въ состояніи разбудить Турковъ отъ мертваго сна, въ кошоромъ погружены и ихъ прежній жаръ, и ихъ національность. — Въ эпомъ удивительномъ экипажѣ я долженъ былъ опсправиться въ Виддинъ, къ Визирю Гуссейну, кошорый извѣстенъ испребленіемъ Янычаръ и неслыханнымъ на Востоку великодѣіемъ своего дома. Опсказываюсь изобразить по мучительное чувство, кошорое гнешетъ душу пушеспивенника, когда онъ проѣзжаетъ прекрасную при-Дунайскую равнину, кошорая могла бы быть шакже плодоносною, какъ при-Ронская равнина около Авиньона, но кошорая теперь ходишь на печальную пустыню. Едва встрѣпишь здѣсь бродящія жалкія шолпы полунагихъ Цыганъ, или небольшія шпада худыхъ быковъ и овецъ. Мужчины съ блѣдыми, изнуренными лицами, нагіа, хилыя дѣши, женщины, черны кошорыхъ выражаютъ неизъяснимыя шпранія, бродящъ между собакъ и коровъ, и живутъ въ бѣдныхъ лачугахъ, слѣпленныхъ изъ ирощника и глины. По мѣстамъ встрѣчающя слѣды виноградниковъ и ошпашки прежнихъ садовъ; но теперь вся почва предана въ добычу дурнымъ распеніямъ. Нигдѣ въ эпой обширной шпранѣ не встрѣчалъ я полей, засѣянныхъ хлѣбомъ или каршо-федемъ; однимъ словомъ — не видалъ ничего шакгого, — за исключеніемъ нѣкопрыхъ полей, засѣянныхъ рисомъ, — что-бы могло указать на благоуспройство шпраны.

Виддинъ, главное мѣсто пашалыка, естетъ досшойное средошчіе описанной пустыни; эпо безпорядочная группа домовъ, въ кошорые едва проникаетъ воздухъ и дневной свѣтъ; о правильности улицъ здѣсь не имѣюшъ ни малѣйшаго поніянія; вода, вылишая изъ домовъ на улицу, и смѣшанная съ ошпашками выброшенныхъ живошныхъ и нечислотами всякаго рода, шпоишъ грязными лужами. Мясники, кошорыхъ здѣсь очень много, бьютъ шкочину у порога своихъ дверей; кровь шпекаетъ въ большую яму, вырышую въ землѣ, и гнѣшетъ шамъ, распросшраняя заразителный запахъ. Чашо валяющя на улицахъ шрупы собакъ, кошекъ, лошадей и даже быковъ; вѣрошвно въ эпохъ улицахъ скоро шпало бы не возможно жишъ, если бы не шпада коршуновъ, орловъ и вороновъ, кошорые постшолнно прилешаютъ сюда за добычею. Въ нѣкопрыхъ ошасяхъ Турціи эпо хищныя шшцы пошляющя шшшчами, и не боляшя нападашъ даже на людей.

Для поддержанія и увеличенія причинъ бодѣзни, многія улицы покрыты древесными вѣтвями и даже досками, что и препятствуетъ воздуху проникать въ нихъ; шпакъ именно дѣлается на базарахъ, копорые во всемъ Востокѣ извѣстны своими ядовитыми испареніями. Большихъ дорогъ никогда не очищаютъ, и я до самаго Адрианополя, въ копоромъ 100,000 жишелей, вошрѣчалъ цѣлыя горы всякой нечистоты, для разчиски копорыхъ понадобилось бы болѣе двадцати лѣтъ, и чрезъ копоры теперъ нельзя проѣхать и на лошади. Такова вообще наружность Турецкихъ городовъ, копорые, къ счастью, въ нѣкопорыхъ мѣстахъ усажены деревьями, украшены фонтанами и перерѣзаны большими площадями, что нѣкопорымъ образомъ и уничтожаетъ вредныя слѣдствія безопасности. Къ довершенію каршины Виддина принадлежатъ еще двѣ огромныя авѣлипы, копорыя, какъ символъ Визирскаго правосудія, возвышаются пропивъ цитадели.

Какъ скоро Гуссейнъ узналъ о моемъ прибытіи и услыхалъ, что я Французъ, то немедленно послалъ одного изъ своихъ чиновниковъ ко мнѣ съ порученіемъ перенести всѣ мои вещи во дворецъ и меня съ извѣстною пышностію провести къ нему чрезъ многолюднѣйшую часть города. Онъ встрѣтилъ меня на крыльцѣ своего дворца очень ласково, и осмалъ множесшвомъ вопросовъ, копорые показывали, какое живое участіе онъ принимаетъ въ великихъ Европейскихъ событіяхъ. Гуссейнъ Паша старикъ 68 лѣтъ, необыкновенно живой, и съ гордыми, опокійными чертами лица; — многіе удивятся, узнавши, что ужасный истребитель яничаръ сдѣлался спекуляншомъ первой степени, насшолцимъ рооповщикомъ, подобно Египетскому Пашѣ, копорый занимается болѣе сборомъ пошлинъ, чѣмъ сраженіями и управленіемъ. Владѣя почти двумя миллионами франковъ дохода, онъ употребляетъ свои многочисленныя капиталы на гигантскія спекуляціи. Онъ скупаетъ опшомъ въ Валахіи пшелицу, въ Крыму шерсть, въ Македоніи масло, чтобы пошомъ продавалъ эти шовары въ розницу; въ равнинахъ около Виддина и во Фракіи онъ содержитъ табунъ въ 500 лошадей; 1400 человекъ, копорые получаютъ хорошее жалованье, едва достаетъ для веденія его шорговыхъ дѣлъ; я не говорю уже о его шридцати женахъ, эшой бесполезной роскоши, — если принашъ въ соображеніе его лѣта, -- ни о другикъ рѣдко

сняхъ его серали, которыми онъ можетъ поспорить съ самимъ Султаномъ. Уже одно существованіе такого огромнаго богатства рядомъ съ ужаснѣйшею бѣдностью, одно вліяніе этихъ богатствъ, которыми могли бы оживить цѣлую провинцію, но которыми здѣсь довершаютъ ея истощеніе, оупь явленія, достойныя вниманія экономистовъ.

Хотя мои бесѣды съ Гуссейномъ преимущественно касались хозяйственно-государственныхъ вопросовъ, но я никакъ не ожидалъ найти въ немъ такого защитника свободной торговли; онъ преоригинально оспаривалъ наши учрежденія о пошлинахъ. »Ваше и мое опеченство,« говорилъ онъ, »лежатъ слишкомъ далеко другъ отъ друга, и я долго думалъ, что это опдаленіе было причиною тому, что мы имѣемъ между собою споль мало сношеній; но мнѣ кажется, что вы, по причинѣ своихъ пошлинъ, не болѣе имѣете дѣлъ и съ ближайшими сосѣдами. Кому же продаете вы всѣ свои произведенія? Я съ своей стороны многое покупаю-бы у васъ, если-бы вы позволили ввозъ нашихъ произведеній; но я вижу, что у васъ ни въ чемъ нѣтъ недостатка: Французамъ должны быть очень счастливы.« Признаюсь, я вовсе не надѣялся встрѣнись на берегахъ Дуная споль ревностнаго защитника моихъ собственныхъ плановъ, и передаю апи навныя замѣчанія Виддинскаго Паша на благоусмотрѣніе поборникамъ нашихъ воспрепятельныхъ мѣръ. При помѣ направленія, которое принимающъ у насъ подобные вопросы, свободъ торговли не было-бы невозможнымъ перейти къ намъ изъ Болгаріи.

Не охотно оспавилъ я Визиря-экономиста, для того, чтобы опсправиться въ Ниссу, это гнѣздо пѣхъ происшествій, которыхъ сценою не за долго до этого была Турція. Вся страна, которую при-Дунайская равнина опдѣляется отъ равнины при-Нисавской, на картахъ искажена совершенно. Въ самомъ дѣлѣ удивительно, что эта важная линія, которая идетъ къ Сербскимъ границамъ, и защищаетъ съ этой стороны цѣлую Турцію, такъ мало извѣстна, что я долженъ былъ употребить на перѣздъ добрыхъ пять дней, между-тѣмъ какъ топографія назначаетъ для этого семь или восемь часовъ. Въ этой почкѣ, гдѣ эта линія пересѣкаетъ меридіанъ, уже одинъ городъ Бѣлградъ заслуживаетъ посѣщенія геолога и живописца, по причинѣ особеннаго и жи-

вописнаго характера распреснувшейся почвы, на которой онъ лежишь; это прекраснѣйшее и вмѣстѣ ужаснѣйшее мѣсто, какое только я видѣлъ въ жизни. Дѣйствительно, въ глубинѣ этого оврага я увидѣлъ отъ семи до восьми большихъ деревень, которыя подобно гнѣздамъ скрываются въ непроходимыхъ лѣсахъ, и всѣ принадлежатъ Христіанскимъ семействамъ. Далѣе мы встрѣтили еще множество другихъ, которыя всѣ исключительно населены Христіанами, такъ-что мнѣ нѣсколько разъ казалось, что я не въ Турціи. Въ Европѣ очень мало извѣстно, что вся Болгарія населена Христіанами, и что Турецкое племя живетъ тамъ только какъ гарнизонъ въ завоеванной землѣ. Также мало знаютъ и о мужественной силѣ этого Христіанскаго народонаселенія и объ удивительной красотѣ обитаемой имъ страны. Не нахожу выраженій для описанія долины, въ срединѣ которой спонитъ городъ Нисса, который, подобно всѣмъ Турецкимъ городамъ, издали кажется привлекательнымъ, а вблизи такъ опшрапительнымъ. Въ Европѣ природа нигдѣ не предшавляется въ такомъ великолѣпнѣ, нигдѣ случай или рука человѣческая для украшенія ландшафта не размѣшала деревьевъ съ большею прелестію и съ большею гармоніею. Нигдѣ не блещитъ такъ прекрасно звѣзды въ лазури небснаго свода. Но должно признаться, что ужаснѣйшая бѣдность царствуетъ во всей этой прекрасной странѣ. При видѣ солдана (и что это за солданы!) все молчитъ или убѣгаетъ. Въ особенностіи убѣгаютъ ихъ женщины, которыхъ чести и невинности угрожаетъ безпреспанная опасность. Едва сошелъ я съ послѣдняго холма цѣпи Балканскихъ горъ въ равнину Турціи, какъ уже долженъ сражаться съ людьми своей общственной свпы. Они какъ побѣдители въ день сраженія, бросились на пшпцъ моего хозяина, на посуду, на все, что только имъ нравилось. Христіане сносятъ все это со споническимъ самоопшверженіемъ, подобно тому, какъ въ суровыхъ климашпахъ шерпятъ суровосш времени года. Впрочемъ легко замѣшпшь, что они только скрываютъ свое неудовольствіе въ ожиданіи лучшихъ дней, которыхъ видятъ уже приближеніе. Сколько патриотическихъ вздоховъ испрашили передъ нами эти честные люди, узнавъ, что мы Христіане! Сколькими вопросами осмшали насъ опносноштельно нашихъ религіозныхъ обрщдовъ, нашихъ церквей, нашихъ священниковъ!

Съ какою ревностію спарались они собрать свѣдѣніе о нашихъ церемоніяхъ при крещеніи, бракосочетаніи, погребеніи! Какое краснорѣчіе въ ихъ взорахъ, какое глубокое значеніе въ каждомъ словѣ!

Предъ вспугленіемъ въ городъ я запрепешалъ при видѣ ужаснаго памятника, копорый печально выказываетъ общеспвенное состояніе спраны. Я говорю здѣсь о знаменитой чепыреугольной пирамидѣ, копорая соспавлена изъ прехъ или чепырехъ пысычь череповъ Сербскихъ Хриспінанъ, копорые пали въ 1816 г. въ одномъ сраженіи противъ Турокъ, и изъ копорыхъ Турецкій фанатизмъ при воропахъ Ниссы воздвигъ эпошъ варварскій памятникъ побѣды. Недалеко ошсюда нѣскольکو разрушенныхъ деревень, число копорыхъ къ счастью гораздо меньше, нежели кажешся сначала, обозначающъ переходъ Албанскихъ шаекъ, копорыя спрашнѣ язвы, и копорыя гораздо шруднѣе искоренишь въ Турціи, чѣмъ самую язву. Въ нашихъ образованныхъ спранахъ шрудно повѣришь въ дѣйствительность существованія эпѣхъ шаекъ, копорыя превосходятъ собою всѣ язвы, всѣ казни. Нельзя подумашъ, чшобы шакъ близко ошъ насъ жили цѣлыя племена, копорыя, посвятивъ себя системапическому грабежу, не знаютъ никакого другаго средспва къ существованію кромѣ разбоевъ и грабежей, совершаемыхъ вооруженною рукою и въ огромномъ размѣрѣ. Но шакковы дѣйствительно Албанскія орды, копорыя Турецкое правительство не можетъ принудить къ повиновенію, и копорыя, до сихпоръ, въ важнѣйшихъ обласпяхъ Государства оно содержишь на границахъ шолько шѣмъ, чшо предаешъ имъ на волю Хриспінанскія семейства. Эши выродки чловѣчества дѣйствительно упражняющъ въ искусствѣ владѣть оружіемъ, — своимъ единспвенномъ занятіи. Испочники ихъ промысла — кинжалъ, ружье и пистолешъ; каждый Хриспінанинъ естъ ихъ законная, еспеспвенная, наследспвенная добыча. Албанцы имбюшъ райевъ шолько для шого, чшобы ихъ грабить. Когда я для обузданія ихъ дерзости показывалъ имъ фирманъ Султана, шо они ошвѣчали мнѣ иронически: «Султанъ хо-зляинъ у себя въ домѣ, а мы хозяева въ своихъ домахъ.»

Мусульмане сами способствуюшъ распространенію и размноженію Хриспінанъ шѣмъ самымъ, чшо они не допускающъ ихъ, какъ невѣрныхъ, въ военную службу, копорая

испоцнаешъ шеперь послѣднія силы Турецкаго племени. Въ этомъ запрещеніи, копорое существуешъ со времянъ взиція Констанطينополя, и копорое сохраняешъ неприкосновенными Христіанскія семейшва, выказываешъ нѣкошорымъ образомъ воля Провидѣнія. Спобитъ полько размошрѣшъ оба племени вмѣстѣ, перечешъ ихъ, посмошрѣшъ имъ въ глаза, чшобы понять, какія великія событія пригошвляюшся. Долженъ ли я предшвляшъ доказательшва на вто мнѣніе? — Вошъ они. Турецкія войска, сосшвощія исключительшо изъ мусульманъ, сушь не чшо иное какъ насильшвенное соединеніе косыхъ, хромыхъ, горбашыхъ и нѣмыхъ. Послѣ испребленія лышчаръ, копорые жили покрайней мѣрѣ въ семейшвахъ, и у копорыхъ, не смошря на ихъ религіозный фанатизмъ, нельзя опшиашъ семейныхъ добродѣтелей, регулярныя войска, учрежденныя на мѣшо ихъ, не полько вели жизнь казарменную, но даже, — за исключеніемъ нравшвенности, — монастырскую. Эшо безчисленное множештво неженашыхъ, копорымъ Низзамегидѣ (военною комиссію) запрещашся насчетъ Христіанскихъ женщинъ удовольшворашъ шѣ спрасши, копорыя наиболѣе господшвуютъ на Востоцкѣ, вскорѣ впало въ шакую разврашъ, копорый нельзя даже изобразишъ, и копорый подвергаешъ ихъ безчештію и наказанію опъ девяти десятиаго. Мнѣ было-бы не возможно, если-бы я даже и хошѣлъ разобрашъ слѣдствія этой глубокой, неизцѣлимой безнравшвенности, копорая сосшвляешъ принадлежностъ Турецкаго народа. Но чшо сказаешъ о другомъ гибельномъ признакѣ глубокаго развращенія мусульманъ — о шомъ ужасномъ преступленіи, копорое еще въ чревѣ матери испребляешъ чешовѣчештво, и копорое въ Турціи, подобно какому нибудъ обыкновенному дѣлу, совершаешся съ адскимъ искусствомъ? Я привелъ-бы въ шрешъ чшашедя, если-бы предшвляшъ обзорнїе этихъ убійшствъ, копорыя сжегодно испребляюшъ шысшчи жершвъ!

И шакъ Турецкое племя при своемъ множештвѣ постоянно будетъ умалашся. Хошя мужчина, при позволеніи многоженшва, пользуется этимъ правомъ гораздо умѣреннѣе, нежели думаютъ въ Европѣ, но все онъ почиашешъ его шаккою обязанностію. — Унижая женщину, онъ унижаешъ и самого себя. — Такимъ образомъ на Востоцкѣ многоженштво идешъ

рядомъ съ тѣми ужасами, копорые я описалъ выше. Въ Европейской Турціи скоро не было бы ни одного Турка, если бы эпошъ порокъ только 25 лѣтъ продолжалъ владѣствовать съ такою же ужасною силою, до копорой онъ достигъ со времянъ восшествія на престолъ Махмуда. Не скажу ничего болѣе: числомъ нравовъ моего опечесшва (*) предписываетъ мнѣ набросишь на все эпо густое покрывало. Выведу только слѣдующее заключеніе: — такіе симптомы предвѣщаютъ скоросшь послѣдняго часа.

Съ другой стороны, окруженное религіознымъ и политическимъ преслѣдованіемъ, являетсѣ Хрисціанское народонаселеніе, возбуждая собою въ наблюдательномъ путешественникѣ сладоспныя надежды. Съ уваженіемъ и чувствомъ видѣлъ я, какъ строго соблюдаетсѣ цѣломудріе въ хижинахъ Болгарскихъ жителей, и особенно тѣхъ, копорые принадлежатъ къ Славянскому племени. Несчастіе, копорое такъ долго пятнуетсѣ надъ ними, кажется, очистило ихъ; характеръ ихъ опровергъ подъ жестокими испытаніями, копорымъ подвергалъ ихъ шоржеспивующій исламизмъ; чувство семейныхъ привязанностей укрѣпилось безпреспанными опасностями, копорыя угрожаютъ спокойствію семействъ. Съ радоспнію видишь награду за эпо добродѣтели въ мужеспвенной наружности Болгаровъ, въ здоровьи ихъ дѣшей, въ ихъ скромномъ благососпояніи, и даже вездѣ, гдѣ вліяніе Турокъ не такъ чувствительнo, какъ въ близоспнн резиденцій Пашей или въ сосѣдствѣ Албанскихъ пашекъ. Такъ я во время присупствія моего въ Ташарбазарчикъ при Богослуженіи, копорое совершаласѣ въ немногихъ церквахъ, смолря на высокій ростъ мужчинъ и скромную одушевленосшь женщинъ, почтталъ себя пренесеннымъ въ Германію или Венгрію. Очень сожалѣю, что не могу передать здѣсь публикѣ другихъ наблюденій — эпого плода бесѣдъ моихъ съ Пашами и Болгарскими Епископами. Однакожъ я не опшкажусь опъ права высказашъ, какъ желательнo, чтобы ихъ опзывы обратили на себя вниманіе тѣхъ, копорые хотятъ избавишь Турецкую Имперію опъ шого болѣзненнаго кризиса, копорый рано или поздно долженъ произвеспн разьединеніе обоихъ племенъ. Теперь еще, не смолря на глубокія раны копорыя нанесены Турціи, можно еще надѣяшъся спасенія. Умные Паша

(*) Т. е. Франціи. Удивительная елѣпома патріотизма!! *Примм. Перевод.*

живущъ съ Христіанскимъ духовенствомъ въ добромъ согласіи; но обѣимъ споронамъ, конечно, не доспаешъ высшаго взгляда. Христіанское народонаселеніе шеперь не шребуешъ ничего, кромѣ безопасности своей личности и обособленности и нѣкошораго обезпеченіи чести своего семейства. Такая уступка была-бы, можетъ-быть, въ сосшояніи опдалить на долгое время раздраженіе бури. Но хопъ-бы она буря и раньше разразилась, она не заспаешъ врасплохъ Христіанскаго народонаселенія. Пусть же увидитъ Европа, что на рѣшеніе этой задачи должно смолрѣть не какъ на дѣло одной націи, но какъ на дѣло всѣхъ народовъ.

Къ счастью, это единодушіе, такъ шрудное въ политикѣ, мало по-малу образуешся посредшвомъ шорговли, даже безъ вѣдома Государствъ, которыя въ этомъ участвуютъ. Турція со всѣхъ сторонъ окружена Французскою, Австрійскою, Англійскою и Русскою навигаціонною линіею. Дунайское пароходство пріобрѣло такую извѣстность, что путешественники вѣрѣдно не находятъ мѣстъ на этихъ судахъ. Французскіе пакетбошы перевозятъ не только нашихъ шурисшовъ, но даже тысячи Турецкихъ пилигримовъ, которые чрезъ Александрію опправляются въ Мекку, или изъ этого города возвращаются на родину. Одесса находится въ постоянномъ сообщеніи съ Восворомъ. Наконецъ Трапезунтъ, этотъ ключъ Персіи, который прежде на плохихъ парусныхъ судахъ перевозилъ въ Конштаншинополь отъ 50 до 60 пассажировъ, шеперь перевозитъ каждую недѣлю отъ семи до осьми сотъ на Австрійскихъ пакетбошахъ, такъ что я видѣлъ однажды палубу такого судна, до того покрытую путешественниками, что они должны были впродолженіи всей дороги сполить прижавшись другъ къ другу. Турціи нельзя долѣе пропшвиться просвѣщенію, которое окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ. Похвальныя усилія, которыя дѣлаеш Турецкое Правительство для предотвращенія чумы, привлекутъ изъ всѣхъ Государствъ многихъ предпринимчивыхъ людей, а особенно, если постановленія о карантиннахъ, до-сихъ поръ недѣйствительныя, вступятъ въ свои законныя права.

Вопъ что говоритъ чужеземецъ, Французъ, о Славянахъ въ Турціи, которыхъ онъ называетъ только Христіанами! Въ иностранныхъ журналахъ встрѣчаются безпрестанно подобныя описанія путешественниковъ. Только Русскіе молчатъ, а кажется Славяне ближе къ намъ, чѣмъ къ нимъ. Ред.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

МѢЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЪ ШУЙСКОМЪ УѢЗДѢ.

Изъ всѣхъ уѣздовъ, сосавляющихъ Владимірскую губернію, не много найдется, по мѣлкой промышленности, пакихъ какъ Шуйскій. Всякому извѣстно, что эпопъ уѣздъ есть, шакъ сказать, средопчіе мануфактурныхъ бумажныхъ издѣлій, о которыхъ много разъ было уже писано. Но кромѣ мануфактуръ большая часть жителей уѣзда занимается еще и мѣлочною шорговлею, разными промыслами и ремеслами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скоповодшвомъ и огородничешвомъ. Можно здѣсь съ успѣхомъ заняться и земленашешвомъ, если бы владѣльцы и крешьяне болѣе обращали на него вниманія, не пугались труда удобрять хопя мало, — но все-таки способную къ произрашеніямъ почву, и если бы не увлекались большими выгодами, копорыя они получаютъ отъ другихъ замашій, легко доспавляющихъ безбѣдное, а иногда и богашее соспоаніе, — чего, безъ ушомишельнаго труда, нельзя ожидать отъ земледѣлія.

Изъ незначительныхъ промысловъ по суммѣ, рыбная ловля должна занимать не малое число рукъ по большому пошреблезію рыбы — слѣдшвію довольства жителей. Дешевизна и всегда доспашочное количество рыбы на рынкахъ въ лѣпнее время доказываютъ значительность эпого промысла. Зимой много рыбы доспавляется изъ другихъ мѣстъ. Ловля производится по рѣкамъ: Тезѣ, Уводѣ, Люলেখѣ, Паргѣ и Молохпѣ, въ которыхъ водятся окуни, головыли, плотицы, караси, налимы, лещи, изрѣдка сомы (въ Тезѣ) и преимущественно щуки. Въ лѣпнее и осеннее время сѣши, невода, прутьяные нарощы, кошели и верши (не даромъ пословица говоритъ: попался какъ сомъ въ вершу) суть обыкновенныя средства, ушопребляемыя для ловли. Въ зимнее время особенно доспоинтъ замѣчанія, по своей замысловатости, способъ ловить рыбу, шакъ называемый — *блешить*. Въ Декабрѣ мѣсцѣ, когда рѣки и озера швердо замерзнуть, прорубаютъ во льду прорубь, спавяпъ надъ ней шалашъ изъ еловыхъ вѣшвей, шакъ чтообы могъ помѣшиться одинъ человекъ, и сообразно съ опверсіемъ проруби опускаютъ на дно рѣки сѣшку, прикрѣпленную къ деревянному обручу, обшному бѣлымъ листовымъ желѣзомъ, служащимъ приманкою рыбамъ. Въ

по время онѣ начинаютъ вароскнться и для скорѣйшаго изверженія изъ себя икры любятъ перешься и переканывашься по песчаному и каменнстому дну рѣки, особенно черезъ блестящій обручъ; иногда ловцы, излуча минушу, посредствомъ веревокъ быстро поднимаютъ съжку вмѣстѣ съ попавшею рыбою. Звѣроловствомъ жители Шуйскаго уѣзда занимающься мало, и шо только въ сѣверо-восточномъ углу уѣзда, гдѣ находящяяся лѣса довольно обширныя въ сравненіи съ прочими мѣстами. Эши лѣса представляющь фигуру обширнаго треугольника, примыкающаго одной стороною къ рѣкѣ Тезѣ, а другою къ Паршѣ, раздѣляющей Шуйскій уѣздъ съ Нерехомскимъ и Юрьевецкимъ (Коспр. губ.). Здѣсь находятъ волковъ, барсуковъ, лисицъ, бѣлокъ, зайцовъ, и нерѣдко попадающяя звѣропромышленникамъ куницы, а близъ береговъ лѣсныхъ рѣчекъ водятся норки, любящяя пиашься рыбою. Способъ ловли звѣрей, какъ и вездѣ, — спрѣлянье изъ ружей и виншвокъ; а въ зимнее время спавяшъ капканы и силки, или пепли особеннаго рода, употребляемыя только въ здѣшней споронѣ, и только именно для ловли зайцовъ. Силки сн привѣшивающъ на деревьяхъ, спущая внизъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ болѣе находящяся слѣдовъ и пропннокъ звѣриныхъ. Чшо жъ касаеться до пшнцеловшва, шо оно ограничивается спрѣляньемъ дикихъ ушокъ и бекасовъ по рѣкамъ, заводямъ и озерамъ, а въ лѣсахъ глухарей и пеперевей, приманиваемыхъ на чучела; въ зимнее время, неизвѣстно откуда, появляющяяся и куропапки, но ловлю ихъ не занимающя. Впрочемъ, какъ уже сказано выше, главное занятіе жителей уѣзда состояшъ преимущественно въ разныхъ ремеслахъ и издѣльяхъ. Напримеръ въ деревнѣ *Харитоновъ* кузнечное мастерство шакъ велико, что въ печеніе года однѣхъ косъ, для кошенія праны, выковывается слишкомъ десяшъ тысячъ шпукъ, которыми и расходяшъ; по отличной ихъ добротѣ, исключительно въ Шуйскомъ уѣздѣ. Вошъ и еще другаго рода промыселъ въ *Мардасовицинѣ*. Такъ называешъся неопредѣленное число деревень, сосшощихъ изъ нѣсколькихъ помѣщичьихъ вошчинъ, расположенныхъ по берегамъ рѣчки Мардаса. Здѣсь производиншя шганье сншъ изъ коневыхъ волосъ и обдѣлка ихъ въ обички, для сянья муки. Сншъ расходшся во Владимірской и другихъ смежныхъ съ нею губерніяхъ нѣскольکو тысячъ, что доснаваляешъ для мѣстшосшн не мадоважный доходъ. Въ эпошъ же

Мардасовицѣи шкутъ песпряди, холстинки, плашки и мишкаль, а нѣкоторые занимающіяся дѣланіемъ мездричнаго клея и лазори. — Къ упомянутой Мардасовицѣи на воспокъ примыкають деревни села Васильевскаго; въ нихъ занимаются крестьяне шканьемъ пляжины, шахматки волнистой и прочаго подобнаго издѣлія; а въ деревнѣ Липвинцовѣи и въ смежныхъ съ нею въ большомъ количествѣ шьютъ шулупы и прочее крестьянское платье, кошорыхъ расходится до двадцати пяти тысячъ штукъ; нѣкоторые изъ занимающихся симъ ремесломъ поспавляють и въ казну, особенно на обмундированіе рекрутскихъ паршій въ зимнее время. Отсюда же изъ деревень крестьяне въ Октябрѣ и Ноябрь мѣсяцѣхъ, п. е. по окончаніи сельскихъ лѣтнихъ работъ, отправляются въ числѣ нѣсколькихъ сотъ въ низовыя губерніи по Волгѣ выдѣлывать овчину. Скорняжнѣмъ мастерствомъ болѣе занимаются въ двухъ большихъ торговыхъ селахъ Дуниловѣи Горицахъ, и преимущественно выдѣлкою залчыхъ шкурокъ, коихъ въ годъ выдѣлывается до двухъ милліоновъ штукъ, и всё это количество вырабатывается безъ изключенія обывателями означенныхъ селъ; не смотря на неслишкомъ опрятной видъ мастерства, жиители одѣваются щеголевато и живутъ доспашочно. Не подалеку отъ села Васильевскаго есть деревня *Репино*: шкутъ крестьяне дѣлають разнаго рода повозки, шелеги, а для зимы сани, и снабжають почти весь Шуйской край. Около того же мѣста нѣкоторыя селенія занимаются слесарнымъ и столярнымъ мастерствомъ, работаютъ для фабричныхъ заведеній и для земледѣлія разнаго рода и вида инструменны. Въ числѣ всей этой промышленности должно упомянуть о бѣленіи суровыхъ мишкалей въ извѣстномъ селѣ *Ивановѣ*, принадлежащемъ Графу Шеремешеву. Бѣлка производится крестьянскими женщинами, и выбѣленный мишкаль употребляется на мѣлочныхъ ситцевыхъ фабрикахъ въ Ивановѣи въ другихъ мѣстахъ; промыселъ этотъ довольно прибыточенъ, потому что пошребленія бываетъ до двухъ сотъ тысячъ штукъ въ годъ. Говоря о мѣлочной торговлѣ и промышленности, производимой въ уездѣ, должно сказать и о дремъ—издѣліи, единственно принадлежащемъ Шульмамъ и извѣстной подъ именемъ Шуйской; это что-то въ родѣ парусины. Въ заключеніе всего нельзя не обратитъ вниманія и на рабочий классъ народа, работающаго на фабрикахъ. Первое мѣсто

изъ нихъ занимають набойщики, кошорыхъ очинившихся въ одномъ селѣ Ивановѣ слишкомъ 4 тысячи человекъ; какъ болѣе образованный классъ, они живутъ доспащочно, и семействъ ихъ имѣють избытокъ и довольство. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ нихъ издерживаются на щегольство и разгульную жизнь. Грубѣе изъ рабочихъ, но за то бережливые мышильщики, приходящіе изъ Владимірскаго и Суздальскаго уѣздовъ. Самые же неопытные и невѣжесшвенные изъ рабочихъ шакачи и шпильники на мишкалевыхъ фабрикахъ (*). —

Владиміръ Борисовъ.

3 Января 1842 г.

Шул.

ОБРАЗЪ СПАСИТЕЛЯ НА СТѢНѢ ЯРОСЛАВСКОЙ ГИМНАЗИИ.

Въ Ярославлѣ не лзя не замѣтить нѣсколькихъ усердно чинимыхъ образовъ на башняхъ, и спаринныхъ иконъ на ворохахъ домовъ. Передъ ними посплошно шепелятся лампы — дань усердія. Къ числу шакихъ образовъ принадлежить и Образъ Спасителя на стѣнѣ Гимназии, спомощій въ благолюбивой иконѣ, усурсеной прежнимъ Директоромъ Абашуровымъ.

Когда, кѣмъ писанъ Образъ Спасителя на стѣнѣ Гимназии, — того никто не знаетъ въ цѣломъ Ярославлѣ; знаютъ только, что онъ писанъ давно. О безвѣстномъ его началѣ и происхожденіи ходять разные шѣмныя преданія, слышны неясныя прошиворѣчивыя сказанія.

Набожныя спарушки рассказываютъ, какъ его хотѣли перенести въ церковь, а онъ не пошелъ, и дерзкихъ замыслителей наказалъ незапной смерщью, — и о томъ, какъ изъ щекъ его пошла кровь, когда хотѣли его вынуть при перестройкѣ зданія, и до сихъ поръ указываютъ кровавое пятнышко на лицѣ Спасителя. —

Многіе спарики и леперь еще помнятъ, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Гимназія, прежде, лѣтъ за сто съ небольшимъ, была богадѣльня, кошорую называли *красною*, општого, что она была не опшукатурена. Жаль, что никто

(*) Мы просимъ нашихъ дочешныхъ корреспондентовъ объяснять ишшныя слова, напр. мышильщикъ, въ обачки, и проч. *Ред.*

изъ памятливыхъ спаричковъ не могъ мнѣ сказать, когда, кѣмъ и на сколько человекъ была учреждена эта красная богадѣльня. Одно только сохранилось въ памяти города, что эта богадѣльня была раздѣлена на двѣ половины: *мужскую* и *женскую*. Мужская половина окнами выходила пуда, гдѣ шеперь воровіа Гимназическія и гдѣ образъ Спасителя, — а женская глаголемъ выходила къ шеперешнему рыбному ряду, и занимала почти половину шеперешней просторной улицы. Это мѣсто было срединное для цѣлаго города. Сюда шрудомилубивый мужичекъ везъ продавать избытки шрудовъ своихъ; здѣсь успалый бурлакъ находилъ *подкрпленье силъ* для дальнѣйшихъ шижкихъ шрудовъ своихъ; шущъ же распоронный купецъ въ скромныхъ лавкахъ или вѣрѣе въ полашкахъ шепргѣливо дожидаль охощливыхъ покушателей.

Говорить, убогіе, прирѣнные человеколубіемъ гражданъ, на спѣнахъ обвѣхъ половинъ богадѣльни, написали два образа: на женской половинѣ образъ Всѣхъ Скорбящей Божіей Машери, а на мужской образъ Спасителя. Передъ ними шеплялись лампы, какъ и шеперь, и были прибиты кружки для вклада доброхотныхъ дащелей. Съ шѣхъ поръ образъ Спасителя оспался на спѣнѣ Гимназіи. Давношть и темныя преданія о чудесахъ его, поселила въ Ярославцахъ особенное къ нему почитаніе. И шеперь съ утра до вечера вы увидише передъ нимъ молящихся; шеперь добрая спарушка, оппуская сына или внука въ городъ, спрого наказываетъ зайши помолитесь къ Спасителю; каждый близшоргующій купецъ заходишъ поушру помолитесь образу, прежде нежели опопрѣнъ свою лавку; никшо не пройдешъ мимо Гимназіи безъ шого, чпобъ не зайши и не помолитесь образу. И мы, живущіе подъ кровомъ Гимназіи, припадаемъ къ нему въ своихъ радосшяхъ и скорбахъ.

II. Доброхотовъ.

16 Дек. 1841. Ярославль.

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЛОБНОЕ МѢСТО ВЪ МОСКВѢ.

Одинъ изъ памятниковъ древняго быта Москвы, замѣчательныхъ не только по своему изяществу и огромности, сколько по религіозному и политическому значенію, есть Лобное мѣсто, которое называлось и *Краниевымъ* и *Царевымъ*. Это есть *взорное мѣсто*, т. е. открытое, всѣмъ видимое (*). Оно стоитъ въ Кипай *городъ* по преимуществу, прежде известномъ подъ именемъ *Срединнаго*, на перекресткѣ Красной площади, коимъ пересѣкаются четыре улицы: въ Кремль, къ Москворѣцкимъ, Ильинскимъ и Курашнымъ, или Воскресенскимъ воротамъ. Отъ Спасскихъ воротъ прямо къ нему вѣтъ бывшій Спасскій мостъ, а отъ другихъ, также соименныхъ имъ, мосты, которые напоминаютъ намъ коминціальные pontes, смежные съ оградой и прибуномъ (septim) въ древнемъ Римѣ, гдѣ между Капишоліей и Палапинскою горой просширался forum (**). Къ Лобному мѣсту чрезъ сіи мосты нѣкогда спекались по призыву жипеди изъ посадовъ, изъ Московскаго Загородья и Зарѣчья. Исторія юридическихъ Древностей открываетъ намъ, какое въ юридическомъ мѣрѣ у Иудеевъ, Грековъ, Римлянъ и Франковъ имѣли значеніе *городскія ворота, мосты, площади*, и подобныя Лобному мѣсту; послѣднія обыкновенно бывали круглыя, огороженныя или пыномъ, или рѣшеткою; здѣсь торжественно производился судъ и расправа. Если такое сходство не случайное: то весьма вѣроятно, что Фряжскіе зодчіе, спрившіе Кремль и Кипай, могли въ прешій Римѣ, какимъ тогда называли Москву, переносить и осуществлять общественныя идеи въ расположеніи самаго города и въ сооруженіи зданій общественныхъ.

Лобнымъ и *Краниевымъ* названъ холмъ, находящійся близъ западныхъ вратъ Иерусалима, гдѣ распятъ былъ Спаситель міра и гдѣ, по общему преданію всего Востока, погребенъ первый человекъ; объ немъ упоминаетъ Евангелистъ

(*) Прологъ 19-го Іюня, и Церковный Словарь Петра Алексѣева. ч. I. М. 1815, въ 8

(**) Reifen im Inneren von Rußland und Polen, von J. G. Kohl. I. Th. Dresden. 1841, in 12.

Матвей XXVII, 33, Марко XV, 22, Лука XXIII, 33 и Иоанн XIX, 17. Въ подражаніе сему и Спаскія воровы въ Москвѣ прежде именовались не только Флоровскими, но также *Иерусалимскими* (*) по имени близкой къ Лобному мѣсту церкви Входъ во Иерусалимъ. Опъ *лба*, по Еврейски *Golgotha*, голголасъ, чела, черепа, и мѣсто сіе названо *Лобнымъ*, *Налобнымъ*, *Кранивымъ*, а по объясненію Памвы Беринды, *Лысою горою* (**), опъ сходства холма въ Иерусалимѣ съ человѣческимъ черепомъ, или опъ лежавшихъ череповъ на семъ позорищѣ казни, или, какъ мы сказали, опъ головы Адамовой, шемъ погребенной (***). Опъ сего слова произошло и средне-Латинское *lobium*, *lobia*, значущее опкрыпный поршикъ, возвышенное мѣсто, амвонъ, кафедръ (****); чпю вполнѣ соотвѣстствуепъ и назначенію Московскаго Лобнаго мѣста, какъ увидимъ изъ историческихъ свидѣтельствъ. На планѣ Москвы, сочиненномъ въ царствованіе Михаила Феодоровича, приложено слѣдующее описаніе онаго (****): *„Налобное мѣсто, или возвышенный помостъ, выпка, конклавъ, построенный изъ кирпича; на немъ Патриархъ въ торжественные дни читаетъ нѣкопоры моливы; на немъ также объявляются указы.“* Оларій называетъ его *theatrum proclamationum*, а Майербергъ позорищемъ (*Sphaeriat*), сценою, на коей совершались торжественные обряды, обнародываемы бывали указы; оно служило трибуномъ, съ коего Царь, или его Сновники говорили народу. *„Подлѣ сего зданія, замѣчаетъ Оларій, лежали на землѣ двѣ огромныя пупки, обращенныя трупивъ большой улицы, кою обыкновенно Татары дѣлывали свои нападенія (*****).“* Изъ сего опкрывается несправедливость объясненія въ Академическомъ Словарѣ, согласнаго

(*) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. ч. I. СПб. 1831, въ 2.

(**) Лексиконъ Славено-Россійскій *Памвы Беринды*, въ Кушенинскомъ монастырѣ, 1853, въ 4.

(***) Dictionnaire histor. crit. chronol. geogr. et litt. de la Bible, par A. Calmet, t. II. à Toulouse, 1783, in 8.

(****) Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis, t. IV, Halae, 1773, in 8.

(*****) *Nalobne meest, conclave seu coenaculum e latere extractum, in quo Patriarcha diebus supplicationum nonnullos canit cantus, etiam servit publicis promulgationibus.*

(*****) *Meyerberg Iter in Moscoviam.*

«впрочемъ съ народнымъ мѣніемъ, будшо на Лобномъ мѣстѣ казнены были смертію преслупники (*).»

Въ опечесшвенной Исторіи первый разъ говорится о Лобномъ мѣстѣ, тогда какъ Царь Иванъ Васильевичъ, 1549 г., послѣ ужаснаго пожара и бунта въ Москвѣ, опслушавъ на немъ молебень, въ присушствіи Всероссійскаго Мишрополиша, говорилъ собравшемуся народу о причинахъ бѣдшвей въ Государствѣ, и шоржесшвенно обѣщаль охранять народъ отъ припѣсненій и грабительства, бышь его судіею и защитникомъ (**). Епощъ фактъ уже свидѣтельствуетъ намъ о существованіи и назначеніи сего мѣста, названнаго *Царевымъ*. Лѣтописи наши молчатъ о томъ, гдѣ именно; въ Москвѣ собиралось вѣче, среди безначалія, при нашесшвіи Тохшамыша и Улу-Ахмета; когда Донскій и Свѣшпшель оспавили Сполицу и когда Василій Темный взялъ бышь въ плѣнь (**); но вѣроятно оно было въ большомъ Посадѣ, ныгѣшнемъ Кипаѣ, предъ главными воропами Кремника. Не извѣшно также, было ли оно тогда деревяннымъ помоспомъ со степенями, какъ Вѣче въ Новгородѣ и Псковѣ, или соспоило изъ большихъ камней, какіе донытъ сущесшвуютъ въ Англіи, Ирландіи, Веспшліи, Брауншвейгѣ, Мекленбургѣ, гдѣ Славяне оспавили слѣды своего быша и бышя. Весьма вѣроятно, что изъ кирпича поспроено оно въ одно время съ башнями и воропами Кипаи Италіанскими водчими.

Въ юридическихъ акшахъ XVII вѣка упоминается, что оно было «кирпичное съ деревянною рѣшеткой, кошорал зашпралась желѣзнымъ засовомъ (****), пошомъ имѣло навѣсь, или шаперъ на сполбахъ. Впослѣдшвіи оно обвешшало; въ 1786 г., по прежнему плану, поспроено изъ дикаго песанаго камня и въ шакомъ видѣ дошло до нашихъ временъ: оно соспоишь изъ круглаго возвышеннаго помоспа съ каменными перилами; на верхнюю его площадку съ малымъ амвономъ отъ Запада ве-

(*) *A. Oleari* colligite und viel vermehrte Reise-Beschreibungen nach Moskau und Persien. Hamburg. 1696. f.

(**) Словарь російской Академіи, ч. III. СПб. 1792, въ 4.

(***) *Карамз.* II. Г. Рос. VIII.

(****) Тамъ же V, пр. 81.

(*****) Акты юридическіе, ч. I. No 224. СПб. 1811.

душъ спупени каменной лѣспницы. Въ прошломъ сполѣшиа оно обспавлено было мѣлочными лавочками и къ нему примыкало кружало, погда называвшееся *подъ Пушкою*. Московское купечество предспавляло - было городскому начальспву проекшъ: сдѣлашъ надъ Лобнымъ мѣспомъ куполь и поспавишъ ламъ огромный рѣзанный Креспшъ съ изображеніемъ спраспей Хрїсповыхъ и самага Іерусалима, нынѣ находящійся въ Московскомъ Срѣшенскомъ мопастырѣ; но ашопшъ проекшъ не не сосполяся (*).

Ошъ внѣшности сего памяшника перейдемъ къ его религиозному и полишическому значенію, какое онъ имѣлъ въ прежнемъ бышѣ Московскаго Государспва. Донныѣ еще мѣспо сіе освящашся молебнымъ пѣніемъ; во время креспныхъ хожденій, черезъ Спаскіа воропы, Архіерѣй восходишъ на него и, по прочшеніи Евангеліа, освѣяешъ народъ и городъ живошворящымъ Креспомъ. Топчасъ по освобожденіи Москвы ошъ Поляко-Липовцевъ, воеводы Князь Пожарскій и Трубецкій пошли изъ Бѣлаго города съ хоругвами, креспами и св. иконами въ Кипай на Лобное мѣспо, гдѣ ихъ вспрѣчали осадные сидѣльцы, изъ Кремля Архіепіскопъ Галасунскій Арсеній съ св. клиромъ и чудопворною иконою Владимірской Богомашери; освобожденные съ освободипелами на ешомъ мѣспѣ совершивъ благодарспвенное молебспвіе со слезами, вспушпили въ свободный Кремль (**). Здѣсь Паптріархъ Никонъ, вспрѣшивъ 1654 года принесенный изъ Царьграда образъ Влахернскіа Богомашери вмѣспѣ съ главою С. Григоріа Богослова, осѣнялъ ими Богоспасаемый градъ (***) . Всероссійскіе Митрополішы и Паптріархи въ день своего облеченія свяшшительскимъ саномъ, съ Лобнаго мѣспна преподавали благословеніе паспвѣ своей (****). Здѣсь Никонъ Паптріархъ напушспивовалъ благословеніемъ Царя Алексіа Михайловича, ополчившагося въ походъ для возвращенія ошъ Польши древнихъ Русскихъ городовъ: Вязмы, Дорогобужа и Смоленска; здѣсь Паптріархъ Іоакимъ благословлялъ

(*) Станшшстическое описаніе Москвы, соч. М. Гастева. ч. I. М., 1811, въ 8.

(**) Сказаніе А. Палицына объ осадѣ Троицы Сергіева мопастыря, рукоп. скороп. конца XVII в. въ 4.

(***) Древняя Росс. Вавілоенка, изд. 2 ш. XI.

(****) Полное собраніе Законовъ Росс. Имперіи. ч. I.

Русское ополченіе, собранное на защиту Кіева и Литовской Украйны отъ Турокъ, и возложилъ на военачальниковъ Князей Черкаскаго и Долгорукова живошворящій Крестъ и икону Преподобнаго Сергія.

Но изъ всѣхъ церковныхъ обрядовъ, какіе совершались на Московской Голгоѣ, самый шоржеспвенный и великолѣпный былъ шеспвіе Паптріарха на осляши въ цѣшносную ведью (*). Тогда все прошяженіе отъ Успенскаго собора до Лобнаго мѣша на 234 сажени ушлиали сно ошпроковъ краснымъ сукномъ; по обѣ спороны Спасакаго мосша разспавлены были шеспъ вербъ съ листьями и шумихою; у Лобнаго же мѣша пригошвллялись два снола, покрытые краснымъ сукномъ, а на нихъ двѣ писаныя кадочки съ ручною вербою, около нихъ 14 возовъ вѣшвей для Спрѣльцовъ и народа. Нарядную вербу, украшенную всякими цѣшпами, овощами, искусшвенными шшницами и мѣдною шумихою, везли къ шшому мѣшпу Царскіе кони на саняхъ, покрытыхъ алымъ сукномъ и полосами. Ее сопровождало Духовенштво съ св. иконами, крестами, хоругвями и свѣчами, при колокольномъ звонѣ. Когда крестный ходъ, въ сопушшвіи Царя и бояръ, достигалъ Лобнаго мѣша: шогда шамъ Паптріархъ подносилъ Государю ваю и вербу. По прочшеніи Евангелія, приводили осла къ спупенямъ мѣша; Свяшштель, благословивъ Царя живошворящимъ Крестомъ, сходилъ съ амвона и садился на осла съ крестомъ въ одной рукѣ и съ ходовымъ Евангелиемъ въ другой. Царь, взявъ поводъ, вель осла до самаго Успенскаго собора. Между шѣмъ нарядная верба вѣхала предъ ними и оспанавливалась на мосшу прошивъ дверей Грановитой Палаты. Тогда Спрѣльцы бросались на вербныя сани и обдирали съ нихъ сукно, и разшвалывали съ вербы листья, цѣшпы и овощи (**). Тѣмъ обыкновенно и оканчивалось сіе шоржеспвенное дѣйство, продолжавшесся до конца XVII вѣка, ш. е. когда прекратилось Паптріаршесштво, когда уничтожено было совершеніе шшого обряда и наконецъ самое существованіе Спрѣлецкаго войска: слѣды же шшого шоржеспва

(*) Древняя Росс. Вивліюшка, изд. 2, ч. XI.

(**) Книга расходная по Паптріаршему Приказу, 7153 г. Книга расходная И. И. 7182, № 670.

оснались въ воспоминаніи на гуляньѣ по Лобной площади въ Вербную субботу.

Когда Москву покрывалъ еще свѣжій пепелъ и когда еще не остыли слѣды враговъ ея въ 1812 году, оспавившихъ послѣ себя разрушеніе древности и оскверненіе святыни Московской: тогда Преосв. Августинъ, совершивъ на Лобномъ мѣстѣ молебенъ съ водосвятиемъ, крестообразно окропивъ градъ на всѣ чепыре спороны, произнесъ слѣдующія слова: »Вседѣйствующая благодать Божія кропленіемъ воды всея освящаетъ древній благочестивый градъ сей, богоненавистнымъ въ немъ пребываніемъ врага нечестиваго, врага »Бога и человековъ оскверненный, во имя Отца и Сына и Св. Духа (*). Когда убійственная холера 1830 г. распространила къ Москвѣ смерть и ужасъ: тогда, на память Преподобнаго Сергія, 25-го Сентября, Митрополитъ Филаретъ въ крестномъ хожденіи съ Лобнаго мѣста преподавъ унылому и устрашенному народу утѣшеніе и подкрѣпленіе Св. Вѣры, которое водворило въ сердцахъ спокойствіе и опраду.

Это мѣсто было также позорищемъ прѣній о догматахъ и обрядахъ Церкви въ 1682 году, когда раскольники, подъ предводительствомъ Никиты Пустосвята, требовали Собора на Лобномъ мѣстѣ въ присутствіи Царицы Наталіи Кирилловны, Царей и Патриарха; послѣ тщательныхъ состязаній съ Патриархомъ Іоакимомъ и Царевною Софіею въ Грановицкой Палатѣ, самовольно вошли на эмпоръ городской амвоны съ своими иконами, книгами и свѣчами, и шамъ порожественно чинали народу защищеніе своего вѣрованія и опроверженіе нововведеній Никоновыхъ въ Православную Церковь.

Какъ религія издревле соспавляла шѣсный союзъ съ государственнымъ жизнію: по и мѣсто сіе, ознаменованное не только религіозными обрядами, но и правительственными дѣйствіями, соединяло въ себѣ религіозное значеніе съ политическимъ. Оно служило какъ бы вѣчевымъ помощомъ, государственнымъ амвономъ, Царскимъ прибуномъ. Здѣсь нѣкогда чины государственные порожественно провозглашали Царя сиротѣвшему Царству. Въ бурные дни Московскаго Государства, посланные отъ Гришки Опретѣва здѣсь прочли народу письма, исполненные лести и коварства;

(*) Очерки жизни Московскаго Архіепископа Августина, соч. И. Снегирева, М. 1841, въ 8.

ослепленная чернь имъ повѣрила и, провозгласивъ Царемъ Лжедимишрія, какъ истиннаго сына Іоанна IV, цѣловали ему крестъ въ вѣрности, забывъ свою присягу Годунову. Когдажъ обманъ обличился, заблужденіе открылось: тогда изпязуемый и изуевченный Димишрій просилъ у судей своихъ, какъ милости, нести его на Лобное мѣсто. »Тамъ, говорилъ онъ: я объявлю истину всѣмъ людямъ. Но яроспная чернь повлекла къ городской голгоѣ уже бездушный и обезображенный пруръ Опрельева съ любимцемъ его Басмановымъ, и шамъ положила его на споль съ маскою, вольничкою и дудкою. Смященное государство ошалось безъ души — безъ Царя. »Нельзя бытъ Руской землѣ — повсюрь гласъ народной — ни на малое время безъ Государя. Не собравъ чиновъ Государственныхъ изъ всѣхъ областей Россійскихъ, народъ поспѣшилъ избрать Царемъ Василя Шуйскаго, и при звукѣ литавръ, трубъ и колоколовъ, Боларе и знатнѣйшіе Дворяне и духовные повели Василя изъ Кремля на Лобное мѣсто, гдѣ недавно, по волѣ Лжедимишрія, лежала на плахѣ голова его, и гдѣ еще тогда валялось искаженное тѣло Самозванца. Тамъ нареченъ былъ Царемъ и вскорѣ попомъ объявленъ лишеннымъ царства Шуйскій, которому судьба обрекла временную могилу на распутьи (krzyżowa droga) подъ Варшавою (*). Но печальныя сіи воспоминанія смѣняюща угнѣзительными для опечеснѣва, коиъ свидѣтелемъ было Лобное мѣсто, когда на немъ провозглашено былъ Царемъ Михаилъ Романовъ. Послѣ сощаній освященнаго собора и Царскаго свнклипа на Кремлевскомъ Троицкомъ подворьѣ, они послали на Лобное мѣсто Рязанскаго Архіепіскопа Теодорипа и Болрина Василя Морозова возвѣстивъ народу о избраніи въ Цари Благовѣрнаго и Великаго Государя Михаила Теодоровича. При этомъ известіи народъ единогласно воскликнулъ: »да будетъ Царь и Государь Московскому государству и всей Московской державѣ (**).« На картинѣ избранія Царя Лобное мѣсто изо-

(*) Карамз. И. Г. Р. т. X и XI. На крестцахъ въ Польнѣ и Литавѣ обыкновенно хоронятъ душегубцевъ и самоубійцъ.

(**) Книга о избраніи на прывысочайшій престолъ Великаго Россійскаго Царства Великаго Государя Царя и Великаго Кнзя Михаила Теодоровича всея Великія Россіи, 1813 г. въ листѣ, № 10. Въ главномъ Архивѣ Им. Им. Дѣлъ,

бражено такимъ точно, какъ оно нынѣ есть: на немъ видѣнъ Архіепископъ со свшномъ въ рукахъ, и два монаха; бояре безъ шапокъ. Со всѣхъ сторонъ оно окружено шолпами народа. На немъ написано: *Болринъ, Архіепископъ, Лобное мѣсто.*

Приведенный выше примѣръ рѣчи Царя Іоанна Васильевича къ народу, служилъ вѣроятнымъ свидѣтельствомъ о существовавшемъ издавна обычаѣ говорить Царю къ народу на Лобномъ мѣстѣ въ чрезвычайныхъ случаяхъ Государства. Въ эпоху казней 1570 г., Іоаннъ IV, собравъ на Красную площадь разбѣжавшійся отъ страха народъ, громогласно спросилъ его: «Народъ! увидишь муки и гибель; но караю измѣнниковъ. Оспившувъише: правъ-ли судъ мой? — Народъ воскликнулъ: «Да живешь многія лѣта Государь великій! Да погибнуть измѣнники!» (*)»

Висѣвшій на спѣнной башенкѣ близъ Спаскихъ воротъ всполошный колоколь сзывалъ жителей Москвы для выслушанія Государя, съ этого мѣста и Царь Алексѣй Михайловичъ, во время народнаго возстанія на ближнихъ Бояръ успокаивалъ крамольныхъ словомъ своимъ. По возвращеніи своемъ изъ Польскаго похода, 1655 г., онъ имѣлъ торжественное шествіе на Лобное мѣсто, куда предшествовали ему Духовенство въ крестномъ хожденіи, и многіе опроки, держа въ рукахъ лиспы, пѣли хвалебныя пѣсни (**).

До XVIII вѣка около сего мѣста издревле бывали два замѣчательныя сходбища: одно называлось *Крестцомъ*, на который собирались безмѣстные крестцовые попы, а другое — городская споянка, на кошорую спекались по праздничнымъ днямъ послѣ обѣдни Московскіе жители судишь и радишь о разныхъ дѣлахъ, семейныхъ и государственныхъ; плуда нерѣдко, какъ гласитъ преданіе, высылалъ и Царь своего боярина выслушивать общественное мнѣніе, *гласъ народа*, кошорый *Руская* пословица называетъ *гласомъ Божиимъ*.

Ешо мѣсто замѣняло и трибуналъ; ибо съ него объявлялись во всеуслышаніе народу Царскіе указы и смерсныя приговоры преступникамъ, кошорыхъ казнили на Красный площади, называвшейся въ началѣ XVII вѣка *торгомъ*, *пожаромъ*, а отъ Лобнаго мѣста *лобнымъ рынкомъ* (***). При Іо-

(*) *Карамз.* II. Г. Р. IX, 159.

(**) *Собраніе государств. грамотъ*, ч. III, 510

(***) Подлинныя свидѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши, преимущественно во время Самозванцевъ, изд. П. Муханова. М. 1814, в. 8.

аниѣ IV площадь была пѣзорищемъ ужасныхъ казней (*). Изъ заспѣнковъ преспуниакъ приводимъ быть къ Лобному мѣспу, съ кошораго былъ прочипываемъ ему приговоръ: по-молась Спасову образу на Спасскихъ, прежде Флоровскихъ ворошахъ, онъ кланялся на всѣ чепыре спороны и просилъ прощенія у всѣхъ, попомъ шель прямо на казнь. Тамъ сподли висѣльницы и сполбы, шамъ жгли въ срубакъ ерешиковъ и колдуновъ, зарывали живыхъ въ землю женъ мужеубійць, шамъ сажали на коль, колесовали, чепверповали (**) и ш. п. При Пешрѣ I здѣсь предспавлялось ужасное позорище Спрълецкихъ казней: Лобное мѣспо обспавлено было головами, вошкнушыми на желѣзные пычины, на Красной площади лежали плахи съ шопорами, а зубцы Кремлевскихъ спѣнь опъ Спасскихъ ворошъ до Никольскихъ и до Свибловской башни унизаны были Спрълецкими черепами. До 1727 г. Юня 10 на эпомъ Лобномъ рынкѣ еще сподли сполбы и висѣльцы, кои Пешрѣ II велѣлъ спашь; съ пѣхъ поръ Красная площадь не обагралась кровію преспуниковъ, и Лобное мѣспо шеперь оглашается уже не смершными приговорами, не предспершными криками и спенаніями казнимыхъ, но молебными пѣснопѣніями священнослужипелей; вокругъ его опкрышо свободное и мирное приволье шорговль и промышленности; въ Лазарево Воскресенье его окружають узорочными вербы, кои досель покупаються жипелами Москвы, собирающимися въ эпопъ день сюда на гулянье, а въ послѣдніе дни Спрасшной недѣли разспавляються сполы съ кулчами, пасхами, крашенными и расписными лицами; гѣпомъ по площади разкидывается подвижный садъ съ разными деревьями, куспарниками и цвѣшами. И шакъ, Лобное мѣспо, запечашлѣнное шоржеспенными собышіями, шеперь навсегда ушрпшло свое полишпическое назпаченіе, данное ему прешнимъ бышомъ Москвы, но сохранило релігіозное, какъ мѣспо священное, съ коего преподается Пасшырями Церкви миръ и благословеніе Богоспасому граду.

И. Снегиревъ.

(*) Но шакъ же Красная площадь была въ самомъ Кремлѣ, гдѣ, какъ увидимъ изъ указа 1665 года, совершалась казни преспуниковъ. Вѣро-пашно до шого, ша и другая была позорищемъ казней.

(**) Карамз. II. 2 р. LX, 158.

Г. МАРРАСЪ ВЪ МОСКВѢ. Въ Москву прїѣхалъ извѣстный Италіянскій теноръ, Г. Маррасъ. Парижъ, Лондонъ, Вѣна, Италія его слышали и ему рукоплескали. Послѣ славнаго Рубини, многіе досшойные цѣнили почитающъ его въпорыгъ. Такія наслажденія рѣдки въ нашей Сполицѣ — и попому мы особенно приглашаемъ къ нимъ любителей музыки. Въ первый разъ мы слышали его здѣсь на прекрасномъ вечерѣ, въ шой очаровательной комнагѣ, копорая оригинальнымъ изящесвомъ заспавила пакъ много говоришь и пакъ горячо споришь о себѣ, въ шой госпниной-кабинетѣ, гдѣ умъ, любезносшь, радушіе и просвѣщеніе спараюгся соединишь всѣ благородны наслажденія общеспвенной жизни. Не льзя было лучше явишься Г-ну Маррасу. Тушь все было гошово для шого, чшобы оцѣнишь его пааланишь и наградишь самымъ досшойнымъ вниманіемъ всѣ опшѣнки его цѣнїа. Въ суббоншу, Г. Маррасъ давалъ первый публичны концертъ въ залѣ Г-на Губерискаго Предводителя. Въ чешвергъ послѣдовалъ вшорой. Голосъ, мепода, выборъ піесъ — здѣсь все было соединено съ пѣмъ, чшобы очаровалъ слушащелей и перенесши ихъ въ Италію. — Если вы хопише имѣшь поняшїе о самой лучшей меподѣ Италіянскаго пѣнїа, о шомъ совершенствѣ и чисшонѣ опдѣлки, до какой оно доведено шеперь въ современной Европѣ, поѣзжайте слушашь Марраса. Богъ знаетъ, прїѣдешь ли къ намъ когда нибудь Рубини, глава всѣхъ теноровъ міра, но способъ его пѣнїа вы поймете, если услышише нашего шеперашаго госпнїа. Главная черша въ голосѣ и спилѣ Г. Марраса естъ чудная грація, доведенная до самыхъ ушонченныхъ подробносшей. Его голосъ скользишь по самымъ нѣжнымъ и шонкимъ спрунамъ нашего слуха — и увлекаелъ душу вашу въ міръ всего шого чшб носишь на себѣ печашъ нѣжной прелесши. Его звукъ родня рѣзцу Кановы, копорый доводитъ до послѣдней шонкосши самое мелкое украшеніе своего мрамора.

Мы будемъ очень сожалѣшь, если Г. Маррасъ не подаришь насъ еще нѣсколькими концертами. Да не оскорбишь Италіянскій госпъ нашъ пѣмъ, чшю на послѣднемъ вечерѣ онъ не вшпрѣшилъ пакихъ жаркихъ и неуможающихъ рукоплесканїй, къ какимъ привыкъ онъ на своей горячей роднѣ. Въ залѣ господспвовали дамы, копорыя предоспаваляюшь себѣ повсюду право безмолвно наслаждашься, не аппладируя. Кромѣ шого кругу посѣщителей сосподлѣ изъ лицъ шого об-

щеслива, которое лѣниво на рукоплесканія и не охотно выражаетъ движенія души, скованнаго какъ-то холодомъ свѣтскаго приличія. Мы въ этой скромности изъясненій наружныхъ сходимся нѣсколько съ Англичанами, съ шюю только разницею, что внутренно мы сильнѣе ихъ чувствуемъ и слухъ нашъ болѣе расщворенъ къ Испаліанскимъ звукамъ. Можешь быть, и тамъ и здѣсь причиной холода. Намъ трудно разжимать руки какъ Англичанамъ зубы. Г. Маррасъ можешь быть увѣренъ, что былъ въ числѣ его пощипшителей достойные цѣнители его паланша, воздѣланнаго со всею роскошью искусства и вкуса современнаго. Г-жа Маррасъ имѣеть также пріятный и привлекашелейный голосъ, и методу прекрасную. Съ особеннымъ удовольствіемъ слушали мы на послѣднемъ концертѣ извѣстнаго нашего пѣвца-дилеттанша: въ его благородномъ содѣйствіи успѣху концерта видѣли мы прекрасный поступокъ, достойный нашего соотечественника, который такъ великодушно употребляетъ Божій даръ искусства и публично подаетъ руку славному артисту въ знакъ того, какъ у насъ въ Россіи просвѣщенные умѣють цѣнить всемірное дарованіе.

МАСКЕРАДЫ.

„Что новаго покажетъ намъ Москва?“

Москвичи шумно и весело встрѣтили новорожденный 1842 годъ: одни въ Купеческомъ Собраніи, другіе въ Нѣмецкомъ Клубѣ, а проводили въ Росс. Благородномъ Собраніи. Въ этихъ балахъ и маскарадахъ число пощипшителей далеко превышало за тысячу; а въ Клубѣ до 9 тысячъ... Въ одномъ домѣ девять тысячъ — это населеніе цѣлаго города! ... Во всѣхъ Свѣточныхъ и другихъ маскарадахъ число оригинальныхъ костюмовъ было чрезвычайно мало: одни лишь домино и домино, разныхъ матерій, цѣшповъ, фасоновъ и опдѣлки. Хороши черныя апласныя домино, обшитыя золотомъ и серебряною бишью и съ такими же кисшями, но бѣлыя апласныя еще эффектнѣе: шакшъ домино въ особенноти показалось много на маскарадѣ 11-го Января, данномъ въ пользу вновь учреждаемаго заведенія Дѣтской Больницы. На первый призывъ и объявленіе объ этомъ, Москвичи опкликнулись гошпосншю принявъ участіе въ добромъ дѣлѣ, и пощипшители разобратъ билетш.... Собранная на этошъ предметъ сумма про-

спиралась до 25,000 руб., и сверхъ того 25,000 руб., какъ мы слышали, пожертвовалъ Г. Воронинъ.... Не одна мысль: бытьъ участникомъ въ благошвореніи, но и самая пріятность маскарада, сполнъ прекрасно обставленнаго внѣшними предметами разнообразія — великолѣпнымъ освѣщеніемъ и убранствомъ деревьями и цѣвшами всѣхъ залъ Благороднаго Собранія и Нѣмецкаго Клуба, лучшими оркестрами музыки и хорами Цыганъ — завлекли въ Собраніе многихъ посѣщителей всѣхъ сословій и сословій повеселились, и они не ошиблись въ своемъ ожиданіи. Извѣстно, что каждое изъ прехъ — Благородное, Купеческое и Нѣмецкое — Собраніе имѣетъ своихъ посѣщителей, и доспуть быть въ нихъ на балахъ сопряженъ иногда съ нѣкоторыми ограниченіями и затрудненіями, по Уставу и правиламъ Собранія, — напригѣръ полученіе билета на балъ не иначе какъ черезъ Члена, а быть въ Благородномъ Собраніи могутъ только Дворяне; на маскарадѣ же 11-го Января билеты для дамъ и мужчинъ выдавались безъ всякаго затрудненія для всѣхъ сословій, и пошому эпошъ маскарадъ былъ чрезвычайно *пестрый* или разнообразный, какъ и должны быть маскарады. Казалось бы при такой свободѣ, многочисленности и разнохарактерности посѣщителей неизбежны беспорядки, — но прекрасныя основанія и придуманныя къ удобству и помѣщенію распоряженія сдѣлали эпошъ маскарада однимъ изъ самыхъ пріятныхъ и веселыхъ....

Т Е А Т Р Ы.

Les trois lionnes, vaudev. en 2 actes, de Bayard. La Vendetta, ou Feraldo le Corse, drame en 2 actes, par Pelan d'Angers. La soeur de Jocrisse, vaud en 1 acte, de Duvert. — Бенефисъ Вальшера, 18-го Января. — *Кумъ Иванъ*, Русская была въ 1 мѣ дѣйствіи, соч. Ег. Ал. *Жизнь за жизнь*, драма въ 4хъ дѣйствіяхъ, соч. Беклемишева. *Чудаки покойникъ*, комедія-вод. въ 1 дѣйствіи, перев. съ Франц. *Дивертисементъ*. — Бенефисъ Мочалова. 23 Января. *Новый Отелло*, ком. въ 1 дѣйств., Я. Фейгина. *Вотъ такъ пилюли! что въ ротъ, то спасибо!* волшебная опера-водевиль въ шрехъ дѣйствіяхъ и 12 картинкахъ, передѣланная съ Французскаго, Дм. Ленскимъ. — Бенефисъ машиниста Пинд, 30 Января.

Мы были въ правѣ ожидать ошъ Вальшера, занимающаго амплуа первыхъ ролей въ здѣшней Французской труппѣ

тъ , что онъ будетъ умѣть выбрать для своего бенефиса чтонибудь дѣльное, но къ сожалѣнію очень ошиблись. — Спектакль шпнулся до перваго часа, и вся образованная Публика скучала, въ ожиданіи вождѣннаго конца. — Упомянувъ о содержаніи всѣхъ вшихъ ничтожныхъ произведеній Французской драматической промышленности, почищаемъ излишнимъ, гдѣмъ болѣе, что содержанія въ нихъ никакого нѣтъ; это только наборъ общихъ мѣствъ, безъ всякой мысли, безъ всякой связи, безъ всякаго даже оприщательнаго достоинства. — *Въ трехъ львицахъ*, пошлой, вздорной смѣсы сценъ и куплетовъ, не было ничего львинаго, кромѣ громадной шаржированности мадамъ Жюрандонъ; впрочемъ эти львицы право женщины довольно чопорныя и не соопѣвшисшвующъ шому пониманію, которое мы соспавляли себѣ о Парижскихъ львицахъ. — Тутъ еще, безъ всякой надобности, выведенъ и какой-то Русскій Князь де Варденъ, спрашннй волокиша, который болѣе похожъ на вершляваго Француза, чѣмъ на Русскаго барича. — Беркуръ по обыкновенію своему жеманился, шаркалъ и рисовался. Прочія роли шакъ безцѣпны, что объ игрѣ занимавшихъ ихъ артистовъ даже сказать нечего. — Одна умная, опщешливая игра мадамъ Шамбери зашавила нѣсколько забыть скуку, наводимую этой недѣпосшью. Мы надѣялись, покрайней мѣрѣ, что *Вендетта* вознаградишъ насъ за долгомерпѣніе, и мы унесемъ изъ театра хоть нѣсколько опрадныхъ впечатлѣній. И шунтъ вышло напрощивъ. Эта драма, жалкое произведеніе какого-то безпалагнаго Драматурга, естъ спрашная смѣсь чопорнаго классицизма съ неисповымъ романтизмомъ. — Разглагольствованію нѣтъ конца; всѣ выходятъ изъ себя, кричатъ, бѣснующся и никакъ ни съ мѣста, хотя шолжуютъ бншихъ два часа, довольно гладкими спихами. — За то убійствамъ нѣтъ счета, и къ концу піесы ни одно, изъ дѣйствовавшихъ лицъ не опщашся въ живыхъ; только мы посовѣповали бы Авшору лучше съ этого самаго и начать свою Драму: тогда бы онъ избавилъ насъ опъ несстерпимой шоски выслушивать всю эту болшовню. Даже основная мысль ея спарая, изношенная и всѣмъ уже наскучившая.

Мы полагаали, что это одно изъ шѣхъ пошлыхъ произведеній, которыми наводняющъ Парижскіе театры и которые вспрѣчающъ и провожающъ свиспками, какъ вдругъ услышали, что вызываютъ Авшора; за что онъ былъ вы-

знать, мы не понимаемъ, а кто вызвалъ его, легко догадаешься: — поддерживашь своего земляка на чужой споронѣ, дѣло похвальное, шолько въ искусствѣ оно не должно имѣть мѣста, и въ оправданіе себя скажемъ, что наша Русская Публика этому вызову была вовсе непричастна. Вальшеръ (Монпальди) сдѣлалъ изъ неесшественной, уродливой роли своей все, что было возможно; одушевишься ею онъ не могъ, и пошому былъ, кажешся, шакже не въ своей шарелкѣ. Бросса (Феральдо) былъ прости невыносимъ. Онъ безпреспанно кривлялся и ломался, сжималъ кулаки, какъ будшо вызывая всю Публику на драку, чиналъ спихи какимъ-шо дикимъ голосомъ, взвизгивалъ, вскрикивалъ, однимъ словомъ вмѣсто ужаса наводилъ шолько смѣхъ. А между штѣмъ рукоплесканіямъ не было конца, и его два раза вызвали. Какъ это объяснишь? Андрѣ (Родольфо), не душно играющій небольшой драматическія роли, былъ ниже посредственности; неприятный, однообразный его голосъ еще болѣе разшпеленъ въ чпеніи спиховъ и похожъ на какое-шо безпрерывное воркованіе. Мадамъ Шамбери (Тереза) была хороша, сколько позволяла ей роль безпрѣзная и не согрѣшая испиннымъ чувшвомъ. Надобно ошдаться справедливостъ шонкой, умной и благородной игрѣ эпои аршисшии. Въ комедіи и водевилѣ, она прекрасна. Объ мамзель Жеранвилъ (Франческа) нечего и сказать: да и роль ея была пущая. — Она довольно мила въ водевилѣ, но не замѣнишь намъ Дюпаркъ. Пешаръ (Амброзіо) разшпшилъ всѣхъ своимъ костюмомъ и могильною наружностъ; на это бы режиссеру необходимо обращать вниманіе: часшо бездѣлки нарушають сценическое очарованіе и развлекають вниманіе зришеля. Такъ на прим. бешъ полночь, а на сценѣ шакъ свѣцло, какъ днемъ, и проч. и проч., всего не изчислишь. — Водевилъ Сеспра Жокрисса довольно забавенъ, и хощъ нѣсколько разшпшилъ Публику, шарявшую уже шертвнѣ. Вальней былъ очень хорошъ въ роль Жокрисса: непришуденна, простидушная игра его обѣщашъ въ немъ хорошаго комика. Весь водевилъ вершѣлся на немъ однимъ, прочія лица были шолько аксессуарны. — Мамзель Пернѣ мы совѣшумъ упражняшся на форшепіано въ своей комнашѣ, а не передъ Публикой. Еще разъ пожалѣмъ, что Вальшеръ, на выборъ котораго можно бы кажешся положишся, составилъ свой бенефисъ изъ шакихъ ничшожныхъ цѣсь.

Перейдемъ теперь къ бенефису Мочалова, занимающаго также первыя роли, въ Русской драматической труппѣ. Съ удовольствіемъ прочли мы, что, предсавлены будутъ двѣ новыя оригинальныя пьесы. Мы полагали, что зрители спектакль порадуютъ насъ чѣмъ нибудь порядочнымъ; много мы не можемъ требовать отъ современной нашей драмы, но все были вправѣ ожидать, что Мочаловъ выберетъ что нибудь, выходящее изъ-подъ уровня жалкой ничтожности, и были увѣрены, что въ прошивномъ случаѣ, онъ поступитъ какъ художникъ, уважающій свое искусство, и скорѣе возобновитъ что нибудь хорошее изъ прежняго своего репертуара, чѣмъ рѣшится дать пьесы, хотя новыя, но ничтожныя. Вышло напрошивъ.

Спектакль начался Русскою былью: *Кумъ Иванъ*, Царь Иванъ Васильевичъ заблудился на охотѣ, забрелъ въ какую-то деревню, гдѣ скрывая свое званіе, общался крестникомъ у крестьянина, Пепровича, и хотѣлъ сосватать Дуню, дочь пещи Пепровича, за Алексѣя, сына Анкудинича, сельскаго шароспы, да цлуиъ шароспа и слушать не хотѣлъ, а когда открылось, что прохожій самъ Царь, то всѣ повалялись ему въ ноги, и дѣло все сладилось. Совершивъ эти подвиги въ печеніе двухъ актовъ, Царь благополучно отправился домой, и быль кончилась. — Много говорить объ ней не сподобитъ того; замѣтимъ только, что выводъ на сцену такой характеръ хопъ и не подъ собственнымъ именемъ, надобно бы соразмѣрять свои силы и не дѣлать карриатуры. Пьеса была сыграна совершенно сообразно своему зрительному достоинству.

Теперь изъ Русскаго шариннаго быша мы переходимъ въ міръ феенебельный. Сордель (имя вымышленное) былъ морякъ, плавалъ и рубился съ непріятелемъ, а что дѣлался у него дома, того не зналъ. Наконецъ онъ возвратился во свояси, нашелъ жену при смерти, и узналъ, что она ему измѣнила, а что былъ обольщенъ, того не могъ открыть; единственнѣмъ средствомъ къ тому осмался поршреть мужчины, найденный имъ въ рукѣ у умирающей жены. Сордель поклялся жестоко опмстить за честь свою, и отправился

по бѣдному свѣту искашь обольстителея своей жены. Наконецъ нашелъ его въ д'Епернозѣ, который уже былъ женатъ и обманывалъ свою жену. Оскорбленный мужъ назвался Сорделемъ, вкрался въ дружбу къ д'Епернозу и началъ голповить свое мщеніе, а между тѣмъ брату своему Леопольду запрешилъ показывать видъ, что будио знакомъ съ нимъ. Эпимъ начинаеися драма. Балъ; на авансценѣ играють въ карпы, въ другой комнагѣ танцюють: кавалеры и дамы одѣты какъ горничныя и лакеи. Сордель (Мочаловъ) спойилъ, прислонясь къ кулиссѣ, и дѣлаешъ шакія кривлянья, что если бы въ эпо время кто обратился на него вниманіе, то непременно бы подумалъ, что онъ или спрадаешъ сильною болью, или собираешся цѣликомъ проглотить кого нибудь изъ гостей. — Д'Епернозъ уѣзжаешъ на свиданіе, назначенное ему женой Жавервали, какого-то пошлаго дурака, а Сордель между тѣмъ подѣлтъ къ Клеменціи, жонѣ д'Еперноза, объясняешся ей въ любви и ошкрываешъ измѣну мужа. — Бѣдная женщина, изъ ревности, гошова полюбишь его и совершенно ему предашься. Нѣскольکو аксессуарныхъ лицъ приходяшь, уходяшь и говоряшь что-то, безъ всякой надобности. — Но вопгь, вы въ комнагѣ у Сорделя, который брату своему Леопольду, молодому Спуденту, влюбленному шакже въ Клеменцію, ошкрываешъ спрашную свою шайну, о которой мы упоминали выше, съ шакими безконечными подробностями, что все почти вшорое дѣйшвіе проходитъ въ эшомъ разсказѣ. — Сордель выходишь изъ себя, описывая бурю на морѣ, а когда дѣло дошло до его шайны, то уже нѣтъ границъ его неисповѣшву. — Скоро являешся д'Епернозъ и признаешся Сорделю, что опять влюшленъ въ жену, ревнуешъ ее къ Леопольду, и намѣренъ сказашъ ей, что уѣзжаешъ, чтошбъ послѣ явилъся къ ней нечаянно. — Сорделю приносяшь отъ Клеменціи записку, въ которой она назначаетъ ему свиданіе, а Леопольдъ ошправляетъ къ ней, чтошбъ ошкрышь ей ужасный замыселъ брата, но она слушашъ его не хочешъ; онъ уже бросаешся на колѣна, какъ вдругъ входитъ мужъ, дерзкими насмѣшками выводитъ изъ терпѣнія молодого человека, и шопгь наконецъ вызываешъ его на дуель. Между тѣмъ бѣдная Клеменція влюбилась не на шутку въ Сорделя, и ждетъ его на свиданіе, а у нея сидитъ Г-жа Д'аржене и проситъ ея спѣшь что нибудъ, кажешся именно пошому шолько, что у Орловой хорошь го-

лось, и шеперь испашни или не испашни, а во всякой драмѣ безъ гнѣя ея дѣло не обходится. Наконецъ Г-жа Д'аржо не уходитъ, а Сордель лѣзетъ въ окно, въ надеждѣ, что мужъ заставитъ его у жены, и тогда мщеніе его удовлетворено: онъ опплатилъ пою же монетой. Длинная сцена объясненій, въ кошорой Клеменція оппдаетъ свой поршреть Сорделю, и признаетъся ему въ любви своей, а онъ въ знакъ благодарности, оппкрываетъ ей, что обманула ее, никогда не любилъ, и шолько для оппщениа д'Епернозу спарался ее увлечь. Вдругъ спукъ, у дверей слышатъ голосъ мужа, а Сордель кричитъ себѣ во все горло, какъ будто всѣ въ домѣ глухи. Оппчаяніе и любовь Клеменціа обезоруживаютъ Сорделя; онъ оппказываетъ опп своего намѣренія погубелью ея удовлетворить своему мщению и оппправляется домой шѣмъ же пушемъ, ш. е. въ окно. Мужъ вбѣгаетъ, жена въ безпамятствѣ, и еще акшу ковецъ Сордель дома, шипетъ къ д'Епернозу и вызываетъ его на дуэль. Но д'Епернозъ, не получивши еще его письма, прибѣгаетъ къ нему, говоря что ранила Леопольда на дуэль. Тутъ у Сорделя вырывается признаніе, что это братъ его, и онъ убѣгаетъ къ нему на помощь; д'Епернозъ догадывается, что Сордель не Сордель, а мужъ обольщенной имъ женщины, шолько не понимаетъ, къ чему всѣ эти продѣлки. Сордель возвращается съ равнымъ брашомъ, кошораго уводитъ въ другую комнату какой-то докторъ, вѣроятно Русской, потому что одѣтъ въ вице-мудирный фракъ. —

Тутъ опять начинается длинное объясненіе; прощивники споятъ другъ къ другу спиной, шакъ что нельзя предположить, чтобы они между собою говорили. Д'Епернозъ предлагаетъ оскорбленному мужу удовлетвореніе, а шопъ кричитъ себѣ мало, да мало, шакъ что д'Епернозъ не понимая, чего онъ хочетъ, начинаетъ сердиться, а Сордель вдругъ схватываетъ со стола что-то въ родѣ шпаги, да и давай рѣзашъ его какъ барана, а шопъ споншъ преспокійно и дожидается, чтобы онъ его совсѣмъ дорѣзалъ; наконецъ, когда операція совсѣмъ кончена, онъ падаетъ на полъ, и несправнымъ шалунъ, умирая, смѣетъ еще надъ мужемъ, кошораго жену обольшилъ. Тутъ Сордель не выдержитъ, взбѣсился не на шутку, и показалъ умирающему поршреть, полученный имъ опп Клеменціа, слѣдовательно обольщеніе за обольщеніе, и жизнь за жизнь. — Тутъ вбѣгаетъ Клемен-

ція, бросаешь на штыло мужа, все дѣло сдѣлано, и драмѣ конецъ. — Мы думали, что пьеса эта оригинальная, какъ слѣдовало заключить изъ аффиши, только удивлялись, почему бы автору не выбрать лучше сюжета, изъ Русской современной жизни. Скоро дѣло объяснилось. Новая драма не что иное, какъ переводъ Французской повѣсти, разрѣзанный на лоскушки, называемые сценами, и сшитый бѣлыми нитками. Замѣтно, что все это думано не по Русски, и даже языкъ наполненъ галлицизмами — Разпроспранялись болѣе объ этой драмѣ нечего; изъ содержанія ея уже видно, что это явленіе ефемерное, которое и въ XIX и во всякомъ вѣкѣ, будетъ анахронизмомъ, пошлостью въ основной идее ея нѣтъ здраваго смысла. Скажемъ лучше нѣсколько словъ объ игрѣ актеровъ. Мочаловъ (Сордель) былъ чрезвычайно слабъ, чтобы не сказать болѣе; онъ по обыкновенію своему, что говорилъ могильнымъ голосомъ, что визгивалъ и вскрикивалъ. Всегдашній адскій хохотъ и на эту роль разъ не былъ забытъ. Игра его выражала не-давно замышленное, слившееся со всѣмъ существомъ его, и разчитанное мщеніе, не борьбу между твердымъ намѣреніемъ опомститься за оскорбленную честь и состраданіемъ къ невинной женщинѣ, которую онъ рѣшился принести въ жертву, для достиженія своей цѣли. — Чтобы изобразить душу разочарованную, которую всѣ способности поглощены одной пошлой мыслью, чтобы передать эту борьбу между жаждой мщенія и совѣстной совѣстью, нисколько не нужно безпрестанно выходить изъ себя, опускаться подбородокъ въ галашукъ и упираться платкомъ, дѣлая лицомъ разныя кривленья, которыми ничего не выражаешь и только производишь непріятное впечатлѣніе. Сордель, человекъ хорошаго общесства, и не смотря на бушующія въ немъ страсти, никогда не выйдешь изъ границъ приличій и не слышишь кричащя и ломающа, какъ какойнибудь сапожникъ. Актеръ-художникъ и изъ невѣрнаго характера будешь умѣть пересоздашь чтонибудь, прекрасное, а Мочаловъ въ роль Сорделя не воспользовался ничѣмъ, и не извлекъ изъ нее ровно ничего. Замѣтимъ еще Мочалову, что не худо-бѣ ему позаботиться и о своей наружности; такъ въ хорошемъ обществѣ не одѣваются и женщины мудро волюбившись въ человека, облаченного въ какой-то допотопный костюмъ; самолюбіе ея слишкомъ бы опъ того поспрадало. Исполненіемъ даже мѣлочныхъ прребованій искусства

пренебрегать не должно, и эта небрежность показывается неуважением къ публикѣ. Было время, когда Мочалова сравнивали съ Карашыгинымъ; мнѣнія были раздѣлены: одни отдавали преимущество первому, другіе послѣднему, шумѣли, спорили, слѣдуя внутреннему своему убѣжденію, но всѣ единогласно признавали ихъ первыми нашими драматическими артистами. Эта пора прошла, и теперь Карашыгина нельзя уже спавить на одну доску съ Мочаловымъ. Карашыгинъ, при нѣкоторыхъ недоспапкахъ своихъ, художникъ, а Мочаловъ только актеръ, въ самомъ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Грустно видѣшь, какъ онъ пренебрегъ дарами и способностями, которыми надѣлила его природа, и вмѣсто того, чтобы идти впередъ, все двигается назадъ, губить свое дарованіе, и уже кажется погубилъ его. Ленскій (д'Епернозъ) былъ мѣстами довольно хорошъ, за то въ нѣкоторыхъ сценахъ, особенно въ послѣднемъ актѣ, былъ ниже посредственности.

Орлова была лучше всѣхъ, и выполнила роль свою съ чувствомъ и съ умомъ. Если она спавенъ основательно изучать свое искусство, не будешь увлекаться рукоплесканіями, и не ошановишься на одной шокѣ, что часто случается съ нашими артистами, то мы будемъ имѣть въ ней прекрасную драматическую актрису. Ощавешься только посовѣтовать ей, стараться приобрести болѣе благородства въ движеніяхъ и усвоить себѣ тонъ лучшаго общепва, одно изъ необходимыхъ условий для ея ампуа, въ современной драмѣ. — Синедкая (Даржене), какъ и всегда, была хороша. Жаль видѣть ее въ такихъ ничтожныхъ роляхъ, и потому хвала и честь артисткѣ, которая и эти роли выполняетъ опчешливо, и старательно, и ни чѣмъ не пренебрегаетъ въ искусствѣ. Садовскій (Жаверваль), артистъ съ дарованіемъ, былъ положительно дурень; онъ предспавилъ какого-то шума, какихъ мы въ обществѣ не вопрѣчаемъ. Къ Самарину (Леопольдъ) нельзя быть слишкомъ строгимъ, онъ только что начинаешь драматическое свое поприще и ему еще надобно много учиться. *Чудакъ покойникъ*, плохой переводъ плохого водевиля, въ которомъ есть все, кромѣ здраваго смысла. Попанчиковъ никакихъ ролей не исполнилъ и вездѣ хорошъ, хотя и не на своемъ мѣстѣ. Мы бы желали видѣть его въ другомъ, болѣе значительномъ ампуа, гдѣ онъ бы могъ быть очень полезенъ нашей сценѣ. Живописи былъ поже, что и всегда. Жаль, что онъ не умѣетъ удерживать своего дарованія въ

надлежащихъ границахъ, и жертвуетъ искусствомъ для рукописной полпы. Къ чему это частое повтореніе нѣкошорыхъ словъ; эту выходку можно употребить при случаѣ для произведенія комическаго эффекта, но не по нѣсколь- ку же разъ, въ каждомъ водевилѣ. И не ужели Живописи ошъ природы имѣетъ такую странную походку и ходитъ всегда согнувши ноги, какъ видимъ мы его во всѣхъ его ро- ляхъ. Объ Синецкой повторяемъ, что говорили выше, о про- чихъ нечего упоминашь. Дверписемша мы уже и не смо- шрѣли. —

Такимъ образомъ бенефисъ Мочалова нисколько не удов- лешворилъ нашему ожиданію, и мы видѣли въ немъ не выра- женіе понашій художника о своемъ искусствѣ, а одинъ мер- каншильный рассчетъ. — Для чего бы, кажется, просвѣщен- ному артисту заботиться только о томъ, чтобы аф-иша на его бенефисъ была непременно длиною въ полтора ар- шина? Для чего это раздѣленіе на акты, каждый съ особымъ названіемъ, хотя дѣйствующія лица одни и тѣже, и зритель самъ въ состояніи понять содержаніе каждаго дѣйствія. Те- перь это сдѣлалось у насъ непремѣннымъ условіемъ всякаго драматическаго произведенія. Гг. артисты! вы жестоко оши- баетесь, если думаете привлечь тѣмъ порядочную публику. Благодаря быстро распространяющемуся просвѣщенію, у насъ есть уже публика образованная, способная судить объ ва- шемъ дарованіи, и вы ее на это не поддѣнете. Напротивъ того, никто уже аф-ишамъ вашимъ не вѣритъ, и лучшее на- ше общество въ ваши бенефисы не ѣздитъ, а собирается къ вамъ только какая-то разнородная толпа, которая оцѣнитъ вашего дарованія не въ состояніи, и которой мнѣніе для васъ вовсе не должно быть ласпно. — Не ужели вы заботитесь только о сборѣ, а до высокаго искусства вашего и публики вамъ дѣла нѣтъ?

По мѣрѣ возможности, чинашелямъ Москвитянина бу- дущъ постоянно сообщаться извѣстія о замѣчательныхъ спек- такляхъ Русскихъ и Французскихъ. Артисты, разумеется, на замѣчанія наши будущъ обращать мало вниманія: испанъ никто не любитъ выслушивать и каждый считаетъ себя пра- вымъ. По крайней мѣрѣ, мы будемъ для нихъ опголоскомъ об- щественнаго мнѣнія.

Въ бенефисъ Пино мы нѣсколько опоздали въ спектакль, и *Нового Отелло* не видали; говорять впрочемъ, что это

одна изъ тѣхъ піесъ, которыми играются среди шума оподвигаемыхъ кресель, и только для того, чтобы даять время вѣсѣмъ съѣхаться въ театръ. Объяснить содержаніе *Пилюм* было бы шрудно и продолжительно; это такая безсвязная пушаница, что ее и запомнишь мудрено. Эти Пилюми со-спавлены изъ такихъ разнородныхъ веществъ, которыми шрудно проглотить образованному вкусу, ищущему въ сценическомъ искусствѣ какихъ-нибудь впечатлѣній на умъ и душу. — Хотя нельзя бытъ слишкомъ възскашительнымъ къ либреттш, котораго главное назначеніе даять проспору искусству машиниста, но все же можно требовать въ немъ хоть какой-нибудь связи въ содержаніи, опчешливости въ характерахъ, и соблюденія нѣкоторыхъ условій, безъ которыхъ всякое драматическое произведеніе переходитъ въ балаганный фарсъ. У насъ много волшебныхъ оперъ, въ которыхъ, при всемъ шомъ, что онѣ выходятъ изъ предѣловъ возможнаго и вѣроятнаго, есть однако же смыслъ логическій. Для чего бы машинисту не выбрать лучше какого-нибудь балета, и въ немъ даять раздолье своей изобрѣтательности; тогда бы и шолковашъ много было вечаго. При нѣшнемъ пониманіи о балетѣ, опъ него не требуется ничего, кромѣ опчаянныхъ прыжковъ, замысловатыхъ машинъ и великолѣпныхъ декораций, а объ мимикѣ, скульптурности позъ и движеній, главномъ условіи этого рода драматическихъ представленій, къ сожалѣнію, никто не заботишся. Чѣмъ долѣ кто провершишся на одной ногѣ и не пошатнелся, въ шомъ и болѣе шаланша, шому и болѣе рукоплесканій.

Удивляемся, какъ Г. Ленскій, безспорно самый шаланливый изъ нашихъ переводчиковъ и передѣлывателей, не позаботишся, или не хотѣлъ, Русскимъ умомъ своимъ перешолочь эту Французскую негѣпосш, въ драматической своей шупкѣ, и сдѣлавъ изъ нее пилюми, не провиннаго образованному вкусу, что безъ сомнѣнія онъ могъ бы исполнить успѣшно, если бы захопѣлъ. Сколько піесъ, вовсе незначительныхъ въ подлинникѣ, умѣлъ онъ прекрасно передѣлать для Русской сцены, и онѣ пошпошно держатся на репершурѣ. Машинистъ Пино исполнилъ свое дѣло прекрасно, и надобно опдать полную справедливостъ его искусству и смѣшливости: онъ преодолѣлъ большія шрудности, и если бы опера была лучше срецеширована, шо машины его или бы

очень удачно; теперь же явно замѣтна была какая-то несвязность и нерѣшимельность во всемъ ходѣ оперы, какъ въ игрѣ актеровъ, такъ и въ превращеніяхъ; не было именно того, что Французы называютъ *ensemble*, а это главное условіе такого рода пѣсь. — Декораціи очень недурны, но только картины, развѣшанныя въ жилищѣ колдуньи и въ гошпичницѣ, написаны противно вѣсьмъ условіямъ декорашернаго искусства; онѣ какъ будто намараны на стѣнѣ, тогда какъ и рамы и картины, должны бы отдѣляться отъ нея и производили оптическій обманъ. — Спросимъ также, почему на боковыхъ кулисахъ изображены спроектъ гошпической архиспекшуры, а на заднемъ планѣ являлись все дома самой проспой Русской постройки, что совершенно противорѣчить одно другому. И неужели въ Испаніи, такъ же какъ и у насъ, въ Россіи, надъ аптекою выспавляется орелъ, а надъ погребкомъ виноградная кисть? Декорашеру необходимо соображеніе и знаніе мѣстности; безъ этого онъ будетъ дѣлать беспреспанные промахи и нарушать сценическій эффектъ. — Нѣсколько номеровъ музыки довольно милы; танцы удачны и плѣняютъ зрѣніе. Санковская, первая танцовщица нашей балетной труппы, была, какъ и всегда, легка и воздушна, но намъ не нравились въ ея манерѣ какая-то излишняя увѣренность въ себя самой и эта безсмысленная улыбка на губахъ ея. — Объ балетѣ напемъ мы какъ нибудь поговоримъ подробнѣе и изложимъ наше мнѣніе о ложномъ его направленіи. Отъ игры артистовъ многого не жая было требовать, потому что имъ нечѣмъ было одушевиться. Къ тому-же пѣса была такъ дурно среперширована, что всѣ глядѣли только въ глаза суфлеру и, кажеся, думали единственно объ томъ, чтооь не сбихься. Одинъ Щепкинъ былъ прекрасенъ, не смотря на нелѣпый и безполковый характеръ своей роли. Вопъ доказательство, что истинный художникъ и изъ ничего съумѣеть создать что нибудь. Превосходное дарованіе Щепкина у насъ еще не вполне оцѣнено: вопъ артистъ одинъ вполне понимаетъ, любитъ и уважаетъ свое искусство. Сабурова 2-я была очень мила и сдѣлала все, что только было возможно сдѣлать. Она удачно начинаеть драматическое свое поприще, и общаетъ намъ прекрасную водевильную актрису, если публика ее не избалуешь, а она не вообразитъ себя, что ей уже учисься

нечему. — Спрѣльская довольно была хороша; вопъ еще одна изъ несбывшихся надеждъ нашей сцены: она много обещала при первыхъ своихъ дебютахъ, и съ тѣхъ поръ спавновилась неподвижно на одной нточкѣ. — Живокини повшоримъ прежнее замѣчаніе и прибавимъ, что аршиспу съ шакимъ дарованіемъ, должно бы болѣе разнообразить свою игру и не являться въ разныхъ роляхъ все однимъ и шѣмъ же. — Чшо сдѣлалось съ Садовскимъ, не понятно; мы не узнаемъ его; хуже сыграть шрудно. — Въ Никифоровѣ много природнаго, непринужденнаго комизма, но онъ все сбиваешся на роли подъячихъ. — Въ заключеніе скажемъ за эши Пилуоли спасибо машинисту, кошорый свое дѣло исполнилъ умно и спарашельно.

Кспати сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе: съ нѣкошораго времени наши аршиспы и аршиспки кланяются, или присѣдаютъ, во время представленія, когда публика нешпово имъ аплодируетъ. Пора бы ишсребить эшопъ недѣльный обычай: онъ прошивенъ всѣмъ условіямъ искусства, нарушаетъ сценическое очарованіе и охлаждаетъ ходъ пѣсы. — Аршиспъ съ публикой, во время дѣйствія, не можетъ имѣть никакихъ прямыхъ сношеній: онъ долженъ пересоздать себя, слышся съ характеромъ, кошорый авторъ хотѣлъ дать ему, и не обращать вниманія ни на что посшороннее. Предспахте себя Гамлета, Ошелло, Карла Мора, раскланивающихся съ публикой, по всѣмъ правиламъ панцмейстерства. Досадно и смѣшно! — Въ аншпракшахъ, когда васъ вызываютъ, кланяшпесь, сколько угодно, а во время представленія, думайше болѣе о своемъ искусствѣ, чѣмъ о рукоплесканіяхъ шолпы.

— 4 —

ЧАРОДѢЙ ВОСКО. Во всѣхъ нашихъ салонахъ говорятъ и разсуждаютъ шеперь объ извѣстномъ чародѣѣ Боско, а при раза въ недѣлю, поушрамъ, лучшая наша публика съѣзжается на его представленія Египешской магіи, и каждый разъ всѣ мѣспа бывающъ заняшы. Вы входите въ теплую, хорошо убранную и ярко освѣщенную залу, гдѣ видите прекрасный кабинетъ увеселишельной физики; изящешвомъ и разнообразіемъ сна-

рядовъ онъ превосходитъ все, что встрѣчали мы до сихъ поръ въ Москвѣ, въ эпоху родѣ. Начинается представленіе и вы не вѣрите глазамъ своимъ. Боско справедливо приобрѣлъ себѣ Европейскую извѣстность, спалъ выше всѣхъ своихъ соперниковъ и далеко оставилъ ихъ за собой; онъ умѣлъ выйдти изъ прежней колен и довести простое фиглярство до степени искусства. Его изобрѣтательность, проворство и ловкость не имовѣрны: все это приправляетъ онъ шулками, копорыя никогда не выходятъ изъ границъ самаго строгаго приличія. — Къ похвалѣ его скажемъ еще, что онъ вовсе не шарлапанилъ, какъ дѣлаютъ обыкновенно его собратья, и не выдаетъ своихъ шутокъ за что нибудь сверхъ-естественное. Онъ самъ часно проситъ зрителей обращать вниманіе на его руки и слѣдитъ за быспрошой, съ копорой онъ подмѣниваетъ вещи; самый зоркій глазъ не замѣнитъ, куда у него все исчезаетъ, и откуда опять является. — Даже коспюмъ его принаровленъ къ тому, чтобы рѣдвались подозрѣніе; рукава обрѣзаны почти у самыхъ плечъ, такъ что руки Магика совершенно обнажены, и слѣдовательно онъ лишенъ важнаго пособія, для утаенія разныхъ вещей. — Изчислить его опытовъ невозможно, шѣмъ болѣе, что всѣ при раза, копорые мы его видѣли, онъ дѣлалъ все новыя шулки, и не повторялъ прежнихъ. Замѣтимъ здѣсь только нѣкоторыя изъ нихъ, пришедшія намъ теперь на память. Напримѣръ, Боско приноситъ вамъ кѣшку, наполненную живыми пшцами; спрѣлаетъ изъ пшполема и вдругъ всѣ эти пшцы мертвыя; онъ кладетъ ихъ въ дорожную коспрюлю, и въ одно мгновенье высыпаетъ уже опшуда пухъ и перья; пшцы опшпаны, и скоро со всѣмъ изжаренными показываюся зрителямъ; потомъ Магикъ высыпаетъ опять въ коспрюлю пухъ и перья, накрываетъ ее крышей, черезъ секунду снимаетъ ее, и опшуда вылетаетъ уже спая живыхъ пшцъ. Далѣе, беретъ онъ у одной изъ дамъ большую косынку, кладетъ ее на сполъ въ пустой жестяной колпакъ и спрашиваетъ, куда желаютъ, чтобы она перешла: въ ящикъ, повѣшенный на пропляншомъ черезъ сцену шнурѣ, или въ споящую на другомъ споликѣ бупылку, изъ копорой онъ только что наливалъ вино. — Говорятъ въ ящикъ; въ жестяномъ колпакѣ очутился заяцъ, а шаль лежала уже въ ящикѣ, хотя сообщенія между ими никакого не было. Но этого мало; Боско, чтобы доказать, что все это не было пригошвлено, кладетъ опять косынку въ шощъ же колпакъ,

но пашъ уже нѣсколько кроликовъ, а косынка въ бушлякѣ. Къ этому же шнуру привязывается онъ скрипку и спрѣляется въ нее изъ промблона, заряженнаго нѣсколькими фуларами, разбиваетъ скрипку и вынимаетъ опшуда всѣ фулары. Помощь, изломанную на мѣлкіе куски скрипку, кладетъ въ желѣзной кошель, спрѣляется еще разъ, и она невредима виситъ уже на спѣнѣ, а кошель пустой. Надобно еще замѣнить, что Боско всегда прежде показываетъ зрителямъ всѣ свои снаряды, въ удостовѣреніе, что въ нихъ нѣтъ двойнаго дна, и всѣ опыты свои дѣлаетъ на маленькихъ, ничѣмъ не зашпанныхъ сполікахъ, что представляетъ еще несравненно болѣе трудности.

Еще повторимъ, изчислить всего не возможно. Боско разобьетъ на мѣлкіе куски ваши часы, изорветъ цѣпочки и плашки, изрѣжетъ шляпу, и все это въ одну секунду очутишься опять невредимо, въ рѣдкѣ, въ лимонѣ, гдѣ вамъ угодно; зарядитъ пистолетъ мершвой канарейкой, дастъ выпрѣлнить изъ него кому нибудь изъ зрителей п канарейку, живая, привязана къ концу его шапки; опрѣжетъ головы голубямъ, а вдругъ они опять живые и съ головами; изъ одного цѣвика сдѣлаетъ огромный букетъ, однимъ словомъ — всего запомнить и выразить нельзя. — Чтoby имѣть понятіе объ искусствѣ Боско, чтoby убѣдиться, до какой степени совершенства онъ довелъ его, надобно самому видѣть его нѣсколько разъ. — Слѣдишь за нимъ, какъ не лѣзя внимательнѣе и микакого подмѣна не замѣшишь; все дѣлается какъ бы силою волшебства, умъ терзается въ догадкахъ и не можетъ объяснить себѣ, какимъ образомъ шутъ главными пружинами ловкости и проворства. Мы слышали, что Боско намѣренъ здѣсь показать опыты, который кажутся намъ невозможными, хотя объ немъ и упоминается во всѣхъ иностранныхъ журналахъ. — Двѣнадцать человекъ солдатъ, въ присутствіи зрителей, заряжаютъ пулями ружья, спрѣляютъ въ магиза, цѣлѣсь прямо въ сердце, а онъ спонитъ невредимъ, и дымящіяся еще пули находятся уже у него въ рукахъ. Въ иностранныхъ журналахъ, заслуживающихъ довѣрія, сообщаются объ Боско подробности, изъ которыхъ нѣкоторыя передаемъ читателямъ Москвитянина. Въ 1812 г. Боско служилъ по конскрипціи, въ арміи Наполеона, и подъ Вильной былъ жестоко раненъ. Козакъ, считая его убитымъ, началъ обыскивать его, а идущъ, припворясь мертвымъ, обобралъ у него между

пѣмъ изъ кармановъ всѣ деньги, и такимъ образомъ обезпечилъ на нѣсколько времени свое существованіе.

Однажды Боско спорговалъ у женщины лица, и говоря, что хочешь удостовериться, свѣжи ли они, разбилъ одно лицо, въ немъ червонецъ, другое нѣсколько червонцевъ. Торговка видя это, вообразила, что всѣ лица наполнены золотомъ, опказалась продать ихъ, поспѣшно удалась, и принялась бить свои лица безъ пощады, но разумѣлся не нашла въ нихъ ничего. — Въ другой разъ Боско призывалъ цирюльника и велѣлъ ему обрить себя. Тотъ окончилъ со всѣмъ свое дѣло, на каково же было его удивленіе, когда Боско съ сердцемъ спросилъ его, почему онъ обрилъ ему одну только сторону. Цирюльникъ опять принялся за работу, но между тѣмъ на другой щекѣ снова выросла гусья борода, и измучанный брадобрѣй, бросивъ бритвы, пустился опрощенью бѣжать, думая что обрилъ самаго шапану. — Нѣсколько разъ Боско приводилъ въ страхъ всѣхъ присутствующихъ. Дѣлая свои опыты, онъ вдругъ срывается съ подмостковъ, разбивается въ кровь и во всѣхъ чертахъ его видно ужасное сраданіе; зрители всѣ съ участіемъ спѣшатъ къ нему на помощь, но онъ благодаритъ за вниманіе, вспаешъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ, а кровавой раны и слѣдовъ нѣтъ. —

Много и много можно бы еще сказать объ чародѣѣ Боско, но предѣлы этой статьи не позволяютъ намъ болѣе объ немъ распространяться. —

ВОСТОЧНЫЙ ЦИРКЪ СУЛЬЕ. Отъ Боско перейдемъ въ грязный, холодный, дурно освѣщенный балаганъ, гдѣ опысюду дуешь, и мы у *Сулѣ*. Чипая высокопарное объявленіе этого кавалера какого-то мудренаго Турецкаго ордена, мы полагаемъ, что увидимъ что нибудь необыкновенное; пултъ были и директоры, и режиссеры, и декорашеры, и машинисты, и все что вамъ угодно.

Изъ великолѣпнаго цирка вышелъ просто балаганъ, въ которомъ даются предспавленія, какихъ мы видали много, только костюмы почище и пальцы не Русскіе. Кто видѣлъ здѣсь Турниера, тотъ ничего новаго не найдетъ у Сульѣ; различіе только въ томъ, что у перваго мѣспа были несравненно дешевле, и сверхъ того зрители сидѣли въ шепломъ манежѣ, а не въ ледникѣ. — Мы даже предпочитаемъ паншомимы, даваемые подъ Новинскимъ, на Святой недѣлѣ; памъ покрайней мѣрѣ, размѣтешься какому нибудь глупому чарсу, а паншо-

мимы Сулье наводятъ только непреодолимую зѣвоту. — Если онъ не считаешь нужнымъ заботиться о своихъ представленіяхъ отъ того, что кресла почти всѣ пустыя и заняты одни только верхнія мѣста, то ошибаешься въ расчетѣ, и это плохое средство привлечь опять публику.

Еще за мѣсяць до представленія въ эпоху *циркъ*, Москвичи были извѣщены листовою афишею о пріѣздѣ многочисленной труппы волпижеровъ изъ Константинополи. Въ первое представленіе, 25-го Декабря, огромный балаганъ, нарочно усроенный на Лубянской площади, прещаль и почти ломился отъ многочисленности собравшихся зрителей. Недоспадокъ зрѣлищъ и спектаклей, праздничное время и необыкновенные волпижеры одобренные во всѣхъ Споліацахъ Европы и четыре года пребывавшіе въ Константинополѣ — были важною обстановкою и сильными двигателями любопытства Москвичей. Лучшая Публика не замедлила заблаговременно разобрать билеты, и вечеромъ вдвое болѣе, нежели сколько вмѣстилось въ балаганъ, возвратились домой, не будучи удовлетворены билетами. Но теперь совсѣмъ другое...

Къ числу зрѣлищъ и представлений, опишемъ еще два предмета, помѣщенные въ сосѣдство Г. Боско, въ томъ домѣ, гдѣ издавна находятъ убѣжище и Архисты и Фокусники. Эпохъ домъ на Тверской и извѣстенъ всѣмъ Москвичамъ, любопытнымъ до зрѣлищъ разнаго рода. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы кто вздумалъ исторически и хронологически описать зрѣлища и представленія, въ томъ домѣ бывшія, то составилъ-бы огромный репертъ. Вотъ и теперь, тамъ же, рядомъ съ Г. Боско, показываюцца, привезенныя изъ С-Пешербурга (?) *Восковыя фигуры* Г-жи Гильднеръ и *живыя птицы*, красивые попугаи, какаду и ученые обезьяны Г. Ташде. Въ числѣ 18 предметовъ восковыхъ изображеній, нѣкоторыя группы довольно хороши, прочія... Въ *изящности* замѣчательны: *самка-дикобразъ*, недавно оценившаяся молодымъ дикобразомъ, и *маленькая обезьянка*, также недавно въ Москвѣ родившаяся, чего, кажется, не бывало по суровости нашего климата: ласковое обращеніе ручныхъ обезьянокъ, маперы и ея дѣтеныша, довольно замѣчательны и забавны...

СМѢСЬ.

БРАНКА РАЗСВЯННЫЙ.

(Повѣсть, соч. Алек. Делаверня.)

I.

Съ годъ спустя послѣ смерти Людовика XIII, однимъ прекраснымъ упрямъ, недалеко отъ Лувра, изъ шой залы, гдѣ королевскіе мушкетеры играютъ въ мячъ, вышло съ полдюжины молодыхъ людей, копорыхъ по ихъ гордымъ, молодецкимъ ухваткамъ и по опчаянно нафабраннымъ и закрученнымъ усамъ еще, можешь-бышь, скорѣе, чѣмъ по множеству ленпъ и кружевъ, покрывавшихъ ихъ плашье, можно было почестъ за дворянъ. Эпа небольшая толпа съ шумомъ и крикомъ вошла въ ближайшій шракширъ и увидавъ въ углу залы шполь, у копорого на шу пору сидѣли двое чеспныхъ мѣщанъ, она съ бранью приказала имъ шужъ минушу убирашься вонъ. Мѣщане, видя съ кѣмъ имѣюшь дѣло, не смѣли опказашь.

— Чорпъ возми! господа, вскричалъ одинъ изъ молодыхъ сумасбродовъ, бросаясь на скамью, чпо за чудесная игра въ мячъ; я право не знаю, какъ во время мира дворяно чпроводили время, прежде нежели она была изобрѣшена?

— Вошь шебъ разъ, прервалъ другой, спуща чпо есптъ силы по шшолу ефесомъ своей длинной рапиры, я знаю нѣчпо еще болѣе чудесное, а особенно для шого времени, когда жарко и когда хочепся пипъ, — эшо хорошій шракширъ, въ копоромъ вѣряпъ въ долгъ, и ей Богу, шракширъ Золотаго яблока заслуживаетъ опличія. Эй! эй! вина, и лучшаго.

— Эй! эй! вина, закричали хоромъ прочіе дворяне, спуща въ шполь съ шакою силою, чпо онъ навѣрное бы разлетѣлся, если бы не былъ цѣльный дубовый.

Тракширищикъ прибѣжалъ, скрывая подъ улыбкою гримасу, опшого-чпо онъ ужъ мысленно перепитывалъ перебитую посуду и спаканы, чего непременно надо было ожидать опъ эшого постщенія, и припомъ соображалъ, сколько онъ дол-

жень получить барышей съ мѣщанъ , для того чѣшбы вознаградишь убытки , которые сдѣлаюшь ему дворяне. После того, какъ онъ успавиль споль доспащочнымъ количесшвомъ жидкоспей, одинъ изъ молодыхъ людей, пошъ, который заговориль первый, грубо схвашилъ его за руку и сказалъ :

Ну, слушай шы, плушь! покуда мы не имѣемъ надобности въ швоихъ услугахъ, и приказываемъ шевѣ спашъ у дверей въ видѣ выѣски, чѣшбы увѣдомляшь всѣхъ проходящихъ, чѣшбы здѣсь засѣдаюшь господа королевскіе мушкетеры, и чѣшбы никто не долженъ сюда входиль, если шолько онъ не принадлежишь; подобно намъ, къ хорошей фамилии и не имѣешъ права ѣздиль въ каретахъ Его Величесшва.

Хотя хозяинъ довольно запрудилъ шѣмъ, какое средство ему упошребиль, чѣшбы узнать, будущъ-ли выполняшь это двойное условіе шѣ, которые могушь придиль, но онъ не засшавиль повпоряшь себѣ одного приказанія, и опправиль къ дверямъ на-спорожу, починая себя довольно счастливымъ, пошому-чѣшбы была очень хорошая погода, и пошому-чѣшбы онъ за нѣсколько времени овдовѣлъ. По шѣмъ причинамъ ни его мозгъ, ни его лобъ, какъ шогда говорили, не подвергался никакой опасности. Чѣшбы же касается до господъ мушкетеровъ, шо они принялись осушашъ спаканы, налившые вровень съ краями, и, судя по шому, какъ шло дѣло, безъ сомнѣнія не прошло-бы чешверши часа, какъ нѣкоторые изъ нихъ потеряли-бы центръ тяжести; но къ счастью, между ними нашелся человекъ благоразумный — Кавалеръ де Бель-Иль, который бросиль свой спаканъ о полъ, вскричавъ :

— Довольно, господа! не забудьте, чѣшбы нынѣшній вечеръ въ Луврѣ праздникъ, и значило бы наложишь шрауръ на многихъ красавиць, если мы будемъ не въ сосшопніи лвишься на балъ. Чѣшбы вы скажете на это ?

— О высокомудрый Бель-Иль! вскричали въ одинъ голосъ молодые люди. Довольно! довольно!

Въ шужъ минушу пяшь спакановъ разлепѣлись въ дребзги по полу залы. Эшопъ роковой звукъ достигъ до ушей шракирщика, который словно часовой ходиль взадъ и впередъ у дверей своего заведенія. Несчастный вздрогнулъ съ горя, и ему очень было трудно удержашъся на своемъ посту

и не войши въ залу; но онъ подумалъ, что всё же лучше, когда пропадесть его посуда, а спина и бока останутся неприкосновенными.

И пакъ, вооружась самоопроверженіемъ, онъ спалъ ждашь въ смертельной шоскѣ, что будетъ еще послѣ этой зловищней прелюдіи. Но вдругъ онъ ясно услышалъ, что его зовутъ по имени, и покорный зову своихъ гостей, онъ, весь дрожа, явился передъ ними.

— Чшожь, сказалъ ему Кавалеръ де Бель-Иль, неужели съ лѣхъ поръ, какъ мы возвели тебя въ званіе приврашника, никакшо не приходилъ, что бы сдѣлалъ намъ компанію?

— Ахъ, да, ошибчалъ шракширицикъ, бросалъ взоры сожалѣнія на ошпашки спакановъ, разбросанные по полу, приходило много посѣщителей, но всё были просшые мѣщане.

— И ты прогналъ ихъ — славно!

Тракширицикъ глубоко вздохнулъ.

— А изъ придворныхъ не приходилъ никшо? продолжалъ Бель-Иль.

Извинише, приходилъ кшо-шо, кажешся придворный, ошшого-чшо я слышалъ, какъ люди называли его господиномъ Маркизомъ...

— Ошчего же онъ не вошелъ?

— Да вѣдь вы приказали мнѣ впускать шолько шѣхъ, кшо имѣетъ право ѣздить въ королевскихъ каретахъ.

— Такъ чшо же, дурачина?

— Господишъ, о кошоромъ идетъ рѣчь, не можешъ имѣть шшого права.

— Почему?

— Пошому-чшо онъ походитъ болѣе на сумасшедшаго, чѣмъ на дворянина; шпага у него на правомъ боку, панталоны всё изорваны, чулки — одинъ красный, другой черный.

— Вы увидише, сказалъ одинъ изъ мушкеперовъ, что онъ ошправилъ Маркиза Бранка! Знаешъ-ли ты, глупое живошное, что онъ камеръ юнкеръ Королевы-правилельницы, и *разсѣянный*?

— Разсѣянный — сказалъ хозяинъ съ удивленнымъ видомъ. А что это пакое разсѣянный?

— Человѣкъ, который спитъ наяву.

— Именно, возразилъ пракширщикъ, мнѣ должно-бы эпо замѣшить; эпошь господинъ, входя сюда, вовсе не думалъ, какъ по всему видно, что онъ входитъ въ пракшаръ Золошаго яблока.

— Отчего ты такъ думаешь?

— Онъ сидѣлъ на носилкахъ, когда остановился въ двадцати шагахъ отсюда; сошедши съ носилокъ, онъ опослалъ своихъ людей, попомъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: „что, много уже собралось народу?“ Я отвѣчалъ, что только шестеро господъ мушкеперовъ. Тутъ онъ посмошрѣлъ на меня съ удивленіемъ, спросилъ, когда будетъ проповѣдь, и, не дожидаясь отвѣта, оборотился ко мнѣ спиною, сказавъ только, что онъ придетъ послѣ.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, вскричали со смѣхомъ мушкеперы, эпо Бранка.

— Какъ жаль, прибавилъ одинъ, что онъ не зашелъ! онъ разыгралъ-бы намъ славную комедію съ своими мечтами.

— Во что бы ни шло, вскричалъ одинъ изъ мушкеперовъ, который до сихъ поръ мало вмѣшивался въ разговоръ и, казалось, больше занимался закручиваньемъ своихъ усовъ, нежели чѣмъ другимъ, надобно послать сыскашь его.

Въ тоже время, не дожидаясь мнѣнія своихъ поварщицъ, онъ далъ знакъ пракширщику подойти въ себѣ и, схвативъ его за руку, сказалъ:

— Слушай, негодяй! ты долженъ видѣть, куда пошелъ помпъ господинъ, о которомъ идетъ рѣчь; надобно опыскашь его и привеси сюда. Спупай, подойди къ нему поучивше и скажи, что Виконтъ де Сенип-Андре свидѣтельствуетъ ему свое почтеніе и извѣщаетъ, что всѣ собрались, и что только ждуть его, чтобы начать проповѣдь.

— Но если онъ откажется идти со мною, или я его не найду?

— Въ такомъ случаѣ тебѣ гораздо лучше сюда не возвращаться, опшого-что, клянусь чesпью дворянина, я обрублю тебѣ уши.

Сказавъ эпо, мушкеперъ вспалъ, и взявши пракширщика за плеча, подгелъ его къ двери, которая все еще была

не зашворена, и выполкнулъ на улицу; попомъ спокойно ворошился и сѣлъ за столъ съ своими шоварищами.

— Э, Виконтъ, сказалъ ему Бель-Иль, качая головою, не слишкомъ-ли неумѣсна такая штука? Бранка хоть и разсѣяна, но въ жилахъ его течеть благородная кровь, копорая можетъ разогрѣться опть такой миспификаціи и заспавишь его пошребовать въ ней опчеша.

— Я очень любопытенъ видѣть эпо, клянусь чеспью, съ хохомъ возразилъ Сент-Андре. Не правда ли, господа, эпо былъ-бы презабавный дуэль? я обозоружилъ-бы проповника шеспъ разъ въ минушу.

— Конечно, сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей, у бѣднаго Маркиза иногда встрѣчаюся спранности довольно рѣзкія.

— Довольно... съ живосшію прервалъ Сент-Андре. Ахъ, эпо слово слишкомъ скромно. Спало бышь вы не знаете, что съ намъ случилось вчера въ Рамбульшскомъ дворцѣ?

— Еще какая-нибудь новая мечта! Ахъ, Сент-Андре; шы намъ расскажеть!

— Очень охотно; предупреждаю васъ, что эпо превосходитъ всѣ прежнія. Эпо невѣрояшно, и однакожь досто-вѣрно; я смѣ былъ свидѣтелемъ.

— Говори же, мы слушаемъ.

— Вообразите, что онъ, при наспупленіи ночи выходя изъ своей коляски, встрѣшилъ одного бѣдняка, копорый просилъ милоспини; бѣднякъ былъ въ лохмопьяхъ, кривой, даже горбашый . . . Маркизу нѣтъ до эпого дѣла. Онъ бросаешя къ нему на шею, цѣлуешъ его, беретъ за руку, и не смопря на крики всѣхъ слугъ и усилія эпого человѣка, копорый опбиваешя опть него, приводишь его къ намъ . . . Попомъ, увидѣвъ мадмоазель д'Анжень, онъ бѣжишь прямо къ ней, крича «я привелъ къ вамъ, сударыня, одного дворянина изъ числа моихъ друзей, копорый умираешъ опть любви къ вамъ . . .» Тогда, какъ вы можете себѣ представишь, всѣ покапнулись со смѣху; а онъ, инсколько не смущаясь, опускаешъ руку въ карманъ, и прибавляешъ шоржеспвеннымъ голосомъ: эпошь человѣкъ, копорого вы видише, написалъ собраніе сонесповъ, копорые я вамъ предспавляю и для копорыхъ прошу у васъ

мѣста въ «Гирляндѣ Юліи.» Съ этими словами онъ вынимашъ изъ кармана . . . и что такое? — ошгадайте! О! Я не перестану смѣяться до смерти!.. Вы не ошгадаете?.. ха! ха! ха! онъ вынимашъ своей . . . шуфель!

Тутъ веселый залъ хохоту попрыска окна пракира Золошаго яблока, и каждый изъ молодыхъ проказниковъ, держась за бока, и будучи не въ состояніи сохранять равновѣсіе, повалился какъ попало — кто на сполъ, кто на своего шоварища. Однакожь, послѣ того, какъ первая минуша прошла, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ веселость была неумѣреннае и шумнае прочихъ, почелъ обязанностію изъяснить нѣкоторое сомнѣніе.

— Свой шуфель, сказалъ онъ, стараясь перевести духъ, ахъ, Виконшъ, што ужъ слишкомъ; шы прибавляешъ, прибавляешъ!

— Клянусь честию, возразилъ Сент-Андре, гордясь своимъ шоржесшвомъ; пусть повѣсятъ меня, если не шакъ было дѣло; но мы не дошли еще до развязки, чоршъ возми! Бѣднякъ, думалъ, что Маркизь хопгль надъ нимъ посмѣялся, приходилъ въ бѣшенство: онъ работаешъ и руками и ногами. Бранка, удивляясь и выходя изъ своихъ мечтаній, зовешъ людей, чтобы выгнать нищаго. Мы бросаема между бойцами. Крикъ, хохотъ, — шакъ-что нельзя было ничего разслушать, и бѣдный Корнель, который въ шощъ вечеръ долженъ былъ чашашъ намъ одну изъ своихъ драмъ, нашелся вынужденнымъ идти назадъ съ рукописью. Что шеперь вы скажете объ шпомъ, господа? Что касаешся до меня, я никогда не забуду шуфля Маркиза Бранка.

— Ни я, вскричали всѣ члены собранія, съ хохотомъ истинно гомерическимъ.

— Ни я, повшорилъ кто-шо, швердымъ голосомъ и съ сильнымъ удареніемъ на словахъ.

Мушкетеры оборотились съ удивленіемъ, и увидали въ темномъ углу залы мужчину лѣтъ двадцати осьми или шридцати, одѣшаго довольно просто, котораго платье однакожь показывало, что онъ изъ числа дворянъ. Эшошъ мужчина прямо подошелъ къ нимъ и сдѣлалъ низкій поклонъ. По прежде нежели лице его, блѣдное и меланхолическое, скрышое

подъ большою шляпою съ черными перьями, спало видно, всё вскрикнули съ удивленіемъ :

— Ахъ, эпо Маркизь Бранка !

Его узнали по разодраннымъ панталонамъ и по разноцвѣтнымъ чулкамъ; эпи предметы первые бросились въ глаза.

— Да, сказалъ Бранка, эпо я самый, вашъ нижайшій слуга, господа, — и припелъ посмѣваясь высспѣ съ вами надъ бѣднымъ разсыаннымъ.

Какъ всё присутствующіе, не много смущенные, хранили молчаніе, онъ прибавилъ пономъ пріятной шутливости:

— Нуже, Виконпъ; нѣтъ-ли у васъ еще испорійки о какой-нибудь спранности: расскажите эпимъ господамъ.

— Чорпъ возми! сказалъ Кавалеръ Бель-Иль, вопъ что хорошо сказано; съ эпой минушы, Маркизь, прошу васъ почипашъ меня за самага вамъ преданнаго: вы человекъ благородный, а мы не больше, какъ молодые-сумазброды, копорыхъ, не смопра на бороду, надобно оняшъ сдѣлашъ пажами. И шакъ, если вы хопите бышъ великодушнымъ до конца, шо пожалуйспа сдѣлайше намъ чеспъ, оспашпешъ на нѣсколько минушъ въ нашемъ общеспѣвѣ. Въ погребѣ эпого шракпира еспш спарое бургонское, копорымъ можно попошчивашъ самага Короля; шакъ я надѣюсь, вы не опкажете пособишъ намъ пишъ эпо вино.

Бранка съ легкимъ движеніемъ прошпнулъ Кавалеру руку, и пошомъ, когда молодые люди сдвинулись, чтообы дашъ ему мѣспо, сѣлъ между ими за сполъ. Въ эпу минушу вошелъ шракширцикъ, и задыхаясь объявилъ, что всё его пошкки были напрасны.

— Негодяй, вскричалъ ему Бель-Иль, давъ знакъ молчашъ, пш пришелъ очень испашпи. Вина и спаканы !

Тракширцикъ спѣшилъ повиновашъся; и шолько уже, поспавивъ на сполъ вино, онъ увидалъ лицомъ къ лицу новаго госпя, и вскрикнулъ опъ удивленія :

— Ахъ, господинъ Виконпъ до Сентп-Андре! не правда-ли, вы не обрубите мнѣ ушей; шопъ, кого вы желали видѣшъ, шеперь сидитъ подлѣ васъ.

Бранка кинулъ кругомъ себя удивленные взоры.

— Господинъ де Сент-Андре желалъ меня видѣть! вскричалъ онъ; могу-ли знать для чего?

Мушкетеры хранили молчаніе.

— А, понимаю, прибавилъ Бранка, добродушно улыбаясь; Виконшъ боялся, что вы ему не повѣрите, и хотѣлъ прибѣгнуть къ моему свидѣтельству... прошивъ меня же самого. Благодарю васъ, Виконшъ, за доброе мнѣніе, которое вы обо мнѣ имѣете; но вы знаете, что не всегда помнятъ о своихъ мечтахъ.

— Ахъ, да! съ живосцію вскричалъ Бель-Иль, боясь со стороны Виконша какого-нибудь колкаго отвѣта, Маркизь Бранка заспавилъ насъ вѣришь въ магію, если онъ не объяснишь, какимъ образомъ онъ вошелъ шакъ, что мы его не замѣтили.

— Что же, сказалъ Сент-Андре смѣясь, вѣдь господинъ Маркизь, я думаю, немного съ родни Маршалъшъ д'Анкръ, которую сожгли на Гревской площади за ея колдовство.

— Моя фамилія много обязана этой знаменитой жертвѣ, съ важностию отвѣчалъ Маркизь. Что же до того, какимъ образомъ я вошелъ сюда, шакъ нѣтъ ничего проще. Сказавъ опкровенно, сначала я никакъ не подозрѣвалъ, чтобъ это былъ пракпиръ: но вошедши, я очень скоро замѣнилъ свою ошибку, опшого-что здѣсь былъ шакъ шумъ, словно на шабашѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ одинъ мушкетеръ, и по этому я нисколько не удивляюсь, что никто изъ насъ не замѣтилъ прихода господина де Бранка.

— Оспавимъ это, господа, прервалъ Бель-Иль, наливши спаканы, и выпьемъ за здоровье Маркиза.

Всѣ чокнулись спаканами.

— Теперь, господа, вскричалъ одинъ изъ молодыхъ дворянъ, я предложу вамъ другой шостъ: за здоровье нашихъ красавицъ!

— Дѣло, повшорилъ всѣ весело; за здоровье нашихъ красавицъ!

— Право, господа, сказалъ Бранка съ чрезвычайнымъ просподушіемъ, я пью шолько за здоровье вашихъ, если вамъ это угодно.

— Какъ шакъ! возразилъ Бель-Иль; не хопише-ли вы увѣришь насъ, что ни одна прекрасная дама не удоспоила васъ своихъ милостей?

— Но если это по несчастію правда, шакъ для чего жь мнѣ молчать?

Присутствующіе обмѣнялись полу-удивленными и полунасмѣшливыми взорами.

— Значитъ, вы ни одной не сдѣлали предложенія?

— Меня могли опшвергнушь.

— Васъ, господинъ де Бранка! Полноше, вы хопише въ свою очередь посмѣяться надъ нами; любопытень-бы я былъ знать имя жеспокой.

— О! это моя шайна.

— Какъ вамъ угодно. Чшо жь касается до меня, я не хочу держашь въ шайнѣ своихъ завоеваній, хопя правду сказашь, послѣднее и не соспавляетъ большой важности. Это проспо жена моего адвоката; зовушь ее мадамъ Жорже, — прелесшная блондинка со спаномъ нимфы и волосами богини. За здоровье мадамъ Жорже!

— За здоровье мадамъ Жорже! повшорили всѣ мушкеперы.

— Я, сказалъ другой, взялъ немного повыше, чѣмъ Бель-Иль; мое сердце принадлежитъ совѣшницѣ, кошорая принимаетъ меня къ себѣ въ шо время, когда супругъ ея произноситъ въ судѣ свои приговоры. Имя ея мадамъ Пишу; она восхишительная брюнетка. За здоровье мадамъ Пишу!

— За здоровье мадамъ Пишу! заревѣли разомъ всѣ молодые шалуны.

Между-тѣмъ, какъ каждый безъ обиняковъ опкрывалъ имя своей красавицы и шайну своей любви, Бранка съ удивленнымъ видомъ посмапиривалъ шо на одного, шо на другаго изъ нескромныхъ разскащиковъ, какъ будшо ожидаа, что громъ небесный разразился надъ шрактиромъ Золошаго яб-лока; но небо, часш кошораго можно было видѣшь сквозь окна залы, оставалось шхимъ и спокойнымъ, шогда-какъ головы господъ мушкеперовъ очевидно помрачались. Очень вѣроашно, что если-бы каждый изъ членовъ собранія спалъ

разсказывашь о своей любезной, по благодаря полнымъ спяканамъ, копорыми сопровождалсь имена эптѣхъ дамъ, ни одинъ изъ ихъ любовниковъ не былъ бы въ сослояннн прежде завпрешняго дня къ нимъ показаться. Но случилось неожиданное происшествіе, копорое и положило копецъ пирушкѣ.

— Чоршъ возми! вскричалъ Сент-Андре, вы, господа, слышкомъ пуспились въ мѣщанство; имена Жорже и Пипу, сколько мнѣ извѣстно, не внесены ни въ одну дворянскую родословную. Я спыжусь за васъ.

— Чпо дѣлаетъ, опвѣчалъ Бель-Иль; въ эпомъ виноватна Скюдери. Она порпишъ своими романами всѣхъ придворныхъ дамъ. Ныиче не дождесья конца завоеванію какой-нибудь красавицы: эпо все равно, чпо осада Трои. Тебѣ по эпой часпи кое-чпо извѣстно, хошь пы и смѣетесьъ надъ нами, знаменишый Амадисъ...

— Мнѣ! а напримѣръ?

— Полно! неужли пы хочешъ секретничать: развѣ пы думаешъ, чпо мы не знаемъ о пвоей глупой спраспи къ прекрасной Графинѣ д'Изиньи? Будпшо неизвѣстно, чпо пы въздыхаетъ по ней добрыхъ шесть мѣсяцевъ, не получивъ до сихъ поръ ни малѣйшаго одобренія?

— Ты думаешъ?

— Я увѣренъ въ эпомъ; и говорю шебѣ, чпо гораздо лучше брать приспупомъ городки и деревни, чѣмъ бесполезно шрудиться подъ спѣнами городовъ. Не правда-ли, господа?

Эта выходка имѣла совершенный успѣхъ и была принята съ единодушнымъ одобреніемъ. Одинъ Бранка оспавался спокойнымъ, но услыхавъ имя Графини д'Изиньи, онъ вздрогнулъ, и легкая краска показалась у него на лбу. Вскорѣ всѣ мушкеперы, слѣдуя примѣру Кавалера Бель-Иль, принялись осыпашъ Виконша сарказмами: опшого - чпо всегда очень еспешивенно чувспивовашъ нѣкопорое удовольствіе, узнавъ о неудачѣ другаго въ шакомъ дѣлѣ, въ копоромъ и сами не имѣли успѣха, и обрапишъ въ насмѣшку посмоиштво соперника.

— Ахъ, любезный Виконшъ, вскричалъ одинъ мушкеперъ, находясь подъ вліяніемъ послѣдней мысли, ужъ не обѣщаль-ли пы своимъ кредиторамъ вступишъ въ эпошъ

выгодный бракъ? Бѣдняжки! какъ жаль ихъ. Парделанъ далъ своимъ шаксе же обѣщаніе, и съ досады, что не могъ сдержашь его, всигупилъ въ Мальшійскій орденъ. Пейреладъ равно пышалъ своего счастья, только онъ ничего не обѣщаль, а лишь любилъ Графиню безъ ума, и доказаль это, размозживъ себѣ черепъ подъ балкономъ своей жестокой красавицы.

— Ну шакъ, друзья мои, ошвѣчалъ Сенип-Андре, качаясь на своей скамейкѣ, я клянусь вамъ, что не сдѣлаюсь Мальшійскимъ кавалеромъ, подобно Парделану, и не размозжу себѣ черепа, какъ Пейреладъ.

— Какъ гордился этошъ Сенип-Андре! сказалъ другой, бросая на него косвенный взглядъ; мнѣ сдается, что у него ешть какое-нибудь важное намѣреніе. Какъ вы думаете, господа? А я шакъ начинаю вѣришь, что мадамъ д'Изиньи обѣщала ему какую-нибудь важную и шайную благосклонность; ужъ не позволила-ли она ему поцѣловашь кончикъ своей перчатки, если онъ докажетъ свое послыднштво, ожидая этой милости при года и при дня?

— Не дала-ли она клятвы, прибавилъ другой, принявъ его въ свое расположеніе въ шопъ самый день, когда нашъ молодой Король будетъ объявленъ совершеннолѣтнимъ. Эхъ, бѣдный Сенип-Андре, погда у тебя могутъ появиться въ усахъ сѣдые волосы, шакъ же какъ и у насъ, хопъ мы и моложе тебя. Впрочемъ, что нужды; ты вѣдь знаешь пословицу: »перпѣніе все преодолеваетъ.« Не поставилъ-ли ты этого изрѣченія вмѣсто девиза на своемъ щитѣ?

— Можеть-бышь, бормоталь Сенип-Андре, кусая себѣ губы.

— Я охотно держу сто пистолоей, сказалъ прешій, что Сенип-Андре, желая очистишь свои любовные грѣхи, какіе онъ когда-либо дѣлаль, далъ обѣщъ подражашь нашему покойному Королю Людовику XIII... въ его любви къ прекрасному полу.

При послѣднихъ словахъ всѣ мушкетеры пустились смѣяться, исключая Бель-Иля, который вспаль шашаясь, опшого что голова его немного опуманилась, и, опершись своей широкой рукой на шполь, сказалъ:

Басша, господа; пора кончить. Слыды королевскимъ мушкеперамъ, если одинъ изъ нихъ сдѣлался игрушкою кошельки, копорая смѣшся надъ нимъ, шакъ же какъ смѣлась надъ другими. Припомъ я и не вижу, что шуль смѣшнаго. Послушай же, Виконшъ, я шебъ другъ, но, чоритъ возми, если ты будешь продолжатъ швои бесполезныя нѣжностіи съ Графиню, шо клянусь, что не скажу съ шобой ни слова въ цѣлую жизнь.

Тутъ Виконшъ вспалъ въ свою очередь, и бросал на собраніе взоръ, исполненный холоднаго презрѣнія, сказалъ:

— Господа! мнѣ кажется, что мы всѣ расположены лишь за здоровье своихъ любовницъ; и шакъ шеперь моя очередь предложишь здоровье своей. Бель-Иль, налей мнѣ спяканъ вровень съ краями... я пью за здоровье Графини д'Изиныи.

При шпомъ имени, произнесенномъ съ разспановкою и швердымъ голосомъ раздалось общее ура, и всѣ мушкеперы вспали, съ крикомъ:

— Доказательствъ! доказательствъ! слышныи ли, мы шребуемъ доказательствъ!...

Одинъ Бранка хранилъ молчаніе; но онъ былъ блѣденъ, какъ смерть.

— Доказательствъ!... возразилъ Виконшъ съ видомъ побѣдителя, я гошговъ представишь и доказательства.

— Когда?

Виконшъ задумался на минушу; пошомъ, ударивъ себя по головѣ, какъ будшо бы шшимъ ударомъ хотѣлъ вышчибишь мысль, онъ вскричалъ:

— Завтра же! Всѣхъ присушшствующихъ здѣсь я приглашаю въ мою опель на завшракъ.

— Подумай хорошенько, сказалъ Бель-Иль: я невѣренъ какъ Ома, и мнѣ нужно доказательство самое убѣдительное.

— Ты и получишь его.

— Я повѣрю шолько въ шакоемъ случаѣ, сказалъ другой, когда ты покажешь намъ письма.

— Можешь бышь я сдѣлаю и больше, возразилъ Виконшъ съ шанасшвеннымъ видомъ.

— О, я понимаю тебя, сказала Бель-Иль, весело ударивъ его по плечу; и если ты сдѣлаешь это, я признаю тебя молодцемъ.

— А я, вскричалъ Бранка, котораго наконецъ вспалъ въ свою очередь и подошелъ на три шага къ Виконту, я говорю, что господинъ де Сент-Андре не представитъ вамъ этихъ доказательствъ, и что онъ спроста лгалъ.

— Господинъ де Бранка, вы дадите мнѣ опечень, опечень-чаль Виконтъ хладнокровно и кладя руку на свою шпагу.

— Да, сударь, и сюжетъ минушу. Ну, къ дѣлу. Кто будетъ у меня секундантомъ?

Говоря эти слова, Бранка обнажилъ шпагу; губы его дрожали; всѣ мускулы лица его исказались конвульсіями, а пылающіе глаза казалось хотѣли вышуниться изъ своихъ орбитъ. Въ этомъ состояніи едва ли бы кто узналъ въ немъ человѣка, споль холоднаго и молчаливаго, котораго за полчаса приносилъ себя нѣкопрымъ образомъ на жертву шутокъ молодыхъ сумазбродовъ. Виконтъ съ своей стороны почелъ долгомъ послѣдовать своему сопернику, и все показывало, что прапиръ Золошаго яблока черезъ минушу обратится въ кровавую арену; но Бель-Иль, бросаясь между двухъ пропивниковъ, вскричалъ:

— Оспановитесь, господа; Сент-Андре обѣщаль намъ представитъ доказательства въ подтвержденіе своихъ словъ, и мы не должны допускать, чтобы этотъ дуэль состоялся прежде, чѣмъ онъ исполнитъ свое обѣщаніе. Вы и завтра упрямъ будете еще имѣть время перерѣзать одинъ другому горло, если ужъ вамъ шакъ хочеться. Теперь поздно, и если вы меня послушаете, то мы должны опправиться каждый по домамъ, чтобы вычислить свои плашия и приготоовиться къ придворному празднику.

— Бель-Иль говоритъ дѣло, вскричали всѣ мушкеперы, да что, — выпивши, онъ всегда найдетъ полезный совѣтъ. До завтра! до завтра!

Не смотря на это Бранка все еще сморѣлъ на своего пропивника съ видомъ опчасши грознымъ, опчасши нерѣшимельнымъ; но увидѣвъ, что шонтъ вложилъ въ ножны свою шпагу, онъ почелъ долгомъ ему послѣдовать. Послѣ, дошедъ къ нему, онъ сказалъ съ холодною учливостію:

— Господинъ Виконтъ, я буду имѣть честь завтра въ десять часовъ ожидать васъ.

— Да будетъ! сказалъ Сент-Андре. Но, господа, вы меня извините, что я предложу вамъ завтракъ ровно въ восемь часовъ: въ этомъ виновата господинъ Маркизь.... кспаша: господину Маркизу для большей вѣрности не худо бы записатьъ часть свиданія въ свою записную книжку.

— Будьте спокойны, сударь, — ошвѣчалъ Бранка; я вѣдь развѣянъ только съ друзьями.

II.

Графиня д'Изиньи, если вѣрнѣе современнымъ запискамъ, была плѣнительная женщина, — брюнетка, съ бѣлыми зубами, съ маленькой ножкой, съ воздушнымъ спаномъ, — и къ этимъ шѣлеснымъ преимуществамъ присоединались преимущества огромнаго богатства и знатности происхожденія. Кроме того Графиня слыла умною, и говорили, что она съ достоинствомъ поддержала не одинъ очень щекотливый разговоръ въ Рамбульскомъ дворцѣ. Наконецъ, въ двадцать лѣтъ оставшись вдовою послѣ стараго мужа, который, по всей вѣроятности, былъ ея мужемъ только по имени, и будучи соединена родствомъ съ знатнѣйшими фамиліями въ королевствѣ, Графиня д'Изиньи, при всѣхъ этихъ шиплахъ, должна была сдѣлаться цѣлью исканій всѣхъ наследственныхъ честолюбій, которые такъ сильно дѣйствовали при дворѣ Анны Австрійской. И такъ, когда она явилась на придворный праздникъ въ шостъ вечеръ, который слѣдовалъ за извѣстною намъ сценою въ шпакширѣ Золотого яблока, то по обыкновенію, гдѣ она ни проходила, вездѣ раздавался единодушный концертъ похвалъ и самыхъ льстивыхъ опзывовъ объ ея чудной красотѣ. Самъ Кавалеръ Бель-Иль, который сполгъ ухода въ первую залу, пораженный взоромъ ея прекрасныхъ черныхъ глазъ и видя, что она одна, не могъ удержаться, и предложилъ ей учтиво руку, чтобы опвесилъ ее на мѣсто. Когда онъ возвратился къ дверямъ, то въ немъ было замѣтно смущеніе; черезъ минушу, думая, что его никто не слышитъ, Кавалеръ сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Счастливыи Сент-Андре!

При этомъ восклицаніи одинъ придворный, который стоялъ близъ него, оборотилъ голову и опивчалъ:

— Вы ищете Сенип-Андре, и я также. Не спрашно ли, что его нѣтъ, тогда-какъ Графиня д'Изиньи въ Лувръ ужъ съ добрыхъ чепвертъ часа?

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Бель-Иль, успрямивъ на своего собесѣдника удивленный взоръ.

— И по правда, прибавилъ придворный, какъ будто говоря самъ съ собою, чему удивляешься: на мѣстѣ Сенип-Андре надобно сдѣлать нѣкоторыя пригопвления, написать письма . . . мы всѣ смершныя, не шакъ ли, Кавалеръ?

Бель-Иль, слыша эти слова, не зная, что подумашъ, и спрашивалъ самъ себя, какъ могло бытъ споль много извѣстно незнакомцу. Наконецъ онъ вскричалъ:

— А! вы знаете . . .

— Кшо жъ не знаетъ! это рассказываютъ при дворѣ и въ цѣломъ городѣ.

— Ну шакъ дворъ и городъ очень глупы, возразилъ онъ, если они занимаюцца такими пустяками. Слава Богу, мы живемъ не во времена Кардинала, чтобы дуэль могъ заспаивнъ говорить шакъ высоко и шакъ низко.

Послѣ этого нѣсколько рѣзкаго опивѣна Бель-Иль опворотилъ голову, какъ шакоей человекъ, который не хочеть продолжать непріятнаго разговора; въ эту минуцу къ нему подошелъ одинъ изъ его пріятелей и, шихо пронувъ его за руку, сказалъ:

— Здравствуй, Кавалеръ! знаешь-ли новость?

— Какою? спросилъ Бель-Иль.

— Вонъ шебъ разъ! дуэль де Сенип-Андре и Бранка.

— Вонъ и другой! бормошалъ Кавалеръ сквозь зубы.

— Бѣдняжка! оспаривашъ у Сенип-Андре Графиню д'Изиньи! до сихъ поръ я почишалъ его шолько разсѣяннымъ, а теперь вижу, что онъ и шого хуже.

— Чшо жъ онъ шакое?

— Просто сумасшедшій! Да вонъ, смотри: видишь ли, вонъ онъ спойнъ, успрямивъ глаза на свою любезную. Въ этихъ глазахъ еспъ что-шо дикое.

Дѣло въ томъ, что въ насполицій вечеръ Бранка не былъ прежнимъ человѣкомъ. Физиономія его, обыкновенно спокойная и важная, была запечатлѣна необыкновеннымъ выраженіемъ, и неизвѣстный огонь блискала въ его зорѣ. Причиною этому было то, что онъ находилъ что-то порожешвенное въ этомъ, можетъ-быть послѣднемъ свиданіи съ женщиною, которую любилъ, не смѣя до сихъ поръ сказать ей о своей спрасни. Если дувъ былъ чѣмъ-то въ родѣ поптѣхи для людей подобныхъ Виконцу, то для Бранка онъ былъ важнымъ дѣломъ; и онъ говорилъ себѣ: завапра можетъ-быть опель Бранка покроется прауромъ, а она пройдетъ беззабошно подъ ея окнами, она даже не узнаешь, что я умеръ за нею. Какъ ни была пляжка для него шакая мысль, но безъ сомнѣнія она казалась бы ему сносите, если-бы къ ней не присоединилось жестпочайшее изъ всѣхъ подозрѣній — жало, которое безпреспанно почило кровь изъ его сердца, — мужчина осмѣлялся хвалишься, что онъ любовникъ Графиня д'Изини! Неужли этошь человѣкъ сказалъ правду? неужли сполько прелести, красоти и скромности могли достаться въ удѣлъ разврашнику? но этошь разврашникъ обѣщаль предспавить доказательспва. Доказательспва — Боже мой! Вотъ что было дѣйствительною причиною помлений, которые испытывать Бранка; остальное ему ничего не значило. Жизнь споль прекрасная еще въ шридцать лѣтъ, жизнь чистая, безупречная, въ копорый наспоющее и прошешее являюпся со всѣми выгодами, которые даешъ богатспво и знапность происходенія, будущее съ пысячью блиспательныхъ подвиговъ, все это исчезало изъ глазъ Бранка при одной мысли: невинна-ли Графиня! Онъ не желаль бытъ любимымъ этою женщиной, — лишь бы сполько она не любила никого другаго. Нерѣдко вспрѣчаюпся примѣры подобныхъ спраспей у людей извѣснаго душе-расположенія, которые опъ излишка робости созидаюптъ себѣ родъ оприцательнаго счастья, и не смѣя прелѣдовать сущеспвенности, спраспни привязываюпся къ призраку. Когда эти бѣдные мечшатели видаптъ, что у нихъ похищяюптъ предметъ ихъ думъ, то они бываюптъ можетъ-быть еще болѣе доспойны сожалѣнія, чѣмъ-бы были тогда, какъ у нихъ опняли-бы что нибудь сущеспвенное.

И такъ Бранка съ сердцемъ, раоперзаннымъ вплими мученіями, сподаль, прислонясь спиною къ одной изъ пиласпръ

галлерей, и спарался опгадашь по физиономіи Графини: какво было въ эпошть вечерь расположеніе ея души; но опдѣленный опть недѣлою галлереею, чрезъ копорую безпреспанно проходили пысячи разнообразныхъ группъ и скрывали опть него предметъ его обожанія, онъ не могъ разсмопрѣшь ее со всевозможною точностію. Наконецъ послѣ нѣкопорого раздумья онъ рѣшился подойти къ Графинѣ. Приближаясь къ ней, онъ замѣнилъ улыбку на ея устахъ. Эпа улыбка облегчила его, опшого-что — пакъ онъ думалъ про себя — женщина, копорой любовникъ гошовъ драхься на дуэль, не спала-бы предахься веселоспи, какъ-бы ни была она припворна. Попомъ лицо его опячь омрачилось; ему пришло въ голову, что Сент-Андре вынужденъ былъ скрыть опть Графини о дуэль, копорого причины она никогда не должна была знать. Однакожь онъ не могъ прошивишься желанію подойти къ ней ближе, и покрайней мѣрѣ въ послѣдній разъ упишься звуками ея сладкаго голоса. Но заговоривъ съ нею, онъ видимо былъ смущень.

— Графиня д'Изиньи, кажеться, очень весела нынѣшнимъ вечеромъ, сказалъ онъ, поклонившись ей довольно неловко.

— Въ самомъ дѣлѣ, опвѣчала молодая женщина; но я имѣю причину бышь веселою; безъ сомнѣнія, вы сами спали-бы смѣяшься подобно мнѣ, если-бы знали, что со мной случилось.

— Я совершенно гошовъ подражалъ пакому прекрасному образцу, если шолько вы удоспоише сдѣлать меня своимъ повѣреннымъ.

— О, я могла бы выбрать и менѣе доспойнаго.

— Но, можеть-бышь, не споль преданнаго.

— Вы пакъ думаете? въ живостію возразила Графиня, успремивъ на Бранка взоръ полу-нерѣшительный и полу-благодарный.

— Ахъ, возразилъ Бранка, опъ чего мнѣ не лзя вамъ эпо доказатъ!

Можеть-бышь никогда робкій Бранка не былъ пакъ опкровенно разговорчивъ съ предеспною вдовою. Она снова подняла на него глаза, но на эпошть разъ уже съ чувспвомъ удивленія, и потомъ прибавила.

— Я не знаю, до какой степени эпа преданность, о кошорой вы говорите, сродственна съ шѣмъ, что называюшь....

Кн. I.

вашими мечтами; но что за нужда; я скажу вамъ все: можеть-спастись вы пособише мнѣ ошкрыть сочинителя одного шуточнаго посланія, которое я только что получила ... О! это наспоющая загадка. Вы увидите сами.

Говоря это, молодая женщина подала ему небольшую бумагу, свернутую въ видѣ письма. Бранка съ жадностію схватилъ ее, а Графиня ему сказала.

— Читайте, господинъ Бранка, читайте громко, чтобы дамы, которыя на насъ смотрятъ, могли все слышать. О! я вовсе не имѣю нужды скрываться.

Въ голосѣ, которымъ мадамъ д'Изиньи произнесла это последнее слово, было выраженіе гордости, которая такъ чудесно шла къ ней, но которая глубоко оскорбила не одну изъ ея сосѣдокъ. Бранка развернулъ записку и прочелъ слѣдующее:

„Diane, sauvage déesse
Dont mes soupirs n'ont pu toucher le coeur;
Fleur de beauté, fleur de sagesse,
Diane, sauvage déesse,
Auriez-vous trouvé votre vainqueur ?“

Тутъ Бранка оспановился и усупремилъ на Графиню взоръ, который совершенно гармонировалъ съ послѣднимъ стихомъ. Но съ вопросомъ, который выразился въ этомъ взорѣ, соединилось выраженія счастья и благодарности, общаго-что Бранка нашелъ чудесный и неожиданный случай объяснить жестокое сомнѣніе, которое раздирало ему душу; вспрѣпивъ прекрасныя черныя глаза Графини, которыхъ гѣмой языкъ заставлялъ его продолжать чтеніе, онъ только могъ сказать себѣ: »Эта женщина невинна.« Онъ прочелъ однимъ духомъ прочіе спансы, которые были писаны въ томъ же духѣ. При послѣднемъ стихѣ Графиня захохотала такъ прѣсподушно, такъ увлекательно, что дамы, ее окружавшія, должны были поневолѣ слѣдовать ея примѣру, и ша часишъ галлерей, гдѣ происходила эта сцена, сдѣлалась цѣлью взоровъ всего собранія.

— Ну, господинъ Бранка, вскричала молодая женщина, немного прищедъ въ себя опъ смѣху, не скажете-ли вы намъ, кто шотъ Эндиміонъ, котораго Фебъ заставляешъ скрываться?

Да смѣйтесь-же съ нами! Если вы не спанете смѣяться, эти дамы подумаютъ, что это вы.

Тутъ смѣхъ начался съ новою силою. Какой превосходный случай предсавлялся тогда Бранкъ опомспинъ своему сопернику! Съ минушу онъ колебался — не бросишь-ли ему имя Сенш-Андре въ жертву шутокъ прекрасныхъ насмѣяницъ. Но это была молнія, — природное великодушіе и благородство скоро заспавили его опшвергнувъ эту мысль. Впрочемъ должно сказаць и шо, — съ шѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что Сенш-Андре есть ничто иное какъ фанфаронъ, онъ не чувствоваль къ нему ужé никакой ненависти. Въ эту минушу Графиня, опъ копорой не скрылось его смущеніе, сказала ему въ подголоса, но съ живоспію:

— Не спарайтесь обмануть меня, господинъ Бранка; я видѣла, какъ вы покрасѣли; — значитъ въ спансахъ, адресованныхъ ко мнѣ, есть шайна, копорая вамъ извѣсна, и я непременно хочу ее знаць. Слышите-ли, господинъ Маркизь? Вы должны мнѣ опкрыць имя этого прекраснаго побѣдителя, копорый безъ сомнѣнія принадлежиць къ числу вашихъ друзей. Говорите же: я жду.

Положеніе дѣлалось опаснымъ; никакая мечта не приходила на помощь Маркизу; а между шѣмъ малѣйшая могла-бъ быть ему шакъ полезною! Не знаю, какъ онъ выпушался бы изъ этого дѣла, если бы по счастию королевскіе скрипачи, пославленные въ концѣ галлерей, не заиграли прелюдіи. При этомъ знакѣ Графиня вздрогнула, и вдругъ перемѣнила разговоръ.

— Вошь, сказала она, шеса изъ балета, копорая мнѣ очень нравишя. Что вы на это скажете, господинъ Маркизь. Что до меня касаетя, шо я чувствую восшоргъ, слыша эту музыку.

— Въ самомъ дѣлѣ, опвѣчалъ Бранка, усшремивъ на Графиню взглядъ, въ копоромъ можно было прочесть всю любовь его. Если-бъ я былъ лучшимъ пансѣромъ, можетъ быть я осмѣлился бы просиць васъ пропанцовашъ со мною слѣдующую кадрили: но вы ужъ вѣрно приглашены.

• — Вы ошибаетесь, господинъ Маркизь, возразила молодая женщина съ прелестною улыбкою, я съ величайшимъ удовольствіемъ принимаю ваше приглашеніе.

Трудно было-бы описать восхищеніе, которое чувствовалъ Бранка при этихъ словахъ. Орденъ Святаго Михаила не доспавилъ бы ему такой радости. Смущенный, восхищенный, онъ бросилъ кругомъ себя поржесшующіе взоры, какъ вдругъ близъ него раздался рѣзкій голосъ, и заставилъ его оглянуться. Это былъ голосъ Сенпъ-Андре. Молодой Францъ полько-что вошелъ въ залу, и его пріятная наружность сполько же, какъ богатство и изящество его наряда, споччасъ обратили на него общее вниманіе. Графиня д'Изинья сдѣлалась разсѣянною и едва отвѣчала на слова, съ которыми обратился къ ней Бранка. Но дѣло пошло еще хуже, когда Сенпъ-Андре подошелъ къ ней съ видомъ полупоманымъ, полусвободнымъ, который выказывалъ всю ушонченность шогдашняго обращенія съ дамами, и пуспился, поцѣловавъ ей руку, напѣвать пышныя фразы Рамбульѣшскаго дворца.

— Вы сегодня очень запоздали, Виконпъ, вскричала Графиня, васъ уже почти опчаялись здѣсь видѣть.

— Какая клевета! возразилъ Сенпъ-Андре, — развѣ я не зналъ, что вспрѣчу здѣсь ваши прелесшныя глаза!

Графиня улыбулась, а Виконпъ продолжалъ небрежнымъ тономъ:

— Я непременно прикажу хорошенъко проучить моихъ *варныхъ*, которые шакъ долго продержали меня передъ *соавтникомъ прелестей*, заняшаго ничтожными попеченіями о моемъ шуалетѣ. Они причину моему замедленію.

— Бѣдные люди! я прошу васъ проспитъ ихъ.

Съ этой минуты Бранка не получалъ уже ни одного взгляда. Только черезъ нѣсколько времени его соперникъ замѣшилъ, что онъ былъ шущъ, и поклонился ему очень развязно. Бранка хощѣлъ подражать ему, но напрасно: онъ пошперялъ свою швердоспъ. Однако и для него была еще минута удовольствія, когда Сенп-Андре попросилъ Графиню пропанцовашъ съ нимъ въ балетъ, и когда она отвѣчала на это, что его предупредили. Бранка, замѣшивъ очень явную досаду, которая при этомъ извѣстіи омрачила физиономію ловкаго мушкетера, чувствовалъ себя почти опомщеннымъ. Но этошъ послѣдній не замедлил одержать верхъ, и молодая Графиня казалась споль была очарована его нарядомъ, что Бранка подумалъ, что ему не оспавалось ничего лучше сдѣ-

дашь, какъ на-время удалишься, и не мѣшаешь сполнѣ пріятному и щегольски обработанному разговору. Опечаленный Маркизь, погрузясь въ мечши, пошелъ скрышь свой спыдъ и огорченіе въ одной почши совершенно пустой галлерей; шамъ онъ подошелъ къ опкрышному окну, облокопился на него и, предаваясь глубокой меланхоліи, спалъ смопрѣпъ на небо. Въ шо время небо предспавляло собою зрѣлице, копорое довольно согласовалось съ его сердцемъ. На горизонтѣ, съ западной стороны, густыя черныя облака поминушно грозили закрышь своими крыльями безжизненную и блѣдную луну, копорой невѣрный свѣтъ не позволялъ сквозъ заѣсъу паровъ различать великолѣпнаго ландшафта, кшпорый въ шо время предспавляли берега Сены подъ спѣнами Лувра. Эшопъ видъ былъ прелестенъ и величественъ, и безъ сомнѣнія, при другихъ обстоятельспвахъ, Бранка съумѣлъ бы оцѣнить его.— Но настоящія минушы были для него однѣми изъ тѣхъ минушъ, въ копорыя для людей, самыхъ недослупныхъ мечшамъ, физическій міръ совершенно исчезаетъ передъ нравспвеннымъ міромъ, и въ копорыя эщи: два начала нашей природы, сполнѣ шьсно соединенныя между собою — духъ и вещество — нѣкопорымъ образомъ переспаюпъ сущеспвовать нераздѣльно.

Какой человекъ, и особенно въ положеніи Маркиза, не раздѣлил-бы всѣхъ своихъ предубѣжденій? Женщина, за кошорую онъ черезъ нѣсколько часовъ можетъ-быть прольетъ кровь свою, ша, кошорую онъ до сихъ поръ почиталъ сполнѣ невинною и сполнѣ чистою, была для него шеперь ничшо иное какъ чудо лицемѣрства. Она любитъ Сенпъ-Андре: въ эшомъ нельзя болѣе сомнѣваться. Авторъ спансовъ, кошорые онъ читалъ, былъ какой-нибудь опвергнушый обожатель, шакой же, какъ Бранка, и кошорый нашелъ лучшее средство, чѣмъ онъ, опомспилъ за себя своему сопернику.— А между-шѣмъ, съ какимъ равнодушіемъ слушала Графиня эщи спансы! Съ какимъ повидимому проспосердечіемъ она смѣялась сдѣланному въ нихъ объясненію! Размысливъ хорошенько при эшомъ случаѣ объ ужасной двулшчности женщины, и прибравъ въ умѣ тысячу комменсарій на эшу шему, подобно какъ музыкантъ изобрѣшаетъ тысячу варіацій на одинъ мотивъ, Бранка вдругъ перемѣнилъ мысли, — опшого, чшо нѣтъ, ничего непоспояннѣ логики людей спраспвныхъ, — и сказалъ самъ себѣ: «послѣ всего эшого какія

причины имѣю я на нее жаловаться? Если ей болѣе нравились де Сент-Андре, шакъ изъ этого не слѣдуетъ, что она должна мнѣ признаться въ этомъ, и гдѣ же? въ Луврѣ, въ присушствіи всего двора! Развѣ ея вина, что Виконтъ шакоей фанфаронъ и развратникъ? Развѣ мы не часто видимъ, какъ добродѣтель, позволяешь пороку класить себя на глаза повязку? Хорошо же! Я сорву эту повязку, или — чортъ возми! Я убью этого Сент-Андре, и попомъ пойду къ Графинѣ и скажу ей, что человекъ, которому она опдала свое сердце, былъ подлець, неспособный сохранить шайну, что онъ заслуживалъ примѣрнаго наказанія для чести французскаго дворянства, и что я совершилъ эту казнь.

Говоря шакимъ образомъ, Бранка въ сильномъ гнѣвѣ колошила что если силы по балюспраду балкона, какъ вдругъ смѣшанный шумъ, посреди кошораго прорывалось повременамъ его имя, достигъ до его слуха.

— Господинъ Бранка! гдѣ Маркизь Бранка, шакъ кричало нѣсколько голосовъ. Онъ не явился въ кадрили Королевы. Это нигдѣ не видано! Королева - правительница казался очень разгнѣвана. Именно шолько Бранка — разсѣянный могъ до шакоей степени забыть правила этикета!

Эти роковыя слова опзывались въ ухахъ Маркиза, какъ громовыя удары. Король, Правительница, дворъ — что ему до нихъ! но его ожидала его дама! его дама, Графиня д'Изины! При этой мысли его оставило все присушствіе духа. Разспроенный, задыхаясь, онъ бѣжилъ, лепилъ, шолкаешъ докшами, опрокидываетъ нѣсколько человекъ, кошорые повстрѣчались ему на дорогѣ. Наконецъ онъ достигается до кадрили Королевы, и шамъ первый предметъ, кошорый поразилъ его взоры, былъ Сентъ-Андре, сжимавшій съ видомъ шоржесшва руку Графинѣ д'Изины, кошорая, стоя съ нимъ рядомъ, благосклонно улыбалась своему кавалеру. На этого разъ Бранка увидалъ, что ему нечего надѣяться; однако же онъ осмался и довольно хладнокровно перенесъ шыслату насмѣшекъ, кошорыя были на него обращены. Когда кадрили кончилась, онъ почелъ необходимымъ подойти къ Графинѣ и сказашъ ей что-нибудь въ извиненіе. Она, раскраснѣвшись отъ досады, едва ему опшѣчала. Виконтъ, кошорый погда велъ ее къ ея мѣспу, вскричалъ съ насмѣшливымъ и шакъ свойственнымъ ему видомъ:

— Ахъ, Графиня, можете-ли вы гнѣваться на господина Маркиза за разсѣянность, за копорую я такъ ему благодаренъ! Значитъ вы не знаете, что господинъ де Бранка бываетъ разсѣяннымъ только съ своими друзьями?

— Такъ господинъ Маркизь, возразила съ ѣдкостью Графиня, дѣлаетъ мнѣ честь, считая меня въ числѣ ихъ?

Бранка, котораго слышалъ вѣроятно разговоръ и жестко сшрадалъ отъ него, возразилъ съ холодною ироніей:

— И, господинъ Виконтъ, вы принимаете на себя должность моего адвоката, когда я вовсе не просилъ васъ объ этомъ! Это значитъ унижаетъ себя, тогда-какъ и вы и я оба принадлежимъ къ порядочнымъ фамиліямъ и носимъ — шпагу. Пошомъ, наклонясь къ нему на ухо, онъ тихо прибавилъ:

— До завтра, до завтра, господинъ Виконтъ! о, какъ долго покажется мнѣ время!

Сенп-Андре низко поклонился и отвѣчалъ на это ласковымъ улыбкою. Вслѣдъ за этимъ пакъ, одѣтый въ ливрею Королевы, подошелъ къ Маркизу и, шронувъ его за рукавъ, сказалъ съ шайншвеннымъ видомъ:

— Господинъ Маркизь, пожалуйста за мною. Клянусь, не далеко отсюда, желаетъ имѣть честь поговорить съ вами.

Бранка по приглашенію пажъ прошелъ нѣсколько отдѣленій; и его ввели въ отдаленную комнату, гдѣ онъ нашелъ Герцога де Вильруа, начальника гвардіи.

— Извините, господинъ Маркизь, что я помѣшалъ вамъ: но я исполняю данное повелѣніе. Не угодно ли вамъ прочесть эту бумагу.

Сказавъ эти слова, онъ взялъ со стола письмо, запечатанное большою печатью съ гербомъ Франціи, и подаль его Маркизу. Этимъ сломилъ печать съ какимъ-то невольнымъ безпокойствомъ, и развернувши письмо, прочелъ слѣдующее:

„Господинъ де Бранка увольняется отъ исправленія должности нашего камеръ-юнкера и вмѣстѣ съ тѣмъ ему предписывается немедленно отправиться въ свои помѣстья. Мы извѣстимъ его, когда намъ будетъ угодно, чтобы онъ возвратился для занятія своего мѣста при особѣ нашей.“

Письмо было подписано Анною Австрійскою.

Бранка выронилъ изъ рукъ письмо, и посмощрѣвъ на своего собесѣдника съ удивленнымъ видомъ, вскричалъ :

— Господинъ Герцогъ, я надѣюсь, что шеперь вы объясните мнѣ, что все это значитъ.

— Говоря откровенно, отвѣчала Вильруа, это очень много походить на немилость.

— Но, господинъ Герцогъ, я этого не заслужидъ: моя приверженность къ Королю и его августѣйшей родителенцицѣ очень извѣстна; какъ бы я ни разсматривалъ свои опупки, но я не могу найши въ нихъ такого пресупленія, которое заслуживало-бы споль спрогое наказаніе: вы увидите, что шупъ есть какое-нибудь недоразумѣніе. Если вы только позволите, я сей часъ пойду къ Королевѣ-правителенцицѣ и спану просить ее объ уничтоженіи этого повелѣнія, которое никакъ не можете ко мнѣ отнестись.

— Не возможно, господинъ Маркизь: шупъ говорится именно объ васъ, могу васъ въ томъ увѣрить; Королева-правителенница за нѣсколько минушь сама входила въ это шубинетъ и собственными устами продиктовала это повелѣніе, которое послѣ и подписала.

— Но безъ сомнѣнія причиною шому были какіе-нибудь ложные доносы.

— Это можете спашься; но Ея Величество кажется очень на васъ прогнѣвана.

— Ничего не понимаю. Гдѣ шпцерь Королева?

— Ея Величество возвратилась въ собственные покои съ нашими молодыми Королями.

— Я пойду шуда и брошусь къ ихъ ногамъ.

— Дано повелѣніе не приниматьъ васъ.

При этихъ роковыхъ словахъ Бранка, какъ убитый, упалъ въ кресла. Герцогъ Вильруа продолжалъ :

— Ободритесь, господинъ Маркизь; правда, что не очень пріятно вхашъ и закопашъ себя въ полушораста лѣ опъ двора: но все же опъ этого не умираютъ. И шакъ, не угодно ли вамъ отправиться въ свою опель. Вамъ дается два часа на пригшопвленія къ дорогѣ. Черезъ два часа поручикъ гвардіи будетъ имѣть честь явиться къ вамъ, чтобы пошомъ сопровождать васъ.

— Два часа! черезъ два часа! вскричалъ Бранка, вспа-
вая съ бѣшенствомъ и ходя быспрыми шагами по пыльному
проспранству, гдѣ происходила эта сцена; но мнѣ никакъ
нельзя выѣхать черезъ два часа. Господинъ Герцогъ сжа-
леть надо мною; мнѣ нужно быть свободнымъ только до
слѣдующаго утра; дайте мнѣ эту опсрочку, и моя призна-
тельность къ вамъ будетъ безгранична!

— Вы видите, господинъ Маркизь, что я въ опчаяніи,
будучи вынужденъ вамъ опказать; но Королева, выходя оп-
сюда, дала мнѣ спрочайшее приказаніе, и я не смѣю его
ослушаться.

— Боже мой! Боже мой! да это самое низкое преда-
тельство! о если-бы вы знали....

— Я знаю все, опвѣчалъ Герцогъ спрочайшею иноню:
дѣло идешь о дуэль.

— Ну да, господинъ Герцогъ, я не скрываю опъ васъ:
у меня есть дуэль, которій не можетъ шертъшь никакой
опсрочки; вы дворянинъ, вы знаете, что законы чести по-
вѣлываютъ...

— Правда, сударь; но вдова Людовика XIII не должна
шертъшь, чтобы воля ея августѣйшаго супруга не была ис-
полняема, тогда—какъ оппанки его еще не успѣли охолодѣть,
и тѣмъ болѣе, чтобы она не была исполняема дворяниномъ,
которій имѣетъ честь принадлежать къ ея собственной
свистѣ. Ея Величеству донесли, что вы нынѣшнимъ ушромъ
сдѣлали вызовъ господину Виконту де Сент-Андре, и чтобы
избавить васъ опъ всей спрочоспи адикшвъ, которые не
переспали имѣть силу законовъ, Ея Величество, изъ благо-
воленія къ вамъ, удаляетъ васъ опъ своей особы. Волтъ, го-
сподинъ Маркизь, въ двухъ словахъ то, что произошло, и
что вы вынудили меня себѣ сказать. Теперь извините
что я оставляю васъ: моя служба призываетъ меня къ ко-
ролевской фамиліи. Что мнѣ сказать опъ васъ въ опвѣтъ
Королеви?

— Прошу сказать ей, прошепчалъ Бранка задыхаю-
щимся голосомъ, что я гошвъ повиновашься.

Но едва Герцогъ вышелъ, какъ пысячи мыслей одна пы-
госпнѣ другой пришли въ голову Бранка «Какъ, сказалъ
онъ самъ себѣ, Королева изъ благоволенія ко мнѣ хочеть

меня обезчестить! Ведь найдутся люди, которые скажут, что я самъ выпросилъ эту ссылку, и кто испугался за меня, кто обличилъ ихъ во лжи? А между-тѣмъ Сенип-Андре спокойно спавелъ наслаждался своею побѣдою, и Графиня можетъ-быть подумаетъ, что я его боюсь. О! лучше умереть на площади, на эшафотѣ, чѣмъ ославить ея какое подозрѣнiе! Да! у меня ославится два часа, а больше и не нужно, чтобы кончить это дѣло: дрались вѣдь можно и при свѣчахъ. Рѣшено! черезъ два часа, если меня не будетъ, все кончилось; и тогда Правительница можетъ приказанiе послушать съ своимъ плѣмомъ, какъ будетъ ей угодно.

Полный эпою мысляю, Бранка схватилъ свою записную книжку и, вырвавши изъ нея листокъ, вкоро написалъ слѣдующую записку:

„Господинъ Виконтъ! повелѣнiе, которое я сейчасъ получилъ отъ Королевы-матери, принуждаетъ меня ославить Парижъ черезъ два часа, и я не знаю, скоро ли будетъ мнѣ позволено сюда возвращаться. Благоволише, по полученiи эпой записки, немедленно пожаловашъ въ мою опель, — гдѣ я буду ожидать васъ, чтобы кончить навѣрное вамъ дѣло.“

Свернувши записку, онъ хотѣлъ выдти изъ кабинета, чтобы найти какого-нибудь пажа и поручить ему доставить ее по адресу. Но какво было его удивленiе, когда, отворивши дверь, онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ двумя ординарцами, которые очень учтиво взяли его подъ руки.

— Чего вы хотише отъ меня, господа? сказала онъ.

— Не вы ли господинъ Маркизь де Бранка? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Я самый, господа, къ вашимъ услугамъ.

— Ну такъ, господинъ Маркизь, поспрудитесь идти впередъ. Мы имѣемъ приказанiе служить вамъ проводниками до вашей кареты.

— Очень охотно, отвѣчалъ Бранка, нѣсколько разспроенный эпою мѣрою предоспорожности. Но не могу ли я прежде попросить васъ оказашъ мнѣ одну услугу? вошь, нельзя ли доставить эту записку одному.... изъ моихъ друзей, Виконту де Сенип-Андре.

Ординарцы обмѣнялись условленными взглядами, попомъ они дали знакъ пажу, чтобы онъ подошелъ, и какъ скоро

Тотъ, кто вошелъ хозяиномъ въ опель де Сент-Андре, былъ не другой кто какъ Маркизь Бранка, и должно прибавить, что это завладѣнiе, которое съ перваго взгляду можетъ показаться злонамѣреннымъ, произошло очень просто. Съ Маркизомъ случилось позже, что случается ежедневно съ людьми менѣе его разбѣянными. Принужденный шакъ неожиданно оставилъ луврскiй праздникъ, онъ, посреди неизбѣжнаго безпорядка, происшедшаго отъ сѣзда множесва карешъ, и еще болѣе увеличеннаго проливнымъ дождемъ, сѣлъ въ карету своего соперника. Эта ошибка показалась еще менѣе удивительною, когда узнаютъ объ особенныхъ причинахъ, — о чемъ мы и не замедлимъ извѣстить читателя, — которые заставили Вимонша приказать своимъ людямъ, чтобы они имѣли карету въ готовности немедленно ославить Лувръ. Эти, замѣтивъ въ шемношѣ, что прямо къ нимъ идетъ человекъ, одинакаго роста съ ихъ господиномъ, не усомнились, что это не самъ Виконтъ ославляетъ праздникъ въ то время, когда онъ едва лишь начинался, и поспѣшили опбросить подножку кареты. Лишь только Бранка занялъ мѣсто, лошади пустились шибкой рысью, и, безъ великаго сомнѣнiя, въ шакомъ ужасномъ положенiи, въ какомъ находился Маркизь, его можно бы провезши по всему Парижу, шакъ что-бы онъ того и не замѣнилъ. Мы видѣли, какъ поспѣнно вошелъ онъ въ опель, и по этому случаю испанши замѣтимъ, что изъ всѣхъ ошибокъ, которые справедливо и несправедливо ему приписывали, это самая правдоподобная. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, къ которому относится эта исторiя, жилища нашихъ предковъ были очень между собою сходны, какъ внутреннимъ раздѣленiемъ зданiя, шакъ, и украшенiями. Можно сказать вообще: кто былъ въ одной опели, тотъ былъ уже въ двадцати; опшого-что безпреспанное повпоренiе шѣхъ же формъ и шѣхъ же подробностей сосшавляетъ характеристическую черту искусства, существовавашаго въ продолженiе XVII вѣка. Бушки швейцара, службы, занимали всегда одно и то же мѣсто; дѣспница была вездѣ одинаковой вышины и ширины; даже, если-бы кто счелъ камни, которыми вымощивались дворы, то вѣрно бы нашелъ, что число ихъ почти вездѣ одинаково. После этого можно-ли удивляться опбкѣ, въ которую впалъ Маркизь Бранка.

Наконецъ, чѣшбы успранишь всякое невѣроупіе, доспатчно сказатъ одно слово: нашъ герой былъ разсѣянный.

Прошло чепверть часа послѣ его прїѣзда въ опель; онъ сядѣлъ на помъ же мѣспѣ, п перебиралъ въ умѣ своемъ всѣ проишпесспвіа, кошорыми былъ ознаменованъ для него вшопъ роковой вечеръ, какъ вдругъ съ улицы дошли до его слуха опгчаянные крики и звукъ оружїа. Извѣспно, что ночныя нападенїа были шогда очень не рѣдки въ Парижѣ, и что улицы послѣ извѣспнаго времени были очень небезопасны. Бранка, услышавъ шумъ, шощчасъ опкрылъ окно, и какъ ни велика была шемноша, онъ увидалъ въ близкомъ разспоянїи опгъ опели и почши подъ ея окнами, карешу, окруженную шолною вооруженныхъ людей. Не забопаясь о числѣ и повинаясь шолько своему мужеспву, онъ въ шужъ минушу бросился изъ комнашы, сошелъ съ лѣспницы, и подошелъ уже къ будкѣ швейцара, какъ вдругъ замѣспилъ съ удивленїемъ, что дверь опели была опворена. Во всякомъ другомъ случаѣ вшо обспояшельспво возбудило бы его подозрѣнїе; но шеперь онъ едва обрашпиль на него вниманїе, п успремившпсь на улицу прошпвъ воровъ — или покрайней мѣрѣ шгѣхъ, кошорыхъ онъ почпшалъ ворами, — онъ началъ рубпшь на всѣ спороны и дѣйспвовалъ шакъ хорошо, что въ одно мгновенїе овладѣлъ полемъ бпшвы. Воры и кареша ишчезли, и въ рукахъ побѣдшпеля оспалась, какъ залогъ шоржеспва, женщина, лшпвшаяся чувспствъ.

Бранка, неся на рукахъ драгоцѣнную пошу, вошелъ въ опель, заперъ двери, п положилъ свою добычу на софу передъ огнемъ. Кончивъ вшо первое дѣло, онъ вздумалъ, что необходимо послать за медикомъ, опшмого, что онъ вовсе не зналъ, чѣмъ можно помочь обмороку. Въ слѣдспвіе шакого размышленїа онъ схватилъ большой серебряный колокольчикъ, кошорый лежалъ подлѣ него на сполѣ, и сильно зазвонилъ; но, видя, что никто изъ людей не спѣшпшь на вшопъ зовъ, онъ прпнялся звать всѣхъ по именамъ, бѣгалъ комнашѣ, подбѣгалъ къ каждому окну, къ каждой двери, крича что еспъ силы:

— Эй! Дюбуа! эй! Лабри! Каспаре! Да проснетесь-ли вы, негодяи! или мнѣ самому итши и посшаскашъ васъ съ посшелей? Подайте шпрпшу, укусу! бѣгпше за медикомъ! Я васъ шгоню всѣхъ, если вы сейчасъ не явшпсь сюда.

Но какъ онъ ни кричалъ, ни шумѣлъ, никто не шевелился во всей ошалѣ; совершенное молчаніе парсповало въ этомъ жилищѣ, спомъ сходнымъ на шу пору съ тѣми очарованными дворцами, о кошорыхъ говорипся въ волшебныхъ сказкахъ.

— Держу пари, думалъ Бранка, что эпи плушы не ожидали меня шакъ скоро и проводяшъ ночь въ кабакъ! ихъ ничѣмъ не исправипшъ. Но онѣ поплашпса мнѣ за эшо!.. А эша жеиципа — я и забылъ объ ней!.. Боже мой! Боже мой! какое ужасное положеніе! нечего дѣлать: надобно ей чѣмъ-нибудь помочь.

Предавался эпимъ размышленіямъ, Бранка разсматривалъ съ непоняпнымъ чувствомъ любопышспва шо существо, кошорое недвижно лежало передъ нимъ на софѣ; черныи бархатный плащъ съ широкимъ кашпономъ, опущеннымъ на голову, закрылъ всѣ его формы и даже лицо.

Спой! сказалъ онъ самъ себѣ, подхода къ незнакомой и шпхо подымая складки кашпопа, посмопримъ, кшо-бы эшо; мнѣ кажетса, что эшо какал-нибудь вдова, кошорая возвращалса съ придворнаго балу. Да, подбородокъ право не дурень. О какой прекрасныи рошпкъ!...

Бранка не сказалъ болѣе ни слова, но испушпилъ спрашпный крикъ и упалъ на колѣни: онъ узналъ Графиню д'Изинья.

Лучъ радости блеспллъ въ черсахъ его, шогда-какъ онъ упивалса разсматриваніемъ эшого плѣнпшельнаго лица, кошорому блѣдность придавала въ шу минушу невыразпмо-шрогашельную прелестъ; вса спрашп пробудилса въ его сердцѣ и спшала еще живѣе, еще пылче, чѣмъ когда-нибудь. Одиатъ съ нею!.. съ шой, кошорую онъ почипалъ навсегда для себя потеряною! Эшо счастье было шакъ нежданно, что онъ спрашпвалъ себя, должно-ли ему вѣрпшъ, не овладѣла ли имъ мечпашельность!

— Боже! вскричалъ онъ съ жаромъ, скрещая на груди руки, если эшо въ самомъ дѣлѣ мечша,—не дай мнѣ опъ неа пробуждалса!

Но дама вздохнула; вскорѣ попомъ легкая пурпуровая красна проглянула у ней на щекахъ, и обнаженнаа рука ея сдѣлала легкое движеніе. Бранка спрашплся шой минушю, когда прекрасныа глаза, кошорые казались шеперь шусклыми и шемными сквозъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ, опкрушпса

исполнѣ и загорялся кривичьями своимъ блескомъ, — когда опшворялся прелесными усна: попому-чшо онъ ужѣ чшшалъ въ вшихъ глазахъ равнодушнѣ, а вни усна говорили ему слова холодности и можептъ-бышь невашисни.

И шакъ, когда Графиня пришедши изъ чувствво, окинула вокругъ себя нервашисельнымъ взоромъ и вскричала слабымъ голосомъ:

— Гдѣ я?

Бранка не опшвчала ни слова. Споя на колънахъ у ея ногъ, онъ закрылъ лицо руками, какъ пресступникъ, кошорый просиптъ себѣ пощадъ. Графиня, не получая опшвша и слыша подлѣ себя прерывисшое дыханіе, поднялась съ ужасомъ на софѣ; попомѣ, опаралась припомнишь все, она снова вскричала, но на впошъ разъ ужѣ съ бблшьшою силою:

— Говорите . . . умоляю васъ! . . . гдѣ я? кшо подлѣ меня?

— Сударыня, лепешалъ Бранка робкимъ голосомъ, и не смѣя подняшь на нее глазъ, вы у . . . меня.

— У васъ! . . . Ахъ! чшо шакое случулась? кшо вы?

— Я Маркизь де Бранка, кошорый имѣлъ счастье спа-спси васъ оптъ рукъ негодяевъ, кошорые осмѣлились ошпановишь вашу карешу.

— Бранка! . . . нападеніе на мою карешу . . . шеперь я помню. . . Но чшожъ вы дѣлаеше, господинъ Маркизь? Вспанъ-ше . . . просипшите меня, — я шакъ еще разспроена, чшо и не подумала благодаришь васъ.

Бранка, навѣрное разспроенный еще болѣе, чѣмъ Графиня, искалъ въ головѣ своей опшвша, но голосъ исчезалъ у него на губахъ, шакъ-чшо онъ не могъ выговоришь ни одного слова. Прошло нѣсколько времени въ молчаніи, въ продолженіе кошорого сердце Маркиза билось съ чрезвычайною силою. Наконецъ онъ до шого осмѣллся, чшо поднялъ глаза на молодую женщину; и какво же было его удивленіе, когда онъ замѣшилъ, чшо она не шолько не смошрѣла на него съ холодностию, но даже какъ будшо улыбалась и пропшгивала ему Руку; но она вдругъ ее опндернула и Бранка подался назадъ; но чшобы скрышь причину шшого движенія, онъ сказалъ:

— Вамъ кажепся холодно, Графиня: не угодно-ли вамъ подвинуться къ огню.

Сказавъ это, онъ хотѣлъ поправивъ въ камнѣхъ польское буквое полюно, которое уже переспавало горѣшь. Графиня вспала и сказала смущеннымъ голосомъ :

— Господинъ Маркизь, я не могу здѣсь долѣе оспавалсь; я совершенно оправилась, и мнѣ оспавелся полько снова изъ-явивъ вамъ мою благодарносшь за шу услугу, который я не забуду въ цѣлую жизнь. Сдѣлайте милосіи, пригажите позвашъ моихъ людей.

— Ахъ, Графиня, ошвѣчалъ Бранка самымъ учинивымъ шномъ, вы шребуеште невозможнаго.

— Невозможнаго! произнесла она съ ужасомъ.

— Надобно думашъ, ошвѣчалъ просподоушно Маркизь, что ваши люди приняли меня за начальника воровъ, ошшого-что они, увидѣвъ меня, разбѣжались.

— Ахъ, что вы говорите? но это ужасно! шакъ оспавитъ меня — шруссы! Боже мой! что дѣлашь? если кто-ни-будь узнаешъ объ этомъ происшествіи — я погибла!

Говоря шакимъ образомъ, Графиня залилась слезами. Бранка чуть-чуть не послѣдовалъ ея примѣру, пошому-что мечтапелли имѣюшъ вообще чувспвишельное сердце: свидѣшелемъ шому нашъ добрый Лафоншень.

— Успокойшесь, сказалъ онъ, ободритесь. Никшо не ви-далъ, что вы здѣсь — даю вамъ честное слово, — и ваше добрая слава оспавнелся неприкосновенною. Если вы позволите, шо наразсвѣшъ наемная кареша, за которой я пошлю, опвезешъ васъ въ вашу ошель, и я ручаюсь вамъ честію блзгороднаго человекъ, что все это происшествіе оспавнелся въ шайнѣ.

— Я вѣрю вамъ, господинъ Бранка, я вамъ вѣрю, ошкѣчала Графиня; вы честный, благородный человекъ, который-бы поспыдился упошребитъ во зло положеніе несчастной женщины; но, ради Бога, прошу васъ: позволите мнѣ ѣхатъ!

Бранка зашелъ ужѣ довольно далеко впродолженіе этого свиданія, и пошому почелъ себя вправѣ показаться оскорбленымъ этими послѣдними словами, и роли неожиданно перемѣнились.

— Ахъ, Графиня, вскричалъ онъ, вы мнѣ не довшреште? Вы у меня госпя; неужли вы думаете, что я забылъ объ этомъ? Подарите мнѣ еще нѣсколько минушъ: я шакъ желалъ этого счастья! не опнимайте его у меня. Пусть это будетъ

это наградою (и это единственная, о которой я хотѣлъ бы просить васъ) за услугу, которую я имѣлъ счастье вамъ оказать; я человекъ не опасный, я не Виконтъ де Сент-Андре.

— Маркизь . . . возразила Графиня, краснѣя.

— Что вамъ угодно? Я отдаю себѣ справедливость. Я знаю, что при французскомъ дворѣ есть человекъ, который, какъ-бы я ни спарался, всегда одержитъ надо мною побѣду въ балеткахъ, въ каруселяхъ, вездѣ, гдѣ должно соперничать роскошью и щеголеватымъ покроемъ платья. Все это я ему прощаю; но чтобы ласковые взоры, чтобы улыбка, которую я желалъ-бы купить цѣною всей моей крови, были также исключительнымъ правомъ этого человека, — вошь, чего я не прощу ему никогда, что буду у него оспаривать, если только вы позволите, а вы мнѣ позволите это: не правда ли, Графиня? Да! я теперь читаю въ вашихъ глазахъ: вы не любите его, нѣтъ, вы не можете его любить!

Все это было высказано Маркизомъ съ такимъ краснорѣчіемъ, съ такимъ огнемъ, что Графиня, будучи разспрошена, не нашлась, что отвѣчать ему. Она спрашивала себя: хотѣлъ-ли это сползть передъ нею, котораго она знала при дворѣ такимъ робкимъ, неловкимъ, который соспавилъ себѣ забавную славу своими мечтами. Безъ сомнѣнія Бранка опгадалъ часть ея мыслей; пошому-что, видя, что она молчитъ, онъ прибавилъ меланхолическимъ тономъ:

— Будете опкровены со мною; вы все еще сердитесь на меня за это глупое происшествіе нынѣшняго вечера? О, я былъ очень виноватъ передъ вами, я это знаю, и на колѣнахъ спалъ-бы просить у васъ прощенія, если-бы могъ надѣяться того, чего не смѣю ожидать.

— Сначала заслужите, чтобы васъ простили, сказала ему Графиня съ прелестною улыбкою, и . . . попомъ мы увидимъ.

— Заслужить . . какъ-же, Графиня?

— Нѣтъ ничего легче: исправьтесь!

— Исправиться! опказаться опъ моихъ мечтаній! О, чего вы шребуете опъ меня? Но мечты — это вся моя жизнь, мое счастье. Ахъ, ради Бога, не опнимайте ихъ: онѣ уптшаюшъ меня въ печаляхъ существенности. Имъ переносусь я въ мѣръ очарованій, въ мѣръ пишины и забвенія, гдѣ

вѣтъ для меня ни прошедшаго, ни настоящаго, гдѣ одна ясная, веселая будущность. — Въ этомъ мірѣ, Графиня, нѣтъ докучныхъ, которые приходили-бы возмущать мое спокойствіе; какъ-бы они ни суетнились, какъ-бы ни полнились, ни опѣснѣли... я ихъ не вижу, — я слѣпъ. Тамъ нѣтъ никакого слова, которое, касаясь слуха, посягаетъ въ сердцѣ семъ ненависти, — я глухъ; нѣтъ и друга, который могъ-бы упрекнуть меня за то, что я измѣнилъ его довѣренности, — я слѣпъ. Чего же больше хотите вы, Графиня? Въ этомъ мірѣ я живу безъ соперника, безъ раздѣла; я люблю, я люблю... О! оставьте мнѣ навсегда мечты мои!

— Но, тихо сказала Графиня краснѣя: если-бы вамъ объяснили тоже въ существенности, чѣмъ вы владеете только въ мечтахъ?

Едва она выговорила эти слова, какъ, смущенная, закрыла себѣ руками лицо, и въ шужъ мигу передъ ошелю остановилась карета. Пошомъ раздался сильный ударъ въ двери. Бранка вздрогнула, Графиня вскричала:

— Это безъ сомнѣнїя мои люди пришли за мною. Слышите! опять спучались.

Этомъ разъ принялся спучать сильною рукою. Бранка съ безпокойствомъ побѣжалъ къ окну и открылъ его; дождь все еще шелъ, и съ его монопоныи шумомъ слыся звукъ колокола ближнихъ часовъ, которые били два.

— Два часа! уже два часа! вскричалъ Бранка въ ужасномъ опчаянїи.

— Что такое? что съ вами? спросила Графиня, испуганная его волненїемъ.

— Что со мною, Графиня? Ахъ, что, что я сіюжъ мигу долженъ васъ оставить; это пришли за мной, я уверенъ. У дверей поручикъ гвардіи; я и забылъ, что за мною должны были придти, — бѣдный мечтатель! о, какое пробужденїе!

— Лишь только онъ кончилъ эти слова, какъ дверь ошели медленно повернулась на своихъ петляхъ, потомъ послышался голосъ швейцара, который кричалъ: — кто тушь? и другой громовой голосъ опивчалъ ему: — бездѣльникъ, ты не узнаешь меня? я Виконшъ де Сени-Андре.

При одномъ этомъ имени Графиня д'Изини запрепала отъ ужаса, и вида полуотворенную дверь, она бро-

силась вонь изъ комнаты, шла въ темнотѣ на пальцахъ, рѣшившись, въ случаѣ нужды искать убѣжища хоть въ погребу. Чшожь касается до Бранка, шо онъ былъ шакъ оглушенъ, чшо совершенно не зналъ на чшо рѣшиться—выгнать-ли дерзкаго, кошорый обезпокоилъ его въ шакую прекрасную минушу, или идти вслѣдъ за прекрасною Графинсю, какъ вдругъ дверь съ шумомъ ошворилась и въ нсе вошелъ щеголевашый Виконшъ де Сент-Андре. Онъ вошелъ, ругая и кляня все, какъ масполщій мушкетеръ, ошшого-чшо сначала онъ думалъ, чшо онъ одинъ. Но какая-шо мысль мелькнула у него въ умѣ, и казалось вдругъ его успокоила.

— Чшожь, я не вижу шкого; и всѣ мои люди вѣрошно на своихъ поспахъ; все идетъ гораздо лучше, нежели я предполагалъ, я прѣхалъ именно къ шому времени, когда должна прѣхашъ кареша.

Говоря это, онъ оперъ себѣ лобъ, улыбнулся съ удовольствіемъ и посмотрѣлъ въ зеркало. Но каково-жь было его удивленіе, когда онъ увидалъ въ шномъ зеркалѣ блѣдное и меланхолическое лицо Маркиза де Бранка, кошорого глаза были ушпремлены на него съ шакимъ выраженіемъ, кошорого онъ никогда въ нихъ не замѣчалъ. Виконшъ быспро обернулся.

— Господинъ де Бранка! вскричалъ онъ, приближаясь къ нему на нѣсколько шаговъ и низко кланяясь; попомъ онъ шихо прибавилъ: — чорщъ бы взять его! Зачѣмъ-пришелъ онъ сюда въ это время?

Бранка шакже поклонился, проговоривъ про себя подобное привѣшпшіе; попомъ онъ прибавилъ громко:

— Вашъ слуга, господинъ де Сент-Андре.

Тутъ произошло молчаніе, впродолженіе кошорого двое собесѣдниковъ не переспавали смотрѣшь другъ на друга съ видомъ шакихъ людей; изъ кошорыхъ каждый ошдаешъ, скоро-ли заговоришь другой. Наконецъ Бранка, кошорый перялъ шертѣніе, но кошорый быхъ шолько учшивъ, чшо не хошѣлъ данъ этого замѣшпшь, сказалъ:

— Не угодно ли вамъ садиться, господинъ Виконшъ.

— Вашъ шебъ на! сказалъ про себя Сент-Андре, исполня сдѣланное предложеніе, ужъ не хоцешъ ли онъ принимашъ меня у меня-же въ домъ? Теперь должно надѣяшся, чшо онъ заговоришь.

Новое молчаніе. Вдругъ Бранка ударилъ себя по головѣ съ видомъ челоуѣка, которыи вспомнилъ что-шо забытое.

— Вамъ вѣрно опдали мою записку, господинъ Виконпъ, вскричалъ онъ. Ахъ, Герцогъ де Вильруа обязащельный челоуѣкъ: я очейъ ему благодаренъ.

Попомъ онъ подумалъ про себя, что у него шеперь не было никакого желанія драпья въ эту минушу, и что было бы гораздо лучше, если-бы Герцогъ не опдавалъ записки.

Сенп-Андре посмопрълъ на Маркиза съ удивленнымъ видомъ, и опвѣчалъ:

— Вашу записку, господинъ Маркизь? я не знаю, что хопите вы впимъ сказашъ: я не получалъ опъ васъ никакой записки.

— Если пакъ, подумалъ Бранка, — чтоожъ онъ пришелъ сюда дѣлашъ? и попомъ прибавилъ громко: это по тому дѣлу, которое мы должны были съ вами завшра кончить — вы знаете....

— Прекрасно! возразилъ Сенп-Андре, это уже рѣшено. Въ шо же время онъ сказалъ самому себя: — онъ думаешъ, можетъ быть, что я пакже разсѣялъ, какъ онъ, и что я въ соспоиіи забышъ это рандеву, — бѣдный мечшашель!

— Я увѣренъ, думалъ Бранка съ своей спороны, что онъ размыслилъ о вчерашнемъ своемъ поступкѣ, и пришелъ со мною помиришья. Одинъ ложный спыдъ мѣшаешъ ему заговорить; что-же, надобно помочь ему: пуспъ это объясненіе кончштся поскорѣе, и онъ убирешся опскода. Бѣдная Графиня должна бышъ шеперь на горячихъ угольяхъ. Внушаемый эпою мыслію, Бранка вскричалъ: два слова шолько, господинъ Виконпъ.

— А! шѣмъ лучше, сказалъ Сенп-Андре, — онъ сейчасъ уидешъ.

— Вы почишаеше необходимымъ нашъ дуэль?

— Но.... господинъ Маркизь, я могъ-бы сдѣлашъ вамъ такой же вопросъ.

— Такъ сказашъ опкровенно, я съ своей спороны совсемъ не почишаю его необходимымъ, и если вы хопите, его можно опмѣнишъ; я даже гошповъ извинишья въ шомъ, что могло бышъ для васъ обиднымъ въ мошхъ словахъ, — шолько съ условіемъ.

— Съ какимъ?

— Бы объявите съ своей спороны, что не можете представить доказательствъ на извѣстное вамъ общепольское. Это будетъ для васъ, какъ я думаю, сдѣлать шѣмъ легче, что вамъ и невозможно доставить такое доказательство.

— Э-э! сказалъ Сенип-Андре. Потомъ, когда спужъ карепсы, ѣхавшей вдали, раздался у него въ ухахъ, онъ поблѣднѣлъ и конвульсивно приподнялся на своихъ креслахъ. Въ эту минушу онъ съ охотою объявилъ-бы все, что только Маркизу хотѣлось, лишь-бы только отъ него избавишься; но когда спужъ карепсы исчезъ поспешенно, швердосшь его возвратилась.

— Послушайте, — вдругъ сказалъ ему Бранка, который не менѣе поропился положить конецъ этому разговору, боясь каждую минушу, чтобы не явился поручикъ гвардіи, — я шакъ увѣренъ, что вамъ нельзя представить доказательствъ на то, что вы вчера говорили, что предоставляю вамъ въ этомъ отношеніи полную свободу, и даже вызываю васъ дать хоть какое-нибудь....

— А если я предоставляю....?

— Тогда я признаю себя побѣжденнымъ.

— И шакъ, Маркизь, рѣшено! по рукамъ, и обнимемъ, какъ вѣрные друзья.

Молодые люди обнялись шѣмъ искреннѣе, что они взаимно видѣли въ этомъ объяшеніи конецъ своимъ мученіямъ. Бранка, шпараясь еще болѣе приблизилъ эту счастливую минушу, сказалъ:

— Теперь, любезный Виконшъ, вы вѣрно имѣете нужду въ покой, и мы прекрасно сдѣлаемъ, когда разспанемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Сенип-Андре, я признаюсь вамъ откровенно, что меня сонъ шакъ и валишь.

— Волгъ и меня шакже: мнѣ чрезвычайно хочется лечь въ постель.

— Что же, любезный Маркизь, я не спану васъ удерживать: прощайте!

— Прощайте, Виконшъ!

— Чшожъ это шакое, говорилъ про себя Сенип-Андре съ удивленіемъ, онъ не прогаешся съ мѣста! это изъ рукъ вонгъ. Господинъ Бранка, прибавилъ онъ громко и едва скрывая свое нешерпѣніе, вы видили, что я жду.

— Право? ошвѣчалъ Бранка съ величайшимъ хладнокровіемъ. Вы удивляете меня! какъ, вы меня ждете! ну, а я?....

— А вы?....

— Да, и, право, вы должны-бы понять....

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ Виконтъ, мнѣ кажется.... возможно ли!.... неужли онъ думаетъ, что онъ у себя дома? о! да это разсѣянность вовсе невѣроятная.

При этой мысли Сент-Андре захохоталъ какъ безумный, и упалъ въ кресла.

— Что это? сказалъ Бранка, что съ вами?

— Извините меня, любезный Маркизь, ошвѣчалъ Виконтъ, поднимаясь и съ величайшимъ трудомъ выговаривая слѣдующія слова: какъ вы думаете, гдѣ вы?

— Разумѣется, у себя дома.

— Ну такъ вы ошибаетесь: вы у меня. Пожалуйста посмотрите кругомъ себя, взгляните на эти украшения, эти поршпреты, поршпреты фамилин де Сент-Андре, — моего опца, моего дѣда, маршала де Сент-Андре.

— Возможно ли! горестно вскричалъ Бранка, и смотря вокругъ себя. Ахъ, я глупецъ!

— Э, нѣтъ, вы разсѣянный, — вопъ и все! знаете-ли, это можетъ объясниться. Выходя изъ Лувра, я не напелъ своей карепы, значить вы въ ней и уѣхали. Ахъ, пречудесное происшествіе! это превосходитъ все прочіе, даже приключеніе съ пучелемъ. Но успокойтесь, господинъ Бранка; все это останется между нами; я обещаю вамъ не открывать риза при дворѣ: только позвольте мнѣ посмѣяться немного наединѣ съ вами . . . ха! ха! ха!

И Виконтъ снова принялся хохотать. Чтожъ касается до Бранка, то хохотъ ошвѣчался у него въ груди, какъ удары кинжала; онъ чувствовалъ, что ему нельзя долѣе оспаваться въ опели, которою онъ было завладѣлъ; съ другой стороны любовь, честь, выгода, долгъ, однимъ словомъ все налагало на него обязанность не оспавлять Графини д'Изиньи, и еще болѣе: не открывать сопернику ся шайны, которая должна была съ нимъ умереть. Въ этотъ ужасномъ бореи его уму представилась самая страшная мысль.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, сказалъ онъ вполголоса, смѣйтесь, господины Виконтъ, хорошенько вадъ бѣднымъ мечпа-

пелемъ; но на эпоштъ разъ бѣдный мечпашель опшомсннптъ за себя. Здѣсь ваша опель! хорошо! я хочу опшанься въ нефъ на вашемъ мѣспѣ. Покрайней мѣрѣ хошь одинъ разъ, въ жизни, излеку пользу, изъ моеи разсѣяноспп. И онъ спокойно сѣтъ въ кресла.

— Чего же вы дожидаетесь, господиѣ де Бранка? ска-
заль Виконптъ, подхоя къ нему.

— Я жду, скоро ли вы переспанете смѣяться, Виконптъ..

— Ну вопъ, я и переспаль.

— Такъ не угодно ли, я васъ провожу.

Говоря такимъ обраомъ, Бранка взялъ со спшля свѣчу, чшобы исполнпть свое намѣреню.

— Чшо, чшо, пакое? вскричаль съ досадою Виконптъ.

— Цора прекрапнпть шупки, опшѣчаль Бранка; мнѣ нуженъ покой, и я серъезно прошу васъ удалпться. Я дома, и хочу бышь одинъ.

— Чшо вы говорите! возразиль Сепш-Андре, худо скрыва свой гнѣвъ. Во всякомъ другомъ случаѣ эпоштъ царсь мнѣ показался бы очень оригинальнымъ, но, должно сказашъ вамъ, въ эпо минушу онъ кажеться мнѣ вовсе неумѣспнымъ, и я никакъ не расположенъ перигѣшь пшкой мисшнфикаци.

— Извините, Виконптъ; я совсѣмъ не шучу, — клявусъ вамъ..

— О! эпо ужъ слишкомъ! Значитъ оспаенся только одно средство убѣдпть васъ.

Въ шужъ минулу Сепш-Андре схватилъ колокольчикъ, и зазвониль чшо сепъ силы. Бранка ничупъ не обезпоялся эпимъ; онъ помнпль, чшо на задолго передъ шѣмъ самъ без-полезно прибѣгалъ къ эпому средспцу. Онъ только чшо сказалъ Виконпу:

— Ба! не хоппте ли вы прикасашъ моимъ людемъ вы-
кнупъ меня за двери?

— Его людемъ! повториль Виконптъ, сопровождая свое слова спрашными ругашельспвами. Ахъ, я прокляпный, — я забылъ, чшо самъ же приказаль имъ не прогашься съ мѣспа, чшобы ни случилось. О! надо съ ума сойпть! чшо дѣлать? какъ бышь? . . . Ну, господиѣ де Бранка, вы помтаппнесь! шеперь-то я предлагаю вамъ дуэль на смерть.

Сепш-Андре былъ внѣ себя: Бранка опшавался холоднымъ и спокойнымъ. А извѣспно, чшо человекъ хладнокровный всег-да одержпшь верхъ надъ шѣмъ, кшо предаешся гнѣву.

— Завтра, сказалъ Бранка, я весь къ вашимъ услугамъ господинъ Виконтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! съ бѣшенствомъ кричалъ Сенш-Андре, — сегодня, здѣсь и сію минушу я пребуду удовольстворенія.

— Какъ можно, возразилъ Бранка, драшься безъ свидѣтелей; шайный дуэль между дворянами — оп! Успокойшесь же, господинъ Виконтъ; намъ обоимъ нужно уснуть, а вамъ особенно: вы такъ успали, шанцовавши на придворномъ балѣ. Завтра упрощу я жду васъ, если вамъ не будетъ угодно, чшобы я пришелъ въ вашу опель.

— Въ мою опель!.. А! это невыносимо, я задыхаюсь!... Боже, Боже мой! Если-бы карета проѣхала въ эту минушу — все-бы погнбло. Лучше выдши.

Говоря это, Сенш-Андре повидимому принялъ рѣшительное намѣреніе, и подошедъ къ Маркизу, крѣпко схватилъ его за руку, и сказалъ ему голосомъ, перерывающимся опъ бѣшенства:

— Господинъ де Бранка! я ужоу; но не надѣйшесь долго здѣсь опсавашься. Вы принуждаеше меня, и я бѣгу за спражею, чшобы выгнашь васъ изъ моей опели, какъ воръ! Слышите ли, господинъ де Бранка?

Съ этими словами Виконтъ быспро обернулся и бросился вонъ изъ комнашы.

— Прощайте, господинъ де Сенш-Андре! кричалъ ему Бранка, — съ Богомъ!

И онъ пужъ минушу вышелъ самъ въ ту спорону, куда, какъ онъ видѣлъ, пошла Графиня; но прежде этого онъ заперъ задвижкою ту дверь, которая вела въ комнашу.

IV.

Тогда какъ Виконтъ де Сенш-Андре и Маркизь де Бранка разыгрывали ту замѣчательную сцену, которой подробности мы спарались описашь, вошь чшо происходило въ другой часши опели. Послѣ того, какъ Графиня поспѣшно скрылась по приходѣ перваго изъ этихъ господъ, она, гонимая спрахомъ, блуждала нѣсколько минушъ въ шемношѣ по длинному ряду корридоровъ, не зная и сама гдѣ кончншся ея пущешествіе. Такимъ образомъ она дошла да опдаленной часши

ошели, гдѣ повидимому оканчивались корридоры, и пушъ, сквозь щель плохо припворенной двери, она увидѣла свѣшъ. Боясь, чшобы эша дверь не опворилась и чшобы кшо-нибудь изъ слугъ не увидаль ее въ эшомъ мѣспѣ, она была гошова уже воропшшсь, какъ вдругъ посреди шуму смѣшанныхъ голосовъ, кошорые слышались за спѣною, она услышала свое имя. По любопытшству ли, или по шайному предчувствію, шолько она не могла пропшвившсь желанію подойши ближе, чшобы проникнушъ эшу шайну — и ея взорамъ предшпавилось довольно спранное зрѣлище. Сквозь щели дверей она ясно увидѣла съ полдюжныи слугъ, сидѣвшихъ за споломъ и державшихъ въ рукахъ оловянные спаканы, кошорые одинъ человекъ, въ спранномъ костюмѣ и съ лицомъ, выпачканнымъ сажею, наливалъ поочередно, обращаясь пришпомъ къ каждому изъ собесѣдниковъ съ какимъ-нибудь привѣшпшіемъ.

— Я доволенъ шобою, говорилъ онъ одному, и шы получишъ за шо двойную порціи изъ кваршы, — шы ошпановилъ лошадей. — Чшо же касается до себя, Лавердюръ, шы не спшошъ ничего, кромѣ воды; пошому-чшо шы первый подалъ примѣръ къ бѣгшству, когда нашъ господинъ напаль на насъ со шпагою въ рукѣ, какъ было условленош. Къ счастью, чшо молодая женщина была въ обморокѣ, и не могла ничего видѣшъ.

При эшомъ роковомъ опшкрытіи смершная дрожъ пробѣжала по жиламъ Графини, и она гошова была ушасшъ. Эшо ночное нападеніе, эша неожиданная помощь, все эшо была комедія, силки, расплавленные ея легковѣрносши — и съ какою цѣлію, Боже! И шакъ спансы, кошорые вчера присланы ей незнакомымъ, безъ сомнѣнія другомъ, — были предосперешеніемъ; какъ-бы ей не догадашсь, замѣшпвъ смущеніе, съ кошорымъ Бранка ихъ чшпшаль. Да! пеперь эши спшхи не были болѣе для нея загадкою; она была слѣпая, но.... Боже мой! какой цѣною купила прозрѣніе!....

Топш, кого называли Лавердюромъ, возразилъ въ шу же минушу:

— Я очень желаль-бы, господинъ Лорренъ, чшобы вы были на моемъ мѣспѣ, когда нашъ господинъ ударилъ на насъ, словно громъ. Нѣшпъ, клянусь вамъ, славнаго награжденія и денегъ спобѣнтъ шакія замѣшпки, опш кошорыхъ бѣдный Сенп-Жанъ не шуша слегъ въ посшелю: ухо у него словно руб-

ленное мясо. Чортъ возми! вы смолчите на это, — словно на комедию. Итъпъ, благодарю покорно, я не хочу болѣе ее разыгрывать. Я нанялся сюда, чтобы быть комюхомъ, а не разбойникомъ — понимаете?

— Лаведюръ, возразилъ спрогитъ пономъ человекъ, выпатканный сажеемъ, ты дуракъ, который ничего не слышишь въ этомъ дѣлѣ, и я веди тебя прогнашь при первомъ случаѣ.

Э! вскричалъ другой слуга, что это шумъ за шумъ? слышите-ли вы, какъ кричатъ?

Ай-ай! подхватили шрепий съ грубымъ смѣхомъ, видно крѣпоси не здаешия; ну да это дѣло нашего господина.

— Тише, прервалъ шопъ, котораго называли господиномъ Лорреномъ, и который занималъ высокую должность камердинера при особѣ господина; это не наше дѣло. За здорово же прекрасной Графини д'Изиньи, господа!

Молодая женщина, которая слышала эти разговоры, не хотѣла знать ничего болѣе, и задыхающаяся, разспрошенная, снова пустилась по корридорамъ, не думая куда она идетъ, безъ намѣренія, безъ цѣли. Бранка, который слышалъ опьскашь Графиню, съ сердцемъ, исполненнымъ сладчайшими надеждами, встрѣпилъ ее на поворотѣ темнаго корридора, гдѣ она явилась ему, какъ привидѣнiе. Замѣшивъ, при слабомъ мерцанiи свѣчи, внезапную переменъ, которая произошла въ чертахъ его прекрасной ильвинницы, онъ невольно опьснулъ и почтительно поклонился, не сказавъ ни одного слова. Графиня со взоромъ, исполненнымъ шакой гордоспи, которой ничто не можеть изобразить, дала ему знакъ идти впередъ, и онъ повиновался. Скоро дошли они до той комнаты, гдѣ для Бранка такъ очаровательно завязалась комедiа, которой развязка угрожала сдѣлаться немного трагическою. Графиня была холодна и исполнена важноспи, а онъ безпокойный, даже шрепещущий, такъ что видя ихъ обоихъ, можно было бы сказать, что роли переменились, и что Маркизь сдѣлался жертвою. Упренный свѣтъ начиналъ проникать сквозь камчатныя занавѣсы оконъ. Бранка поставилъ на сполъ свѣту, которую держать въ рукахъ, а Графиня между тѣмъ подошла къ двери, которая вела къ выходу. Она спаралась опьворить ее, но напрасно. Чиншатели знаютъ, что Маркизь

взять предосторожность запереть ее на задвижку. Тогда молодая женщина, собравъ все свое мужество, оборопилась къ нашему герою съ видимою холодноспію, копорой однако же измѣнило сильное движеніе ея груди, и презришельно сказала ему:

— Почь прошла, сударь; не ужли я все еще ваша плѣнница?

— Васъ-ли я слышу, сударыня? едва выговорилъ Бранка, копорого удивленіе возраспало съ каждою минушой. Вы свободны, какъ эпо было за часть, какъ шеперь, какъ всегда.

— И шакъ, прошу васъ священными правами госпепрїимспва, копорыхъ вы конечно не захошите болѣе оскорбляшь, — велише опворишь мнѣ двери вашей опелли; я даже приказываю вамъ эпо.

Говоря шакимъ образомъ, Графиня д'Изинья не была болѣе шюю слабою женщиною, копорая лишилась чувствїе при одномъ видѣ разбойниковъ, окружившихъ ея карешу; нѣшъ, эпо была уже достойная наследница шѣхъ гордыхъ воиновъ, копорыхъ изображенїями украшались великолѣпныя залы ея зѣмка, и копорыхъ кровь шекла въ ея жилахъ.

— Но, Графиня, робко возразилъ Бранка, еще едва начинаентъ свѣшпашъ.

— Нужды нѣшъ, гордо опвѣчала она.

— Я не имѣлъ еще времени послать за наемною карешой.

— Я пойду пѣшкомъ.

— Пѣшкомъ! вы, Графиня? подумали ли вы? въ эпомъ платьѣ идши по грязнымъ улицамъ, на холодѣ! дождь шель всю ночь.

— Хопъ бы умереть на дорогѣ, но я хочу выйти опсюда, и выйти одна!

Графиня сдѣлала большое усиліе надъ собою, чшобы выдерживашъ шакимъ образомъ впродолженіе чепверши часа всю шягоспъ роли, для копорой она вовсе не была создана, и пошому лишь шолько кончила эпои слова, какъ вся сила, копорую она выказала, ее опшавила, и она залилась слезами. Природа женщинъ всегда шакова: онѣ быспро рѣшающя на боръбу, но неспособны ее выдержашъ. Кажетса, на землѣ для нихъ еспъ шолько одно дѣло, въ копоромъ онѣ могутъ показашъ всю свою швердоспъ, — эпо самопожершвованіе.

Здѣсь онъ никогда не изнемогающъ. Бранка, проронувшій положеніемъ Графини, осмѣлился наконецъ къ ней подойти.

— Чшо съ вами? вскричалъ онъ съ нѣжнѣйшимъ выраженіемъ, чшо заславляетъ васъ проливать вгдѣ слезы.

На эпошъ разъ д'Изиньи не могла болѣе снести той тяжестью, копорая гнела ей сердце, и хопя она ввупрепно общала себѣ опрѣчать на все, чшобы яи говорилъ ей Бранка, однимъ презрительнымъ молчаніемъ, но теперь она сказала, рыдая:

— Ахъ, господинъ Бранка! эпо ужасно! эпо низко! шакъ обманушь меня, погубишь мое доброе имя!... Скажице, чшо я вамъ сдѣлала?

Маркизь, копорый совершенно былъ далекъ опъ того, чшобы подозрѣвать хитрость Виконша, былъ пораженъ удивленіемъ, слыша противъ себя шакія обвиненія.

— Право... сказалъ онъ, я не могу понять...

— А я, съ живоспю возразила Графиня, я вѣрила шовамъ любви вашей! я, обвинявала себя въ шомъ, чшо не понимала характера шполь благороднаго, шполь великодушнаго, я, копорая была гопова можешъ-бышь... Ахъ! сохрани меня Боже! — Чшобы приобрѣсти сердце женщины, шакъ надо было заманишь ее въ въ шакія сѣщи! Какой поступокъ для благороднаго человека! Довольно, сударь; теперь я безопасна, пошому-чшо я васъ знаю, нисколько не боюсь васъ. Если я хочу теперь выйти изъ эпой ошели, шакъ эпо для шого шолько, чшо ваше присушствіе мгѣ ненавистно, и я желаю избавишься его на цѣлую жизнь!

Слушая эти слова, Бранка подумалъ, и очень еспешивень, — чшо Графиня, услышавъ разговоръ его съ Сент-Андре, открыла маленькую хитрость, къ копорой онъ прибѣгнулъ, и чшо эпо было причиною ея негодованія.

— Ахъ, Графиня, успокойшесь, умоляю васъ; я виновата — правда, но неужли мое прешупленіе шакъ велико?... И чшо было первою его причиною? разсѣянность, одна несчастная разсѣянность.

— Оспавишь меня, не подходите ко мнѣ, сказала Графиня, копорой горешъ принимала новый видъ, и обраши-

лась въ гнѣвъ. Вы называете разсѣянностью похищеніе женщины, подкупили слугъ!...

— Но, Графиня, клянусь вамъ...

— Не договаривайте, сударь; я вамъ не вѣрю, не хочу вамъ вѣрять! Вы, вы разсѣянный, — нѣтъ!

— Какъ?...

— Вы никогда имъ не были! Это маска, кошорую вы на себя надѣли, а подъ этой маской все вамъ позволено, — насмѣшка, обида, похищеніе...

— Возможно ли, Графиня; и вы предполагаете...

— Я ничего не предполагаю, сударь; я все знаю и навсегда запрещаю вамъ казаться ко мнѣ на глаза.

Сказавъ эти слова, она бросилась къ двери, и сама оподвинула задвижку.

— Графиня, кричалъ ей Бранка опчаяннымъ голосомъ, ради Бога! не будьте неумолимы, не оспавляйте меня такимъ образомъ!

— Пустите, пустите меня, опшѣчала Графиня, опшолкнувъ его: говорю вамъ, что вы мнѣ ужасны.

Въ это время на улицѣ раздавался большой шумъ, къ кошорому примѣшивались звуки музыкальныхъ инструментовъ. Графиня, кошорая спояла уже на порогѣ двери, невольно ошановилась, и поднимая занавѣсъ у окна, бросила на улицу робкій взглядъ. Улица была наполнена карешами и носилками, и изъ оконъ каждой дверцы выглядывали, какъ головы Медузы, знакомыя лица. Это были молодые люди, кошорые принадлежали къ знатнѣйшимъ фамиліямъ королевства, и кошорыхъ любовь она опвергла. Всѣ были одѣты великолѣпно, опшого-что они возвращались съ придворнаго праздника; у всѣхъ на устахъ играла улыбка, а на языкѣ насмѣшка. Несчастная молодая женщина опъ опчаянія закрыла лицо руками; оппомъ обращаясь къ Бранкѣ, кошорый споялъ какъ уничиженный, она сказала съ горькою ироніей:

— Вы прекрасно сдѣлали, господинъ Маркизь, удержавши меня здѣсь; я вижу, что вы позаботились пригосовить мнѣ свитшу, кошорая проводила-бы меня въ мою опель, и защитила опъ воровъ, — благодарю васъ.

Когда она говорила эти слова, музыка заиграла прелюдію, и чей-то выразительный голось внятно запѣлъ слѣдующій куплетъ:

»Diane sauvage déesse,
Dont mes soupirs n' ont pu toucher le coeur,
Fleur de beauté, fleur de sagesse,
Diane, sauvage déesse,«

Auriez-vous pas trouvé votre vainqueur ?

Когда пѣвецъ кончилъ, громкія рукоплесканія раздались на улицѣ, и послѣдній куплець былъ повпоренъ всѣмъ хоромъ.

— Несравненно! вскричала Графиня, я и не знала, что будетъ еще серенада: эшо верхъ учтивости, господинъ Маркизь.

Бранка не опивчалъ ничего. Оглушенный и распрошенный всѣмъ пѣмъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ эптъ минулы, онъ оптъ чистаго сердца опдалъ-бы себя чоршу. Вдругъ разразилось новое несчастіе, кошорое довершило запруднишельность его положенія. Заспучали въ дверь опеди, и сильный голосъ, но уже не голосъ пѣвца, кричалъ на улицѣ:

— Именемъ Короля!

Эшо былъ голосъ Виконша Сент-Андре, кошорый, блѣдный онъ гнѣва, въ плащѣ, забрызганномъ грязью, вошелъ въ сопровожденіи полицейскихъ служившелей въ шу комнату, гдѣ Бранка былъ одинъ на одинъ съ Графиней д'Изинь. Увидавъ Виконша, она бросилась къ нему, и не давъ ему сказать ни слова, вскричала:

— Ахъ, Виконшъ, какъ я вамъ рада! вы пришли освободить меня, не правда-ли, — и я опдаюсь подъ ваше покровительшьво.

Сент-Андре успремилъ на нее дикіе взоры, и опустилъ голову.

— Ахъ, Виконшъ, у васъ я шребую правосудія шакому дворянину, кошорый, чшобы получить мою руку и сердце, не нашель другаго средшва, кромѣ какъ подкупить воровъ, напасъ на меня, и пошомъ, освободить оптъ эшой мнимой опасности, вырвать у моей признашельности шо, въ чемъ я опказывала его просьбамъ и вздохамъ.

При эпихъ послѣднихъ словахъ Бранка вышелъ изъ своего усыпленія, и какъ будто пораженный внезапнымъ свѣшомъ, онъ успремилъ на своего соперника взоръ, въ кошоромъ опражались вмѣшгъ и удивленіе, и негодование, и презрѣніе. — Въ эшо время въ комнату вошли шолною всѣ мушкетеры,

которыя утро прошедшаго дня проводили въ шракирѣ Золотошаго яблока. Кавалеръ де Бель-Иль былъ впереди ихъ.

— Чѣмъ же ты, любезный Сеншъ-Андре, заспавляешь насъ, словно журавлей перемцнаешься съ ноги на ногу у дверей швоей ошели въ холодное утро, какъ сегодня? Право, я вошелъ безъ позволенія: самъ-же виновашъ.

— Его опели, шихо шепшала Графиня д'Изинья: аша опель Виконша де Сенш-Андре?

— Ахъ, извинише, Графиня, прибавилъ Бель-Иль, я еще не имѣлъ честши васъ замѣшншь, — вашъ всепокорнѣйшій слуга; попомъ наклонясь на ухо Виконшу, онъ прибавилъ: Vivat! любезный! Съ этого дня я признаю себя молодцомъ.

Сенш-Андре много дадь-бы, чшобы въ эту минушу провалились въ землю на сто фушовъ, или покрайней, чшобы посредпвомъ какого-нибудь магическаго прущика наложишь молчаніе на всѣхъ его окружавшихъ, пошому-чшо онъ видѣлъ бурю, кошора я до сихъ поръ угрожала шолько Маркизу Бранка, гошовую разразишь надъ собпшвенною своею головою. Но въ это время, совершенно неожиданно, къ нему явился помощникъ, кошорый вдругъ измѣнилъ ходъ дѣла. Этошъ помощникъ былъ господинъ Шаростъ, поручикъ гвардіи, кошорый, посреди всеобщаго смлпенія, вошелъ въ комнашу безъ доклада, и подошелъ прямо къ Маркизу Бранка, и сказалъ ему, часшо оспанавливаясь, чшобы перевесшь дыханіе.

— Наконецъ-шо я нашель васъ, господинъ Маркизь. Много было пруда; но шеперь вы ошъ меня не уверешесь; вошъ уже пять часовъ ровно, какъ я бѣгаю по всѣмъ закоулкамъ Парижа, чшобы съ вами вспирѣшншь; но вы напрасно надѣались скрышьс я ошъ правосудія Его Величешва. Теперь его именовъ и именовъ Королевы-правительницы, я приглашаю васъ немедленно и въ моемъ присутствіи сѣшь въ карешу, кошорую я привель, и кошора я ошвезешъ васъ подъ надежнымъ прикрывіемъ въ ваши помѣшья. Надѣюсь, господинъ Маркизь, чшо вы не принудите меня упошребншь на силіе.

— Я повинуюсь вамъ, господинъ Герцогъ, ошвѣчалъ онъ; попомъ, обращаясь къ Виконшу, онъ сказалъ: наслаждайшесь шеперь спокойно въ этой ошели, гдѣ я на одну минушу почишалъ себя счастливымъ.

И предупреждал движеніе Графини, копоралъ, сидя подлѣ Сент-Андре въ углу комнапы, казалась до шѣхъ поръ погруженною въ глубокое размышленіе, онъ прибавилъ :

— Простите мнѣ, Графиня, я мечпалъ!... Ваша побѣда, Виконшъ; но какъ она ни пріятна, однакожъ бывающъ случаи, при копорыхъ она спобитъ шакъ дорого, что чеспный человекъ предпочпешъ ей паденіе.

Говоря это, онъ бросилъ послѣдній взглядъ на Графиню, копорая, безмолвно опершпсь локпемъ на сполъ, казалась совершенно равнодушною къ тому, что около нея происходило; Бранка испуспилъ глубокій вздохъ, пошомъ крѣпко сжавъ Виконшу руку, онъ шихо сказалъ ему :

— Мое изгнаніе будешъ не вѣчно, и мы увидимся!

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнапы въ сопровожденіи Герцога де Шароспа.

Тогда шолько Графиня д'Изиньи, выходя изъ оцѣпенія, въ копорое она казалась погруженною, вспала съ своего мѣсца, сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнапѣ, подошла къ окну, быспро опворила его, и закричала :

— Господинъ де Бранка!

При звукѣ этого голоса, Бранка, копорый гоповъ былъ сѣспъ въ карешу, обернулся съ глазами, мокрыми опъ слезъ, и съ видомъ самоопверженія, какъ будто гоповаясь выслушашъ послѣднее проклятіе изъ прелеспныхъ успъ обожаемой женщины. Но Графиня сказала ему съ самымъ ласковымъ и кѣжнымъ выраженіемъ: что вы, что вы! у васъ новое расцѣніе, вы здѣсь оспавляете свою жену.

— Свою жену! повшорили въ одинъ голесъ всѣ присуспшвующіе, и осполбентли опъ удивленія. Но что сдѣлосъ съ Бранкой?

Не прошло двухъ минушъ, какъ прелеспная Графиня д'Изиньи сидла ужѣ рядомъ съ нашимъ героемъ въ карешѣ, копорая и умчала пхъ за спю пшпдесяптъ версп опъ Парижа.

Спусшя двѣ недѣли при дворѣ узнали о свадьбѣ Маркиза де Бранка и Графини. Анна Авспрійская, копорой рассказали это происшествіе, много ему смѣлалась, не смощря на то, что она была довольно серьезна опъ природы, и не замедлила возвращашъ своего камеръ-юнкера. Въ поже время молодая Маркиза была пріятна ко двору въ званіи камеръ-фрау Королевы.

СТАРИННЫЯ ПОВѢРЬЯ ПОЛЬСКІЯ И РУССКІЯ.

(Собранныя Войццикимъ).

ТВАРДОВСКІЙ.

Твардовскій былъ хоть куда пляхшичь и по ошвагѣ и по происхожденію. Хотьлось ему имѣшь больше ума-разума, чѣмъ у другихъ чесныхъ людей, и сыскашь лекаршво ошъ смерши, кошорой, видно, боялся онъ не на шупку. Вычишалъ онъ одинъ разъ въ какой-шо спарой книгѣ, о шомъ, какъ вызвашъ дьявола. Вошъ, равно въ полночь, пихонько выходишь онъ изъ Кракова, гдѣ служилъ лекаремъ, и пришедши на подгорье (*), начинаешъ громко звашъ къ себѣ бѣса. Не долго дождался званого: спалъ онъ предъ нимъ, какъ лиспъ передъ правой. Они, какъ водилось въ шо время, и заключили между собою коншпракшъ. Дьяволь, шущъ же, на колѣняхъ, написалъ длинный циркуляръ, кошорый Твардовскій и подписалъ собшвенною кровью, выдавленною изъ средняго пальца руки. Между многими условіями было одно, главное: чшо до шѣхъ поръ чоршъ не будешъ имѣшь никакого права на душу и пѣло Твардовскаго, пока не поймаешъ его въ Римѣ. —

Въ силу вшихъ-шо условій, велѣлъ Твардовскій дьяволу, какъ собшвенному слугѣ своему, прежде всего снесши со всей Польши серебро въ одно мѣспо и шамъ засыпашъ его хорошенько пескомъ. Мѣспомъ для вшого назначилъ онъ Олькушъ. Послушный слуга исполнилъ его приказаніе, и изъ вшого-шо серебра ошкрылись главные серебряные рудники въ Олькушъ.

Велѣлъ Твардовскій сдѣлашь ему пошомъ и другое дѣло: приказалъ ему принесши къ *Песочной скаль* огромный камень, и пошпавишь его шамъ на вѣки вѣчныя, опрокинувъ къ землѣ ошпрымъ концомъ. Послушный слуга исполнилъ волю своего господина, и пошпавилъ камень, кошорый спшишь и до сихъ поръ, и называешся *Соколей скалою*.

И все, о чемъ бы онъ ни задумалъ и чего бы ни пожелалъ, все вшо являлось по его призыву: ѣздить онъ на рисован-

(*) Podgórze, часть города.

номъ конѣ, лешалъ безъ крыльевъ по воздуху, пускался въ далекой путь верхомъ на пѣшухѣ, и ѣхалъ на немъ скорѣе, чѣмъ на лошади; плавалъ съ своей коханкою по Вислѣ, пропивъ воды, безъ веселья и паруса, и зажигалъ спешкомъ деревни на разспойннѣ сна миль.

Приглянулась ему одна Панна и захопѣлось ему женишься на ней. Но эша Панна держала у себя въ пузырькѣ червячка, и общала пому шолько опдашь свою руку, ишо опгадаешъ, какой эшо червячекъ.

Твардовскій, у кошораго на лбу не было написано его имени, переодѣлся пошчасъ въ лохмошья нищаго, и пришелъ къ красавицѣ Панинѣ. И спрашиваетъ она у него, показывая издали склянку:

»Что шущъ за звѣрь, червякъ или ужъ?

»Кшо опгадаешъ, пошъ будешъ мой мужъ!»

А Твардовскій ей въ опвѣщъ: »эшо пчелка, прекрасная Панина!»

Угадалъ и женился какъ разъ.

Пани Твардовская посшавила на рынкѣ, въ Краковѣ, маванку и продавала въ ней горшки и посуду. А Твардовскій, переодѣшннй богашымъ Паномъ, проѣзжая съ многочисленною дворнею, приказывалъ всегда бишь ихъ; самъ же смѣялся и пѣшилъ, развалившись въ богашой повозкѣ, когда жема проклинала и ругала его на чемъ свѣшъ спойишъ.

Золопа было у него, чшо пѣску, пошому чшо дьяволъ носилъ ему сколько душѣ угодно. Зашелъ одинъ разъ Твардовскій въ шемный лѣсъ, и забылъ съ собой свои чернокнижничьи снадобья. Задумалъ онъ думу крѣпкую, какъ вдругъ опкуда ни возъмись передъ нимъ дьяволъ, — спшалъ и шребуетъ, чшобы онъ безъ всякихъ опговорокъ опсправился прямо въ Римъ. Разгнѣванный чернокнижникъ силою своихъ закляшнй принудилъ бѣса бѣжашъ: скрежеща клыками со злости выдернулъ бѣсъ сосну съ корнемъ и шакъ ударилъ Твардовскаго по ногамъ, чшо одну разбилъ въ дребезги. Съ пѣхъ поръ началъ онъ хромашъ и съ пѣхъ поръ начали звашъ его *колченогимъ*. Наскучивши наконецъ шакъ долго ждашь души чернокнижника, дьяволъ принялъ на себя образъ дворецкаго и пришелъ просишь Твардовскаго, какъ искуснаго лекаря, будшобы на помощь къ своему господину. Твардовскій согласился и поспѣшилъ за посланнымъ въ сосѣднюю деревню, вовсе не зная, чшо въ ней господскій домъ назывался *Римомъ*.

Едва перешагнулъ онъ черезъ порогъ, какъ множество вороновъ, совъ и филиновъ налетѣло со всѣхъ сторонъ на крышку дома, и начали наполнять воздухъ своими злобными криками. Увидѣвъ шумъ Твардовскій, что дѣло плохо; шрепеща онъ спрѣхалъ, взявъ онъ къ себѣ на руки изъ колыбели маленькаго ребенка, шолько что окрещеннаго, и началъ нянчить, какъ вдругъ откуда ни возьмись въ избу дьяволъ въ собственномъ своемъ видѣ. Хошь онъ и былъ разодѣтъ впухъ — (на немъ была шреугольная шляпа, итменскій фракъ съ длиннымъ на брюхѣ камзолѣмъ, узкія и короткія панталоны и башмаки съ пряжками и баншами), — однакожь всѣ шопчасъ же его узнали; пошому что рога выглядывали изъ-подъ шляпы, когти сквозь башмаки, а сзади видѣлся хвостъ. Онъ уже гошовъ былъ схватить Твардовскаго, когда замѣшилъ важное къ шому препяшшнѣе: въ рукахъ у него былъ дышя, на которое онъ не имѣлъ никакого права. Но бѣсъ шаки нашелся; подошелъ онъ къ черно-книжнику и сказалъ ему: *шны чеспный человекъ, шляхшичь, а пошому verbum mobile, debet esse stabilem*

Видя шогда что нельзя измѣнить чеспному слову шляхшича, Твардовскій положилъ дышя въ колыбель; и вмѣстѣ съ своимъ сошоварищемъ вылетѣлъ чрезъ шрубу изъ избы.

Радосшно вскрикнуло шпадо совъ, воронъ, вороновъ и филиновъ. Летящъ все выше и выше. Твардовскій все еще переводящъ духъ; взглянулъ внизъ — видищъ землю; поднялся уже шакъ высоко, что деревни кажутся ему какъ комары, большіе города, какъ мухи, а самъ Краковъ какъ два паука разомъ.

Сжалось у него сердце онъ горесши: шамъ ошавалось все, что было для него дорого, что привязывало его, и что любилъ онъ. — Поднявшись еще выше, гдѣ не шелохнулъ никогда въпра крыломъ коршунъ или орелъ Карпашскій, куда едва доходилъ взглядъ, — собралъ онъ изъ измученной груди ошпашокъ голоса, и зашѣлъ церковную пѣсню.

Тою пѣснюю была одна изъ каншашъ, кошорыя, бывало, въ своей молодости, когда онъ не зналъ еще никакихъ чаръ, когда еще душа его была невинною, шлагалъ онъ въ чеспъ Дѣвы Маріи, и пѣлъ ежедневно.

Голосъ его шерящся въ воздухъ, хошь и поешъ онъ онъ чиспаго сердца, и вошь горные паспухи, что пасли

подъ нимъ на горахъ spada, изумленные смотрятъ вверхъ, желая знать, откуда доходишь до нихъ священная пѣсня — голосъ Твардовскаго не пошелъ къ небу, но обратился къ землѣ, для того чтобы утвердить сердца людей въ покаяніи.

Пропѣлъ онъ всю каншашу: удивленный замѣчаетъ, что уже не лепить выше, что повисъ на мѣсѣ. Оглянулся кругомъ, — не видишь своего спутника; слышишь надъ собой громкій голосъ, прогремѣвшій ему изъ сивей пучи:

„Будешь висѣть такъ до самаго *суднаго дня!*“

Какъ повисъ онъ тогда, такъ виситъ и до сихъ поръ, и хотя слова замерли на губахъ его, хотя его голоса никто не разслышитъ, но спарожилы за нѣсколько лѣтъ передъ симъ въ полнолуніе указывали въ небѣ на черное пятнышко, какъ на шло Твардовскаго, повѣшенное тамъ до суднаго дня.

ЧУМА.

Сидѣлъ Русинъ подъ лиственницей. Солнце палило какъ огонь. Посмотрѣлъ онъ вдаль, — кто-то идетъ; всматривается — видишь женщину.

Видишь — идетъ вся въ бѣломъ, на длинныхъ ногахъ, какъ на ходуляхъ. Спрашно спало Русину, — хотѣлъ бѣжать, но ша длиною рукою удержала его.

— „Знаешь ли ты чуму? — я чума! возьми ты меня къ себѣ на плечи и обнеси по всей Руси; да смотри, не минуи ни города, ни деревни; вездѣ я должна побывать. Самъ ты не бойся, будешь здоровъ среди мершвыхъ.“

И сказавъ это, повисла она длинными своими руками на шеѣ Русина. Пошелъ Русинъ — только дивился, что не слышитъ на себѣ никакой тяжести; оглянулся — а чума сидитъ у него за плечами.

Вошь и принесъ онъ ее сперва въ городъ. Въ корчмахъ плясали, веселость видна была на лицѣ каждаго. Не успѣлъ еще онъ остановиться на рынкѣ, какъ чума махнула краемъ своей бѣлой одежды и въ ту-же минушу преобразились рывы пляски, и веселость исчезла съ лица каждаго. Куда ни обернешя Русинъ — съ ужасомъ видишь: несущъ покойниковъ, звонящъ въ колокола; кладбище полихонько; хорошишь негдѣ. А на рынкѣ грудями лежатъ шрупы, нагѣ, не-

погребенные. Пошелъ онъ дальше. Черезъ кошорую деревню ни пойдешь, шамъ всѣ дома пуспы: съ блѣдными лицами, шрепещущіе ошъ ужаса, бѣгущъ жипели на дороги, на поля, въ лѣса, и шамъ умирающъ въ мукахъ.

На высокомъ пригоркѣ спюла деревня, гдѣ жилъ самъ Русинъ. Тамъ осшавались его жена, дѣпи малъ-мала меньше и спарики родипели. Облядось шогда кровью бѣдное сердце Русина; ходишъ онъ кругомъ родной деревни; — крѣпко ухвацился руками за чуму, чшобы не сошла съ его плечъ. Ваглянулъ — видишъ, широко разлился голубой *Прутъ*, а за нимъ высядся зеленыя горы, а надъ нимъ поднялись черныя, а выше вшихъ напирющъ бѣлоснѣжныя. Не гадаю, не думая, бѣжишъ онъ къ рѣкѣ, — бухъ въ нее, хочешся ему упонушъ вмѣшпъ съ чумою, лишь бы избавишъ ошъ помору и испребленія родную, Русскую землю! Упонулъ онъ самъ, чума, чшд не шягопила плечей, не могла упонушъ въ водѣ.... Успрашенная шакою опвагою, бѣжала она далеко, въ лѣса, за горы. Такъ спасъ Русинъ свою деревню, своихъ родипелей, жену и дѣшей, и шу часшъ Русской земли, куда не понесъ онъ лихой чумы!

ИЗУРОЧЕННЫЙ.

I.

Надъ Вислою, въ каменномъ домѣ, жилъ былъ богатый шляхшичъ (*). Всѣ окна вшого дома выходили на широкую рѣку; не было ни одного ни къ споронѣ большой дороги, ни къ споронѣ большаго гумна. Длинная липовая аллея, кошорая вела къ дому, вся заросла шравою и куколюю, и, казалось, говорила, чшо не многіе изъ сосѣдей посѣщающъ впо уединенное жилище, чшо въ немъ не найдешъ прешняго гостепрїимства.

Владѣшель вшого дома уже около семи лѣпшъ переселился въ него изъ одного дальняго Повѣша. Кресшьяне не полько мало знали о немъ, но даже убѣгали ошъ него со спрахомъ: объ немъ ходили недобрыя слухи.

(*) Слѣдовало бы писать *Шляхцичъ*. Szlachcic.

Онъ родился на берегахъ Саны, онъ богатыхъ родине-лей. Онъ самой колыбели ему несчастливилось. Онъ былъ *изуроченъ* и одинъ взглядъ его приносилъ людямъ болѣзнь и смерть. Бывало лишь взглянешъ въ недобрый часъ на скошину — и скошина издохнешъ; похвалишь ли чшо — испор-пишся какъ разъ. Опець и машь умерли съ горя, а Панъ *изуроченный*, — шакъ всѣ звали его въ околлицѣ, продав-ши опщовское имѣнїе, переселился на берегъ Вислы, въ ка-менный домъ. Всѣ слуги его были имъ удалены, исключая одного спараго управителя, на рукахъ кошораго онъ выросъ, и кошорому шолько одному не вредили *недобрыя очи Пана*.

Рѣдко выѣзжалъ изъ дому Панъ *изуроченный*, пошому чшо вездѣ, куда онъ ни показывался, взглядъ его приносилъ бѣды, болѣзни и смерть. Если случалось ему выѣзжашъ, шо онъ бралъ всегда спараго слугу своего, кошорый предупре-ждалъ его при вспрѣчѣ съ прохожимъ или при видѣ дерев-ни или города.

Тогда Панъ закрывалъ несчастливые глаза свои или опускалъ ихъ и засмапривался на мѣшокъ съ горохомъ, кошорый всегда клали въ ногахъ его (*).

Зная гибельную силу глазъ своихъ, кошорые прошишь воли несли всюду бѣды и несчастья, *изуроченный Панъ* ве-дѣлъ выспроишь для себя огромный домъ съ окнами на Ви-слу, чшобъ не вредишь людямъ и не смошрѣшь на гумю свое, кошорое и шо уже два раза горѣло онъ его недобра-го глаза. Не смошря на эшо бурлаки проклинали *изурочен-наго Пана* и всегда съ ужасомъ указывали на большїя окна каменнаго дома, ошкуда не одному изъ нихъ принесло ли-хїа болеспи, а буря почши чшо всегда ломала и поршила суда, оставленные въ приспани напрошишь, какъ называли они, *Благо двора*.

Ошважился однажды одинъ бурлакъ подплышь на лод-кѣ къ *Блому двору* и посмошрѣшь на *изуроченнаго Пана*. Успрашенный слуга проводилъ смѣльчака въ споловую. На бѣду Панъ въ шо время обѣдалъ. Едва взглянулъ онъ на бѣд-

(*) Изуроченные глаза, обращенные на горохъ, не могли никому вредишь: шолько горохъ ссыхался онъ ихъ все болѣе и болѣе. Подобное же вѣ-дѣнїе оказываютъ глаза васликса на праву *руку*: при взглядѣ его она шерасъ свою зеленосшь и сѣжесшь.

наго бурлака, какъ шого схватила такая лихоманка, что онъ не могъ вымолвить слова и замертво упалъ на порогъ.

Спарый слуга по приказанію сердобольнаго Пана одарилъ его щедро деньгами и отвезъ домой. Долго хворалъ смѣльчакъ, и когда уже былъ въ соспояніи говорить, то рассказалъ бурлакамъ шакія спрасши про *Бѣлый дворъ* и про *изуроченнаго Пана*, что съ шой поры спали ихъ бояшся еще пуще прежняго и каждый бурлакъ, плывя по Вислѣ, со спрахомъ отшвращалъ глаза отъ *Бѣлага двора*, пошохонку шешпалъ молишву, ограждалъ себя креспнымъ знаменіемъ и дрожалъ какъ листъ при одной мысли о *недобрыхъ очахъ* грознаго Пана.

II

Десять лѣтъ прошло уже съ шѣхъ поръ, какъ *Бѣлый дворъ* спалъ спрашилищемъ всѣхъ околичныхъ рыбаковъ и жишелей. Никшо не посѣщалъ *изуроченнаго Пана* и несчастный влчилъ дни свои въ пишияѣ и уединеніи.

Наспала суровая зима. Волки спладами ходили кругомъ *Бѣлага двора* и оглашали окреспность своимъ пронзительнымъ вошемъ. Однажды вечеромъ *изуроченный Панъ* задумчиво сидѣлъ передъ плавающимъ каминомъ и перелиспывалъ какушо книгу.

Спарый слуга, по обыкновенію, заперѣвши двери, сълъ передъ каминомъ и принялся чинишъ сѣшь.

— А что, Спаниславъ, — спросилъ его Панъ, много рыбы наловили въ проруби?...

— Не шакъ-шо много, баринъ, да для насъ доспанешъ.

— »Правда.. — продолжалъ несчастливый богачъ — сполько лѣтъ прошло, а мы все одни, да одни. Несчастливъ шощъ часъ, въ кошорый произвела меня на свѣшъ машь!.. Живу какъ опшелъникъ, одинъ-одинокоекъ — люди бѣгущъ меня! И онъ оперъ слезы.

Въ шпу минушу послышался имъ съ большой дороги жалобный голось. Хозяинъ запрепешалъ отъ радости: шакъ давно не слышалъ онъ чужаго голоса! Спарый слуга выбѣжалъ изъ комнашы, а за нимъ, съ ночникомъ въ рукъ, и самъ *изуроченный Панъ*.

Передъ сѣнями они увидѣли крышыя сани, и подлѣ нихъ пожилаго мушину. При видѣ выходявшихъ изъ дому людей,

онъ вынесъ изъ саней лишенную чувствъ жену; а ошарый слуга помогъ выйти усшрашенной, молодой и прелесшной дѣвушкѣ, его дочери.

Скоро привели въ чувство мапѣ. Обрадованный хозяинъ велѣлъ принести нѣсколько бушылокъ спараго Венгерскаго, и радушно подчивалъ имъ опща прилеспной дѣвушки.

Сшарикъ слуга радовался, смощра на веселое лице своего господина, всегда скучнаго и угрюмага.

Согрѣшый спарымъ Венгерскимъ, гощь разсказалъ, какъ насшигнушье бурео, сбились они съ дороги, какъ всшрѣпили спашо голодныхъ волковъ, и какъ едва успѣли спашиссь опщъ нихъ на *Бѣломъ дворѣ*.

Скоро ушпружденные, оэдбнушье и усшрашенные пушники предались сладкому сну. И прежняя шишина воцарилась въ Бѣломъ дворѣ.

III.

На спѣнныхъ часахъ пробило часъ пополуночи: спшарый Сшаниславъ еще дремалъ передъ каминомъ, когда скринули двери хозяйской спальни, и опшсуда выпшелъ изуроченный Панъ. Удивленный слуга прощеръ глаза, и сказалъ сквозъ сонъ:

— Чшо, бѣдный баринъ, еще не спите?

— «Тише, тише, спшарый другъ мой!» опшвѣчалъ Панъ: спашъ не могу, да и не заснуть бы никогда, еслибъ былъ всегда шакъ сшасшливъ какъ шеперь.

И онъ сѣлъ на широкія кресла передъ каминомъ, улыбнулся и заплакалъ.

— «Плачь, плачь, бѣдняжка!» подумалъ Сшаниславъ: «можешь бышь выплачешь опщъ *изуроченья* несшасшливые глаза свои (*).»

— «Ахъ, еслибъ Богъ исполнилъ мои желанія!» говорилъ самъ себѣ *изуроченный Панъ*: «я ничего не желалъ бы болѣе на вшомъ свѣшѣ. Тридцать лѣшъ уже живу уединенно какъ опшпельникъ, какъ пресшупникъ, но никогда еще не осквернилъ себя недобрымъ дѣломъ. Только глаза мои, глаза мои! . . .»

И грушъ помрачила лице его.

(*) Прощой народъ ушверждаетъ, что искренній, сердечный плачь шладаетъ глаза опщъ *изуроченья*.

— «Мой спарый другъ!» сказалъ онъ, я хочу женишься!»

— «Дай-шо, Господи! ошвѣчалъ слуга — да гдѣ же найши вамъ, баринъ, суженую?»

При этихъ словахъ Панъ вспалъ съ кресель, подошелъ къ дверямъ комнашы, въ кошорой спали крѣпкимъ сномъ госпи, и, указывая шуда рукою, сказалъ шихо: «шамъ!»

Задумчивый Панъ пошелъ въ спальню, а спарый слуга, вымолвивши: «Дай-шо, Господи! шолько выросшущъ ли грушки на вербочкѣ!» — заснулъ крѣпкимъ сномъ.

IV.

Рано проснулся госпъ, но здоровье жены не позволило ему и думать объ ошвѣздѣ.

Съ радосшю узналъ хозяинъ, чшо госпи оспанулся у него еще на нѣсколько дней, и Спаниславъ начиналъ уже вѣришь, чшо дозрѣющъ грушки на вербочкѣ.

Госпемъ *изуроченнаго Пана* былъ шляхшичъ. Онъ былъ незажшпоченъ, но жилъ прилично, и не любилъ одолжашься никѣмъ. Привѣпливый хозяинъ пришелся ему по сердцу, и вошъ, однажды, послѣ недѣльнаго побыша въ его домѣ, сказалъ онъ женѣ своей:

— «Маргаршпа! нашъ добрый хозяинъ чшо-шо уви-ваешся около нашей Мары; да и она не прочь ошъ него. А вѣдъ не худо бы было? а?»

— «Да кажись чшо шакъ!» ошвѣчала жена, у кошорой на умѣ было шоже.

— «Человѣкъ онъ не убогой, не молокососъ; чего ему недоспаешъ?» продолжалъ мужъ, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнашѣ: «да и наша-шо дѣвка не кривая и не недороспокъ; можно бы ее и поблагословить.» И въ шопъ же день госпъ за опаканомъ Венгерснаго съ улыбкаю самодовольшвѣ слушалъ, какъ хозяинъ просилъ у него руки дочери.

— «Вы мнѣ нравишесь,» ошвѣчалъ онъ подумавши — и если о приданомъ не спрашиваеше и не шребуеше его, пущъ же и прядешся кудель въ вашемъ же домѣ, давайше намъ шолько дѣльныхъ сыношей! Черезъ шри мѣсяца женился *Панъ изуроченный*. Изчезли шрава и репейникъ въ липовой аллѣ;

умляли ихъ множествомъ коней и поозокъ, въ которыхъ приѣхали родные и друзья молодой Пани, на свадьбу въ Бѣлый дворъ.

Но черезъ нѣсколько дней снова все спихло попрежнему и липовая дорога попрежнему начала заросшась шравою и крапивою.

V.

Подходящъ и другая зима, а дѣшей все нѣтъ, какъ нѣтъ, — не даетъ ихъ Богъ. Разбѣжалась вся многочисленная, недавно принятая дворня, услышавши, что у Пана ихъ несчастливые глаза, да и нѣтъ, которыхъ оспались, принуждены были послѣдовать примѣру другихъ, испытавши тяжкія болѣзни. Молодая Панья спралада родами. Нѣжный супругъ боялся взглянуть на нее; онъ только пожималъ ея холодныя руки. Она знала, что у мужа ея были недобрые глаза, знала, что онъ ихъ увеличивался ея боли и спраладанія, и все-таки нѣжно любила его и умоляла о каждомъ взглядѣ:

— „Марія! — сказалъ онъ ей однажды, вздохнувши, знаю, что не буду съ тобой счастливъ, куда буду смотрѣть на тебя своими глазами, — выколи мнѣ ихъ... Вошь острый ножъ; онъ швоей руки мнѣ не будетъ больно!“

Зашрепешала молодая жена его при ужасномъ желаніи, а *Панъ изуроченный* бросился въ кресла и принялся горько плакать.

— „На что же мнѣ эшонтъ даръ Божій, на что чувство зрѣнія, когда взглядъ мой приноситъ одиѣ лишь бѣды? Ты спраладаешь, Марія; вѣрю тебѣ; не одна шы спраладаешь; засыхаешь даже дерево, когда взгляну на него въ недобрый часъ... Успокойся, другъ мой, дшпя наше не увидишь моихъ глазъ; они не повреждать ему, не будетъ оно проклинашь памяши опща своего!“

Рыданіями ошвѣчала ему опраждушая супруга.

Панъ изуроченный вышелъ изъ комнаты, оспавилъ въ ней спараго слугу и вскорѣ два различныхъ крика огласили два противоположные конца Бѣлаго дома.

Въ спальнѣ заплакало новорожденное дшпя; изъ госпиной раздавался болѣзненный мужской крикъ. Плачь дшпяши совѣщала появленіе его на свѣтъ, возвѣщала, что оно узрѣ-

до первый лучь солнца; — мужской крикъ — что онець ново-рожденнаго разспался съ нимъ навсегда. — Два глазъ, какъ два кристалла, вмѣстѣ съ окровавленнымъ ножемъ, упали на полъ.

VI.

Черезъ шесць лѣтъ уже были пробины окна и съ другой стороны дома, откуда виднѣлась обширная долина и гумна; — черезъ шесць лѣтъ бурлаки нашли выгодную приспань подь самымъ *Бѣлымъ дворомъ*. Пани веселая и здоровая, любовалась на прелесшную какъ Ангедъ -- дочку, кошорая ве-ла подь руку слѣпаго ошца.

Креспьяне, убѣгавшіе ошъ *изуроченнаго Пана*, шеперь уже не бѣгали при видѣ слѣпаго барина и дилпаша. Изчезла прежняя могильная шишина: дворовые люди и челядь наподняли нѣкогда уединенный *Бѣлый дворъ*.

Спаниславъ зарылъ въ саду глаза своего господина.

Разъ какъ-шо, побуждаемый любопытешвомъ узнать цѣлы ли они, разрылъ онъ землю и взглянулъ на нихъ. Спрашныые глаза искрились какъ двѣ свѣчки, и едва блескъ ихъ ошразился на изрышомъ морщинами лицѣ его, онъ задрожалъ весь, упалъ и умеръ.

Въ первый и въ послѣдній разъ повредили старому слугѣ глаза *изуроченнагс Пана*! Долго ходила молва, что ошъ шого шолько прежде не вредили ему глаза, что Панъ любилъ его и что сердце его ошнимало у нихъ силу. Тенерь же, зарышые въ землю, они онова испытали свою адскую силу и умершвили вѣрнаго слугу.

Горько плакалъ по немъ слѣпой Панъ. Онъ пошпавилъ ему красивый памяшникъ съ креспомъ, кошорому всегда молились бурлаки, когда входили въ приспань подь *Бѣлымъ дворомъ*.

С. П.

ИСКУСТВО ПЕЧАТАТЬ ОБЪЯВЛЕНІЯ. Многіе купцы большіе искусники печашашъ объявленія; шеперь они придумали для эшого новую хипросшь. Имено:

Они печашашотъ въ какомъ-нибудь журналѣ исторію воровшва, въ кошорой разскашывашся, что одинъ молодой

плушъ, приходя въ обширныя и блестящія магазины господина... ну, кого бы шо ни было, шоргующаго бѣльемъ, или духами, или шелковыми шоварами, крадь ворошнички, макас-сарское масло, или фуллры. Анектошъ обыкновенно прикрапешъ подрошноспями о возрастѣ и одеждѣ плуша, о шомъ какъ его взяли, объ искусствѣ городского сержанша, кошпый поймалъ его на самомъ дѣлѣ.

Блеспашельноспъ выдумки эпого рода объявленій основываешся на шомъ, что журналы имѣюшъ обыкновеніе одинъ другаго списывашъ, и объявленіе шакимъ образомъ перепрыгиваешъ съ листка на листокъ, безпреспашно повшорлешся, а за припечатаніе плашится однажды!

НЕОЖИДАННОЕ СЧАСТІЕ. Недавно молодой человекъ изъ Белгіи, живши въ Венсенѣ у чепечницы, получилъ съ почшпы письмо изъ Геншпа. Прочитавши письмо, онъ такъ громко за кричалъ ошъ радости, что хозяйка прибѣжала на его крикъ. »Радуишесь, сказалъ онъ ей, вы имѣете 4,000 франковъ.«

Хозяйка не знала, вѣришь ли ушамъ своимъ; но дѣло скоро объяснилось: молодой человекъ далъ себѣ обѣщъ, подарить 4,000 франковъ шому, у кого онъ будетъ жить, когда получишь извѣстіе о кончинѣ своей богашой родшвенницы въ Геншгѣ. Наконецъ родшвенница умерла 105 лѣшъ ошъ роду, и оспавила послѣ себя около 6 миллионшвъ франковъ, изъ числа кошпрыхъ на долю молодаго человека приходилось около 600,000 франковъ. Онъ исполнилъ свой обѣщъ, и шеперъ у чепечницы въ 4,000 франковъ домъ.

ОВМАНЪ ЗА ОВМАНЪ. Американскій корабль, попавшисъ между подводныхъ скаль у Бермудскихъ оспрововъ, ни взадь ни впередъ не могъ двинушъся. Черный лоцманъ, случившійся на шу пору, взялся вывести корабль изъ ошчаяннаго положенія за 200 долларовъ; шаспливо кончивъ свое дѣло, онъ получилъ условную плашу, и медленно удалялся въ своей лодкѣ. Не прошло и полчаса, какъ корабль снова очушился между скаль, и оспавленъ былъ въ положеніе опаснѣе прежняго. Капштанъ въ первомъ порывѣ гнѣва хошѣлъ было спрѣлать по Негру, кошпый былъ недалеко; но одинъ Негръ могъ спасши корабль, и его ошяшъ позвали: упрекали Негра за шо, что онъ не сдержалъ обѣщанія, но Негръ равнодушно ошвѣчалъ,

что его обязанностию было только вывести корабль из опасности, а больше отъ него ничего и не требовали. Но если дадутъ ему еще 300 долларовъ, то онъ доведетъ корабль до пристани. Долго спорговались, и наконецъ сладили дѣло за 200 долларовъ. Лоцманъ привелъ корабль въ лучшую гавань Бермудскихъ острововъ, и Капитанъ не оспаривалъ наказанъ его въ глазахъ Англійскаго правительсва. Грузъ былъ проданъ, и Капитанъ, не смѣя опсправиться въ море безъ лоцмана, обратился къ Негру, кошорого не забыть. Негръ съ охотою принялъ предложеніе, и, и выведши корабль въ безопасное мѣсто, хопѣлъ удалиться. Споу! закричалъ Капитанъ; мнѣ нужно кончить съ побою счеппы. Ты думалъ найши во мнѣ дурака; но ты ошибаешься. Помнишь ли 400 долларовъ, кошорые ты у меня укралъ! выдашь мнѣ ихъ ты не можешь, и я на шебъ ихъ вырчу. Негра связали и бросили въ прюмъ. Спусти нѣсколько дней корабль оспановился въ гавани Южныхъ Шшашовъ, и Капитанъ продалъ лоцмана за 400 долларовъ.

УЖАСНЫЯ СЛѢДСТВІЯ ФАНАТИЗМА. Городъ Флоренція, обыкновенно спокойный въ другое время, недавно былъ шеапромъ спирашнаго происшествія. Князь Корсими имѣлъ у себя въ услуженіи Негра, по имени Замора, Магомешанскаго закона, кошорый влюбленъ былъ въ Марію Нунціашу Рольдени, ревностную Каполичку. Негръ, служа богатому барину, собралъ небольшое имѣніе, и родители Маріи Нунціашы согласны были опдать за него свою дочь. Единственнѣмъ препятствіемъ къ браку была вѣра; всѣ усилія обратишь Негра въ Христіанскую вѣру были напрасны. Наконецъ опецъ Нунціашы пригласилъ Замора на домашнюю пирушку. Обѣдъ шелъ весело. Заморъ лишь только началъ ѣспъ говядину подъ рисомъ, какъ Нунціаша налила ему вина; но онъ опшолкнулъ его съ презрѣніемъ, и молодая дѣвушка сказала ему съ улыбкою: «ты больше не Магомешанинъ, пошому что ѣлъ свинину.» Эпи слова привели Негра въ бѣшенство. Онъ схватилъ ножъ, и вонзилъ его въ сердце своей нарѣченной. Родители поспѣшили на помощь своей дочери, но Заморъ бросился на опца и поразилъ его ножемъ; пошомъ кинулся на мать. Сыкъ, заслоня ее собою, звалъ на помощь. Но ножъ пронзилъ сердце бѣдной женщины, и вслѣдъ за нею упалъ мальчикъ, обагранный кровію. Двое кара.

бинеровъ прибѣжали на крикъ жершнъ; но Заморъ вооружился ружьемъ, кошпорогъ попалось ему въ руки, и одинъ изъ карабинеровъ палъ, пронзенный пулею на самомъ близкомъ разстояніи. Его товарищъ выспрыгнулъ изъ карабина, и повергъ Негра мертвымъ. Правосудію оспавалось шолько освидѣтельствовашъ шесть шруповъ и велѣшь ихъ зарышь.

БЕЗУМНЫЕ ВЪ ИРЛАНДІИ. Судя по тому, въ какомъ уваженіи въ Ирландіи безумные, должно думать, что въ этой землѣ шакъ же, какъ въ Турціи, имъ приписываютъ божественное вдохновеніе. Рѣдко крестьяне позволяютъ себѣ грубое слово, сердитое или презрительное выраженіе прошивъ эшихъ несчастныхъ, кошпорокъ въ Ирландіи, равно какъ въ Шотландіи, называютъ пошпически *невинными* или *дѣтьми природы*. Однакожъ нѣкошпороы изъ эшихъ дѣшей природы въ высочайшей степени злобы, и всѣ чрезвычайно нахальны; не смотря на шо, во всякой хижинѣ находятъ пріюшь и угощеніе. Рѣзъ когда-шо я разговаривалъ съ бѣдною женщиной, у кошпорой одинъ изъ эшихъ *невинныхъ* укралъ половину хлѣба. „Ушѣшь-ся, говорилъ я ей, недавно вышелъ указъ о бѣдныхъ, кошпороый вѣрно опшнметъ у нихъ всѣ средшва воровашъ.

— „Да, правда, опшвѣчала она, Билли несносный и безопшдыный воршшка, но Богъ его проспшштъ! онъ не имѣетъ ума лучше весши себя, и всегда какъ будшо чего-шо недошпаешъ, когда его нѣштъ у насъ въ домѣ. Бѣдный Билли умрешъ, если его заперешъ въ чешырехъ спѣснахъ; несчастные, подобные Билли, невинны. Сохрани насъ Богъ опъ шакого несчастшя!“

Анекдоты лучше объясняютъ дѣло, нежели описанія, и я разскажу ихъ нѣскольکو. Ларри изъ Лекслипа былъ добродушный дуракъ; почти всякій незнакомецъ, при вспрѣчѣ съ нимъ, получалъ опъ него какой-нибудь подарокъ, полевой прѣшокъ, соломенку, камень, что шолько случалось у него въ рукахъ на шу пору. Между шѣмъ онъ былъ не совѣмъ чеспенъ и, по пословицѣ, кралъ у Пештра, чтобы заплашшъ Павлу. Онъ особенно любилъ молодого Викарія, кошпороый покровительствовалъ одному приходскому Священнику; однажды упромъ молодой монахъ сидѣлъ за завшпракомъ, когда Ларри постучался къ нему въ окно. Окно опшкрышо.

— Я принесъ вамъ подарокъ, сказалъ Ларри.

— Какой? покажи-ка, ошвѣчалъ Викарій.

— Угадайше.

— Яйцо?

— Нѣтъ, больше.

— Землянику?

— Не угадали; больше.

— Чпожъ шакое?

— Я знаю, чпо вы любите Ларри, и Ларри умѣете бытъ благодарнымъ. У Священника естъ парикъ, а у васъ его нѣтъ; эшо не законно, шѣтъ болѣе, чпо вы любите Ларри, а Священникъ его не любитъ. Чпожъ я сдѣлалъ? я принесъ вамъ праздничный парикъ Священника; я долго его подсперегалъ, и наконецъ, завидѣвши его на болванѣ, взялъ и приношу къ вамъ. Позвольше надѣтъ его вамъ на голову! Сказано, сдѣлано; Ларри надѣлъ на Викарія парикъ, и спалъ плясать и пѣтъ.

Мнѣ приходитъ еще на память женщина, кошорая, обыкновенно, вечеромъ бродила по берегу моря, и всегда являлась пушь предъ наступленіемъ бури. Поселяне дали ей поѣшическое названіе *бурной птицы*. Спарый арендаторъ съ большею шоропливостію гналъ своихъ овецъ домой и осматривалъ свой анбаръ, когда примѣчалъ, чпо безумная скипалася по скаламъ. Ни одинъ рыбакъ не ошваживался пу-скашся на челнѣ въ море, завидя край ея маншии. Она сполла у моря съ плачевнымъ и безушпнымъ видомъ; пока завываніе въшра и бушеваніе волнъ не разгоричали ея воображенія; шогда какъ будшо овладѣвалъ ею духъ бури; она кричала, хлопала въ ладоши, звала къ себѣ волны и уподоблялась царицѣ, кошорая гнѣваелася на подданныхъ. Пошомъ вдругъ она схватывала голышъ на берегу, о кошорой съ пѣною разбивались волны, и бросала его въ море съ презрѣніемъ; срывала пучекъ морской шравы, кошорую дѣши называютъ *лентами сиренъ*, обвивала вокругъ головы, и обращалася съ рѣчами къ небу и облакамъ. Никпо не смѣлъ встрѣшиться съ *бурной птицей* въ минушы эшого испушленія, и шолько клали ей на дорогѣ пицу, сосшоящую въ каршо-елѣ и кускѣ чернаго хлѣба. Прибрежные жпшели всему любяшъ да-

ваше романтическое происхождение; ошшого носились олухи, будшо женихъ вшой несчастной, догнбъ въ морѣ, и его смерть лишила ее разсудка.

Нѣкошорья древнїя фамилин за удовольствїе стипаюшъ держашъ у себя вшихъ полумумныхъ кошорые съ живопнымъ инстинктомъ привязываются къ своимъ благодѣшелямъ. На охонтъ они часшо замѣняютъ гончихъ собакъ, умѣютъ опыскашь нору лисицы, и загоняютъ перепеловъ и куропатокъ для охощника. Въ домѣ молодой наследникъ соспавляетъ предметъ самой нѣжной ихъ внимательности; они играютъ съ маленькими дѣшьями и забавляютъ ихъ; пишатся ошпанками со шшоло господъ; стѣнникъ служилшъ для нихъ спальнею, пукъ соломы они предпочитаютъ самому мягкому пуховику. Не во всѣхъ домахъ въ Ирландїи рады шакимъ-госшямъ; но они вездѣ шерпимы, и всякїй опаромодный дворянинъ почитаетъ безумнаго наследшвенною принадлежностїю своей *свиты*; въ шакихъ домахъ шшолько же забашался о мѣшпечкѣ для дурака, какъ и о конурѣ для собаки.

БЛАГОДАРНОСТЬ МОШЕННИКА. Однажды къ Геноку, славному зубному врачу въ Парижѣ, пришелъ человекъ, у кошораго челюшъ была въ шакомъ жалкомъ состоянїи, что пребывалось все искусство врача для излѣченїа спраждушцаго. Генокъ немедленно садился за работу, и спушя два часа больной чувшвуешъ себя лучше. Врачъ вышелъ въ сосѣдную комнату, что бы позвать къ себѣ людей; возвратившись онъ нашелъ спулъ, гдѣ сидѣлъ больной, пущымъ, и на другой день получилъ слѣдующую записку: »Милосшивый государь, я необыкновенно дѣвно ваше искусство и пошому вчера къ вамъ приходилъ. Въ знакъ благодарности я увѣряю васъ, что въ леченїе 5 лѣшъ вы безопасны опш всякаго воровшва.« На адресъ написано: »Самый ловкїй мошенникъ искусствѣшему зубному врачу.«

СМѢСЬ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ.

БЕРТА И РОБЕРТЬ.

Однажды Робертъ, Французскій Король, прогуливался въ саду съ супругою своею Бертой. Берта была печальна. »Чего тебѣ недоспашь, другъ мой?« говорилъ Король: »мѣну у тебѣ вдоволь, пряди да и помяко; ковры вышивашь ешь тѣмъ — шерсти много. Наши спада многочисленны, луга зеленые, нивы золотятся богатою жашвою; у насъ двѣспи марокъ въ запасъ . . . мы богашы: нечего гнѣвить Бога.«

— Все шакъ — ошвѣчала Берта — я вѣсѣмъ довольна съ шобою, мой добрый супругъ; но мнѣ груспно, когда я подумаю, что Папа хочешъ насъ разлучишь, называя нашу любовь позоромъ въ очахъ общей нашей мапери Церкви. И съ чего онъ взялъ называть меня незаконною швоею женою? —

»Не безпокойся!« сказалъ Робертъ: »нашъ бракъ совершешъ въ присушспвіи Епископовъ моего государспва и предъ лицемъ Бога. Я не боюсь Папскаго гнѣва; гошовъ понесли какую угодно впишимію за наше родспво, но никогда не нарушу своей кляшвы. Надѣйся на мою любовь, Берта!«

— Ахъ! просши меня! — сказала Берта заливаясь слезами: — я слабая женщина, ношу залогъ нашей любви подъ сердцемъ; а Григорій Шяпый шакъ власполобивъ! —

»Но я самъ слуга Божій и мапери нашей Св. Церкви, а не рабъ Григорія, и чшобы ни сдѣлалъ онъ, шы все однакожь моя жена, моя добрая Берта.«

Разговаривая шакимъ образомъ, они дошли до ручья, обмывающаго садъ; сѣли въ лодку и доѣхали до сада; принадлежавшаго къ дворцу Фермъ; шупъ долго прогуливались и наконецъ вышли воротами у Сень-Жерменскаго Аббашспва въ предмѣспіе. »Я намѣренъ показашъ тебѣ одно мѣспно, которое тебѣ вѣрно понравишся!« сказалъ Робертъ женѣ своей.

Прошедши предмѣстіе, они очутились въ долину, по дорогѣ Исской (Issy). Долина, красовавшаяся зеленью и цвѣтами, обсажена была пѣнистыми деревьями. »Здѣсь мнѣ лучше нравился, нежели въ городѣ!« воскликнула Берша.

— Да! если угодно будешь Богу — сказалъ Король: — по ты скоро будешь здѣсь жить и дашь мнѣ малюшку, кошпорымъ благословишь насъ Господь! —

И въ самомъ дѣлѣ, Берша увидѣла множество рабочихъ, начинавшихъ строити прекрасный дворецъ. Она поначасъ догадалась, что Король изъ любви къ ней окружаетъ себя такимъ великолѣпіемъ, и въ восторгѣ сказала, указывая на дворецъ: »пусти же будешь его имя Воверъ (Vauvert) (1)«

Между тѣмъ Робертъ и Берша жила не совсѣмъ покойно: Папа Григорій V по прежнему не признавалъ законности ихъ союза, какъ родственниковъ въ четвертомъ колѣнѣ; хуже всего было то, что Берша доводилась кумою Роберту.

Король былъ набоженъ и милосивъ къ бѣднымъ. Прилично было видѣть, какъ онъ у налад, съ короною на головѣ и со скипетромъ въ рукѣ, оглашалъ своды храма божественными пѣнопѣніями. Онъ призвалъ въ Францію монаха Гвидо, уроженца города Аренцо въ Италіи, чптобы выучиться у него паршесному пѣнію, потому что въ ту пору пѣли только одноголосно; Гвидо обогатилъ также гамму двумя нотами. Робертъ заставилъ пѣть словословія Божіей Матери и сшихры Свѣтымъ дѣвамъ, а самъ вшорилъ имъ на арфѣ, между-тѣмъ какъ его оруженосцы и придворные играли на флейсахъ.

Это удовольствіе было столь необыкновенно въ то время, что многіе мѣли отъ восторга. Прелаты и монахи называли его дьявольскимъ навожденіемъ и запретили подъ страхомъ оплученія.

Такъ проходило время у Бершы и Роберта, какъ вдругъ однажды явился къ намъ монахъ, аббатъ Флѣрійскій, по имени Аббонъ; онъ былъ важный сановникъ и другъ Папѣ Григорію. Онъ сказалъ: »Привѣтствую васъ, Робертъ Французскій, и васъ, Берша Графиня Шаршрская!«

(1) На мѣстѣ этого дворца былъ въстроены впоследствии монастырь Шаршрскій; и шеверъ развалины его видны близъ дворца Люксембургскаго.

— Почему жь не Королева, почтенный аббатъ? — спросилъ Король.

»Тышло Королевы принадлежишь супругъ Короля,« отвѣчалъ монахъ: »а св. опецъ послалъ меня вамъ объявишь, что Церковь, на Соборъ, лишила этого званія Бершу, Графиню Шаршрскую. Св. Церковь объявляетъ вашъ бракъ незаконнымъ, повелѣваетъ вамъ опослать Бершу назадъ, и обонимъ очистиши соблазнъ семилѣтнимъ покаянiемъ, подвергая васъ на это время оплученiю, запрещаая присушествовать при Богослуженiи, приобщаться Св. Тайнъ, и даже въ случаѣ смерти считаемиъ васъ недосшойнымъ погребенiя въ землѣ во всемъ вашемъ Королевствѣ.«

При этихъ грозныхъ словахъ Королева запрепала, а Король, объявннй гнѣвомъ, вскричалъ: — Ты очень смѣль, монахъ, что явлелъся ко мнѣ съ такими рѣчами! Ты забьль, что говоришь съ Королемъ Франци! —

»Сынъ Гуго Капета! ты забьль, что пресполь Франци доспался шебѣ измѣною, и вассалы швои опкажупся повиноваться оплученному похишшелю.«

Робертъ въ гнѣвѣ обнажилъ свой мечъ, чтообы убишь дерскаго; но Берша его оспановила.

На шреднiй день послѣ этой сцены, Берша разбудила своего супруга. »Для меня спранно,« сказала она: »вошь и заря занялась, а колоколь капели все молчншь!«

Робертъ прислушился, но услышалъ какъ будшо шумъ шолпы, необыкновенный въ эту пору. Онъ выглянулъ въ окно, и увидѣлъ всю площадь покрышую людьми, копорые воздѣвали руки къ небу и издавали шоны сокрушенiя.

Желая узнать о случившемся, онъ поспѣшилъ въ большую залу.

Всѣ его служштели находилсь шумъ. Всякiй споронился опъ него какъ опъ прокаженнаго; наконецъ онъ узналъ, что монахи, священники и весь причешъ еще до разсвѣта вошли въ церкви; что вынесли всѣ украшения и мощи святыхъ; зашупивши лампы, опрокинувши свѣчи и покрывши жершвенники чернымъ сукномъ, усыпавши полъ храмовъ пепломъ; священники, съ веревкою на шеѣ, влекли по землѣ кресль Спасштеля; пошомъ снявши языки у колоколовъ, заколошнвши наглухо церковныя двери, они выпшли на дворъ, держа обороченныя внизъ свѣчи, объявнвши оплученiе Бершы и Роберта,

запретили имъ и ихъ подданнымъ приносить молишки въ храмъ и приобщаться Св. Таинъ, до самой смерти.

При этомъ извѣстїи разгнѣванный Король, ведѣвъ встѣ вооружиться и разогнать духовенство, возвратился къ женѣ, чѣобы пригошовить ее къ ошгѣзду.

Возлѣ самага окна онъ нашель Бершу, лежавшую на полу безъ движенїа, и въ шо время, какъ онъ приводить ее въ чувствїе, до его слуха доносились съ площади спрашныя слова ошлученїа, кошорыя монахъ Аббонъ гремятъ печальнымъ и звучнымъ голосомъ:

„Да будущъ прокляпы они вмѣстѣ съ нечеспивыми! да будущъ прокляпы вмѣстѣ съ осужденными ада! да будущъ прокляпы въ день и ошлучены ночью! прокляпы внупри и внѣ своихъ дворцовъ! прокляпы, когда споянть или сядяпть, ѣдяпть или пьюшть, спяпть или бодрспивуюшть! прокляпы весною и ошлучены лѣпомъ! прокляпы осенью и ошлучены зимою! прокляпы въ настоящее время и въ вѣкахъ будущихъ! Да возсядутъ чужеспранцы на ихъ престолѣ! Да сдѣлаешся она женою позора! Прокляпы ихъ дѣши во чревш машери! Да обратшся для нихъ крещенїе въ осужденїе, и да погибнушъ они мечемъ! Да будущъ прокляпы лица ихъ, оспашки послѣ ихъ стола, и всякій, кто до нихъ доспронешся! Прокляпїе и ошлученїе всякому священнослужителю, кошорый доставитъ имъ шгѣло и кровь Спасшела, или навѣспитъ ихъ во время богѣзїа! всякому, кто понесешъ ихъ на кладбище или рѣшитъ ихъ зарышть! Да будущъ они прокляпы всѣми возможнымъ прокляпїями (1).“

Бывши въ обморокъ, Берша повидимому сохранияла чувствїа для своихъ несчастїй, и при всякомъ новомъ прокляпїи вздрагивала. Король былъ пораженъ гореспью, и, не желая оспавить свою жену, звалъ къ себѣ людей; но никто не шелъ на помощь.

Наконецъ Берша очнулась, и Король сказалъ ей: „ялягусъ при звукѣ вшихъ прокляпїй, чѣпо никогда тебѣ не покину: но шеперь не время предавашся гореспїи; надѣйся на милосердїе Божїе!“ Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, чѣобы пригошовиться къ ошгѣзду. Онъ надѣялся найши къ

(1) Подлинныя слова лѣпописи.

большой залъ всѣхъ своихъ людей, собранныхъ чувствомъ мести за оскорбленіе Короля и гоповыхъ всюду за нимъ слѣдовать; но не нашелъ никого. Напрасно онъ со всѣхъ силъ шрубилъ въ рогъ, одно ухо опивчало ему подъ сводами. Онъ прислонился къ колоннѣ, и придавилъ пальцами двѣ горячія слезы, брызнувшія у него изъ глазъ.

»Пойдемъ опсюда, Берша!« сказалъ онъ входя къ женѣ: »всѣ мои люди разбѣжались, пораженные проклятіями Аббова; побѣжимъ опсюда въ Воверъ; рабы, живущіе шамъ, вѣрно ничего не знаютъ о козняхъ Папы, и мы шамъ будемъ покойны.«

— Но какъ мы пойдемъ шеперь? — сказала Берша. — При свѣтѣ дня насъ можетъ расперзашъ эша полна, кошорая кричитъ подъ нашими окнами. Не лучше ли дождашься ночи?

Робертъ послушался.

Деспигши въ ночную пору до Вовера, они нашли двери дворца распворенными, спада безъ паспуховъ и собакъ. Королева не могла удержашься опть слезъ. »Мы покинушы всѣми!« сказала она.

Во дворцѣ сундуки сполди опкрытые, ялашь было улесено, все перебишо и раскидано; въ саду распенія были вырваны, зелень попопшана, все порублено.

Они хошѣли было бѣжашь; но куда бѣжашь? День прошѣлъ безъ всякихъ приключеній для несчастныхъ супруговъ; наступала ночь. Берша скоро заснула глубокимъ сномъ, пошому чшо женщины, подобно дѣшамъ, любяшъ спать послѣ слезъ; но Робертъ не спалъ. Вдругъ ужасный шумъ поражаешъ его слухъ.... крики спраданій, сапанинскій смѣхъ.... громовый шрескъ и звонъ цѣпей, ужасныя заклинанія, и среди смѣшенныхъ голосовъ слышно ужасное слово: проклятіе!

Берша пробуждается и бросаешъ въ объятія супруга.

— Не виновны ли мы въ самомъ дѣлѣ, чшо такъ жестоко наказываемся? — спросила однажды Берша своего супруга.

»Съ помощію магіи злодѣи могутъ все сдѣлашь!« опивчалъ сурово Робертъ: »но шяжкій грѣхъ обвиняшь. Небо въ несправедливостяхъ и ужасахъ, кошорые мы пспышываемъ.«

— Наши несчастія увеличиваются съ каждымъ днемъ — возразила Королева: — терпѣніе испощаешся, и мы все-таки будемъ принуждены успунить силъ. —

„Уступипшь!“ вскричалъ Робертъ: „никогда. Ужели я не законный отецъ и супругъ?“

— Однакожь я хотѣла бы примириться съ Церковью, разлучившись съ вами; я пойду въ мое аббатство Бургель и проведу оспальную жизнь мою въ постѣ и покаянїа, молясь за васъ всякій день. —

„Пожалуй!“ отвѣчалъ Робертъ: „если ты хочешь этого; за тебя я кляпвы не давалъ.“

Король написалъ Аббону: „духъ женщины слабъ, особенно, когда несчастїа плѣсныя соединяшся съ спраданїями души. Берпа просипшь васъ придши и обратипшь ее на путь спасенїа. Я ее не оспанаиваю, пошому что не хочу быти убійцею жены и дитяши.“

Приходило время родипшь. „Не будыте моимъ палачомъ“ говорилъ Берпа супругу: „не дайше мнѣ умерешъ осужденною; позовише священника. Спасише меня!“

Аббонъ явился. Робертъ угѣшалъ свою супругу, но долженъ былъ уступипшь мѣсцю монаху.

За раздирающими криками Берпы послѣдовало молчанїе Робертъ, бывшїй въ соседней комнатѣ, вспревожился.

Наконецъ Аббонъ подносишь Королю серебряное блюдо. Видя что-шо безобразное на блюдѣ, Робертъ спрашиваетъ: „гдѣ же младенецъ?“

— Вотъ онъ! — отвѣчаетъ Аббонъ — опгъ проклятаго союза ничшо не могло родипшься, кромѣ чудовища (*). —

Только мысль о спраданїяхъ Берпы могла ушипшь гнѣвъ Короля. Онъ хотѣлъ было идши къ роженцѣ, но Аббонъ его оспановилъ:

„Берпа возврапшлася въ лоно Св. Церкви и не желаетъ васъ видѣшь.“

Не смощра на это, Король вопель. Грустно было прощанїе супруговъ; Берпа отправила въ монастырь Бургель.

Графиня-Королева (такъ называли Берпу въ аббатствѣ) скоро возврапшала силы и здоровье, а вмѣстѣ съ нѣмъ она

(*) Берпа родила заносъ.

соскутила монастырскою жизнью. Григорій V умеръ, и она хотѣла испросить у его преемника разрѣшеніе на бракъ ея съ Робертомъ, и пыталась узнать мнѣніе Короля Французскаго на это по счесту. Робертъ отвѣчалъ посламъ ея: „Берша сама принудила меня къ этому разводу; я и до сихъ поръ чувствую тяжесть своей пошери, но въ жизни два раза не наслаждаюсь такою радостью. Кланяйтесь ей отъ меня,“ прибавилъ онъ: „какъ моей родственницѣ и кумѣ. Богу не угодно было, чтобы я далъ ей другое имя, которое она сама хотѣла оставить.“

Робертъ женился потомъ на Констанціи, которая сдѣлала его столь же несчастливымъ, сколько онъ былъ прежде счастливымъ съ Бершою!

В Е Ч Е Р Ъ .

Чаешо встрѣчаю я сумракъ пѣнистый
 Въ сѣни привѣтливой шпихихъ древесъ;
 Звѣзды горятъ въ красотѣ изумительной;
 Чудно рисуется поде небесъ.

*

Тучки несутся грядой бѣлоснѣжною;
 Свѣтлый полнокъ, извиваясь, шумитъ;
 Нивы лежатъ пеленою небрежною;
 Мѣсяцъ серебряный въ воды глядитъ.

*

Сладкія мысли, какъ цѣпь безконечная,
 Быстро парятъ надъ душой молодой;
 Разумъ прельщаетъ мечта скороспечная;
 Въ сердце нисходишь небесный покой.

*

Пылью исчезнуть заболы, спраданія ;
 Снова надежда во мнѣ оживесть ;
 Радость забытую, спроси, желанія
 Въ грудь на минушу она принесешъ.

Райскія думы изъ міра неслѣднаго
 Добрымъ предвѣсьемъ слепящся ко мнѣ ;
 Полный веселья, воспорга священнаго ,
 Я торжешвую шогда въ пишинѣ.

Что сокрываетъ завѣса грядущаго ?
 Кшо мнѣ опкроешъ судьбы приговоръ ?
 Годы ли счастья, быспро шекущаго,
 Или сулишь мнѣ — шоску и укоръ? . .

Съ шеплою вѣрой въ законъ Провидѣнія
 Я не ослабну въ несчастныи душой !
 Съ яркой слевой на очахъ умиленія,
 Въ рай вознесуся опраднои мольбой !

Дивную радость пошлюшъ небожншеля ;
 Скорбные дни увѣнчаешъ краса !
 Прочъ всѣ желанія! прочъ искушншеля!
 Будыше зашщшою мнѣ небеса!

Л—ск.

МОСКВА.

Въ глуши лѣсовъ непроходимой,¹
 Гдѣ вѣчно слышался звѣрей бродящихъ вой,
 Пуспынникъ жилъ, Букаль, надъ быспрою рѣкой,
 Хранимый дланью невидимой.
 Простая хижина, молишвы малый домъ,
 И въ немъ Креста изображенъе,
 Сосновый, бѣдный пынь кругомъ —
 Вотъ было все шогда пуспынное селенъе !
 Казалось, кшо къ нему проложншь шрудный путь ?

Быль можешь, сбившійся съ дороги
 Въ часъ грозныхъ бурь ночныхъ и общія шревоги,
 Зайдешь шуда одинъ прохожій ошдохнушь!

Казалось, въ жершву лишь забвенья
 Все здѣсь судьбой обречено:

И эпошь домъ молишь, и кровь успокоенья,
 Куда пустынноикомъ одно принесено

Въ грѣхахъ свяшое покаянье!

Казалось, все одной могилы доспоганье,

Все вмѣстѣ съ спарцемъ здѣсь умреть!

Замолкнешъ гласъ его, сокроенся слышныя —

И мрачная опяшь безлюдная пустыня

Права свои назадъ возьмешь!

.....

*

Смошрише: гдѣ-же эпошь боръ?

Гдѣ эщѣ шопи и шрасины?

Уже съ кремнистыя вершины

Сяешь къ вамъ креспомъ Спасишела Соборъ (*),

И спѣны шланушя съ высокими зубцами!

За сими-жь грозными спѣнами

Вы видяше Царей священныя, пышный Домъ!

Вы слышяше шумяшь повсюду восклицанья,

Гремяшь оружія, несущя ликованья,

И жизнью все кипяшь кругомъ!

О, вѣрно, добраго пустынноика моленье

На эпошь брегъ крушой, гдѣ мрачный боръ дремалъ,

Ошъ Неба призывало покровъ, благословенье —

И градъ, обширный градъ, какъ исполнить, возшгалъ!

Ошсюда, родину безцѣнную спасал,

Димитрій въ шрапный бой съ дружинами лешгаль (**);

Ошсюда Иоаннь къ Казани поспѣшал,

Войной ошмщенія въ Ордѣ Злашой гремялъ;

Здѣсь мошрый Годуновъ, ревнителъ просвѣщенья,

(*) Соборъ Спаса на Бору — первая церковь въ Москвѣ. Впрочемъ, эпошь Соборъ каменныя пошстроеныя нѣсколько моложе Успенскаго Собора.

(**) Димитрій Донской, на ошраженіе Мамаля.

Рукой державною науки насаждалъ (*);
 Здѣсь мудрый Алексѣй законы управленья
 Во благо родины писалъ (**);
 Здѣсь нашъ родился Пешпръ — и вопшь вѣнецъ всей славы,
 Всѣхъ пышныхъ почестей пивохъ!
 Отсюда пошекли всѣ новые ушавы,
 Какъ быспрыя спруи испочниковъ златныхъ!
 Здѣсь нашъ родился Флопъ и наши легіоны —
 Залогъ грядущаго величья и побѣды (***)!
 И удивленный ими свѣпъ
 Не зрѣлъ уже для нихъ нигдѣ, ни въ чемъ пренопы!
 Онъ, въ позднѣйшихъ временахъ,
 Какъ ахо, при Чесмѣ, Кагулѣ повшорились —
 И вновь со славою подружились
 При Нови, Рымникѣ, на Сенскихъ берегахъ —
 И лавръ зеленый завѣщали
 Россійскому Царю на Греческихъ поляхъ
 И въ дальнихъ Азіи спранахъ —
 И мощнаго Вождя спокрашно увѣщали.
 Но какъ исчислишь гдѣ края,
 Тѣ горы, доли и моря,
 Гдѣ нашъ парилъ Орелъ двуглавый —
 Пишомецъ брани, вѣспиникъ славы?

*

Взойдемъ мы на ашу вершину ближнихъ горъ (****),
 Гдѣ спелюпся внизу зелеными коврамы
 Обширные луга, гдѣ свѣплыми спруми

(*) Царь Борисъ Феодоровичъ Годуновъ особенно любилъ Европейское просвѣщеніе.

(**) Это относится къ Уложенію Царя Алексѣя Михайловича.

(***) Въ Москвѣ встроены первый бошникъ, который подалъ мысль Пешпру Великому къ сооруженію флота; здѣсь также образовался и его *Поплынная Рота* — начало регулярнаго войска въ Россіи. Правда, что Царь Борисъ Феодоровичъ Годуновъ имѣлъ уже около себя регулярную гвардію; но она, по всей справедливости, не могла назваться началомъ регулярнаго войска въ Россіи, ибо съ кончиною его увеличилась.

(****) Воробьевы Горы, съ вершинамъ которыхъ ошарывалась превосходнѣйшій видъ на Москву.

Волнуешься рѣка, и бросимъ быспрмый взоръ
 Опъ юга къ сѣверу — и что-же предъ собою
 Увидимъ мы тогда? Съ возвышенной главою
 Средь тысячи палатъ и храмовъ и домовъ
 Спощитъ чудесный Кремль, и блескъ его крещовъ
 Лазурный сводъ небесъ лучами разсѣкаетъ —
 И взоръ конца Москвы въ дали не достигаешь!
 О, сколько подвиговъ, бореній, дѣлъ благихъ
 Свершилось нѣкогда на сей земль священной,

И кровію сыновъ своихъ

И кровію враговъ средь битвы упоенной!
 Не здѣсь-ли доблесный Пожарскій нашъ гремѣлъ
 Перуномъ мщенія и казни?

Не здѣсь-ли сей герой, безъ страха, безъ болзни,
 Въ сомкнушыя ряды прошивниковъ лещѣлъ?

Тогда опчизны край, увы! былъ сиропюю:
 Въ немъ не было Царя! Но мощной онъ рукою
 Повергнувъ пришлецовъ, его намъ указалъ —
 И миръ и пишину опчизнѣ даровалъ!

И Кремль по-прежнему съ успешисшой вершины
 Ваглянулъ съ веселіемъ на градъ и на равнины!
 Объ эпошѣ спарый Кремль, какъ будпо о скалу,
 Въ нашъ вѣкъ разбился вся мочь Наполеона!
 Съ побѣдныхъ колесницъ онъ здѣсь сошелъ во-мглу,
 Какъ сходящъ въ мрачный гробъ съ возвышеннаго шрона!
 И пы, казалось, погибла вмѣстѣ съ нимъ,
 Москва, покрышая вокругъ опусшошеньемъ!

Пожаръ все испребилъ, и къ алшарямъ свяшнымъ
 Проникло мрачное безмолье съ запущѣньемъ!
 Но Царъ небесъ въ Своихъ неслѣдимъ пушяхъ!
 Ты съ новой красошой и славою возшла!

Глава Кремля вночь засіла

Въ зланныхъ, блиспающихъ лучахъ!

И вночь воздвиглся и храмы и чершогі!
 Народомъ заперлись безлюдныя дороги
 И голось зашумѣлъ на шоржищахъ швоихъ!
 Теперь, что съ красошой швоей, скажи, сравнишя?
 Въ гранишнихъ берегахъ рѣка швоа шпруишя
 И тысячи садовъ раскинулись по нихъ!
 Москва! Москва, о родина швашя!

Великихъ, доблестныхъ мужей!
 Красуйся, поржешивуй, всегда благословляя
 Удѣлъ своихъ счастливыхъ дней!
 Твой Царь рукою благодатной
 Щедроты на тебя рѣкой обильной льетъ,
 И вѣкъ швой въ пишинѣ опрадной
 Блаженствомъ новымъ процвѣтешъ.

Волковъ.

О Ф Е Л И И.

I.

Не здѣсь ли ты легкою пѣнью,
 Мой геній, мой ангелъ, мой другъ,
 Бесѣдуешь шихо со мною,
 И шихо лептаешь вокругъ?
 И робкимъ даришь вдохновеньемъ,
 И сладкій врачуешь недугъ,
 И шихимъ даришь сновидѣньемъ,
 Мой геній, мой ангелъ, мой другъ?
 То вдругъ опечалишь ужасно,
 То сердце обрадуешь вдругъ,
 А все улыбаешься ясно,
 Какъ геній, какъ ангелъ, какъ другъ.

II.

Стихомъ моимъ невзвучнымъ и упорнымъ
 Напрасно я высказывашъ хочу
 Порывъ души, но звукомъ непокорнымъ,
 Обманутый душой къ тебѣ лечу.
 Мнѣ вѣрился, что пламенную вѣру
 Въ душѣ швоей возбудишь шайный стихъ,
 Что грустною невольною, разгѣру
 Она должна почувствовашъ на мигъ.

Да! ты поймешь, поймешь — я это знаю,
 Все чѣмъ душа родная прожила —
 Вѣдь яжъ всегда по чувству угадаю
 Твой слѣдъ вездѣ, гдѣ ты хошь разъ была.

III.

Какъ Майскій голубоокій
 Зефиръ — ты, мой другъ, хороша,
 Моя-жъ, что Золова арфа
 Чутка и послушна душа!
 И спрунь у той арфы немного,
 Но вѣчно подъ чувствомъ живымъ,
 Найдешь она новыя звуки
 За новымъ дыханьемъ своимъ.

IV.

Сосна шакъ темна, хощь и мѣсяць,
 Глядишь между длинныхъ вѣтвей.
 То клонишь ко сну, то очнешься,
 То мельница, то соловей,
 То вѣтра нѣмое лобзанье,
 То запахъ фіалки ночной,
 То блескъ замороженной дали
 И вихря полночнаго вой;
 И сладко дремашь мнѣ и грустно,
 Чпо сномъ я надежду гублю.
 Мой ангель, мой ангель далекій,
 За чѣмъ я шакъ сильно люблю?

А. Ф.

I

З В Ъ З Д Ы.

Опъ чего всѣ звѣзды спали
 Неподвижною чредой,
 И любуясь другъ на друга,
 Не лепяшъ одна къ другой?
 Искра къ искрѣ бороздою
 Провеселся иногда,
 Но ужъ знай, ей жить не долго:
 То — падающая звѣзда.

II

КЪ ЖАВОРОНКУ.

Днемъ-ли или вечеромъ,
 Ранней ли зарей —
 Только бы невидимо
 Пѣлъ ты надо мной.
 Надолго заслушаюсь
 Звукамъ съ вышины,
 Будто вѣду пѣсенку
 Мнѣ поснѣе не ты.

III.

Р У Ч К А.

Прозрачную канву цвѣтами убирал,
 На мягкихъ клавишахъ, или съ вѣтромъ рѣзнымъ,
 Въ перчашкѣ крошечной, или по локошъ нагалъ,
 Поняшной граціей, движеніемъ роднымъ
 Ты говоришь со мной, мой бѣдный умъ волнуя
 Невольной спрасшию и жаждой поцѣлуя.

А. Ф.

ПРИВЫЧКИ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ.

Какъ Гомеръ пѣлъ свои стихи? Когда Дантъ писалъ свои, какая была у него привычка? Когда Шекспиръ обдумывалъ свои драмы или выводилъ жаркій разговоръ между дѣйствующими лицами, — что онъ при этомъ дѣлалъ? — Мы рѣшительно ничего не знаемъ. Скупое время все опияло, смолчало — и нѣтъ уже средства никакого узнать, какія привычки водились за этими славными поэтами въ минуны ихъ вдохновеній. Вотъ въ нашъ вѣкъ иное дѣло: поэты помельче, да за то ужъ всякая подробность ихъ біографіи замѣчена, все извѣстно. Знаете ли, что дѣлаетъ Викторъ Гюго, когда пишетъ стихи? — Онъ прохаживаетсѣ. — А Алфредъ де Мюссе? — Куришь трубку. — А Антони Дешамъ? — Третъ кулакомъ глаза. — Знаете ли, что дѣлаетъ Жюль Жаненъ, когда пишетъ спашейки для фельетона? — Разговариваетъ со всѣми, кто бы ни былъ около него, о вещахъ совершенно постороннихъ. — А Бальзакъ, когда сидитъ за повѣстями? Глохнетъ кофе большими чашками. — Прочія знаменитости Франціи современной такъ послушаютъ: Г. Теофиль Готье играетъ съ кошками; Г. Алфредъ де Виньи проводитъ пальцами по волосамъ; Г. Поль де Кокъ внюхиваетъ табакъ.... Наконецъ Альфонсъ Карръ самъ о себѣ доноситъ, что онъ имѣетъ обыкновеніе драпъ себя до того за усы, когда пишетъ, что хопъ кричатъ онъ боли. У всякаго свои удовольствія !..

ДУЭЛЬ.

(Парижское приключеніе).

М.^{***} былъ въ театрѣ Variétés.... При выходѣ, какой-то незнакомый ему человекъ, котораго видно черезъ чуръ хорошо пообедалъ, нѣсколько разъ ударилъ его ногами по пяткамъ.... М.^{***} разсердился, и обмѣнявшись сначала недружелюбными словами съ неучивцемъ, подъ конецъ обмѣнялся съ нимъ и каршочками.

На другой день ушромъ М.^{***} пошелъ къ своему другу, сообщалъ ему свое приключеніе, — и передавъ ему каршочку своего провинника, поручилъ узнать о намѣреніяхъ сего послѣдняго.

— А какъ онъ видома? спросилъ пріятель.

— Толста и не велика рослома, съ черными баненбаршами.

Черезъ часъ пріятель возвращается.

— Ну что?

— Дѣло успроено.

— А! А!

— На пистолепахъ въ десяти шагахъ.

— Какъ! ты не могъ уладить иначе?

— Нѣтъ — я прихожу къ нему; а онъ ужъ меня ждетъ, самъ отворилъ мнѣ дверь. — Выли Г-нъ де С^{***}? спросилъ я. — Я самый, отвѣчалъ онъ. — Я пришелъ къ вамъ опшъ.... Да, я знаю, прервалъ онъ меня, эшо ссора наша въ Variétés. — Точно такъ. — Какое же оружіе избираешъ вашъ другъ? — Но, мнѣ кажешся, можно бы.... — Ничего не лзя, сударь: вашъ другъ щакъ грубо обошелся со мною, что я не принимаю даже никакихъ извиненій. — Разумѣешся, я отвѣчалъ ему гордо, что пришелъ не за опшмъ. —

— Ну!

— Ну, какъ я сказалъ тебѣ, сей часъ, въ Венсеннѣ, на пистолепахъ, въ десяти шагахъ.

— Эшо однако очень непріятно.

— Да, конечно непріятно, — да ты ужъ видно былъ слишкомъ грубъ.

— Помилуй! въ умѣ ли ты? Онъ наступилъ мнѣ на ногу и пушъ же говоришъ: если вамъ эшо не нравился, я къ вашимъ услугамъ.

— Ахъ, мой другъ! ты какъ нибудъ запомашовалъ. Г. де С^{***} рассказывалъ мнѣ именно шо же самое, шолько объ тебѣ....

— Я увѣрю тебя.

— Нѣтъ, другъ. Мы вѣдь вчера хорошо пообѣдали.... ты видно пошерялъ съ шого память....

— Да вздоръ, брашець.

— Дѣлашъ нечего — поѣдемъ.

— Поѣдемъ.... Мнѣ совсѣмъ не нужно его крови.... За что мнѣ его убивашъ?... Онъ можешъ бышъ и предобрыи человекъ.... Я его едва ли и въ лицо узнаю....

— И мнѣ щакъ кажешся: примѣны, колпоры ты мнѣ далъ, совсѣмъ къ нему не подходяшъ. Ты говоришъ, что

онъ шлодстѣ, не великъ роспомѣ, съ черными бакеябаршами. А онъ напрошивъ — великъ, худоцавъ и блондинъ. Ну да поѣдемъ: фіакръ его внизу, нашъ поѣдетъ за нимъ.

— Видно чшо подпилъ я порядочно: право я ничего не чувспшвоваль.

Сѣли въ карету — опсправились — шелъ проливной дождь. — Пріѣзжають въ Венсенъ: прошивники сходяцца— всмаприваються другъ въ друга.

— А! господа, позволше замѣшишь, сказалъ М.^{***}, — шуптъ должно бышь какое нибудь qui pro quo: я не съ эшимъ господиномъ имѣю дѣло.

— Молчи, сказалъ ему шихо пріѣшель, вѣдь шы былъ пьянъ.

— Да, возразилъ Г. де С.^{***}, я шакже не съ эшимъ господиномъ обмѣнялся каршочками.

— Вѣдь эшо было, спросилъ М.^{***}, при выходѣ изъ Варьеше?

— Нѣшъ, эшо было при входѣ.

— При выходѣ.

— Нѣшъ, при входѣ.

— Да молчи ужъ, говорятъ тебѣ, — подхвалилъ пріѣшель М.^{***}, вѣдь шы былъ пьянъ.

— Вы мнѣ наспулили на ногу, сказалъ Г. де С.^{***}

— Нѣшъ, не я, а вы мнѣ. . . .

— Извините, я очень помню. . . .

— Впрочемъ, чѣя бы ни была вина, мы поссорились, сдѣлали другъ другу вызовъ. Тушъ нѣшъ никакого qui pro quo. Эшо были вы. Заржайте пистолешы, господа. Однако вопгъ чтѣо удившпательно: вы мнѣ казались гораздо шоще.

— Да знаете ли? Вѣдь и васъ я воображалъ гораздо шоще. . . .

— Замѣшно было, чшо вы хорошо пообѣдали, продолжалъ М.^{***}, между шѣмъ какъ секунданты опмѣривали шаги.

— Я! . . . помилуйше, я совсѣмъ вчера не обѣдалъ . . . я ужиналъ вечеромъ, а вы шакъ, казалось мнѣ, чшо порядчно. . . .

— Господа! на мѣспа, сказали секунданшы М.^{***}, спавши напрошивъ Г-на де С.^{***}, вынимаешъ изъ жилена каршочку своего прошивника, и прочишавъ ес, говоршшь: сшрѣдшйше, Г. де С.^{***}

— Нѣтъ, говоритъ Г. де С.^{***}, я никогда не спрыляю первый; вамъ, Г. Леонарь.

— Какъ, Леонарь?

— Это имя на вашей карточкѣ

— Совсѣмъ нѣтъ, это не мое имя.

— Да воптъ она.

— Да виго не моя карточка: мое имя — М.^{***}

Секунданцы подходятъ другъ къ другу... А! да чптожь виго значишь?

— При выходѣ изъ театра, я обмѣнялся карточкой съ какимъ-то мужчиной, который наступилъ мнѣ на ногу и опивчалъ на мое замѣчаніе: Если вы недовольны, воптъ моя карточка.

— Спранио, что же самое, сказалъ Г. де С.^{***}, случилось со мною, но при входѣ.

— Мой пропивникъ былъ шолспъ, не великъ ростомъ, съ бакенбартамп.

— Мой пакже шолспъ и не великъ ростомъ, — о бакенбарпахъ не помню.

— Онъ былъ пьянъ до упаду.

— Я не смѣлъ было замѣлить вамъ поже самое о моемъ пропивникѣ, въ той мысли, что это были вы.

— Такъ и ешь: мы нашли его.

Отъ объясненію къ объясненію.... и мнѣе пропивники разгадали наконецъ, что незнакомый шолспякъ, Г. Леонарь, сначала, при входѣ въ театръ поссорился и обмѣнялся карточками съ Г-мъ де С.^{***}, а потомъ при выходѣ изъ театра, онъ возобновилъ ту же самую сцену съ М.^{***}, но вмѣсто того чптобы дать ему свою собственную карточку, опидѣлся чужою, которую получилъ отъ Г-на де С.^{***}

— Это явная ошибка, сказалъ М.^{***}, да гдѣ онъ живешъ?

Посмотрѣли на карточку Г. Леонара: на ней не было адреса.

— Нѣтъ, это не ошибка, а очень остроумная хитрость, сказалъ Г. де С.^{***}: забавникъ подумалъ — если найдется два человека глухихъ, чптобы драмься за шакіе пушьяки, пускай ихъ и дерущел, а мнѣ до нихъ какое дѣло? —

НЕУСТРАШИМАЯ ЖЕНЩИНА. Курскъ время Екатерины былъ весь въ оврагахъ и лѣсахъ. Въ оврагахъ жилали разбойники, и по ночамъ забирались въ дома. Что тогда была за полиція — всевода съ полною мужиковъ! По эпому жиптели сами сперегли свои дворы. — Надъ оврагомъ сподля дожъ. Одна половина эпого дома была занята *свѣтлицами*, другая анбарамн, да кладовымн; а посрединѣ были длинныя сѣни. Въ сѣняхъ спала спаруха.

Въ одну лунную ночь эпта спаруха просыпается; смотришь — дверь въ сѣняхъ разтворена. Кличешъ свою внучку: »Наспаса, а Наспаса, что эпю у насъ дверь-то на крыльцо ошперна?... Да вопъ и въ кладовой пожъ! Ахши, бапюшки-свѣлы, ужъ не воры-ли?...« Зовешъ внука, скликаешъ весь дожъ. А воръ между пѣтъ возился надъ посудой. Но, услышавъ крикъ спарухи, онъ бросился изъ кладовой въ сѣни, и замахиувшись длиннхъ ножемъ на нее съ словами: »молчи, спарал, — или шупъ ты и не пикнешъ!« гошовъ былъ въ самомъ дѣлѣ спаруху ошправить на шопъ свѣтъ.

Иной бы шупъ опъ спаруху лишился упошребленія нравспвеннхъ и физическхъ силъ, осполбенѣлъ бы, и ни съ мѣспна. Но не шаква была спаруха; женщина дюжая и неробкаго десятика, схващилась она прямо за лезвее ножа... Воръ пащипъ ее на крыльцо; а она вора въ сѣни; вору жалъ съ ножемъ распалсъ, а спарухѣ съ воровомъ. Онъ пляешъ къ себѣ, она къ себѣ — и перешпгиваюпса.... Спарухинъ же внукъ между пѣтъ вскочилъ на полани, и кричипъ въ слуховое окно: »бапюшки, рѣжушь! Воры, воры — разбойники, помогите!!!« Часпые домики были сплочены одинъ къ другому. Сосѣди запумѣли — бѣгушь... Воръ бросаешъ ножъ и спаруху-героиню, а самъ съ поварищамн — давай Богъ ноги; скорѣй въ оврагъ. Преданіе объ эпомъ анекдотѣ еще очень свѣжо, и расказикъ ручаешся за его достоверность.

УЖАСНОЕ ЗЛОДѢЯНІЕ. Виліамъ Зедлеръ за убіеніе господина въ 1729 сосланъ на всю жизнь въ Бошани-бей, обыкновенное мѣсто ссылки Англійскхъ прешупниковъ. Зедлеръ убилъ Спимсова, своего господина, изъ любви къ Шарлопшѣ, женѣ несчастнаго, кошорая, подобно Ладн Мамбешъ, вооружила руку злодѣя, держала свѣчу въ шо время, какъ онъ вонзилъ въ грудь своей жертвы княжалъ, и подавала ему умышь руки.

Шарлошша заперлась предъ присланными въ шомъ, что была учаспницею въ преступленіи, и получила свободу, а Задлеръ одинъ пошелъ въ ссылку. Здѣсь онъ велъ себя оплично, обрабатывалъ ошведенную ему землю, и вскорѣ напшл порядочное соспояніе. Въ Бошани-беѣ каждый неженатый ссыльный можетъ выбирать себѣ жену изъ вновь прибывшихъ осужденныхъ, когда корабль приходитъ съ преступниками. Наконецъ и Вилліамъ Задлеръ выбралъ себѣ спшницю въ жизнь. Не смощря на слезы бѣдной женщины, просившей себѣ другаго мужа, ихъ обвинчали. Задлеръ привелъ жену къ себѣ въ домъ, привязалъ ее къ кровати такъ, что она не могла пошевельнуться, вырвалъ у нея глаза, зубы, есъ когти и въ заключеніе опсѣкъ ей голову. Совершивши это злодѣяніе, онъ пришелъ къ судѣ и сказалъ: предайте меня смерти, я опмстилъ. Изверга вали въ шюрму и узнали, что новая жертва его злодѣяніа была та самая Шарлошша, его прежняя любовница и учаспница въ преступленіи, сосланная за воровство, кошорой онъ опмстилъ за вѣроломство.

Вилліамъ Задлеръ скоро былъ повѣшенъ.

ОВЪ УСЛУГѢ, КОТОРУЮ ПТИЦЫ ОКАЗЫВАЮТЪ ЗЕМЛЕДѢЛЦЮ.

Въ Америкѣ поселенинъ несравненно больше цѣнятъ услуги, доставляемыя пшницами, кошорыя испробляютъ насѣкомыхъ, нежели у насъ въ Европѣ. Бакстонъ, написавшій еспешвенную испорію Пенсильваніи, съ величайшимъ оспроуміемъ спарается доказать въ ней пользу пшницъ. Вредны для хлѣбонашесшва шолько вороны, галки и голуби, но голуби вмѣстѣ съ зернами клюютъ также сѣмена расшеній, заглушающихъ нивы.

Всѣ другія пшницы по большой части полезны для сельскаго жшселя. Въ Виргиніи изданъ особенный законъ, запрещающій убивать коршунѡвъ, пошому что они очищаютъ воздухъ, сѣдая шрупы звѣрей. О многихъ пшницахъ думаютъ, будто онѣ клюютъ въ колосьяхъ зерна; а онѣ испробляютъ шольно насѣкомыхъ, опускающихъ поля.

Вообще пѣвчихъ пшницъ почитаютъ неприятельми нашихъ садовъ; но онѣ клюютъ не шолько вишни, сколько пауковъ и гусеницъ. Реполовы, порхающіе съ шакими удовольствіемъ по винограднымъ логамъ, щупутъ на нихъ не кшпей

съ ягодами, а мухъ и другихъ насѣкомыхъ, копорыя любятъ водиться въ виноградникахъ. Пусть же живутъ бѣдныя пвари; онѣ не похищаютъ плодовъ нашей работы!

Большая часть маленькихъ пшпичекъ изъ рода воробьевъ во всѣхъ опношеніяхъ имѣютъ право на наше покровительство; многія изъ нихъ клюютъ однихъ насѣкомыхъ, другія насѣкомыхъ и зерна; почпи всѣ доспавляютъ намъ удовольствіе своимъ пгніемъ. Вредъ, причиняемый ими, ничтоженъ, въ сравненіи съ услугами, копорыя онѣ намъ оказываютъ. Изъ всѣхъ пшпичъ, испребляющихъ насѣкомыхъ, особенно замѣчательнъ королекъ. Эпа маленькая пшпичка ищетъ сообщества съ человекомъ, вмѣсто того, чшобы его убѣгать. Во многихъ Шпашахъ Сѣверной Америки почпи у каждаго селенія въ деревняхъ спавяшъ на шеспу клѣтку, въ копорой королекъ вьетъ себѣ гнѣздо.

Наблюденія доказали, что каждая изъ эшихъ пшпичекъ въ продолженіе часа вылетаетъ покрайней мѣрѣ 81 разъ на добычу за насѣкомыми для своихъ шпенцовъ. Лепая по цѣлымъ днямъ сряду, онѣ ежедневно въ печеніе 12 часовъ испребляютъ до 600 гусеницъ и другихъ насѣкомыхъ въ нашихъ садахъ. А если взять въ разсужденіе то, что онѣ часпо приносятъ по двѣ и по шри гусеницы въ разъ, то наши сады кажде супки одолжены имъ уничтоженіемъ опшъ 1,200 до 1,800 насѣкомыхъ. Если нѣкоторыя пшпичы клюютъ и зерна вмѣстѣ съ насѣкомыми, то справедливостъ пребуетъ удѣляшъ имъ часть нашихъ плодовъ, копорыя онѣ берегаютъ. Въ опшомъ опношеніи больше всего заслуживаютъ нашей защиты аиспы. Опшого они какъ въ Голландіи, тамъ равно и на Воспокъ, въ уваженіи. Тамъ во всякомъ домѣ на срединѣ крыши есть родъ небольшого павильона, въ копоромъ аиспы вьютъ гнѣзда, выводятъ и кормятъ шпенцовъ. Лишь только они замѣчаютъ, что земледѣлецъ выходитъ на ниву проводитъ борозды, то вылетаютъ за нимъ и выбираютъ червей, копорыхъ вырываетъ плугъ. Насѣкомыя служатъ пищею имъ и ихъ шпенцамъ. Чужестранецъ, копорый бы вздумалъ заспрѣлишъ аиспа, вооружитъ противъ себя всѣхъ жшшелей селенія и подвергаетъ опасностпи собственную жизнь.

Въ шакомъ же уваженіи и кармулы во многихъ мѣспяхъ Турціи. Они сидятъ на кровляхъ и спускаются опшпуда, клевать мертвыхъ лошадей и пр. Въ городахъ эшой варварской земли нѣтъ другихъ средствъ для очищенія улицъ.

Компактное издание Исторіи Государства Россійскаго, соч. П. М. Карамзина, издание Г. Эйнерлига, съ полными примѣчаніями, въ 3 томахъ. Цѣна 50 рублей асс.

О, какъ сладко было взглянуть намъ на это объявленіе! Намъ показалось, что еще живъ нашъ златоустый писатель, что онъ вновь даритъ насъ бесмертными произведеніями пера своего, что мы скоро насладимся его волшебными гармоническими звуками, что мы ошдохнемъ душою среди эпош дикой разноголосицы, кошороу перзаемъ нашъ слухъ Петербуржская Липерашура. Юноши! бѣгите, бѣгите толпами къ эпому чистому источнику Русскаго слова, Русскаго ума, Русскаго и человѣческаго чувства. Не вѣрше, не вѣрше шѣмъ неучамъ, наглецамъ, невѣжамъ, кошорые швердятъ вамъ, что Карамзинъ успарѣлъ, и что у него учитья нечему. Вкусъ падаешъ, образованность прекращается, сказалъ бы я съ грустию, еслибъ замѣтить, что такое нелѣпое мнѣніе распространилось дальше шѣтшворной атмосферы шого болота, гдѣ оно возникло. Учите, учите и изучайте Карамзина, не принимайтесь писать, не знала шна шпраницъ наизустъ изъ его сочиненій, и будыше увѣрены, что безъ Карамзина нельзя сдѣлаться хорошимъ Русскимъ писателемъ, какъ нельзя безъ Ариематики сдѣлаться Математишникомъ, и что шолько шолтъ можетъ пойдти впередъ, ишо ознакомишя хорошо съ дорогою, имъ пройденною. Двадцашъ лѣтъ лѣтъ работала предъ вашими глазами, и уже двадцашъ лѣтъ принадлежа къ числу вашихъ наславниковъ, преданный душою просвѣщенію, любя искренно и словесность и опечешиво, я не могу дать вамъ совѣша лучше и полезнѣе.

Михаилъ Погодинъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чтобы по оппечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Февраля 16 дня, 1842 года.

Ценсоръ, Профессоръ Н. Крыловъ.

МОДЫ.

Въ магазинѣ Г-жи Thierry, споль разнообразной въ своихъ изобрѣшеніяхъ, появились слѣдующіе наряды, отличающіеся новостію и красою своей отделки. Для платья изъ Индѣйской кисеи, съ золотой стѣжкой и съ двойною юбкой, изъ которыхъ одна довольно длинна и обложена широкой стѣжкой, а другая гораздо короче, и спереди открыта въ видѣ фаршучка; лифъ — шюникъ, вышитый въ край; изъ золотой ткани поясъ, красиво обхватывающій талию; двойные рукава — первые гладкіе, а вторые спереди разрываемые и обложенные золотой стѣжкой — все это ново и прекрасно! Головной уборъ, состоящій изъ краснаго бархатнаго шюрбана съ золотомъ, довершаетъ сей прелестный нарядъ. Другой нарядъ — платье изъ обьяриной матеріи, убранный въ видѣ фаршучка узенькими бѣе, такъ что послѣ трехъ рядовъ бѣе идетъ рядъ бусъ, оканчивающійся кисточкой изъ бусъ же; лифъ у этого платья узкій, съ мысомъ, драпированный шройнымъ бѣе въ родѣ берты; плеча обложены бусами, которыя идутъ также вокругъ мыса и по среднему шву на лифѣ; рукава короткіе, съ тремя приподнятыми бѣе, обложенные въ край однимъ рядомъ бусъ, застегнутыхъ огромной кистью; такіе рукава совершенно открываютъ руки.

— Матеріи, употребляемыя болѣе другихъ для бальныхъ нарядовъ, суть слѣдующія: Коншан-

шипопольскій глазъ, узорчатая мапгарія *Giselle* крепъ — *Siam*, кисея — *Victoria*, барежъ — *Isabella*, и проч. — Для городскихъ же платьевъ предпочитаютъ: ашласъ, репсъ, гроденатль, дра-зефиръ, дра-де-суа, Русскій апласъ, *laines* — *moires*, *Bosphorines*, Московская мапгарія, и особливо бархашъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о шляпкахъ: въ общемъ употребленіи шляпки бархашныя зеленыя, съ приподнятою тульею, украшенныя зелеными перьями и гирляндой изъ дубовыхъ листьевъ. Многимъ нравятся также шляпки изъ Африканскаго бархашу, почти съ прямой тульей, чрезвычайно длинныя къ щекамъ и короткія по срединѣ поля, съ гирляндой бархашныхъ листьевъ. Очень хороши еще апласныя шляпки, строжемчужнаго цвѣта, съ приподнятою тульей, украшенныя перомъ, въ родѣ вѣпки плакучей явы, приколотымъ съ боку тульи и граціозно упадающимъ на плечо. Низъ поля обшитъ рюшемъ изъ блондоваго шюля. —

Изъясненіе картинки:

— Головной уборъ изобрѣщенія *Normandin*
Платье Викторины.

МОДЫ.

— Для бархатныхъ плашьевъ и вообще для плашьевъ изъ плотныхъ матерій употребляются плоскіе рукава съ двойнымъ швомъ, лифъ вынуженный на груди и воротъ, украшенный богато вышивкой берпой: плашья же изъ легкихъ матерій дѣлаются съ открытымъ лифомъ, драпированнымъ на груди и въ поясъ, и съ гладкими рукавами, ошь проймы до обшивки съ узенькими бѣе, обложенными кружевомъ; юбки у такихъ плашьевъ убираются чепырмя или пятью складками, обшитыми узенькимъ кружевомъ. Къ сему послѣднему наряду чрезвычайно идеть длинный поясъ изъ шафьяныхъ леншъ и головной уборъ изъ вышивки кисей, составленный изъ двухъ полосокъ неравной длины, украшенныхъ кружевомъ и двумя баншиками, подъ каждой полоской. Уборъ эшотъ такъ граціозенъ и легокъ, что чуть-чуть только прикрываетъ голову. — Надобно замѣтить, что помянутыя украшенія на юбкѣ не есть необходимо: мы видѣли нѣсколько балныхъ и шафьяныхъ плашьевъ, у коихъ юбки совершенно ихъ не имѣли; лифъ у эшихъ плашьевъ былъ узкій, рукава сверху широкіе и буфачные до самага локтя, длинный поясъ изъ шафьяныхъ леншъ, кружевная пелеринка, оканчивающаяся у самага пояса двумя баншами изъ леншъ, и ко всему эшому чепчикъ изъ вышивки кисей, обшитый вглядъ

премя рядами кружевъ, къ раздѣленію копорыхъ служишь руло изъ леншъ съ банпомъ на концѣ.

Но новостъ, заслуживающая особенное вниманіе любительницъ модъ — эшо шляпки изъ розоваго Африканскаго бархату, съ прямою шульєю, слегка наклоненною къ щекамъ и съ приподняшою немного верхушкою. Онѣ убираются Англійскимъ кружевомъ въ шри ряда, изъ коихъ первыѣ два ниспадающъ на поля и почти совершенно ихъ закрывающъ, а прешій красиво извивается на шульѣ; каждый рядъ отдѣляется другъ отъ друга бархатнымъ біе. Кромѣ махровой розы, приколошой съ каждой спороны у подвязушекъ, на шляпкѣ нѣшь другаго украшенія.

Изъясненіе картинки:

— Шляпка изъ магазина Baudry. Платье суконное. Салопъ изобрѣшенія de Deux Nuits.

МОСКВИТЯНИНЪ,

НА 1842 ГОДЪ.

№ 7.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

